D 59/209
т. 1

I-9 W266 Д 59/209

№ 99.

НАУКА И ЛИТЕРАТУРА

В Ъ

РОССІИ

ПРИ

ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

П. ПЕКАРСКАГО.

Удостоено отъ Академіи Наукъ полной демидовской преміи.

ТОМЪ I.

Введеніе въ Исторію просвѣщенія въ Россіи XVIII столѣтія.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1862.

Изданіе Товарищества «Общественная Польза».

Цѣна за оба тома 2 руб. с.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

въ новомъ помѣщеніи на Невскомъ проспектѣ, близъ Главнаго штаба въ д. Гамбса, равно и у всѣхъ книгопродавцевъ

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

БОТАНИЧЕСКІЯ БЕСѢДЫ

Б. АУЭРСВАЛЬДА И З. А. РОССМЕССЛЕРА.

Перев., **въ примѣненіи къ отечественной флорѣ БЕКЕТОВЫМЪ.**

Съ 48-ю хромолитографическими изображеніями описываемыхъ растеній и множествомъ политипажей.

Цѣна **3** р. **50** к., съ пересылкою **4** руб.

Превосходное сочиненіе это, есть полный трактатъ о Ботаникѣ написанный самымъ популярнымъ языкомъ.

Эта книга есть ни что иное, какъ передѣлка извѣстнаго сочиненія Э. Ле Мау (E. Le Maout): Элементарные уроки Ботаники, основанные на изученіи 50 самыхъ обыкновенныхъ растеній, встрѣчаемыхъ повсюду. Книга по простотѣ и основательности изложенія имѣла огромный успѣхъ за границею.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ ДЛЯ ЖЕНСКИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ И ДЛЯ ДОМАШНЯГО ОБУЧЕНІЯ

А. ГОРИЗОНТОВА.

Второе изданіе исправленное и значительно дополненное.

Со мног. полит. Ц. **2** р., съ перес. **2** р. **50** к. сер.

Царство животныхъ. Царство растеній. Царство ископаемыхъ.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ ФИЗІОЛОГІИ д-ра Руссдорфа и ЗООЛОГІИ д-ра Мазіуса.

Пер. и издано подъ ред. **СТРАХОВА И СЕНТЪ-ИЛЕРА.**

Со многими политипажами.

Цѣна **2** р. **50** коп., съ пересылкою **3** р. сер.

ЦАРСТВО ОБЛАКОВЪ ИЛИ ОБЩЕПОНЯТНАЯ МЕТЕОРОЛОГІЯ

СОЧ. Д-РА Г. БИРИБАУМА. Перев. и издано подъ редакціею. **А. М. НАУМОВА.**

Съ мног. полит. — Ц. **2** р., съ пер. **2** р. **50** к. с.

ОБЩЕПОНЯТНОЕ ОПИСАНІЕ УСТРОЙСТВА ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ.

Соч. **ВЕБЕРА.** Перев. подъ руководствомъ **Н. ВЫШНЕГРАДСКАГО.**

(Съ 90 политипажами.) Ц. **1** р. **50** к., съ перес. **2** р.

НАУКА И ЛИТЕРАТУРА

В Ъ

РОССІИ

ПРИ

ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

П. ПЕКАРСКАГО.

Удостоено отъ Академіи Наукъ полной демидовской премін.

ТОМЪ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Товарищества «Общественная Польза».

1862.

№ 99.

ВВЕДЕНІЕ

въ

ИСТОРІЮ ПРОСВѢЩЕНІЯ

въ

РОССІИ

XVIII СТОЛѢТІЯ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

П. Пекарскаго

ф. 30-5367

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Товарищества «Общественная Польза».

1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. Сентября 4 дня 1861 года.

Исправляющій должность цензора *С. Загибенинъ.*

2007041898

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

Предисловіе, стр. I—VI.

I.

Значеніе Польши для кіевской академіи. Кіевскіе ученые въ Москвѣ. Причины неудачъ ихъ тамъ до совершеннолѣтія Петра Великаго. Вліяніе Кіева на русское просвѣщеніе начала XVIII вѣка, стр. 1—6.

II.

Знакомство Петра Великаго съ учеными въ Голландіи, стр. 6—10. Русскія типографіи въ Амстердамѣ, стр. 10—13. Илья Копіевскій переводчикъ, составитель учебниковъ и стихотворецъ, стр. 13—25.

III.

Сношенія Петра Великаго съ Лейбницемъ. Проэкты послѣдняго о введеніи наукъ въ Россіи, стр. 25—33. Вольфъ: приглашенія ему переселиться въ Россію; заслуги его русскому просвѣщенію, стр. 33 — 39. Знакомство царя съ французскими учеными въ Парижѣ въ 1717 г. Замыслы французскихъ богослововъ, стр. 39—43. Размѣнъ учтивостей съ парижскою академіею наукъ, стр. 44—45.

IV.

Учрежденіе библіотеки въ Петербургѣ, стр. 46—48. Библіотекарь Шумахеръ и его отчетъ царю о заграничной поѣздкѣ съ учеными цѣлями, стр. 48—52. Кунстъ-камера съ ея монстрами и раритетами, стр. 53—59. Предварительныя распоряженія объ открытіи академіи наукъ въ Петербургѣ, стр. 59—63.

V.

Первый наставникъ царевича Алексѣя Нейгебауеръ. Удаленіе его изъ Россіи, стр. 64—65. Полемическія брошюры противъ русскаго двора. Преслѣдованіе и защищеніе ихъ, стр. 65—90. Мѣры Петра Великаго для привлеченія на свою сторону общественнаго мнѣнія въ Европѣ при помощи типографскаго станка. Баронъ Гюйссенъ, ученo-литературный агентъ русскаго правительства въ началѣ XVIII столѣтія, 90—107.

VI.

Состояніе духовныхъ училищъ въ началѣ XVIII вѣка, стр. 107 — 121. Навигаторская школа въ Москвѣ, морская академія въ Петербургѣ, стр. 122 — 124. Цифирныя школы, стр. 124 — 126. Глюкъ и его гимназія въ Москвѣ, стр. 126—132. Свидѣтельство доктора Бидлоо о первомъ госпиталѣ въ Россіи, стр. 132—133. Школа шведскихъ плѣнныхъ въ Тобольскѣ, стр. 133—134. Современныя иностранныя извѣстія о состояніи просвѣщенія въ тогдашней Россіи, стр. 135—139.

VII.

Русскіе петровскихъ временъ заграницей, стр. 139 — 144. Современныя описанія путешествій, стр. 144—155. Заграничныя письма русскихъ въ началѣ XVIII столѣтія, стр. 155—167.

VIII.

Старинныя учебники для первоначальнаго обученія дѣтей грамотѣ. Отношеніе ихъ къ букварямъ Петра Великаго, стр. 167—182. Понятія о грамматикѣ въ старину, стр. 182—183. Заимствованія изъ грамматики Смотрицкаго (1619 г.) въ началѣ XVIII вѣка, стр. 183—186.

IX.

Состоянія языкознанія въ Россіи XVII вѣка, стр. 186 — 190. Учебныя руководства и пособія въ началѣ XVIII столѣтія. Свидѣтельство современника объ этомъ предметѣ: Иванъ Максимовичъ и его предисловіе къ латинскому лексикону, стр. 190—197. Переводчики: посольскаго приказа, стр. 197 — 210; изъ лицъ духовнаго сословія. Собственноручныя наставленія Петра Великаго для перевода книгъ, стр. 210—220. Переводчики, получившіе образованіе за границей, стр. 220—248. Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, покровитель переводчиковъ и ученыхъ. Значеніе его въ политическихъ событіяхъ 1730 года, стр. 248—263.

X.

Математика. Математическое руководство XVII вѣка, стр. 263—268. Введеніе арабскихъ цифръ 268—269. Печатныя математическія книги временъ Петра Великаго, стр. 269—277. Астрологія; успѣхи ея въ Россіи въ старину, стр. 277—281. Астрономія; любовь государя къ этой наукѣ; первое печатное объявленіе о затмѣніяхъ, стр. 281—283. Календари. Мѣсяцословъ царя Алексѣя Михайловича съ собственноручными замѣтками Петра Великаго, стр. 283—285. Рукописные и печатные календари конца XVII и начала XVIII вѣка, стр. 285—289. Брюсъ и его труды на пользу русскаго просвѣщенія вообще, стр. 289—303. Календарь, извѣстный подъ невѣрнымъ названіемъ Брюсова, стр. 304 — 313. Календарь Изволова, составленный согласно требованіямъ науки, стр. 313—315.

XI.

Исторія; печатныя руководства къ изученію русской исторіи, стр. 315—317. Заботы царя о составленіи русской исторіи и его взглядъ на древній періодъ ея. Распоряженія Петра Великаго о сохраненіи въ памяти потомства его царствованія, стр. 317—323. О переводахъ и изданіи въ свѣтъ иностранныхъ историческихъ произведеній. Вліяніе католицизма и протестантизма на труды западныхъ историковъ и значеніе этого вліянія въ русскихъ переводахъ петровскихъ временъ, стр. 323—332.

XII.

Русскіе переводы географическихъ сочиненій въ XVII вѣкѣ, стр. 333—340. Описаніе на русскомъ языкѣ Китая—Спафарія, стр. 340—343. Печатныя географіи при Петрѣ Великомъ; заботы его о составленіи и печатаніи картъ, стр. 343—346. Вліяніе французской академіи наукъ по части изслѣдованій разныхъ краевъ Россіи, стр. 346—350. Первое ученое путешествіе по Сибири доктора Мессершмидта, 350—362.

XIII.

Рукописные стихи и похвальныя слова, хранящіеся въ кабинетѣ Петра Великаго, стр. 362—363. Панегирикъ братьевъ Лихудовъ, стр. 363—364. Прозаическія и стихотворныя произведенія по случаю полтавской побѣды, стр. 365—368. Стихотвореніе Михаила, валдайскаго пастушка, 1718 года, стр. 368—370. Слово Софронія Лихуды, стр. 370—371. Кантата Михаила Ширяева, стр. 371—372.

XIV.

Средневѣковыя мистеріи и отношеніе ихъ къ стариннымъ театральнымъ зрѣлищамъ въ Россіи, стр. 372—380. Мистеріи въ Малороссіи, 380—387. Обрядъ вещаго дѣйствія въ Москвѣ, Новгородѣ, Вологдѣ, стр. 387—391. Переходъ польской и малорусской мистеріи въ Москву при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, стр. 391—421. Извѣстія современниковъ о театрѣ и актерахъ петровскихъ временъ, стр. 421—437. Тогдашнія русскія пьесы съ намеками на современныя событія и лица, стр. 437—459. Переводы европейскихъ драмматическихъ произведеній, стр. 459—478.

XV.

Связь литературныхъ произведеній петровскихъ временъ съ новою русскою литературою. Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель, выразившій въ своихъ трудахъ стремленія, которыя вызваны въ Россіи реформою Петра. Отношенія Прокоповича къ Антіоху Кантемиру и Ломоносову, стр. 478—494. Представители отсталости и застоя въ русской жизни—первые враги Прокоповича, стр. 494—495. Литературные доносы, стр. 495—498. Ученая полемика, кончавшаяся застѣнкомъ тайной канцеляріи, стр. 498—514.

Приложенія.

I.—Письма бургомистра Витзена къ Петру Великому, стр. 517—520.

II.—Письмо доктора Рюйша къ Петру Великому, стр. 520—521.

III.—Прошенія Иліи Копіевскаго и Яна Юнга, стр. 521—529.

IV.—Письма аббата Биньона и Фонтенелля къ Петру Великому, и отвѣтъ его французской академіи наукъ, стр. 529—533.

V.—Отчетъ о заграничномъ путешествіи библіотекаря Шумахера, стр. 533—558.

VI.—Описаніе собранія рѣдкостей Алберта Себа, пріобрѣтенныхъ Петромъ Великимъ, стр. 558—561.

VII.—а) Проектъ объ учрежденіи семинаріи въ Петербургѣ Ѳеофана Прокоповича, стр. 561—567.

б) Вѣдѣніе о торговлѣ россійской, составленное кн. Иваномъ Щербатовымъ, стр. 564—567.

VIII.—Переписка о книгѣ Система магометанской религіи, соч. кн. Дмитрія Кантемира, стр. 567—570.

IX.—Прошенія и письма кн. Дмитрія Кантемира и сына его Антіоха, стр. 570—578.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ началѣ XVIII столѣтія, книгопечатаніе въ Россіи получило бо́льшее развитіе, затруднительная переписка разныхъ сочиненій и переводовъ начинаетъ прекращаться, по разнымъ отраслямъ наукъ появляются печатные учебники, трактаты, цѣлыя сочиненія и т. д.; но всѣ эти произведенія добраго стараго времени сдѣлались въ настоящую пору рѣдкими, и пріобрѣтеніе и пользованіе ими сопряжено съ немалыми затрудненіями.

Различны причины такой рѣдкости: нѣкоторыя сочиненія печатались въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, но потомъ, по соображеніямъ политическимъ или религіознымъ, извлекались изъ обращенія въ публикѣ и, такимъ образомъ, оставались въ рукахъ немногихъ. Случалось и такъ, что книга издавалась въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, отчего при самомъ появленіи въ свѣтъ дѣлалась уже рѣдкостью. Но главнѣйшею причиною трудности доставать нынѣ петровскія книги должно считать тогдашнее состояніе русскаго общества: во времена Петра Великаго, кругъ читателей былъ такъ незначителенъ, потребность въ чтеніи такъ ничтожна, что даже не многія, печатавшіяся тогда книги не находили почти сбыта и, съ теченіемъ времени, по необходимости, какъ ненужныя, предавались уничтоженію. Еще въ 1703 г., одинъ голландскій купецъ, торговавшій русскими книгами, печатанными, по волѣ царя, въ Амстердамѣ, писалъ къ Петру Великому, что онъ въ убыткѣ отъ этой торговли, «понеже купцовъ и охотниковъ въ земляхъ вашего царскаго величества зѣло мало.» Пишущій эти строки имѣлъ случай еще болѣе убѣдиться въ томъ, просматривая старинныя типографскія дѣла синодальнаго архива. Изъ нихъ, напримѣръ, видно, что въ 1752 г. въ конторѣ московской синодальной типографіи накопилось разныхъ петровскихъ изданій, выходившихъ изъ московской и упраздненной въ 1727 г. петербургской типографій, такое множество, что синодальное начальство признало необходимымъ или продавать ихъ на бумажныя фабрики, или же употреблять на обертки вновь выходящихъ книгъ. Послѣдняя мѣра была

нѣсколько разъ приводима въ исполненіе, именно: въ 1752, 1769 и 1779 годахъ. Изъ описей, составленныхъ по этому случаю, оказывается, что бо́льшая часть нынѣ особенно рѣдкихъ изданій сказанной эпохи лежали въ складахъ конторы десятки лѣтъ, только напрасно занимая мѣсто. По этому-то разрѣшено было употреблять на обертки: 11 тысячъ экземпляровъ вѣдомостей разныхъ годовъ и форматовъ, и между ними 3,462 экз. Юрнала о взятіи Нотебурга, нынѣ извѣстнаго только въ трехъ экземплярахъ, изъ которыхъ два корректурные; вѣдомостей же за 1722 и 23 годы—2,498 и 1,455 экз.; указовъ—около 8,000 экз.; календарей—4,552, въ числѣ ихъ 1,812 экз. календаря на 1709 г., который библіографамъ извѣстенъ нынѣ въ одномъ экземплярѣ, уцѣлѣвшемъ въ кабинетныхъ дѣлахъ Петра Великаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Книгъ ученаго содержанія, теперь встрѣчающихся только въ немногихъ библіотекахъ и рѣдко-рѣдко у букинистовъ, значится въ помянутыхъ описяхъ по 100, 200, 300, а иногда и болѣе экземпляровъ. Такимъ образомъ, по ненадобности, пошло петровскихъ изданій на обертку на значительную по тому времени сумму—7,412 р. 48 коп., по оцѣнкѣ, во сколько обошлось казнѣ первоначальное печатаніе книгъ.

Это обстоятельство объясняетъ, почему нынѣ невозможно почти собрать всѣхъ печатныхъ русскихъ книгъ начала XVIII вѣка, а потому, для осуществленія намѣренія привести въ извѣстность и описать ихъ, недостаточно одной доброй воли изслѣдователя, но необходимо было пособіе учрежденій и лицъ, отъ которыхъ по бо́льшей части зависитъ успѣхъ библіографическихъ поисковъ.

Пекарскій считаетъ, прежде всего, обязанностью сказать о средствахъ, которыя были ему предоставлены впродолженіи его работъ.

Въ 1855 г., въ IV томѣ извѣстій академіи наукъ по II отдѣленію, была напечатана записка о планѣ настоящаго труда. Г. директоръ публичной библіотеки, обративъ на нее вниманіе, поручалъ г. Бычкову разсмотрѣть и сдѣлать оцѣнку ея. Письмо по этому случаю барона М. А. Корфа, вмѣстѣ съ замѣчаніями г. Бычкова на неполноты и промахи образчиковъ описаній книгъ, помѣщены въ томъ же томѣ помянутыхъ извѣстій.

Увѣренный въ сочувствіи г. директора публичной библіотеки, изслѣдователь просилъ его о дозволеніи пользоваться въ публичной библіотекѣ собраніемъ петровскихъ книгъ, на которыя тамъ было обращено особенное вниманіе съ самаго вступленія барона М. А. Корфа въ управленіе нашимъ государственнымъ книгохранилищемъ. Г. директоръ не только изъявилъ на то согласіе—оно, какъ извѣстно, дается въ Петербургѣ каждому, имѣющему охоту и досугъ заниматься въ публичной библіотекѣ,—но предложилъ работать въ отдѣленіяхъ библіотеки и разрѣшилъ справляться съ библіотечными каталогами

обращаться, въ случаѣ надобности, къ библіотекарямъ за разъясненіями и справками.

Дозволеніе пользоваться въ такихъ размѣрахъ собраніями публичной библіотеки доставило возможность изслѣдователю ознакомиться съ бо́льшею частью, какъ печатныхъ при Петрѣ книгъ, такъ и съ значительнымъ количествомъ рукописей и иностранныхъ источниковъ, имѣвшихъ какое либо отношеніе къ той эпохѣ. 1855, 56, 57, 58 и половина 59 года посвящены были работѣ въ публичной библіотекѣ и, должно сказать безъ преувеличенія, Пекарскій могъ выполнить свой трудъ въ теперешнихъ его размѣрахъ, только благодаря доступности и легкости, съ которыми нынѣ можно въ Петербургѣ пользоваться общественнымъ книгохранилищемъ. Читатель можетъ судить о томъ самъ, когда возьметъ на себя трудъ просмотрѣть настоящее изслѣдованіе: всѣми, здѣсь описанными книгами и рукописями, а также русскими и иностранными сочиненіями, встрѣчаемыми въ цитатахъ и при которыхъ не сдѣлано указаній, гдѣ они находятся, изслѣдователь пользовался въ публичной библіотекѣ.

Добытые здѣсь матеріалы Пекарскій старался дополнять и провѣрять работами въ другихъ библіотекахъ. Съ этою цѣлью, онъ, въ 1857 году, получилъ чрезъ г. оберъ-гофмаршала Двора Его Императорскаго Величества, графа Шувалова, разрѣшеніе г. министра Императорскаго Двора просмотрѣть книги и гравюры въ такъ называемой галереѣ Петра Великаго при Императорскомъ эрмитажѣ. Съ помощію превосходно составленнаго каталога, изслѣдователь скоро узналъ собраніе, дорогое особенно потому, что принадлежало самому Петру и въ каждой мелочи напоминало его могучую личность. Во время занятій Пекарскаго въ эрмитажѣ, завѣдывалъ этою галереею покойный Нуммерсъ, и, для пользы науки, надобно желать намъ, чтобы изслѣдователи чаще встрѣчали такихъ хранителей памятниковъ наукъ и искусствъ, каковымъ былъ этотъ почтенный человѣкъ.

Въ томъ же 1857 г., представился случай Пекарскому, въ бытность его въ Москвѣ, воспользоваться содѣйствіемъ князя М. А. Оболенскаго. Дозволивъ просмотрѣть находящіяся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ книги и рукописи, князь Михаилъ Андреевичъ, какъ любитель старины, самъ взялъ на себя трудъ указать рѣдкія изданія и сообщилъ нѣкоторыя извѣстія о лицахъ, занимавшихся при посольскомъ приказѣ переводами иноязычныхъ сочиненій въ началѣ XVIII столѣтія.

Изслѣдователь былъ въ Москвѣ въ лѣтніе мѣсяцы, когда библіотека московскаго общества исторіи и древностей обыкновенно бываетъ закрыта; несмотря на то, хранитель ея В. М. Undольскій съ величайшею готовностью доставилъ Пекарскому возможность ознако-

миться съ петровскими изданіями, которыя есть въ означенномъ собраніи.

Разрѣшеніе пользоваться книгами и типографскими дѣлами архива святѣйшаго правительствующаго синода, разрѣшеніе, которымъ изслѣдователь обязанъ г. оберъ-прокурору, графу А. П. Толстому, было однимъ изъ важнѣйшихъ пособій при составленіи настоящаго труда. Въ подтвержденіе тому, достаточно только напомнить, что почти всѣ средства къ распространенію просвѣщенія въ Россіи при Петрѣ, находились въ рукахъ духовенства; съ учрежденіемъ синода, дѣятельность этого рода тамъ еще болѣе усилилась, и потому все, что̀ ни происходило важнѣйшаго въ исторіи русскаго просвѣщенія до учрежденія академіи наукъ въ Петербургѣ и университета въ Москвѣ, немогло пройти безслѣднымъ въ дѣлахъ синода: отъ него зависѣли тогдашнія школы, ему были подчинены современныя типографіи, многіе изъ переводчиковъ, цензура книгъ и т. п.

Въ библіотекахъ академіи наукъ—русской и иностранной Пекарскій дополнялъ свѣдѣнія, добытыя имъ въ другихъ собраніяхъ. Здѣсь успѣху работъ много содѣйствовала предупредительная внимательность завѣдующихъ этими библіотеками академиковъ гг. Куника и Шифнера. Изслѣдователь не можетъ также не выразить своей благодарности служащему въ русской академической библіотекѣ, П. П. Ламбину, которому не рѣдко приходилось удовлетворять требованія Пекарскаго объ отысканіи и выдачѣ то огромныхъ фоліантовъ, то едва примѣтныхъ на полкахъ брошюръ и листковъ.

Изъ частныхъ лицъ Пекарскому содѣйствовали Д. В. Полѣновъ и И. И. Каратаевъ. Первый всегда съ величайшею готовностью предоставлялъ изслѣдователю пользованіе его библіотекою, радушно дѣлился съ нимъ свѣдѣніями своими по библіографіи и, наконецъ, узнавъ, что Пекарскому, при предстоявшемъ чтеніи корректуръ, важно имѣть подъ руками описываемыя имъ сочиненія, великодушно передалъ ему, на все время печатанія изслѣдованія, свое собраніе петровскихъ книгъ. И. П. Каратаевъ владѣлъ едва-ли не лучшимъ въ цѣлой Россіи частнымъ собраніемъ церковнославянскихъ книгъ; вмѣстѣ съ тѣмъ къ нему же перешла и библіотека петровскихъ книгъ гражданской печати П. С. Шишкина (который пріобрѣлъ ее у извѣстнаго собирателя старопечатныхъ книгъ, покойнаго А. И. Кастерина). Какъ только узналъ г. Каратаевъ, что Пекарскому чрезвычайно важно ознакомиться съ его собраніемъ, то немедленно вызвался самъ показать ему всѣ нужныя для изслѣдованія изданія, и потомъ постоянно слѣдилъ за работою изслѣдователя, не оставляя при многихъ случаяхъ дѣлать свои замѣчанія въ высшей степени полезныя, такъ какъ г. Каратаевъ, собирая самъ втеченіи 20 лѣтъ свою библіотеку, зналъ превосходно каждый экземпляръ ея. Въ маѣ 1861 года, собраніе это поступило въ составъ публичной библіотеки; но въ настоящемъ изслѣдованіи, оконченномъ

до этого событія, при ссылкахъ на книги изъ бывшей каратаевской библіотеки, сохранено имя прежняго владѣльца ихъ, которому Пекарскій считаетъ себя такъ много обязаннымъ.

При помощи такихъ-то средствъ и при содѣйствіи названныхъ лицъ, Пекарскій окончилъ свое изслѣдованіе въ 1859 году. Въ іюнѣ того же года, оно поступило, по установленному порядку, на разсмотрѣніе духовной и свѣтской цензуръ, по окончаніи чего (въ мартѣ 1860 года), было представлено въ академію наукъ, которая возвратила рукопись автору въ маѣ 1861 года. Въ этотъ промежутокъ времени, Пекарскій продолжалъ собирать новые матеріалы для пополненія и исправленія своего труда. Такимъ образомъ, благодаря содѣйствію и указаніямъ Е. Е. Беркгольца, Пекарскій воспользовался бо́льшею частью тѣхъ пріобрѣтеній, которыми почти ежедневно увеличиваетъ публичная библіотека свой богатый отдѣлъ иноязычныхъ сочиненій о Россіи.—Академикъ Куникъ предоставилъ изслѣдователю сборникъ академическихъ бумагъ 1719—26 годовъ, въ которыхъ заключались еще неизвѣстныя подробности о приготовительныхъ мѣрахъ къ открытію академіи наукъ въ Петербургѣ, а также о первыхъ годахъ существованія кунсткамеры въ Петербургѣ и старѣйшей въ Россіи общественной библіотекѣ (нынѣ академической).—В. И. Ламанскій сообщилъ въ распоряженіе Пекарскаго собранныя имъ извѣстія о бывшемъ директорѣ петербургской типографіи Аврамовѣ—лицѣ любопытномъ въ томъ отношеніи, что онъ въ своихъ писаніяхъ защищалъ до-петровскую старину, но такъ, что самъ же высказывалъ всю несостоятельность ея.

Наконецъ, по благосклонному предстательству графа Д. Н. Блудова, г. министръ иностранныхъ дѣлъ разрѣшилъ Пекарскому заниматься въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ хранятся такъ называемыя кабинетныя бумаги Петра Великаго. О важности и значеніи ихъ для русской исторіи XVIII столѣтія, читатель уже знаетъ изъ труда академика Устрялова: онѣ дали возможность Пекарскому въ I части его изслѣдованія переработать вновь четыре главы и дополнить почти всѣ остальныя, а во II части помѣстить до 100 разныхъ печатныхъ листковъ (по бо́льшой части современныхъ указовъ) и брошюръ, которыхъ нѣтъ въ извѣстныхъ библіотекахъ. Въ числѣ подобныхъ произведеній не мало нашлось и такихъ, которыя или всѣ отъ начала до конца составлялись Петромъ Великимъ, или же правлены имъ самимъ. Говоря о занятіяхъ своихъ въ государственномъ архивѣ, Пекарскій обязанностью считаетъ выразить глубокую признательность управляющему этимъ учрежденіемъ Ѳ. И. Гильфердингу, котораго желаніе и готовность быть полезнымъ каждому изслѣдователю, оцѣнены всѣми, кто только имѣлъ случай работать въ государственномъ архивѣ.

Въ заключеніе, необходимо сказать нѣсколько словъ о планѣ на-

стоящаго изслѣдованія: собирая извѣстія о печатныхъ книгахъ начала XVIII столѣтія, Пекарскій видѣлъ, что даже и при бо́льшей подробности, библіографическія описанія составляютъ лишь второстепенный матеріалъ для исторіи просвѣщенія вообще. Чтобы пополнить пробѣлы, которые были бы неизбѣжны, еслибы изслѣдователь ограничивался только одними печатными памятниками эпохи, когда Россія еще не была богата типографіями, онъ собиралъ всѣ свѣдѣнія, какія только были ему доступны, о школахъ, о состояніи наукъ вообще, также о степени вліянія европейскаго образованія, противодѣйствіи при томъ старины и т. п. Всѣ подобныя свѣдѣнія изложены въ I части, заключающей въ себѣ введеніе въ исторію русскаго просвѣщенія начала XVIII столѣтія. II часть посвящена изслѣдованію о тогдашнихъ русскихъ типографіяхъ и описанію произведеній, тамъ печатанныхъ со времени перваго путешествія Петра Великаго по Европѣ до его кончины, т. е. съ 1698 по 1725 годъ.

5 августа 1861 года.

I.

Значеніе Польши для кіевской академіи въ XVII вѣкѣ. Кіевскіе ученые въ Москвѣ. Причины неудачъ ихъ тамъ до совершеннолѣтія Петра Великаго. Вліяніе Кіева на русское просвѣщеніе начала XVIII вѣка.

Въ исторіи русскаго просвѣщенія XVII и XVIII столѣтій два событія останавливаютъ, въ особенности, вниманіе изслѣдователя — это заведеніе академіи въ Кіевѣ Петромъ Могилою и заботы Петра Великаго о распространеніи знаній въ Россіи. Оба эти событія — одно въ началѣ XVII, другое въ первые годы XVIII вѣка имѣли такое огромное вліяніе на послѣдующій ходъ русскаго просвѣщенія, что въ нихъ находится зародышъ и начало всего, происходившаго въ нашей исторіи наукъ и литературы, и здѣсь надобно искать разгадки многому, что существовало и держалось у насъ долгое время послѣ.

Избравъ для изслѣдованія умственное движеніе въ русской жизни петровскихъ временъ, мы, по необходимости, должны ограничиться немногими только замѣчаніями о предшествовавшей эпохѣ — эпохѣ, не менѣе любопытной и богатой самыми разнообразными явленіями. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Петръ Могила, учреждая академію въ Кіевѣ, взялъ въ образецъ польскія училища и ввелъ порядокъ, даже до нѣкоторой степени направленіе, существовавшіе въ тогдашней Польшѣ. Здѣсь духовенство постоянно и крѣпко держало въ своихъ рукахъ всѣ средства къ образованію и располагало ими по собственному усмотрѣнію. Это обстоятельство имѣло слѣдствіемъ то, что средневѣковая схоластика оставалась въ Польшѣ долѣе, нежели въ остальной Европѣ. Въ первой просвѣщеніе было средствомъ къ возвышенію и процвѣтанію привилегированнаго сословія, отчего мало обращалось вниманія на дальнѣйшее совершенствованіе знаній. Напротивъ, въ другихъ европейскихъ государствахъ, особенно послѣ реформаціи, наука шла впередъ, и не для поддержанія какого нибудь одного сословія, не въ видахъ успленія преимуществъ только избранныхъ лицъ, но на пользу всѣмъ и каждому, кто только хотѣлъ обратиться къ ней. Отсюда разница въ просвѣщеніи Польши отъ просвѣщенія другихъ странъ Европы.

Появленіе въ Кіевѣ академіи, какъ оплота противъ римско-католической пропаганды, имѣло сильное вліяніе на характеръ просвѣщенія, распространявшагося въ Малороссіи. Тамошніе ученые, занявъ оружіе у враговъ своихъ, не могли не дѣйствовать въ духѣ полемики, какъ единственнаго средства къ защищенію противу нападковъ. Здѣсь и надобно искать причину подражанія не польской народной, но скорѣе іезуитской литературы, которая, къ сожалѣнію, такъ долго тяготѣла на нашихъ братьяхъ — полякахъ. Всѣ малороссійскіе ученые, какъ только, по своимъ знаніямъ и способностямъ, выходили изъ ряду обыкновенныхъ ученыхъ тружениковъ, растрачивали свои дарованія на полемику или на такія произведенія, въ которыхъ съ избыткомъ разбрасывались цвѣты утонченнаго школьнаго риторства. Полемическое направленіе и рабское усвоеніе всѣхъ пріемовъ школьной польской учености сдѣлали то, что въ Малороссіи образовался какой-то особый родъ литературы, имѣвшей мало общаго съ народомъ и потому обреченный застою. Но при всемъ томъ, не должно упускать изъ вида, что малороссійская ученость имѣла свою хорошую сторону, именно, съ помощію ея, въ Кіевѣ исчезла тупая ненависть ко всему иностранному, которую старались систематически поддерживать въ Москвѣ.

Не прошло и 40 лѣтъ, какъ кіевскіе ученые являются въ Москву. И это было весьма кстати для просвѣщенія въ Россіи, но не во́-время для нихъ лично. Въ ту пору невѣжество доходило тамъ до того, что ни одной книги не могли напечатать, не надѣлавъ тьму ошибокъ, не повредивъ самаго простаго смысла текста, а въ заключеніи не попросивъ смиренно отпущенія ошибокъ. Но послѣднее было только на бумагѣ....

Наконецъ, отъ грековъ, наѣзжавшихъ въ Россію за подаяніями, на Востокѣ узнали, что въ Малороссіи были такіе люди, которые осмѣливались учиться за границей, и вотъ по этому случаю, въ 1686 г., іерусалимскій патріархъ Досиѳей писалъ къ царю: «нынѣ въ той странѣ, глаголемой казацкая земля, суть нѣціи, иже въ Римѣ и Польшѣ отъ латиновъ научени, и бяху архимандрити, игумени, и прочитаютъ неподобная мудрованія въ монастырехъ.... довольна бо есть православная вѣра ко спасенію, и не подобаетъ вѣрнымъ прельщатися чрезъ философію и суетную прелесть.... исповѣдуемъ быти казаковъ православныхъ, обаче многіе растлѣнные имѣютъ нравы, ихъ же не подобаетъ учитися тамошнимъ православнымъ».... [1]).

Впрочемъ и безъ этого посланія, малороссійскимъ ученымъ не везло тогда въ Москвѣ. Къ дѣлу о просвѣщеніи примѣшались тамъ мелкія интриги, личные разсчеты: ученые греки Лихуды, заклятые враги всего, что́ напоминало имъ Западъ, болѣе русскихъ, способствовали умноженію

---

[1]) Святый Дмитрій, митрополитъ Ростовскій. Москва, 1849 г., стр. 23 и 24.

недовѣрія къ пришельцамъ изъ Кіева. Патріархъ Іоакимъ, видѣвшій на дѣлѣ вредъ отъ неправильныхъ толковъ и уклоненія отъ чистоты православія, полагалъ, что причиною тому были иноземцы. Иначе, впрочемъ, и думать было трудно, такъ какъ не открытъ еще былъ путь, слѣдуя которому можно было оставаться православнымъ и въ тоже время не гнушаться знаніями, добытыми послѣдователями другихъ вѣроисповѣданій.

Какъ неблагосклонно смотрѣли на иноземцовъ въ тѣ времена, можно судить по слѣдующимъ отрывкамъ изъ завѣщанія, гдѣ преподаны совѣты царямъ Іоанну и Петру [1]), чтобы не держать иностранцовъ въ русской службѣ: «православніи христіане, по чину и обычаю церковному, молятся Богу; а они спятъ, еретики, и свои мерзкія дѣла исполняютъ и христіанскаго моленія гнушаются. Христіане, пречистую Дѣву Богородицу Марію чествующе, всячески о помощи просятъ и всѣхъ святыхъ; еретики же, будучи начальниками въ полкахъ, ругаются тому, и по прелести ихъ хулы износятъ.... христіане постятся, еретики же никогда — ихъ, по гласу апостольскому, Богъ чрево.... Паки вспомнихаю, еже бы иновѣрцомъ еретикомъ костеловъ римскихъ, кирокъ нѣмецкихъ, татарамъ мечетовъ въ своемъ государствѣ и обладаніи всекопечно недавати строити нигдѣ; новыхъ латинскихъ и иностранныхъ обычаевъ и въ платьѣ перемѣнъ не вводити, ибо тѣмъ пѣсть благочестіе христіанскаго царства во удобствіи имать пространятися и вѣра во Господа Бога возрасти день отъ дне.... Здѣ чего и не бывало, и то еретикомъ повелѣно, что своихъ еретическихъ проклятыхъ соборищъ молбищныя храмины построили, въ которыхъ благочестивыхъ людей злобнѣ кленутъ и лаютъ, и вѣру укоряютъ, и иконы святыя попираютъ»....

Послѣ такихъ мнѣній о европейцахъ, удивительно ли, что въ Россіи XVII вѣка, несмотря на нѣкоторыя исключенія и замѣтную охоту въ большинствѣ къ чтенію (чему доказательствомъ служитъ размноженіе рукописныхъ сборниковъ самаго разнохарактернаго содержанія), тотъ классъ людей, который имѣлъ значеніе и силу, смотрѣлъ на знанія, какъ на еретичество, какъ на нѣчто, несовмѣстное съ православіемъ: «братіе, не высокоумствуйте, учили въ тѣ времена, но во смиреніи пребывайте, по сему же и прочая разумѣвайте. Аще кто ти речетъ: вѣси ли всю философію? И ты ему рцы: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ (!) астрономъ не читахъ, ни съ мудрыми философы не бывахъ — учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣхъ» [2]).

Въ этихъ словахъ, столь, по видимому, смиренныхъ, слышится презрѣніе къ наукѣ. Сохранилось свидѣтельство Курбскаго, сочув-

---

[1]) Исторія царствованія Петра Великаго, соч. Устрялова II, стр. 474 и 477.

[2]) Изъ рукописной прописи 1643 года, въ Рум. муз. NCCCXXVI.

ствовавшаго просвѣщенію (онъ жилъ въ польской Руси), и подтверждавшаго, что сейчасъ приведенное нравоученіе имѣло приверженцовъ въ тогдашней Россіи: «Бога ради, не потакаемъ безумнымъ, паче же лукавымъ, мнящимся быти учительми, паче же прелестникомъ: яко самъ азъ отъ нихъ слышахъ, еще будучи во оной русской землѣ подъ державою московскаго царя; глаголютъ бо они, прельщающи юношъ тщалнвыхъ, къ наукѣ хотящихъ навыкати писанія, понеже во оной землѣ еще многіе обрѣтаются, пекущеся о своемъ спасеніи, и съ прещеніемъ заповѣдываютъ имъ, глаголюще: не читайте книгъ многихъ, и указуютъ на тѣхъ, кто ума изступилъ: и онъ сица (этотъ) во книгахъ зашолся, а онъ сица въ ересь впалъ. О бѣда! отчего бѣси бѣгаютъ и исчезаютъ, и чимъ еретицы облнчаются, а нѣкоторые исправляются — сіе они оружіе отъемлютъ и сіе врачество смертоноснымъ ядомъ напщаютъ! [1])

Въ 1690 г., бо́льшая часть книгъ, изданныхъ или написанныхъ въ Малороссіи, подверглись опалѣ въ Москвѣ; способнѣйшіе изъ представителей кіевской учености объявлены подозрительными; Медвѣдевъ, талантливый ученикъ Полоцкаго, былъ замѣшанъ въ государственныя смуты и, предъ смертною казнью, ему напомнили, что онъ прельщался «кіевскими новотворными книгами»... Казалось, что вліяніе Кіева окончательно подавлено, но не долго продолжалась реакція: какъ только Петръ рѣшился сблизить Россію съ Европою, для чего, между иными средствами, избралъ и просвѣщеніе, такъ тотчасъ же кіевскіе ученые начали играть важную роль въ дѣлѣ образованія. И это было явленіемъ совершенно понятнымъ, если не забывать, что въ Малороссіи, съ учрежденіемъ кіевской академіи, было болѣе подготовки къ воспріятію европейской цивилизаціи, нежели въ остальной Россіи, и тамъ уже исчезло то недовѣріе къ наукамъ, которое, изъ разныхъ, чисто личныхъ видовъ, поддерживалось въ Москвѣ до Петра. Царю, желавшему во что́ бы то ни стало видѣть въ Россіи и школы, и ученыхъ, имѣть и переводы извѣстныхъ сочиненій и первоначальные учебники, нужны были помощники, а ими могли быть, на первый разъ, только тѣ изъ русскихъ, которые чему нибудь учились и что нибудь знали. Должно замѣтить при этомъ, что направленіе и образъ мыслей кіевскихъ ученыхъ не согласовались съ направленіемъ и образомъ мыслей Петра: его намѣренія и цѣль состояли въ практическомъ примѣненіи на русской почвѣ началъ, выработанныхъ современною наукою въ государствахъ, преимущественно протестантскихъ, къ чему, разумѣется, кіевскіе ученые были мало способны по самому свойству и складу своего образованія (между ними, въ этомъ отношеніи, Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ единственнымъ, но тѣмъ не менѣе блестящимъ исключеніемъ). Но, при недостаткѣ въ

[1]) Въ рукоп. сборникѣ XVII вѣка Румян. муз. NCCCL. XVI.

людяхъ, и кіевляне оказались весьма полезными, и въ началѣ XVIII вѣка они являются по части народнаго просвѣщенія въ Россіи главнѣйшими дѣятелями: всѣ важнѣйшіе переводы съ древнихъ языковъ, всѣ замѣчательные трактаты о догматахъ вѣры, всѣ проповѣди, бо́льшая часть стихотворныхъ произведеній (лишенныхъ, должно сознаться, всякихъ достоинствъ) на прославленіе побѣдъ и знатныхъ, театральныя пьесы — все это писалось учеными малороссами, или подъ ихъ непосредственнымъ надзоромъ. Кромѣ того, при усиленіи типографской дѣятельности въ Москвѣ и Петербургѣ, перепечатано не мало такихъ произведеній, которыя прежде ходили по рукамъ въ рукописяхъ, и носили на себѣ несомнѣнные слѣды малороссійскаго происхожденія.

Знакомство Россіи съ наука́ми европейскими изъ первыхъ рукъ началось при Петрѣ и черезъ посредство русскихъ, учившихся за границей; но краткость времени, новость дѣла и сила прежнихъ обычаевъ и мнѣній сдѣлали то, что плоды личныхъ заботъ и усилій царя стали явственными только въ позднѣйшія времена. Въ началѣ XVIII вѣка, лица успѣвшія побывать за границей и узнать на́-скоро кое что́, употреблялись по бо́льшей части для переводовъ разныхъ сочиненій, преимущественно касавшихся математики, мореходства, языкознанія. Ни одинъ изъ этихъ переводчиковъ не извѣстенъ самостоятельнымъ какимъ нибудь трудомъ и не оставилъ по себѣ памяти въ исторіи ни одной науки — лучшее доказательство тому, что можно легко задерживать и затруднять ходъ просвѣщенія (чему и въ нашей исторіи есть примѣры), но не въ силахъ воля, даже и незнающая себѣ предѣловъ, одного человѣка создать цивилизацію по своему только хотѣнію.

Такимъ образомъ, при Петрѣ русское образованіе слага́лось изъ двухъ стихій — кіевской учености, перенесенной изъ Польши, и европейскаго просвѣщенія, заимствованнаго изъ Голландіи, Германіи, отчасти Англіи, Франціи и даже Италіи. Кіевская ученость имѣла перевѣсъ, потому что имѣла за собой право давности; европейское же образованіе, вслѣдствіе причинъ историческихъ, усвоивалось съ трудомъ и, за исключеніемъ самого царя, да двухъ или трехъ изъ его приближенныхъ, не имѣло въ Россіи замѣчательныхъ представителей.

Мы будемъ не разъ имѣть случай встрѣчаться въ настоящемъ трудѣ съ кіевскими учеными, то учредителями школъ, то наставниками въ нихъ, то сочинителями, то переводчиками — теперь же обратимся къ тѣмъ событіямъ, которыя подали поводъ къ сближенію Россіи съ Европою при помощи просвѣщенія.

Впрочемъ, приступая къ изложенію состоянія наукъ и просвѣщенія въ Россіи начала XVIII вѣка, авторъ считаетъ обязанностью предварить читателя, что всѣ розысканія въ настоящемъ трудѣ на-

правлены къ разъясненію умственной дѣятельности въ сферѣ наукъ и свѣтской литературы. О предметахъ же, касающихся исторіи духовной литературы, какъ напримѣръ богословіи, духовномъ витійствѣ, также о знаменитыхъ представителяхъ изъ нашего духовенства той эпохи, говорится здѣсь только и единственно по отношенію ихъ къ просвѣщенію вообще. Каждому просвѣщенному русскому знакомы имена отечественныхъ духовныхъ писателей и іерарховъ, которые съ самыхъ отдаленныхъ временъ блистали своими высокими талантами и подвигами, всегда и вездѣ крѣпко защищая православіе и озаряя свѣтомъ истинной вѣры мракъ невѣжества и заблужденій. Авторъ настоящаго труда не сознаетъ въ себѣ достаточно знаній и таланта, безъ которыхъ невозможно описать достойно доблестные труды этихъ лицъ; при томъ же это относится къ области исторіи духовной словесности, разработываемой у насъ съ такимъ успѣхомъ духовными писателями, имена которыхъ извѣстны ученому міру.

II.

Знакомство Петра Великаго съ учеными въ Голландіи. Русскія типографіи въ Амстердамѣ. Илья Копіевскій — переводчикъ, составитель учебниковъ и стихотворецъ.

«18 прошедшаго августа, въ 8 часовъ утра, царь и великій князь московскій, Петръ Алексѣевичъ тайно пріѣхалъ сюда, въ Сардамъ, на небольшой лодкѣ въ сопровожденіи шести москвитянъ. Онъ прожилъ въ Крипенбургѣ у одного кузнеца 8 дней и возвратился на лодкѣ въ Амстердамъ, куда прибыло его великое посольство. Ростомъ онъ 6 футовъ, носитъ платье сардамскаго крестьянина, работаетъ съ плотниками на адмиральтейской верфи — говорятъ, что онъ большой охотникъ до мореплаванія».

Такову отмѣтку сдѣлалъ сардамскій пасторъ въ приходской книгѣ 1697 г., о событіи, которое избрано исходною точкою въ настоящемъ изслѣдованіи. Впрочемъ, мы не имѣемъ здѣсь цѣлью слѣдить за подробностями о всемъ происходившемъ, какъ въ первое пребываніе царя за границей, такъ и въ послѣдующія поѣздки его по Европѣ — наша задача состоитъ собственно въ указаніи того только, что въ этихъ путешествіяхъ имѣетъ какую нибудь связь съ исторіею наукъ и литературы въ Россіи.

Въ бытность царя въ Голландіи, жилъ въ Амстердамѣ бургомистръ Николай Витзенъ (Nicolas Witsen). Знатный по рожденію, богачь по состоянію, благородной наружности, этотъ человѣкъ не за-

ботился ни о свѣтскихъ удовольствіяхъ, ни о честолюбивыхъ исканіяхъ: съ молодыхъ лѣтъ онъ пристрастился къ путешествіямъ, занимался науками, поощрялъ ученыя предпріятія. Еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, онъ побывалъ, съ посольствомъ, въ малознаемой Московіи, посѣтилъ даже берега Каспійскаго моря и, по возвращеніи въ Голландію, рѣшился сдѣлать описаніе восточной и южной Россіи. Но для осуществленія такого намѣренія, Витзенъ, прежде всего, приступилъ къ собранію свѣдѣній о тѣхъ странахъ, провѣрялъ сказанія о нихъ своихъ единоземцовъ, разспрашивалъ людей, тамъ бывалыхъ. Какъ добросовѣстно Витзенъ исполнилъ свой трудъ, можно судить по тому, что только 20 лѣтъ спустя, именно въ 1687 г., ему удалось издать географическую карту восточной и южной части Европы и Азіи, отъ Новой Зеландіи до Китая. Въ 1692 г., онъ же издалъ: «Татарія восточная и южная». Оба эти труда были посвящены царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, которые благосклонно приняли посвященіе и послали Витзену благодарственную грамоту за государственною печатью. Между тѣмъ, нѣкоторое время спустя, Эвертъ Избрандсонъ Идесъ (Evert Ysbrandszoon Ides), бывшій въ Китаѣ по порученію русскаго правительства, сообщилъ бургомистру подробности о своемъ путешествіи и тотъ нашелъ ихъ достойными къ изданію въ свѣтъ. И это сочиненіе было посвящено также Петру.

Кромѣ путешествій, Витзена занималъ и тотъ предметъ, которому такъ страстно былъ преданъ царь — это мореплаваніе. Бургомистръ извѣстенъ былъ ученымъ изслѣдованіемъ о древней и новой постройкѣ кораблей и объ искусствѣ управлять ими. Ему же голландское законодательство обязано бо́льшею частью постановленій о кормщикахъ, аваріяхъ, береговомъ правѣ. Наконецъ, Витзенъ владѣлъ полною коллекціею машинъ и инструментовъ для кораблестроенія.

Голландское правительство, заботясь о пріемѣ русскаго великаго посольства, обращалось къ Витзену то за разрѣшеніемъ недоумѣній, то съ просьбою о пріисканіи необходимыхъ переводчиковъ. Послѣ всего этого неудивительно, что царь, во время пребыванія своего въ Голландіи, былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ бургомистромъ и лицо это, дѣйствительно, встрѣчается при каждомъ сколько нибудь замѣчательномъ случаѣ изъ путешествія Петра, какъ совѣтникъ и руководитель.

По возвращеніи въ Россію, государь велъ переписку съ ученымъ бургомистромъ: памятникомъ ея служатъ четыре письма Витзена, которыя читатель найдетъ въ приложеніи I. Одного изъ нихъ сохранился и подлинникъ на голландскомъ языкѣ, а прочія дошли въ современномъ русскомъ переводѣ.

Царь пожелалъ брать уроки мореплаванія и навигаціи, также учиться черченію кораблей, и Витзенъ выбиралъ для него препода-

вателей. Альбертсонъ ванъ Дамъ (I. Albertzoon van Dam) пользовался тогда извѣстностью опытнаго математика и знатока науки мореплаванія, а потому и преподавалъ царю эти предметы. Адамъ Сило (Adam Silo), одаренный самыми разнообразными способностями (онъ былъ сатирикъ и живописецъ, строитель кораблей и фабрикантъ музыкальныхъ инструментовъ и проч.), давалъ царю уроки въ черченіи.

Библіотекарь основанной въ Петербургѣ библіотеки (нынѣ академической) Шумахеръ, представляя, въ 1722 г., Петру Великому отчетъ объ осмотрѣнныхъ имъ кабинетахъ Натуральной Исторіи и рѣдкостей въ Европѣ, замѣтилъ при томъ, что считаетъ излишнимъ входить въ подробности о нихъ, такъ какъ мало сыщется въ Германіи, Голландіи, Англіи и Франціи подобныхъ учрежденій, которыхъ бы не зналъ и не видалъ самъ царь (ср. прилож. V). И, дѣйствительно, Петръ Великій, какъ это видно и изъ его подленныхъ журналовъ, не оставлялъ безъ внимательнаго осмотра до самыхъ мелочей ни одного достопримѣчательнаго собранія натуральной исторіи и рѣдкостей, которыя ему представлялась возможность посѣщать во время его заграничныхъ поѣздокъ.

Въ первое свое пребываніе въ Амстердамѣ, Петръ не упустилъ случая побывать въ музеѣ Якова Вильде (Jacob de Wilde), славившемся въ особенности полнотою и сохранностью коллекцій древнихъ египетскихъ, греческихъ, македонскихъ и римскихъ монетъ, также собраніемъ языческихъ идоловъ, древнихъ статуй, наконецъ — камеевъ и разнаго рода антиковъ. Вильде издавалъ нѣсколько разъ описанія своихъ коллекцій, а гравюры къ нимъ рѣзалъ голландскій граверъ Адріанъ Шхонебекъ, переселившійся потомъ, по приглашенію Петра, въ Россію и работавшій здѣсь не мало гравюръ по повелѣнію царя. Для насъ въ особенности любопытно изданное въ 1700 году «Signa antiqua e museo Jacobi de Wilde veterum poetorum carminibus illustrata». Здѣсь виньетта на заглавномъ листѣ съ подписью Шхонебека, но всѣ остальныя гравюры въ изданіи рѣзаны 17-ти лѣтнею дочерью владѣльца музея, Маріею Вильде, которая, сколько можно судить по ея работамъ, едва ли не была ученицею Шхонебека [1]). Послѣ ея портрета и латинскихъ и голландскихъ стиховъ въ честь артистки, слѣдуетъ гравюра съ изображеніемъ зала, въ которомъ помѣщался музей Вильде съ его древностями, глобусами и книгами; по срединѣ столъ, за которымъ сидятъ два человѣка: по правую сторону Яковъ Вильде въ современной европейской одеждѣ и парикѣ; въ одной рукѣ у него статуэтка, другою показываетъ монету. На лѣвой — молодой человѣкъ въ шапкѣ, опушенной мѣхомъ, кафтанъ съ узкими у кисти рукавами, высокіе сапоги, на боку сабля; онъ разсматри-

[1]) Указаніемъ упоминаемаго здѣсь изданія, а также объясненіями гравюры пишущій эти строки обязанъ В. В. Стасову.

ваетъ статуэтки и вещи, разложенныя предъ нимъ на столѣ. Этотъ молодой человѣкъ — самъ царь, въ чемъ удостовѣряетъ двуглавый русскій орелъ, изображенный у подножья его. Любопытную гравюру эту, вѣроятно, знаютъ осматривавшіе нашу Публичную библіотеку — она выставлена тамъ въ одной изъ витринъ ея.

Упомянувъ выше о Шхонебекѣ, замѣтимъ кстати, что недавно стало извѣстно у насъ, что Петръ Великій, будучи въ Амстердамѣ, пробовалъ, подъ руководствомъ этого художника, гравировать самъ, и памятникъ тому можно видѣть также въ Публичной библіотекѣ. Въ 1860 г., пріобрѣтенъ ею факсимиле гравюры, сдѣланной Петромъ Великимъ: «она представляетъ, въ овальной рамкѣ, торжество христіанской религіи надъ мусульманскою, выраженное посредствомъ фигуры ангела, съ крестомъ и пальмою въ рукахъ, попирающаго полулуніе и турецкіе бунчуки. Оригинальный оттискъ, единственный досель извѣстный, хранится въ амстердамскомъ музеѣ, и современная на немъ надпись, на голландскомъ языкѣ, заключаетъ въ себѣ слѣдующее извѣстіе: «Петръ Алексѣевичъ, великій царь русскій, гравировалъ это иглою и крѣпкою водкою, подъ смотрѣніемъ Адріана Шхонебека, въ Амстердамѣ, въ 1698 г., въ спальнѣ своей квартиры, на верфи ость-индской компаніи». На гравюрѣ можно примѣтить и поправки, сдѣланныя Шхонебекомъ [1]).

Съ помощію Витзена, царь знакомился съ тогдашними учеными знаменитостями Голландіи. Такъ бургомистръ доставилъ ему случай узнать извѣстнаго профессора анатоміи Рюйша (Frederic Ruysch). Разсказываютъ, что царь былъ изумленъ, когда увидѣлъ въ первый разъ знаменитый анатомическій театръ этого ученаго. Особенно, онъ пораженъ былъ при видѣ трупа ребенка, который былъ такъ хорошо сохраненъ, что казался живымъ и съ улыбкой на устахъ — царь не могъ воздержаться, чтобы не поцѣловать его. Съ трудомъ Петръ рѣшился выдти изъ кабинета ученаго: много разъ потомъ возвращался къ нему, за-просто обѣдалъ съ нимъ и присутствовалъ на лекціяхъ Рюйша — онъ ходилъ съ нимъ даже въ госпиталь Св. Петра, гдѣ для этого была продѣлана особенная дверь, чтобы избавить царя отъ взглядовъ любопытной толпы; слѣды этой двери остались и донынѣ.

Замѣчательно то, что Петръ Великій вспоминалъ о Рюйшѣ въ тѣ времена, когда казалось бы ему надобно было только думать о войнѣ извнѣ, объ укрощеніяхъ смутъ внутри государства. Около 1701 г., онъ послалъ Витзену нѣсколько экземпляровъ ящерицъ и червей, съ условіемъ, чтобы половина изъ нихъ была отдана Рюйшу. Послѣдній написалъ благодарственное письмо, въ которомъ, какъ страстный охотникъ до рѣдкостей, не преминулъ надавать царю са-

---

[1]) Отчетъ Импер. Публичной библіотеки за 1860 г., стр. 11—12, и Essai d'une bibliographie neerlando-russe par. F. Muller, pag. 164—165.

мыхъ мелочныхъ наставленій, какъ червяковъ кормить листьями, какъ прокалывать бабочекъ, прося вмѣстѣ съ тѣмъ, напр. о присылкѣ рѣдкихъ звѣрковъ и рыбокъ изъ подъ Азова и т. п. Ср. приложеніе II.

Бывши въ Лейденѣ, Петръ не преминулъ посѣтить другую медицинскую знаменитость того времени — доктора Бэргавена (Boerhaven) и осматривалъ также анатомическій театръ. Сохранилось извѣстіе, что тамъ царь долго оставался передъ трупомъ, у котораго мускулы были раскрыты для насыщенія ихъ терпентиномъ. Петръ, замѣтивъ при томъ отвращеніе въ нѣкоторыхъ изъ своихъ русскихъ спутниковъ, заставлялъ ихъ разрывать мускулы трупа зубами.

У архитектора Симона Шейнфойта (Simon Schynvoet) царь разсматривалъ коллекцію для изученія натуральной исторіи, при чемъ долго разговаривалъ съ хозяиномъ объ архитектурѣ. Полагаютъ, что у этого архитектора или учились русскіе, или же онъ посылалъ въ Россію своихъ учениковъ: по крайней мѣрѣ въ дворцахъ и загородныхъ домахъ, строенныхъ въ Петербургѣ въ началѣ XVIII вѣка, проглядывается тяжелый и обремененный украшеніями стиль Шейнфойта.

Не забыты были въ экскурсіяхъ царя и машинисты фанъ деръ Гейденъ (Van der Heyden), изобрѣтатели пожарныхъ трубъ: въ ихъ мастерской Петръ проводилъ цѣлые часы, удивляясь ловкости и изобрѣтательности этихъ людей.

Царь также лично зналъ инженера и военнаго писателя, барона фанъ Кэгорна (Menno baron van Coehorn), котораго современники звали голландскимъ Вобаномъ. Петръ приглашалъ его въ русскую службу, но Кэгорнъ отказался, и тогда было сдѣлано предложеніе о томъ его сыну Генриху-Казимиру, но и этотъ не принялъ его. Какъ бы то ни было, Кэгорнъ рекомендовалъ Петру многихъ изъ голландскихъ инженеровъ; у него же подъ надзоромъ служили нѣкоторые изъ русскихъ во время войны за испанское наслѣдство. При Петрѣ переведено на русскій одно изъ произведеній Кэгорна. Но изъ всѣхъ этихъ сношеній, для насъ важнѣе знакомство Петра съ однимъ изъ первыхъ негоціантовъ въ Амстердамѣ, Тессингомъ (Thessing). По семейнымъ преданіямъ этой фамиліи, Янъ Тессингъ зналъ царя еще въ Москвѣ, или Архангельскѣ; по прибытіи Петра въ Голландію, этотъ негоціантъ первый узналъ его и тотъ просилъ не разглашать тайны; во все пребываніе въ Голландіи, царь часто бывалъ въ семействѣ Тессинга и съ нимъ обходился тамъ, какъ съ семьяниномъ. Что царь бывалъ въ гостяхъ у Тессинга, о томъ сохранилось его собственное свидѣтельство въ предисловіи къ Морскому регламенту, гдѣ говорится о причинахъ, побудившихъ его отправиться въ Англію доучиваться кораблестроенію, такъ какъ въ Голландіи были въ этомъ искусствѣ «точію нѣкоторыя принципіи, прочее же съ долговременной практики»: «прилучилось быть его величеству на загородномъ дворѣ Яна Тессинга въ компаніи, гдѣ сидѣлъ гораздо не ве-

селъ ради вышеписанной причины; но когда, между разговоровъ, спрошенъ былъ, для чего такъ печаленъ? тогда оную причину объявилъ. Въ той компаніи былъ одинъ англичанинъ, который, слыша сіе, сказалъ, что у нихъ въ Англіи сія архитектура такъ въ совершенствѣ, какъ и другія, и что краткимъ временемъ научится можно»....

Было три брата Тессинговъ: одинъ, Эгбертъ, управлялъ значительнымъ торговымъ домомъ и имѣлъ дѣла съ Россіею; другой, Фридрихъ, жилъ на Вологдѣ и торговалъ преимущественно пенькою; третій, вышеупомянутый Янъ, завелъ, по желанію царя, русскую типографію въ Амстердамѣ. У одного изъ потомковъ негоціанта, Генриха Тессинга, сохранился подлинникъ грамоты, пожалованной царемъ его предку Яну: она роскошно напечатана (?) на пергаминѣ, по краямъ коймы, разрисованныя золотомъ, серебромъ и яркими красками; въ заглавіи русскій гербъ съ 25 другими гербами областей, подвластныхъ царю; государственная печать привѣшана на золотомъ шнурѣ и вся грамота оболочена въ шелковую ткань и красное сукно. Разсказываютъ, что въ подтвержденіе близкихъ сношеній царя съ Тессингомъ, существовали и другія письменныя свидѣтельства, но всѣ они погибли, кромѣ этой грамоты и одного экземпляра басенъ Езопа, вышедшихъ изъ тессинговой типографіи: онѣ и донынѣ заботливо хранятся у потомковъ Тессинга [1]).

Изъ грамоты Тессингу, подписанной въ 1700 году, видно, что дана она была, по его просьбѣ, «за учиненныя имъ великому посольству (русскому) службы» съ тѣмъ, чтобы Тессингъ завелъ типографію и печаталъ въ ней «земныя и морскія картины, и чертежи, и листы, и персоны, и математическія, и архитектурныя, и городостроительныя, и всякія ратныя и художественныя книги на славянскомъ и латинскомъ языкахъ вмѣстѣ, тако и славянскомъ и голландскимъ языкомъ по особну, отъ чего-бъ русскіе подданные много службы и прибытка могли получити и обучатися во всякихъ художествахъ и вѣдѣніяхъ». При этомъ сдѣлано исключеніе для церковныхъ книгъ, потому что «книги церковныя, славянскія и греческія, со исправленіемъ православнаго устава восточныя церкве, печатаются въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ....»

Напечатанные Тессингомъ чертежи и книги дозволялось ему, или его приказчику привозить къ Архангельску, а также и въ другіе города «повольною торговлею, съ платежомъ указанныхъ пошлинъ, на уреченное время съ настоящаго (1700) года впредь на 15 лѣтъ». Въ Архангельскѣ, пошлины съ книгъ должны были взиматься съ продажной цѣны по 8 денегъ съ рубля, въ другихъ же городахъ

---

[1]) Всѣ эти подробности о пребываніи Петра въ Голландіи заимствованы изъ Anécdotes historiques sur Pierre le Grand, par J. Scheltma. Грамота же Тессингу, кромѣ отрывковъ и переводовъ въ трудахъ м. Евгенія и Сопикова, въ Полн. Соб. Закон. IV, № 1751.

пошлины не полагалось. Въ Москвѣ, съ привозимыми изъ Амстердама книгами надлежало являться въ государственный посольскій приказъ, послѣ чего онѣ продавались уже свободно. Если бы явились продавцы книгъ изъ другихъ типографій внѣ Россіи, то такія книги подлежали конфискаціи, а на продавцовъ налагалась пеня въ 3000 ефимковъ, изъ которыхъ третья часть шла въ пользу Тессинга. Для отличія своихъ изданій, онъ обязанъ былъ прилагать къ нимъ свой штемпель и подпись, что̀ и дѣйствительно дѣлалось на изданіяхъ этого типографщика. Въ той же грамотѣ упомянуто, что подобное дозволеніе печатать въ Голландіи и продавать въ Россіи книги дано «голстенцу Елизарью Избранту» (Evert Ysbrandszoon Ides?), еще прежде ходатайства о томъ же Тессинга.

Любопытно и для нашего времени то мѣсто въ грамотѣ, гдѣ указывается типографщику духъ и направленіе, въ которомъ должны были издаваться печатаемыя у него книги. Приводимъ это мѣсто словами подлинника: «И видя ему, Ивану Тессингу, къ себѣ нашу, царскаго величества, премногую милость и жалованье въ печатаньи тѣхъ чертежей и книгъ, показать намъ, великому государю, нашему царскому величеству, службу свою и прилежное радѣніе, чтобъ въ тѣ чертежи и книги напечатаны были къ славѣ нашему, великаго государя, нашего царскаго величества превысокому имени и всему нашему россійскому царствію межъ европейскими монархи къ цвѣтущей, наивящей похвалѣ и ко общей народной пользѣ и прибытку, и ко обученію всякихъ художествъ и вѣдѣнію, а пониженья бъ нашего царскаго величества превысокой чести и государства нашихъ въ славѣ въ тѣхъ чертежахъ и книгахъ не было...»

Уже въ іюлѣ 1699 г., Адамъ Вейде писалъ къ царю: «сей вложенный листокъ (какой именно — неизвѣстно) присланъ изъ Амстердама отъ Тессинга къ Бранту и будутъ такихъ книгъ на русскомъ языкѣ 600 къ Архангельску присланы...» Но несмотря на такое скорое осуществленіе предпріятія Тессинга, оно не могло, конечно, не встрѣтить препятствій, какъ по новости дѣла, такъ и потому, что требовало знаній, которыхъ не имѣлъ амстердамскій негоціантъ. Современники тогда же предвидѣли неудачу, и въ письмахъ къ Спарфенфельду (Sparfvenfeld), Бло и Петцольдъ (Bleau et Petzold) такъ отзывались о заведенной въ Амстердамѣ русской типографіи — первый, отъ 10 апрѣля 1700 г.: «я узналъ о намѣреніи Тессинга дѣйствовать по силѣ преимущества и привилегіи, данныхъ ему царемъ; но онъ еще ничего не сдѣлалъ, да и недумаю я, чтобы онъ что нибудь сдѣлалъ, развѣ захочетъ человѣкъ, болѣе ученый, вмѣшаться въ это дѣло и сдѣлаться товарищемъ по предпріятію, что̀ очень бы хотѣлось Тессингу; но трудно ему будетъ сыскать такого человѣка. Притомъ же москвитяне, какъ и вамъ это извѣстно, нисколько тѣмъ не интересуются: они все дѣлаютъ по принужденію и въ угоду

царю, а умри онъ — прощай наука!» Петцольдъ, 9 апрѣля того же года: «у Тессинга привилегія на 15 лѣтъ, но онъ очень еще мало сдѣлалъ, да и нѣтъ у него къ тому способностей» [1]).

Около 1708 г., мастеръ, печатавшій книги въ типографіи Тессинга, неимѣя никакихъ средствъ къ своему существованію послѣ смерти этого негоціанта (въ 1701 г.), отправился съ славянскою типографіею въ Россію, но на дорогѣ, именно въ Данцигѣ, шведы завладѣли всѣми типографскими принадлежностями, и начали печатать славянскимъ шрифтомъ разныя воззванія къ народу, для распространенія ихъ въ русскихъ предѣлахъ. По этому случаю, наше правительство вынужденнымъ нашлось сдѣлать такое распоряженіе: «буде какія письма гдѣ явятся, напечатанныя славянскими (т. е. русскими) словами и складомъ славянскимъ же, къ возмущенію народа, или хотя подъ какимъ ни на есть лестнымъ образомъ, приводя къ тому жъ, чтобъ тѣмъ народъ обманомъ привести въ возмущеніе, — и такимъ письмамъ отнюдь не вѣрить и у себя не держать, хотя будетъ и то въ нихъ написано, будто они на Москвѣ печатаны, а гдѣ и у кого такія письма явятся, и такихъ людей ловить и распрашивать, гдѣ кто такія письма взялъ, и на кого скажутъ, и тѣхъ людей сыскивать со всякимъ крѣпкимъ прилежаніемъ и присылать къ Москвѣ, а за сыскъ такихъ возмутителей, кто ихъ сыщетъ, будетъ имъ его, государева милость» [2]). Изъ дальнѣйшихъ постановленій на этотъ предметъ видно, что шведы дѣйствительно напечатали въ Данцигѣ прокламаціи и универсалъ къ малороссійскому народу, о содержаніи которыхъ см. 2 ч. настоящаго труда въ примѣчаніяхъ подъ 1708 годомъ.

Дальнѣйшая судьба типографіи Тессинга неизвѣстна, а такъ-какъ за границей и послѣ являлись книги, печатанныя славянскимъ шрифтомъ, то Тредьяковскій, м. Евгеній и Сопиковъ полагали, что эти книги набирались буквами, уцѣлѣвшими отъ типографіи амстердамскаго негоціанта; но это не совсѣмъ вѣрно.

Изъ первыхъ книгъ, вышедшихъ изъ типографіи Тессинга, можно видѣть, что у него составленіемъ и изданіемъ ихъ занимался Илья Федоровичъ Копіевскій или Копіевичъ (онъ самъ писался то Kopiewski, то Kopievitz). Въ привилегіи, данной ему потомъ на печатаніе русскихъ книгъ отъ голландской республики, онъ названъ полякомъ, жившимъ въ то время въ Амстердамѣ — polonus in praesentiarum habitans Amstelodami. Написанныя имъ книги и въ особенности прошенія его, уцѣлѣвшія до нашего времени, свидѣтельствуютъ, что онъ владѣлъ довольно славянорусскимъ языкомъ, а встрѣчаемыя у него полонизмы, были, какъ извѣстно, въ ходу у всѣхъ малорусскихъ

[1]) Exercitatio historico theologica de statu eccl. et relig. moscoviticae — Nic. Bergii (1709) стр. 157.

[2]) Полн. Соб. Зак. IV, № 2188.

ученыхъ XVII и начала XVIII столѣтій. Это знаніе русскаго языка, конечно, и было причиною, что Петръ Великій, въ бытность свою въ Амстердамѣ, тотчасъ же придумалъ для Копіевскаго родъ дѣятельности, которая не могла не принести пользы Россіи. Въ прошеніяхъ Копіевскаго къ царю (см. прилож. III) сохранились нѣкоторыя любопытныя подробности о случаяхъ, бывавшихъ съ нимъ впродолженіи его сношеній съ русскими въ Амстердамѣ.

Въ 1698 г., Копіевскій составилъ, по приказанію царя, «Краткое собраніе Льва миротворца, августѣйшаго греческаго кесаря, показующее дѣлъ воинскихъ обученіе» (ср. II ч. подъ 1700 годомъ), и представилъ свой трудъ боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину, хотя въ немъ по скорости и не было приложено ясныхъ толкованій, такъ какъ французъ, обѣщавшій Копіевскому сдѣлать ихъ, уѣхалъ въ Брюссель. У Головина, подъячій Михайла Ларіоновъ возвратилъ автору его твореніе, «аки бездѣлицу какую», и приведя его въ поварню, предъ всѣми ругался надъ нимъ, говоря: «у насъ де промышленныхъ людей на Москвѣ стегаютъ!» Копіевскій соглашался, что это дѣло возможное для тѣхъ, кто заботится только о томъ, чтобы взять съ царя жалованье, а онъ работаетъ единственно въ видахъ умноженія и расширенія славы государя, для чего даже не согласился на предложеніе переѣхать въ Берлинъ и остался въ Амстердамѣ вовсе не для Тессинга, который не въ состояніи вознаградить достаточно его великіе труды.

Копіевскій, кромѣ изданія книгъ, давалъ уроки русскимъ князьямъ и боярамъ, бывавшимъ въ Амстердамѣ, по повелѣнію царя. Ученики, впрочемъ, разъѣхались потомъ, не сказавъ и спасибо своему первому наставнику; двое же изъ нихъ — кн. Осипъ Ивановичъ Щербатовъ [1]) и Семенъ Андреевичъ Салтыковъ увезли у Копіевскаго, не заплатя денегъ, четыре глобуса (прилож. III, а).

Особенно жаловался Копіевскій на бывшихъ въ Амстердамѣ русскихъ прикащиковъ Василья и Алексѣя Филатьевыхъ: они упросили его взять къ себѣ и учить одного молодаго русскаго [2]); потомъ,

---

[1]) Кн. Щербатовъ изъ Амстердама отправился въ Берлинъ и, 20 января 1700 года, писалъ оттуда къ царю: «что до нашей науки надлежитъ, только языкъ намъ немного задерживаетъ, а что до геометріи надлежитъ, то мы ее нѣсколько разовъ прошли, а теперя въ Божію волю полагаюся!», и 6 февраля: «воспріялъ вольность еще единожды моего милостивѣйшаго государя отягчати, моля всеподданнѣйше мнѣ милость показати и по прошенію моему мнѣ всемилостивно въ Кенигсбергъ въ Пруссы ѣхать, и тамо свидѣтельство мое учинить и тамо нѣсколько недѣль на высокой школѣ побыть — милостивѣйше позволить. Прошу не изволь мнѣ въ томъ отказать, дабы кто не подумалъ, что мы будто украдкой наши хитрости у приватнаго человѣка выучили».. (Каб. дѣла II, № 1, л. 214, 215).

[2]) Копіевскій называетъ его «парень — татачюкъ»; если послѣднее читать татарчюкъ, т. е. сынъ татарина, то можетъ быть молодой человѣкъ былъ Арчилъ царевичъ имеритійскій, привезенный въ Амстердамъ Петромъ Великимъ въ первое путешествіе по Европѣ. Арчила считали въ Голландіи татарскимъ княземъ, такъ какъ онъ являлся иногда въ великолѣпной восточной одеждѣ. Scheltma, Anecd. sur P. le Gr. 72, 73.

когда Копіевскій сталъ за это требовать денегъ, Филатьевы взяли отъ него ученика, и «прибравъ въ драгоцѣнное платье», отдали его въ ученье другому, не заплатя ничего прежнему учителю. Тѣ же Филатьевы просили Копіевскаго составить и напечатать по русски въ нѣсколькихъ тысячахъ экземплярахъ какую нибудь полезную книгу. Полякъ напечаталъ Ариѳметику съ притчами (о ней см. ниже) въ числѣ 3350 экз., но Филатьевы и отъ книгъ отказались, хотя цѣна была назначена не высокая —всего по 2 алтына за экземпляръ. Копіевскій принужденъ былъ, по совѣту Тессинга и Ивана Іевлева Молодаго (Янъ Юнгъ), Ариѳметику отослать въ Москву (ср. прил. III б.).

Въ декабрѣ 1699 г., Копіевскій представлялъ царю реестръ книгъ, которыя успѣлъ онъ напечатать или составить впродолженіи 17 мѣсяцевъ: изъ нихъ 4 уже были напечатаны, 13 приготовлены къ печати и 4 еще не окончены.

Не долго Копіевскій прожилъ въ мирѣ съ Тессингомъ: въ предисловіи къ латинской грамматикѣ 1700 года есть уже извѣстіе, что нашъ полякъ завелъ свою отдѣльную типографію: «своими деньгами сооружихъ типографію на печатованіе самое точію грамматыки и во единомъ мѣсяцы избыточнымъ тщаніемъ, помощію же божіею, сицевое дѣло имуще послѣдними караванами послати, совершихъ. И тако явѣ есть всѣмъ премудрымъ, всякъ удобѣе узритъ, колико азъ понеслъ трудовъ въ совершеніи сицева дѣла — не поразитъ мя жестокимъ каменемъ зависть! Умолчю же нынѣ о неразумныхъ типографахъ, которыхъ учити нужда бысть мнѣ самому и, ихъ ради неумѣлости, во мнозѣ прегорчихъ душу мою и во мнозѣ отщетихся (et multa damna tuli».

Для огражденія своего права собственности на грамматику въ Голландіи, Копіевскій исходатайствовалъ привилегію на исключительное печатаніе этой книги впродолженіи 15 лѣтъ. Шрифтъ типографіи Копіевскаго кажется одинаковымъ съ Тессинговымъ, но по внимательномъ разсмотрѣніи легко замѣтить, что первый тоньше и очертаніе нѣкоторыхъ буквъ отлично, особенно к, ѡ, ы.

Въ августѣ 1700 г., вышепомянутый Иванъ Іевлевъ Молодой (ср. прил. II, в) послалъ написанное все рукою Копіевскаго прошеніе къ царю: при немъ приложена была сказанная грамматика, съ объясненіемъ, что она издана самимъ сочинителемъ ея; что онъ составилъ много книгъ, но не смѣетъ печатать ихъ самъ, такъ какъ Петръ далъ Тессингу грамоту на изданіе русскихъ сочиненій въ Голландіи; и что, наконецъ, латинская грамматика издана потому, что въ Тессинговой привилегіи не говорилось ничего о печатаніи латинскихъ книгъ. Въ заключеніе, Иванъ Молодой просилъ царя о дозволеніи печатать ему латинскія книги съ русскимъ толкованіемъ и потомъ посылать ихъ на продажу въ Россію.

Прошеніе это подписано: Иванъ Іевлевъ Молодой, anders Jean de

Junge. Изъ этой подписи видно, что Копіевскій переводилъ на русской языкъ и имя, и фамилію голландца Яна Юнга. Отъ послѣдняго сохранилось одного письмо къ царю (въ русскомъ переводѣ), въ которомъ онъ названъ Янъ де Юнгъ Эвоутсоръ. Здѣсь послѣднее прозваніе искажено и должно читать Вуттеръ. Семейство голландскихъ негоціантовъ — Woutter de Jongh вело торговлю съ Россіею и нѣкоторые изъ членовъ его жили въ Архангельскѣ. Когда Петръ Великій прибылъ въ первый разъ въ Саардамъ, то бывавшіе въ Россіи купцы Гутманъ и Вуттеръ Юнгъ явились къ нему и выражали свое изумленіе при встрѣчѣ съ нимъ въ Голландіи. Царь коротко отвѣчалъ имъ: «вы видите» [1])!

Въ 1701 г., напечатана въ типографіи Копіевскаго «Книга, учащая морскаго плаванія»; на заглавномъ листѣ ея значится, что она переведена имъ «вторицею совершеннѣе первыя», а печатана у Авраама Бремана. Посвященіе здѣсь боярину Ѳедору Головину подписано Иваномъ Іевлевымъ Молодымъ и Копіевскимъ.

Въ предисловіи, благочестивому читателю объяснялось, что творецъ «Книги, учащей морскаго плаванія» есть Деграфъ «славнѣйшій во всей Европѣ математыкъ: самъ всѣхъ ихъ (шкиперовъ и штурмановъ) учитъ и свидѣтельствуетъ, а потомъ имъ корабли вручаетъ. И я (продолжаетъ Копіевскій), усмотря такое преславное дѣло, потщихся скоро написать и со всякимъ высочайшимъ почитаніемъ поднесъ ю я въ то время свѣтлѣйшему и изясненѣйшему боярину Ѳедору Алексѣевичу, государю моему премилостивѣйшему, здѣ въ Амстеродамѣ. Въ тожъ время данъ мнѣ былъ указъ великаго государя на печатованіе сея книги, а вторыя лѣтописія; но понеже еще литеръ словенороссійскихъ здѣ никакихъ не было и моя друкарня не была уготована; къ тому здѣшній житель амстеродамскій препятіе великое содѣлалъ: и самъ книгъ не печаталъ и хотящымъ запрещалъ, даже и самъ издше. Нынѣ же присланъ есть указъ великаго государя на печатованіе неточію сея книги, но и всякихъ разныхъ свободныхъ наукъ. И такъ я, по указу великаго государя сію книгу типу предалъ»... Далѣе, Копіевскій оставилъ извѣстіе, что, по незнанію работниками его русскаго языка, онъ былъ не только сочинителемъ, но и типографщикомъ и что «избыточныхъ ради трудовъ преогорчихъ душу мою, самъ единъ труждаяся и въ строеніи книгъ, и въ друкарнѣ, обучая мастеровъ въ сицевомъ дѣлѣ»...

Въ 1702 г., Копіевскій вступалъ въ переговоры съ берлинскою академіею наукъ объ уступкѣ ей своей типографіи, но безъ успѣха [2]). При этомъ случаѣ, въ Германіи возникли толки о славянскомъ шрифтѣ. «Что касается до славянской азбуки, писалъ Либпертъ къ

[1]) Scheltma, Anécd. sur P. le Gr. 91, 92.

[2]) N. Bergii, Exercitatio etc. гдѣ приведено объ этомъ извѣстіе изъ Historische Remarques der neusten Sachen in Europa, 23 Mai 1702 J.

Нёллеру, то я не могу вамъ сообщить о ней ничего вѣрнаго — говорятъ много, но ни на чемъ еще не остановились. Буквы греческія, но изъ нихъ 8 или 10 другаго вида. Надобно было приступить къ вырѣзыванію ихъ, но тутъ-то и вышло разногласіе — одни утверждали, что они знаютъ въ совершенствѣ русскій языкъ, а другіе имъ возражали, что тѣ его вовсе не знаютъ. Итакъ, дѣло на этомъ и остановилось, и до сихъ поръ еще ничего не рѣшено»...

Между тѣмъ, въ іюлѣ 1703 г., Янъ де Юнгъ Вуттеръ послалъ къ царю письмо изъ Амстердама. Здѣсь сообщалось, что онъ, согласно своему обѣщанію, отправилъ Петру 12 ящиковъ съ насѣкомыми и разными предметами изъ Остъ и Вестъ-Индіи, также модель палемоскопіума («сей инструментъ толь дологъ возможно сдѣлать, какова высота башни»). Янъ де Юнгъ, выражая свое удовольствіе, что и прежде посланныя имъ съ племянникомъ къ Москвѣ «остъ и вестъ-индскія диковинки» были пріятны царю, просилъ вмѣстѣ съ тѣмъ принудить его брата, Владиміра, отдать ему, Яну, наслѣдство умершаго брата ихъ Корнелія. «Я, прибавлялъ Янъ, пребываю тако въ надеждѣ, что получу удовольство, ибо я печатаніемъ книгъ и похвальныхъ виршей къ пользѣ вашего царскаго величества поддаными много убытку имѣю, понеже купцовъ и охотниковъ въ земляхъ вашего царскаго величества зѣло мало. Я уповаю книгу о хитрости штурманской (т. е. вышеописанная «Книга, учащая морскаго плаванія»), на славянскомъ языкѣ напечатанную, такожъ вскорѣ въ совершенство приведену получить. Обманщикъ Илья Копіевскій и сей изрядной книги четыре листа или 32 страницы съ фигурами съ собою взялъ и меня тѣмъ ограбилъ, и держится нынѣ въ Польшѣ, или въ Пруссахъ, но его краденое и мои помянутые листы взялъ я здѣсь за арестъ въ надеждѣ, что ихъ вскорѣ получу и возмогу въ ваше царскаго величества московское государство выслать» [1]).

Въ 1705 г., типографія Копіевскаго находилась еще въ Амстердамѣ, по крайней мѣрѣ шрифтомъ ея набрана вышедшая тамъ того года книга «Символы и Эмблемата» у Генриха Вотстенія. Потомъ, въ слѣдующемъ 1706 г., тѣмъ же шрифтомъ напечатано «Руководеніе въ грамматыку во славенороссійскую», но уже въ Штольценбергѣ, у Христіана Филиппа Гольца. Предисловіе подписано Копіевскимъ 20 марта 1706 г., въ Данцигѣ. Кому досталась именно типографія Копіевскаго послѣ 1710 г., когда шрифтомъ ея напечатанъ былъ «Ѳеатръ или зерцало монарховъ» въ Амстердамѣ у Генриха Бройна [2]),

---

[1]) Кабинетскія дѣла II, № 2 л: 492—494. Здѣсь Jan de Jongh Wouter названъ Яномъ де Юнгомъ Эвоутсоромъ. Подлинника этого письма нѣтъ, а только современный русскій переводъ.

[2]) Замѣтимъ здѣсь, что въ «Символахъ» буква ѿ имѣетъ на верху знакъ, не встрѣчающійся въ шрифтахъ Тессинга и Копіевскаго; «Ѳеатръ» же напечатанъ безъ силъ, ѿ съ тѣмъ же знакомъ, какъ и въ «Символахъ».

неизвѣстно, только 17 лѣтъ спустя, этимъ же самымъ шрифтомъ напечатанъ въ Кёнигсбергѣ русскій календарь на 1727 годъ. Авторъ его, Василій Корвѣнъ Квасовскій подписался здѣсь: «его королевскаго прусскаго величества тайный секретарь, присяглый трансляторъ, упривелеованный русскій польскій типографъ», и обозначилъ, что этотъ календарь вышелъ изъ его «власной» (т. е. собственной) типографіи. Другой подобный календарь Квасовскій издалъ въ Кёнигсбергѣ же на 1730 г. Въ 1735 г., шрифтомъ типографіи Копіевскаго напечатаны въ Галлѣ нѣсколько русскихъ книгъ, переведенныхъ съ нѣмецкаго Симономъ Тодорскимъ [1]).

Что же касается до самого Копіевскаго, то около 1707 года онъ является въ Россіи. Въ этомъ году, изъ царской канцеляріи ему дано было 50 ефимковъ для покупки книгъ въ Данцигѣ, но онъ успѣлъ купить тамъ только одну — «Артиллерію» Брауна. Возвращаясь въ Россію съ дочерью и пожитками, Копіевскій, по его словамъ, на дорогѣ былъ ограбленъ казаками. По пріѣздѣ его въ Варшаву, Петръ велѣлъ ему быть «въ полкахъ» при Яковѣ Вилимовичѣ Брюсѣ. Копіевскому нисколько не нравилась жизнь въ походахъ съ дочерью, и онъ просилъ царя, въ маѣ 1708 г., дать ему какое нибудь другое назначеніе, а также и жалованье (ср. прил. II г.). Въ то же время, Брюсъ писалъ къ Петру, что Копіевскій живетъ у него безъ всякаго дѣла, такъ какъ онъ въ нѣмецкомъ языкѣ неискусенъ, а лучше бы ему переводить польскія книги лѣтописныя или геометрическую: «того ради, не лучше ли его отослать къ Гаврилѣ Ивановичу (Головкину, начальнику посольской канцеляріи), понеже мнѣ не надобенъ»...

Дальнѣйшихъ извѣстій о судьбѣ Копіевскаго въ Россіи еще не отыскалось [2]).

Списки книгамъ, которыя издалъ, приготовлялъ или еще только сочинялъ Копіевскій въ 1699, 1700 и 1706 годахъ, читатель найдетъ въ III приложеніи, подъ буквою *a*. Отсюда можно видѣть, что Копіевскій успѣлъ написать и издать довольно книгъ и притомъ самаго разнообразнаго содержанія; впрочемъ, всѣ онѣ въ научномъ отношеніи не имѣютъ большихъ достоинствъ и замѣчательны лишь для своего времени.

Любопытно то обстоятельство, что Копіевскій старался буквально поддѣлаться къ помѣщенному въ привилегіи Тесснига условію — прославлять русскаго царя и народъ его. Такъ напр., въ первой же, напечатанной въ Амстердамѣ книгѣ: «Введеніе краткое во всякую исторію», составителемъ ея сдѣлано такое обращеніе: «вѣжды, православный читателю, яко бы не имѣяхомъ дерзновенія писати

---

[1]) О русскихъ галльскихъ изданіяхъ см. Библіогр. записки 1861 г. № 2, стр. 35—45.

[2]) М. Евгеній, а за нимъ и Сопиковъ полагали, что Копіевскій умеръ въ 1701 году.

варварскому какову народу; но славянороссійскій народъ славно прославися, паче всѣхъ народовъ, своимъ благоразумiемъ: прочіе народы и порубежнаго не разумѣютъ языка; славянороссійскій же народъ сіе дарованіе Божіе имѣетъ, яко едва не всю Европу о своемъ языкъ прейдетъ... Славніи италіане, французы, но точію въ своей землѣ, за рубежемъ—варвары тщеславніи. Славяно же россійскій народъ славный, не тщеславный, смиренномудренно держится, аще же паче всѣхъ тѣхъ языкъ родоязычіе имѣетъ»...

«Введеніе краткое во всякую исторію» начинается опредѣленіемъ науки: исторія утверждаетъ память и описываетъ дѣла прошедшія и настоящія, «да познаетъ и не забываетъ ни одинъ родъ». Она приноситъ пользу и утѣшеніе; чтеніе ея удивительно исцѣляетъ болѣзни тѣла и духа: Фердинандъ, владѣтель сицилійскій, и Альфонсъ испанскій, будучи такъ больны, что отъ нихъ отказались всѣ доктора, заставили читать себѣ — одинъ Тита Ливія, другой — Квинта Курція, и оба получили отъ того облегченіе: такой же случай разсказанъ и о Лаврентіѣ Медици. Сверхъ того, примѣры великихъ мужей въ исторіи возбуждаютъ охоту къ подражанію имъ, такъ Солиманъ турецкій велѣлъ перевести Юлія Кесаря и побѣдилъ многіе народы Европы и Азіи».

Послѣ такихъ неопровержимыхъ доказательствъ въ пользу науки, въ «Введеніи» исчислены событія изъ священной исторіи, далѣе слѣдуетъ перечень государей халдейскихъ, вавилонскихъ, персидскихъ, македонскихъ, римскихъ, съ показаніемъ годовъ царствованія, и, наконецъ, объяснены время, эпохи и синхронизмы.

За исторіею помѣщена географія, состоящая въ описаніи морей, озеръ и рѣкъ, острововъ и горъ, также различныхъ единицъ для измѣренія земли. Какъ здѣсь описаны мѣста русской земли — можно имѣть понятіе изъ слѣдующаго отрывка о Москвѣ рѣкѣ: «она паче всѣхъ рѣкъ прославися зѣло и именемъ Мосоха, праотца россійскаго, и пресвѣтлѣйшимъ престоломъ пресвѣтлѣйшаго и великаго монарха».... И далѣе: «здѣ удивитеся! пріидите всѣ боящіеся, пріидите и видите дѣла Божія, яко Господь огради люди свои на востокъ отъ запада и отъ полуденныя страны тремя великими и славными рѣками (между ними и Москва рѣка); даде Господь Богъ и пастыря единого всѣмъ, возлюбленнаго помазанника своего, пресвѣтлѣйшаго и великаго государя, его же величество возвесе даже до небесе съ высокаго на высочайшій степень, паче всѣхъ царей земныхъ».

Изъ учебниковъ, составленныхъ Копіевскимъ для ознакомленія съ иностранными языками, извѣстны: славянская и латинская грамматики и вокабулы. Въ первой помѣщено весьма краткое извлеченіе изъ грамматики Смотрицкаго, а въ концѣ приложены «Изображенія разговоровъ къ удобнѣйшему познанію языковъ» (латинскаго, нѣмецкаго и русскаго), гдѣ находимъ: «поздравленіе утрен-

нее (добрый день, bonus dies, ein guter tag и т. д.), полуденное, вечернее, егда смеркнетъ (буди тебѣ сія ночь счастлива, sit tibi haec nox felix, Dir sey die Nacht glückselig), егда идутъ спать, егда отъ сна возстаютъ (гдѣ между прочимъ такой вопросъ: «чево сорометися, cujus me pudent, was soll ich mich schämen?); когда столъ покрываютъ». Въ каждомъ отдѣлѣ поименованы и разговаривающія лица, такъ въ 1-мъ Андрей и Валтазаръ, во 2-мъ — Децій и Евстахій и т. д. Въ концѣ есть правило о русскомъ произношеніи буквы г [1]).

Латинская грамматика составлена толковѣе: хотя и въ ней правила изложены кратко, однако много примѣровъ, изъ которыхъ ученику видиѣе свойства языка. Въ предисловіи Копіевскій говоритъ, что онъ уже издалъ 7 книгъ, а 12 приготовилъ къ печати, но увидалъ «яко тщетный есть всякъ трудъ безъ грамматики, и тую преукрасихъ, кромѣ терніева толкованія, колико мощно было, ученій, краткость въ чину, изъясненіе въ прикладахъ, или образахъ, пользу во всяческихъ.... Сицевымъ чиномъ чрезъ всѣ части Етымологіи во единѣмъ часѣ совершеннѣ всякъ юноша разрѣшити всякое имя и слово возможетъ, аще сія вся получихъ — у иныхъ благоразуміе буди. Геркулевымъ убо дерзновеніемъ воспріяхъ сіе дѣло во имя Господне и запотихся во истинно не безъ тщеты иныхъ дѣла совершенія и имѣнія моего».

Что касается до вокабулъ, гдѣ подъ разными отдѣлами собраны различныя слова, чаще встрѣчающіяся въ разговорахъ, то несмотря на краткость ихъ, они потомъ были запимствованы и въ русскомъ изданіи Букваря Поликарпова.

«Руководеніе во аритметику» напечатано на 16 небольшихъ страницахъ и состоитъ въ изложеніи первыхъ четырехъ ариѳметическихъ правилъ; въ концѣ же обѣщано: «аще благоугодна сія будетъ православнымъ читателемъ, совершеннѣе помощію Божіею на желаніе напшется (sic) вскорѣ». Здѣсь ариѳметика раздѣлена на 5 частей: числа, придача, изъятіе (убавка), умноженіе и раздѣленіе. Въ опредѣленіи чиселъ пуль названъ оникомъ; въ числахъ различаются «перстъ и артыкулъ или суставъ:

«1 перстъ.

1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	0.
Единъ	Два	Три	Четыре	Пять	Шесть	Семь	Осемь	Девять	Ничего

Увѣщаніе. Всякое число по единому персту знаменуетъ, оникъ съ первымъ десятой перстъ изобразуетъ.

---

[1]) Изъ втораго списка амстердамскихъ изданій видно, что Копіевскій приготовлялъ къ печати другую русскую грамматику въ 4° (здѣсь описываемая въ 8°).

10.	20.	30.	40.	50.	60.	70.	80.	90.	100.	200.
Десять	Двадцать	тридцать	сорокъ	пятьдесятъ	шестьдесятъ	семдесятъ	осьмдесятъ	девяносто.	сто	двѣсти

Сіе имя артыкулъ зовется, понеже всегда съ десятками соединяется»....

За тѣмъ, показано очертаніе чиселъ арабскими, славянскими и римскими цифрами. 1.000.000.000 названъ «тьмою»; далѣе—краткое объясненіе ариѳметическихъ правилъ: адыцыя, субтракцыя, мультипликацыя и дивизія. Вотъ, напр., опредѣленіе вычитанія: «субтракцыя, или убавленіе, си есть убавка. Убавляющее число есть егда малый отъ великаго производится и подъ нимъ пишется; на прикладъ: убавь 57 отъ 89 и сотвори, яко послѣдуетъ, поставь 57 подъ 89 возми 7 отъ 9—останется 2, два поставь подъ линію 7; убавь же 5 отъ 8—останется 3 и тако будетъ 32». Повѣрка названа искушеніемъ. При умноженіи «подается лѣствица умноженія перстовъ, или способъ Питагоревъ, иже содѣла по девяти перстовъ въ длину и въ ширину, сице же употребляются дважды два суть четыре».... и т. д.

Въ концѣ ариѳметики припечатаны «сентенціи, или притчи, ко благочестію и благимъ обычаемъ служащія», гдѣ въ началѣ помѣщены нравоученія въ родѣ такихъ: Deum timite—Бога бойтеся, Regem honorate—царя чтите, а потомъ риѳмованныя двоестрочія съ латинскимъ подлинникомъ, напр.:

Si Deus est animus nobis ut Carmina dicunt,
Hic tibi praecipue sit pura mente calendus.
Понеже Богъ есть духъ, писаніе намъ ставитъ,
Долженъ ты его чистымъ сердцемъ всегда славить.
Male agitur cum Domino, quem vellicus docet,
Пропало дѣло того господина,
Коего учитъ его же слуговина.

Послѣ такихъ сентенцій помѣщено 17 притчъ на одномъ русскомъ языкѣ. Эта самая книга, какъ видѣли выше, была заказана Копіевскому прикащиками Филатьевыми, которые потомъ отъ нея отказались.

Сочиненіе «О дѣлѣ воинскомъ» состоитъ изъ перевода наставленій Льва кесаря Миротворца и разсужденій изъ польскаго писателя Симона Старовольскаго [1]) — все это не болѣе, какъ общія мѣста о качествахъ полководцевъ, о веденіи войны и т. п. Въ заключеніи, быть можетъ придѣланномъ съ намѣреніемъ самимъ Копіев-

[1]) Сочиненіе Старовольскаго издано въ Краковѣ 1640 г. подъ заглавіемъ Institutionum rei militaris.

скимъ, преподаны совѣты, что военному человѣку надобно знать науки: «Ничто же полезнѣйшее есть въ семъ житіи, какъ познаніе и умѣлость письменъ. Сіе приношаетъ величество и славу, сіе неизреченную красоту воздаетъ, сіе государства великія укрѣпляетъ, и расширяетъ и прославляетъ — всякому человѣку во всякомъ чину полезно. Письмена разумъ исправляютъ, и обучаютъ, и утѣшаютъ, откуду храбрость и добродѣтели въ первоначальникахъ зъ наученія и читанія письменъ. Не токмо бо красотою и славою возвеличаются, но цвѣтъ точію имѣющій величества своего отъ писменъ покровъ, благородіе и силу: ими же своимъ любезнѣйши суть, супастатомъ же—страшнѣйши. Сіе же есть юнѣйшимъ воемъ, воинственнаго ради обученія списано».

Это увѣщаніе о пользѣ наукъ теперь кажется общимъ мѣстомъ, но при Петрѣ писались длинныя предисловія на эту тему: самъ царь, по свидѣтельству Вебера (Das veränderte Russland), любилъ заводить съ своими придворными разговоры объ этомъ предметѣ и тогда, разумѣется, не слыхалъ возраженій.

«Книга, учащая морскаго плаванія» есть переводъ голландскаго учебника Авраама де Графа, и Копіевскій рекомендовалъ его русскимъ читателямъ въ такихъ выраженіяхъ: «Вѣжды же о семъ всякій, православный читателю, яко сія книга полезна есть къ обученію и желаемому благоискусству, не точію хотящимъ учитися морскаго плаванія, но и всякаго чина людемъ въ дому сущимъ и путешествующимъ воинскимъ и торговымъ людямъ. Морскаго плаванія вкратцѣ и совершенно обучаетъ сія книга рядовымъ числомъ, обаче Математыка, Космографія, Геометрія и Географія не умолкоша. Здѣ всякъ обрящетъ ищущій премудрости много зѣло полезная».

Копіевскому принадлежитъ честь быть первымъ издателемъ русскаго перевода древнихъ писателей: въ спискахъ его видно, что онъ приготовлялъ къ печати «о добродѣтели» Горація, но успѣлъ издать только басни Езопа, собранныя Авіеніемъ. О до-петровскихъ русскихъ переводахъ произведеній, приписываемыхъ Езопу, говорится во 2 ч. настоящаго труда подъ № 28. Изданіе Копіевскаго сдѣлано на русскомъ и латинскомъ языкахъ и напоминаетъ разсказы Вебера, какъ Петръ хорошо зналъ эти басни и кстати ссылался на нихъ.

Въ турецкой походъ къ Пруту, надежда царя на вспоможеніе одной державы не осуществилась, русскіе проиграли кампанію, заключили невыгодный миръ, и тогда прибылъ посланникъ той державы съ поздравленіемъ отъ имени своего государя, что Петръ, своею мудростью и божескимъ заступленіемъ, избѣжалъ великой опасности. Выслушавъ хладнокровно рѣчь дипломата, царь, вмѣсто отвѣта, спросилъ его: знаетъ ли онъ по латинѣ? и, получивъ утвердительный отвѣтъ, вынесъ изъ кабинета экземпляръ басенъ Езопа, нашелъ въ нихъ басню «Козелъ и Лиса» (которые оба попали въ колодецъ, но лиса вы-

бралась оттуда по рогамъ козла и стала надъ нимъ же смѣяться) и, указавъ это посланнику, покинулъ его съ словами: «желаю вамъ покойной ночи!» Я слышалъ, прибавляетъ Веберъ, этотъ разсказъ отъ самого посланника, еще и теперь здравствующаго и сдѣлавшагося извѣстнымъ министромъ [1]).

Въ другой разъ, одинъ иностранный генералъ въ русской службѣ хотѣлъ успокоить царя на счетъ непріятельскаго нападенія и увѣрялъ, что онъ съ своимъ отрядомъ отмстилъ бы за нападеніе и возвратилъ бы потерянное. — Не храбритесь, возразилъ Петръ: если непріятель далеко, то воображайте его слономъ, а въ рукопашной схваткѣ считайте его не болѣе мухи: учитесь изъ басенъ Езопа, что прежде надо убить медвѣдя, а уже потомъ дѣлить его шкуру [2]).

«Поверстаніе круговъ небесныхъ» состоитъ изъ краткихъ задачъ о склоненіи солнца и т. п.; при томъ есть карта съ изображеніемъ небеснаго глобуса, описанная подъ 1699 годомъ во 2-й части.

Ревность Копіевскаго была такъ велика, что онъ, не ограничиваясь переводами и составленіемъ учебниковъ, напечаталъ на взятіе Азова произведеніе «стихами поетыцкими», въ которыхъ, чтобы возвысить побѣду русскихъ, такъ описывается могущество Турціи:

Страшно было еже впасть азійскаго змія
Въ руцѣ, яко и сама европская выя
Жестокія ярости его убояся;
Сѣтовашу всѣ страны въ едину сходяся,
Совѣтоваша купно, но не премогоша —
Злочестивыя силы зѣло превзыдоша.
Нощная же луна ихъ пача помрачати
И всю подсолнечную тьмою наполняти.
Ново-мѣсячниковъ лушыхъ много сотвори,
Благочестіе, и любовь, вѣру разори
Православную: въ мѣсто жъ ея, Махомета
Невѣріе приведе мрачная планета....

Любопытная гравюра, приложенная къ этому произведенію, описана во 2-й ч. подъ 1700 г. Видѣли выше изъ письма Юнга Вуттера къ царю, что эти похвальныя вирши, подобно другимъ русско-амстердамскимъ изданіямъ, мало находили себѣ покупщиковъ въ Россіи.

Одинъ экземпляръ календаря, изданнаго въ Амстердамѣ, я видѣлъ не полный: въ немъ только святцы, гдѣ имена святыхъ и названія праздниковъ напечатаны по-русски и пѣмецки.

Въ типографіи Тессинга была напечатана также, безъ означенія года, карта съ изображеніемъ странъ между Дономъ и Днѣпромъ. По свидѣтельству Миллера [3]), она немѣетъ заглавія, вмѣсто котораго

---

[1]) Das veränderte Russland Th. II, 22, 23.

[2]) Ibid. стр. 23.

[3]) Ежемѣсячныя сочиненія 1761 г. ноябрь, стр. 424 и 425.

такое посвященіе: «Invictissimo atque augustissimo imperatori, serenissimo ac potentissimo principi Petro Alexiewicio, utriusque Russiae absoluto domino, in laudem et immortalem gloriam serenissimae ejus tzareæ majestatis, honoris ergo, Tabulam hanc, ut animi grati documentum, qua pars majoris et minoris Russiæ, Poloniæ, Tartariæ, Ponti euxini ac Natoliæ continetur, offert, dedicat et consecrat humilissimus Johannes Thessing, amstelodamensis. Cum privilegio S. Tz. M.»

Наконецъ, извѣстна въ библіотекѣ И. П. Каратаева гравюра съ русскими стихами и объясненіями, и на ней подпись: Amstelodami, Tessing excudit fecit. Она сдѣлана довольно затѣйливо — листъ сложенъ нѣсколько разъ въ видѣ конверта: раскрывая первые згибы, находимъ стихи:

Тебѣ и мнѣ скоро да вручится
Пунктъ не великъ — пріими со желаніемъ,
Смотри жизнь свою со вниманіемъ:
Внутрь сей грамотки прилогъ на меня,
Осмотрись тажъ радость идетъ на тебя,
И всѣмъ мѣсто ту, гдѣ она надлежитъ,
Когда душа отъ тѣла скоро отбѣжитъ.

На оборотѣ представлено древо познанія добра и зла:

Се весьма въ снѣдь сластно:
Рождшимся дѣтемъ страстно.

подъ деревомъ Ева:

Се сотворенъ едина азъ отъ земли,
Но всякъ себѣ внемли.

Потомъ раскрываются другіе згибы, гдѣ изображенъ змѣй, искушающій у древа Адама и Еву, на вершинѣ дерева распятіе, кругомъ объяснительные стихи, а внизу:

Вы, смерти подлежащіе, помышляйте прешедшее,
Каково было славно мое счастіе мимошедшее;
Но что потомъ будетъ содѣлатися,
Можетъ вамъ съ болѣзнію скоро узрѣтися.

На оборотѣ изображены мужчина и женщина въ нѣмецкихъ платьяхъ:

Ахъ, ахъ, міръ о вѣчномъ благому не помышляетъ,
Ходитъ въ суетномъ убранствѣ и симъ ся украшаетъ,
Въ любодѣйствѣ ищетъ себѣ удоволити,
Чрезъ пріятность нѣчто тайно сотворити!

Потомъ, около губъ женщины:

Аще хощеши, то сотворимъ нынѣ тайно со мною?

и около мужчины:

Ахъ, ахъ, не вѣмъ, что сотворити имамъ съ тобою!

Наконецъ, развертывается весь листъ — вверху изображенія съ подписями:

Симъ молитву дѣетъ,
Хамъ пшеницу сѣетъ,
Фетъ власть имѣетъ,
Смерть всѣми владѣетъ.

По срединѣ, смерть съ своими аттрибутами и грѣшникъ въ мукахъ ада; кругомъ стихи правоучительные, въ родѣ такихъ:

О человѣче, здѣ красяся въ зерцало смотрися,
Въ сей гробъ зъ дѣлы свои готовися.
И что ѣси ты — себѣ помышляй непрестанно,
Да внидеши въ первую сладость невозбранно....

Въ Россіи явились потомъ подражанія этому амстердамскому произведенію — только на нихъ уже не находится помянутой выше латинской подписи.

III.

Сношенія Петра Великаго съ Лейбницомъ. Проекты послѣдняго о введеніи наукъ въ Россіи. Вольфъ: приглашенія ему переселиться въ Россію. Заслуги его русскому просвѣщенію. Знакомства царя съ французскими учеными въ Парижѣ, въ 1717 г. Замыслы французскихъ богослововъ. Размѣнъ учтивостей съ парижскою академіею наукъ.

Въ сношеніяхъ Петра Великаго съ Лейбницомъ поражаетъ, прежде всего, внимательность государя къ наукѣ и ученому сословію: царь ведетъ ожесточенную войну, усмиряетъ безпрестанно возстанія, занимается управленіемъ такъ, что ни малѣйшее распоряженіе въ государствѣ не дѣлается безъ его вѣдома, и при всемъ томъ онъ, однако, находитъ время узнать, что въ Германіи живетъ Лейбницъ, не знаменитый ни своимъ родомъ, ни должностью при какомъ нибудь могущественномъ дворѣ, но только ученый, котораго знанія и открытія въ наукахъ сдѣлали извѣстнымъ Европѣ. Въ знакомствѣ съ Лейбницомъ Петра видна дань уваженія къ наукѣ и общественному мнѣнію, которое признавало германскаго мыслителя первымъ ученымъ своего времени.

Извѣстна многосторонняя дѣятельность Лейбница: знаменитый въ исторіи философіи своею монадологіею, онъ успѣлъ въ математикѣ сдѣлать открытіе о величинахъ безконечно малыхъ (дифференціальныя вычисленія), собралъ кодексъ дипломатическихъ актовъ, писалъ исторію брауншвейгскаго дома, сочинялъ трактаты о происхожденіи франковъ, о таинствѣ евхаристіи и т. п. Еще прежде личнаго свиданія съ царемъ, Лейбницъ желалъ имѣть образцы нарѣчій и языковъ, которыми говорятъ разные народы въ Россіи, и интересовался лѣтописью Нестора, найденною царемъ въ Кенигсбергѣ. Въ 1711 г., когда Петръ былъ въ Торгау, Лейбницъ, чрезъ барона Гюйссена, получилъ туда приглашеніе, видѣлся съ царемъ и былъ пожалованъ отъ него званіемъ тайнаго совѣтника.

Въ грамотѣ, данной по этому случаю (1 ноября 1712 г.), сказано, что такое званіе дано Лейбницу «во уваженіе извѣстныхъ царю и имъ испытанныхъ добрыхъ качествъ ученаго, который можетъ способствовать развитію математическихъ знаній, историческихъ розысканій и другихъ наукъ, такъ какъ имѣетъ сношенія со многими учеными». Царь, для осуществленія намѣренія — содѣлать цвѣтущими науки и искусства въ своемъ государствѣ — обѣщался въ грамотѣ присылать Лейбницу изъ Россіи требуемыя имъ свѣдѣнія, а также принимать въ особенное вниманіе предложенія и проекты этого ученаго, который за то имѣлъ получать жалованье по 1000 рейхсталеровъ въ годъ.

Изъ представленныхъ, вслѣдствіе этого, Лейбницемъ предположеній извѣстны: 1) О необходимости магнитныхъ наблюденій въ разныхъ мѣстахъ Россіи, вмѣстѣ съ изслѣдованіями о положеніи и природѣ страны; въ концѣ прибавлено, что англійскій парламентъ принялъ уже нѣкоторыя мѣры касательно этого предмета, а потому слѣдуетъ, при посредствѣ статсъ-секретаря Стенгопа (Stanhope) и Лейбница, войти о томъ въ переговоры съ британскимъ правительствомъ. 2) Письмо къ русскому послу, кн. Куракину, гдѣ Лейбницъ сначала пишетъ, что онъ съ восторгомъ готовъ содѣйствовать царю въ намѣреніи — заставить цвѣсти науки и искусства въ огромной имперіи его; но это невозможно исполнить, когда продолжается война. Введеніе наукъ въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія, вещь не легкая, и потому необходимо торопиться, особенно если царь хочетъ при жизни своей видѣть плоды своихъ трудовъ. Прежде всего, надобно составить планъ и подумать о средствахъ къ осуществленію его. Ученые, предназначаемые для распространенія наукъ въ Россіи, должны быть выбраны изъ способныхъ къ тому людей: бо́льшая часть ихъ будетъ жить въ Россіи, другіе же останутся за границей, чтобы поддерживать сношенія и сообщать обо всемъ томъ, что́ будетъ тамъ происходить достойнаго вниманія. Въ числѣ необходимыхъ предметовъ поименованы: зданія, сады, библіотеки, кабинеты,

обсерваторіи, лабораторіи, снабженные растеніями, инструментами, моделями, книгами, медалями, древностями и проч. Но, приступая къ осуществленію всего этого, необходимо подумать о постановленіяхъ и статутахъ для новыхъ учрежденій, дабы, при образованіи молодежи, избѣгнуть тѣхъ злоупотребленій, которыми полны учебныя заведенія на Западѣ. Расходы при введеніи наукъ должны быть умѣренны, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы обезпечивали существованіе ученыхъ; необходимыя при томъ деньги можно достать внѣ Россіи и такимъ образомъ, что царь отъ того скорѣе выиграетъ, нежели потеряетъ. Болѣе же подробный планъ можно составить только тогда, когда будутъ вѣрно извѣстны всѣ обстоятельства дѣла, а главное намѣренія на этотъ счетъ царя. Для учрежденія академій, университетовъ и школъ заслуживаютъ вниманія города: Москва, Кіевъ, Астрахань и Петербургъ.

Вообще въ такомъ важномъ и нескоро осуществляемомъ дѣлѣ необходимо обстоятельно обдумать общую идею и потомъ постепенно, по частямъ и при случаѣ, приводить ее въ исполненіе, подобно тому, какъ при возведеніи значительнаго зданія, лучше составить напередъ планъ или модель его. О сокращеніи издержекъ Лейбницъ обѣщался изыскать средства въ бытность свою въ Берлинѣ.

Далѣе онъ пишетъ, что ему говорили объ особенномъ желаніи царя — споспѣшествовать нѣкоторымъ учрежденіямъ circa studio въ Петербургѣ, и что если бы получить о томъ свѣдѣнія, то можно бы помочь и въ этомъ дѣлѣ.

Лейбницъ просилъ представить царю его предположенія въ переводѣ и передать поклоны Брюсу, Гюйссену, гр. Головкину и кн. Меншикову, хотя послѣднихъ двухъ онъ не зналъ лично. Кромѣ того, ходатайствовалъ о присылкѣ ему для справокъ лексикона и грамматики славянскаго языка.

Сохранились также двѣ записки, которыя касаются дипломатическихъ переговоровъ Лейбница, по порученію Петра, съ австрійскимъ дворомъ.

За тѣмъ извѣстны три письма Лейбница къ царю, касательно введенія наукъ въ Россію.

Въ началѣ перваго онъ говоритъ, что цари есть земные боги, а потому, чтобы наслаждаться плодами трудовъ своихъ, они должны подражать божескому управленію вселенной. Послѣ похвалъ Петру, Лейбницъ утверждаетъ, что тамъ только можетъ быть хорошее правленіе, гдѣ учреждены коллегіи, внутреннее устройство которыхъ похоже на механизмъ часовъ, гдѣ колеса взаимно другъ друга приводятъ въ движеніе. Для Россіи германскій философъ считалъ необходимыми 9 коллегій: государственную, военную, финансовую, полицейскую, юстицкую, торговую, вѣроисповѣданій, ревизіонную и учe-

пую [1]). О послѣдней Лейбницъ говоритъ подробно; писать о составѣ другихъ предлагалъ также свои услуги, за исключеніемъ только государственной и военной.

Для ученой коллегіи нужно выбирать людей, основательно знакомыхъ съ науками, а не полуневѣждъ, отъ которыхъ государство ничего не выигрываетъ. Обязанности избранныхъ въ коллегію состоятъ: a) излагать каждому свою науку по усовершенствованной методѣ и притомъ стараться слѣдить за открытіями и улучшеніями; b) наблюдать, чтобы молодежь въ государствѣ была воспитываема хорошо и проходила бы всѣ науки; c) испытывать тѣхъ изъ молодыхъ людей, которые отправляются за границу, и потомъ представлять о нихъ царю для наблюденія за границей, чтобы тамъ каждый изъ посылаемыхъ юношей учился тому, къ чему найденъ способнымъ по испытаніи. Такими способами Лейбницъ ожидалъ: 1) что незамѣтно невѣжество будетъ изгнано изъ Россіи; 2) что въ сомнительныхъ случаяхъ можно будетъ обращаться къ ученой коллегіи за совѣтами; 3) что иностранцы станутъ путешествовать по всѣмъ странамъ, гдѣ много будетъ находиться образованныхъ людей; 4) что молодежь, возвращаясь домой, принесетъ пользу государству и охранитъ правительство отъ многихъ издержекъ, и 5) что въ службѣ царя будутъ такіе же образованные люди, какъ въ Европѣ, и даже лучше, изъ своего народа.

Для обученія юношества въ Россіи, необходимо учредить академію [2]), которая должна помѣщаться въ удобномъ для того домѣ, имѣть хорошую библіотеку и типографію.

Предметы преподаванія:

Молодежь должна учиться познавать Творца и твореніе — для достиженія этого, слѣдуетъ руководствоваться божественнымъ свѣтомъ, переданнымъ намъ по откровенію въ св. писаніи, а потому преподается Богословіе, которое, впрочемъ, должно заключаться не въ безплодныхъ диспутахъ объ обрядахъ, но въ истинной любви къ Богу и ближнему.

Твореніа бываютъ или духовныя, о которыхъ научаетъ пневматика, или духовно-тѣлесныя—я самъ или другіе люди. Я сознаю себя по тѣлу и душѣ. Душа имѣетъ двѣ главныя способности: разумъ (Verstand) и волю (Willen). Что такое разумъ, въ чемъ состоятъ его

---

[1]) Извѣстно, что Петръ учредилъ коллегіи указомъ 12 декабря 1718 г.; онѣ назывались: коллегія чужестранныхъ дѣлъ, каморъ или казенныхъ сборовъ, юстиціи, ревизіонъ, воинская, адмиралтейская, комерцъ, штатсъ контора, бергъ и мануфактуръ.

[2]) Ясно, что здѣсь Лейбницъ даетъ названіе академіи высшему учебному заведенію. Въ указѣ объ учрежденіи петербургской академіи наукъ, Петръ хотѣлъ, чтобы она имѣла двоякое назначеніе: дѣлать открытія и усовершенствованія въ наукахъ и въ то же время обучать юношество.

заблужденія, какъ онъ можетъ быть усовершенствованъ, какъ я долженъ искать истину и ее сообщать другимъ — учитъ Логика.

Дурныя стороны и наклонности воли, исправленіе ихъ — предметъ Этики.

Узнать мое тѣло по его темпераменту, устройство и сохраненіе его — учитъ Медицина и Хирургія.

Другіе люди или въ-живыхъ, или умерли. Познаніе о послѣднихъ и ихъ жизни — преподаетъ Исторія.

Познанія о живыхъ людяхъ состоятъ въ томъ, чтобы я воздавалъ каждому свое и учился разумно обходиться съ ними — предметъ права естественнаго и государственнаго.

Творенія видимыя находятся или надо мною — о нихъ научаетъ Астрономія, или вокругъ меня — чтобы узнать послѣднія, существуетъ Географія.

Строить корабли, дома, крѣпости — научаетъ архитектура; ихъ измѣривать — Геометрія, Ариѳметика.

Чтобы пользоваться всѣми удобствами на сушѣ и на водѣ — споспѣшествуетъ Механика.

Чтобы узнать все существующее на землѣ, въ водахъ и воздухѣ, свойства, качество и природу его — есть Физика. Разложеніе его — учитъ Химія. При изнеможеніи отъ безпрерывныхъ работъ, человѣкъ находитъ отдохновеніе въ Музыкѣ.

Кто желаетъ передавать другимъ пріобрѣтенныя имъ знанія, тотъ долженъ знать нѣсколько языковъ, выучиться которымъ, при хорошей методѣ, можно въ короткое время.

Въ заключеніе, Лейбницъ и здѣсь упоминаетъ объ издержкахъ и о томъ, что у него есть средство къ покрытію ихъ. Вообще, если царь поручитъ дѣло образованія умнымъ и способнымъ директорамъ, то въ нѣсколько лѣтъ отъ введенія наукъ будетъ государству такая польза, которой перо описать не въ состояніи.

Въ письмѣ къ царю, отъ 12 декабря 1712 г., Лейбницъ, сообщая изъ Вѣны о тогдашнихъ политическихъ дѣлахъ, въ концѣ прибавляетъ, что послалъ чрезъ Брюса письмо къ епископу рязанскому (т. е. Стефану Яворскому), о необходимости, для распространенія христіанства, перевода на языки живущихъ въ Россіи инородцевъ десяти заповѣдей, Отче нашъ и Символа вѣры, или же составить для каждаго племени небольшой лексиконъ ихъ языка. Далѣе, сохранился реестръ, въ которомъ Лейбницъ требовалъ: a) каталогъ изданныхъ въ Россіи книгъ, какъ обращающихся въ продажѣ, такъ и другихъ; b) свѣдѣнія о рукописяхъ греческихъ и русскихъ, хранящихся въ монастыряхъ и иныхъ мѣстахъ; c) списокъ ученымъ русскимъ и иностраннымъ, находящимся на службѣ царской; d) свѣдѣніе о японцѣ, котораго бурею прибило къ берегамъ Камчатки и о которомъ будто бы г. Виніусъ знаетъ обстоятельно (ежели японецъ еще живъ, то можно

бы распросить его самого); e) извѣстія о сибирякахъ, поѣхавшихъ далеко на Сѣверъ и будто бы открывшихъ тамъ теплыя страны; f) доставленіе образцовъ языковъ народовъ русскаго царства и сопредѣльныхъ съ нимъ странъ, каковые образцы могутъ состоять изъ переводовъ Отче нашъ, Символа вѣры и заповѣдей съ русскимъ подстрочнымъ текстомъ, или же изъ краткаго словаря именъ, глаголовъ и чиселъ; g) русской лексиконъ или вокабулы; i) славянскую грамматику; k) всѣ русскія историческія книги; l) книгу, называемую Патерикономъ; m) русскую Библію, въ-особенности Новый завѣтъ послѣдняго изданія; n) божественную службу по-русски и o) русскій катихизисъ.

Въ письмѣ къ царю, отъ 26 октября 1713 г., изъ Вѣны, напоминаетъ Лейбницъ, что послѣ вступленія его въ русскую службу, онъ ѣздилъ въ Вѣну, гдѣ былъ очень хорошо принятъ императоромъ, въ чемъ, вѣроятно, способствовалъ примѣръ, поданный его царскимъ величествомъ. Впродолженіи этого времени, Лейбницъ старался доказать вѣрность свою и усердіе къ царю, что̀ засвидѣтельствуетъ русскій посланникъ Матвѣевъ. Для выполненія желанія царя, чтобы Лейбницъ способствовалъ ему въ изданіи и утвержденіи добрыхъ законовъ въ государствѣ, а также въ распространеніи наукъ и искусствъ — германскій ученый познакомился съ постановленіями царя Алексѣя Михайловича и придумывалъ, что̀ нужно было бы ввести въ государствѣ новаго при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда въ Россіи распространяется свѣтъ и царь желаетъ видѣть въ подданныхъ своихъ улучшенія нравовъ и бо́льшей кротости. Для достиженія этого, по̀ мнѣнію Лейбница, необходимо воспитаніе юношества въ страхѣ Божіемъ, добродѣтеляхъ и наукахъ. За тѣмъ перечислены снова всѣ мѣры, которыя предлагалъ при томъ Лейбницъ письменно и изустно, а именно: учрежденіе магнитныхъ наблюденій, разысканіе — соединенъ ли американскій материкъ съ азіатскимъ, устройство сообщенія между Россіею и Китаемъ черезъ Россію съ тѣмъ, чтобы не ограничиваться мѣною однихъ товаровъ, но также знаній и искусствъ; собраніе и сохраненіе древнихъ памятниковъ греческой Церкви, постановленій вселенскихъ соборовъ, наконецъ, составленіе словарей языковъ инородцевъ, зависящихъ отъ Россіи и т. д. Лейбницъ также упоминаетъ о рекомендаціи доктору Арескину одного знающаго медика и брата его, извѣстнаго физика и математика (Бернулли), а наконецъ ходатайствуетъ о продолженіи выдачи ему 1000 талеровъ, которые упоминались въ дипломѣ. Такое заключеніе объясняетъ, почему Лейбницъ въ письмѣ къ царю счелъ за нужное повторить все сказанное или написанное имъ въ видахъ распространенія просвѣщенія въ Россіи.

Лейбницъ написалъ также «Общія разсужденія о порядкѣ и экономіи финансовъ въ Россіи и объ улучшеніи ихъ», которыя (разсужденія)

состоятъ изъ общихъ мѣстъ и, какъ кажется, въ нашемъ законодательствѣ примѣнены никогда не были. Инструкція о конфискаціонной канцеляріи составлена также этимъ ученымъ для Россіи и, по свидѣтельству г. Поссельта, изданная въ 1730 г. инструкція объ этой канцеляріи (Полн. собр. зак. VIII, № 5601) распространена и обработана изъ труда Лейбница.

За пять мѣсяцевъ до своей смерти, 22 іюня 1716 г., Лейбницъ напоминалъ Шафирову, что въ 1711 году онъ принятъ на службу къ царю, а 1712, получилъ за первый годъ слѣдующее жалованье, 500 дукатовъ; что потомъ онъ хлопоталъ по русскимъ дипломатическимъ дѣламъ и посылалъ нѣсколько писемъ ко двору съ вопросами, чѣмъ онъ можетъ инымъ быть полезенъ; что, кромѣ того, отослалъ въ Россію нѣкоторыя, имъ сдѣланныя, открытія въ греческихъ памятникахъ, и могъ бы судить о происхожденіи скиѳскихъ народовъ, когда бы доставлены были просимые имъ образцы разныхъ языковъ, которыми говорятъ въ Россіи и на границахъ ея.

Царь желалъ воспользоваться его совѣтами при введеніи порядка въ правосудіи, а потому Лейбницъ (по его свидѣтельству, въ письмѣ къ Шафирову) всматривался въ европейское судопроизводство и дошелъ до убѣжденія, что въ Россіи правосудіе должно быть отправляемо такимъ образомъ, чтобы въ постановленіяхъ по этому предмету сохранялась средина между разорительными, по длинотѣ своей, европейскими процессами и азіатскимъ опрометчивымъ произволомъ. Въ отношеніи русскаго просвѣщенія, Лейбницъ считалъ себя полезнымъ, потому-что могъ указать на ошибки и злоупотребленія, вкравшіяся въ европейскіе университеты, школы и академіи. Въ концѣ Лейбницъ ожидаетъ новыхъ приказаній, чѣмъ именно онъ можетъ служить царю и опять даетъ тѣ же совѣты о наблюденіяхъ надъ магнитною стрѣлкою и о прочемъ, какъ въ предъидущихъ письмахъ [1]).

Мы съ намѣреніемъ изложили подробно всю извѣстную донынѣ переписку Лейбница о распространеніи наукъ въ Россіи. Г. Поссельтъ говоритъ, что были, вѣроятно, и другія бумаги, писанныя Лейбницомъ по порученію Петра (напр. табель о введеніи чиновъ въ Россіи) и что со временемъ онѣ, быть можетъ, отыщутся. Впрочемъ, и до тѣхъ поръ можно судить о значеніи Лейбница въ исторіи просвѣщенія Россіи, такъ какъ онъ самъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, въ письмѣ къ Шафирову повторяетъ тѣ же предложенія и проекты, которые онъ представлялъ за 4 года передъ тѣмъ.

Разсматривая безпристрастно все, писанное германскимъ философомъ о средствахъ къ просвѣщенію Россіи, и сравнивая его проекты

---

[1]) О письмахъ и статьяхъ Лейбница, касающихся Россіи, см. въ предисловіи г. академика Куника къ изданію Briefe von Christian Wolff, Спб., 1860 г., стр. IX — XI.

съ тѣмъ, что происходило дѣйствительно у насъ на дѣлѣ, нельзя согласиться, чтобы совѣты Лейбница имѣли для Россіи то значеніе, которое имъ обыкновенно приписываютъ біографы этого ученаго [1]).

Лейбницъ не былъ похожъ на современныхъ ему германскихъ ученыхъ: предаваясь изученію наукъ, дѣлая открытія въ нихъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ любилъ придворную атмосферу и успѣвалъ имѣть доступъ къ ней. Въ то же время, по отзыву всѣхъ его біографовъ и даже медоточиваго и изысканнаго Фонтенелля, нашъ философъ былъ не чуждъ страсти къ стяжаніямъ и деньгамъ. Быть можетъ, подъ вліяніемъ этихъ наклонностей, онъ такъ легко обнадеживалъ, что съ приведеніемъ въ дѣйствіе его предположеній зацвѣтутъ науки и искусства въ Россіи. Невозможно представить себѣ, чтобы геніальный ученый не вѣдалъ, что просвѣщеніе, если думать серьёзно о распространеніи его, никогда не можетъ явиться у народа въ томъ видѣ и такихъ предѣлахъ, въ какихъ бы желали видѣть его отдѣльныя лица. Это происходитъ не отъ того, что просвѣщеніе, какъ иные думаютъ, тогда только прочно, когда вырабатывается постепенно и безъ скачковъ изъ какихъ-то своихъ, впрочемъ еще никѣмъ необъясненныхъ началъ, по потому единственно, что вообще успѣхъ наукъ и литературы въ цѣломъ народѣ всегда обусловливается благопріятными обстоятельствами во внутренней жизни народа, каковы напр. развитіе политическихъ правъ народа, участіе его въ общественныхъ дѣлахъ, подавленіе личнаго произвола, слѣд. искорененіе рабства и т. п. Если таковыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ не существуетъ и объ нихъ даже нѣтъ и помина, тогда никакія желанія и заботы одного или нѣсколькихъ лицъ, даже подкрѣпляемыя насильственными мѣрами, не въ силахъ подвинуть впередъ образованія страны. Правда, бываютъ примѣры, что и въ такомъ положеніи въ народѣ встрѣчаются замѣчательныя личности, являются благородные порывы и стремленія — но масса всегда останется холодною къ подобнаго рода проявленіямъ и не извлечетъ изъ нихъ никакой для себя пользы.

У насъ до сихъ поръ для многихъ остается неразрѣшеннымъ вопросъ: почему въ Россіи, при Екатеринѣ II, вдругъ явилось значи-

---

[1]) Фонтенелль, напр., въ своемъ похвальномъ словѣ Лейбницу, писалъ: «Le czar qui avoit conçu la plus grande et la plus noble pensée qui puisse tomber dans l'esprit d'un souverain, celle de tirer ses peuples de la barbarie et d'introduire chez eux les sciences et les arts, alla à Torgau... et y vit et consulta beaucoup M. Leibnitz sur son projet. Le sage étoit précisément tel que le monarque méritoit de le trouver. Le czar fit à M. Leibnitz un magnifique présent et lui donna le titre de son conseiller privé de justice avec une pension considérable. Mais ce qui est encor plus glorieux pour lui, l'histoire de l'établissement des sciences en Moscovie ne pourra jamais l'oublier et son nom y marchera à la suite de celui du czar. C'est un bonheur rare pour un sage moderne qu'une occasion d'être législateur de barbares; ceux qui l'ont été dans les premiers temps, sont ces chantres miraculeux qui attiroient les rochers et bâtissoient des villes avec la lyre, et M. Leibnitz eût été travesti par la fable en Orphée ou en Amphion»...

тельное число (сравнительно съ прежнею эпохой) даровитыхъ писателей и просвѣщенныхъ людей, которые были дѣйствительно передовыми не на однихъ словахъ, но и на дѣлѣ? Между-тѣмъ разгадка не трудна: стоитъ перелистать Полное собраніе законовъ временъ царствованія этой императрицы, и тамъ мы встрѣтимъ, что тогда дарованы права дворянству, по которымъ они могли служить не всю жизнь, а только тогда, когда имъ хотѣлось; сверхъ того, они были избавлены отъ тѣлеснаго наказанія. Въ 1766 году созвана коммиссія для составленія новаго уложенія, а въ руководство ей данъ Наказъ, извлеченный чуть не цѣликомъ изъ Монтескье и пр. Безъ сомнѣнія подобныя постановленія въ тысячу разъ лучше дѣйствовали, нежели напыщенные проекты, никогда и неосуществившіеся потому, фразёра Бецкаго.

Отъ Лейбница требовали проектовъ, спрашивали совѣтовъ—онъ и писалъ, что для распространенія свѣта въ отдаленной Московіи необходимо дѣлать магнитныя наблюденія, собирать образцы языковъ, которыми говорятъ инородцы и т. п. Само собою разумѣется, что для науки все это было полезно; быть можетъ, по милости Лейбница, у Петра явилась мысль основать академію въ Петербургѣ, учредить коллегіи, послать Беринга для открытія пролива между Азіею и Америкою, снарядить посольство въ Китай съ Саввою Рагузинскимъ и т. д., но народъ русскій не сталъ просвѣщеннѣе отъ всего этого, а въ высшихъ сословіяхъ явилось только стремленіе усвоить себѣ внѣшній лоскъ европейскаго общежитія, но не просвѣщенія, которое, если говорить откровенно, было бы и излишнею тяжестью при томъ положеніи, въ какомъ находилась Россія встарину.

—

Изданныя въ 1860 г. нашею академіею наукъ Briefe von Christian Wolff aus den Jahren 1719 — 1753 дали возможность узнать ближе о сношеніяхъ Петра Великаго съ другою германскою знаменитостью современнаго ученаго міра—Христіаномъ Вольфомъ. Сношенія эти имѣютъ значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія, такъ какъ Вольфъ принималъ дѣятельное участіе въ приглашеніяхъ и рекомендаціяхъ разныхъ ученыхъ въ основанную въ Петербургѣ академію наукъ и, что̀ еще важнѣе, былъ наставникомъ и руководителемъ Ломоносова, во время пребыванія его въ марбургскомъ университетѣ.

Вольфъ (р. 1679—1754 г.), въ началѣ своей ученой дѣятельности, пріобрѣлъ извѣстность сочиненіями по части математики. Въ 1706 г., когда Карлъ XII вступилъ съ войсками въ Саксонію, онъ

принужденъ былъ покинуть лейпцигскій университетъ, а въ 1707 г., по рекомендаціи Лейбница, получилъ мѣсто профессора математики и естественныхъ наукъ въ галльскомъ университетѣ. Особенная ясность и опредѣлительность въ изложеніи математическихъ началъ и переработка философіи по математическому методу, доставили въ свое время Вольфу громадную извѣстность и множество послѣдователей. Въ бытность въ Галлѣ, у Вольфа начались сношенія съ Петромъ Великимъ. Въ 1715 г., нѣкій Орфиреусъ распустилъ слухъ, что ему удалось открыть perpetuum mobile. Петра Великаго сильно заинтересовало это открытіе и онъ, какъ будетъ сказано еще въ слѣдующей главѣ, думалъ до самой кончины, какъ бы воспользоваться имъ. Лейбъ-медикъ царя, Арескинъ переписывался о машинѣ Орфиреуса съ Лейбницемъ. Замѣчательно, что осмотрѣть ее поручалось знаменитому впослѣдствіи дипломату нашему, Андрею Ивановичу Остерману и онъ, 13 іюля 1716 г., писалъ къ Петру Великому: «государственный подканцлеръ баронъ Шафировъ вашему царскому величеству всепокорнѣйше донесетъ, въ какомъ состояніи я здѣсь дѣло о перпетуумъ-мобиле нашелъ. Нынѣ, я отъѣзжаю въ Регенсбургъ для подлиннаго осмотрѣнія тамошней инвенціи и буду по всей моей возможности стараться, чтобъ вашего царскаго величества желанію удовольство чинить и въ состояніи быть такожде и объ оной инвенціи подлинную реляцію учинить»... [1]).

Въ 1718 г., объ открытіи Орфиреуса было снова напечатано извѣстіе въ лейпцигскомъ ученомъ журналѣ Acta eruditorum, а въ январѣ слѣдующаго года преемникъ Арескина, Блюментростъ, по желанію государя, обратился съ просьбою къ Вольфу сообщить вѣрныя извѣстія о машинѣ Орфиреуса. Галльскій профессоръ отвѣчалъ уклончиво, высказавъ только предположеніе, что еслибы открытіе перешло въ руки разумныхъ математиковъ, то его можно было бы усовершенствовать. Тогда Блюментростъ, отъ имени Петра Великаго, предложилъ Вольфу вступить въ русскую службу, на какихъ угодно ему условіяхъ, лишь бы только усовершенствовалъ изобрѣтеніе Орфиреуса. Съ тѣхъ поръ до 1725 г., Вольфъ безпрестанно и убѣдительно былъ приглашаемъ въ Россію для осуществленія словомъ и дѣломъ мысли Петра — основать въ Петербургѣ академію наукъ. Однако, ученый не рѣшился покинуть Германію и старался отдѣлываться отъ приглашеній въ Россію разными отговорками.

«У меня пѣтъ недостатка, писалъ Вольфъ къ Шумахеру 3 іюля 1722 г., въ желаніи осуществить, на сколько это отъ меня зависитъ, достославное намѣреніе его императорскаго величества касательно водворенія наукъ въ его областяхъ, еслибы только нѣкоторыя обстоятельства могли тому способствовать. Величайшее затруд-

[1]) Каб. дѣла II кн. № 29.

ненiе представляется, могу ли я перенести суровый климатъ безъ вреда моему здоровью, или, что̀ еще опаснѣе, буду ли въ состоянiи привыкнуть къ пищѣ и питью, совершенно инымъ, нежели къ какимъ я теперь привыкъ? Кромѣ того, еще одинъ главный вопросъ: долженъ ли я приниматься за осуществленiе моихъ идей о просвѣщенiи только въ той степени, въ какой будетъ это угодно современнымъ русскимъ? Въ такомъ случаѣ, я можетъ-быть буду вынужденъ не осуществить того, что̀ здѣсь, въ настоящемъ моемъ положенiи, осуществилъ бы, а между-тѣмъ другой на моемъ мѣстѣ не можетъ продолжать здѣсь мною покидаемаго»...

Шумахеръ, бывшiй тогда за границей и имѣвшiй, какъ увидимъ далѣе, порученiе отъ царя стараться всѣми мѣрами уговаривать Вольфа ѣхать въ Россiю, отвѣчалъ на послѣднее письмо: «высокое намѣренiе его императорскаго величества состоитъ въ томъ, чтобы учредить въ Петербургѣ общество ученыхъ людей, которые бы трудились надъ усовершенствованiемъ искусствъ и наукъ. Такъ какъ его императорское величество совершенно убѣжденъ въ великихъ достоинствахъ вашего высокородiя, то и былъ бы онъ весьма доволенъ, когда бы вы учредили это общество, имъ управляли и придавали ему блескъ. Еслибы потомъ, въ чемъ я не сомнѣваюсь, основался университетъ, — и еслибы вашему высокородiю угодно было взять на себя тѣ же занятiя, какiя имѣете нынѣ, то тѣмъ болыпее бы доставили удовольствiе его величеству. Въ случаѣ согласiя вашего высокородiя на принятiе такого почетнаго званiя и службы столь великому монарху и любителю наукъ, то соблаговолите только предложить условiя, которыя могли бы быть приняты съ обѣихъ сторонъ. Его величество назначаетъ вице-президенту 2,400 руб., которые составляютъ 3,200 рейхсталеровъ — я полагаю, что вамъ дадутъ не менѣе».

«Ваше высокородiе неосновательно страшитесь, что ваши идеи могутъ непонравиться русскимъ. Могу завѣрить васъ въ противномъ, да и всякой можетъ въ томъ убѣдиться, когда вникнетъ, что мой всемилостивѣйшiй государь посылаетъ за границу, съ такими огромными издержками, своихъ подданныхъ изучать то же самое, что̀ вы преподаете въ Галлѣ. Петербургскiй климатъ нѣсколько суровъ, но при томъ очень здоровъ: о зловредныхъ лихорадкахъ и заразительныхъ болѣзняхъ здѣсь мало, или даже вовсе не слышно. Пища и питье также изысканны и здоровы, какъ и во всякой сухой странѣ. Вѣроисповѣданiе свободно и гг. лютеране предъ всѣми прочими имѣютъ прекрасный приходъ, посѣщаемый адмиралами, генералами и тайными совѣтниками. Петербургъ такъ просвѣщенъ и цивилизованъ, что не уступитъ ни одному германскому городу. Высокоуважаемый г. надворный совѣтникъ! еслибы я въ душѣ не убѣжденъ былъ, что всемилостивѣйшiя предложенiя его императорскаго величества кло-

нятся къ вашей пользѣ и къ распространенію славы, пріобрѣтенной знаніями вашего высокородія, то я бы не произнесъ ни одного слова, а тѣмъ менѣе не передавалъ бы чего нибудь такого, что̀ не существуетъ въ дѣйствительности. Я не вижу ничего, что̀ бы могло убѣдить въ противномъ васъ и госпожу надворную совѣтницу. Пусть знаетъ послѣдняя, что въ Петербургѣ собирается пріятнѣйшее дамское общество, которое сочтетъ за удовольствіе пользоваться ея знакомствомъ. Сверхъ того, вы можете располагать мною и моимъ семействомъ»...

На это убѣдительное письмо Шумахера, Вольфъ отвѣчалъ, что ему хотѣлось бы напередъ знать условія, на которыхъ Петръ Великій желаетъ видѣть его въ Россіи и что̀ именно тамъ потребуютъ отъ него. Возвращаясь снова къ суровости климата, онъ обѣщался только на кратковременный пріѣздъ въ Петербургъ. Въ ноябрѣ 1722 года, Вольфъ просилъ Шумахера прислать ему полный титулъ императора, такъ какъ для выраженія къ нему своего уваженія, онъ посвятилъ ему свой трудъ Vernünfftige Gedancken von den Würckungen der Natur. Здѣсь въ посвященіи (отъ 23 марта 1723 г.), Петръ Великій особенно прославляется за введеніе наукъ и старанія свои о процвѣтаніи ихъ въ Россіи, почему и сравненъ съ Александромъ Великимъ, который, дѣлая завоеванія, одерживая побѣды, въ то же время любилъ бесѣдовать и имѣть около себя величайшаго изъ современныхъ философовъ, Аристотеля. Впрочемъ это посвященіе нисколько не подвинуло впередъ дѣла о переселеніи Вольфа въ Россію: чѣмъ убѣдительнѣе писалъ къ нему о томъ Блюментростъ, тѣмъ болѣе галльскій профессоръ находилъ разныя препятствія и затрудненія — изъ его писемъ легко замѣтить, что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія окончательно переселяться въ Петербургъ, а потому и представлялъ, то семейныя затрудненія, то денежные разсчеты. Замѣчательно одно письмо Вольфа (26 іюня 1723 г.), гдѣ онъ, повторяя доводы, вслѣдствіе которыхъ онъ и другіе германскіе ученые затруднялись ѣхать въ Петербургъ, высказываетъ мнѣніе, что для Россіи было бы полезнѣе, вмѣсто академіи наукъ, учредить университетъ и что въ такомъ случаѣ легче было бы пріискать нужныхъ людей изъ такихъ ученыхъ, которые еще не имѣютъ должностей, но тѣмъ не менѣе представили уже достаточные образчики своихъ познаній. Если же хотятъ непремѣнно академіи наукъ, то можетъ случиться то же, что̀ въ Берлинѣ: тамъ это учрежденіе по имени извѣстно всему свѣту, но изъ этого еще ничего не вышло: «Ваше высокородіе, кончалъ Вольфъ къ Блюментросту, извольте обратить вниманіе, что обыкновенный университетъ, гдѣ ученые будутъ преподавать то, что́ распространитъ науки между русскими, не только полезнѣе для страны академіи наукъ, которая ad plausum exterorum должна держаться, а подобныя вещи не многіе поймутъ, но также къ тому поведетъ, что въ нѣсколько лѣтъ академія

наукъ будетъ состоять изъ русскихъ, которые потомъ настоящую славу доставятъ своему государству»...

Извѣстно, что въ уставѣ нашей академіи наукъ Петръ Великій именно предполагалъ, что она будетъ состоять собственно изъ общества ученыхъ людей, обязанныхъ стараться объ успѣхахъ наукъ вообще, и изъ университета и гимназіи. Къ сожалѣнію, петровскій академическій уставъ никогда не былъ осуществленъ по причинамъ, о которыхъ пишущій эти строки не распространяется, такъ какъ это уже касается позднѣйшей эпохи.

Между-тѣмъ какъ происходила эта переписка, на Вольфа возстало въ Галлѣ сильное гоненіе отъ тамошнихъ лютеранскихъ ханжей, извѣстныхъ подъ именемъ піэтистовъ. Они провозглашали философское ученіе Вольфа антирелигіознымъ и, не будучи въ состояніи бороться съ своимъ противникомъ честнымъ образомъ, сдѣлали на него доносъ прусскому правительству. Послѣднее средство, какъ водится, подѣйствовало отлично: прусскій король, безъ всякаго суда и расправы, приказалъ, чтобъ Вольфа въ 48 часовъ не было въ Галлѣ. Изгнанный такимъ образомъ, ученый нашелъ тотчасъ же покровительство у гессенскаго ландграфа, который далъ ему профессорскую каѳедру въ марбургскомъ университетѣ. Какъ только узналъ о томъ Блюментростъ, то снова предложилъ Вольфу ѣхать въ Россію, говоря, что онъ удивляется, почему ученый предпочелъ профессуру въ Марбургѣ мѣсту, предложенному ему отъ царя и во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣйшему предъ другими. Не получивъ еще этого письма, Вольфъ сообщалъ Блюментростру (въ мартѣ 1724 г.) о преслѣдованіяхъ на него піэтистовъ и о намѣреніи своемъ опровергнуть публично взведенныя на него клеветы. «Я не сомнѣваюсь, прибавлялъ Вольфъ, что г. профессоръ Франке, состоящій въ перепискѣ съ нѣкоторыми изъ русскихъ епископовъ, написалъ имъ такія же клеветы, какія имъ сообщены въ Вѣну и Англію; но тамъ онѣ остались безъ послѣдствій; у васъ же строго преслѣдуютъ еретиковъ, потому я не безъ основанія озабоченъ тѣмъ, что не могутъ ли мнѣ повредить тамъ (т. е. въ Россіи) клеветы Франке, такъ какъ здѣсь онъ не можетъ ни къ чему придраться? Я осмѣливаюсь испрашивать нѣкоторыхъ объясненій по этому предмету, а по полученіи ихъ, не премину сообщить о моемъ окончательномъ рѣшеніи (касательно прибытія въ Россію)»...

Блюментростъ писалъ по этому случаю къ Шумахеру: «господинъ Вольфъ желаетъ пріѣхать (въ Россію), только онъ прежде требуетъ разъясненія касательно здѣшняго духовенства, предъ которымъ, по его мнѣнію, онъ оклевстанъ профессоромъ Франке. Я уже ему отвѣчалъ (отвѣтъ Блюментроста не отысканъ), что здѣшнее духовенство не имѣетъ такой власти, какую воображаетъ Вольфъ, и до него ему не будетъ никакого дѣла. Въ Россіи самъ императоръ есть

supremus pontifex и онъ управляетъ не такъ, какъ угодно духовенству, которое обязано повиноваться ему»... Шумахеръ отвѣчалъ Вольфу: «г. лейбмедикъ сообщилъ мнѣ письмо вашего высокородія отъ 1-го марта, изъ котораго видны недоброхотные поступки піэтистовъ противъ вашей особы. Мы тѣмъ болѣе приняли это къ сердцу, что убѣждены въ грубой клеветѣ такихъ обвиненій, а она никогда не будетъ имѣть успѣха у честныхъ людей. Мы можемъ положительно обнадежить ваше высокородіе, что еслибы г. Франке рѣшился писать къ здѣшнему духовенству, то оно, сильно занятое нынѣ работами надъ приведеніемъ церковныхъ дѣлъ въ разумные предѣлы, дурно приняло бы это, тѣмъ болѣе въ такое время, когда прежнее вліяніе его, при помощи извѣстныхъ мѣръ, уже въ упадкѣ. Напротивъ того, остроумная ученость вашего высокородія въ великомъ почтеніи у здѣшнихъ духовныхъ. Что это сообщено не напрасно, то свидѣтельствуетъ ихъ собственное сознаніе: такъ, когда всемилостивѣйшій императоръ на одной ассамблеи приказалъ публично прочесть посвященіе вашего высокородія (о немъ см. выше) и сказалъ, что авторъ его пріѣдетъ сюда, то духовенство открыто выражало о томъ свое удовольствіе. Несомнѣнно, что это дѣлалось не изъ угожденія лишь императору, но по собственному побужденію, потому-что архіепископъ псковскій (Θеофанъ Прокоповичъ), которому мы обязаны добрыми распорядками въ синодѣ и разными церковными постановленіями, часто privatim говоритъ о вашей особѣ и, вмѣстѣ съ другими, сильно желаетъ вашего прибытія сюда. Такимъ образомъ я полагаю, что въ этомъ отношеніи вы можете быть спокойны и безопасны»...

Наконецъ въ переговоры съ Вольфомъ поручено было вступить русскому дипломату гр. Головкину. Галльскій профессоръ потребовалъ ежегоднаго жалованья по 2000 р., и срокъ службы въ Россіи назначалъ пятилѣтній, по истеченіи котораго онъ имѣлъ получить единовременно 20,000 р. Сообщая объ этомъ, 12-го ноября 1724 г., Блюментросту, Вольфъ присовокупилъ: «это немного, если принять во вниманіе, что́ король Альфонсъ пожаловалъ еврею Газану за составленіе альфонсовыхъ астрономическихъ таблицъ; Александръ Великій Аристотелю — за сочиненіе Historiae animalium и покойный король Людовикъ Великій — Винцентію Вивіани, математику великаго герцога флорентійскаго, за возстановленіе утраченной книги изъ высшей геометріи. Не говоря объ огромныхъ суммахъ, полученныхъ Аристотелемъ отъ Александра Великаго, всѣмъ извѣстно, что еврей Газанъ имѣлъ отъ Альфонса 400 т. дукатовъ, а Вивіани отъ Людовика Великаго такую сумму, на которую онъ выстроилъ во Флоренціи огромный палаццо, выгравированный при его геометрической книгѣ — что́ же все сдѣланное этими людьми въ сравненіи съ осуществленіемъ исполинскаго замысла его императорскаго величества? Для того тре-

буется мужъ опытный во всѣхъ философскихъ и математическихъ наукахъ. Въ бозѣ почившій прусскій король пожаловалъ Лейбницу гораздо болѣе, нежели сколько я требую, за то, что онъ заботился заочно о берлинской академіи»...

Блюментростъ отвѣчалъ (менѣе нежели за два мѣсяца до кончины царя): «что касается 20 т. р., то если мы даже предположимъ, что нашъ всемилостивѣйшій монархъ превосходитъ Александра Великаго, Альфонса и Людовика Великаго въ великодушіи и любви къ искусствамъ и наукамъ, а ваше высокородіе, по своей учености и услугамъ, оказаннымъ ученому міру вашими мудрыми сочиненіями, выше Аристотеля, Газана и Вивіани, все-таки это такая сумма, о которой императору слѣдуетъ представить съ осмотрительностью. Я имѣю надежду и думаю привести это дѣло въ исполненіе, если ваше высокородіе приступите къ окончательному рѣшенію»...

Послѣ кончины Петра Великаго, академія наукъ была открыта въ Петербургѣ и Вольфъ получилъ званіе ея почетнаго члена съ ежегоднымъ пенсіономъ въ 300 рейхсталеровъ. Долгъ справедливости требуетъ сказать, что германскій ученый заслужилъ его отъ Россіи: лучшіе изъ первыхъ членовъ нашей академіи — Бернулли, Бюльфингеръ, Мартини и нѣкоторые другіе пріѣхали въ Петербургъ по его рекомендаціи и представительству. Графъ Головкинъ свидѣтельствуетъ въ одномъ письмѣ къ Блюментросту, что Вольфъ съ чрезвычайною осмотрительностью рекомендовалъ ученыхъ въ нашу академію. Наконецъ германскій философъ послужилъ еще съ бо́льшею пользою русскому просвѣщенію впослѣдствіи: въ Марбургѣ у него слушалъ лекціи Ломоносовъ, всегда вспоминавшій съ благоговѣніемъ о своемъ наставникѣ, который не щадилъ ни времени, ни трудовъ, чтобы русскіе студенты въ Марбургѣ, порученные его надзору, оправдали надежды на нихъ академіи наукъ.

—

Въ 1717 году, Петръ Великій, путешествуя во второй разъ по Европѣ, былъ во Франціи. Среди утонченныхъ развлеченій и изъисканныхъ любезностей, которыя старался доставить тогдашній регентъ Франціи, герцогъ Орлеанскій, царь не забылъ однако посѣтить всѣ замѣчательныя ученыя учрежденія, повидаться со всѣми знаменитостями науки, которыми славился Парижъ.

14 іюня (нов. ст.), Петръ Великій отправился въ сорбонну, гдѣ тогдашній богословскій факультетъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе своими спорами о буллѣ Unigenitus и закрытіемъ, по распоряженію правительства, факультетскихъ засѣданій. Членъ сорбонны Бурсье (Bour-

sier) первый встрѣтилъ тамъ царя, показывалъ ему церковь, потомъ библіотеку. Въ это-то время, Бурсье, какъ видно охотнику до пропаганды, пришла мысль воспользоваться случаемъ и похлопотать о соединеніи восточной и западной Церквей. Но требовалось выбрать удобную минуту, а это было не легко: по живости характера, царь не останавливался нигдѣ и быстро переходилъ отъ одного предмета къ другому. Наконецъ ему попались славянскія рукописи и онъ сталъ внимательно разсматривать ихъ. Бурсье, не теряя времени, приступилъ къ Петру съ рѣчью о соединеніи Церквей, не забывая при томъ напомнить о славѣ и легкости такого предпріятія и т. п. Государь, въ отвѣтъ, покачалъ головой и, смѣясь, сказалъ чрезъ переводчика, что онъ солдатъ и въ богословію не мѣшается. Бурсье этимъ не удовольствовался и возразилъ, что царь московскій герой и, какъ повелитель страны, есть и защитникъ ея. — Это соединеніе вещь не легкая, отвѣчалъ Петръ: три обстоятельства мѣшаютъ тому: папа, происхожденіе св. Духа и.... Третій пунктъ онъ забылъ и Бурсье подсказалъ — опрѣсноки и вино для св. таинства причащенія. При этомъ французскіе теологи начали доказывать, что греческая Церковь и послѣ соединенія можетъ не принять употребленія опрѣсноковъ; что споръ о происхожденіи св. Духа ни что́ иное, какъ споръ о словахъ, и что, признавъ власть папы, Россія вольна ничего не измѣнить въ управленіи Церковью и въ этомъ случаѣ держаться тѣхъ же началъ, которымъ слѣдуетъ галликанская Церковь. — Составьте объ этомъ записку, сказалъ тогда царь, только торопитесь, потому-что я скоро отсюда уѣзжаю. Обѣщаю вамъ, что она будетъ передана моимъ епископамъ, и я заставлю ихъ отвѣчать вамъ!...

Вообще Петръ Великій остался доволенъ сорбонною и цѣлый день говорилъ о ней. Между-тѣмъ французскіе богословы тотчасъ же занялись составленіемъ записки, которая и была окончена въ 24 часа. Статьи для нея сочиняли разныя лица: одинъ писалъ о папѣ, другой о св. Духѣ и т. д. Бурсье сводилъ все это въ одно цѣлое и занимался редакціею. Записка составлена была очень ловко: сначала приводятся свидѣтельства св. писанія и отцевъ Церкви о необходимости единой Церкви, потомъ слѣдуетъ изложеніе догматовъ, принимаемыхъ одинаково обѣими Церквами, а въ концѣ изъяснены причины несогласія ихъ между собою. Здѣсь члены сорбонны показали себя весьма непритязательными ни въ отношеніи ученія о св. Духѣ, ни касательно совершенія таинства причащенія, но зато сильно настаивали о необходимости признанія власти папы.

По возвращеніи въ Россію, Петръ дѣйствительно передалъ эту записку русскимъ епископамъ, и въ отвѣтъ на нее составлено было посланіе двухъ различныхъ редакцій: сущность обѣихъ, впрочемъ, была одинакова, именно, что русскіе епископы не считаютъ себя въ правѣ рѣшить вопросъ о соединеніи Церквей сами собою, безъ уча-

стія духовенства другихъ народовъ, исповѣдующихъ греческую вѣру, а главное, безъ вѣдома четырехъ восточныхъ патріарховъ. Но въ одной редакціи посланіе наполнено риторическими похвалами мудрости и благоразумію сорбонны, въ другой — есть также похвалы и вѣжливости, но болѣе умѣренныя и при томъ проглядываетъ оттѣнокъ ироніи, какъ и въ бо́льшей части всего, что́ выходило изъ подъ пера Ѳеофана Прокоповича. Въ началѣ говорится тамъ, что Петръ, возвратясь изъ-за границы сообщилъ своему духовенству бесѣду его съ учителями сорбонны и записку, составленную ими. «Приняли мы тое, сказано въ посланіи, съ великою радостью не для того, чтобы въ немъ новое нѣчто любопытнѣ усмотрѣть (понеже что либо въ той контроверсіи важное есть, не тайно есть богословцамъ); но что достохвальное ваше желаніе, о яковомъ изъ повѣсти самодержца нашего разумѣть мощно было, желали мы и въ писаніи вашемъ прочесть и, аки бы очима, увидѣть».... Послѣ похвалъ желанію о соединеніи: «а что вы отъ Апостола о единствѣ вѣры и о противныхъ оному вредахъ, раздорахъ и ересяхъ предложили, въ томъ всегдашнее наше есть и ученіе, и желаніе: сія и вамъ, и намъ, и всѣмъ (аще не притворный видъ являютъ) общая суть. Прочее, какъ бы долговременный сей раздоръ церковный уврачевать, хотя и не такъ трудное дѣло, то есть, яковое показали мимошедшіе вѣки отъ времени наипаче Иннокентія III папы, даже до нашихъ лѣтъ; однако и не такъ скоро и удобно статься то можетъ, какъ вы можетъ быть думаете, яко же отъ писанія вашего догадуемся».... [1]).

Отвѣтъ въ этой послѣдней редакціи былъ отправленъ въ Парижъ 15 іюня 1718 г. Въ сорбоннѣ, само собою разумѣется, остались имъ недовольны и всю неудачу приписали Ѳеофану Прокоповичу, извѣстному недоброжелателю Рима, папы и вообще католичества. Католики выдумали при этомъ, что Прокоповичъ не хотѣлъ соединенія Церквей потому болѣе, что за упраздненіемъ патріаршества, онъ стоялъ въ главѣ русскаго духовенства; но такое мнѣніе было ложно: когда писался отвѣтъ, Ѳеофанъ былъ моложе и Стефана Яворскаго, и Ѳеодосія, епископа новгородскаго. Въ сорбоннѣ съ горечью припоминали, что Прокоповичъ питаетъ непріязненное чувство къ западной церкви, а между-тѣмъ ей обязанъ и своимъ воспитаніемъ (Ѳеофанъ точно изучалъ науки въ самой столицѣ католичества — Римѣ), и успѣхами на жизненномъ поприщѣ. Въ 1719 г., явилось, подъ именемъ Буддея, сочиненіе Ecclesia romana cum ruthenica irreconsiliabilis и на нѣмец. яз. Erörterung der Frage — ob eine Vereinigung der Römisch Katolischen und Russischen Kirchen zu hoffen sei, направленное противъ объясненной записки сорбонскихъ богослововъ, и эти послѣдніе не

[1]) Посланіе въ обѣихъ редакціяхъ въ Журналѣ или Подн. зап. Петра Великаго, ч. II, стр. 436 и слѣд.; также въ собраніяхъ сочиненій Яворскаго и Прокоповича.

усумнились признать, что оно написано не Буддеемъ, который умеръ до выхода въ свѣтъ трактата, а Ѳеофаномъ, и именно съ цѣлью опровергнуть мнѣнія Стефана Яворскаго, будто бы наклоннаго къ католицизму. Между-тѣмъ, до Парижа дошелъ слухъ о другой редакціи отвѣта и это подало въ сорбоннѣ поводъ предполагать, что эта, другая редакція написана въ болѣе примирительномъ духѣ, но что ей не далъ хода опять Ѳеофанъ же.

Вообще посѣщеніе сорбонны Петромъ Великимъ въ томъ отношеніи любопытно, что породило во французскихъ богословахъ неосновательную надежду обратить Россію къ латинству, хотя самъ царь, въ бытность въ сорбоннѣ, велъ себя такъ, что изъ разсказа и самого Бурсье нельзя видѣть и тѣни къ такой надеждѣ. Какъ бы то ни было, сорбонна, не унывая отъ уклончиваго отвѣта русскихъ богослововъ, продолжала хлопотать о русской Церкви даже послѣ смерти Петра и показала себя искусницей ловить рыбу въ мутной водѣ: жена кн. Сергѣя Долгорукова, Ирина, была въ 1726 г. за границей и обратилась въ католичество. Тамошніе духовные, чтобы она, по возвращеніи въ Россію, не покинула новой религіи, приставили къ ней компаньонку, отчаянную католичку, и аббата, именемъ Жюбѣ (Jubé). Послѣдняго сорбонна, сверхъ того, признала способнымъ хлопотать въ Россіи о соединеніи Церквей. Бурсье вошелъ какимъ-то образомъ въ сношенія съ кн. Куракинымъ, бывшимъ тогда русскимъ посланникомъ въ Парижѣ, и нашелъ случай писать къ нему объ отправленіи Жюбѣ въ Россію. Замѣчательно, что князь отвѣчалъ на это, что у него въ Парижѣ есть агентъ — Третьяковскій [1]), обязанный согласоваться съ порученіями, которыя Бурсье будетъ ему давать — «это единственное средство, прибавлялъ Куракинъ, сдѣлать мнѣ пріятное, и я васъ прошу сдѣлать Тредьяковскому честь вашими порученіями». Жюбѣ пріѣхалъ въ Россію въ 1728 г. и, вѣрный своему назначенію, началъ тайные происки въ пользу католичества: по его словамъ, нѣкоторые изъ русскаго духовенства, особенно Ѳеофилактъ Лопатинскій и Аѳанасій Кондоиди, были согласны и даже готовы на соединеніе. Въ Россіи нашелся помощникъ и сильный покровитель Жюбѣ — тогдашній испанскій посолъ въ Петербургѣ дюкъ де Лирія, и они вмѣстѣ подбивали придворныхъ и подлещались къ знатнымъ. Чтобы имѣть понятіе, какимъ образомъ они дѣйствовали, достаточно сказать только, что напр. кн. Василью Лукичу Долгорукому, для склоненія его на свою сторону, обѣщали племянника его сдѣлать патріархомъ, отчего имя его прогремитъ по всей Европѣ. Кромѣ того, Жюбѣ наивно сознается, что для прославленія и пользы католичества, онъ подговорилъ одного монаха написать доносъ на катихизисъ, соста-

[1]) Первое изданіе своего перевода «Поѣздка на островъ любви» Тредьяковскій посвятилъ этому Куракину.

вленный Θеофаномъ Прокоповичемъ и заключающій будто бы въ себѣ протестантскія сужденія[1]). По свидѣтельству того же аббата, католики-пропагандисты только въ двухъ лицахъ изъ русскихъ придворныхъ боялись встрѣтить серьёзное противодѣйствіе — это въ Θеофанѣ Прокоповичѣ и Остерманѣ. Въ этомъ же дѣлѣ замѣшалось имя и другаго русскаго писателя — кн. Антіоха Кантеміра: дюкъ де-Лиріа писалъ къ Жюбѣ объ исполненіи какого-то порученія, прибавляя, что его привести въ исполненіе не въ состояніи Кантеміръ, а потому онъ самъ (Лиріа) отправлялся къ О. (стерману?). Жюбѣ пишетъ при томъ, что Кантеміръ былъ единственный ученый изъ тогдашнихъ русскихъ вельможъ, и что онъ занимался переводами благочестивыхъ сочиненій на русскій языкъ, по порученію Жюбѣ, для распространенія ихъ потомъ между русскими читателями.

Со вступленіемъ на престолъ Анны Іоанновны и при владычествѣ Бирона, въ Россіи не везло католичеству: Жюбѣ выслали за границу, компаньонка кн. Долгорукой попала въ тѣсную тюрьму, а сама княгиня должна была торжественно отречься отъ принятаго ею католичества; паписты утѣшаютъ себя тѣмъ, что Долгорукая произнесла отреченіе по латини не отъ католичества, а отъ протестантства[2]).

15 іюня, Петръ осматривалъ королевскую типографію (Imprimerie royale), гдѣ въ присутствіи его отпечатано множество пробныхъ оттисковъ; посѣтилъ коллегіумъ, основанный Мазаринѝмъ (Collège des quatre nations) и, имѣя намѣреніе учредить въ Россіи подобную же школу, распрашивалъ объ издержкахъ, что̀ можетъ стоить подобное заведеніе; тамъ же подружился съ извѣстнымъ тогда во Франціи геометромъ Варинь̀оном̀ъ (Varignon); изъ коллегіума отправился къ Пижону (Pigeon), изобрѣтателю движущагося глобуса по системѣ Коперника. Глобусъ былъ найденъ сработаннымъ превосходно и такъ понравился царю, что онъ приказалъ пріобрѣсти его для себя за 2 т. экю.

18-го числа, Петръ Великій, пригласивъ къ себѣ географа Делиля (Delisle), долго бесѣдовалъ съ нимъ чрезъ переводчика о пространствѣ своихъ владѣній и, чтобы дать ученому болѣе точное понятіе о нихъ, велѣлъ подать двѣ, сдѣланныя по его приказанію, рукописныя карты части Россіи; здѣсь указалъ Делилю мѣсто въ Татаріи, гдѣ построена имъ новая крѣпость, и сообщилъ о новыхъ пріобрѣтеніяхъ Россіи, по случаю вступленія въ русское подданство татарскаго хана и присоединенія 100 тыс. калмыковъ. Потомъ царь ѣздилъ смотрѣть химическіе опыты, которые производилъ Жофруа (Geoffroi).

---

[1]) Ср. въ послѣдней главѣ настоящаго сочиненія о Маркеллѣ Родышевскомъ.

[2]) Всѣ эти свѣдѣнія изъ личныхъ воспоминаній Бурсье и записокъ Жюбе сохранены въ сочиненіи перваго изъ нихъ Histoire et analyse du livre de l'action de Dieu.... T. III, p. 277 et sq.

Того же числа, государь хотѣлъ видѣть глазную операцію, а потому поручилъ своему медику Арескину найти искуснаго глазнаго оператора. Профессоръ Анатоміи дю-Верне (du Vernay), наставникъ бывшаго потомъ при Петрѣ придворнаго медика Лаврентія Блюментроста, рекомендовалъ для этой цѣли англійскаго джентльмена Уайльгоза (Vuolhouse), который при царѣ и сдѣлалъ операцію одному 65-тилѣтнему и при томъ уже слѣпому инвалиду. Когда операторъ коснулся иглою глаза больнаго, Петръ невольно отворотился, но потомъ любопытство превозмогло и онъ внимательно слѣдилъ за снятіемъ катаракты. Петръ удостовѣрился самъ въ успѣхѣ операціи, потомучто инвалидъ могъ уже видѣть руку, когда царь ему показывалъ ее. Довольный опытомъ, онъ просилъ доктора взять для обученія русскаго ученика.

Государь изъявилъ также желаніе быть во французской академіи наукъ и по этому случаю, 19 іюня, тамъ было чрезвычайное засѣданіе, подъ предсѣдательствомъ аббата Бпньона (Bignon). По словамъ непремѣннаго секретаря академіи Фонтенелля, ученое сословіе старалось показать царю все, что̀ было новаго и примѣчательнаго по части опытныхъ наукъ: де ла Фэ (de la Faye) объяснялъ построенную съ соблюденіемъ труднѣйшихъ геометрическихъ правилъ модель машины, которая была изобрѣтена для легчайшаго подъема вверхъ воды. Петръ, разсмотрѣвъ ее, своимъ одобреніемъ подтвердилъ приговоръ публики и академіи. Лемери (Lemery) показывалъ опытъ надъ двумя любопытными химическими составами; Реомюръ (Reaumur) — приготовленные къ печати рисунки къ изданію исторіи искусствъ; Далемъ (Dalesme) — дѣйствіе новой подъемной машины (cric à Gremaillere), которая при мѣньшей силѣ дѣйствовала успѣшнѣе, нежели обыкновенныя подъемныя машины. Царь просилъ академиковъ сидѣть въ его присутствіи, на все обращалъ величайшее вниманіе и вообще остался чрезвычайно доволенъ академіею.

По возвращеніи въ Россію, докторъ Арескинъ писалъ къ Бпньону: «Sa majesté est très satisfaite de ce que votre illustre corps veut bien la mettre au nombre de ceux qui le composent, en lui offrant ces nobles travaux depuis l'année 1699, comme un tribut appartenant de droit à chaque académicien»... Далѣе Арескинъ говорилъ въ письмѣ, что царь совершенно раздѣляетъ мнѣніе Бпньона о значеніи въ наукѣ не знатности, а генія и таланта, и потому государь разысканіями достопримѣчательностей и открытіями, а равно сообщеніемъ всего этого французской академіи, постарается заслужить имя полезнаго члена ея. Фонтенелль, въ качествѣ секретаря академіи, написалъ благодарственный отвѣтъ — блестящій, изъисканный... но только читать его надобно по французки, такъ какъ на всякомъ другомъ языкѣ покажутся странными фразы въ родѣ, что преобразованія Петра возбуждаютъ рукоплескапія вселенной, и что академія при этомъ случаѣ

должна присоединить и свои и т. п. До-сихъ-поръ были извѣстны французскіе подлинники и позднѣйшіе русскіе переводы съ этихъ писемъ; современный же переводъ ихъ для Петра Великаго хранится въ кабинетныхъ его бумагахъ и помѣщенъ въ приложеніи IV, *а*. Тамъ же читатель найдетъ (подъ буквою *б*) письмо Биньона о Нартовѣ, бывшемъ въ Парижѣ въ 1720 г. и просившемъ французскую академію наукъ, чтобы она дала царю свой отзывъ объ искусствѣ его въ токарномъ дѣлѣ, столь любимымъ Петромъ Великимъ.

Въ 1721 г., Петръ, отправивъ за границу библіотекаря основанной имъ въ Петербургѣ библіотеки Шумахера, поручалъ ему передать академіи благодарственное письмо за избраніе его въ члены. Петръ Великій писалъ, что онъ съ величайшею радостью и благодарностью принимаетъ званіе академика и постарается сдѣлаться достойнымъ ея членомъ, распространяя науки въ своемъ государствѣ. До нынѣ въ кабинетныхъ бумагахъ Петра хранится черновой отпускъ съ этого письма на русскомъ языкѣ, замѣчательный тѣмъ, что онъ исправлялся рукою самого царя (ср. приложеніе IV *в*). Блюментростъ, преемникъ Арескина, также послалъ отъ себя письмо академіи, въ которомъ говорилось въ заключеніи: «La seule grâce, messieurs, que nous demandons, est que vous ayez la bonté de nous honorer de vos ordres et de vos instructions, car nous faisons gloire de travailler sous la direction d'un si illustre corps qui surpasse tout ce qu'on a vu jusqu'ici dans ce genre et vos lumières ne peuvent être que très essentielles»...

Скоро по возвращеніи изъ-за границы [1]), Петръ написалъ на меморіалѣ иноземца Фика «о нетрудномъ изученіи и воспитаніи россійскихъ младыхъ дѣтей» такую резолюцію (1,1 іюня 1718 г.): «сдѣлать академію, а нынѣ пріискать изъ русскихъ кто ученъ и къ тому склонность имѣетъ; также начать переводить книги, юрспруденціи и прочія, кто сіе учинитъ сего года начало» (?) [2]). Впрочемъ, должно замѣтить, что слухи объ учрежденіи въ Петербургѣ академіи носились и прежде вторичнаго путешествія государя за границу: такъ въ нѣмецкомъ журналѣ Welt Spiegel за 1714 годъ [3]), находимъ слѣдующую новость: «говорятъ, что его царское величество намѣренъ учредить въ Петербургѣ академію. Если это правда, то современемъ этотъ городъ сдѣлается и замѣчательнымъ, и громаднымъ, такъ какъ и теперь уже онъ довольно обширенъ».

---

[1]) О пребываніи Петра во Франціи можно читать въ Abregé de l'histoire du czar Peter Alexiewitz... Paris, 1717; я же пользовался статьею въ Le nouveau Mercure, Juin 1717, стр. 191 и слѣд.; объ отношеніяхъ царя къ академіи въ Histoire de l'académie. Année MDCCXX, стр. 125—131, также въ Beiträge zu der Lebens Geschichte denckvürdiger Personen von A. F. Büsching, Th. III; 6, 7, 19, 20 стр.

[2]) Полное собр. закон. V, № 3208.

[3]) Th. 66, S. 614.

IV.

Учрежденіе библіотеки въ Петербургѣ. Библіотекарь Шумахеръ и его отчетъ царю о заграничной поѣздкѣ съ учеными цѣлями. Кунсткамера съ ея монстрами и раритетами. Предварительныя распоряженія объ открытіи академіи наукъ въ Петербургѣ.

Нынѣшняя библіотека при академіи наукъ въ Петербургѣ замѣчательна тѣмъ, что это самое первое въ Россіи книгохранилище, которое сдѣлалось (съ 25 октября 1728 г.) доступнымъ для общественнаго пользованія. Появленіе въ Петербургѣ и распространеніе этой библіотеки въ первые годы ея существованія было дѣломъ случая: во время занятія нашими войсками, въ началѣ XVIII столѣтія, городовъ въ остъзейскихъ провинціяхъ, отбирали находимыя тамъ книги (въ Митавѣ, напримѣръ, такимъ способомъ пріобрѣтено до 2,500 томовъ сочиненій по бо́льшей части философскихъ и богословскихъ) и пересылали ихъ въ Петербургъ. Онѣ складывались здѣсь во дворцѣ въ Лѣтнемъ саду, и потомъ къ нимъ присоединены привезенныя изъ Москвы сочиненія по части химіи и медицины, которыми до того времени, вѣроятно, пользовалась московская аптека [1]).

Съ 1718 г., петербургская библіотека значительно стала увеличиваться поступившими въ нее разными частными собраніями. Принадлежавшее царевичу Алексѣю, сыну Петра, замѣчательно по своему прежнему владѣльцу. Изъ всѣхъ извѣстій о царевичѣ можно легко замѣтить, что въ немъ, какъ обожателѣ Россіи до-петровской, сильно отражалось направленіе старинной нашей грамотности, выразившееся въ исключительномъ стремленіи къ религіознымъ вопросамъ, къ предметамъ касающимся вѣры. Гюйссенъ о пятнадцатилѣтнемъ Алексѣѣ писалъ уже, что онъ, изъ благочестія и по собственному побужденію, прочиталъ пять разъ славянскую библію и одинъ разъ на нѣмецкомъ языкѣ, также прилежно занимался твореніями св. отцевъ и пр. [2]). Это направленіе отразилось и въ выборѣ иностранныхъ книгъ библіотеки царевича: она вся заключалась въ 265 томахъ, изъ которыхъ самое малое число относится до математики, военнаго искусства и исторіи; все же прочее состоитъ изъ со-

---

[1]) Сообщаемыя здѣсь извѣстія о библіотекѣ и кунсткамерѣ въ Петербургѣ, петровскихъ временъ заимствованы изъ архивской рукописи академіи наукъ, въ f°, съ заглавіемъ на корешкѣ: «1719—1726 общія» (то есть бумаги); также изъ старинныхъ академическихъ каталоговъ и, наконецъ, изъ сочиненія Бакмейстера: Essai sur la bibliothèque et le cabinet de l'académie des sciences à St. Pétersbourg.

[2]) Europäische Fama, Th. XXXV, S. 787 sq.

чиненій по части богословія. Такъ встрѣчаются разныя изданія Библіи и Новаго Завѣта, творенія (на латинскомъ языкѣ) Іеронима, Григорія Нисскаго, Іоанна Дамаскина, Исидора Пелусіота и др.; далѣе, на нѣмецкомъ языкѣ жизнеописанія мучениковъ, святыхъ, трактаты церковной исторіи (Lud. Rabi, Martyrbuch, 1571; Leben der Heiligen, 1712; Evangelica historia, 1641; Apostel Geschichte, 1712; Keller — Catolisches Pabstum, 1614); также сочиненія въ родѣ: Heineccii, Abbildung der griechischen Kirche, 1711; Fordenbach, Katolische Predigten; Penzinger, Ausbildung der Cat. Kirche Ceremonien, 1677; Hanike, Catolische Catechismus, и т. п. Были книги у царевича и на польскомъ языкѣ, какъ напр.: Kazania, 1698; Piotra Skargi, Żywota swiętych, Fortuna albo szczęscie, 1690, Apologia przeciwko Luteranom 1605, Praktyka żywey wiary, 1705 г., и т. п.

Въ 1718 же году, принято въ описываемую библіотеку собраніе книгъ Андрея Виніуса, о которомъ говорится въ главѣ IX.

Поступившее въ библіотеку, въ 1718 г., собраніе книгъ Питкарна замѣчательно обиліемъ сочиненій греческихъ и римскихъ классиковъ, а также по части древностей. У Питкарна были и сочиненія математическія и медицинскія. Въ 1719 г., туда же перешла небольшая библіотека Пальмстрика, гдѣ были собраны сочиненія, довольно разнородныя по содержанію. Самое же значительное по качеству, выбору и красотѣ экземпляровъ собраніе досталось петербургской библіотекѣ въ 1719 г. послѣ архіатера Арескина (всего 4,200 томовъ). Этотъ медикъ былъ образованнѣйшимъ изъ придворныхъ Петра Великаго, почему послѣдній и возложилъ на него ученую переписку свою съ французскою академіею. Арескина особенно не жаловалъ царевичъ Алексѣй и говорилъ въ Вѣнѣ, что онъ, да Меншиковъ направляютъ царя на все дурное. По завѣщанію Арескина, его библіотека и кабинетъ рѣдкихъ минераловъ, раковинъ и медалей слѣдовало продать, и вырученныя деньги выдать его матери и сестрамъ, а также госпиталю для бѣдныхъ въ Эдинбургѣ. Отдѣлъ книгъ медицинскихъ у Арескина былъ самый богатый, затѣмъ слѣдовали сочиненія историческія, философскія, филологическія и, наконецъ, богословскія.

Въ 1719 г., библіотека уже не могла вмѣщаться въ лѣтнемъ дворцѣ, почему и была перенесена въ домъ, отписанный въ казну у любимца царевича Алексѣя, Александра Кикина [1]). Домъ этотъ находился на бывшей Московской сторонѣ (нынѣ Литейная часть), близъ Смольнаго двора, на берегу Невы, прямо противъ охтенскихъ слободъ. Библіотека здѣсь помѣщалась до 1728 г.: съ открытіемъ академіи наукъ, ей оставаться на Московской сторонѣ было уже не-

[1]) Другой домъ Кикина находился на нынѣшней площади зимняго дворца — въ немъ помѣщалась морская академія.

удобно, такъ какъ отъ шафировскаго дома (на Петербургской сторонѣ), гдѣ сначала жили академическіе профессора, помянутыя кикинскія палаты отстояли на 4 версты; кромѣ того, и самое зданіе для библіотеки уже оказывалось малымъ, почему въ 1728 г. она переведена на Васильевскій островъ въ особое зданіе, въ которомъ находится и донынѣ. Въ кикинскихъ же палатахъ послѣ помѣщались долгое время церковь и канцелярія лейбъ-гвардіи коннаго полка. Когда же для этого полка выстроены были нынѣшнія казармы, то въ старый домъ переведена канцелярія петербургскаго гарнизоннаго батальона.

Въ 1721 г., Петръ Великій нарочно посылалъ Шумахера въ Голландію, Англію и Францію, между прочимъ, для пріобрѣтенія новыхъ сочиненій для петербургской библіотеки. Шумахеръ привезъ съ собою изъ-за границы 517 названій книгъ, довольно разнородныхъ по содержанію и закупленныхъ, какъ кажется, безъ обдуманной заранѣе цѣли. Здѣсь находимъ сочиненія по части исторіи, древностей, генеалогіи, богословія, военныхъ наукъ; нѣсколько дорогихъ сочиненій съ гравюрами. Были куплены тогда и такія книги, которыя не соотвѣтствовали серьёзному назначенію библіотеки, какъ напр. Satyres amoureuses et galantes, Entretiens des ombres, Académie de jeux и т. п.

Въ 1723 г., вице-канцлеръ Шафировъ отданъ былъ подъ судъ, а имущество его конфисковано. Тогда изъ канцеляріи вышняго суда было сообщено Лаврентію Блюментросту: «въ санктъ-питербурхскомъ Петра Шафирова домѣ между отписными пожитками имѣются на иностранныхъ языкахъ книги и экземпляры подъ титломъ — Законныхъ причинъ, за что его императорское величество съ Швеціею войну начать имѣлъ, которыхъ книгъ цѣновщики русскіе и иностранцы цѣнить не умѣютъ.... и, по его императорскаго величества указу, высшій судъ приказали: вышеписанныя книги отослать къ тебѣ, понеже библіотека имѣется въ твоемъ вѣдѣніи; и которыя изъ оныхъ книгъ потребны будутъ къ библіотекѣ, и тѣ отдать по оцѣнкѣ, а прочія возвратить къ отписнымъ Шафирова пожиткамъ».

Библіотека Шафирова, какъ видно изъ каталога ея, составлялась безъ системы, случайно. Въ ней находилось нѣсколько пособій для переводовъ съ иностранныхъ языковъ, небольшое количество сочиненій по части международнаго права, панегирики Петру и книги въ родѣ: Les sciences de la cour; Le philosophe amoureux; Lettre d'amour d'une religieuse portugaise, и проч. Кромѣ книгъ нѣмецкихъ и французскихъ, были итальянскія. Шафировское собраніе было послѣднимъ при Петрѣ Великомъ пріобрѣтеніемъ петербургской библіотеки.

Сначала библіотеку государь поручилъ надзору своего лейбъ-медика и архіатера, Арескина; а онъ, въ 1714 г., велѣлъ привести ее въ порядокъ секретарю медицинской канцеляріи по иностранной пе-

перискѣ, Іоанну Даніилу Шумахеру. Послѣдній (род. въ 1690 г.) былъ родомъ изъ Кольмара въ Эльзасѣ и, по окончаніи курса наукъ въ стразбургскомъ университетѣ, пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1714 г. Это лицо играетъ немаловажную роль въ исторіи нашей академіи наукъ, такъ какъ на него сваливаютъ бо́льшую долю плачевнаго состоянія ея въ первыя десятилѣтія своего существованія. Арескинъ держалъ у себя Шумахера въ милости, такъ что даже отказалъ ему по завѣщанію, вмѣстѣ съ своимъ камердинеромъ Крапингомъ, часть своего движимаго имущества [1]). Преемникъ Арескина, Лаврентій Блюментростъ также благоволилъ къ Шумахеру и, по его представленію, онъ, тотчасъ же послѣ утвержденія проекта академіи наукъ, назначенъ былъ секретаремъ ея. Впослѣдствіи онъ былъ тамъ совѣтникомъ и директоромъ, завѣдывалъ хозяйственною частью и пользовался вліяніемъ на дѣла, по бо́льшей части во вредъ академіи. Бюшингъ [2]) объясняетъ причину особеннаго возвышенія и значенія Шумахера тѣмъ, что онъ былъ женатъ на дочери придворнаго кухмистера Фельтена, котораго любили Петръ и Екатерина. Изъ описанія свадьбы Шумахера Беркгольцомъ (30 апрѣля 1723 года) оказывается, что тогда посаженымъ отцомъ у жениха былъ императоръ, а у невѣсты посаженою матерью — императрица; кромѣ того, на свадьбѣ присутствовали и принимали участіе, какъ поѣзжане, великія княжны и всѣ знатные [3]). Бюшингъ же оставилъ замѣтку о Шумахерѣ, что въ расположеніи книгъ библіотеки онъ любилъ единственно казовый конецъ (что́, къ сожалѣнію, не вывелось у насъ и донынѣ, въ ущербъ существенному назначенію библіотекъ) и разставлялъ, напримѣръ, книги на полкахъ не по отдѣламъ наукъ, а по переплетамъ, такъ что хорошо переплетенныя книги становились впереди на видномъ мѣстѣ, а которыя похуже — назади.

Въ началѣ 1721 г., Петръ Великій отправилъ Шумахера за границу съ разными порученіями, касавшимися болѣе ученыхъ и наукъ. Такъ библіотекарь обязывался представить французской академіи наукъ составленную по указанію и распоряженію царя карту Каспійскаго моря и орнитологическія описанія, сдѣланныя первымъ ученымъ путешественникомъ по Сибири, докторомъ Мессершмидтомъ. Далѣе, Шумахеръ долженъ былъ стараться о приглашеніи въ Россію разныхъ ученыхъ и въ томъ числѣ знаменитаго Вольфа и войти съ ними въ сношенія объ учрежденіи въ Петербургѣ академіи наукъ, по при-

---

[1]) Исторія медицины, Рихтера. III, 127.

[2]) Beiträge zu der Lebens-Geshichte denckwürdiger Personen, VI, 166.

[3]) Разумѣется, если мы дождемся когда нибудь правдивой и немелочной исторіи нашей академіи наукъ, то объяснится, что вліяніе Шумахера на дѣла академіи, потому что онъ состоялъ родственникомъ придворнаго кухмистера, было слѣдствіемъ, а не причиною плохаго состоянія этого учрежденія.

мѣру существовавшихъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и другихъ городахъ. Въ инструкціи не была забыта и машина перпетуумъ мобиле, которая, какъ по всему видно, чрезвычайно занимала Петра Великаго: не будучи спеціалистомъ математикомъ, чтобы понять съ перваго раза тщету попытокъ къ открытію вѣчнаго движенія, онъ соблазнялся только тою громадною пользою, которую можно было бы извлечь изъ подобнаго открытія въ примѣненіи его къ промышленнымъ предпріятіямъ. Замѣтимъ также, что мысль о перпетуумъ мобиле занимала, въ началѣ XVIII ст., не одного Петра Великаго: въ Европѣ многіе физики и математики также увлекались ею, такъ что объ открытіи Орфиреуса, напр., кричали во всей ученой Германіи.

По возвращеніи въ Россію, Шумахеръ представилъ отчетъ о своей поѣздкѣ — отчетъ замѣчательный именно въ томъ отношеніи, что знакомитъ со взглядомъ самого царя на науки и просвѣщеніе, такъ какъ Шумахеръ не преминулъ, конечно, говорить въ своемъ донесеніи болѣе о томъ, чѣмъ могъ угодить царю. Съ другой стороны, отчетъ показываетъ, что Шумахеръ былъ человѣкъ способный, смѣтливый и расторопный. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы наша академія основалась при жизни Петра Великаго, то послѣдній съумѣлъ бы воспользоваться способностями Шумахера, не допуская его до тѣхъ вопіющихъ злоупотребленій, которыми прославился бывшій библіотекарь въ свое управленіе хозяйственною частію нашего высшаго ученаго учрежденія.

По пріѣздѣ въ Парижъ, Шумахеръ прежде всего явился къ тогдашнему президенту академіи наукъ, аббату Биньону, вручилъ ему письмо Блюментроста (ср. предъидущую главу) и сообщилъ о цѣли своего прибытія. Бинъонъ принялъ Шумахера съ распростертыми объятіями и тотчасъ же поспѣлъ передать ему присланныя отъ царя письмо и карту. Шумахеръ отвѣчалъ, что онъ обязанъ вручить ихъ академіи въ публичномъ засѣданіи. Оно и было назначено на слѣдующій день. Королевскій географъ Делиль былъ посланъ отъ лица всей академіи просить Шумахера въ засѣданіе, имѣвшее быть въ Луврѣ въ 3 часа по полудни. Шумахеръ передалъ тамъ президенту царское письмо «съ обычнымъ комплиментомъ», сказавъ, что онъ считаетъ для себя величайшимъ счастіемъ быть въ настоящемъ случаѣ исполнителемъ воли великаго монарха и вмѣстѣ съ тѣмъ познакомиться съ славными учеными, бесѣда съ которыми не могла не быть для него наставительною. Почтительно было выслушано собраніемъ чтеніе письма Петра Великаго, написаннаго съ такою простотою и уваженіемъ къ представителямъ ученаго міра. По окончаніи чтенія, маркизъ де Торси выразилъ признательность къ государю, которому славные подвиги не помѣшали снизойти, изъ любви къ наукѣ, до принятія званія сочлена въ ученомъ обществѣ. Послѣ

письма Блюментроста, академики разсматривали орнитологическія описанія доктора Мессершмидта и выразили желаніе имѣть такія же мастерскія описанія и изображенія красками изъ всѣхъ областей Россіи. Карта Каспійскаго моря возбудила также всеобщее вниманіе: на ней это море было представлено совершенно иначе, нежели какимъ его воображали себѣ до тѣхъ поръ тогдашніе европейскіе географы. На замѣчаніе кардинала Полиньяка: вся ли ситуація вѣрно означена на картѣ, такъ какъ говорятъ, что страна отъ Астрахани до Фарабата не вся еще объѣзжена,— Шумахеръ отвѣчалъ положительно, что вся эта страна изслѣдована, но государь о томъ не извѣщаетъ «ради нѣкоторыхъ штатсъ-резоновъ», о которыхъ въ свое время будетъ однако сообщено академіи. Шумахеръ очень дорожилъ этимъ своимъ отвѣтомъ и замѣтилъ, что «егда бы прежде къ оному не приготовился, весьма трудно было (бы) отвѣщать».

Вообще Шумахеръ былъ очень доволенъ обхожденіемъ съ нимъ французскихъ ученыхъ и жалѣлъ только, что они принимали его за императорскаго библіотекаря, слѣдовательно, за особу весьма важную, почему и принужденъ онъ былъ, «ради сохраненія респекта своего государя, весьма другой экипажъ имѣти». Кромѣ того, имѣлъ онъ непріятности отъ анатома Дюверне, который обязался сдѣлать для царя анатомическіе препараты изъ воску, но впослѣдствіи отъ того сталъ отказываться. «Съ великими трудами и всяческими финессами», Шумахеру наконецъ удалось взять отъ французскаго анатома «церебрумъ въ кранѣ (черепной мозгъ)».

Шумахеръ былъ представляемъ несовершеннолѣтнему королю наставникомъ его, аббатомъ Фрпже, причемъ маршалъ Виллеруа прямолвилъ о Петрѣ: «во истину великій монархъ, котораго нынѣ всѣ прочіе монархи за совершенный образецъ имѣть могутъ!»

Шумахеръ въ своемъ отчетѣ положительно утверждалъ, что ему удалось уговорить германскаго философа Вольфа отправиться въ Россію. Изъ предъидущей главы (стр. 36) видѣли, что этотъ ученый былъ далекъ отъ исполненія на дѣлѣ такого предложенія и старался отдѣлываться вѣжливостями и любезностями, а ихъ нашъ библіотекарь принималъ за согласіе Вольфа перенести свою ученую дѣятельность въ Петербургъ.

Любопытны разсказы Шумахера о своихъ переговорахъ съ Орфиреусомъ, пресловутымъ изобрѣтателемъ машины съ вѣчнымъ движеніемъ. Шумахеръ предлагалъ ему оригинальный способъ испытанія его машины прежде пріобрѣтенія ея, а именно: пригласить двухъ извѣстныхъ математиковъ, привести потомъ ихъ къ присягѣ, что они не откроютъ никому тайны механизма, изобрѣтеннаго Орфиреусомъ, и затѣмъ уже допустить къ осмотру машины, для произнесенія о ней приговора. Орфиреусъ не хотѣлъ и слышать объ испытаніи, твердя: «на одной

сторонѣ положите 100 т. ефимковъ, а на другой я положу машину [1])!»

Взамѣнъ желанной машины, Шумахеръ приложилъ къ своему отчету разсужденіе о ней Вольфа, который высказалъ здѣсь сомнѣніе въ успѣхѣ изобрѣтенія Орфиреуса.

Въ бытность свою въ Англіи, Шумахеръ вздумалъ-было спачала «содержать себя инкогнито» на томъ основаніи, что въ то время британское правительство было почти въ открытой враждѣ съ русскимъ, но потомъ замѣтилъ, что это совершенно излишне въ такой землѣ, какъ Англія, тѣмъ болѣе, что тамъ между учеными нашлось много почитателей Петра Великаго за его любовь къ наукамъ и стараніе о просвѣщеніи Россіи. Когда Шумахеръ разсказывалъ въ королевскомъ обществѣ наукъ (Royal-society) о картѣ Каспійскаго моря и о намѣреніяхъ царя касательно введенія просвѣщенія въ своемъ государствѣ, тогда докторъ Водвардъ сказалъ: «когда бы Богъ намъ далъ короля съ такою душою, то можно было бы намъ порадоваться и надѣяться на лучшее поощреніе».

Въ заключеніи Шумахеръ называетъ тѣхъ ученыхъ, которые бы могли слѣдить за разными заграничными аукціонами для пріобрѣтенія нужныхъ книгъ и предметовъ въ библіотеку и кунстъ-камеру въ Петербургѣ и вообще способствовать этимъ учрежденіямъ. По словамъ библіотекаря, онъ самъ покупалъ за границей только необходимыя изданія, но одно пріобрѣлъ ради библіографическаго его значенія —это Speculum salutis, на которомъ обозначено, что оно напечатано въ Гарлемѣ. Шумахеръ объяснялъ, что книга эта любопытна, такъ какъ положительно рѣшаетъ споръ между городами Маинцомъ и Гарлемомъ, о первенствѣ учрежденія тамъ типографіи, въ пользу втораго изъ нихъ. Замѣтимъ здѣсь, что въ отчетѣ Шумахера (читатель найдетъ его вполнѣ въ прилож. V) высказана о внѣшнемъ распорядкѣ библіотеки мысль, подтверждающая приведенный выше отзывъ о немъ Бюшинга: «Порядокъ въ библіотекахъ разный есть: каждый библіотекаріусъ слѣдуетъ своему праву; однакожъ обычайнѣйшій и удобнѣйшій, когда книги по матеріи и величинѣ своей разставлены суть. Но азъ мню, что не весьма надлежитъ слѣдовать матеріи книгъ, дабы красота, которая въ публичной библіотекѣ требуется, не утратилась и, сверхъ того, одна книга къ разнымъ факультетамъ причитаться можетъ. Азъ тщится буду въ вашего императорскаго величества библіотекѣ оное сберегать. Строеніе къ тому изрядно и удобно есть, только недостатокъ имѣемъ въ добрыхъ и избранныхъ книгахъ».

---

[1]) Впослѣдствіи Орфиреусъ продолжалъ предлагать свою машину Петру Великому. Такъ, въ январѣ 1725 г., можетъ быть за нѣсколько дней до смерти его, нѣкій Детлевъ Клефекеръ въ Петербургѣ вызывался ѣхать въ Германію на свой счетъ за перпетуумъ мобиле Орфиреуса, который обѣщалъ ему сказать изустно о послѣдней цѣнѣ за свое изобрѣтеніе (Каб. дѣла I, № 53, л. 655).

Еще въ первое путешествіе свое по Европѣ, Петръ пріобрѣлъ нѣсколько экземпляровъ птицъ, рыбъ и насѣкомыхъ. Во II главѣ говорено было о подобныхъ присылкахъ къ нему въ Москву отъ Рюйша и Яна Юнга Вуттера. Составившееся такимъ образомъ собраніе, вмѣстѣ съ уродами и анатомическими препаратами московской большой аптеки, помѣщалось сначала въ Москвѣ, а потомъ перевезено въ Петербургъ въ лѣтній дворецъ. Въ 1714 г., царь прислалъ на кораблѣ изъ Копенгагена «всякіе раритеты», которые принять и сохранять поручено было Шумахеру. Послѣдній по этому случаю просилъ кн. Меншикова «отвести двѣ каморки, гдѣ оныя вещи убрать, и къ нимъ для береженья, крѣпкаго вина 40 ведръ, понеже тѣ вещи безъ вина состоять не могутъ».

Во второе заграничное путешествіе, именно въ 1716 г., царь сдѣлалъ нѣсколько серьёзныхъ пріобрѣтеній для своего собранія: въ Данцигѣ, онъ купилъ у доктора Готвальда коллекцію минераловъ, раковинъ и рѣдкихъ камней, а въ Амстердамѣ пріобрѣлъ, за 15 т. голландскихъ флориновъ, у аптекаря Себы извѣстное въ свое время собраніе животныхъ, рыбъ, змѣй и насѣкомыхъ, сохранявшихся въ спиртѣ. Описаніе, сдѣланное Себою для Петра Великаго своего кабинета и сохранившееся въ современномъ русскомъ переводѣ, помѣщено нами въ прилож. VI.

Тогда же и тамъ же старикъ Рюйшъ являлся засвидѣтельствовать царю свое почтеніе. Тотъ принялъ его ласково и, пожавъ ему руку, сказалъ: «вы еще мой старинный наставникъ». Послѣ разныхъ переговоровъ, въ 1717 г., Петръ купилъ знаменитый анатомическій кабинетъ этого ученаго за 50 т. флориновъ. Рюйшъ хотѣлъ было сначала продать свой удивительный способъ бальзамированія труповъ Арескину за 50 т. флориновъ. «Не думайте, говорилъ при этомъ Рюйшъ, чтобы мнѣ было легко дойти до открытія моего способа: ежедневно вставалъ я въ четыре часа утра, тратилъ все, что̀ получалъ, и перебралъ до тысячи труповъ не только людей, недавно умершихъ, но и такихъ, которые были уже покрыты червями, отчего могъ схватить опасную болѣзнь». Неизвѣстно, на какихъ условіяхъ, только Рюйшъ сообщилъ Петру Великому о своемъ способѣ съ тѣмъ, чтобы никому не открывать его. Однако царь передалъ секретъ Лаврентію Блюментросту, тотъ Шумахеру, который, въ видахъ подслужиться лейбъ-медику Ригеру, разсказалъ ему о способѣ Рюйша. Ригеръ, покинувъ Россію, распубликовалъ его въ «Notitia rerum naturalium», статья Animal.

Возвратясь въ Петербургъ изъ заграничнаго путешествія, Петръ посѣтилъ свое собраніе рѣдкостей, называвшееся тогда кунстъ-камерою, и привезъ туда полученную имъ въ Копенгагенѣ половину окаменѣлаго хлѣба, котораго другая половина осталась тамъ, и родъ де-

ревянной обуви, которую носили лапландцы. Взамѣнъ ихъ, царь просилъ хранить въ копенгагенскомъ музеѣ русскія лапти.

13 февраля 1718 г., состоялся любопытный указъ о доставленіи въ кунстъ-камеру со всѣхъ концовъ Россіи уродовъ, рѣдкостей и пр.

«Понеже извѣстно есть, что какъ въ человѣческой породѣ, такъ въ звѣрской и птичьей случается, что родятся монстра, т. е. уроды, которые всегда во всѣхъ государствахъ собираются для дивовники. чего для передъ нѣсколькими лѣтами уже указъ сказанъ, чтобъ такіе приносили, обѣщая платежъ за оные, которыхъ нѣсколько уже и принесено, а именно: два младенца, каждый о двухъ головахъ, два которые срослись тѣлами. Однакожь въ такомъ великомъ государствѣ можетъ болѣе быть, но таятъ невѣжды, чая, что такіе уроды родятся отъ дѣйства дьявольскаго, чему быть невозможно, ибо единъ Творецъ всея твари Богъ, а не діаволъ, которому ни надъ какимъ созданіемъ власти нѣтъ; но отъ поврежденія внутренняго, также отъ страха и мнѣнія матерняго во время бремени, какъ тому есть многіе примѣры: чего испужается мать, такіе знаки на дитяти бываютъ; также, когда ушибется или больна будетъ, и проч. Того ради паки сей указъ подновляется, дабы конечно такіе, какъ человѣчьи, такъ скотскіе, звѣриные и птичьи уроды, приносили въ каждомъ городѣ къ комендантамъ своимъ, и имъ за то будетъ давана плата; а именно: за человѣческую по 10 р., за скотскую и звѣриную по 5, а за птичью по 3 р. — за мертвыхъ. А за живыя: за человѣческую по 100 р., за скотскую и звѣриную по 15 р., за птичью по 7 р. А. ежели очень чудное, то дадутъ и болѣе; буде же съ малою отмѣною передъ обыкновеннымъ, то меньше. Еще же и сіе прилагается: что ежели у нарочитыхъ родятся, и для стыда не захотятъ принести, и на то такой способъ: чтобъ тѣ неповинны были сказывать, кто принесетъ, а коменданты неповинны ихъ спрашивать — чье? Но принявъ, деньги тотчасъ давъ, отпустить. А ежели кто противъ сего будетъ таить, на такихъ возвѣщать; а кто обличенъ будетъ, на томъ штрафу брать вдестяро противъ платежа за оныя, и тѣ деньги отдавать извѣтчикамъ. Также, ежели кто найдетъ въ землѣ, или въ водѣ какія старыя вещи, а именно: каменья необыкновенные, кости человѣческія или скотскія, рыбьи или птичьи, не такія, какія у насъ нынѣ есть, или и такія, да зѣло велики или малы передъ обыкновеннымъ; также, какія старыя надписи на каменьяхъ, желѣзѣ или мѣди, или какое старое, необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зѣло старо и необыкновенно — такожь бы приносили, за что будетъ довольная дача, смотря по вещи, понеже, не видавъ, положить нельзя цѣны. Вышереченные уроды, какъ человѣчьи, такъ и животныхъ, когда умруть класть въ спирты; буде же того нѣтъ, то въ двойное, а по нуждѣ и въ простое вино и закрыть крѣпко, дабы не испортилось; за которое вино заплачено будетъ изъ аптеки особливо»...

Въ 1718 г. декабря 27, Лаврентій Блюментростъ докладывалъ царю: «понеже, по всемилостивѣйшему вашего величества указу, порученной мнѣ въ смотрѣніе библіотеки и собраннымъ натуральнымъ и прочимъ раритетомъ надлежитъ быть для смотрѣнія служителемъ, которые при томъ уже и обрѣтаются: библіотекарь Ягапъ Даніелъ Шумахеръ и надсмотритель всякихъ раритетовъ и натуралей; аптекарскій гезель Балтазаръ Шталь для смотрѣнія и перемѣнъ духу винаго и натуральныхъ вещей; переплетчикъ Христоформъ Битнеръ съ подмастерьемъ. Да вновь принадлежитъ принять: столяра для всякихъ подѣлокъ; четырехъ человѣкъ работниковъ, которые будутъ печи топить и въ палатахъ чистить. Къ тому припасовъ въ годъ: 200 саженъ дровъ для топки палатъ, 300 фунтовъ свѣчъ сальныхъ, 2,000 пузырей говяжьихъ для повязки склянокъ, 1,000 ведръ вина простаго, изъ котораго будутъ духъ винный сидѣть и употреблять на перемѣну натуралей, 20 фунтовъ корки на затычки, 20 фунтовъ нитокъ повязочныхъ разныхъ рукъ. Переплетчику къ переплету книгъ кожи и другіе припасы. На корреспонденцію и другія мелочныя издержки. 300 склянокъ разныхъ рукъ, по образцу ямбургскихъ, всегдабъ въ запасѣ были для утраченья, понеже иная съ натуральными вещми треснетъ или попортится. И буде при вышеписанной библіотекѣ помянутыхъ служителей содержать и онымъ вашего величества денежное жалованье получать и вышеписанные припасы покупать и на другія издержки — ваше величество откуда повелитъ, въ чемъ ожидаю милостиваго услышанія. Вашего величества нижайшій рабъ L. Blumentrost».

Въ мартѣ 1719 г., Блюментростъ представлялъ подобный же докладъ съ такимъ добавленіемъ: «окромѣ того, надобно корреспонденцію имѣть въ чужіе край съ учеными людьми, также книги покупать, которыя въ разныхъ государствахъ вновь выдаются и на оныя надобно будетъ такожь нѣсколько денегъ по разсужденію»...

Во время похода въ Персію, Петръ не забывалъ своей кунстъ-камеры и, 22 декабря 1722 года, послалъ изъ Астрахани слѣдующее собственноручное письмо къ оберъ-директору надъ строеніями въ Петербургѣ, Ульяну Якимовичу Синявину: «господинъ директоръ. Кунштъ-камеръ каменемъ отдѣлать, чаю и покрыть. А ш(к)афы на вещи не починованы дѣлать, того для, по полученіи сего, призови Шумахера, которому кабинетъ врученъ, чтобъ тебѣ далъ роспись и показалъ мѣста, гдѣ что дѣлать, и по оному дѣлай немедленно, дабы въ будущее лѣто оной кунштъ-камеръ видѣть готовымъ. Петръ. Изъ Астрахани въ 22 день октября 1722 [1])».

---

[1]) Отсюда видно, что зданіе для кунстъ-камеры передѣлывалось, но это не мѣшало видѣть ее любопытнымъ: въ 1721 г., ее осматривалъ Беркгольцъ, о чемъ подробно и занесено въ его запискахъ.

Изъ того же похода, кабинетъ-секретарь Макаровъ, будучи въ Дербентѣ, писалъ, что царь «указалъ отослать въ кунштъ-камеръ для куріозите» деревянное блюдо съ серебрянымъ ключомъ города Дербента и одно изъ мѣдныхъ ядеръ, которыми стрѣляли въ русскихъ козылбаши. Чтобъ угодить царю, частныя лица начали дѣлать разныя приношенія въ кунстъ-камеру. Такъ, въ 1723 г., архіепископъ новгородскій Ѳеодосій пожертвовалъ туда пять ящиковъ съ морскими науками, «что причитается, писалъ Макаровъ же, куріозите», а Ѳеофанъ Прокоповичъ модель іерусалимской церкви. Генералъ Аллартъ подарилъ 150 серебряныхъ позолоченныхъ медалей работы Лауферта, инспектора монетнаго двора въ Майнцѣ, съ изображеніемъ всѣхъ римскихъ папъ, начиная съ апостола Петра (sic) до Иннокентія XI. Петръ Великій выкупилъ для своего собранія за 5 тысячъ экю заложенную у жидовъ коллекцію древнихъ золотыхъ медалей изъ кабинета Людерса. У извѣстнаго Мушенброка пріобрѣтены были физико-математическіе инструменты.

Обычай отсылать въ кунстъ-камеру все достопримѣчательное, или считавшееся таковымъ, существовалъ и послѣ Петра. Такъ черезъ нѣсколько дней послѣ его кончины, императрица Екатерина I приказала: «изъ пожитковъ бывшаго камергера Монса статую Марсову золотую съ каменьи отослать въ кунштъ-камеру». Иногда такія присылки сопровождались болѣе подробными описаніями: 3 сентября 1725 г., Макаровъ писалъ къ Блюментросту: «Благородный господинъ лейбъ-медикусъ! Въ прошломъ 1716 г., его императорскому величеству блаженной и вѣчно достойной памяти бывшій тогдашній сибирскій губернаторъ князь Матвѣй Гагаринъ объявилъ самороднаго песочнаго золота въ десяти мѣстахъ въ кожахъ завязано 200 ланъ, а русскаго вѣса въ ланѣ 9 золотниковъ, и доносилъ, что то золото берется въ Китайскомъ государствѣ, для чего онъ посылалъ въ 1713 г. тобольскаго жителя Ѳедора Трушникова, который, по пріѣздѣ оттуда, объявилъ, что то золото покупалъ онъ у китайцевъ и у калмыковъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ промышляютъ, а именно: первое, недоѣзжая китайскаго города Селима, ѣздою за двѣ недѣли, который построенъ за стѣною, зовомою Калганомъ, близъ озера Коконуръ, у котораго кочуютъ калмыки, называемые Кошеуты. И то золото промышляютъ у рѣчекъ и возлѣ ключей, которые текутъ съ горъ. И у нихъ купилъ онъ, Трушниковъ, того золота лану по 7 рублевъ и видѣлъ на промыслу людей, которые близь дороги, 150 человѣкъ. А сказывали ему тѣхъ промысловъ копальщики, что одинъ человѣкъ въ лѣто найдетъ такого золота ланъ по 20, и по 30, и по 100. Да еще отъ того жь озера въ правой сторонѣ тѣ тайши и еще особый народъ, называемые Тунгуты, копаютъ золото по рѣкѣ Алтай Голмѣ и по малымъ рѣчкамъ. А за вышеписанною стѣною, при городахъ китайскихъ—Дабе, который отъ стѣны въ трехъ верстахъ, и Селимѣ,

который отъ стѣны въ 20 верстахъ, при рѣкахъ золото самородное копаютъ же. И видѣлъ онъ такіе промыслы въ двухъ мѣстахъ: на рѣкахъ ищутъ китайцы, и купилъ онъ у нихъ того золота по 7 рублевъ кону. А тѣ промышленники даютъ въ ханскую казну золота по золотнику съ человѣка на лѣто. А въ нынѣшнемъ 1725 г. февраля въ 5 день, по указу ея императорскаго величества, помянутое золото слито и употреблено въ дѣло. Только оставлено на память 2 фунта 25 зол. Того для помянутое оставленное золото на память посылается при семъ въ кунштъ-камеру, которое прикажите принять и дать росписку, и велите оное для куріозите имѣть во охраненіи такъ, какъ и прочія куріозныя или раритетныя вещи хранятся. Слуга вашъ Алексѣй Макаровъ».

Беркгольцъ, при осмотрѣ кунстъ-камеры, видѣлъ тамъ нѣсколько живыхъ уродовъ. Изъ денежныхъ отчетовъ ея 1719 — 23 годовъ видно, что тамъ выходило «на монструмовъ живыхъ»: Якова, Степана и Ѳому по рублю въ мѣсяцъ на каждаго. Первому изъ нихъ, неизвѣстно почему, выдавалось сначала по 2 руб. въ мѣсяцъ. Въ 1724 г., Лаврентій Блюментростъ отказался, однако, принять одного такого монструма. «Благородный господинъ архіатеръ, писалъ онъ къ брату своему Ивану Блюментросту, сего іюля 30 дня, въ письмѣ вашего благородія ко мнѣ написано, чтобъ живаго монструма Сампсона Филипова принять мнѣ въ кунштъ-камору и содержать противъ живыхъ монстровъ. И на оное вашему превосходительству объявляю: во оной кунстъ-каморѣ содержатся только мертвые монструмы, а живымъ монструмамъ во оной кунштъ-каморѣ мѣста не имѣется. Того ради благоволите онаго монструма содержать по прежнему, какъ его императорскаго величества указъ повелѣваетъ; впрочемъ пребываю благороднаго господина архіатера охотнѣшій слуга».

Сохранилась роспись предметовъ, которые, на основаніи приведеннаго выше указа о монстрахъ, были, 8 марта 1725 г., доставлены въ кунстъ-камеру изъ провинцій, а именно: «№ 1 — барашекъ, у него 8 ногъ; у другова три глаза, два туловища, 6 ногъ; присланы изъ Тобольска отъ кн. Козловскаго. № 2 — младенецъ, у него три ноги; изъ Нижняго-Новгорода отъ губернатора Ржевскаго. № 3 — теленокъ, у него 2 монструозныя ноги; изъ Уфы отъ коменданта Бахметова. № 4 — младенецъ съ двѣма головами, — отъ него же, Бахметова. № 5 — одинъ младенецъ, глаза подъ носомъ и уши подъ шеею; изъ Нѣжина. № 6 — два младенца, грудьми и животомъ срослися, — изъ Ахтырокъ отъ кн. Михаила Голицына; руки, ноги и головы обычайно. № 7 — младенецъ, у него рыбій хвостъ; родился въ Москвѣ на Тверской. № 8 — двѣ собачки, которыя родились отъ дѣвки 60-ти лѣтъ (sic!); изъ Ахтырокъ отъ кн. Голицына. № 9 — младенецъ, у него двѣ головы, 4 руки, 3 ноги; изъ Уфы отъ коменданта Бахметова».

При царскомъ дворѣ состоялъ французъ великанъ Буржуа, ко-

тораго царь, за огромный ростъ, принялъ къ себѣ на службу въ бытность свою во Франціи. Въ 1724 г. онъ умеръ, и трупъ его отослали для сохраненія въ кунстъ-камеру. По этому случаю, тамъ возникло оригинальное дѣло, сущность котораго видна изъ слѣдующей промеморіи:

«Въ прошломъ 1724 г. мая 17 дня, скорняжнаго дѣла мастеру, иноземцу Еншау отдалъ библіотекарь Шумахеръ великана Буржуа снятую кожу выдѣлать, съ обѣщаніемъ денежнаго награжденія за его работу безъ договору, понеже — какъ сказывалъ — такая вещь ему необычайна и такой ему не случалось работы. А мѣсяца іюля того жь 1724 г., когда онъ ту кожу отдавалъ, и посылано было къ оному иноземцу Еншау для отдачи оныя кожи и взятья денегъ за работу. Который сказывалъ, что еще не готова, хотя намъ и подлинно было вѣдомо, что она уже отдѣлана. Въ послѣднихъ числахъ августа, библіотекарь Шумахеръ приходилъ къ нему самъ и просилъ, чтобъ какова ни есть кожа отдалъ, однакожь и такъ не отдалъ; и слѣдующій мѣсяцъ посылками нашими для отдачи ничего не успѣли. Потомъ, ноября 28 дня, былъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его императорское величество для разсмотрѣнія куріозныхъ вещей въ кунштъ-каморѣ и, смотря на выдѣлки изъ онаго великана, востребовалъ видѣть ту кожу. Тогда посылали къ нему (то есть къ Еншау) солдатъ, чтобъ вышепомянутую кожу принесъ, и онъ не токмо не отдалъ, но и безчинно отказывалъ, что де такой кожи весьма не отдастъ безъ присылки денегъ въ его домъ и безъ росписки взятыя кожи. И когда въ семъ дѣлѣ не могли конца имѣть, велѣли подать ему счетъ, по которому мы готовы были заплатить. И въ томъ шесть мѣсяцевъ прошло, какъ онъ, отбывая, такова послушанія не хотѣлъ учинить. А сего 1725 г. мая 4 дня, подалъ челобитную съ счетомъ, въ которой проситъ, чтобъ кожу взять, и ему, по поданному счету, еще 60 р. 75 коп., къ четыремъ рублямъ, уже даннымъ, доплатить. Но понеже неслыханною своевольностью и злобою такъ долго кожу задержалъ и еще держитъ, и, сверхъ того, въ поданномъ счетѣ отъ него имѣется подозрѣніе, ибо печи и хоромное строеніе, о которыхъ онъ помянаетъ въ своей челобитной, будто нарочно для оной кожи сдѣланы, и оныя не прежде, но послѣ выдѣлки кожи построены. Того ради прошу главнаго магистрата, дабы помянутаго мастера Еншау въ поданномъ счетѣ подлинно допросить, чтобъ императорскаго величества денежная казна въ томъ напрасно не тратилась, и за такое преслушаніе и злобу его по указу императорскаго величества государыни и царицы по регламенту главнаго магистрата учиненъ бы былъ штрафъ. Впрочемъ главнаго магистрата по разсужденію, академія наукъ готова платить оному Еншау за такую работу (1725 г. мая 15 дня)».

Это дѣло доходило, наконецъ, до императрицы, которая велѣла

кожу у Еншау взять, а ему заплатить, что̀ будетъ причитаться за работу. Въ октябрѣ 1725 г., Еншау получилъ 100 р., и при томъ сдѣлано распоряженіе: «по указу ея императорскаго величества надлежитъ тебѣ (Еншау) ноги отъ кожи француза великана вставить и оную кожу привесть въ совершенство».

Извѣстно, что уставъ академіи наукъ въ Петербургѣ былъ утвержденъ Петромъ Великимъ въ январѣ 1724 года и онъ помѣщенъ въ Полномъ собраніи законовъ. Въ кабинетныхъ бумагахъ государя сохранились двѣ бумаги, очевидно написанныя до составленія устава и любопытныя въ томъ отношеніи, что могутъ служить объясненіемъ тѣхъ предположеній, съ которыми основывалось у насъ наше высшее ученое учрежденіе. Первая изъ этихъ бумагъ безъ года, съ краткимъ обозначеніемъ, что она «руки Петра Алѣксѣева Курбатова» [1]:

«Въ установленіи академіи подобаетъ слѣдующіе пункты примѣчать:

I. Сумма, которая надобна къ установленію и содержанію академіи, такая да будетъ, чтобъ его императорскаго величества казнѣ убытку не былобъ, ниже бы государству какова отягощенія принесла. Та сумма пребываетъ непоколебимо при академіи, и сіе да будетъ за фундаментъ высокой его императорскаго величества милости академіи, дабы никто не дерзалъ оную сумму, подъ какимъ бы видомъ ни было, на иныя вещи издержать.

II. Мѣсто, идеже установлена будетъ академія, былобъ такое, чтобъ былъ тамъ здравый воздухъ и добрая вода, и положеніе того мѣста былобъ удобно, чтобъ отъ всѣхъ странъ можно было надежно приходить, такожде и съѣстное бы было въ довольности.

III. Строенію подобаетъ быть тако учреждену, дабы принадлежащіе къ академіи люди свободно могли тамо жить и имѣло бы то строеніе привилію или увольненіе, да никто дерзнетъ тамо какое усильство учинить, но егда кто въ какое прегрѣшеніе тамо впадетъ, то опредѣленныя отъ его императорскаго величества на управленіе академіи персоны его судили бъ и обвиняли. И тако, дабы академія прямо подъ его императорскаго величества властію, а ни подъ какою бы коллегіею была.

IV. Персоны къ управленію академіи да будутъ слѣдующія: 1) президентъ, 2) вице-президенты, 3) инспекторъ.

V. Управленіе вышеупомянутыхъ персонъ состоитъ въ слѣдующемъ: 1. Оная сумма денегъ обрѣтается подъ управленіемъ вышепомянутыхъ персонъ и тратятъ онѣ тѣ деньги, гдѣ нужда будетъ. 2. Президентъ и вице-президенты стараются о наукахъ, а инспекторъ управляетъ домостроительство. 3. Держатъ они по вся недѣли конференцію съ учителми для познанія, которые ученики прилѣжно

[1]) Кабинет. дѣла, II, № 68, л. 489—490.

и которые лѣниво учатся, какая въ чемъ скудость учинилась, и какъ оную исправить? И что въ такой конференціи учинено, надобно въ протоколъ записать и по вся мѣсяцы о томъ экстрактъ президенту подавать, дабы онъ всегда могъ, егда его императорское величество о состояніи академіи изволитъ спросить, о томъ всенижайше отвѣтъ дать. 4. Вице-президенты смотрятъ прилѣжно надъ профессорами, вѣрно ли они свою службу исправляютъ. 5. Испытуютъ они юныхъ сердца и склонности, къ чему охоту имѣютъ и потому учреждаютъ они имъ и ученія. 6. Такожде смотрятъ они, чтобъ во всей академіи единъ образъ былъ языку и ученію.

VI. Штуденты могутъ быть разнаго чину, но надобно слѣдующія вещи между ими хранить: 1. Надо ученикамъ, или штудентамъ объявить, что ученіе ихъ не яко бы они тѣмъ обременены были силою, но почитали бъ они сіе за милость его императорскаго величества, и того ради не всякаго надобно къ сему допускать, но кто къ сему склонность будетъ имѣть. 2. Надобно онымъ уреченные годы въ академіи пребыть. 3. Ікогда они свои ученія окончали, надобно президенту и вице-президентамъ старатися, дабы они иностранныя земли съ пользою увидѣли и даютъ они имъ инструкціи, какъ имъ содержать себя на пути, и добрую рекомендацію къ ученымъ людямъ, а паче всего не надобно допускать, чтобъ они въ иностранныя земли поѣхали, а языку того, куда поѣдутъ, не знали бъ, ибо чрезъ сіе въ той землѣ въ 4 недѣли больше можно познать, нежели кто незнающій того языка въ нѣсколькихъ (sic) лѣта.

VII. Прибыль, которая изъ сей академіи будетъ, есть слѣдующая: 1. Что его императорское величество изъ своихъ подданныхъ ученые люди получитъ. 2. По сему иноземцы будутъ пріѣзжать въ академію для обученія и деньги свои здѣ въ землѣ тратить. 3. Оные, которые поѣдутъ въ иностранныя земли, меньше денегъ будутъ тратить, понеже они больше въ одинъ годъ научатся, нежели иной въ десять лѣтъ.

Сіе токмо генерально предложено, но если его императорское величество милостивно повелитъ, то можно пространнѣе и подробнѣе описать и что́ больше еще надобно усмотрѣть съ предложеніемъ (какимъ образомъ оную сумму получить) его императорскому величеству, токмо чтобъ надежно было, что оная сумма токмо на академическое иждивеніе будетъ употребляема».

Вторая бумага помѣщена рядомъ съ указомъ о переводчикахъ, состоявшимся 23 января 1724 г. [1]) и сообщеннымъ въ настоящемъ трудѣ въ гл. IX. Она также безъ обозначенія года, помѣчена лишь январемъ: «сообщено изъ сената» [2]).

---

[1]) П. собран. закон. VII, № 4438.

[2]) Каб. дѣла II, № 68, л. 50.

«Въ установленной академіи будутъ обучаться студенты во всякихъ наукахъ, кромѣ богословіи, юриспруденціи собственно таковой, и такъ до перваго степени членовъ надлежащіе студенты, смотря по ихъ натуральному наклоненію, будутъ обученіе имѣть (отъ) учителей: 1) Ариѳметикѣ; 2) Геометріи; 3) Астрономіи; 4) Географіи; 5) Навигаціи; 6) Механикѣ; 7) Оптикѣ; 8) Архитектурѣ гражданской и воинской; 9) Физикѣ ѳеоретикѣ и ѣкспериментальной; 10) Институціи медической, анатомической и хирургической; 11) Химіи; 12) Исторіи натуральной; 13) языкамъ, именно: латинскому, греческому, французскому и итальянскому; 14) Реторикѣ и Ораторіи; 15) Исторіи древней и нынѣшней; 16) Логикѣ; 17) Метафизикѣ; 18) Этикѣ; 19) Политикѣ; 20) Юсъ публикъ натуръ и народовъ».

По утвержденіи Петромъ Великимъ помянутаго выше устава академіи наукъ, Блюментростъ назначенный президентомъ ея, заключилъ съ Шумахеромъ слѣдующій контрактъ:

«Обязуется оный библіотекарь Данило Шумахеръ библіотеку и куншттъ-камору въ своемъ правленіи имѣть. Какъ библіотекѣ, такъ и куншттъ-каморѣ все порядочно содержать: въ библіотекѣ книгамъ, а въ куншттъ-каморѣ обрѣтающимся разнымъ вещамъ каталоги учредить. Такожде, дондеже академія размножится, при оной секретарское дѣло править» [1]).

Кромѣ того, Шумахеру были даны пункты:

«1) Надлежитъ съ членами академіи корреспонденцію имѣть и ради прибытія ихъ сюда на дорожные имъ расходы деньги посылать, а которые при академіи, куншттъ-каморѣ и библіотекѣ обрѣтаются, тѣмъ въ жалованье и прочемъ содержать. 2) Потребныхъ къ академіи конепстовъ и переводчиковъ пріискивать и въ службу принимать, и о семъ мнѣ репортовать. 3) Такожде двухъ мальчиковъ пріискивать и отдать ихъ малярицѣ [2]), ради обученія рисованію, которымъ жалованья по 3 руб. на мѣсяцъ давать. 4) Краски, пензели, бумагу и пергаментъ, которые малярица доношеніемъ требовала, также и станнумъ фоліатумъ (то есть листовое олово) ко украшенію вещей, въ куншттъ-каморѣ обрѣтающихся, промышлять за деньги, данныя на академію. 5) Ящики на медальный кабинетъ по надлежащему сдѣлать. 6) Книги, въ прошломъ году купленныя, переплесть; а какія нынѣ ко академіи потребны имѣютъ быть, покупать надлежитъ. 7) За антлею

[1]) 18 Февраля 1724 г., Шумахеръ былъ уволенъ изъ медицинской канцеляріи по множеству дѣла въ новой должности. Въ академіи ему было назначено жалованья 800 р. въ годъ, квартира, отопленіе и освѣщеніе.

[2]) Въ книгѣ «Палаты санктпетербургской императорской академіи наукъ» (Спб. 1741 г.) значилась состоящею при библіотекѣ и купстъ-камерѣ: «вдова живописца Гезеля, которая списываетъ травы и цвѣты (Gselin, Blumen Mahlerin).» Она была дочь извѣстной въ свое время живописицы Маріи Сибиллы Маріанъ и вышла замужъ за швейцарскаго живописца Кселля (Xsell), который былъ вызванъ Петромъ въ Россію послѣ 1717 года. Вдова Кселль умерла при Елизаветѣ въ глубокой старости.

пневматику съ принадлежащими машинами, сочиненную отъ Мушенброка, надлежитъ заплатить».

Въ іюлѣ 1724 г., государь велѣлъ «въ самой скорости» достроить на Васильевскомъ островѣ помѣщеніе для кунстъ-камеры и библіотеки; а «для квартиры академическимъ учителямъ, такожде и для обученія студентовъ», отданъ былъ тогда отписной въ казну каменный домъ Шафирова, находившійся на петербургской сторонѣ [1]).

Изъ разсказовъ Шумахера Штелину видно, что Петръ Великій часто посѣщалъ кунстъ-камеру и разъ даже давалъ тамъ торжественную аудіенцію послу римскаго императора, несмотря на представленіе нашего вице-канцлера, что это было бы лучше сдѣлать во дворцѣ. Извѣстно, что царь былъ врагъ всякихъ придворныхъ этикетовъ, а потому отвѣтъ его, передаваемый Штелинымъ, заслуживаетъ нѣкотораго вѣроятія; «пускай посолъ сюда придетъ: для него все равно, гдѣ бы я ни принялъ его въ первый разъ. Вѣдь онъ ко мнѣ присланъ, а не въ тотъ или другой домъ. Если онъ имѣетъ что сказать мнѣ, то можетъ сказать гдѣ бы я ни былъ.» Однажды Петру совѣтовалъ Ягужинскій наложить плату за посѣщеніе кунстъ-камеры: но царь замѣтилъ, что тогда никто не будетъ посѣщать ее, и потому, напротивъ, опредѣлилъ особенную сумму для угощенія посѣтителей. Шумахеру, сверхъ жалованья, отпускалось на то 400 руб., и Штелинъ, и при Аннѣ Іоанновнѣ, былъ часто свидѣтелемъ подобныхъ угощеній въ кунстъ-камерѣ.

Черезъ три мѣсяца съ небольшимъ послѣ кончины Петра Великаго, Блюментростъ, между прочимъ, докладывалъ императрицѣ Екатеринѣ I: «чтобъ святѣйшему правительствующему синоду опростать мѣсто на заводъ семинаріи, которое подъ библіотеку и кунстъ-камору занято, также книги и куріозныя наши вещи распорядить пристойно, надлежалобъ строеніе, которое на Васильевскомъ острову подъ академію и библіотеку пріобрѣтено, довершить. — Блаженныя и вѣчно достойныя памяти его императорское величество именно приказалъ, чтобъ домъ академическій домашними потребами удостачить и академиковъ недѣли съ три или съ мѣсяцъ, не взачетъ, кушаньемъ довольствовать, а потомъ подрядить за настоящую цѣну, напявъ отъ академіи экономa, кормить въ томъ же домѣ, дабы ходя въ трактиры и другіе мелкіе домы, съ непотребными обращаючись, не обучились ихъ непотребныхъ обычаевъ, и въ другихъ забавахъ времени не теряли бездѣльно; понеже суть образцы такіе: которые въ отечествѣ своемъ добронравны, бывши съ роскошниками и пьяницами, въ бездѣльничествѣ пропали и государственнаго убытку больше, нежели прибыли, учинили.... Часто блаженныя и вѣчнодостойныя памяти отъ

[1]) 19 августа 1728 года, Петръ II приказалъ этотъ домъ возвратить снова Шафирову. Изъ академическихъ бумагъ оказывается, что зданіе примыкало съ одной стороны къ дому князя папы Зотова, а съ другой къ синодскимъ палатамъ (бывшему дому Брюса).

императорскаго величества слыхалъ, что блаженныя памяти царицы Прасковьи Ѳедоровны домъ, близъ библіотеки, до академіи придать, какъ меня и рисунки архитектора Трезина въ семъ мнѣніи подтверждаютъ. Того ради весьма потребно, чтобъ сіе дѣло опредѣлить и помянутый домъ довершить и что̀ еще надлежитъ, пристроить; и весьма по истинѣ библіотекѣ не можно въ разстояніи быть отъ академіи, понеже учительнымъ не меньше нужды въ книгахъ, какъ мастеровымъ въ инструментахъ».

Докладъ Блюментроста былъ утвержденъ вполнѣ: 25 мая 1725 года, онъ объявилъ сенату повелѣніе императрицы о содержаніи профессоровъ согласно докладу; въ іюлѣ того же года, домъ Шафирова переданъ окончательно въ распоряженіе академическаго начальства, въ вѣдѣніе котораго поступили также палаты царицы Прасковьи Ѳедоровны (въ нихъ и до нынѣ помѣщается академія). Кромѣ того, Блюментростъ нанялъ тогда же нѣсколько домовъ у частныхъ владѣльцевъ. Такъ бывшія палаты князя папы Зотова, пожалованныя послѣ его смерти петербургскому воеводѣ Ивану Петровичу Строеву, наняты у послѣдняго для житья академическихъ служителей за 250 руб. въ годъ. Для квартиры академическимъ членамъ отведенъ былъ также домъ генералъ-лейтенанта Матюшкина, изъ семи свѣтлицъ, на Московской сторонѣ, вверхъ по Невѣ рѣкѣ, противъ Канецъ, съ платою по 10 руб. въ мѣсяцъ. Дворъ крикъ-цалмейстера Самарина (неизвѣстно — въ какой мѣстности) служилъ для помѣщенія академическихъ служителей.

Въ домѣ Шафирова происходили первыя публичныя засѣданія академіи наукъ и здѣсь то произносились риторскія торжественныя слова новоприбывшихъ ученыхъ. Обо всемъ этомъ тѣмъ же риторскимъ слогомъ извѣщали иностранныя газеты; а нашъ сатирикъ, Антіохъ Кантемиръ, въ тяжелыхъ силлабахъ на русскомъ языкѣ, оставилъ потомству такія назидательныя о томъ извѣстія:

«Вонъ дивись, какъ ученія заводятъ заводы:
Строятъ безмѣрнымъ коштомъ тутъ палаты славны;
Славятъ, что ученія будутъ тамо главны;
Тщатся хоть именемъ умножить къ нимъ чести
(Коли не дѣломъ). Пишутъ печатныя вѣсти:
«Вотъ завтра ученія высоки начнутся,
«Вотъ ужь и учители заморски сберутся:
«Пусть какъ можно всякъ скоро о себѣ радѣетъ
«Кто оныхъ обучаться охоту имѣетъ.»
Иной бѣдный, кто сердцемъ учиться желаетъ,
Всѣми силами къ тому скоро поспѣшаетъ,
А пришедъ, комплементовъ увидитъ не мало,
Высокихъ же наукъ тамъ тѣни не бывало!
А деньги хоть точатся тутъ безпрерывно,
Такъ комплементовъ много съ ними, то и не дивно [1])!

[1]) Библіографическія Записки, 1858 г., № 3, стр. 72, 73.

V.

Первый наставникъ царевича Алексѣя Нейгебауеръ. Удаленіе его изъ Россіи. Полемическія брошюры противъ русскаго двора. Преслѣдованія и защищеніе ихъ.—Мѣры Петра Великаго для привлеченія на свою сторону общественнаго мнѣнія въ Европѣ при помощи типографскаго станка. Баронъ Гюйссенъ ученo-литературный агентъ русскаго правительства въ началѣ XVIII столѣтія.

Въ 1699 году, пріѣзжалъ въ Москву для переговоровъ отъ саксонскаго курфюрста генералъ Карловичъ, съ которымъ Петръ хотѣлъ было отправить за границу учиться сына своего, царевича Алексѣя. Извѣстно, что предположеніе это не сбылось за смертью Карловича. Въ свитѣ его находился сынъ одного данцигскаго бюргера Нейгебауеръ: онъ учился сначала въ родномъ городѣ, а потомъ слушалъ лекціи въ лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ преимущественно изучалъ латинскій языкъ, юриспруденцію и исторію. По отзыву одного лица, которое говорило, что «персона Нейгебауера, сначала прибытія его въ Россію, ему зѣло знаема», этотъ иноземецъ «являлся нарочитой быть остроты», и, по собственной своей просьбѣ, былъ опредѣленъ Карловичемъ чрезъ Меншикова учителемъ къ царевичу Алексѣю. По извѣстіямъ же, хранящимся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, выходитъ, что Карловичъ самъ пригласилъ Нейгебауера въ Москву, говоря, что для воспитанія наслѣднаго принца нуженъ образованный нѣмецъ, который могъ бы состоять при немъ въ должности гофмейстера. Нейгебауеръ согласился на это приглашеніе и пріѣхалъ въ Россію; но смерть Карловича значительно замедлила его опредѣленіе и только въ іюнѣ 1701 года, послѣ нѣсколькихъ ходатайствъ, Нейгебауеру удалось получить мѣсто при царевичѣ, для наставленія «въ наукахъ и нравоученіи».

Уже въ концѣ того же 1701 года, обнаружились неудовольствія между Нейгебауеромъ и русскими, состоявшими при царевичѣ. Иноземецъ настаивалъ, чтобъ ему подчинили этихъ лицъ, «понеже если всякой изъ нихъ будетъ дѣлать, что хочетъ, то невозможно царевича изрядными правамъ и порядочному житію научити, зане нѣкоторые отъ злости всѣ его труды портить будутъ». Далѣе, онъ просилъ удалить прежнихъ лицъ, окружавшихъ царевича, и въ томъ числѣ русскаго учителя его, Никифора Вяземскаго, а на мѣсто ихъ опредѣлить знающихъ иностранные языки и обычаи, «зане вышеписанные люди (Вяземскій и другіе) неудобны быть у младаго царевича, котораго изрядно воздержати надлежитъ».

Жалобы и просьбы Нейгебауера оставались безъ послѣдствій, и

23-го мая 1702 года, въ Архангельскѣ, за обѣдомъ у царевича, произошла ссора между учителями нѣмцемъ и русскимъ. Первый, прежде всего, выведенъ былъ изъ себя тѣмъ, что Вяземскій и Нарышкинъ говорили тихо и смѣялись съ царевичемъ, который, какъ увидимъ ниже, терпѣть не могъ Нейгебауера. Учитель замѣтилъ, что царевичу неприлично говорить при постороннихъ тихо съ своими приближенными. Нарышкинъ и Вяземскій оспаривали это замѣчаніе съ насмѣшками. Вскорѣ Алексѣй Петровичъ, по совѣту Вяземскаго, положилъ было на блюдо обглоданную кость. Нейгебауеръ снова замѣтилъ, что обглоданныя кости оставляются на тарелкѣ, а класть ихъ на блюдо, съ котораго берутъ другіе — невѣжливо. По этому случаю учителя начали между собою сильный споръ, кончившійся бранью: Вяземскій обзывалъ Нейгебауера собакою, а этотъ честилъ своихъ противниковъ названіями собакъ и варваровъ. Объ этой ссорѣ былъ розыскъ, кончившійся удаленіемъ Нейгебауера отъ должности учителя царевича. Изъ бумагъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ видно, что Меншиковъ былъ противъ Нейгебауера, а послѣдній жаловался, что онъ обращался съ нимъ хуже, нежели съ псаремъ. Это обстоятельство, должно полагать, было главнѣйшею причиною, что въ ссорѣ учитель нѣмецъ признанъ былъ виноватымъ. Въ іюлѣ 1702 года состоялся указъ: «иноземцу Нейгебауеру за многія его пенстовства, что писался гофмейстеромъ его высочества и ближнихъ людей, которые живутъ при царевичѣ, бранилъ и называлъ варварами, отъ службы отказать и ѣхать ему безъ отпуска, куда хочетъ [1])». Однако Нейгебауеръ оставался въ Москвѣ до 1704 года: сначала его опасались отправить за границу, чтобъ онъ не передалъ какихъ нибудь извѣстій о Россіи, бывшей тогда въ войнѣ съ Швеціею; потомъ самъ Нейгебауеръ искалъ мѣста въ русской службѣ и даже соглашался ѣхать при посольствѣ въ Китай. Наконецъ въ навигацію 1704 года, его, почти подъ карауломъ, отправили изъ Москвы въ Архангельскъ, откуда на гамбургскомъ кораблѣ онъ и возвратился на родину.

Въ томъ же 1704 году, въ Германіи явилась брошюра, изданная безъ означенія типографіи, въ формѣ письма знатнаго нѣмецкаго офицера къ тайному совѣтнику одного высокаго владѣтеля о дурномъ обращеніи съ иноземными офицерами, которыхъ вызываютъ къ себѣ на слѵжбу москвитяне [2]).

Въ этой брошюрѣ читаемъ:

«Высокородный господинъ, высокоуважаемый тайный совѣтникъ

---

[1]) «Библіографическія записки» 1858 г. № 20, стр. 642—646.

[2]) «Schreiben eines vornehmen deutschen Officirirs an einem Geheimen Rath eines hohen Potentaten wegen der üblen Handtierung den frembden Officirer so die Moscowitter in ihre Dienste locken».

Я тотчасъ же долженъ былъ исполнить желаніе ваше, выраженное въ письмѣ отъ 20-го прошлаго января, узнать отъ меня, обходятся ли въ Москвѣ съ нѣмцами, какъ то обѣщано въ публикованномъ г. Паткулемъ патентѣ [1]), и посовѣтую ли я г. майору, вашему родственнику, и другимъ офицерамъ опредѣлиться въ службу къ царю; однако, необходимость принудила меня выжидать, такъ какъ отвѣчать на письмѣ на подобные вопросы было опасно до тѣхъ поръ, пока Господь не вынесъ меня изъ варварской страны. Въ настоящее время, я могу безъ опасенія извѣстить ваше превосходительство, что помянутый патентъ вовсе не исполняется и многіе честные люди, отправившіеся въ Москву, положившись на этотъ патентъ, обманутся: царь и приближенные его обходятся съ честнѣйшими и храбрѣйшими офицерами, какъ со щенками (Hundjungens), при содѣйствіи пощечинъ, палочныхъ ударовъ, кнута и тысячи другихъ подобныхъ поруганій. Чтобъ вашему превосходительству осязательнѣе и точнѣе изобразить такіе варварскіе поступки, хочу я здѣсь кратко изложить нѣкоторые случаи, бывшіе частью съ нѣкоторыми иностранными министрами, частью же съ офицерами, и беру на свою душу, что все, здѣсь передаваемое мною, есть сущая правда.

«1699 года, были арестованы шведскіе посланники за то, что маршалъ ихъ посольства, г. фонъ Рапкъ, имѣлъ столкновеніе съ бранденбургскимъ посломъ и скрывался отъ царя, который говорилъ: «если сказаннымъ посланникамъ голова ихъ маршала дороже собственныхъ головъ, то пускай его не представляютъ — расплатятся своими головами!» Шведовъ держали до тѣхъ поръ подъ арестомъ, пока коммиссаръ ихъ, Книперкронъ, не представилъ маршала, котораго и заключили въ оковы и въ тюрьму.

«1700 года, генералъ и посланникъ польскій, баронъ Ланге, былъ пожалованъ отъ царя собственноручно ударами и пр. и пр. за то, что онъ не дозволялъ падъ собою шутить царскому любимцу, нѣкоему пирожнику (Bäcker jungen), по имени Александру Даниловичу Меншикофу (Menschenkopff) [2]). Въ тотъ же годъ, генералъ-майоръ Брустъ (Brust, т. е. Брюсъ) долженъ былъ брать приступомъ Нарву безъ артиллеріи, пороха и ядеръ. Когда же ему это не удалось, то посадили этого способнаго артиллериста на пять мѣсяцевъ въ оковы, а жена его раздѣляла ложе съ Александромъ Даниловичемъ Меншикофомъ, и только чрезъ это Брюсъ снова вошелъ въ милость.

«Въ 1700 и 1701 годахъ, датскій посланникъ долженъ былъ много вынести за то, что его король заключилъ миръ со шведами. Невѣроятно, сколько коммиссаръ Огинскаго, Бялозоръ въ 1702, 1703 и 1704 годахъ получилъ пощечинъ отъ его царскаго величества. Со-

[1]) Такъ было названо распубликованное въ Германіи отъ Паткуля приглашеніе и условія о вступленіи иноземцевъ въ русскую службу.

[2]) Въ брошюрѣ, въ насмѣшку, перепачены такимъ образомъ фамиліи.

держаніе жены шведскаго резидента Книпперкрона, а также и прочихъ шведскихъ служащихъ и плѣнныхъ таково, что о томъ можно болѣе соболѣзновать, нежели разсказывать. У французскаго посланника, когда тотъ уѣзжалъ, удержано царемъ изъ содержанія 1300 рублей.

«Полковнику Бодевину, по царскому повелѣнію, отрублена голова, а тѣло впродолженіи четырехъ недѣль валялось, къ посрамленію нѣмецкой націи, въ грязи до тѣхъ поръ, пока не съѣли его вороны и собаки, и все это за то, что его слуга закололъ фельдшера царскаго любимца. Поручикъ Крассаусенъ такъ же долго оставался на висѣлицѣ, съ которой потомъ брошенъ въ живодерню. О нихъ я донесу вашему превосходительству словесно, такъ какъ разсказывать объ этомъ здѣсь было бы очень долго. Случилось это въ 1703 году, тогда же, когда капитанъ Саксе долженъ былъ получить пощечину отъ палача и лишиться головы; однако послѣ онъ былъ только въ немилости и сосланъ въ Сибирь.

«У шведскаго посольства удержано 3000 р.; у прусскаго посланника недавно отнято 1600 талеровъ. Персидскаго посланника держали два года подъ арестомъ и взяли у него все, что̀ онъ имѣлъ. Турецкаго посла, бывшаго въ настоящемъ (1704) году, принимали на аудіенціи какъ слугу, а впереди онъ имѣетъ терпѣть еще го́ршее.

«Какъ поступилъ царь съ дѣвицею Монсъ, своею возлюбленною, когда къ ней сталъ нѣсколько близокъ посланникъ Кейзерлингъ, будетъ извѣстно изъ ежедневныхъ газетъ. Польскій воевода долженъ былъ получить 40,000 долгу; и хотя ему съ клятвами и несомнѣнными ручательствами обѣщана была уплата, однако онъ кончилъ жизнь въ Сибири.

«Наставникъ наслѣднаго принца, по имени Нейбауеръ (Neubauer), долженъ былъ потерять голову за то, что проспалъ принца, чтобъ онъ не клалъ обглоданныя кости на блюдо, съ котораго онъ съ прочими ѣлъ. Наконецъ, послѣ долгаго и тяжкаго заключенія, Нейбауеръ хотя избавился отъ смертной казни, однако поплатился всѣмъ, что̀ имѣлъ, и потомъ принужденъ идти просить милостыню, а между тѣмъ онъ былъ рекомендованъ польскимъ королемъ и ничего дурнаго не сдѣлалъ.

«Полковникъ Штрасбергъ наказанъ воеводою города, гдѣ онъ стоялъ въ гарнизонѣ, батогами единственно потому, что не хотѣлъ дѣйствовать вопреки царскаго указа. Батогами называются небольшія жидкія палки длиною съ аршинъ. Ихъ берутъ служители въ руки и садятся на голову и ноги раздѣтаго человѣка и бьютъ его палками до тѣхъ поръ, пока двадцать или тридцать изъ нихъ не изломаются; потомъ, наказываемаго переворачиваютъ и бьютъ по животу, наконецъ—по бедрамъ и икрамъ.

«Майоръ Кирхенъ, капитаны Лингицъ, Горшеръ и Сибургъ были неожиданно призваны въ Biot prikase (?), гдѣ и были посажены на

нѣсколько дней между грабителями, мошенниками и ворами, и были бы до смерти замучены, когда бы датскій посланникъ съ прусскимъ министромъ Принцемъ не вступились за этихъ невинныхъ. Причиною такого съ ними обхожденія было то, что слуга ихъ донесъ, что они посылаютъ изъ Россіи письма подъ кувертами польскаго и датскаго пословъ. Когда умеръ польскій посланникъ и его братъ пріѣхалъ за наслѣдствомъ, то ему ничего не отдали, кромѣ одежды, двухъ стѣнныхъ часовъ и нѣсколькихъ сѣделъ; трехлѣтнее содержаніе и имущеетво покойнаго удержано.

«Майора Кирхена царь въ Архангельскѣ, передъ полкомъ, въ присутствіи голландскихъ и англійскихъ купцовъ, также морскихъ офицеровъ, назвалъ е.... м... (Hurren Sohn) и, плюнувъ ему въ глаза, выхватилъ у него шпагу и бросилъ ее къ ногамъ, говоря: «Ты, е.... м..., хочешь быть майоромъ, а не стоишь быть мушкетеромъ!» И это за то, что Кирхенъ, прослуживъ цѣлый годъ майоромъ, не хотѣлъ быть капитаномъ и уступить свое мѣсто одному русскому. Подполковникъ артилеріи Гунтеръ, человѣкъ подобнаго которому царь не имѣетъ, сидѣлъ семнадцать недѣль въ жестокомъ заключеніи за споръ о рангѣ съ пѣхотнымъ полковникомъ, и до сихъ поръ находится въ большой опасности, несмотря на оказанныя имъ услуги. Капитанъ Лудвигъ, прибывъ волонтеромъ къ осадѣ Нотебурга — а такимъ волонтерамъ царь обѣщалъ по 300 рублей и майорскій чинъ — потерялъ потомъ майорское жалованье и 100 рублей и получилъ отъ царскаго величества собственноручную пощечину во время входа въ Москву за то, что онъ, для правильнѣйшаго расположенія орудій, положилъ въ одну яму дерево, которому царь хотѣлъ дать иное назначеніе. Капитаны: Николаи, Лангерманъ, Вагнеръ и другіе не получили частью майорскаго содержанія, частью награжденія. У полковника Жировжа, который очень хорошо себя велъ, было удержано 300 р. Нынѣ его вовсе исключили, и онъ долженъ былъ, вмѣстѣ съ инженеромъ ла Мотомъ и генераломъ Корренбергомъ, изъ Россіи возвратиться моремъ. Для этого они отправились въ Архангельскъ, однако тамъ было повелѣніе у воеводы задержать ихъ всѣхъ, такъ какъ изъ Россіи нелегко отпускаютъ офицеровъ, изъ опасенія, чтобъ они потомъ не разсказывали о происходящемъ тамъ. Поэтому я самъ долженъ былъ подъ страхомъ смерти выбраться изъ страны; однако, я не обращалъ на это вниманія, въ надеждѣ получить себѣ свободу и не будучи въ состояніи быть долѣе свидѣтелемъ страданій и позора моихъ соотечественниковъ, а тѣмъ менѣе самъ переносить ихъ.

«Помянутый генералъ фонъ Корренбергъ прибылъ въ Россію въ 1703 году, привезъ съ собою на свой счетъ восемь офицеровъ и растратилъ притомъ очень много денегъ. Впослѣдствіи хотя онъ былъ сдѣланъ царемъ генералъ лейтенантомъ, однако два мѣсяца спустя, въ Петербургѣ, царь въ собственной палаткѣ приказалъ слугѣ Пат-

куля наказать его, а потомъ тотчасъ отослалъ въ Москву, гдѣ Корренбергъ совсѣмъ издержался и, наконецъ, просилъ почти милостыню, а между тѣмъ царь ему остался долженъ 1000 рейхсталеровъ. Изъ Россіи выпустить Корренбергера не хотѣли, денегъ онъ не получалъ, наконецъ, послали его съ полковникомъ Жиронжемъ въ Архангельскъ, а въ настоящее время они, можетъ быть, въ Сибири. Офицерамъ, которыхъ онъ съ собою привезъ, не дали ни денегъ, ни занятій, и они уже изъ нужды должны были принять то, что̀ могли имъ предложить.

«Неблагодарность противъ людей и жестокость этого государя невѣроятны. Величайшій его любимецъ (mignon), генеръ Лефортъ, оказавшій царю большія и важныя услуги, едва только умеръ, какъ велѣно было отобрать отъ семейства его не только деревни, домы, золото, серебро, мебель, вино въ погребахъ, но даже платье и бѣлье покойнаго; а долги, однако, должны были уплатить оставшіеся наслѣдники и друзья, хотя имъ было такъ мало оставлено, что на то едва могли кормить и одѣвать себя. Одинъ курьеръ шведскаго короля, по имени Баронъ, былъ наказанъ въ 1700 году, въ Новгородѣ, кнутомъ. Барона потомъ послали къ Нарвѣ, и здѣсь онъ былъ вымѣненъ при помощи пораженія, которое шведы нанесли русскимъ. Капитана Гуммера царь послалъ въ Нарву, гдѣ тотъ былъ узнанъ и повѣшенъ. Послѣ того, у его жены и дѣтей отняли прекрасный домъ и все имущество, а платье и бѣлье раздѣлено между нѣкоторыми русскими дворянами. Кто изъ нѣмцевъ имѣетъ хорошій домъ, тотъ въ ежедневной опасности, что у него возьмутъ его и надѣлятъ другимъ. Подобное случилось съ купцомъ Мейеромъ, также съ однимъ капитаномъ, котораго домъ достался военачальнику Шереметеву, и со многими другими.

«Капитанъ Форбусъ былъ наказанъ шпицрутенами изъ шомполовъ, а передъ тѣмъ генералъ изъ русскихъ, переломивъ собственноручно его шпагу и сказавъ: «теперь я хочу тебя ошельмовать» — далъ ему пощечину.

«Я бы могъ сообщить вашему превосходительству тысячу подобныхъ милыхъ исторій, еслибъ не боялся распространить тѣмъ мое письмо, которое и безъ того выходитъ длиннымъ. При всемъ томъ, я писалъ его съ намѣреніемъ просить ваше превосходительство издать его въ свѣтъ, какъ полезное объявленіе и предостереженіе нашему и роду и всѣмъ честнымъ людямъ, особенно нѣмецкимъ офицерамъ, которые должны беречься Россіи. Сверхъ того, да будетъ извѣстно, что если нѣмцы въ русской службѣ попадаютъ въ плѣнъ къ туркамъ или шведамъ, то ихъ никогда не выкупаютъ, почему въ плѣну съ ними обходятся дурно. Шведы, впрочемъ, поступаютъ съ плѣнными болѣе по христіански, нежели русскіе. И при всемъ томъ послѣдніе думаютъ, что они только христіане, а шведы, и въ особенности всѣ нѣмцы, не болѣе, какъ бусурманы и язычники.

«Какъ скоро Господь поможетъ мнѣ счастливо возвратиться къ вашему превосходительству, я займусь изданіемъ въ свѣтъ описанія нравовъ этого государства, тамошнихъ обмановъ, идолопоклонничества, наглости, рабства, жестокости, неблагодарности, ненависти противъ иностранцевъ, неспособности, лѣности, волшебства (!), невѣрности, похищенія нѣмецкихъ женъ и дѣтей (какъ напримѣръ, Шереметевымъ изъ Вѣны, другими изъ Силезіи, Пруссіи, и Польши), все это съ подробнымъ прибавленіемъ объ ужасномъ и жестокомъ убійствѣ полковника Бодевина и тяжеломъ процессѣ надъ поручикомъ Крассау и капитаномъ Саксеномъ. Тогда сдѣлаются извѣстными всѣ пороки русскихъ. Я дамъ этому описанію заглавіе «Новополированное русское зеркало» и намѣренъ приподнести его въ подарокъ этимъ милымъ людямъ на новый годъ. Въ особенности тамъ будутъ опубликованы злостные поступки и наслія сказаннаго царскаго любимца съ нѣмками и потомъ навязываніе ихъ нѣмецкимъ офицерамъ, какъ это уже было съ нѣсколькими честными людьми. Полковникъ Ренъ давно былъ бы наказанъ кнутомъ, когда бы жена его благоразумно не вмѣшалась въ дѣло. Что голландскій резидентъ въ послѣднее вшествіе царскаго величества былъ побитъ на улицѣ—о томъ, быть можетъ, уже извѣстно. Въ заключеніе, повторяю вашему превосходительству мое ходатайство споспѣшествовать преданію печати настоящаго письма... Пусть всѣ вздыхающіе нѣмцы будутъ утѣшены тѣмъ, что ихъ соотечественники еще думаютъ о нихъ и обрекаютъ обманувшихъ ихъ заслуженному наказанію. За тѣмъ, почтительнѣйше предавая себя въ расположеніе вашего превосходительства, остаюсь покорнѣйшимъ слугою N N».

Это сочиненіе Нейгебауера потомъ перепечатывалось много разъ съ новыми добавленіями [1]), изъ которыхъ нѣкоторыя могутъ быть

---

[1]) Въ Публичной Библіотекѣ, кромѣ переведеннаго нами, есть слѣдующія изданія брошюры Нейгебауера: 1) Schreiben eines vornehmen Teutschen Officirers an einen Geheimen Rath eines hohen Potentaten wegen der üblen Handthierung der frembden Officirer, so die Moscowiter in ihre Dienste locken; jetzo zum achtenmahl nachgedrückt und mit unterschiedenen neuen Historien und Anmerkungen vermehret. Anno 1705 (4°, 32 ненум. листа); 2) Schreiben... также, какъ въ предъидущемъ, съ измѣненіемъ только словъ: Ietzo zum neunten mahl... 1705 (4°, 20 нен. л.); 3) Vertrautes Schreiben eines vornehmen Teutschen Officirs an eines gewissen hohen Potentatens Geheimen Rath von der jetzigen Conjecturen in Moscau, sonderlich den sehr harten Verfahren Sr. Czaaris. Maj. an denen frembden Teutschen Ministern und Officirern. Im Jahr 1705 (4°, 44 пум. стр.); 4) Сначала тоже заглавіе, что въ двухъ первыхъ, съ прибавленіемъ въ концѣ: «Ietzo über die vielfältig gedruckten Exemplarien richtig nachgedruckt und verbessert, wie auch mit unterschiedenen neuen Historien und Anmerkungen vermehret. Anno 1705 (4°, 52 пум. стр. экзем. неполный). Первыя два изъ приведенныхъ здѣсь изданій одинаковы между собою; въ третьемъ добавлено (стр. 30—32) письмо на франц. и нѣм. языкахъ полковника Жиронжа, подтверждающее разсказы Нейгебауера о русскомъ дворѣ; на стр. 40—43, вставлены новые анекдоты о жестокостяхъ съ шведскими плѣнными и нѣмецкими офицерами Бутурлина и Одоевскаго. Четвертое сходно съ третьимъ, но письмо Жиронжа на одномъ французскомъ языкѣ.

полезны для справокъ нашимъ изслѣдователямъ. Такъ напр., о дѣвицѣ Монсъ находимъ слѣдующія новыя подробности:

«Его царское величество отнялъ у нея всѣ драгоцѣнные камни, портреты, домъ и деревни, такъ что у нея ничего не осталось, кромѣ того, что́ успѣла тайно передать въ домъ прусскаго посланника. Сверхъ того, Монсъ должна ежедневно ожидать ссылки или въ монастырь, или въ Сибирь и не смѣетъ никуда показаться въ общество. Причина такого обращенія съ ней слѣдующая: дѣвица эта, съ согласія царскаго величества, была помолвлена съ саксонскимъ посланникомъ Кёнигсъекомъ, который года два тому назадъ, напившись у царя, утонулъ. Тогда за Монсъ сталъ ухаживать прусскій посланникъ и просилъ содѣйствія миньона Меншенкота (новая передѣлка, въ насмѣшку, фамиліи Меншикова—Menschen Koth), такъ какъ Кёнигсъекъ уже умеръ, и была надежда, что царь будетъ столько же милостивъ къ прусскому посланнику, какъ и къ первому претенденту на руку Монсъ. Меншенкотъ обѣщался ходатайствовать о томъ передъ царемъ, на дѣлѣ же такъ вооружилъ послѣдняго противъ бѣдной Монсъ, что скоро и она, и посланникъ подверглись большой опасности. Почему Меншенкотъ поступилъ такимъ образомъ, то можетъ догадаться всякой, пробывшій въ Россіи лѣтъ двадцать. Между царскимъ величествомъ и дѣвицею Монсъ иногда происходили, въ присутствіи сестры царя, Натальи Алексѣевны, въ домѣ Фаденбрехта, такіе разговоры, которые слѣдуетъ проходить молчаніемъ изъ скромности. Дѣтей, которыхъ Монсъ рождала въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, роздали по крестьянамъ и они держутся и воспитываются, какъ крестьянскіе дѣти. Царь не обращаетъ на нихъ никакого вниманія, что́ по крайней мѣрѣ даетъ возможность матери болѣ помогать имъ».

Къ краткому извѣстію въ первомъ изданіи брошюры о Нейгебауерѣ, въ послѣдующихъ сдѣлано также добавленіе, гдѣ разсказано, что его сначала задерживали подъ разными предлогами въ Россіи, а потомъ вдругъ прислали къ нему на дворъ подводы, чтобы немедленно отправляться изъ Москвы въ Архангельскъ, отчего Нейгебауеръ былъ принужденъ покинуть своихъ лошадей и вещи. Къ Архангельску его везли подъ присмотромъ приставовъ, а тамъ снова не хотѣли выпускать за море, такъ что ему стоило много трудностей наконецъ спастись съ однимъ копенгагенскимъ бюргеромъ.

Не прошло года послѣ появленія этого жолчнаго пасквиля, какъ въ Пруссіи состоялось о немъ такое постановленіе:

«Фридрикъ, король прусскій и проч. Понеже мы съ особливымъ неудовольствіемъ узнали, что съ нѣкотораго времени, тамъ сямъ появляются и печатаются различныя сочиненія, клонящіяся къ немалому омраченію славы царя, его министровъ и вообще московскаго народа, и какъ мы не желаемъ и не можемъ допустить, чтобы въ нашемъ королевствѣ и провинціяхъ распространялись неразумными и

злостными людьми сочиненія противъ столь великаго монарха, нашего вѣрнаго друга и брата, то симъ всемилостивѣйше и, вмѣстѣ съ тѣмъ, строжайше повелѣваемъ: имѣть крѣпкій надзоръ, чтобы подобныя сочиненія, и въ особенности нѣкоторое описаніе, озаглавленное «Письмо» знатнаго офицера къ тайному совѣтнику, нигдѣ не раздавались, не продавались и не выставлялись. Если бы таковыя у кого нибудь нашлись, или попались, то принимать владѣтеля за пасквилянта (могутъ имѣть подобныя сочиненія только тѣ, кто ихъ желаетъ) и строжайше взыскивать лично, или на имуществѣ его, смотря по мѣрѣ преступленія. Впрочемъ же, всѣ подобныя скандалезныя противъ царя сочиненія сжигать чрезъ палача».

Эдиктъ такого же точно содержанія поспѣшило издать и саксонское правительство, что, впрочемъ, не помѣшало ему вскорѣ измѣнить Петру и передаться постыднѣйшимъ образомъ на сторону нашего тогдашняго врага, Карла XII. Разумѣется, подобный образъ дѣйствія саксонскаго правительства, готоваго преслѣдовать брошюру противъ Россіи оскорбленнаго нѣмца и въ то же почти время рѣшившагося измѣнять союзу съ той же Россіею, не могъ принести существенной пользы нашему отечеству.

Кромѣ юридическихъ преслѣдованій, брошюра подала поводъ и къ печатнымъ разувѣреніямъ, обращеннымъ къ нѣмецкой публикѣ. Въ августѣ 1705 г., напечатано объявленіе (на нѣмецкомъ языкѣ) отъ имени нѣкоего Симона Петерсена, изъ Альтоны, что письмо нѣмецкаго офицера къ тайному совѣтнику направлено къ оскорбленію величества царя, что объявляющій восемь лѣтъ служитъ въ русской службѣ и находитъ писанное въ брошюрѣ все подъ рядъ ложнымъ, почему проситъ читателей не вѣрить сочинителю пасквиля. Въ концѣ сдѣлано воззваніе къ государямъ объ оскорбленіи сочинителемъ величества, что можетъ, по мнѣнію Петерсена, подать, если не принять надлежащихъ мѣръ, поводъ къ нарушенію спокойствія даже цѣлыхъ королевствъ.

Однако, все это казалось недостаточнымъ для сокрушенія помянутаго письма и противъ него, въ 1706 году, явилось на нѣмецкомъ языкѣ опроверженіе съ такимъ замысловатымъ заглавіемъ: «Пространное обличеніе преступнаго и клеветами наполненнаго пасквиля, который за нѣсколько времени передъ симъ былъ изданъ въ свѣтъ подъ титуломъ: «Искреннее письмо знатнаго нѣмецкаго офицера» и проч.; въ каковомъ обличеніи преподаны справедливыя свѣдѣнія объ обхожденіи въ Москвѣ съ иноземцами вообще и съ шведскими плѣнными въ особенности, также о московскомъ дворѣ и военномъ управленіи. Все изъяснено любопытными примѣчаніями, историческими, политическими и литературными. Напечатано съ экземпляра, вышедшаго въ Нарвѣ въ 1705 году».

Изъ уцѣлѣвшей автобіографіи барона Гюйссена (см. ниже) узнаемъ,

что это обличеніе написано было имъ.... «Сія книга (говоритъ онъ) отъ государева двора въ двухъ грамотахъ аппробована и похвалена была, да тысячу рублевъ за почесть и трудъ обѣщано, а еще ничего не заплачено. Индѣ ежели какой адвокатъ (правдословъ), во благо собственнаго лица, такую дефенсію, или заступительную книгу, изготовляетъ, какъ сія моя книга съ радостнымъ похваленіемъ припята была, то бы онъ больше того за награжденіе обыкновенно просить и получить могль, якоже то многими прикладами, въ чужестранныхъ земляхъ случившимися, показать можно...»

Въ обличеніи Гюйссена прежде всего цитуются сочиненія, въ которыхъ говорилось съ похвалою о царѣ и которыя написаны были, какъ самъ баронъ повѣдалъ послѣ въ своей автобіографіи, подъ его собственнымъ же руководствомъ. «Поэтому не несправедливо изумился я (продолжаетъ онъ въ печатномъ обличеніи), когда, за нѣсколько времени предъ симъ, увидалъ нѣкоторый пасквиль, подъ заглавіемъ «Письмо знатнаго нѣмецкаго офицера» и проч. Съ любопытствомъ прочитавъ его, я не мало горевалъ объ одномъ добромъ пріятелѣ, который живетъ въ Москвѣ, и во мнѣ постепенно возникало сомнѣніе, долженъ ли я исполнить желаніе его рекомендовать въ Россію нѣкоторыхъ изъ моихъ знакомыхъ? Нельзя не сознаться, что это ядовитое сочиненіе по обстоятельствамъ, времени, мѣсту, по приведеннымъ тамъ ссылкамъ на множество живыхъ и извѣстныхъ лицъ, наконецъ по изложенію яснымъ и увѣреннымъ тономъ, не можетъ не ослѣпить своею лживою наружностью тѣхъ, которымъ неизвѣстно настоящее положеніе страны, и до такой степени, что если вѣрить половинѣ того, что тамъ сообщено, то этого уже было бы достаточно возбудить въ каждомъ ужасъ, омерзѣніе и отвращеніе къ той странѣ. Особенно это сочиненіе нашло себѣ столь большую вѣру и такое одобреніе у одной сосѣдственной націи, что она выдаетъ его за величайшую въ мірѣ истину и разсылаетъ даже экземпляры въ Гамбургъ и другіе большіе города, а при дворахъ распространяетъ чрезъ посланническихъ проповѣдниковъ и служителей.»

Затѣмъ говорится, что о Россіи стараются только распространять дурные слухи, умалчивая о хорошемъ, съ цѣлью отвлеченія иностранцевъ поступать въ русскую службу, и что много выходитъ разныхъ сочиненій противъ разныхъ правительствъ и государствъ, но ни одно такъ не грубо, не безстыдно и недостойно руки палача, какъ упомянутое письмо, написанное съ неслыханною дерзостью. Послѣ того, авторъ обличенія старается увѣрить читателей, что нѣкоторый владѣтельный князь, читая описанія путешествій, уважалъ славные подвиги Петра; но когда прочелъ письмо нѣмецкаго офицера, то сталъ колебаться въ своемъ мнѣніи и послалъ автора обличенія въ Россію изслѣдовать обстоятельно и на мѣстѣ справедливость взве-

денныхъ на нея обвиненій. Во исполненіе будто бы этого-то порученія и явилось въ свѣтъ обличеніе.

«Авторъ пасквиля (пишетъ Гюссенъ) съ цѣлью, чтобъ дали болѣе вѣры ему и его легендѣ тѣ, которые будутъ ее читать, не боится pro capitatione benevolentiae, вмѣсто клятвы, выразить такое увѣреніе: я беру на свою душу, что весь мой разсказъ справедливъ. Однако, кому извѣстны отъ юности его жизнь и дѣянія, а также всякому разумному человѣку, который внимательно и безпристрастно прочтетъ его книгу, будетъ казаться душа автора жестокою, безбожною и нечистовою, но никакъ не разумною, христіанскою душою, и вообще легко усмотрѣть, что автора mala mens et anima pessima воодушевляли, диктовали его перу грубыя лжи и подбили его къ изданію ихъ въ свѣтъ. Еслибъ кто и не зналъ, что онъ уже три года обдумывалъ это сочиненіе, то все таки долженъ сказать, что авторъ пріобрѣлъ habitum infusum mentiendi и сильную наклонность ко лжи отъ того, который изначала называется отцемъ лжи. Что можетъ ощущать душа этого безбожнаго поносителя чести, когда онъ всю свою жизнь говорилъ противное истинѣ, оспоривалъ любовь къ ближнему, находилъ удовольствіе и охоту только въ стравливаніи людей между собою, въ содѣлываніи ихъ несчастными или недовольными; когда онъ не ходилъ ни въ какую церковь, святыхъ таинъ не чтилъ, принималъ сегодня одну, завтра другую религію, смотря по выгодамъ, которыя изъ того надѣялся извлечь; когда часто, мучимый черною жолчью, себя самого или другихъ покушался умертвить?...»

«Что̀ генералъ и посланникъ польскій, баронъ Ланге, въ Москвѣ былъ худо принимаемъ — это безстыдная ложь. Самъ баронъ, какъ скоро освободился изъ шведскаго плѣна, всюду открыто высказывалъ и готовъ былъ письменно объявить, что будетъ опровергнуто все, что написалъ архи-шельма (Erz-Schelm), похититель чести и клеветникъ въ своемъ пасквилѣ какъ о немъ, такъ и о многихъ другихъ знакомыхъ ему лицахъ и извѣстныхъ событіяхъ въ нарушеніе всякой истины. Разскажемъ откровенно то, что̀ случилось при одномъ празднествѣ и что̀ безстыдный пасквилянтъ, по своему обыкновенію, описалъ черными красками. На этомъ праздникѣ, по старинному нѣмецкому обычаю, въ Москвѣ напились очень сильно и стражѣ было приказано не выпускать никого изъ приглашенныхъ гостей безъ высочайшаго повелѣнія. Когда, поэтому, барона Ланге нескоро хотѣли пропустить, то онъ, ударивъ кулакомъ въ лицо караульнаго, который было загородилъ ему дорогу, сталъ его таскать за волосы и повалилъ на землю. Князь Александръ Даниловичъ, бывшій хорошимъ пріятелемъ посланнику, пришелъ на шумъ и кротко уговаривалъ барона, дружески внушая ему притомъ, что караульный, дѣйствуя по данному приказанію и не зная лицъ, не заслуживаетъ такого обхожденія съ нимъ. Баронъ, будучи въ опьяненіи, отвѣчалъ громко и съ

нетерпѣливыми тѣлодвиженіями, что онъ, когда бы это было въ иномъ мѣстѣ, хотѣлъ бы другихъ доказательствъ, и тѣмъ далъ почувствовать, что желаетъ вызвать на дуэль. Когда его царское величество подошелъ также и узналъ о происшедшемъ, то сказалъ только шутя Лангe: «Myn heer, vveel dy fechten, kam fect een reis met my», такъ какъ это онъ отдалъ приказаніе стражѣ не выпускать никого изъ комнатъ безъ его дозволенія. Потомъ все и все скоро было забыто, добродушно покончено и на другой день обращено въ смѣхъ и приписано все вину. Происходятъ ли часто подобныя rencontres inter pocula при другихъ дворахъ — то знаютъ лучше придворные, особенно если они принимаютъ тамъ участіе въ короткихъ бесѣдахъ. Впрочемъ, если было бы справедливо, что въ Москвѣ такъ или иначе дурно обращаются съ иностранными министрами, то, во-первыхъ, было бы это извѣстно изъ газетъ или публичныхъ актовъ, наконецъ, по слухамъ отъ достойныхъ лицъ, заслуживающихъ вѣроятія. Невозможно предположить, чтобъ государи и владѣтели не отплатили за подобныя оскорбленія своихъ министровъ и представителей, или же упустили бы случай воздать московскимъ министрамъ, посылаемымъ къ иностраннымъ дворамъ, равномѣрное возмездіе тѣмъ или другимъ какимъ способомъ.

«Во-вторыхъ, ни одинъ министръ не хотѣлъ бы вернуться въ Москву, такъ какъ ихъ званіе тамъ унижается и не считается неприкосновеннымъ, какъ при другихъ дворахъ. Хотя бывали примѣры, что нѣкоторые изъ иностранныхъ министровъ, возвратясь изъ Москвы, ругали Россію и не мало жаловались, что въ бытность ихъ тамъ, особенно на праздникахъ, сильно терпѣли отъ пьянства даже во вредъ своему здоровью, однако замѣчено, что это говорилось или для того, чтобъ выказать особенныя заслуги свои предъ своими государями, изъ приверженности къ которымъ и на служеніе имъ они столько претерпѣвали, или чтобъ отбить у другихъ охоту ѣхать посланникомъ въ Москву и такимъ образомъ удержать за собою монополію московскихъ дѣлъ. Можно даже назвать нѣсколькихъ, которые публично жалуются на посольство въ Москву, а подъ рукою употребляютъ всѣ усилія, чтобъ имъ было оно снова поручено».

Любопытны опроверженія Гюйссена, когда дѣло доходитъ до Меншикова. Ругнувъ порядкомъ автора брошюры за неуваженіе, съ которымъ онъ отзывается о «знаменитомъ родовомъ прозваніи» всесильнаго любимца, онъ утверждаетъ, что Меншиковъ происходитъ изъ хорошей дворянской фамиліи на Литвѣ и что отецъ его былъ оберъ офицеромъ семеновскаго полка. Само собою разумѣется, что доказательствъ тому Гюйссенъ никакихъ не могъ привести, но за то съ избыткомъ хвалилъ (что̀ гораздо легче) личныя качества своего патрона. Притомъ, онъ говоритъ, что, во уваженіе блестящихъ качествъ Меншикова, римскій императоръ «по собственному побужде-

нію» возвелъ его въ достоинство имперскаго князя. Это обстоятельство Гюйссенъ самъ опровергъ послѣ въ своей автобіографіи, разсказывая, что онъ нарочно ѣздилъ въ Вѣну съ цѣлью выхлопотать княжескій титулъ Меншикову, который уже давно добивался его.

Вопросъ о родѣ Меншикова можетъ имѣть значеніе для серьёзнаго историка лишь въ томъ отношеніи, когда происхожденіе его изъ народа можетъ служить подкрѣпленіемъ того замѣчательнаго явленія, что Петръ Великій, заимствуя, между прочимъ, у европейскихъ народовъ не мало феодальнаго хлама, никогда неимѣвшаго значенія въ Россіи, въ то же время въ своемъ характерѣ и направленіи имѣлъ много демократическаго: для него не существовало сословныхъ предразсудковъ и онъ выбиралъ въ приближенные къ себѣ и возвышалъ людей всѣхъ сословій, кто ему только казался способнымъ исполнять его замыслы; отъ этого у него близкими людьми и даже любимцами были изъ сыновей кистеровъ, перекрещеныхъ жидовъ, даже изъ каютныхъ слугъ и т. д. (Ягужинскій, Шафировъ, Девіеръ и мн. др.) Обстоятельство, былъ ли Меншиковъ дворяниномъ, и доказательства тому важны только для тѣхъ, кто не понимаетъ исторіи иначе, какъ сборникомъ дипломовъ и офиціальныхъ грамотъ.

Расхваливъ Меншикова, Гюйссенъ въ своемъ обличеніи переходитъ къ Брюсу: «господинъ Брюсъ, артиллерійскій генералъ-майоръ, человѣкъ умный и прилежный, котораго его царское величество, за его вѣрныя службы и знанія въ математикѣ, артиллеріи и военномъ искусствѣ, назначилъ новгородскимъ губернаторомъ и предсѣдательствующимъ въ пушкарскомъ приказѣ, гдѣ производятся дѣла, относящіяся до артиллеріи и всякаго рода оружія. Онъ происходитъ изъ древней шотландской фамиліи, изъ которой вышло нѣсколько королей и въ особенности извѣстный Робертъ Брусъ или, по латини, Брусціусъ, что̀ можно найдти у шотландскаго историка Буханана и у многихъ другихъ. Его отецъ былъ заслуженый полковникъ, стоявшій съ полкомъ 12 лѣтъ въ Псковѣ и, наконецъ, произведенный царемъ въ генералъ-майоры.

«Въ 1701 году, генерала Брюса (сына) послали на̀ скоро осаждать Нарву, а также онъ долженъ былъ доставить туда изъ Новгорода нужные военные припасы для войскъ, которыя за нимъ слѣдовали изъ разныхъ мѣстъ. Это повелѣніе онъ не исполнилъ съ надлежащею быстротою, почему многіе подвѣдомственные ему артиллерійскіе служители, вопреки желанію и указу царя, остались позади. Это обстоятельство и было сначала поводомъ къ обвиненію генерала: его арестовали и отдали при Нарвѣ подъ военный судъ. Однако, по прошествіи нѣсколькихъ дней, когда были выслушаны оправданія Брюса и когда они найдены основательными, его освободили съ возвращеніемъ прежняго званія и допущеніемъ къ исправленію высшихъ должностей. Какимъ же образомъ его уважаемая супруга могла спо-

собствовать къ освобожденію мужа у князя Александра Даниловича, то никоимъ образомъ представить себѣ невозможно. Въ то время она находилась въ Москвѣ и, слѣдовательно, за 130 миль отъ Нарвы, гдѣ былъ князь Александръ Даниловичъ. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ, мало думали о дамахъ, а между тѣмъ Брюсъ былъ освобожденъ гораздо прежде прибытія въ Москву Меншикова. Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно, что эта самая дама, вполнѣ достойная любви и уваженія, довольно полна, извѣстныхъ лѣтъ, прекрасной репутаціи, совершенно христіанской жизни и поведенія, и болѣе всего занята заботами о своемъ хозяйствѣ, нежели галантными похожденіями».

Нѣсколько словъ, сказанныхъ мимоходомъ въ брошюрѣ о дѣвицѣ Монсъ, подали поводъ Гюйссену къ нѣкоторымъ подробностямъ, заслуживающимъ именно по тому вниманіе, что онѣ изложены лицомъ, близко знавшимъ, конечно, всѣ обстоятельства дѣла и, вслѣдствіе того, обходившимъ осторожно самую сущность дѣла.

Прежде всего надобно замѣтить, что отецъ Монсовъ (Mons de la Croix), родомъ изъ Франціи, былъ сынъ содержателя таверны (Weinschenke), который сначала поселился въ Ригѣ, а оттуда перешелъ въ Москву и жилъ тамъ въ Нѣмецкой слободѣ. Старшая дочь Монса, кромѣ красоты, которою были одарены всѣ Монсы, имѣла привлекательный характеръ, много ума и доброты. Часто бывая въ Нѣмецкой слободѣ, Петръ сильно полюбилъ ее [1]) и не щадилъ ничего, чтобъ ей понравиться; но Монсъ чувствовала рѣшительную склонность къ прусскому посланнику Кейзерлингу и тайно была обручена съ нимъ. Царю, наконецъ, попалось письмо ея, изъ котораго видно было, что она любитъ Кейзерлинга и это было первою причиною несчастья Монсовъ. Впрочемъ, она, несмотря ни на что, вышла вскорѣ замужъ за Кейзерлинга. Младшій братъ ея, красавецъ Монсъ де ла Круа, былъ любимымъ камергеромъ Екатерины I и за то погибъ на плахѣ въ 1724 году, не задолго до кончины Петра. Другая сестра его, бывшая замужемъ за Балкомъ, носила послѣ званіе оберъ-гофмейстерины герцогини мекленбургской, Екатерины Іоанновны. Привлеченная къ дѣлу о ея братѣ, Балкъ была тогда наказана кнутомъ и сослана въ Сибирь; но, по вступленіи на престолъ Екатерины I, тотчасъ же возвращена и принята попрежнему ко двору. Вотъ что находимъ у Гюйссена касательно семейства Монсовъ по случаю первой немилости ихъ при дворѣ:

«Покойный генералъ Лефортъ, вскорѣ по прибытіи въ Москву, по-

---

[1]) Гваріентъ, при описаніи возвращенія царя изъ за границы, доносилъ (12 сентября, 1698 года): «Man hat aber mit Verwunderung ansehen müssen, dass der Czar wieder alles besseres Vermüethen nach so langer Abwesenheit annoch von der alten unerloschner passion regiert und gleich bei dero Ankunfft einem gantz gemeinen lutherischen Menschen der Monsischen Tochter (dero Vater ein Weinhandler gewessen) als seiner und des Le Forte offentlicher Publerin die erste visite abgelegt..» Исторія П. В., Устрялова, III, 621.

сѣщалъ Монсовъ, которые принимали его очень гостепріимно. Потомъ, когда Лефортъ имѣлъ случай выказать при стрѣлецкомъ возмущеніи, въ 1686 году, свою приверженность къ царю и былъ награжденъ высокими государственными званіями, тогда онъ, изъ похвальнаго великодушія, остался признательнымъ къ Монсамъ, возвышалъ ихъ и вообще старался сдѣлать эту фамилію соучастницею своего счастья. По этому-то самому, онъ въ свою послѣднюю болѣзнь ходатайствовалъ усильнѣйшимъ образомъ у его царскаго величества милости и покровительства Монсамъ. Исполняя всемилостивѣйшія обѣщанія, данныя умиравшему, государь щедро осыпалъ милостями, благодѣяніями и подарками всѣхъ Монсовъ. Такимъ образомъ имъ не только пожалованы были имѣнія и разныя угодья, но и дарованъ ежегодный значительный пенсіонъ, а также построенъ на счетъ царской казны огромный каменный палаццо въ слободѣ (Нѣмецкой), близъ лютеранской новой кирки. Даже въ присутственныхъ мѣстахъ принято было за правило: если madame и mademoiselle Montzen имѣли дѣла и тяжбы собственныя или друзей своихъ, то о томъ дѣлались особенныя reflexion salva justitia, и вообще Монсамъ въ дѣлахъ до ихъ имѣній должно было оказывать всякое содѣйствіе.

«Они этимъ снисхожденіемъ такъ широко воспользовались, что принялись за ходатайства по дѣламъ внѣшней торговли и употребляли для того нанятыхъ стряпчихъ (такъ называются въ московскихъ судахъ и канцеляріяхъ адвокаты и ходатаи по дѣламъ). Можно легко догадаться и даже разсчитать, сколько стекалось въ это семейство подарковъ и драгоцѣнностей отъ ихъ клієнтовъ. Столь великое и неожиданное счастіе сдѣлало Монсовъ высокомѣрными, и невозможно довольно надивиться, съ какою неблагодарностью они злоупотребляли этими милостями, особенно когда пользовались запрещенными знаніями и прибѣгали къ совѣтамъ разныхъ женщинъ, какимъ бы способомъ сохранить къ ихъ семейству милости царскаго величества. Во всемъ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдственныхъ бумагъ и показаній свидѣтелей. Хотя за подобные поступки въ другихъ государствахъ было бы опредѣлено жесточайшее наказаніе, однако, его царское величество, по особенному милосердію, хотѣлъ, чтобъ этотъ процессъ былъ совершенно прекращенъ, но ex capite ingratitudinis отъ Монсовъ отобраны деревни и каменный палаццо. Послѣдній потомъ былъ предназначенъ для анатомическаго театра. Драгоцѣнности же и движимое имущество, очень значительное, были оставлены имъ, за исключеніемъ одного только портрета, украшеннаго брильянтами, и никогда Монсамъ недареннаго, а попавшаго въ ихъ домъ случайно, per accidens. Полковникъ Балкъ, женатый на старшей дочери Монса, сдѣланъ въ Дерптѣ ex post facto комендантомъ, а остальные члены семейства живутъ свободно, но уже не могутъ разсчитывать и не

имѣютъ права, чтобъ оказанныя имъ сначала милости остались при нихъ на вѣчныя времена [1]).»

Въ настоящее время, при появленіи различныхъ статей изъ русской исторіи начала XVIII столѣтія, читатель нерѣдко бываетъ пораженъ разсказами о разныхъ жестокостяхъ, совершавшихся въ тѣ времена почти на каждомъ шагу, и бывшихъ въ такомъ употребленіи, что казалось такъ, а не иначе, можно было поступать при преслѣдованіяхъ и наказаніяхъ провинившихся. Въ этомъ отношеніи не могутъ не быть любопытны для насъ доводы, при помощи которыхъ Гюйссенъ пробовалъ опровергнуть извѣстія о суровостяхъ русскихъ тогдашнихъ наказаній и о жестокомъ преслѣдованіи преступниковъ. Выше видѣли, что въ «Письмѣ офицера» описывался способъ наказанія батогами. Гюйссенъ, непроходившій молчаніемъ ни одного обстоятельства въ сказанномъ письмѣ, не нашелъ здѣсь другаго довода къ опроверженію, кромѣ насмѣшки надъ авторомъ:

«Батоги, кнутъ и другія наказанія (пишетъ Гюйссенъ) такъ подробно и обстоятельно описаны имъ, что можно думать, что авторъ часто имѣлъ все это предъ глазами и увеселялъ свои нѣжныя чувства подобными спектаклями. По всей справедливости можно пожелать таковыхъ наказаній, какъ заслуженную награду, всѣмъ пасквилянтамъ, особенно же тѣмъ изъ нихъ, которые нападаютъ грубымъ образомъ на коронованныхъ особъ, на власть и честь ихъ вѣрныхъ министровъ, что́ сдѣлано въ настоящей постыдной брошюрѣ».

Далѣе Гюйссенъ говоритъ касательно обхожденія при дворѣ съ царевичемъ Алексѣемъ, что Меншиковъ и министры къ нему чрезвычайно почтительны, но его величество приказываетъ самъ, чтобъ сына его въ юности не баловали слишкомъ неумѣреннымъ ласкательствомъ; причемъ сдѣлана ссылка на «Europäische Fama», 35 часть, стр. 795 (гдѣ опять таки статья того же Гюйссена), и перечислены всѣ должности и ордена Меншикова.

«Хотя самъ генералъ Лефортъ (замѣчаетъ потомъ Гюйссенъ), уже умеръ, однако вдова до сихъ поръ владѣетъ его деревнями и имѣніями; въ ея власти до 500 подданныхъ и она живетъ въ домѣ, вы-

---

[1]) Зная отношенія Гюйссена къ русскому двору, можно дать вѣру его разсказу о слѣдствіяхъ немилости царя къ Монсамъ. Между тѣмъ, не прошло и тридцати лѣтъ, какъ исторія съ дѣвицею Монсъ превратилась въ совершенно иную легенду, въ которой Петра заставляютъ говорить дѣвицѣ Монсъ: «забываю все; я также имѣю слабости; я васъ не могу ненавидѣть и обвиняю только собственную довѣрчивость. Продолжать мою любовь съ вами, значитъ—унизить себя. Прочь! я умѣю примирить страсти съ разсудкомъ. Вы ни въ чемъ не будете нуждаться, но я съ этихъ поръ васъ уже не увижу...» Онъ сдержалъ слово; скоро она выдана за одного чиновника, которому дана должность въ отдаленной провинціи; монархъ заботился о ихъ счастіи и оказывалъ къ нимъ постоянно свою любовь...» Такъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ леди Рондо, и эта легенда только служитъ доказательствомъ, какъ осторожно надобно пользоваться разсказами даже современниковъ.

строеніемъ царскимъ величествомъ. У нея ничего не отнято изъ золота, серебра, денегъ или мебели, почему она имѣетъ хорошій достатокъ, и дѣлаетъ нуждающимся, особенно изъ своихъ одновѣрцевъ, очень много добра, а между тѣмъ ни она, ни ея покойный мужъ отъ предковъ своихъ наслѣдства не получили и въ Россію съ собою ничего не привозили. Близлежащій большой каменный домъ былъ выстроенъ на счетъ же царя изъ собственныхъ его суммъ, равно кухня и погребъ, и тамъ отправлялись, опять-таки на царскія деньги, большія празднества. Это обширное зданіе было бы слишкомъ велико для вдовы Лефорта, да и никогда не передавалось въ собственность ея мужа, почему послѣ смерти послѣдняго было очищено и теперь служитъ помѣщеніемъ для пріѣзжихъ иностранныхъ посланниковъ или генераловъ. Долги, оставшіеся послѣ Лефорта, были всѣ, безъ различія, уплачены царемъ.

«Кто обвиняетъ царя въ какой либо неблагодарности, тотъ учиняетъ величайшую несправедливость въ отношеніи и къ Богу, и ко всему свѣту, такъ какъ не только москвитяне, но и всѣ другія націи признаютъ и прославляютъ великодушіе царя въ награжденіи услугъ, оказанныхъ государству Лефортомъ и другими иноземцами. Одинъ знатный министръ, имени котораго теперь не хочу назвать (кн. Василій Голицынъ?), бывъ уличенъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ въ crimen perduellionis и въ оскорбленіи величества въ высшей степени, безспорно, по законамъ всѣхъ народовъ, заслуживалъ бы смертной казни; но его царское величество отмѣнилъ это совершенно справедливое наказаніе и только сослалъ его въ заточеніе, гдѣ, впрочемъ, онъ пользуется свободою, и все это единственно въ воспоминаніе и уваженіе нѣкоторыхъ добрыхъ услугъ, которыя тотъ министръ оказалъ его величеству въ юности.

«Легко ли встрѣтить примѣръ подобнаго чувства признательности у другихъ народовъ? При многихъ дворахъ часто говорятъ: если разъ сдѣлалъ проступокъ, то не вспоминать болѣе о прежней правотѣ и вѣрныхъ службахъ; въ противномъ случаѣ, измѣнники, возмутители, посягающіе на жизнь государей, будутъ нарушать спокойствіе государства и такимъ образомъ ниспровергнутъ со вредомъ и опасностью существующій тамъ порядокъ. Таковые, говорю я, наказываются почти sine strepitu judicii, короткою расправою и строжайшимъ образомъ, что въ обычаѣ у всѣхъ новѣйшихъ народовъ.... Убійцы и грабители наказываются въ Москвѣ, какъ и повсюду, лишеніемъ живота: это не только справедливо, но особенно crescentibus delictis необходимо, истинно, желательно. Любящіе справедливость и право, которымъ дорого ихъ собственное и сограждан благоденствіе, никогда не будутъ считать подобныя, совершенно заслуженныя наказанія за жестокость... Много очень говорятъ и пишутъ о строгой юстиціи въ Москвѣ; однако тамъ не бывало примѣра, чтобы воръ, если притомъ онъ не совер-

шилъ убійства или другаго подобнаго преступленія, наказывался смертью, что̀ было бы несообразно съ законами страны. Впрочемъ, полагается только restitutio ablati poena corporis afflictiva, какъ fustigatio (кнутъ); если же воровство совершено въ другой разъ, то, по обстоятельствамъ вины, amputatio auris. Такой взглядъ русскаго законодательства оправдывается слѣдующими причинами: 1) между украденнымъ имуществомъ и человѣческою жизнью нѣтъ никакой соразмѣрности; 2) попечительный хозяинъ обязанъ смотрѣть за своимъ имуществомъ и можетъ, и долженъ беречься козней воровъ и 3) наказаніе кражи смертью противно божественнымъ законамъ въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтахъ, и т. д.

Стараясь опровергнуть извѣстія брошюры, Гюйссенъ въ то же время не щадилъ личности автора ея.

«Если пріѣзжали въ Москву (говоритъ возражатель) иностранный министръ, офицеръ или другія какія лица, то онъ, какъ-бы имѣя своимъ девизомъ calumniare audacter, semper aliquid haeret, не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не передавалъ имъ всѣ милыя исторіи, бывшія у него тогда въ головѣ, а нынѣ преданныя имъ тисненію, лишь бы только возбудить недовѣріе и возстановить противъ государя и его народа, что̀ ему, къ величайшему его удовольствію, и удавалось у многихъ легкомысленныхъ людей. Однажды онъ велѣлъ доложить Балюзу (французскому посланнику), что, имѣя сообщить ему нѣчто особенное для свѣдѣнія, желаетъ видѣться съ нимъ или въ ночное время, или въ одномъ сосѣдственномъ саду. Балюзъ доступенъ былъ всякому честному человѣку, и для него ничего не было пріятнѣе, какъ бесѣда и пріемъ у себя умныхъ людей. При всемъ томъ, онъ велъ себя осторожно, а потому, какъ при помянутомъ докладѣ употреблено было много тайнъ и предосторожностей, то показалось это Балюзу подозрительнымъ и онъ распросилъ у нѣмецкихъ патеровъ, что̀ это за новый крестьянинъ былъ (игра словъ съ намекомъ на фамилію Нейбауера—was diser für ein neuer Bauer wäre?) и когда тѣ описали эту достойную особу, то посланникъ потерялъ всякую охоту говорить съ нимъ. Разумный К. В. А. G. (князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ?), который ему (то есть Нейгебауеру) объявилъ, что онъ не можетъ его допустить къ французскому посланнику, зналъ очень хорошо г. N, его вольный, злой языкъ и ненависть ко двору и ко всему народу; зналъ также прежде, что господинъ посланникъ не хотѣлъ имѣть съ нимъ никакого дѣла, а потому тѣмъ съ бо̀льшимъ основаніемъ могъ дать ему (Нейгебауеру) предостереженіе».

Далѣе Гюйссенъ сообщаетъ, что Нейгебауера терпѣть не могъ царевичъ Алексѣй.

Въ этихъ отзывахъ еще не говорилось прямо о Нейгебауерѣ, но

наконецъ дошло дѣло до перваго наставника царевича и Гюйссенъ счелъ необходимымъ распространиться о немъ такимъ образомъ:

«Гофмейстеръ кронъ-принца заслуживаетъ чести быть подробно описаннымъ съ безпристрастнымъ показаніемъ его способностей, заслугъ и поведенія. Окончивъ ученіе въ Данцигѣ, своемъ родномъ городѣ, онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми молодыми людьми изъ Силезіи, былъ одно время въ лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ велъ развратную жизнь (что доказываетъ протоколъ лейпцигскаго университета 1698 года). Повсюду неблагодарный и съ дурною репутаціею, онъ, послѣ разныхъ непріятностей, особенно въ Силезіи, долженъ былъ удалиться и были довольны, когда могли отдѣлаться отъ этой безпокойной головы. Ему уже ничего болѣе не оставалось дѣлать, всякое довѣріе къ нему было утрачено и тогда-то онъ поступилъ къ отправлявшемуся въ Москву генералу Карловичу—въ какомъ званіи, на какихъ условіяхъ и доволенъ ли былъ Карловичъ его поведеніемъ — о томъ послѣдняго спрашивать невозможно, за смертью его. Вѣрно только то, что Карловичъ, уѣзжая изъ Москвы, не хотѣлъ взять съ собою этого N, но оставилъ его здѣсь à sa bonne ou mauvaise déstinée. Евангелическій пасторъ въ Москвѣ А*** принялъ изъ милости земляка въ свой домъ на хлѣбы, чтобы онъ воспользовался временемъ сознать заблужденія своей молодости, размыслить о своемъ поведеніи и приняться за что нибудь лучшее. Послѣ того, какъ повторилъ науки и занялся ариѳметикою, геометріею и проч., N. сочинилъ и представилъ нѣсколько нѣмецкихъ стиховъ на разные случаи. Потомъ, по рекомендаціи одного лица, былъ принятъ какъ для обученія царевича, такъ и наблюденія за нимъ, однако только временно, до тѣхъ поръ, пока не найдется другой наставникъ, такъ-какъ онъ никогда не путешествовалъ, не былъ ни при какомъ дворѣ и, кромѣ латинскаго и нѣмецкаго, другихъ языковъ не зналъ и никакимъ упражненіямъ научить не могъ. Что онъ былъ представленъ или рекомендованъ къ этой должности польскимъ королемъ, какъ вездѣ и всѣхъ людей онъ хотѣлъ увѣрить, то несправедливость этого не разъ доказывали ему въ лицо».

«Какъ скоро онъ вступилъ въ должность наставника, то совершенно опьянѣлъ отъ счастья и сталъ много думать о себѣ. Прежнее свое порядочное поведеніе и почти скромные поступки онъ измѣнилъ въ надутую крестьянскую гордость и нестерпимое высокомѣріе. Онъ былъ въ твердомъ убѣжденіи, что сталъ, или скоро будетъ Монтансье, или по крайней мѣрѣ герцогомъ де-Бовилье; въ головѣ его явилось множество химеръ изъ геройской исторіи Донъ-Кихота Ламанчскаго, и воображалъ уже, что онъ владѣтель обширнѣйшаго острова и что въ рукахъ его знаменитѣйшая изъ дульциней. Нѣкоторые офицеры, останавливавшіеся въ Берлинѣ, не мало тому способствовали: они расказывали ему, что графъ Донау, оберъ-гофмейстеръ

его королевскаго высочества наслѣднаго принца прусскаго, окруженъ такими почестями, значеніемъ и властью, что имѣетъ собственный придворный штатъ. Эти разсказы внушили ему (то есть учителю царевича) мысль, что онъ въ Москвѣ можетъ на то же расчитывать и поставить себя на такую же ногу, хотя этотъ чудакъ не имѣлъ ни на крошку ума названнаго выше превосходнаго кавалера. Пріятели и друзья, льстя его суетности, усиливали ее, почему онъ окружалъ себя только тѣми, кто обходился съ нимъ почтительно. Такимъ образомъ не хотѣлъ, чтобъ царевичъ обѣдалъ безъ него, чтобъ камеръюнкеры уходили безъ дозволенія и вообще, чтобъ безъ него ничего не предпринималось. Не допускалъ ни въ ученьи, ни въ столѣ, ни въ прогулкахъ, ни въ экзерциціяхъ правильно назначенныхъ часовъ и даже въ ничтожныхъ мелочахъ не отступалъ отъ своей grandezza, власти или, лучше сказать, своенравія — напротивъ, все непремѣнно долженствовало преклоняться предъ его деспотическою властью. Повсюду желая быть впереди, сидѣть выше всѣхъ, споря съ каждымъ о рангѣ, придавая себѣ надменный видъ, обращаясь чрезвычайно гордо и неприступно со всѣми, даже съ знатнѣйшими лицами въ государствѣ, онъ въ то же время безпрестанно подавалъ царю жалобы и прошенія и надоѣдалъ въ нихъ по бо́льшей части объясненіями, что въ такомъ-то мѣстѣ ему недостаточно оказали почестей и уваженія, что какой нибудь служитель не отдалъ ему должнаго почтенія и проч. Однажды царь, которому уже надоѣло все это, разумно и милостиво далъ ему слѣдующее наставленіе: «Ты говоришь только о почтеніи къ себѣ и рангѣ, и выказываешь въ поступкахъ своихъ grandezza, которая нейдетъ мужчинѣ. Самъ я веду себя какъ другіе владѣтели, однако при этомъ вовсе не надменъ, а потому можно бы слѣдовать моему примѣру».

«Объ успѣхахъ царевича онъ не дѣлалъ никакихъ отмѣтокъ въ меморіяхъ, да и мало заботился о томъ. Главнѣйшими занятіями его были подача за другихъ прошеній и ходатайства за самого себя, отчего часто не выполнялъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ царевичу. Къ послѣднему допускалъ только однихъ нѣмецкихъ офицеровъ, напротивъ московскіе знатные люди были исключены. Господина Л., который пришелъ представиться царевичу, по приказанію или съ дозволенія его царскаго величества, принялъ съ буйствомъ: схватилъ его за рукавъ и вытолкалъ вонъ за то, что тотъ не велѣлъ ему сначала о себѣ доложить. Для него величайшимъ удовольствіемъ было, когда могъ поселять, при помощи разнорѣчивыхъ извѣстій, ложныхъ конфиденцій и подслушиваній, раздоры и непріязнь между царскими и иностранными министрами. Однако это не продолжалось долго, такъ какъ, къ величайшему его неудовольствію, партіи post aliquod frigusculum, подувшись нѣкоторое время другъ на друга неизвѣстно за что́, сходились и дѣло объяснялось. Вопреки здраваго

смысла и простаго благоразумія, онъ хотѣлъ всегда плыть противъ теченія и составлялъ съ людьми, въ скромности которыхъ не былъ увѣренъ, разнаго рода интриги и машинаціи противъ знатныхъ придворныхъ. Хотя князь Александръ (Меншиковъ) не слушалъ наукъ въ высшихъ и низшихъ школахъ, однако для него книгами были — міръ, дворъ, путешествія, походы, дѣла. Изъ нихъ-то онъ научился здраво судить, понимать и говорить о предметахъ; природный разумъ у него соединенъ съ практическимъ смысломъ, такъ что при всякомъ случаѣ онъ умѣетъ произнести вѣрное и разумное сужденіе и, ex arena, скоро или вовсе не откладывая, дать добрый совѣтъ. Когда Меншиковъ, какъ первый министръ и гофмейстеръ царевича, котораго способности и наклонности онъ могъ знать лучше, чѣмъ кто либо, дружески напоминалъ о чемъ либо касательно воспитанія, то г. N., считая себя неподчиненнымъ Меншикову и думая о себѣ, что онъ, въ качествѣ старшаго бурша нѣмецкаго университета, самъ все лучше знаетъ, дѣйствовалъ вопреки тому, что̀ Меншиковъ находилъ хорошимъ. Возможно ли было, поступая такъ глупо и сумасбродно, долго устоять, найти себѣ друзей и, особенно, удержаться въ чужомъ государствѣ? Ступай, куда хочешь, оказывай сколько угодно услугъ, даже будь необходимъ, однако все-таки несбыточно, чтобъ человѣкъ съ такимъ характеромъ могъ гдѣ нибудь долго процвѣтать или держаться продолжительное время. И у г. N. струна была такъ сильно натянута, что наконецъ она лопнула».

«Царевичъ, по привычкѣ и слѣдуя желанію своему, хотѣлъ обѣдать нѣсколько ранѣе 11-ти часовъ, а между тѣмъ г. N, хотя и ничего другаго не дѣлалъ, какъ распивалъ у себя на квартирѣ чай и водку съ офицерами, однако требовалъ, чтобъ его ожидали къ столу и считалъ недовольнымъ для себя, когда царевичъ отобѣдаетъ одинъ, а передъ нимъ (то есть Пейгебауеромъ) поставятъ снова цѣлый обѣдъ. Однажды г. N. поспѣшно вернулся изъ общества богатыхъ купцовъ, быть можетъ по тому, что тѣ мало ему кланялись и не говорили комплиментовъ; между тѣмъ, царевичъ уже сѣлъ за столъ, не дожидаясь его, а онъ за то началъ брюзжать и укорять, для чего не дожидались его особы, какъ это въ обыкновеніи при всѣхъ нѣмецкихъ дворахъ. Кавалерамъ царевича надоѣло, наконецъ, всегдашнее его фыркапье и они начали свободно и разсудительно возражать и указывать ему, что онъ уже слишкомъ натянулъ лукъ и черезчуръ требуетъ себѣ отъ нихъ подчиненности. Эти противорѣчія и упреки такъ разсердили г. N, что онъ непристойно разбранилъ кавалеровъ и, увлекаемый гнѣвомъ и буйствомъ, бросилъ отъ себя ножи и вилки съ такою силою, что они упали на царевича. При этомъ онъ былъ такъ несчастливъ, что, во время вспышки, его шпага, какъ онъ и самъ сознался, выпала изъ ноженъ около царевича. Такъ какъ онъ кавалерамъ при царевичѣ давно уже былъ непріятель, то они всѣ едино-

гласно донесли его царскому величеству, что этотъ иноземецъ, или по безумію и сумасбродству, или же по дерзостной злобѣ, кинулъ въ царевича ножикъ и вилки и схватился за шпагу. Когда многіе свидѣтели подтвердили такое дикое преступленіе, то г. N. только отлучили отъ царевича и отдали къ кн. Алексѣю Борисовичу Голицыну, гвардіи майору, а нынѣ подполковнику, подъ почетный арестъ до тѣхъ поръ, пока не окончится слѣдствіе, и здѣсь, по собственному сознанію г. N, онъ пользовался настоящимъ княжескимъ столомъ и всѣми необходимыми, даже излишними удобствами и свободою.

«Въ другихъ государствахъ его засадили бы въ бастилію или другую какую крѣпость на многіе годы, не спрашивая, что̀ онъ сдѣлалъ дурнаго, какъ это дѣлается и съ высокими министрами, которые, несмотря на прежнія свои вѣрныя службы, не имѣли счастья понравиться государю или ихъ приближеннымъ. Однако о г. N. производился формальный процессъ, который одобритъ каждый безпристрастный человѣкъ. Послѣ четырнадцатидневнаго ареста, въ присутствіи бывшихъ тогда на лицо иностранныхъ министровъ, былъ прочтенъ и публикованъ состоявшійся по дѣлу приговоръ, въ которомъ не опредѣлено было г. N. иного наказанія, какъ удаленіе его, по вышеприведеннымъ причинамъ, отъ должности. Какъ только былъ онъ освобожденъ изъ подъ ареста и получилъ свободу, то всѣ его вещи были ему возвращены. По случаю продолжавшейся тогда войны, найдено было неудобнымъ отпустить его изъ Россіи вскорѣ послѣ полученія имъ свободы, да и самъ онъ не тотчасъ о томъ просилъ, почему изъ посольскаго приказа ему было выдано на прожитокъ 400 рублей. Этимъ онъ бы долженъ былъ остаться довольнымъ, жить въ тишинѣ, во благо употребляя свое время, или стараться о вступленіи современемъ на службу внутри или внѣ Россіи. Совѣтовали ему также друзья, чтобъ онъ занялся преподаваніемъ наукъ молодымъ знатнымъ господамъ, или же составленіемъ записокъ для офицеровъ и ходатайствующихъ при дворѣ, чѣмъ вновь могъ бы снискать къ себѣ расположеніе. Однако, по удаленіи отъ двора и за неимѣніемъ случая мѣшаться въ тамошнія дѣла, ему казалась частная жизнь чѣмъ далѣе, тѣмъ несноснѣе, и онъ перешелъ изъ одной крайности въ другую и скоро изъ прежняго высокомѣрія впалъ въ унизительную подлость. Однажды кн. Александръ обѣдалъ съ иностранными министрами и разными нѣмецкими генералами и офицерами; тогда N. пришелъ къ столу, упалъ въ ноги Меншикову и, ползая, со смиреніемъ просилъ прощенія и возвращенія къ прежней должности, обѣщая довольствоваться въ жалованьи, содержаніи и во всемъ прочемъ тѣмъ, что̀ ему положатъ. То же самое и въ униженныхъ выраженіяхъ повторялъ онъ во многихъ письмахъ къ Меншикову; но, несмотря на всѣ просьбы и прошенія, съ нимъ не хо-

тѣли имѣть дѣла, такъ какъ онъ хорошо былъ извѣстенъ. Вслѣдствіе того, г. N. сталъ хлопотать о паспортѣ на выѣздъ ему изъ Россіи, который и былъ ему выданъ, такъ какъ его царское величество велѣлъ публиковать, что никто противъ воли не будетъ удерживаемъ въ его государствѣ или службѣ. Однако, г. N. впродолженіи цѣлаго года оставлялъ свой паспортъ лежать въ канцеляріи; а между тѣмъ сталъ вести почти развратную жизнь и посѣщалъ всевозможныя общества. Его домъ, всегда полный людей, былъ сборищемъ и открытымъ для недовольныхъ шведскихъ офицеровъ и другихъ тунеядцевъ, и здѣсь-то сочинялись исторіи, которыя нынѣ преданы тисненію. Кто доставлялъ лучшія выдумки и сатиры противъ двора и московскаго народа, кто могъ обращать въ смѣшное обычаи его, тотъ сейчасъ же принимался въ это братство. Напротивъ, тѣ, которые въ совѣтъ ихъ не ходили, клеветамъ ихъ не вѣрили и не садились у него ежедневно на лавкѣ насмѣшниковъ, тѣхъ онъ тотчасъ же записывалъ въ своей черный реестръ. При помощи ложныхъ разсказовъ и клеветы, пятналъ ихъ постыднымъ образомъ, причемъ много разъ не щадилъ чести даже знатныхъ дамъ. Едва только пріѣзжалъ какой нибудь иностранный министръ, генералъ или офицеръ, то не успокоивался до тѣхъ поръ, пока не побывалъ у пріѣзжаго и не успѣвалъ передать всѣхъ своихъ выдуманныхъ исторій и клеветъ о дурномъ и опасномъ положеніи двора и арміи. Этими разсказами ему удавалось многихъ довѣрчивыхъ людей дѣлать безпокойными, печальными и задумчивыми, особенно когда, за отсутствіемъ двора, невозможно было достать свѣдѣній о настоящемъ положеніи дѣлъ. Только узнавъ дворъ и добрые порядки въ коммиссаріатѣ и арміи, открывалась злостность его лживыхъ повѣствованій. Всѣмъ этимъ онъ наконецъ выигралъ то, что каждый его потомъ избѣгалъ и никто ему не вѣрилъ, хотя бы даже ему случалось говорить и правду. Всѣ извѣстія, издававшіяся академіею выдумокъ г. N., считались подозрительными.

«Несмотря на то, его царское величество въ 1703 году, по просьбѣ нѣкоторыхъ нѣмцевъ, всемилостивѣйше подвигнутъ былъ на принятіе его снова въ милость и, забывая великодушно прошедшее, даже рѣшился-было употребить его въ посольство въ Китай, Хиву, Персію или Остъ-Индію. Однако, по мнѣнію N., это выполнялось нескоро: онъ сталъ посылать дерзкіе и угрожающіе меморіалы, которые нигдѣ въ свѣтѣ, ни у одного заслуженнаго министра не прошли бы даромъ, а въ Москвѣ они никогда не видывались и не терпѣлись. Притомъ N. продолжалъ болѣе, нежели прежде, распространять свои исторіи, возстановлять людей и угрожать, что онъ современемъ отмститъ за себя. Его величество, наконецъ, вынужденнымъ нашелся, въ 1704 г., послать изъ лагеря подъ Нарвою указъ сбыть г. N. изъ Россіи. Послѣднему это стало извѣстнымъ за два дня до отъѣзда, слѣдова-

тельно онъ имѣлъ достаточно времени приготовить лошадей и все, что хотѣлъ съ собою взять. 20 августа, на дворъ къ нему было послано 7 подводъ и 400 талеровъ на путевыя издержки, съ объявленіемъ, что какъ онъ уже давно желалъ получить паспортъ на отъѣздъ изъ Россіи, но его не требовалъ, то онъ можетъ теперь воспользоваться имъ до Архангельска. Для прислугъ въ путешествіи ему придали двухъ такъ называемыхъ приставовъ, которые расплачивались за него и провожали до гамбургскаго корабля, на которомъ онъ свободно и уѣхалъ... Этого-то человѣка выдаютъ за автора разбираемаго постыднаго сочиненія [1])»...

Возраженія нѣмецкихъ сторонниковъ Россіи на брошюру Нейгебауера не остались безъ отвѣтовъ, написанныхъ, сколько можно то судить по слогу ихъ, пріемамъ и запальчивому тону, тѣмъ же, лично заинтересованнымъ въ полемикѣ Нейгебауеромъ. Ему, вѣроятно, было хорошо извѣстно, что Симонъ Петерсенъ (о немъ см. выше стр. 72) изъ Альтоны, хлопотавшій доказать несправедливость брошюры о дурномъ обращеніи въ Россіи съ иноземцами, былъ лицо вымышленное для сокрытія настоящаго имени сочинителя, а потому Нейгебауеръ придумалъ перехитрить своего антагониста, объявивъ, что его Петерсенъ подложный, настоящій же Петерсенъ вполнѣ сочувствуетъ тому, что изложено въ письмѣ знатнаго нѣмецкаго офицера. Такимъ образомъ, въ 1705 году, явилась брошюра Der ehrliche Simon Petersen wider den schelmichen (Altona den 10 septemb. anno 1705. 4°), т. е. Подлинный Симонъ Петерсенъ противъ подложнаго. Этотъ новый Петерсенъ прежде всего повѣдываетъ, что онъ съ величайшимъ удовольствіемъ узналъ о выходѣ въ свѣтъ выше названнаго письма нѣмецкаго офицера, который, какъ честный человѣкъ, превосходно и живыми красками изобразилъ подвиги безсовѣстныхъ людей, старающихся лживыми обѣщаніями и обманами завлекать въ службу къ варварамъ людей, честныхъ и храбрыхъ,

---

[1]) Кромѣ обличенія Гюйссена, о Нейгебауерѣ есть подробности въ статьѣ, также написанной съ цѣлью опровергнуть извѣстія его: «Разговоръ между трехъ пріятелей, сошедшихся въ одномъ огородѣ, а именно: Менарда, Таларда и Варемунда». Здѣсь разсказъ о пребываніи Нейгебауера при царевичѣ и отъѣздѣ его изъ Россіи изложенъ согласно съ извѣстіями объ этомъ Гюйссена; прибавленъ только одинъ анекдотъ о бывшемъ наставникѣ царевича, что онъ «извѣстный свой пасквиль написавъ, прислалъ къ генералъ-адмиралу и канцлеру гр. Головину при письмѣ своемъ, въ которомъ объявилъ, будто онъ, тотъ пасквиль увидѣвъ въ Германіи, хочетъ противъ его отвѣтствовать и во оном изображенныя въ лезавантажъ его императорскаго величества и всего россійскаго государства клеветы тѣмъ своимъ отвѣтомъ опровергнуть, ежели онъ ему исходатайствуетъ, по прежнему его прошенію, чтобы ему послану быть въ Хину посланникомъ. И хотя помянутый господинъ гр. Головинъ, яко разумный министръ, призналъ, что въ томъ пасквилѣ всѣ клеветы и лжи отъ него, Нейгебауера, самого писаны, однакожь отвѣтствовалъ ему, что ежели онъ такой отвѣтъ на тотъ пасквиль учинитъ и возвратится въ Россію, то по своему требованію въ Хину посланъ будетъ посланникомъ»... (Русск. Вѣстникъ, 1841 г., IV, 328—332).

но вмѣстѣ съ тѣмъ незнакомыхъ съ настоящимъ положеніемъ Россіи; при этомъ случаѣ тѣ, которые занимались въ Германіи приглашеніемъ иноземцевъ въ Россію, надѣлены всѣми терпимыми въ печати бранными эпитетами. За тѣмъ Петерсенъ говоритъ, что письмо знатнаго нѣмецкаго офицера стало-было оказывать благодѣтельныя послѣдствія: многіе иноземцы въ Германіи, Англіи и Голландіи, желавшіе ѣхать въ Россію, прочитавъ это письмо, измѣнили свои намѣренія. Однако скоро начались продѣлки со стороны «рыбаковъ людей» въ царскую службу: «именно — нашелся преступный и забывшій честь сраникъ (Schand Vogel), выдумавшій издать въ свѣтъ подъ моимъ именемъ (продолжаетъ подлинный Петерсенъ) постыдное и гнусное посланіе»... Въ доказательство тому, что все, высказанное подложнымъ Петерсеномъ, есть неправда, подлинный старается обратить вниманіе на то обстоятельство, что письмо знатнаго нѣмецкаго офицера распространено въ переводахъ по многимъ государствамъ, гдѣ его продаютъ безвозбранно, и его справедливость хорошо извѣстна не только всѣмъ европейскимъ, но даже и азіатскимъ дворамъ. Этотъ аргументъ можетъ быть и подалъ поводъ къ изданію въ Пруссіи и Саксоніи указовъ о запрещеніи «Письма знатнаго нѣмецкаго офицера».

Вообще подлинный Петерсенъ не жалѣлъ въ своей брошюрѣ ни бранныхъ выраженій, ни ядовитыхъ упрековъ противъ вербовщиковъ нѣмецкихъ военныхъ въ Россію. Это самое обстоятельство и показываетъ ясно, что брошюра написана въ видахъ интересовъ шведовъ, для которыхъ весьма было непріятно видѣть въ русскихъ войскахъ нѣмецкихъ офицеровъ, ихъ дисциплину и распорядки.

Противъ Гюйссена Нейгебауеръ явился съ брошюрою «Kurtze Gegenantwort auf des czaarischen Pasquillanten N Huyssens Lügen Schrifft, so er in Wien wider das wahrhaffte Schreiben von dem übeln Tractament der Frembden in Moscau abgefasset». Для занимающихся русскою исторіею XVIII столѣтія замѣтимъ, что эта брошюра въ томъ отношеніи для нихъ любопытна, что въ ней едва ли не въ первый разъ печатно разсказано о начальной причинѣ особеннаго благоволенія въ юности Петра къ Меншикову; при чемъ сдѣлана ссылка на какого-то F. v. C., говорившаго объ этомъ Меншикову въ глаза. Не приводя разныхъ обвиненій и насмѣшекъ, разсѣянныхъ въ брошюрѣ разъяреннаго нѣмца противъ русскихъ и русскаго деспотизма, ограничимся выпискою того мѣста, гдѣ дѣло идетъ о самомъ Нейгебауерѣ: «что же касается до словъ клеветника (т. е. Гюйссена) объ университетской жизни наставника царевича, то о ней иначе могутъ засвидѣтельствовать до нынѣ здравствующіе ученые мужи фонъ-Зейдницъ, Швейнхенъ, Зегеръ, Зауерманъ, Швейницъ, Куппервольфъ, Рёслеръ, Гердорферъ и многіе другіе, которые тогда штудировали въ знаменитомъ университетѣ, проводили съ нимъ вмѣстѣ время и бывали за столомъ у г. бургомистра Фалькнера, а потомъ у г. доктора Шлаффена — онп

еще, слава Богу! живы и находятся въ своихъ помѣстьяхъ. Однажды гофмейстеръ (такъ титуловалъ всегда себя Нейгебауеръ) видѣлъ кислыя гримасы нѣкоторыхъ лицъ изъ академическаго и гражданскаго магистрата за то, что онъ, по усиленному желанію знатныхъ придворныхъ людей, подбилъ молодыхъ кавалеровъ и студентовъ дать серенаду новому штадтгалтеру, кн. Фюрстенбургскому, сочинилъ отъ лица всѣхъ стихи и ихъ, при торжественномъ въѣздѣ, вмѣстѣ съ барономъ Брауномъ и Зедрицомъ, поднесъ высокономянутому князю. На такую почесть этому любезному князю смотрѣли нѣкоторые въ Лейпцигѣ неблагопріятно лишь по тому, что онъ былъ католикъ. Гофмейстеръ считалъ все это пустяками на столько, на сколько ныпѣ пасквилянтъ желаетъ его уколоть. Между тѣмъ гофмейстеръ надѣялся составить себѣ карьеру, попавъ ко двору, и потому скоро отправился съ Карловичемъ въ Москву. Но объ этомъ онъ не хлопоталъ, какъ утверждаетъ развратникъ, а былъ отысканъ и рекомендованъ, что̀ могутъ подтвердить въ Дрезденѣ тогдашній бергъ-гауптманъ г. фонъ Карловичъ, г. ландъ-камерратъ Дюрреfельдъ, г. оберъ-амтманъ Кригеръ и г. секретарь Фишеръ. Что же негодяй намаралъ о поведеніи гофмейстера въ Москвѣ, то это не заслуживаетъ никакого отвѣта, потому что основу для своихъ росказней онъ могъ найти только въ своемъ воровскомъ мозгѣ. Вѣрно, если бы гофмейстеръ велъ себя такимъ образомъ, то царское величество по малой мѣрѣ повелѣлъ бы его изжарить. Пускай подлецъ описываетъ прекрасно̀ русскихъ по своей волѣ и возможности, но свѣтъ и особенно дворы императорскій и королевскіе знаютъ уже, что̀ это за раки такіе»!..

Вся брошюра написана въ такомъ родѣ и неудивительно, что въ ней сильно достается Гюйссену, который первый подалъ поводъ отвѣчать бранью на брань. По словамъ брошюры, Гюйссенъ будто бы былъ замѣченъ даже въ воровствѣ, въ бытность свою въ Берлинѣ учителемъ у г. фонъ Д.; потомъ въ Москвѣ сначала, въ качествѣ военнаго совѣтника, презиралъ своего родственника серебряка Лёскена, а послѣ, будучи въ крайности, у него же жилъ изъ милости на хлѣбахъ; наконецъ получилъ мѣсто при царевичѣ, послѣ Нейгебауера, по ходатайству любовницы Меншикова, къ которой успѣлъ прислужиться. О сочиненіяхъ Гюйссена сказано, что нѣкоторыя изъ нихъ, направленныя противъ королевскихъ особъ и даже самого святѣйшаго отца, были сожжены рукою палача. «Нельзя впрочемъ отвергать, замѣчено въ брошюрѣ, того, что онъ имѣетъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ литературѣ и не неспособный малый, если бы только не обратилъ хорошее, которое въ немъ есть, на пользу варварскихъ тирановъ, на стыдъ же и посрамленіе своихъ честныхъ соотечественниковъ».

Нордбергъ, издавшій въ 1746—51 годахъ Leben Karl des zwölfen Königs in Schweden, говоритъ, что онъ пользовался извѣстіями и собственными письмами королевскаго канцлера въ Померапіи, барона

Мартина фонъ Нейгебауера. Во второмъ томѣ этого сочиненія находимъ, что Нейгебауеръ, оставивъ Россію, поступилъ на службу къ шведамъ; былъ при шведской арміи во время полтавскаго сраженія и потомъ посланъ въ турецкія владѣнія и Константинополь для переговоровъ о принятіи туда Карла XII. Нейгебауеръ зналъ разные языки, имѣлъ хорошія познанія. Въ Константинополѣ онъ оставался, въ качествѣ шведскаго посланника, до апрѣля 1711 года. Въ 1728 г. ему пожалованъ баронскій титулъ и званіе канцлера Помераніи.

—

Въ 1736—40 годахъ, датскій путешественникъ фонъ Гавенъ (von Haven) былъ въ Петербургѣ и встрѣчался тамъ съ дряхлымъ старикомъ, полупомѣшаннымъ отъ лѣтъ и бѣдности, который говорилъ о заслугахъ своихъ русскому правительству, о томъ, что со смертію Петра забыли его службу и не обращаютъ на него никакого вниманія. Этотъ старикъ былъ баронъ Гюйссенъ (von Hüyssen) — лицо, замѣчательное въ царствованіе Петра по тому роду дѣятельности, на который себя обрекъ по собственной волѣ и даже на основаніи контракта.

Петръ Великій понималъ очень хорошо силу и значеніе общественнаго мнѣнія въ Европѣ и сознавалъ то вліяніе, которое имѣли на него даже и въ началѣ XVIII столѣтія журналистика и разныя политическія изданія. О Россіи петровскихъ временъ европейскіе журналисты и публицисты говорили или съ насмѣшками, когда дѣло шло объ умственномъ состояніи страны, или съ опасеніями, похожими на страхъ римлянъ при слухахъ о варварахъ, когда получались извѣстія о воинскихъ успѣхахъ русскаго царя. Видя это, Петръ желалъ, чтобы журналисты и издатели были на его сторонѣ, т. е. они должны были увѣрять европейскую читающую публику, что въ Россіи не такъ все плохо, какъ это обыкновенно принято думать, что, напротивъ, тамъ происходитъ много примѣчательнаго по волѣ царя и вслѣдствіе распоряженій его министровъ, которые всѣ безъ исключенія отличнѣйшіе, образованнѣйшіе люди и т. д. Чтобы имѣть такіе печатные отзывы, полагали въ тѣ времена достаточнымъ нанять съ десятокъ голодныхъ журналистовъ и писателей, которые и обязывались писать статьи о Россіи въ извѣстномъ направленіи, сообразномъ съ видами правительства. Адвокатовъ за Россію изъ европейскихъ журналистовъ и писателей вербовали во всѣхъ государствахъ — и это было спеціальностью барона Гюйссена. Послѣ Петра у насъ не хлопотали о томъ, что будутъ писать за границей о Россіи, а потому и нашего агента по этой части предали забвенію и онъ, когда фонъ Гавенъ былъ въ Россіи, вынужденнымъ нашелся напомнить о себѣ въ подробной запискѣ, гдѣ не пропущено ни одного учено-литератур-

наго похожденія барона въ Германіи на пользу Россіи. Какъ человѣкъ любознательный, фонъ Гавенъ воспользовался этою запискою и напечаталъ ее въ описаніи своего путешествія по Россіи, которое намъ извѣстно по нѣмецкому переводу [1]); записка Гюйссена есть и на русскомъ языкѣ, впрочемъ въ черновомъ, дурно переписанномъ спискѣ, гдѣ многіе листы перебиты [2]), но за то здѣсь она подробнѣе, такъ какъ фонъ Гавенъ, по собственному сознанію, выпускалъ тѣ мѣста ея, которыя казались ему незначительными. Надобно замѣтить, что Гюйссенъ, вѣроятно, писалъ о своихъ заслугахъ, не имѣя передъ собою тѣхъ журналовъ и изданій, въ которыхъ писались статьи о Россіи подъ его напіемъ, а потому у него встрѣчаются невѣрности и неточности въ обозначеніи статей, названіяхъ и годахъ. Несмотря однако на это, съ помощію богатаго собранія иноземныхъ сказаній о Россіи въ Публичной библіотекѣ, намъ удалось провѣрить записку Гюйссена по самымъ журналамъ и книгамъ той эпохи — нѣкоторыя изданія остались неотысканными, впрочемъ и по тому, что̀ успѣли найти, можно уже судить о дѣятельности барона. Судьба этого человѣка и произведеній, написанныхъ подъ его вліяніемъ, въ высшей степени поучительна въ томъ отношеніи, что изслѣдователь долженъ заботливо собирать подробныя извѣстія о нихъ не для того, чтобы воспользоваться ими, какъ матеріаломъ для исторіи своего времени, а для предупрежденія ошибокъ и искаженій, въ которыя можно впасть, если не знаешь, что тѣ или другія историческія извѣстія написаны наемниками, изъ личныхъ расчетовъ.

Генрихъ фонъ Гюйссенъ изучалъ права въ Стразбургѣ и, какъ до поступленія своего на службу въ Россію, такъ и послѣ, занимался науками и изданіемъ въ свѣтъ разныхъ сочиненій [3]). Получивъ званіе

---

[1]) Büsching's Magasinn für die neue Historie und Geographie, X, 317—326.

[2]) Рукопись Ак. наукъ въ f, № 116, часть 2-я, на корешкѣ которой вытиснено: «Мисселлана разныхъ изданій».

[3]) Въ 1689 г., въ Стразбургѣ вышла его Diss. inaug. de justitio, vom Stillstand des Gericht. Потомъ, въ 1694 и 1703 годахъ, онъ издалъ Histoire des conclaves depuis Clement V jusqu'à présent (Кельнъ); здѣсь въ предисловіи объяснено, что исторія конклавовъ обработывалась Конрингѝемъ и другими учеными, но изданіе ліонское слѣлалось рѣдкостью, а потому и выпущено нынѣ новое съ добавленіями. «Если найдутъ дурнымъ, говоритъ издатель, то, что сообщено о нѣкоторыхъ значительныхъ лицахъ, — отвѣтимъ, что этого нельзя было избѣгнуть, такъ какъ событія принадлежатъ Исторіи и объ нихъ говорится только то, что̀ хорошо извѣстно въ Римѣ. Издатель даже былъ очень остороженъ на этотъ счетъ и исключилъ многое, что̀ могло бы быть принятымъ за сатиру»... Далѣе Гюйссену же приписываютъ (Cat. Bibli. Bunav. II, 59): Cürieuse und vollständige Reisebeschreibung von ganz Italien, 1701 г. (Фрейбургъ). Ср. Adelung's Vorsetzung und Ergänzungen zu Jochers Gelehrten Lexikon, II, 2208, 2209. Въ изданіи Nova litteraria Germaniae Амвросія Лемана есть слѣдующія извѣстія: въ іюлѣ 1703 г. стр. 258—259.—Sigismundi Augusti poloniarum regis, Epistolae, legationes et responsa. Nec non Stephani Batorii, reg. pol. epistolarum decas et oratio ad ordines Poloniae. Ex museo H. de Huyssen.

доктора правъ, баронъ служилъ совѣтникомъ при княжескомъ домѣ Вальдекъ. Паткуль уговорилъ его вступить въ русскую службу, на что Гюйссенъ, хотя и прежнее мѣсто ему доставляло выгоды, согласился, такъ какъ предложенныя Паткулемъ условія представляли въ будущемъ еще бо́льшія выгоды. Въ подписанныхъ Петромъ статьяхъ, Гюйссенъ обязывался: a) отыскивать, входить въ переговоры и приглашать въ русскую службу иностранныхъ офицеровъ, инженеровъ, мануфактуристовъ, ружейниковъ, художниковъ, берейторовъ, кузнецовъ и другихъ мастеровыхъ, особенно же такихъ, которые бы понимали по-польски или по-чешски. b) Переводить, печатать и распространять царскія постановленія, издаваемыя для устройства военной части въ Россіи. c) Склонять голландскихъ, германскихъ и другихъ странъ ученыхъ, чтобы они посвящали царю, или членамъ его семейства, или, наконецъ, царскимъ министрамъ замѣчательныя изъ своихъ произведеній, преимущественно касающіяся исторіи, политики и механики; также, чтобы эти ученые писали статьи къ прославленію Россіи, и d) войти въ переговоры съ почтмейстерами разныхъ государствъ о правильной разсылкѣ русскихъ писемъ, причемъ имѣть въ виду отправленіе почты чрезъ Польшу и Австрію.

Это условіе было заключено съ Гюйссеномъ въ 1702 году, и съ тѣхъ поръ онъ началъ выполнять его, ведя переписку съ Франціею, Швейцаріею и другими государствами. При этомъ сочинялъ для Паткуля многіе бумаги, а въ Варшавѣ исполнялъ политическія порученія, за что́ получилъ званіе военнаго совѣтника и жалованье по 150 рейхсталеровъ въ мѣсяцъ. Съ Паткулемъ же онъ былъ въ Москвѣ и здѣсь перевелъ на разные языки письмо царя къ польскому королю Августу [1]).

Accesserunt Opuscula duo alia, ad electionem Regis Sigismundi III spectantia... Lipsiae, apud J. F. Gleditch, 1703, и при томъ замѣчаніе: Apographum harum epistolarum sibi comparavit in itinere Polonico H. de Huyssen, idque in Mosquiam, ubi nunc degit, iturus, ea lege cum editore sibi amico communicavit, ut publici juris faceret; quod et sublatis foedissimis apographi erroribus praestitit. Въ декабрѣ 1706 г.: Nundinis autumnalibus in publico comparuerunt: Acta consistorialia creationis eminentissimorum S. R. E. cardinalium, instituta a sanctissimo D. *N.* Clemente XI P. M. diebus 17 Maji et 7 Junii, anno sol. 1706. Accessit eorundem cardinalium brevis delineatio, Coloniae 1707. Transmissa sunt haec Acta viro excelentissimo Henrico Huyssenio, moscorum Czari negotia curante Viennae, per Cl. J. Vincentium Gravinam, cujus ad Huyssium literae prid. id. Iun. 1706 Romae datae praemittuntur... Въ томъ же журналѣ за 1709 г. (стр. 462) статья Гюйссена: Status academiae cracoviensis (краткія свѣдѣнія о преподаваніи наукъ и профессорахъ). Предисловіе его же къ изданію Краузенса Historia polonica J. Dlugossi (Лейпцигъ, 1712) и J. Dlugossi Historiae polonicae liber VIII us et ultimus ex bibliotheca Henr. L. B. ab Huyssen (1712).

[1]) Здѣсь Гюйссенъ ошибается: въ 1703 г., царь послалъ изъ Москвы два письма не къ королю Августу, а одно къ Рѣчи посполитой, другое къ кардиналу-примасу. Въ первомъ говорится о возобновленіи старинныхъ трактатовъ съ Польшею, по случаю сейма въ Модлинѣ; во второмъ предлагается вспомоществованіе Польшѣ на случай войны. (Mémoires historiques, par Lamberty, II, 727 — 731, и Отеч. Зап. 1856 г. № 2, Библ. отрывки, стр. 358 — № XVIII).

Въ 1703 году, «по возвращеніи его царскаго величества (рукоп. записка на русск. яз.), по указу и съ великимъ обѣщаніемъ государевой собственной милости и почести, у его высочества государя царевича приставленъ былъ, яко гофмейстеръ, какъ о томъ письмо г. Шафирова объявляется. И онъ чрезъ все время въ чинѣ своемъ у государя царевича должность свою всеблагополучно и съ аппробаціею, какъ на Москвѣ, такъ и еще лучше въ 1704 г. въ Петербургѣ, при осадѣ парвской, вѣрно исполнялъ; хотя ему на Москвѣ во всякой день за утро зимою нѣсколько верстъ въ Преображенское ѣхать было. О счастливомъ ученіи государя царевича онъ, баронъ, къ его сіятельству, свѣтлѣйшему князю Меншикову, яко верховному представителю, какъ словесно, такъ меморіалами, по часту репортовалъ; да самопотребное къ лучшему ученію государя царевича прилагалъ, который при томъ особственное свое удовольствіе показалъ и поведеніе онаго у иныхъ во всякомъ случаѣ похвалялъ»...

Въ 1704 году, Гюйссенъ приготовлялъ поденный журналъ о войнѣ, посвятилъ царю свое изданіе записокъ Монтекукули и написалъ очеркъ сраженій при Шелленбергѣ и Гохштетѣ [1]) и другія подобныя статьи.

«Въ 1705 г. (рукоп. зап.); его императорское величество повелѣлъ ему съ подлинными коммиссіями въ Германію ѣхать: при томъ онъ всеподданнѣйше, сколь много о добромъ ученіи и поведеніи государя царевича надлежитъ, и яко въ томъ ни времени, ни проторовъ не жалѣть — конечно онъ просилъ, чтобъ повелѣно было господину камиру Брохаусену, который у кн. кардинала саксенцейцкаго информаторомъ былъ, или г. Остерману, или другому у царевича быть, чтобъ тотъ не все, еже у него (Гюйссена) счастливо учился, забылъ. А понеже сего не изъявлено было, то Гюйссенъ, меморіалъ и инструкцію написавъ для лучшаго поспѣху его высочества въ наченшемъ ученіи, подалъ, еже его свѣтлость кн. Меншиковъ довольно аппробовалъ, подписалъ и велѣлъ Весловскому тожь на русскій языкъ перевесть и къ его высочеству послалъ. Въ той же инструкціи, меж-

[1]) Въ Nova litteraria Germaniae, за январь 1704 г. стр. 21—23: Henricus de Huyssen. sacrae czareae maj. in senatu bellico consiliarius intimus, principis Russiae haeredis ephorus et secretarius Status, in diversis ilenericus, quae per plures polilioris Europae partes fecit, nunquam studia bonarum artium abjecit, verum iis semper intentus libros plures rariores ac codices manuscriptos, publico usui olim profuturos sibi comparavit. Inter hos fuerunt «Instructiones militares principis Montecuculi», italico idiomate conscriptae, et s. caes. maj. dedicatae, quas, et si principes plures aliique viri muneribus bellicis conspicui, quibus editor M. S. monstravit, sibi retinere voluerint, bonum publicum privato praeferens, imprimendas concessit. Titulus iste est: Memorie della guerra, o instrutione d'un generale, per il principe Raymundo Montecuculi, 1703, in 8°. Потомъ разсказывается жизнь Монтекукули по предисловію Гюйссена. Въ іюнѣ 1708 г., въ томъ же журналѣ, на стр 239: Memorie del general principe di Montecuculi ab Hein. Huyssen edili Colon. 1704 potissimum exhibent, quae in Hungaria ab a. 1661 ad 1664 gesta, idem Huyssenius huc ineditos servat.

ду иными, сіе свѣтлѣйшему князю зѣло пріятно было, что въ ней написано, чтобы его высочество прежде всего Бога, да его царское величество, государя батюшку возлюбилъ и почиталъ; по его прикладу, елико можно, дѣлалъ по тому же, что онъ слѣдовалъ и подражалъ, а отъ того никакимъ отговоромъ ни единаго человѣка отвратится» [1]).

Изъ Германіи Гюйссенъ доносилъ объ измѣнѣ Вишневецкаго русскимъ и его перепискѣ съ Сапѣгою, прибавляя, что въ Данцигѣ оказываютъ пристрастіе къ Станиславу и къ шведамъ; почему, съ одобренія царя, Гюйссеномъ же написано латинское письмо къ данцигскому магистрату съ выговоромъ [2]). Невѣжливый отвѣтъ на это посланіе былъ причиною притязаній къ этому городу со стороны русскихъ. Неутомимый баронъ здѣсь едва было не попалъ въ руки шведовъ и потому добрался до Берлина окольными дорогами, при чемъ потерпѣлъ крушеніе и съ трудомъ спасъ свою жизнь (здѣсь, какъ и въ дальнѣйшихъ извѣстіяхъ о Гюйссенѣ, пропускаемъ о его дипломатическихъ похожденіяхъ).

«Въ Липсіи городѣ (рук. зап.) Гюйссенъ съ авторами ученыхъ вѣдомостей Европейская Фама и съ другими добрыми писателями по разнымъ мѣстамъ уговаривался, чтобы они въ сочиненіяхъ своихъ во славу россійскаго государства писали. Въ томъ же мѣстѣ онъ старался объ изданіи въ печать книги подъ титломъ «реляціи о состояніи русскаго государства въ 1703 году». Это извѣстіе барона, что лейпцигскій редакторъ Europäische Fama, Рабенеръ былъ убѣжденъ имъ писать въ своемъ журналѣ хвалебныя статьи о Россіи — не подлежитъ сомнѣнію. Пріемами своими и стилемъ, онѣ напоминаютъ намъ Le Nord, современный бельгійскій журналъ, напр.:

«Не разъ уже ходила молва, что будто шведскій генералъ-лейтенантъ Левенгауптъ, державшійся по препмуществу подъ защитою рижскихъ пушекъ, пошелъ снова въ Курляндію, началъ оттуда тѣснить русскихъ и, наконецъ, сдѣлалъ такіе успѣхи, что завладѣлъ опять Митавою. Эти слухи, также какъ и многіе другіе, оказались потомъ ложными; болѣе же вѣрныя извѣстія сообщаютъ, что напротивъ, русской генералъ маіоръ Бауеръ не только прошелъ до Кобрина шанца, но и встрѣтилъ, недалеко отъ Баушке, шведскій отрядъ, вышедшій изъ Риги для нападенія на русскій обозъ, съ такою храбростію, что кромѣ убитыхъ, русскимъ досталось 140 шведовъ, которые приведены плѣнными въ Митаву. Кстати при имени Митавы не могу умолчать о нѣкоторыхъ заблужденіяхъ, въ которыя иные впа-

[1]) Эта инструкція по русски напечатана у Голикова въ Дѣян. П. В., III, 97—106; тамъ она показана подписанною государемъ 22 апрѣля 1703 года. О нѣмецк. подлинникѣ будетъ сказано ниже.

[2]) Въ нѣмецкомъ переводѣ это письмо въ Europäische Fama 1705, XXXIX, 207—208.

даютъ, говоря о нынѣйшей войнѣ. Добросердечныя души, въ своемъ ненасытномъ поклоненіи шведскому оружію, не въ состояніи смотрѣть на дѣянія молодаго сѣвернаго монарха (Карла XII) иначе, какъ чрезъ увеличительное стекло, и потому охотно вѣрятъ только тому, что́ желаютъ. Такимъ образомъ не безъ удивленія читаешь, что редакторы журналовъ Mercure historique, Lettres historiques, Esprits des Cours de l'Europe и многіе другіе летучіе листки этого разряда, говоря о варшавскихъ дѣлахъ, всегда смѣшиваютъ имена Пайкуля и Паткуля, не дѣлая между ними никакого различія: первый изъ нихъ, т. е. Пайкуль, дѣйствительно въ Варшавѣ взятъ въ плѣнъ генераломъ Шпродомъ, отвезенъ въ Штетинъ, а оттуда будетъ отправленъ подъ арестомъ въ Стокгольмъ; другой же, генералъ Паткуль, нѣсколько недѣль назадъ находился по важнымъ дѣламъ въ Берлинѣ, изъ котораго, по окончаніи ихъ, возвратился въ Дрезденъ, не думая вовсе о шведскихъ оковахъ; напротивъ онъ уже помолвилъ одну знатную дѣвушку и, подъ защитою саксонскаго двора, живетъ въ совершенной безопасности» [1]).

При изданіи Рабенера помѣщались, по ходатайству Гюйссена же, какъ то увидимъ ниже, портреты русскихъ генераловъ и министровъ. Вотъ, какимъ объясненіемъ снабжено было изображеніе графа Ѳедора Алексѣевича Головина: «высокославный государственный министръ московскаго государства, портретъ котораго намъ переданъ изъ знатныхъ рукъ для украшенія настоящей части Europäische Fama, его превосходительство, Ѳедоръ Алексѣевичъ, священной римской имперіи графъ Головинъ, его царскаго московскаго величества первый министръ, великій адмиралъ, великій канцлеръ и проч., извѣстенъ въ цѣлой Европѣ своимъ посольствомъ и заслугами, почему въ бозѣ почившій покойный императоръ Леопольдъ, движимый желаніемъ поощрить его къ дальнѣйшей службѣ за честь христіанскаго имени, всемилостивѣйше пожаловалъ ему графскій титулъ и въ дипломѣ на оный изъяснено»... слѣдуетъ за тѣмъ дипломъ [2]).

О царѣ извѣстія этого журнала писались въ такомъ родѣ: «его царское величество пребывалъ нѣкоторое время въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ, не оставаясь однако на одномъ мѣстѣ, но являясь то тамъ, то здѣсь, смотря какъ требуютъ того дѣла въ провинціяхъ. Таковъ характеръ сего, истинно милостиваго отца страны: подобно солнцу, не останавливается онъ ни утромъ, ни вечеромъ, но безпрерывно перемѣняетъ мѣстопребываніе свое. Такимъ образомъ должны почитать себя въ высшей степени счастливыми тѣ страны, владѣтели которыхъ, по примѣру солнца, не пребываютъ на одномъ мѣстѣ, но то тѣхъ, то другихъ подданныхъ веселятъ своимъ присутствіемъ и доставляютъ ту пользу, что узнаютъ потребности страны

---

[1]) Europäische Fama 1706, XLIII, 495, sq.

[2]) Ibid. XLIX, 1706, 533, sq.

и не слушаютъ разныхъ пустяковъ отъ неблагонамѣренныхъ министровъ. Надобно до сихъ поръ оплакивать, что Людовикъ баварскій подалъ такой примѣръ своимъ наслѣдникамъ, что нѣмецкому императору приходится не столько ѣздить по своимъ владѣніямъ, сколько мирно сидѣть въ наслѣдственной землѣ. Молва о бывшемъ въ Москвѣ большомъ возмущеніи и послѣдовавшихъ за тѣмъ жестокихъ казняхъ совершенно несправедлива»... за тѣмъ разсказанъ астраханскій бунтъ [1]).

Съ 1707 г., въ Europäische Fama также попадаются извѣстія о Россіи, стихи французскіе, нѣмецкіе и латинскіе въ честь царя, подробныя описанія торжественныхъ въѣздовъ въ Москву и Петербургъ; при всемъ томъ однако въ журналѣ уже не встрѣчается болѣе громкихъ предисловій и введеній къ статьямъ о Россіи, изъ чего можно заключить, что съ 1707 г. Гюйссенъ не принималъ уже непосредственнаго участія въ изготовленіи русскихъ извѣстій.

Что же касается до сочиненія о Московіи, въ составленіи котораго помогалъ, по собственному признанію, Гюйссенъ лейпцигскимъ ученымъ, то извѣстны двѣ хвалебныя брошюры, въ которыхъ замѣтно участіе барона: одна, безъ означенія года и мѣста печатанія, подъ титуломъ: Der Staat von Moscau, гдѣ говорится о взятіи Петромъ Дерпта и Нарвы «въ настоящемъ году», слѣдов. брошюра составлена въ 1704 году. Она содержитъ въ себѣ, кромѣ похвалъ, много ошибокъ противъ русской исторіи и географіи. Другая брошюра озаглавлена: Relation von dem gegenwärtigen Zustande des Moscowitischen Reichs (Франкфуртъ, 1706 г.). Здѣсь въ предисловіи объяснено, что въ настоящее время Россія играетъ важную роль, какъ по послѣднимъ завоеваніямъ своимъ въ Лифляндіи, такъ и по тому, что царь желаетъ совершенно преобразовать свое государство, и что авторъ почерпалъ свѣдѣнія о Россіи изъ достовѣрныхъ источниковъ, но какъ вслѣдствіе совершающихся тамъ преобразованій, государство замѣтно измѣняется, то желательно было бы получать указанія промаховъ, а также дополненія къ печатаемымъ въ Relation извѣстіямъ.

Историческая часть Relation, начинающаяся разсказомъ о приходѣ въ Новгородъ трехъ братьевъ — варяговъ, составлена коротко по иностраннымъ путешественникамъ, писавшимъ о Россіи, и есть ошибки не только въ названіяхъ, но и событіяхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя случились не за долго до времени изданія извѣстія.

За тѣмъ слѣдуетъ современное состояніе Россіи, гдѣ говорится о религіи, доходахъ, воспитаніи, географическомъ положеніи и проч. Свѣдѣнія о порядкѣ обученія царевича Алексѣя Петровича изложены въ особой главѣ, въ которой похваленъ, между прочимъ, и самъ Гюйссенъ, и помѣщена вся инструкція, о которой, какъ видѣли выше, онъ упоминалъ, перечисляя свои заслуги. Послѣдняя глава посвящена

[1]) Ibid. LIV, 1706, 504, sq.

описанію военной части въ Россіи, и здѣсь идетъ болѣе рѣчь о томъ, что̀ Гюйссену было лучше извѣстно, такъ напр. сообщено объявленіе царя, разосланное Паткулемъ, о приглашеніи иностранцевъ вступать въ русскую службу, также и письмо царя къ Рѣчи посполитой, о которомъ уже говорено выше.

Описываемая Relation замѣчательна въ томъ отношеніи, что она переходила потомъ съ разными измѣненіями и дополненіями въ другія сочиненія о Россіи, выходившія въ свѣтъ при участіи Гюйссена. Книга, вышедшая въ 1710 г.: Des grossen Herrens Czaars und Gross-Fürstens von Moscau, Petri Alexiewitz etc. Leben und Thaten [1]) оказывается распространенною Relation 1706 года, что̀ было замѣчено въ современномъ періодическомъ изданіи Curieuses Bücher Cabinet (2 выпускъ 1711 г.), и намѣренно при томъ упомянуто, что авторъ Leben und Thaten неизвѣстенъ; однако изъ собственныхъ его словъ явствуетъ, что онъ былъ капитаномъ или маіоромъ въ русской службѣ и пользовался, при составленіи жизнеописанія, бумагами нѣкотораго министра, что̀ однако ему не помѣшало заимствовать цѣликомъ многія статьи Relation. За то другой современный журналъ Welt und Staats Spiegel, на который, какъ увидимъ ниже, баронъ имѣлъ вліяніе, хваля безусловно Leben und Thaten, находилъ тамъ множество любопытныхъ свѣдѣній о Россіи и, между прочимъ, останавливалъ вниманіе читателей на инструкціи о воспитаніи царевича, напечатанной въ 1706 году. Описаніе Россіи, изданное первоначально на италіянскомъ языкѣ Малатестою, а также статьи въ Bilder Saals Имгофа, о которыхъ будетъ говорено ниже, также составлены по извѣстіямъ, помѣщеннымъ въ Relation.

Teutscher Pavillon der Musen [2]), разбирая вышедшее въ Лейпцигѣ 1725 г. Leben Petri des Ersten und Grossen, указалъ, что авторъ этой книги Іостъ Готфридъ Рабенеръ (I. G. Rabener) былъ издателемъ Europäische Fama, «въ которой съ 1702 г. не пропущено ни одного примѣчательнаго событія изъ русской исторіи». Тамъ же замѣчено, что Рабенеръ, составляя жизнеописаніе, пользовался, какъ этимъ журналомъ, такъ и вышедшимъ въ 1710 году сочиненіемъ Leben und Thaten.

Въ заключеніе замѣтимъ, что современникамъ Гюйссена было памятно его сотрудничество въ Europ. Fama: такъ въ Teutscher Pavillon [3]), при разборѣ Nouveaux mémoires sur l'état présent de la grande Russie ou Moscovie (Paris, 1725), замѣчено: «Ученый воспитатель царевича Алексѣя Петровича, баронъ фонъ Гюйссенъ прежде не могъ

[1]) Наружный видъ и краткое описаніе содержанія этой книги въ Библіогр. открывк. (Отеч. Зап. 1856 г. № 2, Т. CIV, стр. 364—365). Тамъ же есть извѣстіе, что авторъ сочиненія, скрывшій свое имя подъ буквами I. H. v. L., остался неузнаннымъ.

[2]) Leipzig, 1725. IV Samml. S. 341.

[3]) Ibid. S. 582.

достаточно нахвалиться его хорошими качествами: см. Europ. Fama, XXXV, стр. 739» Прочитавъ эту статью въ Fama, можно убѣдиться, что въ Relation 1706 г. главы о воспитаніи царевича и состояніи просвѣщенія въ Россіи перепечатаны, съ незначительными измѣненіями, изъ помянутаго журнала.

Около 1706 г., Гюйссенъ напечаталъ противъ Нейгебауера (см. выше стр. 72): Ausführliche Beantwortung des freventlichen und lügenhaften P. squils, welches unter dem Titul: Vertrautes Schreiben eines vornehmen deutschen Officiers etc. vor einiger Zeit aus Licht gekommen; darinnen von dem Tractament so wohl der Fremden ins gemein, als insonderheit der gefangenen Schweden in Moscow, wie auch von dem Moscowitischen Hof und Kriegs Staat warhaffte Nachricht gegeben, und alles mit curiösen Anmerckungen aus der Historie, Politique und Re litteraria erläutert wird. Gedruckt nach dem Exemplar welches in Narwa 1705 herausgekommen.

Въ началѣ отвѣта, на особо нумер. 16 стр., помѣщенъ Moscowitisches Kriegs Reglement, о которомъ, подъ именемъ военныхъ артикуловъ, упоминаетъ самъ Гюйссенъ въ запискѣ, и это подтверждаетъ, что отвѣтъ этотъ и названная имъ рефутація — одно и тоже сочиненіе. Намъ извѣстно и русское изданіе этого регламента, описанное во 2-й части подъ 1706 годомъ. Въ опроверженіи, помѣщенномъ за регламентомъ, прежде всего сообщено, что о подвигахъ Петра говоритъ съ удивленіемъ весь міръ, и что даже китайцы считаютъ постановленія царя схожими съ ученіемъ, преподаннымъ Конфуціемъ. Несмотря однако на такую извѣстность государя, является пасквиль подъ именемъ «письма знатнаго нѣмецкаго офицера», наполненный ядовитыми клеветами и ложью. Далѣе намекается, что одна сосѣдственная нація (т. е. Швеція) принимала большое участіе въ распространеніи пасквиля, и это по тому (продолжаетъ опроверженіе), что царь вознамѣрился образовать свое войско съ помощію иностранныхъ офицеровъ, вступленію которыхъ въ русскую службу хотятъ помѣшать нѣкоторые.

Въ одномъ мѣстѣ письма нѣмецкаго автора, между прочимъ, сказано, что на пиру царь наградилъ пощечиною польскаго посла за то, что этотъ не стерпѣлъ насмѣшекъ молодаго любимца Александра Даниловича. Авторъ отвѣта не удовольствовался опроверженіемъ событія, но вступился и за то, какъ смѣлъ авторъ обвиненія отозваться о Меншиковѣ безъ упоминанія его титуловъ и званій — по всему видно, что въ этомъ авторъ отвѣта замѣтилъ намекъ на незнатное происхожденіе любимца. «Нашъ пасквилянтъ, сказано въ отвѣтѣ, показываетъ слабый умъ и нечестныя низкія чувства (malhonnetes und canailleuses Gemüth!) тѣмъ еще, что онъ легкомысленно обращается съ знаменитымъ родовымъ прозваніемъ господина губернатора кн. Меншикова съ цѣлью, чтобы содѣлать эту особу презрительною и ненави-

стною. Кн. Меншиковъ происходитъ изъ хорошей дворянской фамиліи, которая довольно извѣстна на Литвѣ. Отецъ г. губернатора былъ офицеромъ семеновскаго его царскаго величества полка, и до сихъ поръ у него много родственниковъ, владѣющихъ помѣстьями около Минска и вмѣняющихъ себѣ въ особую славу, что одинъ изъ нихъ такъ высоко вознесенъ за свои заслуги»... За тѣмъ слѣдуетъ длинный списокъ качествъ Меншикова—качествъ, которыхъ не признаетъ однако безпристрастная исторія. Замѣчательно, что авторъ, желая возвысить своего героя предъ иностранцами, прибавляетъ, что «онъ умѣлъ, для пользы своего государя, воспользоваться всѣми хорошими привычками, обычаями, правилами, церемоніями и вѣжливостью иностранныхъ дворовъ, и вообще государственными и правительственными началами, подобно тому, какъ вода, пробѣгая по минеральнымъ слоямъ земли, пріобрѣтаетъ вкусъ и силу ихъ»...

Изъ любопытныхъ и, повидимому, достойныхъ вѣроятія извѣстій о царѣ сообщаемъ слѣдующій анекдотъ: «Его царское величество зашелъ однажды въ палатку къ нѣмцу, у котораго на столѣ, между разными книгами, лежали Политика Аристотеля и Сатиры Ювенала. Петръ, узнавъ объ этихъ заглавіяхъ, сказалъ: «прилежнымъ и честнымъ быть—вотъ лучшая политика частныхъ людей; но у знатныхъ господъ ее должно быть очень мало, при отсутствіи страха господня и настоящей силы и мощи осуществлять благоразумно задуманныя предпріятія. Что же касается до сатиръ, то онѣ въ нашей странѣ были бы запрещены подъ строгимъ наказаньемъ.» Когда же Царю объяснили бѣгло содержаніе сатиръ и о томъ, что онѣ не пасквили и что Ювеналъ хотя осмѣивалъ дурные обычаи и нравы римлянъ колко, но вѣжливо и разумно, съ присоединеніемъ прекрасныхъ нравоученій; въ доказательство чему Петру переведены были 11 стиховъ X сатиры (Orandum est, ut sit mens sana in corpore sano), и ему они такъ понравились, что онъ не только удержалъ ихъ въ памяти, но и часто ихъ перефразировалъ, а потомъ, выписавъ Ювенала въ голландскомъ переводѣ, заставлялъ читать себѣ оттуда многія мѣста» [1]).

Въ концѣ описываемой брошюры сказано, что быть можетъ найдутся люди, которые возразятъ, что защищеніе является уже поздо такъ какъ письмо нѣмецкаго офицера напечатано годъ томъ назадъ но истину высказывать никогда не поздо, притомъ же если бы оставить письмо безъ отвѣта, то могутъ подумать, что русская партія не въ состояніи отвѣчать на обвиненія и принимаетъ ихъ молча.

Обращаясь къ запискѣ Гюйссена, узнаемъ, что въ бытность свою въ Вѣнѣ онъ передѣлалъ въ русскомъ гербѣ цвѣта, согласно съ современными требованіями геральдики, и велѣлъ вырѣзать изображеніе его на мѣди, которое съ объясненіями напечатано въ Саксоніи два

[1]) Отсюда этотъ анекдотъ перешелъ потомъ въ Das veränderte Russland Вебера, II, 23, 24.

раза. Въ 1707 г., въ Вѣнѣ же неутомимый баронъ занимался разными дипломатическими и полицейскими продѣлками противъ шведовъ, Лещинскаго и поляковъ. Извѣстно, что въ сентябрѣ 1706 г., Августъ II неожиданно отступилъ отъ союза съ Петромъ и, начавъ тайно переговоры съ Карломъ XII, кончилъ мирнымъ трактатомъ съ Швеціею въ Альтранштадтѣ. Гюйссену удалось «чрезъ добрыхъ друговъ» достать изъ непріятельской канцеляріи статьи этого трактата, которыя были пересланы царю, а Гюйссенъ сочинилъ при томъ, какъ сказано въ рукописной запискѣ, «мечтанія» о помянутомъ трактатѣ но напечатать ихъ въ Австріи ему не удалось [1]). Кромѣ того, «грамоты, которыя свѣтлѣйшій кн. Меншиковъ послалъ къ генералу Мардефельду и къ другимъ шведскимъ офицерамъ, подъ Калишемъ въ полонъ взятымъ, на пароль по своеручной ихъ запискѣ въ Саксонію отпущенными, а не возвратившимся и размѣну полоненниковъ или картелу по обѣщанію своему не принявшимъ,—тѣ грамоты онъ, Гюйссенъ, при цесарскомъ дворѣ въ Вѣнѣ пребывающе, предъ шведскимъ посланникомъ присутствующимъ, знатнымъ особамъ прочиталъ, списки со оныхъ раздавалъ, и печатныя публиковалъ; а оригинальныя письма онъ велѣлъ чрезъ подлинныхъ людей въ Саксоніи имъ самимъ (т. е. шведскимъ офицерамъ) вручить, а отвѣту прошалъ, но сего не послѣдовало»...

Впродолженіи всего этого времени, Гюйссенъ много испыталъ хлопотъ и безпокойствъ ради ложныхъ извѣстій о Россіи со стороны шведовъ. Баронъ также проспилъ Гпица, издававшаго въ Парижѣ на французскомъ языкѣ походы Карла XII, удержаться отъ неприличныхъ, по мнѣнію Гюйссена, выраженій, при чемъ указаны ложныя и превратныя извѣстія, которыя были исправлены потому во 2-й части [2]).

Въ 1708—9 годахъ, Гюйссенъ, будучи въ Россіи при царѣ, много писалъ дипломатическихъ бумагъ, между прочимъ по дѣлу объ удо-

---

[1]) Въ Mémoires historiques par Lamberty (IV, 440—441) есть извѣстіе, что по случаю альтранштадтскаго мира явилось много печатныхъ и рукописныхъ сочиненій, гдѣ оспаривалось мнѣніе, что миръ дѣйствительно заключенъ, почему Августъ II вынужденъ былъ особымъ манифестомъ въ 1707 г. подтверждать его дѣйствительность: Notum testatumque sit, quod cum diversæ litteræ, instructiones ac mandata post pacem... in Polonia publicata reperiantur, unde quidam ansam arripiunt, ipsam pacem tam solenniter firmatam ac ratihabitam in dubium vocandi, qua propter ne scripta ejus modi occasionem præbeant suspicionum, quibus restaurata feliciter inter utramque Regiam majestatem amicitia solicitari ac intepescere posset»...

[2]) Здѣсь, должно предполагать, рѣчь идетъ о сочиненіи de Grimarest подъ названіемъ: Les campagnes de Charles XII, roi de Suède, которое въ первый разъ вышло въ Парижѣ 1705 г. въ одной части; второе же изданіе было сдѣлано въ Гагѣ, въ 2-хъ частяхъ: 1-я. 1707, 2-я 1708 г.

влетвореніи графа Матвѣева за оскорбленіе его въ Лондонѣ [1]). Въ Москвѣ баронъ былъ озабоченъ приготовленіями къ торжественному въѣзду царя послѣ полтавской баталіи [2]). Въ 1709 г., баронъ напечаталъ нѣсколько сочиненій въ честь царя, а въ 1710 г. отправился съ царевичемъ въ Германію, гдѣ хлопоталъ о бракосочетаніи его съ вольфенбиттельскою принцессою, и пригласилъ Лейбница на свиданіе съ царемъ въ Торгау.

Въ 1713 г., въ Петербургѣ Гюйссенъ, по приказанію царя, составилъ: a) о должности фискала и значеніи сената въ разныхъ государствахъ; b) о правѣ первородства, и c) объ обязанностяхъ лифляндцовъ присягать и повиноваться русскому правительству. Далѣе онъ обязанъ былъ писать проекты: 1) объ образованіи коллегій и учрежденіи чиновъ, что̀ хотя измѣнено потомъ, однако Гюйссенъ съ величайшимъ стараніемъ извлекалъ изъ европейскихъ законодательствъ все лучшее, что̀ могло въ отношеніи чиновъ и коллегій быть введено въ Россіи; 2) о способахъ пожалованія графскаго, баронскаго и дворянскаго достоинствъ и о формѣ относящихся къ нимъ документовъ; 3) о герольдмейстерской коллегіи, о значеніи титула, церемоніала, отправленія и пріема пословъ; 4) объ учрежденіи школъ, гимназій и академій для морскихъ и сухопутныхъ кадетъ, также для наукъ и искусствъ; 5) объ обществѣ ученыхъ, знающихъ юриспруденцію, математику и исторію, чтобы пересматривать, переводить и издавать полезныя книги; 6) объ открытіи публичной библіотеки и зала для искусствъ и естественныхъ наукъ; 7) объ улучшеніи типографіи; 8) о почтахъ; 9) о мануфактуристахъ, промышленникахъ и художникахъ; 10) о сельскомъ хозяйствѣ; 11) о правильной постройкѣ домовъ, согласно предписаннымъ образцамъ, и, наконецъ, 12) объ умноженіи, содержаніи и улучшеніи произведеній страны. Въ рукописной запискѣ, Гюйссенъ говоритъ, что постановленія о чинахъ и коллегіяхъ онъ «изъ цессарскихъ, французскихъ, итальянскихъ, англійскихъ, прусскихъ и голландскихъ регламентовъ, кото-

[1]) Письмо по этому случаю отъ царя къ англійской королевѣ, отъ 17 сентября 1708 г., напечатано на латин. яз. въ Mémoires historiques par Lamberty V, 175 — 176. На русскомъ изданo было при Петрѣ описаніе, какимъ образомъ происходило удовлетвореніе отъ англійскаго правительства за оскорбленіе Матвѣева. Подлинное печатное извѣстіе мнѣ не удалось видѣть, а въ перепечаткѣ оно помѣщено въ Журналѣ или под. запискѣ П. В. ч. II, стр 224 — 235. Въ П. Б. есть то же описаніе на франц. и нѣмецкомъ яз.: Relation de ce que s'est passé à Moscow le $^{5}/_{16}$ de février 1710, le jour que s. m. cz. Pierre I, empereur de la grande Russie admit à l'audience publique s. exc. M. Charles Withworth etc., s. l. 1710 (f°) и Relation von der offentlichen Audientz, welche J. M. der Königinn von Grosbritanien Extraordinaire Ambassadeur H. C. Withworth bey J. G. Cz. Majeztät in Moscou gehabt, s. l. et a., 4°.

[2]) Подробности этого торжества напечатаны въ Europäische Fama, 1710, XCVII, 61 sq. XCVIII, 157 sq. Есть о томъ и отдѣльная брошюра на нѣм. яз., ср. Вѣдомости 1709 года, описанныя во 2 части.

рыхъ своими проторми промышлялъ, самопотребное что въ россійское государство ввести можно сочинилъ чрезъ четыре переводчика, а именно: Келлермана, Ларіонова и обоихъ братьевъ Волковыхъ, которымъ онъ въ то время вдругъ дѣло давъ перевести, велѣлъ еще и регламентъ о рангахъ ото всѣхъ дворовъ собрать, и проектъ подалъ».

Гюйссенъ имѣлъ также повелѣніе о выгравированіи на мѣди изображеній всей царской фамиліи и знатнѣйшихъ изъ русскихъ министровъ и генераловъ съ тѣмъ, чтобы гравюры, для прославленія ихъ именъ, были приложены въ Europäische Fama и Staats-Spiegel, вмѣстѣ съ хорошими описаніями. Видѣли выше, что въ первомъ изъ журналовъ помѣщались портреты, какъ Петра, такъ и его министровъ.

Что касается до втораго изданія, то оно выходило въ Гагѣ, съ 1709 г., подъ заглавіемъ: «Neu eröffneter Welt und Staats Spiegel worinnen die in Europa, wie auch denen andern Theilen der Welt vornehmlich aber in Teutschland vorfallende merckwürdigen Begebenheiten kürtzlich vorgestellet, auch alles mit behörigen Documenten an Memorialien, Briefen, Relationen, und der gleichen erläutert, einige Anmerckungen beigefüget und verschiedenes aus der Geographie, Genealogie, Politica und Historie erörtert wird». Здѣсь прилагались также портреты замѣчательныхъ владѣтельныхъ особъ и генераловъ, работы саксонскаго гравера Бернигероденса (Bernigerodens). Вообще всѣ изданія, гдѣ Гюйссенъ, по собственному выраженію, споспѣшествовалъ составленію статей, отличались сочувствіемъ ко всему, что происходило въ тогдашней Россіи, чѣмъ и разнились отъ другихъ иностранныхъ журналовъ, о которыхъ нѣтъ упоминаній въ запискѣ барона. Въ Welt und Staats Spiegel находимъ статьи о Россіи въ самыхъ лестныхъ для нея отзывахъ. Такъ напр. въ 1-й же части этого изданія (стр. 129, 130), при извѣстіи о полтавской битвѣ, читаемъ: «При этомъ, мы не будемъ говорить объ основателѣ московскаго государства, напомнимъ только, что Россія начала пользоваться бо́льшимъ спокойствіемъ съ 1613 года, т. е. со времени вступленія на престолъ ѳедоровской (т. е. романовской) фамиліи, которая по матери происходитъ отъ Васильевича великаго (т. е. Іоанна Грознаго). Сего государя ославилъ тираномъ одинъ безталантный историкъ, такъ какъ онъ не могъ различить завоевателя отъ тирана. Но изъ всѣхъ членовъ этой фамиліи справедливо считается знаменитѣйшимъ нынѣ царствующій государь Петръ Алексѣевичъ, одаренный огромными умственными способностями. Онъ не только самъ своею собственною высокою особою посѣтилъ знатнѣйшія европейскія государства (чего до него ни одинъ изъ царей не дѣлалъ), но и положилъ основаніе къ будущему просвѣщенію и преуспѣянію своей страны, для каковой цѣли и призваны многіе способные иноземцы. Особенно войско приведено царемъ въ такое состояніе, въ какомъ до того никогда не было»... За

тѣмъ слѣдуютъ краткія извѣстія о войнѣ съ Швеціею, а о полтавскомъ сраженіи напечатано письмо русскаго генерала Аллярда.

Въ 1711 г., въ томъ же Welt-Spigel [1]) есть описаніе пребыванія Петра въ Карлсбадѣ, начинающееся такъ: «Московскій Марсъ, въ краткое путешествіе свое изъ Польши въ Карлсбадъ, успѣлъ доказать на дѣлѣ знанія и любовь къ математикѣ и механикѣ. Такимъ образомъ вторично оправдалось то, что́ уже было о немъ вырѣзано на металлѣ:

Hunc Marte togaque
Praecipuum non bella magis finita triumphis,
Resque domique gestae, properataque gloria rerum,
In fidus vertêre novum
Nullus unquam antehae Principes pari curâ
Belli munia et pacis ornamenta coluit.

Потомъ слѣдуетъ перечень всего, что́ было осмотрѣно и сдѣлано царемъ въ его поѣздку, а въ концѣ помѣщены нѣмецкіе стихи на бракосочетаніе царевича Алексѣя Петровича. Къ XXXVII ч. этого журнала приложенъ портретъ царя.

Въ числѣ заслугъ Гюйссена, записка упоминаетъ о томъ, что онъ убѣдилъ ученаго Гравину напечатать похвальное слово Петру [2]). Баронъ также споспѣшествовалъ посвященіямъ и прекраснымъ извѣстіямъ (herrlichen Nachrichten) о Россіи въ изданіяхъ: a) послѣдней части Bilder Saals; b) обонхъ Sammlungen Staats Remarquen, Амвросія Лемана; c) Zeitungs Lexikon, Іоанна Гюбнера; d) историческомъ и географическомъ описаніи Россіи на итальянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и e) перевода панегирика Прокоповича по случаю полтавской побѣды (о семъ послѣднемъ говорится во 2 ч. подъ 1709 г.).

Редакторомъ упоминаемаго въ первомъ пунктѣ изданія былъ Имгофъ (Imgof); оно носило заглавіе Neu eröffneten historischen Bilder Saals и въ V, VI и VII частяхъ его находимъ, дѣйствительно, извѣстія о русскихъ происшествіяхъ. Такъ въ V ч. (стр. 847—861), періодъ русской исторіи съ 1680 по 1700 годъ расказанъ по свѣдѣніямъ изъ описанной выше Relation von Mosc. Reichs, причемъ приложены три небольшія гравюры: на одной изображено побіеніе бояръ стрѣльцами; на второй — въѣздъ царя въ Москву послѣ взятія Азова, и на третьей — (изъ перваго путешествія царя по Голландіи) Петръ, въ русскомъ платьѣ, и около него европеецъ, объясняющій чертежи. Въ VI ч. (стр. 539—543) описаніе русскихъ извѣстій примѣчательно тѣмъ, что тамъ превознесенъ похвалами самъ Гюйссенъ: «Для царевича Алексѣя Петровича, сказано тамъ, нуженъ былъ наставникъ не только

---

[1]) Th. XXXV, 955.

[2]) Іоаннъ Винцентъ Гравина (Gravina), профессоръ правъ въ Римѣ (род. 1664 † 1718), полное собраніе сочиненій его издано въ Лейпцигѣ 1717 и 1737 г., а въ Неаполѣ 1743 г. подъ заглавіемъ: Nuova raccolta dopusculi d. G. V. Gravina.

для преподаванія науки царствовать, но и знакомый съ Европой и путешествовавшій по ней. Съ этою цѣлью, избранъ былъ изъ многихъ тотъ, который сопровождалъ въ путешествіи сына извѣстнаго прусскаго министра Данкельмана и пріобрѣлъ себѣ повсюду всеобщее уваженіе. Благоразумный воспитатель успѣлъ въ короткое время преподать царевичу науки столь успѣшно, что онъ могъ считаться за просвѣщеннѣйшаго изъ всѣхъ европейскихъ принцевъ. Инструкція, сообразно которой обучался царевичъ, была составлена самимъ Гюйсеномъ и найдена превосходною во всей Европѣ». При этомъ сдѣлана ссылка на упомянутые уже выше Relation von dem gegenwärtigen Zustande des Mosc. Reichs и Leben und Thaten des Czaars съ такимъ прибавленіемъ, что Гюйссенъ, за свои заслуги, былъ почтенъ званіемъ посланника при вѣнскомъ дворѣ, что̀ служитъ доказательствомъ, что въ Московіи нынѣ все измѣнилось и тамъ уже умѣютъ цѣнить способности и таланты иностранцовъ. Въ VII ч. (стр. 357 и 749), краткія извѣстія о побѣдахъ царя въ 1708—10 годахъ; приложенныя при томъ гравюры не представляютъ ничего любопытнаго.

Объ изданіи Амвросія Лемана, упоминаемомъ Гюйссеномъ во второмъ пунктѣ, невозможно ничего сказать, такъ какъ видѣть его намъ не случалось. Знаемъ только, что оно выходило въ Гамбургѣ въ 1699—1708 годахъ подъ заглавіемъ Historische Remarques der neuesten Sachen in Europa, редакторъ которыхъ Леманъ издавалъ также Nova litteraria Germaniæ; что̀ въ послѣднихъ участвовалъ Гюйссенъ, говорено̀ уже было выше.

Что касается до географическаго и историческаго описанія Россіи, то оно есть въ Публичной библіотекѣ на двухъ языкахъ: Relazione geografica storicopolitica dell'Imperio della gran Russia o'sia Moscovia con le vite et azione più memorabili de'passati regnanti sino al tempo di S. M. Cz. Pietro primo oggi dominante, съ посвященіемъ Елизаветѣ-Христинѣ, германской императрицѣ, супругѣ Карла IV и сестрѣ принцессы вольфенбюттельской, бывшей въ замужествѣ за царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Это изданіе состоитъ изъ двухъ частей (I—292 стр., II—137 стр.) и напечатано въ Миланѣ у Марка Антонія Пандольфа Малатесты (stampatore reg. com.), безъ означенія года, но подъ посвященіемъ и разрѣшеніемъ печатать выставлены январь и мартъ 1713 года; первое подписано Giovan Christoforo Wartis, austriaco Vienna Neostadiense. Это сочиненіе переведено потомъ на нѣмецкій и напечатано, вмѣстѣ съ переводомъ извѣстнаго труда капитана Перри, подъ заглавіемъ: Das jetzige Staat von Russland; въ 1 части — описаніе Перри, а во 2-й—переводъ итальянской Relazione (Лейпцигъ, 1717 г., издатель Морицъ Видманъ). При 2-й части приложено никѣмъ не подписанное предисловіе къ читателю, въ которомъ говорится, что весьма любопытно знать состояніе такой страны, какъ Россія, потому что впродолженіи послѣднихъ 20-ти лѣтъ на нее обра-

щено вниманіе всей Европы. Для удовлетворенія любознательности многихъ, необходимо точное описаніе этого государства, а это не легко, такъ какъ и о странахъ просвѣщенныхъ и извѣстныхъ часто сообщаютъ ложныя свѣдѣнія. Въ послѣднее время царь успѣлъ сдѣлать столько удивительныхъ преобразованій, что прежнія сочиненія уже не могутъ дать о нихъ вѣрнаго понятія. Должно надѣяться, что сама Россія будетъ мало-по-малу доставлять о себѣ извѣстія въ предназначаемыхъ для публики сочиненіяхъ. Путешествія знатныхъ русскихъ и нынѣшняя тяжелая война прибавили матеріалу для современной исторіи, а желаніе могущественнаго монарха споспѣшествовать всему, что̀ служитъ къ славѣ и благоденствію его подданныхъ, подаетъ надежду, что онъ, при ежедневно возрастающемъ процвѣтаніи литературы въ своей странѣ, озаботится, чтобы современникамъ и потомкамъ осталось удовлетворительное описаніе его великихъ дѣяній и имъ предпринятыхъ высокославныхъ преобразованій [1]). Въ ожиданіи такого описанія, не должно пренебрегать нѣкоторыми сочиненіями о Россіи и особенно замѣчательнымъ по обилію матеріаловъ на итальянскомъ языкѣ (слѣдуетъ заглавіе изданія Малатесты). Не подлежитъ сомнѣнію, что авторъ этого произведенія получилъ всѣ сообщенныя имъ извѣстія отъ русскаго двора и чрезъ то былъ въ состояніи вѣрнѣе и лучше изложить всѣ событія. Наконецъ предисловіе и потому рекомендуетъ читателямъ Relazione, что изъ нея можно познакомиться съ Россіею легко и удобно. Замѣчательно, что и въ Relazione помѣщены, съ незначительными измѣненіями, тѣ же извѣстія, съ тѣми же промахами, которые находимъ въ изданной 1706 г., Relation von dem Zustande des Mosc. Reichs; дополненія же противъ нея въ жизнеописаніи Петра взяты также изъ знакомаго намъ источника, именно: Ausführliche Beantwortung des freventlichen und lügenhaften Pasquils (см. выше).

Въ главѣ о наслѣдникѣ престола говорится съ величайшею похвалою объ успѣхахъ и занятіяхъ царевича; потомъ рѣчь идетъ о наблюдателѣ за воспитаніемъ его, кн. Меншиковѣ, въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, которыя мы привели изъ Ausführliche Beantwortung. Не пропущенъ также случай похвалить и самого Гюйссена [2]): «его царское величество довѣрилъ и передалъ должность воспитателя наслѣдника престола — господину барону Гюйссену, нѣмцу по про-

1) Извѣстно, что по волѣ царя Гюйссенъ собиралъ матеріалы для исторіи его царствованія. Вообще все предисловіе напоминаетъ сильно манеру и пріемы самого барона.

2) Селлій въ Schediasma litterarium, между прочимъ, говоря о заслугахъ Гюйссена пишетъ: «interea evolvantur de eo Malatesta l. c. T. II, p. 357»... но на предъидущихъ страницахъ не означено сочиненія Малатесты, а потому и оставалось неизвѣстнымъ, на какое именно сочиненіе ссылался Селлій: по прочтеніи Das jetzige Staat von Russland оказывается, что его хотѣлъ цитировать Селлій: тамъ на стр. 357, II ч. находятся похвалы Гюйссену, которыя здѣсь и помѣщаются.

исхожденію, который съ необычайнымъ прилежаніемъ и стараніемъ преподаетъ многія науки царевичу, въ то же время исполняетъ должность дѣйствительнаго военнаго тайнаго совѣтника и почитается за ученѣйшаго и способнѣйшаго человѣка. Знаній у него бездна, но особенно ему извѣстны юриспруденція и иностранные языки. Баронъ любитъ ученыхъ и старается, по возможности, дѣлать имъ добро, защищаетъ ихъ противъ завистливыхъ придворныхъ изъ русскихъ и доставляетъ имъ случай войти въ милость къ царю и его приближеннымъ. Однимъ словомъ, Гюйссенъ—это меценатъ всѣхъ иностранныхъ ученыхъ, а потому ему обязаны, въ бо́льшей части случаевъ, водвореніемъ въ Москву многихъ изъ нихъ; при чемъ баронъ, по благоразумію своему, уничтожилъ тѣ препятствія, которыя встрѣчались при русскомъ дворѣ. Въ царевичѣ онъ вкоренилъ такое хорошее мнѣніе и уваженіе къ нѣмцамъ и другимъ иноземцамъ, что никто не въ состояніи поколебать его въ томъ, если только сами иностранцы будутъ держаться въ благоразумныхъ предѣлахъ и исполнять свои обязанности. Все, чѣмъ былъ Аристотель при Александрѣ Великомъ, Сенека — при Неронѣ, Аполлоній — при Маркѣ-Антоніѣ, все это можно, по справедливости, примѣнить и къ господину барону съ тѣхъ поръ, какъ на него возложены надзоръ и воспитаніе царевича. Навѣрное, когда нибудь Россія возблагодаритъ этого человѣка, по крайней мѣрѣ представится случай выказать уваженіе и благодарность барону, какъ лицу, заботамъ и благоразумію котораго страна будетъ обязана правленіемъ подъ скипетромъ свѣтлѣйшаго Алексѣя Петровича».

Кромѣ занятій по составленію исторіи царствованія Петра, о которыхъ будетъ говорено въ главѣ объ историческихъ трудахъ въ Россіи (см. ниже стр. 319–321), Гюйссенъ, по его словамъ, переводилъ на нѣмецкій языкъ «Книгу воинскій уставъ», сочиненную Петромъ и описанную подъ № 345, во 2-й ч. «И тако онъ, сказано въ рук. запискѣ, по часту въ одно время совѣтникъ, канцеляристъ (писатель), секретарь, переводчикъ и списатель былъ... По его императорскаго величества превысокому повелѣнію, онъ же, Гюйссенъ, уставилъ (около 1717 г.) статьи преславнаго ордена св. Андрея пространно, съ приписными на краѣ примѣчаньями и дополненіемъ статей кавалерскихъ на свѣтѣ орденовъ написалъ; да г. барону Шафирову еще французскій свой переводъ меморіалу, что́ государевъ резидентъ въ Лондонѣ Веселовскій подалъ, долженствениѣ вручилъ» (о немъ во 2 части подъ № 442).

Послѣднимъ литературнымъ дѣломъ барона Гюйссена именована въ его запискѣ надпись, сочиненная имъ на латинскомъ языкѣ по приказанію Екатерины I, въ воспоминаніе подвиговъ Императора. Эту надпись Рабенеръ приложилъ въ концѣ своей компиляціи, вы-

шедшей въ Германіи въ самый годъ кончины государя, подъ заглавіемъ: Leben Petri des Ersten [1]).

По смерти Петра, баронъ Гюйссенъ имѣлъ пристанище въ домѣ цесарскаго посланника фонъ-Остейна, который, наконецъ, говорилъ о немъ императрицѣ и, вслѣдствіе того, Гюйссенъ получилъ денежное вознагражденіе; но онъ имъ не воспользовался, потому что скоро послѣ того его обокрали. Въ 1740 г., Гюйссенъ въ глубокой старости поѣхалъ изъ Петербурга, чтобы кончить дни свои на родинѣ, и дорогою умеръ на кораблѣ близъ Борнгольма—его могила на морскомъ берегу, въ Гельсингерѣ (Helsingör).

VI.

Состояніе духовныхъ училищъ въ началѣ XVIII вѣка. Навигаторская школа въ Москвѣ, Морская академія въ Петербургѣ. Цифирныя школы. Глюкъ и его гимназія въ Москвѣ. Свидѣтельство доктора Бидлоо о первомъ госпиталѣ въ Россіи. Школа шведскихъ плѣнныхъ въ Тобольскѣ. Современныя иностранныя извѣстія о состояніи просвѣщенія въ тогдашней Россіи.

Въ I главѣ настоящаго труда было говорено о значеніи кіевской духовной академіи для русскаго просвѣщенія начала XVIII вѣка. Изъ исторіи этого учебнаго заведенія [2]) видно, что въ то время составъ, направленіе и учрежденія его остались въ томъ же положеніи, въ какомъ находились въ XVII вѣкѣ. Несмотря на то, кіевская академія пользоваться стала большимъ вліяніемъ на образованіе духовенства въ Россіи, когда была преобразована московская духовная академія. Историкъ ея [3]), описывая періодъ съ 1700 по 1775 годъ, прямо говоритъ, что всѣ значительныя перемѣны, тамъ происходившія, главнѣйше состояли въ томъ, что греческія школы братьевъ Лихудовъ были замѣнены латинскими, что бо́льшая часть начальниковъ и преподавателей были изъ духовныхъ, воспитывавшихся или за границей (Стефанъ Яворскій, Палладій Роговскій, Θеофилактъ Лопатинскій), или въ кіевской академіи (Гавріилъ Бужинскій, Іосифъ Туробойскій и др.), и что, наконецъ, эти люди «ввели въ жизнь академіи (московской) порядки, изстари заведенные въ Кіевѣ, словомъ—сообщили ей свой духъ и направленіе».

---

[1]) Въ Публичной библіотекѣ есть принадлежащее перу барона Гюйссена: «Epithalamium in nuptias Caroli Frederici hæredis Norvegiæ cum principe Anna Petride», Revaliæ, 1725.

[2]) Исторія кіев. академіи, соч. Макарія Булгакова, Спб. 1843 г.

[3]) Исторія моск. акад., Сергѣя Смирнова, Москва. 1855 г., стр. 81.

Кромѣ вліянія на московскую академію, кіевская, посредствомъ своихъ воспитанниковъ, распространяла свое направленіе и на школы, учреждавшіяся въ разныхъ епархіяхъ, что̀ подробно можно видѣть изъ исторіи той академіи.

Вопросъ о состояніи просвѣщенія въ до-петровской Россіи до сихъ поръ есть вопросъ спорный. Какъ защитники реформы, такъ и противники ея, при недостаткѣ положительныхъ данныхъ, обыкновенно защищаютъ свои убѣжденія не столько фактами, сколько умозрѣніями и предположеніями. Между тѣмъ, въ историческихъ вопросахъ окончательные выводы всегда будутъ шатки, если не подтверждаются массою положительныхъ и не подлежащихъ сомнѣнію свѣдѣній о происходившемъ въ извѣстную эпоху. Поэтому, при разсмотрѣніи состоянія русскихъ школъ въ началѣ XVIII вѣка, мы, не опасаясь упрековъ въ сухости и безцвѣтности изложенія, рѣшаемся представить сырые матеріалы, которые уцѣлѣли въ одномъ старинномъ дѣлѣ объ училищахъ, заведенныхъ при Петрѣ для образованнѣйшаго изъ тогдашнихъ русскихъ сословій—духовенства.

Прежде всего напомнимъ, что въ Духовномъ регламентѣ, изд. въ 1721 году, епископы обязаны были заводить при архіерейскихъ домахъ школы. При томъ упомянуто было о необходимости просвѣщенія въ духовенствѣ и это сдѣлано такимъ образомъ, что мнѣніе о вредѣ ученія вообще (ср. I главу настоящаго труда) подвергается уже опроверженію: «когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму Церкве поведенію, нельзя не быть нестроенію и многимъ, смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересемъ. Дурно многіе говорятъ, что ученіе виновное есть ересей: ибо, кромѣ древнихъ отъ гордаго глупства, а не отъ ученія бѣсновавшихся еретиковъ... наши русскіе раскольщики не отъ грубости ли и невѣжества толь жестоко возбѣсновалися?... И если посмотримъ чрезъ исторіи, аки чрезъ зрительныя трубки, на минувшіе вѣки, увидимъ все худшее въ темныхъ, нежели въ свѣлыхъ ученіемъ временамъ. Не спѣсивились такъ епископы до 400-го лѣта, какъ послѣ возгорѣлися, наипаче константинопольскій и римскій — ибо тогда было ученіе, а послѣ оскудѣло».

Въ 1722 г., было объяснено, что «за скудостью довольныхъ учителей», обученіе въ помянутыхъ школахъ должно состоять изъ преподаванія букваря, сочиненнаго Прокоповичемъ (Первое ученіе отрокамъ) и славянской грамматики, изданной въ Москвѣ Поликарповымъ [1]).

14 іюля 1727 г., верховный тайный совѣтъ требовалъ изъ синода свѣдѣній: «при всѣхъ ли епархіяхъ школы и ученики по силѣ Духовнаго регламента содержатся? Сколько въ которой епархіи

[1]) Полное соб. зак. VI, № 4021.

тѣхъ учениковъ сначала было и нынѣ обрѣтается, и до какихъ наукъ произошли, и въ какое достоинство куда произведены? А буде зачѣмъ въ которой епархіи таковыхъ школъ и учениковъ несодержится, о томъ объявить именно. И по силѣ того регламента, на пропитаніе учениковъ всякаго хлѣба, отъ монастырей — 20-я, а отъ церковныхъ земель — 30-я часть, берется ли? Такожъ о учиненіи семинарій, каковъ состоялся указъ — изъ какихъ денегъ или доходовъ оныя содержать повелѣно, о томъ съ того указу копію, а гдѣ по тому указу тѣ семинаріи учинены и въ какомъ состояніи нынѣ обрѣтаются, о томъ вѣдомость подать».

Представленныя, вслѣдствіе этого запроса, свѣдѣнія и сообщаются здѣсь, какъ статистическія данныя для опредѣленія степени просвѣщенія между русскимъ духовенствомъ въ концѣ царствованія Петра и два или три года спустя послѣ его кончины [1]).

Кіевская епархія.

Въ донесеніи 1727 г. изъ Кіева читаемъ: «понеже кіевское училищное коллегіумъ отъ давныхъ зѣло лѣтъ есть заведенное и учениковъ въ немъ повсегда немалое число обрѣтается, того ради тѣхъ учениковъ, какъ сначала было и по се время, изчислити невозможно», поэтому были составлены вѣдомости о наличныхъ въ томъ году учителяхъ и ученикахъ. Въ числѣ первыхъ показаны: іеромонахи — Иларіонъ Левицкій, теологіи (онъ же ректоръ коллегіума), Амвросій Дубневичъ (префектъ), философіи, Стефанъ Калѣновскій, риторики, Иннокентій Нероновичъ, поэтики, Амвросій Юскевичъ, синтаксимы, Климентъ Чарнѣцкій, грамматики. Іеродіаконы: Ѳеофанъ Трофимовичъ, инфимы, Леонтій Злобнѣцкій, фары. Учениковъ въ теологіи — 48; въ философіи — 84; въ риторикѣ — 79; въ поэтикѣ — 84; въ синтаксимѣ — 94; въ грамматикѣ — 61; въ инфимѣ — 84; въ фарѣ — 117; а всего — 654 человѣка. «А оные ученики, прибавлено въ отчетѣ, на какомъ коштѣ содержатся и чѣмъ довольствуются, и, по силѣ регламента, отъ монастырей и отъ церквей хлѣбъ берется ли — о томъ не объявлено [2])».

Черниговская епархія.

«Школы въ Черниговѣ, сказано въ отчетѣ, при монастырѣ каѳедральномъ (т.-е. троицкомъ ильинскомъ) обрѣтаются съ начала 1700 г. по риторику, а сколько учениковъ было въ школахъ по сю пору — о томъ неизвѣстно, первіе для того, что оныхъ нигдѣ не за-

---

[1]) Извлечено изъ дѣла синодальнаго архива 1727 года іюня 19, № 12/100.

[2]) Коллегіумъ содержался частію на доходы изъ монастыря, частію на подаянія доброхотныхъ дателей, см. Ист. кіев. академіи, Булгакова, 105—111.

шисывано; другое же: нельзя и записывати, понеже суть отходные люди — одны зъ другихъ училищъ приходятъ и отходятъ, и которіи кончатъ школу риторику въ училищѣхъ черниговскихъ, отходятъ въ Кіевъ, или въ другія епархіи (?) до вышнихъ школъ и, скончивши школы, нѣкоторые монашескій чинъ приняли отъ епархіи кіевской, а другіе въ черниговской, и нынѣ въ профессорствѣ зостаютъ; а другіе проповѣдью Слова Божьяго бавятся, а иные произведены до игуменъ и другія достоинства, а которые въ свѣтскомъ стану, иные священниками поставлены, а другіе на мірскихъ властяхъ зостаютъ. Препитаніе же оные ученики имѣютъ: которіи господскія дѣти, тѣ отъ своихъ домовъ питаются; а неимущимъ своего препитанія, по силѣ духовнаго регламента съ начала 1723 г., съ монастырей и земель церковныхъ дается препитаніе и на прочія нужныя требованія по всягодно, сколько имъ контентными быти возможно. Число же тѣхъ учениковъ въ школахъ черниговскихъ сего 1728 г. обрѣтается на лицо всѣхъ господскихъ дѣтей и нищихъ (т. е. недостаточныхъ)— 257, а во окончаніи года — будетъ ли столько, или ни, знати не мощно».

Бѣлоградская епархія.

Епископомъ бѣлоградскимъ и обоянскимъ, въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, былъ Епифаній. У него было заведено 8 школъ, раздѣленныхъ, по обычаю польскихъ училищъ по преподававшимся въ нихъ предметамъ: «Въ филіозофіи, учитель — префектъ, іеромонахъ Митрофанъ Слотынскій, учениковъ 23; въ риторикѣ, учитель іеромонахъ Иларіонъ Григоровичъ, учениковъ 31; въ поэтикѣ, учитель іеродіаконъ Гавріилъ Краснопольскій, учениковъ 23; въ синтаксимѣ и грамматикѣ, учитель іеромонахъ Авксентій Кивачицкій, учениковъ въ первой — 42, во второй — 22; въ инфимѣ, учитель іеромонахъ Варѳоломей Тишчинскій, учениковъ 43; въ фарѣ, учитель іеродіаконъ Петръ Веніовичъ, учениковъ 100; въ славенской, учитель иподіаконъ Петръ Анцовъ, учениковъ 138 — а всего въ школахъ учащихся, въ 1727 г., состояло 420 человѣкъ. На пропитаніе тѣхъ учениковъ по Духовному регламенту не сбирается для того, что церковники своихъ дѣтей учатъ сами собою, а которые за крайнею скудостью прокормиться не могутъ, тѣ питаются отъ дому архіерейскаго въ учрежденной бурсѣ, а монастыри весьма скудны и доходовъ ни откуда не получаютъ, питаются своими трудами и мірскимъ подаяньемъ».

Въ Москвѣ.

«Училища славено-греко-латинскія обрѣтаются въ Москвѣ въ Китаѣ-городѣ, за иконнымъ рядомъ, заведены еще при святѣйшихъ

патріархахъ въ прошлыхъ годѣхъ. И во оныхъ школахъ, сколько сначала было учениковъ и въ какія ученія и достоинства произведены — о томъ невѣдомо, понеже записки не имѣется, а нынѣ (т.-е. въ 1727 г.)... въ русской школѣ 108 человѣкъ, изъ нихъ элементарщиковъ (учившихся по латинскому элементарю) и писцовъ по латинѣ — 23; писцовъ по русски — 44; псалтырщиковъ — 10; часословщиковъ — 23; въ первоначальномъ ученіи — 8. Въ еллино-греческой школѣ — 35 учениковъ, изъ которыхъ произошли до синтаксической науки — 7, до грамматической — 17, въ начаткахъ ученія — 11». Изъ этой школы переведено въ латинскую, въ 1725 г., изучившихъ греческій и русскій языкъ 9 человѣкъ, которые въ 1727 г. произошли до піитической науки; въ числѣ ихъ встрѣчается имя Ивана Коровина, впослѣдствіи переводчика при Академіи наукъ. Въ греческой школѣ было 28 человѣкъ, выучившихся по латинѣ и потому переведенныхъ изъ латинской. «Сіе же, что ученики греческіе вводятся въ латинскія, а ученики латинскіе изъ синтаксимы въ греческія школы, опредѣлено для того, чтобъ были обучены на русскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ».

Въ латинскихъ школахъ состояло 362 учен., изъ нихъ дошли: до науки богословской 12 (въ томъ числѣ Алексѣй Бестужевъ), до философской — 12 (между ними Иванъ Магницкій), до риторической — 21; до піитической — 31. Прочіе учились синтаксису и грамматикѣ, переходя въ греческія школы, а оттуда снова возвращаясь въ латинскія (между ними — Иванъ Поповскій, Степанъ Барсовъ). Въ числѣ послѣднихъ было 34 въ инфимической наукѣ и первоначальномъ обученіи.

Въ спискахъ (7 ноября 1727 г.) лицъ, вышедшихъ изъ славено-латинскихъ школъ «въ прошлыхъ годѣхъ», между прочимъ, значутся: Иванъ Ильинскій «былъ у князя волоскаго Кантеміра переводчикомъ»; Петръ Сафоновъ, иностранной коллегіи переводчикъ на Москвѣ; Игнатій Рудаковъ въ наученіи за моремъ; Александръ Бялосницкій, иностранной коллегіи переводчикъ въ Санктпетербургѣ; Константинъ Лявицкій въ математической школѣ; Иванъ Голятинъ былъ справщикомъ на печатномъ дворѣ въ Петербургѣ; Павелъ Габинскій учителемъ при г. Собакинѣ въ Москвѣ; Иванъ Кременецкій переводчикомъ въ типографіи въ Петербургѣ; Дмитрій Ильинской въ Петербургѣ; Григорій Венсацкій былъ учителемъ у Ивана Никитича Зотова; Степанъ Гембицкій справщикомъ на печатномъ дворѣ въ Москвѣ; Ѳедоръ Голятинъ въ типографіи въ Петербургѣ; Іосифъ Ананьевъ въ домѣ Александра Львовича Нарышкина; Тарасъ Постниковъ учитель школы инфимы; Иванъ Каргопольскій въ Петербургѣ; Александръ Зубовъ по указу отпущенъ туда же; Иванъ Красовскій нынѣ въ Петербургѣ при дворѣ ея императорскаго величества; Филинъ Анохинъ и Василій Козловскій переводчиками при правительствующемъ синодѣ; Иванъ Воейковъ

взятъ по указу въ учители въ Сербію и умре; Иванъ Горлецкій нынѣ обрѣтается въ академіи петербургской сціенціарумъ подъ профессоромъ. Въ китайское государство съ полномочнымъ посланникомъ Саввою Рагузинскимъ—Иванъ Яблонцовъ и Лука Воейковъ [1]).

Въ Петербургѣ, при александроневскомъ монастырѣ.

Первоначально при этомъ монастырѣ была учреждена школа въ октябрѣ 1721 г., и въ нее, «ученія ради, опредѣленъ изъ новгородскія школы грамматистъ, что нынѣ Новгородскаго архіерея иподіаконъ, Продіонъ Тихоновъ. Въ ноябрѣ 1725 г., поступилъ туда для преподаванія латинскаго и греческаго языковъ бывшій учителемъ въ московской еллино-греческой школѣ Аѳанасій Скіада. Съ 1726 года, училъ тамъ ариѳметикѣ и геометріи присланный отъ генералъ-маіора Декулона кондукторъ Иванъ Сосинъ. «Такожде, по силѣ Духовнаго регламента, ко увеселенію учащихся, обучаются нѣкоторые изъ семинаристовъ наемнымъ мастеромъ на музикійскихъ инструментахъ». Съ открытія школы, то есть съ 1721 г., по 1727 г. въ ней было учениковъ 118, изъ нихъ 46 содержались на свой счетъ, а остальные отъ монастыря. Въ ноябрѣ 1727 г. тамъ оставалось 48 человѣкъ. Замѣчательно, что изъ выбывшихъ изъ школы 42 ученика «отстали отъ ученія за невзятіемъ науки и за скорбію». Нѣкоторые школьники перешли въ греко-латинскую семинарію; остальные же твердили букварь, Христовы о блаженствахъ провѣди толкованіе, псалтырь, часословъ; въ математикѣ далѣе раздробленія цѣлыхъ чиселъ и тройнаго правила никто не пошелъ. Петербургская школа отличалась отъ заведенныхъ въ другихъ городахъ тѣмъ, что въ ней было болѣе дѣтей разночинцовъ, мастеровыхъ, подъячихъ и пр.; между ними также встрѣчаются «хлопцы» разныхъ господъ и крестьянскіе дѣти. Въ именныхъ спискахъ учениковъ этой школы находимъ, между прочимъ, такую отмѣтку: «дому императорскаго величества служитель, арапъ Авраамъ вступилъ въ школу 14 марта, 1723 году, изучилъ букваря до 5-й заповѣди и взятъ къ дому императорскаго величества 27 ноября 1724 года». Если арапа, бывшаго при Петрѣ, а потомъ въ Парижѣ, считать за одно лицо съ тѣмъ, который показанъ въ спискахъ петербургской школы учившимся букварю, то прозаическая отмѣтка эконома александроневскаго монастыря, іеродіакона Іосифа Жданова, заставляетъ сильно сомнѣваться въ тѣхъ блестящихъ, поэтическихъ расказахъ о Ганнибалѣ, арапѣ Петра Великаго, которые писалъ его потомокъ, Пушкинъ [2]).

[1]) Здѣсь перечислены бывшіе воспитанники московской академіи, вышедшіе только въ свѣтское званіе.

[2]) Бантышъ-Каменскій и г. Бартеневъ, принимая отрывокъ Пушкина «Арапъ П. В.» за историческое свидѣтельство, заимствовали оттуда всѣ подробности о Ганнибалѣ (Словарь дост. людей и Родъ и дѣтство Пушкина, Отечест. Зап. 1853 г. ноябрь, II, 14 и 15).

Любопытный проектъ Ѳеофана Прокоповича о петербургской семинаріи, поданный въ 1721 г. и такъ ярко обрисовывающій направленіе этого учепаго, помѣщепъ нами въ приложеніи VII.

Новгородская епархія.

Здѣсь, съ 1706 по 1726 г., было учениковъ въ разныхъ школахъ: домовой архіерейской — 284, знаменской — 82, николаевской-разважской — 50, великолуцкой — 67, новоторжской — 82, каргопольской — 33, старорусской — 64, устюжско-желѣзоводской — 54, олонецкой — 43, тихвинской — 42, селовалдайской — 74, бѣжецкой — 196, юрьевской — 10, и на петровскихъ желѣзныхъ заводахъ 26, а всего 1007 человѣкъ. За исключеніемъ архіерейской и знаменской, всѣ прочія школы заведены въ началѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Школа при архіерейскомъ домѣ называлась греко-славенскою и учреждена замѣчательнымъ по своимъ добрымъ дѣламъ новгородскимъ митрополитомъ Іовомъ [1]), при содѣйствіи братьевъ Лихудовъ, которые хлопотали изъ всѣхъ силъ объ усиленіи на Москвѣ греческаго вліянія, но были потомъ удалены по происканъ представителей византійскаго же элемента. Въ школѣ преподавали славянскую и греческую грамматики, піитику, риторику. Изъ собственноручныхъ реестровъ митрополита Іова и епископа корельскаго и ладожскаго Аарона видно, что съ основанія училища до 1726 г., въ немъ обучалось 282 человѣка; въ послѣднемъ году состояло на лицо учениковъ 19. Въ

---

[1]) 22 августа 1714 года, за два года до своей кончины, м. Іовъ писалъ къ Петру: «у меня, богомольца твоего, сначала нынѣшнія войны обрѣтается 10 странноприимницъ, 15 нище-питалищъ или больницъ, домикъ подкидышковъ. И тѣмъ всѣмъ хлѣбъ и соль, и всякая повседневная пища и дрова изъ дому моего со всякимъ удовольствомъ отпущается, о чемъ и вашему царскому величеству не неизвѣстно есть; также по тюрьмамъ узникомъ и неимущимъ дневная пища отправляется и платье, и верхнее, и исподнее, и обуви всѣмъ предреченнымъ странникомъ и въ тюрьмахъ и по больницамъ сущимъ опредѣляется изъ дому моего. А скончавшимся гробы и погребальная одежда отъ мене же исполняется; которыхъ уже сего августа по 18 число и погребено странныхъ 9,291 человѣкъ; изъ дому же подкидышковъ младенцовъ со христіанскимъ исполненіемъ скончавшихся человѣкъ съ 500 и больше. А прекормлено въ странноприимницахъ больныхъ и отпущено оздравившихся драгуновъ, солдатъ, посохи, кромѣ мимоидущихъ и сущихъ посошныхъ и всякъ чиновъ людей 166,058. Въ томъ числѣ по обычаю христіанскому исповѣданныхъ людей бысть 84,019 ч. Да сверхъ того, прислано изъ Санктъпитербурха въ разныхъ числѣхъ больныхъ солдатъ 64 ч., и тѣ питомства, и одежд и покоя требуютъ же. Да и прежде сего таковые изъ Санктъпитербурха присыланные кормлены жъ, и по се число иные питаются. И по предреченнымъ странноприимницамъ, священникомъ и служебникомъ жалованье денежное и хлѣбное дается изъ моего жъ дому... Да въ домовыхъ монхъ школахъ обрѣтается учениковъ, кромѣ учителей и переводчиковъ, со сто человѣкъ, которые отъ дому жъ моего обычайный себѣ кормъ берутъ, да и учители и переводчики кормомъ, и одеждами и жалованьемъ за труды ихъ, пользы ради св. христіанскія Церкви, изъ дому жъ моего награждаются»... (Каб. дѣла II № 21, л. 48—49)

остальныхъ школахъ учили славянской грамматикѣ, чтенію и письму въ новоторжской 8 человѣкъ обучались греческому языку, а въ великолуцкой двое—риторики. По вѣдомостямъ, между прочимъ, значится, что впродолженіи помянутаго періода времени 1 совершенно выучился пінтикѣ, а несовершенно—6, риторикѣ—совершенно 9, а несовершенно—15 и т. д.

Ростовская епархія.

Въ этой епархіи до 1726 г. было двѣ школы: одна въ ростовскомъ Богоявленскомъ монастырѣ (аврааміевомъ), другая—въ Ярославлѣ при архіерейскомъ домѣ. Въ обѣихъ состояло 200 человѣкъ, обучавшіеся «славянской наукѣ и пѣнію. По духовному регламенту опымъ ученикамъ отъ монастырей и церквей хлѣба не сбирано за недородою, да и для того, что хотя гдѣ остаточный хлѣбъ за сѣмяны и за обыкновенными расходы и былъ, и оный бранъ въ Москву въ каморъ контору и генералитету, отчего ученикамъ во обученіи учинилась остановка, того ради они, по поданнымъ доношеніямъ, распущены въ домы свои, со взятіемъ у отцовъ ихъ сказокъ, дабы показаннымъ наукамъ обучали въ домѣхъ ихъ».

Тверская епархія.

На основаніи духовнаго регламента, въ Твери построена была школа на Ратмацкомъ посадѣ въ домовомъ архіерейскомъ, приписномъ Ѳедоровскомъ монастырѣ. Ученіе началось съ октября 1722 года; учили грамматикѣ и букварю іеромонахъ Іоиль, иподіаконъ Трифонъ Ипатовъ, дьяконы Якимъ Ивановъ и Андрей Никифоровъ, дьячекъ Иванъ Денисовъ, да николаевскаго попа сынъ, Алексѣй Ивановъ. Сначала учениковъ было 39, изъ нихъ 17 поступило въ причетники, 1 отпущенъ въ Москву и 1 сбѣжалъ. Въ 1727 г., оставалось только 20; до 1726 г. они кормились отъ архіерейскаго дома, а съ того года «за оскудѣніемъ тамъ хлѣба имъ отъ домовой пищи отказано до опредѣленія штата, и нынѣ обучаются на домовной ихъ пищѣ».

Коломенская епархія.

Здѣсь при школѣ съ 1723 по 1725 г. было 30 учениковъ, а съ 1725 по 1727 г.—120. Пѣвчій Яковъ Ивановъ обучалъ ихъ по букварю Прокоповича и по латинскимъ элементарямъ. По смерти Иванова въ 1726 г., мѣсто его заступилъ одинъ изъ трехъ учениковъ, посылаемыхъ на обученіе въ новгородскую школу, другіе двое также занимали учительскія должности въ Тулѣ и Орлѣ. Хлѣбъ взимался на содержаніе учениковъ только съ нѣкоторыхъ монастырей, а съ

остальныхъ, за скудостью, сбора никакого не дѣлалось. Съ церквей бралось по 3 четверти въ годъ хлѣба и по 5 коп. деньгами.

Крутицкая епархія.

Требуемыхъ регламентомъ школъ въ этой епархіи не было открыто «за неимуществомъ монастырей». Подобное обстоятельство было предвидѣно составителемъ регламента, а потому тамъ предписывалось, при недостаткѣ въ учителяхъ, отправлять для приготовленія къ такой должности въ новгородскую школу трехъ мальчиковъ изъ церковническихъ дѣтей, отъ 15 до 20 лѣтъ, «остроумныхъ и книжному ученію искусныхъ». Вмѣсто того, изъ крутицкой епархіи были отправлены, въ 1723 г., 6 учениковъ въ московскія славено-латинскія школы.

Казанская епархія.

Въ мартѣ 1723 г., было собрано въ Казани въ школу, для обученія букварей и грамматикъ, 52 человѣка изъ священно-церковнослужительскихъ дѣтей; въ апрѣлѣ того же года, по опредѣленію казанскаго митрополита Тихона, «за недостачествомъ студентамъ пищи и одежды, отпущено дѣтей въ домы свои до указу — 9, да изъ малолѣтнихъ отдано отцамъ ихъ, для обученія въ домѣхъ своихъ часословцовъ и псалтырей — 11; вышущено положенныхъ въ подушный окладъ — 3; за неудобностію и непріятію науки отослано — 2; умерло — 6; въ побѣгѣ — 14, и въ священническій чинъ произведены — 2. Остальные за тѣмъ 5 учениковъ «обучались букварей наизусть и толкованій грамматическихъ четырехъ статей, орѳографіи, этимологіи, просодіи орѳографійной и синтаксіи осми частей слова, уравненій, окончаній родовъ, склоненій, спряженій, такожде діалекта латинскаго, вокабулъ, сентенцій, деклинацій и регулъ со експликаціями и писанія того же діалекта, о седми тайныхъ церковныхъ, гратуляцій и привѣтствій различныхъ, комедійныхъ акцій, которыя различно сначала ученія целебровалися повсягодно въ семинаріи казанской публикѣ, такожъ интермедій; ариѳметическихъ частей, нумераціи, аддиціи, субстракціи, мултипликаціи и прочаго обхожденія политическаго, къ семинаріи принадлежащаго». Учителемъ казанской школы былъ «польской породы» Василій Свентицкій. По прибытіи въ Казань преосвященнаго Сильвестра, въ 1726 г., были снова собраны церковнослужительскіе дѣти, изъ которыхъ выбрано годныхъ для школы 70 учениковъ, и изъ новокрещенцовъ, въ надеждѣ священства, 10. Прочіе, до 1772 г., оставались не разобранными по неимѣнію времени и за отлучкою преосвященнаго. Для новыхъ учениковъ школа «особливая и покоп. въ которыхъ учителю и опымъ студентомъ жительство имѣть, всѣ

вновь построены внѣ града Казани, но токмо въ близости, надъ рѣкою Казанкою, на высокомъ, прекрасномъ, уединенномъ и удобномъ мѣстѣ и при поляхъ въ домовомъ архіерейскомъ, по указу за малобратствомъ упраздненномъ, Ѳедоровскомъ монастырѣ, и учитель прежній имѣется, а на содержаніе той семинаріи и пропитаніе учителя со студентами довольствованіемъ, по самой крайней нуждѣ опредѣлены по указу же за малобратствомъ же упраздненнаго и какъ церкви, такъ и братскихъ покоевъ неимущаго, бывшаго Осинскаго преображенскаго монастыря крестьяне, съ которыхъ за всякія монастырскія прежнія издѣлія, по ихъ прошенію и по договору, опредѣлено оброку брать по 150 р. на годъ, для того понеже въ казанской епархіи знатныхъ, многовотчинныхъ, хлѣбомъ довольныхъ монастырей, кромѣ Свіяжскаго, не имѣется».

Вологодская епархія.

Здѣсь школа открылась въ 1724 г., учениковъ собрано 45; изъ нихъ 27 выпущены для приписки въ подушный окладъ; остальные же 18 «вступили въ ариѳметическое ученіе» въ 1725 г., «и не изуча оной ариѳметики въ сентябрѣ того же года распущены по домамъ, по какой причинѣ неизвѣстно». Хлѣбъ, согласно регламенту, собирался съ монастырей и церквей не сполна, и часть его пошла на посѣвъ домовой архіерейской земли «за всеконечною скудостью». Со вступленіемъ въ управленіе епархіею преосвященнаго Аѳанасія (въ 1726 г.), этотъ сборъ хлѣбомъ прекращенъ.

Рязанская епархія.

Въ Переяславлѣ рязанскомъ при архіерейскомъ домѣ основана школа въ 1724 г. въ Семіоновскомъ монастырѣ, что̀ близъ торгу, но «священнослужительскихъ и причетническихъ дѣтей грамматики и прочихъ къ познанію св. писанія приличныхъ наукъ обучать было некому, понеже ко оному ученію при домѣ архіерейскомъ учителей не обрѣтено», а потому оттуда были посланы въ новгородскую школу два подъдьяка и одинъ церковникъ, которые возвратились въ Переяславль въ январѣ 1726 г. и начали учить въ школѣ съ февраля. Сначала тамъ было 70 учениковъ, а по прибытіи на епископство преосвященнаго Гавріила (Бужинскаго) число ихъ возросло до 269. Къ 1727 г., въ школѣ были обучены: букварямъ 70 человѣкъ, изъ которыхъ «въ наукѣ элементарной латинской» — 40, а когда оную окончатъ, могутъ происходить въ другія высшія ученія; славянской грамматикѣ — 30. Обучались въ послѣднемъ году букварямъ 128 ч. азбукамъ—6, часослову—59, псалтырю—75.

Сверхъ того, отъ рязанской епархіи доставлены были свѣдѣнія и

объ ариѳметической школѣ, которая, по распоряженію правительства, была присоединена къ епархіальной школѣ. Цифирная школа открыта въ Переяславлѣ рязанскомъ въ маѣ 1722 г. и учениковъ въ ней было 96, изъ нихъ обучены 4, выпущено въ канцеляристы 2, умерло 2, отданъ въ солдаты 1, а 59 «отлучились отъ ариѳметической школы самовольно». За тѣмъ остальные: 32 учились въ 1727 г. «во ариѳметикѣ, нумераціи — 11, адиціи — 5, субстракціи — 1, мультопликаціи — 3, дивизіи — 5, тройному — 3, десятичнымъ дробямъ — 2, геометріи циркульнымъ пріемамъ — 1, трегонометріи плоской, тангенсамъ — 1».

На содержаніе школы сбиралась опредѣленная часть хлѣба съ церковныхъ земель, а съ монастырей сбора не производилось, потому что оттуда весь остаточный хлѣбъ поступалъ, по указу царя, на «синодальное правительство».

Суздальская епархія.

Въ 1723 г., дѣтей духовныхъ лицъ было здѣсь собрано 109 человѣкъ, которые обучались по присланнымъ изъ синода букварямъ и грамматикамъ. Первые преподавались 35-ти, а послѣднія 74-мъ ученикамъ. Содержаніе производилось изъ сбора хлѣбомъ, на основаніи регламента. Въ 1726 г., всѣ ученики были распущены по домамъ, такъ какъ по случаю неурожая, хлѣба съ церквей и монастырей не поступало.

Воронежская епархія.

Здѣсь школъ, до 1727 г., не учреждалось: учителей «не имѣлось, а потому отосланы въ новгородскую школу 3 человѣка для обученія грамматическаго художества», которые возвратились въ Воронежъ въ 1725 г., но и послѣ того школа не открыта, за отлучкою въ Москву епископа Іосифа.

Устюжская епархія.

Въ 1725 г., въ школу тамъ поступило изъ дѣтей «устюжскихъ градскихъ, поповскихъ, дьяконовыхъ и причетническихъ» 15 человѣкъ, которыхъ обучалъ подъдьякъ Павелъ Яковлевъ съ товарищемъ букварямъ, толкованіямъ заповѣдей божіихъ, а потомъ грамматикѣ. 9 человѣкъ прошли эту науку всю, 5 «вступили въ ученіе до согласія, и до синтаксиса 1». За кончиною епископа Боголѣпа, эти ученики остались недоученными, «да и обучить ихъ другимъ наукамъ некому, и нынѣ (въ 1727 г.), при домѣ архіерейскомъ, за необрѣтающимся учителемъ, школы не имѣется».

Смоленская епархія.

Въ школѣ при архіерейскомъ домѣ сначала состояло учениковъ 35 изъ церковнослужительскихъ дѣтей, которые «изучены букварей, часовниковъ, псалтырей, прмосовъ, партеснаго пѣнія и писать». Изъ нихъ: въ священники поступилъ 1, въ причетническія должности и пѣвчія—10, при отцахъ—23, за польскимъ рубежомъ—1, за помѣщика отписанъ—1. Въ 1728 г., въ школѣ учениковъ было 19; на содержаніе ихъ хлѣбъ отъ церквей «собирался по разсмотрѣнію».

Вятская епархія.

Здѣсь, въ 1723 г., было собрано 35 учениковъ, «которые въ архіерейской школѣ учатся славенской азбукѣ, часослова, букварей, псалтири, толкованія блаженствъ евангельскихъ и писать. А болѣе другимъ наукамъ учить некому, для того что такихъ учителей во оной вятской епархіи не обрѣтается». Сбора хлѣба не производилось «за недородомъ и за скудостью, а питаются школьники отъ дому архіерейскаго».

Псковская епархія.

Въ Псковѣ школа при архіерейскомъ домѣ открыта съ 1725 г., и по 1727 г. въ ней находилось 58 человѣкъ изъ церковнослужительскихъ дѣтей. Ихъ учили читать и писать, часослову, псалтырю, также десятословію съ толкованіемъ и церковному пѣнію. 8 человѣкъ, въ 1727 г., учили «славянскія грамматики третью часть слова». Сборъ на содержаніе школы производился на основаніи регламента.

Переяславская епархія.

Здѣсь школъ не было заведено вовсе «за скудостію епархіи, въ которой и служителей небольшое число содержутся съ нуждою».

Астраханская епархія.

Въ Астрахани также школы не открывалось за тѣмъ, что «опыхъ школъ и учениковъ содержать нечѣмъ, понеже при домѣ архіерейскомъ, и монастырѣхъ, и при церквахъ никакихъ вотчинъ и земель не обрѣтается».

Нижегородская епархія.

На основаніи 9 и 11 пунктовъ дух. регламента, въ Нижнемъ-Новгородѣ, съ 1721 г., были учреждены три школы при архіерейскомъ

домѣ: одна—еллиногреческая, другая—славенороссійская и третья—букварная. Учителя въ нихъ получали содержаніе изъ архіерейскаго дома; на счетъ же преосвященнаго Питирима, покупались и учебныя пособія; «токмо пропитаніе тѣ ученики прежде сего имѣли и нынѣ имѣютъ свое, а отъ монастырей всякаго хлѣба 20-й, а отъ церквей 30-й части на пропитаніе тѣмъ ученикамъ не имано», потому что «въ нижегородской епархіи имѣется знатный одинъ Печерскій монастырь, но изъ него оставшійся за братскимъ расходомъ и за сѣменами хлѣбъ, по присланнымъ указомъ, берется по всягодно въ Москву, а на другіе расходы держать не велѣно, а въ прочихъ во всѣхъ монастыряхъ, за братскими расходами, не токмо по всегодной какой остатокъ хлѣбу бываетъ, но еще многой имѣется и недостатокъ. Также и при приходскихъ церквахъ, у священниковъ съ причетники церковныхъ земель, съ которыхъ они данныя деньги платятъ, нигдѣ довольныхъ не обрѣтается, и ежели отъ тѣхъ земель взять у нихъ законныя части, священникомъ съ причетники, за малоимуществомъ тѣхъ церковныхъ земель, въ пропитаніи будетъ не малая тщета. И того ради, во общую тѣхъ священниковъ съ причетники пользу, въ вышереченныя школы къ принадлежащимъ наукамъ брались, по распоряженію преосвящ. Питирима, дѣти отъ такихъ отцовъ, коибъ могли, во время бытія въ тѣхъ школахъ, довольствовать сами своимъ коштомъ».

Въ 1724 г., въ нижегородской епархіи церковническихъ дѣтей, выучившихся букварямъ, было 132 человѣка; изъ нихъ нѣкоторые произведены въ священство; кромѣ того, въ школѣ оставалось на лицо — 295 чел. Въ 1727 г., въ еллиногреческой школѣ, подъ вѣдѣніемъ учителя монаха Савватія, съ основанія ея было 48 учениковъ, изъ нихъ греческой грамматикѣ выучились 7, которые въ послѣднее время изучали піитику. Изъ школы этой уволено за тупостью 11, умерло 2, бѣжало 4, а 24 учили грамматику.

Въ славенороссійской школѣ, подъ вѣдѣніемъ учителя Тимофѣя Колосова, первоначально было 110 человѣкъ, изъ нихъ: славенской грамматики выучились 5, въ синодальную область, по переходѣ изъ нижегородской епархіи приписныхъ къ ней городовъ, выбыло 36; за негодностью исключено 6. За тѣмъ на лицо въ 1727 г. состояло 63 человѣка, учившихся, по смерти Колосова, у священническаго сына Дмитрія Андреянова.

Въ букварной школѣ, подъ вѣдѣніемъ учителя іеромонаха Сергія, да іеродіакона Авраамія, сначала было 427 учениковъ, которые «по выученіи букварей, произведены по достоинствамъ въ разные города и уѣздныя села къ церквамъ божіимъ во священники, и въ діаконы, и въ дьячьки, и въ пономари, и нынѣ (въ 1727 г.) въ той букварной школѣ на лицо учениковъ ни кого не обрѣтается. А у коихъ священниковъ съ причетники въ вышепоказанныя еллиногреческую и славенороссійскую школы, за скудостію ихъ, дѣтей не взято, тѣмъ по-

велѣно, въ надежду священства, буквари учить каждому въ домѣ своемъ, безъ котораго ученія ни въ которое достоинство не производятся».

Холмогорская епархія.

Согласно указамъ 1722 и 1723 годовъ и духовному регламенту, при домѣ архіепископа преосвящ. Варнавы выстроена была деревянная школа, гдѣ въ 1723 г. было 39 учениковъ, изъ которыхъ 11 учили буквари, 28 — грамматики. Въ 1724 г., было тамъ 59 учениковъ: 23 учили грамматику, 20 твердили букварь, 8 псалтырь и 8 же часословъ. Въ 1726 г., значилось 46 человѣкъ: 7 учили грамматику, 16—букварь, 14—псалтырь, 9—часословъ. Изъ этихъ учениковъ, въ 1727 г., посвящено въ діаконы 4, а остальные тогда же были распущены по домамъ, но въ октябрѣ снова вызваны въ школу. «А грамматики еще никто совершенно не изучилъ; изъ зачинаемыхъ же нынѣ вновь учениковъ и много есть которые и скудные и нидѣ учитися не имѣютъ гдѣ и за что, а весьма наслаждатися ученія желаютъ, изъ которыхъ могутъ быть и остроумные ученики. Изъ тѣхъ, въ нынѣшнемъ 1727 г., для ученія грамматики и прочаго, по посланнымъ указомъ, съ прежними и съ новобранными въ сборѣ имѣетъ быть не малое число».

Въ 1723 и 24 годахъ, ученики содержались на счетъ преосвященнаго, а въ 1725 г. за прежнее время собрано 134 четверти, да въ слѣдующіе два года 268 четвер. ржи и ячменя, но какъ этого хлѣба было недостаточно, то ученикамъ давались соль, масло, капуста, рыба всякая, молоко и проч., также дрова, изъ архіерейскаго дома.

Тобольская епархія.

Здѣсь въ школѣ обучалось: 5 человѣкъ — букваря малаго, часослова, псалтыря, писать и пѣть; 14—десятословію и грамматики; одному десятословію — 14. Изъ нихъ 4 уволено, а остальные поступили въ дьяконскія и причетническія должности. Въ 1727 г., тѣмъ же предметамъ учились 57 учениковъ. Кромѣ того, въ Знаменскомъ монастырѣ 10 человѣкъ обучались письму и 4 — пѣнію. Вѣдомости подписаны школьными учителями Тихономъ Карповымъ и Михайлою Лукашевичемъ; послѣдній, вѣроятно, былъ неправославный и, по обычаю того времени, подписался латинскими буквами: K sym reystram skolny uczytel Michaylo Lukaszewicz ruk pryłożyl. Въ донесеніи эти лица писали: «въ епархіи тобольской дѣти къ обученію вельми тупы; къ томужь еще многіе объявляютъ дѣтей болѣзненныхъ, которые по усмотрѣнію въ школу не пріемлются, а отъ монастырей на пропитаніе школьнымъ учителямъ, по силѣ духовнаго регламента, за скудостью не бралось;

такожде въ епархіи церковныхъ земель при церквахъ не обрѣтается, но токмо съ Далматова монастыря присылалось малое число солода на квасъ, по 20 частей въ годъ, а помянутые школьные ученики убогіе; и новокрещеныхъ остяковъ дѣти одеждою и пищею довольствуются отъ дому архіерейскаго, а екатеринбургскаго вѣдомства священнослужительскихъ и причетническихъ дѣтей къ намъ, въ Тобольскъ, для обученія въ школу не пускаютъ, а употребляютъ въ заводскую работу». Далѣе приводится примѣръ, что даже одного священника посылаютъ на заводскія работы, «отчего, замѣчено въ донесеніи, духовному чину не безъ утѣсненія и не безъ порицанія, понеже страждутъ безвинно, яко нѣкіи власно злодѣи, а не яко священницы, въ такой нетерпимой тяжелопосной работѣ, что и слышать весьма христіанскому человѣку странно, а церкви, за неимуществомъ священнослужителей и причетниковъ, многія пустѣютъ, а ставить некого, понеже, кромѣ причетниковъ, изъ сторонніхъ не позволено, а причетниковъ и дѣтей управители ставить не даютъ».

Иркутская епархія.

Когда получено было требованіе доставить свѣдѣніе о состояніи школъ въ этой епархіи, т. е. въ 1727 г., оказалось въ Вознесенскомъ монастырѣ, у архимандрита Антонія Платковскаго 8 человѣкъ, учившихся русской грамотѣ и 5—монгольскому языку. Кромѣ того, въ томъ же году, изъ уѣздовъ иркутскаго и селенгинскаго собрано было церковнослужительскихъ дѣтей въ русской школѣ 22 человѣка (учились азбуки, часослову, псалтырю и заповѣдямъ), и въ монгольской школѣ—8. Изъ послѣднихъ, по требованію съ китайской границы чрезвычайнаго посланника, иллирійскаго графа Саввы Владиславича Рагузинскаго, дано лучшихъ учениковъ 3 человѣка, «ради обученія по указу его императорскаго величества, въ бытность его въ Китаяхъ, мунгальскаго и китайскаго языковъ». Изъ остальныхъ учениковъ мунгальской школы, трое читали монгольскія книги и учились говорить, трое учили книги, а читать еще не умѣютъ, наконецъ одинъ обучался азбуки. Содержаніе учениковъ поступало натурою изъ трехъ монастырей: Селенгинскаго троицкаго, Кирпинскаго троицкаго же и Посольскаго преображенскаго; учителя получали жалованье отъ Вознесенскаго монастыря, что̀ при Иркутскѣ. А «ныпѣ пропитать русскаго и мунгальскаго языковъ учениковъ невозможно, понеже то опредѣленіе было токмо на 25 человѣкъ, а монастырей обрѣтается только 3, и 20-ю долею новыхъ учениковъ питати отъ тѣхъ монастырей будетъ нечѣмъ».

Впродолженіи всего царствованія Петра, въ мѣрахъ къ распространенію просвѣщенія въ Россіи отразилась склонность этого государя къ мореходству и военнымъ наукамъ. Перри разсказываетъ, что Петръ Великій, подъ веселый часъ, завидовалъ должности адмирала англійскаго флота; а какъ онъ ставилъ высоко военное искусство, то можно судить уже по тому, что одною изъ важнѣйшихъ причинъ неудовольствія его на сына, царевича Алексѣя Петровича, было нерасположеніе послѣдняго къ военнымъ пріемамъ и дисциплинѣ, что́ ясно высказано въ письмахъ царя при дѣлѣ объ осужденіи царевича.

Неудивительно поэтому, что всѣ учебныя заведенія въ Россіи начала прошлаго столѣтія основывались единственно съ цѣлью образовать моряковъ и военныхъ служакъ.

О первыхъ нашихъ спеціальныхъ заведеніяхъ — математической и навигацкой школѣ въ Москвѣ и морской академіи въ Петербургѣ — собраны свѣдѣнія въ трудѣ г. Веселаго «Очеркъ исторіи морскаго кадетскаго корпуса» (Спб. 1852 г.). Отсюда узнаемъ не только предметы и способъ обученія, но также быть учениковъ, судьбу ихъ наставниковъ, всѣ препятствія и затрудненія, которыя они встрѣчали.

Составителемъ устава морскаго училища и первымъ преподавателемъ въ немъ былъ Андрей Фарварсонъ (Farwharson или Fargwarson; самъ онъ по русски писался Ѳархварсонъ), профессоръ абердинскаго университета, приглашенный въ Россію Петромъ Великимъ, когда онъ былъ въ Англіи въ 1698 г. Даже въ оффиціальныхъ бумагахъ сохранилось извѣстіе о значеніи этого англичанина въ исторіи русскаго просвѣщенія и о томъ, что съ помощію его «первое обученіе математики въ Россіи введено и едва ли не всѣ при флотѣ (писано въ 1737 г.) россійскіе подданные, отъ высшихъ и до нисшихъ, къ мореплаванію въ навигацкихъ наукахъ обучены» [1]).

Фарварсонъ пріѣхалъ въ Россію на выгодныхъ условіяхъ, но они не выполнялись въ точности, чему подтвержденіемъ служитъ его просьба, въ 1710 году, гдѣ онъ писалъ къ Апраксину: «униженно молю, чтобъ ваше превосходительство изволилъ нынѣ его царскому величеству о мнѣ припомнить, для того что мнѣ не возможно больше и долѣ въ такой скудости жить, какъ я по се число живу». [2]). Въ 1737 г., предложено было наградить всѣхъ учителей рангами, но Фарварсонъ не ходатайствовалъ притомъ о чинѣ, и адмиралтейская коллегія сама вспомнила о немъ въ своемъ представленіи: «хотя отъ него, Фарварсона, прошенія о дачѣ ему ранга и нѣтъ, однако же за знатныя въ пользу государства службы, коллегія всеподданнѣйше

---

[1]) Морской Сборн. 1856 г. № 14, ч. неоф. стр. 171—175

[2]) Жизнеописанія росс. адмираловъ, Берга, I, 77.

просить, дабы наградить его бригадирскимъ рангомъ» [1]). Про него Веберъ [2]) говоритъ, что онъ былъ главнѣйшимъ изъ учителей математическихъ школъ, въ совершенствѣ зналъ русскій языкъ и уже выслалъ много образованныхъ людей въ морскую и военную службу. Фарварсонъ же выбиралъ учениковъ для морской академіи въ Петербургъ, куда и былъ самъ переведенъ потомъ.

Съ Фарварсономъ учили въ школѣ другіе два англичанина Стефанъ Гвинъ (Stephen Gwyn) и Ричардъ Грейсъ (Richard Gries). По пріѣздѣ въ Россію, они, вмѣстѣ съ Фарварсономъ, жили у своего соотечественника Андрея Кревета, переводчика посольскаго приказа, терпѣли нужду и также подавали просьбу, что они живутъ въ «палатченкѣ», хозяинъ которой «сподоблялъ ихъ всякими нуждами, питьемъ, людьми, лошадьми и прочимъ, только кромѣ харча и платья» [3]).. По свидѣтельству Перри [4]), одинъ изъ этихъ помощниковъ Фарварсона былъ убитъ при выходѣ изъ школы, около 9 часовъ вечера — та же участь не разъ грозила постигнуть и Фарварсона.

«Въ навигацкую школу, пишетъ г. Веселаго, велѣно было принимать дѣтей дворянскихъ, дьячихъ, подъячихъ, изъ домовъ боярскихъ и другихъ чиновъ, отъ 12 до 17 лѣтъ; но какъ въ эти лѣта изъ домовъ боярскихъ являлось малое число, то стали принимать и 20-ти лѣтнихъ. Впрочемъ изъ многихъ званыхъ было мало избранныхъ. Не говоря уже о грубости прочихъ сословій, русскій баричь петровскаго времени, 17 или 18 лѣтъ, считался неразумнымъ младенцомъ, и жилъ въ своемъ помѣстьѣ въ самомъ безсознательномъ невѣжествѣ. Капризамъ баловаинаго дитяти не рѣдко повиновалось все окружающее, и ему, съ самыхъ пеленокъ, подобострастныя няпюшки и дядьки вбивали въ голову барскую спѣсь и презрѣніе къ труду и работѣ, какъ дѣлу холопскому. Взрослаго дворянина требовали на вѣчную службу, отъ которой его могло избавить только увѣчье, тяжкая болѣзнь и глубокая старость; или малолѣтняго брали въ ученье—въ руки ненавистныхъ иностранцовъ, въ товарищество къ холопамъ, гдѣ въ случаѣ нерадѣнія или шалости, ему угрожали плети, батоги и кошки... Нѣкоторые изъ этихъ юношей, еще бывши у себя въ деревнѣ, хаживали на медвѣдя, и естественно кулачный бой считали однимъ изъ пріятнѣйшихъ препровожденій времени; другіе серьезно придерживались чарочки; и только сосѣди академіи знали, что заборы и замки мало охраняютъ ихъ съѣстные припасы, дрова и проч... Все это было въ современныхъ нравахъ, которымъ соотвѣтствовали и наказанія:

---

[1]) Ibid. стр. 73—74.

[2]) Das veränderte Russland, I, 136.

[3]) Очеркъ исторіи морск. корп., стр. 8.

[4]) Etat présent de la Russie, 1717, pag. 258—259.

сѣчь по два дни нещадно батогами, или по молодости лѣтъ, вмѣсто кнута, наказать кошками» [1]).

Въ навигацкой школѣ учили ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи съ приложеніемъ къ геодезіи, болѣе же всего навигаціи и нѣкоторой части астрономіи. Науки преподавались, по бо́льшей части, на неудобопонятномъ языкѣ, и читая тогдашніе учебники, убѣждаешься, что ученіе юношеству обходилось не легко. Для морской академіи самъ царь составилъ такую программу: «учить дѣтей: 1) ариѳметикѣ; 2) геометріи; 3) фехтъ или пріемы ружья; 4) артиллеріи; 5) навигаціи; 6) фортификаціи; 7) географіи; 8) знанію членовъ корабельнаго гола (т.-е. кузова) и такелажа; 2) рисованью»... Въ адмиралтейскомъ регламентѣ этотъ списокъ разъясненъ и велѣно учить: артиллеріи, навигаціи и фортификаціи, шанцамъ и ретранжаментамъ (т. е. полевой фортификаціи), географіи и воинскимъ обученіемъ съ мушкетами — совершенно; а фортификаціи и апрошамъ (т. е. долговременной фортификаціи), также и корабельнымъ членамъ, чтобъ только знали, что для чего дѣлается; наконецъ, рисованью и на рапирахъ, сколько возможно [2]).

—

Мысль распространенія просвѣщенія въ Россіи — Петръ Великій высказалъ скоро послѣ возвращенія своего изъ перваго заграничнаго путешествія. Спачала онъ думалъ разширить объемъ преподаванія въ славено-греко-латинскомъ училищѣ въ Москвѣ, зависѣвшемъ отъ патріарха, и бывши разъ (въ 1698 или 99 г.) у занимавшаго эту должность преосвященнаго Адріана, говорилъ ему: «благодатію Божіею и здѣ есть школа... и изъ школы бы во всякія потребы люди, благоразумно учася, происходили въ церковную службу и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство. Еще же мнози желаютъ дѣтей своихъ учити свободныхъ наукъ и отдаютъ здѣ оные иноземцомъ; иніи же въ домѣхъ своихъ держатъ будто учителей иноземцовъ же, которые славенскаго нашего языка не знаютъ право говорити, къ сему же еще иныхъ вѣръ, и при ученіи томъ малымъ дѣтемъ и ереси свои знати показуютъ; отчего дѣтемъ вредъ и церкви нашей святой можетъ быть спона велія, а рѣчи своей отъ неискусства поврежденіе. А въ нашей бы школѣ, при знатномъ и искусномъ обученіи, всякаго добра учился. И кто бы гдѣ въ наукѣ заправился, въ царскую школу хотя бы кто побывать пришелъ, и онъ бы пользовался. И сего смотрѣти же надобно и прирадѣть тщательно зѣло [3])». Но это предположеніе царь потомъ оста-

[1]) Очеркъ ист. мор. корп., стр. 8, 10—55.

[2]) Ibid. стр. 46—47.

[3]) Исторія царствованія П. В., г. Устрялова, III, 511—512.

вилъ: видѣли выше, что въ началѣ XVIII вѣка учреждено сперва специальное училище для мореходства, потомъ являются другія свѣтскія школы.

Въ 1714 г., состоялось постановленіе объ учрежденіи по провинціямъ школъ, извѣстныхъ подъ названіемъ цифирныхъ: «во всѣхъ губерніяхъ, дворянскихъ и приказнаго чина, дьячихъ и подъяческихъ дѣтей, отъ 10 до 15 лѣтъ, опричь однодворцевъ, учить цифири и нѣкоторую часть геометріи». Преподавателями назначались ученики навигацкихъ школъ; они должны были учить въ школахъ при архіерейскихъ домахъ и значительныхъ монастыряхъ, съ платою по 3 алтына и 2 деньги въ день; съ учениковъ воспрещалось брать вознагражденіе, а каждый изъ нихъ, по выучкѣ, обязывался заплатить учителю рубль; послѣдній выдавалъ кончившему у него ученіе письменное свидѣтельство, «а безъ такихъ свидѣтельствованныхъ писемъ, жениться учениковъ не допускать и вѣнечныхъ памятей не давать» [1]).

Въ 1715 г., опредѣлено было положительно, чтобы изъ навигацкихъ школъ отправить въ губерніи по 2 человѣка, выучившихъ геометріи и географіи «для науки молодыхъ ребятокъ изо всякихъ чиновъ людей [2])».

Григорью Скорнякову Писареву поручено было завѣдываніе цифирныхъ школъ въ Псковѣ, Новгородѣ, Ярославлѣ, Москвѣ и Вологдѣ, и въ 1719 г. онъ доносилъ, что до того года ученіе производилось только въ одной ярославской школѣ, гдѣ удалось собрать 26 человѣкъ. Сенатъ подтвердилъ о высылкѣ дѣтей въ губернскія школы, приказавъ при томъ смотрѣть за учителями, чтобы они не дѣлали налоговъ и обидъ ученикамъ [3]). Въ 1720 г., тотъ же Скорняковъ Писаревъ доносилъ, что въ цифирной школѣ въ Москвѣ 70 учениковъ, а въ провинціяхъ ихъ малое число. Между тѣмъ посадскіе люди вошли въ сенатъ съ просьбою, что дѣти ихъ занимаются торговлею и иные въ дальнихъ мѣстахъ, а ихъ принуждаютъ поступать въ школы, при чемъ «многихъ держатъ въ тюрьмахъ и за карауломъ». Сенатъ уволилъ дѣтей посадскихъ отъ обязательнаго ученія въ цифирныхъ школахъ [4]).

Въ 1723 г., предполагалось соединить эти школы съ духовными, которыя были установлены по духовному регламенту. Синодъ отозвался, что школъ при архіерейскихъ домахъ, кромѣ Новгорода, еще нигдѣ не учреждено. Поэтому предположеніе и было осуществлено въ Новгородѣ, при чемъ подтверждено, чтобы ученики въ цифирныя школы поступали не старѣе 15-ти лѣтъ, «а выше тѣхъ лѣтъ отнюдь

---

[1]) Полн. собр. зак. V, № 2778.
[2]) Ibid. № 2971.
[3]) Ibid. № 3447.
[4]) Ibid. VI, №№ 3705 и 3575.

не принимать, дабы подъ именемъ той науки отъ смотровъ и опредѣленія въ службу не укрывались [1]».

Въ губерніи изъ Москвы и Петербурга было отправлено учителей 47, изъ нихъ 18 возвратились назадъ, за неимѣніемъ учениковъ [2]; что же касается до успѣховъ обученія въ цифирныхъ школахъ, то о нихъ можно судить изъ приведеннаго выше (стр. 116—117) отчета объ одной изъ нихъ, въ Рязани.

—

Училище, заведенное въ Москвѣ пробстомъ Ернстомъ Глюкомъ, обращаетъ на себя вниманіе если не по своимъ результатамъ—Глюкъ умеръ скоро послѣ открытія его — то по своей программѣ и имени основателя. Извѣстно, что въ домѣ этого лица, когда еще онъ былъ въ Маріенбургѣ, жила schönes Mädchen von Marienburg, какъ ее звали маріенбургскіе жители, впослѣдствіи русская императрица Екатерина I. Справедливо ли то, что̀ разсказывается при этомъ случаѣ придворными Веберомъ, Бассевичемъ, Беркхольцомъ и имъ подобными людьми — здѣсь говорить не мѣсто: мы ограничимся только тѣмъ, что̀ въ жизни Глюка имѣетъ соотношеніе къ исторіи русскаго просвѣщенія [3].

Изъ собственноручнаго объясненія Глюка, поданнаго въ 1699 г. лифляндскому генералъ-губернатору графу Дальбергу, видно, что онъ родился 1652 г. въ Веттинѣ (Wettin), близъ Магдебурга, въ Саксоніи; занимался преимущественно восточными языками и богословіею въ Альтенбургѣ, Виттенбергѣ и Лейпцигѣ; въ 1673 г., пріѣхалъ въ Лифляндію для проповѣдыванія слова божьяго; здѣсь старался изучить латышскій и русскій языки, изъ которыхъ послѣдній былъ въ употребленіи въ восточныхъ провинціяхъ Лифляндіи, гдѣ жили многіе изъ русскихъ, особенно раскольники [4]. Глюкъ хотѣлъ перевести для латышей библію

---

[1]) Ibid. VII, № 4326.

[2]) Ibid. XII, № 9054.

[3]) Свѣдѣнія о трудахъ Глюка заимствованы изъ Словаря свѣт. писателей м. Евгенія, изданн. только въ одной части г. Снегиревымъ стр. 275—286. Въ изданіи того же Словаря Москвитяниномъ (1841 г.) біографія Глюка помѣщена въ сокращенномъ видѣ.

[4]) 10 мая 1899 г., Глюкъ, описывая свои заботы о переводѣ для латышей библіи на ихъ языкъ, переходитъ къ разсказу о занятіяхъ своихъ русскимъ языкомъ: «Darauf that ich einen Blick fürder hin in die Reussische und Moscowitische Grenzen, von welchen Landen Unser allergnädigster König und Herr auch zwey provinzen unter seiner Bothmässigkeit hat, alwo nicht nur ein gleichmässiges, sonderu noch viel grösseres Elend antraf Denn was Ingermannland, Carelen, Reussland und das ganze Moscowitische Reich vor eine Bibel habe, ist bekannt; nemblich die slawonische, von welcher die Vernacula russica so weit discrepiret, dasz ein gemeiner Russe davon keinen einzigen periodum recht verstehen kann. Dies nahm ich zu Herzen, und fand durch Gottes Führung Gelegenheit, diese Sprache auch zuerlernen, ohngeachtet ich nicht begreifen noch absehen konnte, wie der höchste

съ еврейскаго и греческаго текста, но еще не чувствуя себя довольно сильнымъ въ этихъ языкахъ, отправился въ Гамбургъ, гдѣ изучалъ ихъ подъ руководствомъ оріенталиста Езарда (Ezardus). Съ 1680 г., Глюкъ снова является въ Лифляндіи сначала пасторомъ, а потомъ пробстомъ. Здѣсь онъ занимался переводомъ книгъ св. писанія для латышей, а также заведеніемъ школъ. Въ 1684 г., онъ ѣздилъ съ лифляндскимъ суперъ-интендантомъ Іоанномъ Фишеромъ, соучеником и другомъ своимъ, въ Швецію къ королю, и тамъ представивъ свои предложенія: а) касательно заведенія при пробстскихъ приходахъ по Лифляндіи латинскихъ школъ и b) о русскихъ, называвшихся раскольниками. Второе предложеніе, объ учрежденіи русскихъ школъ и переводѣ на русской языкъ учебниковъ, было одобрено королемъ изъ политическихъ видовъ, но не приведено въ исполненіе за смертью его. «Я однако, писалъ Глюкъ, не оставался праздным, и съ упованіемъ на милость божію изготовилъ уже на русскомъ языкѣ школьныя книги и содержу въ домѣ у себя, хотя съ немалымъ иждивеніемъ, русскаго пожилаго священника, который служитъ мнѣ помощникомъ при переводѣ славянской библіи на простой русскій языкъ, и твердо уповаю, что Господь Богъ благословитъ, къ славѣ его и спасенію людей, и сіи труды, по примѣру подъятыхъ на пользу латышей, а къ сему поощряютъ меня письмами и изъ Германіи, и изъ Москвы, особливо Головинъ, царскій посланникъ»...

Есть извѣстіе, что русскій духовный, помогавшій Глюку узнать русскій языкъ, былъ ученый монахъ изъ Пичуговскаго монастыря (Pitszug), недалеко лежащаго отъ лифляндской границы [2]). При осадѣ и взятіи Маріенбурга, русскій переводъ библіи погибъ. Когда была потеряна всякая надежда на спасеніе этого города, Глюкъ, съ семействомъ, слугами и нѣкоторыми изъ горожанъ, явился въ русскій лагерь, держа въ рукахъ русскую библію.

Петръ Великій и прежде слышалъ о трудахъ и знаніяхъ Глюка, а потому, два мѣсяца спустя послѣ взятія Маріенбурга, именно 4 марта 1703 г., опредѣлилъ ему ежегодное жалованье въ 3000 т. руб. (?) съ тѣмъ, чтобы Глюкъ открылъ въ Москвѣ первоначальную гимназію для разночинцовъ и выбралъ самъ нужныхъ при этомъ учителей; для помѣщенія плѣннаго пробста отведенъ былъ въ Москвѣ, на Покровкѣ, домъ умершаго передъ тѣмъ боярина Василья Ѳедоровича Нарышкина, куда Глюкъ и переѣхалъ изъ Нѣмецкой слободы.

Gott solche Erheblichkeit fürder dirigiren und zum herrlichen Zweck würde gedeyen lassen... Этотъ отрывокъ взятъ изъ Sammlung russischer Geschichte X B. Beiträge zur Kenntniss Russlands von G. Ewers und M. Engelhardt — S. 697.

[2]) Livländische Bibliothek, von Gadebusch, I, 482.

Въ томъ же 1703 году, Глюкъ напечаталъ [1]) на русскомъ языкѣ программу преподаваемымъ въ его училищѣ предметамъ. При этомъ было объявлено такимъ образомъ объ учителяхъ: «1) для географіи, дѣятельной философіи, поэтики, политики, латинской риторики съ ораторическими упражненіями и съ изъясненіемъ примѣровъ изъ историковъ Курція и Юстина, а изъ стихотворцевъ Виргилія и Горація — учителемъ Іоаннъ Рейхмутъ. 2) для философіи картезіанской, также для языковъ греческаго, еврейскаго, сирскаго и халдейскаго —Христіанъ Бернардъ Глюкъ. 3) Для языка французскаго — Іоаннъ Мерла. 4) Для грамматики нѣмецкой и латинской съ изъясненіемъ словаря (Vestibulum) и введенія въ латинскій языкъ (Janua linguarum) — Іоаннъ Густавъ Вурмъ. 5) Для начальнаго чтенія и письма латинскаго и для ариѳметики — Отто Биркань. 6) Для танцовальнаго искусства и поступи нѣмецкихъ и французскихъ учтивствъ — Стефанъ Рамбуръ. 7) Для рыцарской конной ѣзды и берейторскаго обученія лошадей — Іоаннъ Штурмевель. Самъ Ернстъ Глюкъ для сихъ школъ приготовилъ на русскомъ языкѣ лютеровъ катихизисъ, молитвенникъ, нѣмецкую грамматику, вестибулъ, т. е. преддверіе, или словарь къ познанію русскаго, нѣмецкаго, латинскаго и французскаго языковъ и Коменіево введеніе во языки».

Въ Europäische Fama [2]) сказано, что Глюкъ, по повелѣнію царя, въ Москвѣ снова занимался переводомъ новаго завѣта, и приготовилъ на русскомъ языкѣ: 1) молитвенникъ и въ немъ молитвы, писанныя рѳмами; 2) лютеранскій катихизисъ, вмѣстѣ съ ритуаломъ; 3) русскую грамматику; 4) Vestibulum; 5) Orbis pictus (Свѣтъ, зримый въ лицахъ), и 6) Janua reserata linguarum Comenii [3]). Прибавлено тамъ же, что Глюкъ помогалъ Поликарпову въ составленіи его Треязычнаго Лексикона (напеч. 1704 г.), но это извѣстіе въ Relation 1706 г. (ср. предъидущую главу) измѣнено, и Поликарповъ показанъ уже однимъ авторомъ этого словаря.

15 декабря 1703 г., Глюкъ, представивъ свои труды царю, просилъ «повелѣть: 1) открывшееся уже училище въ дѣйствіи освидѣтельствовать и учениковъ испытать боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину; 2) книгу, переведенную имъ для школъ Преддверіе къ познанію русскаго, нѣмецкаго, латинскаго и французскаго языковъ напечатать; 3) ему, плѣнному съ 15 дѣтьми и прислужниками, потерявшему все имѣніе, помочь»...

«Глюкова программа, или приглашеніе къ россійскимъ юношамъ, аки мягкой и всякому изображенію угодной глинѣ:

---

[1]) Нынѣ не извѣстно ни одного экземпляра этой программы.

[2]) Ч. XXXV, 787 sq.

[3]) Трудъ Коменія, или Комненскаго въ первый разъ изданъ на лат. въ 1631 г.; на польскомъ Drzwi języków otworzone и на нѣмецкомъ Die neue Sprachen Thür—въ 1633 г. Въ австрійскихъ приходскихъ школахъ и донынѣ имъ пользуются.

«Здравствуйте, плодовитые, да токмо подпоръ и тычинъ требующіе дидивины! По указу державнѣйшаго вашего монарха полюбится мнѣ тремя точію словесами васъ о изъясненіи разума вашего обучати. Врата умудренія нынѣ отпираются, сирѣчь врата къ торговлѣ добрыхъ наукъ, которымъ уподобленіемъ Цицеронъ сыну своему въ аѳинской академіи Кратиппу философу, преданному школьныя сладости, прекрасно располагаетъ въ 3-й книгѣ службъ. Сія рѣчь въ россійскихъ предѣлахъ отъ древнихъ временъ не часто слышана, суетнымъ папаротамъ и негоднымъ куколомъ прилучіе дала въ нестроенныхъ юношъ коренитися. Нынѣ же, чтобы чаще у васъ услышалася, милость божія благодатно вамъ въ пользу установила. Вы сами въ своей пазухѣ обрящете причины, для которыхъ вамъ достоитъ покорно сіе призваніе внимати и послушно остроуміе свое приклонити, и что полезно вліется, принимати, понеже младая юность

Аки воскъ, преобразится,
Часто въ злобу превратится,

и истиннымъ паричаніемъ въ первыхъ лѣтехъ безумствуетъ. Того ради, слово сирѣчь юношествовати отъ еллино-греческихъ въ притчу установлено, и о тѣхъ речется, которые неопамятно дѣло свое чинятъ. Благоодумайте, что благочестіе не приражда́ется, но притязается. Нива бо не дѣлана и не носитъ пшеницу, но волчецъ и осоты; подобаетъ разумъ нашъ очищати и соху прозорливаго наказанія прилагати, сѣмена же благихъ наукъ разсѣяти: сей чинъ есть и сей путь къ жатвѣ обильнѣйшій. Сія же врата вамъ нынѣ отпираются».

«Того ради внидите въ тайное пріятилище премудрости и къ благоухищреннымъ и паче злата драгоцѣннымъ сокровищамъ, и къ приготовленію различныхъ наукъ и вѣдомостей; внидите паипаче по монархскому государя вашего царя указу, который прозорливымъ желаніемъ и попеченіемъ востружда́ется тьму неискусства отъ очей своихъ подданныхъ вытирати, и того ради палаты Нарышкина къ сему употребленію благодатно установилъ».

«Егда путь къ симъ вратамъ и къ симъ покрытымъ сокровищамъ не знаете, се десница готова немощныхъ водити, плавающимъ помогати, и всякимъ заблудшимся милостіею божіею свѣтило предноспти, и тако на семъ пути цѣлы будете отъ заблужденія, ниже со Пксіономъ, яко въ притчахъ поетпскихъ читаемъ, облако вмѣсто богини Юно будете обнимати; но, вмѣсто простыя и лицемѣрныя вѣдомости, прямую и истинную премудрость добудете».

«Чтобы же познали, что отъ школьныхъ трудъ нашихъ въ вашу пользу пригодится, каталогъ учителей и наукъ симъ росписомъ изъявляемъ, изъ котораго увидите, что не пульные черви суть, которыхъ отроки въ бобахъ находятъ, ниже крошивы, которыми гряды разума

вашего посѣяны будутъ, но полезныя науки, сколько ихъ вамъ въ пользу и красоту пригодятся».

«О томъ же и паки коегождо отъ васъ охотника призываю словесами цицероніанскими отъ вышеупомянутаго мѣста: сколько умомъ своимъ возможете усильствовати, сколько трудомъ умѣете достигнути, только сотворите, чтобы совершили, да не повинайтеся при простираніи всея благія требности, да не слава отъ васъ услышится, что вы свое благополученіе сами примедлили. Ернстъ Глюкъ, лифляндскій препозитъ, нынѣ полоняникъ».

«Катологъ учителей и наукъ. 1) Іоаннъ Рейхмутъ учитъ географію и изъ философіи дѣлательныя итику и политику, такожде и вышнимъ ученикомъ латинскій языкъ реторскимъ изъясненіемъ располагаетъ отъ историческихъ авторовъ Курція и Іустина, отъ поетскихъ же Виргилія и Горація истолкуетъ и своихъ къ ораціотворенію проводитъ. 2) Христіанъ Бернардъ Глюкъ учитъ философію картезіанскую, когда угодные ученики будутъ, такожде языкъ греческій, еврейскій, спрійскій и халдейскій въ пользу всѣмъ охотникамъ ѳеологскихъ сладостей. 3) Іоаннъ Мерла, французскаго языка учитель, всѣмъ охотникомъ онаго языка доброхотнѣ помогаетъ. 4) Іоаннъ Густавъ Вурмъ Вестибулъ (преддверіе) латино нѣмецкій и яиуу латинскую ясно научаетъ и грамматиская основанія непрестаннымъ прилежаніемъ полагаетъ. 5) Отто Биркалъ учитъ первыхъ зачальниковъ по нѣмецки и по латински читати и писати и ариѳметиѳскую науку изъявитъ. 6) Стефанъ Рамбуръ, танцовальный мастеръ, тѣлесное благолѣпіе и комплементы чиномъ нѣмецкимъ и французскимъ научаетъ. 7) Іоаннъ Штурмевель, конскій учитель, охотниковъ отъ первыхъ дѣтей научаетъ кавалерскимъ чиномъ ѣхати, и лошадей во всякихъ школахъ и манерахъ умудрити».

Въ рукописяхъ академіи наукъ сохранилась краткая Географія Глюка на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ [1]): въ ней находится указаніе о государствахъ Европы, Азіи, Африки и Америки; указаны границы каждой земли, моря, рѣки, острова и провинціи. Въ концѣ статья «о незнакомыхъ земляхъ» (von den unbekandten Ländern), къ которымъ причислены Новая Земля, «отъ голландцовъ убо обрѣтена, а еще никто не вѣдаетъ островъ ли есть, или къ великой Тартаріи прикасается»; Шпицбергенъ, Гренландія, ужина (fretum) Дависъ, ужина Гудзонисъ, Новая Голландія, Новая Гвинея, Карпентарія (тамо еще только на берегъ ѣзжено) Терра дель Фуего лежитъ у Америки южеской (America meridionalis) и токмо чрезъ ужину морскую Магелланскую отъ того отлучено; на самомъ концѣ кабо Горнанское (caput Hornanum), которую Лемаре изъ города Горна открылъ».

Въ началѣ этой книги есть посвященіе царевичу Алексѣю Пет-

---

[1]) Ркп. въ 8°, № $^{8}/_{136}$, начало текста: «Земля раздѣляется»... die Erde wird getheilt....

ровичу, также на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, которое здѣсь и выписывается, чтобы дать понятіе о степени знанія Глюкомъ русскаго языка:

«Надежду воспріимаютъ лучіи юности твоея, спрѣчь твое велпкое и къ будущему владѣнію отчичихъ и дѣдичихъ государствъ угодное перенмство, твоя геройска честь и хвалу любящая охота, твоя къ вящимъ вещамъ остроумная бодрость, твой благолѣпный нравъ, твое скорое перепяніе самотягчайшихъ вещей укрѣпляютъ дерзновенную надежду, что съ умноженіемъ лѣтъ твоихъ ясность благочестій твоихъ впредь будетъ умножатися и возвышатися.

«Къ сей ясности юности твоея и благочестій твоихъ и я прихожу съ сею географскою книжищею:

Я хочу елей во огнь возліяти
И охотное остроуміе твое еще болѣе возбуждати.

«Надобіе и пространную пользу сія книги не могу я на симъ тѣсномъ листѣ описати: но твой преславный совѣтникъ и учитель (Глюкъ здѣсь упоминаетъ о баронѣ Гюйссенѣ), который очима своима бо́льшую часть земныхъ государствъ самъ видѣлъ и испыталъ, той же тебѣ сія пространнѣе выкладетъ. Нынѣ же почтися далѣе, о любве и лѣпота всего россійскаго государства! Богъ да сохранитъ цвѣтеніе твое и дастъ созрѣти плодомъ твоимъ, да будеши древо правды и ясное солнце въ благополучіе всѣмъ подданнымъ. Воздыми такожде ясность милости твоея на меня, убогаго невольника, который многайшимъ востружденіемъ впредь будетъ изъявляти, что онъ есть пресвѣтлѣйшаго вашего царскаго благородства нижайшій рабъ Эрнстъ Глюкъ».

Глюкъ умеръ въ 1705 году [1]), и дальнѣйшая судьба заведеннаго имъ училища неизвѣстна: знаемъ только, что оно перешло потомъ въ завѣдываніе Іоанна Вернера Пауза, магистра философіи и бывшаго послѣ первымъ переводчикомъ въ петербургской академіи наукъ. Одинъ грекъ, іеромонахъ Серафимъ, просилъ о дозволеніи ему продолжать ученіе въ заведенномъ въ Москвѣ училищѣ: «нынѣ, понеже случилась смерть Глукхію (5 мая 1705 г.), а дѣло уже обрѣтается въ порядкѣ, чтобъ не испортилось, если изволеніе ваше по договору, что онъ имѣлъ, принимаюся и я, и пошлю иного вонъ для дѣлъ моихъ, сыскавъ и помощниковъ моихъ, ради нѣмецкаго языка. Понеже я наши языки оба, латинской, французской и англійской подлинно и говорить и писать разумѣю; а къ тому же несовершенно русской, итальянской и другіе, спрѣчь испанской, португальской и нидерландской, при тѣхъ же и еврейскій....» Просьба эта однако не была уважена, можетъ быть по тому, что самъ Серафимъ откровенно свидѣтельство-

[1]) Надгробный памятникъ надъ могилою Глюка въ Москвѣ, на старомъ нѣмецкомъ кладбищѣ, подъ Марьиною рощею, видѣлъ еще Карамзинъ. Замѣтимъ также, что годъ смерти Глюка разные писатели показывали не одинаково, о чемъ у Гадебуша въ Livländische Bibliothek I, 429.

валъ, что въ его время въ Россіи грековъ ставили ниже всѣхъ иноземцовъ [1]).

—

Извѣстно, что Петръ Великій основалъ въ Москвѣ первый военный гошпиталь и при немъ хирургическую школу. О послѣдней историкъ судебъ медицины въ Россіи, Рихтеръ собралъ мало подробностей, а потому приводимъ здѣсь свѣдѣнія, сохранившіяся о школѣ въ прошеніи основателя и распорядителя ея, извѣстнаго доктора петровскихъ временъ, Николая Бидлоо. Прошеніе писано въ 1712 году, слѣдовательно чрезъ 5 лѣтъ послѣ учрежденія заведенія.

«Всемилостивѣйшій государь! Вашему царскому величеству благоугодно явилось 1706 года всемилостивѣйше повелѣть гошпиталь при Яузѣ построить, который божіимъ благословеніемъ, попеченіемъ же его превосходительства графа Мусина Пушкина ноября въ 21 день 1707 году въ такое состояніе приведенъ, что со опымъ въ божіе имя начало учинено и впервые нѣсколько больныхъ въ томъ домѣ приведено.

«Въ семъ гошпиталѣ благоволилъ ваше величество, чтобъ я сего (т. е. русскаго) народа нѣсколько младыхъ людей, которые голландскаго и латынскаго языка искусни были, хирургіи по основанію анатомическому научилъ, и больныхъ посланныхъ ко мнѣ и иныхъ увѣчныхъ изцѣлялъ и напослѣдь всякихъ людей, которые ко мнѣ присланы были, посѣщалъ. И сіе все, всемилостивѣйшій государь, съ толикимъ поспѣшествомъ чрезъ мое раченіе къ хитрости (т. е. искусству) и съ прилежаніемъ исполняемо было, что болѣе тысячи больныхъ у меня всякими застарѣлыми язвами и болѣзни и весьма неслыханными случаи счастливо оздоровѣли, и въ сей землѣ неслыханныя дѣйства учинилъ я къ поспѣшествованію сего случая къ пользѣ сихъ больныхъ, а къ наученію сихъ студентовъ многажды не отрекся моими собственными руками увѣчнымъ выятіемъ ядеръ и костей вспомоществовати.

«Еще я болѣе пожели единаго человѣка работу студентами, елико мнѣ въ сіе краткое время возможно было, на себя принялъ, т. е. опыхъ во анатоміи, хирургіи и во искусствѣ травъ научати. И въ семъ мню я, что они во время отъ четырехъ до пяти лѣтъ толико во анатоміи и хирургіи обыкли, что я лучшихъ изъ сихъ студентовъ вашего царскаго величества освященной особѣ или лучшимъ господамъ рекомендовать не стыжусь, ибо они не токмо имѣютъ знаніе одной или другой болѣзни, которая на тѣлѣ приключается и къ чину хирурга надлежитъ, но и генеральное искусство о всѣхъ тѣхъ болѣзняхъ отъ главы даже до ногъ съ подлиннымъ и обыкновеннымъ обученіемъ, како ихъ лечить; такожъ они приключающіяся язвы за-

[1]) Исторія москов. духов. акад., соч. Смирнова, стр. 83.

вязывати и ко онымъ завязываніе сочинять, гдѣ повседневно отъ 100 до 200 больныхъ суть, зѣло поспѣшно научился, и хотя мои труды ко всѣмъ симъ студентамъ равны были, однакожъ они не всѣ равное поятіе имѣли опому научитися и отъ того пользу имѣти. Сего ради, по вашего величества высокому указу, росписъ готовъ учинить есмь онымъ, которымъ большее и меньшее искусни суть.

«Сей вашъ указъ, всемилостивѣйшій государь, привелъ я къ доброму концу, къ вашего величества славѣ и къ пользѣ бѣднымъ и увѣчнымъ. И сей вашего царскаго величества высокой славы достойный таковый гошпиталь учредити, не токмо во всю Россію, но и во весь свѣтъ къ вашей славѣ извѣстенъ и въ разныхъ книгахъ о томъ учинится упомнпаніе. И нпце сей госпиталь построенъ и въ добрый порядокъ приведенъ, и больные суть ко вящшему ихъ удовольствію призрѣніемъ вашего величества вспоможены, указы исправно исполнены и студенты искусни учинены»...

Въ postscriptum: «взялъ я въ разныхъ годѣхъ и числѣхъ 50 человѣкъ до науки хирургической, которыхъ: 33 осталось, 6 умерли, 8 сбѣжали, 2 по указу въ школу взяты, 1 за невоздержаніе отданъ въ солдаты. Въ прошедшіе четыре года, отъ 1708 по 1712, принято было болящихъ 1996 человѣкъ, изъ которыхъ нѣсколько отпущено здоровыхъ и коихъ лечить невозможно; 1026 человѣкъ отъ застарѣлыхъ и тяжкихъ болѣзней вылечено, а осталось въ гошпиталѣ нынѣ 142 человѣка» [1]).

Въ январѣ 1715 г., Бидлоо, прося объ опредѣленіи его коммпссаромъ въ аптеку на мѣсто умершаго Павла Веселовскаго, писалъ къ царю: «по повелѣнію вашему построилъ гошпиталь, которой прежде пріѣзду моего не было, и въ ней, кромѣ леченія многихъ больныхъ, еще изъ россійскихъ людей хирургической наукѣ такъ научилъ, что они во Франціи, Германіи и въ прочихъ государствахъ, такожъ и у вашего величества при дворцѣ во искусствѣ своего ученія похвалены [2])».

—

Говоря о школахъ, учреждавшихся въ Россіи въ началѣ XVIII столѣтія, невозможно пройти молчаніемъ учебное заведеніе, основанное въ Сибири, въ Тобольскѣ, плѣнпымъ шведскимъ офицеромъ фонъ Врехомъ. Школа эта не оставила по себѣ слѣдовъ въ исторіи русскаго просвѣщенія и, послѣ заключенія ништадтскаго мира, когда всѣ плѣнные шведы могли возвратиться на родину, была закрыта, а учителя и ученики ея покинули Тобольскъ. Несмотря на то, она представляетъ любопытное явленіе, такъ какъ возникала и существовала подъ вліяніемъ исключительно религіознаго направленія, которое

[1]) Кабин. дѣла II. № 15, л. 139.

[2]) Кабин. дѣла II. № 25, л. 339.

проявилось въ Германіи съ конца XVII столѣтія. Спенеръ и Франке стояли тогда въ главѣ такого направленія и имъ-то Германія обязана устройствомъ повсюду, безъ всякихъ пособій отъ правительства, народныхъ школъ, гдѣ вкоренялось то аскетическое и религіозно-мистическое настроеніе, которымъ отличались люди, извѣстные въ германской исторіи подъ именемъ піэтистовъ. Развитіе піэтизма весьма понятно въ тогдашней Германіи, стѣсненной болѣе, нежели какая либо страна, остатками средневѣковыхъ предразсудковъ и раздѣленной между множествомъ князьковъ, хотѣвшихъ жить какъ короли, и все на счетъ своихъ смиренныхъ подданныхъ. Послѣднимъ дѣйствительность при такой обстановкѣ не представляла ничего утѣшительнаго и привлекательнаго, они и желали лучше вознестись горѣ, чтобы забыть все, что̀ давило ихъ на землѣ.

Фонъ Врехъ, попавшій въ плѣнъ послѣ пораженія Карла XII при Полтавѣ, былъ піэтистъ, какъ бо́льшая часть шведскихъ офицеровъ изъ нѣмцевъ, и въ бытность свою въ Москвѣ встрѣтилъ въ тамошнихъ нѣмцахъ много жаркихъ послѣдователей Спенера и Франке. Когда его московскіе друзья узнали, что онъ, по прибытіи въ Тобольскъ, основалъ школу для дѣтей своихъ единовѣрцевъ, то тотчасъ же начали посылать къ нему денежныя пособія. До самого Франке дошелъ о томъ слухъ въ Галль, и онъ поспѣшилъ надѣлить школу разными книгами духовнаго содержанія; не разъ доставлялъ онъ фонъ Вреху и деньги. Въ 1714 г., въ тобольской школѣ было 12 учениковъ и 3 наставника, потомъ съ каждымъ годомъ число учащихъ и и учащихся возрастало, такъ что въ 1720 г., въ годъ закрытія ея, въ ней было 139 человѣкъ. Замѣчательно, что и русскіе (правда—очень немногіе) отдавали дѣтей своихъ въ школу фонъ Врехa и даже изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ; кромѣ того, оказывали не разъ ему пособіе, на равнѣ съ московскими и заграничными нѣмцами. Объ этомъ сохранилось собственное свидѣтельство основателя школы.

Фонъ Врехъ завелъ въ своей школѣ распорядки и слѣдовалъ тому же методу образованія, какіе были введены профессоромъ Франке въ Галлѣ: чтеніе библіи, пѣніе псалмовъ, произнесеніе молитвъ наизусть и по книгамъ—вотъ главные предметы преподаванія; даже въ краткіе промежутки для роздыха учителя обязывались занимать дѣтей бесѣдами о поучительныхъ предметахъ. Вообще же по уставу ученики не имѣли право говорить съ своими наставниками о чемъ либо другомъ, кромѣ божественнаго. Все остальное въ уставѣ фонъ Врехa можно уже угадать по этимъ главнымъ чертамъ [1]).

—

[1]) Ср. Журналъ мин. нар. просвѣщенія за 1857, іюль, стр. 30—50, III отдѣла: «Шведская школа въ Тобольскѣ въ царствованіе Петра Великаго»; статья эта заимствована изъ

Въ заключеніе настоящей главы, неизлишнимъ считаемъ представить тѣ иностранныя извѣстія, которыя составлены въ царствованіе Петра о мѣрахъ къ просвѣщенію Россіи подъ вліяніемъ барона Гюйссена, и помѣщены сначала въ Europäische Fama [1]), и потомъ съ измѣненіями въ Relation 1706 года [2]). Современныя извѣстія эти, хотя и пристрастны, однако не лишены интереса, какъ потому что писаны согласно волѣ и намѣреніямъ самого царя, такъ и въ томъ отношеніи, что повторялись много разъ потомъ въ сочиненіяхъ, гдѣ рѣчь шла о Россіи начала XVIII вѣка.

Въ Fama 1705 г. помѣщены слѣдующія разсужденія по поводу мѣръ для распространенія знаній въ Россіи: «Подобно тому, какъ въ отдѣльныхъ лицахъ замѣчаются иногда извѣстныя степени возраста, при достиженіи которыхъ происходитъ переворотъ въ силахъ и счастьи ихъ, такъ точно въ жизни цѣлыхъ странъ и государствъ есть періоды, когда они, по неизъяснимой судьбѣ, достигаютъ или чрезвычайнаго могущества, или высшаго развитія. Науки и искусства никогда не остаются въ одной мѣстности: страны, гдѣ обитали прежде Музы, теперь служатъ жилищемъ варваровъ и потому, въ силу таковаго измѣненія, отъ просвѣщенной древности намъ достались только развалины. Изъ европейцовъ, къ которымъ медленнѣе прочихъ прививается просвѣщеніе, татары и русскіе находились въ самомъ худшемъ положеніи. Первые и до нынѣ остаются еще въ неописанномъ невѣжествѣ, напротивъ, послѣдніе постоянно преобразовываютъ себя по образцу нѣмцевъ и, при помощи несравненныхъ учрежденій нынѣ царствующаго государя, начинаютъ смотрѣть не однимъ, но обоими глазами»....

«Прежде, если русскій священникъ умѣлъ кстати прочесть одну главу изъ библіи или отрывокъ изъ проповѣди, то считался уже за ученаго человѣка, а кто умѣлъ читать и писать, отъ того не требовали дальнѣйшаго ученія».

Въ Relation пояснены причины такого состоянія просвѣщенія: «учебныя заведенія въ Россіи, не за долго передъ симъ, находились еще въ жалкомъ состояніи; само духовенство, которое было обязано просвѣщать другихъ, какъ будто совѣстилось открывать путь распространявшейся учености и довольствовалось тѣмъ, что учило читать и писать, и это въ Московіи считалось высокою степенью ученой премудрости. Причину такого невѣжества надобно искать въ ненависти грековъ къ католикамъ, такъже въ запрещеніи путешествовать

книги фонъ-Вреха: Wahrhafte und umständliche Historie von denen Schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien. Sorau, 1725.

[1]) Th. XXXV, 787 sq.

[2]) Стр. 165—169.

по чужимъ землямъ и, наконецъ, въ сосѣдствѣ съ татарами. Однако нынѣ, подъ мудрымъ правленіемъ его царскаго величества, такой порядокъ измѣняется, и Музы, богини свободныхъ наукъ, нашли новый Геликонъ въ московскихъ предѣлахъ и стали тамъ смягчать грубые нравы».

«Вниманіе могущественнаго монарха, говорится въ Fama, обращено главнѣйше на три предмета: на очищеніе теологическихъ знаній, на изученіе политическихъ наукъ и на улучшеніе военнаго искусства. Все это требуетъ знанія иностранныхъ языковъ и зрѣлой обдуманности»...

За тѣмъ упоминается о грекахъ (Лихудахъ?), которые учились въ Римѣ и Падуѣ, и преподаютъ въ Москвѣ философію, богословію, назначая иногда публичные диспуты; объ учителѣ, который тамъ же преподаетъ французскій и итальянскій языки; о іезуитахъ, прибывшихъ въ Россію миссіонерами и дающихъ юношеству уроки въ латинскомъ языкѣ, математикѣ и военномъ искусствѣ. На обсерваторіи (при сухаревой башни) ежедневно обучается до 200 человѣкъ дѣтей и взрослыхъ ариѳметикѣ, геометріи, математикѣ и корабельному искусству. Ученики освобождены отъ военной службы, а бѣдные изъ нихъ получаютъ нѣкоторое вспоможеніе. Послѣ хорошо выдержаннаго экзамена, они получаютъ награды и посылаются въ армію, гдѣ имъ даютъ, предпочтительно предъ прочими, лучшія мѣста, почему и юноши, и взрослые стараются получить образованіе въ училищѣ. Даже русскія женщины начинаютъ заглядывать въ газеты, которыя, вмѣстѣ съ другими книгами, переводятся на русской языкъ и продаются по умѣреннымъ цѣнамъ. Потомъ говорится объ училищѣ и переводахъ Глюка, а также о Поликарповѣ, составившемъ и издавшемъ трехъязычный Лексиконъ. Наконецъ сообщено, что анатомія дѣлается извѣстною между русскими: въ Москвѣ построенъ анатомическій театръ, который ввѣренъ надзору доктора Бидлоо, голландца и царскаго медика; онъ часто анатомируетъ тѣла, какъ умершихъ обыкновенною смертью, такъ и скончавшихся отъ ранъ, при чемъ часто присутствуетъ самъ царь съ вельможами, особенно когда медики совѣщаются о свойствахъ тѣла и причинахъ различныхъ болѣзней. Другой медикъ, англичанинъ (Арескинъ), предсѣдательствуетъ въ физико-математической коллегіи (?), въ которой былъ и бесѣдовалъ гетманъ Мазепа съ митрополитами и другими свѣдущими особами. Недавно говорить начали о предположеніи основать рыцарскую академію, но объ этомъ еще нѣтъ ничего вѣрнаго, а потому и будетъ сообщено при другомъ случаѣ.

Въ Fama сообщены (l. c.) слѣдующія извѣстія о воспитаніи царевича Алексѣя:

«Такого примѣра мудраго и храбраго монарха, каковымъ показываетъ себя своимъ подданнымъ пресвѣтлѣйшій царь, не видано ни

въ одномъ изъ его предшественниковъ, въ продолженіи многихъ вѣковъ: его царское величество старается, чтобы московскій принцъ, единственный сынъ его, шелъ по его стопамъ и могъ бы славу россійской монархіи вознести на ту степень, на которую достославный родитель намѣренъ поставить посредствомъ недавнихъ побѣдъ своихъ надъ турками, татарами и другими непріятелями. Царевичь не только русскимъ, но и иностранцамъ извѣстенъ подъ именемъ пресвѣтлѣйшаго солдата. Его портретъ, сообщенный намъ въ оригиналѣ, служитъ украшеніемъ настоящей части Fama и подаетъ надежду вѣрнымъ русскимъ, что они и по чертамъ, и по дѣяніямъ своего Алексѣя будутъ чтить Александра. Алексѣй Петровичь родился 19 февраля 1690 г. и, по благости небесъ, одаренъ всѣми качествами, необходимыми для воспріятія царскихъ добродѣтелей. Инструкція, составленная тѣмъ, кому ввѣрено его воспитаніе, помѣщена въ XVIII ч. нашей Fama и — надо сознаться—въ ней не забыто ничего, что принадлежитъ до внушенія въ царевичѣ страха господня, мудрости и милосердія. Г. фонъ Гюйсенъ, царскаго величества военный и государственный совѣтникъ, воспитатель наслѣднаго принца (за нѣсколько мѣсяцовъ передъ симъ онъ отправленъ, какъ посланникъ, по важнымъ дѣламъ къ цесарскому и другимъ нѣмецкимъ дворамъ), до сихъ поръ исполнялъ всѣ лежавшія на немъ обязанности съ неутомимымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ усиленнымъ стараніемъ, которое необходимо въ столь важномъ дѣлѣ. И мы не заслужимъ упрека, если безъ всякой недовѣрчивости дадимъ полную вѣру его пріятному и притомъ безпристрастному перу. Г. Гюйссенъ пишетъ къ намъ о великомъ князѣ, какъ о человѣкѣ, надѣленномъ отъ природы умомъ понятливымъ: ежедневно царевичъ посвящаетъ 3 часа наукамъ; изъ благочестія и по собственному побужденію, прочиталъ онъ библію на славянскомъ языкѣ пять разъ и одинъ разъ—на нѣмецкомъ; прилежно перечитываетъ творенія греческихъ отцовъ церкви, а также духовныя и свѣтскія книги или печатанныя въ Москвѣ, Кіевѣ или Молдавіи, или рукописныя, нарочно для него переведенныя; владѣетъ чистымъ почеркомъ; при надлежащемъ надзорѣ и ежедневномъ чтеніи, научился хорошо говорить и писать по нѣмецки и по французски; не упускаетъ каждый день заучивать что нибудь на память; знакомится съ жизнеописаніями императоровъ, королей и полководцевъ, на француз. и нѣмец. языкахъ, и славные подвиги этихъ лицъ беретъ себѣ за образцы; питаетъ къ Богу истинный страхъ, и оказываетъ его царскому величеству сыновнее почтеніе и глубокое послушаніе; отечественнымъ и иностраннымъ министрамъ — особенное уваженіе, а къ своимъ служителямъ и подданнымъ — любовь, соединенную съ достоинствомъ. Нравственное образованіе сопровождается тѣлесными упражненіями и потому не пренебрежены танцы, верховая ѣзда и всякаго рода механическія занятія. Если такимъ образомъ будутъ усовершенствоваться

душа и тѣло царевича, то государство должно отъ него ожидать мудраго и смѣлаго правителя. Его холерико-сангвинический темпераментъ даетъ ему нужныя для того силы и пресвѣтлѣйшій родитель съ строгою заботливостью запретилъ ослаблять или портить нѣжнымъ воспитаніемъ его юность: по этому его сіятельство, кн. Меншиковъ, согласно родительской волѣ, обходится съ нимъ безъ всякой излишней лести, и часто можно видѣть, что царевичъ за обѣдомъ встаетъ съ своего мѣста и становится позади родительскаго кресла, чтобы тѣмъ выказать сыновнее почтеніе, а его величество всякой разъ ему приказываетъ садиться... Все это дозволяетъ съ основательностью заключить, что разумъ царевича далеко превышаетъ его возрастъ, и тѣ, которые принимали участіе въ его воспитаніи, пріобрѣтутъ безсмертное воспоминаніе, такъ какъ ихъ мудрыя распоряженія, при божьемъ благословеніи, образовали россійскому государству принца, отъ мудрости и храбрости котораго померкнетъ восточная луна, а весь христіанскій міръ пріобрѣтетъ неисчислимыя выгоды»...

Теперь надобно сказать и объ инструкціи для воспитанія царевича, которой такъ хвалился баронъ Гюйссенъ и которая печаталась во всѣхъ изданіяхъ, гдѣ онъ имѣлъ вліяніе [1]).

Первыя статьи ея содержатъ общія разсужденія, какъ внушить царевичу понятія о вѣрѣ, нравственности и т. п. Изученіе русскаго языка состояло въ чтеніи и письмѣ, «а особливо въ чтаніи всякаго письма рукъ». Далѣе полагалось чтеніе библіи и новаго завѣта. Главное вниманіе обращено на французскій языкъ, «какъ легчайшій и потребнѣйшій». Царевичъ долженъ былъ изучать его по грамматикѣ, составленной для французскаго дофина. Кромѣ того, опредѣлялось нѣсколько служителей, знавшихъ французскій языкъ и которые бы могли говорить на немъ съ великимъ княземъ. Когда онъ выучится читать по французски, то показывать ему раскрашенныя карты, при чемъ руководствоваться трудомъ Жальо (Jaillot). Геометрія и ариѳметика должны преподаваться на французскомъ языкѣ, когда въ немъ царевичъ пріобрѣтетъ достаточный навыкъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ начать «высокопотребнымъ принцу экзерциціямъ, якоже шурмованію, танцованію и конской ѣздѣ», также «игру трукъ тафель и балгаузъ (volant, Truck Tafel, Ball Haus) въ умѣренное употребленіе привесть».

Какъ скоро великій князь будетъ объясняться по французски и понимать авторовъ, то перевести на этотъ языкъ «Буноновy Идею исторіи общей» (Bunonis, Idea Historiæ universalis cum continuatione), Пуффендорфа, Введенію въ исторію (Puffendorf's-Einleitung zur Historie der vornehmsten Staaten in Europa); вмѣстѣ съ преподаваніемъ по этимъ книгамъ, читать французскіе журналы и газеты и знакомить съ географіею и «науками сферическими». Для познанія геометріи, те-

---

[1]) На русскомъ яз. она въ Дѣян. П. В., Голикова, III, 97—106.

оріи и практики Блонделя, учить царевича геометріи, также сочиненной для дофина, «или наипаче труды Озенамовы (Ozanams) употреблять».

Далѣе предполагалось перевести на французскій языкъ Пуффендорфа «малую книжицу о должностяхъ человѣка и гражданина» (De officio hominis et civis), какъ преддверіе къ изученію трудовъ Гроція и Пуффендорфа. Преподавателю въ особенности рекомендовалась: Les droits civils dans leur ordre naturel, Символы — Саведра и «въ свѣтѣ знатный Телемакъ».

Всѣ эти книги, по переводѣ, предположено напечатать въ Голландіи; а изъ другихъ, нужныхъ для воспитанія, составить комнатную библіотеку царевича. Воспитаніе по предложенной методѣ должно было окончиться въ два года.

VII.

Русскіе петровскихъ временъ за границей. — Современныя описанія путешествій. — Заграничныя письма русскихъ въ началѣ XVIII столѣтія.

Веберъ, разсуждая о характерѣ современныхъ ему русскихъ [1]), замѣчаетъ, что нѣкоторые изъ нихъ во время своихъ заграничныхъ путешествій вѣжливостью и хорошимъ обращеніемъ пріобрѣтаютъ любовь и уваженіе иностранцовъ, и послѣдніе убѣждены, что Петръ успѣетъ въ своемъ намѣреніи сдѣлать изъ своихъ подданныхъ образованныхъ людей. Но если бы эти же иностранцы побывали сами въ Россіи и стали бы отыскивать своихъ знакомцевъ, то увидѣли бы, что бо́льшая часть изъ нихъ отбросили пріобрѣтенные въ чужихъ краяхъ обычаи, и показывая только несносное чванство, потому что усвоили внѣшній лоскъ (а душевныя ихъ способности остались невоздѣланными), живутъ такъ, какъ жили въ старину.

Несмотря на то, что свидѣтельство Вебера подтверждается и многими отечественными извѣстіями о той эпохѣ, должно все таки признать, что поѣздки русскихъ за границу имѣли важное вліяніе на распространеніе просвѣщенія въ Россіи. Веберъ, какъ посланникъ, зналъ только придворныхъ и по нимъ судилъ о цѣлой странѣ; что эти лица за границей передразнивали европейцовъ, а дома принимались за старое — спорить нельзя; но, кромѣ ихъ, посылались изъ русскихъ много и такихъ, которые, по рожденію и состоянію, были об-

[1]) Das veränd. Russland I, 12, 13.

речены на тяжелый трудъ и работу, и этимъ-то труженикамъ была полезна заграничная жизнь: они, по возвращеніи въ отечество, должны были тотчасъ же примѣнять къ дѣлу пріобрѣтенныя знанія и, такимъ образомъ, приносили пользу. Еще въ XVII вѣкѣ, въ Россіи бо́льшая часть извѣстныхъ изъ нашихъ духовныхъ писателей (малороссійскихъ) учились въ заграничныхъ академіяхъ и школахъ. Тоже явленіе повторилось и въ началѣ XVIII вѣка: тогдашнія ученыя знаменитости образовывались въ чужихъ краяхъ; даже и тѣ, которые занимались переводами только съ иноязычныхъ сочиненій, посылались въ молодости «въ науку за море», и исключенія изъ этого обычая всѣ извѣстны на перечетъ.

Первая посылка русскихъ учиться въ чужіе края сдѣлана была Петромъ въ видахъ познанія мореходства: «дабы то вѣчно утвердилось въ Россіи, сказано въ предисловіи къ Морскому регламенту, умыслилъ государь искусство дѣла того ввесть въ народъ свой, и того ради многое число благородныхъ послалъ въ Голландію и иныя государства учиться архитектуры и управленія карабельнаго».

Въ первый разъ было отправлено изъ комнатныхъ стольниковъ въ Италію 28, въ Англію и Голландію 22 [1]).— Бо́льшая часть изъ нихъ поѣхали въ первыхъ мѣсяцахъ 1697 г.; въ августѣ того же года, царь писалъ изъ Амстердама къ Виніусу: «спальники, которые прежде насъ посланы сюда, выуча кумпасъ, хотѣли къ Москвѣ ѣхать, не бывъ на морѣ: чаяли, что все тутъ. Но адмиралъ нашъ памѣреніе ихъ премѣнилъ: велѣлъ имъ ѣхать во Статъ еще ртомъ поср...» [2]).

Схельтма собралъ нѣкоторыя извѣстія о пребываніи русскихъ въ Сардамѣ [3]): 5 сентября 1697 г., туда прибыли Александръ Меншиковъ, Гаврила Головкинъ и третій, имя котораго осталось неизвѣстнымъ. Меншиковъ назначенъ былъ царемъ учиться дѣланію мачтъ, другіе два — постройкѣ лодокъ. Переводчикъ, говоря мастеру о третьемъ изъ русскихъ, прибавилъ: «вы должны заботливо обходиться съ этимъ иностранцомъ, потому что онъ — знатный господинъ, Московскій князь». Меншиковъ понялъ слова переводчика и началъ упрекать его за рекомендацію, на что тотъ возразилъ: «Э, это не повредитъ господину, если узнаютъ его званіе: съ нимъ будутъ лучше обходиться!» Съ 9 сентября, русскіе принялись за работу: двое изъ нихъ, назначенные къ постройкѣ лодокъ и непривычные къ тяжелой работѣ, сначала жаловались на боль въ рукахъ; но это продолжалось не долго и боль прошла.—Третій, неизвѣстный, разстроилъ свое здоровье и въ октябрѣ получилъ дозволеніе возвратиться въ Россію. Меншиковъ успѣвалъ въ работѣ лучше всѣхъ. Царь зашелъ

---

[1]) Имена ихъ въ Исторіи П. В. г. Устрялова II, 565—567.

[2]) Ibid. III, 425.

[3]) Anécdotes historiques sur Pierre le Grand... p. p. 117—120.

къ нему однажды на верфь, гдѣ онъ учился, и, взявъ его инструментъ, работалъ передъ любимцомъ. Послѣ Меншиковъ выпросился у Петра перейти на амстердамскую верфь къ нему. Головкинъ только разъ покидалъ Сардамъ, чтобы съѣздить въ Утрехтъ, гдѣ его братъ изучалъ фейерверочное искусство. До сихъ поръ показываютъ домъ, гдѣ жилъ Головкинъ, веселый и довольный, съ священникомъ, поваромъ и весьма искуснымъ музыкантомъ. Вѣроятно въ ту эпоху жили въ Сардамѣ и другіе русскіе: по преданію извѣстенъ домъ, въ которомъ они имѣли мѣстопребываніе. Объ одномъ изъ москвитянъ сохранилось воспоминаніе, что онъ работалъ на верфи весьма усердно, но когда начинался роздыхъ, то къ нему являлся служитель съ умывальникомъ: господинъ умывалъ руки и перемѣнялъ платье.

Впослѣдствіи времени не мало было отправлено въ Голландію учениковъ, кончившихъ ученіе въ навигацкой школѣ: о заграничной жизни этихъ навигаторовъ—такъ называли ихъ тогда—сохранились извѣстія въ дѣлахъ главнаго морскаго архива. Князь Иванъ Львовъ нарочно жилъ въ Голландіи, надзирая за учившимися тамъ русскими, и нерѣдко писалъ на нихъ жалобы. Денегъ въ его распоряженіи было мало, а между тѣмъ молодежь входила въ долги. Въ 1711 г., Львовъ убѣдительно просилъ не посылать навигаторовъ въ Англію: «для того что и старые тамъ научились больше пить и деньги тратить. Не могу, говорилъ Львовъ, ихъ оплатить, а нынѣ пишутъ, что хотятъ уже въ тюрьмы сажать за долги»... «Тщился я, писалъ въ свою очередь русскій посолъ въ Англіи, гр. Литта, ублажить англичанина, которому одинъ изъ московскихъ глазъ вышибъ, но онъ 500 фунтовъ запросилъ»... Далѣе Львовъ доносилъ въ Россію: «иссушили навигаторы не только кровь, но уже самое сердце мое: я бы радъ, чтобъ они тамъ меня убили до смерти, нежели бы мнѣ такое злостраданіе имѣть и несносныя тягости». Наконецъ этотъ наблюдатель русскихъ юношей долженъ былъ скрываться отъ нихъ, о чемъ и доносилъ въ Россію: «хотятъ убить (меня) до смерти... хотя бы вы изволили прислать 5000 фунтовъ, я чаю мало будетъ на англійскихъ навигаторовъ».

Въ одномъ докладѣ Львова испрашивалось разрѣшеніе царя, какимъ наукамъ учиться русскимъ, посланнымъ за границу, и какъ поступать съ тѣми изъ нихъ, которые незнаютъ иностранныхъ языковъ? На первой Петръ отвѣчалъ: «учиться навигаціи зимой, а лѣтомъ ходить на морѣ на всякихъ корабляхъ и обучиться, чтобы возможно онымъ потомъ морскими офицерами быть»... а на второй вопросъ: «какъ матросы русскіе выучились, такимъ образомъ и онымъ учиться»... [1])

Василій Васильевичъ Головинъ (родился въ 1696 г.), въ своей «Запискѣ бѣдной и суетной жизни человѣческой», разсказываетъ, между прочимъ, что въ 1712 г. всѣ малолѣтніе дворяне были вызваны въ

[1]) Очеркъ исторіи морскаго кадет. корпуса, стр. 27—31.

Петербургъ: «мая въ послѣднихъ числахъ былъ намъ всѣмъ смотръ, а смотрѣлъ самъ его царское величество, и изволилъ опредѣлить насъ по разбору на трое: первые, которые лѣтами по старѣе, въ службу въ солдаты, а середнихъ за море въ Голландію для морской навигацкой наукѣ, въ которыхъ въ числахъ за море и я, грѣшникъ въ первое несчастіе опредѣленъ, а самыхъ малолѣтныхъ въ г. Ревель въ науку»... Объ ученіи въ Голландіи Головинъ замѣчаетъ лаконически: «въ Сардамѣ и во Ротердамѣ учился языку голландскому, и арѳметикѣ, и навигаціи» съ 1713 по 1715 годъ, а потомъ возвращенъ въ Россію, гдѣ все таки продолжалъ учиться въ морской академіи «навигацкой наукѣ и солдатскому артикулу», хотя впродолженіи этого времени онъ уже былъ женатъ.

Въ бытность Головина въ Голландіи, онъ былъ подъ вѣдѣніемъ того самаго кн. Львова, котораго жалобныя донесенія сообщены выше. Головинъ его называетъ «комиссаромъ у нашей братьи, у дворянъ россійскихъ, для понужденія навигацкой науки — практикъ князь Иванъ княжъ Борисовъ сынъ Львовъ». Товарищами Головина «въ навигацкой наукѣ» были молодые люди изъ самыхъ знатныхъ фамилій: Александръ да Иванъ Львовичи Нарышкины, кн. Мих. Мих. меньшой Голицынъ, кн. Алекс. Андр. Черкасскій, кн. Мих. Вас., съ племянникомъ своимъ кн. Вас. Алекс., Голицынъ, кн. Алексѣй Долгорукій, кн. Иванъ Лобановъ, Петръ Пушкинъ, Ѳедоръ Бутурлинъ, Александръ Левонтьевъ, Алексѣй Щепотьевъ, Василій Дмитріевъ Мамоновъ, Андрей Хрущовъ, кн. Алекс. Прозоровскій, кн. Влад. Долгорукій, кн. Василій, Иванъ, Александръ Урусовы и Ѳед. Владиміровичъ Шереметьевъ [1]).

---

[1]) Записка Головина помѣщена въ книгѣ «Родословная Головиныхъ владѣльцовъ села Новоспасскаго, собранная Петромъ Казанскимъ» (Москва 1847 г.). Здѣсь находимъ любопытное сказаніе, какъ жилъ въ деревнѣ бывшій за моремъ навигаторъ. У Головина было заведено, чтобы ежедневно являлись къ нему съ докладомъ всѣ деревенскія власти, которыхъ, по особой командѣ, впускала и выпроваживала горничная. Каждый разъ, этотъ импровизированный церемонмейстеръ произносилъ въ дверяхъ комнаты господина такую рѣчь довѣреннымъ вассаламъ: «входите, смотрите тихо, смирно, бережно и опасно, съ чистотою и молитвою, съ докладами и за приказами къ барину нашему, къ государю, кланяйтесь низко его боярской милости и помните жъ—смотрите на крѣпко!» За тѣмъ начинались донесенія дворецкаго, ключника, выборнаго и старосты. Невозможно читать все это серьезно — особенно если вспомнить, что рапорты произносились съ величайшею важностью, чинно и невозмутимо. Для образца, вотъ докладъ выборнаго: «во всю ночь, государь нашъ, вокругъ вашего боярскаго дому ходили, въ колотушки стучали, въ трещотки трещали, въ ясакъ звенѣли и въ доску гремѣли. Въ рожокъ, сударь, по очереди трубили и всѣ четверо между собою громко говорили. Ночныя птицы не летали, страннымъ голосомъ не кричали, молодыхъ господъ не пугали и барской замазки не клевали, на крышѣ не садились и на чердакѣ не возились». Староста свой рапортъ оканчивалъ такъ: «во всѣхъ четырехъ деревняхъ, милостію Божіею, все состоитъ благополучно и здорово: крестьяне ваши господскіе богатѣютъ, скотина ихъ здоровѣетъ, четвероногія животныя насутся, домашнія птицы несутся, на землѣ трясенія не слыхали и небеснаго

Сохранилось письмо изъ-за границы одного изъ этихъ товарищей Головина, кн. Михаила Голицына: «о житіѣ моемъ возвѣщаю, писалъ онъ въ 1711 г., житіе мнѣ пришло самое бѣдственное и трудное. Первое, что нищета, паче же разлученіе. Наука опредѣлена самая премудрая: хотя мнѣ всѣ дни живота своего на той наукѣ себя трудить, а не принять будетъ, для того — не знамо учитца языка, не знамо науки. Видимъ то, которые наша братья пріѣхали для обученія къ той наукѣ и ни единаго не было, чтобы безъ латинскаго языка, да и тѣ въ три годы ни единъ человѣкъ ни половины окончать не можетъ. А про меня вы сами можете знать, что кромѣ природнаго языка, никакого не могу знать, да и лѣта уже мои ушли отъ науки, а паче всего въ томъ моя тягость, что на морѣ ни которыми мѣрами мнѣ быть не возможно, того ради, что весьма боленъ... а въ пунктахъ или статьяхъ написано г. комиссару кн. Львову о всей компаніи, которые опредѣлены въ навигацкую науку, т. е. мореходства, чтобы были на сухомъ пути, обучалися чертежамъ зимніе четыре мѣсяца, а 8 мѣсяцовъ всегда бы были непрестанно на кораблѣ; а ежели кто сего дѣла не обучитъ, и за то будетъ безо всякія пощады превелікое бѣдство, отъ чего Боже сохрани! и тотъ престрашный гнѣвъ въ тѣхъ пунктахъ написанъ рукою самого монарха, и про тотъ гнѣвъ подъ великимъ запрещеніемъ г. комиссару не велѣно никому сказывать — однако же мнѣ, по любви своей, открылъ. И я, видя ту ярость, а въ себѣ весьма вижу, что сего положеннаго дѣла не управить, паче же натура моя не можетъ снесть мореходства, и отъ того пришелъ въ великую печаль и сомнѣніе, и незнаю какъ и быть».. Въ заключеніе кн. Голицынъ просилъ похлопотать, чтобы его или отослали въ Москву, или опредѣлили въ сухопутную службу, у Ѳедора Матвѣевича Апраксина и секретаря при государѣ Алексѣя Макарова, за что послѣднему поручалъ дать что нибудь изъ вещей [1]).

Въ запискахъ П. Неплюева читаемъ, что онъ родился въ 1693 г., женился 18 лѣтъ, а въ 1715 взятъ на службу. Въ слѣдующемъ году онъ отправленъ съ флотомъ въ Копенгагенъ, откуда, съ другими 30 гардемаринами, въ Венецію, гдѣ былъ въ дѣйствительной службѣ на тамошнемъ галерномъ флотѣ. Изъ Венеціи, Неплюевъ съ товарищами

явленія не видали. Котъ Ванька и баба Зажигалка въ Ртищевѣ проживаютъ и, по приказу вашему боярскому, невѣйку ежемѣсячно получаютъ, о преступленіи своемъ ежедневно воздыхаютъ, и васъ, государь нашъ, слезно умоляютъ, чтобы вы гнѣвъ боярской на милость положили и ихъ бы, виновныхъ рабовъ своихъ, простили». Авторъ Родословной поясняетъ, что котъ Ванька, любимецъ барина, однажды забрался въ вятеръ, гдѣ была приготовлена рыба для господскаго стола, и тамъ удавился. Слуги, не сказавъ о смерти кота, доложили барину только о его преступленіи, и котъ сосланъ былъ въ д. Ртищеву, гдѣ также находилась въ изгнаніи и одна баба, прозванная Зажигалкою и отъ неосторожности которой сгорѣло село.. Ср. Родослов. Головиныхъ, стр. 62 и слѣд.

[1]) Архивъ, изд. г. Калачовымъ, 2 пол. кн. 2, отд. VI, стр. 62.

поѣхали въ Испанію и учились тамъ въ морской академіи «солдатскому артикулу, на шпагахъ биться, танцовать... а къ математикѣ, говоритъ Неплюевъ, приходили — только безъ дѣла сидѣли, понеже учиться не возможно, для того-что языку мы незнали»... По этой причинѣ, а также и по недостаточности жалованья, они писали въ Россію объ опредѣленіи ихъ на службу, «понеже шпажное и танцовальныя ученія къ нуждѣ его величества въ насъ годно быть не можетъ». Подобная же просьба была подана отъ русскихъ и къ испанскому королю — этотъ велѣлъ объявить, чтобы имъ «быть въ академіи и учиться языку и прочаго [1])». Наконецъ въ 1720 г., они получили разрѣшеніе возвратиться въ Россію. Во время своихъ переѣздовъ по Европѣ, они встрѣчали и другихъ русскихъ: въ Тулонѣ 7 русскихъ гардемариновъ, которые учились въ французской академіи: «навигаціи, инженерству, артиллеріи, рисовать мачтабы, какъ корабли строются, боцманству, т. е. осматривать корабли, артикулу солдатскому, танцовать, на шпагахъ биться, на лошадяхъ ѣздить». Въ Амстердамѣ, въ проѣздъ Неплюева съ товарищами, было около пятидесяти русскихъ: иные изъ нихъ учились «экипажеству и механикѣ», другіе, «школьники» — всякимъ ремесламъ: мѣдному, столярному и судовымъ строеніемъ [2]). По прибытіи въ Петербургъ, гардемарины должны были держать экзаменъ. «Не знаю, пишетъ при этомъ случаѣ Неплюевъ, какъ мои товарищи извѣстіе объ экзаменѣ приняли, а я всю ночь не спалъ — готовился какъ на страшный судъ». На экзаменѣ, «государь, оборотясь къ Змаевичу, приказалъ распрашивать меня, а какъ я давалъ отвѣты, то онъ еще изволилъ сказать Змаевичу «распрашивай о высшихъ знаніяхъ», и по окончаніи у всѣхъ насъ распросовъ, тутъ же пожаловалъ меня въ поручики морскаго галернаго флота и другаго Куракина, а и другихъ пожаловалъ также по нижечинами [3])». Въ числѣ товарищей Неплюева былъ въ Италіи и Испаніи Василій Татищевъ, родственникъ историка Василья же Татищева.

Всѣ старинныя русскія путешествія до Петра можно раздѣлить на два отдѣла: одни предпринимались нашими предками съ благочестивою цѣлью посѣтить мѣста, дорогія для нихъ по воспоминаніямъ изъ священной исторіи, поклониться находящимся тамъ святынямъ и, такимъ образомъ, исполнить потребность, развивавшуюся единственно вслѣдствіе религіознаго настроенія духа. Въ описаніи такихъ путешествій благоговѣніе къ святынѣ, наивная довѣрчивость и совершенное отчужденіе отъ всего, что̀ не касается главной цѣли «хожденія», составляетъ отличительный и едва ли не единственный характеръ цѣлаго. Другой отдѣлъ сказаній о чужихъ краяхъ есть

---

[1]) Отечествен. Записки 1823 г. XLI, 441; 1824 г. LIV, 107—109.

[2]) Ibid. 1824 г., LII, 234; LIV, 124.

[3]) Ibid. 1824 г., LIX, 435, 439—440.

тѣ оффиціальныя донесенія, которыя представлялись нашими посланниками и извѣстны подъ названіемъ статейныхъ списковъ. До Петра мы не встрѣчаемъ путешественниковъ, которые бы посѣщали другія страны для удовлетворенія своей любознательности. «Благоразумный читателю, говоритъ по этому случаю Кошихинъ, чтучи сего, не удивляйся: понеже для наученія и обычая въ иныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того — узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи, началибъ свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили».

Заграничныя путешествія начала XVIII столѣтія остались описанными въ замѣткахъ пяти русскихъ: стольника Петра Андреевича Толстова, посѣщавшаго Италію и Мальту и жившаго въ Венеціи въ 1697—99 годахъ [1]); неизвѣстнаго, который былъ въ Голландіи, Германіи и Италіи въ 1697 — 98 годахъ [2]); Бориса Петровича Шереметьева, побывавшаго въ тѣхъ же годахъ въ Польшѣ, Австріи, Италіи и Мальтѣ [3]); неизвѣстнаго, 1714 — 1717 г., разъѣзжавшаго съ братомъ и учителемъ по Голландіи, Испаніи, Италіи и Франціи [4]); наконецъ, графа Матвѣева, отъ котораго дошелъ статейный списокъ его посольства во Францію въ 1705 г. [5]).

Въ путешествіи Толстова замѣчательно прежде всего то обстоятельство, что онъ добровольно вызвался ѣхать за границу, хотя уже былъ не въ первой молодости, имѣлъ жену и дѣтей. Такой поступокъ можно объяснить только желаніемъ выслужиться предъ царемъ [6]).

---

[1]) Въ рукописи казанскаго университета, описанной г. Артемьевымъ въ Жур. минист. нар. просв. 1854 г. № 7; содержаніе же и выписки въ статьѣ г. Попова «Путешествіе въ Италію и на остр. Мальту, стольника П. А. Толстова» въ Атенеѣ 1859 г. № 3, стр. 300—339 и № 4 стр. 421—457.

[2]) Дневникъ этотъ въ рукописи можно найдти во многихъ сборникахъ прошлаго столѣтія: безграмотные переписчики назвали его журналомъ путешествія самого царя. Въ 1788 г., онъ былъ напечатанъ подъ заглавіемъ: «Записная книжка любопытныхъ замѣчаній великой особы, странствовавшей подъ именемъ дворянина россійскаго посольства въ 1697 и 8 годахъ» (СПб. въ 12°). Здѣсь есть отмѣны противъ рукописныхъ копій. Потомъ, тѣ же замѣтки, но уже съ пропусками — что всегда дѣлается у насъ при изданіи старинныхъ памятниковъ, за исключеніемъ развѣ Дворцовыхъ разрядовъ, которые допускаютъ печатать вполнѣ, — въ Москов. Вѣстникѣ, г. Погодина, 1830 г. ч. VI, и Отеч. Зап. 1846 г. № 8, науки, стр. 126—153.

[3]) Записки путешествія гр. Б. П. Шереметьева съ любопытными гравюрами, Москва 1773 г. въ 8-о и въ Древн. вивліоѳикѣ изд. 2, V, 252—432.

[4]) Въ рукописяхъ Румянцовскаго музея № DXVI (г. Востоковымъ осталась неописанною) въ трехъ книжкахъ: 1) въ 12°, 50 лист., годы 1714—1715; нач.: «8 числа (ноября) въ понедѣльникъ»; 2) въ 8°, 56 лист., нач.: «1716, октября въ городъ Торпно».. и 3) въ 8°, 47 лист., нач. «1717, сентября 24 въ Амстердамѣ»...

[5]) Выписки и содержаніе этого статейнаго списка помѣщены въ Современникѣ 1856 года № 6, науки, стр. 39—66, въ статьѣ «Графъ Матвѣевъ въ Парижѣ въ 1707 году».

[6]) Русск. Вѣстникъ 1860 г., іюнь, кн. I, стр. 322.

Дневникъ Толстова любопытенъ въ особенности по тому, что это лицо было въ числѣ тѣхъ молодыхъ людей, которые Петромъ въ первый разъ посланы за границу для образованія. Какая была цѣль при этомъ случаѣ у царя, достаточно разъясняется инструкціей, данной Толстому подъ именемъ «статей, послѣдующихъ ученію», а именно: «1) Знать чертежи или карты, компасы и прочіе признаки морскіе. 2) Владѣть судномъ, какъ къ бою, такъ и въ простомъ шествіи, и знать всѣ снасти и инструменты, къ тому принадлежащіе: паруса, веревки, а на каторгахъ и на иныхъ судахъ весла, и пр. 3) Сколь возможно искать того, чтобъ быть на морѣ во время боя, а кому и не случится, и то съ прилежаніемъ того искать, какъ въ то время поступать; однакожь видѣвшимъ и не видѣвшимъ бои отъ начальниковъ морскихъ взять на то свидѣтельствованные листы за руками ихъ и за печатьми, что они въ томъ дѣлѣ достойны службы своея. 4) Ежели кто похощетъ впредь получить милость бо́льшую, по возвращеніи своемъ, то къ симъ вышеписаннымъ повелѣніямъ и ученію, научился бы знать, какъ дѣлать тѣ суды, на которыхъ они искушеніе свое примутъ. 5) Когда возвращаться будутъ къ Москвѣ, долженъ всякій по два человѣка искусныхъ мастеровъ морскаго дѣла привесть съ собою до Москвы на своихъ проторяхъ, а тѣ протори, какъ пріѣдутъ, будутъ имъ заплачены; да, сверхъ того, изъ солдатъ даны будутъ для того жъ ученія по одному человѣку, а кто изъ солдатъ взять не похочетъ, и тѣмъ или знакомца, или человѣка своего тому жь выучитъ; а солдатомъ прокормъ будетъ изъ казны; а будетъ, кромѣ солдатъ, кто кого выучитъ, и за всякаго человѣка за прокормъ дано будетъ по сту рублевъ»....

Толстой выѣхалъ изъ Москвы 26 февраля 1697 года. Въ дневникѣ его, какъ и во всѣхъ замѣткахъ русскихъ того времени о Европѣ, первое мѣсто отведено то подробнымъ, то краткимъ описаніямъ внѣшности встрѣчавшихся на пути городовъ, селеній, монастырей, церквей, различныхъ построекъ, украшеній и т. д. Тотчасъ можно замѣтить, что путешественника занимали всего болѣе предметы, относящіеся до разныхъ церковныхъ обрядовъ, чудесъ, одеждъ и проч.: онъ описывалъ охотно и съ большими подробностями все видѣнное въ костелахъ, даже какъ были одѣты церковнослужители, изъ какой матеріи сшито было ихъ платье, цвѣтъ ея, сколько разъ стрѣляли изъ пушекъ на пасху, количество чтецовъ евангелія за обѣдней, мѣщанъ участвовавшихъ въ процессіи, наконецъ, свѣчъ, горѣвшихъ предъ иконами. Толстой не пропускалъ также отмѣчать посѣщеній, встрѣчъ съ разными лицами, равно какъ и видѣнныя имъ церемоніи, торжества. Онъ описывалъ и памятники, встрѣчавшіеся ему на глаза, но на нихъ онъ смотрѣлъ съ своей точки зрѣнія: его болѣе интересовала внѣшность памятника, но не событіе, которое подало поводъ къ его сооруженію; напр. въ Варшавѣ, на дворцовой площади «столбъ зѣло

высокой изъ одного камени вытесанъ, на томъ столбѣ поставлена персона Владислава, бывшаго древле короля польскаго, вылита изъ мѣди и вызолочена, имѣя въ лѣвой рукѣ крестъ, а въ правой рукѣ обнаженный держитъ мечь».

Путешественникъ прибылъ въ столицу Польши въ самое любопытное время, когда происходило избраніе новаго короля. Внутренній смыслъ такого событія нисколько не занималъ Толстова и онъ отмѣтилъ «есть (въ Варшавѣ) одна полата великая, которую поляки называютъ изба сенаторская; въ той полатѣ у поляковъ бываетъ сеймъ; у которой полаты окны великія и окончины были стекольчетыя всѣ повыломаны и окна разбиты отъ нестройнаго совѣту и отъ несогласія во всякихъ дѣлѣхъ пьяныхъ поляковъ, а покоевыя королевскія полаты отъ той полаты далеко»...

Толстой не пропустилъ также записать: «по городу и въ маетности ѣздятъ сенаторы, и жены ихъ и дочери дѣвицы въ богатыхъ уборахъ и въ зазоръ себѣ того не ставятъ... въ лавкахъ за всякими товарами сидятъ мѣщане, богатые люди сами, и жены ихъ и дочери дѣвицы въ богатыхъ уборахъ, и въ зазоръ себѣ того не ставятъ»...

Дорога къ итальянской границѣ по Австріи черезъ горы утомила Толстова и онъ, подъ вліяніемъ воспоминанія объ испытанныхъ имъ затрудненіяхъ, сдѣлалъ такой отзывъ о жителяхъ страны: «народъ германскій мужеска полу и женска неблагообразенъ и убогъ; многіе поселяне носятъ кафтаны сермяжные, также и женскій полъ германскій платья носятъ особою модою зѣло короткія, только по колѣни, а на головѣ женскій полъ носитъ шляпы высокія, тонкія,валеныя изъ бараньей шерсти; около шеи носятъ широкія полотняныя брыжжи, какъ жиды и жидовки носятъ, которые живутъ въ Польшѣ. Въ Германіи вода зѣло ко употребленію человѣческому нездорова, которой воды во всей Германіи я не пилъ и проѣзжалъ всю Германію безъ потребнаго мнѣ питія съ великою мнѣ нуждою: отъ тое воды въ Германіи люди многіе мужеска и женска полу имѣютъ подбородки зѣло великіе около шеи, а паче на гортанехъ желваки великіе, и отъ того многіе изъ нихъ и говорятъ съ великою трудностію, а излечить того никто никакимъ способомъ не можетъ, и съ тѣми болѣзнями люди живутъ до самыя итальянскія границы, и за границею во Италіи есть ихъ малое число»... Встрѣтивъ по дорогѣ теплый ручей, гдѣ «болящіе многіе моются и получаютъ отъ болѣзней свободу», Толстой послѣдовалъ ихъ примѣру: «и я, говоритъ онъ, мылся здоровой, и потомъ былъ здоровъ храненіемъ десницы высшаго Бога».

Осмотрѣвъ Венецію и Падую, бывшій стольникъ поступилъ на корабль «для надлежащаго ученья своего дѣла». На морѣ онъ пробылъ, однако, не болѣе мѣсяца и получилъ отъ капитана Ивана Лазаревича свидѣтельство, что Толстой, вмѣстѣ съ солдатомъ Иваномъ Стабуриымъ, былъ у него на кораблѣ въ ученьи, ознакомился съ при-

надлежностями морскаго дѣла, картами морскихъ путей, названіемъ деревъ, парусовъ, веревокъ и всякихъ инструментовъ корабельныхъ; желалъ видѣть строй кораблей и галеръ во время битвы, чего «на всемъ венецкаго моря гольфѣ обрѣсти въ томъ лѣтѣ не могъ»; будучи на кораблѣ «во время сильныхъ вѣтровъ и не безъ страшныхъ фортунъ прикладывался до всякаго порядку корабельнаго съ прилежаніемъ и безстрашіемъ, показуяся во время великихъ навальностей морскихъ и вѣтровъ во всемъ быть способенъ; а для видѣнія бою на морѣ, капитанъ судилъ Толстому ѣхать въ Средиземное море, между Сициліей и Мальтой».

Въ примѣръ замѣчаній, дѣланныхъ Толстымъ объ иностранныхъ земляхъ, въ которыхъ онъ бывалъ, приводимъ здѣсь отзывы его о венеціанской жизни: «Венеціане люди умные: политичные и ученыхъ людей зѣло много; однакожь нравы имѣютъ видомъ неласковые, а къ пріѣзжимъ иноземцамъ зѣло пріемны, между собою не любятъ веселиться и въ домы другъ къ другу на обѣды и на вечера не съѣзжаются, и народъ самой трезвой: никакова человѣка нигдѣ отнюдь никогда пьянаго не увидишь... Народъ женскій въ Венеціи зѣло благообразенъ, и строенъ и политиченъ, тонокъ и во всемъ изряденъ; а къ ручному дѣлу не очень охочь, больше заживаютъ въ прохладахъ — всегда любятъ гулять и быть въ забавахъ и ко грѣху тѣлесному зѣло слабы... Все время карнавала ходятъ всѣ въ машкарахъ, мужчины и жены и дѣвицы, и гуляютъ всѣ невозбранно, кто гдѣ хочетъ, и никто никого не знаетъ. И такъ всегда въ Венеціи увеселяются и никогда не хотятъ быть безъ увеселенія, въ которыхъ своихъ веселостяхъ и грѣшатъ много. И когда сойдутся въ машкарахъ на площадь къ соборному костелу св. Марка, тогда многія дѣвицы въ машкарахъ берутъ за руки иноземцевъ пріѣзжихъ и гуляютъ съ ними и забавляются безъ стыда. Также въ то время по многимъ мѣстамъ на площадяхъ бываетъ музыка и танцуютъ по итальянски, а танцы итальянскіе не зѣло стройны: станутъ одинъ противъ другаго вокругъ, а за руки не берутъ другъ друга. Также многіе забавляются, травятъ меделянскими собаками великихъ быковъ и иныя, всякія потѣхи чинятъ и по морю ѣздятъ въ гондолахъ и баркахъ съ музыкою, и всегда веселятся и ни въ чемъ другъ друга не зазираютъ и ни отъ кого ни въ чемъ никакого страху никто не имѣетъ, всякой дѣлаетъ по своей волѣ, кто что хочетъ: та вольность въ Венеціи и всегда бываетъ. И живутъ венеціане всегда во всякомъ покоѣ, безъ страху и безъ обиды и безъ тягостныхъ податей».

Дневникъ неизвѣстнаго, путешествовавшаго по Европѣ въ 1697 и 8 годахъ, любопытенъ въ томъ отношеніи, что авторъ его, выѣхавъ изъ Нарвы моремъ на Любекъ, достигнулъ Амстердама и находился тамъ именно въ то время, когда въ городѣ было русское посольство и самъ царь — это-то обстоятельство и было причиною, что

дневникъ приписывали Петру, не замѣтивъ, что послѣдній никогда не ѣздилъ въ Амстердамъ моремъ и не былъ въ Италіи.

Въ бытность свою въ Голландіи, авторъ дневника посѣщалъ многія мѣста, въ которыхъ бывалъ и, можетъ быть, въ одно время съ путешественникомъ — царь. Напр., въ дневникѣ есть описаніе анатомическаго кабинета Рюйша: «видѣлъ у доктора анатоміи кости, жилы, мозгъ человѣческій; тѣлеса младенческая и какъ зачинается во чревѣ и родится; видѣлъ сердце человѣческое, легкое, почки, и какъ въ почкахъ родится камень; и вся внутренная разнята разно, и жила та. на которой легкое живетъ, подобно какъ тряпицы старой; жилы, которыя въ мозгу живутъ; видѣлъ пятьдесятъ тѣлесъ младенческихъ въ спиртусахъ отъ многихъ лѣтъ нетлѣнны; видѣлъ, какъ тѣло мужеское и женское четырехъ лѣтъ возраста нетлѣнно и кровь знать, глаза бѣлы и тѣла мягки, а лежатъ безъ спиртусовъ; у женскаго пола внутренняя, сердце и печень поднято; кишки, желудокъ — все нетлѣнно; видѣлъ кожу человѣческую, выдѣлана толще бараньей, и кожа, которая на мозгу живетъ—вся въ жилкахъ; косточки маленькія будто молоточки, которыя въ ушахъ живутъ; животныя отъ многихъ лѣтъ собраны и нетлѣнны въ спиртусахъ; мартышки и звѣрки индѣйскіе, змѣи предивныя, лягушки, рыбы морскія и многія птицы разныя, зѣло удивительныя: крокодилъ—змѣй съ ногами, главы долгія; змій о двуголовахъ. Звѣря тутъ же видѣлъ, который родится чрезъ естество, собою въ большую мышь, безъ шерсти, а родитъ отъ себя подобну себѣ скотину, и видѣлъ тутъ же многихъ маленькихъ, половина вышла больше двадцати; тутъ же жуки предивные и бабочки великія собранныя, зѣло изрядныя [1])»...

Дневникъ въ особенности поражаетъ нынѣ тѣмъ, что въ немъ все видѣнное авторомъ описано съ удивительнымъ безстрастіемъ. такъ что трудно разобрать, что болѣе нравилось путешественнику —штуки ли какого нибудь фокусника или замѣчательное произведеніе искусства: подъ рядъ и совершенно одинакимъ тономъ отмѣчены предметы, дѣйствительно заслуживающіе вниманіе, а вслѣдъ за тѣмъ и то, что вовсе нестопло упоминанія. Такъ напр. въ Ротердамѣ: «Былъ гдѣ собираются дважды на недѣли ученые люди и диспутуютъ промежду собою о разныхъ вещахъ богословскихъ и философскихъ; видѣлъ рыбу, у которой пила на носу—величиною она съ небольшую бѣлугу; тутъ же видѣлъ рыбу, которая останавливаетъ корабль—она маленькая, прилипаетъ ко дну множество и отъ того останавливаетъ корабль; тутъ же видѣлъ рыбу съ крыльями; рыбку видѣлъ живую, зѣло предивную, называется теленкомъ, гораздо толста да коротка, зубы превеликіе висятъ. Въ Амстердамѣ ужиналъ въ такомъ домѣ, гдѣ ставили яствы на столъ нагія дѣвки и питье подносили — все

[1]) Выписки сдѣланы изъ дневника по рукописи.

наги. Было и тутъ пять дѣвокъ, только на головѣ убрано, а на тѣлѣ ни нитки, ноги перевязаны лентами, а руки флерами. Изъ Ротердама поѣхалъ» и т. д.

Довольно вѣрная характеристика этого дневника сдѣлана однимъ изъ издателей его [1]): «Первый выходъ автора въ вѣчномъ городѣ (Римѣ) посвященъ обозрѣнію собора св. Петра. Какую же мысль навѣялъ на душу его видъ этого зданія, надъ которымъ истощили геній свой множество первоклассныхъ художниковъ? Онъ окинулъ взоромъ эту пышную громаду мрамора и прехладнокровно отмѣтилъ въ своемъ журналѣ мѣру длины и ширины ея; потомъ пошелъ во внутренность святилища и, можетъ быть, глядя на дивное «Преображеніе» Рафаэля, съ такою же флегмою записалъ цвѣтъ и качество обоевъ, которыми, по случаю праздника, были увѣшаны стѣны храма. О колизеѣ, траяновомъ столбѣ и другихъ монументальныхъ памятникахъ древности, составляющихъ настоящее богатство Рима, путешественникъ не говоритъ ни слова; въ Ватиканѣ, подъ именемъ «папиныхъ палатъ», онъ замѣтилъ только число комнатъ и ихъ убранство. Изъ Рима путешественникъ ѣдетъ въ Геную; тамъ онъ осматриваетъ садъ и находитъ фонтанъ, который описываетъ такими словами: «фонтаны превеликіе: три лошади, на нихъ мужикъ стоитъ, у средней лошади изъ языка вода течетъ, а у тѣхъ изъ поздрей; кругомъ тѣхъ лошадей робятки маленькіе изъ мрамора высѣчены, сидятъ и воду пьютъ». А между тѣмъ этотъ фонтанъ — одно изъ изящнѣйшихъ произведеній великаго Буанороттн»...

Описаніе путешествія Шереметьева начинается витіеватымъ вступленіемъ, изъ котораго открывается, что въ тѣ времена поѣздка, даже и по собственному желанію, за границу представлялась какимъ то подвигомъ. Боярин говоритъ: «въ томъ моемъ належащемъ пути возлагаю непзмѣнное мое и твердое упованіе на милость всещедраго во Троицѣ славимаго Бога, да той управитъ путь нашъ въ своей божеской волѣ; по Бозѣ же ввергаю себя и всѣхъ присутствующихъ мнѣ въ крѣпко надежную помощь и заступленіе ходайственное непостыдныя всего христіанскаго рода надежды пресвятыя Богоматери и въ молитвы всѣхъ святыхъ, изъ нихъ же избрахъ мнѣ и всѣмъ въ пути моемъ присутствующимъ за особливаго патрона, и опекуна, и предводителя великаго божія пророка, и предтечу и крестителя Іоанна, о которомъ самъ Господь засвидѣтельствова пречистыми свои усты, яко не воста въ рожденныхъ женами болій Іоанна крестителя»... Далѣе идутъ сравненія изъ священной исторіи: «тако да и нашъ патронъ и предводитель, первый честію во святыхъ, въ семъ претрудномъ и скорбномъ пути нашемъ (въ Италію и Мальту) прохладитъ насъ отъ зноя всякихъ печалей и болѣзней про-

[1]) Отеч. Зап. с. стр. 152.

хлажденіемъ утѣшенія и исцѣленія, и будетъ намъ столпомъ крѣпости отъ лица вражія: и во здравіе всецѣлыхъ возвратитъ насъ во всякомъ благоденствіи въ домы наши»...

Все описаніе состоитъ болѣе изъ названій проѣханныхъ боярином и его свитою мѣстъ; кромѣ того, въ пристойныхъ мѣстахъ помѣщены цѣликомъ, съ прописаніемъ титуловъ, паспорты и грамоты на проѣздъ Шереметьева по Польшѣ, Австріи и Италіи, также торжественныя рѣчи, которыя онъ произносилъ передъ царственными особами. Всѣ рѣчи по одной формѣ и съ незначительными отмѣнами. Такъ напр., Шереметьевъ, описавъ свои подвиги въ войнѣ противъ турокъ, говорилъ передъ польскимъ королемъ, что ѣдетъ въ Римъ поклониться мощамъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла, которыхъ имѣлъ за патроновъ и помощниковъ въ своихъ побѣдахъ надъ врагами св. креста. Римскому цесарю онъ прибавилъ, что послѣ поклоненія мощамъ св. Петра и Павла, «желаетъ видѣти славно противъ непріятеля креста святого воинствующихъ моремъ мальтійскихъ кавалеровъ, дабы видѣвъ ихъ храброе и отважное усердіе, бо́льшую себѣ воспріяти къ воинской способности охоту».

Въ дневникѣ Шереметьева заботливо отмѣчено, сколько издержано денегъ на переѣзды, какіе онъ дѣлалъ подарки разнымъ лицамъ и какіе получалъ самъ; также почести, которыя ему воздавались на пути, и затрудненія, испытанныя въ дорогѣ. Въ Италіи дневникъ становится болѣе подробнымъ, такъ какъ въ немъ описывались всѣ святыни, которыя Шереметьевъ видѣлъ въ тамошнихъ церквахъ и монастыряхъ. Напр.: «мая 23 числа въ Неаполѣ будучи, присылалъ арцыбискупъ нунціусъ папежской къ боярину объявить, чтобъ того дня боринъ изволилъ ѣхать въ дѣвичей монастырь, въ которомъ, сказалъ, содержится кровь св. великаго угодника господина Януарія; которая кровь у тѣхъ законницъ въ сокровищницѣ хранится съ великимъ почитаніемъ, и временемъ износятъ ее изъ сокровищницы съ процессіею въ церковь, и ставятъ на престолъ и служатъ литургіи. Многажды же во время св. литургіи оная св. кровь пречудесно показуется кипѣніемъ, аки бы жива. И прислалъ оный арцыбискупъ къ боярину свою карету о шести возникахъ, съ маршалкомъ дому своего, съ патромъ, который ѣздилъ съ боярином. Какъ пришелъ боринъ въ церковь, то мало подождавъ, принесли оную св. кровь съ великимъ благоговѣніемъ и процессіею въ церковь и поставили на престолъ. Сія св. кровь хранится въ маломъ хрустальномъ сосудѣ; въ половину того сосудца видѣніемъ, аки бы запеклась, и тотъ сосудецъ повернули вверхъ дномъ; кровь же не переливается, а видится, аки бы засохла вверху того сосудца. А какъ почали служить литургію, и какъ прочитали евангеліе, то оная св. кровь по малу начала опускаться внизъ, и опустилась до самаго дна, не распустившись во весь тотъ сосудецъ, но отстоящи отъ всѣхъ боковыхъ сторонъ, на-

чала кипѣть и перебираться вверхъ и внизъ зѣло пречудесно и удивительно, что видя всѣ люди, находившіеся въ той церкви, въ великомъ были радованіи и, по обыкновенію латинскому, били въ свои перси, премногіе же плакали... Боярин и съ нимъ бывшіе — самовидцы онаго преславнаго чудеси»... При описаніи церкви, гдѣ почиваютъ мощи чудотворца Николая: «тоя церкви служители сказывали боярину, какъ де строилась оная исподняя церковь и ставили въ ней марморные столбы, на которыхъ нынѣ стоитъ, и одного де столба не достало, о чемъ де здатели онаго храма весьма скорбѣли. что такого вскорѣ взять негдѣ. Послѣ чего увидѣли въ той церкви столбъ поставленъ на своемъ мѣстѣ, чему весьма удивились и, благодаря, приписали то чудо дѣйствію чудотворца Николая; потомъ подлинно свѣдали, что оный столбъ принесенъ невидимою силою изъ Мура града, въ которомъ были мощи его, и сей столбъ въ великомъ находится у нихъ почитаніи»...

Въ 1699 г., Шереметьевъ возвратился въ Москву: «февраля 12 числа, сподобился боярин видѣть пресвѣтлѣйшія очи великаго государя, его царскаго величества, въ домѣ генерала и адмирала Франца Яковлевича Лефорта на банкетѣ, куды боярин пріѣхалъ, убравшися въ нѣмецкое платье, по указу его, великаго государя, имѣя на себѣ и данный ему, боярину, въ Мальтѣ отъ высокопочтеннѣйшаго гранд магистра и всего кавалерскаго общества крестъ. Во время же сего случая боярин получилъ отъ превысочайшаго и премилостивѣйшаго своего государя, его царскаго пресвѣтлаго величества къ себѣ милость превысокую: принятъ былъ его царскимъ величествомъ милостивно и допущенъ былъ боярин до поцѣлованія его цар. вел. руки; при чемъ удостоился слышати отъ самыхъ его ц. пресв. величества устъ поздравленіе принятіемъ мальтійскія кавалеріи»...

Третій дневникъ неизвѣстнаго не содержитъ никакихъ замѣчательныхъ свѣдѣній, но любопытенъ въ томъ отношеніи, что писавшій его русскій принадлежалъ уже къ свѣтскимъ людямъ, посѣщалъ въ городахъ театры, бывалъ на балахъ, дѣлалъ визиты знатнымъ и т. д. Онъ говорилъ по французски, но не зналъ правилъ этого языка: на дневника надпись «Cette livre appertien A. M... comancè â ècrir 1714». Всѣ замѣтки въ родѣ слѣдующихъ: «въ Генуѣ, 21 февраля, пошли мы на балъ къ князю Doris и были тамъ до одного часа послѣ полуночи, гдѣ братецъ танцовалъ, а я не танцовалъ за тѣмъ, что братцу не угодно было. 22, во вторникъ въ вечеру, въ 7 часовъ пошли мы съ Васильемъ Михайловичемъ на балъ, который сдѣлали нѣкоторые молодые люди, и были тамъ до 12 часовъ, и пошли мы и всѣ, которые ни были на балѣ, ужинать, а послѣ ужина пошли мы на другой балъ, который дѣлали 40 дамъ и, бывши тамъ съ часъ, пошли опять на прежній балъ. Часовъ въ 5 послѣ полуночи всѣ разошлись, и мы также пошли — конецъ карнавалу». На передпослѣднемъ листкѣ первой книжки за-

мѣтка: «Amants heureux, que je porte d'envie au boneur (sic) donc (sic) l'amour couronne vos soupirs»! Съ октября 1716 г. по январь 1717 г., записано о пребываніи въ Турнѣ, Ліонѣ, Орлеанѣ и Нантѣ. Въ первомъ изъ этихъ городовъ путешественникъ записываетъ свои пріѣзды ко двору, посѣщенія знатныхъ лицъ, посланниковъ: напр.: «31 октября, въ среду по утру пріѣхалъ къ намъ S-r Conte Schilenga Ecuie (sic) de M(ajesté) royale, потомъ пріѣхалъ M-r. l'abbé de Marcenas; погодя пріѣхалъ M-r le marquis de Coral, и посидя немного Conte Schilenga и abbé Marcenas поѣхали прочь, а мы съ marquis de Coral поѣхали къ princesse de Victoire, которая въ роднѣ князю Евгенію и князю Carignane. Сія княжна живетъ въ монастырѣ женскомъ La visitation. Поговоря мы съ нею, поѣхали ко двору и говорили симъ утромъ у Majesté royale, потомъ когда les filles d'honeure (sic) пошли къ себѣ, поѣхали и мы домой. Время симъ утромъ худое, пасморное». Въ дневникѣ замѣтки прерываются въ октябрѣ 1717 г., когда путешественникъ прибылъ въ Парижъ. Потомъ идутъ счеты издержкамъ на домъ, карету и т. д. Изъ замѣтокъ видно, что у путешественника и его старшаго брата бывали часто кн. Куракинъ, гр. Апраксинъ и т. п. На бѣлыхъ листахъ книги нарисованы два герба: въ одномъ изображенъ одноглавый орелъ и рѣшетка, на другомъ тотъ же гербъ подъ княжеской короной: щитъ раздѣленъ на четыре части: въ верхнихъ большой крестъ и двуглавый русскій орелъ, въ нижнихъ столъ съ короною и скипетромъ и рѣшетка; по срединѣ щита орелъ одноглавый. Далѣе отмѣтка «сыскать книгу въ Парижѣ Preuve de la noblesse».

Извѣстно, что одноглавый орелъ, вылетающій изъ рѣшетки есть гербъ Нарышкиныхъ; второй же изъ вышеописанныхъ подъ княжескою короною объясняется тѣмъ, что Петръ хотѣлъ дать своему родственнику изъ этой фамиліи графскій титулъ, именно двоюродному брату Александру Львовичу Нарышкину [1]). Онъ долго путешество-

---

[1]) Словарь достопамятн. людей, сост. Бантышъ Каменскимъ СПб. 1847 г., II, 473 и Царствованіе Петра II, г. Арсеньева, стр. 108. Оба Нарышкина писали къ царю изъ за границы письма, впрочемъ только церемоніальныя, въ родѣ: «Пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій государь, государь всемилостивѣйшій! По рабской должности и усердному прилежанію нашему, высочайшее вашего царскаго величества изволеніе исполняя и вашему государскому указу охотно повинуяся, всегдашнее наше трудолюбіе прилагаемъ къ угодной вашему царскому величеству службѣ, въ которой мы во вся дни живота нашего пребывать желая, припадаемъ къ ногамъ вашего царскаго величества и рабски челомъ бьемъ. Вашего царскаго величества послѣдніе, нижайшіе рабы Александръ Нарышкинъ. Иванъ Нарышкинъ. (Амстердамъ, 18 января 1712 года).

Когда они пріѣхали въ Парижъ, то маршалъ д'Етре, какъ вѣжливый французъ, писалъ къ Петру: Messieurs de Nariskin, par qui la lettre de V. M. m'a été remise me paraissent dignes de l'honneur qu'ils ont d'être du sang d'un aussi grand monarque et je trouve qu'ils ont déjà porté leur connaissances fort au dessus de leur âge»... (Каб. дѣла II № 32) Нарышкины, какъ видно изъ ихъ дневника, были барчи и остались ими, не сохранивъ по себѣ никакого слѣда въ русской исторіи.

валъ по Европѣ съ младшимъ своимъ братомъ, которому, по всей вѣроятности, и принадлежатъ замѣтки разсматриваемаго дневника.

Описаніе путешествія графа Матвѣева изъ Гаги въ Парижъ начинается, какъ и всѣ старинные статейные списки, объясненіемъ причины поѣздки и извѣстіемъ о составѣ посольской свиты [1]). При этомъ не забыта замѣтка, намекающая, что посолъ слѣдовалъ европейскимъ обычаямъ, именно имѣлъ свои кареты и прислугу въ приличной ливреѣ. За тѣмъ слѣдуетъ описаніе мѣстъ, которыми проѣзжалъ посолъ. Послѣ заботливыхъ отмѣтокъ о почестяхъ, которыя ему воздавались, помѣщены свѣдѣнія о фортификаціонныхъ постройкахъ въ городахъ, о зданіяхъ, планахъ улицъ, мостахъ, городскихъ площадяхъ, ратушахъ, магистратахъ. Гдѣ бы ни останавливался Матвѣевъ, онъ всегда посѣщалъ значительные монастыри, церкви, говоритъ о библіотекахъ, монахахъ и монахиняхъ. Несмотря на оффиціальность статейнаго списка, въ немъ замѣтно проглядываетъ чувство особеннаго уваженія ко всему, что видѣлъ посолъ въ Парижѣ. Какъ ни наивными кажутся нѣкоторыя изъ его замѣтокъ, однако, съ тѣмъ вмѣстѣ, отъ него не ускользнули и многія хорошія черты тогдашняго французскаго общества.

«Въ томъ государствѣ, пишетъ Матвѣевъ, лучшее всѣхъ основаніе есть, что не властвуетъ тамъ зависть; къ тому же король самъ веселится о томъ состояніи честныхъ своихъ подданныхъ, и никто изъ вельможъ ни малѣйшей причины, ни способа не имѣетъ даже послѣднему въ томъ королевствѣ учинить какова озлобленія или нанесть обиду. Всякой изъ вельможъ смотрѣть себя долженъ и свою отправлять должность, не вступая до того, въ чемъ надлежитъ державѣ королевской. Ни король, кромѣ общихъ податей, хотя самодержавный государь, никакихъ насилованій не можетъ, особливо же ни съ кого взять ничего, развѣ по самой винѣ свидѣтельствованной противъ его особы въ погрѣшеніи смертномъ, по истинѣ разсужденной отъ парламента; тогда уже по праву народному, не указомъ королевскимъ, конфискація или описи пожитки его подлежать будутъ. Принцы же и вельможи ни малой причины до народа не имѣютъ, и въ народныя дѣла не вмѣшиваются, и отъ того никакую тѣсноту собою чинить николи никому не могутъ. Смертный законъ имѣютъ о взяткахъ народныхъ и о нападкахъ на него»...

Графа Матвѣева изумляло, что женщины во Франціи имѣютъ большое значеніе, ему нравилось обхожденіе ихъ съ мужчинами, предупредительность «со всякимъ сладкимъ и человѣколюбнымъ пріемствомъ». То же самое выказалъ нашъ посолъ при описаніи воспитанія дѣтей: отъ юности они обучаются, всѣ безъ изъятія, разнымъ наукамъ, имъ внушаютъ быть обходительными, вѣжливыми. Характе-

[1]) Современникъ 1856 г. № 6, отд. II, стр. 39 — 66.

ристична при этомъ случаѣ замѣтка, что въ обращеніи съ дѣтьми нѣтъ ни малѣйшей косности, ни ожесточенія отъ своихъ родителей, ни отъ учителей и что отъ наказанія словеснаго паче, нежели отъ побоевъ, въ прямой волѣ и смѣлости воспитываются.

Матвѣевъ ѣздилъ въ Парижъ, чтобы заключить коммерческій трактатъ съ Людовикомъ XIV, но его старанія въ этомъ случаѣ не имѣли успѣха.

—

Для насъ важны не менѣе описаній путешествій переписка, которую вели русскіе, бывшіе за границей во времена Петра Великаго. Въ этомъ случаѣ представляютъ множество драгоцѣнныхъ матеріаловъ Кабинетныя дѣла, сохраняющіяся въ государственномъ архивѣ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Многіе изъ молодыхъ людей, учившихся въ чужихъ краяхъ, вели переписку съ царемъ или относились къ его секретарю Алексѣю Васильевичу Макарову, и отсюда то можно видѣть, какъ молодое поколѣніе сближалось съ европейскимъ просвѣщеніемъ и какъ оно усвоивало его себѣ. Для примѣра приводимъ здѣсь выдержки изъ подобныхъ писемъ Конона Никитича Зотова, переводчика разныхъ книгъ и моряка (о книгѣ его «Разговоръ адмирала съ капитаномъ» и другихъ сочиненіяхъ см. 2-ю ч. настоящаго труда подъ 1724 годомъ).

Кононъ Зотовъ въ молодости учился за границей. 11 сентября 1707 г., отецъ его писалъ къ нему: «получилъ я съ почты письмо твое, ко мнѣ писанное изъ Лондона августа 15 числа, изъ котораго увѣдомясь о твоемъ здравіи и о благосостоятельномъ въ наукахъ пребываніи, по премногу радуюся, чего и впредь всеусердно желаю; а наипаче о семъ, которое мнѣ и твоему брату Ивану великую радость принесло, что просишь меня съ письменнымъ отвѣтомъ, дабы позволено было тебѣ отъ меня въ Англіи служить на корабляхъ. Которое письмо изволилъ великій государь вычесть и со премногою милостью тебя похвалить и за перваго охотника на тѣ его государскія любимыя дѣла вмѣнить и десницею своею то письмо благословить и про твое недостойное такія превысокія монаршескія милости здоровьишко пить кубокъ венгерскаго, а потомъ изволилъ къ тебѣ съ великою милостію писать своею государскою, собственною десницею [1])»...

По возвращеніи изъ за границы, Зотовъ служилъ на корабляхъ. Какъ увидимъ ниже, онъ не даромъ учился въ чужихъ краяхъ, былъ человѣкъ со свѣдѣніями, съ умомъ живымъ и увлекающимся. Можно себѣ представить теперь его положеніе при дворѣ, гдѣ отецъ его, по

[1]) Тетради записныя Петра Великаго СПб. 1774, стр. 229.

царскому желанію, разыгрывалъ шутовскую роль начальника надъ компаніею извѣстныхъ пьяничужекъ, когда его титуловали всешутействомъ, подходили къ нему подъ благословеніе, и онъ самъ не иначе подписывался, какъ smirennyi Anikita vlasnoju rukoj. И вдругъ ко всему этому старикъ Зотовъ рѣшился жениться, и при дворѣ за долго начали дѣлать приготовленія къ свадьбѣ, которая должна была отправляться шутовскимъ образомъ. Тогда то сынъ его, Кононъ написалъ къ Петру Великому, 14 января 1715 года, слѣдующее письмо:

«Умилосердись, государь! Предвари искушенію дьявольскому и хотящей намъ быти наглой напасти: подлежитъ убо сіе вашей премудрости и милости. Такимъ ли вѣнцомъ пристоитъ короновать конецъ своея жизни, яко нынѣ приведенъ отецъ мой чрезъ искушеніе? Смѣло называю искушеніемъ, понеже премудрость Соломонова таковыми гнушается, написавше, яко трехъ вещей возсмерде его совѣсть, изъ нихъ же гнуснѣйшее бысть предъ нимъ старыхъ прелюбодѣйство, суще умаленныхъ смыслъ. По сей пунктъ отдаю послѣдній мой сыповскій долгъ, душевнымъ плачемъ моля ваше величество, дабы изволеніе ваше причинствовало его совѣсти умному отъ себя расположенію»... Далѣе, Зотовъ говоритъ о будущей своей мачихѣ: «я вѣрю, что она идетъ для того въ замужество, чтобъ ей насъ, дѣтей его, лишить отъ Бога и отъ васъ, государя, достойнаго намъ наслѣдства, которымъ вы удостоили отца нашего, чая по немъ отъ насъ заслуги. Для покою старости его довольно будетъ, если укажетъ ваше величество брату моему Ивану быть при немъ, который такъ долгое время за его же волю коснѣлъ и милости вашей былъ удаленъ. Однако нынѣ изволитъ говорить намъ отецъ нашъ: я бы де и радъ отрекся моей женитьбы, но не смѣю его царское величество прогнѣвить: столько де стариковъ собрано для меня и платья надѣлано. Все сіе разсудя, помилуй его старость и насъ сиротъ, которыхъ такъ долгое время изволилъ имѣть подъ своимъ кровомъ... Онъ (отецъ) изволитъ говорить, что я-де васъ не оставлю, однако тому не вѣримъ, ибо онъ же говорилъ: когда-де вы чрезъ волю мою по своему желанію производитеся, то вамъ такого чорта на шею навяжу, что вы своему живогу не будете рады. Я надѣюсь, что ваше величество не въ той образъ нашу фамилію милостиво призрилъ, дабы мы отъ пришедшія внезапу утѣснены и разорены были [1])»...

Чрезъ десять дней послѣ этого письма, т. е. 24 января, царь написалъ всю своею рукою инструкцію на имя капитанъ поручика Конона Зотова, первый пунктъ которой гласилъ: «ѣхать ему во Францію въ порты морскіе, а наипаче гдѣ главный флотъ ихъ. И тамъ, буде возможно, и вольно жить [2])»... Между прочими порученіями, Зо-

[1]) Каб. дѣла II № 23.

[2]) Подлинная инструкція въ Каб. дѣл. I, № 38 л. 187 — 188; напечатана у Берха въ Жизнеописаніи адмираловъ II, 240—241.

товъ обязывался «все, что ко флоту надлежитъ, на морѣ и въ портахъ сыскать книги; также, чего нѣтъ въ книгахъ, но чинятъ отъ обычая, то помнить и все перевесть на славянскій языкъ нашимъ штилемъ, а за штилемъ ихъ не гнаться»...

Уже въ 1715 г. Зотовъ былъ во Франціи и, 7 октября того года писалъ между прочимъ царю: «вашему величеству дерзаю предложить: понеже офицеры въ адмиралтействѣ суть люди приказные, которые повинны юриспруденцію и прочія права твердо знать, того ради не худо бы было если бы ваше величество указалъ архіерею рязанскому выбрать двухъ или трехъ человѣкъ лучшихъ латинистовъ изъ средней статьи людей, т. е. не изъ породныхъ, ниже изъ подлыхъ, для того что вездѣ породные презираютъ труды (хотя, по препорціи ихъ породъ и имѣнія, должны также быть и въ наукѣ отмѣнны предъ другими); а подлый не думаетъ болѣе, какъ бы чрево свое наполнить. И тѣхъ латинистовъ прислать сюда, дабы прошли оную науку и знали бы, какъ суды и всякія судейскія дѣла обходятся въ адмиралтействѣ. Я чаю, что сіе впредь нужно будетъ. Прошу милосердія въ винѣ моей дерзости: истинно, государь, сія дерзость не отъ единаго чего, только отъ усердія [1])»...

Вообще Зотовъ во Франціи исполнялъ самыя разнообразныя порученія: опредѣлялъ русскихъ гардемариновъ во французскую службу, пріискивалъ лавровыя деревья не выше двухъ футовъ [2]) и т. п. Какъ человѣкъ живой и, какъ видно изъ писемъ его, легкомысленный, онъ самъ вызывался на дѣла, увлекался всѣмъ, хлопоталъ наконецъ часто и о томъ, что ему не поручали. Письма его изъ Парижа къ царю и кабинетъ секретарю Макарову чрезвычайно хорошо рисуютъ намъ эту личность.

18 ноября 1715 г., Зотовъ сообщалъ Петру Великому:

«Я помню, что англичане, дѣлаючи алліанцію съ королемъ португальскимъ, положили между прочими артикулами, чтобъ оный король своихъ серебряныхъ денегъ не убавливалъ, если похочетъ новыя дѣлать, а которыя сдѣланы тѣмъ бы цѣны не повышивать, усмотря, что ихъ деньги тяжелѣй англинскихъ. А то сдѣлано для того, чтобы ефимки португальскіе (которые называются крусады) вывесть въ Англію, что и сдѣлалось. Во времена, когда я бывалъ въ Португаліи, то и тогда съ превеликою трудностью найти можно было обмѣнить золотой на серебро, а нынѣ, чаю, и пуще трудно. Изволь смотрѣть, государь, какая правда и дружеская алліанція, если не самая обида и свой интересъ. Того ради, вашему величеству не токмо съ Франціею торговлю явно учинить есть потребно, но и съ прочими, яко съ Флоренціей, гдѣ есть городъ Ливорно и куда такъ великое число рос-

---

[1]) Жизнеописанія адмираловъ Берха II, 243 — 244.

[2]) Полн. соб. зак. V, № 3058.

сійскихъ товаровъ англичане и голландцы отвозятъ, а именно: юфть, икра паюсная, воскъ и прочая.

«Бывшій король французскій, который усмотрѣвъ безприбыльную спѣсь въ породныхъ людяхъ своего государства (понеже въ прешедшія времена было, что если кто изъ дворянъ почнетъ торговать, то тѣ теряли честь дворянства и символъ той чести отымался, т. е. неповинны были носить шпагъ), и для того указъ выдалъ, что не есть уроненіе чести дворянства, если кто будетъ торговать гуртомъ, яко корабли отъ себя отпускать и прочая. И чтобъ народъ свой къ тому пріобычить, то самъ отъ себя послалъ корабли съ товарами и ближнимъ своимъ людемъ указалъ тожъ учинить, дабы все его государство сему примѣру подражало. И какъ увидѣлъ, что умножилось судовъ торговыхъ, тогда разсудилъ, что надобно для ихъ обороны учинить корабли воинскіе, а матросы стали уже быть готовы: съ тѣхъ же торговыхъ бралъ на воинскіе, когда ни понадобилось и всѣмъ матросамъ, что ни есть въ государствѣ, клясъ (о чемъ будетъ явное описаніе впередъ). О сей его политикѣ, чтобъ государство обогатить и матросовъ расплодить, я челъ еще давно въ книгахъ англійскихъ, а нынѣ слышу отъ самихъ французовъ тому подтвержденіе. Всепижайше прошу прощенія за внесеніе вышепомянутаго въ семъ письмѣ, чая, что за сіе гнѣва не буду имѣть, развѣ уничтоживанія, если не слично было нынѣ сіе вашему величеству донесть [1]).

16 марта 1716 г., къ царю же: «Я еще нахожу должность мою вашему величеству извѣстить о г. Ефимѣ Рагузинскомъ: онъ многіе годы не имѣетъ отъ своего дяди (Саввы Владиславовича Рагузинскаго — о немъ см. ниже въ гл. IX) ничего на свое содержаніе здѣсь, отчего впалъ въ долги, за которые не по единъ разъ былъ посаженъ въ тюрьму, и нынѣ въ тюрьмѣ обрѣтается въ крайней нуждѣ. Я вельми сему соболѣзную: не всякой знаетъ, что онъ изъ Рагузъ, но имѣютъ его за россійскаго дворянина. А въ такое ругательство отъ дяди своего преданъ, что страшно слышать — за волосы таскаютъ, да по тюрьмамъ водятъ! Божескою милостію благоволи на него призрить, дабы повелѣть дяди его долги его откушить и къ Россіи возвратить. Сіе донесъ вашему величеству, оберегая репутацію россійскихъ людей, которыхъ вашимъ царскимъ особливымъ промысломъ вся Европа признаваетъ за добрыхъ кавалеровъ»...

Въ апрѣлѣ 1716 г., къ Макарову: «Письмо ваше отъ 14 марта изо Гданска до меня дошло, въ которомъ изволите екскузоваться, что замедлили ко мнѣ вскорѣ прислать 100 золотыхъ. И мнѣ сіе вельми противно, что такъ изволишь оговариваться со мною, который вамъ долженъ своею жизнію — однимъ словомъ отцу Никитѣ Моисеевичу

[1]) Каб. дѣл. II № 23 л. 430 — 431.

за рожденіе и за воспитаніе, а вамъ за благодѣянія и милосердія. И понеже я такъ васъ, моего государя, почитаю, того ради со смѣлостью васъ прошу, чтобъ пожаловали постарались о выкупкѣ г. Рагузинскаго изъ тюрьмы. Также чтобъ Суворова взять въ Петербургъ: жестокъ народъ! (подчеркнуто въ подлинникѣ).

Къ царю, 29 октября 1716 года: «Писалъ я прешедшей почты до секретаря вашего величества г. Макарова, что я въ тотъ же день почтовый буду имѣть авдіенцію у г. марешала и вице адмирала д'Етре и что отъ той авдіенціи произойдетъ, о томъ хотѣлъ ваше величество вскорѣ увѣдомить. Того ради, нынѣ симъ письмомъ доношу, что я у него на авдіенціи былъ тогожъ числа, и принялъ меня такъ милостиво, какъ бы сына своего, за честь вашего величества, чего я отъ него весьма не чаялъ за прешедшее озлобленіе съ стороны г. Лефорта (тогдашній русскій агентъ въ Парижѣ); но г. Бонмазарій, который хочетъ предъ вашимъ величествомъ весьма оправдаться противъ всѣхъ паносныхъ писемъ и словъ, сіе мнѣ промыслилъ истинно съ великою трудностью, и какъ онъ былъ прежде меня у него (т. е. у д'Етре) на авдіенціи, то онъ такое далъ описаніе о вашемъ величествѣ, что при мнѣ г. марешалъ назвалъ ваше величество творцемъ россійскаго народа. Что можетъ быть говорено въ вашу, государеву, хвалу лучше сего? — Потомъ я ему предложилъ, что ваше величество желаетъ имѣть коммерцію со всѣми окрестными государствами, а паипаче съ Франціею, что ему вельми угодно было слышать. И понеже онъ возставляетъ флотъ и прочая управляетъ что касается морскаго дѣла, то онъ мнѣ сказалъ, что я де такъ учиню, что и россійской коронѣ, и нашей угодно будетъ (разумно да будетъ, что контъ де Тулузъ имѣетъ честь адмиральскую, а онъ все управляетъ). И въ скоромъ времени буду имѣть трактатъ о коммерціи и къ вашему величеству на почтѣ отправлю съ г. Бонмазаріемъ, дабы его изволилъ заручить, а здѣсь тоже будетъ учинено. Правда, что сіе не мое дѣло, да чтожъ дѣлать? Когда Богъ сподобилъ нтенцовъ служить вашему величеству въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ посолъ г. Матвѣевъ и прочіе не могли ни малаго поступку учинить»...

Того же числа къ Макарову: «Я въ великой печали, что отъ вашей милости не имѣю къ себѣ писемъ. Мнѣ кажется, что немного худова въ моихъ письмахъ, но только самая моя ревность, какъ къ царскому величеству, такъ и къ отечеству. Пожалуй отпиши, дабы я могъ по вашимъ письмамъ или прибавить, или убавить оную ревность. А что здѣсь дѣлается, и о томъ чрезъ письмо до царскаго величества извѣствуется. Такъ знай царскихъ рабятъ! Какъ сіе узнаютъ наши министры, то я чаю, что будутъ мнѣ искать погибели, бывъ завистъ самая и хранящіе свой партикулярный интересъ. Токмо я въ томъ уповаю на Бога, на царя и на вашу ко мнѣ отеческую милость, и

никого иного до гроба моего не хочу имѣти, понеже устнами своими льстятъ, а языкъ ихъ мечь бысть [1])!»...

Въ жару своего усердія, Зотовъ началъ разговоры съ маршаломъ д'Етре о женитьбѣ царевича Алексѣя Петровича на одной изъ дочерей дюка Орлеанскаго, о чемъ и поспѣшилъ донести царю въ декабрѣ 1716 года. За такое вмѣшательство въ политическія комбинаціи ему послали отъ нашего двора чрезъ Макарова нагоняй, а Зотовъ писалъ къ нему въ отвѣтъ, 11 января 1717 года:

«Письмо ваше, отъ 1 января, получилъ здѣсь въ цѣлости, за которое цѣлую ноги ваша. И понеже изволите меня отечески поучать, того ради я вамъ, государю моему, одолженъ сыновски имѣть откровеніе и нынѣ донести, что о женитьбѣ государя царевича у насъ токмо было въ разговорѣ говорено между дѣломъ такимъ образомъ: г. маршалъ д'Етре получилъ письмо изъ Питербурга, въ которомъ писано, что государь указалъ быть государю царевичу къ себѣ для женитьбы. Сіе пріобща, спрошалъ: не знаемъ ли то, на которой принцессѣ? На что сказали, что незнаемъ. Потомъ, искушая его самого, спрошали тако: у васъ много принцессъ во Франціи, если царское величество пожелаетъ, какъ изволите думать? На что сказалъ: его де величеству здѣсь ни въ чемъ не откажутъ. Такимъ же образомъ, какъ мы съ нимъ, въ разговорѣ съ дюкомъ д'Орлеаномъ слышалъ отъ него оный отвѣтъ: я бы де радъ, чтобъ то нынѣ сдѣлано уже было. Однимъ словомъ, все то говорено на вѣтеръ. Однакожъ, я тѣмъ доволенъ, что узналъ ихъ великое почтеніе къ царскому величеству. А облигаціи, ниже государево имя было помянуто: ктобъ смѣльчакъ такой былъ, чтобъ сіе предложеніе говорилъ, не имѣя указу? А разговоровъ здѣсь—и женятъ, и разводятъ, на королевства сажаютъ, а у иныхъ отнимаютъ, и о всякой всячинѣ говорятъ. Что же я горячо желаніе объявилъ, тому причина краткое время, чтобъ застать почту, ибо надобно было дати причины того желанія, яже суть: 1) что придворные такой принцессы могли бы ввесть у насъ въ обычай учливое обхожденіе; 2) чтобъ государь чрезъ нея всѣ науки могъ привесть въ Россію; 3) что всябъ Германія не смѣла прогнѣвить государя ни въ чемъ, какъ нынѣ електоръ ганноверскій и король англійской, а турка уже бы взяла лихорадка; 4) хотя шведъ здѣсь не очень въ почтеніи, а сею женитьбою вовсе былъ бы отрѣзанъ. Я нынѣ держу, что алліанціа со Франціею намъ вельми полезна, ибо другъ другу зла не могутъ дѣлать, а добра сколько хотятъ. Цесарь никогда не будетъ любить дворъ нашъ, для того что государи наши пишутся императорами... Всѣхъ насъ повинность желать всякаго добра государю, всякой по своему разсужденію, а онъ, государь, знаетъ свой интересъ лучше всѣхъ. Кто смѣетъ инакъ мыслить? Въ

[1]) Каб. дѣла II, № 27, л. 8—9, 13, 90—91, 89.

письмѣ тамъ же я написалъ дерзновенно, что я того не буду имѣть за добраго слугу, кто инакъ будетъ совѣтывать. И я тебѣ, государю моему, какъ отцу духовному, исповѣдаюся, что я то писалъ для Куракина. Знаете, какъ у насъ водится: хотя бы накладъ, лишь бы не Кононъ Зотовъ то дѣлалъ и предлагалъ! Для чего онъ своимъ обношеніемъ помѣшалъ мнѣ г. Бонмазарія царскому величеству рекомендовать, если не для сего? Такого человѣка, если бы его государь изволилъ узнать, то бъ далъ за него мильонъ: у него пальцѣ въ одномъ больше и ума, и чести, и твердости, нежели во всемъ тѣлѣ куракинскомъ, понеже склонность его накости дѣлать людемъ, да лестить. Позабылъ, что пророкъ Даніилъ написалъ: мужъ языченъ не исправится; на землѣ мужа лукава зло истлѣетъ во вѣки! Что здѣсь писалъ къ вамъ, то ему самому, не зазряся, могу выговорити. Мнѣ досадно, что онъ меня поставилъ предъ государемъ такимъ малымъ ребенкомъ и глупцомъ, что мнѣ не мочно усмотрѣть человѣка добраго и плута. Напалъ на меня сироту и бѣднаго человѣка... знатно милостивый человѣкъ! Пронзательные княжескіе умы! Какую вину нашелъ на Бонмазарія? Что онъ, когда былъ лѣтъ въ 20, ушмапалъ у себя въ Италіи одну черницу и за то выгнанъ на 20 лѣтъ. Вольно имъ бѣситься; если у насъ всѣхъ тѣхъ выгнать которые съ черницами въ своей юности знаются, то чаю некому будетъ и служити. Еще причину нашелъ, что былъ въ тюрьмѣ 4 года въ Голландіи, и то не причина, ибо еслибъ виноватъ, то не былъ бы живъ, но сами статы со стыдомъ выпустили... Куракинъ отъ меня и самого услышитъ сіе, что я его гнѣва не буду бояться, ибо ни движимаго, ни недвижимаго у меня нѣтъ: нечего отнять и нѣтъ какъ потѣснить въ усадьбахъ, ибо по государевой милости испомѣщенъ на моряхъ!»...

23 января 1717 года, къ Петру Великому:

«Державнѣйшій царь, государь всемилостивѣйшій! Писалъ я однажды къ секретарю вашего величества, г. Макарову, что я здѣсь одно дѣло дѣлаю съ немалымъ страхомъ и которое, если совершу, будетъ угодно вашему величеству. Нынѣ то совершилось: отправляю до вашего величества двухъ господъ, а именно г. Вигуру и г. де-Лапуа. Г. Вигуру есть баронъ и имѣетъ свою землю. Здѣсь ему давали полковничество, но онъ сего не похотѣлъ принять и пожелалъ вашему величеству себя представить; онъ же еще есть свидѣтельствованный докторъ въ юриспруденціи—наука, которую долженъ знать генералъ авдиторъ и судья въ адмиралтействѣ. Сей господинъ меня спознался съ г. де-Лапуа, который имѣетъ дивные секреты и которые, опричь его, никто не знаетъ. Мнѣ они такъ полюбились, что я не хотѣлъ съ ними разстаться и просилъ г. Вигуру, чтобъ его подговорить ѣхать въ вашему величеству, обѣщая ваше милостивое принятіе. Если бъ здѣсь свѣдали объ ихъ отъѣздѣ, то я чаю, чтобъ ихъ посадили въ призонъ, да и мнѣ, чтобъ не было тожъ. Того ради, из-

вольте ихъ тайно принять и будто бы они сами пріѣхали, а не я ихъ выслалъ»...

Того же числа и года, Зотовъ писалъ къ Макарову:

«Сіе письмо вашей милости подастъ Афанасій Даниловичъ, котораго я не хотѣлъ, чтобъ онъ къ вамъ пріѣхалъ безъ какой диковинки. Того ради, нынѣ онъ вамъ привезетъ двухъ человѣкъ, о которыхъ я только вамъ, государю моему, однажды намекнулъ въ моихъ письмахъ, нынѣ же довольно писалъ къ царскому величеству. Пожалуй, будь къ нимъ милостивъ и мѣшай терпѣть бѣду отъ подобныхъ Куракину. Извольте увидѣть сами, что достоинъ государевой милости и прочихъ пріязни»...

Читая эти восторженныя похвалы своимъ, какъ выразился Зотовъ, диковинкамъ, нѣтъ возможности заподозрить его чистосердечія — нѣтъ, онъ сильно и глубоко былъ убѣжденъ въ превосходствѣ и чудныхъ качествахъ Вигуру и де-Лануа. Зотовъ, какъ наивный русакъ, былъ обвороженъ французскими любезностями, его отуманивала блестящая внѣшность, и это въ особенности замѣтно изъ письма его къ Макарову, 11 февраля 1717 г., въ которомъ онъ между прочимъ писалъ: «о мнѣ доношу, что я съ г. Бонмазаріемъ есмь въ милыхъ у г. марешала д'Етре — ей, ей, какъ сынокъ! Дай Боже, мнѣ такое счастье у себя на святой Руси! И къ царскому величеству великое почтеніе имѣетъ [1])»!...

Вигуру и де-Лануа, какъ оказалось послѣ ихъ прибытія въ Россію, по отзывамъ самого французскаго резидента при нашемъ дворѣ, умнаго Кампредона, были весьма пустые люди и болѣе фразеры и хвастуны, какъ всѣ искатели счастья изъ французовъ. Жена де-Лануа была наставницею во французскомъ языкѣ дочерей Петра Великаго — Анны и Елизаветы, а мужъ увѣрялъ, что она при русскомъ дворѣ статсъ дамою. Когда цесаревна Анна Петрова вышла за мужъ за герцога голштинскаго и, при Петрѣ II, принуждена была съ мужемъ удалиться изъ Россіи въ Киль, то француженка де-Лануа сопровождала ее туда и, послѣ кончины герцогини, возвратилась во Францію. Въ царствованіе Елизаветы, она, въ надеждѣ на милости своей бывшей ученицы, явилась было снова въ Петербургѣ при дворѣ, но ее оттуда скоро выпроводили, о чемъ есть упоминаніе въ запискахъ Екатерины II. Самъ де-Лануа, еще при жизни Петра Великаго, написалъ ему панегирикъ плохими французскими стихами. Одинъ шутникъ изъ его соотечественниковъ, молодой Шлейницъ, въ насмѣшку сочинилъ къ поэту посланіе отъ имени Фонтенелля объ избраніи его за стихи въ члены французской академіи наукъ. Де-Лануа и другъ его Вигуру были въ восторгѣ и долго вѣрили, что все это

---

[1]) Отрывки изъ писемъ Зотова извлечены изъ Каб. дѣлъ II, № 32.

истинно. Разувѣрили де-Лануа только изъ опасенія, чтобы шутка не дошла до Петра Великаго.

—

Говоря о русскихъ, учившихся за границей во времена Петра Великаго, невозможно пройти молчаніемъ обстоятельства, несомнѣнно бывшаго важнымъ препятствіемъ тому, чтобы наша молодежь могла пріобрѣтать тамъ основательныя знанія—это недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ и вообще крайняя беззаботность, по милости которой молодые русскіе оставлялись въ отдаленныхъ краяхъ совершенно на произволъ судьбы, безъ всякой почти помощи. Конечно, въ этомъ никто не рѣшится обвинять Петра Великаго: онъ вездѣ и всюду долженъ былъ работать за всѣхъ, безъ устали, часто не имѣя ни днемъ, ни ночью покоя. Исполнители его воли, за весьма рѣдкими исключеніями, дѣлали только то, что имъ наказывалъ или подтверждалъ царь, а онъ, при разнообразіи занятій, при многочисленности замысловъ, которые ему хотѣлось осуществлять, легко могъ не помнить о подтвержденіяхъ разъ данныхъ имъ приказаній. Неудивительно по этому, что бѣдные молодые люди, заброшенные «для науки» по разнымъ городамъ Европы, не рѣдко терпѣли нужду и всевозможныя лишенія отъ недостатка заботливости о нихъ. Въ главѣ о переводчикахъ, мы не разъ будемъ имѣть случай указывать на это, а здѣсь приведемъ въ подтвержденіе нѣкоторыя изъ писемъ Юрова и арапа Абрама — предка поэта Пушкина [1]). Оба они оставлены были въ Парижѣ въ бытность тамъ Петра въ 1717 году.

---

[1]) Когда Петръ Великій въ первое свое путешествіе по Европѣ былъ въ 1698 г. въ Лондонѣ, то любимецъ его Лефортъ часто писалъ къ нему письма на ломаномъ русскомъ языкѣ и при томъ латинскими буквами (они хранятся въ госуд. архивѣ м. и. д. въ папкѣ, принадлежащей къ каб. дѣламъ II. В., подъ № 2; г. Устряловъ въ сочиненіи своемъ ими не пользовался). Тамъ, между прочимъ, находимъ, что Лефортъ просилъ царя достать въ Лондонѣ арапова и, 8 февраля 1698 года., писалъ: «poujalest nie zabouvat coupit arabi», а 25 марта: scholo bion (читай: челомъ бью) milos twoia, schto ti iswolis arapof dosetats». Быть можетъ, въ угоду Лефорту, Петръ дѣйствительно досталъ въ Лондонѣ ребенка арапа, о которомъ въ 1699 г. Петръ Апраксинъ доносилъ царю: «сего числа послалъ къ тебѣ, государю, арапчика Каптинеръ, который изъ англійской земли присланъ по твоему государеву указу ко мнѣ съ капитаномъ съ Иваномъ фонъ Таріомъ; и русскому языку онъ нынѣ гораздо понавыкъ; и которую имѣлъ трудную нѣкоторую скорбь, отъ того, государь, за помощію божіею оздравѣлъ. А о крещеніи его къ тебѣ, государю, прежъ сего писалъ, и указа твоего государева не было, и онъ донынѣ у меня не крещенъ»... (Каб. дѣла II, № 1) Изъ прошеній Абрама видно, что онъ потомъ, до оставленія его въ Парижѣ въ 1717 г., находился при особѣ царя 17 лѣтъ Въ Публичной библіотекѣ есть портретъ Петра Великаго, съ стоящимъ за нимъ арапомъ. Въ статьѣ «Арапъ Петра I и калмыкъ Екатерины II» (Спб. вѣд. 1861 г. № 191) сказано, что хотя имени арапа на портретѣ не написано, однако это должно быть изображеніе

Чрезъ полгода съ небольшимъ послѣ отъѣзда оттуда царя, начались жалобы Абрама и Юрова на недостаточность средствъ къ содержанію и просьбы объ увеличеніи содержанія:

«Всемилостивѣйшій государь! На что себя опредѣлили по желанію нашему, и мы оное управить съ совершеннымъ прилежаніемъ, яко должность наша повелѣваетъ, вашему величеству обѣщаемъ, дабы могли удостоиться вашего милостиваго покрову. Того ради, не имѣя никакой надежды, ниже какое заступленіе, опричь единаго вашего величества призрѣнія, молимъ всепокорнѣйше о призрѣніи нашего убожества и опредѣлить насъ своимъ государевымъ жалованьемъ, которымъ бы намъ мочно прожить здѣсь безъ долговъ. Истинно, яко самому Богу, вѣрно доносимъ, что въ сихъ странахъ не можно прожить двѣмя стами сорокью ефимками французскими, безъ всякихъ прихотей. Умилосердись, государь, не учини насъ отчаянными исполнить и исполнять по желанію, по должности и по обѣщанію нашему къ вашему величеству. Мы не смѣемъ опредѣлить сумму, но полагаемся на ваши царскія и отеческія щедроты и на вѣрное объ насъ доношеніе г. капитанъ поручика Конона Зотова. И тако, ожидая онаго призрѣнія, пребываемъ вашего величества сыны и рабы препокорнѣйшіе и вѣрнѣйшіе—Алексѣй Юровъ. Абрамъ. Изъ Парижа въ 5 д. марта 1718 года.

Къ кабинетъ секретарю Макарову, рукою Абрама:

«Мой премилостивый государь Алексѣй Васильевичь, мой государь! Прошу васъ, моего государя, насъ чтобъ не оставить въ такой бѣдности, и здѣсь приложить свое милосердіе въ прошеніе къ его величеству объ насъ бѣдныхъ, презря все мое глупое, младые поступки къ себѣ показанной (sic), и явить надъ нами свое милосердіе отеческое, яко надъ дѣтьми своими, чтобъ намъ не пропасть въ нищетѣ здѣшнемъ (sic). Во истинну, мой государь, не можемъ пропитаться опредѣленными 240 ефимками французскими, и о чемъ писали къ его величеству, при томъ просимъ и ваше милосердіе. При семъ остаюся вамъ, моего государя, слуга Абрамъ. Парижъ $^{22}/_{11}$ марта 1718 года.

«Всемилостивѣйшій царь и государь! Нездравый нищетъ врача, но болящій: какъ я уже конечно нахожуся внѣшна и внутренно скорбяща, не имѣяй иного дохтора, ни лекарства, развѣ высокою вашего величества милостію исцѣлити бѣдность мою можете. Ей, всемилостивый государь, въ крайней нищетѣ уже есмь, и препятствуетъ

именно арапа Ибрагима — потомка Пушкина. Богатый костюмъ и изысканный парикъ, представленные граверомъ на портретѣ Петра есть фантазія художника, такъ какъ извѣстно, что царь терпѣть не могъ роскоши въ своемъ нарядѣ. Какъ поручиться, что и арапъ, изображенный за царемъ, не есть также фантазія художника? Замѣтимъ кстати, что въ помянутой статьѣ, на основаніи невѣрнаго указанія самого Пушкина, ошибочно показано время, съ котораго арапъ Ганнибалъ сталъ находиться при Петрѣ.

много бѣдность наша вамъ угодное по желанію нашему исполнить, ибо вся науки за ничто здѣсь не даются, но всякая заплаты своей требуетъ. Я никогда не забуду милостиваго указу вашего величества, который при отъѣздѣ вашемъ изъ Парижа намъ данъ устно не такъ, какъ рабомъ, но какъ дѣтямъ своимъ, дабы не попасться въ тюрьму. Но я воистинну сего боюся, не ради мотовства, ни гулянья, но ради бѣдности нашей скорѣй можетъ статься, ибо милостиво опредѣленнымъ жалованьемъ вашего величества защитить себя двѣма стами ефимками французскими ни по которому образу не возможно. Умилосердися, великій государь, надъ бѣдностью нашею по обыкновенной своей высокой милости, повели прибавить вашего государева жалованья! Призри, милостивый государь и отче, слезно вопіющихъ къ тебѣ, которые не имѣютъ иныя надежды, ни прибѣжища, ни заступника, кромѣ вашего величества! Истинно, не гипокрицкимъ образомъ простираемъ прошеніе, но слезнымъ, и будемъ ожидать высокой намъ милости вашего величества, всемилостивѣйшаго нашего царя и государя всенижайшій рабъ Алексѣй Юровъ. Изъ Парижа, ноября 1 дня 1718 года.

Въ декабрѣ, того же года, Абрамъ и Юровъ снова прислали слезное прошеніе о прибавкѣ имъ денегъ на содержаніе [1]). Другой русскій, также бывшій съ ними въ одно время въ Парижѣ, Гавріилъ Резановъ былъ менѣе терпѣливъ и написалъ, 20 февраля 1719 г., къ Макарову такое письмо:

«Государь мой Алексѣй Васильевичь! Его величество желаетъ, чтобъ мы учились наукъ, въ которыя мы опредѣлены, и воля бъ его величества была исполнена, еслибы ваше призрѣніе было, чего я до нынѣшняго времени не вижу. Уже шесть мѣсяцевъ прошло, что я къ вамъ пишу безпрестанно и прошу, чтобъ перевели мое жалованье на іюнскую половину 1718 года, а отъ васъ ничего не вижу ни жалованья, ни переводите, ни отвѣтствуете. И если бы ваше желаніе было, чтобъ воля государева исполнялась, тобъ вы разсудили, что у меня никакова промыслу нѣтъ, чѣмъ бы я могъ кормиться и деньги наживать на содержаніе мастеровъ. И бывши такое долгое время не получаючи его величества мнѣ жалованья, не могу я инакъ быть, какъ нищимъ, чего вы не разсуждаете и оставляете насъ бѣдныхъ здѣсь, какъ бы скотину. И во истинно уже пришли такъ, что пить-ѣсть нечего, а мастерамъ платить и поготова (?), чего ради принуждены имъ отказать, для того что въ долгъ не хотятъ вѣрить. Сего ради, прошу васъ еще, чтобъ пожаловали перевели мое вышеписанное жалованіе, такожде и на январскую половину 1719 безъ отложенія, чтобъ я могъ исполнить волю государеву и окончити науку свою и время свое не терялъ»... [2]).

[1]) Каб. дѣла II, № 38, л. 82, 86, 83—84, 93.

[2]) Каб. дѣла, II, № 42, л. 71.

Въ началѣ 1722 г., кн. Долгорукій объявилъ Абраму указъ царя возвратиться ему въ Петербургъ моремъ, и тотъ писалъ тогда къ Макарову $^{16}/_{5}$ февраля 1722 г., изъ Парижа: «прошу васъ, государя моего, доложить его величеству, что я не морской человѣкъ: вы сами, государь мой, изволите вѣдать, какъ я былъ на морѣ храбръ, а нопѣ пуще отвыкъ. Моя смерть будетъ, если не покажутъ надо мною милосердіе божеское... Ежели императорское величество ничего не пожалуетъ, чѣмъ бы мнѣ доѣхать въ Петербургъ сухимъ путемъ, то радъ и готовъ пѣшкомъ идти... Прошу донести царскому величеству, что я былъ въ службѣ здѣсь поручикомъ инженерскимъ, въ которомъ полку и служилъ полтора года ученикомъ. Понеже сдѣлали здѣсь школу новую для молодыхъ инженеровъ въ 1720 г., въ которую школу не принимали иностранныхъ, кромѣ тѣхъ, которые примутъ службу французскую; но я, надѣяся, что не будетъ противно его величеству, что я принялъ службу для лучшаго ученія, и ежели его величество изволитъ повелѣть мнѣ пребыть сей годъ для ученія, понеже мы сдѣлали сами безъ мастеровъ городъ для ученія, а такожъ разныхъ и для подкоповъ»... Абрамъ просился остаться еще на нѣкоторое время во Франціи и въ заключеніи опять повторялъ: «токмо прошу, Христа ради и Богородицы, чтобъ моремъ не ѣхать; о школѣ, о которомъ (sic) я вамъ доносилъ, и она не здѣсь около Парижа, токмо сто миль въ разстояніи отъ Парижа, но ко мнѣ писали, чтобъ пріѣхать въ Парижъ, и я сего дня пріѣхалъ».

Въ письмѣ 5 марта, Абрамъ жаловался Макарову, что они во Франціи умирали съ голоду, такъ какъ жалованье получали бумажными деньгами, которыя тогда упали въ цѣнѣ: «мы здѣсь всѣ въ долгу не отъ мотовства, но отъ бумажныхъ деньгахъ (sic), о чемъ вы, я чаю, извѣстны чрезъ графа Мусина Пушкина (Платона), какое здѣсь житье было здѣшними деньгами. И ежели бы здѣсь не было Платона Ивановича, то бъ я умеръ съ голоду: онъ меня, по своей милости, не оставилъ, что обѣдалъ и ужиналъ при немъ по вся дни... Я надѣюся, что его императорское величество оставить меня не прикажетъ, понеже по отъѣздѣ своемъ изволилъ намъ съ Алексѣемъ Юровымъ изъ устъ своихъ сказать, что ежели мы будемъ моты или въ тюрьму попадемъ, то бъ намъ не имѣть никакой милости отъ его величества для нашей выкупки. Потомъ, изволилъ сказать: ежели мы будемъ прилежно учиться, также чтобъ имѣть доброе житье, то я васъ не оставлю.—И я вамъ, государь мой, доношу, что всѣмъ русскимъ извѣстно, какое я имѣлъ стараніе къ моей учени (sic), и сколь всякое и казнѣ гдѣ бы можно лучше учиться. Также и принялъ службу, чтобъ лучше знать мое дѣло, гдѣ не принимали никого иностранныхъ, кромѣ тѣхъ, которые службу примутъ во Франціи. То ли я выслужилъ, живучи при его величествѣ 17 лѣтъ — выгоняютъ отсюда, какъ собакъ, безъ денегъ! Хотя бы на подъемъ не давали, да пожа-

ловали бы дали наше жалованье годовое, я бы съ тѣмъ поѣхалъ. Ежели недостанетъ, то бъ милостину сталъ просить дорогою, а моремъ не поѣду — воля его величества!»

22 апрѣля 1722 г., Абрамъ къ Макарову: «я зѣло благодарствую вамъ, моему милостивому государю, что приказали перевесть денегъ мнѣ, которую (sic) мы получили сего 11 дня сего мѣсяца, также чтобъ мнѣ ѣхать съ его свѣтлостью (кн. Васильемъ Лукичемъ Долгорукимъ) въ Питербурхъ»... За тѣмъ слѣдуетъ просьба объ уплатѣ долговъ его, сдѣланныхъ по случаю упадка бумажныхъ денегъ. «Пожалуй, мой милостивый государь, прикажи надо мною показать милость свою, чтобъ я не былъ оставленъ. А что мнѣ велѣно ѣхать съ его свѣтлостью, и о томъ прошу васъ, моего государя, чтобъ къ нему отписать, пока онъ изволитъ здѣсь жить въ Парижѣ, чтобъ меня приказалъ поить и кормить у себя, чтобъ мнѣ опять въ долгъ не входить, понеже я не имѣю за душою единую копѣйку, а онъ сказалъ: хотя де съ голоду умпрайте, у меня вамъ нѣтъ хлѣба, и мнѣ де на то указу нѣтъ, чтобъ васъ кормить! Также, чтобъ въ дорогѣ насъ неоставилъ, чтобъ насъ приказалъ вести на своихъ (лошадяхъ) и кормить дорогою, чтобъ съ голоду не помереть»... [1]).

VIII.

Старинные учебники для первоначальнаго обученія дѣтей грамотѣ.—Отношеніе ихъ къ букварямъ временъ Петра Великаго. Понятія о грамматикѣ въ старину. Заимствованія изъ грамматики Смотрицкаго (1619 г.) въ началѣ XVIII вѣка.

Въ 1596 г., въ друкарнѣ православнаго братства въ Вильно, былъ напечатанъ букварь, подъ заглавіемъ: «Наука ку читаню и розумѣню писма словенского, тутыжъ и о святой троицы и о вчеловѣченіи Господни [2])». Здѣсь, кромѣ азбуки, складовъ, молитвъ (въ Символѣ вѣры въ членѣ о св. Духѣ нѣтъ прибавленія слова истинаго) и лексиса или толкованія нѣкоторыхъ реченій, прибавлены статьи: а) Стефана Зизанія изложеніе о православной вѣрѣ (въ вопросахъ и отвѣтахъ изложены понятія о таинствахъ и св. Троицѣ); б) о вчеловѣченіи Господни и в) о знаменіи крестномъ. Эти статьи были вызваны тогдашними событіями въ юго-западной Руси: въ концѣ XVI вѣка начала тамъ дѣйствовать католическая пропаганда, и братья Стефанъ и Лаврентій Зизаній, извѣстные противники папства, старались въ разсматриваемомъ букварѣ, за неимѣніемъ еще тогда кати-

[1]) Каб. дѣла II, № 59, л. 82—99.

[2]) Обозрѣніе славянорусской библіографіи, г. Сахарова Т. 1, кн. 2. № 101.

хизиса, истолковать главнѣйшіе догматы, принимаемые православною Церковью и отличающіе ее отъ прочихъ христіанскихъ исповѣданій.

Другой букварь изданъ въ Вильно же [1]), 1621 года: «Грамматика албо сложеніе писмена хотящымъ ся учити словенскаго языка младолѣтнымъ отрочатемъ», съ картинкою на заглавномъ листѣ, изображающею классъ и учителя, который наказываетъ розгами ученика. Въ этомъ букварѣ предполагалось, при обученіи азбуки, знакомить ученика и съ грамматикою, почему въ началѣ сказано: «а сія азбука, отъ книги осмочастныя, спрѣчь грамматикіи». Азбука изложена такъ: азъ, букы, буди онъ, будеши ты, будетъ той, будива мы два, будимо со мною и т. д.; въ концѣ примѣры для объясненія страдательнаго залога; о просодіи дано понятіе въ примѣрахъ: бу̀ди и будѝ, ва̀рите и варѝте и проч.; орѳографія показана въ собраніи словъ по алфавиту, писанныхъ подъ титлами. Послѣ молитвъ [2]), слѣдуютъ разныя наставленія сначала къ дѣтямъ о благочестіи, кротости и повиновеніи, а потомъ къ родителямъ: «къ вамъ же, отцы и учители, тако глаголемъ: не отымай отъ дѣтища твоего казни: безуміе бо есть привязано въ сердцы отрочате. Жезломъ же наказанія изженеши его; дѣтищу, иже даютъ волю его, напослѣдокъ посрамитъ матерь свою, аще ли накажеши его жезломъ, не умретъ отъ того. Ты бо жезломъ біеши его, душу же его отъ ада избавиши; аще ты въ юности накажеши его, а онъ упокоитъ тебе на старость твою. Тѣмъ же и апостолъ сице глаголетъ: чада, послушайте своихъ родителей о господи, еже есть первая заповѣдь во обѣтованіи, да благо будетъ вамъ и будете долголѣтны на землѣ». Эти совѣты о строгомъ обращеніи съ дѣтьми приняты были потомъ, какъ неопровержимыя аксіомы, во многихъ изданіяхъ и начала XVIII вѣка (въ букваряхъ, Пѣшкѣ и др.). За наставленіями помѣщены притчи Соломона, изреченія изъ Іисуса Сираха, поученія Товія сыну своему, а въ заключеніи «сказаніе, како состави св. Кириллъ философъ азбуку по языку словеньску и книги преведе отъ греческихъ на словенскій языкъ», которое попадается въ рукописяхъ XIV столѣтія.

Первый букварь въ Москвѣ вышелъ въ 1634 году [3]). «трудами и тщаніемъ, какъ сказано въ послѣсловіи, Василья Ѳедорова Бурцева и прочихъ сработниковъ». Здѣсь пѣтъ предисловія, стиховъ и изображеній, а въ Символѣ вѣры въ 6 членѣ есть уже прибавленіе «истинаго». Трудъ и тщаніе Бурцова въ этомъ изданіи состояли въ томъ, что онъ, перепечатавъ въ своемъ букварѣ предъидущій 'вленскій, добавилъ послѣсловіе, которымъ отчасти объясняется; почему у насъ въ старину было такое презрѣніе къ иноземцамъ и въ то же время высокое

---

[1]) Ibid. № 194.

[2]) Въ экз. П. библіотеки листъ, гдѣ напечатанъ Символъ вѣры, вырѣзанъ и замѣненъ рукописнымъ, съ прибавленіемъ о св. Духѣ слова «истинный».

[3]) Обозрѣн. слав. русск. биб. Т. 1. кн. 2 № 310.

мнѣніе о себѣ: «невѣрніи языцы... отъ праваго пути отступиша и св. крещенія и апостольскаго ученія не пріяша, но въ слѣдъ чюждихъ боговъ пондоша, и сами себѣ законы, и обычая и грамоты изложиша; инїи же отъ еретикъ паучени быша, и божественное писаніе развратиша, того ради и до днесь, яко во тмѣ невѣдѣнія, ходятъ. Нашъ же христіанскій родъ помилова Господь своею милостію и почте насъ славою и честію, паче всѣхъ языкъ, аще прежде и языцы бѣхомъ, но его, творца нашего и владыки всѣхъ, паки помиловани быхомъ и сподобихомся отъ него истинному богоразумію и пріяхомъ сѣмя благочестія»...

Второе изданіе этого Букваря, напечатанное въ 1637 г., съ прибавленіемъ предисловія и стиховъ, разсмотрѣно К. Калайдовичемъ и г. Забѣлинымъ [1]).

Изданный въ 1652 г. букварь въ Вильно незамѣчателенъ по содержанію, такъ какъ кромѣ молитвъ, заповѣдей, псалмовъ и азбуки, нѣтъ ничего [2]).

Послѣ букваря Бурцова, вышелъ въ Москвѣ букварь же другой редакціи, который намъ извѣстенъ только во 2-мъ изданіи [3]) 1664 года; первое же было не ранѣе патріаршества Никона, такъ какъ въ букварѣ отразились тѣ перемѣны, которыя были начаты этихъ іерархомъ: здѣсь Символъ вѣры безъ прибавленія въ 6 членѣ «истиннаго», и есть «Главизны отвѣщательны отъ посланія Паисія архіепископа Константинополя и вселенскаго патріарха къ св. патріарху Никону, кимп персты подобаетъ всякому христіанину на лицѣ своемъ изображати образъ креста и како достоитъ архіерею или священнику благословляти христіанъ,» съ изображеніями, какъ слѣдуетъ при крестномъ знаменіи слагать персты.

Въ томъ же 1664 г., изданъ букварь въ Кіевѣ [4]): извѣстно, что тогда

---

[1]) Сѣвери. архивъ, 1823 г., VI, 301 — 327; Отечествен. записки: 1854 г. № 12 «Домашній бытъ русскихъ царей» и 1856 г. № 4 «Характеръ древняго образованія въ Россіи.»

[2]) «Букварь языка славенска, писаній, чтеніа учитися хотящымъ въ полезное руковоженіе. Трудолюбіемъ иноковъ въ киновіи виленскомъ православія восточнаго, при храмѣ сошествія святаго Духа. Въ лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1652.» Въ 8°, 36 нен. лист., съ рѣз. на дер. изображеніями: Григорія двоеслова, женъ мироносицъ, ап. Петра и Павла, св. Троицы, нерукотвореннаго образа Спасителя, и ев. Марка и Матѳея. Одинъ экз. извѣстенъ въ Пуб. библ. Вѣрую здѣсь безъ слова «истиннаго», и оно вписано послѣ вверху строки перомъ.

[3]) «Букварь языка славенска, сирѣчь начало ученія дѣтемъ, хотящымъ учитися чтенію писаній. Повелѣніемъ благочестивѣйшаго государя, царя и великаго князя Алексіа Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца; благословеніемъ же преосвященныхъ митрополитовъ и архіепископовъ и всего освященнаго собора. Въ богоспасаемомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ типографіи второе издадеся, лѣта отъ созданія міра 7182, отъ воплощенія же Бога Слова 1664». Въ 8°, 83 листа, перенумерованныхъ съ заглавнаго.

[4]) «Букварь языка славянски, писаній человѣкомъ учитися хотящимъ въ полезное руководство. Въ святой великой чудотворной кіево-печерской лаврѣ. Въ лѣто 1664.» Въ

Малороссія не была еще совершенно подчинена по духовнымъ дѣламъ московскому патріарху, а потому тамъ занимались иными вопросами, нежели въ Москвѣ. Кіевъ, по близкому сосѣдству съ Польшею, часто испытывалъ столкновенія съ католиками, и въ кіевскомъ православномъ букварѣ находимъ наставленіе, излишнее въ московскихъ: «книгъ геретецкихъ не читати и ихъ блюзнерскихъ мовъ (богохульныхъ рѣчей) не слухати; а не будучи выцвичонымъ (просвѣщеннымъ), въ жадныи (никакія) контроверсіи не вдаватися, такъ тежъ на ихъ казаніяхъ (проповѣдяхъ) и сборискахъ не бывати». Это наставленіе тѣмъ болѣе любопытно для насъ, что почти дословно заимствовано кіевскими педагогами у враговъ ихъ польскихъ іезуитовъ, для учениковъ которыхъ было постановлено: a libris perniciosis et inutilibus legendis prorsus abstineant. Neque ad publica spectacula, commoedias, ludos, neque ad supplicia reorum, nisi forte hæreticorum, eant etc....[1])

Въ 1671 г., львовское братство издало букварь [2]), гдѣ кромѣ азбуки и складовъ, помѣщены обычныя молитвы, пятидесятый псаломъ, гимны въ недѣлю на утрени, символъ Аѳанасія александрійскаго, исповѣданіе вѣры Амвросія медіоланскаго и Августина гиппонскаго, заповѣди. Въ концѣ, «для цвѣченя дѣтей по греческу, летерами рускими» напечатаны Отче нашъ, Царю небесный и Достойно есть.

Московскій букварь 1679 г.[3]), хотя по содержанію своему и полнѣе всѣхъ предъидущихъ, однако по духу и направленію съ ними одинаковъ. Здѣсь прибавлено: 1) «Благословеніе отроковъ, во училище учитися священнымъ писаніямъ идущимъ»; 2) «Бесѣда о православной вѣрѣ краткими вопросами»—перепечатка статьи Стефанія Зизанія изъ виленской азбуки 1596 г. 3) Привѣтства къ родителю и благодѣтелю на Рождество Христово, Богоявленіе, Воскресеніе, Сошествіе св. Духа и новое лѣто. Г. Забѣлинъ справедливо замѣчаетъ,

---

8⁰, изъ 5-ти тетрадей по 8-мп листовъ каждая, нѣкоторыхъ листовъ недостаетъ; съ небольшими изображеніями, рѣзанными на деревѣ.

[1]) Historya szkół w Koronie i w W. X. litewskiem, przez J. Łukaszewicza, I, 266.

[2]) «Букварь языка славенска писаній чтенія учитися хотящымъ въ полезное руковожение. Въ Львовѣ, въ друкарни братства успенія пресвятыя Богородицы, року отъ Рождества Христова 1671». Въ 8⁰, 32 нен. лист., считая и заглавный, на оборотѣ котораго рѣзанное на деревѣ изображеніе съ подписью «Стефанъ половецъ д.» Этотъ букварь потомъ перепечатанъ въ 1692 и 1710 годахъ.

[3]) «Букварь языка словенска, сирѣчь начало ученія дѣтемъ, хотящымъ учитися чтенію писаній. Повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго государя нашего, царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца; благословеніемъ же въ духовномъ чину отца его и богомольца, великаго господина святѣйшаго кyръ Іоакима, патріарха московскаго и всея Россіи, издадеся въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ; въ типографіи верхней, въ лѣто отъ сотворенія міра 7188, отъ рождества же по плоти Бога Слова 1679, индикта 3, мѣсяца декемврія». Въ 8⁰, 2 листа ненум., 16, 103 и 36 лист. съ отдѣл. нумераціями.

что они «не столько любопытны, какъ бы слѣдовало ожидать, и заключаются въ однихъ только риторическихъ фразахъ» [1]).

Въ этомъ букварѣ воспѣты въ стихахъ розга, бичь и жезлъ, рекомендованные въ виленскомъ букварѣ на картинкѣ и въ отеческомъ наставленіи:

Розга умъ востритъ, память возбуждаетъ
и волю злую въ благу прелагаетъ:
Учитъ Господу Богу ся молити
и рано въ церковь на службу ходити.
Бичь возбраняетъ скверно глаголати
и дѣлъ лукавыхъ юнымъ содѣвати.
Жезлъ лѣнивые къ дѣлу побуждаетъ,
рождшихъ слушати во всемъ научаетъ...

Въ обращеніи къ учащимся заключается утѣшеніе въ горечи таковой методы образованія:

Цѣлуйте розгу, бичь и жезлъ лобзайте:
та суть безвинна; тѣхъ не проклинайте
И рукъ, яже вамъ язвы налагаютъ,
ибо не зла вамъ, но добра желаютъ.

Наконецъ, въ 1696 году напечатанъ въ Москвѣ, въ 4° «Букварь языка славенска хотящымъ дѣтемъ учитися чтенія писаній. Начало всѣхъ писменъ достолѣпное начертаніе; къ сему и иныя главизны потребныя во обученіе должности христіанскія съ душеспасительною пользою» [2]). Здѣсь, послѣ стихотворнаго поученія учащимся, азбука, склады, молитвы, заповѣди, привѣтствія въ прозѣ и стихахъ. Съ 66 л. стихи: «Въ день св. Алексіа, человѣка Божія, на рождество благороднѣйшаго государя царевича и великаго князя Алексіа Петровича, марта мѣсяца въ 17 день», гдѣ за похвалами св. Алексѣю говорится:

Ему (т. е. святому) съимененъ государь царевичь
и великій князь Алексій Петровичь,
Всероссска царства господинъ преславный,
въ бытности лѣтъ си родителемъ явный.
О немъ же отецъ, царь нашъ, веселится
Петръ Алексѣевичь о сынѣ свѣтлится.
Великій онъ князь, Россіи обладатель,
сына своего въ любви обиматель.

---

[1]) Отеч. Записки 1854 г. № 12, Науки стр. 97. Г. Забѣлинъ полагаетъ, что находящіеся въ видѣнномъ имъ экз. букваря Измарагдъ или стоглавъ о вѣрѣ св. Геннадія и Тестаментъ Василія, царя греческаго, хотя и отпечатаны отдѣльно, а послѣдній имѣетъ даже особый выходъ, однако судя по шрифту, бумагѣ и проч., обѣ эти статьи должны принадлежать къ букварю 1679 г.

[2]) Одинъ экз. этого букваря знаю въ библіотекѣ И. П. Каратаева.

Мати царица, великая княгиня
сына пѣстуетъ, руками окиня,
Евдокіа днесь въ совѣсти си свѣтлѣй
Ѳеодоровна во радости крѣплѣй.
Дѣвы царевны царевича любятъ,
молитвы о немъ въ возрастъ благъ сугубятъ.
Вси сродственніи, народъ весь ко Богу
вопіетъ: да дастъ здравость ему многу.
И крайній пастырь, господинъ святѣйшій
Адріанъ, блаженъ патріархъ добрѣйшій,
Со всѣмъ соборомъ мольбы сотворяетъ,
царствій свѣтлости всѣхъ блаженствъ желаетъ....

Тамъ же, на л. 69 «Благороднѣйшему великому государю царевичу и великому князю Алексію Петровичу въ перволѣтіе рожденія его 7198 привѣтство сотворися, іуніа мѣсяца въ 29 день», гдѣ говорится, что Богъ

Хранитъ и въ россахъ царевича красна,
князя младенца, Алексіа ясна,
Господина всѣмъ Петровича блага,
отцу, матери въ любви сына драга.
Праотцово бо онъ имя имѣетъ,
зовомый память радостну содѣетъ.
Его же взрасти, Боже нашъ и творче,
всея си твари премудрый обзорче:
Къ тебѣ бо есмы, къ тебѣ прибѣгаемъ,
мольбы о царѣ Петрѣ приношаемъ,
Алексѣевичѣ, господарѣ росскомъ,
спасай и съ сыномъ въ твоемъ кровѣ божскомъ!...

Изъ всѣхъ этихъ стихотвореній видно, что букварь предназначался для царевича Алексѣя и, быть можетъ, онъ по этой книгѣ учился грамотѣ. На л. 88, въ статьѣ «О ученіи привѣтство» прописныя буквы въ началѣ и потомъ въ среднѣ стиховъ раскрываютъ имя составителя букваря — Каріона, іеромонаха Истомина:

Ко Богу юный въ молитвѣ простися:
Азу писмене въ любви присмотрися;
Разумомъ прочихъ научися склада,
Ісраильскаго насытишся сада.
О всѣмъ разумѣй добрѣ, всѣмъ привѣтствуй,
Наученіемъ вездѣ многолѣтствуй.
Іисусъ господь Ему Рабовъ Опыхъ
возметъ си МОльбы НАукъ всѣХъ свободныхъ,
Иже Сія здѣ ТОщнѣ навыкаютъ
МИлости любве всѣхъ благъ Научаютъ....

Каріонъ Истоминъ составлялъ и другіе учебники, предназначавшіеся для царевича Алексѣя Петровича: такъ въ мартѣ 1692 года, онъ поднесъ царицѣ Натальѣ Кириловнѣ писанный красками и зо-

лотомъ «Букварь славенороссійскихъ письменъ со образованми вещей и со нравоучительными стихами» [1]). Въ посвященіи, между прочимъ, говорится: «Да яко же ты, государыня благочестивая царица, внука твоего, благороднѣйшаго государя царевича Алексіа Петровича любиши, такожде въ возрастъ временно пріятный пришедши, христіанскому благочестію, и благородному праву и писменныя науки научити имаши: и аще ли тогда въ потребѣ имать сія книжища быти, молю и прошу тя, великую государыню, благоволи сію днесь въ новости отъ мене, худаго вашего рабичища, пріяти и ему, государю царевичу Алексію Петровичу, сохранити до вразумляемаго въ возрастѣ ученія» [2]). Весь букварь состоитъ изъ изображеній, заимствованныхъ, судя по многимъ признакамъ, изъ какихъ нибудь западныхъ изданій: «подъ всякимъ же писменемъ, говоритъ Истоминъ, ради любезнаго созерцанія, отрочамъ учащимся предложены виды во удобное званіе въ складѣ: да что видитъ, сіе и назоветъ слогомъ писмене достолѣпнаго начертанія тѣхъ, яко А—Адамъ, алекторъ, аспидъ и т. д. И на тѣ видообразныя вещи, приличны юнымъ людемъ, метафорично, сіесть преносно, еже отъ вещей слово къ дѣлу потребну вземлется, стихи нравоучителны суть.... А идѣ же въ вещѣхъ и словахъ букваря сего недосталость узрится, яко въ переводѣланіи, благоразумно, неосудно же, изволь каждый въ приличество исправити; ибо въ новости съ трудомъ и ждивеніемъ собрася и издася»....

Другой трудъ Каріона, оставшійся въ рукописи, называется Малая грамматика [3]), гдѣ изложена орѳографія, научающая «естеству писменъ, ударенію гласа и препинанію словесъ», и изображены весьма затѣйливо киноварью всѣ буквы славянскаго алфавита. Этотъ букварь съ грамматическими объясненіями посвященъ Алексѣю Петровичу: «Господь нашъ Іисусъ Христосъ во св. евангеліи зѣло похваляетъ учащихся книгамъ сице: всякъ книжникъ, научився царствію небесному, подобенъ есть человѣку домовиту, иже износитъ отъ сокровища своего новая и ветхая (Матѳ. 13). Сокровища есть сердца новая: св. евангеліе, апостолъ; ветхая—вся пророческія книги, яже восприяла Церковь святая, и пндѣ глаголетъ (Іоан. 5): испытайте писанія, въ нихъ же есть животъ вѣчный. Сицевыя ради вины надежно дерзнухъ и азъ малую сію грамматику истолковати, еже есть орѳографію, яко подобное подобному, вашему царскому пресвѣтлому величеству, во юности сый успѣвающу, бо та есть паказательница до всѣхъ мудростей. По апостолу, мужъ, совершенный возрастомъ, тре-

---

[1]) Выгравированъ на мѣди Леонтіемъ Бунинымъ въ 1694 г., заглавіе виолнѣ у Толст. № 181, а описаніе содержанія въ Сѣверн. Архивѣ 1822 г. ч. IV, № 19, стр. 1—27.

[2]) Рукоп. Царск. № 24. Въ 1693 г. Истоминъ поднесъ другой списокъ своего букваря царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ «по изволенію и повелѣнію» ея, вѣроятно, для обученія дочерей царицы.

[3]) Рукопись И. эрмитажа № 89, полка 3, въ f°, на 50 листахъ.

буетъ твердыя пищи; младымъ же потребнѣйшая есть млѣко, млеко же утѣшаетъ тѣло; письмо же умудряетъ душу, яко же философи повѣдаютъ десять чювствъ быти у человѣка—пять тѣлесныхъ, пять же душевныхъ; тѣмъ же млекомъ утолстѣютъ тѣлесная чювства, душевная же именуются и духовная, яже ученіемъ писанія просвѣщаютъ умныя очи и даютъ знати по части видимая и невидимая, настоящая и будущая, по елику мощно человѣческому естеству воспріяти, аки даръ отъ Бога чрезъ ученіе мудрость. Паипаче же младые отроки воспріемлютъ во младости младое, еже есть ученіе грамматики; тако да воспріиметъ и пресвѣтлѣйшій нашъ монарховичь таковое мое привѣтство: трудолюбіемъ власнымъ истолкованную, сію малую грамматику приносимую свѣтъ нашъ благорастворенною и высокою десницею да благоволитъ вселюбезно воспріяти, а мене, всегдашняго своего молитвенника, во своей си милости хранити. Послѣдній рабъ и всегдашній молитвенникъ іеромонахъ Каріонъ Зауменскій (?)».

Вотъ букварп, извѣстные намъ до начала XVIII вѣка: содержаніе ихъ достаточно показываетъ главную цѣль, которая имѣлась при обученіи грамотѣ въ Россіи до-петровской, это—приготовленіе учащихся изъ духовныхъ къ занятію церковно служительскихъ должностей и ознакомленіе мірянъ съ молитвами и обрядами церковнослуженія.

Въ 1701 году, въ Москвѣ напечатанъ «Букварь славенскими греческими, римскими письмены учитися хотящимъ, и любомудріе, въ пользу душеспасительную, обрѣсти тщащимся».

Составитель его, Ѳедоръ Поликарповъ—лицо, довольно извѣстное въ письменности той эпохи: прилежный ученикъ грековъ Лихудовъ, онъ, послѣ удаленія ихъ, былъ учителемъ славяно-греко-латинской школы, переводилъ съ греческаго труды своихъ наставниковъ (Акосъ, Мечецъ духовный), писалъ извѣстія о московской духовной академіи и трудахъ своихъ учителей, управлялъ московскою типографіею (см. 2-ю часть настоящаго труда, гл. о типографіяхъ). Поликарповъ, кромѣ того, занимался переводами и составленіемъ книгъ разнохарактернаго содержанія, такъ его трудовъ изданы: нѣсколько словъ Ефрема Сирина (въ переводѣ), Географія (въ переводѣ же), Словарь треязычный, предисловія и незначительныя дополненія къ грамматикѣ Смотрицкаго. Поликарповъ, какъ и Копіевскій, обязанъ былъ браться за все, что требовалось тогда въ Россіи для дѣла просвѣщенія.

Онъ былъ, подобно Симеону Полоцкому, большой любитель слагать силлабическія вирши: во многихъ изъ изданій московской типографіи, когда она находилась подъ его управленіемъ, встрѣчаются эти вирши, то какъ подписи къ приложеннымъ тамъ изображеніямъ, то какъ объясненія въ назиданіе и услажденіе читателямъ. Въ одномъ стихотвореніи кн. А. Кантеміра, обращенномъ къ Ѳеофану Прокоповичу

съ хвалами его произведеніямъ, досталось и Симеону Полоцкому, и Ѳедору Поликарпову:

Сенька и Ѳедька, когда пѣснь пѣли
Предъ тобою,
Какъ немазаны двери скрипѣли
Ветчиною [1]).

Этотъ ученый воспитывался въ московской школѣ, «идѣже, по собственному его выраженію, нѣкоторый талантецъ славено-греколатинскихъ наукъ, божіею помощію, пріобрѣтохъ», и сначала смотрѣлъ подозрительнымъ окомъ на то, что напоминало западъ: въ предисловіи къ своему букварю онъ говоритъ неодобрительно о произведеніяхъ классической древности и это тѣмъ болѣе замѣчательно, что Петръ вообще былъ не охотникъ до памековъ противъ того, что онъ одобрялъ. Въ началѣ предисловія разсказывается о сошествіи св. Духа на апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ, далѣе слѣдуютъ похвалы царю, который, посредствомъ изданія книгъ въ московской типографіи, прославляетъ имя божіе и умножаетъ вѣру святую греческую, а въ заключеніи сообщено, что въ Треязычномъ букварѣ умъ найдетъ не повѣствованія или рѣчи Солона, Ликурга, Цицерона, Виргилія или Овидія, но заповѣди божія или творенія Григорія Назіанзина, «не Есопа фригійскаго (изданнаго, какъ извѣстно, Копіевскимъ), здѣ смѣхотворныя узрите басни типографско зримы; но обрящете себѣ предложенъ стостепенный въ небо восходъ (т. е. стословецъ патріарха Геннадія). Прочее сію пыпѣ, яко крипъ бѣлый, отъ всякія иповѣрныхъ враски чистъ вземше, смотрите»...

Служа въ царствованіе Петра Великаго, Поликарповъ имѣлъ достаточно времени, чтобы измѣнить свое мнѣніе, и въ предисловіи къ грамматикѣ 1721 года говоритъ уже о необходимости переводовъ на русскій яз. иностранныхъ сочиненій. Впрочемъ московская типографія долго и послѣ Поликарпова отличалась ревностью къ старинѣ, чему служатъ подтвержденіемъ замѣчанія въ 1757 г. товарища директора той типографіи Пельскаго, также ученика славено-греко-латинскихъ училищъ, на сочиненіе въ стихахъ Тредьяковскаго Ѳеоптія. Въ числѣ «сумнительствъ» этой книги Пельскій отмѣтилъ стихи, въ которыхъ шла рѣчь о неподвижности солнца, обращеніи около него земли и т. п. Тредьяковскій, возвратясь изъ за границы, враждовалъ противъ старины и былъ непріятелемъ московской типографіи, но онъ не смѣлъ нападать на живыхъ, а потому съ особеннымъ задоромъ ратовалъ противъ автора Треязычнаго букваря, давно уже умершаго тогда. Тамъ, на основаніи греческой орѳографіи, считались необходимыми буквы ѯ, ц, и, ѳ, и о послѣдней говорилось: «вмѣсто ѳ

[1]) Библіографическія записки 1858 г. № 3, стр. 67.

не глаголи ф, ниже т, яко Θеодоръ, а не Феодоръ, ни Теодоръ, ни Хфедоръ: противно бо разуму по произведенію реченія, зане чрезъ θ—Θеодоръ=Богодаръ, черезъ ф—Федоръ=Зміодаръ». Тредьяковскій, въ разговорѣ о правописаніи, возсталъ противъ θ Поликарпова: «отъ того времени, какъ Феодоровскій тріязычный букварь вышелъ на свѣтъ, всѣ гремятъ только что ею: нѣтъ у нихъ Феопомпа, ни Фіопемта, ни Феодото: одинъ токмо Феодоръ подъ руками, Феодоромъ вездѣ и отъ всѣхъ себя защищаютъ. Сіе жъ для того подлинно, что оный тріязычный букварь Феодоромъ изданъ».

Что касается до содержанія букваря, то въ немъ должно считать новымъ шрифты греческій и латинскій, которыхъ до того въ московской типографіи не было, также склады и собраніе словъ на этихъ языкахъ, что́ впрочемъ заимствовано изъ вокабулъ, изданныхъ въ Амстердамѣ тѣмъ же Копіевскимъ, на котораго за изданіе басенъ Езопа намекалъ Поликарповъ, какъ на еретика. Изъ оглавленія прочихъ статей букваря видно, что многія изъ нихъ перепечатаны изъ старинныхъ букварей; добавлены же: Стихи правоучительные Григорія Назіанзинина, поученія Василія Великаго къ юнымъ, о жизни Григорія Богослова и т. п.

Поликарповъ не считалъ себя въ правѣ обойтись безъ старинныхъ поученій въ лицахъ: въ букварѣ есть двѣ картинки—на одной изображена классная комната, около окна четыре ученика и по сторонамъ два учителя; напротивъ праваго—школьникъ на колѣняхъ, а передъ лѣвымъ—мальчикъ, кланяющійся въ ноги; на полкѣ книги и съ ними рядомъ двѣ плетки. Изображеніе снабжено стихами:

Хвалите Бога человѣку всяку:
долгъ учитися письменъ словесъ знаку.
Ученіемъ бо благо разумѣетъ,
въ царство небесно со святыми успѣетъ.
Тѣмъ же, юніи, въ трудѣ семъ бывайте,
временъ и часовъ въ гульбѣ не теряйте.

На другой картинкѣ—тѣ же ученики и наставники: одинъ изъ послѣднихъ внимательно слушаетъ ученика, колѣнопреклоненнаго передъ нимъ, а второй дидаскалъ сѣчетъ огромнымъ пукомъ розогъ разложеннаго на скамьѣ школьника. Стихи:

Всякій человѣкъ въ тишѣ поучайся:
во службу Богу измлада отдайся.
Кто бо учится слогамъ съ охотою,
языки ины речетъ добротою.
Угодство людемъ въ мудрости содѣетъ.
пріятство оный вездѣ возымѣетъ:
Лѣнивіи же за праздность біются,
грѣховъ творити всегда да блюдутся!

Въ 1704 и 1708 годахъ, напечатанъ также въ Москвѣ, «Букварь языка славенска, спрѣчь начало ученія дѣтемъ, хотящимъ учитися чтеній писаній.» По составу своему онъ сходенъ съ старинными изданіями этого рода; въ него вошли заповѣди церковныя, изд. отдѣльно въ 1702 г. Предисловіе же рѣзко отличается отъ прежнихъ: здѣсь много сильныхъ выходокъ противъ неучей и доводовъ въ пользу просвѣщенія, и все это написано непремѣнно подъ вліяніемъ царя, который, по свидѣльству Вебера, высказывалъ подобныя мысли своимъ придворнымъ.

«Горе нынѣшнимъ временамъ развращеннымъ, сказано въ томъ предисловіи, въ ня же обрѣтаются мнози, иже сія дражайшіе биссеры (т. е. знанія) ногами безумнѣ попираютъ и, уповающе на свое погибающее богатство, о снисканіи некрадомаго и неистощимаго мудрости сокровища не радятъ ничтоже. И еже есть паче тысящь злата и сребра, паче злата и топазіа дражайше: сіе у бунхъ, тьмою невѣжества помраченныхъ, есть въ презрѣніи—вяще же реку, яко у нѣкіихъ есть въ поруганіи и ненависти: оле безумія! оле юродства, слезъ достойнаго! Нѣцыи же хвалятъ мудрость: со множицею слышемъ глаголющихъ «ученье—свѣтъ, а неученье—тьма»; обаче и тіи исполняютъ мѣру отецъ своихъ: хвалимаго бо удаляются и, яко же вранове, нощный мракъ невѣдѣнія любяще, свѣта боговѣдѣнія уклоняются, яко исполнится на нихъ онымъ словесамъ евангельскимъ: возлюбиша человѣцы паче тьму, нежели свѣтъ, бяху бо дѣла ихъ злая. И сей убо порокъ невѣжества елико мощно терпѣти въ міряпахъ, церкви святѣй на службу не причтенныхъ, но како мощно толико зло терпѣти въ лицахъ духовныхъ, на служеніе таинамъ святымъ пріобщитися хотящихъ? Кто не вознегодуетъ, зря тьму невѣжества во іереяхъ, ихъ же Христосъ имѣти свѣтъ міру, глаголаше: вы есте свѣтъ міру! Кто христіанскимъ не поболитъ сердцемъ, зря слѣпыхъ отъ слѣпаго водимыхъ и къ ямѣ погибельной грядущихъ?... Веще во истинну страха исполнена и ужаса—невѣжество въ начальникахъ! Горе кораблю, влающемуся посредѣ волнъ пучины морскія, правителя же невѣжду, управленія неискусна имущу! Горе болѣзнми одержиму и цѣлитеся хотящу, враче же проста и въ хитрости врачевной буя стяжавшу! Имѣяй уши слышати, да слышитъ!» Заключеніе обращено къ духовенству: «А наипаче вы, іереи господни, вы, священнослужители страшныхъ христовыхъ таинъ, иже рожденныхъ вами и сродныхъ, неученыхъ закону господню, убѣждаете въ наслѣдство служенія вашего. Зрите опасно, каковыхъ хощете имѣти наслѣдниковъ и тайнамъ божественнымъ служителей. Аще бо простый міряпинъ, о дѣтяхъ не пекійся, съ дѣтоубійцы вмѣняется по Златоустову ученію: кольми паче иже предстояти хотяй престолу владычню (его же небесныя силы со страхомъ обстоятъ) не радяй о духовнымъ сыновствѣ, дерзнетъ невѣжду вчинити тому въ служеніе»...

Въ 1717 году, издано въ Петербургѣ «Юности честное зерцало»; въ началѣ этой книги есть азбука, слоги, цифры и краткія правоученія изъ св. Писанія, за тѣмъ все остальное переведено изъ какого нибудь нѣмецкаго руководства и содержитъ въ себѣ правила, какъ держать себя въ обществѣ, сохранять свѣтскія приличія и т. п. Зерцало это должно считать первымъ букваремъ, который предназначался для міряпъ, и потому не имѣетъ ничего общаго съ прежними изданіями этого рода.

Въ Духовномъ регламентѣ (1721 г.) говорилось, что для распространенія въ народѣ христіанскаго ученія прежнія книги, какъ по темнотѣ языка, такъ и рѣдкости ихъ, не могутъ быть доступны большинству; между тѣмъ духовенство не въ состояніи проповѣдывать въ церквахъ о догматахъ вѣры, почему и постановлено сочинить три «книжицы: первую о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры нашей, такожъ и о заповѣдяхъ божіихъ, въ десятословіи заключенныхъ; вторую — о собственныхъ всякаго чина должностяхъ; третью таковую, въ которой собраны будутъ съ разныхъ святыхъ учителей ясныя проповѣди, какъ о главнѣйшихъ догматахъ, такъ и наипаче о грѣхахъ и добродѣтеляхъ и собственно о должностяхъ всякаго.... Первую и вторую книжицу могутъ и дѣти учить изъ начала букварнаго своего ученія. А хотя оныя книжицы будутъ числомъ три, обаче могутъ въ одной небольшой книги всѣ три вмѣститься, чтобы малымъ иждивеніемъ могли быть куплены, и не токмо въ церквахъ, но и въ домѣхъ всякаго охотника безъ труда употребляемы».

Это намѣреніе приведено было въ исполненіе нѣсколько ранѣе изданія самого регламента, именно напечатаніемъ въ 1720 г., въ Петербургѣ: «Первое ученіе отрокомъ, въ ней же букви и слоги; таже: краткое толкованіе закоиnаго десятословія, молитвы господней символа вѣры и девяти блаженствъ». Въ предисловіи «къ благочестивымъ родителямъ, воспитателямъ, приставникамъ, господамъ и всѣмъ прочимъ, имя отеческое надъ малыми отроками носящимъ» читаемъ, что отъ воспитанія въ юношествѣ зависитъ вся жизнь человѣка, что́ подтверждается не только въ отдѣльныхъ лицахъ, но и въ народахъ: «въ которомъ народѣ многія свары, ненависти, коварства, татьбы и разбои, и прочія злоправія — не усумнѣвайся, что въ немъ нѣтъ добраго наставленія дѣтямъ». Наклонность ко злу у насъ отъ грѣхопаденія, но она еще болѣе усиливается отъ обращенія со злыми и входитъ въ привычку. «Какова же добра надѣятся, гдѣ нѣтъ добраго дѣтямъ воспитанія? А воспитаніе таковое въ Россіи — кто не видитъ? какъ скудно: многи и благовѣстіи у насъ и богобоящіеся человѣцы, не вѣдая силы закона божія, многихъ своихъ грѣховъ не вѣдаютъ и въ безстрашіи пребываютъ. Все богопочтеніе полагаютъ во внѣшнихъ обрядахъ и тѣлесныхъ обученіяхъ, ниже помышляюще о самомъ

основательномъ благочестіи.... Не многіе ли обрѣтаются книгочіи, которые заповѣдей божіихъ, и символа вѣры и силы молитвъ не знаютъ?.... Чѣмъ же таковый за книгочтеніе свое лучшій отъ прочихъ? Ей, многажды хуждшіе и злѣйшіе бываютъ! Не имуще бо страха божія за лишеніемъ добраго воспитанія, когда читать и писать научился, глухое тое искусство обращаютъ себѣ на орудіе злобы, и пишутъ клеветы, ябеды, соблазны, хулы, пасквили, портятъ записи, договоры, духовницы, притворяютъ указы. Нѣціи же, помышляя о себѣ, что понеже читать умѣютъ, вельми мудры суть, дерзаютъ вымышлять плевельная ученія, мнимая имъ богословская, и въ народѣ расколъ дѣлаютъ».

Прежнія сочиненія для первоначальнаго обученія писались «славенскимъ высокимъ діалектомъ, а не просторечіемъ», отчего и оставались непонятнымъ для дѣтей, а потому царь повелѣлъ издать для народнаго употребленія книгу, гдѣ истолкованы законъ божій, символъ вѣры, молитва господня и десять блаженствъ евангельскихъ, съ тѣмъ, чтобы «отроцы, читать учащіеся, по буквахъ и слогахъ, во утвержденія чтенія своего, не псалмовъ и молитвъ, но сего толкованія учились»...

Изъ этого можно видѣть, что способъ обученія, предлагаемый въ Первомъ ученіи отрокомъ, былъ для своего времени нововведеніемъ. Книга возбудила толки и недовольство, чему служитъ доказательствомъ сохранившаяся въ рукописи современная обширная рецензія, подъ заглавіемъ «Мѣста примрачная, иже отъ безъименнаго автора (въ заглавіи не выставлено имени Ѳеофана Прокоповича: разумѣется критикъ зналъ, кѣмъ писанъ букварь, однако, чтобы свободнѣе дѣлать нападки, показываетъ видъ, что ему сочинитель неизвѣстенъ) на славенскомъ языкѣ изданъ и Первое ученіе отрокомъ именованъ есть [1])». Разборъ написанъ въ духѣ старинной полемики съ намѣреніемъ доказать, что Первое ученіе отрокомъ будто бы несогласно съ ученіемъ православной Церкви и можетъ быть вредно.

Не касаясь здѣсь этого разбора, такъ какъ по содержанію своему онъ относится собственно къ исторіи нашей духовной литературы, замѣтимъ, что въ немъ находятся также возраженія и противъ того, что въ букварѣ заставляли дѣтей учить не псалмы и молитвы, а толкованіе заповѣдей и проч.

«Всякій во правду чинъ обученія письменъ, говоритъ критикъ, во еже изъ тѣхъ пояти законъ господень, благъ есть, токмо да будетъ съ добрымъ намѣреніемъ и чистою совѣстью предложенъ христіанскому отрочеству; обаче промышляющая мати Церковь соборная (которую православные, раздѣленія ради отъ другихъ или неправославныхъ, или

[1]) Рукопись И. б. I, Q., № 273 (Толст. II, 433); ср. изложенное выше въ главѣ III, стр. 42—43, о подговорѣ Жюбе писать противъ букваря Прокоповича.

схизматическихъ Церквей, восточною и греческою нарицати обыкоша), можетъ быть отъ самыхъ пріемши апостоловъ (яко же древность употребленія показуетъ), христіанскимъ же паче своимъ чадомъ, ученію письменъ приложитися имущимъ, образъ и правила показала и уставила, т. е. что имъ первѣе, что же послѣжде слушати; таже, каково имъ брашно по ихъ поятію предъявляти и отъ каковаго реченія, знаменіе благочестія являющаго, начинати подобаетъ; потомъ же, яже крѣпчайшему въ далечайшее поступку и неспѣлымъ ихъ разумамъ удобнѣйшая и полезнѣйшая, суть тщательно расположила и научила, которое ученія правило даже до сего дне вездѣ содержится, гдѣ сирѣчь восточныя Церкве процвѣтаетъ ученіе». За тѣмъ критикъ пишетъ, что ученіе четырехъ или пятилѣтняго ребенка должно начинаться произнесеніемъ и призваніемъ святаго и животворящаго креста: «Егда убо мы, православные христіане, ничтоже древнѣе, ничтоже первѣе и ничтоже потребнѣе имамы паче святаго и спасительнаго креста, не мало кто удивится можетъ, что во всемъ ономъ катихисисѣ нигдѣ же о немъ не воспоминается. Азъ мню быхъ, яко для вящшей краткости оставлено, что же иные разумѣютъ — они знаютъ». Далѣе изчислены молитвы, которымъ слѣдуетъ научать ребенка; послѣ нихъ онъ долженъ начать октоихъ, псалмы, апостолъ, и наконецъ переходить «къ художеству грамматическому». Въ псалмахъ, продолжаетъ критикъ, «нечестивыхъ безуміе, гордость и бѣдное киченіе, яко прахъ предъ лицомъ вѣтра!.. Тѣмъ же жестоко и отъ обычая (паче же должности) православнаго ученія, яко мню, зѣло чуждо покажется оное «не псалмовъ и молитвъ, но сихъ толкованіе да учатся»... Аще бы кто пыпѣ инымъ, кромѣ сего, ученіемъ отроковъ усиловался приввести чинъ, хотя бы благочестивымъ и ревностнымъ сіе началъ бы тщаніемъ, обаче едва или никакоже могъ бы избыти порока подозрѣнія, кольми паче новоизбрѣтатель, или древняго обычая истребитель мнимъ и презираемъ былъ бы».

Въ разбираемой рукописи есть и отвѣтъ на эту критику, съ надписью въ началѣ его «отъ Прокоповича». Возраженія рецензенту изложены въ письмѣ къ духовной особѣ: «Преподобнѣйшій отче! Не мало дивно мнѣ, что нѣціи усумнѣваются (какъ я отъ вашего преподобія онагда слышалъ) о нашемъ словѣ въ наставленіи отроческомъ»... Послѣ объясненій и доказательствъ о служеніи духомъ и истиною и т. п. заключеніе такое: «Зри, преподобнѣйшій отче, какъ не добрѣ дѣется, что не сильно у насъ слово св. апостола Іакова (не мнози учители бывайте, братія мои, вѣдяще, яко бо́льшее осужденіе пріимемъ). Многое искусство въ томъ имѣти подобаетъ, въ чемъ кто учителемъ хощетъ быти, но искусный долженъ есть долго и прележно и слова, и вещь, и вещи самой естество и обстоятельства и вся оной, тако рещи, утробы разбирать, разсуждать и проницать, когда хощетъ произнести судъ свой о чуждемъ ученіи и мнѣніи. И

понеже не мнози обрѣтаются такъ искуснїи и такъ прилежнїи, ово за невеликое остроуміе, ово же за неспльное въ богословїи обученіе (иногда и обѣ скудости сія случаются въ единомъ человѣцѣ), того ради глаголетъ Духъ святый, да не мнози касаются дѣла учительскаго, боящеся бо́льшаго учительскаго осужденія. Что бо слѣдуетъ таковому легкомысленному учительству? Первѣе—распри, таже въ народѣ сумнительства, потомъ и расколы, и ереси, и факціи. И сколько погибнетъ душъ таковыми бѣдствіи! Взыщется на вся тыя на судѣ божіи отъ таковыхъ любопрѣтельныхъ совопросникахъ. Въ нашемъ семъ съ прекословцами дѣлѣ не слѣдуетъ ли сіе, что слышавшіе оныхъ прекословіе человѣцы простіи не похотятъ отрокамъ своимъ толь полезнаго давать наставленія? И тако многіе отроцы въ грубости и ненаставленіи останутся, и желаніе царскаго величества, и желаніе всѣхъ нелицемѣрно благочестивыхъ вотще пойдетъ за положенное ученію сему препятіе прекословіемъ, толь неискуснымъ и неправеднымъ, ибо вся прекословія сего сила виситъ на двоихъ невѣжествахъ—на одномъ грамматическомъ, а на другомъ богословскомъ»...

Первое ученіе отрокомъ при Петрѣ было введено во всеобщее употребленіе при обученіи не только духовныхъ, но и мірянъ. Въ 1723 г., состоялось повелѣніе, чтобы эту книгу читать въ церквахъ по великимъ постамъ, вмѣсто твореній Ефрема Сирина и Соборника [1]).

Петръ Великій замышлялъ, кромѣ этого руководства, о составленіи еще катихизиса, о чемъ написалъ собственноручную записку и передалъ ее въ синодъ, для исполненія, чрезъ Ѳеофана Прокоповича, 19 апрѣля 1724 года [2]):

«Святѣйшій синодъ! Понеже я разговорами давно побуждалъ, а нынѣ письменно, дабы краткія поученья людемъ сдѣлать (понеже ученыхъ проповѣдниковъ зѣло мало имѣемъ), также сдѣлать книгу, гдѣ изъяснить: что непремѣнный законъ божій, и что совѣты, и что преданія отеческая, и что вещи среднія, и что только для чину и обряду сдѣлано, и что непремѣнное, и что ко времени и случаю премѣнялось, дабы знать могли, что въ каковой силѣ имѣть».

«О первыхъ кажется мнѣ, чтобъ просто написать такъ, чтобъ и поселянинъ зналъ, или на двое: поселяномъ простяе, а въ городахъ покраснѣе для сладости слышащихъ, какъ вамъ удобнѣе покажется. Въ которыхъ бы наставленіяхъ — что есть прямый путь? истолкованъ былъ, а особливо Вѣру, Надежду и Любовь: и о первой, и о послѣдней зѣло мало знаютъ и не прямо что и знаютъ; а о средней и не слыхали, понеже всю надежду кладутъ на пѣніе церковное, постъ и поклоны и прочее тому подобное, въ нихъ же строеніе церквей,

[1]) Полн. соб. Зак. VII, № 4172.

[2]) Синод. дѣло 1724 г. № 6 и Полн. собр. Зак. VII, № 4493.

свѣчи и ладонъ. О страданіи христовомъ толкуютъ только за одинъ первородный грѣхъ, а спасенія дѣлами своими получатъ, какъ вышеписано».

«О второмъ же, чтобъ книгу сочинить — мнѣ кажется, не лучше-ль оную катихизисомъ, къ тому и прочія вещи послѣдовательно, что въ Церкви обрѣтается, вместь съ пространнымъ толкомъ; такожъ приложить: когда, и отъ кого, и чего ради въ Церковь что внесено?»

При Екатеринѣ I, въ 1727 г., поступилъ въ синодъ изъ кабинета ея величества запросъ, что сдѣлано по этому повелѣнію Царя? Было отвѣчено: «всего того еще не исполнено за скорымъ въ то время изъ Москвы въ Петербургъ отъѣздомъ, а и въ проѣздѣ продолжилось время не малое; къ тому жъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ недолгомъ времени приключилась его императорскому величеству кончина, и тогда не малое же время произошло въ печали (!). То дѣло весьма не малое, и требуетъ, чрезъ справки многихъ книгъ, труда превеликаго». Дальнѣйшихъ свѣдѣній о приведеніи въ исполненіе мысли Петра Великаго не встрѣчается.

—

Когда Максимъ грекъ приступилъ къ исправленію въ нашихъ книгахъ ошибокъ, вкравшихся по бо́льшой части отъ незнанія грамматики нетолько переписчиками, но и переводчиками, то ученаго судили, какъ еретика, подвергали тяжкимъ испытаніямъ и, наконецъ, сослали въ заточенье [1]). Въ нѣкоторыхъ изъ своихъ статей, Максимъ грекъ говоритъ о грамматикѣ, какъ о наукѣ, неслыханной его читателями и уразумѣваемой только съ величайшимъ трудомъ. Пострадавъ за то, что зналъ болѣе, нежели его современники, этотъ ученый имѣлъ право грамматику представлять врагомъ невѣжества: «сія, говоритъ онъ, ражаетъ души неизслѣдная благоразумѣнія; о сей прогоняется отъ тоя любящихъ ю всякое мраковидное неразуміе; сія вождь къ боговидному смотрѣнію, и предивному и не приступному богословію; сія лѣствица горѣ перваго и небожеласмаго шествія; сія опаснѣйшій и твердостойный, немечтаемый умъ; сія копіе и мечь на чюженменное еретичествующихъ бляденіе. Вкупѣ реку: сія зерцало пресвѣтлѣйшее всяческимъ, еже въ насъ и въ нашихъ всѣхъ; сицевая есть виноо́бразная грамматикія и тоя уставъ же и чинъ нѣсть бо точію сей, яже есть въ свѣтѣ. Велика убо и преславна вещь и дивна ми бывастъ и слышаніемъ, коль же паче тоя разумѣніемъ»!...

Почти сто лѣтъ спустя послѣ смерти Максима грека, т. е. въ 1648 г., въ Москвѣ была перепечатана грамматика Мелетія Смотрицкаго, из-

[1]) Любопытный памятникъ о взводимыхъ на Максима грека обвиненіяхъ въ Чтеніяхъ общества истор. 1847 г. № 7.

данная сначала въ Эвю, 1619 года. Вѣроятно, при изданіи въ свѣтъ этого труда въ Москвѣ, ожидали толковъ и соблазна, а потому сочли нужнымъ снабдить грамматику особеннымъ введеніемъ и словомъ Максима грека о пользѣ ея. Все это придало оригинальный видъ труду Смотрицкаго въ московскомъ изданіи и рисуетъ состояніе наукъ въ Россіи XVII столѣтія. «Здѣ въ предисловіи вписахомъ, говорится въ началѣ, къ люботруднѣ тщатися хотящимъ къ разуму ученія грамматическаго и прочихъ, яже христіанства законъ обдержитъ, не сами собою; но вину вземъ отъ многихъ святыхъ отецъ житій, яко и сіи духоносніи святіи отцы многи грамматики и прочихъ книгъ философскаго ученія люботруднѣ во ученіи упражняхуся и отъ страны въ страну, и отъ града во градъ пути шествія, ученія ради, творяху. Сицевъ образъ любомудріа и намъ оставиша искати, якоже на преди писаніе явитъ».

За тѣмъ слѣдуютъ выписки изъ св. отецъ о необходимости ученія, также поименованы святые, занимавшіеся науками и сдѣланы извлеченія изъ сочиненій Максима грека, гдѣ говорится о грамматикѣ и книжномъ исправленіи. При этомъ напечатанъ отзывъ Максима о его гонителяхъ: «понеже убо, рече (Максимъ), нѣціи—не вѣмъ что ся имъ случившe — сретика мене, неповинна человѣка, называти не страшатся и врага, и измѣнника богохранимыя державы русскія. Явимися нужно и праведно малыми о себѣ отвѣщати и яже о себѣ научити оклеветающихъ мене неправеднымъ сицевымъ оклеветаніемъ, яко благодатію истиннаго Бога нашего Іисуса Христа и правовѣренъ христіанинъ есмь по всему и богохранимыя державы русскія доброхотенъ и прилеженъ богомолецъ»... Въ заключеніи же помѣщены хвалы грамматикѣ, гдѣ она говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ [1]).

Послѣ 1648 г., русской грамматики не выходило до 1706 г., когда въ Голландіи напечатано Руководеніе въ грамматику Копіевскаго, замѣчательное только, какъ библіографическая рѣдкость.

Въ 1721 г., наконецъ издана въ Москвѣ грамматика опять того же Смотрицкаго, съ предисловіемъ и незначительными перемѣнами Ѳедора Поликарпова. Эта перепечатка доказываетъ лучше всего, что знаніе грамматики у насъ и въ началѣ XVIII столѣтія оставалось на той же степени, какъ при Мелетіѣ Смотрицкомъ—измѣнился только взглядъ на нее, что̀ видно изъ предисловія Поликарпова. Тамъ сначала сказано, что излишне уже говорить о пользѣ, силѣ и дѣйствіи этой науки, а слѣдуетъ только указать на причины къ изданію ея въ свѣтъ. Первая причина состояла въ томъ, что царь старается обогатить и украсить свое государство знаніями, утвердивъ

---

[1]) О содержаніи грамматики говорить излишне, такъ какъ она уже описывалась: въ Слов. дух. пис. м. Евгенія, въ Трудахъ общест. любит. росс. словесности, ст. Каченовскаго и въ предисловіи къ грам. Ломоносова, Извѣс. II отд. акад. наукъ, 1855 г.

семь свободныхъ наукъ въ училищахъ греколатинскихъ въ Москвѣ, «а славенская грамматика въ тѣхъ училищахъ не преподаяшеся за оскудѣніемъ сихъ книгъ, и отъ сего нужда зависитъ учащимся не малая, ибо аще оная грамматика и издана бяше не единожды печатію, но всеядца времени продолженіемъ егда гдѣ обрѣтается, аки искра, въ пеплѣ сокрываема». Второю причиною было отправленіе за границу многихъ русскихъ для образованія. Они должны заниматься переводами сочиненій, а между тѣмъ не имѣютъ основательнаго руководства къ познанію отечественнаго языка. Третья причина: «яко издревле россійскимъ дѣтоводцемъ и учителемъ обычай бѣ и есть учити дѣти малыя въ началѣ азбуцѣ, потомъ часословцу и псалтири, таже писати; по сихъ же пѣціи преподаютъ и чтеніе апостола. Возрастающихъ же препровождаютъ ко чтенію и священныя библіи и бесѣдъ евангельскихъ и къ разсужденію высокаго въ оныхъ книгахъ лежащаго разумѣнія, а истаго на таковое разсужденіе орудія, еже есть грамматика, оными напредъ не показуютъ».. Далѣе Поликарповъ приводитъ мнѣнія Полидора Виргилія и Іоанна Дамаскина, также Мелетія Смотрицкаго, о важности грамматики.

Грамматика эта имѣла авторитетъ даже у современниковъ Тредьяковскаго. Послѣдній не преминулъ задѣть и ее въ Разговорѣ о правописаніи (Спб. 1748 г.). Но профессоръ при этомъ случаѣ счелъ нужнымъ сдѣлать такія оговорки: «новость или перемѣна въ орографіи не церковная татьба: за нея не осуждаютъ на смерть; также новость оная и не еретичество: проклятію за сію не могу быть преданъ, что ея буду употреблять, утвердившись на правости ея. Вся распря ортографическая есть распря токмо грамматическая, а не теологическая, которая толь много упрямыхъ произвела еретиковъ»... За тѣмъ такое признаніе, что предпріятіе опровергнуть старинную орѳографію есть дѣло нелегкое: «ежели бы вы знали родъ нашихъ безхитростныхъ критиковъ, а другой лицепріятныхъ пренебрегателей, то бы сказали, что мои обстоятельства пѣжнѣе и опаснѣе. Первые изъ сихъ, безъ всякія злости и умысла, не такъ какъ доброхоты, станутъ язвить насмѣшками для того, что они всегда почитать имѣютъ предпріятый трудъ о буквахъ смѣшнымъ, не видавши у насъ о семъ, кромѣ азбуки и тріязычнаго букваря. Но другіе, будучи пристрастнѣе, можетъ быть взведутъ на меня преступленіе оскорбленныя азбуки и, какъ знать, чѣмъ еще обвинять будутъ?... Критика наша по бо́льшей части, почитай, безъ узды туда скачетъ, куда ее влечетъ устремленіе. Сія твердая просвѣщаетъ, но у насъ не такая: наша самохвалка, прежде наукъ усплившаяся, грозна хотя неосновательному, въ чемъ прямая и состоитъ ея должность, однако будучи сама чаще неосновательна, не допускаетъ смѣть являться иногда и доброму»...

Всѣ подобныя оговорки указываютъ на трудности въ тѣ времена

вводить писателю что либо новое и порицать обветшалое и несовременное. А между тѣмъ Тредьяковскому нужно было только доказать несостоятельность нѣкоторыхъ правилъ грамматики Смотрицкаго, изд. Поликарповымъ, напр., что ненадобны нѣкоторыя ударенія, что слова съ еврейскаго, греческаго и латинскаго должны писаться по русски не такъ, какъ принято это въ тѣхъ языкахъ, что титлы, буква ѡ и т. п. безполезны.

Грамматика, составленная иподіакономъ Ѳедоромъ Максимовымъ и напеч. въ 1723 г., въ исторіи этой науки у насъ заслуживаетъ бо́льшаго вниманія, нежели предъидущее руководство: здѣсь видны по крайней мѣрѣ попытки объяснить правила не только книжнаго, но и разговорнаго, слѣдовательно русскаго языка.

Въ предисловіи Максимовъ, изложивъ кратко о необходимости грамматики при переводахъ съ иностранныхъ языковъ, говоритъ, что въ заведенной митрополитомъ Іовомъ школѣ въ Новгородѣ, гдѣ учили братья Лихуды, не было руководства къ грамматикѣ, такъ какъ пространный учебникъ этой науки (конечно Мелетія Смотрицкаго), расположенный въ вопросахъ и отвѣтахъ, затруднялъ память и пониманіе учениковъ. По этому-то «паста нужда собрати отъ различныхъ вкратцѣ сію грамматику, съ приложеніемъ простыхъ реченій, понеже въ ней (т. е. въ прежней) обдержатся славянскія реченія, россійски вмалѣ разумѣваема».

Максимовъ, для краткости, откинулъ вопросы, изложилъ только то, что по его мнѣнію было необходимымъ, и, наконецъ, сдѣлалъ добавленія, о которыхъ говорится: «въ сочиненіи же тоя присовокупишася нѣкая правила, ибо многая употребленія обносима зрятся, а правилъ себѣ въ славенствѣй грамматицѣ не имѣютъ; отъ нихъ же едино на прикладъ здѣ предлагается: Давидъ родн Соломона отъ уріины. Се полагается едино имя прилагательное со отъятіемъ существительнаго, еже прислышимо бываетъ сіе: жены; но и простѣ употребляется посему правилу, яко же сіе: держи обѣма, приразумѣвается существительное сіе — рукама. Положишася же и свойства нѣкая еврейская и греческая, яже въ св. писаніи на славянскомъ діалектѣ премногая зрятся, а како правилами употребляются — не объяснено, къ вѣдѣнію же въ грамматицѣ весьма нужная, ибо невѣдущему сихъ въ писаніи разсуждати и разбирати вельми трудно и смущенно; что въ приказъ единаго еврейскаго свойства правило предлагается: будутъ два въ плоть едину, и аще имать по славянствѣй грамматицѣ разбиратися, будетъ неправильно, понеже глаголъ существительный и предъ собою и по себѣ взыскуетъ надежа именительнаго, а здѣ по глаголѣ лежитъ винительный со предлогомъ — во, а не именительный; славенски же употребляется сице: будутъ два плоть едина... Таже стихотворная просодіа славяномъ, яко не нужна и едва употребляема, оставися, а яко и зрятся нѣкіе стихи, равносложнѣ и подобо-

копчательнѣ славяны употребляемые, но сіи токмо содержать роды пінтическіе, а мѣра въ нихъ весьма не хранится... На конецъ же всѣхъ приложися и другое сочиненіе, въ немъ же первѣе зрится согласіе, таже виды или чинъ глаголовъ обдержащійся, и сіе къ поятію младымъ дѣтемъ зѣло удобно есть». Максимовъ, слѣдуя Смотрицкому, выключилъ впрочемъ изъ своей грамматики членъ и прибавилъ междометіе; нарѣчіе названо у него надглаголіемъ.

Такимъ образомъ грамматика, составленная Мелетіемъ Смотрицкимъ по образцу греческой въ началѣ XVII вѣка, служила въ свою очередь прототипомъ для Копіевскаго и Максимова и даже перепечатана вполнѣ Полікарповымъ спустя болѣе ста лѣтъ послѣ изданія ея въ первый разъ. Въ сороковыхъ годахъ XVIII вѣка, Тредьяковскій первый возсталъ противъ несвоевременности и обветшалости правилъ, заключавшихся въ трудѣ Смотрицкаго. Въ 1755 году вышла грамматика Ломоносова, который однако многое заимствовалъ у послѣдняго.

IX.

Состояніе языкознанія въ Россіи XVII столѣтія. Учебныя руководства и пособія въ началѣ XVIII вѣка. Свидѣтельство современника объ этомъ предметѣ: Иванъ Максимовичъ и его предисловіе къ латинскому Лексикону. Переводчики: Посольскаго приказа; изъ лицъ духовнаго сословія. Собственноручныя наставленія Петра Великаго для перевода книгъ. Переводчики, получившіе образованіе за границей. Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, покровитель переводчиковъ и ученыхъ. Значеніе его въ политическихъ событіяхъ 1730 года.

Недовѣрчивость и нерасположеніе духовенства къ иностранцамъ были причиною, что въ старинной Россіи (сюда мы опять таки не включаемъ Малороссію) не замѣтно было особенной охоты къ изученію иностранныхъ языковъ. Хотя сказанія чужеземцовъ о Россіи не всегда вѣрны, однако извѣстія ихъ о степени распространенія языкознанія между русскими похожи на правду, потому что пріѣзжая въ отдаленную Московію, всякій иностранецъ, для собственной своей выгоды, желалъ сойтись съ тѣми изъ русскихъ, съ которыми могъ бы объясняться безъ помощи переводчика. Если такіе знатоки находились, то путешественники никогда не пропускали отмѣчать о нихъ въ своихъ запискахъ. Но подобныя отмѣтки встрѣчаются не часто и всегда съ прибавленіемъ, что знаніе иностраннаго языка русскимъ большая рѣдкость. Де-ла-Нёвиль, напр., посѣщавшій Россію уже въ исходѣ XVII вѣка, насчитывалъ изъ московскихъ своихъ знакомцовъ только четырехъ, знавшихъ латинскій языкъ.

Кошихинъ говоритъ, что въ его время при посольскомъ приказѣ (слѣдовательно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ уже необходимы были иностранные языки) для переводовъ было около 50 переводчиковъ и 70 толмачей. Просматривая Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ иностранными державами, нельзя не замѣтить, что въ прямыхъ сношеніяхъ съ иностранными послами употреблялись изъ посольскаго приказа переводчики, имена которыхъ ясно доказываютъ, что они были обрусѣвшими чужеземцами, такъ напр. Касперъ Ивановъ, Юшка Вичентовъ, Лукашъ сынъ Магнусовъ, Анца Андреевъ, Вестерманъ, иноземецъ Романъ Болдвинъ, Романъ Бекманъ, Иванъ Гельмсъ; въ сношеніяхъ съ турецкою имперіею встрѣчаемся съ такими именами переводчиковъ: Келметъ Алешовъ, Шебанъ Шепчюринъ и мн. др. То же самое повторяется и въ извѣстіяхъ, сохранившихся въ статейныхъ спискахъ, когда отправлялись русскія посольства за границу.

Недостатокъ въ знающихъ языки продолжался и въ началѣ XVIII столѣтія. Неплюевъ, напр., учился мореходству, а былъ посломъ въ Константинополь единственно по той причинѣ, что одинъ во всемъ Петербургѣ (въ 1721 г.) зналъ по итальянски. Однажды Головинъ, донося царю о затрудненіяхъ при выборѣ посла въ Римъ, писалъ, между прочимъ, что въ Москвѣ въ 1706 году, кромѣ переводчика латинскаго языка, да двухъ молодыхъ подъячихъ, знающихъ иностранные языки никого не было [1]).

Въ нашей старинной рукописной литературѣ существовали подобранныя въ алфавитномъ порядкѣ словотолкованія рѣчей иностранныхъ и древнихъ славянскихъ, которыя встрѣчались въ книгахъ св. писанія. Эти азбуковники или алфавитари переписчики озаглавливали по бо́льшей части такъ: Сказаніе о неудобьпознаваемыхъ рѣчахъ, иже обрѣтаются во св. книгахъ русскаго языка, ихъ же древніе преводницы неудоволишася на русскій языкъ преложити, понеже ова обрѣтаются еврейски, ова же сирски, ина же римски, и ина латынски, ина еллински, ина египетски, ина сербски, ина гречески, и инѣхъ многихъ языкъ, яже здѣсь положены по буквамъ скораго ради обрѣтенія, паче же рещи, яко истинно на русскій языкъ преложены». Г. Сахаровъ, издавшій одинъ изъ такихъ азбуковниковъ, справедливо сомнѣвается, чтобы составитель его зналъ всѣ языки, выписанные въ заглавіи: «всему этому виною, прибавляетъ г. Сахаровъ, наши толковники, любившіе отмѣчать на поляхъ рукописей свои замѣчанія. Такъ сочиненія Ефрема сирина, писанныя на сирскомъ языкѣ, были переведены прежде на греческій, съ греческаго на болгарскій. Русскіе переписчики обновили болгарскій переводъ по своему. Составитель словаря, выбирая слова изъ сочиненія Ефрема сирина, называетъ ихъ сирскими. Вотъ источ-

[1]) Тетради записныя всякимъ письменнымъ дѣламъ. Спб., 1774, стр. 253.

никъ знанія его въ сирскомъ языкѣ. Отсюда можно дѣлать посылку и къ другимъ языкамъ [1])». Въ другомъ азбуковникѣ говорится: «Вѣдомо буди, еже чего ради каяждо рѣчь въ семъ буквицѣ имать надъ собою красную букву, внимай: аще надъ коею рѣчью азъ красенъ, т. е. сице—арабски, арменски, еллински, ѳѳіопски, еврейски, египетски, гречески, евхаитски, жидовски, иверски, латински, литовски, македонски, мидонски, пермски, римски, сербски, сирски, татарски, чесски. Судя по этому изчисленію (слова г. Сахарова) языковъ, надобно было бы предполагать, что нашъ лексикографъ хотѣлъ составить всемірный словарь, но изъ самаго дѣла видно, что онъ былъ далекъ отъ этого. Мы теперь не можемъ понять его различія въ языкахъ еврейскомъ и жидовскомъ, латинскомъ и римскомъ, еллинскомъ и греческомъ. Не говоримъ уже о языкахъ македонскомъ, евхаитскомъ, скиѳскомъ и ѳѳіопскомъ, которые, вѣроятно, должны подходить подъ одинъ разрядъ съ сирскимъ... Словомъ это всемірное знаніе языковъ слишкомъ подозрительно и едва ли могло существовать на самомъ дѣлѣ [2])»...

При грамматикѣ Лаврентія Зизанія, 1596 г. приложенъ «Лексисъ сирѣчь реченія въ кратцѣ събраны и изъ словенскаго языка на простый русскій діялектъ истолкованы», гдѣ объяснены нѣкоторыя слова (напр. акаѳистъ, аллилуіа архитриклинъ и др.), вошедшія въ наши книги съ иностранныхъ языковъ.

Въ 1627 г.. напечатанъ «Лексиконъ славенороссκій и имена толкованіе», составленный жившимъ въ Кіевѣ молдаваниномъ Памвою Берындою. Онъ говоритъ въ предисловіи, что Ѳедоръ Юрьевичь Балабанъ посовѣтовалъ «реченія и имена славянская избирати, аки не у сущу тогда лексикону, развѣ любомудра киръ Лаврентія Зизанія... его же и здѣ привнесеніе и исправленіе явственно буди. Оттуду убо начало вземъ азъ»... и въ посвященіи: «назвиска рѣчій и имена власныи людей, горъ, нагорковъ, лѣсовъ, рѣкъ и розныхъ урочищъ розмаитыхъ діалектовъ: сирскаго, халдейскаго, еврейскаго, греческаго, латинскаго и власнаго нашею славенскаго вкупу, хоть то не такою, якая бы належала, широкостью, згромадивши, и тую працу мою, смѣле реку тридцатолѣтнюю хотю лексиконъ, по славенски реченникъ, а по латини дикціонаръ назвавши, працею усердною и коштомъ моимъ, ото типомъ на свѣтъ выпущаю»...

Этотъ трудъ Берынды перепечатанъ потомъ въ 1655 году въ Кутеинскомъ монастырѣ.

Въ описяхъ книгъ царевича Алексѣя Алексѣевича (во второй половинѣ XVII вѣка) значутся лексиконы: «письменные словенскій съ греческимъ и латинскій съ словенскимъ [3])». Дядькою царевича былъ

[1]) Сказанія русскаго народа, II, стр. XI.

[2]) Ibid. стр. XIII.

[3]) Домашній бытъ царей, г. Забѣлина, Отеч. Записки 1854 г. № 12, науки стр. 126.

Ѳедоръ Ртищевъ, въ сказаніи о жизни котораго сохранилось извѣстіе, что «за его прошеніемъ, Епифаній Славинецкій (вызванный въ Москву изъ Малороссіи) многимъ трудомъ и тщаніемъ сочини книгу лексиконъ реченій языка славенска и греческа и со инѣми языки, въ ученіе и во уразумѣніе учащимся потребный [1])».

Епифаній Славинецкій прибылъ въ Москву изъ Кіева, вмѣстѣ съ другими 30 учеными монахами, около 1649 года, именно для переводовъ и исправленія разныхъ церковныхъ книгъ. Списки съ его лексикона есть въ рукописныхъ собраніяхъ Публичной библіотеки, гр. Уварова (бывшаго Царскаго) и московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ послѣднемъ я видѣлъ три экземпляра, въ которыхъ между собою есть незначительныя разности: 1) Лексиконъ латински зъ Калепина, преложенный на славенски лѣта отъ созданія міра 7150 (1642?); 2) Dictionarius latino-sclavonicum operi Ambrosii Calepini (servata verborum integra serie) conformatum studio atque opere reverendorum in Christo patrum Epiphanii Slawienicky et Arseny Korecky Satanoviensis ordinis S. Basiliy magni Moschovia, anno reparatae salutis 1650, и 3) Лексиконъ латинскій, зъ Калепина преложенный или преведенный на славянскій лѣта отъ созданія міра 7193 (1685?) [2]). Въ рукописяхъ парижской библіотеки есть также этотъ лексиконъ: заглавіе первой части на латин. яз. одинаково съ вторымъ экз. московскаго архива, только не дописанъ годъ; вторая же часть озаглавлена: «Лексиконъ славено-латинскій, трудолюбіемъ иноковъ Арсенія и Епифанія составленный въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ [3])». Судя по выпискамъ изъ послѣдняго, онъ сходенъ съ предъидущими, отмѣны незначительны и произошли, вѣроятно, по волѣ переписчика.

Въ московскомъ же архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ сохраняются: а) Лексиконъ русско-латинскій, съ надписью на первомъ листѣ: «Fundator isti libri Michail Bykotzkiy in urbem Moscoviam in anno 1700 in mense ianuari 20»; на нижней доскѣ переплета: «сія книга Алексѣя Петровича Шереметева и Ивана Петровича». Это переписка труда Славинецкаго и Сатановскаго съ нѣкоторыми прибавленіями (по кат. № $^{245}/_{445}$); б) Лексиконъ россійскій съ латинскимъ и шведскимъ переводомъ (№ $^{244}/_{444}$) — и онъ также принадлежитъ къ спискамъ съ лексикона помянутыхъ монаховъ, только въ третьемъ отдѣлѣ каждой страницы вписаны шведскія слова и, судя по почерку, это сдѣлано иностранцомъ.

Въ берлинской библіотекѣ есть лексиконъ славяно-латино-нѣмецкій, составленный около 1709 года Матюриномъ де ла Крозомъ (Maturin Weissiere de la Croze): выписки изъ этого словаря показы-

---

[1]) Др. Вивліоѳ. XVIII, 401.

[2]) По катол. арх. мин. иностр. дѣлъ: $^{241}/_{441}$, №№ $^{242}/_{442}$ и $^{243}/_{443}$.

[3]) Описаніе памятн. слов. русск. литературы Сергѣя Строева (М. 1841 г.), стр. 112.

ваютъ, что и этотъ ученый взялъ въ основаніе своего труда вышеприведенный московскій лексиконъ, исключивъ только изъ него слова малоупотребительныя. Ла Крозъ переписывался съ Лейбницомъ, который ему обѣщалъ выхлопотать изъ Россіи образцы языковъ различныхъ племенъ, населявшихъ Россію [1]).

Въ московской славено-греко-латинской академіи, языки греческій и латинскій преподавались по грамматикамъ, составленнымъ братьями Лихудами. Греческая грамматика была написана по руководству Константина Ласкаря, изданному въ Венеціи въ 1673 году, а латинская — изъ разныхъ учебниковъ, выходившихъ въ Греціи и Италіи [2]).

Въ 90-хъ годахъ XVII столѣтія Іоаникій и Софроній Лихуды, кромѣ преподаванія въ греколатинскомъ московскомъ училищѣ, частнымъ образомъ учили желающихъ латинскому и итальянскому языку. 15 мая 1697 г., слѣдовательно, когда Петръ уже былъ за границей, состоялся указъ, чтобы у этихъ грековъ учились итальянскому языку дѣти бояръ и иныхъ чиновъ. Это первое, извѣстное намъ распоряженіе правительства о распространеніи въ Россіи знаній европейскихъ языковъ. По указу, учениковъ назначено было 55 человѣкъ. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ Лихудами, видно, что у нихъ брали уроки только 10 человѣкъ, въ числѣ ихъ два князя Прозоровскіе, а остальные дѣти дьяковъ и людей гостиной сотни. За тѣмъ являлись, но не были приняты: по малолѣтству одинъ сынъ боярина, одинъ — дьяка и одинъ же — изъ гостиной сотни; по болѣзни — одинъ. Не явились къ ученію за малолѣтствомъ и болѣзнями два сына кн. Хованскаго, одинъ князя Хилкова, одинъ — дьяка и двое изъ гостиной сотни; въ чинахъ оказались семь человѣкъ дѣтей князей и бояръ и четверо изъ дьяковъ и гостиной сотни. Не явилось къ Лихудамъ безъ всякихъ причинъ 11 человѣкъ, изъ которыхъ 5 были дѣти бояръ и стольниковъ [3]).

Первыми печатными учебниками для изученія иностранныхъ языковъ въ Россіи должно считать книги, напечатанныя Копіевскимъ въ Голландіи (см. выше стр. 19—20 и 22). Вокабулы, помѣщенные въ букварѣ Поликарпова 1701 года, московскаго изданія, заимствованы съ нѣкоторыми перемѣнами и перестановками изъ сборника иностранныхъ словъ Копіевскаго же.

Въ 1704 г., вышелъ въ Москвѣ «Лексиконъ трязычный, сирѣчь

---

[1]) Ibid. стр. 115—116.

[2]) Подробное описаніе, какъ этихъ руководствъ, такъ и Пиитики, Риторики и Логики на греческомъ, Физики и Психологіи — на латинскомъ, въ Исторіи московской духовн. академіи, г. Смирнова стр. 44 и слѣд.

[3]) Москвитянинъ 1852 г. № 5, матер. стр. 1—3. Исторія московской духовной Академіи 69, 70.

реченій славенскихъ, еллиногреческихъ и латинскихъ сокровище», который былъ составленъ Поликарповымъ, а разсмотрѣнъ и дополненъ Стефаномъ Яворскимъ, Рафаиломъ Краснопольскимъ и братьями Лихудами. По свидѣтельству Бакмейстера, этимъ Лексикономъ, несмотря на его неполноту, пользовались въ Россіи еще въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка.

Въ предисловіи Поликарповъ объяснялъ, что греческій, латинскій и еврейскій языки избраны для повѣствованія страданій Спасителя: въ русскомъ же изданіи еврейскій языкъ замѣненъ славянскимъ, отъ котораго произошло много другихъ языковъ, какъ то: польскій, чешскій, сербскій, и др. Славянскій языкъ, по мнѣнію Поликарпова, почетенъ потому, что происходитъ отъ слова «слава»! Увѣщательное извѣщеніе благоразумному читателю, напечатанное на одномъ славянскомъ (тогда какъ предисловіе на трехъ языкахъ), видимо предназначалось только для русскихъ читателей. Здѣсь составитель лексикона предполагаетъ, что трудъ его для многихъ покажется не нужнымъ и безполезнымъ, такъ какъ достаточно и своего языка, чтобы говорить между собой; но было бы богопротивно выдумывать новую вѣру и отклонять отъ православія — знаніе же языковъ одобряетъ самъ Спаситель, къ тому же есть примѣръ семидесяти толковниковъ. Знаніе языковъ полезно тѣмъ, что искореняетъ вѣры злочестивыя и не мало бы иноземцовъ, имѣя руководство къ изученію славянскаго языка, приходило во благочестіе. Сверхъ того, иностранцы внесли въ нашъ языкъ множество своихъ рѣчей разговорныхъ и книжныхъ, отчего «чистота славянская засыпася отъ чужестранныхъ языковъ въ пепелъ». Греческій языкъ для русскихъ необходимъ, такъ какъ съ него переведены книги св. писанія и русскіе цари, какъ преемники благочестія и престола греческихъ императоровъ, заботились о поддержаніи еллиногреческихъ школъ сначала въ Кіевѣ, а потомъ въ Москвѣ. Латинскій же языкъ употребляется преимущественно «въ гражданскихъ и школьныхъ дѣлѣхъ», а потому не обходимъ и воину, и художнику.

Въ Elementa oratoria, Ioh. Frid. Burgii[1]), есть указаніе, что митрополитомъ тобольскимъ, Іоанномъ Максимовичемъ составленъ и въ 1724 г. напечатанъ въ Москвѣ латинскій словарь. Въ первомъ изданіи Словаря духовныхъ писателей м. Евгенія это извѣстіе нѣсколько переиначено и Максимовичу уже приписанъ «Лексиконъ латинскій съ русскимъ переводомъ, напечатанный въ 4°, въ Спб.» Голиковъ приписываетъ тому же лицу, кромѣ лексикона, «Собраніе чужестранныхъ словъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ». Во второмъ изданіи Словаря м. Евгенія повторено это извѣстіе Голикова, но о лексиконѣ только замѣчено, что списокъ съ него хранится въ собраніи рукописей графа

[1]) Изд. И. Баптыша Каменскаго, Москва 1776 г. стр. 231.

Толстова. Въ Описаніи этого собранія (II, 405) дѣйствительно приписанъ помянутому тобольскому митрополиту лексиконъ, будто бы имъ поднесенный императрицѣ Екатеринѣ I.

Этотъ лексиконъ нынѣ находится въ Публичной библіотекѣ [1]) и по разсмотрѣніи его оказывается, что онъ не могъ быть написанъ бывшимъ тобольскимъ митрополитомъ: подъ предисловіемъ подписался Иванъ Максимовичъ, который говоритъ объ учрежденіи синода (1721 года), о предстоящей коронаціи Екатерины I (1724 г.), объ изданіи перваго латинскаго лексикона Поликарпова за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ и т. п. Все это не могъ писать Іоаннъ Максимовичъ митрополитъ тобольскій, потому что умеръ 3 іюня 1715 года. Въ посвященіи лексикона, Максимовичъ подписался не богомольцемъ, какъ это было тогда въ обычаѣ у духовныхъ лицъ, но «недостойнымъ подножіемъ» (indignum scabellum). Ошибка приведенныхъ выше указаній произошла отъ того, что въ Росписи академіи наукъ (печат. около 1742—47 г.) значутся между гражданскими рукописями въ листъ подъ №№ 1, 2 и 3 составленные Іоанномъ Максимовичемъ (безъ указанія, впрочемъ, что это былъ митрополитъ сибирскій) лексиконъ латинскій съ русскимъ толкованіемъ, вокабулы и собраніе чужестранныхъ словъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ.

Разсматриваемый лексиконъ составленъ другимъ Максимовичемъ, большимъ, какъ видно, любителемъ длинныхъ предисловій. Впрочемъ все написанное имъ въ посвященіи и предисловіи чрезвычайно любопытно, потому что рисуетъ и положеніе русскаго ученаго въ тѣ времена, и даетъ понятіе о современномъ состояніи языкознанія въ Россіи. Прибавимъ, что Максимовичъ писалъ очень грамотно, что́ не всегда встрѣчается и въ ученыхъ сочиненіяхъ начала XVIII вѣка, и во многихъ словахъ слѣдовалъ малороссійскому ихъ выговору.

Лексиконъ начинается посвященіемъ на латинскомъ и русскомъ языкахъ: «Всепресвѣтлѣйшей и державнѣйшей россійской императрицѣ Екатеринѣ, всепресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго императора и самодержца всероссійскаго, Петра Великаго, отца отечествія, государя всемилостивѣйшаго — супрузѣ. При благовожделѣнной твоей, всепресвѣтлѣйшая императрице, коронаціи благоволеніемъ божіимъ, чрезъ изволеніе всепресвѣтлѣйшаго императора, супружника твоего, ко общенародному доброжелательству самодержавнаго государства вашего, торжественнѣ содѣловаемой, вся предѣлы россійстіи и все множество подданныхъ вашихъ возстаютъ въ ликп и срадованія. Азъ же, поношеніе человѣкомъ и уничиженіе людемъ (!), и съ симъ шести-

[1]) Рукоп. Q., XVI, № 21. посвященіе и предисловіе на 21 л., текстъ на 1425 стран.; въ концѣ съ особ. нумер. на 74 стр.: Vocabula et phrases quae non minori diligentia, opera ac curiositate auctoris hujus onomastici, tam ex s. Scriptura, quam ex variis libris et lexicis excerpta et suis locis secundum ordinem verborum inserta, non proter jactantiam operis, sed evedentiam sedulitatis hic sunt adnotata».

лѣтнимъ трудомъ моимъ, падъ до лица земли предъ престоломъ твоего величества, повергаю себя подъ стопы твоя императорскія, уповая вся попранная ногама твоими произрасти въ крины»... Потомъ описывается, что всѣ сословія, всѣ лица государства выражаютъ свою радость при такомъ торжествѣ, какъ коронація государыни. «Азъ, всенижайшій рабъ, продолжаетъ составитель лексикона, не возношу гласа моего, но паче безгласенъ падая до стопы ногъ твоихъ, индексъ сей реченій, купно и добродѣтелей твоихъ достохвальныхъ, всепресвѣтлѣйшей нынѣ твоей привергаяй коронаціи»... Причина посвященія Екатеринѣ лексикона объяснена тѣмъ, что каждый изучающій латинскій языкъ по лексикону будетъ вспоминать объ императрицѣ и ея коронаціи: «Отселѣ россійстіи сынове, рачительствующіе языка латинскаго, да не странствуютъ по латинамъ, ниже да требуютъ латины отъ латинъ; но къ августѣйшему твоему да притекаютъ имени, подъ нимъ же обрящутъ вся, яже о латинѣ востребуютъ. Твое величество, яко чадолюбивая матерь, къ наученію книгъ латинскихъ и къ навыкновенію языку латинскому, аки природному, сею книгою вспоможетъ, наставитъ и въ латинѣ совершенныхъ возрасти сыновъ россійскихъ. Твое матернее имя, въ самой книги началѣ видѣнное, веліе и скоропостижное въ нихъ къ ученію восхититъ усердіе и новая воздвигнетъ училища».

Предисловіе къ читателю также на двухъ языкахъ: «Подобаетъ намѣреніе мое открыти, коея ради вины и коими мѣры и средствіи сіе претрудное на ся восприяхъ, начахъ и совершихъ дѣло». За тѣмъ изчисляются разныя пособія для изученія иностранныхъ языковъ на Западѣ, а потомъ: «Сіе великое, всероссійское государство, даже до сего времени, безъ сего пребываетъ успѣянія, чего ради вещь сія удивленію и неудивленію достойна. Дивно, яко предревнее деими сіе государство, толь много минувшу времени, лексиконы имѣть пренебрегло есть. Но нѣсть дивно, зане же ученіямъ писменъ странніихъ не прилежаще, ибо народъ россійскій, яко во бранѣхъ и ко бранѣмъ рожденный, между оружіемъ далечаншіе государства своего распространилъ предѣлы, оружіемъ самодержавія своего укрѣпилъ силу и, паче солнца сіяющія, воинскія достигль есть не мерцающія славы, паче о бранѣхъ, неже о книгахъ, паче о обученіи воинскомъ, неже обученіи школьномъ тщаніе имѣяше. Дивно, что кромѣ державствующихъ, всегда со ратники своими къ дѣйствіямъ воинскимъ готовыхъ, власть духовная, ея же честь ученія разширяти, долгъ не рушимый... о размноженіи наукъ на языкахъ политическихъ не прилагала попеченія. Нѣсть дивно зане духовныхъ лицъ прежнихъ временъ закоснѣлый бѣ обычай никакихъ, кромѣ церковныхъ, и то греческаго чиноположенія съ греческаго на словенскій языкъ преводныхъ книгъ и имѣти, и читати, и почитати; къ навыкновенію же и ученію иностранныхъ языковъ (кромѣ словенскаго и греческаго) и

малѣйшаго не бысть усердія. Но главнымъ же паче языкъ латинскій гонимъ бываше негодованіемъ. Дивно, что училища латинская въ Малой Россіи отъ Петра Могилы, митрополита кіевскаго, вящше отъ осьмидесяти лѣтъ въ Кіевѣ основанная, даже доселѣ отъ полоно-латинскихъ и латино-польскихъ лексиконовъ въ ученіяхъ своихъ пользовашася и сего ради въ свойственномъ себѣ словенскомъ оскудѣваху языцѣ [1]). Отъ тамо бо изучившихся тотъ развѣ чисто славенски латинскую книгу перевести и написати возможетъ, иже долгимъ ученіемъ книгъ славенскихъ, купно и латинскихъ употребленіемъ, самъ себѣ первѣе искуситъ. Засвидѣтельствуютъ мя многія знаменитыхъ лицъ книги, прежде въ Малой Россіи изданныя, яже аще и славенски писаны, обаче многими не свойственными, но съ польскаго языка устроенными изнаполнены реченіями—какихъ книгъ и творцовъ здѣ, краткости ради, не воспоминаю. Не дивно зане же помянутый фундаторъ тѣхъ училищъ, блаженныя памяти Петръ Могила, полагаяй основаніе языка латинскаго, не иныхъ учителей, точію родомъ поляковъ, взыскати возможе: отъ нихъ же первопачальная нужда прошедши, сице со временемъ утвердися, яко за обычай и законъ учити и учитися языку латино-польскому есть пріусвоено».

«Основа̀ истинный ученій рачитель — его священнѣйшее величество, императоръ и самодержецъ всероссійскій, присно августѣйшій Петръ Великій, отецъ отечествія, государь всемилостивѣйшій, — въ государственномъ градѣ Москвѣ славено-латинскую академію вящше двадцати лѣтъ, но и здѣ учащіеся юноши истое познаніе латинскаго языка съ неудобствомъ пріемлютъ за скудостію лексиконовъ. Ибо въ училищахъ, тако ради удобнѣйшаго ученія, яко и скорѣйшаго языку латинскому навыкновенію, двѣ наипаче, по согласію всѣхъ въ семъ дѣлѣ, искуснѣйшія нужды быти мнятся: первая — да всякую вещь и дѣйство ученикъ прямымъ реченіемъ латинскимъ нарещи, или что тожде есть, всякое реченіе славенское или россійское по латинѣ сочинияти умѣлъ бы. Вторая—да реченія латинская простая склоняти и по правиламъ грамматическимъ, такожде и по свойству латиновъ сочинять умѣлъ бы. Въ сей второй нуждѣ учителевъ должность есть: книги грамматики латинскія (аще ихъ еще Россія собственнымъ трудомъ стяжанныхъ себе и не имѣетъ, обаче не мало ихъ многихъ иностранными авторами изданныхъ обрѣтается) по своему произволу избрати, регулы толковати, регулами же необъятная особь показовати и неудоборазумѣваемыхъ словъ и сказаній толкъ изъяснити».

«Первая же, самимъ учащимся надлежащая вина, во еже ихъ ко

---

[1]) Это свидѣтельство, что въ Кіевѣ, гдѣ было такъ распространено знаніе латинскаго языка, при изученіи его употреблялись польскіе учебники, объясняетъ, почему тамъ не было издано въ XVII вѣкѣ ни одного русскаго руководства къ познанію латинскаго языка.

удобнѣйшему языка латинскаго познанію пользу воспріимати, весьма колеблется, и аще нѣкто (т. е. Поликарповъ въ 1704 г.) лексикономъ славено-греко-латинскимъ, здѣ въ Москвѣ печатнымъ, ради преложенія съ славенскаго на латинское своихъ экзерциій, новоучащихся и вспомоглъ, обаче симъ, въ высшія школы преходящимъ, егда налагается чтеніе книгъ латинскихъ, сколь неудобно и едва возможно есть въ школахъ невзученная, но ниже когда слышанная реченія разумѣти, разумъ творческихъ пояти и что прямо тая разсуждати, не сущу лексикону латино-славянскому».

«Что же еще возмнѣти подобаетъ о интерпретѣхъ въ переводѣ писаній, тако церковныхъ, яко гражданскихъ дѣлъ труждающихся, егда не съ тяжестью и бѣдствіемъ свою отправляетъ должность, никимъ лексикоповъ вспомогаемы спобствованіемъ. И сія то послѣдняя паче вина вонзися мнѣ во усердіе: хотящъ бо во многомятежномъ житія моего состояніи мысль свою унывающую врачевати, вознамѣрилъ, ради упраздненія ея нѣкоего, книжицу Желанія благовѣйная, латинскими стихами изображенную, славено-россійскими перевести виршами. Начатое дѣло аще и совершихъ, обаче не безъ трудности, ни ниже славено-латинскаго лексикона подкрѣпляемъ помоществованіемъ. Тѣмъ же за пользу возмнѣхъ тосклівое время мое ждивати на чтанія священныхъ книгъ латинскихъ, купно и словенскихъ, ради удобнѣйшаго въ сицевыхъ переводѣхъ искусства»...

За тѣмъ, Максимовичъ разсказываетъ, что онъ записывалъ въ алфавитномъ порядкѣ всѣ латинскія слова собственно для себя; но, потомъ, видя заботы царя о просвѣщеніи своихъ поддапныхъ, также установленіе синода, гдѣ собрано столько просвѣщенныхъ мужей, онъ вознамѣрился составить полный лексиконъ. Этотъ трудъ не обошелся автору «безъ бѣдствованія здравія». У Максимовича не было средствъ доставать лексикографическихъ сочиненій и потому онъ за образецъ взялъ одинъ латинопольскій словарь Григорія Кнапія—Gregorii Cnapy Thesaurus[1]). Порядокъ и расположеніе нашъ труженикъ заимствовалъ изъ этого источника, а толкованіе ихъ — изъ латинскихъ и русскихъ книгъ св. писанія и словарей, какіе удалось достать на обоихъ языкахъ. Такая работа Максимовичу стоила шести лѣтъ: «вся дни и нощи, говоритъ онъ, непрестанно и съ самымъ малѣйшимъ плоти успокоеніемъ на сіе дѣло ждивая, тяжкими недугами на всякъ годъ одержимъ бѣхъ, паче же сими третими послѣдними лѣты; и первѣе жъ суффозію или темную воду очесамъ случайную, вторая — звукъ во ушесѣхъ, третія — скорбутъ, или цынготная болѣзнь тѣми присноначительными стяжахъ себѣ

[1]) Кнапій или Кнапскій былъ іезуитъ, уроженецъ мазовецкаго воеводства (1583†1638 г.). Первое изданіе упомпнаемаго здѣсь Лексикона вышло въ Краковѣ въ 1621 году, подъ заглавіемъ Thesaurus polono latino graecus, seu Promptuarium linguae latinae et graecae polonorum usui accomodatum. Въ XVII столѣтіи онъ издавался много разъ.

трудами... Да вникнутъ убо во вся сія ненавистные чуждаго труда, купно и хвалы охуждатели, иже еще плода ума моего невидяще, но точію слухомъ слышаще въ плодотвореніи семъ труждающаго мя, не постыдѣшася въ погажденіе тое сія произнести слова: что великаго или труднаго есть индексъ латинскій Кнаніевъ превести по русску? Аще не трудно, чего ради прежде мене сего не творища, ниже творити помыслиша сами? Да видятъ и прилежно испытуютъ сей трудъ мой»... Послѣ того слѣдуетъ изчисленіе всего, что въ лексиконѣ принадлежитъ собственно ему.

Вообще лексиконъ Максимовича составленъ добросовѣстно, а предисловіе его, кромѣ дѣльности, поражаетъ отсутствіемъ не идущихъ къ наукѣ разглагольствованій нашихъ старинныхъ книжниковъ, представителемъ которыхъ въ началѣ XVIII столѣтія является Ѳедоръ Поликарповъ. Нѣсколько намековъ въ посвященіи и предисловіи заставляютъ уже догадываться, что Максимовичъ былъ несчастливъ и, желая разсѣять свое уныніе, началъ заниматься переводами и чтеніемъ книгъ св. писанія. Униженность, съ которою говоритъ онъ о себѣ, возбуждаетъ скорѣе сожалѣніе, нежели презрѣніе.

Въ спискахъ типографскихъ переводчикъ въ Москвѣ въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія значится этотъ Иванъ Максимовичъ съ жалованьемъ по 110 руб. въ годъ. Просматривая старинныя синодальныя дѣла, намъ удалось собрать слѣдующія о немъ свѣдѣнія.

Въ 1713 году, предъ отъѣздомъ изъ Константинополя нашихъ пословъ Толстова и Шафирова, къ нимъ явились двое малороссіянъ, удалившихся въ Турцію, вмѣстѣ съ Мазепою, послѣ полтавскаго сраженія: то были полковникъ Горленко и канцелярист Иванъ Максимовичъ. Они ходатайствовали себѣ и другимъ своимъ братьямъ милосердаго прощенія и дозволенія возвратиться на родину, обѣщаясь вѣрно служить Россіи. Толстой и Шафировъ, имѣя уже предварительное разрѣшеніе царя, дали дозволеніе эмигрантамъ возвратиться домой. Въ январѣ 1715 г., эти послѣдніе явились въ Кіевъ, при чемъ Горленко представилъ булаву прилуцкаго полка и котлы сообщника Мазепы, Орлика, а Максимовичъ—печать его. Въ указѣ о нихъ было сказано, что хотя они всѣ въ явной измѣнѣ обще съ Мазепою и Орликомъ уличались и за то смертную казнь заслужили, однако имъ даруется прощеніе съ тѣмъ, что они не могутъ жить въ Малороссіи, но въ Москвѣ. Духовенству велѣно было разрѣшить ихъ отъ клятвы и привести снова къ присягѣ на вѣрность службы. Вслѣдствіе того, Максимовичъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Антоновичемъ, очутился въ Москвѣ и, какъ человѣкъ ученый и знающій иностранные языки, опредѣленъ переводчикомъ въ московскую типографію. Въ 1726 г., послѣдовалъ доносъ на злоупотребленія въ этой типографіи и обвинялось, между прочимъ, начальство ея въ принятіи на службу въ справщики «бывшаго въ измѣнѣ». Сенатъ, безъ дальнихъ справокъ,

опредѣлилъ Максимовича, какъ подозрительнаго, отъ должности отрѣшить [1]). Дальнѣйшая судьба Максимовича неизвѣстна, но вѣроятно она была незавидна: еще за два года онъ жаловался на разстройство здоровья отъ ученыхъ трудовъ, а въ 1728 г. остался безъ куска хлѣба, среди чужихъ... Какъ бы то ни было, помянемъ добрымъ словомъ этого труженника, и пожелаемъ, чтобы люди, власть имѣющіе, слѣдовали въ подобныхъ случаяхъ ученію Спасителя, были снисходительнѣе къ ближнимъ и не слишкомъ увлекались желаніемъ выслужиться передъ сильными угнетая безсильныхъ.

—

Изданіе на русскомъ и голландскомъ языкахъ дружескихъ разговоровъ Еразма ротердамскаго, а также голландской грамматики, сдѣлано вслѣдствіе личнаго приказанія Петра: онъ самъ могъ объясняться по голландски, но не правильно, покрайней мѣрѣ, баронъ Лангенъ, видѣвшій царя въ 1700 г., замѣчаетъ, что Петръ говорилъ съ нимъ «en son hollandais corrompu» [2]).

Государь былъ убѣжденъ, что русскіе скорѣе узнаютъ иностранные языки и будутъ охотнѣе заниматься ими, если переводы издавать вмѣстѣ съ иностраннымъ подлинникомъ—эта мысль высказана въ предисловіи къ «Разговорамъ дружескимъ» 1716 года.

Въ началѣ XVIII столѣтія въ Россіи напечатаны были: нѣмецкая азбука, вокабулы латинскіе, славянскіе и нѣмецкіе, но намъ не удавалось ихъ видѣть [3]). Другихъ печатныхъ руководствъ, къ изученію иностранныхъ языковъ при Петрѣ не выходило.

—

Переводы различныхъ сочиненій, легко усвоивавшихся у всѣхъ европейскихъ народовъ, и названныхъ потому нѣмцами wandernde Dichtungen, попадаются у насъ по бо́льшей части въ рукописяхъ XVI и XVII вѣковъ. Павелъ Іовій [4]), писавшій со словъ русскаго толмача Дмитрія Герасимова въ 1526 г., говоритъ, что у каждаго почти московскаго боярина можно было найти, кромѣ лѣтописей, въ рукописныхъ спискахъ исторію объ Александрѣ Македонскомъ, римскихъ кесаряхъ, Антоніѣ и Клеопатрѣ и т. п. Г. Пыпинъ, въ своемъ Очеркѣ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ, первый изъ

---

[1]) Синод. дѣла 1723 г, № 27 и 1728 № 14.

[2]) Исторія П. В. г. Устрялова, III, 553.

Что эти учебники печатались, о томъ осталось свидѣтельство въ синод. дѣлѣ, 1722 № 18.

[4]) Библіотека иностран. писателей о Россіи, (Спб. 1836 г.) стр. 47.

нашихъ ученыхъ разсмотрѣлъ русскіе переводы всѣхъ подобныхъ сочиненій и показалъ отношеніе ихъ къ литературамъ другихъ народовъ. Къ сожалѣнію, у насъ мало свѣдѣній о лицахъ, которыя брали на себя трудъ знакомить русскихъ читателей съ произведеніями свѣтской литературы. По языку, также по почерку можно иногда догадываться, что бо́льшая часть такихъ переводовъ сдѣлана сначала въ Малороссіи или Бѣлоруссіи и преимущественно съ польскаго. Въ немногихъ очень рукописяхъ находимъ имена великорусскихъ переводчиковъ, съ указаніемъ, что они притомъ служили въ посольскомъ приказѣ. Если имѣть въ виду, что у насъ въ старину было мало знающихъ иностранные языки и служившіе въ посольскомъ приказѣ являлись, по самой должности своей, исключеніемъ изъ общаго правила, то можно предполагать, что наши оффиціальные переводчики и толмачи, послѣ малороссіянъ и обрусѣвшихъ поляковъ, были главными распространителями, посредствомъ передѣлокъ и переводовъ съ извѣстныхъ имъ языковъ, чужеземныхъ литературныхъ произведеній.

Отъ начала XVI вѣка уцѣлѣло нѣсколько переводовъ Димитрія Герасимова «толмача и схоластика», учившагося въ Ливоніи и нѣсколько разъ бывавшаго въ посольствахъ за границей. Въ началѣ XVII вѣка, именно въ 1608—9 годахъ, извѣстны переводы басенъ Езопа и тропника Ипокентія, папы римскаго трудовъ «переводчика греческихъ словъ и польскихъ» Федора Касьяновича Гозвинскаго. Олеарій, въ бытность свою въ Россіи въ 1635 году, зналъ замѣчательнаго переводчика посольскаго приказа, котораго называетъ датчанином Иваномъ Гельмсомъ (Iean Helmes), но настоящее имя котораго было Эльмстонъ[1]); въ русскихъ бумагахъ онъ писался Ельмсономъ. Гельмсъ, говоритъ Олеарій, первый переводчикъ великаго князя, зналъ всѣ европейскіе языки, исполнялъ важнѣйшія порученія и, будучи въ Вѣнѣ съ посольствомъ Баклановскаго, такъ понравился римскому императору, что пожалованъ отъ него дипломомъ на дворянство. Гельмсъ перевелъ на русскій яз. нѣсколько латинскихъ и французскихъ книгъ, и онѣ очень пришлись по вкусу читателей въ Россіи, такъ-что надобно надѣяться, что со временемъ русскіе придворные захотятъ познакомиться съ иностранными языками и литературами, чрезъ что достигнутъ знаній, которыя имъ теперь совершенно неизвѣстны [2]).

Кильбургеръ [3]) оставилъ извѣстіе, что съ учрежденіемъ въ 1663 году почтъ для сообщенія съ иностранными государствами, получались въ Москву голландскія, гамбургскія и кёнигсбергскія газеты, которыя вмѣстѣ съ частными письмами, тотчасъ же отправлялись

---

[1]) Исторія медицины, Рихтера, II, 88.

[2]) Voyage très curieux par le S-r Adam Olearius, trad. par Wicquefort, 1718 p. 374.

[3]) Büsching's Mag. III, 320.

въ посольскій приказъ, переводились тамъ и сообщались царю. Въ одной нѣмецкой брошюрѣ, очевидно напечатанной по порученію русскаго правительства петровскихъ временъ, сохранилось, между прочимъ, извѣстіе, что газеты переводилъ и читалъ передъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ извѣстный своею ученостью Келлерманъ [1]).

Николай Спафарій, «посольскаго приказа еллино-греческаго языка переводчикъ», въ первый годъ прибытія своего въ Россію (1673) перевелъ Хрисмологіонъ, гдѣ помѣщены различныя пророчества, и пр. [2]), о немъ см. ниже въ гл. XI.

Въ 1683 г., посольскій переводчикъ Авраамъ Фирсовъ перевелъ съ нѣмецкаго Псалтирь [3]).

Стахій Гадзаловскій, такой же переводчикъ, сдѣлалъ переводъ «О конской ѣздѣ» въ 4-хъ книгахъ, въ Москвѣ 1685 г. [4]).

Въ посольскомъ же приказѣ служилъ сначала Андрей Андреевичъ Виніусъ, также переводчикъ и одинъ изъ приближенныхъ Петра Великаго. Фамилія Виніусовъ встрѣчается въ исторіи русскаго горнаго дѣла: сынъ амстердамскаго купца Дениса Терксена Виніуса—Андрей, съ братомъ своимъ Абрамомъ и англичаниномъ Вилькенсономъ, занимался съ 1632 г. добываньемъ желѣза въ окрестностяхъ Тулы и построилъ первый въ Россіи вододѣйствующій заводъ для производства изъ желѣзной руды чугуна и желѣза и литья ядеръ, пушекъ и другихъ предметовъ.

Андрей Денисьевичъ торговалъ прежде хлѣбомъ и производилъ разные коммерческіе обороты. Занялся же потомъ, съ означеннаго года, желѣзнымъ промысломъ, по собственному его выраженью, для того, чтобы «государю служить и себѣ вѣчную славу учинить», причемъ «выискалъ своею головою въ россійскомъ государствѣ всякое угодье и самую добрую желѣзную руду, и заводилъ заводы своимъ умомъ». Андрей Виніусъ въ 1632 г. былъ въ Голландіи, и тамъ выгравированъ его портретъ, нынѣ чрезвычайно рѣдкій и извѣстный подъ названіемъ homme au pistolet [5]) Въ 1646 г. онъ писалъ, что хочетъ «христиться по русски». [6]).

---

[1]) Генрихъ Келлерманъ былъ докторомъ медицины и философіи, учился за границей, особенно славился знаніемъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскаго языковъ. Ист. мед. Рихтера, II, 290 и 2-я ч. настоящаго труда, Вѣдом. 1704 года.

[2]) Обзоръ рус. дух. литер., преосв. Филарета подъ № 232.

[3]) Указатель моск. патр. библіотеки (Москва, 1858 г.) стр. 223. Этотъ Псалтырь подробно описанъ въ «Описаніи слов. ркп. москов. син. библіотеки (М. 1855 г.) стр. 190—196. Замѣчательно, что переводъ не велѣно было смотрѣть никому безъ указу патріарха, такъ какъ въ предисловіи тамъ переводчикъ откровенно говоритъ о невѣжествѣ въ старинной Россіи: «нашъ россійскій народъ грубый и неученый, не токмо простые, но и духовнаго чина»....

[4]) Ркп. Толст. I, 209.

[5]) Москвитянинъ 1844 г. IV, 389—391.

[6]) Описаніе тульскаго оружейнаго завода, г. Гамеля стр. 6—17 и прил. стр. 1—9.

Вѣроятно сынъ его, Андрей Андреевичь въ 1664 г. является уже переводчикомъ при голландскомъ посланникѣ Борелѣ, потомъ въ этомъ званіи былъ въ Дѣдиновѣ при строеніи корабля Орелъ. Извѣстенъ рукописный сборникъ подъ названіемъ: «Избраніе отъ святыхъ, божественныхъ и царственныхъ книгъ, памяти ради.... издадеся въ лѣто отъ воплощенія 1667 въ Москвѣ чрезъ его царскаго величества царскихъ дѣлъ переводчика Андрея Андреева сына Виніусова». Здѣсь въ началѣ помѣщена бесѣда отца съ сыномъ, въ которой преподаны разныя моральныя и богословскія наставленія въ родѣ: «царю и всякой власти достоитъ три вещи въ незабытной памяти имѣти: первое—яко человѣки владѣетъ; второе же—яко власть сія, временна сущи, истлѣваетъ; владѣти же не лютостію, но имъ же быша радостни вси, восхищаемы доброумiемъ и милосердiемъ».... Подобныя наставленія оканчиваются изреченіемъ: «пчела на звонъ летитъ, а мудрый человѣкъ на полезное слово течетъ». Затѣмъ слѣдуютъ выписки изъ Аѳанасія александрійскаго, бесѣда Геннадія патріарха цареградскаго съ царемъ турскимъ Маратъ Магметомъ (перев. съ гречес.); далѣе церковная исторія и разныя отрывочныя статейки: описанія Іерусалима, магометовой гробницы, сказаніе Ивана Пересвѣтова о царѣ турскомъ Магметѣ, како хотѣвъ сожещи книги греческія; событія изъ русской исторіи со временъ взятія Казани [1]).

Въ собраніи рукописей г. Забѣлина есть: «Зрѣлище житія человѣча, въ немъ же изъяснены суть дивныя бесѣды животныхъ со истинными къ тому приличными повѣстьми, въ поученіе всякаго чина и сана человѣкомъ, новопреведено изъ нѣмецкаго языка всѣмъ во общую пользу трудолюбiемъ Андрея Андреева сына Виніуса, въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ въ лѣто воплощенія Бога Слова 1674». Въ предисловіи сказано, что прежде тѣ же притчи изданы были не такъ изрядно, какъ въ этотъ разъ, потому что теперь приложено, «совершеннѣйшаго ради разумѣнія, въ кiейждо притчи отъ древнихъ лѣтописцовъ согласующуюся предстоящей притчи повѣсть». Выставляя пользу книги, составитель говоритъ, что она необходима особенно для молодыхъ людей, какъ прекрасное наставленіе: «къ тому же—продолжаетъ онъ—зѣло дивно размышляти, како всемогущiй Господь Богъ не точiю кiйждому животну свойство и природу дарова, но въ нѣкоторые отъ нихъ изрядные обычаи и правы насадилъ есть, которые есть безсловесные не точiю человѣкомъ въ пищу, но и во многія потребы годствуютъ; еще же отъ сихъ научитися можетъ, яко зря на безсловесныя достоитъ намъ житіе свое и правы злобные исправляти—иже не многіе ли видимъ свирѣпѣйше львовъ и гнѣвливѣе медвѣдей, иные же нечистивѣйше свиней, овыхъ же неблагодарнѣйше псовъ, иныхъ же гордѣйше павлиновъ».... [2]) Г.

[1]) Отеч. Зап. 1824 г. XVIII, № 50, 337—345.

[2]) Очеркъ литер. исторіи повѣстей и сказокъ, г. Пыпина, стр. 175—177 и 358.

Пыпинъ, изъ труда котораго сдѣлана эта выписка, говоритъ, что «переводъ Виніуса хорошъ для того времени: въ немъ нѣтъ германизмовъ и фраза почти всегда соотвѣтствуетъ требованіямъ тогдашняго литературнаго языка».

Кромѣ этихъ переводовъ, Виніусъ извѣстенъ, какъ составитель труда подъ заглавіемъ «О столицахъ нарочитыхъ городовъ, и славныхъ государствъ, и земель, и острововъ, и проливовъ и знатныхъ мѣстъ сухими и водными путями, колико имутъ разстояніе россійскаго государства отъ первопрестольнаго его царскаго величества града Москвы по размѣру книги, именуемыя вожныхъ мѣръ и иныхъ принадлежащихъ къ нему по алфавиту росписано переводчикомъ Андреемъ Андреевымъ сыномъ Виніусомъ» (Румянц. Муз. №CCCLVI ркп.). Въ каталогѣ рукописей академіи наукъ (1818 г.) эта книга названа поверстникомъ и обозначена два раза 1667 годомъ (стр. 46, 47, №№ 64 и 4). Она состоитъ изъ двухъ отдѣловъ и добавленія: въ первомъ разстоянія и пути отъ Москвы до разныхъ русскихъ городовъ, напр. «Астрахань сухимъ путемъ 2500 верстъ, а водою 2660 в.: путь къ ней на Коломну, на Переславль Резанскій, на Касимовъ, на Муромъ, на Нижній, на Козмодемьянскъ, на Чебоксары, на Свіяжскъ, на Казань, на Симбирскъ, на Самару, на Саратовъ, на Царицынъ, на Черный Яръ. А сухимъ путемъ—на Володиміръ, на Муромъ, на Арзамасъ, на Олатырь, на Симбирскъ, отъ Симбирска вышеписаннымъ путемъ. А другой сухой путь на Касимовъ, на Темниковъ, на Пензу, на Саратовъ, а изъ Саратова по вышеписанному пути. Кіевъ—960 верстъ: путь на Калугу, на Болховъ, на Сѣвскъ, на Путивль; другой путь на Тулу, на Мценскъ, на Орелъ, на Новгородъ Сѣверскій; третій путь—отъ Сѣвска на Глуховъ». Во второмъ отдѣлѣ иностранные города, напр. «Амборокъ, вольный градъ, разстояніемъ отъ Москвы на Ригу, оттуда же моремъ—1800 верстъ. Парижъ, столица французскаго кроля, отъ Москвы на Ригу—3100 верстъ. Стекольное, столица свѣйскаго короля, отъ Москвы на Ригу—2100 в. и т. д. Въ концѣ «указъ, какъ писать подорожныя и почему прогоновъ отъ Москвы», гдѣ, напр., находимъ, что «до Калути, и до Болхова, и до Сѣвска и до малороссійскихъ городовъ (платилось прогоновъ) по 26 руб., назадъ отъ Сѣвска по 23 руб. и т. д.

Въ 1685 г., Виніусъ завѣдывалъ почтами въ Россіи; въ 90-хъ годахъ онъ былъ думнымъ дьякомъ, по большимъ праздникамъ «пресвѣтлыхъ государей царей пресвѣтлыя очи видалъ» (Разряды дворц.) и находился «въ нарядѣ» на разныхъ церковныхъ церемоніяхъ. Тогда же Виніусъ попался въ розыскномъ дѣлѣ о Шакловитомъ: въ 1687 г., по распоряженію Шакловитаго и Медвѣдева малороссійскій граверъ Тарасевичъ съ товарищами вырѣзали и отпечатали портретъ царевны Софіи Алексѣевны. Шакловитой, по приказанію послѣдней, поручилъ Виніусу «такую жъ персону за моремъ въ голландской

землѣ велѣть напечатать». Виніусъ образцовый листъ отправилъ въ Амстердамъ къ бургомистру Витзену, который и прислалъ печатанныхъ тамъ изображеній царевны числомъ около ста; въ нихъ «ея, великія государыни, именованіе полное, а внизу подписаны вирши на латинскомъ языкѣ къ похвалѣ ей же, великой государыни.... тѣ листы печатаны за моремъ, чтобъ ей, великой государынѣ, по тѣмъ листамъ была слава и за моремъ въ иныхъ государствахъ, также какъ и въ московскомъ государствѣ по листамъ же».... [1]).

Въ 1697 г., Виніусъ управлялъ сибирскимъ приказомъ. Корбъ, бывшій тогда секретаремъ при цесарскомъ посольствѣ въ Россіи, отзывается съ большою похвалою объ умѣ, образованности Виніуса и хорошемъ управленіи его тѣмъ приказомъ: при немъ сибирскіе воеводы не смѣли притѣснять и раззорять торговыхъ людей, такъ какъ за ними былъ учрежденъ строгій надзоръ. Г. Гамель сообщаетъ, что онъ видѣлъ инструкцію Виніуса верхотурскому воеводѣ 1702 г., когда послѣдній отправлялся для осмотра желѣзныхъ заводовъ Никиты Демидова въ Сибири. Инструкція эта свидѣтельствуетъ, что Виніусъ былъ человѣкъ просвѣщенный, имѣлъ обширныя знанія и обращалъ вниманіе на исправленіе нравственности народа и на воспитаніе дѣтей [2]).

Съ 1695 г., Виніусъ велъ довольно частую переписку съ царемъ: письма къ нему Петра отличаются тѣмъ, что содержатъ въ себѣ не одни приказанія, но и разныя новости и сужденія о политическихъ тогдашнихъ событіяхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ царь пишетъ къ Виніусу витіевато, чего не встрѣчается въ посланіяхъ къ Ромодановскому и другимъ. Напр. изъ подъ Азова, въ 1695 г., Петръ сообщаетъ Виніусу: «а здѣсь, слава Богу, все здорово и въ городѣ марсовомъ плугомъ все испахано и насѣяно, и не токмо въ городѣ, но и во рву. И нынѣ ожидаемъ добраго рожденія, въ чемъ, Господи, помози намъ, въ славу имени своего святаго»! Или изъ Воронежа (1698 г.), Петръ пишетъ о флотѣ: «Только облакъ сумнѣнія закрываетъ мысль нашу, да не укоснѣетъ сей плодъ нашъ, яко финиковъ, котораго насаждающіе не получаютъ видѣть. Обаче надѣемся на Бога со блаженнымъ Павломъ: подобаетъ дѣлателю отъ плода вкусити»....

Несмотря на множество порученій, которыя исполнялъ Виніусъ по управленію, на немъ также лежала обязанность просматривать переводы книгъ. Тріумфальные въѣзды устроивались по его совѣтамъ и указаніямъ. Учрежденіе перваго морскаго училища—навигаторской школы возложено было также на Виніуса.

Помѣщаемъ здѣсь отрывки изъ писемъ Виніуса къ Петру Великому, гдѣ идетъ рѣчь о его переводческой дѣятельности и нѣкоторыхъ подробностяхъ изъ жизни его.

---

[1]) Москвитян. 1843 г. № 10, матер. 385—392.

[2]) Опис. тульск. оруж. завода, прил. стр. 9—11.

21 февраля 1702 г.: «Нынѣ, пріѣхавъ къ Москвѣ г. тайный совѣтникъ Тихонъ Никитичъ (Стрѣшневъ), мнѣ, рабу вашему, вашимъ великаго государя указомъ сказалъ, что вы, государь, изволили потребовать отъ меня переводу уставу судебныхъ воинскихъ правъ, и я, государь, въ прошломъ году былъ на вашей великаго государя службѣ въ полкахъ съ гетманомъ, а пріѣхавъ въ Глуховъ, съ начала мѣсяца іюля лежалъ нѣсколько недѣль въ разслабленіи, а которые дни было мнѣ отрадиѣе, въ тѣ трудился надъ лексикономъ голландскимъ, а надъ воинскими правы не работалъ, понеже чаялъ иные люди то управятъ. А нынѣ, къ Москвѣ пріѣхавъ, въ домикѣ моемъ обрѣлъ постановлены шведы во всѣхъ жильяхъ, и донынѣ не сводятъ, а было ихъ спачала больше 200 человѣкъ, и въ домъ меня не пустили, и жилъ въ чужомъ дворѣ недѣли съ три, а мнѣ немалое отъ постоя разореніе. А нынѣ, государь, началъ въ воинскихъ правахъ трудитися, и, по елико смогу, буду работать; однакожъ рукою, государь, правою въ письмѣ мнѣ зѣло тяжко, едва имя свое подписываю; но уповаю симъ великимъ постомъ голландскіе артикулы совершить, а прочее потомъ. Не прогнѣвись, мой милостивѣйшій государь, на мя, нижайшаго раба своего: во истинно, государь, сталъ быть дряхлъ, едва брожу, ужъ 70-й годъ доходитъ. Желаніе—вѣсть Богъ—есть, да сила по вся дни скудѣетъ»...

Въ 1703 г., Виніусъ впалъ у царя въ какую то немилость, на которую самъ намекаетъ въ витіеватомъ поздравленіи Петра со взятіемъ Нотебурга, 12 мая: «Милостивѣйшій нашъ великій монарха! Со всѣми вашею государскою милостью одарованными и я, убогій мытарь, аще издалече стою и недостойна себя быти признаваю, однакожде припадающе къ погамъ вашимъ государскимъ, покорно кланяюся отъ изобилія моею радостью исполненнаго сердца, внегда пріемъ отъппуду вѣсть о полученіи такого знаменитаго изъ рукъ непріятельскихъ града Слютельбурха нареченнаго»...

Въ томъ же году, Виніусъ для оправданій былъ въ только что основанномъ Петербургѣ и, въ надеждѣ на силу при царѣ Меншикова, далъ ему въ подкупъ значительную сумму денегъ. Меншиковъ, принявъ приношеніе, Виніусу далъ въ руки письмо отъ себя къ царю, гдѣ оправдывалъ его, и въ тоже самое время чрезъ своего посланнаго увѣдомилъ царя о подкупѣ и о томъ, что Виніусъ ничего не представилъ въ свое оправданіе [1]).

---

[1]) Послѣднее письмо Меншикова, 29 іюля 1703 г., такъ характеристично, что мы рѣшаемся привести его здѣсь вполнѣ: «Господине, господине капитанъ! Всерадостно и благополучно здравствуй о Господѣ. Извѣствую вашей милости: Андрей Виніусъ, пріѣхавъ сюда, никакого въ дѣлѣхъ своихъ оправданія не принесъ (хотя онъ отъ меня къ тому не малое принужденіе имѣлъ), опричь того, что разными во всемъ виды выкручивался. И я, отправя его въ настоящій ему путь, отпустилъ его отсюды сего нижеписаннаго числа и о дѣлѣ его, въ чемъ онъ неисправенъ явился и какую на что отповѣдь

Въ 1706 г., Виніусъ уѣхалъ за границу и, сколько можно судить по его прошеніямъ, которыя сейчасъ будутъ приведены здѣсь, безъ вѣдома царя, за что и было конфисковано его имущество.

12 іюля 1706 года, безъ обозначенія мѣста, откуда писано прошеніе: «достигъ, писалъ Виніусъ, въ такую озяблость горькаго ми состоянія, что всего, еже въ толикія лѣта трудами многими пріобрѣлъ, весьма себя вижу обнаженна. Которое отлученіе мое вашему величеству къ вящшей моей тягости и винѣ донесено, однакожъ учинилось причиною сицевою: будучи, государь, въ Гроднѣ, въ нашествіе непріятелей лишился безъ мала не всѣхъ своихъ лошадей и людей. По сихъ во время похода досталъ, скудости ради лошадей и денегъ, иныя и худосильныя, которыми отъѣхалъ едва до Кнышина, въ томъ мѣстѣ обезсилили и обезпомочны сталп. И я, видя себя въ такомъ опасеніи предстоящей гибели нужною смертью погибнуть или въ руки достаться въ плѣнъ непріятелю, принужденъ къ прусской границѣ удалиться, идѣже лошади мои иныя стали попадали, а иныхъ понужденъ продать, съ надежею тою прусскою границею къ Польску, и тако къ московской границѣ вдатися; но видя себе отъ жителей страны тоя въ томъ возбраненна, нанялъ подводы до Кролевца (Кенигсберга) и оттоль моремъ со многими трудами достигъ до странъ сихъ (?), идѣже отъ нуждъ старости, паче же вседневныхъ снѣдательныхъ печалей, весьма на одрѣ болѣзненномъ есмь и поверженъ лежу, и тѣмъ, государь, препятіемъ возбраненъ нынѣ моремъ возвратитпся. Однакожде, высокое вашего величества человѣколюбіе къ упадлымъ грѣшникамъ дастъ ми утѣху, яко сіе мое отлученіе человѣколюбнымъ и природнымъ своимъ государскимъ милосердіемъ, яко

учинилъ, послалъ къ вашей милости роспись для вѣдома при семъ письмѣ, изъ которой изволишь увѣдомиться (росписи этой при письмѣ пѣтъ). А здѣсь будучи, поднесъ онъ мнѣ 3 коробочки золота, 150 золотыхъ червонцевъ, 300 рублевъ денегъ, да въ 7 коробочкахъ золота жъ, и въ 5000 рублевъ денегъ письмо своею рукою далъ, въ которомъ написано, что ему отдать то все, когда у него спросятъ, или кому приказано будетъ отъ меня въ дому его безъ него принять. И ты изволь объ отпускѣ его учинить по своему разсмотрѣнію. — Зѣло я удивляюсь, какъ тѣ люди не познаютъ себя и хотятъ меня скупить за твою милость деньгами, или они не хотятъ, или Богъ имъ обращаетъ. А вышеписанную большую дачу далъ мнѣ Виніусъ и за то, чтобъ пушкарскій и аптеку хотя у него и взять, толькобъ сибирскій приказъ удержать за нимъ, завѣщевая, чтобъ о той дачѣ никто не вѣдалъ. И изъ того изволишь познать, что для чего такую великую дачу далъ, еслибъ не чаялъ отъ того приказу впредь себѣ великій пожитокъ, а напредь сего билъ челомъ милости твоей многажды о дачѣ деревни, сказывая, что пить—ѣсть нечего. А при той вышеписанной дачѣ, по многому его прошенію, написалъ я къ милости твоей письмо объ немъ по его желанію, и то письмо челъ онъ самъ, которое я запечатавъ, при подписаніи руки своей, ему отдалъ; и съ того письма списокъ для вѣдома послалъ я къ милости твоей съ симъ письмомъ. За симъ здравіе милости твоей предаю въ сохраненіе божіе. Александръ Меншиковъ. Іюля въ 29 день изъ Питербурха. (Кабин. дѣла, II, № 2, л: 543).

престарѣлому и къ смерти приближающемуся, и въ памяти и въ разумѣ сокрушенному, къ тому больному червю, милостивно оставивши»....

16 ноября 1706 г.: «Паче же мя убиваетъ, слыша моихъ непріятелей ложныя клеветы, иже, яко стрѣлами, мя уязвляютъ, предлагая, яко бы азъ, нижайшій твой рабъ. къ непріятелемъ шведамъ перебѣжалъ и въ челобитьѣ своимъ не боятся божія мстительнаго суда, меня крайнимъ вашего величества злодѣемъ именуютъ, и чтобъ остатнія мои крохи, дворы и деревни имъ отдать»... За тѣмъ слѣдуетъ изчисленіе службъ просителя въ посольскомъ, сибирскомъ и пушкарскомъ приказахъ, упоминаніе, что ему 65 лѣтъ, также, что онъ «школу математическую ради изученія русскому народу въ наукѣ инженерской, бомбардирской, пушкарской устроилъ»... «Еще напомни нѣкія мои услуги: кто сначала представилъ, и той причины ради ѣздилъ и согласіе гетманское привезъ? Азовской побѣды потомъ тріумфальное устросніе, еже бѣ первое и славнѣйшее? Напомяни, щедрый государь, въ 1697 г., съ какимъ поболѣніемъ моея сокрушительныя души, съ вѣрнымъ сожалѣніемъ о здравіи вашемъ я писалъ, чтобъ въ возвращеніи своемъ изъ прусской земли опасаясь, чрезъ Ригу идти не изволилъ и какими премилостивыми словесы на сіа и вышереченныя моя услуги мя, нижайшаго своего раба, обнадежить изволилъ»....

10 сентября 1708 г., Виніусъ, увѣдомляя царя, что онъ, по милости божіей, возвратился въ нѣдра восточнаго православія и прибылъ чрезъ Архангельскъ къ Москвѣ, просилъ объ отдачѣ ему принадлежащаго имущества, дома и книгъ. Въ октябрѣ, благодарилъ Петра за то, что его «домишко распечатанъ, деревишки возвращены».

27 декабря 1708 г.: «милостивое величества вашего ко мнѣ, рабу вашему, письмо сего прошедшаго мѣсяца ноября, купно и повелѣніе о переводѣ изъ книжицы трактата механики, ко мнѣ дошло. И хотя прежде того чающе, что всю ту книжицу переводить, уже часть нарочиту о фортификаціи было перевелъ, и иное оставя, ноября съ 17 дня учалъ о механикѣ переводити. Нынѣ соверша, на чисто переписывать отдалъ. А что по замешкалось, припадая, молю ваше величество о милостивомъ прощеніи, понеже моя нашедшая старость, иногда недуги, паче жъ трудность матеріи (содержанія книги), въ ней же нѣкоихъ именъ безъ лексиконовъ перевести было трудно, однакожъ, по крайнему изможенію моему, окончалъ. Аще ли же явятся въ переводѣ нѣкоторые періоды къ выразумѣнію трудны, молю — сіе не моему нерадѣнію, но творца той книги зѣло сокращенному слогу приписати. И нынѣ тотъ переводъ мню, въ нѣсколькіе дни на чисто переписавъ, для посланія г. комендантуки. Гагарину подать; а начатую о фортификаціи часть довершить ли, о томъ, вашего величества указу, купно и тое книжки, ожидаю»..

17 января 1709 года: «Къ величеству вашему, пресвѣтлѣйшему государю, нижайшее мое, раба вашего, писаньеце было прошлаго декаб-

ря въ 27 день, еже и комендантъ кн. Гагаринъ съ почтою послалъ, въ которомъ къ величеству вашему покорственно писалъ о пріемѣ книжицы, въ ней же трактатъ о механикѣ, что̀ тотъ трактатъ декабря къ 25 числу на словенскій языкъ преложилъ. Потомъ отдалъ подъячимъ для переписки и мню, тщаніемъ г. коменданта, вскорѣ его подъячіе спишутъ. Нынѣ же чрезъ г. Паппина мнѣ отдано величества вашего второе письмо изъ Сумъ января 4, въ которомъ изволилъ величество ваше ко мнѣ, рабу вашему, писать, чтобъ вышепомянутый механики трактатъ напечатать печатью амстрадамскою. Однакожъ унижено молю величество ваше, дабы прежде изволилъ еси тотъ трактатъ выслушать и свыше данный вамъ разумомъ (sic) разсудитъ, отъ нея кая польза людемъ будетъ ли? Понеже авторъ сего трактата писалъ зѣло сокращенно и прикрыто, не толико зря на пользу людскую, елико на субтильность своего философскаго письма. Однакожъ, надъ всѣмъ да будетъ воля величества вашего.

«А что въ нынѣшнемъ же вашего величества второмъ писаніи написано, повелѣвая огнестрѣльную книжицу, яже изъ лучшихъ ауторовъ была написана, сѣ же азъ, рабъ вашъ, тому лѣтъ 12 или вящше изъ языка голландска перевелъ — и съ той переводъ, ниже подлинной, у себя сыскать не могъ: мню ея быть между моими 400 и больше въ аптеку взятыми книгами, которыхъ даже до сихъ чиселъ чрезъ вашъ государской указъ и письмо свѣтлѣйшаго его милости кн. Александра Даниловича Меншикова еще г. коммиссаръ Веселовскій удерживаетъ. Въ нихъ же мнѣ къ сему дѣлу зѣло надобные были лексиконы и начатая мною (аще и въ суетахъ моихъ) книжица съ фигурами о фундаментномъ вѣдѣніи и обученіи артиллерійскаго дѣла в(ф)ейрверковъ, его же былъ намѣренъ, въ пользу русскаго народа во тиснепіе давъ, вашему величеству покорственно поднесть. Того ради безъ лексиконовъ въ сихъ и симъ подобныхъ дѣлѣхъ такъ чисто и явственно въ преводахъ изъяснити мнѣ не можно. Для того, аще ли не есть противно изволенію величества вашего, по твердому и высокому вашему милосердому ко мнѣ, убогому вашему рабу, обѣту объ отдачѣ тѣхъ книгъ (ихъ же 50 лѣтъ сбиралъ и многія мнѣ г. Витценъ присылалъ) повелительнаго молю свой монаршескій указъ (sic) сотворить. Во истинну свидѣтельствую моею совѣстью, что веселюсь зѣло въ трудѣхъ, ими же точію могъ вамъ, милостивѣйшему моему великому государю, угодная сотворить»...

2 февраля 1709 г.: «трактатъ о механикѣ переписавъ на чисто, господину, его милости коменданту кн. Гагарину, купно и съ нѣмецкою книжицею, отдалъ; его же (т. е. трактатъ) было къ печати, а фигуры къ рѣзбѣ отдалъ, но нынѣ, какъ достигъ вашего величества указъ, чтобъ переводъ къ вашему величеству прислать, мню то учинить.— Азъ изъ своихъ, въ аптекѣ опочивающихъ книгъ, о фейерверкахъ и артиллеріи взялъ, а осталыя г. коммиссаръ Веселовскій до

указу удержалъ, а письмо величества вашего ему показывалъ и списокъ далъ. (О томъ еще покорно молю). Однакоже за вашего величества милостивое изволеніе съ припаданіемъ покорнѣйше челомъ бью, и сего жъ числа въ трудъ о в(ф)ейрверкахъ вступилъ: къ вашему величеству послать, или здѣ печатать—о томъ молю о указѣ. Еще жъ нижайше допошу: благоволи величество ваше мною въ 1702 г. преведенну книжку о артиллеріи указать ту, по сихъ трудѣхъ, довершать ли и въ печать русскую или амстердамскую давать ли со обрѣтающимися фигурами? А мнится, что величеству вашему будетъ угодна и людемъ того чина небезплодна»...

7 февраля 1709 г.: «Сего, государь, мѣсяца февраля въ 3 день къ вашему величеству, милостивѣйшему государю и монарху, нижайшій я рабъ вамъ покорственно писалъ, и при томъ тетради о механикѣ господину коменданту кн. Гагарину подалъ. Послѣ того, государь, трудился надъ книжкою о вейеверковъ (sic), яже, мню, въ прошлыхъ годѣхъ съ нѣкоторыми устроенными вейрверками отъ г. Витцена прислана, со обнадеживаніемъ его, что она изъ лучшихъ авторовъ и свѣдомаго искусства учинена. Уповаю, что угодна величеству вашему явится. И о томъ ожидаю вашего величества милостиваго слова, такожде и указу вашего величества о артиллерійской книжицѣ, въ ней же и вейрверки есть, и тотъ мною въ 1702 г. начатой трактатъ довершать ли и коею печатью съ фигурами, на пользу государскимъ бомбардирамъ и пушкарямъ, выдавать ли? А титулъ той книжицы при семъ положилъ. Точію къ тѣмъ совершенствамъ различныя мои книги потребны, о нихъ же всѣхъ паки къ погамъ вашимъ государскимъ припадая, покорно молю, а тѣ всегда въ храненіи у меня на услугу величества вашего пребудутъ. Еще при семъ дерзнулъ величеству вашему молити: аще ли угодно вамъ, въ пользу вашего величества подданнымъ русскаго народа людей, мнѣ, или чье имя назначь, дать привилію печатать новые россійскаго и иныхъ государствъ партикулярные и общіе всей вселенной чертежи съ русскими подписями, и о томъ дать на 10 лѣтъ вашу государскую привилію, съ подтвержденіемъ нарочитой пени, кто дерзнетъ безъ позволенія въ тѣ лѣта такіежъ печатать, какъ и въ иныхъ европскихъ странахъ водится, тѣ всѣ съ пенею отняты будутъ»...

При этомъ письмѣ, Виніусъ приложилъ заглавіе книги объ артиллеріи соч. Дидриха Бринка, переведенной съ изданія 1689 года. Она была напечатана и описана въ настоящемъ трудѣ во 2-й части, въ числѣ книгъ гражданной печати подъ 1710 годомъ.

9 Марта 1709 г.: «По указу величества вашего, моего милостивѣйшаго государя, трактатъ о механикѣ, такожде другой о вейверкахъ, елико постигнути могъ, соверша, отдалъ г. коменданту кн. Гагарину, о доходѣ не сомнѣваюсь. Нынѣ ко мнѣ онъ же писалъ, чтобъ книжицу объ артиллеріи моихъ же трудовъ (о ней же къ ве-

личеству вашему я писалъ) къ величеству вашему послать, которую увидя, что въ переписке неисправно списали, выправилъ елико случаемъ скорымъ было возможно, и не смѣя для второй переписи удержать ту подлинную съ фигурами и съ переводомъ, при нижайшемъ моемъ поклоненіи, послалъ, уповая, что величеству вашему угодна и вашимъ государскимъ, артиллерійнымъ служителемъ потребна будетъ, когда величество ваше благоволите съ тѣми жъ фигурами ю въ друкъ отдать. Мои книжки, по вашему государскому повелѣнію, нынѣ недавно пріялъ, за что при нижайшимъ и глубокимъ къ ногамъ вашимъ монаршескимъ поклоненіи, благодарственно челомъ бью»... [1])

Писалъ ли потомъ Виніусъ о переводахъ своихъ къ Петру Великому—извѣстій не сохранилось, а осталось только нѣсколько привѣтствій его, писанныхъ къ царю по случаю разныхъ побѣдъ. Послѣднее такое письмо относится къ 1714 году.

Когда Виніусъ умеръ, то библіотека его, по приказанію царя, передана въ 1718 г. въ заведенную тогда въ Петербургѣ публичную библіотеку (нынѣ въ академіи наукъ). Изъ современнаго каталога можно видѣть, что у Виніуса была библіотека преимущественно изъ голландскихъ книгъ (всего же было 363 названія): находились также сочиненія на нѣмецкомъ, латинскомъ, французскомъ, польскомъ и эстонскомъ языкахъ. Въ числѣ изданій для изученія иностранныхъ языковъ встрѣчаемъ: Le grand dictionnaire françois flamand, Amsterd. 1699 (въ f°); Dictionarium latino germanico polonicum, Dantisis, 1642 (4°); Calepini dictionarium; Nethler deuch and englich Dictionaire, Rotterd., 1658 (4°); Comenii Ianua linguarum (8°); Joh. Reni Grammatica latina, Regirmont, 1674 (8°); Ald. Manutii Phrases puae, Lips. 1582 (8°); Nicol. Clenardi Institutiones in linguam graecam, Antverp. 1581 (8°); H. Goseкini Manuductio ad linguam oestonicam, Reval, 1660 (8°); Ph. Melanchtonis Grammatica latina (8°); Tirocinium latinae linguae.

Кромѣ сочиненій, касающихся Теологіи, Математики, Юриспруденціи, Анатоміи, и военныхъ наукъ, Виніусъ имѣлъ Сказанія о Россіи Герберштейна, Олеарія, Петрея, ле-Брюна, также описанія путешествій, преимущественно по Азіи и Африкѣ — между ними есть и рѣдчайшее изданіе Витзена Nord en Oost Tartarye. Изъ польскихъ книгъ встрѣчаемъ: Statuta wielkiego księstwa litowskiego, Krak. 1588; Monarchia turecka przez Ricota, Romy 1678; Kronika Sarmacyey europskiey, Krak. 1612; Kronika polska, 1582; Żywoty swiętych starego y nowego Zakony, 1644; g. Liberiuscha, Gzwiazda morska naiswiecza panna Marya, XXX kazan. Krak. 1619; того же: Gospodarz nieba y ziemie Iesus Christus... Krak. 1669; Dworzanin polski, Luc. Granickiego, Krak.

---

[1]) Эти отрывки заимствованы изъ Каб. дѣлъ II, № 2, л: 481, № 5, л: 96—99, № 8 л: 121, 117, 118, 120, 119.

1639; Patericon albo Żywoty ss. oycow pieczarskich w Kiowie, 1635, и нѣкоторые другіе.

У Виніуса были также нѣкоторыя сочиненія, которыя въ переводѣ изданы у насъ въ петровскія времена: Превращенія Овидія на фр. и нѣмецкихъ языкахъ, Нюрнбергъ 1689 г.; Alcoranum mahometanum, Нюрнб. 1664 Architectura militaris, Штурма Нюрнбер. 1702 г.; нѣсколько трактатовъ о Римплеровой манерѣ; Іоанна Сигизмунда Бухнера Theoria et praxis Artilleriae; Georgica Unterricht... Нюрнб. 1687 г. (эта книга была только переведена у насъ, но не напечатана, о чемъ см. ниже стр. 214); Baronii Annales ecclesiastici, idiomate polonico, Cracowiae, 1607; Regel van de vijf Ordens der Architecture door I. B. van Vignola... Amsterdam 1650.

—

Въ концѣ XVII столѣтія, въ посольскомъ приказѣ занимались переводами съ иностранныхъ языковъ Петръ и Михаилъ Шафировы. Первый изъ нихъ былъ съ Петромъ за границей, сдѣлался потомъ вицеканцлеромъ, попалъ въ немилость и, подъ конецъ жизни, собиралъ матеріалы для исторіи царствованія Петра. Кромѣ его переводовъ календарей, о чемъ будетъ сказано ниже (стр. 286 — 288), онъ составилъ Разсужденіе о шведской войнѣ, описанное во 2-й ч. подъ 1717 годомъ. Изъ переводовъ брата его, Михаила сохраняются въ рукописяхъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ: «Архитектура гражданская... выдана Юстомъ Данкерсомъ... въ Амстердамѣ на голландскомъ языкѣ. Переведено Михаиломъ Шафировымъ лѣта Христова 1708, января въ 14 день» (въ 2 экземп., по каталогу подъ №№ 259, 270) и «Краткое обученіе о 5 колоннахъ чрезъ Симона Богбома... изъ Винцента Шамоша... 1708 г. января» (по кат. № 268).

Въ 1722 г., Петръ Шафировъ, будучи уже барономъ и сенаторомъ, домогался выдачи жалованья брату его Михаилу за шесть мѣсяцовъ, которые послѣдній провелъ въ отпуску. Тогдашній оберъ прокуроръ сената, Скорняковъ-Писаревъ, врагъ Шафирова, протестовалъ противъ такого домогательства тѣмъ болѣе, что жалованіе полагалось выдать противъ иноземческаго оклада: Михаилъ Шафировъ, говорилъ Писаревъ, «не иноземецъ, но жидовской породы, холопа боярскаго, прозваніемъ Шаюшки, сынъ, и притомъ де человѣкъ глупый»... Баронъ Шафировъ отвѣчалъ: «его императорское величество самъ моего родителя милостиво знать и жаловать изволилъ, и онъ безпорочный свой животъ христіански, и, по милости его величества, въ дворянѣхъ московскихъ скончалъ, и не у кого въ кабальномъ холопствѣ не былъ, и божіимъ призрѣніемъ еще блаженныя памяти при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, за честные свои поступки,

въ чинъ дворянскій произведенъ; а братъ мой уже въ трехъ коллегіяхъ безпорочно и къ удовольствію начальствующихъ исправлялъ и во многихъ языкахъ искусенъ»... Писаревъ въ отвѣтъ настаивалъ, что Шафировы жиды, и родственникъ ихъ жидъ и по нынѣ живетъ въ г. Оршѣ. Тогда Шафировъ началъ въ свою очередь упрекать Скорнякова-Писарева, что онъ происходитъ отъ площаднаго писаря и скорняка, а отецъ его не имѣлъ крестьянъ и пріучалъ сына пахать землю, что́ и подтверждаютъ его грубые поступки; дядя же повѣшенъ за воровство... Таковы были споры въ сенатѣ между сенаторомъ и оберъ-прокуроромъ въ тогдашнія времена. Прибавимъ, что и Писаревъ, подобно Шафирову, учился за границей и считался ученымъ [1]).

Въ посольскомъ приказѣ переводились сочиненія и въ XVIII вѣкѣ, такъ въ рукописяхъ И. эрмитажа (№ 92, полка 3) есть: «Господней молитвы смиренное толкованіе, святѣйшей христовой соборной Церкви возложенное или обреченное. Въ Венеціи 1723 году, у Антона Бартоли съ позволенія суперіоровъ. Въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ переводилъ Андрей Васильевъ, февраля въ 3 день 1724 года».

—

Переводы иностранныхъ сочиненій въ славено-греко-латинской академіи и при типографіи въ Москвѣ обыкновенно дѣлались, до учрежденія синода, по распоряженію Ивана Алексѣевича Мусина Пушкина, начальствовавшаго послѣ смерти патріарха Адріана надъ монастырскимъ приказомъ.

Порученіе царя о переводахъ и печатаніи книгъ болѣе часты становятся съ 1708 года [2]), а именно: въ октябрѣ Петръ приказывалъ, между прочимъ, Мусину Пушкину, а этотъ передалъ Поликарпову, чтобы найти нѣмецкій календарь и перевести его какъ можно

---

[1]) Дѣян. Петра В., Голикова IX, 390, 391, 393, 395. Въ П. б. есть рукопись (II, F, 63) «Книга списком съ подлинныхъ дѣлъ государственнаго подъканцлера, барона Петра Павловича Шафирова, которыя даны ему впредь для вѣдома изъ помѣстнаго приказа въ 1719 г.» Здѣсь идетъ рѣчь объ имѣніяхъ его, также мѣнѣ и покупкѣ деревень у другихъ лицъ. Въ Журналѣ министерства юстиціи 1859 г. № 3 (часть неоф. стр. 1—62) есть статья «Судное дѣло надъ Шафировымъ и Скорняковымъ-Писаревымъ», извлеченная изъ подлиннаго дѣла московскаго юстицкаго архива, но не вполнѣ, такъ что у Голикова даже есть болѣе подробностей. Такъ напр., пропущены взаимныя укоризны въ низкомъ происхожденіи — черта для тогдашнихъ нравовъ: бо́льшая часть петровскихъ знатныхъ были люди незнатные, однако хлопотали доказать противное.

[2]) Впрочемъ есть въ рукописяхъ переводы духовныхъ для Петра гораздо ранѣе. Такъ Каріонъ Истоминъ поднесъ царю въ 1692 г.: «Книги Іулія Фронтина, сенатора римскаго, о случаяхъ военныхъ. Сіи новопреведенныя на славенороссійскій языкъ дѣлотщаніемъ труждающихся въ цар. вел. градѣ Москвѣ, мірозданія 7200 лѣта». По каталогу моск. архива министерства иност. дѣлъ № 257.

скорѣе, а также исправить переводъ Исторіи Курція объ Александрѣ. Тогда же архимандриту Іосифу (вѣроятно Туробойскому, бывшему въ то время настоятелемъ въ Симоновомъ монастырѣ) сказано: зачатую имъ книгу (какую именно — неизвѣстно, съ его именемъ знаемъ только одно сочиненіе «Политиколѣпный анотеозисъ») немедленно окончить, а наипаче противъ соцініанъ доказательства сильныя учинить [1]).

20 мая 1710 г., Петръ приказывалъ М. Пушкину перевести на русскій языкъ и напечатать грамоту королевы англійской и рѣчь посла ея, Витфорта, съ церемоніаломъ аудіэнціи. Объ этой грамотѣ было говорено выше на стр. 101.

14 мая 1713 г., отдана была государемъ М. Пушкину исторія о Кромвелѣ на латинскомъ языкѣ, для отсылки ее въ Москву къ префекту Томиловичу переводить на русскій языкъ.

Изъ письма М. Пушкина къ Поликарпову, 9 іюня 1715 г., узнаемъ, что царь приказывалъ первому, «дабы трудились не лѣностно въ переводѣ книгъ съ латинскаго ректоръ Лопатинскій и директоръ Поликарповъ».

21 сентября 1718 г., М. Пушкинъ писалъ къ Поликарпову, что онъ разговаривалъ съ царемъ на свадьбѣ у кн. П. Голицына: «Да для чего, придалъ государь, по сю пору не переведена книга Виргилія Урбина о началѣ всякихъ изобрѣтеній — книга не большая, а такъ мешкаете? Отпиши о семъ Лопатинскому»... Въ другомъ письмѣ: «Отцу Лопатинскому скажи, чтобъ перевелъ книги, которыя къ нему посланы. А великій государь часто изволитъ напоминать, для чего долго не присылаются, и что бы не павелъ гнѣву»... Въ третьемъ письмѣ: «писалъ я къ тебѣ многажды о переводѣ книгъ и чтобы говорилъ ты отцу Лопатинскому, дабы скорѣе переводилъ, а нынѣ великій государь приказалъ, ежели не переведутъ книгъ лексикона и прочихъ, до того времени жалованья не выдавать, пока не переведутъ»...

Изъ книгъ, упоминаемыхъ въ этихъ письмахъ, напечатана Поліодора Урбинскаго «О изобрѣтателяхъ вещей» въ 1720 году. Кромѣ того, префектъ училищъ Гавріилъ Бужинскій перевелъ «Введеніе въ исторію» Пуффендорфа, которое напечатано въ 1718 г. съ любопытнымъ предисловіемъ переводчика. Поликарповъ издалъ въ 1718 году переводъ свой и другихъ, неизвѣстныхъ лицъ, Географіи Варенія, и также присоединилъ предувѣдомленіе, гдѣ говорится о самомъ переводѣ. Прочіе переводы его, кромѣ нѣсколькихъ словъ Ефрема Сирина, напечатанныхъ въ 1701 г., остаются въ рукописяхъ: мо-

[1]) Какъ эти свѣдѣнія, такъ и сообщенныя ниже, заимствованы изъ труда Голикова, который ссылается притомъ на письма Мусина Пушкина къ Поликарпову, хранящіяся въ синодальной конторѣ въ Москвѣ. Дѣянія Петра В. IV, 298, 299, 483; V, 458; VII, 382.

сковской патріаршей библіотеки — a) отрывокъ изъ толкованія Пахимерова на 7-е посланіе Діонисія Ареопагита, по кат. № 54; b) алфавитный указатель предметовъ, содержащихся въ книгѣ Нектарія, патріарха іерусалимскаго, противъ латинъ съ переводомъ предисловій къ этому произведенію Нектарія, по кат. № 528; c) Севаста трапезунтскаго Киминита, о времени пресуществленія св. даровъ и о причастности пресв. Богородицы первородному грѣху, посвященъ царю въ 1703 г., по кат. №№ 588 и 864; d) въ библіотекѣ академіи наукъ — Изъявленіе армянской литургіи, перев. 1708 г. (по кат. печ. 1818 г. стр. 34, № 10) и e) въ И. эрмитажѣ — неупомянутая въ жизнеописаніяхъ Поликарпова: «Книга хитрости руководство, воиномъ въ ратоборство, сочинися убо древле греческимъ царемъ Львомъ премудрымъ, сыномъ православнаго царя Василія македонина. Преведеся же съ греческаго діалекта на славенскій трудоположеніемъ царственныя московскія еллино-греческія школы учителя, Ѳеодора Поликарпова, сына Орловыхъ, въ лѣто отъ сотворенія міра 7205, февруаріа въ 20 день (1698) [1]). Въ началѣ есть предисловіе, которое знакомитъ съ литературными пріемами Поликарпова: «Претолковникъ насущія книги любезному читателю радоватися. Славно вѣщанныхъ мудраго Туліа словесъ проходящу ми нѣкогда вертъ благообразенъ цвѣтъ предпослася сице, трудолюбивый читателю: жити не себѣ единымъ въ доброту, но и отчизнѣ, мы должны въ работу дѣломъ и словомъ на пользу всѣмъ людемъ творити — за то бѣдъ негли избудемъ. Сихъ убо словесъ вникнувшу ми въ силу, вложися мысль, да благодѣтелемъ моимъ, паче же всей отчизнѣ моей во утѣшеніе, овымъ же и въ науку, за божіею помощію чрезъ трудъ мой преведется сія мудросочиненная книга съ еллинскаго на словенскій діалектъ, твореніе Льва царя премудраго, юже на хартіи писану сущу за много лѣтъ древнимъ рукописаніемъ, привезе въ царствующій градъ Москву лѣта 7202 (1694) изъ св. града Іерусалима любомудрый отецъ Хрисанфъ, архимандритъ живопріемнаго св. гроба господня. Прочее сію, юже преведену нынѣ сущу всякъ хотяй ратоборныя хитрости силу и поступки знати, прочетъ ю со вниманіемъ, многая и полезная по всякимъ дѣламъ воинскимъ обрящетъ. А елика реченія, аки бы не обычна нынѣшнему вѣку и нашему языку прилучатся, тако начальникамъ, яко и чиномъ наложенная, доброму разсужденію подложи, читателю благоразумный, пріуподобляя тогдашняя съ нынѣшнимъ, вѣдая, яко по времени, и по мѣсту и имена вещамъ налагаются, а всѣмъ всегда и вездѣ тѣмъ же и единымъ реченіямъ во всѣхъ языцѣхъ невозможно быти. Ини бо чинове и по-

---

[1]) Рукоп. И. эрмитажа № 47, полка 2, въ 4°, 310 лист., нач.: «Не царское дарѵношеніе (устроеніе)»... Заглавіе и начало текста написаны на листѣ, съ грав. на мѣди изображ. св. Николая, внизу подпись гравера: «Василій».

ступки въ ратныхъ дѣлахъ быша у грековъ иначе, у германъ иначе, у безбожныхъ турковъ, и иначе преже и нынѣ у благочестивыхъ россовъ. Уже бо многа и новоухищренная орудія ратная обрѣтаются, яко огнепное оружіе, бомбы, мождеры, пушки и прочіе вымыслы хитросостроенные, о которыхъ ниже припоминаетъ достоблаженный сей Левъ. Яко тогда сія еще не была, но нѣкая ина подобная симъ, по времени тогда бывшему, пѣхотному, конному и морскому воинству правоученія предлагаетъ. Въ нихъ же обучаяся, знай Льва отъ... по притчи, рекше отъ книги сея. И о трудившемся въ преводѣ, Всетворцу молися, припомяни, а каково негли гдѣ погрѣшеніе обрѣтъ, благоразумно въ любви приправи. Здравствуй».

Съ учрежденіемъ синода, царь дѣлалъ черезъ него распоряженія о переводѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ сочиненій. Такъ напр.: 19 ноября 1721 года, царь въ бытность свою въ засѣданіи синода велѣлъ перевести «на словенскій діалектъ трудъ Пуффендорфа De officiis hominis et civis», для чего книга и была отослана въ типографскую контору и къ январю 1724 г. тамъ переведена справщикомъ Іосифомъ Кречетовскимъ. Протекторъ типографіи, Гавріилъ Бужинскій представилъ ее въ синодъ, гдѣ она оставалась до 11 сентября того года, когда полученъ былъ собственноручный указъ Петра Великаго: «посылаю при семъ книгу Пуффендорфа, въ которой два трактата, первой — о должности человѣка и гражданина, другой — о вѣрѣ христіанской; но требую, чтобы первый токмо переведенъ былъ, понеже въ другомъ не чаю къ пользѣ нуждѣ быть, и прошу, дабы не по конецъ рукъ переведена была, но дабы внятно и хорошимъ штилемъ. Петръ».

Такъ какъ въ синодѣ уже былъ переводъ этой книги Кречетовскаго, только онъ «всесовершенно неисправленъ», то и поручено было его просмотрѣть Бужинскому «какъ скоро возможно, съ поспѣшеніемъ и для того въ сессіяхъ синодальныхъ уволить ему, совѣтнику, въ каждой седмицѣ: кромѣ прежде уволеннаго для собиранія къ печатанію поученій, еще по одному дню». Въ декабрѣ 1724 г., послѣдовало повелѣніе Петра о напечатаніи этого перевода, въ числѣ 600 экз., полъ завода, но повелѣніе исполнено уже послѣ смерти императора [1]).

По возвращеніи царя изъ персидскаго похода, на одномъ праздникѣ онъ завелъ рѣчь о языческой религіи и узнавъ, что объ этомъ предметѣ есть сочиненіе Аполлодора, поручилъ синоду перевести его на русскій языкъ, что и выполнено типографскимъ справщикомъ Ал. Барсовымъ. На Ѳеофана Прокоповича возложено было отъ Петра написать предисловіе; книга напечатана въ 1725 году.

Въ 1723 году, царь поручалъ Ѳеодосію, архіепископу новгород-

[1]) Синодальное дѣло 1721 г. № 16.

скому, распорядиться о переводѣ съ нѣмецкаго Georgica curiosa, oder das adeliche Land und Feld Leben, написанное Вольфгангомъ Гельмгардомъ Гохбергомъ (von Hohberg). Здѣсь изложено все сельское и домашнее нѣмецкое хозяйство; подлинникъ вышелъ въ Нюрнбергѣ въ 1716 г. въ трехъ томахъ. Порученіе о переводѣ было возложено на извѣстнаго между тогдашними духовными знатока нѣмецкаго языка Ѳеофила Кролика, а этотъ передалъ книгу переводчикамъ синода Розенблуту и Василью Козловскому. Въ 1724 г., Петръ потребовалъ къ себѣ ихъ работу и ему были представлены статьи изъ седьмой книги — о земледѣліи, десятой — о пчелахъ и червяхъ шелковыхъ, одиннадцатой — о водахъ, двѣнадцатой — о лѣсахъ. Петръ Великій принялся самъ за исправленіе и сокращеніе статей, и, потомъ, возвращая исправленное, далъ переводчикамъ собственною рукою написанное наставленіе: «Понеже нѣмцы обыкли многими разсказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались, чего кромѣ самого дѣла и краткаго предъ всякою вещью разговора, переводить не надлежитъ; но и вышереченный разговоръ, чтобъ не праздной ради красоты и для вразумленія и наставленія о томъ чтущему было, чего ради о хлѣбопашествѣ трактатъ выправилъ (вычерня негодное) и для примѣра посылаю, дабы по сему книги переложены были безъ излишнихъ разсказовъ, которые время только тратятъ и чтущимъ охоту отъемлютъ».

Въ 1730 г., переводъ былъ совершенно оконченъ и хранился частію въ синодѣ, частію въ библіотекѣ Ѳеофила Кролика. Въ 1745 г., о немъ вспомнилъ баронъ Черкасовъ, потребовалъ его къ себѣ и, просмотрѣвъ нѣсколько главъ, возвратилъ обратно переводчику Василью Козловскому. [1]).

—

Сохранились извѣстія, что Петръ Великій поручалъ переводить нѣкоторыя сочиненія и духовнымъ изъ кіевской академіи. Въ 1709 г., онъ писалъ къ кіевскому губернатору, кн. Димитрію Голицыну, чтобы онъ велѣлъ перевести въ семинаріи братской двѣ книги; въ замѣткахъ, оставшихся въ кабинетѣ государя, упоминается о посылкѣ къ тому же Голицыну, для перевода, пяти книгъ [2]).

Въ Публичной библіотекѣ есть рукописный переводъ, сдѣланный, по приказанію Петра, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, когда онъ былъ еще префектомъ кіевскихъ училищъ. Этотъ трудъ, неупомянутый до сихъ поръ ни въ одномъ изъ жизнеописаній Прокоповича, озаглавленъ такъ: «Изображеніе христіано-политическаго властелина, сим-

[1]) Синодальное дѣло 1745 г. № 20.

[2]) Дѣя. П. В. Голикова, XI, 198 и 453.

волами объясненное отъ Дидака Саведры Факсадра, нынѣ же съ латинскаго на діалектъ русскій преведенное [1])». Сочиненіе это явилось сперва въ печати на испанскомъ яз., а на латинскомъ напечатано въ Амстердамѣ 1659 г., подъ титуломъ: Symbola christiana politica; авторъ ихъ—довольно извѣстный писатель XVII вѣка Don Diego Saavedra Faxardo. Это сочиненіе поименовано въ инструкціи, составленной Гюйсеномъ для образованія царевича Алексѣя Петровича, см. выше стр. 90.

Въ предисловіи, обращенномъ къ царю, такъ объяснены переводчикомъ причины медленности въ исполненіи труда: «Дидака Сааведра, искуснѣйшаго правилъ политическихъ списателя и не всуе тебѣ похваленнаго, пресвѣтлый всероссійскій монархо, се уже по желанію и повелѣнію твоему, божіею помощію, съ латинскаго на діялектъ славенскій преведохомъ... Не не вѣмъ же, пресвѣтлый монархо, яко въ семъ же моемъ дѣлѣ со послушаніемъ и нѣкое преступленіе сопряжеся; понеже не со таковою скоростію, со якою волю царскую творити достоитъ, дѣло сіе совершися. Обаче благонадеженъ есмъ, яко по природной твоей благости и разсужденію, сего моего умедленія не судиши быти гнѣву достойна, егда вину его терпеливнѣ увѣдати благоволиши. Не бо лѣности ради, или за нѣкое небреженіе продолжися сіе (да не будетъ), но первіе, яко единъ азъ на себе, не являющу ни откуду доброхотному помощнику, время сіе, аще и не тяжкое мнѣ ради возлагающаго, обаче самимъ собою нелегкое, воспріяхъ. Второе, яко притомъ и инному повинень сый послушанію, и всегдашнимъ училищнымъ и многократнымъ церковнымъ препинаемъ сый ученіемъ, и инными различными, ово по званію моемъ мнѣ належащими, ово же случаемъ наносимыми нуждами терзаемый, невозмогохъ желаемаго въ дѣлѣ поспѣха получити. Аще же и нѣкую трудовъ часть возложилъ бѣхъ на нѣкіе отъ ученикъ монхъ, купнѣ искусство ихъ испытуя и въ подобныя дѣла благовременнѣ управляя, и своей отрады и пособія ища, обаче во множайшіе еще тако неопаснѣ упрягохъ себе труды и неудобія, егда нужда бяше неуразумѣнная отъ нихъ первѣе онымъ же толковати, потомъ же, яко излагахъ, прочитовати, съ латинскимъ діялектомъ сводити, многія исправляти и поползновенія; многія части всецѣло истребивши, своимъ тщаніемъ вновь паки преводити — и тако трудъ и время усугубися»... За тѣмъ слѣдуетъ объясненіе, что и самый подлинникъ во многихъ мѣстахъ теменъ и непонятенъ, почему «нужда бяше на долзѣ

[1]) Ркп. П. б. изъ собранія Фролова (f°, II, 67.) съ собственноручною подписью и отмѣткою Θеофана: «Втаковой силе реогшалная поднесена, а сия жъ вместо копіи домовне осталась и за невключеніемъ о каждоемъ символе краткихъ предречіевъ для лутчего и к прочитанію и в есенцехъ же признаванія скорѣйшаго понятія, вчемъ и каковая жъ коего символа сила обстоитъ».

разсуждати, како бы не всуе во изложеніи его трудитися: аще бо бы тако кто его привести потщался, дабы не мало слѣдовъ нарѣчія его не остатися, была бы вещь отнюдъ невразумѣнная, стропотная и жестокая. Аще бы всяко разнствующимъ и далече отходящимъ отъ слова его образомъ толковати восхотѣлъ кто, не было бы то преводити, но свое новое нѣчто писати. Между симъ убо и овымъ средствіе нѣкое держати тщахомся; но ниже, тако мню, удовлетворимъ желанію пресвѣтлѣйшаго величества вашего, отнюдъ бо невозможно есть (елико по худоумію моему мнится ми) всю темность и стропотность прогнати во преведеніи на славенскій языкъ книжицы сея. И се же здѣ извѣщаемъ, яко на нѣкіихъ мѣстахъ и сократихомъ ю нѣкіе образы исторій, ово несвѣдомыхъ, ово не зѣло славныхъ, недавныхъ западныхъ молчаніемъ прешедши, въ чемъ и пресвѣтлѣйшаго величества вашего изволенія быти пріяхъ прежде отъ повѣсти преосвященнаго епископа переяславскаго»...

—

Изъ словаря м. Евгенія видно, что иностранныя книги для перевода посылались также въ Новгородъ, когда тамъ жили братья Лихуды. Въ письмѣ къ Ѳедору Апраксину, 10 октября 1707 г., царь писалъ: «господинъ адмиралъ! При семъ посланы къ вамъ двѣ книги на латинскомъ языкѣ, которыя изволь послать въ Новгородъ къ старцамъ Лихудьевымъ, чтобъ они перевели на славенскій языкъ [1])»

Какія именно были это книги, неизвѣстно. Знаемъ только, что братья Лихуды занимались, по приказанію царя, переводами не только религіозныхъ, но и свѣтскихъ книгъ. Такъ въ кабинетныхъ бумагахъ 1700 и 1701 годовъ (II, № 1, л: 290–300) есть переводъ этихъ грековъ съ итальянскаго языка Сигизмонда Альбегерта объ артиллеріи и способахъ побѣдить турокъ на морѣ. Въ Новгородѣ же, Лихуды, а равно и другіе переводчики, находившіеся подъ надзоромъ митрополита Іова, писали духовныя сочиненія (перечисленіе ихъ можно найти въ статьѣ г. Чистовича въ журн. «Странникъ», 1861 г. кн. 2, «Новгородскій митрополитъ Іовъ»), трудились надъ переводами религіозныхъ книгъ, наконецъ писали витіеватыя привѣтствія царю или царевичу отъ имени м. Іова.

Послѣдній, 20 ноября 1706 года, писалъ къ Петру Великому: «понеже глаголютъ философи, яко ad exemplum regis totus componitur orbis, сирѣчь прикладомъ царя весь міръ составляется, и азъ, смиренный и грѣшный архіерей, въ твоихъ богоугодныхъ дѣлѣхъ, до Бога благочестіе изъявляющихъ, подражая тебѣ, желая благоугодити Богу

[1]) Дѣян. П. В. Голикова, XIV, 516.

творцу и создателю моему и тебѣ, ко мнѣ благоутробнѣйшему моему монарху,—создахъ здѣ въ Новѣградѣ о вашемъ здравіи и спасеніи и благомъ состояніи, единъ седмосвѣтилничный свѣтильникъ, непрестанно горящій предъ божественнымъ престоломъ блаженныя и трипостасныя Троицы: се есть 4 больницы и едино страннопріятилище убогихъ и требующихъ, толико здѣшнихъ, елико и приходящихъ рабовъ, съ службы собирающихся отсюда и оттуду, полумертвыхъ, лежащихъ на распутіяхъ града и за градомъ въ дальности. Между сими и двѣ школы на славенскомъ и еллинскомъ діалектахъ, въ нихъ же учениковъ до нынѣ яко сто и мало еще. Въ будущее же и латински преподадутся науки хотящимъ. Питаются же всѣ милостію божіею и твоею царскою, ею же ты, великій государь, помиловалъ мя есн.

«Къ симъ, великій монарше, еще едино намъ недостаетъ, по словеси господню къ богатому оному, вопросившему его: Господи, что сотворю, да жизнь вѣчную наслѣдствую? Что же сіе? Древній завѣтъ на славенскомъ діалектѣ зѣло погрѣшно претолковася, и вся Россія желаетъ сей видѣти по всему самореченный подобный греческому древнему завѣту. Повели, великій государю, сущимъ нынѣ при мнѣ учителемъ Іоаникію и Софронію Лихудьевымъ, сему быти желающимъ, и имъ по нашему желанію сіе богоугодное дѣло исполнити. По семъ же и нѣкія богословскія книги, присланныя святому твоему царствію отъ блаженнѣйшаго патріарха Досифеа іерусалимскаго претолковати, яже ни въ коей же странѣ міра обрѣтаются, и даны патріаршу ризничу, да очищаетъ я часто отъ согнитія. Тѣмъ же убо молю милость царскаго твоего величества, да повелиши прислати мнѣ печать (то есть типографскія принадлежности) Семеона Полоцкаго, лежащую въ верхней типографіи»... [1])

Въ декабрѣ 1707 г., м. Іовъ послалъ въ Москву одного изъ братьевъ Лихудовъ—Софронія и просилъ царя дозволить ему взять на нѣкоторое время лексиконъ Епифанія Славинецкаго, также нѣкоторыя книги и, наконецъ, станы и типографскія принадлежности бывшей верхней типографіи, но его посланный былъ удержанъ въ Москвѣ и, несмотря на всѣ просьбы Іова, къ нему возвращенъ не былъ и оставленъ тамъ для преподаванія въ школѣ.

14 апрѣля 1715 года, новгородскій святитель писалъ къ царю, что Досифей, іерусалимскій патріархъ, прислалъ въ 1683 г. въ Москву книгу архіепископа Өессалонитскаго Симеона, вмѣстѣ съ послѣдованіемъ церковнымъ Марка, ефесскаго митрополита, для перевода ихъ съ греческаго на славенскій языкъ: «и отъ убо претрудившагося и преселившаго въ вѣчный покой преведшеся святая сія книга съ греческаго діалекта, положися впростѣ безъ исправленія, ниже соборнѣ прочтеся и освидѣтельствовася» за разными препятствіями, особен-

[1]) Каб. дѣла, II, № 5 л: 575—576.

но же за смертью патріарха Іоакима и немощами его преемника Адріана. «Но божію благоволившу промыслу, въ сихъ лѣтѣхъ желательнѣйшимъ мн списканіемъ стяжася сія новопреведенная книга въ Новѣградѣ, въ домѣ самопремудрости Бога къ преписанію, въ ней же и нѣкая въ реченіяхъ погрѣшенія бывшая отъ преждеписателей нынѣ чрезъ искусныхъ и вѣдущихъ обоихъ языковъ реченія обрѣтающихся въ Новѣгородѣ учителей и преводниковъ, по возможности, исправишася»... почему Іовъ и просилъ Петра Великаго приказать вновь пересмотрѣть переводъ и издать его въ Петербургѣ.

При этомъ письмѣ приложена слѣдующая любопытная цыдулка: «господинъ іеромонахъ Лихудьевъ, который у насъ въ Новѣградѣ въ домѣ обрѣтается всякаго чина дѣтемъ учителемъ, нынѣ при совершенной старости уже за 80 лѣтъ, началъ быти малодушенъ: книги, которыя у него богословскія и философскія и исторіи древніи на разныхъ языкахъ, изъ которыхъ иныя отсылаетъ къ Москвѣ, а овыя отдаетъ пріѣзжающимъ грекомъ, иныя жъ здѣ продаетъ за малую цѣну: которыя книги зѣло-зѣло надобныя здѣ православно россійстѣй церкви и для совершеннаго извѣщенія древле бывшихъ временъ, дѣйствъ и обхожденій всякихъ царскому самодержавному величеству, а возбранить азъ ему о семъ зазпраюсь, опасаяся на себя слова. Благоволи пожаловать (обращеніе къ кабинетъ секретарю Макарову) доложить до царскаго величества, дабы повелѣлъ мнѣ послать кого удобно и переписать оныя книги именно, и до конца жизни его приказать мнѣ беречь накрѣпко, чтобъ совершенно и вси достальныя у него книги не истратились и не изгибли туне весьма. Добрѣ бы было, аще бы царское величество указомъ не повелѣлъ пущати мнѣ къ нему всякаго чина грековъ и другихъ иноземцовъ, кромѣ самыхъ высочайшихъ, знатныхъ и честнѣйшихъ особъ, или пожаловалъ бы пресвѣтлое царское величество повелѣлъ мнѣ съ Москвы взять другаго брата его, іеромонаха Софронія, съ книгами къ нему Іоанникію, въ помощь ученія въ домъ нашъ по прежнему [1]) »...

Іеромонахъ Симонъ Кохановскій, о которомъ не осталось никакихъ біографическихъ извѣстій, перевелъ съ латинскаго одно произведеніе Юста Липсія. Сохранилось также въ рукописи слово Кохановскаго, произнесенное имъ въ Ревелѣ въ 1720 г. и о которомъ будетъ сказано ниже въ главѣ XV.

Юстъ Липсій (1547—1606) былъ извѣстенъ тѣмъ, что зналъ всего Тацита наизусть такъ, что предлагалъ желающимъ слушать его чтеніе безъ книги и наказывать его ударомъ шпаги за каждую, сдѣланную при томъ ошибку. Онъ написалъ множество сочиненій по разнымъ наукамъ, и изъ нихъ одно перевелъ на русскій Кохановскій подъ заглавіемъ: «Увѣщанія и приклады политическіе, отъ различ-

[1]) Каб. дѣла II, № 24, л. 182, 183 и 185.

ныхъ историковъ Юстомъ Липстіемъ на латинскомъ языкѣ собранные, а нынѣ тщаніемъ и трудами іеромонаха Кохановскаго русскимъ языкомъ написанные лѣта 1721 [1])». Въ началѣ есть:

«Предисловіе къ читателю. Увѣщанія и приклады политическіе о различныхъ вещехъ, отъ различныхъ историковъ греческихъ и латинскихъ Юстомъ Липсіемъ во едино на латинскомъ языку собранные, потщался русскимъ языкомъ написати, ради общія пользы неумѣющихъ языка латинскаго. Всякому убо, хотящему чести сіи мои малые труды, сіе прежде чтенія подобаетъ вѣдати, что я, пишучи оные увѣщанія и приклады, не вездѣ смотрѣлъ на латинскія слова Юста Липсія, но точію смотрѣлъ на силу исторіи, чтобъ исторія русскимъ языкомъ была истинна, ясна и всякому вразумительна. А то для того, что помянутый авторъ нѣкая увѣщанія и приклады латинскимъ языкомъ написалъ кратко, да темно и вельми скрытно, а мнѣ, ради объясненія разума исторіи, нужда была тую самую вещь пространнѣйшими словами писать и нѣкія нужнѣйшія окрестности изображати. Вопреки, нѣкія онъ исторіи написалъ по широко, да темно же, а мнѣ возмнилося оныя сократити и объяснить. И паки нѣкія, мнящіяся быти не вельми потребныя, судилося мнѣ за благо, отъ числа прикладовъ отлучити, а на мѣсто ихъ другія нужнѣйшія въ приличной матеріи отъ Тита Ливія прилучити [2]). Убо вѣдати подобаетъ доброхотному читателю, что я въ переводѣ семъ не порабощенъ былъ помянутаго автора штилю, но едино служилъ истинѣ, чтобъ ниже мала была измѣненна сила и истина исторіи, того ради сіе предвозвѣщаю въ преддверіи послѣдующихъ повѣстей, дабы кому не дивно было, что не слово въ слово переведены; но смотрѣлъ бы, что самая истинная сила исторіи неизмѣнна есть».

Въ 1740 г., при производствѣ слѣдствія надъ кабинетъ-министромъ Волынскимъ, одинъ изъ его людей, Василій Кубанецъ на допросѣ [3]) «признался, что имѣетъ нѣчто объявить, но не можетъ иначе, какъ лично самой императрицѣ. Въ тотъ же день данъ ему именный указъ, чтобы онъ сіе обстоятельство написалъ и запечаталъ для доставленія ея величеству (императрицѣ Аннѣ). Важнѣйшее содержаніе сего пакета состояло въ показаніи, что Волынскій имѣетъ у себя

[1]) Ркп. П. б. II, F, № 48 на 172 л.; нач. въ похвалѣ исторіи «Сугубая вина... — текста: «Яко же зиждущій»... Въ 1-й кн.—8 главъ, во 2-й—20.

[2]) Произведеніе Тита Ливія было у насъ также переведено при Петрѣ Великомъ; 19 мая 1722 г., Гавріилъ Бужинскій писалъ къ кабинетскому секретарю Макарову: «а что благоволилъ благородіе ваше писать о Тита Ливіи книгѣ, дабы оную напечатать, и за оною послали въ Питербурхъ курьера, которую, получивъ, охотно примемся за дѣло»... Но, 23 августа 1722 г., синодъ представлялъ царю: «вашему величеству всепокорно объявляемъ: которыя по именному вашего величества указу книги Тита Ливія повелѣно, выправивъ, напечатать, то тѣ по нашему усмотрѣнію явились къ печатанію весьма неудобны, понеже переводъ ихъ зѣло неисправенъ и требуетъ ко исправленію и труда многаго и времени довольнаго»... (Каб. дѣла, II, № 61 и 62, л: 102, 107.

[3]) Выписки эти сдѣланы изъ Чтеній московск. общества исторіи, кн. 2, 1858 г, смѣсь, стр. 147 и слѣд.

рукописную книгу Юста Липсія, которую хотѣлъ сжечь, но не успѣлъ, и что онъ описанія въ ней Клеопатры и Мессалины примѣнялъ ко всему женскому полу и смѣясь сказалъ: «Эта книга не нынѣшняго времени читать»... Волынскій на это обвиненіе отвѣчалъ: «что не онъ одинъ имѣлъ у себя эту книгу, но и другіе: кн. Алексѣй Черкасскій на латинскомъ языкѣ, а покойный гр. Апраксинъ въ русскомъ переводѣ, съ чего и давалъ списать копіи покойному же кн. Ивану Барятинскому и ему, Волынскому; что Кубанецъ могъ дѣйствительно отъ него слышать, что эта книга не нынѣшняго времени, ибо въ ней весь женскій полъ представленъ непостояннымъ, и хотя веселое лицо кажетъ, но и гнѣвъ въ сердцѣ таитъ, для того-то онъ и хотѣлъ ее сжечь, опасаясь, чтобы ея величество не изволила причесть къ себѣ, потому что также изволитъ показывать персону милостивую, а потомъ за то же гнѣваться»... Далѣе оказалось, что Волынскій читалъ изъ Липсія одно мѣсто объ Іоаннѣ, королевѣ неаполитанской, примѣняя его къ современнымъ событіямъ въ Россіи. Въ обвинительномъ актѣ о Волынскомъ въ третьемъ пунктѣ помѣщено «питалъ на ея величество злобу и уподоблялъ ее описанной въ Юстѣ Липсіи королевѣ».

Переводы по приказаніямъ Петра у насъ извѣстны отъ дѣтскихъ почти его лѣтъ, такъ напр. въ И. эрмитажѣ [1]) есть прекрасная рукопись, съ отчетливо нарисованными тушью чертежами, подъ заглавіемъ: «Художества огненная и разныя воинскія орудія ко всякимъ городовымъ приступамъ и ко оборонѣ пригличныя, издателемъ Іосифомъ Бойлотомъ Лангрини изобрѣтенныя. Съ французскаго переведены на нѣмецкій языкъ Яганомъ Брапціемъ. Печатано въ Стразбурхѣ 1603 г., по числу россійскаго счету 7111 году. А по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всеа великія, и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, преведено съ французскаго и нѣмецкаго языка на русскій языкъ 7193 (1685) году[1])».

Изъ посланныхъ въ первый разъ за границу русскихъ стольниковъ (1697 г.), двое, учившихся въ Венеціи, именно кн. Долгорукій (ихъ было двое: Владиміръ и Григорій, кто изъ нихъ переводилъ— неизвѣстно) и Петръ Толстой занимались переводами. Такъ въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ есть рукопись съ чертежами (по кат. № 258), подъ заглавіемъ «Архитектура цывильная выбрана изъ палладіума славнаго архитектора и изъ иныхъ многихъ архитекторовъ славныхъ, отъ математика и архитекта Кашпара Вркля, писана въ Венеціи лѣта 1699, мѣсяца сентября, ученіемъ и тщаніемъ будучи тамо господина князя Долгорукова, а по русскому календару 7206».

[1]) № 83, полка 3, въ f°, нач: «Ежели чинъ человѣческаго ока»... Тамъ же есть позднѣйшій переводъ: «Извѣстное описаніе, выбранное изъ лучшихъ ауторовъ или творцовъ, какъ къ потѣшнымъ, такожъ и воинскимъ фейерверкамъ различные составы сочинять, преведеся сего 1709 г.» Въ 4°, нач.: «И во первыхъ составъ ошаленыхъ».. (№ 69, полка 2).

Извѣстный въ исторіи Петра, Петръ Андреевичъ Толстой трудился также надъ переводами, и это видно изъ двухъ синодальныхъ дѣлъ [1]): въ 1727 г., директоръ петербургской типографіи Абрамовъ приходилъ въ синодъ съ объявленіемъ, что «дѣйствительный тайный совѣтникъ, гр. П. А. Толстой приказалъ ему требовать, дабы взятыя въ святѣйшій синодъ для исправленія три книги дестевыя, называемыя Метаморѳосеосъ, т. е. премѣненіе, Овидіемъ описанныя и рукою его графскою писанныя, прислать къ его сіятельству»... Въ П. б. есть рукописный переводъ Превращеній Овидія, въ четырехъ книгахъ [2]), но безъ указанія имени переводчика; по почерку и слогу рукопись эту можно отнести къ началу XVIII столѣтія. Чтобы имѣть понятіе объ этомъ переводѣ, помѣщаемъ здѣсь выписку изъ первой повѣсти III книги.

«Богъ Юпитеръ, уже самъ съ себя скинувъ образъ быка льстиваго, явилъ свой сущій образъ и обиталъ на дисстейскихъ поляхъ [3]). Егда же Агеноръ царь, не вѣдая, что дщерь его похитилъ Зевесъ, велѣлъ Кадму, сыну своему, оную искать и зѣло грозно ему наказалъ, глаголя: ежели не найдетъ, то изгнанъ будетъ. Но одно дѣло Агенора добрымъ и злымъ [4]) сотворило: понеже сынъ его, весь свѣтъ обходя (кто бо можетъ хищеніе Зевесово знати?), не нашелъ; того для ко отечеству, убоявся наказу отцовскаго, не возвратился и отъ отцова гнѣва убѣжалъ. Потомъ умыслилъ къ Ѳебусову капищу пойти [5]) прося совѣту, въ которой земли повелитъ житіе ему устрои ти. Совѣтывалъ ему Ѳебусъ: корова тебѣ, въ ярмѣ не ходящая и криваго плуга никогда же знающая, на поляхъ встрѣтится — вслѣдъ той иди, а гдѣ станетъ, тамъ стѣны и градъ себѣ построй и Беотіею назови. А какъ Кадмъ вышелъ изъ пустыни касталійской [6]), узрѣлъ абіе корову, тихо идущую, никакихъ на шеѣ знаковъ ярма не имущую, пойде скоро за нею въ слѣдъ, хваля тайно Аполлина, ѳивейскаго вождa. А какъ уже и броды прошелъ кеѳисійскіе [7]) и широкія поля панопійскія [8]), корова стала, лобъ же свой подняла вверхъ къ небеси на воздухъ,

---

[1]) 1727 г. № 5, 1728 г. № 1.

[2]) XVIII, Q. № 4, съ двумя рисунками тушью, объясняющими сказаніе Овидія о созданіи. Передъ каждою главою содержаніе ея, названное перечнемъ. Нач. перечней: въ 1-й кн. «Стихотворецъ послѣдуя», 2-й «Ѳаэтонъ Эпафомъ обезчещенъ», 3-й «Кадмъ Агенора», 4-й «Примѣромъ казни». Нач. текста 1-й кн. «Прежде даже», 2-й «Палата Солнцева», 3-й «Богъ Юпитеръ», 4-й «Алкиное дщере»... Превращенія Овидія, переводъ съ польскаго, въ 12 книгахъ есть въ Моск. синод. библіотекѣ подъ № 809.

[3]) Дисстейскія поля суть критскія: Дисте есть градъ на островѣ критскомъ.

[4]) Добрый — что велѣлъ потерянной дщери искать, злой — что изгнаніемъ претилъ, если сестры не найдетъ.

[5]) Ко образу Аполлина, которому тогда и домъ въ пустыни касталійской поставленъ, — отвѣты творилъ вопрошающимъ.

[6]) Касталія есть источникъ, исходящій изъ горы Парнаса; тамъже и вертепъ такъ называемый.

[7]) Кеѳисъ — рѣка въ Беотіи.

[8]) Панопе — градъ въ Ѳоссидіи.

зарычала и на товарищей, вслѣдъ себя грядущихъ, оглянулась и легла между мягкою травою. Кадмусъ, сынъ Агеноровъ, то видя, богомъ благодареніе воздаетъ, и незнаемую землю усты своими цѣлуетъ и незнаемымъ полямъ и горамъ поздравляетъ. Восхотѣвъ же Зевесу жертву сотворить, послалъ рабовъ своихъ до источниковъ особыхъ, чтобъ оттуду живыхъ водъ на жертву взяли. Тамо при тѣхъ источникахъ стоялъ лѣсъ, котораго никто не дерзалъ рубити, а тамо въ лѣсу была яма, хврастомъ въ срединѣ оплетена, и глубоко отъ кампей текли живыя и здравыя воды. Тамо живяше лютый змій марсовъ [1]) никому незнаемъ: упещренъ былъ весь златыми пестринами и очи его горѣли огнемъ великимъ, а тѣло наполнено ядомъ вредительнымъ, и изъ челюстей показывались три языка, а въ челюстяхъ тремя рядами стояли смрадные зубы»....

Толстой переводилъ также съ итальянскаго книгу, озаглавленную въ русскомъ переводѣ: «Исторія о настоящемъ управленіи турецкой имперіи». Въ 1724 г., она въ рукописи передана была въ синодъ для напечатанія, по исправленіи правописанія. Въ 1725 г., послѣ уже смерти Петра Великаго, приступлено было къ печатанію этого перевода въ числѣ 1200 экз. Въ 1727 г., гражданскія литеры изъ петербургской типографіи переданы въ академію наукъ, и книга осталась недопечатанною. Въ 1736 г., синодъ распорядился отослать неконченные листы въ академію наукъ.

Сохранился еще трудъ Толстова, также въ рукописи: «Списокъ со отписки и со описанія, каковы посланы къ великому государю изъ Константинополя отъ посла, ближняго стольника и намѣстника алаторскаго, Петра Андреевича Толстова 1707 году, февраля въ 24 день» [2]).

Здѣсь находится подробное географическое и статистическое описаніе всѣхъ городовъ и поселеній турецкихъ владѣній по берегамъ Чернаго моря. Въ началѣ посвятительное посланіе къ Петру Великому: «Пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь, государь всемилостивѣйшій! Молю творца всяческихъ Бога, да сохранитъ здравіе твое государское долголѣтно во всякомъ благополучіи и да умножитъ процвѣтати, преславно сіяя къ славѣ твоей государской по всѣмъ частямъ свѣта; и дѣла твои государскія всякимъ благолѣпіемъ сугубо и многокрасно да вѣнчаетъ по своему божественному хотѣнію!—Извѣствую тебя, великій государь, нижайшій рабъ твой, еже будучи я при дворѣ салтановѣ величества турскаго, между иными твоими, великаго государя, дѣлами, получилъ вѣдомость о посе-

---

[1]) Змій, котораго Марсъ имѣлъ вмѣсто своего, который двѣ небесныя колесницы дѣлитъ. Приравниваетъ стихотворецъ величину того змія земнаго къ змію небесному, который есть изъ звѣздъ изображенъ между вазами небесными.

[2]) Ркп. П. б. IV, F, № 133, на 138 л. текстъ: «Въ началѣ подобаетъ». Описаніе ея въ Москов. вѣдомостяхъ 1859 г. № 214.

леніяхъ по берегамъ вокругъ Чернаго моря и о портахъ, которые на томъ же Эвксинскомъ Понтѣ обрѣтаются, и то все съ размѣреніемъ миль итальянскихъ (которыхъ мнѣ мѣра свѣдома) описалъ, колико возможность допустила, подъ сею моею отпискою ко твоему пресвѣтлѣйшему монаршескому величеству послати дерзнулъ, чтобъ тебѣ, великому государю, и твоему царскому величеству было извѣстно: еже мѣста и порты по берегамъ Эвксинскаго Понта, такъ во Азіи, какъ и во Европѣ описанныя на картахъ географическихъ, имѣютъ во именованіяхъ своихъ нынѣ въ настоящемъ времени съ турецкими именованіями различіе, отчего употребляющимъ тѣхъ картъ, знающимъ же достовѣрно нынѣшнія турецкими именованіями имена прибрежныхъ мѣстъ и портовъ, припадаетъ нѣкакое сумнительство. Отчего и я, убогій рабъ твой, къ подъятому малому труду подвижимъ и припадая предъ твоимъ государскимъ, превысочайшимъ престоломъ, касаюсь мысленно предражайшихъ твоихъ монаршескихъ ногъ стопамъ, изливая убогое и недостойное мое моленіе, да благопріятна будетъ малая зѣло сія моя работишка превеликому твоему государскому, человѣколюбному благосердію. Нижайшій и убогій рабъ Петръ Толстой».

Въ рукописяхъ казанскаго университета есть описаніе путешествія Толстова по Европѣ, когда онъ былъ посланъ за границу въ первый разъ, въ 1697 г., о чемъ говорено было уже выше. Жизнь Толстова, какъ и многихъ современниковъ Петра, полна драматическихъ событій: замѣшанный въ стрѣлецкихъ бунтахъ, онъ однако избѣгъ участи своихъ товарищей, благодаря родству съ Маріею Матвѣевною изъ рода Апраксиныхъ, второю супругою царя Ѳедора Алексѣевича, сдѣлался потомъ приближеннымъ къ царю, былъ главнымъ производителемъ розысковъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, получилъ графство и важные чины; при Екатеринѣ попалъ подъ судъ и умеръ въ заточеніи. Бергкольцъ въ своемъ дневникѣ замѣтилъ про Толстова, что онъ былъ человѣкъ привѣтливый и пріятный, хорошо говорилъ по итальянски, а родомъ грекъ, давно обжившійся въ Россіи. Н. И. Панинъ, воспитатель великаго князя Павла Петровича разсказывалъ: «случалось, когда государь Петръ Великій въ компаніи подвеселится, то снявши съ Толстова парикъ и колотя его по плѣши, говаривалъ: «голова, голова, кабы не такъ умна ты была, давно бъ я отрубить тебя велѣлъ» [1])!

—

Въ 1708 г., октября 24, царевичъ Алексѣй писалъ къ Петру: «книги Борису Волкову, Ивану Зотову, Шиллингу переводить отдалъ,

[1]) Записки Порошина, стр. 20. О Толстомъ есть подробности въ Русскомъ Вѣстникѣ 1860 г., іюнь, книжка I; стр. 319—346.

также и чертежъ Пикарту отдалъ же и приказалъ, чтобъ они сіе немедленно дѣлали» [1]). Это было писано въ тотъ самый годъ, когда у насъ стали печатать гражданскимъ шрифтомъ и явилось нѣсколько печатныхъ сочиненій по разнымъ отраслямъ наукъ.

Шиллингъ Венедиктъ былъ изъ шведскихъ плѣнныхъ и служилъ переводчикомъ въ посольскомъ приказѣ. Съ его именемъ сохранилась въ П. библіотекѣ [2]) рукопись: «Переводъ съ голландскаго языка о разореніи астраханскомъ чрезъ Стеньку Разина. 1701 переводилъ иноземецъ Венедиктъ Шиллингъ». Чтобы имѣть понятіе, въ какой степени владѣлъ этотъ переводчикъ письменнымъ русскимъ языкомъ, представляемъ здѣсь краткую выписку изъ его перевода: «Стенька Разинъ, воспріемши государеву милость, на Донъ поѣхалъ и съ нимъ пошли много русскихъ людей: иныхъ де онъ великимъ обѣщаніемъ, иныхъ деньгами и дарованіемъ къ себѣ приласковалъ. Въ Астрахани, чрезъ улицу ходя, людемъ золотыхъ бросалъ, тѣмъ же онъ многихъ государевыхъ служивыхъ людей къ себѣ привлекъ. Воевода, боляринъ кн. Иванъ Семеновичь Прозоровской, о томъ вѣдя, капитана Ведераса къ Степькѣ послалъ и ему сказать велѣлъ, чтобъ онъ государевыхъ людей тотчасъ отдалъ, и то отрицаючи, снова быть въ государевой опалѣ и гнѣвѣ. Капитанъ, повелѣніе свое управляя, не много что его саблями на части не срубили. Стенька такій ему отвѣтъ далъ: какъ ты мнѣ смѣешь такое недостойное прошеніе предложити, чтобы азъ пріятелей моихъ, которые добровольно со мною ходятъ, измѣнилъ? И, сверхъ того, грозишь мнѣ государевою не милостію! Скажи господину своему Прозоровскому, что я скоро къ нему приду, и тогда увидимъ, кто мнѣ укажетъ. Онъ мнѣ, яко холопу своему, повелѣваетъ хочетъ и меня уничижая безъ чести воздаянія въ Астрахань принять».... Въ 1711 г., этому Шиллингу поручено было «исторію о поведеніи всея нынѣшнія войны, которая содержится междо россійскими, польскими и свейскими войски съ начала тоя войны до нынѣшняго времени сочинить», для чего, кромѣ пространныхъ вѣдомостей изъ посольскаго приказа, къ нему были посланы печатныя вѣдомости (1703—1711) и 4 журнала [3]).

Въ царствованіе Петра, у насъ было два Волковыхъ, получившихъ воспитаніе за границею. Одинъ Борисъ, о которомъ упоминается въ письмѣ царевича Алексѣя. Въ обоихъ изданіяхъ Словаря м. Евгенія онъ смѣшанъ съ Волковымъ, переводчикомъ академіи наукъ, и печатавшимъ свои труды въ 60 и 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія. О переводческой дѣятельности Бориса Волкова петровскихъ временъ видно изъ слѣдующей его просьбы, поданной 24 декабря 1720 года:

---

[1]) Письма царевича Алексѣя, изд. Мурзакевичемъ, Одесса, 1849 г. стр. 50.

[2]) Q, IV, № 71.

[3]) Исторія царств. Петра Великаго, г. Устрялова I, 315—316.

«Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій! Вашему царскому величеству служу я въ переводчикахъ съ 1704 года и, кромѣ канцелярской работы, перевелъ я съ французскаго языка на россійскій, по именному вашего величества указу, осмь книгъ: 1) о географіи; 2) о войнахъ греческихъ и римскихъ; 3) о ординахъ кавалерскихъ, 4) о корабельномъ плаваніи на рѣкахъ, 5) о морскомъ учрежденіи, 6 и 7) объ артиллеріи, 8) о садовничествѣ часть 1-я. Отъ которыхъ книгъ 2, 3 и 4-я уже и давно напечатаны, а 6 и 7-ю велѣно печатать. Еще же писалъ я съ г. барономъ Гюйсеномъ гисторію вашего величества полтора года и, кромѣ всѣхъ оныхъ трудовъ, былъ я у дѣлъ вашего величества въ Берлинѣ три года при тайномъ совѣтникѣ Александрѣ Гавриловичѣ Головкинѣ. А годоваго окладнаго жалованья вашего величества получаю я токмо по 200 по 30 рублевъ на годъ, и не токмо въ приказъ, но и за квартиру, живучи здѣсь, никогда мнѣ ничего не давано, за которую квартиру выдалъ я по сіе число въ разныя времена по счету больше 180 р.; а моей братьѣ нѣкоторымъ за квартиру плачивано и прибавки къ окладу ихъ коемуждо по заслугѣ чинятся; а иные изъ нихъ за труды свои перемѣнены чинами и иную многую вашего величества царскую милость получили.—Всемилостивѣйшій государь, прошу вашего величества къ оному годовому окладному моему жалованью, взирая на толикіе вышепомянутые мои труды, всемилостивѣйше повелѣть мнѣ учинить прибавку, ибо кромѣ онаго вашего, великаго государя, жалованья никакого прибытку мы, переводчики государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, не имѣемъ. Вашего царскаго величества нижайшій рабъ Борисъ Волковъ, государственной коллегіи иностранной переводчикъ. Въ Санктпетербургѣ» [1]).

Съ подписью этого переводчика есть рукописный переводъ изъ французскаго сочиненія L'Etat présent de la Suède всѣхъ непріязненныхъ о Россіи отзывовъ—рукопись въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ подъ № 193, писана 26 сентября 1720 г.

Другаго Волкова звали Григорьемъ: отецъ его Иванъ, дьякъ посольскаго приказа, въ 1698 г. просилъ царя, чтобы сына отправить учиться медицинѣ въ падуанскій университетъ. Петръ согласился на такое ходатайство, и Волкову на заграничное содержаніе велѣно выдавать по 1000 ефимковъ изъ смоленскаго приказа. Хотя въ грамотѣ на проѣздъ говорилось: «Notum facimus quod ex nostra tzareae majestatis voluntate dimissus est aulicus noster generosus Gregorius Ioannis filius Wolkov Venetias versus propter finiendas Liberales Artes in Academiam Patavianam», однако въ указѣ, данномъ при отъѣздѣ, сказано, что Григорій Волковъ посланъ въ Италію для докторской науки [2]).

---

[1]) Изъ бумагъ москов. архива министерства иностр. дѣлъ.

[2]) Рихтера, Ист. медиц. II, 328, 329 и прил. 154.

Веберъ, разсказывая о переводахъ, сдѣланныхъ по приказанію царя, сохранилъ любопытное извѣстіе о смерти одного изъ этихъ Волковыхъ [1]): «мимоходомъ вспомнить здѣсь, говоритъ Веберъ, объ одномъ русскомъ, по прозванью Волковѣ (имени не означено), томъ самомъ, который былъ посланникомъ въ Константинополѣ, Парижѣ и Венеціи. По возвращеніи въ Россію, царь задалъ ему огромную работу, именно переводить Le jardinage de Quintiny (въ приведенной выше просьбѣ Бориса Волкова видно, что онъ перевелъ одну часть сочиненія о садоводствѣ). Хотя Волковъ былъ человѣкъ очень способный, но все таки этотъ трудъ былъ ему не по силамъ: въ сочиненіи на каждомъ шагу попадались французскія техническія выраженія, совершенно непзвѣстныя въ русскомъ языкѣ. Отчаяніе овладѣло переводчикомъ и онъ, перерѣзавъ себѣ артерію, прекратилъ такимъ образомъ жизнь».

По этому случаю Веберъ глубокомысленно разсуждаетъ, что Волковъ отъ того посягнулъ на жизнь, что не владѣлъ въ достаточной степени стоическимъ хладнокровіемъ. Само собою разумѣется, что легко такъ разсуждать посланнику, занятому пирами и визитами, а бѣдный русскій переводчикъ рѣшился лучше умереть, нежели не выполнить приказанія [2]).

Иванъ Зотовъ, сынъ перваго учителя Петра, а потомъ и шута его, Никиты Зотова, извѣстнаго подъ именемъ его всешутѣйшества князь папы, учился во Франціи и, въ 1705 г., въ Парижѣ былъ употребляемъ при переговорахъ нашего посла гр. Матвѣева съ французскимъ министромъ маркизомъ де Торси. Въ сентябрѣ 1707 г., отецъ его писалъ къ другому брату Ивана, Конону: «братъ твой Иванъ, по изволенію великаго государя нашего, изъ Вѣны пріѣхалъ въ Варшаву сентября 4 числа и его государскую пресвѣтлѣйшую особу видѣть и милость получить сподобился благосчастно, и пребываетъ вкупѣ со мною при его государской милости». Въ 1723 г., Кононъ Зотовъ упоминаетъ уже о своемъ братѣ, какъ о покойникѣ, въ просьбѣ на имя адмирала гр. Апраксина: «Есть ли, или нѣтъ моихъ трудовъ предъ отечествомъ, о томъ надѣюсь изволите уже быть извѣстны, понеже и не въ мои прошедшіе годы ночи просиживать за книгами съ перомъ да съ бумагою есть скучно, которая еще и по нынѣ отъ меня не отъемлется (въ 1723 г.). Будучи въ оной вышеупомянутой работѣ лишился быть при смертяхъ матери моей, отца моего и брата

---

[1]) Das veränd. Russl. II, 25, 26.

[2]) У вышепомянутаго Волкова Борпса былъ братъ, который умеръ въ 1716 г. Первый, 10 октября этого года, просилъ объ отпускѣ его въ Москву по «извѣстному, случившемуся намъ злосчастію и несносной грустной печали». Брюсъ въ письмѣ къ Макарову, 30 ноября, спрашивалъ: можно ли будетъ отпустить въ Москву транслатера Волкова по случаю смерти его брата, съ тѣмъ, чтобы онъ окончилъ одну, данную ему для перевода книгу, а вторую взялъ бы съ собою въ Москву? Каб. дѣла II, № 26, л. 211, 170.

Ивана. И для того мнѣ ни недвижимаго, ни движимаго можно сказать что ничего не досталось, а послѣ брата Ивана конечно хотя бы стелька въ полушку. Который приготовилъ было мнѣ десять тысячь рублей, но прочіе такъ между собою исправно подѣлили, что трудно и конца сыскать; да мнѣ же преогорченному и не досугъ затѣмъ ходить»... Въ кабинетныхъ дѣлахъ (II, № 7, л. 935) сохранилось слѣдующее письмо къ царю Ивана Зотова, свидѣтельствующее, что онъ перевелъ на русской языкъ трудъ Блонделя, изд. при Петрѣ въ 1711 году:

«Всемилостивѣйшій государь! По указу вашему книгу о новой манерѣ укрѣпленія съ французскаго на славенскій языкъ перевелъ и, исправя по возможности моей, посылаю и покорно молю милостиво ее принять. Напослѣдокъ, предложа желаніе и респектъ, при которомъ чрезъ теченіе жизни моей пребываю вашего имперіальнаго освященнаго величества царя и государя всемилостивѣйшаго препокорный и нижайшій рабъ Иванъ Зотовъ. Изъ Москвы въ 12 день сентября 1708 года». Любопытно письмо, которое писалъ царь къ Зотову, 25 февраля 1709 г., о переводѣ его: «Г. Зотовъ! Книгу о фортификаціи Маиира Блонделева, которую вы переводили, мы оную прочли и разговоры (такъ Зотовъ перевелъ французское слово discours) зѣло хорошо и внятно переведены, но какъ учить оной фортификаціи дѣлать? также въ табелѣ не именовано, футы ли, или таузы? то зѣло темно и не понятно переведено, который листъ переправя, вклеили въ книгу, а старый вырѣзанъ. Притомъ же посылаемъ, гдѣ сами увидите погрѣшеніе и невнятность, и того ради надлежитъ вамъ въ той книжкѣ, которую нынѣ переводите, остерегаться въ томъ, дабы внятнѣе перевесть и не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ, но точію сіи выразумѣвъ, на свой языкъ ужъ такъ писать, какъ внятнѣе» [1])....

О братѣ Ивана Зотова—Кононѣ, также занимавшемся переводами по порученію Петра Великаго, было уже говорено выше на стр. 155 — 162. Въ инструкціи, которую написалъ ему самъ царь при отправленіи его въ 1715 году во Францію упоминается объ учившемся за границей Суворовѣ, Васильѣ—отцѣ извѣстнаго нашего фельдъмаршала: «Суворова и Туваркова отправить въ Морданъ, гдѣ новый каналъ дѣлаютъ, который изъ Океана въ Медитеранское море проведенъ и въ прочія мѣста, гдѣ дѣлаютъ каналы, доки, гавани, и старые починиваютъ и чистятъ; чтобъ они могли присмотрѣться къ машинамъ и прочему, и могли бъ у тѣхъ фабрикъ учиться»....

Когда возвратился Суворовъ въ Россію—неизвѣстно, но у насъ былъ напечатанъ въ 1724 г. его переводъ «Истинный способъ укрѣпленія городовъ, изд. отъ славнаго инженера Вобана». Книга эта за-

[1]) Дѣян. Петра В. Голикова, IX, 19.

мѣчательна въ томъ отношеніи, что по ней Суворовъ училъ своего сына: «покойный батюшка, говаривалъ фельдъмаршалъ, перевелъ способъ Вобана съ французскаго на россійскій языкъ, и при ежедневномъ чтеніи и сравненіи съ оригиналомъ сего перевода, изволилъ самъ меня руководствовать къ познанію сей столь нужной и полезной науки» [1]).

Въ 1712 г., царь повелѣлъ сенату сдѣлать распоряженіе о переводѣ на русскій языкъ законовъ (правъ) европейскихъ государствъ, подъ надзоромъ помянутаго выше Андрея Виніуса; въ помощь къ нему былъ опредѣленъ Веселовскій (но который, Голиковъ не разъяснилъ: въ царствованіе Петра встрѣчаются имена трехъ братьевъ Веселовскихъ [2]).

Неизвѣстно, что̀ успѣли сдѣлать по этому распоряженію, только въ архивѣ московскомъ министерства иностранныхъ дѣлъ сохраняется (подъ № 164) рукопись «Ферріера Клавда о правахъ французскихъ, соч. 1679 г., а переведено перечнемъ.... по указу его царскаго величества въ Москвѣ 1717 года».

Въ 1714 г., Петръ Великій писалъ къ московскому коменданту Измайлову: «Господинъ комендантъ! Посылается къ вамъ роспись шведамъ, которые умѣютъ по русски и которыхъ мы могли напамятовать; но понеже ихъ болѣе того числа есть, того ради вездѣ провѣдай о нихъ и, собравъ сколько возможно, пришли сюда, а дѣло ихъ то, что имъ переводить книги съ шведскаго на россійскій языкъ». Въ росписи поименованы: Яковъ Ренигольдъ, Томасъ Витъ, прикащикъ у Строгонова, Венедиктъ Шиллингъ, переводчикъ посольской канцеляріи, Яганъ Вульфъ, учитель дѣтей вицегубернатора Корсакова, Пертеусъ, нарвскій торговый [3]).

Въ 1715 г., Адаму Вейде поручалось за границей «ученыхъ и въправостяхъ искусныхъ людей, для отправленія дѣлъ въ коллегіяхъ, достать». Такоеже предложеніе было сдѣлано и находившимся у насъ плѣнымъ шведамъ. Наконецъ, въ февралѣ 1716 г. повелѣвалось «послать въ Королевецъ человѣкъ 30 или 40, выбравъ изъ молодыхъ подъячихъ, для науки нѣмецкаго языка, дабы удобнѣе въ коллегіумѣ были.... робятъ добрыхъ и умныхъ, которые бы могли науку воспріять, а чтобъ были лѣтами отъ 15 до 20 [4])»....

Въ 1718 г., состоялось повелѣніе, чтобы въ коллегіяхъ введенъ

---

[1]) Анекдоты о Суворовѣ, изд. Фуксомъ, Спб. 1827. Нѣкоторыя подробности о Васильѣ Суворовѣ есть въ неизданныхъ частяхъ Записокъ Болотова, которыя я видѣлъ у г. Краевскаго, также въ Автобіографіи Шеффера (Scheffer), лейпциг. изд. стр. 38, но здѣсь о дѣятельности Суворова въ царствованіе Елизаветы.

[2]) Дѣян. П. В. V, 76, 82.

[3]) Ibid. V, 229.

[4]) Полн. соб. зак. V, № 2928, 2997.

былъ шведскій уставъ [1]). По этому случаю юстицъ коллегія докладывала государю: «понеже значится на будущее время въ дѣлахъ необходимая трудность, что русскіе не имѣютъ еще переведеннаго на свой языкъ шведскаго уставу.... и по той нуждѣ весьма надобно есть для нужнѣйшаго опредѣленія всѣхъ юстиціи дѣлъ, чтобы переведенъ былъ.... уставъ шведскій по русски». Царь отвѣчалъ на это, что шведскій уставъ уже переведенъ по русски, а русское уложеніе есть на латинскомъ языкѣ, только надобно перевесть на нѣмецкій новоуставленныя статьи [2]).

Изъ отрывковъ писемъ Мусина Пушкина къ Поликарпову (въ трудѣ Голикова эти извлеченія сдѣланы чрезвычайно безтолково) впродолженіи 1714 г. видно, что послѣднему безпрестанно подтверждалось о скорѣйшемъ окончаніи перевода какого-то лексикона. Такъ напр. 7 декабря, М. Пушкинъ писалъ: «Лексиконъ, для Господа Бога, поспѣшай; а царское величество изволилъ меня спрашивать про тебя, когда де онъ будетъ къ нему?»... 2 января 1716 г., тотъ же далъ знать Поликарпову: «исторія твоя и лексиконъ хотя и не очень благоугодны были (Петру), но чрезъ стараніе и прошеніе мое нынѣ царское величество изволилъ приказать за оные твои труды выдать тебѣ съ печатнаго двора 200 р...» Можетъ быть этотъ лексиконъ былъ большой историческій словарь Морери, который, по свидѣтельству м. Евгенія, переведенъ былъ въ 1716 г. отъ А до Н, просматривался Гавріиломъ Бужинскимъ и хранится въ библіотекѣ синода [3]).

Въ описаніи заграничнаго путешествія (выше стр. 150—152) Бориса Петровича Шереметьева замѣченъ, какъ особенно любопытный случай, что въ бытность его въ Вѣнѣ въ 1697 г. на придворномъ вечерѣ, «цесарева (римская императрица) изволила присылать къ боярину фрейлинъ своихъ двухъ, которыя умѣютъ говорить по чехскому, чтобъ онѣ съ бояриномъ разговаривали. И онѣ, пришедъ къ боярину, уклонясь, говорили, что показался-ли-де тебѣ сей цесарскаго величества чинъ? И боярин тотъ цесарскаго величества чинъ зѣло хвалилъ».

Пельцель, а также Юнгманъ сохранили преданіе, что въ 1698 г. Петръ Великій, проѣзжая изъ Дрездена въ Вѣну чрезъ Прагу, былъ угощаемъ тамъ чешскимъ дворянствомъ, которое было чрезвычайно довольно тѣмъ, что царь говорилъ съ ними по славянски: тогдашняя чешская знать еще не забыла своего роднаго языка, хотя нѣкоторые уже и начинали предпочитать ему нѣмецкую рѣчь. Къ сожалѣнію, преданіе объ угощеніи Петра въ Прагѣ тамошнимъ дворянствомъ не подтверждается несомнѣннымъ источникомъ, именно: современнымъ

---

[1]) Ibid. V, № 3197.

[2]) Ibid. № 3202.

[3]) Дѣян. П. В. V, 592, VI, 369; Слов. дух. пис. I, 80, 81.

статейнымъ спискомъ или журналомъ путешествія русскаго посольства въ Вѣну 1698 года. Отсюда узнаемъ, что послы, съ которыми находился и царь, прибыли къ Прагѣ 6 іюня передъ вечеромъ, «ѣхали сквозь городъ — и городъ великій, столица чехская. И стали за городомъ, въ корчмѣ кушали, и отъѣхали 1 милю и, бывъ здѣсь 4 часа, поѣхали въ ночь [1])»...

Около того же времени, сербо-лужичанинъ Френцель поднесъ Петру свои изданія при письмѣ, гдѣ говорилъ между прочимъ: «великое счастье приспѣло всей сасской (т. е. саксонской) землѣ увидѣть у себя того великаго царя, что управляетъ милльонами людей, говорящихъ нашею сербскою рѣчью».

По пріѣздѣ своемъ въ Вѣну, Петръ Великій, желая, помимо всякихъ австрійскихъ церемоній, увидаться скорѣе съ цесаремъ, просилъ, чтобы къ нему назначили придворнаго кавалера, разумѣющаго по славянски, и къ нему прислали богемскаго вице-канцлера, гр. Черинни. На придворномъ маскерадѣ, данномъ въ Вѣнѣ въ честь царя, за ужиномъ за стуломъ его стояли два благородные чехи [2]).

Замѣчательно, что у Петра Великаго проявлялась нѣсколько разъ мысль воспользоваться сродствомъ русскихъ съ западными славянами для осуществленія своихъ замысловъ касательно распространенія въ Россіи просвѣщенія и искусствъ. Мы еще будемъ имѣть случай говорить о желаніи царя имѣть въ Петербургѣ труппу актеровъ, которые бы знали по чешски и давали представленія, понятныя для русскихъ зрителей, а здѣсь сообщимъ нѣсколько извѣстій о приисканіи царемъ переводчиковъ въ Прагѣ для перевода иностран-

---

[1]) Г. Устрялова, Исторія Петра В. III, 611.

[2]) Г. Устрялова, Исторія Петра В. III, 125, 141 — 142. Приведемъ здѣсь кстати фактъ, сообщеніемъ котораго обязанъ изслѣдователь В. И. Ламанскому. Чехъ Іоаннъ Купецкій славился въ началѣ XVIII столѣтія, какъ искусный живописецъ, и Петръ, увидавъ одну изъ его работъ, поручалъ своему посланнику въ Вѣнѣ пригласить къ нему Купецкаго въ Карлсбадъ. Живописецъ, наслышавшись и начитавшись разныхъ страховъ и ужасовъ о московскомъ царѣ, никакъ не соглашался на свиданіе съ Петромъ, и тогда послѣдній о присылкѣ къ нему Купецкаго просилъ самого цесаря. Фуэсслн, другъ Купецкаго, разсказывалъ потомъ (Leben Georg Ph. Rugendas und Johannes Kupecki. Zurich, 1758, s. 26): Man sagte ihm (Kupecki), wie sehr der Czaar nach ihm verlange, und er sollte nicht erschrecken, wenn dieser Prinz beim Sitzen sein Gesicht auf eine Art verzöge, die jedem, der ihm nicht kenne, Schrecken einjage. Er ward, als er den Czaar mahlte, überzeugt, das die Russen Menschen seyen, die Seelen hätten. Sie sprachen Böhmisch mit einander, und seine Furcht verwandelte sich in Verwunderung. — Kupecki sagte mir oft, er habe gegen keinen Fursten jemals eine so heftige Neigung gefühlt, wie gegen den Czaar, und wenn es ihm seine Umstände erlaubt hätten, wurde er mit Freuden in seine Dienste getreten sein. Auch der Czaar behielt Hochachtung fur ihn... Въ Публичной библіотекѣ есть портретъ Петра Великаго, гравированный въ Нюренбергѣ съ портрета, будто бы написаннаго Купецкимъ. Мюллеръ въ Essai d'une bibliorgraphie néerlando russe (p. 169) замѣчаетъ: le graveur (?) Kupezky a fait le portrait du monarque en 1716 ou 17 pour une médaille en son honneur».

ныхъ сочиненій и о нѣкоторыхъ русскихъ, учившихся тамъ въ началѣ XVIII столѣтія.

31 декабря 1715 г., царь писалъ къ Ягужинскому, чтобы онъ увѣдомилъ его, кто былъ авторомъ универсальнаго лексикона, который онъ читалъ, дабы я, прибавлялъ Петръ, могъ отписать къ Веселовскому (нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Вѣнѣ), чтобы оный въ Прагѣ перевесть, также экстрактъ (буде всего много) изъ юриспруденціи тамъ же бы перевесть [1]).

Не задолго до этого, Петръ писалъ къ Веселовскому: «Господинъ Веселовскій! По полученіи сего старайся, дабы сыскать тебѣ въ нашу службу изъ шрейберовъ, или изъ иныхъ невысокихъ чиновъ изъ приказныхъ людей, которые бывали въ службѣ цесарской изъ бемчанъ, изъ шленцовъ или изъ моравцовъ, которые знаютъ по словенски, ото всѣхъ коллегій, которыя есть у цесаря (кромѣ духовныхъ), по одному человѣку; и чтобъ они были люди добрые и могли тѣ дѣла (въ которыхъ коллегіяхъ они бывали) здѣсь основать. И какъ ихъ пріищешь и станешь съ ними о жалованьѣ договариваться, то напередъ къ намъ пиши, по чемъ они будутъ просить. Такожъ сыщите книги: Лексиконъ универсалисъ, который печатанъ въ Лейпцигѣ у Томаса Фрича [2]), другой Лексикопъ универсалисъ же, въ которомъ есть всѣ художества, которой выданъ въ Англіи на ихъ языкѣ, и оной сыщите на латинскомъ или на нѣмецкомъ языкѣ. Такожъ сыщите книгу юриспруденцію, и какъ ихъ сыщешь, тогда надобно тебѣ съѣздить въ Прагу и тамъ въ езувицкихъ школахъ учителемъ говорить, чтобъ они помянутыя книги перевели на словенскій языкъ, и о томъ съ ними договоритесь, почемъ они возмутъ за работу отъ книги и о томъ намъ пишитежъ. И понеже нѣкоторыя рѣчи ихъ несходны съ нашимъ словенскимъ языкомъ и для того можемъ къ нимъ прислать русскихъ нѣсколько человѣкъ, которые знаютъ по латини и лучше могутъ несходныя рѣчи на нашемъ языкѣ изъяснить. Въ семъ гораздо постарайся, понеже намъ сіе гораздо нужно. Петръ (послѣднее рукою царя). Изъ С. Петербурга въ 16 д. декабря 1715 г.

«Господинъ Веселовскій! Письмо твое, февраля отъ 1 дня изъ Вѣны писанное, до насъ дошло, въ которомъ пишешь, что ты нашелъ переводчика, который берется переводить три книги, а именно два лексикона и юриспруденцію за 300 ефимковъ, и чтобъ къ нему прислать въ помочь двухъ человѣкъ русскихъ, которые по латинѣ знаютъ; но какъ мочно видѣть, хотя бъ и помощники къ нему были присланы, и тѣ три книги ему одному съ ними трудно и долго-

---

[1]) Дѣяніе Петра Великаго, Голикова VI, 366.

[2]) Въ Полн. собр. законовъ (V, № 2967), неизвѣстно почему, этотъ издатель названъ Симономъ. Здѣсь приведенное письмо списано съ подлиннаго.

временно будетъ переводить, а къ тому жъ и послать, кромѣ кіевскихъ черицовъ, нѣкого, и для того по первому указу конечно къ іезуитамъ съѣзди въ Прагу не для только сего одного дѣла, что имъ помянутыя книги отдать переводить, но и о цѣнѣ договориться, дабы и впредь всякія книги, которыя понадобятся посылать переводить. А симъ дѣломъ начать и о томъ съ ними разговорись, что охотны ли они къ тому дѣлу явятся? За что мы имъ будемъ платить и, сверхъ того, для помочи имъ будемъ присылать изъ кіевскихъ черицовъ, сколько они пожелаютъ такихъ, которые по латинѣ знаютъ. А помянутому переводчику отдайте для пробы перевесть какую нибудь книгу небольшую и, какъ переведетъ, пошлите къ намъ. Петръ. Изъ Данцига февраля 29, 1716 г.

«Г. Веселовскій! По полученіи сего, пріищите исторію Юлія Цесаря, чтобъ оная была такова выхода, какъ въ приложенномъ при семъ реестрѣ (его нѣтъ нынѣ при письмѣ) написанномъ, и на латинскомъ языкѣ, а не на нѣмецкомъ, и пришлите къ намъ. Петръ. Изъ Данцига, марта 28, 1716 г.

Веселовскому же: «Monsieur! Письмо ваше до насъ дошло, въ которомъ пишешь, что іезуитъ, который взялся переводить лексиконъ умре, и послѣ его нашли другаго исторіографа чешскаго, который хочетъ подъ надзираніемъ ректора Либертина [1]) тѣ лексиконы въ годъ времени перевесть за пять сотъ червонныхъ. И хотя сей дороже перваго, но когда безъ той цѣны переводить тѣхъ лексиконовъ не станетъ, то велите ему переводить и за тое цѣну, ежели меньше не можетъ договориться. И для того нынѣ велѣли къ вамъ перевесть изъ Гамбурха половину той цѣны 250 червонныхъ. Петръ. Изъ Пирмонта въ 8 д. іюня 1716 г.

P. S. Такожъ старайтесь достать книгу лексиконъ Телниковъ (artium et scientiarum), которая выдана въ Англіи, и чтобъ оная была на латинскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, и отдайте переводить въ помянутый же (?) кляшторъ къ іезуитамъ, и о цѣнѣ съ ними за переводъ оной договорись. Ежели жъ (паче чаянія) что на латинскомъ или нѣмецкомъ языкѣ такой книги не сыщите, а можетъ быть что сыщутъ тѣ іезуиты и англійскаго языку переводчика, то купите и на англійскомъ языкѣ и пошлите туда, чтобъ переводили съ англійскаго на словенскій языкъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отправки этого письма, именно 11 апрѣля, Петръ Великій писалъ уже самъ къ Мусину Пушкину:

«Братецъ! каково письмо получилъ я отъ Веселовскаго, котораго посылалъ я въ Прагу для переводу книгъ, прилагаю копію при семъ, для чего выберите изъ черицовъ или изъ свѣтскихъ двухъ добрыхъ

---

[1]) Янъ Либертинъ былъ магистръ философіи и іезуитъ; его сочиненія на чешскомъ и латин. яз. перечислены Юнгманомъ.

латинниковъ и отправьте ихъ туды, и опредѣлите имъ жалованье и чтобъ они тамъ жили и не ѣздили назадъ безъ указу, хотя сіи книги и переведены будутъ; понеже я непрестанно буду писать о переводѣ книгъ. Также двухъ придать имъ добрыхъ писцовъ подъячихъ или трехъ. Петръ.»

Мусинъ Пушкинъ, 3 октября 1716 г., сообщалъ кабинетъ секретарю Макарову: «По указу царскаго величества, въ Прагу для перводу книгъ посылалъ я къ Москвѣ, и велѣлъ взять изъ славяно-латинскихъ школъ учениковъ, которые умѣютъ по латинѣ изрядно и переводить могутъ, а особливо Ивана Воейкова и Ивана Ильинскаго, который живетъ при князѣ волошскомъ (Дм. Кантемирѣ), по котораго посылали съ Москвы въ Комарнчи къ князю (понеже въ то время былъ онъ тамъ); однакожъ князь его не отпустилъ и сказалъ, что царское величество приказалъ ему держать при себѣ. Чего ради посылалъ къ Москвѣ еще курьера и велѣлъ прислать изъ Спасскаго монастыря монаха именемъ Ѳеофила Кролика, которыхъ я уже и отправилъ чрезъ Ригу до Праги и съ ними двухъ писцовъ; медленіе жъ сего учинилось за вышеозначенною причиною»... 18 декабря 1716 г., Петръ Великій писалъ изъ Амстердама къ Мусину Пушкину: «Вчерась пріѣхалъ сюды Авраамъ Веселовскій, которой сказываетъ, что переводчики двое, которыхъ ты отправилъ въ Прагу, еще не бывали, о чемъ насъ увѣдомьте: давно ли они посланы? И ежели только двое ихъ послано, то постарайтесь, чтобъ еще одного или двухъ сыскать и первымъ въ прибавку послать, и ежели на Москвѣ не сыщутся, то мочно сыскать такихъ въ Кіевѣ изъ черицовъ».

О пребываніи въ Прагѣ Воейкова и Кролика сохранились извѣстія въ письмѣ перваго изъ нихъ къ Абраму Петровичу Веселовскому, 24 августа 1717 года:

«По изъявленіи крайнія наши нужды, которая ясно показана чрезъ три отъ насъ вашей милости предложенныя писанія, дерзаемъ еще краткою просьбою обновить о насъ обдержащей бѣдности, дабы въ такъ дальней странѣ живучи, не оставлены были въ забвеніи и въ конечную не допущены были мизерію, понеже отъ насъ за виктъ и господу [1]) нетерпѣливно платежа ожидаютъ и непрестанно съ неприличнымъ пореченіемъ говорятъ, чтобъ должное отдали. Такожъ приспѣло время, которое требуетъ дрова, свѣчи; еще жъ по состоянію повелѣннаго намъ дѣла, кромѣ иныхъ, имѣю нужду въ лексиконахъ и грамматикахъ, наипаче французскаго, итальянскаго, гишпанскаго и англійскаго языковъ, зане же многія сихъ языковъ въ семъ дѣлѣ обрѣтаются рѣчи; и ежели ихъ писать просто, не изображая на нашъ языкъ или по латинскому и нѣмецкому слогу, то весьма будетъ затмѣніе въ дѣлѣ, понеже у нихъ существо въ сложеніи литеръ

[1]) Wikt, gospoda—слова польскія и чешскія: пища и гостинница.

великую имѣетъ разность. А мы не токмо на таковыя вещи, но ниже на чернило и перья ни единаго крейцера не имѣемъ. О диспозиціи же нашей и помощи ничтоже слышимъ.

«А даннымъ намъ деньгамъ давно уже годъ минулъ, которыя еще прежде конца рочнаго [1]) истощили, присовокупивше къ тѣмъ довольное число заемныхъ, чего ради въ томъ въ великую пришли турбацію, что всегда размышляемъ, дабы чрезъ наше въ здѣшнихъ мѣстѣхъ бѣдное состояніе не стяжалось (что̀ нежелаемъ) нашему государству какого пороку и сами, яко мухи, ни откуду помощи имуще, не угасли; понеже по всякій часъ ожидаемъ конечнаго изреченія, чтобъ заплатили за жилье и прокормъ прошедшій, а впредь ниже будутъ на стравѣ [2]) держать, ниже господу давать, то намъ послѣднее будетъ горше первыхъ. Того ради, просимъ слезно, дабы впредь таковыхъ хотящихъ быть оказій чрезъ ваше милостивое вспоможеніе не въ замедленіи избавлены были и помощь, отъ насъ требуемую, со отвѣтомъ призрительнымъ получили, чтобъ безъ всякаго порока государственнаго нашей мизеріи возмогли государево дѣло, назначенное намъ, приводить въ совершеніе»...

Въ слѣдующемъ 1718 г. марта 8, Веселовскій доносилъ царю: «Писали ко мнѣ опредѣленные въ Прагѣ переводчики Ѳеофилъ Кроликъ, да Леонтій (sic) Воейковъ, чтобъ мнѣ пріѣхать сюда дни на три для осмотру ихъ переводовъ и что хотятъ мнѣ объявить причины утратъ казны вашего величества. И я, по тому ихъ письму, прибылъ третьяго дня сюда и осматривалъ переводу съ повелѣнныхъ лексиконовъ [3]). И мнится мнѣ, что помянутые переводы малаго труда къ исправленію требуютъ, а именно Кроликовъ склоняется на кіевское знаменованіе языка, а Воейкова на славянскій. И объявили они мнѣ при томъ, что чешскій переводъ съ нѣмецкаго чинится напрасно, понеже Кроликъ примѣнился уже такъ къ нѣмецкому языку, что самъ съ онаго переводитъ безъ всякой трудности, не требуя чешскаго, понеже уже въ Россіи имѣлъ твердый фундаментъ того языка, а Воейковъ съ чешскаго переводить и всего разумѣть не можетъ, чего ради переводятъ ему съ нѣмецкаго на латинскій языкъ. И тако за чешскій

---

[1]) Roczny—годовой.

[2]) Strawa—пища, столъ.

[3]) Какіе это были Лексиконы, положительно неизвѣстно. Въ синодальномъ дѣлѣ 1723 г. № 18 читаемъ: «его царское величество, 25 октября 1723 г., будучи въ домѣ генералъ фельдъцейгмейстера и кавалера, графа г. Брюса, указалъ новопечатную на нѣмецкомъ діалектѣ книгу, именуемую Лексиконъ универсальный и историческій, каковъ у нѣкоторыхъ въ Россію прибывшихъ иноземцовъ купецкихъ людей обрѣтается, купить въ синодъ для исправленія прежняго, съ таковаго же Лексикона на славенскій діалектъ учиненнаго превода и ради совершеннаго, что не приведено до окончанія». По свидѣтельству Вебера, пражскіе іезуиты переводили для Петра Лексиконъ Будея—Budaei, grosses Lexikon; см. Das veränd Russland I, 223.

языкъ деньги платятся токмо напрасно, ибо мочно то чинить въ россійскомъ государствѣ безъ многаго ждивенія, и я принужденъ о семъ донесть вашему величеству, всенижайше требуя вашего на то указу. Токмо при семъ всенижайше просить вашего величества дерзаю, чтобъ вышепомянутымъ переводчикамъ такожде и подъячему, при нихъ обрѣтающемуся, повелѣть прислать ихъ жалованье, котораго они уже 8 мѣсяцевъ за годомъ себѣ не получали, и впали отъ того не въ малую мизерію. И хотя отъ меня имъ уже дано было съ 300 гульденовъ, однакожъ за недостаткомъ платежа, Воейковъ былъ тамъ арестованъ, котораго я нынѣ освободилъ, оплатя долги, дабы переводъ не былъ оставленъ. А о жалованьѣ имъ предложено было отъ меня дважды предъ семью мѣсяцами г. сенатору графу Мусину Пушкину, но дальняго отъ него отвѣту не получилъ. По двухъ или трехъ дняхъ паки возвращусь въ Вѣну и буду ожидать на сіе вашего величества всемилостивѣйшаго указу»... [1]).

Когда возвратились въ Россію Воейковъ и Кроликъ, неизвѣстно[2]). О первомъ знаемъ только, что онъ потомъ былъ посланъ учителемъ въ Сербію, и въ спискахъ московской духовной академіи за 1727 г. показанъ уже умершимъ. Что же касается до Ѳеофила Кролика, то онъ въ 1722 году былъ ассесоромъ св. синода и архимандритомъ новоспасскаго монастыря. Въ томъ же году, на него возлагался переводъ на нѣмецкой языкъ проповѣди Лопатинскаго, произнесенной имъ въ Москвѣ на новый годъ (проповѣдь эта, вмѣстѣ съ переводомъ тогда же напечатана). Бергхольцъ въ своемъ дневникѣ оставилъ замѣтку о Кроликѣ, что онъ былъ человѣкъ образованный и свободно объяснялся по нѣмецки. Его латинскіе стихи, написанные имъ въ похвалу нашего сатирика Антіоха Кантемира, напечатаны, вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ, въ началѣ Сатиръ его (Спб. 1762 г.), и кончаются такимъ оправданіемъ сатирическихъ выходокъ:

Si te pungo—tace; quia te non non nomino. Clamas:
Proditor es vitii (non ego culpa) tui.
Язвлю тебя—молчи, вѣть я не именую.
Кричишь—не я, да ты являешь совѣсть злую!

---

[1]) Каб. дѣла I, № 53, л. 28, 40, 41, 54. Дополненіе къ Каб. дѣламъ, письма Петра В. къ гр. Мусину Пушкину въ госуд. же архивѣ; Каб. дѣла II, № 28, л. 360, № 31, л. 603—604; № 40, л. 384 385.

[2]) Голиковъ (Д. П. В. VI, 490, 610) смѣшалъ Воейкова съ русскими учениками, бывшими въ 1717 г. во Франкфуртѣ, и разсказываетъ, что Воейковъ прислалъ тогда изъ Франкфурта къ царю свой переводъ статьи изъ Лексикона Гибнера, за что и получилъ 100 черв.—сумма значительная по тогдашнему времени. Если бы Воейковъ ее дѣйствительно получилъ, то не бѣдствовалъ бы такъ, какъ описываетъ въ приведенномъ здѣсь прошеніи; при томъ же, онъ и въ 1718 г. не выѣзжалъ еще изъ Праги. Г. Смирновъ, въ своей Исторіи моск. академіи, къ извѣстіямъ объ Ильинскомъ и Воейковѣ Голикова, прибавилъ еще свои соображенія, отчего и вышло, что съ Воейковымъ у него въ Прагѣ явился Ильинскій, котораго Кантемиръ туда не пустилъ, ср. Ист. московской духовной академіи, стр. 235.

Замѣчательно, что приверженцы старинныхъ распорядковъ по духовному управленію считали Кролика въ числѣ своихъ заклятыхъ враговъ. Такъ Маркеллъ Родышевскій, ратовавшій послѣ кончины Петра Великаго противъ Духовнаго регламента и, главное, противъ автора его, Ѳеофана Прокоповича, писалъ въ своихъ опроверженіяхъ (къ сожалѣнію весьма малоизвѣстныхъ, такъ какъ полемическій отдѣлъ въ исторіи нашей духовной литературы XVIII столѣтія не только не былъ никѣмъ разработываемъ, но почти всегда проходится молчаніемъ): «Ѳеодосъ пребеззаконникъ, Ѳеофанъ ересіархъ, Гавріилъ евреанинъ, Кроликъ зловѣрный и иные симъ подобные — соборище суще злочестивое»...

Ильинскій, котораго какъ видѣли выше, хотѣли было послать также въ Прагу, жилъ въ домѣ кн. Кантемира: здѣсь онъ занимался переводами (изъ которыхъ одинъ «Система магометанской религіи» напечатанъ при Петрѣ въ 1722 г.), и былъ, по свидѣтельству м. Евгенія, дядькою при дѣтяхъ Кантемира. Первымъ же учителемъ ихъ былъ грекъ Анастасій Кондоиди (впослѣдствіи архіепископъ подъ именемъ Аѳанасія), человѣкъ даровитый и ученый, что однако не мѣшало кн. Дмитрію присутствовать самому при урокахъ его дѣтямъ[1]).

Во время пребыванія своего въ домѣ Кантемира, Ильинскій записывалъ кратко разныя происшествія, и небольшая книжка такихъ замѣтокъ сохраняется нынѣ въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Она носитъ заглавіе «Notationes quotidianae, повсядневныя записки». Ильинскій вносилъ сюда замѣтки, какъ кажется, собственно на память для себя, съ 19 іюня 1721 года. Отсюда узнаемъ, когда Кантемиръ ѣздилъ въ сенатъ, къ кому ѣздилъ въ гости, кого у себя принималъ и т. п... Подъ 28 іюнемъ 1721 г. записано: «Агапита переводъ окончивъ, князю подалъ»... 2 іюля: «Филипа писать учить началъ»... 10, 11, 12 сентября: «князь папу женили, 13—отдыхали... 21 Responsum admete s. synodi datu est archimandriti Ypatski Gabrieli. 29 октября, по полудни пировали въ сенатѣ всѣ въ машкарскомъ платьѣ. 1 ноября. Павелъ Ивановичь Ягужинскій съ докторомъ Лаврентіемъ Лаврентьевичемъ, да съ Татищевымъ, пріѣзжали осматривать княгиню и княжну: въ правду ли немогутъ, понеже въ воскресенье въ сенатѣ не были?» 6 ноября, князь съ семействомъ отправился въ Москву. 10 ноября въ деревнѣ Березкѣ, которая отстоитъ отъ Москвы 355 верстъ, княгиня выкинула. 14 ноября. Съѣхались съ императорскимъ величествомъ въ д. Чашниковѣ, отстоящей отъ Москвы 40 верстъ; изволилъ его величество посѣтить княгиню нашу» и т. д. Подобныя же краткія замѣтки сдѣланы о приготовленіяхъ къ походу въ Персію и о самомъ походѣ: 1722. «4 іюля, въ Астрахань прибыли рано, гдѣ въ квартиру намъ данъ государевъ рыбный дворъ. 5 іюля, императорское

[1]) Satyres du pr. Kantemir, Londres 1750, p. p. XIV—XVI.

величество съ адмираломъ (Апраксинымъ) и Петромъ Андреевичемъ Толстымъ и съ прочими у насъ были вечеру... 5 августа войско все въ походъ пошло. Манифестъ турецкій 150 (экз.) отосланъ къ Василью Васильевичу чрезъ переводчика Льва Залѣева... 30 августа, въ походъ къ рѣкѣ Рубасу, которая отъ Дербента въ разстояніи верстъ 10, съ войскомъ пойти изволилъ (царь), а князь нашъ въ Дербентѣ остался. 31 августа, съ инженерами на горы ѣздилъ... 26 октября, императорское величество изволилъ быть у насъ и сидѣть часа съ три; изволилъ взять къ переводу Полидора и моего перевода Агапита... 6 ноября, князю нашему сего утра тяжело стало и, призвавъ епископа, исповѣдывался; занемогъ еще въ походѣ, какъ поѣхалъ изъ Дербента. 7 ноября, князь нашъ пріобщался»... Въ 1723 г., Кантемиръ въ своемъ имѣніи Дмитревкѣ: «22 февраля, указъ публиковали на торгу о чистомъ содержаніи Дмитревки и о сажаніи сосенъ и березокъ предъ дворами; да публиковали, какимъ образомъ шинковать черкасомъ и волохамъ... 21 августа, князь нашъ скончался по полудни 7 часовъ 20 минутъ»... Въ 1724 г., Ильинскій съ семействомъ Кантемировъ пріѣхалъ въ Петербургъ и на 9-мъ іюлѣ замѣтки прекращаются. Далѣе встрѣчается извѣстіе: «Я Эпиктета и прошеніе подалъ императорскому величеству въ домѣ свѣтлѣйшаго кн. Меншикова въ слободѣ, понеже весь сенатъ туда съѣздъ имѣлъ, мая 28, 1724 г... 1725 года, апрѣля 7 дня получилъ указъ, что быть мнѣ въ академіи наукъ переводчикомъ, написанный такъ: По именному ея величества, государыни императрицы указу, велѣно при академіи наукъ Ивану Ильинскому быть переводчикомъ и опредѣлить ему жалованья по 180 руб. на годъ, свободную квартиру, дрова и свѣчи, какъ противъ обрѣтающихся при академіи наукъ служителямъ и выдать бы ему жалованья на нынѣшній 1725 г. на 3 мѣсяца, на апрѣль, май и іюнь — 45 руб. съ росписною и на счетъ академической поставить. Lavrentius Blumentrost. Спб. 1725, апрѣля въ 1 день». Далѣе незначительныя замѣтки и расходъ деньгамъ съ величайшими подробностями, напр. «выдано свѣтлѣйшей княгинѣ на дачу нищимъ 2 копѣйки... княжнѣ Марьѣ—7 копѣекъ и т. д. [1]).

Въ Краткомъ описаніи комментаріевъ академіи наукъ на 1726 г. есть переводъ Ильинскаго статьи Байера о скиѳахъ, съ подписью «Іоаннъ Ильинскій ярославецъ». О немъ Тредьяковскій отозвался, что былъ «праводушный, честный и добронравный мужъ, да и другъ другамъ нелицемѣрный».

18 декабря 1716 г., Петръ Великій писалъ изъ Амстердама къ Мусину Пушкину: «По полученіи выбирите немедленно изъ латинской школы лучшихъ рабятъ, высмотря гораздо которые по остряя,

---

[1]) Рукопись моск. арх. м. иностр. дѣлъ въ 8°; по каталогу № $^{40}/_{839}$.

человѣкъ 10 и пришлите моремъ на шнавѣ, которую будетъ отпускать генералъ фельдъмаршалъ и губернаторъ кн. Меншиковъ». 22 марта 1717 г., Мусинъ Пушкинъ доносилъ царю, что онъ отправилъ къ нему на шнавѣ слѣдующихъ 9 учениковъ: изъ реторики—Ивана Семенова Горлецкаго, Іосифа Матвѣева Кречатовскаго, Тараса Петрова Постникова; изъ поэтики—Ивана Иванова Каргапольскаго; изъ синтаксіи—Василья Тимофѣева Козловскаго, Филипа Львова Анохина; изъ грамматики—Ермолая Константинова Крацова, Ивана Прокофьева Алабина, Данилу Корнильева Овсянникова [1]).

Изъ этихъ учениковъ, Анохинъ и Козловскій, вмѣстѣ съ воспитанникомъ той же московской академіи Максимомъ Суворовымъ, учились въ Прагѣ и возвратились въ Россію въ 1720 году. Послѣдній былъ присланъ въ синодъ изъ штатсъ-конторъ-коллегіи съ привезенными имъ книгами и переводомъ. Синодъ опредѣлилъ его въ петербургскую типографскую контору старшимъ справщикомъ и переводчикомъ съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ. Анохина сдѣлали подканцеляристомъ съ содержаніемъ по 50 р. и 15 юфтей хлѣба въ годъ. Козловскій подавалъ въ синодъ прошеніе, гдѣ объяснялъ, что онъ былъ «посланъ, съ товарищи, для либеральныхъ наукъ въ Прагу, гдѣ прилежалъ повелѣнному ученію, что̀ явствуетъ данное ему отъ іезуитовъ свидѣтельство, даже до указу его царскаго величества въ прошломъ 1720 г., о нашемъ изъ тамошнихъ странъ въ отечество возвращеніи»... Ему было назначено содержаніе подканцеляриста, но и то сначала не выдавали, и Козловскій писалъ: «по благоразсудному святѣйшества вашего расположенію учиненъ мнѣ трактаментъ подканцелярійскій; дѣло же мнѣ соблаговолили вручить переводчиково—Сократовыхъ церковныхъ исторій съ латинскаго на россійскій діалектъ, въ которыхъ съ первыхъ числъ сентября безлѣностно пребываю»... Въ декабрѣ 1721 г., синодъ разрѣшилъ производить Козловскому по 80 р. и 20 юфтей хлѣба въ годъ [2]).

Изъ этихъ переводчиковъ Максимъ Суворовъ, по ходатайству сербовъ, по указу 2 іюня 1724 г., отправленъ былъ Петромъ Великимъ учителемъ въ Сербію [3]).

Изъ другихъ товарищей этихъ учениковъ сохранились извѣстія о Горлецкомъ, Постниковѣ и Каргопольскомъ. Они, по приказанію царя, были отправлены для дальнѣйшаго образованія въ Парижъ. Тогдашнему нашему резиденту при версальскомъ дворѣ, барону Шлейницу вмѣнялось въ обязанность опредѣлить ихъ въ училища и наблюдать за ученіемъ и поведеніемъ [4]). Въ 1718 г., эти русскіе отпра-

[1]) Каб. дѣла II, № 33, л. 199, 203.
[2]) Синод. дѣла 1721 г., № 7 и 10.
[3]) Дѣян. П. В. Голикова, X, 70.
[4]) Ibid. VI, 625.

вили отъ себя слѣдующее письмо къ выше упомянутому здѣсь Зотову:

«Превосходительнѣйшій господинъ, Кононъ Никитичъ, нашъ премилостивѣйшій государь! По отбытіи вашемъ изъ Парижа, аще и многія письма писали къ вашему благоутробію о нашихъ бѣдностяхъ, но никова отвѣта отъ вашей милости мы неполучили. Однакожъ паче принуждены нашей бѣдностью къ вамъ писати о нашихъ нуждахъ, о которыхъ вамъ прежде сего времени извѣстно было, когда ваше благоутробіе обрѣтались въ Парижѣ, а послѣ вашего отбытія, мы, бѣдные, безъ опредѣленія живемъ въ послѣдней бѣдности и нищетѣ— едва не отчаеваемся живота нашего, для того-что всѣ насъ оставили господа, которые обрѣтаются въ Парижѣ и изъ оныхъ никто (хотя бы кто ради общаго создателя Бога умилосердился и далъ бы на нужды наши денегъ) ни одного ліарда не даетъ [1]). Г. баронъ Шлейницъ намъ ни въ чемъ не спомоществуетъ и на свѣчи, на дрова, на башмаки, на чулки, на книги, на рубашки и на потребы школьныя намъ денегъ не даетъ и никого тщанія объ насъ не имѣетъ. И ради того мы, бѣдные, терпимъ холодъ, наготу, босоту, а въ каморахъ мы свѣчъ не имѣемъ, и всегда мучимся, а не учимся, потому что безъ дровъ студено, безъ свѣчъ учиться не можно. Ради которыхъ случаевъ мало учимся, а многое время теряемъ безъ прибытка наукѣ. И нынѣ такожде всуе время тратимъ, понеже въ школу отъ записки въ роспись намъ дать нечего и ходить намъ въ школу не въ чемъ; инструментовъ, надлежащихъ къ физикѣ, намъ купить не на что, и никакого посредствія мы къ наукѣ не имѣемъ.

«Просимъ, ваше благоутробіе, Кононъ Никитичъ, имѣти о нашихъ челобитныхъ тщаніе, которыя посланы на имя къ царскому величеству, къ Гаврилу Ивановичу Головкину, такожде и о письмахъ, которыя посланы собственно ему жъ, Гаврилу Ивановичу, и Петру Павловичу Шафирову о нашемъ опредѣленіи, котораго мы отъ вашего милосердія по вашему милостивому слову, намъ сказанному, ожидаемъ повсечасно. Вашего благоутробія нижайшіи раби, латинскихъ школъ ученики Иванъ Горлецкій. Тарасъ Постниковъ. Иванъ Каргопольскій [2]).

Въ 1722 г., они получили приказаніе возвратиться въ Россію, почему и просили о выдачѣ имъ жалованья на этотъ годъ, присовокупляя, что на отъѣздъ изъ Франціи готовы, «хотя и не окончивши нашихъ наукъ». По пріѣздѣ въ Петербургъ, они подали такое прошеніе:

«Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій императоръ всероссійскій, Петръ Великій, отецъ отечествія, государь всемилостивѣйшій! Въ

---

[1]) Въ описываемое время въ Парижѣ изъ знатныхъ русскихъ были Нарышкины, кн. Долгорукій, кн. Куракинъ и др.

[2]) Кабинет. дѣла, II № 35, л. 722—723.

1717 г. въ мѣсяцѣ сентябрѣ, по именному вашего императорскаго величества указу высланы были внизу подписанніи изъ Амстердама въ Парижъ для окончанія нашихъ наукъ и, пріѣхавъ въ Парижъ, учились философіи и французскаго языка, и, по окончаніи оныя науки, учились чрезъ нѣкоторое время богословіи. И въ нынѣшнемъ 1722 г. повелѣно намъ ѣхать въ отечество, а жалованья вашего императорскаго величества намъ на сей текущій годъ противъ прочихъ, которые были въ Парижѣ ради наукъ, не выдано. А мы, по указу вашего императорскаго величества, пріѣхали въ Питербурхъ сего 1722 г. сентября 14, и для неприсутствія вашего императорскаго величества о прошеніи нашего жалованья на нынѣшній 1722 г. къ кому прибѣгнуть не имѣемъ, того для безмѣстно и бѣдно скитаться принуждены. Всемилостивѣйшій государь! Просимъ всемилостивѣйше ваше императорское величество, да повелитъ ваше державство намъ отъ вашего императорскаго величества жалованье на сей 1722 годъ выдать противъ прочихъ бывшихъ въ наукѣ въ Парижѣ, также повелѣть насъ милостиво пожаловать опредѣлить куда ваше императорское величество заблагоразсудитъ. Вашего императорскаго величества всепокорнѣйшіе и всенижайшіе рабы: ученикъ философіи Иванъ Горлецкій. Тарасъ Постниковъ. Иванъ Каргопольскій [1]).

Петръ Великій, въ повелѣніи синоду 20 января 1723 г., писалъ, «что пріѣхали въ Санктъпитербурхъ ученики, которые въ Парижѣ учились философіи, а именно: Иванъ Горлецкій, Тарасій Постниковъ, Иванъ Каргопольскій, а ни къ какому дѣлу не опредѣлены, и для того просятъ опредѣленія и пропитанія», почему синоду вмѣнялось въ обязанность этихъ молодыхъ людей «освидѣтельствовать въ ихъ наукахъ, и опредѣлить къ дѣлу и учинить имъ жалованье [2]).

Въ оффиціальныхъ бумагахъ Горлецкаго и товарищей его называли нѣкоторое время парижскими студентами. Постниковъ и Каргопольскій жили сначала въ Москвѣ и, по порученію синода занимались переводомъ книги блаж. Ѳеодорита «О промыслѣ». Въ началѣ 1725 г., Постниковъ уѣхалъ въ Воронежъ учителемъ дѣтей генералъ-лейтенанта Черпышева, съ обязательствомъ продолжать сказанный переводъ; потомъ въ сентябрѣ того же года, и Постниковъ, и Каргопольскій сдѣланы преподавателями московской духовной академіи, откуда первый въ 1738 г. поступилъ въ директоры московской синодальной типографіи, а вторый, съ 1726 г., былъ переводчикомъ при синодѣ [3]).

Что же касается до Горлецкаго, то онъ, составивъ французскую грамматику, поднесъ ее Екатеринѣ I, при письмѣ, любопытномъ имен-

---

[1]) Каб. дѣла II, № 61, л: 715 — 716.

[2]) Каб. дѣла I, № 31, л: 77.

[3]) Исторія москов. дух. акад. г. Смирнова, стр. 236.

но въ томъ отношеніи, что доказываетъ тѣ чувства привязанности и благоговѣнія, которыми преисполнена была тогдашняя молодежь къ личности Петра Великаго:

«Всепресвѣтлѣйшая и всемилостивѣйшая императрица, государыня! Неизреченнымъ милосердіемъ августѣйшаго императора Петра Великаго, отца отечествія, самодержца всероссійскаго, отъ младенчества моего пребывъ не только въ московскихъ, но и въ парижскихъ училищахъ, неоцѣненный и превеликій даръ малому моему получилъ уму, всепресвѣтлѣйшая и самодержавнѣйшая императрица!

«Вельми неприлично разумѣю, чтобъ кто принялъ такое сокровище, какъ я самъ на себѣ чувствую, а не возблагодарилъ сему, отъ чьего руки пребогатыя оный получилъ даръ. Честенъ сей даръ и неоцѣненное сокровище (нарицаю ученіе), любезно его есть пріимать, любезнѣе носить и тяжесть его: сего ради, пребывъ еще въ Парижѣ, положилъ намѣреніе, дабы возвратившись изъ тѣхъ странъ, хотя маленькій по силѣ моей, но всеусердный плодъ отечеству принести россійскому. Умедлилъ мало въ сочиненіи сея книжки, нарицаемая грамматика французская, но въ полученіи благополучія моего никакъ не задержался, понеже кто тако (по премилостивѣйшимъ и трудолюбивѣйшимъ императорѣ нашемъ) милостивѣйшій, пріятельнѣйшій трудамъ чадъ обрѣтается россійскихъ? По истинѣ вы, всемилостивѣйшая государыня и царица!

«Достойно убо, дабы я съ первымъ и малѣйшимъ плодомъ труда моего прибѣгнулъ къ стопамъ вашего величества. Малъ сей плодъ есть во истинну, а по уравненію величества вашего и ничтоже обаче славенъ и великъ, понеже въ преславный и великій день августѣйшаго имене приносится. Повели убо, всепресвѣтлѣйшая и всемилостивѣйшая императрица, государыня, сію малую книжку пріять подъ охраненіе вашего августѣйшаго имене, которую.... со всякимъ раболѣпнымъ почтеніемъ, главу и сердце склоняя, приношу вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Ив. Горлецкій [1]).

Горлецкій былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ адъюнктовъ въ нашей академіи наукъ. Его переводы находимъ въ Краткомъ описаніи комментаріевъ, изд. въ 1726 г. (именно «О причинѣ тяжести отъ движенія вихрей» съ латин.), и въ «Описаніи о Японѣ», напеч. 1734 г., гдѣ онъ перевелъ съ французскаго двѣ статьи изъ сочиненій Карона и Тавернье.

Въ тѣхъ же Комментаріяхъ и Описаніи о Японѣ встрѣчается имя переводчика «Стефана Михайлова Коровьина, сибиряка», подъ статьями, переведенными съ французскаго. Онъ былъ въ Парижѣ, также по распоряженію Петра, съ извѣстнымъ арапомъ Абрамомъ Ганнибаломъ и Гаврилою Резановымъ. 16 октября 1722 г., Петръ сообщалъ

[1]) Каб. дѣла II, № 93, л. 345—347.

гр. Головкину: «Писали сюда изъ Парижа Абрамъ арапъ, Гаврило Резановъ и Степанъ Коровинъ, что они по указу въ свое отечество ѣхать готовы, токмо имѣютъ на себѣ долгу каждый ефимковъ по 200: да сверхъ того, имъ всѣмъ надобно на проѣздъ 300 ефимковъ. Того для тѣ деньги, какъ на оплату долговъ, такъ и на проѣздъ ихъ, по приложенной при семъ ассигнаціи, взявъ отъ соляной суммы, переведите въ Парижъ къ послу, кн. Долгорукову, а буде онъ уже выѣхалъ, то кн. Александру Куракину, и отпишите, чтобы ихъ немедленно оттоль отправилъ въ Петербургъ [1]).

Коровинъ возвратился въ Россію въ 1722 г. и въ донесеніи своемъ синоду писалъ, что онъ былъ «отправленъ изъ кабинета во Францію для науки стата французскаго и грыдоровальнаго художества». Поэтому онъ опредѣленъ гравером ь при московской типографіи, рѣзалъ на мѣди чертежи, дѣланные архитекторомъ Михаломъ Земцовымъ съ императорскихъ дворцовъ въ Петергофѣ. Стрѣльнѣ и Ревелѣ, и вмѣстѣ съ А. Ростовцевымъ гравировалъ изображеніе «каструмъ долористри», гдѣ покоилось тѣло Петра [2]).

Здѣсь неизлишнимъ считаемъ привести нѣсколько примѣровъ о вознагражденіи переводчиковъ за ученые труды въ началѣ XVIII столѣтія. Видѣли выше, что Мусинъ Пушкинъ выхлопоталъ у царя Поликарпову за его исторію и переводъ лексикона 200 р. Въ 1722 г., монахъ Ѳеологъ (до 1720 г. справщикъ московской типографіи, а съ августа того года въ той же должности въ александроневской типографіи) просилъ о вознагражденіи его за труды по исправленію перевода библіи на томъ основаніи, что въ указѣ 1712 г. объ этомъ предметѣ говорилось «по совершеніи согласія и исправленія тоя библіи, оные трудники (т. е. переводчики и исправители) его императорскою милостію довольно награждены будутъ». Неизвѣстно, какъ разрѣшено это ходатайство, только на оболочкѣ дѣла значится: «Ѳеологъ умре».

---

[1]) Дѣянія П. В. Голикова IX, 195.

[2]) Синод. дѣла 1722 г. № 29 и 1725 г. № 4. При первомъ есть два рѣз. на мѣди ландшафта, представленные Коровинымъ въ доказательство своего искусства въ гравированіи. Въ ноябрѣ 1725 г., Алексѣй Макаровъ писалъ о немъ къ Блюментросту: «Благородный лейбъ-медикусъ! Обрѣтается здѣсь въ Санктпитербурхѣ грыдоровальщикъ Степанъ Коровинъ, который учился того художества въ Парижѣ, и по французски не только говорить, но и переводить можетъ; и ежели онъ съ тѣмъ художествомъ, а напаче для языку французскаго потребенъ есть для собранія академіи, то прикажите его опредѣлить къ тому дѣлу или къ другому, къ какому вы заблагоразсудите, только бъ онъ и грыдоровальнаго художества не забылъ, а жалованья ему нынѣ дается изъ кабинета ея императорскаго величества по 10 р. на мѣсяцъ. И ежели онъ опредѣленъ будетъ къ помянутой академіи, то прикажите въ кабинетъ ея величества прислать извѣстіе. Слуга вашъ А. Макаровъ». Архив. дѣло ак. наукъ. 1719—1726 г. Въ Каб. дѣлахъ II, № 93 л., 553—558 сохранился поданный Коровинымъ въ октябрѣ 1725 г. Екатеринѣ I «прожектъ для типографіи» объ учрежденіи друкарни для печатанія книгъ свѣтскихъ и гравюръ, которыя бы изображали дѣла Петра Великаго.

Въ 1725 г., Алексѣй Барсовъ ходатайствовалъ о награжденіи его за переводъ книги Аполлодора о богахъ (см. выше), а также за труды по переводамъ съ русскаго на греческій присяги архіерея смоленскаго, архимандрита венеціанскаго Ѳоки и съ греческаго на русскій грамотъ, присылаемыхъ изъ Греціи. Синодъ призналъ справедливымъ это ходатайство и полагалъ выдать Барсову, сверхъ жалованья справщика, до 100 р.. Хотя объ этомъ представленъ былъ докладъ Екатеринѣ I, однако утвержденіе его послѣдовало только въ 1730 г.

Въ 1727 г., Иванъ Каргопольскій (см. выше) просилъ вознагражденія за переводъ половины сочиненія Ѳеодорита «о промыслѣ божіи». При этомъ переводчикъ объяснялъ, что данный ему переводъ «укоснѣлъ» за невыдачею ему кормовыхъ денегъ, жалованья за ученіе въ школахъ и по неимѣнію въ распоряженіи своемъ писцовъ. По такому ходатайству, Каргопольскому опредѣлено было выдать въ награду—5 рублей [1]).

Извѣстія о переводчикахъ, учившихся или работавшихъ по порученію правительства, заключимъ указомъ Петра Великаго, который онъ издалъ въ послѣдній годъ своего царствованія, именно 23 января 1724 года:

«Для переводу книгъ зѣло нужны переводчики, а особливо для художественныхъ, понеже никакой переводчикъ, не умѣя того художества, о которомъ переводитъ, перевесть то не можетъ; того ради заранѣе сіе дѣлать надобно такимъ образомъ: которые умѣютъ языки, а художествъ не умѣютъ, тѣхъ отдать учиться художествамъ; а которые умѣютъ художества, а языку не умѣютъ, тѣхъ послать учиться языкамъ, и чтобъ всѣ изъ русскихъ или иноземцевъ, кои или здѣсь родились, или зѣло малы пріѣхали и нашъ языкъ, какъ природный, знаютъ, понеже на свой языкъ всегда легче переводить, нежели съ своего на чужой.—Художества же слѣдующія: математическое хотя до сферическихъ тріангуловъ, механическое, хирургическое, архитектуръ цивилисъ, анатомическое, ботаническое, милитарисъ и прочія тому подобныя [2])».

—

Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, за границей былъ кн. Иванъ Андреевичъ Щербатовъ и тамъ перевелъ сочиненіе извѣстнаго Ло «Considérations sur le numéraire et le commerce par J. Law», подъ заглавіемъ: «Деньги и купечество, разсуждено съ предлогами къ присовокупленію въ народѣ денегъ, чрезъ господина Ивана Ляуса, нынѣ

[1]) Синод. дѣла: 1722 г. № 22, 1725 г. № 12 и 1727 г. № 6.

[2]) Полн. собр. зак. VII, № 4438.

управителя королевскаго банку въ Парижѣ. Переведено на россійскій языкъ чрезъ к. И. Щ. 1720 [1])». О кн. Иванѣ Щербатовѣ (род. въ 1696 г.—† 1761 г.) говорится въ рукописной запискѣ историка кн. Щербатова, что въ прежнія времена знатные, управляя сами своими деревнями, не считали за стыдъ хлопотать не только по своимъ дѣламъ, но и по чужимъ: «кн. Иванъ Андреевичь Щербатовъ, который послѣ былъ министромъ въ Гишпаніи, Царьградѣ и Англіи и, наконецъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и ордена св. Александра Невскаго кавалеромъ, по своимъ дѣламъ въ молодости своей вездѣ хаживалъ»...

24 марта 1719 г., князь Иванъ писалъ къ Петру Великому изъ Лондона:

«Всемилостивѣйшій государь! Исполняя ваше царскаго величества повелѣніе, я не преминулъ учиться языковъ и математикѣ и, по многомъ моемъ трудѣ, пришелъ въ нѣкоторое знаніе французскаго и англійскаго языковъ, что оными могу... говорить и съ нихъ на русскій языкъ переводить. Такожде отчасти научился аритметики, геометріи, тригонометріи, астрономіи и навигаціи. Всѣми силами старался быть сего лѣта въ практикѣ на военныхъ англійскихъ корабляхъ и о желаніи я объявилъ г. резиденту Веселовскому, прося, дабы оный выправилъ мнѣ указъ о принятіи меня во флотъ, который нынѣ идетъ подъ командою милорда Беркли. На что не иной отвѣтъ получилъ, что меня во флотъ не примутъ того ради, что будто англійской дворъ намѣренъ заказать всѣмъ чужестраннымъ во всякія науки принимать. Я надѣюсь, что ваше царское величество мнѣ того въ вину, что я не поѣхалъ въ практику, не причтете. понеже то не отъ моей воли учинилось. Между того времени, я вашему царскому величеству доношу, что я хотя и на море не поѣхалъ, но праздно времени моего не упущу, чего ради буду обучаться болѣе языкамъ и вступать въ глубочайшія части математики, сколько возмогу понять, и ежели какой впредь способъ усмотрю быть на морѣ, не премину со охотою моею учинить, дабы по всемъ томъ моглъ представить мя достойна къ службѣ вамъ, моего всемилостивѣйшаго царя и государя, будучи отъ усердія моего вашего царскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Кн. Иванъ Щербатово [2])».

Посвященіе царю, подписанное въ Лондонѣ 27 февраля 1720 г., и которое кн. Щербатовъ сочинилъ при помянутомъ переводѣ, замѣчательно, какъ потому, что переводчикъ является почитателемъ системы Ло, такъ и по благородному тону, въ которомъ оно написано:

---

[1]) Въ И. эрмитажѣ рукопись въ двухъ экземплярахъ, въ 4°, № 52, полка 2: одинъ бѣловой съ подписью переводчика, на 120 л., другой черновой, на 151 стр., весь писанъ рукой Щербатова. Нач. текста: «Разные предлоги учинены».

[2]) Каб. дѣла, II, № 42, л: 589.

«Всепресвѣтлѣйшій государь! Я, полагаясь на обычайное милосердіе вашего царскаго величества, дерзаю поднесть со всею глубочайшею покорностію переводъ съ книги господина Ляуса, славнаго министра во Франціи, къ чему побужденъ есмь чрезъ желаніе мое, дабы услужить вашему величеству. Ежели мои старанія милостиво приняты будутъ, я причту себя за счастливѣйшаго изъ вашихъ вѣрныхъ подданныхъ; но ежели мой переводъ недостоинъ читанія такъ великаго монарха, однакожде я уповаю, что ваше величество для добраго моего намѣренія, которое имѣю служить вашему величеству, отпуститъ погрѣшеніе. Ваше величество можетъ усмотрѣть въ переводѣ сей книги бо́льшую часть предлоговъ, чрезъ исполненіе чего доходы государственные и купечество во Франціи пришли въ лучшую степень, которые прежде были въ вельми худомъ состояніи. Чрезъ установленія банку и компаніи купечества видима есть прибавка во Франціи обращенія денегъ и издержки товаровъ. Предлогъ, на которомъ такъ великія произвожденія состоятъ, не можетъ инако быть, какъ угоденъ вашему величеству, понеже натуральное склоненіе вашего величества всегда было ко установленію художествъ и купечества, такожде какъ и наукъ, отчего россійскій народъ неизреченное благо получилъ; чего ради всѣ добрые подданные вашего величества не могутъ достойно восхвалити удивительныя дѣйствія царствованія вашего, и не перестаютъ просить у Бога о продолженіи вѣка ихъ всемилостивѣйшаго государя и отца. Ежелибъ я изобранъ былъ достойнымъ въ посланіи къ вашему величеству другихъ подобныхъ вещей, буде какія изыщу достойныя ко вниманію вашего величества—я принялъ бы повелѣніе съ великою радостію и исполнилъ со всякою исправностію, сколь поятенъ есмь: понеже ни о чемъ инномъ такъ не стараюсь, какъ показать несумнительные знаки о вѣрности и глубочайшей покорности, съ которою пребываю вашего царскаго величества всенижайшій и всеподданнѣйшій рабъ кн. Иванъ Щербатово».

Чтобы имѣть понятіе о переводѣ, помѣщается здѣсь предисловіе.

«Книжникъ ко читателю. Уповаемо есть, что послѣдствующія страницы любезно будутъ приняты въ народѣ, которыя содержатъ нѣкоторыя главы о вымыслѣ, что́ господинъ Ляусъ въ 1705 году предложилъ парламенту скотлянскому (шотландскому). Хотя то и благопріятно было отъ вышняго комиссара (который нынѣ служитъ его величеству въ великомъ чину), такожде и отъ многихъ членовъ парламента; однакожь такія предмнѣнія противъ того предуспѣли, которыя преодолѣли, что предлогъ совершенно оставленъ. Имѣя такъ малое счастіе въ той части Великой Британіи, которая была его отечество, оный прилѣпился къ вышнему комиссару англійской казны и переслалъ къ его превосходительству иной предлогъ для пріумноженія купечества и кредиту со изъясненнымъ описаніемъ въ сход-

ствѣ съ правами и обычаи здѣшними, но какъ никакой пользы не обрѣлъ, какъ прежде, и не будучи въ силѣ достать прощенія (во смертномъ убивствѣ славнаго господина Вильсона, котораго закололъ на дуэли уже многіе годы прежде), принужденъ былъ жить въ чюжихъ краяхъ, гдѣ по претерпѣніи многихъ разныхъ изгоней отъ своихъ непріятелей, оный нынѣ показуется министромъ, превосходя многихъ всѣхъ тѣхъ, что прошедшій вѣкъ произвелъ, настоящій понять можетъ или будущій повѣритъ. Оный установилъ народный кредитъ въ той землѣ, которая пришла была въ пословицу нарушенія онаго. Оный учинилъ прибавку доходовъ самодержавнаго владѣнія, которая состоитъ на подданныхъ вольномъ владѣніи ихъ пожитками, такъ что ежелибъ оказанъ былъ самый меньшой запросъ деньгамъ, что народъ обѣщался заплатить, то возмогло бы принесть коронѣ убытку многіе милліоны со всѣми настоящими виды богатства и власти. Оный показалъ народу французскому, что ихъ преставившійся король Люисъ XIV, со всею своею самодержавною властію, не поятенъ былъ взять у онаго болѣ того, какъ господинъ Ляусъ отъ того времени возвратилъ. Оный не иныхъ непріятелей имѣетъ, развѣ тѣхъ, которые суть непріятели всему народу; и многіе, кто въ нѣкоторыхъ прошедшихъ мѣсяцахъ жадны крови его были, нынѣ ѣдятъ его хлѣбъ, понеже оный (т. е. все Ло же) показался непоятнымъ инной мести, но предложить непріятелей своихъ стыду и помѣшанію чрезъ принаніе отъ онаго богатства. Сей есть человѣкъ, котораго Британія потеряла чрезъ содержаніе подъ гнѣвомъ во время трехъ слѣдствующихъ управленій, что не могъ достать прощенія, допеле же то прощеніе безъ просу произошло отъ правдиваго и разсмотрительнаго разсужденія великаго Л. Д., нынѣ пребывающа во управленіи, но за несчастіемъ поздо для пользы государства».

Любопытны примѣчанія Щербатова для объясненія русскимъ читателямъ мѣры, вѣса и цѣнностей въ Англіи и Франціи, также учрежденій и мѣстъ, мало извѣстныхъ въ Россіи. Напр.: «унсъ есть 6 золотниковъ. Болъ—мѣра въ Скотляндіи хлѣбу, которая будетъ близь россійской осмины. Французскія пени, скотляндскіе штиверы и голландскіе суть какъ россійскія копѣйки, только не равны въ вѣсу одинъ ко другимъ; кронъ подобенъ рублевику, только въ рублевикѣ 40 копѣекъ лишку противъ крона, а вѣсъ онаго малымъ разный. Морское застрахованіе— въ Англіи записываютъ корабли для охраненія, что буде пропадетъ, то тѣ, которые за записку примутъ нѣсколько денегъ, повинны всю потерю выплатить. Ливръ—монета мысленная французская, которая содержитъ до 20 су, или копѣекъ французскихъ. Ажіо —слово употребляемое въ обмѣнѣ и банкѣ: оное говорится о переходѣ, который берется или платится у нѣкотораго числа для награды въ потерѣ, которая бъ могла тамъ учинится. Ломбарды называются домы, изъ которыхъ даются деньги въ займы съ закладомъ. Таверна

англійское слово, которое значитъ домъ публичный для ѣды и питья. Минъ—мѣсто въ землѣ, откуда берется металлъ, какъ золото, серебро, мѣдь и прочая. Земляный банкъ называется понеже обѣщательныя письма даваны, а брана подъ закладъ земля. Земляныя деньги называютъ, понеже земля вмѣсто денегъ будетъ заложена въ банкѣ, а по цѣнѣ заложеной земли будутъ даваны письма изъ банку, которыя въ платежахъ будутъ ходить за деньги, и т. д.

Петръ Великій, увлекаясь господствовавшимъ въ тѣ времена въ цѣлой Европѣ духомъ пристрастія къ предпріятіямъ Ло, а можетъ быть и прочитавъ переводъ кн. Щербатова — имѣлъ намѣреніе привлечь въ Россію дѣятельность предпріимчиваго шотландца. 13 марта 1721 года, слѣдовательно вскорѣ послѣ паденія славы Ло и удаленія его изъ Франціи (въ декабрѣ 1720 г.), Петръ далъ наказъ, который въ черне правленъ имъ самимъ, ассессору берггъ мануфактуръ коллегіи Габріелю Багарету де Пресси, чтобъ онъ предложилъ Ло, названному въ наказѣ Ляусомъ, княжескій титулъ, чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, званіе оберъ гофмаршала, андреевскій орденъ, 2 тысячи крестьянскихъ дворовъ, право строить укрѣпленные города, населять ихъ иностранными мануфактуристами. При этомъ дозволялось Ло съ охотою, «если онъ рудокопныя дѣла, такожде и персидскую торговую компанію въ россійскомъ государствѣ самъ сочинить и учредить намѣренъ.... За всѣ вышеписанныя достоинства и дѣйствительныя пользы его царское величество отъ него, г. Ляуса, больше не требуетъ токмо одного милльона рублей, или по той цѣнѣ серебромъ въ его царскаго величества казну»... Подобное предложеніе, на случай отказа самого Ло, велѣно было сдѣлать сыновьямъ или зятьямъ его, если только они способны къ дѣламъ, которыми занимается Ло. Если же и это не удастся, то царь будетъ ожидать отъ него предложеній: «коимъ образомъ и какими кондиціями онъ самъ въ персидскую компанію, или въ рудокопныя, или въ иныя здѣшняго государства дѣла вступить намѣренъ, и въ чемъ его царскаго величества во иномъ дѣлѣ свою царскую склонность и почтеніе ему оказать можетъ [1])?»

Въ 1723 г., русскимъ консуломъ въ Кадиксъ былъ назначенъ Яковъ Евреиновъ и изъ данной ему инструкціи видно, что туда былъ также отправленъ кн. Иванъ Щербатовъ, который долженъ былъ «съ купцами тамошней націи, а не съ другими, получить знакомство и тайнымъ образомъ развѣдывать о той коммерціи, и разговаривать съ купцами, дожидаясь Евреинова съ указомъ, дабы онъ себѣ и ему основалъ знакомство [2])».

Въ П. библіотекѣ есть рукопись подъ заглавіемъ «Вѣдѣніе о тор-

---

[1]) Каб. дѣла, I, № 53 л. 234—238.

[2]) Отеч. записки, изд. Свиньинымъ, ч. XV, № 41 стр. 402 — 409.

говлѣ россійской» (II, Q, 7), которая въ Описаніи рукописей Толстова приписывается кн. Сергѣю Димитріевичу Голицыну, бывшему посланникомъ въ Мадритѣ въ 1723—26 годахъ; на рукописи выставлено 1 сентября 1724 г., но она писана не Голицынымъ, а кн. Ив. Щербатовымъ, по крайней мѣрѣ почеркъ ея одинаковъ съ черновымъ экземпляромъ перевода этого послѣдняго, сохраняемаго въ И. эрмитажѣ.

Въ Вѣдѣніи о торговлѣ россійской изложены въ алфавитномъ порядкѣ и отдѣльными статьями различныя извѣстія о русской торговлѣ, при чемъ источниками служили собраніе указовъ, напечатанные въ 1719 г., тогдашній Регламентъ объ управленіи адмиралтейства, торговый морской уставъ и тарифъ.

Въ началѣ помѣщена статья «О торговлѣ Россіи», любопытная въ томъ отношеніи, что здѣсь встрѣчаются цитаты на сочиненія, изъ которыхъ авторъ ея, въ 1724 г., почерпалъ свѣдѣнія для историческаго изложенія о нашей торговлѣ. Къ сожалѣнію, рукопись внизу листовъ подмочена, такъ что нельзя разобрать многаго, написаннаго въ сноскахъ. Текстъ этой статьи читатель найдетъ въ приложеніи VII.

—

У Сопикова есть извѣстіе, что князь Димитрій Кантемиръ перевелъ съ французскаго Алкоранъ, изданный у насъ въ 1716 году; но это указаніе невѣрно: Алкоранъ при Петрѣ Великомъ переводилъ Петръ Постниковъ. По свидѣтельству Рихтера [1]), въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ сохранилось множество писемъ этого Постникова, писанныхъ изъ Парижа, съ 1701 по 1711 годъ, къ боярину Головину и тайному секретарю Шафирову. Тамъ сообщались политическія извѣстія о взятіи герцогомъ орлеанскимъ Лериды, о состояніи французскаго флота на Средиземномъ морѣ и проч. Парижскій профессоръ Ліоньеръ писалъ, 12 октября 1711 года, къ канцлеру графу Головкину о Постниковѣ, какъ о молодомъ человѣкѣ, и просилъ награды 720 ливровъ за образованіе его: «c'est de moi seul, говорилъ Ліоньеръ, qu'il (т. е. Постниковъ) a appris les langues latines et française, le style epistolaire, la sphére, la géographie etc. Въ 1706 и 8 годахъ, этотъ Постниковъ ходатайствовалъ объ отцѣ своемъ, служившемъ съ усердіемъ государю, но бывшимъ «пребогатымъ службами, а не деньгами».

---

[1]) Исторія медицины, II, 326—328. Этого Петра Постникова не должно смѣшивать съ докторомъ Петромъ Постниковымъ, получившимъ это званіе въ падуанскомъ университетѣ въ 1696 году, и котораго въ 1698 — 1701 годахъ употребляли также какъ переводчика съ латинскаго, французскаго и итальянскаго языковъ по дипломатическимъ дѣламъ.

Хотя кн. Димитрій не былъ переводчикомъ, однако о немъ нельзя пройти молчаніемъ въ исторіи русскаго просвѣщенія начала XVIII столѣтія: его трудъ «Книга систима или состояніе о магометанской религіи» переведенный съ латинскаго Иваномъ Ильинскимъ, напечатанъ у насъ въ 1722 г. Книга эта наполнена самыхъ невѣроятныхъ разсказовъ о магометанскихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ до такой степени, что синодъ, прежде печатанія сочиненія Кантемира, счелъ нужнымъ требовать отъ него объясненій, и князь долженъ былъ писать отвѣтъ въ защиту своихъ анекдотовъ (удивительнѣйшіе изъ нихъ любопытный читатель найдетъ въ названной книгѣ, напр., на стр. 27 или 110). Замѣчательная полемика эта помѣщена нами въ приложеніи VIII.

Въ словаряхъ м. Евгенія и Бантышъ Каменскаго можно найти извѣстія о служебной дѣятельности Димитрія Кантемира, а также перечень всѣхъ ученыхъ его трудовъ. Мы же полагаемъ не излишнимъ сообщить здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ, какъ о человѣкѣ.

Первое извѣстіе о Кантемирѣ въ русскихъ источникахъ встрѣчаются въ походномъ журналѣ Петра Великаго 1711 года [1]): «24 іюня, сказано тамъ, его величество изволилъ иттить съ ближними людьми своими въ волоской городъ Яссы..., куда пріѣхалъ отъ войска своего и господарь волоскій, господинъ Кантемиръ, прежде прибытія его величества. И встрѣчалъ оный его царское величество; такожъ государыню царицу—жена его съ дѣтьми за городомъ. Оный господарь человѣкъ зѣло разумный и въ совѣтѣхъ способный. Въ бытность же царскаго величества въ Яссахъ, тотъ господарь, съ женою и съ домомъ, его величество трактовалъ изрядно»...

Когда Кантемиръ перешелъ отъ турковъ на сторону русскихъ, а между тѣмъ дѣла наши при Прутѣ были въ плохомъ положеніи, то, при заключеніи условій о мирѣ, турецкое правительство настаивало о выдачѣ ему Кантемира. Царь отзывался, что бывшаго господаря въ русскомъ лагерѣ нѣтъ и, гдѣ онъ находится, неизвѣстно. Однако, Кантемиръ скрывался между русскими: Фельтенъ, главный царскій поваръ, спряталъ его въ кухонный вагонъ, гдѣ были кострюли и другая посуда. Впрочемъ это убѣжище было ненадежно, а потому царь посовѣтовалъ ему обрить бороду и надѣть нѣмецкое платье—это средство помогло ему пробраться безопасно въ Россію [2]).

Кантемиръ былъ въ Петербургѣ въ первый разъ въ мартѣ 1714 года. Первой жены князя тогда уже не было на свѣтѣ. Княгиня Кассандра Кантемиръ, по свидѣтельству французской біографіи, состав-

---

[1]) Изд. въ Спб. 1854 г. стр. 49.

[2]) Das veränd. Russland, II, 36, 37. Въ біографіи князя при Histoire de l'Empire ottoman (Paris, 1743) Т. IV, сказано, что Кантемиръ скрывался въ каретѣ царицы, и что его тамъ кормилъ слуга, только одинъ знавшій тайну.

ленной навѣрное при участіи сына, кн. Антіоха, была надѣлена всѣми прекрасными качествами своего пола, такъ что замѣчательная красота ея казалась въ ней однимъ изъ наименьшихъ достоинствъ. Любя чтеніе, княгиня въ тоже время исполняла строго всѣ семейныя обязанности и наблюдала сама за воспитаніемъ своихъ дѣтей.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Кантемиръ заставилъ своего старшаго сына произнести на греческомъ языкѣ привѣтствіе царю, которое на латинскомъ и русскомъ языкѣ тогда же и было напечатано. Въ другой разъ бывшій господарь отправился въ Петербургъ за царемъ въ 1718 году, а семейство свое оставилъ въ Москвѣ. Въ Петербургѣ, Кантемиръ увидалъ первую тогдашнюю русскую красавицу, княжну Трубецкую, и, влюбившись въ нее, женился (см. объ этомъ письмо его къ царю въ 1719 г. прил. IX). Передъ свадьбой князь разстался съ своей бородой и полуазіатскимъ платьемъ.

Въ походѣ въ Персію, Кантемиръ сопровождалъ Петра вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ. На судахъ по Волгѣ, съ нимъ была походная типографія, въ которой печатались прокламаціи на турецкомъ и персидскомъ языкахъ [1]). Изъ Астрахани въ Дербентъ онъ отправился сухимъ путемъ; вещи же и бумаги послалъ моремъ на фрегатѣ, который потонулъ, при чемъ погибли записки князя и первый томъ его оттоманской исторіи. Несмотря на постороннія занятія, Кантемиръ въ это путешествіе не забывалъ науки: древность постройки кавказской стѣны и слухи о ней обратили на себя его вниманіе, и онъ задумалъ подробно осмотрѣть и сдѣлать описаніе ея. Царь этимъ остался очень доволенъ и далъ князю въ провожатые 20 драгунъ. Опасенія нападеній дагестанцовъ не дозволили Кантемиру осмотрѣть стѣну на значительномъ пространствѣ, однако онъ успѣлъ на конѣ бѣгло описать и измѣрить ту часть стѣны, которую удалось ему видѣть втеченіи одного дня. Сынъ его, Антіохъ передалъ оставшіяся послѣ отца замѣтки по этому предмету профессору академіи наукъ Байеру, котораго статья о кавказской стѣнѣ помѣщена въ «Краткомъ описаніи комментаріевъ академіи наукъ», ч. I, 1728 года, стр. 167 и слѣд.

Бергхольцъ оставилъ въ своемъ дневникѣ нѣсколько извѣстій о кн. Кантемирѣ, какъ о свѣтскомъ человѣкѣ. Герцогъ голштинскій, при которомъ Бергхольцъ былъ камеръ юнкеромъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, посѣщалъ въ 1721 г. всѣхъ знатныхъ и, между прочими, бывшаго господаря. При этомъ свиданіи не было надобности въ переводчикѣ, такъ какъ Кантемиръ зналъ довольно хорошо по латини и былъ человѣкъ живой и обходительный. Княгиня Кантемиръ въ то время была больна и принимала герцога въ спальнѣ, гдѣ лежала одѣ-

[1]) Что эти прокламаціи распространяли на Кавказѣ, см. Поход. Жур. П. В. 1722 г. (Спб. 1855 г.) стр. 99.

тая на парадной постелѣ. Вскорѣ послѣ перваго посѣщенія, князь пригласилъ герцога со свитой къ себѣ на обѣдъ. «Только что вошелъ въ комнату, пишетъ камеръ юнкеръ, гдѣ была княгиня, я принялся разсматривать хозяйку, пораженный ея красотой: она, безспорно, первая красавица между петербургскими дамами. Хотя еще прежде, въ Швеціи, я имѣлъ счастіе ее видать при бракосочетаніи нынѣшней королевы и при другихъ случаяхъ (княгиня жила въ Стокгольмѣ съ отцемъ, кн. Трубецкимъ, находившимся тамъ въ плѣну послѣ нарвскаго сраженія), тѣмъ не менѣе однако здѣсь я нашелъ ее еще болѣе обворожительною и прекрасною». Слѣдуетъ затѣмъ описаніе прелестей княгини. Дочь князя Кантемира отъ перваго брака не удостоилась чести быть подробно описанной у Бергхольца: въ ея физіогноміи не было ничего особеннаго; только по слухамъ камеръ юнкеру было извѣстно, что она получила основательное образованіе, знаетъ по гречески и хорошо говоритъ по итальянски.

О сыновьяхъ князя Бергхольцъ замѣтилъ, что они разносили вино гостямъ и одѣты были очень просто, такъ какъ уже записаны въ военную службу [1]). Подъ 1722 годомъ, камеръ юнкеръ занесъ въ свой дневникъ всѣ подробности маскарада, бывшаго при дворѣ. Тогда Кантемиръ одѣтъ былъ по турецки, и, какъ знакомый съ Турціею не по наслышкѣ, превосходно исполнялъ свою роль. Въ особенности удивляли камеръ юнкера ловкость князя, когда онъ гарцовалъ по азіатскому обычаю на конѣ. Бассевичъ хотя и былъ постарѣе лѣтами и званіемъ своего земляка Бергхольца, однако въ своихъ запискахъ о Кантемирѣ не нашелся ничего сказать, кромѣ его подвиговъ въ томъ же маскарадѣ [2]).

Кантемиръ былъ средняго роста, болѣе худощавъ, нежели полонъ. У него была пріятная наружность, разговоръ увлекательный, любезный. Вставалъ онъ обыкновенно въ 5 часовъ утра, курилъ трубку и пилъ, по турецкому обычаю, кофе; потомъ удалялся въ свой кабинетъ и занимался тамъ до полудня. Обѣдалъ умѣренно, вино пилъ не иначе, какъ смѣшанное съ водою. Но въ тѣ времена трудно было вести умѣренную жизнь: Бергхольцъ записалъ, что князь однажды пріѣхалъ домой изъ гостей на веселѣ и разстроилъ тѣмъ собравшуюся у жены его компанію. Послѣ одного обѣда, гдѣ принужденъ былъ пить до опьянѣнія, Кантемиръ сдѣлался боленъ и съ тѣхъ поръ старался избѣгать попоекъ. Послѣ обѣда онъ отдыхалъ, а потомъ снова занимался до 7 часовъ; вечеръ проводилъ въ семействѣ и въ 12 ложился спать. Въ послѣдніе годы жизни, женившись и бывши членомъ тайнаго совѣта, Кантемиръ во многомъ перемѣнился: государственныя дѣла и красавица жена непримиримы съ кабинетными за-

---

[1]) Busching's Magasin XIX, 71, 76—79.

[2]) Ibid. IX, 346.

нятіями ученаго [1]). Тотъ же Бергхольцъ сообщилъ мимоходомъ, что князь былъ очень ревнивъ къ второй своей женѣ.

Въ заключеніе этихъ извѣстій, скажемъ, что кромѣ перевода труда Кантемира, есть на русскомъ карта, гравированная на мѣди Алексѣемъ Зубовымъ: «Планъ Константинополя или Царяграда, иже прежде нарицашеся Византія, древле же Вугосъ; завоеванъ Мухамедомъ вторымъ лѣта господня 1453, мѣсяца мая 29; нарисованный княземъ Дмитріемъ Кантемиромъ» (Спб.) [2]).

—

При Петрѣ Великомъ занимался переводами на русскій языкъ другой выходецъ изъ Турціи—Савва Владиславовичъ Рагузинскій. Сначала онъ былъ тайнымъ агентомъ русскаго правительства въ Константинополѣ, потомъ переѣхалъ въ Россію и окончательно поселился здѣсь, хотя турки, узнавъ разныя его продѣлки, требовали его выдачи, какъ и Кантемира. Толстой, когда былъ въ Константинополѣ, писалъ въ одномъ изъ неизданныхъ своихъ писемъ къ Ѳедору Головину, 7 октября 1702 года: «многими моими письмами увѣщевалъ я одного человѣка, породою рагузенина, Саввою зовутъ Владиславлевъ, о которомъ, чаю, милости твоей извѣстно отъ прежде бывшихъ здѣшнихъ пословъ и посланниковъ. И онъ, Савва, съ торгомъ въ Азовъ скоро поѣдетъ, ежели отъ Порты возбранено ему не будетъ, имѣя намѣреніе изъ Азова ѣхать къ Москвѣ. И когда онъ, Савва, на Москвѣ будетъ, изволь съ нимъ милостиво поговорить о здѣшнемъ состояніи, понеже онъ человѣкъ зѣло искусенъ и на многія тайныя вещи вѣдомецъ». Далѣе изъ тѣхъ же писемъ Толстова можно видѣть, что Рагузинскій помогалъ ему подъ рукой собирать разныя свѣдѣнія о Турціи, снимать планы мѣстностей, укрѣпленій и т. п. Въ 1703 году, онъ явился въ Россію, и Апраксинъ сообщалъ царю: «писалъ я къ тебѣ, государю, о Саввѣ Рагузинскомъ, что желаетъ онъ видѣть твои государевы очи, а безъ указу его отпустить не смѣю. Укажи отписать, что съ нимъ дѣлать? А человѣкъ зѣло надобный, и свѣдомъ на тамошнія дѣла и не глупова состоянія»....

Въ іюлѣ царь писалъ къ Апраксину, что онъ уже видѣлъ Рагузинскаго [3]). Тогда же ему дана «за вѣрное служеніе» привилегія торговать въ Россіи, а въ 1705 г. дозволено производить торговые промыслы чрезъ Украйну и малороссійскіе города. Въ грамотѣ по

---

[1]) Histoire de l'Empire Ottoman IV, 467—488. Объ отношеніяхъ Кантемира къ Петру, также нѣкоторыя извѣстія о его семействѣ и между прочимъ о сынѣ его Антіохѣ, извѣстномъ нашемъ сатирикѣ, читатель найдетъ въ приложеніи IX.

[2]) Хранится въ собраніи гравюръ И. эрмитажа.

[3]) Дѣян. П. В. XIV, 62, 74.

этому случаю онъ названъ «иллирійскимъ шляхтичемъ» [1]). Въ 1712 г., въ сенатскомъ указѣ объ отдачѣ ему на откупъ пристани корабельныхъ мачтовыхъ деревъ у Архангельска онъ титулуется господиномъ надворнымъ совѣтникомъ. Въ 1717 г., ему поручалось опредѣлить въ морскую службу въ Венеціи бывшихъ тамъ молодыхъ русскихъ [2]). Въ этотъ періодъ времени, Рагузинскій велъ заграничную торговлю, имѣлъ купеческія конторы, отправлялъ корабли за море.

Всѣ эти предпріятія не помѣшали Рагузинскому заниматься книгами:: его переводъ произведенія Орбини Il regno de gli Slavi напечатанъ у насъ въ 1722 году, подъ заглавіемъ Книга исторіографія. Сверхъ того, въ Публичной библіотекѣ есть другой рукописный его переводъ (I, Q, № 409): «Совѣты премудрости или собраніе опредѣленій Соломоновыхъ, которыя человѣку, дабы въ поступкахъ своихъ содержалъ разумно, вельми суть полезны; съ приложеніемъ разсужденій на оная опредѣленія; сія книга переведена съ итальянскаго на россійскій языкъ». Переводчикъ посвятилъ свой трудъ Петру Великому: «Приступаю со ужасомъ упоминать о преславныхъ дѣлахъ вашего августѣйшества, зная вашу императорскую модерацію; что ни перомъ, ниже словомъ любящи прославлятися, по существомъ неусыпныхъ своихъ трудовъ героическія свои оказывати дѣла, яко во истину въ нынѣшнихъ и въ будущихъ вѣкахъ никако и никогда же умалчиваемы быти могутъ, понеже свидѣтельствуютъ славу вашу, разширеніе, прославленіе и благоустроеніе всероссійской имперіи. Свидѣтельствуютъ марсовыя поля, одержащія толико и толико побѣдоносныхъ тріумфовъ. Свидѣтельствуютъ польская, датская и персидская короны крѣпости, храбрости, мужества и постоянства вашего великодушнаго союзнаго оборонительства содержаніе. Свидѣтельствуютъ всѣ фортеціи и грады ансіатицкіе, окрестъ Балтійскаго моря обрѣтающіеся, вашего августѣйшества крѣпкимъ щитомъ защищаемые и въ своихъ свободныхъ прерогативахъ содержанные.... Свидѣтельствуютъ, наконецъ, многія ваши неописанныя добродѣтели, милостивыя щедроты къ вѣрноподданнымъ, страннопріимства къ иностраннымъ, подъ крылѣ всероссійскаго орла притекающимъ, между которыми и азъ, нижайшій, по особливой вашего императорскаго величества милости великодушной,

---

[1]) Полн. собр. зак. IV, № 2044.

[2]) Полн. собр. закон. IV, № 2558 и V, № 3067. Извѣстно, что въ числѣ этихъ молодыхъ людей былъ Иванъ Неплюевъ, оставившій записки о своей жизни. Въ Венеціи тогда же, вмѣстѣ съ Рагузинскимъ, занимался торговыми дѣлами отъ русскаго правительства Петръ Ивановичъ Беклемишевъ—онъ и опредѣлилъ Неплюева съ товарищами на галерный венеціанской флотъ. Этотъ Беклемишевъ происходилъ изъ старинной русской фамиліи и, кажется, воспитывался за границей: по крайней мѣрѣ въ 1710 г. онъ перевелъ Θеатръ, который и былъ напечатанъ въ Голландіи въ 1710 году.

призрѣнъ. Но сицевую дѣяній твоихъ славу, аще бы и славные Омиръ, Аристотель и Цицеронъ писали, не могли бы подробно изъяснити я. Азъ же, за краткостію таланта моего, токмо дерзаю августѣйшему вашему любопытству поднести всепокорно сію книжицу, усерднымъ моимъ стараніемъ на россійскій языкъ переведенную, Совѣты премудрости нарицаемую, и многая дѣла вашему высокомудрому благоразумію подобная въ оной содержащую, которую всеподданнѣйше прошу принять милостиво. Вашего императорскаго величества нижайшій рабъ, надворный совѣтникъ Савва Владиславичъ».

Текстъ перевода ничѣмъ не замѣчателенъ, но за то предисловіе и послѣсловіе къ нему любопытны въ томъ отношеніи, что показываютъ о существованіи и въ тѣ времена литературной полемики. Рагузинскій остался недоволенъ переведеннымъ на русскій языкъ трудомъ о магометанской религіи князя Кантемира, и вотъ какимъ образомъ высказываетъ это въ предисловіи: «Хотя довольными россійскими книгами, ово отъ туземныхъ мудрыхъ мужей сложенными, ово и съ разныхъ другихъ языковъ искусно переведенными, читающу тебѣ ихъ съ прилежнымъ вниманіемъ, сладнишся, веселишися и изрядно пользуешися—не меньшую однако съ плодомъ пользу и изъ сея книжицы, яко титулуется Совѣтами премудрости, чрезъ мое старательство съ италіянскаго на россійскій языкъ переведенныя, пріобрѣсти можеши: понеже не Есоповы фабулы, или магометанскіе разсказы, или другіе какіе романцы въ ней обрящеши, но самые святополитичные поступки для исправленія совѣсти, духа или ума, сердца и страстей, да и языка»... Въ послѣсловіи же: «Сія книжица не отъ моего ума вымышлена, ниже отъ моего пера сложена; но отъ мужей высокоученыхъ, благородныхъ и добросовѣстныхъ. Рекохъ—добросовѣстныхъ—и во доброй совѣсти обоихъ вѣковъ человѣческихъ (?) заключается все доброе. А что въ моемъ предисловіи упомянухъ о махометанскихъ розсказкахъ и прочихъ фабулахъ, недавно изданныхъ: аще Богъ не пресѣчетъ вскорѣ жизнь мою, во отвѣтъ оныхъ по другой книжицѣ надѣюся любезнѣйшаго и мудрѣйшаго читателя удовольствовать и напвяшую силу добрыя и злыя совѣсти изъяснить».

Съ 1725 г. по декабрь 1728 года, Рагузинскій былъ посланникомъ въ Китаѣ [1]; въ 1731 г. онъ представилъ императрицѣ Аннѣ Секретную информацію о Китаѣ [2], гдѣ въ посвященіи проситъ прощенія въ ошибкахъ противъ языка «отъ недовольнаго въ россійскомъ діалектѣ искусія».

---

[1]) О его дипломатической дѣятельности можно читать подробности въ Словарѣ Бантышъ Каменскаго.

[2]) Напечатано въ Русск. Вѣстникѣ 1842 г. V, 180—243, 281—337.

Имѣя въ виду, что Рагузинскій велъ заграничную торговлю, занимался промышленными предпріятіями, ѣздилъ въ Китай, и прежде былъ недоволенъ трудомъ кн. Дим. Кантемира, можно думать, что сынъ послѣдняго Антіохъ въ своей III-й сатирѣ, писанной 1730 года, быть можетъ описывалъ Рагузинскаго подъ именемъ Хрисиппа:

По вся утра торопливъ, не только съ постели,
Но выходитъ со двора, пѣтухи не пѣли,
Когда въ чемъ барышъ достать надежда какая,
И саму жизнь не щадитъ. Не давно съ Китая
Прибывъ, тотчасъ онъ спѣшитъ и въ другой край свѣта,
Сбирается, несмотря ни на свои лѣта,
Ни на злобу воздуха въ осеннюю пору;
Презираетъ водъ морскихъ, то бездну, то гору,
Сѣдъ, беззубъ и весь уже дряхлъ на корабль садится:
Не себя какъ уберечь, нотоваръ, крушится;
Скупость, скупость Хрисиппа мучитъ — не иное:
И прячетъ онъ и копитъ денежныя тучи [1])...

—

Говоря о русскихъ переводахъ иностранныхъ сочиненій въ началѣ XVIII столѣтія, должно замѣтить, что многіе изъ нихъ остались извѣстными только въ рукописяхъ. Число ихъ кажется весьма значительнымъ особенно по тому, что до второй половины XVII вѣка переводы замѣчательныхъ сочиненій очень рѣдки и извѣстны почти на перечетъ. При разсмотрѣніи рукописной нашей литературы той эпохи, не безъ удивленія замѣчаешь внезапное появленіе переводовъ такихъ произведеній, которыя въ Европѣ XVII столѣтія были предвозвѣстниками послѣдовавшихъ тамъ потомъ преобразованій и въ наукѣ, и въ жизни [2]). Если разсматривать въ совокупности русскіе

---

[1]) Что Рагузинскій былъ скупъ, то подтверждается вышеприведенными отрывками изъ писемъ К. Зотова (стр. 158 — 159), который жаловался царю, что онъ ничего не даетъ на содержаніе въ Парижѣ своему племяннику.

[2]) Такимъ образомъ между переводами разсматриваемаго времени встрѣчаемъ: по части философіи и права — сочиненіе Самуила Пуффендорфа, который, какъ извѣстно, возвелъ на степень науки Естественное право и положилъ начало всеобщей Философіи, «Самуила Пуффендорфія о законахъ естества и народовъ книги 2, 3, 6 и 7» (De jure naturæ et gentium libri VIII, 1672); Гуго Гроція, прозваннаго отцомъ науки права, «О законахъ брани и мира три книги» (De jure belli ac pacis libri III, 1625); Томаса Бурнета (Thomas Burnet), жившаго въ Англіи и получавшаго пенсіонъ отъ короля за сочиненіе, переведенное у насъ подъ титуломъ: «Священная теорія земли, обдержащая начатокъ и общественныя премѣнности нашего міра, которыя или возымѣлъ уже и впредь возымѣетъ. Первыя двѣ книги о потопѣ и о раю; другія двѣ — о возгорѣніи міра и о будущемъ вещей состояніи; чего издатель есть Т. Бурнетій въ Лондонѣ 1702 г.» Thelluris theoria sacræ; orbis nostri originem et mutationes generales quas olim subiit et subiturus est complectens. По части политическихъ наукъ: «Наставленіе царя о твореніи совѣтовъ и

переводы подобныхъ сочиненій, то не трудно убѣдиться, что они дѣлались съ цѣлью ознакомиться съ тѣми результатами, которыхъ до-

---

о избраніи совѣтниковъ. О совѣтахъ и совѣтникахъ книга 1, съ трактату, или описанія, Фридерика Фурія Коріоляна о наставленіи князя, съ языка итальянскаго преложенная чрезъ Симона Схардія, наукъ вызволенныхъ учителя и выкладчика» (Consiliarii ex Fr. Furii institutione principis; Fredericus Furius имѣлъ прозваніе Cieriol, Ceriolanus или Seriolanus († 1592 г.), а переводчикъ его писался на латинскомъ языкѣ—Simon Schardius (1595—1672). «На Аргенію Іоанна Барклая дискурсъ» (Joh. Barclay, написалъ Argenis, изд. Эльзев. 1630, любимое сочиненіе кардинала Ришелье). «Ернеста Гоцкелія, философа, о европейскихъ царѣхъ и о ихъ величествъ презящныхъ нравахъ, и даже до послѣднихъ нравовъ нашихъ подообразное описаніе, тщаніемъ Гобелія сочинися» (Ernst Gockel — Basiliographia seu de regibus europæis). «Совѣты на сокровищное хранилище гражданское, церковное, воинское и собственное; или всякаго сокровища общественнаго соблюденіе вѣчное, или совѣты на уставленіе и размноженіе и соблюденіе всякаго сокровища, повсюду обрѣтающагося, выданные чрезъ Максимиліана Фауста Ашавенбургскаго во Франкфуртѣ (Maximilian Faust von Aschaffenburg, синдикъ и адвокатъ, издалъ въ 1661 г. Consilio pro ærario, надъ которымъ работалъ двадцать лѣтъ). «Новоумноженный политическаго счастія ковачь, со всякими дворовыми и къ свѣтскому житію потребными и на нынѣшнія времена особливо учрежденными полезными и вящше потребными ученіи, которыя изрядными присловіи, остроумными реченіи и чрезъ обыкновенными примѣрами и приводами украшены и наполнены, и ученому свѣту представлены Христіяномъ Георгіемъ фонъ Бесселемъ, его курфирстской свѣтлости бранденбургскаго совѣтника и прочая». (Докторъ Christian Georg Bessel издалъ на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ: Schmiede des politischen Glücks darinnen viele nützliche Lehren enthalten neben angefügten schönen Tractatlein etc.). «Іоанна Павла Фелвингера Норимбергскаго, учителя алтдорфинскаго, дискурсы политычныя о всѣхъ образѣхъ владѣтелевъ добрыхъ и поврежденныхъ, и о иныхъ нѣкоторыхъ матеріахъ, подлежащихъ къ ученію политичному» (John. Paul Felwinger, профессоръ въ Альтдорфѣ напечаталъ Dissertationes politicæ). «Николая Вернуллія, установленій полетичныхъ книги 4, иже вся гражданскаго ученія слогы содержатъ» (Nicolaus Vernuläus (de Vernoulle) изъ Робельмонта въ Люксамбургѣ издалъ Institutiones politicæ l. IV, Lav. 1624 и 1635). «Книга Северина з Монзамбана веронскаго, о статѣ государства нѣмецкаго» (это сочиненіе написано Пуффендорфомъ, принявшимъ псевдонимъ Severinus de Monzamban въ полемикѣ противъ барона фонъ Хемница, по вопросу объ уничтоженіи вліянія римскаго права и владычества римскаго императора въ Германіи. Сочиненіе Пуффендорфа называлось: De statu rei publicæ germanicæ liber unus. Genev. 1667). «І. К. Бекмана о честяхъ владѣтельскихъ 20 бесѣдъ» (извѣстный реформаторъ своего времени Beckmann изд. Notitia dignitatum и мн. др.). По торговому праву: «Павла Марпургера, вновь объявленный купеческій судъ, или благоустановленная купеческая компанія» (Paul Jacob Marpurger, ученый юристъ, занимавшійся преимущественно торговымъ и полицейскимъ правами; между многими сочиненіями его есть также: Handels Gerickt, oder wohl beschtelltes Commercen Collegium). По части Исторіи: «Іоанна Слейдана, о четырехъ великихъ монархіяхъ» (Johanni Sleidani, De quatuor summis imperiis libri III); это произведеніе было въ XVI и XVII столѣтіяхъ лучшимъ руководствомъ по всеобщей Исторіи, какъ въ высшихъ, такъ и среднихъ заведеніяхъ въ Германіи, и породило множество подражаній. «Объ исторіяхъ и славныхъ царствахъ и статахъ, которыя обрѣтаются въ Европѣ, части 3, выдалъ господинъ Самойло фонъ Пуффендорфъ». Знаменитый основатель Естественнаго и народнаго права въ своемъ Einleitung zu der Historie der vornehmsten Reiche und Staaten so jetziger Zeit in Europa sich finden много способствовалъ улучшенію историческаго метода. «Житіе Антонина, именованнаго Пеюса, з лѣтописцевъ латинскихъ собранное» — Роберта Кевхенія (Robert Keuchen изд. Antoninus

стигла наука на западѣ по части политическаго устройства государствъ, законодательства, исторіи и настоящаго положенія ихъ. Рукописи, гдѣ сохранились разсматриваемые переводы, находятся нынѣ въ Публичной библіотекѣ, куда поступили изъ собранія графа Толстова. Въ описаніи собранія его сохранено извѣстіе, что бо́льшая часть рукописныхъ переводовъ по части Философіи, Права, Политики, Исторіи, прежде поступленія ихъ къ гр. Толстому, принадлежали къ архангельской библіотекѣ князя Дмитрія Михайловича Голицына и ему «обязаны своимъ бытіемъ: онъ, будучи губернаторомъ въ Кіевѣ, поручалъ ученымъ и студентамъ тамошней академіи переводить для себя разныя творенія [1])».

Кн. Голицынъ былъ въ числѣ первыхъ стольниковъ, отправленныхъ Петромъ учиться за границу въ 1697 г., и на его долю выпало провести нѣкоторое время въ Италіи (въ 1700 г., онъ уже былъ по дипломатическимъ дѣламъ въ Константинополѣ), гдѣ русскіе учились въ Перасто (Боко Катаро) у тамошняго ученаго Марка Мартиновича [2]).

Въ «Описаніи града Кіева, въ печерской лаврѣ сочиненномъ [3])» находимъ слѣдующія свѣдѣнія о губернаторствѣ тамъ Голицына: «въ 1707 году, генерала Гулица въ Кіевѣ перемѣнилъ ближній стольникъ и намѣстникъ смоленскій, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ (пропускаемъ пустыя подробности о томъ, какъ онъ перемѣщалъ и переформировывалъ полки): его стараніемъ и коштомъ вновь построена каменная церковь Николая, что на Столбѣ, и надъ мощами великомученицы Варвары поставилъ онъ со всѣмъ украшеніемъ балдахинъ, кромѣ гробницы, которую дѣлалъ, еще до измѣны, гетманъ Ма-

---

Pius, sive in vitam Antonii Pii principis excursus politici. Accedit comparatio cardinalium Richelii et Mazarini. Amst. 1667). «Исторія политычна, опредѣленна на 6 книгъ, во первой ишпанскимъ языкомъ, потомъ на италійскій, изъ сего на латинскій преложенна» (подлинникъ мнѣ остался неизвѣстенъ). «Исторія о державѣ французской Іоанна Дебуссьера (Jean de Bussières, латинскій стилистъ, издалъ Historia francica etc. Lion 1661 и продолж. въ двухъ томахъ 1670—1671). По части Географіи: «Филиппа Клюверія введеніе во всю Географію (Philipp. Cluver. Introd. in univers. Geogr., t. vet. q. novam, l. VI, 1624) — это первый опытъ ввести Географію въ политико-историческую область. «Индіи восточной часть седьмая» и слѣдующія за нею по тринадцатую (Gothard Arthus—Indiae orientalis pars IV—X. Oppenheim, 1617,) и др. Здѣсь приведена едва половина переводовъ извѣстныхъ въ свое время произведеній европейскихъ ученыхъ: остальные — или не заключаютъ въ себѣ особенной важности, или остаются безъ оцѣнки по неотысканію точныхъ извѣстій какъ о подлинникахъ, съ которыхъ переводились, такъ и объ именахъ авторовъ ихъ. Вообще должно замѣтить, что переводы ученыхъ сочиненій съ польскаго языка предшествовали у насъ переводамъ съ другихъ языковъ. Такъ напр., ранѣе прочихъ встрѣчаемъ Космографію Бѣльскаго въ переводѣ 1584 г.; за тѣмъ слѣдуютъ переводы Піасецкаго, Гвагнина, Стрыковскаго и др. (впродолженіи XVII столѣтія).

[1]) Описаніе ркп. гр. Толстова—К. Калайдовича и П. Строева, М. 1825 г. стр. XXVIII.

[2]) Одесск. Вѣстн. 1841 г. №№ 27 и 28, смѣсь, стр. 125, статья Тирола.

[3]) Рукопись П. библ. F, XVII № 11 — составлена въ 1753 году.

зепа. Онъ же, Голицынъ, вновь австеріи завелъ и виноградный садъ, котораго прежде не бывало».

Въ книгѣ «Алфавитъ духовный» (1713 года), помѣщенъ гербъ князей Голицынихъ съ приличными стихами и посвященіемъ «священнѣйшаго его царскаго величества сіятельнѣйшему князю Димитрію Михайловичу Голицыну, его милости господину губерніи кіевской губернатору, намѣстнику смоленскому и прочая». Здѣсь архимандритъ кіевопечерской лавры Аѳанасій Мисловскій писалъ: «Воззрѣвше на древніи вѣкъ дѣйства, сіятельнѣйшій княже, и обрѣтше въ писаніи божественномъ, сія воспоминаемъ: яко Давидъ, царь израильскій, искаша мѣста достойна селенія Господеви Богу Іаковлю на пренесеніе кивота господня... Соломонъ же царь, сынъ его, обрѣтши мѣсто, сооружи домъ господень, еже есть церковь святая святыхъ, въ нюже внесе кивотъ господень... Подобнымъ образомъ и мы, иноцы св. чудотворныя великія лавры печерскія кіевскія,—вторицею напечатавше, аще и малую дѣломъ книжицу, Алфавитъ нареченную, духовнымъ и мірскимъ людемъ благопотребную, обаче силою духовныя мудрости зѣло исполненную,—искахомъ мѣста, гдѣ бы, по совершеніи ея, мѣсто заступника и пристанище тойжде изобрѣсти возмогохомъ: не обыче бо дѣло, художествомъ типографскимъ произведенное, безъ заступника въ свѣтъ исходити, да не растерзанно будетъ зубы Зоиловъ, согрызающихъ и растерзающихъ его.—Обрѣтохомъ убо мѣсто, наставленіемъ божіимъ, въ дому вашего княжаго сіятельства, яко нѣкое пристанище доброе, подъ крѣпкимъ вооруженнымъ стражемъ и воиномъ гербовнаго ти знаменія, погоня нареченнаго, иже силенъ есть прогнати и сосѣди завидящихъ доброму и душеспасительному сему дѣлу... Стыдно намъ, яко твоему княжому сіятельству малую сію приносити и пришисовати дерзаемъ книжицу, ему же бы достойно великихъ дѣлъ, яко великому между князи, боляры, и крѣпкимъ непреодолѣнымъ его царскаго пресвѣтлаго величества воинствомъ управителю, великое воинское или церковное молитвенное приности и отдавати дѣло, иже по указу его царскаго пресвѣтлаго величества ходилъ полномощнымъ въ турскую отлеглую и далекую землю посломъ — общій всего великороссійскаго малороссійскаго царства становити миръ, идѣже между разговорами и благоразумными своими бесѣдами, не токмо сенаторовъ тамошнихъ, на то установленныхъ, но и самого великаго салтана во удивленіе приводилъ; который къ тому дѣломъ воинскимъ королеви польскому на помощь Саксоніи, на вѣчную свою и рода своего славу, память и похвалу, ходилъ. Но на сіе дѣло ко приношенію возбуди насъ Христинъ, проповѣдникъ слова божія великаго града Іерусалима, глаголюще ко людемъ: дѣлайте, рече, и вы, и аще дары достойны сему жезлу Іессеову, еже есть пречистой Дѣвѣ Маріи, всегда цвѣтущей, приносити не возможете, обаче по силѣ доброхотіе приносите и отдавайте. При-

носимъ убо тебѣ книжицу сію... приносимъ, акп звѣздѣ, ясно сіяющей между ясными же звѣздами... между благородными князи и боляры, вѣдуще тя и видящи изрядно сіяющаго совѣтомъ, крѣпостію, разсужденіемъ, управленіемъ и нескусныхъ наставленіемъ... имъ же тя крѣпко Господь умудри и настави»...

Особенная любовь князя Димитрія Михайловича Голицына къ просвѣщенію, выразившаяся поощреніемъ переводовъ иностранныхъ серьёзныхъ сочиненій, подтверждается словами посвященія одного неизвѣстнаго малороссійскаго переводчика при рукописи подъ названіемъ: «Изчисленіе нарочитшихъ академій и училищъ, въ Европѣ созданныхъ, множайшыхъ же и доселѣ различнымы благопотребнымы ученьи процвитающихъ; преведенное съ латинскаго языка [1])». Конечно посвященіямъ нельзя давать вѣры: въ нихъ не говорятъ правды, а вся цѣль состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно сильнѣе и цвѣтистѣе расхвалить лицо, которому сочинитель, переводчикъ или издатель посвящаетъ произведеніе. Тѣмъ не менѣе посвященіе въ названной рукописи обращаетъ на себя вниманіе уже по тому, что въ началѣ XVIII столѣтія ученые труженики не посвящали своихъ трудовъ петровскимъ придворнымъ и не прославляли ихъ за любовь къ просвѣщенію. Тогда писались и даже печатались похвальныя слова, панегирики и вирши: въ нихъ наемники и бѣдняки курили посильный ѳиміамъ знатнымъ; но тамъ не встрѣчается словъ признательности, которыя высказаны кн. Голицыну за его любовь къ ученымъ.

Переводчикъ «Изчисленія нарочитшыхъ академій» въ посвященіи «сіятельнѣйшему и превосходительнѣйшему князю, его милости господину, господину губернаторови кіевскому, его царскаго пресвѣтлаго величества ближайшему стольнику и намѣстнику смоленскому, господину, господину своему милостивѣйшему, желаетъ славы, хвалы, здравія и мирнаго долгоденствія» и говоритъ, что двѣ причины побудили его приняться за трудъ, первая: «да явѣ будетъ всѣмъ могущимъ чести сія, яко всемилостивый Богъ не помрачилъ есть весь міръ тмою конечнаго неразумія», и вторая: «яко переводъ сей дерзнухъ

---

[1]) Рукопись П. библ.. XVIII, Q 5; начало: «Обрѣтается въ Ерманыи». Петру Великому было извѣстно, что кн. Голицынъ заботился въ Кіевѣ о переводѣ книгъ, и онъ не пропустилъ этого безъ вниманія. Въ кабинетныхъ дѣлахъ (I, № 57, л. 473) есть черновое письмо къ Голицыну, по всей вѣроятности, отъ Макарова (безъ года и числа): «Государь мой милостивый, князь Димитрій Михайловичъ! Царское величество указалъ къ вашему сіятельству послать приложенныя при семъ 5 книгъ, которыя извольте отдать и перевесть школьнымъ учителемъ на русскій языкъ; а какъ переведутъ, тогда извольте ихъ прислать сюда въ Питербурхъ. Такожъ его величеству извѣстно, что ваше сіятельство изволили приказать въ Кіевѣ переводить нѣкоторыя новыя книги историческія и политическія и прочія, и того для указалъ его величество къ вашему сіятельству отписать, чтобъ вы изъ тѣхъ книгъ, которыя уже переведены, изволили прислать сюда къ его величеству, и которыя изъ нихъ его величеству понравятся, тѣ изволитъ приказать здѣсь напечатать»...

вашему сіятельству вручити, вина не инная есть, токмо яко увѣщанъ есмь—никого же, паче сіятельства вашего, теплѣйшаго премудрости рачителя быти. Ты усердно тщишися вся знати, вся разумѣти, елика безчисленные въ мірѣ мудрецы и авторы древними и нынѣшними времены написаху. Не азъ, но толь многія книги, яже иждивеніемъ твоимъ на свойственный отечества сего языкъ переведенны, тебѣ суть о семъ свидѣтельствуютъ. Чесо бо inаго ради творити хотѣлъ еси сіе, токмо за твою премудрости ревность? Въ толь многомъ же историчномъ, экономичномъ, философичномъ и прочіимъ искусенъ уже сущи ученій, еще паче и паче желаеши по вся дни что-либо научитися, или паче реку—древлезнаемое воспомянути. Послѣдуя въ томъ премудрому и по всей вселенной иногда славному иконописцу Аппеллію, иже аще inымъ чѣмъ въ кой день упраздняшеся, то поне линію едину иконописнымъ перомъ начерташе, глаголя: ни единъ день безъ линій! Что же реку о любви сіятельства вашего ко мудрымъ? Овыхъ дарами удоволяеши, овыхъ на достоинства возводиши, овыхъ усты твоими прославляеши — всѣмъ благотвориши! Не дерзаю прочія твои благодѣтели восхваляти, да не паче помрачу тыя, нежели издамъ во свѣтъ, младоуменъ азъ сущи»...

Читая такой отзывъ о Голицынѣ, не безъ удивленія встрѣчаемъ въ запискахъ дюка де Лиріа извѣстіе, что будто бы этотъ покровитель ученыхъ, желавшій имѣть русскіе переводы всего, что было лучшаго и замѣчательнаго по разнымъ отраслямъ наукъ въ Европѣ, говаривалъ о преобразованіяхъ Петра: «къ чему всѣ эти затѣи? развѣ мы не можемъ жить такъ, какъ живали наши отцы и дѣды, которые не пускали къ себѣ иноземцовъ?» Эти слова, приписанныя Голицыну испанскимъ посломъ, у насъ пользуются большою извѣстностью: каждый изслѣдователь, говоря о противодѣйствіи современнаго русскаго общества реформѣ Петра, долгомъ считаетъ привести выписанное выше изъ записокъ дюка де Лиріа [1]).

---

[1]) Изъ этихъ же записокъ не трудно замѣтить, что дюкъ де Лиріа представилъ кн. Голицына политическимъ старообрядцемъ по тому, что вообще смотрѣлъ враждебно на его замыслы въ 1730 г. (ср. далѣе) и вѣрно предчувствовалъ, что, съ осуществленіемъ ихъ вполнѣ, испанскому послу не будутъ уже удаваться разныя дипломатическія продѣлки, которыя онъ предпринималъ въ Петербургѣ, то при помощи подкупа деньгами и орденомъ всесильнаго временщика, то съ пособіемъ блистательной иллюминаціи въ честь особы изъ особъ. Князь Голицынъ точно хотѣлъ уничтожить вліяніе иноземцовъ на дѣла Россіи, но не за то, что эти иноземцы были у насъ представителями цивилизаціи: для Россіи были тяжелы тѣ пришельцы-проходимцы, которые, отказываясь отъ своей родины, не хотѣли однако признавать Россіи новымъ отечествомъ, а видѣли въ ней только варварскую страну, гдѣ было можно нажиться и имѣть значеніе. Такимъ людямъ благо Россіи, любовь къ ней были предметами посторонними. Они служили лицамъ съ усердіемъ, все превозмогающимъ, лишь бы имъ самимъ отъ того было теплѣе, а это достигалось, когда усиливалась власть, разрастался произволъ патроновъ, которымъ иноземцы исключительно посвящали свое усердіе.

Припомнимъ здѣсь, что владѣлецъ архангельской библіотеки, послѣ смерти Петра II, былъ нѣкоторое время главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и руководителемъ партіи, имѣвшей намѣреніе предоставить престолъ Аннѣ Іоанновнѣ не иначе, какъ подъ такими условіями, которыя ограничивали значительно власть новой императрицы. При этомъ случаѣ, кн. Голицынъ никакъ не хотѣлъ, чтобы иноземцы, привлеченные въ Россію при Петрѣ, были участниками въ правленіи. Въ царствованіе Петра Великаго дѣйствительно находилось въ русской службѣ множество иностранцевъ: они были чествуемы и уважаемы, потому что знаніями своими, дѣятельностію приносили пользу Россіи; но при жизни царя, когда все государство зависѣло отъ одной только его воли, эти люди были не болѣе какъ исполнителями, необходимымъ орудіемъ. Когда престолъ перешелъ въ руки женщины, когда Бассевичъ и голштинцы стали при дворѣ первыми лицами, — иностранцы явились главными распорядителями: отъ нихъ зависѣло все, а такое положеніе дѣлъ не могло нравиться русскимъ. Когда верховному совѣту, сенату и генералитету было объявлено о смерти Петра II, то кн. Димитрій Михайловичъ тогда же возвысилъ голосъ, что Россія страдала отъ деспотизма, которому разростись не мало способствовали иноземцы. Дюку де Лиріа, имѣвшему сильную подпору въ Остерманѣ — главѣ партіи иноземческой — не могло нравиться такое мнѣніе Голицына, такъ какъ, при осуществленіи его, испанскій посланникъ терялъ прежнее значеніе и вліяніе при русскомъ дворѣ.

Историкъ кн. Щербатовъ называетъ Голицына «разумнѣйшимъ человѣкомъ своего вѣка», а собранная имъ библіотека, заботы его о переводахъ ученыхъ сочиненій и знакомство съ ними, конечно, не дозволяютъ думать, чтобы кн. Димитрій Михайловичъ былъ изъ тѣхъ стариковъ, которые желали возвращенія къ старинѣ. Изъ записокъ Манштейна, которыя до сихъ поръ остаются лучшимъ источникомъ для исторіи русскихъ событій 1730 года, видно, напр., что кн. Голицынъ не хотѣлъ пригласить въ засѣданія верховнаго совѣта высшаго духовенства, такъ какъ зналъ, что это послѣднее не упуститъ случая увеличить опять ограниченную Петромъ Великимъ власть свою. Если бы Голицынъ былъ приверженцемъ старины, то онъ долженъ былъ не только пригласить помянутое сословіе къ участію въ разсужденіяхъ о правленіи Россіи, но и желать возстановленія патріаршества, а съ нимъ — и всѣхъ, хорошо извѣстныхъ прерогативъ этого званія. Кромѣ того, изъ донесеній нѣкоторыхъ иностранныхъ министровъ къ своимъ дворамъ видно, что Голицынъ поручалъ въ 1730 г. повѣренному по дѣламъ нашимъ въ Швеціи, иноземцу Фику составить записку о государственныхъ учрежденіяхъ этой страны, съ цѣлью примѣнить ихъ въ Россіи. Этотъ Фикъ былъ тотъ самый, который въ 1718 г. представлялъ Петру записку о воспитаніи русскаго юношества, на кото-

рой послѣдовало рѣшеніе царя: «сдѣлать академію, а пынѣ пріискать изъ русскихъ кто ученъ». По свидѣтельству Манштейна, Фикъ былъ отправленъ Петромъ въ Швецію для изученія тамошняго законодательства: иноземцу понравился образъ правленія въ тогдашней Швеціи, и онъ, тотчасъ же послѣ смерти Петра II, вступилъ въ переписку объ этомъ предметѣ съ кн. Голицынымъ. При императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, Фика сослали безъ всякаго суда и расправы въ Сибирь, гдѣ онъ и оставался до возшествія на престолъ Елизаветы, которая освободила его изъ ссылки.

Замѣчательно, что въ событіяхъ, происходившихъ въ Петербургѣ въ 1730 году, русскій сатирикъ кн. Антіохъ Кантемиръ, тогда юноша двадцати одного года, принадлежалъ къ противной кн. Голицыну сторонѣ, которая успѣла уничтожить всѣ замыслы его. Другъ Кантемира, писавшій его біографію [1]), не объясняетъ, что̀ заставило особенно Кантеміра юношу дѣйствовать такимъ образомъ, а приводимыя при этомъ случаѣ слова Кантемира, говоренныя имъ его біографу, только сбиваютъ съ толку изслѣдователя. Не должно упускать изъ виду, что кн. Антіохъ былъ врагомъ Голицына по личнымъ разсчетамъ: старшій братъ Кантемира женился на дочери Голицына, а этотъ, будучи въ силѣ, все имѣніе свата своего кн. Димитрія Кантемира, успѣлъ укрѣпить за своимъ зятемъ. Вслѣдствіе того кн. Антіохъ остался бѣднякомъ, но при вступленіи на престолъ императрицы Анны, принадлежа къ торжествующей партіи, достигъ того, что кн. Дим. Мих. Голицынъ былъ сосланъ въ 1737 г. въ Шлюссельбургъ, именно за дѣло по наслѣдству Кантемировъ, что̀ разумѣется не имѣло бы мѣста, когда бы Голицынъ успѣлъ въ своихъ замыслахъ [2]).

Князя Димитрія Михайловича Голицына, конечно, не должно смѣшивать съ тѣми, которые въ 1730 году по личнымъ разсчетамъ и необходимости (какъ напр. кн. Долгорукіе), принадлежали къ одной

---

[1]) Въ изданіи Satyres du prince Cantemir, Londres 1750, I, стр. XXXII и слѣд.

[2]) Историкъ кн. Щербатовъ въ своихъ запискахъ, имѣющихся въ рукописяхъ у нѣкоторыхъ любителей старины, такъ разсказываетъ о событіяхъ 1730 года: «Духъ благородной гордости и твердости упалъ въ сердцахъ знатнорожденныхъ россіянъ, и тако хотя великая часть ощущала неудовольствіе, но никто ни къ чему смѣлому приступити не дерзалъ. Однако, если не точно пользою отечества побуждены, то собственными своими видами нашлися такіе, которые предпріяли разрушить сіе установленіе (задуманное подъ руководствомъ кн. Голицына): Θеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ новгородскій, мужъ исполненный честолюбія, хотѣлъ себѣ болѣе силы и могущества пріобрѣсти. Василій Никитичъ Татищевъ, человѣкъ разумный и предпріятельный, искалъ своего счастья. Кн. Антіохъ Дмитріевичъ, человѣкъ ученый, предпріятельный, но бѣдный, по причинѣ первороженія брата своего Дмитрія Дмитріевича, искалъ себѣ и почестей, и богатства, которое надѣялся чрезъ умыселъ свой противу установленія получить, и тѣмъ достигнуть еще до желанія своего жениться на княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Черкасской, дочери и наслѣдницѣ кн. Алек. Михайловича Черкасскаго, богатѣйшаго изъ россійскихъ благородныхъ»....

съ нимъ сторонѣ. Пожалуй князь Иванъ Долгорукій, тотъ самый, что̀ «на лошадяхъ, окруженъ драгунами, часто по всему городу необычнымъ стремленіемъ, какъ бы изумленный, скакалъ и по ночамъ въ честные домы вскакивалъ—гость досадный и страшный!» и этотъ человѣкъ считалъ себя единомышленникомъ Голицына.

По свидѣтельству Манштейна, партія верховнаго совѣта, когда всѣ усилія ея къ ограниченію власти новой императрицы рушились, пришла въ смятеніе—особенно Долгорукіе были въ ужасномъ страхѣ. Одинъ только кн. Димитрій Голицынъ сохранилъ присутствіе духа и показывалъ даже нѣкоторую гордость. Пріятелямъ своимъ онъ говорилъ: «Ну, пиръ былъ готовъ, да недостойны были званые на него. Знаю, я буду жертвой—пусть будетъ такъ, я пострадаю за родину! Мое поприще кончается: тѣ, которые заставятъ меня плакать, поплачутъ еще долѣе, нежели я!».... И это предсказаніе сбылось.....

X.

Математика. Математическое руководство XVII вѣка. Введеніе арабскихъ цифръ. Печатныя математическія книги временъ Петра Великаго. Астрологія; успѣхи ея въ Россіи въ старину. Астрономія. Любовь государя къ этой наукѣ. Первое печатное объявленіе о затмѣніяхъ. Календари. Мѣсяцословъ царя Алексѣя Михайловича съ собственноручными замѣтками Петра Великаго. Рукописные и печатные календари конца XVII и начала XVIII вѣка. Брюсъ и его труды на пользу русскаго просвѣщенія вообще. Календарь, извѣстный подъ невѣрнымъ названіемъ Брюсова. Календарь Изволова, составленный согласно требованіямъ науки.

Впродолженіи XVII столѣтія въ Россіи издано было только одно математическое сочиненіе, именно: «Считаніе удобное, которымъ всякій человѣкъ купующій или продающій зѣло удобно изыскати можетъ число всякія вещи [1])». Въ предисловіи такъ объясня-

[1]) Эта книга перепечатана при Петрѣ В., см. 2-ю часть настоящаго труда № 267. Кстати замѣтимъ, что г. Забѣлинъ, писавшій о степени распространенія знаній въ допетровской Россіи, не находилъ свидѣтельствъ, которыя бы подтверждали, что у насъ существовали тогда какія либо научныя понятія о математикѣ вообще. Это мнѣніе встрѣтило себѣ противника въ г. Куприановѣ. На томъ основаніи, что Новгородъ и Псковъ вели обширную торговлю, и что познанія въ ариѳметикѣ нужны каждому даже въ домашнемъ быту, г. Куприановъ выводилъ, что «счетная и торговая часть были у насъ встарину не вовсе безъизвѣстны». На такое возраженіе г. Забѣлинъ отвѣчалъ, что представляется сильное сомнѣніе въ томъ, чтобы въ составъ школьнаго стариннаго образованія, вмѣстѣ съ псалтыремъ и часословомъ, входила и ариѳметика, въ доказательство тому привелъ нѣкоторыя мѣста изъ похвальнаго слова Петру Ѳеофана Прокоповича, толки въ народѣ о сухаревой башнѣ и стихи въ сатирахъ Кантемира (Отеч. Записки, 1856 г. № 4).

лось употребленіе этого руководства: «Сія книжка, читателю любезный, надобна человѣку для скораго всякія вещи цѣны обрѣтенія, который кто купити или продати хощетъ: а мѣра и цѣна за сколько чего, сколько денегъ дати или взяти, объявляется въ сей книжкѣ на всякой страницѣ въ верхнихъ, да въ посторонних верхнихъ строкахъ въ клѣточкахъ. И мощно считати всякія вещи, хотя мѣру положити, сколько чего продаетъ или покупаетъ, въ верхней строкѣ, а цѣну въ посторонней строкѣ, и ты отъ того числа пойди рядомъ клѣточками и дойди до той клѣточки, которая стоитъ противъ верхняго числа— столько будетъ за тотъ товаръ и цѣны копѣйками, или алтынами, или рублями... И о семъ, читателю, буди тебѣ извѣстно, что въ сей книжкѣ положено счету, краткости ради, только одно сто. А если мѣра или цѣна превзыдетъ число счета, который положенъ въ сей книжкѣ, и тому возможно по сему же счету, мѣру и цѣну умножая, хотя многія тысячи счести. Здравствуй и о трудившихся въ семъ дѣлѣ моли Бога». Эта таблица умноженія напечатана въ Москвѣ, въ 1682 году.

Въ рукописяхъ конца XVII столѣтія встрѣчается курсъ математики, подъ заглавіемъ: «Книга сія, глаголемая по эллински и по гречески ариѳметика, а по нѣмецки альгоризма, а по русски цифирная счетная мудрость; та мудрость едина изъ большихъ изъ седми мудростей». Кто и когда именно перевелъ или передѣлалъ на русскій языкъ этотъ курсъ, теперь неизвѣстно. Есть свѣдѣніе, что переводчикъ посольскаго приказа Николай Спафарій перевелъ въ 1672 году ариѳметику, которая нынѣ хранится въ рукописяхъ Чудова монастыря подъ №159 [1]), но что̀ это за переводъ и имѣетъ ли онъ что нибудь общее съ названнымъ выше курсомъ—остается не разслѣдованнымъ.

Г. Востоковъ въ Описаніи рукописей Румянцевскаго музея (№ XII) говоритъ объ означенномъ курсѣ, что онъ написанъ малороссіянином или какимъ нибудь южнымъ славяниномъ, и что находящаяся тамъ пасхалія начинается 1685 годомъ. Въ П. библіотекѣ есть три экземпляра такой ариѳметики [2]).

Содержаніе этого руководства весьма разнообразно: здѣсь находимъ не только ариѳметику, но и астрологію, астрономію, товаро-

---

[1]) Обзоръ дух. литер. преосв. Филарета, Зап. II отд. ак. наукъ. II, 244.

[2]) Два изъ нихъ, полнѣйшіе, подъ №№ 10 и 14, IX; здѣсь вездѣ арабскія цифры; на особомъ листѣ изображеніе ихъ съ славянскими числами. Подъ № 10 ркп. имѣетъ два предисловія; первое начинается: «Хотяй мене», второе—«Азъ есмь отъ Бога». Ркп. № 14 предисловіе нач.: «Сія мудрость есть»; начало текста въ обѣихъ: «Та мудрость едина изъ большихъ изъ седми мудростей; отъ сея книги философи гречестіи изыскали; безъ сея мудрости ни единъ философъ не можетъ быти, ни дохтуръ; а кто сію мудрость вѣдаетъ, можетъ быть у государя въ великой чести и жалованіи; по сей мудрости гости по государствамъ торгуютъ и во всякихъ товарѣхъ и торгѣхъ силу знаютъ, и во всякихъ вѣсахъ и въ мѣрахъ, и въ земномъ верстаніи и въ морскомъ теченіи». Затѣмъ слѣдуютъ ариѳметическія правила.

вѣдѣніе. Такъ, послѣ первыхъ четырехъ правилъ, названныхъ адисіе или считаніе, сюбстрясіе, по русски выниманіе, мюлтипликасія или умноженіе, дивизія или дѣловая, помѣщены: «счетная нюмерасіе—указъ, какъ костми считати; указъ о досчаномъ счетѣ (т. е. счеты); о вѣсахъ и о мѣрахъ московскаго государства; о считаніи нѣмецкія земли о вѣсахъ; сюбстраксіе, выниманіе или вычитаніе въ нѣмецкихъ вѣсахъ барабанскія земли; о всякихъ доляхъ указъ; тройная въ цѣлыхъ и въ доляхъ всякихъ; статья торговая людемъ; строка тройная фальшивая.» Далѣе помѣщено множество примѣровъ изъ правилъ тройнаго, товарищества и т. п.; между такими примѣрами, въ одномъ есть, что «юноша пошелъ изъ Париса на Брюссель»... Потомъ слѣдуютъ: «Изъ астрономіи съ нѣмецкихъ переводовъ; о ефимочномъ и золотомъ и перстнѣ о выниманіи у трехъ человѣкъ; цыфирь нѣмецкое число съ русскимъ; указъ, како класть сошную кладь; сія книга о земномъ верстаніи, како земля вервити; главникъ русскому товару и нѣмецкимъ товаромъ; память нѣмецкимъ товаромъ всякимъ, и ефимкамъ, и золотымъ, и сукнемъ и жемчюгомъ, и всякой рухляди, и почему на Москвѣ, и почему на Мурманскомъ и въ нѣмцахъ купятъ и продаютъ».

Въ началѣ рукописи польза ариѳметики изложена въ трехъ статьяхъ: въ первой и послѣдней отъ лица самой науки, а во второй въ предисловіи къ читателю. Такимъ образомъ ариѳметика говоритъ тамъ о себѣ: «азъ есмь отъ Бога свободная мудрость высокозрительнаго и остромысленнаго разума и добротное придарованіе человѣческое; много человѣкъ превосходитъ безсловесное неразуміе. Азъ бо есмь своима легкима крилома парю ввыспрь подъ облаки, аще и нѣсть мя тамо, а заочныя, невидимыя и предочныя дѣла объявляю»... Въ предисловіи воздана дань удивленія остроумію и замысловатости ариѳметическихъ правилъ, напр.: «составлено дивное и премудрое считаніе тройное, еже считается въ три перечни, и ражаетъ собою четвертый перечень. Сія же убо статья, зовомая тройная, въ книзѣ сей по истиннѣ хваламъ достойна. И яко на нѣкоемъ драгоцѣномъ тканіи чудные и различные цвѣты испещрени, или паки дивныя пестротныя изображенія изящнѣйшихъ художниковъ, еже бываетъ хитрымъ начертаніемъ украшено и различіе учинено—тако по истиннѣ сія сему подобно въ книзѣ сей разумѣніемъ и вымышленіемъ дальнимъ учинена и предана»...

Въ П. библіотекѣ [1]) есть прекрасно написанный экземпляръ этого же руководства (только неполный: оканчивается статьею «изъ астрономіи съ нѣмецкихъ переводовъ»): «Книга, глаголемая ариѳметика, пятая изъ седми мудростей наука. Начата бысть писати отъ созданія міра въ лѣто 7199 года, индикта 14, круга солнечнаго 3, луннаго 17; отъ Рождества по плоти единосущнаго Отцу Слова 1691; справнаго

[1]) Изъ погодин. собр. № 1664.

лунпаго слова о, а ключеваго пасхальнаго Ф; мѣсяца іуніа 28 дня». Списокъ отличается отъ предыдущихъ тѣмъ, что въ началѣ увѣщаніе и предисловіе переписчика написаны въ стихахъ. Между прочимъ въ первомъ говорится:

Да увѣстся о семъ, яко ариѳметика
Девяти числъ, девяти и статей наука.
Десятое же мѣсто ономъ [1]) исполняетъ,
Своего числа мѣсто просто сохраняетъ.
Коему либо въ счетѣ необрѣтатися
Ту есть станетъ онъ (О), ему же не считатися,
Разумѣй, идѣже онъ мѣсто порозже есть.
Тако въ статьяхъ десятья науки нѣсть:
Точію вмѣсто того поставки различны.
Въ строкахъ считаніе славяномъ необычны:
Тѣхъ поставокъ подробно неудобь и счести,
Кто ихъ навыкнетъ, можетъ вся подъ солнцемъ счести!

«Предисловіе книги сей до читатель, винословнѣй паче есть до списатель»:

Благочестивѣйшему читателю,
Во писаніяхъ жизни искателю.
Рачу ти, многолѣтно здрави пребуди!
Извѣстно, читателю, тебѣ буди,
Яко съ неисправной азъ писахъ книги,
Многи неисправы обрѣтохъ: многи
Отъ незнающихъ бысть погрѣшеніе,
Исправа же тому бысть разрѣшеніе.
Яко азъ, ариѳметическій трудникъ,
Бывахъ ея доброты ученикъ.
Яко художествомъ тѣмъ не горжуся,
Ниже мудростію ея хвалюся.
Но токмо мои труды обставляю,
Вѣдомость предъ вами о томъ полагаю,
Дабы мои труды кто не исказилъ,
Незнавъ, преписаніемъ не нарушилъ.
Кая бо честь сладость въ горькость обвращати,
Ли кій прибытокъ свѣтъ въ тму превращати?
Исправное писати неисправно —
Се есть отъ Бога и казни виновно!
Сего ради молю васъ, читателей,
Паче же искусныхъ книжныхъ писателей,
Аще кто сю имать преписывати,
Потщися прилежно присматривати.
И зная ся, дерзай на сіе дѣло:
Не знавъ же списывать, не будетъ цѣло;
Но во множайшихъ мѣстѣхъ погрѣшиши,
Числа и рѣчи не такъ напишеши.
Искуснымъ дерзати повелѣваю,
Писать, трудится соизволяю.

---

[1]) Т. е. нулемъ.

Должды бо есмы... трудитися.
Паче же въ писаніи книгъ нудитися.
Яко глубже въ рудъ златокопанніихъ
Тако книжной мудрости во исканіихъ.
Внимая прилежно преписывати,
И списавъ ю сличити, исправити.
И о чемъ завѣщавъ вашей честности,
То бысть въ моей многодневной трудности.
Аще гдѣ и въ сей книгѣ обрящете
Мое погрѣшеніе, исправите:
Молю вы—же бысть отъ небреженія,
Либо забвенно отъ испытанія.
Вамъ же, господамъ, читать, мудровати
И о Христѣ много лѣтъ здравствовати!
Рабъ недостойный се вамъ усердствуетъ
И небесныхъ благъ получити желаетъ.

Зная это рукописное математическое руководство, не трудно догадаться, на что намекалъ Магницкій, говоря въ изданной имъ ариѳметикѣ 1703 года: «множайшія ради пользы и лучшаго искусства, собрахомъ сію науку ариѳметику изъ многихъ разноязычныхъ книгъ греческихъ, латинскихъ и старо-преводныхъ славенскихъ»... Расположеніе, многія объясненія и терминологія заимствованы въ трудѣ Магницкаго изъ разсмотрѣннаго сейчасъ рукописнаго руководства XVII столѣтія.

Олеарій въ своемъ описаніи Россіи сохранилъ извѣстіе объ одномъ русскомъ, пристрастившимся къ математическимъ наблюденіямъ: это былъ Алексѣй Савичъ Романчиковъ, который, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, сопровождалъ голштинское посольство изъ Москвы въ Персію подъ видомъ посланнщка, на дѣлѣ же для надзора за дѣйствіями иностраннаго посольства [1]).

Романчикову было около 30 лѣтъ: отъ природы умный и ловкій, онъ, наперекоръ обычаямъ своихъ соотечественниковъ, чувствовалъ особенную склонность къ умственнымъ занятіямъ, зналъ нѣсколько латинскихъ словъ, любилъ математику и, чтобы пріобрѣсти познанія въ ней, искалъ случая бесѣдовать съ голштинцами. Во время путешествія съ ними, онъ такъ прилежно занялся латинскимъ языкомъ, что по возвращеніи изъ Персіи, черезъ пять мѣсяцевъ, говорилъ на этомъ языкѣ если не совсѣмъ правильно и изящно, то по крайней мѣрѣ понятно. Узнавъ употребленіе астролябіи, онъ тотчасъ же заказалъ часовщику посольства сдѣлать ему подобный инструментъ, и когда заказъ былъ выполненъ, то Романчиковъ въ каждомъ попадавшемся по дорогѣ городѣ или селеніи снималъ высоту домовъ и занимался математическими выкладками. Само собою разумѣется, что жители, не привыкшіе къ зрѣлищу такихъ наблюденій и занятій, на-

[1]) Voyage très curieux et renommé... trad. par Wicquefort, édit. de Leyde 1719, стр. 469, 470 и 1092.

ходили ихъ очень странными. Къ сожалѣнію, конецъ этого доморощенаго математика былъ плачевный: по возвращеніи изъ Персіи, не далеко уже отъ Москвы, онъ получилъ письмо отъ своего пріятеля, что царь не доволенъ его дѣйствіями въ Персіи. Это извѣстіе такъ огорчило Романчикова, что онъ отравился.

Сохранился собственною рукою написанный разсказъ Петра (въ предисловіи къ Морскому регламенту) о томъ, какъ онъ впервые узналъ о существованіи астролябіи отъ кн. Якова Долгорукова, какъ этотъ инструментъ привезенъ былъ послѣднимъ по просьбѣ царя изъ за границы и какъ не безъ труда отысканъ былъ голланецъ Францъ Тиммерманъ, который умѣлъ обходиться съ астролябіею. Въ трудѣ г. Устрялова [1]) можно найдти подробныя извѣстія, какъ проходилъ Петръ математику подъ руководствомъ Тиммермана, а также и учебныя тетради его.

Говоря о состояніи математическихъ знаній въ Россіи начала XVIII столѣтія, невозможно пропустить безъ вниманія вопросъ: съ которыхъ поръ у насъ введены арабскія цифры?

Тредьяковскій, а за нимъ м. Евгеній, Сопиковъ и Берхъ говорили, что первою русскою печатною книгою съ арабскими цифрами была ариѳметика Магницкаго 1703 года. Покойный Соколовъ, видя, что «Книга морскаго плаванія» 1701 года перенумерована этими цифрами, полагалъ, что эту книгу должно считать самою первою изъ русскихъ, гдѣ употреблены арабскія цифры [2]). Это замѣчаніе Соколова теряетъ свое значеніе, если припомнить, что помянутая книга вышла хотя въ 1701 году, но не въ Россіи, а въ Амстердамѣ: нѣтъ ничего замѣчательнаго, что тамъ славянская книга перемѣчена арабскими цифрами. При томъ же, въ книгахъ, изданныхъ Тессингомъ и Копіевскимъ, это встрѣчается даже ранѣе 1701 года: въ Введеніи во всякую исторію 1699 г., а главное въ Руководеніи во аритметику того же года, гдѣ всѣ четыре ариѳметическія правила объяснены арабскими цифрами.

Втеченіи XVII вѣка, на нѣкоторыхъ гравюрахъ, помѣщавшихся при изданіяхъ кіевской и львовской типографій, годы, въ которые рѣзались изображенія, означены арабскими цифрами. Въ напечатанномъ въ Москвѣ 1647—49 г. Ученіи и хитрости ратнаго строенія, на многихъ чертежахъ являются арабскія цифры; онѣ есть и въ текстѣ, когда дѣлаются ссылки на тѣ чертежи. Въ Исторіи или дѣйствіи евангельскія притчи о блудномъ сынѣ, вырѣзанной на мѣди въ Москвѣ 1685 г., помѣта по листамъ и изображеній сдѣланы также арабскими цифрами. Въ букварѣ Каріона Истомина 1692 г. изображена, между прочимъ, книга съ надписью Ариѳметика и съ такими же цифрами. Такимъ об-

---

[1]) Исторія царств. Петра В. II, 18, 19, и прилож. № III.

[2]) Записки гидрогр. департ. V, 1847 г. стр. 423.

разомъ, арабскія числа являются у насъ прежде всего введенными на гравюрахъ, рѣзанныхъ на мѣди или на деревѣ. Еще въ 1676 году, во время слѣдствія и суда надъ Артемономъ Матвѣевымъ, его допрашивали о книгѣ лечебникѣ, «въ которомъ лечебникѣ многія статьи писаны цифирью». Боярипъ отвѣчалъ, что такой книги у него нѣтъ, а есть «тетрадка славенскаго письма, а въ той тетрадкѣ писаны пріемы отъ всякихъ болѣзней, и подмѣчены тѣ статьи словами цифирными для пріисканія лекарствъ»... Однако слѣдователи не удовольствовались такимъ отзывомъ: осматривали весь домъ Матвѣева, но «книги непотребныя и противныя закону Божію не нашли» [1]).

Капитанъ Перри [2]) говоритъ о Фарварсонѣ, какъ о вводителѣ у насъ арабскихъ цифръ, до котораго всѣ математическія выкладки въ присутственныхъ мѣстахъ и частныхъ дѣлахъ производились на счетахъ. Перри по этому случаю затѣйливо описалъ наше старинное математическое орудіе, добавивъ, что въ его время въ Россіи людей, знавшихъ ариѳметику, было весьма мало: они считались остроумнѣйшими головами, одаренными блестящими способностями.

Въ первый разъ арабскія цифры введены у насъ печатныя въ замѣчательномъ Юрналѣ объ осадѣ Нотебурга, изданномъ въ Москвѣ 27 декабря 1702 года (ср. 2-ю часть настоящаго труда № 57), и въ оффиціальномъ документѣ по этому предмету упомянуто, какъ о чемъ-то замѣчательномъ, что Юрнала дѣлано 1000 экз., изъ которыхъ «пять сотъ съ цифирными числами, да пять сотъ съ русскими».

О первой русской ариѳметикѣ 1699 г., изданной Копіевскимъ въ Амстердамѣ, говорено уже во II главѣ, стр. 20—21.

Въ январѣ 1703 года, издана въ Москвѣ ариѳметика Магницкаго, который былъ ученикомъ московской духовной академіи, когда тамъ еще преподавали Лихуды и ученики ихъ: неудивительно поэтому, что нашъ первый ариѳметикъ и геометръ, какъ его называютъ (не совсѣмъ справедливо, потому что его трудъ есть только компиляція извѣстнаго въ рукописяхъ XVII вѣка руководства), зналъ риторику и писалъ силлабическіе стихи. Предисловіе Магницкаго къ ариѳметикѣ и посвященіе ея царю, по своей риторской напыщенности и многословію, можетъ служить образчикомъ краснорѣчія, которое пріобрѣталось въ единственномъ тогдашнемъ разсадникѣ велико-русской учености.

Содержаніе ариѳметики описано самимъ составителемъ ея: она раздѣлена на двѣ части — «въ первой, яже именуется политика, вся гражданскія потребы, купеческія убо и воинскія и различныхъ чиновъ, ради людей, многіе приклады и образы положихомъ: пропорціи

---

[1]) Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина Матвѣева, изд. Новикова, стран. 2, 3.

[2]) Etat présent de la Russie, 1717, 258—259.

рудъ и различныхъ царствъ и временъ, разиство денегъ, и вѣсовъ, и мѣръ, и разливающихся веществъ, тяготу и ины многіе образцы, яко да всякъ усердствуя, можетъ извѣстно во всякихъ случаяхъ недоумѣніе въ числахъ разрѣшити, насмотряяся различныхъ заданій въ нашемъ собраніи. Въ другой, именуемой логистика, собрани и положени суть, яже къ геометріи, сіесть къ землемѣрію и къ навигаціи, сіесть къ мореплаванію, надлежатъ. И, ради сея мореплаванія науки, объявихомъ отчасти о фигурѣ міра, сіесть земли и небеси, и о раздѣленіи ихъ, и о движеніи солнца, и о рожденіи луны и о прочихъ тѣмъ различнымъ»... Магницкій въ награду за составленіе книги получилъ кормовыя деньги съ 2 февраля 1701 года по 1 января 1702, по 5 алтынъ на день, что составляло всего 49 руб. 31 алтынъ и 4 деньги [1]).

Въ Московскихъ вѣдомостяхъ [2]) помѣщено обстоятельное описаніе ариѳметики Магницкаго. При этомъ случаѣ, г. В., говоря о состояніи математическихъ знаній въ до-петровской Россіи, сообщаетъ о рукописномъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: «Книга, рекома по гречески ариѳметика, а по нѣмецки альгоризма, а по русски цифирная счетная мудрость». Судя по заглавію, это руководство должно быть одинаково съ описаннымъ нами выше. Только г. В. относитъ свою рукопись къ концу XVI вѣка, не указывая впрочемъ, гдѣ нынѣ находится она. Видѣнные нами три экземпляра Публичной библіотеки и одинъ въ Румянцевскомъ музеѣ относятся ко второй половинѣ XVII вѣка.

Г. В. указываетъ также на рукопись «Книга, именуема геометріа. или землемѣріе радиксомъ и циркулемъ», составленную, вѣроятно какимъ нибудь иностранцемъ математикомъ по случаю измѣренія двинской области; въ ней, между прочимъ, изъясняется сошное и вытное письмо. И эту рукопись г. В. пріурочиваетъ къ концу XVI вѣка, безъ указанія, гдѣ ему случалось ее видѣть. Въ концѣ своей статьи, г. В. дѣлаетъ такую оцѣнку описываемаго здѣсь руководства: «Главное достоинство сочиненія Магницкаго есть полнота: это не просто ариѳметика, какъ означено въ заглавіи, но цѣлый курсъ математики съ приложеніемъ ея къ мореплаванію. Впрочемъ, ариѳметика въ книгѣ Магницкаго обработана съ бо́льшею полнотою; видно, что авторъ особенно заботился объ этой части своего сочиненія, имѣя въ виду, конечно, болѣе необходимое приложеніе ея къ жизни, чѣмъ другихъ частей математики [3]). Онъ преимущественно старался указать тѣ случаи, гдѣ можно счесть или измѣрить что нибудь при пособіи ариѳме-

---

[1]) Исторія морск. кад. корпуса стр. 16, 17.

[2]) Московскія вѣдомости 1857 г. №№ 68, 69 и 74: «Первая печатная ариѳметика въ Россіи».

[3]) Ариѳметика у Магницкаго вышла полнѣе прочихъ частей по тому, что онъ имѣлъ подъ руками пространное руководство этой науки, для алгебры же и геометріи таковыхъ не имѣлось.

тики. Съ этою цѣлью онъ помѣстилъ въ своей книгѣ множество примѣровъ или прикладовъ, и особенно не поскупился на нихъ при объясненіи тройныхъ правилъ. Методъ изложенія истинъ науки у Магницкаго довольно ясный, но, по нашимъ понятіямъ, неудовлетворительный: авторъ учитъ только производить дѣйствія, не представляя причинъ, почему такъ, а не иначе дѣлается; почти не разсуждаетъ самъ и не даетъ возможности учащемуся сознательно узнать и вполнѣ убѣдиться въ непреложности математической истины. Въ изложеніи алгебры у Магницкаго меньше полноты; предложены правила, но примѣровъ и практическихъ задачъ почти нѣтъ. Въ геометріи изложены только самыя необходимыя и поверхностныя свѣдѣнія [1])»....

Въ маѣ 1703 же года, напечатаны въ Москвѣ: «Таблицы логариѳмовъ и синусовъ, тангенсовъ, секансовъ къ наученію мудролюбивыхъ тщателей», гдѣ заглавіе и помѣта по листамъ славянскими буквами, а текстъ съ арабскими цифрами. Во второмъ изданіи этой книги въ московской гражданской типографіи, 1716 года, пояснено, что она напечатана «во употребленіе и знаніе маѳематико-навигацкимъ ученикамъ, которые содержатся подъ командою генерала адмирала, кавалера, губернатора, тайнаго совѣтника и президента адмиралтейства, графа Ѳедора Матвѣевича Апраксина... подъ надзрѣніемъ генералъ фельдъ-цехмейстера и кавалера Якова Вилимовича Брюса, тщаніемъ и за свидѣтельствомъ маѳематико-навигацкихъ школъ учителей Андрея Ѳарварсона, Стефана Гвина и Леонтія Магницкаго, отъ библіотекаря В. Кипріанова».

О Фарварсонѣ, какъ учителѣ навигацкихъ школъ, говорено уже выше въ 5 главѣ на стр. 76. Есть еще одно математическое сочиненіе, также приготовленное «тщаніемъ» Фарварсона и Магницкаго и изданное Васильемъ Кипріановымъ, именно: «Таблицы горизонтальныя сѣверныя и южныя широты», Москва 1722 года. Это изданіе переведено съ голландскаго для маѳематико-навигацкихъ же ученшковъ.

Изъ другихъ трудовъ Фарварсона извѣстны нынѣ по названію: «Эвклидовы элементы, изъ двѣнадцати ньютоновыхъ книгъ выбранные, и въ осемь книгъ чрезъ профессора маѳематики Андрея Фарварсона сокращенные», которые переводилъ съ латинскаго хирургусъ Сатаровъ въ 1719 году [2]).

---

[1]) Ариѳметика Магницкаго описана во 2-й ч. настоящаго труда подъ № 62; нѣкоторыя незначительныя подробности о жизни его у Берха въ Жизнеописаніи россійс. адмираловъ ч. I, 50—56. Въ П. библіотекѣ есть въ рукописяхъ дѣло, по просьбѣ Магницкаго о дачѣ ему пустопорожняго мѣста въ Москвѣ.

[2]) Морской сборникъ 1856 г. № 14, часть неофиц. стр. 173-174. Здѣсь г. Соколовъ говоритъ, что этотъ трудъ былъ изданъ въ 1719 году (?). Что же касается до Сатарова, то въ архивной рукописи академіи наукъ за 1716-26 есть о немъ письмо Лаврентья Блюментроста, отъ 9 сентября 1724 г.: „Благородный господинъ архіатеръ!

Въ мартѣ 1730 года, въ адмиралтействъ-коллегіи было сдѣлано распоряженіе о напечатаніи труда Фарварсона «Тригонометрія плоская и сферическая» въ числѣ 200 экз. Мнѣ извѣстны три экземпляра руководства безъ всякаго заглавія и означенія года и мѣста печатанія, начинающагося такъ: «Трегонометрія плоская, яже падлежитъ ко мѣренію, какъ далекостей, такъ и высотъ всякихъ тѣлъ, чрезъ ниже объявленный инструментъ кратко описана и чертежми изображена.» У Сопикова (V, № 12019) она отнесена къ 1739 г., во Всеобщей же библіотекѣ Черткова отмѣчена принадлежащею къ петровскимъ временамъ. Въ шрифтѣ *й* еще нѣтъ, въ срединѣ словъ не рѣдко вмѣсто *и—і*, слѣдовательно книга не могла быть изданной въ 1739 г., но ранѣе... можетъ быть около 30 года. Есть ли эта книга трудъ Фарварсона, о которомъ сдѣлано распоряженіе въ адмиралтействъ-коллегіи — рѣшить трудно безъ подлиннаго дѣла этого присутственнаго мѣста.

Сохранились извѣстія, что Фарварсонъ исправлялъ переводы на русскій помянутаго Сатарова; что нѣкоторые изъ трудовъ по части математики этого англичанина были руководствами для учениковъ, для которыхъ ихъ списывали учителя и подмастерья; что Фарварсономъ сочинены Тригонометрія, Алгебра, трактатъ о новой инвенціи для отвращенія вліянія качки при обсерваціяхъ и н. д. Къ сожалѣнію, обо всемъ этомъ остались только указанія въ оффиціальныхъ бумагахъ, самыя же сочиненія не отысканы [1]).

Библіотекарь Василій Кипріановъ извѣстенъ, какъ издатель всѣхъ вообще учебныхъ пособій математическихъ, равно и географическихъ, для навигаторовъ петровскихъ временъ. Объ изданныхъ имъ въ гражданской типографіи географическихъ картахъ говорится въ началѣ 2-й ч. настоящаго труда. Послѣ напечатанія помянутыхъ выше Таблицъ логариѳмовъ 1703 года, онъ издалъ весьма затѣйливо: «Новый способъ ариѳметики ѳеорики или зрительныя, сочиненъ вопросами ради удобнѣйшаго поятія». Это гравюра на мѣди на трехъ, вмѣстѣ склеенныхъ листахъ (единственный экземпляръ видѣлъ въ И. эрмитажѣ). Вверху листа Духъ св. въ видѣ голубя, съ подписью кругомъ: «Духъ мудрости, Духъ разума». Подъ нимъ въ лучахъ по еврейски имя Бога, а ниже русскій двуглавый орелъ; на груди его Георгій побѣдоносецъ, а въ когтяхъ, вмѣстѣ съ державой и скипетромъ, два города, кругомъ

Въ регулементахъ академіи уставлено, чтобы при всякомъ степени академическомъ былъ переводчикъ, а понеже лекарь Максимъ Петровъ сынъ Сатаровъ въ латинскомъ и русскомъ языку искусенъ и образецъ въ достачествѣ къ переводу показалъ, того ради императорское величество повелѣлъ, чтобъ оный вышепомянутый Сатаровъ былъ переводчикомъ, и отъ сего времени жалованье отъ академіи ему будетъ давано. О семъ, чтобъ медицинской канцеляріи было вѣдомо. Вашего благородія охотный слуга Л. Блюментростъ».

[1]) Морской Сборникъ, l. c.

буквы: Б. М. П. Д. В. Г. Ц. П. В. К. П. А. В. В. М. Б. Р. С.[1]). Орелъ окруженъ морями, что объяснено надписью внизу гравюры: «въ началѣ убо изображенныя на крылѣхъ орлихъ два моря, то знаменуютъ державы его пресвѣтлѣйшаго величества древлее; яже въ когтяхъ орлихъ, идѣже держава, сіе трудомъ полученное чрезъ благодать сіяющаго надъ нимъ Бога, во сже побѣдою пристяжа Азовское море; а идѣже скипетръ и мечь, ту знаменованіе его же пресвѣтлѣйшаго величества трудами притяженное море Балтійское или Варяжское. Вся выше изображенныя четыре моря, орломъ содержимыя, его величества державы стяжанныя отъ всего земнаго глобуса, иже подъ гербомъ изображенъ». По сторонамъ, справа изображенія Пиѳагора, Гиппарха, Птоломея и Коперника: «онымъ философомъ короны сплетены». Слѣва—Архимеда, царя алфонскаго (?), Тихо де Браге и Фоцимеда: «за ихъ же тщаніе въ наукахъ почтены». Справа такая подпись:

Ариѳметика сія ѳеорика,
также политика и логистика,
Въ началѣ бо отъ оныхъ издателей,
по ихъ же, и чрезъ иныхъ писателей.

лѣва:

По понеже Архимедъ и Пиѳагоръ
ону пустиша, яко рѣки отъ горъ:
За толикую пользу и благодать
должно велію честь Богу воздать.

За тѣмъ—фронтонъ, поддерживаемый двѣнадцатью колоннами, на четырехъ справа подписи: геометрія, стереометрія, астрономія, оптика; слѣва: меркаторія, географія, фортификація, архитектура. У подножья каждой изъ этихъ колоннъ эмблематическія изображенія науки. На ближайшихъ къ центру колоннахъ: глобусъ съ ариѳметическими числами: «сими возлетаютъ»; циркуль: «до звѣздъ достигаютъ». Между этими колоннами ариѳметика въ видѣ женщины, сидящей на тронѣ съ пятью ступенями, и надписями на нихъ: «счисленіе, сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе». Вверху и внизу фронтона стихи:

Нынѣ державнѣйшій сей монархъ тщаніемъ,
ученіемъ се удоволилъ знаніемъ:
Ариѳметика дѣйствы наукъ отверзаетъ;
внемли убо, то все на столпахъ изъявляетъ.

По срединѣ листа таблица, гдѣ опредѣленіе науки и раздѣленіе ея: «Ариѳметика есть сирѣчь числительная, сочинена въ толикомъ удобномъ образѣ, яко кійждо можетъ изчислити всяко изчисленіе веліе въ продажахъ и купляхъ, мѣрахъ и вѣсахъ, во всякой цѣнѣ и во

[1]) Т.-е.: божіею милостію пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій государь царь и великій князь, Петръ Алексѣевичъ, всея великія, малыя, бѣлыя Россіи самодержецъ.

всякихъ деньгахъ, во вся царства всего міра; и служитъ еще во еже раздѣлити кому всякую вещь во многія части и доли раздѣляти въ товариществахъ, и вкратцѣ рещи: служитъ во еже изчислити всякое великое изчисленіе что либо аще помыслитъ человѣкъ»... Далѣе пять вертикальныхъ отдѣловъ: въ первомъ—общія понятія о числахъ, въ остальныхъ—ариѳметическія правила для чиселъ цѣлыхъ и дробей, объясненныя краткими примѣрами. Все это съ неизбѣжными силлабическими стихами.

Подъ таблицею изображены: Москва и крѣпость, окруженная водою, съ подписью «С. Петрополисъ 1703-г.»; послѣднее изображеніе едвали не должно считать первымъ, гравированнымъ чертежомъ Петербурга.

Гравюра посвящена Петру Великому въ такихъ стихахъ отъ Кипріянова:

Тѣмъ же молю, о самодержце,
къ чести Богу ревный радѣлче,
Дабы сей трудъ въ честь Богу пріялъ
и пользу людемъ въ міръ изліялъ.
Тѣмъ убо труждшійся убогій
подлагаю главу подъ ноги,
И желаю, да будетъ сей трудъ
добрѣ пользовать росскій весь людъ.
Нынѣ же и всякъ лучшій воинъ
ону знать науку достоинъ,
Иже да поетъ Богу славу
и величитъ твою державу
За толикую пользу и даръ,
юже бо весь міръ нынѣ издалъ.
Мнѣ же милость твоя да пріидетъ
и милостивно трудъ сей пріиметъ.

Внизу, послѣ одиннадцати отдѣловъ, гдѣ объясняется вся гравюра, надпись: «сочинился въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, лѣта Господня 1705, чрезъ труды Василья Кипріанова. Штыховалъ Ѳедоръ Пикитинъ съ ученикомъ съ Маркомъ Петровымъ».

Въ рукописяхъ, перешедшихъ въ П. библіотеку отъ графа Толстова (II, 390), есть переводъ: «Сотня астрономская, еже есть собранная въ краткости на латинскомъ языкѣ въ Вильнѣ; нынѣ же новопреведеся въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта 1707; и переписася на обоихъ діалектахъ въ гражданской типографіи тщаніемъ Василія Кипріанова».

Этотъ же Кипріановъ издалъ въ 1723 г., «Таблицы склоненія солнца, сочиненныя по амстердамскому меридіану», на 1720—41 годы.

Около 1720 г., напечатана «Таблица разности ширины и отшествія отъ миридіана на всякой румбъ, полъ румба и четверть румба компаса».

—

Въ мартѣ 1708 г., напечатана въ Москвѣ: «Геометріа, славенски землемѣріе», которая въ рукописи прислана была «изъ военнаго походу», съ поправками рукою Петра Великаго «въ премногихъ мѣстахъ». По фронтиспису, приложенному къ печатному ея экземпляру, можно предполагать, что она переведена съ сочиненія, назначавшагося для руководства наслѣдника римской имперіи. Надписи и содержаніе чертежей и рисунковъ свидѣтельствуютъ, что они сдѣланы были въ Венгріи.

Въ приступѣ «о геометріи вообще» прежде всего объяснено, что «геометрія есть слово греческое, на русскомъ же языкѣ есть оное землемѣріе и художество поля измѣряти, и имѣетъ между искусствами математическими первенство, и безъ онаго способа могутъ (хотя же и истинны суть однакожъ) трудностно освидѣтельствоватись.» Далѣе геометрія раздѣлена на теоретику и практику. Въ подтвержденіе, что недостаточно знать одну практическую сторону науки, приведенъ примѣръ, который можетъ оправдывать предположеніе объ изданіи подлинника этой книги во владѣніяхъ цесаря: «Не много инако и тому служится будетъ, иже бы токмо едину практику хотѣлъ: зане онъ царскую крѣпость на пескѣ строилъ бы и подъ Дунай рѣку подкопъ бы проводилъ, а на остатокъ съ баварскимъ плотомъ во Индію ѣздилъ бы». Въ заключеніи сказано, что въ настоящей книгѣ будетъ трактоваться о практической геометріи «и то убо токмо о единакихъ нужнѣйшихъ пріемахъ, къ чему токмо простой циркуль и правая линейка требуется. Съ помощію же Вышняго, буду такимъ же подобіемъ и прочія части математическихъ искусствіевъ едину по другой мудролюбивому, благородному юношеству въ пользу выдавати».

Во второй статьѣ «о пользѣ во мѣры художествъ» между прочимъ читаемъ: «дѣшпое (sic) искусствіе даетъ явно вѣдати, что мѣры художествіе не точію сильному владѣнію прибыльно, но зѣло надобно есть, и есть великой прибытокъ въ томъ, дабы въ великихъ владѣніяхъ мѣры художествіе явно учено и обучено было. Звѣздозрители и мудрые небесъ способомъ мѣры художествія признаваютъ теченіе планетъ; вѣдаютъ солнечный всходъ и западъ, лунное ущербленіе и пребываніе; напредъ видятъ затмѣнія; сочиняютъ календари, часы солнечные и уставляютъ начатіе четырехъ годовыхъ временъ во ихъ подлинныя мѣста...Сего искусства надобность и польза простирается тако далеко, что поистинѣ сказати возможно, что ничего въ свѣтѣ есть, еже бы не возмогло онымъ преодолѣно и сдѣлано быти»...

Въ третьей статьѣ говорится «о начатіи мѣры художествія», гдѣ введеніе и усовершенствованіе геометріи приписано египтянамъ, которые, послѣ полноводія Нила, имѣли нужду въ распознаніи своихъ участковъ и полей, а въ концѣ цитуется надпись на дверяхъ училища Платона: «не разумѣяй землемѣрія, да не внидетъ во училище».

За тѣмъ слѣдуютъ: «Истолкованіе къ тому употребляющихся сло-

всѣ. Общественныя знаемости (т. е. аксіомы). Обѣщанія или допущенія. Первая книга о предлогахъ линейныхъ (напменшихъ). Вторая книга о плоскихъ фигурахъ. Четвертая книга о круго-описанныхъ фигурахъ. Пятая книга о пропорціональныхъ линеяхъ. Шестая книга о корпусахъ или тѣлесахъ». Вся геометрія заключается въ практическихъ задачахъ.

Въ 1722 году, издано было краткое руководство для механики, подъ названіемъ «Наука статическая или механика». Тамъ сказано, что въ напечатанной нынѣ книгѣ находится только «краткое нѣкоторое истолкованіе онаго художества», болѣе же пространное обѣщалось издать въ свѣтъ послѣ. Составителемъ этого краткаго учебника былъ Григорій Скорняковъ-Писаревъ, біографія котораго также представляетъ много любопытнаго. Въ 1696 г., онъ былъ рядовымъ бомбардиромъ и, послѣ взятія Азова, отправленъ былъ въ Италію при кн. Иванѣ Урусовѣ. Когда Петръ былъ за границей, то перемѣстилъ Писарева въ Берлинъ. Въ 1699 г., Писаревъ возвратился въ Россію и былъ найденъ столь знающимъ, что потомъ впродолженіи двадцати лѣтъ ему поручалось наблюденіе за теоретическимъ обученіемъ въ бомбардирской ротѣ, морской академіи и даже цифирныхъ школахъ по провинціямъ. Писаревъ былъ, сверхъ того, употребляемъ въ страшныхъ розыскахъ по дѣлу о царицѣ Евдокіи Лопухиной, достигъ значительныхъ чиновъ; одержалъ верхъ надъ Шафировымъ въ ссорѣ съ нимъ въ сенатѣ (см. выше стр. 209—210), наконецъ при Екатеринѣ I сосланъ въ Сибирь [1]).

Писаревъ отличался особенною строгостью и неуживчивостью: въ 1706 г., одинъ молодой солдатъ бѣжалъ отъ него единственно потому, что имѣлъ несчастіе потерять трость своего поручика. Въ 1723 году, когда онъ завѣдывалъ морскою академіею, изъ 400 воспитанниковъ 116 было въ бѣгахъ. Какъ бо́льшая часть его современниковъ, бывшихъ на службѣ въ значительныхъ должностяхъ, Писаревъ допускалъ злоупотребленія изъ корыстныхъ видовъ, въ особенности во время наблюденія за работами на Ладожскомъ каналѣ. Бергхольцъ, знавшій лично Писарева, разсказываетъ, что онъ въ Германіи выучился немного нѣмецкому языку. Въ 1722 г., когда Писаревъ былъ оберъ-прокуроромъ, пріѣзжалъ въ Петербургъ шведскій графъ Ферзенъ и, имѣя дѣло въ сенатѣ, особено ухаживалъ за Писаревымъ. Бергхольцъ смѣялся надъ графомъ, потому что онъ старался подслужиться къ оберъ-прокурору, садился съ нимъ рядомъ въ гостяхъ и называлъ всѣхъ прокуроровъ и секретарей своими братьями—графъ хлопоталъ о своихъ лифляндскихъ помѣстьяхъ. Далѣе Бергхольцъ описываетъ, какъ герцогъ былъ въ гостяхъ у Писарева, какъ тотъ угос-

[1]) Подробности о немъ можно найти у Берха, въ Жизнеописаніи адмираловъ, I, 57 и слѣд., а также въ Артиллерійскомъ журналѣ 1857 г. III, отд. II, стр. 128, 129, 132-136

тилъ ихъ весьма плохими закусками, а вино подавала невзрачная дочь хозяина. Жена его нѣсколько лѣтъ была больна и не вставала съ постели, однако гости ходили и къ ней, чтобы пить за ее здоровье [1]).

—

Астрологическія бредни находили у насъ послѣдователей и почитателей съ давнихъ временъ. Такъ еще Максимъ грекъ († 1556 г.) возставалъ противъ звѣздочетцевъ и написалъ нѣсколько статей по этому предмету. Въ одной изъ нихъ этотъ ученый говоритъ: «мы бо сами властни изъ начала, отъ Создателя создани бывше, властели есмя своихъ дѣлъ благихъ и лукавыхъ, и никто же надъ нами властитель, развѣ создавшаго насъ: ни ангелъ, ни бѣсъ, ни звѣзда, ни зодѣй, ни планитъ, ни колесо фортуны, бѣси изобрѣтенные! Да не прельщаемся безъ ума отъ учащихъ сія и проповѣдующихъ зломудренныхъ латынь и прегордыхъ нѣмцевъ»... Далѣе въ посланіи къ нѣкоему игумену «о нѣмецкой прелести, глаголемѣй фортунѣ и колеси ея», Максимъ пишетъ: «дивлюся убо, како ты, въ разумѣ богодухновенныхъ писаній искуснѣйшій, болѣе иныхъ сверстныхъ твоихъ, сице скоро съ восхищенъ еси таковымъ богомерзкимъ учительствомъ прелестника Николая германа (нѣмчина)»... Максимъ написалъ на послѣдняго особую статью, подъ титуломъ. «На Николая нѣмчина, прелестника и звѣздочетца», гдѣ надсмѣхается надъ нимъ: «Міру убо преставленіе предвозвѣщати спѣшилъ еси, о Николае, повинувся звѣздамъ: внезапное твоего житія разореніе предрещи не возмогль еси, ниже предувѣдѣти! Что твоего безумія безумнѣйшее? То убо во истинну щетные есте учители премудрости, елицы непшуёте звѣздами обноситися всѣмъ, ваше же безчастіе не можете предувѣдѣти [2])». Въ другомъ словѣ, приписываемомъ также Максиму греку, есть извѣстіе, что ему въ Москвѣ, въ 1523 году, давали читать рукопись «списася къ нѣкоему отъ своихъ друговъ.... нѣмчина нѣкоего родомъ, ученіемъ же и вѣрою латынянина и астрологія», гдѣ предсказывалось паденіе Турецкой имперіи и возникновеніе новаго порядка вещей [3]).

Упоминаемый здѣсь нѣмчинъ былъ никто иной, какъ Николай Шомбергъ, родомъ нѣмецкій дворянинъ, вступившій въ доминикапцы и достигшій потомъ въ послѣдніе годы жизни званія кардинала и епископа капуйскаго († 1537 г.). Шомбергъ былъ посылаемъ въ Россію отъ папы два раза въ 1516 и 1519 годахъ и хлопоталъ о соединеніи церквей [4]).

---

[1]) Büsching's Magasin Th. XX, 578, 579.

[2]) Рукопись Пуб. библ. I, Q. № 219.

[3]) Рукопись П. библ. I, Q, № 225, л. 462.

[4]) Въ описаніи рки. Толстова сдѣлано несправедливое предположеніе, что Максимъ подъ именемъ Николая нѣмчина разумѣлъ Коперника.

Всѣ возраженія ученаго и правовѣрнаго грека противъ прелестника и нѣмца не имѣли успѣха: астрологическія сочиненія въ нашей старинной, рукописной литературѣ составляютъ довольно значительный отдѣлъ, чѣмъ и доказывается, что они приходили по вкусу читателей и были распространены между грамотниками.

Въ XV и XVI вѣкахъ, астрологія въ цѣлой Европѣ играла важную роль и всѣ выводы ученыхъ, занимавшихся ею, пользовались безусловнымъ довѣріемъ, какъ у народа, такъ и у знатныхъ. Въ первопечатныхъ нѣмецкихъ календаряхъ отразилось это вліяніе суевѣрія: предсказанія, основанныя на наблюденіяхъ звѣздъ, пророчества по аспектамъ занимали тамъ почетное мѣсто. То же самое, если только не въ бо̀льшой степени, замѣчаемъ и въ Польшѣ, гдѣ рукописные календари извѣстны отъ XIII вѣка, печатные же, какъ и въ Германіи, появляются въ концѣ XV столѣтія [1]). Всѣ польскіе календари, свѣтскіе и церковные, стѣнные и книжками, наполнялись преимущественно предсказаніями не только о погодѣ, но и о политическихъ происшествіяхъ, о времени, когда начинать работы, дѣлать покупки, даже вступать въ бракъ, забавляться и т. д. Въ отрывкѣ польскаго календаря 1516 года указываются дни дождливые, вѣтеръ, вредъ пашнямъ песчанымъ, сухимъ и т. д. [2])

Въ Россію перешли подобныя предсказанія довольно рано: въ одной рукописи, писанной полууставомъ XV вѣка читаемъ наставленіе «о днѣхъ, въ нихъ же достоитъ отъ всего хранитися: не врачевать человѣкъ, ни скотъ, кровь пущать, ни браковъ творить, ни дѣтей учить и облюстися ихъ всегда. Мѣсяца генваріа 1 да 15; февраля 9 да 22 и т. д. О еже кровь пущать когда подобаетъ и когда не пущать въ первый день мѣсяца, когда звѣзда полезна будетъ и день [3])»... По правописанію несомнѣнно, что сборникъ, въ которомъ эта статья, написанъ въ южной Россіи.

Въ концѣ XVI столѣтія, православные, жившіе въ Польшѣ, не рѣдко принуждались къ принятію грегоріанскаго календаря, который въ Польшѣ введенъ съ 1582 года. Это подало поводъ къ спорамъ и стычкамъ съ обѣихъ сторонъ. Новымъ календаремъ нашлись недовольные и изъ католиковъ. Объ одномъ изъ такихъ, именно профессорѣ краковской академіи, Янѣ Латошѣ, есть подробности въ трудѣ г. Вишневскаго [4]): Латоша преслѣдовали насмѣшками единовѣрцы за непринятіе грегоріанскаго счисленія, русскіе же греческаго исповѣданія, по той же причинѣ, чрезвычайно уважали бывшаго профессора и дали ему у себя убѣжище.

Для насъ любопытно посланіе Мелетія, патріарха александріи-

---

[1]) M. Wiszniewskiego, Historya literatury polskiéj IV, 172 и слѣд.

[2]) Piśmiennictwo polskie, Macejowskiego II, 636, Dodatki, 317—318.

[3]) Рукопись II. библ. XVII, Q, № 58, об. л. 68.

[4]) Historya literatury polskiéj, VI, 369 и слѣд.

скаго «О богопротивномъ календару», напечатанное въ острожской типографіи въ Сборникѣ (безъ особаго заглавія) изъ десяти статей, 1598 года. Здѣсь въ началѣ воздана хвала, что греческою церковью не принято грегоріанское счисленіе. Противъ него Мелетій главнѣйше возставалъ по тому, что не согласуется оно съ постановленіями учителей Церкви, и что послѣдуя ему, христіанская пасха будетъ совпадать съ іудейскою. «Аще и глаголемаа правилца не всяко нѣгдѣ сходится будетъ съ опаствомъ много забавляющихъся о семъ астрологовъ, не бо астрологи, но отцы суть церковніи учители»... При томъ же латине, «не вѣдяще, якоже есть, яко по трехъ сотъ лѣтѣхъ испадуетъ и ихъ сіе исправленіе, и паки нужда будетъ астрономомъ астрономствовати, иная чаровства пріобрѣтающимъ себѣ исправленіа, тымъ же нуждамъ надлежащая, спрѣчь вторымъ присно на одныхъ исправленій безчисленнѣ требующая, аще на толицѣ протяжется настоящій уже исходный вѣкъ»....

Въ сборникахъ и отдѣльныхъ книгахъ рукописнаго собранія Публичной библіотеки есть нѣсколько произведеній, гдѣ предсказывается по звѣздамъ. Они по бо́льшей части носятъ названія планидниковъ. Такъ, напр., одно астрологическое сочиненіе озаглавлено: «О качествѣ разныхъ дѣйствъ седми планетъ въ двѣнадцати небесныхъ знакахъ, еже есть кая планета въ коемъ либо знакѣ, егда теченіе имѣти будетъ». Здѣсь описано все, что имѣло случится, когда такая то планета вступала въ созвѣдіе овна, тельца и т. д.; напр.: «аще Сатурнусъ въ тельцѣ бываетъ—скорбій, многій же моръ, ножныя болѣзни въ человѣцѣхъ; садовыхъ овощей много, желѣза много же, а хлѣба оскудѣніе и всюду гладн(ы), люди отъ того знамени много погибаютъ, отъ уразу [1]) бои великіе принимаются».... Когда же Юпитеръ въ тельцѣ: «все въ людехъ пріятно, всѣ блудно, и браки и пиры; скорби же многія отъ ногъ, яже и храми»... Далѣе: «Иное показаніе аспектовъ седми планетовъ, яко о слученіи, шестакѣ и третьякѣ, тако и квадратѣ и противности, егда между собою планеты состоятъ, чрезъ нихъ же разныя качества бываютъ особливо, не якоже впреди положенныхъ аспектовъ». Здѣсь предсказанія, съ изображеніемъ знаковъ планетъ и дней, содержатъ въ себѣ болѣе астрологическихъ хитросплетеній; напр.:

□ ♂ ♄ 4 «Время скорбно и люто: въ человѣцѣхъ бываетъ скорбь и никогда же лекарствы возможно излечити, гладъ же великій бываетъ и отъ многаго уразу, отъ скорби, глада—шкода [2]) великая, запе сіе время востецамъ, прыщамъ, хоробамъ и всякимъ немощамъ приближися, а воздухъ, яко въ слученіи».... Потомъ: «послѣдствуетъ нынѣ паки объявленіе о аспектовъ же седми планетъ во двѣнадцать

---

[1]) Uraz, польское—зло, вредъ, потеря.

[2]) Szkoda, польское—убытокъ, трата.

знаменій небесныхъ, яже преобъявляему суть во календарѣхъ каждаго лѣта, отъ которыхъ приключится разное премѣненіе воздуха, дождя же и бездождіе и вѣтровъ суть измѣненія въ четырехъ временахъ, яко въ веснѣ и въ лѣтѣ, тако въ осени и зимѣ», а въ концѣ «о чвартках, о противпахъ и слученіи» разныхъ планетъ между собою [1]).

Другое, подобное же сочиненіе «Алманакъ на многія впредь будущія лѣта отъ германъ, еже отъ нѣмецъ изобрѣтенъ художествомъ ученія и пресвѣтлѣйшимъ разумомъ просвѣщенъ» [2]). Здѣсь, на основаніи теченія планетъ и взаимнаго положенія ихъ другъ къ другу, сдѣланы различныя предсказанія на счетъ того, что̀ дѣлать, и чего не дѣлать, когда есть признаки къ добру, когда къ худу, въ какое время пускать кровь, строиться и т. п. Между прочимъ разсуждается «о часѣхъ нѣмецкихъ: аще хощеши увѣдать, како бываютъ, егда восходитъ солнце и заходитъ на космждо мѣсяцы въ долгіе дни и нощи и въ короткіе, и на которыхъ часѣхъ возвратъ солнца. Декабря въ 15 день восходитъ солнце въ часъ 9 отъ полунощи, а заходитъ въ часъ 3 отъ полудни. Января въ 13 восходитъ солнце въ часъ 8 отъ полунощи, а заходитъ въ часъ 4 отъ полудни» и т. д. Въ этой же рукописи: «Книга, глаголемая математика, новопреложенная съ еллинска, и латинска, влосска и польска языковъ на словенскій въ Москвѣ въ лѣто отъ созданія міра 7172, а еже отъ воплощенія Бога Слова 1664 г.». Рѣчь и здѣсь идетъ о планетахъ, зодіакѣ и т. п. Описаніе луны: «Мѣсяцъ есть земнаго и волглаго прирожденія, всѣхъ планитъ прирожденіе къ себѣ пріемлетъ, а ту на тотъ свѣтъ своею мощію шафустъ (располагаетъ), а спуща великимъ водамъ и рѣкамъ пануетъ, мозгомъ головѣ, лѣвому оку, лѣвому боку, желудку, укусу и брюху.... Дары и годности тоя планеты: коморникомъ (наемнымъ рабочимъ) бываетъ, невольнымъ человѣкомъ, пилигримомъ, жекгляремъ (морякамъ), рыболовомъ, або кушнеремъ, або тымъ, что пенязи куютъ, т. е. мынцаремъ (монетчикамъ)».

Тамъ же читаемъ нѣчто въ родѣ предувѣдомленія: «яко кто бы вопросилъ, чесо ради случаевъ свѣтилъ небесныхъ и премѣненія лунпаго смотримъ? къ нимъ отвѣщаемъ: не яко вавилоняне, персы же и халден боготвенія (поклоненія) ради, ниже паки, яко сгнитяне счастіе мнятъ по свѣтилы человѣкомъ строится — не буди тако! Мы ищемъ лунпаго премѣненія и двизанія въ подобу страстей христовыхъ и праздника пасхи. Еще же и по малу знаменія звѣздъ, погодъ на воздусѣ, дождь, града, росы, ясности, вѣтровъ, облаковъ, снѣга, слоти (непогоды), тепла, студени; почтожъ сего ради угожденія плоти человѣчи первое сѣяніе, ради и садовъ и путнаго шествія, и морскаго плаванія и прочая».

---

[1]) Рукопись III, Q, № 5.

[2]) Рукопись П. библ. изъ погод. собран. № 1674.

Въ рукописномъ сборникѣ конца XVII вѣка, между статьями самаго разнохарактернаго содержанія, находимъ: «О человѣцѣхъ планидникъ, или календарь мѣсячный человѣческій на 12 мѣсяцевъ, который человѣкъ въ коемъ мѣсяцѣ родится и подъ которою планидою и кто какова обычая будетъ и возраста и счастія, и какіе будутъ у кого признаки, болѣзни, или какое будетъ родимое знамя, и отчего будетъ какое безчестіе и счастіе, и кто какова цвѣту употреблять будетъ, кромѣ непотребнаго». Подъ такимъ, вѣроятно для своего времени заманчивымъ, заглавіемъ встрѣчаются предсказанія въ родѣ того, что родившемуся въ мартѣ «хранится отъ пса», въ іюлѣ «платье во всякомъ цвѣту, кромѣ чернаго», въ сентябрѣ «въ черномъ цвѣтѣ не посчастливится» и т. п. [1]).

На основаніи подобныхъ-то сочиненій составленъ былъ гороскопъ Петра Великаго. Что ему вѣрилъ Крекшинъ, въ томъ еще нѣтъ удивительнаго, но достойно упоминанія то, что лѣтъ 18 тому, одинъ русскій историкъ довольно серьёзно спрашивалъ въ своемъ журналѣ мнѣнія астронома о значеніи этого гороскопа.

—

Въ Bibliographie astronomique Де-ла-Ланда (De la Lande) подъ 1700 годомъ отмѣчено, что въ Россіи Брюсъ началъ дѣлать нѣкоторыя астрономическія наблюденія, которыя представлялъ Петру Великому.

Фарварсонъ, кромѣ преподаванія математики въ навигаторскихъ школахъ и составленія учебниковъ, обязанъ былъ заниматься астрономіею и особенно вычисленіями о времени и продолжительности всѣхъ видимыхъ въ Россіи затмѣній, что́ ученый англичанинъ исполнялъ, къ удовольствію царя, съ чрезвычайною точностью. По настоянію Фарварсона, Петръ выписалъ очень хорошіе телескопы, инструменты и книги, необходимые при астрономическихъ наблюденіяхъ. Перри, видавшій царя, разсказываетъ, что государь любилъ самъ наблюдать затмѣнія, дѣлать замѣтки о нихъ и потомъ разсуждать, въ присутствіи бояръ и придворныхъ, о причинахъ подобныхъ явленій и о движеніи небесныхъ тѣлъ по системѣ знаменитаго Исаака Ньютона. Гдѣ бы царь ни находился, куда бы ни намѣренъ былъ отправиться, но если имѣло быть какое либо затмѣніе, особенно солнечное,—Фарварсонъ непремѣнно получалъ приказаніе, иногда изъ подъ Азова, другой разъ изъ Польши или Петербурга, описать всѣ обстоятельства и подробности затмѣнія именно для тѣхъ мѣстъ, гдѣ госу-

[1]) Рукопись П. библ. XVII, Q, № 27.

дарь намѣревался наблюдать его, и такія описанія заранѣе отсылать къ нему [1]).

Въ первый разъ напечатано было о имѣвшихъ быть въ 1706 г. затмѣніяхъ въ Вѣдомостяхъ 1706 г., апрѣля 10:

«Изъявленіе о затмѣніяхъ. Нынѣшняго 1706 лѣта четыре затмѣнія явятся: два на солнцѣ и два на лунѣ; которыхъ два затмѣнія на лунѣ и единое на солнцѣ подъ нашимъ оризонтомъ (аще чистъ воздухъ) видны будутъ. Первое видимое затмѣніе на лунѣ будетъ по старому календарю, сирѣчь по нашему, апрѣля въ 17 д. по утру. Начало будетъ во 2-мъ часу, въ 48 минутъ. Средина въ 4 ч. 16 м.; конецъ въ 5 ч. 44 м. А по новому календарю, апрѣля въ 27 д. въ 1 ч. въ 42 м. въ нощи: начало во 12 ч. въ м. 24; средина въ 1 ч. въ м. 42; конецъ въ 2 ч. въ м. 59. Второе видимое затмѣніе на лунѣ будетъ по старому календарю октября въ 10-й д. ввечеру: начало въ 8 ч. въ 38 мин.; сред. въ 10 ч. 1 м.; конецъ въ 11 ч. 24 м. По новому—октября въ 21, въ 8-мъ ч. въ м. 23 ввечеру: нач. въ 7 ч. въ м. 23; сред. въ 8 ч. въ м. 5; конецъ въ 9 ч. въ м. 41. Третіе видимое затмѣніе на солнцѣ будетъ по старому календарю мая въ 1 день по рану. Начало въ 11 ч. въ 17 м.; сред. въ 12 ч. 34 м.; конецъ въ 1 ч. въ 52 м. По новому — мая въ 12 д. въ 9 ч. въ м. 34 предъ полуднемъ: нач. въ 8 ч. въ м. 33; сред. въ 9 ч. въ 34 м.; конецъ въ 10 ч. въ 40 м. Сіе затмѣніе, когда солнце на большую часть помрачится у насъ (если небо свѣтло) съ великимъ удивленіемъ и страхомъ больше дву часовъ видимо будетъ. Четвертое невидимое затмѣніе будетъ на солнцѣ по старому октября въ 25 день, по новому ноября въ 5 день, въ 3-мъ часу въ 19 минутъ послѣ полудни. А понеже луны параллаксисъ широтою къ южной странѣ отъ насъ разстояніе имѣетъ, того ради сіе затмѣніе не можемъ усмотрѣть».

Въ календарѣ на 1724 годъ, для объясненія русскимъ читателямъ настоящей причины затмѣній, помѣщена статья «Вѣдѣніе, откуду затмѣнія происходятъ», написанная на основаніяхъ, принимаемыхъ наукою.

Любовь государя къ астрономіи и желаніе распространить въ Россіи свѣдѣнія, преподаваемыя этою наукою, объясняютъ появленіе въ русскомъ переводѣ и даже два раза, въ 1717 и 1724 годахъ, произведенія извѣстнаго въ свое время астронома Гюйгенса (Huyghens по латини Hugenius) Kosmoteros sive de terris coelestibus earumque ornatu conjecturae. По свидѣтельству Деламбра, это одно изъ слабѣйшихъ сочиненій Гюйгенса, написанное имъ уже въ старости. Вотъ содержаніе первой части, которая только одна и переведена была у насъ: вѣроятно всѣ звѣзды обитаемы, такъ какъ изъ нихъ есть много невидимыхъ простымъ человѣческимъ глазомъ, слѣ-

[1]) Etat présent de la grande Russie, Paris 1717, стр. 255—257.

довательно созданныхъ не для насъ. Юпитеръ и Сатурнъ имѣютъ нѣкоторое сходство съ землею, а потому могутъ имѣть воды, животныхъ, наконецъ если не людей, то по крайней мѣрѣ существъ, одаренныхъ разумомъ. Гюйгенсъ хотѣлъ перенести на звѣзды то, что онъ зналъ на землѣ, такъ какъ человѣку нѣтъ возможности вообразить себѣ что нибудь другое. Авторъ кончаетъ, что если бы можно было перенестись въ тѣ міры и акклиматизироваться, то конечно многое привело бы тамъ человѣка въ изумленіе. Какъ нравились подобныя мечтанія въ тѣ времена, доказывается тѣмъ, что трактатъ Гюйгенса былъ тотчасъ же переведенъ на многіе языки. Но оставляя въ сторонѣ достоинство этого произведенія, скажемъ, что русскій переводъ его замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ принята система Коперника, которой не далѣе какъ въ географіи, напечатанной у насъ въ 1710 году, предпочиталось мнѣніе Тихо де Браге. Разумѣется, что не только гипотезы Гюйгенса, но и аксіомы, принятыя наукою, должны были казаться въ его книгѣ странными и даже еретическими для русскихъ читателей. Поэтому переводъ снабженъ предисловіемъ, гдѣ говорится: «и не буди читателю россійскому чюжо, что нашъ земный глобусъ, купно съ прочими тремя малыми планетами Марсомъ, Венусомъ и Меркуріемъ, такъ зѣло малыми зернышками, примѣромъ противъ солнца почитая, представлены суть; луна же убо такова мала и незнатна, что едва видѣти возможно... Всѣ астрономическія обсерваціи и изъ иныхъ произведенные геометрическіе доводы необманно даютъ, якоже онымъ, еже искусство во ариѳметикѣ и геометріи имѣютъ, легко показати возможно, прочімъ же общей пословицы, чтобъ искусному и обученому художнику въ его ремеслѣ или художествѣ вѣрити, держаться надлежитъ, и того для стерещися, дабы таковыя, ихъ поятію или выразумѣнію трудныя дѣла, не за смѣхъ или басни почтены были»... Несмотря на это предисловіе, книга въ свое время считалась самою богопротивною, и противъ нея въ рукописяхъ извѣстны жестокія выходки нашихъ хапжей.

—

Самый старинный рукописный календарь мнѣ извѣстенъ съ такимъ подписаніемъ: «Царю пайсвѣйшему и великому господарю Алексѣю Михайловичу, всея великія и малыя и бѣлыя Русьи самодержцу и прочая — годовый разпись или мѣсечпло, отъ Рождества Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа на годь тисящный шестсотный и шестдесятый (?), 1670 [1])».

[1]) Календарь хранится въ И. эрмитажѣ № 85, полка 3, f°; нач. «Изложеше знаменъ первая»... Рукописсь и составлена, и переписана очевидно малороссомъ; по предсказаніямъ же можно безошибочно сказать, что календарь переложенъ съ польскаго.

Сначала объяснены знаки, показывающіе фазисы луны. Потомъ мѣсяцословъ: на правой страницѣ имена греческихъ святыхъ, на лѣвой — католическихъ; первая раздѣлена на шесть отдѣловъ: 1) арабскими цифрами числа мѣсяца: 2) они же славянскими буквами; 3) названія дней, обозначенныя начальными буквами, воскресенья отмѣчены буквою; 4) фазисы луны; 5) имена святыхъ, празднуемыхъ православною церковью; 6) предсказанія о погодѣ. Вторая, лѣвая страница содержитъ въ себѣ пять отдѣловъ: 1) числа мѣсяца по старому стилю славянскими буквами; 2) соотвѣтствующія имъ числа новаго стиля; 3) начальныя буквы названія дней по латини; 4) католическіе святцы; 5) предсказанія о политическихъ событіяхъ. Счисленіе принято съ января мѣсяца.

Съ л. 15 по 20 помѣщены астрологическія предсказанія; на 21 л. объясненіе знаковъ, когда что дѣлать, впрочемъ ихъ въ самомъ текстѣ календаря не встрѣчается. Эта статья озаглавлена: «Изложеніе знамянъ; на слѣдующа знаменіа немогошяся здѣ исписати, но обрѣтаются въ нѣмечскихъ книгахъ по числѣхъ нѣмечскихъ, и ради того положихомъ нѣмечская числа на початку».

Всѣ предсказанія календаря кажутся весьма темными не только по тому, что вообще астрологи для поддержанія къ себѣ довѣрія въ читателяхъ старались выражаться не ясно, но также отъ дурнаго перевода. На поляхъ рукописи противъ нѣкоторыхъ предсказаній сдѣланы поясненія тою же рукою, которою писанъ календарь. Сверхъ того, темнота предвѣщаній обратила на себя вниманіе Петра Великаго, когда ему попался въ руки календарь, и онъ на всѣ, казавшіяся темными мѣста сдѣлалъ собственноручныя объясненія, а именно:

Текстъ календаря	Замѣчанія Петра Великаго.
л. 3, въ концѣ января: велика небезпечность предъ ногами.	Всѣмъ не надежно счастье.
л. 4, въ началѣ февраля: Богъ отверни велику супротивность, кая ся показуетъ здѣ между духовнѣми и мірскими людьми.	Къ нѣмецкимъ костеламъ.
Туженія достойно счастіе бѣднаго водника и дѣтей его.	Которыя подъ тѣмъ знаменемъ государства есть, а не вѣдомо которому.
л. 5, начало марта: веселіе глави лихо смущене будутъ.	Война всѣмъ смѣлымъ.
л. 7, въ маѣ: быкъ добудетъ единъ твердь ударецъ. Можешь добро размислити, что предь себя взимьлешь: безъ мала узришь нечаястно збитіе своего замишльеня.	Подъ быкомъ многія государства.
Зеленити ся починаетъ сѣмя многоличнѣхъ слабостей.	Всѣмъ, которые воюются.
л. 8, іюнь: Дѣвица зловольна.	Болѣзни великія на свѣтѣ кажетъ.
	Которое (т. е. государство) подъ дѣвицею, (т. е. подъ знакомъ дѣвы).

л. 9, іюль: Маршъ (ратный богъ) хощетъ монастере посѣщати и святіе поклади оглядати.	Католиковъ выше будутъ льготы.
Орелъ високо стрясаетъ крила своихъ замисловъ.	Цесарь.
л. 10, августъ: Далеко смерающа преображеня и велика премѣненя услышать ся на господарскѣхъ дворѣхъ.	Всѣмъ обща государемъ.
На мору(ѣ) нещную корвавь вихорь.	Будетъ битва на морѣ.
Лисицы ратуютъ и обладаютъ.	Голландцы.
Аще Богъ допуститъ, діяволь будетъ далеко и широко на тервогу трубити.	Аще Богъ попуститъ, то и суща діаволъ на войну поущать будетъ.
Премногу милость обрѣтаетъ Меркуріушъ (посольскій богъ) въ сердцѣхъ людей храбрѣхъ и добровольныхъ.	Часъ добрый на обманъ.
л. 11, сентябрь: что судишь, да имаютъ принести различни сходи и договори въ сѣхъ мисецѣхъ?	Совѣты посольскіе будутъ сходно (sic).
Миръ или неизговорную бѣду.	Вышереченное либо добро, либо худо.
На нѣкіе князья будутъ тайніе засѣди и наступованя.	На удѣльныхъ князей будутъ непріятели наступать.
Прими ся дѣла руссами и веди явь напредь. Что предь симъ не хотѣаше ся зъити, тому отселѣ добръ поводъ узришь.	Дѣло тяжко было прежъ сего, государское лучше будетъ легко дѣлать.
л. 12, октябрь: боюся, что ѣздецъ червленнаго коня ѣздцу чернаго коня свое владанье уступитъ или попуститъ.	Т. е. война престанетъ, а уступитъ голоду и мору обще на весь свѣтъ, какъ гдѣ прилучится.
Змій можетъ здѣ едну смертную рану добити.	Шведской.
Что ти ся здаетъ о павовой ошибѣ?	Бранденбурскій и саскын (sic).
Леву растетъ смѣлость.	Шведъ.
л. 13, ноябрь—удастьея, како отъ Востока конецъ добре вѣсти принесетъ.	О побѣжденіи жъ турокъ.
л. 14, декабрь—Биволь зло справенъ	О турскомъ сіа и волоскомъ.
Об. л. 17, червленный орелъ—холандска земля.	Бранденбургска (вм. зачеркнутаго (голландска).
На 18 л. Черный левъ—брандебурскій князь.	Голандцы (вм. зачеркнутаго брандескій князь).

Въ концѣ XVII вѣка, попадаются переводные отрывки изъ календарей, издававшихся въ Швеціи Іоанномъ Генрихомъ Фохтомъ. Такъ, напр., отсюда заимствована статья «Повѣсть о Махметѣ и о началѣ ученія и отчинѣ отъ лѣтописцевъ христіанскихъ» въ одной рукописной степенной книгѣ Румянцовскаго музея. Статья переведена изъ календаря Фохта на 1684 годъ.

Она же переписана въ хронографѣ того же времени и также хранящемся въ названномъ музеѣ [1]).

Замѣчательно, что по свидѣтельству Корба, писавшаго о Россіи въ 1699 г., календари Фохта были тогда подвергнуты въ Москвѣ запрещенію. Корбъ, въ одномъ изъ предсказаній Фохта «Москва не избѣжитъ опредѣленнаго ей несчастья» видитъ намекъ на случившіяся потомъ стрѣлецкія смуты.

Рукописные переводы нѣмецкихъ календарей начались у насъ ранѣе, нежели они явились печатные. Такъ, напр., въ И. эрмитажѣ есть нѣсколько рукописныхъ переводовъ календарей, которые были сдѣланы въ посольскомъ приказѣ, слѣдовательно не для публики, въ концѣ XVII вѣка, а именно:

«Іоанна Гендрика Фохта, королевства свейскаго математика, различныхъ гисторей календарь на 1691 годъ христовъ [2])». Здѣсь сначала помѣщено предисловіе сочинителя календаря, который говоритъ о себѣ: «не творю здѣсь жалобу, что много слячныхъ зноевъ жаркихъ терпѣлъ, и не похвалюсь, что много работалъ; но что уже отъ игралища міра и путешествованія докученъ и утомленъ есмь. Слышу, что слабокостную старость 77 лѣтъ въ зерцалѣ міра ослабляетъ и играніе вскорѣ оставитъ. А при нынѣшнемъ моемъ написаніи календаря на 1691 г., дай Боже счастливый и благословенный годъ, благопривѣтствую всѣмъ обще возлюбленнаго Бога милость и благоизволеніе къ доброму здравію, къ безопасной тишинѣ, благословенію, къ богатому воспитанію и ко всему желаемому благополучію»... Потомъ предсказанія о погодѣ и политическихъ событіяхъ по мѣсяцамъ и временамъ года. За тѣмъ статьи: a) предобъявленіе звѣздосмотрительно, вѣстописательно къ историческому календарю на 1691 г.; b) о затмѣніяхъ; c) о пожарахъ; d) о плодахъ и неплодіи земномъ; e) о здравіи и болѣзняхъ; f) о войнѣ и мірскихъ дѣлахъ, g) гисторія или вѣстоописанія; i) о рудометаніи, и k) овощи какъ садить.

«Календарь о малобываемыхъ вещѣхъ Ягана Гендрика Фохта, королевскаго свейскаго математика на 1695 лѣто отъ Р. Х. Преведенъ съ нѣмецкаго языка на словенское реченіе въ государственномъ посольскомъ приказѣ переводчикомъ Петромъ Шафировымъ въ нынѣшнемъ 203 (1695) января въ 20 день [3])». Содержаніе: краткая хронологія, предсказанія по временамъ года и на каждый мѣсяцъ погоды и разныхъ обстоятельствъ; перемѣны на землѣ отъ появленія кометъ; затмѣнія; о пожарахъ; о здравіи и болѣзняхъ; о плодородіи и недородіи; о войнѣ и мірскихъ дѣлѣхъ; о появленіи новыхъ звѣздъ, и, наконецъ, опять предсказанія на весь годъ. Въ статьѣ о здравіи и болѣз-

---

[1]) Описан. Востокова № CCCCXIII и CCCCLVII.

[2]) № 67, полка 2; въ 4°, 42 л; нач.: «О зерцалѣ міра»...

[3]) Им. эрмит. № 73, полка 2; въ 4-о, 39 л.; нач. «Да владычествуетъ Бо́гъ».

няхъ, Фохтъ является врагомъ французскаго вліянія: «расположеніе нынѣшнее, изнурительное житіе, подчиваніе и домодержаніе бо́льшей части людей: младые живутъ во вседневномъ пьянствѣ и обжорствѣ, въ лакомствѣ и пиршествахъ, въ распаленіи и похотяхъ, въ гуляніи и праздномъ хожденіи. Старые же чинятъ и смѣютъ, да съ ними жъ лижутъ и окушиваютъ; съ ними жъ и то, и ничто не угодно есть, что не французъ сѣкъ и пекъ, мѣналъ и строплъ. И того ради тако и идетъ: чюждыя ѣствы, нныя природы; чюждыя скорби, нныя и лекарства (послѣди же французская вѣра, французское небо). Расположите жъ состояніе сего времени: не имѣемъ ли мы французскія болѣзни въ казенныхъ своихъ хранилищахъ, въ сундукахъ и мѣшкахъ, въ крѣпостяхъ, градахъ и весяхъ, на тѣлесяхъ и въ сердцахъ, на языкахъ и словахъ и въ вѣрѣ? Боже, избави насъ отъ французскаго неба!»

«Историческій календарь Ягана Генрика Фохта, королевскаго свейскаго математика на 1696 лѣто отъ Р. Х., а переведенъ съ нѣмецкаго языка на словенское реченіе въ государственномъ посольскомъ приказѣ переводчикомъ Петромъ Шафировымъ въ нынѣшнемъ 204 (1696) году, сентября въ 1 день [1])». Статьи и расположеніе этого календаря одинаковы съ предъидущимъ: къ главѣ «о войнѣ и мірскихъ дѣлѣхъ» присовокуплено «историческое или бытейное объявленіе о потопѣ, како оное отъ Матѳея Дрессера, профессора въ Лейпцикѣ, описано есть».

«Новый календарь Станислава Словаковича изданъ на лѣто отъ Р. Х. 1696; печатанъ въ Краковѣ; переведенъ въ посольскомъ приказѣ 1696, октября 2 [2])». Этотъ переводъ польскаго календаря раздѣленъ на двѣ части: «предъугаданія общественныя часть первая», гдѣ о погодѣ и разныхъ случаяхъ предсказывается въ общихъ выраженіяхъ. Во второй части пророканія на каждый мѣсяцъ касаются политическихъ событій въ государствахъ: напр. въ апрѣлѣ:

Думайте крѣпко орлы, чтобъ не потеряли
Того, что великою храбростію взяли.

«Орлы просто—цесарь, московскій царь». Подъ 7 іюлемъ: «левъ желтый съ крыльями слабо держитъ мечь въ правой рукѣ — венецкое государство» и т. д. Календарь кончается «предъгаданіями о поведеніи нѣкихъ государствъ порубежныхъ», гдѣ дѣло идетъ о Москвѣ, Швеціи, Даніи, татарахъ и проч.

«Математическихъ хитростныхъ тонкостей календарь на 1697 лѣто отъ Р. Х., въ немъ же описуется купно съ провѣщаніемъ и о солнечномъ бѣгѣ и о высотѣ въ великости онаго, такожъ и объ осно-

---

[1]) Рукоп. И. эр. № 74, полка 2; въ 4°, 40 л: начало тоже, что въ предъидущемъ Статья о временахъ года нач.: «О зимѣ. Солнечное восхожденіе»...

[2]) Рки. И. эрмит. № 75, полка 2; въ 4°, 16 лист.; нач.: «Начало поворота»...

вательномъ счисленіи солнечныхъ и мѣсячныхъ затмѣній; сочиненъ въ первые отъ Павла Галкена, математическаго художника, учрежденнаго, письменнаго и сочинительнаго мастера града Буксшегуда. А переведенъ съ нѣмецкаго языка на славенской въ государственномъ посольскомъ приказѣ преводчикомъ Петромъ Шафировымъ въ нынѣшнемъ 205 (1697) году въ ноябрѣ мѣсяцѣ [1])».

Этотъ календарь почти одинаковъ, по содержанію, съ переведенными у насъ изъ Фохта; только авторъ его менѣе толкуетъ о развращеніи правовъ и хотя предсказываетъ о войнѣ и мирѣ, однако оговаривается, что объ этомъ можетъ знать одинъ Богъ. Замѣчательно также предисловіе къ статьѣ о затмѣніяхъ: «Сія глава есть единая изъ начальнѣйшихъ въ календарѣ, которое календарное сочиненіе бо́льшую часть въ почтеніи и чести содерживаетъ, ибо егда бы кто похотѣлъ сочинителя календарнаго тѣмъ укорить, что календарныя ихъ провѣщанія недостовѣрны суть и невозможно на нихъ полагаться, и тогда возможно ему на мѣсячныя затмѣнія, въ нихъ описанныя, указати и тѣмъ очевидно уличити, что не все недостовѣрно есть, что́ въ календаряхъ провѣщаютъ. Но жалобы достойно есть, что бо́льшая часть календарныхъ описателей сію начальнѣйшую главную статью легко проходятъ, которая всѣмъ ихъ трудамъ лучшее почтеніе и достовѣрность получити можетъ. Не вѣдаю же азъ, отъ небреженія ли, или отъ недоразумѣнія сіе чинится [2])».

Въ Публичной библіотекѣ въ рукописи (№ 1760), поступившей изъ погодинскаго собранія, помѣщены переводы календарей:

«Вольфганка Гендрика Аделунгка, гамбургскаго математика и астронома, исправленный любопытный календарь на 1706 лѣто по Р. Х.» Начинается онъ хронологіею: отъ Р. Х. — 1707; отъ сотворенія міра, по мнѣнію Кальвизія 5651; отъ начала міра, какъ содержитъ восточная церковь — 7215; отъ потопа всеа плоти — 3999; отъ начала четырехъ монархій, яко вавилонской — 3879, персидской — 2243; греческой — 2033; римской — 1785; отъ исхода израильтянъ — 3202; отъ страданія, воскресенія и вознесенія Христова — 1673; отъ начала іоліанскаго календаря — 1751; отъ коронаціи Леопольда I на римское цесарство — 48; отъ коронованія Іосифа I на венгерское королевство — 19; объявленіе послѣдней великой кометы — 26; отъ царствованія великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича I, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержца — 24. За тѣмъ, предсказанія погоды на каждый мѣсяцъ, далѣе: «о кровопу-

---

[1]) Ркп. И. эрмит. № 65, полка 2; въ 4°, 40 л.; нач. такое же, какъ въ предъидущихъ; вторая статья о зимѣ: «Зима начинается»...

[2]) Кромѣ этихъ календарей въ И. эрмитажѣ есть ркп.: «Выписка изъ нѣмецкаго календаря нынѣшняго 1704 года о провѣщаніяхъ разныхъ государствъ, что подъ которымъ гербомъ содержатись чаять». № 71 полка 2; въ 4°, 29 лист.; нач: «Нѣмецкая земля».

сканіи жильномъ и рожечномъ и о принииманіи лекарствъ; описаніе о четырехъ годовыхъ временахъ или четвертяхъ; о затмѣніяхъ; знаменованіе или толкованіе о сихъ затмѣніяхъ (астрологическое); о войнѣ и мірскихъ дѣлѣхъ; о плодоносіи и педородіи; о здравіи и болѣзняхъ.»

«Календарь управленный математическій и физикальской на 1707 годъ по Р. Х. Въ немъ написаны, по обыкновенію, праздники и мѣсячное теченіе, да рожденіе и ущербленіе, также затмѣніа, которыя въ нынѣшнемъ году приключатся на солнцѣ и на лунѣ. Краткое описаніе о плодоносіи, о войнѣ и о мпру, въ божію славу и народомъ въ пользу Павломъ Галкомъ, въ градѣ Стадѣ математикомъ».

«Яґана Гендрика Фохта исправленный календарь на 1708 годъ по Р. Х., въ которомъ по истинному небесному теченію написано рожденіе и ущербленіе лупы, такожде погода всякой мѣсячной четверти по старому іуліанскому календарю. Въ немъ же приписано провѣщаніе, затмѣпія и кровопусканіе.» Въ этомъ календарѣ подъ каждымъ мѣсяцомъ уже выставлены числа и дни съ предвѣщаніями о погодѣ и обозначеніемъ фазисовъ луны.

Всѣ эти рукописные календари предшествовали печатнымъ, видимо заимствовались изъ однихъ и тѣхъ же нѣмецкихъ календарей и любопытны въ томъ отношеніи, что въ нихъ есть указанія на сочинителей или составителей подлинниковъ; въ печатныхъ же, кромѣ нѣкоторыхъ московскихъ, такихъ свѣдѣній не помѣщалось.

Первымъ печатнымъ русскимъ календаремъ должно считать «Святцы или календарь», изданный Копіевскимъ въ Амстердамѣ и относимый Сопиковымъ къ 1702 году. Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстно ни одного полнаго экземпляра этой книги; отрывокъ, въ которомъ есть только святцы, хранится въ библіотекѣ П. П. Каратаева.

Въ Россіи напечатанъ первый календарь на 1709 г.—28 декабря 1708 года, въ 4°, гражданскимъ шрифтомъ. Въ 1709 году, вышелъ гравированный на мѣди, стѣнной календарь, извѣстный подъ именемъ брюсова. Такое названіе не совсѣмъ справедливо: въ самомъ календарѣ положительно сказано, что онъ собранъ и изданъ тщаніемъ библіотекаря Василья Кипріанова; Брюсъ же надзиралъ только за изданіемъ, что обозначалось не только на календарѣ, но и на всѣхъ изданіяхъ, выходившихъ изъ московской гражданской типографіи.

Извѣстна репутація Брюса въ Россіи XVIII столѣтія, какъ чернокнижника и астролога: авторъ настоящаго труда, живя въ дѣтствѣ въ отдаленной провинціи, и тамъ слыхалъ не мало разсказовъ о томъ. Такъ напр., легенда сохранила, что «Брюсъ, умирая, вручилъ Петру склянку съ живой и мертвой водой (замѣтимъ, что въ дѣйствительности Брюсъ умеръ десять лѣтъ послѣ кончины царя), съ тѣмъ, что если онъ пожелаетъ видѣть его ожившимъ, то велѣлъ бы вспрыснуть его трупъ этою водою. Прошло потомъ нѣсколько лѣтъ, и Петръ, вспо-

мнивъ о завѣщанной Брюсомъ склянкѣ, велѣлъ разрыть могилу его; къ ужасу присутствовавшихъ оказалось, что покойникъ лежалъ въ могилѣ, какъ живой, и у него даже отросли длинные волосы на головѣ и бородѣ и ногти на рукахъ. Царь былъ такъ пораженъ этимъ, что велѣлъ скорѣе зарыть могилу, а склянку разбилъ.» Подобная же легенда нѣсколько короче сообщена о Брюсѣ въ «Очеркѣ морскаго кадетскаго корпуса». Гдѣ искать источникъ ея? Кажется въ томъ обстоятельствѣ, что Петръ, познакомившись съ извѣстнымъ Рюйшемъ, купилъ у него подъ величайшею тайною способъ бальзамированія тѣлъ, которыя сохранялись какъ-бы живые. Брюсъ занимался астрономическими наблюденіями, часто бесѣдовалъ о томъ съ царемъ, и вотъ суевѣріе сочинило чудесную повѣсть, сохранившуюся до нынѣ.

Между-тѣмъ въ жизни Брюса не было ничего, что́бы могло хоть нѣсколько заподозрить его въ чернокнижествѣ: онъ былъ только просвѣщеннѣе многихъ изъ своихъ знатныхъ современниковъ. Къ сожалѣнію, онъ не былъ выше ихъ въ нравственномъ отношеніи: Брюсъ, какъ и другіе, бралъ подъ чужимъ именемъ подряды въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ, гдѣ былъ начальникомъ; также бывалъ подъ судомъ за утайку казенныхъ червонцевъ — однимъ словомъ, дѣлалъ то, что́ можно дѣлать безъ астрологіи, магіи и волшебства.

Брюсъ происходилъ отъ древней шотландской фамиліи, покинувшей родину во времена Кромвеля. Отецъ Брюса былъ полковникомъ въ русской службѣ въ концѣ XVII вѣка и стоялъ лѣтъ двѣнадцать съ полкомъ въ Псковѣ. Яковъ Даніель (или Яковъ Вилимовичъ) родился въ Москвѣ въ 1670 году. Гдѣ онъ учился — неизвѣстно, только 17 уже лѣтъ числился въ дѣйствительной службѣ. Профессоръ Байеръ говоритъ, что во время осады Азова, генералъ маіоръ фонъ Менгденъ вымѣрилъ и описалъ пространство земель отъ Москвы къ югу до береговъ Малой Азіи; по этой описи составлена тогда еще артиллерійскимъ капитаномъ, Яковомъ Брюсомъ карта, которая и отпечатана въ Амстердамѣ, въ типографіи Тессинга (см. выше, стр. 23—24).

Въ декабрѣ 1697 года, Брюсъ пріѣхалъ въ Голландію, гдѣ тогда былъ царь. Послѣдній писалъ по этому случаю къ кн. Ромодановскому: «звѣрь, долго ли тебѣ людей жечь? И сюда раненые отъ васъ пріѣхали: перестань знаться съ Ивашкой (Хмѣльницкимъ, т. е. виномъ), быть отъ него рожѣ драной [1])!»

---

[1]) Исторія Петра Великаго г. Устрялова, III, 95. Здѣсь не приведено слѣдующаго отвѣта кн. Ромодановскаго на выговоръ Петра: «въ твоемъ же письмѣ написано ко мнѣ, будто я знаюся съ Ивашкой Хмѣльницкимъ, и то, господине, не правда: нѣкто къ вамъ пріѣхалъ прямой московской пьяный, да сказалъ въ безпамятствѣ своемъ. Нѣколи мнѣ съ Ивашкою знаться — всегда въ кровяхъ омываемся (Ромодановскій постоянно присутствовалъ при всѣхъ тогдашнихъ пыткахъ въ Преображенскомъ)! Ваше то дѣло на досугѣ стало знакомство держать съ Ивашкою, а намъ недосугъ! А что Яковъ Брюсъ донесъ будто отъ меня руку обжогъ, и то сдѣлалось пьянствомъ его, а не отъ меня»... (Дополн. Каб. дѣла, папка № 3, л. 1201).

Въ 1698 г., Брюсъ былъ въ Англіи и, 15 сентября, писалъ царю изъ Лондона:

«Милостивый государь! Передъ отъѣздомъ твоимъ государскимъ былъ мнѣ твой государскій приказъ, чтобъ мнѣ пробыть въ Лондонѣ только до первыхъ чиселъ сентября мѣсяца, и я зѣло желалъ, чтобъ къ тому времени докончить свое ученіе, да воистинно не могъ, хотя по всякъ день надъ тѣмъ прилежно сидѣлъ. И, аще Богъ изволитъ, чаю сего мѣсяца сентября въ послѣднихъ числѣхъ докончить и ѣхать отсель. А инструменты серебряные, такожде которые для своего употребленія изволилъ сдѣлать приказывалъ, привезу съ собою»...

22 марта 1699 г., Брюсъ писалъ Петру уже изъ Москвы:

«Милостивый мой государь! Желаю тебѣ, милостивому государю, многолѣтное здравіе и счастливое исправленіе намѣренія твоего. При семъ доношу, когда изволишь потемненіе солнца примѣчать, тогда изволь избрать избу, въ которой бы можно окны всѣ закрыть, чтобъ свѣту въ ней ничего было. Такожды надобна трубка зрительная, которую въ яблоко деревянное вкрѣпить, а яблоко и съ трубкою вставить надобно въ затворъ оконечной такимъ подобіемъ, чтобъ можно трубку на всѣ стороны поворотить на ту стать, какъ у астролябіума яблочко мѣдное поворачивается. Сіе изготовивши, надобно чрезъ ту трубку зрительную округъ солнечный на разныхъ бумажкахъ начертить, чтобъ въ разныя времена величество потемненія вѣдомо было. Также и діаметръ солнушной прочертить надобно, а діаметръ для того начертить, когда изволишь начать примѣчать, тогда изволь нитку провѣсную предъ бумажкою повѣсить, и надобно такъ унаравливать, чтобъ всегда стѣнь отъ той привѣсной нитки на діаметрѣ солнечномъ была; наипаче всего, какъ трубку и привѣсную нитку приправить, изволишь въ образцѣ разсмотрѣть. За симъ вручаю тебя, моего милостивѣйшаго государя, въ сохраненіе божіе, а я остаюсь твой всѣмъ сердцемъ покорный холопъ Якушко Брюсъ [1]).

29 іюня 1699 г., увѣдомлялъ Петра о пріѣздѣ французскаго инженера де Шампи, который «изъ разговоровъ его кажется человѣкъ ученый и искусный. Такожде послалъ я, надѣяся, что будетъ угодно тебѣ, милостивѣйшему государю, вещь такую, которая зѣло надобна человѣку, который въ ѣздѣ пребываетъ, какъ сыскать полусъ гогдѣ (или елевацію поли) безъ всякаго вычету и не вѣдая деклинаціи солнца и не имѣя инструментовъ, кромѣ циркула и линеала; а какъ сіе сыскать, и тому я чертежъ и описаніе сдѣлалъ, како изволишь видѣть на бумагахъ, которыя въ сей грамоткѣ положены, и зѣло мнѣ печально будетъ, ежели недовольно внятно къ вразумленію тебѣ, государю, написалъ. Возможно симъ подобіемъ не токмо полуденную

[1]) Дополн. каб. дѣла, папка № 1, л. 26, 28.

черту и елевацію поли, или диклинацію солнца того дня, такожъ въ которомъ часу та обсервація была, сыскать; да для того не написалъ, что гораздо много линей случится и трудно будетъ разбирать. Сверхъ сего, прошу всеуниженно объ отданіи вины моей предъ тобою, милостивый государь, что не вручилъ тебѣ, государю, письмо, которое я у Колсона взялъ объ наукѣ твоей государской: воистинно, государь, забылъ...

6 іюля 1699 г., Адамъ Вейде сообщалъ царю, что, «Яковъ Брюсъ статьи, которыя обѣщалъ, не успѣлъ сготовить: сказываетъ, что не чаялъ о выправленіи русскаго языку столько дѣлу быть. Только станетъ спѣшить, сколько возможно»... Черезъ семь дней, самъ Брюсъ Петру:

«Милостивѣйшій государь! По твоему государскому писанію къ Адаму Вейде, послалъ я къ тебѣ, государю, краткое описаніе законовъ (или правилъ) шкоцкихъ, англійскихъ и французскихъ о наслѣдникахъ (или первыхъ сынахъ) [1]). Такожъ, напомнная твой государевъ приказъ въ англійской землѣ, послалъ къ тебѣ, государю, описаніе чинамъ, которые были у англійскаго короля у артиллеріи на войнѣ и во время миру, такожды и о ихъ жалованьи поденномъ въ войнѣ и о годовомъ во время мировое [2])».

Въ 1706 г., Петръ просилъ Брюса прислать ему «текель того инструмента, чрезъ который елевацію берутъ по нордшпарнъ и часы [3])».

28 ноября того же года, Брюсъ къ царю изъ м. Жолквы: «Всемилостивѣйшій государь! Ваше величество изволите писать ко мнѣ, чтобъ учиня чертежъ оному инструменту, о которомъ я доносилъ, имъ же возможно возвышеніе полюса и время въ ночи сыскать, и прислать бы къ вашему величеству. И я не токмо начертанія, но и пространнаго описанія не имѣю оному (понеже нынѣ никакихъ почитай книгъ при себѣ не имѣю). Того ради не могу при нынѣшнемъ случаѣ ни явственнымъ начертаніемъ, ни яснымъ описаніемъ вашему величеству услужить. Толькожъ, колико могу, о томъ памятно: состоитъ оный инструментъ въ трубкѣ зрительной, длиною футовъ 16 или больши, имѣющая въ себѣ два стекла — одно обычайное, другое — близко въ четверо больши обычайнаго, и не мню я, чтобъ кто на Москвѣ такое стекло, како надлежитъ, сдѣлать могъ. Сверхъ того, надобно два кольца, подобные англійскимъ солнечнымъ часамъ, чтобъ одно въ другое вложить и поворотить возможно было, величествомъ

---

[1]) Переводъ о наслѣдованіи и маіоратѣ по англійскимъ законамъ хранится въ Каб. дѣлахъ, II, № 21, л. 894—899.

[2]) Устрял. И. П. В. III, 495—497.

[3]) Голиковъ Д. П. В. XIV, стр. 415.

съ величайшее стекло. Надлежитъ оныя два кольца раздѣлить — одно въ мѣсяцы и числы, а другое — на 24 часа, и утвердить въ вышеписанной трубкѣ въ той точкѣ, гдѣ лучи обопхъ стеколъ сходятся. А какъ иную точку сыскивать, не возможно вкратцѣ описать, ибо много иныхъ окрестностей изъ науки зрительной описать надлежитъ. Такожъ надобно ко оной трубкѣ на градусы раздѣленный квадрантъ придѣлать. Однакожъ гораздо о семъ мысля, вздумалъ я сдѣлать для такова дѣла инструментъ безъ трубки зрительной, которымъ такожъ вышеписанныя дѣла (хотя не таково, какъ съ трубкою, однакожъ съ довольнымъ тщательствомъ), надѣюся, что сыщутся. И началъ я уже оный изъ дерева дѣлать, только жъ не могу онаго къ совершенству привести, понеже не имѣли въ долгомъ времени свѣтлыя ночи, чтобъ возможно тотъ инструментъ спробовать, а какъ къ совершенству придетъ, и я оный къ вашему величеству немедленно пришлю. За симъ остаюся вашего величества, моего всемилостивѣйшаго государя, покорнѣйшимъ и нижайшимъ рабомъ Яковъ Брюсъ [1]).

Изъ Дубровны, въ маѣ 1708 г:

«Всемилостивѣйшій царь государь! Вашего величества тщаніемъ вновь напечатанную ко мнѣ посланную книжицу о комплиментахъ (о ней см. 2-ю ч. настоящаго труда въ гл. о типографіяхъ, также подъ 1708 годомъ между гражданскими книгами) получилъ я съ немалою радостью, не токмо ради того, что оная такъ презрядно напечатана, что едва ль возможно латынскимъ...(шрифтомъ?) оныя лучше напечатать, но и ради оныя надобности, понеже многимъ будетъ въ пользу — за которую всеуниженно благодарствую. Что принадлежитъ первыя части Брауновой артиллеріи, и я оную еще всю выправити за проклятою подагрою, которою одержимъ былъ больше четырехъ недѣль (не успѣлъ). А потомъ припала было горячка, отъ которой у меня такъ было повредились глаза, что долгое время не могъ оныхъ къ многому читанью и писанью употребить. Къ тому оная (книга) такова неисправна, что принужденъ чуть не каждую строку переписывать не толико... переводчика, который таковымъ дѣломъ былъ незаобыченъ, но самъ творецъ тоё книги такой стилусъ въ оной книгѣ положилъ, что зѣло трудно его мнѣніе разумѣть и тому, кто оному дѣлу и самъ искусенъ, а наипаче въ геометрическомъ вымѣреніи и вычитаніи. И мню я, что еще не будетъ оное дѣло довольно внятно тѣмъ, которые такимъ вычетомъ необычайны. Теперь у оной осталось до совершеннаго выправленія дней на 5 дѣла, и по окончаніи тоё части, начну другую, отъ вашего величества вновь присланную, исправляти.

«Вашему величеству всеуниженно доношу, что тому уже съ два

---

[1]) Каб. дѣла II, № 5, л. 60.

мѣсяца прошло, какъ явился у меня Копіевичь, который при мнѣ живетъ безъ всякаго дѣла, потому что мнѣ въ немъ никакія помощи нѣтъ, для тово-что языку нѣмецкому неискусенъ, а зѣло бъ ему было кстати переводить книги польскія лѣтописныя, такожъ и геометрическую, которыя по приказу вашего величества я, купя, отдалъ, будучи въ Варшавѣ, въ посольскую канцелярію. Того ради, не лучше ли его отослать къ Гаврилѣ Ивановичу, понеже мнѣ не надобенъ, о чемъ вашего величества повелѣнія ожидать буду (о Копіевскомъ см. выше стр. 13 и слѣдующія).

«На Москвѣ будучи, изволили ваше величество мнѣ приказывать, дабы въ гербѣ адмирала Апраксина, съ нимъ поговоря, переправить астраханскій гербъ [1]). И я изъ его розговору могъ дознаться, что ему токмо хощется, чтобъ одну корону по старинному обычаю написать, а чтобъ сабля подъ оной лежала по прежнему, и въ томъ почитай не будетъ перемѣны. И я нынѣ не токмо корону перемѣнилъ, но и къ прежней саблѣ другую на крестъ, въ корону вложенну, прибавилъ, дабы тѣ вещи въ немъ (гербѣ) были, токмо инымъ подобіемъ и иное значили. И тотъ гербъ послалъ я къ вашему величеству при семъ письмѣ.

«При семъ же письмѣ послалъ онъ, Копіевичь, къ вашему величеству книгу Брауновой артиллеріи прибавкою ко оной всякихъ похатныхъ (?) и недвижимыхъ мельницъ, такожъ отчасти о разныхъ камерахъ мортирныхъ и о петардахъ [2])...

7 марта 1709 г., изъ Богодухова: «По приказу вашего величества, послалъ я при семъ письмѣ половину книги Брауновой выправленную, и, дабы Кугорнову не остановить во выправкѣ, того ради оная токмо тѣмъ подъячимъ, который ее переписывалъ, повѣривана. Токмо прошу не прогнѣваться, что оную не въ переплетѣ посылаю, для того-что здѣсь переплетчиковъ не обрѣтается. Также посланы тутъ же двѣ книги, именуемыя Зерцало командантовъ [3]). Что же принадлежитъ политической книжици, о которой ваше величество изволили писать, и оная нынѣ у г. Шафирова, у котораго я ее напередъ сего займывалъ. Имѣю я вѣдомость съ Москвы, что хотѣли было прошлаго года нѣсколько человѣкъ, ради наукъ, во иные краи по-

---

[1]) Ѳедоръ Матвѣевичь Апраксинъ избралъ было гербомъ своимъ княжескую корону, а подъ ней восточная сабля, что̀ было и въ астраханскомъ гербѣ. По пожалованіи его графомъ, родовой его гербъ уже исправленъ такъ, какъ предполагалъ здѣсь Брюсъ. Въ линіи же Апраксиныхъ, не получившихъ графскаго достоинства, остался старый гербъ, только вмѣсто княжеской изображена обыкновенная дворянская корона.

[2]) Каб. дѣл. II, № 7.

[3]) Вторая часть комендантскаго зерцала сохранилась въ рукописи въ кабинетѣ Петра Великаго; есть переводъ съ нѣмецкаго: Wertmullers, Komandanten Spiegel Ср. г. Ласковскаго, Матеріалы для ист. инжен. искусства, II, 273.

сылать и, за позднимъ ихъ пріѣздомъ къ городу Архангельскому (какъ уже корабли отъѣхали), поворочены оные паки къ Москвѣ; изъ которыхъ одного посольскаго приказа подъячаго Грамотина сынъ нарочито изъ нѣмецкаго языка на русскій переводитъ, его же переводъ я отчасти самъ видѣлъ, и ежели бы ваше величество да изволили приказать онаго ко мнѣ отдать, и я мню, чтобъ мнѣ нѣкоторая помощь отъ него была»...

Изъ подъ Полтавы 22 іюня 1709 г., слѣдовательно за 5 дней до извѣстнаго сраженія: «Кугорнову книгу еще я на страстной недѣли довершилъ и прочтена оная отъ того подъячаго, который ее писалъ, токмо за походомъ, который намъ случился на первый день праздника, и до сего числа я не могъ оную самъ прочесть, и ежели получу часъ свободный, то немедленно оную, выправя, пришлю къ вашему величеству»...

5 сентября изъ Слуцка: «Къ вашему величеству послалъ я при семъ письмѣ книгу Кугорновой фортификаціи, которую вновь прочелъ и выправилъ гдѣ какія описи были, и мню, что внятна будетъ, развѣ не во многихъ мѣстѣхъ не гораздо изъяснено и то можетъ выразумѣтись, ежели двою или трою съ прилежаніемъ прочтется. Ради Бухнеровой артиллерійской книги послалъ я нарочно къ Москвѣ, а какъ привезутъ оную и будетъ гдѣ стоянка, то начну и ее выправливать [1])»...

Изъ деревни Соботиной, отъ курляндскаго рубежа въ двухъ миляхъ, 11 октября 1709 г.: «Вашего величества изъ Пустой Сольцы письмо сентября 16 получилъ я сего мѣсяца 4 дня, въ которомъ изволите приказывать, дабы напередъ исправлять трактатецъ о механикѣ, и я вашему величеству доношу униженно, что намѣренъ я оный трактатецъ вновь переводить (понеже онъ гораздо плохъ переведенъ), кой часъ на мѣсто придемъ, идѣже стоянка будетъ. А въ пути, за непрестаннымъ маршемъ, зачинать было не возможно. А хотя въ третій день и стоянка бываетъ, то отъ непрестанныхъ жалобъ и докукъ здѣшнихъ поляковъ не можно за нее приняться [2])»...

16 марта 1716 г., изъ Петербурга: «Вашему величеству при нынѣшнемъ случаѣ къ доношенію важнаго не имѣю, токмо что было здѣсь на небѣ явленіе сего марта противъ 7 числа, которому описаніе посылаю вашему величеству при семъ... По указу вашего величества писалъ я въ Ниренбергъ о дѣланіи противъ средняго атласа 24 картъ, и во что оныя станутъ и сколь скоро сдѣлаются? И нынѣ на тѣ письма получилъ отповѣдь, что онъ подлинно незнаетъ, сколь скоро возможно сдѣлать; а о цѣнѣ мнитъ, что станутъ онѣ безъ подписи ефимковъ слишкомъ въ тысящу, а съ подписи меньше двухъ

---

[1]) Упоминаемые въ письмахъ Брюса книги описаны во 2-й ч. настоящаго труда.
[2]) Каб. дѣла II, № 9, л. 98, 94, 95 и 99.

тысящъ невозможно сдѣлать. При томъ же совѣтуетъ, чтобъ ради поспѣшности въ томъ дѣлѣ прислать къ нему русскаго рѣзчика, ктобъ могъ тамо литеры писать. А требуетъ онъ токмо за пропитаніе его, и аще ваше величество соизволите такова человѣка къ нему послать, то пожалуйте прикажите отписать, гдѣ онаго взять, и о деньгахъ на пропитаніе, и на проѣздъ ему и что надлежитъ за тѣ карты заплатить»...

«Описаніе случившемуся явленію на небеси въ ночи между 6 и 7 числа марта.

«6 числа съ вечера, около девяти часовъ, безъ луннаго сіянія явилось свѣтло за облаками, близъ горизонта сущими, отъ пордъ-веста даже чуть не до самаго пордъ-оста. И тако было то свѣтляе, то темняе, перемѣняючись до послѣдней четверти двѣнадцатаго часу, о которомъ времени начали изъ тѣхъ свѣтлыхъ мѣстъ пламена огненныя гораздо жидкимъ цвѣтомъ вверхъ отъ горизонта простиратись и показыватись вездѣ по небу кругомъ по всѣмъ странамъ, токмо въ зуйденѣ не подымались, ибо тамъ облаковъ не было, но съ иныхъ сторонъ тѣ пламена туды наносимы были. И сіе чинилось съ перерывкою то много, то мало, иногда будто и пресѣкутся, а потомъ паки прежняго гораздо множше такимъ видомъ, якобы тонкіе и презрительные хлопья льну по небу движились, и тутъ, да тамъ, въ пламена претворялись. И по зѣло скорому горѣнію, на ихъ же мѣста паки иныя находили, частію подобно молніи блистанію, токмо жъ не такою пруткостью, ниже такою остротою или яростію цвѣта, съ непрестаннымъ дрожаніемъ оныхъ пламенъ (еже происходило отъ обычайнаго трясенія воздуха, иже отъ той свѣтлости сквозь видимъ былъ, подобно яко является воздухъ тресящъ въ трубку зрительную и безъ оныя въ лѣтніе жары близь земли); также гораздо подобно цвѣтомъ и премѣною мѣстъ зажигаемой или угасаемой водкѣ въ какомъ широкомъ сосудѣ. И шелъ при семъ случаѣ снѣгъ самой малый и мелкій, якобы песокъ, и была великая тишина въ погодѣ безъ мороза. По получасѣ сего явленія зѣло многими заостренными полосами подымалось подобно якобы жидко расчесаной ленъ кругомъ около всего горизонта, кромѣ зуйдена, идѣже облакъ не было, похожи на множество верховыхъ ракетъ, токмо жъ безъ шума и не таковымъ явнымъ огнемъ, но тихимъ и блѣднымъ цвѣтомъ вверхъ даже до зенита (т. е. средина небесъ, иже каждый человѣкъ надъ собою имѣетъ) взошли и, пламени подобно, совокупились, и тако то въ ту страну, то въ другую, молніи подобно, подвизаясь, и на нѣсколько минутъ времени не много съ убавкою паки таковыми жъ лучами отъ горизонта подымалось и видимо было, яко бы весь воздухъ вверху въ пламена претворился, а потомъ паки вдругъ въ самые тонкіе облаки, яко же по великомъ дождѣ въ жары бываютъ, по воздуху скоро

движущіе претворялись. Изъ которыхъ блистаніе и пламена паки происходити начинали. При семъ видѣніи неотлучно трясеніе воздуха было. И хотя вѣтръ, также и морозъ мало потомъ сталъ быти, однако жъ сія пламена не слѣдовали, ибо гораздо высоки были, но по старому то туда, то сюды подвизались. Примѣчательно жъ было, что звѣзды обычайнаго величествомъ больши являлись и казалось ихъ множшай числомъ видѣти, нежели обычайно. Между симъ явленіемъ, около двѣнадцатаго часа, однова вдругъ произошла полоса напримѣръ съ футъ шириною, отъ зуйдъ-веста отъ самого горизонта чрезъ все небо даже до самого горизонта въ нордъ-остѣ, состоящая изъ 5 или 6 узкихъ полосъ и потомъ скоро пропала. И сія временныя видѣнія продолжались до второй четверти втораго часа по полуночи. Потомъ по малу пресѣкаться стало и на верху не являлось, кромѣ что около горизонта на сѣверной странѣ по прежнему за облаками свѣтло было.

«Всего дивпяе мнѣ казалось континуація сего премѣннаго горѣнія, ибо егда метеоры являются, то оные, по явленіи, скоро сгораютъ и минуются.

«Ежели простыхъ людей къ мнѣнію приставати, то бы возможно многія изображенія, яко же они представляютъ, содѣлати. Правду же сказати показалось мнѣ и инымъ, при мнѣ будучимъ, что у насъ надъ главами вверху на небесѣхъ къ зуйдену едино великое птичье крыло; по исходу же онаго, близко его и средины неба, яко бы птичья глава явилась. И по исчезанію жъ оной явилось и иное крыло близко оной ко норду, прежняго гораздо явнѣй. А иныхъ фигуръ, такожъ и литеръ, якоже иные здѣсь сказываютъ будто видѣли, я видѣти не могъ.

«А какимъ образомъ сіе видѣніе было, того начертить невозможно, понеже во всякую минуту, онаго перемѣна была».

15 апрѣля 1716 г.: «И сего апрѣля 2 числа, явленіе было дивнымъ же видомъ, токмо гораздо прежняго меньше. Еще жъ какое явленіе было 9 числа, посылаю къ вашему величеству при семъ же чертежекъ»...

За тѣмъ на небольшомъ лоскуткѣ бумаги начерчена сверху вниз линія зигзами и подпись:

«1716 г. апрѣля 9 числа, въ осмомъ часу по полудни, явилась при Санктъпитербурхѣ на небеси между норда и нордъ-веста таковая фигура цвѣтомъ молнейнымъ и была видна болѣе получаса. Сія фигура произошла изъ за облака снизу вверхъ, почитай таковымъ же обычаемъ, какъ метеора 1704 года, которая при нарвской осадѣ была».

Далѣе изъ того же письма отъ 15 апрѣля: «Изволили ваше царское величество приказывать г. Макарову, чтобъ маіоръ Ушаковъ

прислалъ ко мнѣ, ради переписки на бѣло переводныхъ книгъ, подъячихъ, и я у него многажды оныхъ требовалъ, но онъ по се время ни одного ни присылывалъ. И которыя книги къ пріѣзду вашего величества переведутся переписывать на бѣло у меня нѣкому, и о томъ ваше величество что соизволите? А въ присланныхъ двухъ французскихъ книгахъ артиллерійскихъ противъ прежнихъ есть много прибавокъ, и уже отъ первыхъ двухъ книгъ переведено было съ четверть и то оставя приказалъ по послѣднимъ переводить, для того что есть великая разница. И никоимъ образомъ поспѣшить не возможно, понеже есть въ нихъ такіе термины французскіе въ званіяхъ, что и въ лексикопахъ не изобрѣтается, ниже французы, здѣсь сущіе, знаютъ; также и полковникъ Колонъ истолковать не можетъ»...

Рукою того же писца, который переписывалъ донесенія Брюса къ царю, находится въ Кабинетныхъ дѣлахъ Петра слѣдующая замѣтка: «Указъ послать въ здѣшнюю и рижскую губерніи, дабы каждый губернаторъ въ своей губерніи мандаты публиковалъ слѣдующаго содержанія: дабы никто дерзалъ изъ государства ни малыхъ вѣдомостей о военныхъ и статскихъ дѣлѣхъ писать, кромѣ о своихъ торгахъ и къ нимъ принадлежащихъ дѣлѣхъ, никогда же ни о малѣйшихъ дѣлѣхъ писать, еже кому не принадлежитъ подъ потеряніемъ имѣнія и пожитковъ, и по изобрѣтеніи вины — наказаніемъ тѣла и живота, егда грамотки въ Ригѣ, Курляндіи или въ Пруссахъ распечатаются и что заказанное въ нихъ найдется».

13 мая 1716 г., Брюсъ писалъ къ Макарову: «Огородная книга (должно полагать Le jardinage de Quintiny), которая отъ его царскаго величества отдана Волкову переводить, почитай у него вся въ готовности. А имѣю я извѣстіе, что есть новаго выходу такая жъ книга позднѣе оной, того ради изволите его величеству доложить, не соизволитъ ли тоё новую книгу въ тамошнихъ краяхъ достать»...

18 іюля 1716 г., къ царю: «Вашего величества всемилостивѣйшее писаніе, посланное съ курьеромъ Юшковымъ, также грамматику голландскую получилъ я, и буду всяческими мѣры чтится перевесть оную колико возможно внятно. Токмо опасаюсь, что за недовольствомъ сего языка (яко же вашему величеству извѣстно), по желанію своему исправно и вразумительно написати не возмогу, понеже грамматика передъ иными книги особливо достаточно искуснаго обоихъ языковъ переводчика требуетъ, котораго здѣсь не изобрѣтается. Однакожъ, помощію голландцевъ, всю свою возможность, елико имѣю въ семъ дѣлѣ, приложу... Было мое желаніе за нѣсколько времени вашему величеству донести, что я въ солнцѣ пятна усмотрѣлъ, однакожъ опасался въ такихъ многодѣльныхъ временахъ вашему величеству такъ малымъ дѣломъ докучать. Токмо жъ, напамятуя любопытство и особливое тщаніе вашего величества въ вещахъ, не часто случаю-

щихся, дерзнулъ нынѣ донести, что оныхъ много въ солнцѣ является и возможно оныхъ гораздо внятно трубою зрительною футовъ въ 12 видѣть, егда ближайшее стекло къ глазу умѣренно покоптится, возможно жъ оныя и въ 4 фута длиною трубкою видѣти, однако жъ гораздо мелко. Я надѣюсь, что ваше величество конечно оныя можете увидѣть, ежели да изволите кому ни есть приказать по вся дни, недѣли двѣ смотрѣть дважди или трижди въ день, понеже иногда въ немъ ничего не видѣть, когда солнце, поворачиваяся на оси своей, отъ вида нашего оныя пятна отворотитъ. А обращается оное на оси своей въ $26^1/_4$ дней. И понеже сіе, колико мнѣ извѣстно, уже съ 30 лѣтъ не видно было, и я отъ роду своего впервые увидѣлъ, того ради не могъ удержаться, не донеся о семъ вашему величеству».

2 октября 1716 г.: «Доношу вашему царскому величеству всеуниженно: присланной ко мнѣ отъ вашего величества книги голландской грамматики перевелъ уже съ половину и именованія русскія изъ той половины написаны. Токмо по алфавиту еще не сдѣланы и, елико возмогъ, трудился, чтобъ было внятно написано. А какимъ образомъ перевожу, посылаю оной при семъ первую тетрадь и желаю, чтобъ вашему величеству угодна была. Аще же оная въ чемъ вашему величеству не понравится, то не соизволите ль приказать ее исправить посольской канцеляріи секретарю Ларіонову, понеже онъ голландскому языку искусенъ и грамматикѣ ученъ. О немъ же не сумнѣваюся, что онъ нынѣ при канцеляріи посольской обрѣтающимся съ вашимъ величествомъ»...

При этомъ письмѣ приложена тетрадь, въ которой начало книги «Сѣвелово искусство нидерландскаго языка», которая была у насъ напечатана безъ обозначенія года печатанія (см. во 2-й ч. № 358). Сверхъ того въ тѣхъ же письмахъ есть «Напамятованіе о переводѣ голландской грамматики, какимъ образомъ переводиться будетъ:

«Всю перевесть на русскій языкъ. При томъ переводѣ гдѣ какое именованіе явится выписывать въ особливую тетрадь. Сіе все выписавъ, перевесть на русскій языкъ потомъ. Изъ русскаго переводу выбирать именованія и писать по алфавиту. Къ сему алфавиту приписать всѣ именованія голландскимъ языкомъ. А дѣлать по алфавиту голландскія именованія, приписывая оныя на русскомъ языкѣ. О томъ его царское величество не изволилъ писать, однакожъ я мыслю, что таковаго надобно, какъ и первое; и возможно оное, аще его царское величество изволитъ, сдѣлать по окончаніи перваго».

2 ноября 1716 г.: «Понеже относится здѣсь, что ваше царское величество намѣрены ѣхать въ Голландію, и я чаю, что именованіе русскихъ словъ съ голландскими по алфавиту изъ грамматики вашему величеству тамо потребны будутъ, того ради, остановя прочее во грам-

матикѣ голландской, началъ поспѣшать оными именованіи, и какъ въ готовности будетъ, съ первымъ случаемъ пришлю къ вашему величеству.

«При семъ допошу вашему величеству, что еще двѣ книги переведены, а именно географія, ея же авторъ Гибперъ называется, и како обносится, будто оная, удобства ради, уже и на англійскій и французскій языкъ переведена; которая зѣло потребна будетъ всякому человѣку ко знанію всѣхъ государствъ, также законовъ, обычаевъ и сосѣдовъ ихъ; при томъ и фамиліи владѣтелей ихъ объявлены (эта книга у насъ напечатана въ 1719 г.). Другая философо-математическая въ готовности, о которой ваше величество, отъѣзжая отсюда письмецо ко мнѣ изволили прислать, чтобъ ее мнѣ самому перевесть и прежъ сего предисловіе отъ оной у меня въ домѣ изволили читать. И понеже во оной изъ субтильнѣйшихъ частей ума человѣческаго представляется, того ради наипаче жъ отъ зѣло спутаннаго нѣмецкаго штиля, которымъ языкомъ оная писана, невозможно было переводомъ оныя поспѣшить, понеже случалось иногда, что десять строкъ въ день не могъ внятно перевесть, чтобъ авторово мнѣніе довольно изъяснити могъ, и аще ваше величество соизволите ихъ приказать печатать, чтобъ о томъ его свѣтлости кн. Меншикову приказать изволили, понеже отъ меня посланныя фигуры, принадлежащія ко артиллеріи французской, по се время еще не вырѣзаны...

13 ноября 1716 г., кабинетъ секретарь Макаровъ писалъ къ Брюсу изъ Гавельберга: «Государь мой милостивый Яковъ Вилимовичъ! Письмо вашего превосходительства чрезъ курьера Юшкова до его царскаго величества, купно и съ переводомъ голландской грамматики первой тетради, дошло, которую его величество изволилъ смотрѣть и изволилъ сказать, что хорошо переведена и указалъ къ вашему превосходительству отписать, чтобъ изволили трудиться оную всю перевести. А что ваше превосходительство изволили упомнпать въ письмѣ своемъ къ его величеству, ежели что неисправно, то бъ поправить Ларіонову, и оному здѣсь недосугъ, и того-для его царское величество указалъ вашему превосходительству взять такого человѣка изъ русскихъ, который училъ русскую грамматику. И о семъ человѣкѣ его величество изволилъ писать къ г. сенатору гр. Ивану Алексѣевичу Мусину Пушкину, чтобъ онъ сыскалъ такого человѣка и отдалъ вашему превосходительству».

На это письмо Брюсъ отвѣчалъ 7 декабря того же года: «Вашей милости писаніе изъ Гавельберга, ноября отъ 13 дня писанное, о посланной первой тетради перевода моего голландской грамматики, что до его царскаго величества оная дошла и что къ тому переводу, ради исправленія, его царское величество указалъ взять у г. графа Мусина Пушкина кого изъ русскихъ ученаго грамматики, я получилъ и на

оное вашей милости отвѣтствую, что мнѣ такой человѣкъ къ тому дѣлу не надобенъ, а ежели когда что въ реченіяхъ надлежитъ что̀ поправить, и то у печатни могутъ справщики исправить, а надобенъ мнѣ, ктобъ голландскій и латинской грамматики изученъ былъ. И перевелъ я се съ бо́льшую половину и дошелъ нынѣ до деклинаціевъ, которое писано голландскимъ съ латинскимъ языкомъ, чего я не могу выразумѣть. И того-для, по приказу его свѣтлости кн. Меншикова, былъ мнѣ отданъ къ тому дѣлу изъ адмиралтейства бывшій переводчикъ, прозваніемъ Гамильтонъ, который взялся было оное сдѣлать, ибо оный латинской грамматики учился (голландскому языку отчасти искусенъ), и нѣкоторую часть уже перевелъ было, но нѣкоторыми интригами отъ меня отлученъ, и ежели его царское величество изволитъ, чтобъ оная вскорѣ въ готовности была, то прошу вашей милости, дабы къ г. генералъ маіору Чернышеву прислапъ былъ отъ его величества указъ или отъ вашей милости письмо, чтобъ оный Гамильтонъ къ тому дѣлу отданъ мнѣ былъ, а окромѣ его иного, къ тому удобнаго, здѣсь не сыщется. Которыя именованія были въ вышеписанной книгѣ и оныя уже по россійскому алфавиту съ голландскимъ языкомъ готовы, только ожидаю курьера, кто отсель поѣдетъ, то оныя пришлю къ его величеству [1])»....

14 января 1717 г., къ царю: «Въ прежнемъ своемъ письмѣ доносилъ я вашему царскому величеству, что именованія изъ грамматики голландской по россійскому алфавиту съ голландскимъ языкомъ и по голландскому алфавиту съ россійскимъ пошлю съ первѣйшимъ случаемъ; и понеже курьера отсюда не случилося, а между тѣмъ получилъ отъ вашего величества указъ, чтобъ оныя напечатать, и я тѣ именованія отдалъ напечатать сего января 8 дня и, доколѣ оныя не напечатаются, пошлю къ вашему величеству, ради употребленія, приготовленныя писаныя именованія съ курьеромъ, котораго его свѣтлость кн. Меншиковъ намѣренъ былъ отправить».

25 января 1717 г.: «Доношу вашему царскому величеству всеуниженно, какъ я именованія изъ грамматики голландской на россійскій языкъ переводилъ, то многихъ словъ изъ оныхъ никто истолковать, ниже въ лексиконахъ сыскать не могъ (которыхъ осталось съ 300 словъ), того ради я нарочно писалъ въ Амстердамъ, чтобъ того автора, который сію грамматику сочинилъ, прислали ко мнѣ лексиконъ, чтобъ возмогъ по немъ тѣ слова исправить и послѣ припечатать къ приготовленнымъ, которыя ради употребленія къ вашему величеству намѣренъ былъ, прежде печатныхъ, послать съ курьеромъ отъ его свѣтлости кн. Меншикова. И тотъ лексиконъ получилъ я на сихъ дняхъ, и какъ тѣ непстолкованныя слова началъ писать и при-

[1]) Кабинет. дѣла II, № 26, л. 138—169 и I № 53, л. 63.

готовленныя со оными сносить, то въ тѣхъ приготовленныхъ словахъ увидѣлъ великую разницу, и я принужденъ вновь оныя переправливать (которыхъ больше 1500 словъ явилось), однако жъ къ печати не замедлится. А тотъ курьеръ отсюда поѣхалъ за его свѣтлостью кн. Меншиковымъ въ Ревель. И какъ напечатаны будутъ, немедленно пришлю по почтѣ».

8 февраля 1717 г.: «Изволили ваше царское величество приказывать мнѣ, чтобъ по азбукѣ пріискать пристойное что, по чему бъ младыя дѣти возмогли обучитися, и я таковыхъ нашелъ двѣ книжки, изъ которыхъ перевелъ одну у себя и присовокупилъ къ азбукѣ, каковы здѣсь продаются. И напечатавъ, посылаю къ вашему величеству при семъ оныхъ три, и ежели что въ ней не понравится вашему величеству, то соизвольте отмѣтить, и оное возможно перемѣнить. А другая прилична къ возрастнымъ, которая по прошенію моему у его свѣтлости кн. Меншикова переведена, токмо еще не напечатана».

6 мая 1717 г.: «Не съ малою печалью едва дождался, что именованія голландскія грамматики изъ печати вышли, которыми желаю быть пріятнымъ вашему величеству. И хотя во оныхъ сыщутся не мало словъ несходныхъ съ простымъ парѣчіемъ и со иными лексиконы, однако жъ я принужденъ былъ слѣдовати лексикона автора тоё грамматики, который ко мнѣ присланъ изъ Амстердама, дабы съ его мнѣніемъ сходну быти. Я надѣюсь, что вашему величеству паче сихъ именованій самая грамматика понравится, которая въ печать отдана жъ, ибо оная таковаго изрядnаго сочиненія, что не токмо ради исправленіа голландскаго, но и иныхъ языковъ употреблятись можетъ, понеже о происхожденіи и составленіи многихъ словъ пространно въ ней описано, которымъ рядомъ къ происхожденію словъ и во иномъ языкѣ дойти возможно. Понеже зѣло здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) медленно печатаются книги, того ради ваше величество не соизволитъ ли г. графу Пушкину отдать географію напечатать въ Москвѣ, кромѣ описанія россійскаго государства, которое во оной неисправно написано, или до пріѣзда вашего величества оное отложить? И не соизволитъ-ли ваше величество приказать, по подобію стила тоё географіи, написать о россійскомъ государствѣ казанской губерніи ландрату Камбару Акшфьеву, который нынѣ здѣсь обрѣтается у гаваннаго строенія, его же я усмотрѣлъ, что онъ удобнѣе другихъ во исторіяхъ».

31 іюля 1717 г.: «Зѣло желалъ бы, чтобъ всѣ три книги напечатать къ прибытію вашего величества, о которыхъ напередъ сего вашему величеству доносилъ, и г. Аврамову непрестанно говорилъ и письменно подтверждалъ, но по се время единая грамматика голландская не напечатана; и отвѣтствуетъ онъ, что ближе сентября изъ

печати оная еще не выдетъ, которую въ нѣмецкой землѣ могли бы недѣли въ двѣ напечатать. А мню, что оная продолжается ни отъ чего инаго, но отъ того, что отложа ее, другое печатаетъ [1])».

Брюсъ участвовалъ на конференціяхъ о мирѣ съ Швеціею: знаменитый ништадтскій трактатъ подписанъ съ русской стороны имъ и Остерманомъ. Татищевъ разсказываетъ, что при отправленіи Брюса на аландскій конгрессъ, Петръ хотѣлъ дать ему чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, но отъ того былъ отклоненъ самимъ Брюсомъ, который представилъ царю, что неудобно ему, лютеранину, носить въ Россіи такое высокое званіе; по этому при Петрѣ не давали иностранцамъ чиновъ перваго класса.

Брюса весьма интересовали географія и путешествія: по свидѣтельству Вебера, знавшаго его лично, Брюсъ хотѣлъ посовѣтовать царю послать еще разъ (первая экспедиція къ берегамъ Восточнаго Океана была неудачна) въ сопредѣльныя съ Сибирью страны нѣсколько смышленныхъ людей, которымъ были бы извѣстны астрономія и употребленіе компаса. Такіе изслѣдователи, построивъ для путешествія крѣпкое судно, могли бы сдѣлать много замѣчательныхъ открытій и проложить путь къ полезнымъ для Россіи сношеніямъ съ Японіею. У Брюса было собраніе китайскихъ рѣдкостей, и онъ не рѣдко сожалѣлъ о бѣдности современныхъ извѣстій о Китаѣ, чему причиной было то, что русскіе посланники и купцы могли тамъ оставаться лишь на короткій срокъ [2]).

Склонность Брюса къ географическимъ изысканіямъ была причиною, что Василій Никитичъ Татищевъ сталъ заниматься собираніемъ относящихся къ этой наукѣ матеріаловъ, и уже послѣ того посвятилъ себя окончательно исторіи. Брюсъ желалъ самъ заниматься источниками для обработки географіи, но скоро принужденъ былъ отказаться отъ такого намѣренія, по множеству постороннихъ занятій, и передалъ все Татищеву. Этотъ послѣдній называлъ Брюса своимъ командиромъ и благодѣтелемъ, который былъ «высокаго ума, остраго разсужденія и твердой памяти; будучи изъ младыхъ лѣтъ при Петрѣ Великомъ многія къ знанію нужныя и пользѣ государя и государства съ англійскаго и нѣмецкаго на россійскій языкъ книги перевелъ и собственно для употребленія его величества геометрію со изрядными украшеніи сочинилъ»... Изъ словъ Татищева также видно, что Брюсъ нашелъ и отдалъ ему лѣтопись Нестора [3]).

—

[1]) Каб. дѣла II, № 31, л. 281—287 и № 33 л. 387.
[2]) Das veränd. Russl. I, 220; III, 141 — 142.
[3]) Предисловіе къ Исторіи росс. Татищева, Т. I.

Обращаясь за тѣмъ къ календарю, извѣстному подъ именемъ брюсова, надобно замѣтить, что онъ пользовался уваженіемъ и расходился во множествѣ изданій не потому только, что тамъ помѣщались астрологическія предсказанія, но и отъ того, что въ немъ было не мало другихъ полезныхъ свѣдѣній, такъ напр. тамъ можно было найти неисходную пасхалію, лунникъ, время восхода и захожденія солнца и т. п. Всѣ вычисленія были сдѣланы на многіе годы, такъ что разъ пріобрѣтавшій такой календарь освобождался на долгое время отъ покупки новаго. Точно также и въ западной Европѣ первые печатные календари, подобно брюсову, были стѣнные съ вычисленіями на многіе годы; календари въ книжкахъ и на одинъ только годъ стали издаваться послѣ.

Разсматриваемый календарь гравированъ на мѣди на шести отдѣльныхъ листахъ.

На первомъ листѣ, вверху и внизу гравюры, заглавіе и выходъ: «Ново сія таблица издана, въ ней же предложено вступленіе солнца въ 12 зодій приближно, такожде восхожденія и захожденія солнца, яко на оризонтъ сей, тако и со оризонта; еще же величество дней и нощей въ царствующемъ велікомъ градѣ Москвѣ, яже имѣетъ широту 55 градусовъ 45 минутъ; вычтена и тисненію предана обще, яко на едино лѣто, тако и на прочіе годы непремѣнно, повелѣніемъ его царскаго величества, во гражданской типографіи, подъ надзрѣніемъ его превосходительства, господина генерала лейтенанта Якова Вилимовича Брюса, тщаніемъ библіотек. Васп. Кипрія: мая 2, 1709.» Вверху гравюры двуглавый орелъ, съ андреевскимъ крестомъ на груди, увѣнчанный, кромѣ трехъ обыкновенныхъ коронъ, четвертою большою надъ щитомъ, который держутъ два генія. По сторонамъ изображены круги солнечный и лунный около земли, и стихи справа:

Солнце убо на оризонтъ сей восхождаше,
Осіяніемъ своимъ свѣтъ намъ содѣваше.

Слѣва:

А егда оно оризонтъ захождаше,
Убо весьма тма или нощь намъ предспѣваше.

Подъ гербомъ изображенъ московскій кремль.

Таблица, которая помѣщена потомъ, раздѣлена на двѣ равныя части: въ каждой по шести мѣсяцевъ, начиная съ января. Вверху изображенія знаковъ зодіака и дѣйствій, которыя можно предпринимать въ каждомъ мѣсяцѣ; въ крайнихъ вертикальныхъ столбцахъ надпись: «зодій каяжда имать 30 граду.»; за тѣмъ въ горизонтальномъ столбцѣ объясненія: «водолій естествомъ теплъ и мокръ; рыбы — студены и мокры; телецъ — студенъ и сухъ; близнецы — теплы и мокры;

ракъ—студенъ и мокръ; левъ—теплъ и сухъ; дѣва—студена и суха вѣсы—теплы и мокры; скорпія—студена и мокра; стрѣлецъ—теплъ и сухъ; козерогъ—студенъ и сухъ». Далѣе, названіе мѣсяцевъ и числа дней; вступленіе солнца въ каждый знакъ зодіака, восходъ и захожденіе, величина дня и ночи. Внизу гравюры: Tibi, o Domine Jesu, gloria. «Тебѣ, о Господи Іисусе, слава... Зане улучися чрезъ тебя омега. Грыдоровалъ Василій Кипріановъ со ученикомъ своимъ Алексѣемъ Ростовцовымъ».

На второмъ листѣ заглавіе: «Календарь повсемственный (?), или мѣсяцословъ на вся лѣта господня». Подъ заглавіемъ всевидящее око надъ двуглавымъ орломъ съ Георгіемъ побѣдоносцемъ на груди; кругомъ надписи: «Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ, Богъ израилевъ. Псал. 67. Яко даси ему благословеніе во вѣкъ вѣка, возвеселиши его радостію съ лицемъ твоимъ. Псал. 20». По сторонамъ затмѣніе солнца и луны и фазисы послѣдней, со стихами:

Солнце убо затмѣніе творяше,
А луна бо когда ся затмѣваше,
Егда же въ случей луна подхождаше.
Тогда солнечный свѣтъ не достизаше.

—

Сія фигура присно изъявляше,
Се яже бо и время изъявленно,
Како луна примаше
Часами и минуты предложенно.

Подъ орломъ изображеніе Петропавловской крѣпости.

По срединѣ листа четыре столбца: вверху означены въ нихъ времена года въ четырехъ квадратахъ, раздѣленныхъ каждый на два отдѣла: въ одномъ три знака зодіака, а въ другомъ что̀ дѣлать въ три мѣсяца, напр., въ мартѣ рубить дрова, въ августѣ жать и т. д. На правой сторонѣ объясненіе: «четыре части всего лѣта съ дѣйствы». Между квадратами начало зимы, весны, лѣта и осени. За тѣмъ три вертикальные столбца: «характеры седми планетъ; литеры седмичныя и числа вруцелѣтныя». Потомъ означены дни, имена святыхъ, празднуемыхъ православною Церковью; счисленіе мѣсяцевъ идетъ начиная съ марта. По обѣимъ сторонамъ этихъ столбцевъ помѣщены: «Лѣта отъ воплощенія Христа (съ 1709 по 1734), кругъ лунный и вруцелѣто». Ниже въ таблицахъ: «Ключь неисходныхъ пасхальныхъ литеръ по кругу солнечному и лунному. Неисходимая пасхалія по ключевымъ пасхальнымъ литерамъ. О праздницѣхъ, яже съ каждаго лѣта преходятъ». При этихъ же таблицахъ изъяснено: «Натура или естество планетъ, яже каждаго лѣта господьствуетъ на 28 лѣтъ: Венера — посредственная стужа и мокрота; Сатурнъ — студенъ и сухъ; Солнце — тепло и сухо; Луна — студена и мокра; Юпитеръ — теплъ....

Наконецъ, въ самыхъ нижнихъ таблицахъ заключается: 1) Осно-

ваніе сокращенное лунника, еже въ 19 лѣтъ. 2) Взысканіе основанія луны. 3) Выкладъ новолунія, полнолунія и перекроевъ. 4) Прикладные мѣсяцы во всякой лунѣ, яже съ 19 лѣтъ. 5) Готовое показаніе новолунія въ 19 лѣтъ каждаго мѣсяца и дня. 6) Такожъ объявленіе и полнолунія въ 19 лѣтъ, якоже и новолунія. Внизу листа выходъ: «Во славу трiипостаснаго Божества, Отца, и Сына и св. Духа, и въ честь Богоматери присно Дѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ, ихъ же каждаго дне прославляетъ церковь каѳолическая, здѣ издадеся сей кратчайшій мѣсяцословъ съ пасхальнымъ и лунным теченіемъ на вся лѣта, яко собраніемъ, тако и тисненіемъ, ново въ Москвѣ во гражданской типографіи; повелѣніемъ его царскаго пресвѣтлѣйшаго величества; отъ воплощенія Христова 1709 лѣта, 1 ноября; подъ надзрѣніемъ его превосходительства, господина генералъ лейтенанта Якова Вилимовича Брюса, тщаніемъ библіот. Васил. Кипріа».

На третьемъ листѣ оглавленіе: «Предзнаменованіе времени по всякой годъ по планетамъ; еще же не точію знаменованіе времени, но и многихъ расположенныхъ избранныхъ вещей, которыя дѣются отъ каждой сильнѣйшія и господствующія планеты, чрезъ кійждо годъ по вся четыре времена всего лѣта. Переведена съ латинскаго діалекта изъ книги Іоанна Загашъ; чиномъ же учрежденная и тисненію предана, повелѣніемъ его царскаго величества во гражданской типографіи, въ Москвѣ 1710, подъ надзрѣніемъ его превосходительства господина генерала лейтенанта и кавалера Якова Вилимовича Брюса».

По сторонамъ листа стихи:

Седмь бо планетъ дѣйство намъ показуютъ,
Всякаго лѣта качество сказуютъ.
Разныхъ убо вещей измѣненія
Въ четырехъ временахъ премѣненія.

—

Яко же бо въ веснѣ, тако и въ лѣтѣ,
Еще же въ есени и въ самой зимѣ
Напослѣдъ убо скорби объявляютъ,
Еже бо человѣкомъ ся сключаютъ.

За тѣмъ въ полукружіи 12 знаковъ зодіака и аллегорическія изображенія четырехъ временъ года. Подъ нимъ таблица въ восьми вертикальныхъ отдѣлахъ: изъ нихъ въ первомъ объясненіе статей, а вверху семь планетъ въ видѣ человѣческихъ фигуръ. Далѣе предсказанія на цѣлый годъ, по временамъ года и на различныя дѣйствія: a) сѣвъ весенній, b) сѣвъ осенній, c) овощь древесный, d) лозы и вино, e) вѣтры, непогоды и наводненія, f) гады, g) рыбы, i) болѣзни и скорби насильствуемыя. Внизу помѣщено: «Употребленіе всея таблицы съ кругомъ солнечнымъ и вруцелѣтіемъ на 112 лѣтъ (съ 1710 по 1821), по которымъ, осмотря лѣто желаемое и кругъ солнца, по оному об-

рѣтати имаши господствующую планету и дѣйствы чрезъ.... яже подъ каждой планетой». Послѣсловіе этого листа:

Читателю мой, зѣло прелюбезный,
Вонми: бо трудъ сей весьма не безмездный,
И тако объ немъ разумѣвай всегда,
Еже бо что даруешъ когда!

Поне что хощетъ Богъ, побѣждается чрезъ чинъ. Труд. и тщан. библіо. Васил. Кипріанова».

Въ четвертомъ листѣ «Предзнаменованіе дѣйствъ на каждый день по теченію луны въ зодіи».

По сторонамъ стихи:

Луна бо чрезъ натуру свою изъявляше,
Въ дольнѣмъ мірѣ разны дѣйствы знаменоваше,
То есть, когда она въ коемъ зодіи бываетъ,
Тогда бо и дѣйствъ разнство многое являетъ.

—

Овогда же благо, а ино зло предъявляше,
Суть же сія убо не посредство премѣняше.
Сія же убо паче ся пріобрѣташе,
Егда луна предъ полуднемъ ся бываше.

Въ полукружіи изображены 12 знаковъ зодіака, а посреднѣ луна и надпись: «природнаго луннаго тѣла лице, которое въ обозрѣніи бысть въ лѣто отъ Христа 1604 дня 11 марта, окрестъ 22 градуса долготы.... въ 4 градусѣ въ 40 минутѣ широты въ самое полнолуніе въ Норимбергѣ». Около представлена луна въ четырехъ видахъ при затмѣніяхъ съ объяснительными стихами:

1) Егда бо луна подъ солнце подхождаше,
Тогда же убо свѣтъ свой весь помрачаше,
А солнце же бо затмѣніе творяше.
2) Когда луна солнца ся удаляше,
Тогда убо и себѣ свѣтъ взимаше,
Который намъ присно въ нощи подаваше.
3) Солнце съ луною въ противности бываше,
Тогда земля свѣтъ солнца заграждаше
И луна бо тогда ся затмѣваше.
4) Луна къ солнцу егда бо ся приближаше,
Тогда же свѣтъ свой отъ часу умаляше,
Зане бо елико земля затемняше.

Потомъ слѣдуютъ три таблицы, изъ которыхъ наши предки узнавали, когда надлежало «кровь пущать, мыслить почать, бракъ имѣть или въ жену пояти....» также, въ какое время «кровь и жильную руду

пущать, чины и достоинства воспріимать, долгъ платити, чтобъ обсужденія не было, прѣніе начати и въ немъ причины искати (?)» и мн. др. Внизу выходъ указывающій источникъ этой мудрости:

«Таблица или правило сіе изыскано чрезъ Мартына Альберта Θеофрастическаго медика и рудоискателя отъ Хемницъ, яже преведенная съ цесарскаго діалекта изъ книгъ астрологіи или планетныя Вольфганга Гильдебранда; инымъ же числомъ преложенная со изображеніемъ дѣйствъ и со обтеченіемъ луны въ зодіахъ зѣло краткимъ способомъ въ таблицѣ сей — во гражданской типографіи, подъ надзрѣніемъ его превосходительства, господина генерала фельдъцейхмейстера и кавалера Якова Вилимовича Брюса [1]), тщаніемъ библіо. Васил. Кипр.» Въ концѣ тѣ же стихи, какъ и въ предъидущемъ листѣ (внизу), но съ нѣкоторыми измѣненіями.

Вверху пятаго листа выгравированы: солнце, 12 знаковъ зодіака, портретъ Петра Великаго, окруженный арматурою, и аллегорическія изображенія семи планетъ съ астрономическими знаками для обозначенія ихъ. По сторонамъ четыре времени года представлены также въ аллегорическихъ фигурахъ: около нихъ двѣ колонны, съ надписью: «аще индиктъ или новое лѣто сначала сентября числимо бываетъ, удобѣе ради круговъ солнца и луны съ перваго марта ся начинаетъ, ибо сего ради, паче отъ сего числа начася зане Богомъ во оно время вся тварь создася». Между колоннами заглавіе: «Краткое предъобъявленіе предложенныхъ четырехъ таблицъ и яже каждая что имать содержаніе въ себѣ, на которыхъ таблицахъ обще нарещися можетъ, яко календарь неисходимый». Средина листа занята тремя столбцами объясненій всего, что́ было помѣщено въ первыхъ четырехъ листахъ. Внизу выходъ: «Во славу трінпостаснаго Божества, читателямъ смотрѣнія и предзрѣнія: Богомъ устроенному, имъ же умудренному и превознесенному, его царскому, пресвѣтлѣйшему величеству, государю, царю и великому князю Петру Алексѣевичу, всея великія, малыя и бѣлыя Россіи самодержцу, купно же и его царской высокости, государю царевичу и великому князю Алексѣю Петровичу — присно о Господѣ радоватися; и во еже бы во всякомъ широчайшемъ долгоденствіи и пребываніи здравіе вашего царскаго величества Богомъ наблюдаемо, сохраняемо и непоколебимо да пребывало. — Униженно молю и горячайшимъ сердцемъ прошу, во еже бы ваше царское пресвѣтлѣйшее величество оный предложенный мой, елико по силѣ собранный трудъ и всѣмъ вашимъ царскаго величества сиклитомъ во любовь и милость благоволили пріяти; аще же въ немъ нѣкая и погрѣшенія обрящутся въ которомъ, ибо яко чело-

---

[1]) Брюсъ получилъ это званіе 3 августа 1711 г., послѣ сраженія при Прутѣ Поход. жур. 1711 г., изд. въ Спб. 1854 г., стр. 84.

вѣкъ невѣдѣнію и забвенію предахся, о чесомъ первѣйшаго стократно униженнѣйше молю, дабы отъ вашего царскаго величества и всего сигклита прощенія пріяти.—Тисненію преданъ сей календарь, за повелѣніемъ его царскаго величества, въ Москвѣ, во гражданской типографіи, во славу тріипостаснаго Божества и въ честь Богоматери и всѣхъ святыхъ, ихъ же прославляетъ всегда церковь каѳолическая здѣ, подъ надзрѣніемъ его превосходительства, господина генералъ фельдъцейхмейстера и кавалера Якова Вилимовича Брюса, изобрѣтеніемъ отъ библіотекаря В. К., 1715 лѣта отъ воплощенія Христа окончася».

На шестомъ листѣ—фронтонъ, поддерживаемый двумя колоннами; вверху его, между арматурою и тремя глобусами, изображенія Минервы и Меркурія; средній глобусъ увѣнчанъ двуглавымъ орломъ. На самомъ фронтонѣ семь изображеній; между ними есть и эпиграмма на астрологовъ: представлено солнце и Икаръ, падающій въ море, а внизу подпись: «на астрологовъ». По сторонамъ около колоннъ — огонь, вода, воздухъ и земля въ видѣ человѣческихъ фигуръ. На колоннахъ надписи: «егда приснаго лѣта, что чрезъ инфлюенцію, яко планетъ, тако и прочихъ свѣтилъ, разныя дѣйства сбывашеся; наипаче же убо, идѣ же бо хощетъ Богъ, то всуе вся мняшеся, зане творцомъ вся твари инфлюенція вся побѣждашеся». Оглавленіе листа показываетъ его содержаніе: «Употребленіе предложенныхъ четырехъ таблицъ, на которыхъ кратко собранный непсходимый календарь»; Внизу, по сторонамъ представлены астрономы съ инструментами, посреди небесный глобусъ съ фигурами Феба и Времени; кругомъ — морскія чудовища, море и молнія, надпись: «преестество»; также два единорога, солнце, луна и комета, надпись: «естество». Внизу: «благодарю тя, всемогущій мой и всемилостивѣйшій Творче, яко изволилъ сей общій календарь начати, его же твосю всещедрою помощію въ честь своея Матере и всѣхъ святыхъ и церкви окончати, аминь: зане ты еси всегда альфа и омега [1])!»

—

[1]) Единственный полный экземпляръ этого календаря хранится въ П. эрмитажѣ въ собраніи гравюръ и картъ подъ № 33, полка 5. Въ П. библ. экземпляръ не полный. Изъ настоящаго описанія видны невѣрности показаній Сопикова (III, № 4984), что календарь рѣзанъ въ первый разъ въ 1708 г., на деревѣ; кромѣ того, третій листъ этого же календаря показанъ у него отдѣльно (IV, № 8888), подъ именемъ сокращенія такъ называемаго брюсова календаря. Въ Словарѣ св. пис., изд. Снегиревымъ, сказано, что будто этотъ календарь на 200 лѣтъ.

Впослѣдствіи времени этотъ же календарь издавался въ 4° и рѣзался на деревѣ; см. Опис. книгъ гр. Толстова № 10, стр. 509—510.

Печатные календари петровскихъ временъ являлись съ 1708 года постоянно каждый годъ въ Москвѣ, а послѣ и Петербургѣ. Сначала расположеніе ихъ было слѣдующее: краткая хронологія событій, въ числѣ которыхъ изъ русской исторіи показывались коронованіе Петра, рожденіе царевича Алексѣя, а съ 1717 г. втораго сына царя, Петра Петровича и внука, Петра Алексѣевича. Далѣе: знаки мѣсячные, имена семи планетъ и знаки зодіака. Въ каждомъ мѣсяцѣ означались гласы, евангелія и апостолы, святцы, фазисы луны и предсказанія о погодѣ. Послѣ мѣсяцослова статья о затмѣніяхъ, разныя витіеватыя пророчества, иногда въ стихахъ, о войнѣ, мирѣ, болѣзняхъ, здравіи; наконецъ, время, когда пускать кровь.

Въ календарѣ на 1713 годъ присоединена статья «О началѣ года, чего ради оное на первое число учреждено», которая доказываетъ, что и чрезъ 12 лѣтъ послѣ установленія праздновать новый годъ 1 января нужно было защищать такое распоряженіе.

Календарь, вышедшій въ первый разъ изъ петербургской типографіи на 1713 г., перепечатанъ съ такого же московскаго. Изданный въ Петербургѣ же на 1714 годъ замѣчателенъ тѣмъ, что изъ него были исключены святцы, остальной текстъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. До этого календаря не обозначалось (кромѣ изданнаго Кипріановымъ, см. выше), по какому меридіану изчислялось время; но здѣсь указано, что по меридіану и ширинѣ царствующаго града Санктъ-питербурга. Въ немъ также въ первый разъ помѣщены восходъ и заходъ солнца, долгота дня и ночи. Въ этомъ календарѣ не было никакихъ предсказаній, но въ слѣдующихъ они опять являются: царь именно писалъ, 23 ноября 1714 г., къ Мусину-Пушкину, чтобы «въ календаряхъ напечатать прогностику [1])».

Московскій календарь на 1715 г. переведенъ съ нѣмецкаго, составленнаго извѣстнымъ уже намъ по разсмотрѣннымъ выше рукописямъ математикомъ Іоанномъ Генрихомъ Фохтомъ. Здѣсь опять видное мѣсто занимаютъ предсказанія.

Петербургскій календарь на 1715 г. имѣетъ исключенныя было провѣщанія и святцы.

Въ заглавіи московскаго календаря на 1717 г. указано, что онъ составленъ «по вышинѣ полюса 55 гр. 45 м. и по длинѣ отъ острова Теперифа 60 гр. 4 м.» При этомъ приложена «табель восхода и захода солнечнаго, еще долготы дней и нощей по елеваціи московской» и есть «проблема охотникомъ астрономіи». Въ вышедшемъ на 1718 г. московскомъ календарѣ значится, что онъ переведенъ съ гамбургскаго календаря Павла Галскена. Въ изданныхъ тамъ же на 1722 и 1723 годы на заглавіяхъ указано, что переведены съ календарей І. Г. Фохта. Въ московскомъ календарѣ на 1725 г. помѣщена въ первый разъ

[1]) Дѣян. Петра В. Голикова V, 591.

статья: «Торжественные, праздничные и викторіальные дни, которые повсегодно празднуемы бываютъ».

Въ началѣ XVIII столѣтія, успѣхи астрономіи были уже столь обширны, что астрологическія предсказанія не могли имѣть вѣса у ученыхъ, и въ календаряхъ встрѣчаются пророчества, какъ бы въ уступку общественному суевѣрію. Въ нашихъ переводныхъ календаряхъ разсматриваемой эпохи отразилось уже недовѣріе къ астрологическимъ выкладкамъ. Такъ, въ календарѣ на 1711 годъ, въ прогностикѣ о войнѣ составитель ея сердится за ожиданіе отъ него точныхъ по этому предмету свѣдѣній: «всегда хитрые нѣкоторые люди обрѣтаются, которые всякіе негодные вопросы предлагаютъ: тогда единъ болѣе спрашивать можетъ, нежели десять мудрые отвѣщати могутъ. Они всегда отъ астронома, или календарнаго писателя, вѣдати хотятъ, когда, какимъ образомъ и гдѣ совершится? Такимъ людемъ за нѣкоторые годы уже отвѣтъ данъ, что войну и миръ собственно изъ звѣздотеченія провѣщати невозможное дѣло. Между сими и нынѣ такимъ любохитрымъ людямъ отвѣщаю, чтобъ они, такой хитрости ради, себѣ въ пазуху вошли, сердце свое истязали, какъ они съ Богомъ небеснымъ обстояніе имѣютъ, тако и съ своимъ злобнымъ грѣшнымъ житіемъ приключати бы могли, что не токмо сія долго пребывающая война еще продолжается, но Богъ всемогущій и иныя мѣста, которыя того не чаютъ, посѣтити можетъ, дабы всякъ познялъ, что человѣцы сами такія злыя блудящія звѣзды суть, которыя сколь долго въ своемъ грѣшномъ житіи, яко въ гордыни, сребролюбіи, пьянствѣ и въ прочихъ злобахъ безъ покаянія пребываютъ, ничего добра не предвѣщаютъ»...

О лжѣ календарныхъ, на астрологіи основанныхъ, предсказаній, кажется распространяться нѣчего. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что они въ свое время пользовались всеобщимъ уваженіемъ и, вѣроятно, примѣнялись ко многимъ случаямъ. Въ примѣръ того, что и календарныя предсказанія сбывались, можно указать на прогностику въ календарѣ на 1716 годъ. Впрочемъ и тутъ должно оговориться, что астрологи, если бы и чаще писали въ такомъ духѣ свои предсказанія, то не могли бы ошибаться. На декабрь 1716 года въ 1715 предсказывалось: «Когда злые люди содружество учинятъ, то внимай дѣламъ ихъ и внемли себѣ отъ злыхъ совѣтовъ ихъ, ибо они токмо ищутъ изъ чуждыя мошны насыщатися, и сего ради возможно слышать о хищеніи, о татьбѣ и о прочихъ хитрыхъ дѣлахъ, зане хитроумные меркуріалисты многія рѣдкія вещи вымыслити имутъ.— Великимъ господамъ и сенаторамъ такожде не все по желанію ихъ возможетъ быти, но многія противности возмогутъ являтися»...

Можно сказать, что это предсказаніе съ хитрымъ предисловіемъ примѣнялось къ всесильному тогда Меншикову и другимъ знатнымъ: въ декабрѣ 1716 года, до царя дошли слухи о казнокрадствѣ всѣхъ

этихъ господъ, и потому надъ ними было назначено строгое изслѣдованіе, отъ котораго трепетали нѣкоторое время и Меншиковъ, и его клевреты.

Во времена Петра, календари печатались также и церковнымъ шрифтомъ. Такимъ образомъ изданный въ Кіевѣ на 1714 годъ календарь хотя въ общихъ чертахъ и сходенъ съ описанными выше, однако въ прибавленіяхъ къ нему есть нѣчто такое, что напоминаетъ русскую ученость XVII вѣка съ ея неизбѣжными виршами и обычными цитатами. Вотъ напр. какъ въ этомъ мѣсяцословѣ разсуждается о затмѣніяхъ: «Егда на небеси необычныя являются большихъ свѣтилъ небесныхъ, си есть солнца и луны затмѣнія, не безъ страха взирающи, не вельми благаго знаменія надѣемся оттуду. Возрѣ иногда, не точію въ наученіи астрономичномъ, но и въ вѣрѣ Христовой послѣди прескусный звѣдочетецъ

Не тотъ бо, мню, астрономъ, что зритъ на планеты,
Но кто міръ сей и въ немъ вся имать за уметы.
Тотъ астрономъ изряденъ, кто неба желаетъ,
И нужнымъ есть житіемъ тайнѣ восхищаетъ.
Не азъ,—но модрыхъ (sic) людей ствержданю здѣ словы:
То астрономъ, кто небу, кто живетъ Христови.

«Возрѣ, глаголю, онъ, блаженный Діонисій, во время святыхъ страстей Христовыхъ, на необычное оно премѣненіе солнечное, толь великимъ ужасомъ объятный, возопи велегласно: или міръ злѣ погибнетъ и земля разрушится отъ основаній своихъ, или терпитъ и страждетъ что Богъ о грѣсѣхъ человѣческихъ,—яко и самою вещію истинною то собыстся!»...

За тѣмъ, послѣ еще нѣкоторыхъ благочестивыхъ разсужденій, перечисляются затмѣнія 1714 года, и статья кончается оригинальнымъ утѣшеніемъ, чтобы не ужасаться ихъ, такъ какъ у насъ они не будутъ видимы: «обаче вси тіи затмѣнія на нашемъ горизонтѣ не видими будутъ, и того ради не вельми ихъ ужасатися, но паче чаяти бы благополучнаго, изряднаго въ семъ году странѣ россійской поведенія».

Вообще же календари кіевопечерской лавры отличались особенною положительностью предсказаній, чего не допускалось въ московскихъ и петербургскихъ календаряхъ. Такъ напр., въ календарѣ на 1717 годъ говорится, что «первое лунное затмѣніе приключится марта 16 числа; начнется въ 2 часа и 44 м. Сіе затмѣніе явствуетъ вражду между свойственными особами и между министрами великихъ владѣтелей несогласіе и поврежденіе имъ милости у принципаловъ своихъ, нѣчто неудобственнаго церковнымъ чиномъ и кончину знаменитымъ архіереомъ. Второе лунное затмѣніе получится 9 числа сентемврія, начнется 6 часа 10 минутъ по полудни; продолжится луна въ затмѣ-

ніи 2 ч. и 55 м. Сіе затмѣніе явствуетъ войну и несогласіе между владѣтели и между Востокомъ и Западомъ вражду; на имѣніе духовныхъ—отягощеніе; на рыбу—заразу; умноженіе водныхъ гадовъ и червей, убійство, грабительство, разбитіе отъ войнъ кораблей и грозитъ смертію нѣякому великому владѣтелю».

Если припомнить, что въ Кіевѣ былъ тогда митрополитомъ Іосафъ Кроковскій, замѣшанный въ дѣлѣ о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, а этотъ послѣдній на допросѣ сознался, что онъ слушалъ и вѣрилъ охотно въ предсказанія о смерти отца, то можно предполагать, что предвѣщаніе о кончинѣ великаго владѣтеля было помѣщено въ календарѣ не безъ намѣренія, тѣмъ болѣе, что оно напечатано именно въ тотъ годъ, когда царевичь скрылся изъ Россіи, чтобы освободиться изъ подъ власти Петра.

Въ другомъ кіевскомъ календарѣ на 1721 г. прямо указано, что онъ «перелицованъ» съ польскаго.

При Петрѣ печатались также календари въ листъ съ пробѣлами для рукописныхъ замѣтокъ. Сюда вносились краткія и сухія свѣдѣнія о томъ, что дѣлалъ царь или что случалось съ нимъ. Впрочемъ, эти календари не имѣли другихъ отмѣнъ отъ обыкновенныхъ. Нѣкоторые изъ юрналовъ, веденныхъ на листахъ подобныхъ мѣсяцослововъ, перепечатаны въ Поденныхъ запискахъ Петра В., изд. кн. Щербатовымъ и Походныхъ журналахъ 1714, 1715, 1716, 1718, 1719, 1721, 1722, 1723 и 1724 годовъ, изд. въ Петербургѣ въ 1854—55 годахъ.

Въ заключеніе настоящаго обзора, слѣдуетъ упомянуть о рукописномъ календарѣ, составленномъ на 1720 годъ Алексѣемъ Изволовымъ, учившимся, какъ видно изъ его словъ, за границей математикѣ и астрономіи [1]). Трудъ этотъ замѣчателенъ для исторіи распространенія въ Россіи истинныхъ знаній въ астрономіи.

Заглавіе: «Санктъпитербургской календарь, учиненный по старому и по новому стилямъ на лѣто отъ рождества Спаса нашего Іисуса Христа 1720-й годъ. По меридіану и ширинѣ царствующаго Санктъпитербурха, указующій затмѣнія солнечная и мѣсячная, рожденіе и полный мѣсяцъ съ четвертми; такожде время солнечнаго восхожденія и захожденія, долгодействіе и долгонощіе на всякой день по старому россійскому и по новому римскому штилямъ. При семъ же прилагается таблица, показующая по разнымъ ширинамъ правдивое солнечное восхожденіе градусами отъ востока, такожде и

---

[1]) Ркп. И. эрмитажа, въ F., № 78, полка 3; на особомъ ярлыкѣ, приклеенномъ къ первому листу, надпись: «Календарь письменный, соч. на 1720 г. Алексѣемъ Изволскаго (sic) съ двойными числами и отмѣною золіевъ, на апробацію. Въ томъ числѣ начало по числамъ съ рождества, а по рожденію луны съ богоявленьева дня, или съ 21 дня, со дни Іуліанія декабря».

захожденіе отъ запада, для лучшаго способу всѣмъ имѣющимъ охоту къ наукамъ, а особливо штурманомъ и мореплавателемъ; чрезъ которую въ скоромъ времени можно взыскать погрѣшеніе или неисправленіе компаса».

Расположеніе календаря одинаково съ разсмотрѣнными выше. Отмѣны же состоятъ въ томъ, что обозначены числа не только по старому, но и по новому стилю; предсказаній о погодѣ вовсе нѣтъ. Таблицы восхожденія и захожденія солнца объяснены самимъ составителемъ такъ: «въ сихъ таблицахъ обрѣтается на всякомъ листу по 9 столбовъ, изъ которыхъ первый показуетъ высоту полюса или широту мѣста, починающійся отъ экватора и восходящій до 60 градусовъ; прочихъ же восемь столбовъ показуютъ сверху склоненіе солнца отъ экватора, начинающійся въ 30 минутъ; внизу указуютъ противъ всякой широты мѣсто правдивое солнца восхожденіе отъ востока, егда солнце имѣетъ сѣверное склоненіе, тогда и восходитъ толико градусовъ отъ востока къ сѣверу. Егда же имѣетъ склоненіе южное, тогда и восходитъ толико градусовъ отъ востока къ югу, и захожденіе такожде разумѣется»....

Но любопытнѣе самого календаря «ондрахтъ или приношеніе» отъ Изволова кн. Меншикову. Послѣ длиннаго титула послѣдняго, читаемъ: «Душеспасительнаго здравія, благодати и на всегда лучшаго благополучія свѣтлости вашей всеусердно свыше желаю! Вашей высококняжей свѣтлости, премилостивѣйшему нашему государю, весьма есть извѣстно, что я, всенижайшій вашъ рабъ, былъ въ европскихъ краѣхъ для обученія разныхъ тамошнихъ наукъ, а наипаче мореплаванія или навигаціи и астрономіи, или небеснаго теченія, въ чемъ свидѣтельство и на письмахъ имѣю. Чрезъ которыя свои науки нынѣ воспріявъ усердіе, со всенижайшею моею покорностію, дерзнулъ написать сіе малое мое вашей свѣтлости приношеніе, т. е. календарь на предбудущій 1720 годъ, учиненный по меридіану и ширинѣ царствующаго сего Санктъпитербурха. Съ которымъ приношеніемъ всенижайше себя подвергаю всесильной вашей высококняжей свѣтлости милостивой протекціи, прося на сей мой малый трудъ милостиво призрить и освидѣтельствовать съ календарами, которые здѣсь печатаются съ переводу календаровъ гамбургскихъ и любскихъ. Понеже оные, какъ я могъ изъ нихъ признать, сочиняются не по санктъпитербурхскому меридіану и ширинѣ, но по тамошнимъ градусомъ, того ради и мыслію касаюся, что оные здѣсь не весьма вѣрны, и предлагаю сіе въ разсужденіе умныхъ ученыхъ и безъ зависти, по совѣсти разсуждающихъ людей».

«На что въ сей моей прописи острологія, т. е. назначиваніе о премѣнѣ воздуха и временъ прогностика, или пророченія предбудущихъ, витійство рѣчей употребляемыхъ о болѣзнѣхъ и плодородіи и

прочее, сему подобное оставлено [1])? Сіе учинено не невѣдѣнія ради, но ради правдиваго въ регульномъ доказаніи неисправленія, понеже чрезъ астрономію, т. е. правое регульное небеснаго теченія счисленіе, сего учинить право по регуламъ не можно. И токмо едино по нѣкоторымъ мнѣніямъ гаданія, ибо наилучшій въ Амстердамѣ въ сей математикѣ учитель Симонъ Фанъ Демоленъ въ своей написалъ книгѣ, именуемой Знаніе небеснаго теченія въ таблицахъ, на листахъ 69 и 73: что сіи господа астрологисты и простые календаровъ сочинители, которые берутъ нужнѣйшій правдивый фундаментъ отъ другихъ учителей, токмо того смотрятъ, чтобъ наполнить больше бумаги и достать отъ простаго народу больше денегъ; не токмо что иное, но и женскія непотребныя пѣсни и прочее къ сему прилагаютъ! Но нижайшій азъ сіе все писать при семъ отложилъ: мню аще непогрѣшу за непотребно, а что найдется въ сей моей послѣдующей прописи написано показанія время солнечнаго восхожденія и захожденія, долгоденствія, долгонощія на всякій день, на сіе всенижайше прошу милостиваго отпущенія, ибо сего за суетою службы своей и болѣзнію учинить не поспѣлъ, да и разность хотя будетъ, но не велика, и аще что еще въ семъ моемъ календарѣ найдется что требующее исправленія, на сіе прошу всенижайше милостиваго мнѣ оставленія и поправленія, ибо всякъ свое погрѣшеніе въ дѣлѣ не можетъ такъ крѣпко усмотрѣть и исправить, какъ съ стороны другой разсмотрить и разсудить. Вашей высококняжой свѣтлости всенижайшій рабъ послѣдній Алексѣй Изволовъ. Декабря 25 дня, 1719 года».

XI.

Исторія. Печатное руководство къ изученію русской исторіи. Заботы царя о составленіи русской исторіи и его взглядъ на древній періодъ ея. Распоряженія Петра Великаго о сохраненіи въ памяти потомства его царствованія. О переводахъ и изданіи въ свѣтъ иностранныхъ историческихъ произведеній. Вліяніе католицизма и протестантизма на труды западныхъ историковъ и значеніе этого вліянія въ русскихъ переводахъ петровскихъ временъ.

Въ XVII столѣтіи, замѣтны въ Россіи попытки къ составленію руководства къ русской исторіи. Само собою разумѣется, что въ этихъ попыткахъ настояла надобность въ Кіевѣ и вообще Малороссіи, такъ какъ здѣсь народъ былъ просвѣщеннѣе, нежели въ сѣвер-

[1]) Въ концѣ календаря, впрочемъ, есть предсказанія, перев. съ голландскаго; но при этомъ составитель помѣстилъ нѣсколько выходокъ противъ астрологовъ и невѣрности ихъ предсказаній.

ной и средней Россіи, и потому явилась потребность въ знакомствѣ съ прошедшимъ своей родины. Читателю должно было уже казаться утомительнымъ справляться съ лѣтописями, слѣдить тамъ за всѣми подробностями, часто сухими и безжизненными, и потомъ дѣлать всему этому оцѣнку, потому что изъ лѣтописи рѣдко можно догадаться, что́ думалъ о событіяхъ записывавшій ихъ? Естественно, что обозрѣніе русской исторіи первоначально явилось сокращеніемъ лѣтописи съ риторскими прикрасами. Таковою была хроника Ѳеодосія Софоновича, который передѣлалъ и сократилъ ипатьевскую лѣтопись, дополняя кое что извѣстными ему польскими источниками.

Въ 1674 г., въ Кіевѣ напечатанъ сборникъ разныхъ сказаній изъ русской исторіи, подъ названіемъ Синопсиса (сокращеніе). На заглавномъ листѣ напечатано, что книга издана «по благословенію» архимандрита кіевопечерской лавры Иннокентія Гизеля, и на этомъ основаніи сочиненіе, или лучше сказать составленіе Синопсиса приписывается этому лицу [1]). Уже м. Евгеній замѣтилъ, что этотъ сборникъ есть довольно близкій сколокъ съ хроники Софоновича, украшенный нѣкоторыми добавленіями. Такъ напр., въ хроникѣ Софоновича не находилось «О семъ, коль краты россы прежде Владиміра даже до царствія его крестившася», а въ Синопсисѣ она заимствована или изъ печатнаго Патерика, или изъ густинской лѣтописи. Исторія о нашествіи Мамая пользовалась у насъ особенною популярностью, а потому также нашла себѣ мѣсто въ Синопсисѣ. Во второмъ изданіи его 1678 г. прибавлены нѣкоторыя событія изъ царствованія Ѳедора Алексѣевича. Въ третьемъ изданіи 1680 г., третьею главою явилось сказаніе «о свободѣ или вольности славянской», гдѣ довольно положительно трактуется, какъ славяне получили отъ Александра Македонскаго грамоту на пергаминѣ, какъ цесарь Августъ не желалъ съ ними воевать и, наконецъ, какъ славенороссійскій князь Одонацеръ «войною досталъ Римъ». Событія изъ царствованія Ѳедора Алексѣевича дополнены «вторымъ басурманскимъ приходомъ подъ Чигиринъ».

Въ Синопсисъ вошли всѣ разглагольствованія о происхожденіи славянъ отъ Іафета, Мосоха и т. п. Откуда взяты эти сказанія и гдѣ прежде были въ употребленіи, читатель можетъ найти обстоятельное извѣстіе въ статьѣ г. Лавровскаго «Изслѣдованіе о лѣтописи якимовской [2])».

Извѣстно, что безпристрастіе къ своему и чужому, уваженіе къ одной истинѣ, хотя бы и въ ущербъ народному самолюбію, можетъ быть оцѣнено въ историческихъ трудахъ тогда только, когда общество достигло извѣстной степени зрѣлости. Въ такую пору, историкъ можетъ прямо и безъ прикрасъ разсказывать исторію предковъ, не

---

[1]) По благословенію настоятеля лавры печатались всѣ книги въ кіевопечерской лаврѣ.
[2]) Учен. записки II отд. ак. наукъ, Кн. II, выпускъ 1, стр. 77—160.

опасаясь обвиненій за то, что въ его повѣствованіи нѣтъ привлекательныхъ картинъ, часто создаваемыхъ прихотливымъ и сентиментальнымъ воображеніемъ потомковъ. Не трудно догадаться, что въ XVII столѣтіи въ руководствѣ къ русской исторіи толкуется и доказывается, какъ были славны славяне, какіе они совершали великіе подвиги, какіе у нихъ были хорошіе правители, какъ они обманывали другъ друга, рѣзались между собою и т. п.

М. Евгеній говоритъ, что Синопсисъ, до изданія краткаго лѣтописца Ломоносова, былъ единственнымъ учебникомъ для изученія русской исторіи. Можно бы послѣ того предполагать, что Синопсисъ, со времени появленія труда Ломоносова, утратилъ свое прежнее значеніе, но такое предположеніе было бы несправедливо: уже Сопиковъ насчитывалъ до 1810 года восемь изданій Синопсиса въ Петербургѣ и три въ Кіевѣ, не включая сюда трехъ изданій XVII вѣка и двухъ при Петрѣ. Кромѣ того, и послѣ выхода труда Сопикова продолжали издавать Синопсисъ: позднѣйшее мнѣ случилось видѣть съ обозначеніемъ 1836 года. Синопсисъ гражданскими буквами въ Петербургѣ печатался постоянно при нашей академіи наукъ.

Извѣстны два изданія Синопсиса при Петрѣ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы государь видѣлъ въ этомъ учебникѣ nec plus ultra совершенства. По приказанію царя, Мусинъ-Пушкинъ писалъ, 1 и 26 октября 1708 года, къ Поликарпову, чтобы онъ принялся за сочиненіе русской исторіи отъ начала царствованія великаго князя Василья Ивановича до настоящаго времени: для образца велѣно было прежде всего описать пять лѣтъ въ двухъ редакціяхъ — краткой и пространной. Въ 1712 г., еще продолжались объ этомъ напоминанія Мусина Пушкина Поликарпову. Такъ первый подтверждалъ, «съ великимъ желаніемъ царское величество приказалъ къ тебѣ о семъ писать», или: «понеже его царское величество желаетъ вѣдать россійскаго государства исторію, и о семъ первѣе трудиться надобно, а не о началѣ свѣта и другихъ государствахъ, понеже о семъ много писано (отсюда видно, что Петру Великому было мало нужды въ генеалогіи славянъ отъ Іафета и пергаминной грамотѣ Александра Македонскаго). И того ради надобно тебѣ изъ русскихъ лѣтописцевъ выбирать и въ согласіе приводить прилежно. О семъ имѣй стараніе, да имаши получить немалую милость; отъ гнѣва же (конечно, царскаго) да сохранитъ тебя Боже!» Вѣроятно въ 1715 г., Поликарповымъ была представлена царю составленная имъ русская исторія; по крайней мѣрѣ, 2 января 1716 г., Мусинъ Пушкинъ писалъ къ сочинителю: «исторія твоя россійская... не очень благоугодна была [1])».

При Петрѣ Великомъ состоялось нѣсколько постановленій о собраніи матеріаловъ для русской исторіи. Должно различать распоря-

[1]) Дѣянія Петра В. Голикова, IV, 298, 299; V, 323; VI, 369.

женія объ отобраніи или присылкѣ рукописей для этой цѣли отъ узаконеній, вслѣдствіе которыхъ также отбирались и присылались въ синодъ старинныя рукописи и книги, но въ тѣхъ видахъ, чтобы уничтожать вообще всѣ сочиненія, написанныя не согласно съ видами правительства. Къ разряду послѣднихъ относится указъ 17 мая 1721 года [1]): «книги харатейныя и старопечатныя, у кого явились и впредь по извѣту явятся въ продажѣ, какъ въ книжномъ ряду, такъ и въ домахъ (!), — оныя всѣ взять къ церковнымъ дѣламъ и отослать на печатный дворъ, а вмѣсто тѣхъ дать тѣмъ людямъ съ печатнаго двора новоисправленныя»... Лица, у которыхъ отыскивались подобныя книги, обязаны были давать подписки — «какъ харатейныхъ, такъ и старопечатныхъ книгъ не продавать и въ домахъ у себя не держать. А у кого и какія именно харатейныя и старопечатныя книги взяты будутъ, о томъ въ правительствующій сенатъ прислать доношеніе немедленно».

13 октября 1724 г., состоялся указъ собственно о рукописяхъ: «противныя благочестію раскольническія рукописныя книги, ежели у кого суть, тѣмъ людямъ объявлять оныя... неукоснительно, безъ всякія боязни, и никто бъ у себя такихъ о расколѣ сумнительныхъ и подозрительныхъ книгъ и тетрадей ни тайно, ни явно, ни подъ какимъ видомъ держать не дерзали подъ опасеніемъ жестокія казни».

Слѣдующіе два указа относятся уже къ собранію историческихъ матеріаловъ: 20 декабря 1720 г., предписывалось губернаторамъ и вицегубернаторамъ «во всѣхъ монастыряхъ, и епархіяхъ и соборахъ прежнія жалованныя грамоты и другія куріозныя письма оригинальныя, такожде и историческія рукописныя и печатныя книги пересмотрѣть и переписать... и тѣ переписныя книги прислать въ сенатъ». 16 февраля 1722 г.: «изъ всѣхъ епархій и монастырей, гдѣ о чемъ по описямъ куріозные, т. е. древнихъ лѣтъ рукописанные на хартіяхъ и на бумагѣ церковные и гражданскіе лѣтописцы, степенныя, хронографы и прочіе имъ подобные, что гдѣ таковыхъ обрѣтается,—взять въ Москву въ синодъ, и для извѣстія оные списать и тѣ списки оставить въ библіотекѣ»... Для исполненія этого указа посланы были изъ синода нарочные [2]).

Изъ синодальнаго дѣла объ этомъ предметѣ [3]) видно, что очень изъ немногихъ епархій высланы были рукописи: начальства по бо́льшей части отвѣчали, что въ завѣдываемыхъ ими церквахъ и монастыряхъ таковыхъ нѣтъ. Въ 1727 г., сенатъ требовалъ отъ синода свѣдѣній, гдѣ находятся собранныя рукописи? Духовная дикастерія отвѣчала въ апрѣлѣ 1730 года, что въ ней хранится ихъ около соро-

---

[1]) Полн. собран. зак. VI, № 3784.
[2]) Ibid., VI, №№ 3693 и 3908.
[3]) 1722 г., № 15.

ка. Изъ описи оказывается, что присылались рукописи по бо̀льшей части духовнаго содержанія; было нѣсколько житій святыхъ, четыре хронографа, четыре лѣтописца. Какое изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ хотѣли сдѣлать употребленіе въ 1730 году, и для чего о нихъ спрашивалъ сенатъ — изъ дѣла не видно.

Въ 1722 г., Петръ поручалъ Григорью Скорнякову-Писареву (о немъ выше стр. 210, 276) составить какой-то лѣтописецъ, о которомъ сохранилось только извѣстіе въ донесеніи Писарева синоду, отъ 3 мая того же года: «императорское величество указалъ мнѣ сочинить книгу лѣтописецъ, и того ради ваше святѣйшество прошу, дабы изволили приказать прислать ко мнѣ для онаго дѣла писца, который бы могъ писать правописательно [1])»...

Говоря о попыткахъ писать русскую исторію въ началѣ XVIII вѣка, невозможно пройти молчаніемъ о баронѣ Гюйссенѣ. Его въ особенности расхвалилъ Адамъ Селлій въ своемъ «Каталогѣ писателей», гдѣ барону приписаны: русская исторія съ 1600 по 1672 г., трактатъ о знаменитыхъ и ученыхъ мужахъ россійскихъ и, наконецъ, жизнеописаніе Петра Великаго. Того мало: Селлій даже говорилъ о похитителяхъ ученыхъ трудовъ барона Гюйссена: «сожалѣю, что многіе дерзкіе и неблагодарные пользовались, да и послѣ будутъ пользоваться его трудами, какъ своими собственными»..

Похвалы Селлія Гюйссену основаны на двухъ сочиненіяхъ:—одномъ, изданномъ Малатестою и гдѣ, по собственному признанію барона (выше стр. 103 и слѣд.), онъ самъ принималъ участіе: во второмъ—письмѣ грека Схенда фонъ-деръ-Берга, въ которомъ всѣ блистательныя извѣстія о настоящемъ состояніи учености въ Россіи начала XVIII столѣтія написаны съ такими преувеличеніями, что съ первыхъ же страницъ теряешь всякое довѣріе къ автору письма. Несмотря на это, нашлись люди, повѣрившіе на слово Селлію и даже отыскивавшіе между современниками Гюйссена похитителей ученыхъ трудовъ его. Уважаемый м. Евгеній былъ также увлеченъ свидѣтельствомъ автора Каталога и сдѣлалъ предположеніе, что въ добросовѣстномъ трудѣ Миллера Sammlung Russischer Geschichte есть сочиненія Гюйссена и что «Опытъ новѣйшей исторіи о Россіи съ 1600 г.», того же Миллера быть можетъ также принадлежитъ перу барона. Зная все написанное этимъ послѣднимъ, легко убѣдиться, что единственною его заботою было представить въ выгодномъ свѣтѣ то, о чемъ онъ писалъ; вся историческая начитанность его ограничивалась вырванными, на удачу и безъ всякой повѣрки, извѣстіями изъ иностранныхъ писателей о Россіи; наконецъ, нигдѣ Гюйссенъ не обнаружилъ знакомства съ русскими источниками, да и не имѣлъ о нихъ понятія.

---

[1]) Синодальное дѣло 1722 г., № 32.

Такъ ли писалъ Миллеръ? Онъ началъ обработывать русскую исторію именно съ перевода несторовой лѣтописи и при этомъ хотя показалъ несовершенное знаніе славянскаго языка, тѣмъ не менѣе однако своими пріемами въ обработкѣ предмета обнаружилъ и пониманіе исторіи, какъ науки, и историческій тактъ, которыхъ рѣшительно не замѣтно ни въ одномъ изъ современниковъ Миллера, которые брались писать русскую исторію.

Селлій приписалъ Гюйссену болѣе, нежели сколько онъ дѣйствительно сдѣлалъ, и это подтверждается собственною запискою барона о своихъ заслугахъ: тамъ не пропущено ни одной небольшой даже статейки его, а между тѣмъ ни слова нѣтъ о сочиненіяхъ, приписанныхъ ему Селліемъ. Въ запискѣ сообщено только, что царь поручалъ Гюйссену писать русскую исторію; изъ дальнѣйшихъ извѣстій оказывается, что подъ словомъ русская исторія разумѣлось собственно жизнеописаніе Петра. Такъ въ запискѣ читаемъ: «Когда Гюйссену государевъ ордеръ данъ былъ къ описанію россійской исторіи, такъ онъ въ разныхъ меморіалѣхъ просилъ, чтобы надлежащія къ тому дѣлу средства, угодность и всякія потребности доставить, а именно: старыя и новыя свѣдѣнія изъ приказовъ и монастырей, лѣтописанія, еще и журналы и ежедневныя росписи о походѣхъ генераловъ и министровъ, родословія знатныхъ фамилій.—Еще и географское описаніе земель и городовъ и прочая ему вручены были. — И на то ему только короткія денныя росписи о его императорскаго величества походѣхъ... а больше того не послѣдствовало.—Для того онъ многія къ тому дѣлу потребныя книги изъ Германіи, Голландіи, Франціи и проч. переписалъ, да не точію изъ тѣхъ, но и изъ разныхъ русскихъ книгъ, родословныхъ, историческихъ рукописныхъ, которыя самъ себѣ промышлялъ, выписывая что вѣроятно и похвально.—У генераловъ и прочихъ высокихъ морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ и другихъ любопытныхъ и искусныхъ особъ онъ собственныя и самосущія обстоятельства при боѣхъ и случаѣхъ, у которыхъ они были или подлинно про нихъ увѣдали, тщательнымъ прилежаніемъ изслѣдовалъ... Все потребное сочиня, онъ же переводилъ на разные языки, а русскій переводъ о преславномъ житіи его императорскаго величества уже подавалъ, какъ его величеству самому, такъ и въ государственную канцелярію иностранныхъ дѣлъ». Далѣе въ запискѣ говорится, что въ 1723 г., царь, по возвращеніи изъ Персіи, приказывалъ нѣсколько разъ Гюйссену работать надъ русской исторіей, «о которой только оглавленія пункты за рукою его величества пришли, чтобы оная наискорѣе и еще при жизни государя въ совершеніе пришла, при чемъ великій императоръ сердечныя слова изволилъ сказать: себя быти человѣкъ и яко животъ свой ежедневно въ рукахъ божіихъ стоитъ»... (Послѣднія слова не имѣютъ смысла въ рукописи; въ нѣмецкой же автобіографіи написано это мѣсто въ такомъ смыслѣ, что царь же-

лалъ поскорѣе видѣть оконченною исторію предковъ и своихъ дѣлъ, такъ какъ будучи человѣкомъ, могъ умереть вдругъ, какъ всякой другой).

Трудъ Гюйссена до нынѣ хранится рукописный въ государственномъ архивѣ, а въ печати его можно читать въ «Собраніи записокъ къ исторіи Петра Великаго» Туманскаго, ч. III и VIII. Веберъ сдѣлалъ справедливую оцѣнку этой работы: «хотя написано за три года передъ тѣмъ (сказано подъ апрѣлемъ 1718 года) и приготовлено къ печати сочиненіе барона Гюйссена о дѣяніяхъ Петра, достойное прочтенія, однако этотъ писатель не имѣлъ подъ рукою достаточныхъ матеріаловъ ни изъ русскихъ присутственныхъ мѣстъ, ни изъ другихъ учрежденій, а пользовался только современными вѣдомостями, историческими Меркуріями и другими подобными, печатными извѣстіями. Желательно потому, чтобы авторъ, прежде изданія въ свѣтъ своего труда, собралъ по болѣе свѣдѣній и тѣмъ самымъ составилъ бы нѣчто оконченное о подвигахъ царя [1])». Памятникомъ работы Гюйссена надъ журналами, или, какъ тогда ихъ называли, юрналами Петра, остались отмѣтки на нѣкоторыхъ изъ тетрадей дневника, хранящихся нынѣ въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Такъ, напр., на журналѣ 1695 г. написано рукою Гюйссена: «il faut le commencement de cette année», или «il faut la fin de cette enfin». Тѣ же отмѣтки и на журналѣ слѣдующаго года [2]).

Сохранились свидѣтельства тому, что Петръ Великій сильно заботился объ оставленіи на память потомству описанія своихъ дѣлъ. Въ 1718 году, царь сдѣлалъ замѣтку: «написать о войнѣ (со Швеціей), какъ зачалась, и о нравахъ и случаяхъ, какъ и кѣмъ дѣлана». Шафировъ и Прокоповичъ писали на эту тему: трудъ перваго былъ изданъ два раза въ 1717 и 1722 годахъ, и должно предполагать, что книга считалась особенно важною, такъ какъ третье изданіе печаталось въ количествѣ 20,000 экз., которые хотѣли было разослать по всѣмъ провинціямъ и городамъ. Замѣчательно здѣсь послѣсловіе, написанное, по свидѣтельству г. Устрялова, самимъ Петромъ: цѣль заключенія — доказать необходимость продолженія войны со шведами, которая какъ видно изъ словъ самого царя, казалась русскимъ тягостною, и до такой степени, что они желали окончанія ея даже цѣною пожертвованія всего завоеваннаго.

По заключеніи ништадтскаго мира, Петръ распредѣлилъ себѣ дни для занятій — утро каждой субботы было посвящено исторіи о войнѣ. Въ 1722 г., онъ отмѣтилъ: «вписать въ исторію что въ сію войну сдѣлано, какихъ когда распорядковъ земскихъ и военскихъ, обоихъ путей регламентовъ и духовныхъ; такожъ — строеніе фортецъ,

[1]) Das veränd. Rüssl. I, 254.
Походный журналъ 1695 г., изд. въ Спб. 1853 г., стр. II.

гавановъ, флотовъ корабельнаго и галернаго, и мануфактуръ всякихъ, и строенія въ Питербурхѣ и на Котлинѣ и въ прочихъ мѣстахъ»... За полтора мѣсяца до кончины сдѣлана Петромъ замѣтка: «вписать въ гисторію, въ которое время какія вещи для войны и прочихъ художествъ и по какой причинѣ или принужденія зачаты, напримѣръ: ружье для того, что не стали пропускать, такожъ и о прочемъ [1])»...

Плодомъ такихъ заботъ былъ сборникъ извѣстій, касавшихся болѣе походовъ, сраженій и вообще распоряженій царя по управленію. Все это было расположено въ хронологическомъ порядкѣ, написано въ формѣ перечневаго отчета, безъ всякаго отношенія къ жизни народа и потому, при нынѣшнихъ требованіяхъ исторіи, какъ науки, можетъ служить лишь второстепеннымъ матеріаломъ при изображеніи той эпохи. Свѣдѣнія о сраженіяхъ, побѣдахъ и потеряхъ русскихъ въ шведскую войну почти всегда и безъ перемѣнъ заимствовались въ сборникъ изъ реляцій и вѣдомостей, печатавшихся въ разныя времена во всеобщее извѣстіе (что можно видѣть изъ описанія петровскихъ вѣдомостей, помѣщеннаго подъ каждымъ годомъ во 2-й части настоящаго труда). Собранные матеріалы далеко не обнимали всѣхъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ царствованіе Петра: о многихъ, и притомъ самыхъ неразгаданныхъ для современниковъ, пройдено молчаніемъ (напр. о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, о противодѣйствіи Петру знатныхъ и духовенства, о раскольникахъ и размноженіи ихъ, о второй супругѣ царя и мн. др.). Въ 1774 г., этотъ сборникъ изданъ былъ въ Стокгольмѣ на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Journal de Pierre le Grand, nouvelle édition avec des notes par un officier suédois», гдѣ издатель въ предисловіи говоритъ между прочимъ, что онъ, найдя въ Берлинѣ другое французское изданіе журнала, взялъ его съ собою въ Швецію: «Je le communiquai à mes compatriotes et ils trouverent ainsi que moi, que le plus souvent l'auteur respectabe de cet ouvrage n' avoit parlé des faits qu'il rapporte que d'après les détails que les généraux lui envoyoient, et dans lesquels ils ont presque toujours exagéré leurs succés et diminué leurs pertes: cette difference dans la manière de voir me détermina à faire des notes sur ce journal....»

Какъ бы то ни было, разбираемый дневникъ былъ нѣсколько разъ поправляемъ царемъ, потомъ переписывался на бѣло, и наконецъ изданъ, по повелѣнію Екатерины II, кн. Щербатовымъ подъ заглавіемъ: «Журналъ или поденная записка Петра Великаго съ 1698 года даже до заключенія ништадтскаго мира [2])».

Дополненіемъ къ этому труду можно считать изданные въ Петербургѣ въ 1853—1855 годахъ походные журналы царя, извлеченные изъ рукописей архива министерства иностранныхъ дѣлъ и

---

[1]) Исторія царствованія Петра Великаго, г. Устрялова, I, стр. XXX—XXXII.

[2]) Объ иностранныхъ изданіяхъ журнала П. В. въ ст. «Библіографическіе отрывки», Отеч. Записки 1858 г., № 6.

академіи наукъ. Каждый годъ напечатанъ отдѣльно съ оглавленіемъ «Походный журналъ» такого-то года; въ 1853 году напечатаны журналы съ 1695 по 1703; въ 1854 г. — съ 1704 по 1714 г. въ 1855 г. — съ 1715 по 1735.

—

При Петрѣ Великомъ напечатано въ Россіи нѣсколько переводовъ историческихъ сочиненій не только древнихъ, но и новыхъ писателей, имѣвшихъ въ XVI, XVII вѣкахъ большое значеніе. Въ какомъ отношеніи такія произведенія въ русскомъ переводѣ могли быть къ русскимъ читателямъ, и на сколько они принесли пользы для дальнѣйшаго преуспѣянія у насъ исторіи — легко понять, вспомнивъ, подъ какими условіями и подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ развивалась наука исторіи въ Европѣ.

Въ XVI и XVII столѣтіяхъ Западъ едва только сталъ освобождаться отъ невѣжества и варварства среднихъ вѣковъ. Предразсудки, слѣдовательно нетерпимость, предубѣжденіе противъ другихъ, пристрастіе къ своему — все это не могло не имѣть вліянія на исторію. Еще живо помнилась реформація, вражда католиковъ и протестантовъ не улеглась, и религіозный фанатизмъ (самый вредный изъ всѣхъ фанатизмовъ послѣ политическаго) отражался въ сочиненіяхъ враждовавшихъ до такой степени, что зная, къ какому вѣроисповѣданію принадлежалъ авторъ, можно было угадать напередъ, какъ онъ будетъ изображать извѣстныя событія. Съ конца XVIII столѣтія, просвѣщеніе видимо начинаетъ брать перевѣсъ надъ мракомъ и невѣжествомъ и такое явленіе отразилось особенно на европейскихъ историческихъ трудахъ нашего времени. Знаменитыя произведенія Шлоссера, Гервинуса, Бокля написаны съ такимъ безпристрастіемъ, такъ чужды сентиментальной привязанности къ своему и смѣшной въ наше время ненависти къ чужому, что навѣрное названные писатели, если бы осмѣлились такъ писать въ XVI и XVII столѣтіяхъ, подверглись бы преслѣдованію католической инквизиціи и были бы прокляты, какъ еретики, отъ протестантовъ.

Въ прежнее время, протестанты и католики, неутомимо ратуя другъ противъ друга за каноническое право и церковныя преданія, внесли и въ область историческихъ изслѣдованій односторонній взглядъ, отчего произошло то, что было неизвѣстно древнимъ: изъ источниковъ, приводимыхъ въ старинныхъ историческихъ сочиненіяхъ, можно выводить, независимо отъ идеи автора, совсѣмъ иные результаты. Нѣмецкіе протестанты, видя, что всѣ церковные источники и матеріалы для первыхъ вѣковъ христіанства были переработаны католиками, стали писать объ этомъ предметѣ согласно своему направленію. Вслѣдствіе этого, явился огромный трудъ Centuriae

magdeburgenses (Ecclesiastica historia.... in urbe Magdeburgica 1559—1574), который долго служилъ протестантскимъ арсеналомъ, откуда бралось оружіе противъ католиковъ. Само собою разумѣется, что эти въ свою очередь не захотѣли отстать отъ протестантовъ и желали имѣть такую свою исторію, которая бы оправдывала и превозносила послѣдователей папства. Первыя, однако, попытки къ тому были несовсѣмъ удачны. Наконецъ, кардиналъ Бароній въ своихъ церковныхъ лѣтописяхъ явился съ видимою цѣлью побѣдить и уничтожить протестантизмъ.

Задача исторіи до XVIII вѣка состояла въ наивозможно-бо́льшемъ собраніи фактовъ, сгруппированныхъ и представленныхъ такъ, чтобы это было выгоднымъ для извѣстной партіи. Въ тѣ времена еще не выработалось убѣжденіе, что исторія должна быть наставницей человѣчества; что ей предназначено защищать несчастныхъ и угнетенныхъ противъ насилій и деспотизма; что она была бы романомъ или сборникомъ всякаго хлама и ветоши, если нѣтъ въ ней уваженія къ истинѣ и святой вѣры въ благородство и возвышенность человѣческой души посреди окружающаго ее развращенія и испорченности свѣта. Надобно было много времени, много усилій здравой критики и человѣческаго смысла, чтобы разогнать мракъ, напущенный въ область исторіи педантами и бездарными тружениками, для которыхъ не казалось ни сколько смѣшнымъ изучать жизнь и человѣческія стремленія, соотношеніе и связь событій изъ дипломовъ и оффиціальныхъ документовъ, медалей и родословныхъ (Шлоссеръ).

Въ XVII столѣтіи, въ Германіи начинаетъ проявляться философское мышленіе, а съ нимъ стремленіе къ истинѣ въ наукѣ. Новый фазисъ умственной жизни нѣмцевъ открывается сочиненіями Гуго Гроція и Гоббеса. Пуффендорфъ, изучая этихъ писателей, шелъ по слѣдамъ ихъ. Онъ первый началъ читать въ Гейдельбергѣ народное и естественное права, онъ также первый осмѣлился указывать на недостатки и несообразности современнаго ему государственнаго устройства Германіи. Подъ псевдонимомъ Северина Мозамбана Пуффендорфъ написалъ свою знаменитую De statu reipublicae germanicae liber (она была переведена у насъ въ началѣ XVIII столѣтія и хранилась въ библіотекѣ кн. Димитрія Голицына, ср. стр. 256), въ которой Германія представлена федеральнымъ государствомъ, худо сплоченныя части коего составляютъ лишь случайное цѣлое. Книга, какъ и слѣдовало ожидать, надѣлала много шума и, недаромъ, Пуффендорфъ до смерти не открывалъ своихъ близкихъ отношеній къ Мозамбану. Почти всегда истина бываетъ гонима вначалѣ, такъ и ученіе Пуффендорфа навлекло ему множество враговъ и непріятностей — въ послѣдніе годы жизни онъ долженъ былъ отказаться отъ профессорства и служилъ у бранденбургскаго курфирста. Исторію Пуффендорфъ излагалъ съ политической точки зрѣнія и свое «Введеніе

къ исторіи замѣчательнѣйшихъ государствъ» предназначалъ, какъ руководство государственнымъ людямъ и какъ учебникъ для ознакомленія учащейся молодежи съ исторіею Европы. Здѣсь откинута прежняя рутина, безполезные филологическіе толки, и обращено все вниманіе на внутреннее состояніе государствъ, на обстоятельства, служившія причинами возвышенія и упадка ихъ и т. п. Конечно, въ историческихъ трудахъ Пуффендорфа есть много недостатковъ, но великая заслуга его состоитъ во взглядѣ и въ примѣненіи его къ историческимъ трудамъ.

«Введеніе» Пуффендорфа въ русскомъ переводѣ и есть первое (если не считать пустую компиляцію Копіевскаго—Введеніе во всякую исторію, 1699 г.) въ Россіи изданное руководство къ всеобщей исторіи. Оно названо «Введеніе въ гисторію европейскую чрезъ Самуила Пуффендорфія» (Спб. 1718 и 1724 г.). Петру Великому долженъ былъ быть извѣстенъ этотъ трудъ гораздо прежде по наказу о воспитаніи царевича Алексѣя Петровича: послѣдній обязывался проходить курсъ европейской исторіи по этому произведенію Пуффендорфа. Царь, писавъ заключеніе къ Разсужденію о шведской войнѣ (см. выше), долгомъ счелъ въ подтвержденіе своихъ доказательствъ цитовать германскаго историка: «Прежнія времена, говорилъ Петръ Великій, не суть равны нынѣшнимъ, ибо шведы тогда не такъ о насъ разсуждали и за слѣпыхъ имѣли, какъ о томъ славный историкъ Пуффендорфъ пишетъ въ книгѣ Введенія во исторію о русскомъ народѣ» (слѣдуетъ выписка).

«Введеніе въ исторію» переводилъ на русскій Гавріилъ Бужинскій съ латинскаго перевода Крамера, такъ какъ нѣмецкаго языка онъ незналъ. Русскій переводчикъ признавался въ предисловіи, что многія мѣста у Крамера казались ему темными, и потому онъ перелагалъ на русскій не всегда слово въ слово.

«Въ описаніи монархіи папы римскаго, говоритъ въ предисловіи же Бужинскій, собственный чинъ и штиль авторъ положилъ, различный отъ исторіи, но аки богословскій розыскъ — правильное ли оно господство или неправильное? отъ Христа ли и апостола Петра наченшеся, въ толикое возрасте величество, или хитростію и коварствомъ папъ тако распространися? и симъ подобная. Въ сицевомъ не тако историческомъ, яко богословскомъ розыскѣ, послѣдованіе и штиль высшій есть и, того ради, мало прикровеннѣйшій»... Далѣе, сдѣлана оговорка, что въ переводѣ оставлены неприкосновенными всѣ религіозныя мнѣнія автора: «того ради, да не отмѣняя авторовы словеса, возмнятъ мя (т. е. Бужинскаго) инніи книгу себѣ и своему сложенію присвояти. Обаче, идѣже кое несогласіе обрѣтается, тамо на брезѣ объявлено имать быти»...

Кажется, что такое уваженіе къ неприкосновенности идей извѣстнаго писателя оказано было въ русскомъ переводѣ подъ пено-

средственнымъ вліяніемъ самого царя. По крайней мѣрѣ сохранился такой анекдотъ о переводѣ этой книги: въ 1714 г., Гавріилъ Бужинскій представилъ Петру свой переводъ и царь тотчасъ же началъ его перелистывать съ явнымъ намѣреніемъ отыскать тамъ какое-то мѣсто. Не находя его, государь съ гнѣвомъ обратился къ переводчику: — Глупецъ, что я тебѣ приказывалъ сдѣлать съ этою книгой?—Перевести, отвѣчалъ тотъ.—Развѣ это переведено, возразилъ царь, указывая на статью о Россіи, изъ которой были выпущены при переводѣ приговоръ Пуффендорфа о русскихъ, не совсѣмъ лестный для національнаго самолюбія.—Тотчасъ поди, прибавилъ Петръ, и сдѣлай, что я тебѣ приказалъ, и переведи книгу вездѣ, такъ какъ она въ подлинникѣ есть».

Дѣйствительно, переводъ «Введенія въ исторію» напечатанъ при Петрѣ два раза безъ пропусковъ, и вотъ то мѣсто, которое Бужинскій счелъ неудобнымъ переводить: «О нравѣхъ и о разумѣ народа россійскаго ничтоже воспомнинати имѣемъ, еже бы съ великою ихъ славою сопряжено было, ниже бо россіане тако суть устроенны и политичны, яко же прочіе народы европейскіе. Въ письменахъ же толь неискусны, яко въ писаніи и прочтеніи книгъ совершенство ученія полагаютъ. Паче же и самые священницы толико суть грубы и всякаго ученія не причастны, яко токмо прочитавати едину и вторую божественнаго писанія главу, или толкованіе евангельское умѣютъ — больше же ничто же знаютъ. Зазорны же и невоздержательны суть, свирѣпы и кровежаждущіе человѣцы, въ вещѣхъ благополучныхъ безчинно и нестерпимою гордостію возносятся; въ противныхъ же вещѣхъ низложеннаго ума и сокрушеннаго. Обаче сами о себѣ высоко мнящіе, ниже высокоуміе ихъ всякимъ, хотя и великимъ почитаніемъ удоволится можетъ. Ко прибылѣ и лихвѣ, хитростно собираемой, никій же народъ паче удобенъ есть. Рабскій народъ рабски смиряется, и жестокостію власти воздержатися въ повиновеніи любятъ, и якоже всѣ игры въ бояхъ и рапахъ у нихъ состоятся, тако бичевъ и плетей у нихъ и частое есть употребленіе [1])»...

Въ изданіи «Введенія въ исторію», пер. Борисомъ Волковымъ, 1767—1777 годовъ это мѣсто не выпущено, но прибавлено примѣчаніе, что нынѣ уже русскіе не тѣ, какими ихъ описывалъ Пуффендорфъ. Такая уступка нашему національному самолюбію сдѣлана впрочемъ не переводчикомъ, а позднѣйшими нѣмецкими издателями труда Пуффендорфа [2]).

Неизвѣстно, по какимъ причинамъ, только при императрицѣ Аннѣ, 25 іюля 1738 г., велѣно было отбирать у частныхъ лицъ петровскія

---

[1]) Введеніе въ исторію, Спб. 1718 г., стр. 407, 408.

[2]) О литературной собственности, П. Калмыкова въ Актѣ спб. университета 1851 года, стр. 110—112.

изданія перевода Введенія въ исторію; при Елизаветѣ же, 17 ноября 1743 г., книгу снова дозволено продавать и держать въ домахъ [1]).

Въ 1719 г., напечатано въ Москвѣ переведенное еще въ XVII вѣкѣ сокращеніе Annales ecclesiastici Баронія, подъ титуломъ «Дѣянія церковная и гражданская». Выше было уже сказано о значеніи этого труда, авторъ котораго пользовался огромною извѣстностью. Въ словаряхъ Бейля и Морери можно найти подробности о спорахъ защитниковъ и противниковъ ученаго кардинала. Любопытно, что XI томъ этихъ лѣтописей былъ запрещенъ въ государствѣ, католическомъ по преимуществу, именно въ Испаніи: тамъ рѣчь шла о несправедливомъ присвоеніи испанскимъ правительствомъ Сициліи. Баронію извѣстенъ также, какъ авторъ извѣстія о событіяхъ изъ русской исторіи: онъ писалъ о происхожденіи русскихъ (de Ruthenorum origine) и о посольствѣ нѣкоторыхъ изъ русскихъ духовныхъ въ Римъ послѣ брестскаго собора, въ 1594 г., что было переведено около того же времени съ латинскаго на французскій и издано въ Парижѣ въ 1599 г. [2]).

Какъ рукописные списки, такъ и печатное изданіе Лѣтописей, въ Россіи переведены съ сокращенія, сдѣланнаго польскимъ іезуитомъ Скаргою, который занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи польской литературы XVI—XVII вѣковъ (род. 1536 г. † 1612 г.), и также долженъ упоминаться въ нашей церковной исторіи, какъ авторъ разныхъ полемическихъ произведеній, направленныхъ противъ духовныхъ греческаго исповѣданія въ Южной Россіи. Изъ семи томовъ Лѣтописей Баронія, Скарга сначала собственно для себя сдѣлалъ извлеченіе, которое потомъ попалось въ руки примаса Станислава Корниковскаго, а этотъ, убѣжденный въ полезности труда Скарги, сталъ усильно просить послѣдняго перевести извлеченіе на польскій языкъ, вмѣстѣ съ остальными частями сочиненія Баронія, и издать такой трудъ въ свѣтъ. Скарга перевелъ еще три тома и, собравъ все въ десять книгъ, напечаталъ церковныя Лѣтописи въ одномъ томѣ. Современники находили работу Скарги прекрасною; самъ Баронію, въ особомъ посланіи, одобрилъ его, а одинъ польскій прелатъ даже увѣрялъ, что кто хочетъ быть историкомъ, тотъ долженъ читать сочиненія Скарги.

Въ предисловіи къ русскому переводу сначала говорится о пользѣ исторіи вообще, такъ какъ она преимущественно способствуетъ къ расширенію круга познаній, а потомъ приводятся свидѣтельства св. писанія, которое повелѣваетъ изучать судьбы давнопрошедшихъ временъ. Далѣе сдѣлано нѣсколько замѣчаній о переводѣ и о пристрастіи Баронія въ своей исторіи къ папству. «Дразн вопстину, говорится въ

---

[1]) Слов. дух. писат. I, 50.

[2]) Перепечатано вновь въ 1856 г.: Discours de l'origine des russiens et de leur miraculeuse conversion, par le cardinal Baronius; traduit en français par Marc Lescarbot.

предисловіи, тридесятолѣтніи сіи труды Баронія и церквѣ зѣло полезны суть, но дражае были бы, аще бы онъ самъ цѣны не умалилъ имъ своимъ великимъ раченіемъ къ папѣ, сіесть, аще бы на то едино, иже есть свойственно доброму лѣтописцу, взиралъ на истину, по лѣтописямъ изъявляемую, а не паче на честь костела римскаго и на папину, его же ради книги сія составилъ подъ именемъ лѣтописанія, а въ самой вещи защищеніе папы устроилъ и симъ, аки забывъ званіе историческое, на многихъ мѣстахъ показа свое намѣреніе»...

Въ русскомъ переводѣ исключено было многое, несогласное съ ученіемъ православной церкви; сверхъ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ помѣщены возраженія, а иногда только отмѣчено, что такое-то мнѣніе принадлежитъ Баронію.

Въ заключеніи предисловія — увѣщанія къ русскому читателю, чтобы онъ не соблазнялся неправославными умствованіями, заключающимися въ Дѣяніяхъ, а прилежалъ бы болѣе всего истинѣ. Въ печатномъ переводѣ выпущены числа празднованія святыхъ, такъ какъ русскіе миноложи несогласны съ римскими мартирологами. Также исключены повѣствованія о нѣкоторыхъ годахъ, какъ не представляющія ничего любопытнаго. Наконецъ, «многая реченія мѣстъ, и книгъ, и вещей и прочихъ, напр. молесъ, адріани, пери архонъ, кодексъ, палліи, инвеституры, февды и прочая, тако здѣ не преведенна воспоминаются, яко же и на иныхъ языцѣхъ, понеже отъ сицеваго употребленія лучше знаема суть, неже отъ превода. И аще бы кто превелъ ихъ, то въ бо́льшее бы невѣдѣніе ввелъ читателя, яко же сотвори оный, иже Месопотамію преложилъ на междорѣчіе, Декаполь, единъ градъ, нареченъ десятью градами [1])»....

Въ 1724 г., явилось у насъ въ печати новое руководство ко всеобщей исторіи — это произведеніе оснабрюкскаго епископа изъ протестантовъ Стратемана Theatrum historicum, подъ названіемъ «Θеатронъ или позоръ историческій».

Если предыдущее сочиненіе страдало пристрастіемъ къ папству, то Θеатронъ, какъ будто нарочно переведенный у насъ для контраста съ трудомъ Баронія, отличается особенною ненавистью къ католицизму и его представителямъ. Стратеманъ, говоря о папахъ, не только не нашелъ ничего достойнаго хвалы ни въ одномъ изъ нихъ, но напротивъ старался помѣщать лишь такія извѣстія, которыя были неблагопріятны для римскихъ первосвященниковъ. За то авторъ безусловно восторгался реформаціею.

Вообще переводъ такого сочиненія въ печати на русскомъ языкѣ

---

[1]) Послѣднее подтверждается нашими старинными азбуковниками, гдѣ именно находимъ: «Асоръ — междорѣчіе, иже и Месопотамія наречется. Се же междорѣчіе во странахъ суть халдейскихъ, идѣже первіе явися Господь Аврааму, глаголя: изыде отъ земли тоя... Декаполь — десятоградіе». Въ нѣкоторыхъ церковныхъ книгахъ, издан. въ Москвѣ въ XVII в., дѣйствительно встрѣчаются подобные переводы собственныхъ именъ.

любопытенъ по времени и обстоятельствамъ, при которыхъ онъ явился. Послѣ Петра эту книгу постигла та же участь, которую испытало произведеніе Пуффендорфа: по указу Елизаветы, 27 марта 1749 г., Θеатронъ былъ запрещенъ, такъ какъ въ немъ переведены были безъ пропусковъ (Бужинскій, вѣроятно напуганный случаемъ, который разсказанъ выше, не смѣлъ уже въ другой разъ измѣнять въ переводѣ подлинника) лютеранскія мнѣнія, выходки противъ католиковъ и даже нѣкоторыхъ отцевъ церкви [1]). Книгу велѣно было отбирать и отсылать въ александроневскій монастырь; однако, Θеатронъ нынѣ можно достать у нашихъ букинистовъ гораздо легче, нежели другія петровскія изданія, хотя и не подвергавшіяся запрещенію.

Предисловіе къ Θеатрону и посвященіе его Петру и Екатеринѣ подписаны переводчикомъ Гавріиломъ Бужинскимъ «съ потрудившимися съ нимъ», и обращаютъ на себя вниманіе терпимостью къ послѣдователямъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, которые уже называются христіанами, тогда какъ въ старину всѣ они безразлично именовались то еретиками, то апостатами.

Въ посвященіи объяснены причины, побудившія переводчиковъ поднести свой трудъ Петру и Екатеринѣ, а также видѣнъ тогдашній взглядъ на исторію: «вся ученія духовная и гражданская, въ нихъ же попеченіемъ тщалнвымъ вашего императорскаго всепресвѣтлаго величества обучается младенчество, на историческомъ познаніи основана суть, сего ради основателю и зодчію приличествуетъ, да сія повсюдная исторія восписана будетъ. Ниже всуе рекъ, яко на семъ основаніи вся ученія зиждутся, иже бо не вѣсть, что прежде сего содѣяся, сей чрезъ все житіе свое отрокъ есть, глаголетъ Цицеронъ, краснорѣчія римскаго отецъ въ книзѣ о гражданской исторіи. Богословскаго познанія аще кто требуетъ, всю христіанскую богословію во исторіи обрящетъ. Что бо суть иное ветхаго и новаго завѣта скрижали, аще не по вящшей части исторіа? Философскому ли, или физическому ученію внимаетъ кто, ничтоже успѣетъ, аще исторію о животныхъ и зеліяхъ, о естествахъ ихъ и употребленіи не познаетъ» и т. д.

Въ предисловіи къ доброхотному читателю прежде всего излагается, по обыкновенію, польза исторіи, и въ подтвержденіе приведены свидѣтельства отъ писаній Григорія богослова, Іоанна златоустаго, Василія великаго, а потомъ Цицерона.

«Гражданская исторія, по мнѣнію Бужинскаго, изслѣдуетъ о народѣхъ и ихъ началѣхъ, населеніяхъ и переселеніяхъ, о дѣлахъ во время брани и мира, о лицахъ и ихъ добродѣтеляхъ и порокахъ, о монархіахъ и ихъ состояніи и паденіи, о царствіяхъ и ихъ началѣ и

[1]) Слов. духовн. писат. I, 80.

окончаніи, о обществахъ и ихъ возрастеніи и пресѣченіи, купно же с вѣрѣ и бозѣхъ языческихъ, о временахъ и властителѣхъ во времена оная и о симъ подобнымъ».

Далѣе говорится, почему для перевода былъ избранъ именно трудъ Стратемана: «Неудобь преплываемый есть окіанъ исторіи, ниже всякъ всѣхъ книгъ изобиліе имѣти можетъ: сей убо хотяще скудости помоществовати, центуріаторы магдебургскіе, по ста лѣтъ отъ Р. Х., исторію на шестпадцать главъ, сіесть вѣковъ составиша, но дѣло сіе въ превеликія возрасте книги. А понеже сіе сотвориша уже по отдѣленіи отъ церкве римскія, того ради многая, яже дотолѣ папежская погрѣшенія, замыслы и высокоумія прикровенна бяху, всѣмъ къ вѣдѣнію произдадоша. Баронію, паки хотяй покрыти, противу ихъ написалъ своя превеличайшія на двѣпадцать вѣковъ книги, яже аще и сокращенныя суть чрезъ Скаргу іезуита, но вездѣ папѣ воинствуютъ, срамъ и безчестіе его покрываютъ, пользу же и господство разширяти тщатся. Тѣмъ же воспріяхомъ трудъ надъ сею книжицею, яко хотя имать творца протестаптскія вѣры, обаче въ словахъ умѣреннаго, и яко кротшія повсюдныя исторіи доселѣ не видѣхомъ. Намъ же, аще бы и возможно собрати подобную исторію, яже бы ничтожс бы противное содержала, но препятіемъ есть лишеніе вивліоѳики, скудость латинскихъ, греческихъ же книгъ, и скудость и невѣдѣніе».

За тѣмъ, есть намеки на тѣхъ современныхъ русскихъ писателей, которые, переработывая чужіе труды, выдавали ихъ за свои собственные. Чаще всего эти заимствованія дѣлались изъ латинскихъ авторовъ, что̀, какъ извѣстно, замѣтно въ произведеніяхъ такихъ знаменитостей, какъ Стефанъ Яворскій. «Преведохомъ же сію книгу, продолжаетъ Бужинскій, яко же отъ самого автора сложена есть, ничтоже премѣнше, ничтоже приложивше или убавивше, да не таковая творяще, явимся чуждые труды (яко же мнози творятъ) себѣ присвояти и чуждою славою (что̀ есть грѣхъ противъ осмыя и десятыя заповѣди божія) себе прославляти и величати; но ниже кую отъ римскихъ преведохомъ, понеже во онѣхъ вездѣ борьба на церковь греческую и патріарховъ, своихъ же паче превозношеніе, отъ коихъ книгъ воспослѣдствова, что мнози оныя чтуще, сопмище римское и ихъ безславную главу превеликими возносятъ похвалами. Въ семъ Позорѣ истинно увидѣше, читателю, каковіи бяху папы житіе и поведеніе, и уразумѣеши, такови ли они суть, каковыми ихъ доброжелатели и воинственники предъ неученымъ міромъ словами, предъ учеными же писаніями прославляютъ».

На послѣднемъ листѣ предисловія переводчикъ счелъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣтокъ о чтеніи православными иностранныхъ книгъ: «подвигнути тя (читателя) къ ненавидѣнію книжицы сея (т. е. Ѳеатрона) можетъ оное обыкновеніе, еже книгъ иностранныхъ не-

читати. Прехвальный есть сей обычай, но съ разсужденіемъ: имамы полная свидѣтельства отцевъ святыхъ, иже не токмо въ христіанскихъ, но и въ языческихъ книгъ чтенія обучатися повелѣваютъ, но тако яко яже ко злымъ правомъ влекутъ и ихъ студодѣяніямъ учатъ, отвращати очеса повелѣваютъ»... Послѣ цитатъ изъ Василія великаго, Іоанна Дамаскина, ап. Павла, говорится: «а яже они сихъ рекошася, не такожде-ли о всѣхъ отцѣхъ, великихъ свѣтилахъ, Василіѣ великомъ, Златоустѣ, Назіанзининѣ, Аѳанасіи, Кириллѣ и иныхъ безчисленныхъ глаголати и разумѣти подобаетъ. Аще убо лѣть есть книги языческія чести и отъ нихъ что полезное избирати, кое препятіе есть чести христіанскихъ авторовъ, аще и разномудрствующихъ съ нами, но съ таковымъ же разсужденіемъ, да яже противно суть здравому ученію, сія оставимъ или паче сего ради чтемъ, да на оныя отвѣтствовати обучимся»...

При Петрѣ Великомъ былъ также изданъ переводъ сочиненія Мавра Орбини, вышедшій на итальянскомъ языкѣ въ 1601 году: «Il regno de gli Slavi». О переводчикѣ этой книги говорено выше на стр. 252—255. Что касается до произведенія Орбини, то о достоинствѣ его можно по тому судить, что онъ, увлеченный своими изслѣдованіями о славянахъ, видѣлъ ихъ почти во всѣхъ государствахъ Европы, Азіи и Африки, такъ что по Орбини выходитъ, что они основали свое владычество въ Испаніи, покорили Италію, Францію и Англію. Орбини начинаетъ исторію славянъ ни какъ не позже временъ праотца Ноя; Іафетъ, которому отъ отца предназначено было сдѣлаться вождемъ и царемъ, есть прародитель славянъ, которые сначала заселили Скандинавію, а за 1460 (!) лѣтъ до Р. Х. вышли оттуда подъ именемъ готѳовъ, и т. д. все въ томъ же родѣ. Потомъ, скиѳы Курція также обращены положительно въ славянъ, бесѣдующихъ съ Александромъ Македонскимъ; Богемія или чешская земля произведена по прямой линіи отъ Чеха. Есть также особая глава: «О славянѣхъ россійскихъ, или москвитянѣхъ». Здѣсь о нашихъ предкахъ разсказывается даже со временъ Митридата; кто желаетъ знать подробности о русской исторіи, тотъ, по совѣту Орбини, долженъ читать «въ книгахъ Іеремія русскаго, Сигизмунда Герберштейна, Францышка Бизія бергамскаго и Краковыты, который испытно описалъ двѣ Сармаціи»... Равнымъ образомъ есть глава: «О амазонахъ женскаго полу, славныхъ воинахъ славянскихъ». Подробнѣе всего говорится о славянахъ въ Далмаціи и Иллиріи, какъ болѣе извѣстныхъ или болѣе интереснымъ для автора. Орбини, въ качествѣ католика, утверждалъ, что просвѣтитель славянъ Кириллъ былъ посвященъ въ епископы отъ папы Адріана III, а Меѳодій, братъ Кирилла, преставился въ Римѣ. При русскомъ изданіи помѣщено возраженіе противъ этого мнѣнія, написанное Ѳеофаномъ Прокоповичемъ съ цитатами на сочиненія Кедри-

на, Куропалата, Зонара, Баронія, Нестора, Длугоша, Вацеслава, лѣтописца чешскаго, Бліодуса, Сабелликуса и Кромера.

Изъ сочиненій древнихъ писателей напечатаны при Петрѣ въ русскомъ переводѣ произведеніе Квинта Курція и французская передѣлка изъ Юлія Цезаря. Трудъ перваго «De rebus gestis Alexandri magni libri», въ русскомъ переложеніи «Книга Квинта Курція о дѣлахъ содѣянныхъ Александра великаго, царя македонскаго» выдержалъ нѣсколько изданій и, по всей вѣроятности, обязанъ появленію своему у насъ, въ началѣ XVIII вѣка, громкой извѣстности, которою пользовался у всѣхъ народовъ въ Европѣ. Въ старину, когда рѣчь доходила до Квинта Курція, любили припоминать анекдотъ, о томъ какъ неаполитанскій король Альфонсъ I получилъ облегченіе отъ тяжкой болѣзни единственно по тому, что три дня къ ряду слушалъ, какъ читали ему исторію Курція объ Александрѣ.

Извѣстно, что эта исторія должна была состоять изъ десяти книгъ, но изъ нихъ двѣ первыя затеряны. У насъ, вмѣсто этихъ книгъ, въ началѣ помѣщалась «Краткая повѣсть о Александрѣ Великомъ отъ церковнаго историка Кедрина». Произведенія этого послѣдняго попадаются въ нашихъ рукописяхъ гораздо ранѣе XVIII столѣтія.

Что касается до перевода записокъ Юлія Цезаря: «Краткое описаніе о войнахъ изъ книгъ Цезаріевъ», то онъ болѣе касается тактики и военнаго искусства, а не исторіи. Впрочемъ, въ 1723 г., было повелѣніе Петра Великаго перевести съ латинскаго и голландскаго языковъ «Юлія Кесаря дѣлъ описаніе», но это не исполнено, вѣроятно, за смертію царя.

Къ числу переводныхъ историческихъ изданій должно также отнести «Исторію о орденахъ или чинахъ воинскихъ», 1710 года, гдѣ, впрочемъ, текстъ есть дѣло второстепенное, на первомъ же планѣ гравюры съ изображеніями одеждъ и вооруженій разныхъ рыцарскихъ братствъ. Книга сначала была издана въ Голландіи на французскомъ и голландскомъ языкахъ Шхонебекомъ (Schoonebeck), который потомъ, по приглашенію Петра, жилъ и гравировалъ въ Россіи. Желаніе самого ли Шхонебека сдѣлать свою книгу извѣстною въ Россіи, или царя—распространить въ русскихъ читателяхъ понятія о рыцарствѣ, — были причиною появленія этой книги въ печати у насъ, теперь рѣшить трудно: на заглавномъ листѣ перевода стоитъ обычная фраза, что книга напечатана «повелѣніемъ царскаго величества»; посвященіе Петру, которое помѣщено въ амстердамскомъ изданіи, въ русскомъ осталось не переведеннымъ.

XII.

Русскіе переводы географическихъ сочиненій въ XVII вѣкѣ. Описаніе на русскомъ языкѣ Китая—Спафарія. Печатныя Географіи при Петрѣ Великомъ. Заботы его о составленіи и печатаніи картъ. Вліяніе французской академіи наукъ по части изслѣдованій разныхъ краевъ Россіи. Первое ученое путешествіе по Сибири доктора Мессершмидта.

Изъ старинныхъ географическихъ сочиненій на русскомъ языкѣ должно упомянуть прежде всего о переводѣ творенія греческаго писателя VI вѣка Козмы Индикоплова (Cosmas Indicopleusta): «Книга о Христѣ обимающа весь міръ», или «Сіа книга, нарицаема Козма Индикопловъ, избранна отъ божественныхъ писаній благочестивымъ и повсюду славнымъ кѵръ Козмою [1])». Сочиненіе это является у насъ въ спискахъ XV вѣка, написано въ полемическомъ духѣ и состоитъ изъ длинныхъ выписокъ и непрерывныхъ цитатъ изъ ветхаго и новаго завѣтовъ для подтвержденій мнѣнія автора о видѣ земли, небесныхъ свѣтилахъ и т. д. Послѣдняя глава посвящена баснословнымъ описаніямъ рѣдкостныхъ животныхъ.

«Нѣціи убо, говоритъ благочестивый грекъ Козьма, христіанствовати мняще и божественнаго писаніа ни во что же помышляюще, въ небрегуще и преобидяще, по внѣшнимъ же философомъ круглообратно быти образу небесну мняще, отъ солнечнаго и луннаго теченія прельщаеми.... Прежде всего, рекшимъ и льстящимся первое слово есть, яко не мощно есть христіанствовати хотящему быти въ повиновеніи внѣшнихъ прельсти ина, кромѣ божественнаго писаніа, полагающе, ибо аще кто восхощетъ пройти елиньская изложеніа съ здаліа, вся обрящетъ не истинная мудрованіа льстивна»....

Далѣе, Козьма наивно доказывалъ, что земля четвероугольна, что небо, въ видѣ полукруга, прикрѣплено къ краямъ ея, и что, наконецъ, окрестъ всей земли океанъ.

Въ XVII вѣкѣ, однако, въ Россіи уже не могли удовлетвориться мистическими разглагольствованіями отсталаго грека, чему доказательствомъ служитъ рядъ переводовъ различныхъ космографій, подлинники которыхъ выходили въ западныхъ европейскихъ государствахъ.

---

[1]) Въ рукописяхъ Царскаго произведеніе Козьмы въ русск. переводѣ (№ 210) переписано въ 1495 году; въ II. библ. (F, I, 220) одинаковый списокъ съ первымъ данъ вкладомъ въ 1601 году. Въ обѣихъ рукописяхъ изображеніе автора и рисунки (красками) любопытны для исторіи живописи въ Россіи. Здѣсь живописецъ явно подражалъ или копировалъ съ византійскаго подлинника. (Нач. предисловія: «Нѣціи убо».... текста: «Елико разумъ имующе»)....

Извѣстно, что съ появленіемъ географическихъ картъ Герарда Меркатора, въ концѣ XVI вѣка, начинается собственно новая эра для Географіи, какъ науки. Русскимъ ученымъ XVII вѣка были извѣстны труды Меркатора, но такъ какъ у насъ не распространено было искусство гравированія, а потому главныя заслуги отца новѣйшей географіи оставались для незнающихъ иностранныхъ языковъ русскихъ читателей не оцѣненными по достоинству. Въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій, на западѣ неоднократно печатали «Gerardi Mercatoris Atlas, sive cosmographicae meditationis de fabrica mundi et fabricati figura». Здѣсь главное значеніе имѣли вновь усовершенствованныя по системѣ Меркатора карты, текстъ же былъ дѣломъ второстепеннымъ.

Послѣдній и былъ переведенъ у насъ, только или въ сокращеніи, или въ отрывкахъ, и встрѣчается въ разныхъ сборникахъ XVII столѣтія [1]). Въ русскій переводъ не вошли изъ подлинника: посвященіе атласа, жизнеописаніе Меркатора и введеніе въ девятнадцати главахъ, гдѣ толкуется о созданіи міра и семи дняхъ творенія. Статья Orbis terrae tipus переведена въ сокращеніи. Переводный текстъ заключается въ 230 главахъ. Въ одномъ отрывкѣ изъ Меркатора [2]), 1684 г., въ главѣ о Россіи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на поляхъ сдѣланы современныя замѣтки отъ переписчика; такъ, напр., въ текстѣ читаемъ о русскихъ: «поученія изустнаго въ церквахъ ихъ нѣтъ; большаго ученія книжнаго не имутъ— самымъ простымъ обычаемъ учатся».... съ боку приписано: «Зри и странные невѣдѣніе наше не хвалятъ!» Или: «Женское тамъ бѣдное и нуждное житіе: всѣ въ заперти въ домахъ живутъ, а которая нескрыто живетъ, то за добрую и честную жену не имѣютъ». На поляхъ: «Зри и сего не хвалятъ права». Или: «люди обманчивы и лукавы: больше любятъ неволю и людей въ неволѣ держатъ; другъ другу не вѣрятъ и всѣ называются холопами великаго князя». На полѣ: «о родъ россійскій, зри изъ сего себѣ отъ странъ похваленія!»

Есть списки этого же перевода Космографіи, но съ исключеніемъ описаній нѣкоторыхъ мелкихъ владѣній въ Европѣ и прибавленіемъ введенія и послѣсловія, которыя очевидно составлены русскимъ. Эти двѣ статьи пользовались у нашихъ старинныхъ переписчиковъ большою популярностію, и ихъ встрѣчаемъ отдѣльно во мно-

---

[1]) Въ Пуб. биб. два экз полнаго перевода: одинъ—F, IV, 137—былъ проданъ 20 сентября 1691 г., извѣстнымъ, по своему трагическому концу, переписчикомъ книгъ Григорьемъ Талицкимъ стольнику Власову; другой подъ № 1693, въ f°, въ концѣ недостаетъ нѣсколькихъ листовъ; ошибкою переводъ приписанъ Славинецкому. Въ обоихъ нач. предисловія: «Всякому убо», текста: «Многіе изрядные, многоразумительные». Тамъ же въ рукописяхъ неполные: F, IV, 118; здѣсь послѣ вступленія описаны только нѣкоторыя изъ европейскихъ государствъ; Q, IV, 52—кончается описаніемъ французскаго королевства; рукопись писана 7 ноября 1684 года; заглавіе у Толст. II, 479; Q, XVII. 28—съ л. 393—тоже, что предыдущій. Въ обоихъ спискахъ имя Меркатора упоминается нѣсколько разъ и въ текстѣ.

[2]) Въ рукописи П. библ.—Q, IV, 52.

гихъ сборникахъ [1]). Предисловіе начинается, по обычаю нашихъ книжниковъ, витіеватымъ разсужденіемъ о разныхъ наукахъ. Далѣе: «сія же книга космографія (географія) изъ давныхъ лѣтъ составлена, еже есть описаніе сего свѣта земель трехъ частей сыновъ Ноевыхъ: Сима, Хама и Іафета, яко же пишетъ боговидѣцъ Моисей въ книгѣ своей міротворной, еже есть въ Бытіи.... Послѣ же сего много лѣтъ минувшу, не въ давныхъ временахъ, латынскіе философы обрѣли на Западѣ, на морѣ-океанѣ въ долгой пучинѣ многіе островы различные: овы людны и богаты, овіи же безчеловѣчны, и нарекоша тіи острови именемъ Америка»... При краткомъ описаніи западныхъ государствъ замѣчается иногда, что тамъ забыли благочестивую вѣру, принятую отъ св. апостолъ и отецъ, и перешли «въ злую вѣру папежскую и люторскую». О Россіи же съ похвалами: «монастыри же и церкви во градѣхъ зѣло благолѣпіемъ красятся и чюднымъ зданіемъ и доброслушными камбаны, еже есть колокола — и во всей Европіи подобны тоя земли нѣсть. Человѣцы же брадами и платьемъ изрядны, правы же непостоятельны»... (см. ниже стр. 344).

Изъ переводовъ космографій неизвѣстныхъ авторовъ въ русскихъ рукописяхъ XVII вѣка я читалъ: «Книга, именуемая Космографія, размѣреніе и росписаніе всеа земли противъ слопневъ и знаменъ въ кругахъ небесныхъ [2])». Переводъ, кажется, сдѣланъ съ польскаго. Въ началѣ описанія есть указаніе на время, когда составлена эта космографія: «части русскихъ украинъ держатъ: первую часть бо́льшую держитъ царь нашъ, государь московскій; вторую часть—литовскій; третью часть—польску прямо породную землю и подляскія—и въ лѣто 7088 (1580) Литву и Польску держитъ одинъ король Стефанъ отъ Ботурь, князь седмиградскій [3]). Въ 26-й главѣ описанія Азіи встрѣчаемъ: «обрѣтохъ же негдѣ: во главизнѣ книжней пишется, въ словесѣхъ св. Ѳеодорита толкованіе еже отъ Палеи, яко въ проповѣдь апостольскую послушаше слова божія, и вѣроваша и крестишася языцы, но не всѣ, но токмо числомъ 51, а осташася некрещеныхъ 21; всѣхъ бо языковъ по всей землѣ 72»...

Описаніе Европы начинается такъ: «Третья часть свѣта Европа лежитъ на полунощѣ, речена отъ дѣвы Европы, дщери царя Агинора

---

[1]) Въ рук. П. библ. F, IV, 132 и 137, въ 72 главахъ; нач. предисловія: «Искони зиждитель Богъ»; текста: «Первая часть свѣта»; послѣсловіе: «Кто хитроумная». Тамъ же: неполная, съ невѣрною новѣйшею надписью, что переведена въ 1709 г. Сильвестромъ, митрополитомъ смоленскимъ, начинается съ описанія Новой Испаніи (Шпаня новая, американская) IV, F, 112; въ рук. подъ №№ 1694, 1695 и 1696 въ 4°; Q, IV, 27 съ отмѣткою, что написана въ 1711 г. Наконецъ предисловіе и послѣсловіе напечатаны во Временникѣ 1853 г., кн. 16, ст. 1—14.

[2]) Ркп. П. библ.—F, IV, 158; начало: «Земля есть среди круговъ». Описаніе идетъ съ Азіи (Азія первая): 26 гл.; Африка—4 гл. и Европа—45.

[3]) Что у насъ была переведена какая-то Космографія XVI вѣка, то свидѣтельствуетъ одна опись царскаго архива 1575—1585 годовъ, гдѣ значится, что въ ящикѣ 217, между прочимъ, хранились «переводъ съ лѣтописца польскаго и переводъ съ Космографіи» съ отмѣткою: «отданъ къ государю». Акты арх. экспед. I, 353.

грецкаго. И была та дѣва Европа неизреченной красоты и, гуляючи на берегу морскомъ, съ дѣвицами играла, и король Іовишь, видяче ея красоту, не могль како къ ней пріити. И оборотился Іовишь въ вола чуднаго и сталъ ходити межи животиной; и пришла та дѣвица Европа близко скоту, и учалъ тотъ волъ около ея ходити, и, видячи вола краснаго, всѣла на вола, и ушелъ волъ съ нею на выспъ (wyspa — польское: островъ) меляной, гдѣ нынѣ зовутъ Кандія»...

Государства описаны въ этой космографіи кратко (европейскія начинаются съ Греціи): говорится о происхожденіи каждаго народа, потомъ границы, перечень рѣкъ и городовъ съ замѣтками въ родѣ: «Парижъ мѣсто велико и богато, и передъ тѣмъ городомъ идетъ рѣка знаменита, прозвищемъ Секуана; мосты на ней каменны; городъ королевскій надъ рѣкою красенъ и крѣпокъ; стѣны каменны около посаду»... Россіи посвящено нѣсколько главъ, гдѣ объяснено, почему жители ея называются русскими и москвитянами; далѣе русская исторія вкратцѣ съ пришествія трехъ братьевъ варяговъ въ Новгородъ, а кончается извѣстіемъ, что великій князь Василій Ивановичь умеръ 7015 (1507) года. Географическое описаніе Россіи заключается въ краткомъ описаніи и перечнѣ русскихъ городовъ, въ числѣ которыхъ поименованы и незначительные [1]).

«Космографія, сирѣчь всемірное описаніе земель во едино пребываніе и знаменованіе во кругахъ небесныхъ [2])». Первая страница этого перевода одинакова съ предыдущей, въ которой только болѣе полонизмовъ; за тѣмъ все остальное, какъ въ введеніи, такъ и въ текстѣ между собою ничего общаго не имѣетъ.

Въ началѣ изложены кратко понятія о географіи и потомъ послѣ словъ: «сіе описаніе земли и моря, и елицы въ коихъ странахъ нравы, и колико въ коихъ земляхъ озеръ и рѣкъ, и что всякихъ въ коемъ государствѣ угодій, изъ древнихъ памятныхъ книгъ выписано еще древними мудрыми писатели» — слѣдуетъ общее описаніе Европы, Азіи, Африки и Америки. О послѣдней замѣчено: «про которыя земли и угодія мочно дочесться, кто хочетъ охочъ вѣдати земляное отмѣреніе, изъ Левинуса, Аполинуса, Петруса Мертпруса, Максимита, Енуса Транзифалуса, которые по латынѣ про то пишутъ. И о томъ мочно досмотрѣти и изъ иныхъ книгъ про Америку описанія, а больше пишутъ про нея испанскимъ языкомъ, а того большая доля переведена по итальянски».

Эта же самая Космографія находится въ королевской мюнхен-

---

[1]) Съ предпослѣдняго листа помѣщены грамматическія замѣтки о буквахъ ъ и ь и родахъ, начинающіеся такъ: «Грамотикъ опъ (?), иже преведъ грамотикію сію съ римскаго языка на польскій яз. и, въ 7094 (1586) г., Андрей и Олферьевъ грамотику сію и зъ грамографхіею (?) съ польской грамоти преведъ на словенскую по прежъ писанной (?) бесѣдѣ, яко о имени вѣщанія написа въ пяти вѣщаніи»...

[2]) Рукоп. И. библ. Q, IV, 45. Нач. «Земля есть посреди округовъ»; всего 104 главы. Начинается текстъ описаніемъ Британіи: «Британскіе островы»...

ской библіотекѣ и описана Сер. Строевымъ [1]): на л. 7 (Космографіи) сказано, что нынѣ Азія раздѣляется на пять частей и первая находится подъ державою Василья Ивановича всеа Русіи, но по ссылкамъ на Герберштейна, встрѣчающимся въ этой космографіи, нельзя допустить, чтобы она была составлена при сынѣ Іоанна III: первое изданіе Герберштейна, явилось въ Вѣнѣ 1549, второе въ Базелѣ 1551, слѣдовательно Василій Ивановичъ долженъ быть Шуйскій».

Въ московской патріаршей (нынѣ синодальной) библіотекѣ хранятся черновые и бѣловые списки перевода космографіи ученыхъ монаховъ Епифанія Славинецкаго, Исаіи и Арсенія Сатановскаго, вызванныхъ въ Москву изъ Кіева при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ собственноручной вкладной патріарха Никона въ новоезерской монастырь, на бѣловыхъ спискахъ этого перевода отмѣчены 1661 и 1665 годы [2]). Не видавъ этого перевода, я не могъ отыскать подлинника его.

Въ рукописяхъ Царскаго есть космографія, о которой мы знаемъ, изъ описанія г. П. Строева, одно только оглавленіе статей, а именно въ ней есть: предмова къ читателю; оглавленіе вещей, яже въ книгѣ

---

[1]) Описаніе памятниковъ словяно-русской литературы (М. 1841 г.), стр. 100, 101.

[2]) Списки этихъ переводовъ означены въ Указателѣ для обозрѣнія московской патріаршей библіотеки (М. 1858 г.) на стр. 194—195. Почтенный авторъ этого Указателя, о. архимандритъ Савва, взялъ на себя трудъ сдѣлать для меня слѣдующее подробное описаніе разсматриваемой космографіи: она состоитъ изъ трехъ частей; на первой (по кат. № 779) написано «преводъ Епифаніевъ»; на второй (№ 780: «преводъ Исаіи, товарища Епифаніева»; на третьей — «преводъ Арсенія Сатановскаго». Списокъ № 779 въ 4°, черновой собственноручный переводчика. Здѣсь нѣтъ ни заглавія, ни введенія, начинается съ географіи Европы: «Европи достоинство Въ ветсѣмъ кругѣ, паче Азіи»... За тѣмъ— Исландія, Норвегія, епископство Берга, Ставангрія, Данія, Фіонія, Свекіа, Гофіа, Упландіа, Ливоніа и Москва или бѣлая Русь. (Начало послѣдней: «Руссія или пространно или тѣсно»— она писана другимъ почеркомъ). Первая часть кончается описаніемъ: «Дрентіи комитство и Вестервольдіи господство». Въ бѣловомъ спискѣ этой части (по кат. № 19) статья о Москвѣ не написана, а для нея оставлено восемь бѣлыхъ листовъ; въ черновомъ спискѣ этой статьи есть неблагопріятные отзывы о русскихъ и Россіи, поэтому можно думать, что статью предполагалось передѣлать и потомъ уже переписать въ бѣловую; въ черновой же есть ссылки и извлеченія изъ труда Флетчера. Въ бѣловомъ спискѣ въ началѣ есть введеніе, которое помѣщено въ рукописномъ сборникѣ Пуб. библіотеки Q, XVII, 6 подъ заглавіемъ: «Зерцало всея вселенныя или атласъ новый, въ немъ же начертанія всея вселенныя и описаніе всѣхъ частей ея издана суть», и начинается: «О космографіи и ея части. О разнствѣ между космографіею, географіею и хорографіею (Свѣтъ имъ же все то». Здѣсь изложены понятія о математической географіи, объяснены (съ рисунками) системы Птоломея и Коперника и о послѣдней замѣчено: «нынѣ изящнѣйшіе вси математики Копернику подражаютъ... Кое отъ двоихъ сихъ разумѣній есть приличнѣйшее и съ природнымъ расположеніемъ міра согласуется, на мѣстѣ семъ не хощемъ уставляти, но въ вещахъ небесныхъ искуснымъ оставляемъ любопрѣтися». Послѣ объясненій изъ математической географіи слѣдуетъ разрѣшеніе вопросовъ въ родѣ: «бывали ли островы прежде потопа, или паки по потопѣ сдѣланы? Коимъ образомъ по потопѣ звѣріе на островы, паче же ненаселенные, преплоша? Егда зона или поясъ палящій и мразный необитательни суть?» Въ концѣ статьи: О плаваніи древнѣйшихъ же и новѣйшихъ (Понеже убо) и Полъ арктицкій или ось въ сѣверная (Что есть).

Вторая часть космографіи (№№ 780 и 204) заключаетъ въ себѣ описаніе Италіи, Греціи, Скотіи и Иверіи (Елико Европа Азію). Третья часть (№№ 781 и 112), кромѣ нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ, содержитъ въ себѣ описаніе Азіи, Аффрики и Америки («Комитетство Геноманенское народнѣ Леманне. Князству Андрегавенскому вѣру). Начало описанія Азіи: «Асіа откуду имя». Въ черновомъ спискѣ есть анаграмма переводчика, монаха Арсенія.

сей; бесѣда Яна Ботера Бенесіуса; часть: книга первая о Европѣ; книга вторая описаніе Азіи; книга третья—Африка; книга четвертая—аще старые о новомъ свѣтѣ не знали, сирѣчь о четвертой части свѣта, которая словетъ Америка. Пятая книга — раздѣлъ свѣта новаго. Г. Строевъ присовокупляетъ къ тому, что подлинникъ рукописной космографіи напечатанъ въ Римѣ въ 1591 — 92 годахъ подъ заглавіемъ Delle relationi universali di Giovani Botero Benese [1]); переводчикъ имѣлъ, кажется, другое изданіе; въ слогѣ перевода много полонизмовъ. Jean Botero или Boterus, уроженецъ Бене (Bene), назывался Benesius или Benensis, умеръ въ 1608 г. Нѣкоторыя извѣстія о немъ есть въ словаряхъ Бейля и Морери.

Въ началѣ XVIII вѣка, у насъ явился переводъ сочиненія Филиппа Клювера: «Введеніе во всю географію новую и древнюю [2])», считавшагося первостепеннымъ не только по своей полнотѣ и точности, но также и потому, что это былъ первый опытъ къ изложенію исторіко-политической географіи. Phil. Cluver или Cluverius родился въ Данцигѣ 1580 года; зналъ въ совершенствѣ десять языковъ; въ молодости жилъ въ Польшѣ, а потомъ учился въ Лейденѣ. Въ Польшѣ онъ издалъ карту Италіи, которую, увидавъ, извѣстный Скалигери убѣдилъ Клювера посвятить себя географическимъ занятіямъ. Его Introductio in universam giographiam tam veterem, quam novam въ шести томахъ первоначально вышла въ 1629 г. и потомъ перепечатывалась неоднократно.

Изъ старинныхъ рукописныхъ описаній отдѣльныхъ государствъ мнѣ извѣстны:

1) «Царства альгерійскаго (Алжира) краткое описаніе, отъ различныхъ авторовъ собранное [3])». Здѣсь, послѣ общаго описанія положенія страны, краткихъ историческихъ извѣстій и замѣтокъ о нравахъ, одеждѣ, обычаяхъ и вѣрѣ, слѣдуютъ отдѣлы: a) о правленіяхъ и чинахъ янычарскихъ; b) о управленіи гражданскомъ; c) прочіе провинціи и грады сего царства, отъ стольнаго града къ Востоку обрѣтающіеся; d) провинціи и грады альгерійскаго царства отъ стольнаго града на Западъ; e) царства тунестанскаго краткое описаніе, и f) нѣкоторыя вещи, къ сему приличествующія, изъ исторіи Іакова Августа Фуана въ книгѣ пятой.

2) «О началѣ шведскаго и готскаго государства [4])». Здѣсь помѣщено статистическое описаніе Швеціи, которое кончается дорожникомъ этого государства. При этомъ слѣдуетъ упомянуть о русскомъ, также рукописномъ сочиненіи: «Описаніе трехъ путей изъ державы

---

[1]) Опис. ркп. Царск. № 222.

[2]) Ркп. И. библ. F, IV, 88, въ четырехъ книгахъ. Нач. «Географія всея земли»...

[3]) Ркп. И. библ. F, IV, 93. Нач.: «Царство альгерійское къ Востоку». Описаніе царства тунестанскаго (Туниса): «Тунетъ поселеніе было».

[4]) Ркп. Публ. библ., сборникъ изъ Фроловскаго собранія, F, XVII, 3. Начало: «Поне во управленіе селитвы» (съ л. 77),

царскаго величества изъ поморскихъ странъ въ шведскую землю и до столицы ихъ. Сочинися же сіе самимъ преосвященнымъ архіепископомъ холмогорскимъ Аѳанасіемъ со свидѣтельствомъ вѣдущихъ людей и тѣми пути многократиѣ купечески шествовавшихъ, лѣта господня 1701, мѣсяца марта [1])». Кромѣ указанія дорогъ, въ этомъ трудѣ помѣщены краткія описанія шведскихъ городовъ, въ такомъ родѣ «градъ шведскій Выборгъ каменный, великій и крѣпкій; стоитъ противъ Ругодева надъ самою морскою проливою, на правой сторонѣ устья р. Невы. У того града пристанище корабельное изрядное и торги бываютъ не малые; жители въ немъ шведы, воевода и начальные люди ратныхъ людей, солдаты; купеческіе и посадскіе богатые и рядовые люди не малое число имѣютъ всякое оружіе. Домозданіе во градѣ, кирки, полаты и деревянное строеніе, посады внѣ града не малые. Торгуютъ во градѣ и за городомъ. Россійскіе купцы въ тотъ градъ въ малѣ приходятъ временно. Окрестные того града жители селъ и деревень шведы»....

3) Въ рукописяхъ Публичной библіотеки есть одинъ томъ сочиненія, гдѣ описано путешествіе въ Персію. Первой части очевидно недостаетъ, потому что въ сохранившемся томѣ пумерація начинается съ 456 листа, гдѣ начинается пятая книга; въ библіотечномъ каталогѣ этотъ томъ показанъ переводомъ неизвѣстнаго сочиненія.

Рукопись эта весьма замѣчательна, потому что доказываетъ о существованіи у насъ въ XVII или началѣ XVIII вѣковъ перевода безъ пропусковъ знаменитаго сочиненія Олеарія о Россіи и Персіи, сочиненія, издававшагося много разъ въ Европѣ и до сихъ поръ напечатаннаго у насъ только въ отрывкахъ, несмотря на то, что ни одинъ изслѣдователь не можетъ обойтись, говоря о Россіи XVII вѣка, безъ ссылокъ на Олеарія.

Помянутый томъ [2]) озаглавленъ: «Книга 5—о новой персидской ѣздѣ описаніе содержитъ въ себѣ о персидскомъ государствѣ и о тѣхъ жителяхъ». На л. 653: «6 книга новой персидской ѣзды содержитъ въ себѣ возвращеніе ѣзды изъ Персиды назадъ въ голштинскую землю». На л. 757: «Описаніе нынѣшняго персидскаго двороваго разводу и владѣнія, како то обстоитъ въ духовномъ и свѣтскомъ чину отъ вышняго до нижняго чиновъ, отъ французскаго славнаго миссіонера господина Сансона, (который) тамо живучи въ десять лѣтъ осматривалъ и описалъ; такожде притегаетъ приказное обыкновеніе къ писаніе устройство купчія женитьбенныя крѣпости, описаніе свадебъ и погребенія изъ описаній духовныхъ». Русскій переводъ очевидно сдѣланъ съ нѣмецкаго оригинала Moscowitische und Persianische Reise

[1]) Ркп. П. библ., сборникъ F, XVII, 10, съ л. 46 до 63. Нач.: «Первый путь изъ Сумскаго городка».

[2]) F, IV, 115. Нач. 5-й книги: «Государство персидское, которое». 6-й книги: «Како поднялися изъ»... Сочиненія Сансона: «Мое наединѣйшее врѣніе есть то»...

beschreibung, что видно даже изъ заглавій. Такъ по русски переведены: Das fünffte Buch der neuen Persianischen Reise Beschreibung, handelt von persischen Reise und dessen Einwohnern. Das sechste Buch der neuen persianischen Reise Beschreibung wieder im Holstein. Appendix betreffend des itzigen persischen Hofs-Staats und Regirungs-Beschreibung, so als derselbe in seinem so wohl Geist als weltlichen Stande vom höchsten bis zum niedrigsten Grad, von den französich berühmten missionario H. Sanson bey seiner 10 jährigen Gegenwart daselbst ist observiret und beschreiben worden. Welcher angehänget der persische Hof Stilus und Heyraths Contracten, ingleichen eine Beschreibung ihrer Hochzeiten, seltsame Brieff Ordnung, wie auch ihrs Kaufs Feste, Heil Tage, Begräbnisz, Testament machen und dergleichen».

4) «Индіи восточной часть седьмая, плаваній двѣ содержащая.... составителемъ М. Готардомъ Артхусомъ гдащанином вся превзящшѣйшими на мѣди изображенными иконами объясненна и свѣту преданна.... року 1606[1])». Подлинникъ этого перевода изданъ во Франкфуртѣ въ 1606 г.: «Indiæ orientalis pars septima navigationes duas.... auctore M. Gotthardo Arthus dantiscano, omnia elegantissimis in aes incisis iconibus illustrata et in lucem emissa.... Francofurti typis Wolffgangi Richeri anno 1606». Переводъ нашъ вѣроятно сдѣланъ полякомъ, или бѣлорусцемъ никакъ не позже начала XVIII вѣка. Для русской исторіи и географіи любопытна здѣсь статья (об. л: 279): «Повѣстное описаніе королевствъ Сѣберіи, Самоѣдіи и Тингоезіи, вкупѣ съ путешествіями отъ Москвы до всходу и полунощной страны тамо проводящими зане презъ оніе московскій народъ всегда преходитъ». (Нач.: «Есть родъ на Москвѣ»), а въ подлинникѣ: Historica discriptio regionum Siberiæ, Samoediæ atque Tingoesiæ una cum itineribus è Moscovia ortum et aquilonem vertus eò ducentibus, pro ut à Moscis quotidie frequentantur. Говорится здѣсь объ открытіи Сибири лицами изъ рода Аникопея (gens Aniconia nomine), происходящаго отъ Аники «нѣкоего проста человѣка (progenie rustieana), полями барзо обогащеннаго (hic ad modum dives)». Разумѣется этотъ Аника есть никто иной, какъ родоначальникъ Строгоновыхъ.

5) Въ Публичной библіотекѣ есть нѣсколько списковъ сочиненія о Китаѣ, написаннаго очевидно лицомъ, жившимъ въ Россіи и собравшимъ нѣкоторыя извѣстія о Сибири изъ русскихъ источниковъ [2]). По бо́льшей части сочиненіе это въ рукописяхъ имѣетъ та-

[1]) Ркп. П. библ. F, IV, 116 Начало посвященія: «Ни единому до селѣ»... текста: «Изъ начала мѣсяца мая»...

[2]) Ркп. f, № 1716 — начало предисловія: «Земля вся вселенная»; текстъ: «Нѣсть иное государство». Послѣ 59 главъ, изъ которыхъ послѣдняя о р. Амурѣ (Великая и преименитая), слѣдуетъ: «Книга, а въ ней повѣсть, какъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ богдайскіе татаровя одолѣли и завладѣли мало не все китайское царство; здѣ же и обычай ихъ, татаровъ, описуется (Татаровя убо).» Эта статья есть переводъ сочиненія Мартини: «Historie delle guerre seguite in queste ultimi anni fra tartari e cinesi. Milano, 1654, а га лат. языкѣ того же года: De bello tartarico in sinis. Ркп. F, IV, 179 не полная, пре-

кое заглавіе: «Книга исторія, а въ ней писано о началѣ китайскаго государства и описаніе, сколько имѣетъ во владѣніи государствъ, странъ и земель, градовъ большихъ и меньшихъ городковъ и крѣпостей, селъ и рѣкъ великихъ, и озеръ, и горъ и что въ которой странѣ, или во градѣ, и въ селахъ родится, и какія есть угодія и вещи драгія и узорочія. Въ ней же писано о китайскихъ царѣхъ и о пятинадесяти частѣхъ китайскаго государства и о начальныхъ людѣхъ, и о всемъ китайскомъ народѣ, и о вѣрѣ ихъ и о многолюдіи, и о богатствѣ, гдѣ что сыщется».

Въ пятой главѣ этого произведенія, при описаніи дорогъ въ Китай сухимъ путемъ, сказано, что пятый путь «идетъ чрезъ Нерчинскій острогъ въ Дауры на Науръ рѣку, и оттуда въ царство, которымъ и мы нынѣ путемъ ѣхали». Въ осьмой главѣ о вѣрѣ, между прочимъ, читаемъ: «недавно въ Китаяхъ почали быть іезуиты. Толкуютъ то, что и во Америкѣ въ Новомъ свѣтѣ, прежде пришествія католиковъ, такіе же признаки объявлялися, также и во японскомъ островѣ; а мы протолкуемъ, что помощію божіею и царскаго величества счастіемъ которымъ временемъ въ Китаяхъ будетъ православіе греческое, и о томъ въ иномъ мѣстѣ напишемъ [1])». Предъ описаніемъ рѣки Амура, такое послѣсловіе къ предъидущимъ главамъ: «про тое рѣку здѣ пространно напишемъ, совершивъ дѣло, которое — дай Боже — было бы во славу св. имени твоего и расширеніе православныя вѣры со всякимъ благополучіемъ великаго государя, его царскаго пресвѣтлаго величества, умноженіемъ и славою всего россійскаго государства отъ конца даже до конца всея земли. Начавшему и совершившему Богу слава во вѣки вѣковъ, аминь. Совершена въ лѣто 7186 (1678) ноября въ 13».

Іезуитъ Авриль, посѣщавшій Россію въ 1685 г., издалъ въ 1693 г., въ Парижѣ книгу, подъ заглавіемъ: Voyage en divers états d'Europe et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine, гдѣ, между прочимъ, есть нѣсколько извѣстій, извлеченныхъ, по словамъ путешественника, изъ бумагъ московской канцеляріи (la chancelerie de Moscou). Эти извѣстія, по сличеніи ихъ съ описываемымъ рукописнымъ сочиненіемъ, оказываются заимствованными изъ послѣдняго. Дороги въ Китай описаны у Аврилля совершенно одинаково, какъ и въ рукописи, съ прибавленіемъ, что пятымъ путемъ ѣхалъ изъ Мо-

---

рывается на 58-й главѣ. Ркп. F. IV, 141 — такая же, какъ и первая, только безъ описанія о завладѣніи Китаемъ татарами. Ркп. 4°, № 1715 одинакова съ первою. Ркп. F, IV 87 — согласна съ первою, только о завладѣніи Китая заглавіе перемѣнено: «Книжица исторіею особною преведенная, како богдайскіе татаре подъ владѣніе свое покорили все царство китайское, такожде и о обычаѣхъ татаровъ богдайскихъ описуется сице». Лучшій изъ этихъ списковъ и едва ли не ранній — подъ № 141.

[1]) Только въ одномъ изъ помянутыхъ выше списковъ подъ № 1715, очевидно позднѣйшимъ съ арабскими цифрами, вм. царскаго величества, написано: «неусыпнымъ попеченіемъ о разсѣяніи по всѣмъ странамъ благочестія христіанскаго мудрой монархини нашея, ея императорскаго величества, расширится и въ Китаяхъ».

ковіи въ Китай Спафарій. Такимъ образомъ открывается, что рукописное русское сочиненіе о Китаѣ принадлежитъ перу переводчика посольскаго приказа Николаю Гавриловичу Спафарію, дѣйствительно бывшему въ посольствѣ въ Китаѣ 1675 г., а возвратившемуся оттуда въ 1677 г. Это былъ первый человѣкъ, который изъ Москвы доѣзжалъ до Китая [1]).

Савва Рагузинской, въ своей секретной информаціи о Китаѣ 1731 г., упоминалъ съ похвалою о рукописномъ сочиненіи Спафарія объ этомъ государствѣ, замѣтивъ «кромѣ нѣкоторыхъ фаболъ, что̀ можетъ быть самъ не видѣлъ и какъ отъ другихъ слышалъ, писалъ [2])».

Спафарій былъ валахъ по происхожденію и родственникъ одного изъ валахскихъ господарей. Послѣдній заключилъ тайный трактатъ съ польскимъ королемъ, о чемъ Спафарій донесъ въ Константинополь. Господарь былъ низложенъ и удалился въ Польшу, гдѣ и получалъ пенсіонъ отъ короля. Однако Спафарію не обошелся даромъ доносъ: ему обрѣзали носъ и выгнали изъ отчизны. Сначала Спафарій удалился было къ бранденбургскому курфюрсту, который принялъ его прекрасно, такъ какъ валахъ былъ человѣкъ ловкій и ученый и говорилъ въ совершенствѣ по латини, гречески и итальянски. Когда же польскій король сообщилъ курфюрсту о прежнихъ подвигахъ изгнанника, то онъ долженъ былъ удалиться изъ страны и отправился искать счастія въ Москвѣ.

Въ 1673 г., онъ опредѣлился здѣсь переводчикомъ еллиногреческаго языка и, за выѣздъ въ Россію, ему пожалованъ золоченый кубокъ съ кровлею. Спафарій пользовался особеннымъ благоволеніемъ кн. Василья Голицына, любимца царевны Софіи, а прежде, при Алексѣѣ Михайловичѣ, былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Матвѣевымъ, читалъ съ нимъ разныя книги и часто бесѣдовалъ съ нимъ, что̀ видно изъ челобитныхъ этого боярина. Должно предполагать, что Спафарій зналъ по русски или славянски еще прежде прибытія въ Россію, по крайней мѣрѣ, въ самый первый годъ пріѣзда своего въ Москву, онъ представилъ свой переводъ Хрисмологіона съ длиннымъ и витіеватымъ посвященіемъ царю Алексѣю Михайловичу въ прозѣ и стихахъ, которое напечатано въ Русскомъ Вѣстникѣ, издававшемся Полевымъ [3]).

Французъ Де-ла-Нёвиль, въ бытность свою въ Москвѣ въ 1689 г., зналъ хорошо Спафарія, который былъ у него въ приставахъ [4]) и разсказывалъ ему о своей жизни и путешествіи въ Китай. По словамъ

---

[1]) Ежемѣсячн. сочин., августъ 1757 г., стр. 200, 201.

[2]) Русск. Вѣсти. 1844 г. Т. V, II, 181. Въ рукописяхъ императорской библіотеки въ Парижѣ есть экземпляръ этого сочиненія, списанный въ 1685 г. въ Москвѣ Ив. Гавр. Спарфенфельдомъ, и здѣсь авторомъ названъ Спафарій. Ср. Les manuscrits slaves de la Bibliothèque imp. à Paris... par Martinof. 1858, 105—106.

[3]) 1841 г. Т. 2, II, ср. 383—400. Ср. также Оп. рки. Румянц. М. № CCCCLXV.

[4]) Relation curieuse et nouvelle de Moscovie. A la Haye, 1699, стр. 219 и слѣд.

Де-ла-Нёвиля, Спафарій въ свою поѣздку обязывался изыскать на мѣстѣ средства завести торговлю съ китайцами чрезъ Россію. При этомъ онъ встрѣтилъ множество затрудненій, однако, обладая большимъ умомъ, замѣтилъ многое на пути и предлагалъ потомъ ки. Голицыну открыть легко и удобно сношенія съ Китаемъ. Де-ла-Нёвиль прибавляетъ при томъ, что Спафарій многаго не открывалъ о Китаѣ изъ опасенія огласки государственной тайны, за что, по увѣренію того же француза, ученый переводчикъ не избѣжалъ бы батоговъ, которыми въ Москвѣ щедро награждали, не разбирая ни званія, ни лѣтъ.

Въ заключеніе описанія старинныхъ произведеній на русскомъ языкѣ по части Географіи, должно упомянуть объ одной картѣ, гдѣ хотя уже обозначенъ Петербургъ, а Курляндія написана за Россіею, однако обязанной своимъ бытіемъ нашей письменности XVII столѣтія. Видѣнные мною экземпляры этой карты въ академіи наукъ и Публичной библіотекѣ гравированы на мѣди, но потомъ она являлась въ лубочныхъ изданіяхъ и сдѣлалась рѣдкою на толкучемъ рынкѣ и у офеней лишь въ послѣднее время; озаглавлена же такъ: «Книга, глаголемая космографія, переведена бысть съ римскаго языка. Въ ней описаны государства и земли и знатные острова; и въ которой части живутъ какіе люди, ихъ нравы и что́ въ которой землѣ родится, и о томъ значитъ въ сочиненномъ окрузѣ семъ; малыхъ же острововъ и безчисленныхъ описати не возможно, понеже многи островы и земли наполнена ядовитыхъ звѣрей и гадовъ и человѣкомъ неприступни; елицы же обрѣтоша отъ человѣкъ сія и написашася, мнози же и невѣдомы человѣкомъ, но токмо единому преблагому Богу вся дѣла его вѣдома суть: той бо единъ созда всяческая отъ небытія и еще творитъ же и потворяетъ, разрѣшаетъ и упространяетъ, благости ради, гнѣва жъ ради разоря, и низлагаетъ и ни во что примѣняетъ; и не есть возможно человѣчью естеству противитися праведнымъ его судьбамъ, и воли въ того бо руцѣ всяко дыханіе животно».

Въ четырехъ углахъ, въ кружкахъ поименованы четыре части свѣта: Азія — отъ Сима, Африка — отъ Хама, Европа — отъ Іафета, Америка — въ недавныхъ лѣтахъ изыскана. Въ большомъ кругѣ представленъ весь земной шаръ, но впрочемъ авторъ въ начертаніи земель, морей, острововъ и проч. руководствовался фантазіею, а не справлялся съ учеными пособіями. По внѣшнему виду и нарисованнымъ городамъ съ башнями и церквами карта наша напоминаетъ нѣкоторые средневѣковые географическіе чертежи земнаго шара, помѣщенные у Лелевеля въ его Histoire de la géographie au moyen âge.

Кругомъ всей земли (въ описываемой картѣ), обтекаютъ моря-окіяны: восточный, полуденный, западный и полунощный. Вверху первыхъ двухъ, слѣдовательно на самомъ видномъ мѣстѣ, помѣщены

острова чудесные, такъ напр.: «Востокъ островъ макарійскій, первый подъ самымъ востокомъ солнца, близь блаженнаго рая, а потому его тако близь нарицаютъ, что залетаютъ въ сей островъ птицы райскія; людіе имѣютъ греческій языкъ и царя; и до сего острова доходилъ царь Александръ Македонскій и возвратися во вселенную; тамо зимы не имѣется, людіе имѣютъ языкъ греческій и до нынѣ». Недалеко отъ этого острова есть другіе, въ которыхъ живутъ или великаны, похожіе на собакъ, или люди съ волосами львовъ, или змѣи съ дѣвичьимъ лицомъ и т. д. Въ каждой странѣ изображеніе главныхъ городовъ; на мѣстѣ, обозначенномъ «царствующій градъ Москва», представленъ кремль и главы множества церквей. Петербургъ же изображенъ только въ видѣ одной петропавловской церкви на петербургскомъ островѣ [1]). Вообще всѣ надписи и характеристика странъ заимствованы въ этомъ чертежѣ, съ незначительными лишь измѣненіями, изъ того самаго предисловія, которое придѣлали русскіе книжники къ переводу ученаго труда Меркатора — оно напечатано, какъ видѣли выше (стр. 334—335), во Временникѣ.

Появленіе этого предисловія съ баснословными разсказами о чудесныхъ островахъ и разглагольствіями о еретикахъ латинахъ и люторахъ, заблудившихся и покинувшихъ православіе, весьма понятно, если вспомнить, что для русскихъ читателей XVII вѣка не могли еще придти по вкусу извѣстія, собранныя такимъ ученымъ, каковъ былъ Меркаторъ. Замѣтимъ, что разсказы о баснословныхъ земляхъ и людяхъ, ихъ населяющихъ, у насъ уже являются въ самыхъ старинныхъ азбуковникахъ, напр.: «Анафинтъ есть лѣсъ пустъ въ странахъ индійскихъ, въ немъ же ростутъ яблоки всѣми виды, а живутъ въ немъ дикіе люди, имуще въ высоту лактей 24 и шею долгу», или: «Охлати есть дикіе люди, еже есть косматцы, понеже суть круглы, и косматы и черны, обличіе имуще львовы», и т. п.

Помянутое введеніе въ космографію («Искони зиждитель Богъ»), вѣроятно, было составлено въ XVII столѣтіи, если неранѣе, такъ какъ тамъ читаемъ: «не въ давныхъ же временахъ Кіевъ и литовская земля отдѣлися (отъ Россіи), въ та же мѣста русской области покорны учинилися царство казанское и астраханское, иже нарицашесь златая орда; къ тому же иные татарскіе языцы, черемиса и мордва, самоядь, и лопори и страна сибирская»... Въ картѣ XVIII вѣка, здѣсь описываемой, измѣненій противъ введенія очень немного; на средиземномъ морѣ (бѣлое среднее) прибавлены острова: «Мальтійскій — въ немъ учители философіи (рыцари?) живутъ, много на семъ острову овощія. Островъ Минорка — живутъ философы» и т. д.

---

[1]) Въ каб. бумагахъ Петра В. I, № 66 есть подобная карта рукописная и раскрашенная; подписи мнѣческихъ странъ здѣсь короче и Петербургъ въ ней еще не означенъ.

Первою печатною Географіею при Петрѣ была изданная въ 1710 году «Географія или краткое земнаго круга описаніе». Это руководство есть въ рукописномъ сборникѣ П. библіотеки (F. XVII, 21), который написанъ, кажется въ концѣ XVII столѣтія: въ помѣщенномъ тамъ же хронографѣ происшествія доведены до 1674 г.; а другія статьи обозначены 1669 и 1671 годами. Въ рукописи эта Географія имѣетъ много отмѣнъ отъ печатной въ отношеніи слога и даже изложенія нѣкоторыхъ статей. Озаглавлена она (л. 795): «Преводъ съ книги, именуемой Водный міръ, сирѣчь краткое описаніе о обрѣтеніи перваго морскаго корабельнаго ходу и новыхъ незнаемыхъ земель, такъ описаніе о всѣхъ государствахъ». За тѣмъ слѣдуетъ непомѣщенное въ печатномъ изданіи «Краткое сказаніе о началѣ и дѣйствѣ корабельнаго хожденія даже и до сихъ временъ» (нач.: «Понеже убо Всемогущему»). Здѣсь краткія извѣстія о постройкѣ кораблей и о путешествіяхъ древнихъ и новыхъ народовъ. Между прочимъ, есть упоминаніе объ англичанахъ, прибывшихъ въ первый разъ въ Россію въ 1553 г. чрезъ Бѣлое море. Статья кончается разрѣшеніемъ задачи: «Колико времени требѣ есть тому, иже бы хотѣлъ пѣшъ весь кругъ земный объити, сирѣчь аще бы пѣшаго онаго воды, горы и пустыни не запиналъ?» На это нужно 3 года 200 дней, полагая въ день по 4 мили. Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ напечатанную въ другой редакціи Географію 1710 г.[1]).

Въ XVII вѣкѣ Geographia generalis Бернгарда Варенія и въ началѣ XVIII—Kurtzen Fragen aus der neuen Geographie Іоанна Гибнера пользовались огромною извѣстностью: неудивительно, что Петръ Великій приказалъ ихъ перевести и напечатать, о нихъ ср. 2-ю ч. №№ 390 и 410.

—

Несмотря на значительное число переводныхъ сочиненій по части Географіи, въ Россіи еще не печатали картъ въ XVII столѣтіи, и это не могло не обратить на себя вниманія Петра Великаго. Близкое знакомство его съ Витзеномъ, извѣстнымъ въ свое время любителемъ и знатокомъ географіи, безъ сомнѣнія много содѣйствовало тому, что, по возвращеніи изъ перваго путешествія, царь постоянно заботился объ изданіи въ Россіи картъ и составленіи описей различныхъ мѣстностей. Вызванный изъ Голландіи граверъ Адріанъ Шхонебекъ, вскорѣ по прибытіи въ Россію (въ 1699 г.), уже гравировалъ въ Москвѣ карты, и на одной изъ нихъ встрѣчаемъ указаніе, что была издана въ 1701 году. Потомъ являются карты работы Василья Киприанова, Пикарда и учениковъ русскихъ Алексѣя Зубова и Ростовцова. Еще въ 1703 г.,

[1]) Списокъ съ послѣдней слово въ слово въ ркп. П. библ. подъ № 1697.

Петръ посылалъ капитана Мейера для составленія описанія и карты Каспійскаго моря. 27 января 1716 года, царь написалъ собственною рукою слѣдующій указъ на имя Кожина [1]):

1. «Ѣхать ему въ Астрахань и тамъ взять двѣ скампавеи или иныя суда, какъ потребнѣе ему будетъ, и на оныхъ всѣ берега того моря описать, также рѣки, гавани и острова, близъ береговъ лежащіе, и сдѣлать карту. 2. Гдѣ станетъ приставать и будетъ спрашиванъ отъ тамошнихъ людей, и ему казать указъ данный, и къ тому и словами говорить, что онъ посланъ для описанія того моря, дабы лучше торговымъ людямъ ходъ извѣстенъ былъ, а не для чего инаго, дабы сумнѣнія въ нихъ не было. 3. Посмотрѣть описи и карты Бековичевой [2]) и ежели прямо сдѣлано, то туды не ѣздить; ежели же непрямо, то самому то учинить. 4. Когда берега опишетъ, тогда взять судно по болѣе морское, и все море крейсовать и положить на карту. 5. Хотя чего здѣ и не положено, а увидитъ что̀ къ пользѣ государственной, то чинить, какъ доброму и честному человѣку надлежитъ».

Кожинъ не окончилъ возложеннаго на него порученія, и въ 1719 г. для описанія Каспійскаго моря были отправлены фонъ Верденъ и Соймоновъ, которые въ 1720 г. возвратились въ Петербургъ и представили государю составленную ими карту. Петръ приказалъ нанести на нея сѣверный и восточный берега Каспійскаго моря съ описей кн. Бековича Черкасскаго и Кожина, и такимъ-то образомъ составилась та карта этого моря, которую государь посылалъ въ 1721 г. въ парижскую академію наукъ [3]), о чемъ говорено выше стр. 50—51.

Вообще съ того времени, какъ Петръ Великій посѣтилъ Парижъ, познакомился съ тамошними учеными знаменитостями и, наконецъ, когда былъ избранъ членомъ французской академіи наукъ, — у насъ являются попытки къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ объ отдаленныхъ краяхъ Россіи, точнымъ описаніямъ областей и провинцій всего государства, розысканіямъ достопримѣчательностей, рѣдкостей и т. п. Арескинъ и Блюментростъ не даромъ писали во французскую академію, что государь дорого цѣнитъ званіе члена ея и постарается заслужить его: дѣйствительно, послѣ 1717 г., мы встрѣчаемъ рядъ распоряженій Петра Великаго, клонившихся къ разъясненію тогда еще темныхъ и неразгаданныхъ вопросовъ въ области землевѣдѣнія и естественныхъ наукъ, и въ исторіи русскаго просвѣщенія вліяніе

---

[1]) Каб. дѣла I, № 55, л. 20, 21.

[2]) Князь Александръ Бековичъ Черкасскій былъ посланъ въ 1714—16 годахъ на Каспійское море по разнымъ политическимъ порученіямъ касательно Хивы, Бухары и окрестныхъ владѣній, о чемъ подробности въ Журналѣ П. В. II, 341 и слѣд.

[3]) Жизнеописаніе рос. адмираловъ, Берха II, 117—118. Карта эта была гравирована въ Петербургѣ и имѣетъ слѣдующее заглавіе: «Хартина плоская генеральная моря Каспійскаго отъ устья Ярковскаго до залива Астробатскаго, по меридіану возвышается въ градусахъ и минутахъ, глубина въ саженяхъ и футахъ; печатана при адмиралтейской коллегіи во академической (т. е. морской академіи) типографіи, сочинена съ астраханскихъ картъ.».

въ этомъ отношеніи французской академіи наукъ и дань уваженія къ знаніямъ государя, уже славнаго побѣдителя и могущественнаго монарха, не могутъ быть пройдены молчаніемъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Петра изъ Парижа, Делиль старшій (De l'Isle ainé) напечаталъ свое изслѣдованіе Détermination géographique de la situation et de l'étendue des differentes parties de la terre [1]), и здѣсь мы находимъ упоминаніе о царѣ, не какъ повелителѣ Россіи, но какъ ученомъ, а именно: «Les palus Méotides qui ont communication avec la Mer Noire, sont tirés de la carte que s. m. czarienne a fait publier dans le temps de la prise d'Asof. Cette place y est marqué à 47 degrés de latitude, de 4 degrés et demi plus méridionales que dans les cartes ordinaires... La Mer Caspienne qui, comme l'on sçait, n'a aucune communication avec les autres mers, n'en a été que plus mal connue par cette raison. Les cartes n'ont jamais plus varié que sur son étendue et sur la figure. Ce qui a le plus contribué à jetter dans cette incertitude, est l'idée qu'on s'étoit faite d'un gouffre par où elle alloit répandre ses eaux dans une autre mer; mais on est fixé aujourd'hui à cet égard par l'attention que sa majesté czarienne a eue de faire faire une carte exacte de cette Mer par des pilotes également habiles et hardis. Ce prince aussi recommandable par son goût pour les sciences, que par la grande capacité dans l'art de regner, me fit l'honneur de me dire, durant son séjour à Paris, que c'étoit mal à propos que l'on avoit supposé un goufre dans la mer Caspienne; que s'il y en avoit un quelque part, il ne pouvoit être que dans une autre petite mer de 15 lieues d'étendue, dans laquelle la Mer Caspienne se déchargeoit à la partie orientale et dont nous n'avions eu aucune connoissance jusqu'à présent. Que l'eau de cette mer étoit d'une si grande salure, que les poissons de la Mer Caspienne qui y entroient, perdoient la vue d'abord et mouroient peu prés. Qu'enfin la rivière qui coule plus au Midi ne se déchargeoit plus dans la mer Caspienne, les habitants l'ayant obligée de changer sons cours par une chaussée, tant pour se mettre à couvert des pirates, que pour l'obliger à répandre ses eaux dans les endroits qui en avoient besoin par des canaux que l'on voit dans une carte, qu'il me fit l'honneur de me faire voir».

Карта, о которой здѣсь упоминаетъ Делиль, была потомъ прислана въ академію, въ февралѣ 1721 года, отъ имени царя, при письмѣ Блюментроста, гдѣ были подробно объяснены достоинства новой карты [2]).

Въ январѣ 1719 г., Петръ отправилъ двухъ геодезистовъ изъ навигаторовъ, Ивана Евреинова и Федора Лужина, въ Тобольскъ и оттуда въ Камчатку для описанія тамошнихъ мѣстъ. Миллеръ сомнѣвался, чтобы это порученіе касалось рѣшенія вопроса: соединяется

---

[1]) Histoire de l'Académie des Sciences 1720, p. p. 181—182.
[2]) Ibid., стр. 130.

ли Азія съ Америкою [1])? Этотъ ученый сознавался при томъ, что онъ не имѣлъ случая видѣть инструкціи Евреинову и Лужину, а между тѣмъ въ ней [2]) именно велѣно было этимъ лицамъ сдѣлать розысканіе: «сошлася ли Америка съ Азіею, что̀ надлежитъ зѣло тщательно сдѣлать, не только Зюйдъ и Нордъ, но и Остъ и Вестъ, и все на картѣ исправно поставить». Для насъ выписанныя слова тѣмъ болѣе примѣчательны, что въ черновой инструкціи написаны рукою самого Петра: тамъ, вмѣсто этого, было написано сначала «сошлася ли Америка съ Европою [3])?»

Евреиновъ и Лужинъ, прибывъ въ Якутскъ въ маѣ 1720 года, отправились тѣмъ же лѣтомъ въ Камчатку, а, въ сентябрѣ 1721 года, снова возвратились въ Якутскъ, гдѣ не объявляли ничего о порученныхъ имъ дѣлахъ. Отъ одного изъ шведскихъ плѣнныхъ, родомъ голландца, Геприха Буша, Миллеръ слышалъ послѣ, что этотъ Бушъ возилъ Евреинова и Лужина моремъ изъ Охотска въ Большерѣцкой острогъ, а на другой годъ ѣздили они вдоль Курильскихъ острововъ. По прибытіи къ пятому изъ нихъ (а можетъ быть и шестому, такъ какъ, по словамъ Миллера, Бушъ могъ ошибаться въ числѣ ихъ), геодезисты велѣли стать на якорь. Хотя Бушъ имъ и не совѣтывалъ дѣлать того, потому что тамъ морское дно было каменисто, однако приказаніе ихъ было исполнено, и они потеряли четыре якоря. Надѣлавъ послѣ деревянныхъ якорей и навязавъ къ нимъ камни, Лужинъ и Евреиновъ возвратились тѣмъ же лѣтомъ въ Охотскъ. Первый изъ нихъ былъ оставленъ въ Сибири, а второй отправился съ донесеніемъ и картою Курильскихъ острововъ къ царю, котораго и засталъ въ маѣ 1722 г. въ Казани. Петръ остался доволенъ трудомъ Евреинова, однако главная цѣль посылки геодезистовъ не была достигнута и не за долго передъ кончиной, государь написалъ инструкцію, гдѣ снова повторялось приказаніе осмотрѣть сѣверный берегъ, не соединяется ли онъ съ Америкою? Уже послѣ смерти Петра Великаго была отправлена, согласно этой инструкціи, въ Камчатку новая экспедиція, подъ начальствомъ капитана Беринга, которому и обязаны открытіемъ пролива, названнаго его именемъ. Въ указѣ сената, 13 сентября 1732 г., именно говорилось, что Берингъ былъ отправленъ въ Камчатку царемъ по требованіямъ и желанію какъ петербургской (?), такъ и парижской и иныхъ академій [4]).

Въ декабрѣ 1720 года, сдѣлано было распоряженіе о посылкѣ въ губерніи учениковъ петербургской морской академіи, обучавшихся геодезіи и географіи, «для сочиненія ландкартъ». При этомъ предписы-

---

[1]) Морскія путешествія русскихъ по Ледовитому и Восточному морямъ — Ежемѣсячнаго сочиненія, апрѣль 1758 г., стр. 323 — 325.

[2]) Полн. собран. зак. V, № 3266.

[3]) Каб. дѣла I, № 56, л. 40.

[4]) Жизнеоп. рос. адмираловъ, Берха II, 213—216.

валось «губернаторамъ и воеводамъ смотрѣть, чтобъ они (ученики) безъ дѣла не были и даромъ жалованья не брали (геодезистамъ полагалось по 6 руб. въ мѣсяцъ); а когда которой губерніи и провинціи или уѣзда ландкарту сдѣлаютъ, присылать таковыя въ сенатъ и въ каморъ коллегію немедленно [1])».

Карты работъ этихъ геодезистовъ изданы были въ 1726 — 34 годахъ Иваномъ Кириловымъ въ первомъ русскомъ атласѣ, вышедшемъ подъ латинскимъ заглавіемъ Atlas imperii russici etc. Въ предисловіи къ русскому атласу, изданному отъ академіи наукъ въ 1744 г., есть упоминаніе о трудахъ помянутыхъ геодезистовъ: «Петръ Великій старался о генеральной картѣ своей имперіи, вѣдая довольно, сколько неисправностей въ тѣхъ картахъ, которыя до того времени отъ чужестранныхъ сочинены и въ свѣтъ пущены были, и того ради его величество, еще въ 1715 г., генералъ адмиралу Апраксину, которому тогда поручено было главное смотрѣніе надъ морскою академіею, приказалъ нѣкоторое число людей такимъ образомъ въ географическихъ дѣйствахъ обучить велѣть, чтобъ въ каждую провинцію по два человѣка, для снимания оной, отправлены быть могли, дабы изъ сочиненныхъ ими партикулярныхъ картъ послѣ сдѣлать генеральную карту. Сіе намѣреніе подтверждаетъ 48-я глава регламента слѣдующими словами: «и дабы каждый коллегіумъ о состояніи государства и о принадлежащихъ къ оному провинціяхъ подлинную вѣдомость и извѣстіе получить могъ, того ради надлежитъ въ каждой коллегіи имѣть генеральныя и партикулярныя ландкарты или чертежи, которые по временамъ изготовлены быть имѣютъ, именно: описать всѣ границы, рѣки, городы, мѣстечки, церкви, деревни, лѣса и проч.». Къ произведенію въ дѣйство сего намѣренія еще при жизни блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Великаго учинено небольшое начало и разныя провинціи сняты чрезъ геодезистовъ, хотя не всѣ съ равнымъ прилежаніемъ и надлежащимъ искусствомъ, ибо не упоминая того, что объ астрономическихъ обсерваціяхъ не много думали (въ которыхъ однако главнѣйшая сила Географіи состоитъ), бо́льшая часть тѣхъ инструментовъ, которые съ ними употребляли, не въ такомъ состояніи были, чтобъ отъ нихъ крайней исправности надѣяться можно было, а можетъ быть и сами геодезисты въ геометрическихъ дѣйствахъ не всѣ такъ обучены были, чтобы въ нихъ уже никакого недостатку не было [2])».

Въ прежде помянутомъ письмѣ въ академію наукъ, Блюментростъ (1721 г.), между прочимъ, увѣдомлялъ французскихъ ученыхъ, что по приказанію царя, въ Сибирь посланъ докторъ, прекрасно знающій естественныя науки, а двое другихъ изслѣдователей отправлены въ

---

[1]) Полн. собран. закон. VI, №№ 3682 и 3695.
[2]) Переписано изъ рукописи академіи наукъ въ f°, № 116.

Астрахань и Казань. «Такъ что, прибавлялъ Блюментростъ, мы будемъ скоро имѣть возможность доставить вамъ точныя извѣстія о всемъ, что̀ природа производитъ въ обширныхъ владѣніяхъ его величества». Посланные для изслѣдованій въ Казань и Астрахань были: Карлъ Фридрихъ Патропъ Боданъ (Ch. Fr. de Patron Baudan) и докторъ Готлобъ Шоберъ (Gotlob Schober). Первый сопровождалъ Петра Великаго въ персидскій походъ и, какъ видно изъ произведеній его, преимущественно занимался сравнительнымъ языкознаніемъ, геральдикою и древностями [1]). Докторъ Шоберъ, принятый въ русскую службу въ 1712 г., посланъ былъ въ 1717 г. для изслѣдованія и описанія терекскихъ теплыхъ водъ, что̀ имъ было выполнено, съ прибавленіемъ примѣчаній о тамошней почвѣ, на которой можно сѣять пшеницу и виноградъ. На возвратномъ пути, у пригородка Сергіевска (нынѣ въ самарской губерніи) онъ открылъ сѣрныя ямы. Шоберъ описалъ свои любопытныя изслѣдованія въ сочиненіи Memorabilia russico-asiatica seu observationes physicæ, medicæ, geographicæ, politicæ, oeconomicæ in itinere in Russia ad mare Caspicum, jussu Monarchæ sui facto, collectæ inquisitiones item in quarundam aquarum mineralium, naturam, nec non variorum populorum linguæ nondum cognitæ, nec descriptæ. Къ сожалѣнію сочиненіе это никогда не было издано въ свѣтъ, а рукопись, вмѣстѣ съ имѣніемъ Шобера, послѣ смерти его досталась наслѣдникамъ, которые жили въ Голландіи. Еще въ 1760 г. манускриптъ Шобера былъ въ Гагѣ въ рукахъ частнаго лица [2]).

Докторъ, отправленный при Петрѣ въ Сибирь, былъ Даніилъ Готлибъ Мессершмидтъ (D. G. Messerschmidt) — первый ученый путешественникъ, познакомившій свѣтъ съ географіею, натуральною исторіею и этнографіею Сибири.

Мессершмидтъ родился въ Данцигѣ въ 1685 году, учился въ Галлѣ, написалъ тамъ диссертацію De ratione preside universæ medicinæ и получилъ за нее степень доктора въ 1707 г. Это былъ ученый въ полномъ смыслѣ слова: обладая обширною начитанностью, Мессершмидтъ зналъ восточные языки и всего себя отдавалъ наукѣ. Часто цѣлый день проведя въ странствіяхъ и наблюденіяхъ, онъ вносилъ потомъ все примѣчательное въ свой дневникъ и въ этой работѣ просиживалъ до поздней ночи, а иногда и до слѣдующаго утра, такъ что для успокоенія ему оставалось едва нѣсколько часовъ. Если что либо мѣшало ему заниматься ученой работой, то Мессершмидтъ писалъ латинскіе стихи, изъ которыхъ нѣкоторые подписывалъ Vulcanius Apolinaris [3]).

---

[1]) Сочиненія его, остающіяся до нынѣ въ рукописяхъ, подробно перечислены у Аделунга въ его Catherinen der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachen Kunde (Ptrsb. 1815), стр. 10—20.

[2]) Исторія медицины, Рихтера III, стр. 138 — 140 и Muller's Samml. Russ. Geschichte IV, 179.

[3]) Neue nordische Beyträge von Pallas III, 97 — 104.

Въ 1716 г., онъ занимался въ Данцигѣ медициною, и Петръ Великій, бывъ тогда въ этомъ городѣ, при осмотрѣ музея Брейнія (Breynius), просилъ указать ему ученаго, который взялся бы предпринять путешествіе по Россіи для составленія описанія всего достопримѣчательнаго. Брейній рекомендовалъ Мессершмидта [1]). Въ заключенномъ по этому случаю контрактѣ, онъ обязывался ѣхать въ Сибирь для занятій: a) географіею страны; b) натуральною исторіею; c) медициною, лекарственными растеніями и эпидемическими болѣзнями; d) описаніемъ сибирскихъ народовъ и филологіею; e) памятниками и древностями, и f) вообще всѣмъ достопримѣчательнымъ. Все это Мессершмидтъ взялъ на себя, не имѣя помощниковъ, за скромное жалованье въ 500 рублей въ годъ и въ надеждѣ получить подарокъ отъ царя по возвращеніи [2]). Удивляться должно, что Мессершмидтъ почти одинъ (нѣкоторое время ему помогали, какъ увидимъ ниже, шведскіе плѣнные) исполнилъ все возложенное на него контрактомъ и при томъ съ самою мелочною точностью: по бо́льшей части онъ самъ набивалъ чучелы изъ попадавшихся ему птицъ и потомъ самъ же дѣлалъ рисунки съ нихъ. Растенія собиралъ онъ отчасти самъ или при помощи русскихъ мальчиковъ, которые занимались у него очищеніемъ сѣменъ, доставаемыхъ изъ высушеннымъ имъ растеній. Во всякомъ немного значительномъ мѣстѣ, если показывалось солнце, Мессершмидтъ бралъ высоту полюса, пользуясь въ такихъ случаяхъ изданными въ Штетинѣ таблицами Лохмана. Вездѣ наблюдалъ онъ погоду, чертилъ хорографическія карты и съ этою цѣлью переѣзжалъ рѣки, имѣя всегда передъ собою компасъ. Какъ велики были труды Мессершмидта, можно уже судить по одному образчику: его Mantissa ornitologica въ академической библіотекѣ состоитъ изъ восемнадцати томовъ. И не однѣ только естественныя науки и землевѣдѣніе обращали на себя его вниманіе: Аделунгъ, въ бумагахъ Бакмейстера, видѣлъ написанный самимъ Мессершмидтомъ Spicemen der Zahlen einiger orientalischen und sibirischen Völker, woraus unter andern Merkmalen auch zu ersehen seyn möchte wie etwa solche vor Zeiten so wohl unter sich, als mit andern westlichen Völkern combinirt gewesen [3]); здѣсь приведены названія изъ 20 нарѣчій.

Въ рукописяхъ академіи наукъ (въ f°, № 116, ч. 1) сохранился списокъ съ оффиціальныхъ бумагъ, которыя писалъ Мессершмидтъ изъ Сибири въ Петербургъ и къ мѣстнымъ властямъ: несмотря на сухость подобнаго рода матеріаловъ, въ этомъ собраніи есть не мало любопытныхъ чертъ, характеризующихъ и время, и положеніе ученаго, занимавшагося въ отдаленномъ краѣ наблюденіями и изслѣдованіями чисто научными.

---

[1]) Исторія медиц. въ Россіи, Рихтера III, 152.
[2]) Pallas l. c.
[3]) Catherinen der Gr. Verdienste um die vergl. Sprachen Kunde, стр. 9.

Въ началѣ бумагъ, помѣщено извѣщеніе въ Сибирь о посылкѣ ученаго: «по именному своему великаго государя указу, доктора Мессершмидта послать въ Сибирь для изысканія всякихъ раритетовъ и аптекарскихъ вещей, травъ, цвѣтовъ, коренья и сѣменъ, и прочихъ принадлежащихъ статей, въ лекарственные составы избирая, присылать въ Санктъпетербургъ въ главнѣйшую аптеку».

Въ декабрѣ 1720 года, Мессершмидтъ пріѣхалъ въ Тобольскъ и, для перваго дебюта, занимался осмотромъ представляемыхъ къ нему для свидѣтельства рекрутъ, подъ именами которыхъ дѣлалъ отмѣтки untänglich, muss attestirt und observirt werden и т. п.

Въ мартѣ 1720 г., онъ требовалъ отъ тобольскаго коменданта: 1) двухъ человѣкъ спомогателей мнѣ дать такихъ, кто бы аптечное художество разумѣлъ и во всякихъ прилучаяхъ при мнѣ бы былъ; другой же, который бы въ знамены (черченіи) и рисованіи искусенъ и во всякихъ вещѣхъ поспѣшенъ и удобенъ, которыя вещи прилучатся сняти и написать, чѣмъ его царскаго величества во оной мнѣ повѣренной посылкѣ потребно услужити могли, къ чесому азъ между шведскими плѣнниками изобрѣлъ двухъ поручиковъ, именами Материъ и Шеппингъ, которые волею его царскому величеству въ сей посылкѣ служити и послѣдовати хотятъ. 2) Въ Петербургѣ двухъ драгуновъ отъ здѣшняго (т. е. тобольскаго) гварнизона взялъ, и опые мнѣ доселѣ послѣдовали; къ тому же еще двухъ человѣкъ таковыхъ же со оружіемъ требую, и желаю драгуна Андрея Невчина, коннаго казака Андрея Курятникова. 3) Понеже все лѣто въ пути пребуду, того ради стругъ требую, который тако бъ устроить самому ко отправленію работы моей, ко полой водѣ изготовить. 4) При стругѣ требую покрытую лодку, въ которой бы возможно по малымъ рѣчкамъ ѣздить и на земли провѣдывать. 5) Тамо же чащѣе прилучится сухимъ путемъ, куды водою отъ мѣста на мѣсто переѣхати невозможно, того ради такой указъ требую, чтобъ по желающему случаю вездѣ безъ задержанія мнѣ, колико довлѣетъ, подводъ давать». Далѣе Мессершмидтъ просилъ о вооруженныхъ провожатыхъ, о деньгахъ 50 р. на расходы и о выдачѣ разныхъ предметовъ, юфти, холстѣ, бумагѣ писчей, воскѣ, проволокѣ, двойномъ винѣ и разныхъ орудіяхъ.

Въ апрѣлѣ 1720 г., путешественникъ еще оставался въ Тобольскѣ и оттуда писалъ къ царю: «Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій! Извольте ваше царское величество всемилостивно прислушати, како послѣдую моему всесмиренному прибѣжищу: 22 марта, мое вѣдѣніе въ сей губернской канцеляріи г. оберъ коменданту Семену Прокофьевичу Карпову подавъ въ значущихся пунктахъ о вспоможеніи къ немедленному предспѣянію указу мѣрное отправленіе, коль скоро вода располится, поискаше чинилъ», но это вѣдѣніе доктора осталось безъ исполненія: велѣно было ему ждать прибытія въ Тобольскъ вице губернатора. 16 мая, Мессершмидтъ доводилъ до свѣ-

дѣнія Петра, что нѣкій маіоръ Лихаревъ отнялъ у него двухъ денщиковъ и стругъ, приготовленный для путешествія, вмѣстѣ съ плотниками: «всемилостивѣйшій государь, прошу вашего величества, да повелитъ ваше державство всемилостиво призрить, како доселѣ продолжается мое всесмиренное прибѣжище не по моему возможенію, но паче вся удобія у меня отняты были»....

7 іюня, Мессершмидтъ обратился съ просьбою о выдачѣ ему, въ помощь, шведскихъ плѣнныхъ: «ни единъ азъ таковыхъ удобныхъ людей бралъ, яко бы господинъ envoyé Измайловъ (бывшій тогда въ посольствѣ въ Китай) четырехъ человѣкъ плѣнниковъ съ собою въ Хину взялъ; такожъ г. маіоръ Лихаревъ штыкъ-юнкера въ споможеніе взялъ ко артиллеріи; тако и азъ мнилъ, что его царскому величеству легчае съ прилежаніемъ мое дѣло отправить въ томъ же... мнѣ не про свою нужду требовати, но его царскому величеству къ лучшему устроенію, а изъ русскихъ таковыхъ людей не обрѣтается».

Незадолго передъ тѣмъ (27 мая), поступила отъ него же просьба къ кн. Черкасскому, сибирскому губернатору: «по указу и по всемилостивой волѣ его царскаго величества, мнѣ сюда въ Тобольскъ ѣхать указано и опредѣлено, купно съ другими моими посылками, также оныя и другія любопытности, которыя въ сибирской губерніи обрящутся, во огляданіе взять, того ради моего всенижайшаго слѣдованнаго прибѣжища не вотще въ сей губернской канцеляріи воображати, аще что тому подобныя къ древности принадлежащія вещи, яко бы языческіе шейтаны (кумиры), великія мамонтовы кости, древнія калмыцкія и татарскія письма и ихъ праотеческія письмена; такожде каменные и кружечные могильные образы. Такожде азъ оные, по обрѣтеніи, списать и рисунокъ прислать могу».

Въ декабрѣ 1720 г., Мессершмидтъ пріобрѣлъ въ кабалу у одного отца крестьянскаго мальчика пятнадцати лѣтъ за 12 рублей на вѣчно, за что докторъ обязывался: кабальнаго «держать у себя, поить и кормить, и одѣвать, и ото всякаго дурна унимать и наказывать по винѣ смотря, по своему разсмотрѣнію, а въ большой винѣ и градскимъ наказаніемъ, какъ онъ, докторъ, поволитъ».

Въ январѣ 1721 г., Мессершмидтъ подавалъ кн. Черкасскому еще два прошенія. Въ одномъ ходатайствовалъ: 1) «Ежели въ которомъ городѣ обрѣтатися буду и вѣдомости получу о какихъ любопытныхъ вещахъ, дабы мнѣ оныхъ мѣстъ вѣдомцевъ и вожей давать, и самому мнѣ оглядати для лучшаго обысканія. 2) Еще же мое смиреннѣйшее и уничиженное прошеніе: ежели какой человѣкъ угодный отъ здѣшняго города или въ томъ городѣ нѣмецкій плѣнникъ обрящется и со аптекарскими вещми удобное обхожденіе знаетъ, дабы онаго письменно за поруками къ моему отправленію и услугу съ собою взяти, а отъ здѣшняго націона таковые споможатели не обрящутся».

Въ другомъ онъ просилъ, вмѣсто больнаго плѣннаго офицера

Шепинга, дать ему шведа же, унтеръ-офицера Канеля: «понеже въ моемъ отправленіи главнѣйшія и нужнѣйшія вещи суть: въ физическихъ и математическихъ премѣненіяхъ климатовъ и погоды нѣкія усмотрѣнія учинити, то я къ тому моему дѣлу шведскаго плѣнника оберъ офицера, именемъ Иванъ Филиповичъ Табортъ попросилъ, который мнѣ весьма спомогати будетъ. При семъ доношу вашему сіятельству: отпускаю отъ себѣ единаго плѣннаго хлопца, котораго прежде отселѣ при себѣ имѣлъ, и въ того мѣста желаю иного молодого человѣка, который шестнадцати лѣтъ есть, именемъ Шульманъ, рисовать и знаменить нарочито умѣетъ, а въ росписи съ плѣнными не написанъ».

Этотъ Иванъ Филиповичь Табортъ есть никто иной, какъ Филиппъ Іоаннъ Таббертъ (Tabbert), получившій, по возвращеніи изъ плѣна въ Швецію, дворянство и фамилію Штраленберга, и написавшій извѣстное о Россіи сочиненіе Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia (Stockholm, 1730).

Въ сочиненіи Эннеса—Biographiska Minnen af Konung Carl XII [1]) есть нѣкоторыя извѣстія объ этомъ лицѣ: Таббертъ, послѣ полтавскаго сраженія, благополучно переправился черезъ Днѣпръ, но не найдя въ числѣ спасшихся своего брата, воротился за нимъ на лѣвый берегъ, гдѣ и попался къ намъ въ плѣнъ. Въ Сибири онъ пробылъ 13 лѣтъ и, пользуясь частыми переѣздами по этому краю, составилъ его карту, которую отослалъ къ одному купцу въ Москву. По смерти послѣдняго, карта попалась въ руки царю, который приказалъ, если явится за нею неизвѣстный сочинитель ея, то представить его къ себѣ. Таббертъ, узнавъ о такомъ повелѣніи, старался еще болѣе усовершенствовать прежній трудъ и, прибывъ по заключеніи ништадтскаго мира въ Москву, поднесъ, новую, исправленную карту Сибири, которая такъ понравилась Петру, что сочинителю ея было предложено начальство надъ землемѣрною частію, чего онъ, однако, не принялъ. По возвращеніи въ Швецію, Таббертъ былъ возведенъ въ дворянство съ фамиліею Штраленберга (по мѣсту его родины, городу Стральзунду) и умеръ въ 1747 г., въ чинѣ маіора, комендантомъ одной шведской крѣпости. Въ 1726 г., Штраленбергъ напечаталъ «Vorbericht eines zum Druck verfertigten Werckes von der Grossen Tartarey und dem Königreiche Sibirien, mit einem Anhang von gross Russland. Worinnen von dem Autore die Einrichtung und vornehmsten Contenta desselben vorgetragen werden». Здѣсь авторъ говоритъ о предположенномъ имъ изданіи въ свѣтъ Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia: извѣстны неполнота и неточность сочиненій о большой Татаріи—многіе ученые, и въ томъ числѣ Лейбницъ и Витзенъ, старались достать объ этой странѣ достовѣрныя

[1]) Извлеченія изъ этой книги и, между прочимъ, свѣдѣнія о Штраленбергѣ были напечатаны въ журналѣ Мин. нар. пр. 1853 г. № 2, въ статьѣ академика Грота: «О пребываніи плѣнныхъ шведовъ въ Россіи при Петрѣ В.»

свѣдѣнія, но всѣ эти старанія оказывались тщетными. Штраленбергъ, послѣ полтавскаго сраженія, находился 13 лѣтъ въ плѣну въ Сибири и, кромѣ того, съ докторомъ Мессершмидтомъ дѣлалъ путешествіе изъ Тобольска на юго-востокъ къ калмыцкимъ и мунгальскимъ границамъ. Извѣстія самого Штраленберга о картѣ разнятся отъ сообщенныхъ его біографами: сначала онъ два года собиралъ матеріалы для составленія карты, но они въ пожарѣ въ 1715 г. въ Тобольскѣ, вмѣстѣ съ сундуками, куда были положены, украдены. Поощряемый гр. Рейнсольдомъ и нѣкоторыми пріятелями изъ Москвы, онъ снова нарисовалъ карту на двухъ большихъ листахъ, но она была отобрана кн. Гагаринымъ, который объявилъ Штраленбергу, чтобъ онъ не смѣлъ этимъ заниматься подъ опасеніемъ ссылки на Ледовитое море. Въ третій разъ Штраленбергъ принялся за свою карту послѣ арестованія кн. Гагарина.

Названное сочиненіе Штраленберга въ свое время пользовалось извѣстностью и дѣйствительно того заслуживало по множеству свѣдѣній, которыя помѣщены были тамъ въ первый разъ о странахъ, почти неизвѣстныхъ тогда въ Европѣ. Конечно у Штраленберга есть промахи и невѣрности, особенно, когда онъ пускался въ филологическія розысканія, но все таки его нельзя называть злобнымъ клеветникомъ, какъ это дѣлалъ Голиковъ, котораго историческая критика тѣмъ и ограничивалась, что онъ осыпалъ бранными эпитетами всѣхъ, кто не раздѣлялъ его мнѣній на счетъ своего героя.

Штраленбергъ имѣлъ полное право сказать, какъ сказалъ въ предисловіи: Nebst diesen wird der Leser finden, dass ich kein Ausschreiber anderer Scribenten gewesen, vielweniger, dass in diesem Wercke etwas fingiret und erdacht, sondern ich versichere, das alles nach der Wahrheit von mir berichtet worden; es wäre denn, dass eine oder die andere referirte Dinge, wo ich unmöglich selbst habe zugegen seyn können, die mir aber doch nach meinem Bedüncken von glaubwürdigen Personen berichtet worden, nicht so punctuel und nach allen kleinen Umständen zutreffen solten.

Мессершмидтъ, находясь въ отдаленной странѣ и не встрѣчая людей, съ которыми бы могъ дѣлиться наблюденіями и сообщать о своихъ открытіяхъ, скоро подружился съ Таббертомъ, любившимъ историческія и географическія розысканія.

Въ маѣ 1722 г., когда они должны были разстаться, Мессершмидтъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «проливая много слезъ, я простился съ краснорѣчивымъ, прилежнымъ, вѣрнымъ Таббертомъ, моимъ единственнымъ другомъ и подпорою. Теперь я остаюсь безъ знакомыхъ и помощника: никогда я не забуду моего любезнаго Табберта [1])».

[1]) Neue Nordische Beiträge von Pallas, III, 97—104.

Изслѣдованія Мессершмидта начались съ томскаго уѣзда. Въ Чаусскомъ острогѣ хозяинъ отведенной ему квартиры не хотѣлъ пускать къ себѣ въ домъ ученаго и его спутниковъ, а посланнаго передоваго прибилъ съ помощію боярскихъ дѣтей. Началось, по обыкновенію, слѣдствіе и дѣло.

Видно, что для отысканія древностей и закупки ихъ Мессершмидтъ посылалъ по окрестностямъ плѣнныхъ шведовъ. 21 іюня 1721 г., докторъ, напр., писалъ къ томскому воеводѣ Василью Елизарьевичу Козлову: «По указу царскаго величества, велѣно мнѣ, нижеименованному, въ сибирской губерніи и во всѣхъ городѣхъ на землѣ потребныхъ травъ и цвѣтовъ и всякихъ куріозитетовъ провѣдывать, а въ данномъ мнѣ великаго государя указѣ написано также, если я въ которомъ городѣ остановлюся и провѣдаю приличныя къ дѣлу моему мѣста и пожелаю самъ ѣхать для огляданія, или изъ служителей своихъ пошлю, то велѣно мнѣ давать тѣхъ мѣстъ вѣдомцевъ и вожей, а нынѣ я посылаю отъ себя своего человѣка Ивана Капеля до Кузнецкаго сухимъ путемъ, да здѣсь оставляю для управленія великаго государя дѣлъ капитана Табберта, для того-что я здѣсь (въ Томскѣ) въ такое короткое время для дальняго пути самъ въ скорости управиться не могу, а какъ онъ, капитанъ, похочетъ ѣхать до меня, и тогда онаго капитана, да деньщика отпустить до меня, гдѣ я буду обрѣтаться».

Изъ Тобольска мѣстныя власти не хотѣли отправлять въ Петербургъ его посылокъ за печатями, не досмотрѣвъ, вслѣдствіе чего кабинетъ-секретарь царя, Алексѣй Макаровъ писалъ къ Черкасскому, чтобы Мессершмидту оказывать во всемъ вспоможеніе и посылки его отправлять немедленно, а если будетъ какое нибудь сомнѣніе относительно ихъ, то прикладывать къ нимъ, вмѣстѣ съ докторскими, и казенныя печати, и въ такомъ видѣ отсылать къ высшему начальству.

31 октября 1721 года, путешественникъ писалъ въ Абаканскомъ острогѣ такую промеморію: «Прошу я у тебя, приказный Алексѣй Прохоровичь Абаканскаго острога, чтобъ ты былъ послушенъ великаго государя указу съ казаками и татарами, которые тебѣ приказаны: (выбери) трехъ или четырехъ человѣкъ удалыхъ молодцевъ, чтобы они шли на промыселъ, куда я ихъ пошлю, чтобъ они отъ всякой статі рода звѣря промышляли, для того что здѣсь есть всякой звѣрь: россомахи, выдры, табарги, лисицы, рыси, козы, бобры, горностаи, ластицы, куницы, соболи, бѣлки, олени, лоси. И всѣхъ тѣхъ звѣрей, которые здѣсь обрѣтаются, чтобъ они уловили и мнѣ объявили всякихъ по гнѣзду и съ кожами и съ мясомъ.... чтобъ они казаки были не лѣнивы и не лукавы—добудутъ и мнѣ не объявятъ, чтобы мнѣ здѣсь зиму прожить не даромъ».

Съ 1722 года, начинаются хлопоты доктора о полученіи своего

жалованья въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ онъ останавливался: препятствіе въ томъ встрѣчалось отъ начальствующихъ, тянувшихъ переписку за справками, спросами и ожиданіями приказаній, несмотря на то, что ученый имѣлъ подлинный указъ получать жалованье въ Сибири въ тѣхъ городахъ, по которымъ проѣзжалъ.

2 апрѣля 1722 года, Мессершмидтъ писалъ къ кн. Черкасскому: «даны мнѣ изъ Тобольску, по указу великаго государя, шведскій капитанъ, Иванъ Филиповъ сынъ Таббертъ и слуга его, Карлъ Густавъ Шульманъ; и онаго капитана Ивана Филиппова и Карла, по указу великаго государя, надлежитъ мнѣ отпустить въ Тобольскъ сего 1722 г. въ маѣ мѣсяцѣ. Да мнѣ же данъ изъ Тобольска отъ вашей свѣтлости прусской земли прирожденіемъ Петръ Матвѣевъ сынъ Крацъ, и онаго Петра Матвѣева удержалъ я у себя, для того что русскаго языку я не знаю, и переводчика при мнѣ иного никого нѣтъ, кромѣ онаго Краца».

16 іюня 1722 г., Красноярская канцелярія, вслѣдствіе указа изъ Петербурга, требовала отъ доктора свѣдѣній: гдѣ онъ, куда намѣренъ ѣхать и собраны-ли медицинскія и другія курьёзныя вещи? Мессершмидтъ, видимо разсерженный и этимъ допросомъ, а главное невыдачею ни ему, ни служителямъ его жалованья почти за два года, отвѣчалъ: «Принялъ я два указа у красноярскихъ служилыхъ людей, а что въ указѣ написано, то я разумѣлъ малое дѣло, что-де изъ енисейской провинціи канцеляріи про меня освѣдомиться: по первому — гдѣ я нынѣ обрѣтаюся? второе — куда мой путь надлежитъ? и третье, что у меня медицинскихъ и курьезныхъ вещей? По первому — стою я на Божьемъ озерѣ, гдѣ служилые люди указъ вручили. Второе — по императорскаго величества указу мой путь надлежитъ во всю сибирскую губернію въ степь. А сего 1722 года, отъ января мѣсяца до сего іюля 13 дня, его императорскаго величества по указу жалованья не выдано мнѣ и моимъ драгунамъ, а прокормиться нечѣмъ, и помираемъ голодною смертью, а въ государевѣ дѣлѣ будетъ великая остановка; а нынѣ я хожу мало-мало въ красноярскомъ дистриктѣ, границею въ степи вверхъ по Енисею рѣки, Абакану; и по нимъ рѣчкамъ, сколько возможно, обходимъ. А стану я зимовати въ красноярскомъ дистриктѣ въ острогѣ или въ деревняхъ. А буде мое жалованье не пришлютъ, и мой путь надлежитъ прямо въ Санктъпетербургъ, а безъ жалованья жить невозможно. А буде жалованье мое скоро будетъ ко мнѣ, и я, если возможно, пойду къ Селингинску и Нерчинску. А въ третье — медицинскихъ и другихъ курьезныхъ вещей у меня нѣту, и кои были у меня вещи и я всѣ послалъ, 20 мая сего году, г. президенту Блюментросту въ С. Петербургъ».

16 ноября 1722 г., Мессершмидтъ обращался въ красноярскую канцелярію: «надлежитъ мнѣ по указу его императорскаго величества въ здѣшнихъ краяхъ изыскивать всякихъ раритетовъ, и нынѣ, живучи

въ г. Красноярскѣ, никто мнѣ ничего не сказываетъ, а буде я у кого что ко употребленію и спрошаю—всякъ отговаривается невѣдѣніемъ, и дабы повелѣно было противъ сей моей промеморіи прислать ко мнѣ изъ красноярскихъ обывателей одного человѣка добраго, чтобъ онъ зналъ въ красноярскихъ дистриктахъ всякія мѣста ко употребленію моему дѣлу. Такожде что будетъ и вновь извѣстно объ исканіи какихъ вещей, звѣрей, травъ, и рудъ и проч., и чтобъ мнѣ о томъ учинить вѣдомо».

Въ томъ же году прошелъ слухъ, распространенный, по словамъ доктора, «злымъ лукавствомъ», будто бы онъ умеръ. Вѣсть о томъ дошла даже до Петербурга, откуда предписывалось вещи, оставшіяся послѣ покойнаго Мессершмидта, опечатать и выслать въ Петербургъ.

Въ 1723 г., путешественникъ былъ въ Енисейскѣ и Мангазеѣ. Въ послѣднемъ онъ напалъ на слѣды добыванія мѣстными жителями зеленой руды, горячей сѣры, морскаго ладана, нашатыря; посадскіе же объ всемъ этомъ отзывались невѣдѣніемъ. Вотъ инструкція изъ иркутской земской конторы одному изъ развѣдчиковъ доктора, дворянину Ивану Толстоухову: «ѣхать ему иркутскаго вѣдомства въ иркутскій, верхоленскій и балаганской дистрикты для того: въ нынѣшнемъ 723 году, января въ день, въ присланномъ его императорскаго величества указѣ.... велѣно у всякаго чину людей русскихъ и иноземцевъ провѣдывать и купить разныхъ родовъ звѣрей и птицъ живыхъ, которые во удивленіе человѣкомъ; такожде и хрусталь самородный, который ломаютъ глыбами пуда по два и больше. И тѣхъ звѣрей и птицъ велѣно отсылать въ Петербургъ ко двору его императорскаго величества; а какихъ звѣрей и птицъ, о томъ явствуетъ въ реестрѣ ниже сего именно. И по тому указу посланъ изъ Иркутска, для покупокъ, въ вышеписанные дистрикты иркутскій дворянинъ Иванъ Толстоуховъ; и велѣно ему, Ивану, въ тѣхъ дистриктахъ у русскихъ людей всякаго чину и у иноземцевъ, всякими мѣрами, провѣдывать и купить такихъ звѣрей и птицъ и другихъ вещей, которые во удивленіе человѣкомъ и которые объявлены въ реестрѣ ниже сего. Такожь русскимъ людемъ и иноземцомъ приказывать на крѣпко, чтобы они нижеобъявленныхъ звѣрей и птицъ и другихъ вещей сыскивали и домогались съ радѣніемъ, а за то сисканіе его императорскаго величества милость будетъ; и за тѣ звѣри и птицы и за другія вещи выданы будутъ деньги по цѣнѣ. Такожде и сверхъ реестру которые узорочные звѣри и птицы и другія вещи явятся, по тому жъ объявлять; а кто буде русскіе люди такихъ звѣрей и птицъ и другихъ вещей гдѣ знаютъ въ вышеписанныхъ дистриктахъ, и такіе бы люди приходили и объявляли посланному; или кто про такихъ звѣрей и птицъ и другія вещи и знаетъ, а въ скорости изловить или сыскать невозможно, и они потому жъ, приходя, объявляли». Въ реестрѣ значутся: «Звѣри—соболи, чрево и хребетъ бѣлые; ма-

рогъ, звѣрь ископь; бараны дикіе съ великими рогами; бѣлки, чрево и хребетъ сѣрые; и, гдѣ найдены будутъ мамонтовы роги, приложить крайнее сысканіе, чтобъ кость до послѣдняго члена того звѣря, буде возможно, собрать все въ цѣлости. Птицы: лебеди черные; лебеди съ гребнями; гуси,—зобы бѣлые и крылье пестрое; журавли черные; птицы кедровки; зеленыя птицы, маленькія цвѣтныя; козарки,—крылье черное, зобы коричневые; гуси сѣрые, перепоницы бѣлыя, утки—зобы черные, голова и шея красныя. Такожде хрусталь самородный, который ломаютъ глыбами пуда по два и больше; слюда въ полтора аршина и больше, и которые узорочные звѣри и птицы»....

Въ январѣ 1724 г., въ иркутской канцеляріи Мессершмидту объявили «удивительнаго звѣря—мамонтову голову и два рога, и отчасти его зубъ и ноги кость, такожъ и гусей». Тамъ же докторъ узналъ, «что обрѣтается при Байкалѣ морѣ въ Котельниковой пади (?), разстояніемъ отъ берегу Байкала моря 20 саженъ, нѣкакой ключь горячій», и получилъ отъ Михаила Воловича свидѣтельство на латинскомъ языкѣ о мѣстонахожденіи мамонтовыхъ костей. Въ Иркутскѣ, Мессершмидтъ продалъ своего кабальнаго одному посадскому человѣку.

Въ маѣ 1724 г., попадается въ бумагахъ Мессершмидта написанное имъ по монгольски порученіе тунгузскому ламѣ Карабанди доставать монгольскія, тунгузскія и китайскія рукописи. Внесено также и донесеніе на монгольскомъ языкѣ этого Карабанди объ исполненіи порученій и особенно объ исторіи Чингисъ хана, писанной по монгольски.

2 марта 1725 г., Мессершмидтъ получилъ указъ медицинской канцеляріи, отъ 31 августа 1724 г., по которому онъ вызывался обратно изъ Сибири. 19 марта, докторъ поручилъ Карабанди отыскивать въ мунгальской землѣ Ургѣ исторію Чингисъ хана, о переводѣ которой записано у путешественника: «1720 г. іюня 25 дня, прислана про его императорскаго величества обиходъ изъ Тобольска до Петербурга, г. президенту Блюментросту курьёзная книга именемъ Чунгисъ хана урская исторія, съ подлиннаго мунгальскаго языку переведена въ бухарскій языкъ титлами Хасса инъ Китанъ Шасаре Турисн». 15 мая 1725 г., воевода въ Иркутскѣ хотѣлъ было привести Мессершмидта къ присягѣ на вѣрность новой императрицѣ, но онъ отказался, потому что былъ не русскій подданный.

Въ февралѣ 1726 г., Мессершмидтъ прибылъ въ Москву, а въ мартѣ—въ Петербургъ.

Въ апрѣлѣ, ему было объявлено, что по случаю возвращенія его изъ Сибири, назначено нѣсколько академиковъ для разсмотрѣнія привезенныхъ имъ изъ путешествія предметовъ, почему Мессершмидтъ обязывался войти въ сношенія съ тѣми учеными, чтобы потомъ распубликовать о результатахъ его изслѣдованій въ Сибири.

Въ октябрѣ 1727 г., ученый получилъ такую бумагу: «Почтенный господинъ докторъ! Понеже вы изъ Сибири коль скоро прибыли въ С. Петербургъ, то привезенныхъ вещей, не объявя въ медицинской канцеляріи, сложили на наемной квартирѣ, и тогда о пріѣздѣ своемъ извѣстіе учинили. А по промеморіи изъ Тобольска объявлено, что курьезныхъ вещей имѣется за печатьми въ пяти ящикахъ, да въ одномъ тюкѣ, и того въ шести мѣстахъ; и неоднократно вамъ, какъ письменно, такъ и словесно, приказано было, чтобы тѣ вещи осмотрѣны были членами академіи наукъ, и оными бы учинепъ былъ каталогъ; и когда было опредѣлено оныя вещи для осмотрѣнія взять съ квартиры въ медицинскую канцелярію, то при взятіи оныхъ явились многіе, ваши собственные товары, о которыхъ вѣдомость изъ Тобольска прислана и оные товары вамъ отданы. А при отдачѣ оныхъ товаровъ, явилось бауловъ, ящиковъ, сундучковъ большихъ двадцать, въ которыхъ по осмотру явились книги и нѣкоторый вашъ домашній багажъ, однакожь больше такихъ вещей, которыя могутъ причтены быть за курьезныя вещи, а именно: птицы, зубья и проч. И для того оными вещамъ приказано подать каталогъ и ихъ для осмотрѣнія перевесть въ медицинскую канцелярію, но вы, объявляючи о нихъ, яко бы оныя собственныя ваши, перевозить не дали. Того ради, помянутые ящики извольте нынѣ съ посланнымъ отъ медицинской канцеляріи перевесть безъ всякаго замедленія, понеже надлежитъ ихъ пересмотрѣть, не имѣется ли подлинно какихъ курьезныхъ вещей, и какъ оныя пересмотрѣны будутъ, то объ отдачѣ вамъ оныхъ и указъ учиненъ будетъ. Л. Блюментростъ».

Въ просьбѣ къ Императору Петру II, Мессершмидтъ писалъ, что онъ не могъ представить привезенныхъ съ собою предметовъ, такъ какъ не были еще готовы составляемые имъ каталогъ и статейный списокъ путешествія. «Мнѣ, прибавлялъ ученый, незнаемо за какія вины, жалованье удержано, отчего я пришелъ во всеконечное разореніе и недостатокъ. Къ тому же, будучи въ службѣ вашего императорскаго величества и претерпѣвая великіе труды и поѣздки, лишился здравія своего отъ нетерпимыхъ многократныхъ болотныхъ и прочихъ водъ, собирая въ Сибири старинныхъ мамонтовыхъ костей, всякихъ каменьевъ и проч., какъ объ ономъ яснѣе докажетъ статейный списокъ, съ которымъ не могъ еще въ готовности быть для потерянія и недовиждѣнія очей моихъ».

Наконецъ, привезенные Мессершмидтомъ предметы были посланы въ академію наукъ, которая увѣдомила медицинскую коллегію: «книги и описанія, которыя сочинилъ докторъ Мессершмидтъ, въ краткое время разсмотрѣть не возможно, но токмо профессоръ господинъ Делиль объявилъ, что карты по географической наукѣ сочинены изрядно, а профессоръ антиквитетовъ господинъ Бееръ усмотрѣлъ удивительные антиквитеты, токмо требуетъ, чтобы съ нимъ имѣлъ согласіе

помянутый докторъ Мессершмидтъ для истолкованія нѣкоторыхъ вещей. Профессоръ ботаники, господинъ Буксбаумъ описанія ботаническаго разсмотрѣть не могъ, развѣ присланы будутъ подлинныя тѣ ботаническія вещи».

Въ аттестатѣ, данномъ Мессершмидту отъ академіи наукъ, 8 апрѣля 1728 г., сказано, что изъ вещей, ему собственно принадлежащихъ, удержаны тѣ немногія, которыя могутъ быть полезны для кунстъ-камеры. Аттестатъ оканчивается такъ: Und daneben billig erkundt, das der Herr Doctor Messerschmidt wegen seines vielen ausgewandten Fleisses und der extraordinairen Unkossten, welche manchmahl zu machen nöthig gewesen, mit einen anständigen Recompense befriediget werde».

Далѣе, изъ бумагъ Мессершмидта видно, что онъ долго послѣ выдачи ему аттестата хлопоталъ о вознагражденіи за экспедицію и дачѣ жалованья и паспорта. Прошенія по этому случаю писались Мессершмидтомъ на имя царя, въ академію и медицинскую коллегію; о томъ же сообщалъ онъ и въ нѣсколькихъ письмахъ къ знакомымъ нѣмцамъ.

Въ іюлѣ 1728 г., онъ даже подалъ прошеніе къ великой княжнѣ (впослѣдіе императрицѣ) Елизаветѣ Петровнѣ: «Всепресвѣтлѣйшая цесаревна Елисавета Петровна, всемилостивѣйшая государыня! Вашего высочества ко всѣмъ бѣднымъ изъявляемое милосердіе подаетъ мнѣ случай сіе мое всепокорнѣйшее прошеніе вашему высочеству со всею моею покорностью подать, всенижайше прося, да благоволитъ ваше высочество, яко всемилостивѣйшая принцесса, оное въ высокую протекцію милосердно воспріять и приложенную при томъ всеподданнѣйшую челобитную его императорскому величеству, всемилостивѣйшему монарху нашему, вручить. Крайнее мое утѣсненіе принуждаетъ меня, нижайшаго вашего раба, къ вашему высочеству прибѣжище учинить и всенижайше просить за меня, бѣднаго иностранца, у его императорскаго величества всемилостивѣйше предстательствовать, дабы мнѣ заслуженное мое жалованье и паспортъ во отечество мое даны были, чтобы я могъ нынѣшнимъ лѣтомъ на корабляхъ туда возвратиться, понеже въ медицинской канцеляріи по многократнымъ моимъ прошеніямъ никакого рѣшенія о жалованіи и о паспортѣ не получаю и для того съ фамиліею моею пропитать себя здѣсь не могу; за которую высокую милость буду я, нижайшій, о благодетственномъ высокомъ здравіи вашего высочества и всего высокаго императорскаго двора Всевышняго Бога неотступно молитвовать».

Послѣ подачи этой просьбы, Мессершмидтъ прожилъ въ Петербургѣ еще два года. Въ 1729 г., онъ здѣсь женился на одной дѣвушкѣ, твердо убѣжденный, что она являлась къ нему во снѣ въ бытность его въ Соликамскѣ. Женщина эта, живая и необузданнаго характера, была совершеннымъ контрастомъ съ своимъ меланхолическимъ и преданнымъ наукѣ мужемъ; по смерти Мессершмидта, она вышла за мужъ за адъюнкта академіи Штеллера.

Только въ 1731 г. этотъ ученый могъ выбраться изъ Россіи; но несчастіе преслѣдовало его: онъ потерпѣлъ, на возвратномъ пути въ Данцигъ, кораблекрушеніе и потерялъ все свое имущество. Въ Данцигѣ усилилось въ Мессершмидтѣ мрачное настроеніе духа, и онъ снова вернулся въ Петербургъ, гдѣ и умеръ въ 1735 году. Честный и несообщительный, докторъ считалъ унизительнымъ для себя просить должнаго по заслугамъ его вспомоществованія и послѣднее время жилъ при пособіи нѣкоторыхъ изъ друзей, а также Ѳеофана Прокоповича [1]).

XIII.

Рукописные стихи и похвальныя слова, хранящіеся въ кабинетѣ Петра Великаго. Панегирикъ братьевъ Лихудовъ. Прозаическія и стихотворныя произведенія по случаю полтавской побѣды. Стихотвореніе Михаила, валдайскаго пастушка, 1718 года. Слово Софронія Лихуда. Кантата Михаила Ширяева.

Въ Россіи начала XVIII столѣтія, произведенія, чисто литературныя, состояли въ панегирикахъ и прославительныхъ стихахъ, писанныхъ на разные случаи, это—предвѣстники тѣхъ похвальныхъ словъ и громкихъ одъ, которыми прензобиловала наша литература впродолженіи всего XVIII вѣка. Преувеличеніе и сервилизмъ подобныхъ сочиненій очень понятенъ, если вспомнить, что ораторы и поэты воскуряли ѳиміамъ по обязанности, не рѣдко по приказанію, чаще изъ желанія получить награду или какія нибудь преимущества. По этому, едва ли панегирики и оды могутъ подлежать разсмотрѣнію серьёзной исторіи литературы и скорѣе служатъ матеріаломъ для объясненія нравственной стороны извѣстной эпохи, такъ какъ изъ нихъ видно, въ какой степени и мѣрѣ авторъ не считалъ неприличнымъ выражать предъ всѣмъ свѣтомъ свой обязательный восторгъ при прославленіи того или другаго лица, того или другаго событія. Напр., не можетъ быть не характеристично, что одинъ ораторъ начала XVIII вѣка, превознося въ церкви хвалами Меншикова, прославлялъ его и за разореніе Батурина, гдѣ, какъ извѣстно, не были пощажены даже жены и дѣти единоплеменниковъ оратора. Униженность и подобострастіе авторовъ, когда они сами себя охотно называли недостойнымъ подножіемъ ногъ властителя или уничиженнѣйшимъ, послѣднимъ рабомъ его, готовность ихъ быть прахомъ передъ сильными—

---

[1]) Backmeister, Essai sur la bibliothèque et le cabinet de l'Académie des sciences de Pétersb. (1776), стр. 160—161, Pallas, Neue nordische Beyträge III, 97—104; Исторія медицины Рихтера, l. c.

могутъ разъяснить то: какимъ значеніемъ пользовалась у насъ литература въ обществѣ и что было за вліяніе ея на современниковъ? Разсмотрѣніе похвальныхъ словъ и одъ съ этой точки зрѣнія могло бы даже быть поучительно, но едва ли найдется такой изслѣдователь, у котораго бы достало силъ на печальный трудъ писать исторію нравственнаго униженія человѣческаго достоинства въ людяхъ, которые часто безсознательно падали ницъ передъ властію и силою, тогда какъ, по образованію и дарованіямъ, они могли бы идти въ главѣ народа и быть смѣлыми руководителями его, а не прихлебателями, ждущими подачки отъ сильныхъ.

Въ похвальныхъ словахъ и одахъ также встрѣчаются иногда намеки на современныя событія и мнѣнія, намеки, которымъ слѣдуетъ вѣрить съ осторожностью, но тѣмъ не менѣе не лишенные интереса, если не для исторіи литературы, то для изслѣдователей данной эпохи. Въ кабинетѣ Петра Великаго сохраняется нѣсколько рукописныхъ изъ такихъ произведеній, замѣчательныхъ, прежде всего, своею рѣдкостью, и потомъ знакомящихъ съ пріемами и манерою писателей панегиристовъ петровскаго времени.

Изъ нихъ первое, въ хронологическомъ порядкѣ, мѣсто принадлежитъ похвальному слову грековъ Лихудовъ, написанному по случаю взятія Петромъ Азова и возвращенія царя въ Москву въ 1697 году [1]).

Оно начинается классическимъ уподобленіемъ: подобно тому, какъ природа радуется появленію солнца, такъ русскій народъ ликуетъ при возвращеніи царя изъ похода. «Ради всѣхъ царскихъ твоихъ дарованій, да престанетъ селенная вся о своихъ благодатяхъ возвышатися. Да престанетъ, глаголю, Ишпанія о своихъ крупицѣхъ хвалитися; да престанетъ Далматіа о златѣ гордитися; да престанутъ благополучнѣйшіе острови о своихъ воздухонарящихъ птицахъ кичитися; да престанетъ Вавилонъ о своихъ прекрасныхъ коврѣхъ возвышатися; да престанетъ Финикія о своихъ порфирѣхъ взиматися; да престанетъ Македонія о своихъ квасцѣхъ честно мнѣтися; да престанетъ и Спартіа о своемъ алавастрѣ благородствоватися; да престанетъ Ассиріа о своей вамвакіи тщеславитися; да престанетъ Іудеа о своемъ вамамѣ удобрятися; да престанетъ Кикиліа о своемъ крокосѣ возвышатися; да престанетъ Фригіа о своихъ приносцвѣтущихъ кинаресѣхъ гордитися; да престанутъ Аѳины о своемъ восцѣ и медѣ славитися; да престанетъ Іудумеа о своихъ высокоплѣнчныхъ фи-

---

[1]) Ркп. И. эрмитажа въ f°, полка 3, № 94; подлинникъ, въ бархатномъ переплетѣ, имена царя и его предковъ писаны золотомъ. Нач.: «Аще по озаренін дне». Это слово до сихъ поръ было извѣстно только по заглавію: ср. Исторію москов. академ., г. Смирнова, стр. 64, гдѣ оно приписано Іоаникію Лихудѣ, но въ текстѣ говорится во множественномъ числѣ отъ лица авторовъ: мы, странніи, богомольцы и т. п.

никахъ свѣтлѣтися; да престанетъ Ѳіопія о своихъ ароматскихъ благовоніяхъ, Геновское море—о своихъ камеподревесныхъ, именуемыхъ королькахъ, Пафосъ—о своихъ цвѣтѣхъ, Аравіа—о преимущественныхъ благовоніахъ, Нумидіа—о мраморныхъ каменѣхъ, Океанъ—о бисерѣхъ дражайшихъ, Персіа—о пардѣ, Галліа—о своихъ яблоцѣхъ, Портогалонъ—о своихъ попугаѣхъ, Врундизіонъ—о своихъ зерцалѣхъ, Савва—о ароматскихъ ливанѣхъ,—да престанутъ си вси гради, да престанутъ еже тщеславитися, зане ты, о богособлюдаема Россія, не единою благодатью токмо присутствуеши преудобренная, но безчисленными... мужества благочестивѣйшаго царя твоего Петра Алексѣевича»...

Въ словѣ нѣсколько разъ говорится о возстановленіи Греціи и изгнаніи турокъ изъ Европы. Извѣстно, что грекамъ, униженнымъ и побѣжденнымъ, оставалось только надѣяться на помощь русскихъ, ихъ единовѣрцовъ. Эта надежда высказывалась греками въ Россіи съ самаго взятія Константинополя, и это очень льстило національному нашему самолюбію, даже—въ недавнія времена. Лихуды говорили о русскомъ орлѣ: «орелъ сей и ко Седмихолму (т. е. Царь-граду) имущь летети и честный крестъ на благоукрашенные храмы водружая, селенная вся благочестивѣйшему и тишайшему московскому царю, всея же великія, малыя и бѣлыя Россіи и многихъ иныхъ земель и господарствъ сѣверныхъ, восточныхъ же и западныхъ самодержцу, державнѣйшему Петру Алексѣевичу и константинопольскому августѣйшему и благовѣнчанному самодержцу поклонятся.. О, препрославнѣйшая и благополучнѣйшая Москва! помяни пророченія, яже въ пришествіи нашемъ сѣмо въ царствующій предъ царскимъ и непобѣдимѣйшимъ семъ величествѣ и всемъ высочайшимъ сугклитомъ возсіяша: не явно ли ти возгремѣхомъ, яко царь московскій, по божественнымъ и градскимъ законамъ, и самодержецъ константинопольскій воспровѣстся?.. Нынѣ къ тебѣ, благочестивѣйшему, православнѣйшему и непобѣдимѣйшему царю Петру Алексѣевичу, и ко всѣмъ доблественнѣйшимъ княземъ царскаго твоего величества, боляромъ, воеводомъ и воиномъ и всякого убо чина человѣки обращаемъ и, поклоненно обращающе, глаголемъ: чесо ради времени оставляемъ преходити — ни единъ въ насъ страхъ да будетъ, вся боязнь на Моамеѳа нападе! Зане великій и безсмертный чиноначальникъ намъ Іисусъ Христосъ... знаменія наша есть крестъ... Ей, ей, пресвято, лѣпотно и праведно, непротивоглагольно кійждому своему наслѣдіе взыскати! И аще убо тако есть истина, не ваше ли наслѣдіе Константинъградъ? Не лѣпотствуетъ ли твоему царскому величеству скипетры, вѣнцы и престолы Онорія и Аркадія, приснопамятныхъ самодержцевъ константинопольскихъ? Не наслѣдіе ли православныхъ царей мѣста святія, идѣже Спаситель нашъ воплотися, святый вертепъ, идѣ же избавитель нашъ родися?» и т. д.

Сказаніе радостнаго и торжественнаго тріумфа, еже сотворися вхожденіемъ его пресвѣтлѣйшаго величества, великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея великія, малыя и бѣлыя Россіи самодержца, преславнаго суща побѣдителя шведовъ и внутреннихъ своихъ враговъ (многоглавой гидры). Како той великій монарха, сего 1709 года декабря 21, великіе плоды своей несравненной викторіи съ плѣнными шведскими генералы, вышними и съ нижними офицерами и съ прочими шведскаго короля служительми, со знамены, артиллеріею, муниціею, канцеляріею и съ прочими различными добычами въ своихъ свышеполученныхъ подъ Полтавою, Лѣснымъ и Переволочною викторіяхъ, со славою и помпою веліею, въ Москву благоволилъ есть внити [1])».

Передъ заглавіемъ, на особомъ листѣ, нарисовано тушью перомъ: двуглавый орелъ, на груди котораго портретъ Петра; въ одной лапѣ орла мечь, въ другой — умерщвленный левъ. Внизу — Геркулесъ убиваетъ палицей седмиглавую гидру; нѣсколько всадниковъ, обращенныхъ въ бѣгство, скачутъ въ сторону, гдѣ въ облакахъ изображена луна (удаленіе Карла XII въ Турцію). При томъ стихи:

Яко Геркулесъ седмъглавну побѣждаетъ,
тако царь нашъ Петръ седмь врагъ си сокрушаетъ:
Шведовъ со клевреты прогна и побѣди,
внутреннихъ враговъ возставшихъ порази!
Великъ еси царь, викторію пріялъ,
тріумфомъ твой Господь главу твою вѣнчалъ.
Воздаждь же за сіе небесному царю,
да той паки предастъ враговъ ти силу всю!

Прежде всего, въ сказаніи повѣствуется, какой славный народъ шведы и какою громкою извѣстностью пользовалось оружіе ихъ до послѣдней войны съ Россіею. Въ доказательство перваго, приводится свидѣтельство лѣтописца Беерна о происхожденіи шведовъ: родоначальникомъ ихъ былъ никто иной, какъ самъ Магогъ, сынъ Іафета, а у него было пять сыновей — одинъ Свенъ далъ начало свенамъ; братъ его, Гсфоръ или Гогъ есть праотецъ готовъ. Во времена рождества Спасителя, въ Швеціи былъ Эрикъ, а всего до Карла XII отъ потопа было тамъ 106 королей. Разсказы о подвигахъ шведовъ кончаются завоеваніями Густава Адольфа.

Главною причиною войны между Россіею и Швеціею авторъ панегирика полагалъ дурной пріемъ русскаго чрезвычайнаго посольства въ Ригѣ шведскими властями (хотя извѣстно, что наступательный союзъ Россіи и Даніи противъ Швеціи былъ заключенъ первыми державами прежде отправленія помянутаго посольства). Весь ходъ

[1]) Ркп. И. эрмитажа, въ f°, полка 3, № 93. Нач.: «яко же убо во бранѣхъ».

войны отъ нарвскаго до полтавскаго сраженій описанъ риторически, съ безпрерывными обращеніями къ примѣрамъ изъ древней исторіи. Послѣ разсказа, какъ Аннибалъ вотще старался овладѣть Сиракузами, слѣдуетъ: «однакоже кралю шведскому мысли и сердце твердою надеждою несомнѣнной побѣды бѣ исполненно, всѣ совѣты искусныхъ своихъ генераловъ презрѣвъ, по обыкновенію своему, объѣздя свои полки и всѣмъ куражъ наговоря, сказалъ имъ, что на единыхъ токмо шпагахъ вы русскихъ солдатъ прогнать можете, и тѣ русацы, увидя храбрость вашу, абіе оружіе брося, сами побѣгутъ. Сіе же ему изрекшу, съ воинствомъ своимъ рано, еще до всхода солнечна, на редуты государскіе дерзновенно пошелъ и два редута недодѣланыхъ взялъ. Потомъ зѣло смѣло на достальные редуты бросился, изъ которыхъ такою ему стрѣльбою подали огнь, что многихъ тутъ на мѣстѣ мертвецовъ своихъ оставя, тѣ редуты прошедъ, ударилъ на полки государскіе, возпещуя всѣхъ абіе вскорѣ прогнати. Обаче тіи отъ славы древней славенскія войны сему рукодѣлію, призрѣніемъ великаго монарха нашего изученные, наждавъ ихъ на себя, дали въ непріятеля изъ пушекъ и мушкетовъ такую страшную стрѣльбу, что ихъ множество пало. А другихъ наши воины багинетами, шпагами и копьями поколовъ, задпихъ нѣсколько верстъ гнали, иже ушедъ, стали обозомъ подъ мѣстечкомъ Переволочною. И тако меньше дву часовъ съ небеси дарованная, царскаго величества оружіемъ полученная викторія совершилася».

За тѣмъ описаны подвиги личной храбрости въ сраженіи государя и кн. Меншикова. Когда рѣчь дошла до бѣгства Карла XII въ Бендеры, то прибавлено отъ автора: «азъ разсуждаю, яко достойнѣе было ему отдаться христіанскому нашему великому государю, нже бы лучше его содержалъ и миромъ одаровалъ, дружбы утвердя, скорѣйше въ отчизну отпустилъ»...

Далѣе приведены примѣры бѣдственнаго конца всѣхъ возстаній противъ законныхъ государей, при чемъ изъ русской исторіи упомянуто о Годуновѣ, Отрепьевѣ и Разинѣ. Потомъ сдѣланъ переходъ къ описанію тріумфальнаго вшествія въ Москву, послучаю полтавской побѣды. Здѣсь опять приведены историческія свидѣтельства о тріумфахъ побѣдителей — отъ Моисея до Людовика XII включительно. Обращаясь къ полтавскому сраженію, авторъ дѣлаетъ еще такое замѣчаніе: «о превеликое дѣло божіе, нже преславному монарху нашему такую великую дарова на враговъ его викторію, мню, не точію за шведскую гордость и высокость злыхъ ихъ намѣреній, но и за неблагодарные поступки его государскихъ рабовъ, измѣнниковъ Мазепы, и донскихъ и прочихъ враговъ, нже въ самое время, вмѣсто помощи, воздвигоша своя оружіа, на Господа и на Христа своего устремившеся, како бы неповинныхъ его государскихъ рабовъ попрати и весьма погубити! Познайте, о россіане, непостижимыя премилосердаго не-

беспаго великаго нашего царя судьбы, како злокозненныхъ тѣхъ враговъ мысли, яко воду, разсыпа и, яко прахъ предъ лицомъ вѣтра, прогна!»... Въ заключеніи есть описаніе торжества въ Москвѣ 18 декабря 1709 и 6 января 1710 года.

«Къ пресвѣтлѣйшему, благополучнѣйшему и великодержавнѣйшему монарху, великому государю, царю и великому князю Петру Алексѣевичу, всея Россіи повелителю, отцу отечества, побѣдословныя рѳмы и пѣсни [1])». Онѣ помѣщены въ журналѣ Гюйсена въ Собраніи записокъ о Петрѣ В., Туманскаго, т. VIII, стр. 127 и слѣд.

Докторъ Бидлоо, сынъ автора извѣстнаго курса анатоміи [2]), является также сочинителемъ эмблемъ и надписей на торжественные случаи. Такъ сохранилось [3]) его описаніе тріумфальныхъ вратъ въ 1709 году, съ такимъ надписаніемъ: «Величайшему и благочестивѣйшему изъ кесарей, Петру Алексѣевичу, присноумножителю (переводъ слова augustus), тріумфуетъ надъ свейскими воинскими силами, еже весьма поражено или плѣнено, и ихъ король прогнанъ, измѣны или бунты утолены, коронованныя главы земель и градовъ паки въ первое состояніе постави и разные своему владѣнію порабощенны учини въ лѣто 1709».

На оборотѣ заглавнаго листа объясненіе надписей на вратахъ; за тѣмъ акварельный рисунокъ ихъ: наверху Слава держитъ изображеніе царя съ надписью: «токмо отъ сего намъ спасеніе — Hinc sol solus»; на фронтонѣ надпись: «De bellatis, superbis M. Petro Alexiewitz, caesari triumphanti»... На оборотѣ того же листа представлены боковыя изображенія вратъ, гдѣ, между прочимъ, есть Геркулесъ съ Земнымъ шаромъ на плечахъ, на которомъ надпись Moscoa; объясненіе: «иже міръ на рамепахъ понесе: humeris qui sustulit orbem!

«Державнѣйшій цесарь, милостивѣйшій царь, пишетъ въ посвященіи Бидлоо, во время, въ которомъ вы овощь отъ своего поту храбрости, труда и отеческаго попеченія за отечествіе во владѣніе свое приносишь (умноженіемъ своего государства, искушеніемъ (?) своего народу, укрощеніемъ гордыхъ, утоленіемъ бунтовъ, одержаніемъ великихъ полевыхъ боевъ, преодолѣніемъ и спасеніемъ градовъ и цѣлыхъ государствъ, введеніемъ хитростей искусствъ, обороненіемъ преодолѣнныхъ и утѣсненныхъ и наказаніемъ злыхъ), пристоитъ вамъ всякой тріумфъ, всякая честь и совершенное склонное сердце отъ всѣхъ вашихъ подданныхъ. Ей, сіе есть токмо знакъ благодаренія, но весь-

---

[1]) Ркп. И. эрмитажа въ f°, № 96, полка 3. Нач.: «Свѣтъ русскія земли».

[2]) Bidloo Govard—Ontleduing des menschlyken Lichnaams entgebeeld naar het leeven in 105 Alte keningen door de Heer Gerard de Lairesse, Amsterdam 1690. Рукописный переводъ этого сочиненія на русск. яз., съ выписаннымъ печатнымъ голландскимъ заглавіемъ, рисунками и портретомъ автора, въ рукописяхъ И. эрмитажа полка 5, № 31, въ f°.

[3]) Ркп. И. эрмитажа, въ 4°, полка 3, № 32; на переплетѣ оттиснуто золотомъ «Caesari triumphanti anno 1709».

ма не воздаянія за такія великія дѣйства или труды, отъ вашего величества за оныхъ учиненныя... Между сими азъ, вашего величества подданнѣйшій и вѣрнѣйшій слуга, воспріемлю вольность, нѣчто малое для чести вашей изобразивъ, толкованіемъ тому вамъ, всеподданнѣйшій и послушнѣйшій, поднесъ, уповая, что мое склоннѣйшее сердце болѣе мѣста въ милости вашего величества, нежели какъ дѣло, которое оными сочинено есть, изобрѣтетъ, понеже ниже символы, ниже нѣкоторыя письма возмогутъ удовольствовать, дабы главу вашу по достоинству изобразити. Азъ вящше чрезъ символы и надписи ваши достоинства, цноты, непріятельскія дерзновенія и неосторожности, нежели нѣкоторые, партикулярные полевые бои или великодушныя дѣйства хотѣлъ изобразити, понеже сіе всѣй вселенней довольно извѣстно, и отъ таковаго государя ни что же иное ожидаемо суть. — Все сіе дѣло (т. е. врата) стоитъ, или утвержденно на осьми плоскихъ столпѣхъ, между которыми четыре рамы будутъ; въ каждой оной трофеа, си есть знакъ побѣды со обвѣшеннымъ оружіемъ, окованными плѣнники отъ шведовъ, отъ казаковъ и иныхъ народовъ». Потомъ слѣдуютъ изъясненія картинъ и подписей, а въ концѣ автографъ сочинителя: Nicolaus Bidloo M. D.

Въ другой разъ, Бидлоо придумалъ двѣ эмблематическія картины на возвращеніе царя изъ втораго заграничнаго путешествія. Здѣсь также есть изображеніе Петра, съ подписью: verum de lumine lumen, и колесница, на которой сидитъ царь, везома Любовью и Мудростью, вдали Москва и проч.

«Всероссійскій монарха, царь и государь милостивѣйшій, сказано въ объясненіи къ картинамъ, понеже чрезъ толь многіе годы вашею монаршею презенціею не веселихомся, ниже солнце вашего сіянія насъ лучами своими озаряло, аще и подъ кровомъ милосердымъ вашія царскія даржавы охраняемы быхомъ, обаче въ печалѣхъ препровождахомъ дни наша, донелѣ услышали не вдавнѣ, что лучами вашея свѣтлости озаримся. Того ради, тако возвеселихся, яко праведный Ной по неблагополучномъ времени потопа, егда мглою и тьмою долго обдержимъ бѣ, божіей способствующей благодати солнце, всѣхъ освѣщающее, видѣти сподобихся. Сію мою радость и веселіе эмблемами на приходъ вашего царскаго величества изъявити и подъ стопы ногъ вашихъ подклонити дерзнухъ всесмиренно». Въ концѣ таже подпись Бидлоо съ обозначеніемъ 1717 года [1])».

Слѣдующее стихотвореніе, подъ названіемъ «Предисловіе во привѣтство царскому величеству, врученное 1718 года марта 19 дня» подписано Михаиломъ, затѣйливо назвавшимъ себя валдайскимъ пастушкомъ [1]):

---

[1]) Ркп. И. эрмитажа № 53, полка 3, въ 4°, нач.: «Понеже чрезъ толь».

[1]) Ркп. И. эрмитажа, въ 4°, полка 2, № 59.

Что гдѣ прославляется, яко мудрость,
и что толико хвалимо, елико храбрость?
Ничто ино равно тѣмъ быти возмогаетъ,
точію едина любовь та достизаетъ;
ибо вся добродѣтели въ той содержатся,
ей же и мудрость, и храбрость приспообщатся;
по что много о семъ глаголъ распространяти
и разными винами тую опредѣляти?
Единою достоитъ о ней рещи,
яко та путь оныхъ понуждаетъ всѣхъ тещи;
тѣхъ же мудрости и храбрости твердый союзъ
твердѣйшъ бываетъ, паче всѣхъ нерѣшимыхъ узъ.
Мудрость бо вся добрѣ правити наставляетъ,
храбрость же страны си отъ враговъ охраняетъ;
а идѣже двоица сихъ совокупленна есть,
тамо какова суть и молитва, всякъ довольно вѣсть.
Она убо добродѣтелей научаетъ,
сія же мужественно враги побѣждаетъ.
Кто же сицевою двоицею богатѣетъ?
монархъ россійскъ, яко двукрилату имѣетъ,
има же, яко орелъ гнѣздо, си покрываетъ,
царство росско невредимо отъ врагъ соблюдаетъ;
касающихся сему лютъ терзаетъ,
не точію птичищь, но и льва сокрушаетъ!
О, монарше храбрый, толико ти есть храбрость
и такова расти умудряюща мудрость,
яко никто изглаголати есть доволенъ,
токмо удивленія бываетъ исполненъ;
отъ удивленія же страхъ си умножаетъ
и до достодолжны услуги унижаетъ.

—

Кто не дивится толику мудрость царя зрящъ,
яко усерднѣ пребываетъ выну къ ней бдящъ.
Его же упремудри Россію толико,
яко и врагъ нашъ долженъ есть рещи: елико
нечаяхъ Россіи такову тебѣ быти!
Откуда же дерзнухъ противъ пути изыти?
Неслышахъ таково въ тебѣ обученія,
яко нынѣ дивна зрю поведенія,
не видѣхъ прежде у тебя наукъ гражданскихъ,
ниже регулярныхъ обхожденій воинскихъ.
Нынѣ искусивъ, увѣрихся неложно,
яко и похвалити уже тыя можно,
ибо плодъ свободныхъ наукъ предивно цвѣтетъ
и въ веліе удивленіе спѣшно растетъ.
О регулярствѣ же войскъ и слово есть скудно,
зане пространно о семъ рещи весьма трудно:
всѣмъ бо странамъ зѣло извѣстно есть и явно,
како россовъ врази побѣждаются славно.
Кто жъ иной таковъ слышится побѣдитель,

яко же Петръ первый россійскихъ повелитель?
О, царю, богомудрый, кто ти недивится?
не точію всякъ дивится, но и страшится.

—

Кто бо не страшится храбра царя толика,
въ мудрости предивна и въ мужествѣ велика?
Ему жь такови суть добли кавалеры,
иже веледушіе имутъ паче мѣры.
Мужественно отечество си защищаютъ,
нападающихъ же врагъ въ бѣгство обращаютъ;
дерзающихъ до бою славно побѣждаютъ
и остреемъ меча жестоцѣ посѣцаютъ.
Многѣхъ же, яко храбримъ обычнѣ, плѣняютъ
и славу ихъ на безславіе премѣняютъ.
Кто же храбрость сію вкоренити возможе?
Императоръ Петръ, ему же самъ Богъ поможе,
и мужество толико кто иной являетъ,
яко той державный при бранѣхъ поступаетъ,
и не токмо въ кавалеріи воюетъ,
но и въ инфантеріи храбро маршируетъ.
Что видя, кто тя, о монарше, не похвалитъ
и, бодрость инфантерску зря, кто не прославитъ?

Вашего царскаго величества всенижайшій рабъ, всенедостойнѣйшій пастушокъ Михаилъ валдайскій землемещуся.»

Этотъ же валдайскій пастушокъ написалъ два стихотворенія: a) Во привѣтствованіе царскому пресвѣтлому величеству сочиненны со исторій побѣдительныхъ надъ свейскимъ королемъ и его воинствомъ вящше же взято отъ полтавскія исторіи, въ честь и похвалу царевы и его воинству (Егда свѣтлое пресвѣтлаго)», вмѣстѣ съ другою пьесою: «Изъявленіе побѣдъ россійскаго монарха и его воинства надъ свейскимъ королемъ (Егда издревле Курціи)» и b) «Наше радостное тріумфованіе Россіи, полученное чрезъ неусыпные труды великодержавнѣйшаго монарха Петра Перваго, всероссійскаго всемилостивѣйшаго государя, царя и трудолюбнѣйшаго императора и отца отечествія (Ликуй россійска)». Оба стихотворенія въ Кабинетныхъ дѣлахъ [1]); первое изъ нихъ обозначено 15 декабремъ 1717 года, и съ боку есть приписка: «валдайскаго попа Михаила». Это былъ не одинъ изъ духовныхъ, который именовалъ себя пастушкомъ: въ письмахъ Стефана Яворскаго къ Петру Великому онъ часто подписывался: «Стефанъ — пастушокъ рязанскій».

«Тріумфъ о благополучнѣйшемъ и преславномъ вѣчномъ мирѣ... Петра Великаго, отца отечествія, государя всемилостивѣйшаго, съ свейскою короною. Сочиненъ его императорскаго величества отъ послѣднѣйшаго раба и дненощнаго богомольца, Софронія, іеромонаха и

[1]) II, № 31 л. 589—592, № 56 л. 734.

учителя Лихудія, кефалинитина, въ лѣто отъ Христа 1721, декемврія, въ Москвѣ [1]). Въ началѣ рисунокъ тушью, сдѣланный весьма искусно: вверху двѣ аллегорическія фигуры Славы вѣнчаютъ короною изображеніе Петра, который представленъ въ латахъ; по сторонамъ Меркурій и Марсъ; внизу аттрибуты торговли и войны.

Все слово состоитъ изъ риторическихъ похвалъ царю: ораторъ восхищается его лицомъ, ростомъ, подвигами и т. п. «Родился опъ не первородный, говоритъ между прочимъ греческій риторъ, да не возмнится, яко сего ради взялъ еси преемство царства, но и ради благодатей твопхъ и иныхъ, яже имутъ быти по предвѣдѣнію всесильнаго Бога и распространенію сего твоего государства и утвержденію христіанства; родился еси не второродный, понеже по божію предвѣдѣнію не бѣ оное время, въ которое имѣли совершатися она, яже въ сіе время совершася со славою непзреченною и въ будущее подобнѣ совершатся; но родился еси послѣдородный, понеже благочестивѣйшій царь, отецъ твой подражалъ естеству древъ, которыя перво произносятъ цвѣты, тоже листвіе и потомъ плоды. Благополучнѣйшее твое рожденіе учинилося по подражанію благочиннаго движенія небеснаго осмого круга, который кругъ прежде дне перво намъ предпосылаетъ звѣзду Афродитину, таже шафранопестрый востокъ и потомъ солнце»...

«Петру Великому, государю нашему, первому верховному самодержцу всероссійскому, вашему пресвѣтлѣйшему величеству, во благознаменитый день праздника вашего, въ день обновленія побѣдоносныя славы полтавскія и въ другихъ нынѣ прежнимъ сообщенпымъ побѣдамъ торжествующему побѣдителю, премудрой главѣ церковной со всепокорнѣйшею рабскою должностію приношу М. Ширяевъ [2])». Въ концѣ 1721 года.

Это должно быть кантата, пѣтая по случаю торжествъ въ 1721 году: въ ней прославляютъ побѣды Петра надъ шведами. Вотъ для примѣра нѣкоторыя строфы, видимо составленныя для церковнаго пѣнія:

«Свея, на нюже ни возста, ни побѣди кто когда. Войско же его не попра широта европская: Петръ первый побѣдилъ есть. Господи, его же ввелъ еси въ славу, по благости твоей, хваляща и поюща побѣдную пѣснь».

«Побѣдивый свейское войско повелѣніемъ твоимъ и разрушивый неодержима въ хищности льва, недвижимымъ Христе каменемъ въ побѣдахъ Россію паки утверди, едине Боже и человѣколюбце».

«Божественное твое разумѣвъ вспоможеніе, побѣждающій царь

---

[1]) Ркп. П. эрмитажа, въ f°, № 84, полка 3. Нач.: «Издавна размышляхъ въ себѣ».

[2]) Ркп. академіи наукъ, въ 4°, № 119; начало: «Твоя побѣдительная».

Петръ съ должностію, Христе, вопіяше тебѣ: во спасеніе людей твоихъ, спасти помазанника пришелъ еси»!

«Неистовавшаго ся въ лютости, правдотлѣннаго, владыко Христе, льва свейскаго укротивъ, утверди Россію, яко благоутробенъ».

«Враговъ низложеніе богородична молитва, поражающая свеянъ, проповѣдная въ чудесахъ неповреждающи, но соблюдающи пѣснословцы Бога отецъ нашихъ [1])»...

XIV.

Средневѣковыя мистеріи и отношеніе ихъ къ старинным театральным зрѣлищамъ въ Россіи. Мистеріи въ Малороссіи. Обрядъ вещаго дѣйствія во Москвѣ, Новгородѣ, Вологдѣ. Переходъ польской и малорусской мистеріи во Москву при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Извѣстія современниковъ о театрѣ и актерахъ Петровскихъ временъ. Тогдашнія русскія пьесы съ намеками на современныя событія и лица. Переводы европейскихъ драматическихъ произведеній.

Ни одна отрасль поэзіи не представляетъ изслѣдователю такого обширнаго поля для историческихъ сравненій, какъ драматическая. Имѣя дѣло съ жизнію, и непосредственно вытекая изъ нея, драма, болѣе лирики и эпоса, сохраняетъ въ себѣ слѣдовъ народныхъ взглядовъ и убѣжденій. И это весьма естественно, потому что драма въ основѣ своей непремѣнно заключаетъ настоящее; хотя же содержаніе ея часто заимствовано изъ прошедшаго, но оно какъ-бы вновь оживаетъ на сценѣ и дѣлается современнымъ зрителю.

Драма находится въ родствѣ съ пластикою; и та, и другая, дѣйствуя на чувства, взаимно соприкасаются. Такъ въ Германіи XIV столѣтія [2]), когда замѣтно развитіе драматическихъ представленій, стали являться книжки съ картинками; въ XV вѣкѣ, тамъ уже было не въ обычаѣ, написавъ книгу, не приложить къ ней, въ видѣ объясненія, изображеній; для людей малограмотныхъ эти послѣднія замѣняли самый текстъ книги, и чѣмъ болѣе составлялось сочиненій для народнаго чтенія, тѣмъ болѣе замѣтно въ нихъ картинокъ. Произведенія съ рѣзанными на деревѣ изображеніями, — предвѣстники печатныхъ книгъ,—имѣли въ виду, какъ потомъ и эти послѣднія, мистическія и благочестивыя сочиненія, находившія такой отличный пріемъ въ XV

---

[1]) Печатныя привѣтствія панегирики и вирши описаны въ хронологическомъ порядкѣ во 2-й части настоящаго труда.

[2]) О мистеріяхъ въ Германіи и Польшѣ смотри: «Geschichte der Deutschen Dichtung, von Gervinus, «Piśmiennictwo polskie» Мацѣевскаго, «Historia literatury polskiéj», Вишневскаго.

вѣкѣ, именно: легенды, календари, апокалипсисъ и т. п. Здѣсь изображенія играли главную роль, а текстъ состоялъ изъ коротенькихъ поясненій. Все, что̀ было выше чувствъ, старались представлять осязательнымъ, все духовное—вещественнымъ. Это направленіе вызвало аллегорію; отвлеченныя понятія добродѣтелей, также какъ̀ грѣховъ и пороковъ, являлись подъ человѣческими лицами. Но этого было мало: изображеніе все-еще не казалось достаточно живымъ, и потому-то часто къ нему прибавлялась надпись, выходящая изъ рта нарисованной фигуры и замѣнявшая недостатокъ слова.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ такое время, въ самой Церкви западной Европы явилось стремленіе, посредствомъ различныхъ символическихъ обрядовъ и церемоній объяснять таинства вѣры. Не подлежитъ сомнѣнію, что драматическое искусство впервые обязано своимъ существованіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ духовенству и монастырямъ. Ими была принята и усвоена драма,—но драма религіозная и чисто-христіанская, имѣвшая задачею укрѣпить умы зрителей въ истинахъ вѣры, сдѣлать вѣрованія Церкви доступными для большинства. Съ теченіемъ времени, религіозныя представленія давались съ бо́льшею и бо́льшею пышностью и торжественностью, потребовалась помощь мірянъ, и они стали принимать участіе въ подобныхъ драмахъ. Вскорѣ этотъ обычай до такой степени распространился, что папы и епископы сочли нужнымъ ограничить его, и съ этою цѣлью не разъ издавались строгія постановленія, запрещавшія въ храмахъ зрѣлища, а также участіе въ нихъ духовныхъ лицъ. Но, несмотря на такія мѣры, духовныя власти должны были впослѣдствіи дѣлать уступки господствовавшему вкусу. Въ XIV вѣкѣ, во Франціи и Нидерландахъ, мистеріи представлялись уже публично, тогда же нѣчто подобное встрѣчается и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи. Въ XV вѣкѣ этотъ обычай распространился повсемѣстно и нигдѣ не встрѣчалъ осужденія.

Въ Германіи исполненіе религіозныхъ пьесъ было предоставлено народу, ремесленникамъ и студентамъ; въ Англіи и Франціи въ драматическихъ представленіяхъ принимали участіе и высшіе классы общества; тамъ они исполнялись съ бо́льшею пышностью и, конечно, съ бо́льшими издержками. Въ послѣдней странѣ, мистерія рѣшительно сдѣлалась публичнымъ зрѣлищемъ, въ которомъ, при великолѣпной обстановкѣ и сложности машинъ, принимали участіе и дворъ и дворянство. Любимымъ сюжетомъ представленій тамъ были чудеса Богородицы; скоро эти представленія совершенно отдѣлились отъ церковныхъ празднествъ и послужили переходомъ къ свѣтскимъ пьесамъ, написаннымъ по образцамъ древнихъ, и съ соблюденіемъ знаменитыхъ трехъ единствъ.

Отличительный характеръ старинныхъ западныхъ мистерій состоитъ въ томъ, что чѣмъ онѣ древнѣе, тѣмъ болѣе въ нихъ сохра-

пился богослужебный характеръ; притомъ, древнѣйшія писаны на латинскомъ языкѣ, на которомъ происходила божественная служба (Ludus paschalis de passione Christi, ludus de nocte paschali и пр.). Иногда мистеріи давались впродолженіи двухъ, трехъ и даже семи дней. Въ позднѣйшихъ замѣтно болѣе искусства въ изложеніи, при чемъ исключены ненужные и не идущіе къ дѣлу эпизоды, а введены такіе, которые имѣли близкое отношеніе къ жизни. За тѣмъ являются сцены, заимствованныя изъ Ветхаго Завѣта; отъ времени до времени, представленія новозавѣтной исторіи прерываются междудѣйствіями, въ которыхъ выводятся лица и приключенія изъ Ветхаго Завѣта. Такимъ образомъ, исторія Сусанны предшествуетъ событію изъ Новаго Завѣта, когда Христосъ прощаетъ раскаявшуюся блудницу; Давидъ и Голіаѳъ выводятся предъ входомъ Спасителя въ Іерусалимъ; за продажею Іосифа братьями слѣдуетъ предательство Іуды и т. д. Въ этихъ междудѣйствіяхъ и вводныхъ эпизодахъ по бо́льшей части избирались такіе случаи изъ Ветхаго Завѣта, которые въ самихъ себѣ уже заключали единство драматическаго дѣйствія и характера, что́ приближало ихъ къ классической трагедіи. По этой-то причинѣ, сюжетами для мистерій всѣхъ европейскихъ народовъ были преимущественно приключенія Навуходоносора, Эсѳири и Амана и т. п.

Сначала въ мистеріяхъ не допускался комическій элементъ, но его присутствіе какъ-бы предчувствуется въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ этого рода. Комизмъ, по существу своему, носитъ въ себѣ характеръ пластики. Тѣлесные недостатки, уродство и безобразіе — вотъ предметы, которые сама природа предоставила насмѣшкѣ. Передразниваніе этихъ недостатковъ, обезьянничаніе ихъ — составляетъ уже попытку ввести въ искусство комическій элементъ. Поэтому, демонъ старинныхъ мистерій можетъ считаться первообразомъ всѣхъ карикатуръ и смѣшныхъ изображеній послѣдующихъ временъ. Комизму, по самому свойству его, необходима разговорная форма: бо́льшая часть шутокъ, остротъ и мѣткихъ насмѣшекъ древнихъ и новыхъ писателей являются въ разговорахъ.

Германскія мистеріи, гдѣ замѣчается комическій элементъ, относятся къ XIV столѣтію. На Западѣ, духовенство, для привлеченія толпы, допускало забавное и смѣшное даже въ свои процессіи, а это и было причиною, что образовались представленія, гдѣ серьезное смѣнялось забавнымъ и на оборотъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ въ каждомъ празднествѣ есть всегда и важное, и комическое: ярмарка и притомъ какая нибудь торжественная церемонія, вмѣстѣ взятыя, представляютъ соединеніе серьезнаго празднества съ комическими антрактами. Нѣмецкое драматическое представленіе на страстной недѣлѣ можетъ служить образчикомъ тому: торжественныя пѣснопѣнія смѣшаны въ немъ съ уличными сценами между купцомъ, женою его,

слугою и торговками — и все это въ шутовскомъ родѣ; лица пребезобразныя, бранчивая жена дерется съ мужемъ и пр.

Въ сосѣдственной намъ Польшѣ, религіозныя драматическія представленія существовали уже въ XII вѣкѣ. И тамъ высшее духовенство, замѣтивъ излишества и крайности, старалось о прекращеніи подобныхъ зрѣлищъ, которыя, вмѣсто распространенія набожности и уваженія къ религіи, служили только къ упадку ея. Запрещенія, однако, не произвели желаемаго дѣйствія, а подали поводъ къ пріисканію другихъ мѣстъ, внѣ церкви, для театральныхъ зрѣлищъ. Драмы, въ родѣ страстей Христовыхъ, убіенія св. Іоанна Предтечи и т. п. продолжали даваться предъ народомъ, съ тою разницею, что это происходило не въ церквахъ, а въ школахъ и на кладбищахъ. Въ началѣ XVII столѣтія были запрещены мистеріи, гдѣ преобладалъ комическій элементъ, и тогда-то онѣ, въ Польшѣ носившія названія діаловъ, нашли себѣ убѣжище въ стѣнахъ школъ. Уже въ XVI вѣкѣ онѣ были полурелигіозными, полусвѣтскими, и такими ихъ застали іезуиты, въ школахъ которыхъ діалоги удержались до окончательнаго уничтоженія ордена.

Старинные польскіе діалоги писались или по греческимъ образцамъ, съ хорами, или, согласно обычаямъ средневѣковой Европы, съ интермедіями, или же, наконецъ, просто, безъ всякихъ добавокъ, состояли изъ разсужденій, изложенныхъ въ разговорной формѣ. Нѣкоторые изъ діаловъ были оригинальные, другіе переводные, бо́льшая же часть передѣланные на польскіе нравы. Сатирическія стихотворенія Станислава Гроховскаго (въ концѣ XVI вѣка), писателя народнаго по преимуществу, породили множество подражателей и, между прочимъ, подали примѣръ введенію сатиры и въ драматическія представленія. Съ тѣхъ поръ, въ такъ называемыхъ интермедіяхъ (пролюдіяхъ, интерлюдіяхъ) стали являться лица и событія изъ современной жизни. Въ Польшѣ, также какъ и въ Германіи, серьезныя представленія смѣнялись шутливыми: въ одной драмѣ, на страстной недѣлѣ, послѣ самыхъ поразительныхъ сценъ, является дьяволъ и продаетъ веревку Іудѣ, совѣтуетъ ему удавиться и проч.

У каждаго народа были любимыя лица, постоянно показывавшіяся во всѣхъ комическихъ пьесахъ; съ теченіемъ времени они становились народными и ихъ названія дѣлались нарицательными именами пороковъ, недостатковъ или слабостей, которыми надѣлялись тѣ лица въ комедіяхъ. Такъ въ старинной итальянской комедіи часто попадаются три человѣка: добродушный отецъ, сынъ распутникъ и пройдоха слуга. Первый всегда былъ венеціанскій купецъ или законникъ изъ Болоньи и носилъ названіе Панталона. Изъ Бергама брали обыкновенно въ комедіи шутовъ, такъ какъ тамошніе уроженцы славились, какъ наши вятичи и пошехонцы, особенною неуклюжестью, и притомъ были не прочь и помошенничать. Бригел-

ла былъ плутоватый, а Арлекинъ простоватый слуга. Замѣчательно, что слѣды этихъ четырехъ лицъ сохранились и въ комедіяхъ Мольера.

У французовъ извѣстно подобное лицо подъ именемъ Jean Farine, у Нѣмцевъ—Hanswurst. Въ польскихъ интермедіяхъ выводятся Альбертъ, канторъ (пѣвчій на крилосѣ), и Клеха (церковный сторожъ). Послѣдній заступалъ мѣсто итальянскаго арлекина, роль кантора соотвѣтствовала Бригеллѣ. Иногда показывались на сценѣ и панъ и деревенскій судья, у котораго, неизвѣстно почему, разумъ былъ холопскій, и рогатый нечистый, всегда измаранный грязью и съ мѣрой кипящей смолы [1]). По временамъ выходилъ и Добрый духъ или Вѣра съ крестомъ въ рукахъ. Смерть одолѣвала человѣка, а душу его соблазнялъ, только напрасно, опять нечистый же. За послѣднимъ выступаетъ колдунья, а изъ миѳологіи Бахусъ съ Сатирами. Изъ другихъ лицъ обращаютъ на себя вниманіе хвастунъ-странникъ и забіяка-солдатъ, также Слава, Добродѣтель, Сладострастіе. Глуповатая шляхта, любившая покутить, взяточникъ-бурмистръ, жидокъ, деревенщина изъ разныхъ мѣстъ, также бывали на сценѣ. Но всего чаще встрѣчаются въ польскихъ пьесахъ хвастуны-пилигримы и разные пьянчужки....

Всѣ эти свѣдѣнія о европейскихъ мистеріяхъ и въ особенности о польскихъ пьесахъ имѣютъ, какъ увидитъ читатель, значеніе и для русскаго театра.

Русскія старинныя драматическія представленія, если разсматривать ихъ только въ самихъ себѣ, не обращая вниманія на окружавшую дѣйствительность, имѣютъ много сходства съ мистеріями и драмами средневѣковой Европы и старинной Польши. Но это сходство не можетъ привести изслѣдователя къ убѣжденію, что возникновеніе, успѣхи и преобразованіе театра были одинаковы, какъ у насъ, такъ и на Западѣ. Разница, съ исторической точки зрѣнія, тотчасъ видна и въ началѣ, и въ дальнѣйшей судьбѣ русской и европейской драмы. Крестовые походы и религіозный энтузіазмъ, овладѣвшій тогда западной Европой, не мало содѣйствовали введенію мистерій. Разсказы крестоносцевъ, возвращавшихся отъ святыхъ мѣстъ, повѣсти пилигримовъ, при всеобщей экзальтаціи, имѣли въ себѣ много драматическаго и, весьма вѣроятно, подали поводъ къ введенію религіозныхъ мистерій. Католическое духовенство никогда не упускало случаевъ пользоваться всѣми средствами увеличивать, подъ видомъ рас-

---

[1]) Слѣдовательно, въ старинной польской комедіи нечистый представлялся такъ, какъ его воображалъ себѣ народъ въ Польшѣ и Малороссіи: одно изъ дѣйствующихъ лицъ «Бурсака» Нарѣжнаго, чтобы разыграть роль чорта передъ дьячкомъ, вымарало себя грязью въ первой попавшейся лужѣ: успѣхъ такой несложной костюмировки былъ полный, и дьячокъ не усомнился ни на минуту въ присутствіи нечистой силы.

пространенія и прославленія религіи, свое собственное вліяніе на народъ и извлекать изъ того всѣ возможныя выгоды. Броженіе умовъ, особенная восторженность и наивная вѣра были отличительною чертою западныхъ европейскихъ народовъ въ средніе вѣка; не удивительно, что духовенство всего болѣе старалось дѣйствовать на чувства, и осязательно представлять то, что́ для большинства въ религіи оставалось бы иначе темнымъ или непримѣтнымъ. Если Польша не испытала въ такой степени, какъ остальная Европа, вліянія крестовыхъ походовъ, то въ замѣнъ она съ давнихъ временъ подвергалась вліянію католическаго духовенства. Припомнимъ только, какимъ важнымъ вліяніемъ пользовался въ этомъ государствѣ іезуитскій орденъ въ дѣлѣ просвѣщенія, по всѣмъ отраслямъ знаній, даже до конца XVIII вѣка,—и намъ становится яснымъ, почему, славяне по происхожденію и, слѣдовательно, не склонные къ какому бы то ни было фанатизму по самой природѣ своей, поляки, однако, принимали сильное участіе въ религіозныхъ распряхъ и неурядицахъ, что́ было причиною многихъ несчастій для цѣлой страны.

Вліяніе духовенства отразилось и въ драматическихъ представленіяхъ старинной Польши. Высшее духовенство издавало запрещенія противъ нихъ, но они не были искоренены, напротивъ, поддерживались и въ церквахъ, и въ школахъ, потому что мѣстное духовенство и монашескіе ордена извлекали изъ того выгоду, привлекая народъ, вербуя себѣ жаркихъ приверженцевъ, увеличивая даже число учащихся въ своихъ школахъ. Все это не могло имѣть мѣста въ Россіи. У насъ мало, или, лучше сказать, вовсе нѣтъ матеріаловъ для исторіи кіевскаго театра; но изъ исторіи тамошней академіи извѣстно, что Петръ Могила, при учрежденіи русскихъ школъ, заимствовалъ распорядки польскихъ учебныхъ заведеній. По этому-то учитель поэзіи обязывался въ Кіевѣ каждый годъ приготовлять для лѣтнихъ рекреацій драму, комедію или трагедію.

Въ Москвѣ театральныя представленія при Алексѣѣ Михайловичѣ не были вызваны, ни духомъ времени, ни потребностями народа: потому-то они оставались забавою одного двора и немногихъ приближенныхъ къ нему (Милославскаго, Матвѣева), знакомыхъ съ польскими обычаями и даже литературой. Эти обстоятельства не могли неимѣть вліянія на судьбу драматическаго искусства въ Россіи и полагаютъ разницу между нашимъ театромъ и европейскимъ. Но выше замѣчено, что драма стоитъ въ тѣсной связи съ жизнію и болѣе, нежели другія отрасли поэзіи, сохраняетъ въ себѣ отпечатокъ современной эпохи. Этотъ характеръ театральныхъ представленій не могъ, конечно, не выказаться и въ пересажденной къ намъ мистеріи. Первая попытка этого рода отзывается рабскимъ подражаніемъ: изрѣдка какой нибудь намекъ или анахронизмъ напоминаютъ намъ, что писатель былъ малороссъ или жилъ въ Москвѣ,—все

остальное чуждо и нашему быту, и нашимъ обычаямъ. Но подражательный періодъ русской драмы,—если принимать въ разсчетъ, что безпокойства политическія послѣднихъ десятилѣтій XVII вѣка въ Россіи мѣшали всякому прогрессу науки и искусства вообще—продолжался весьма не долго. Въ извѣстной намъ мистеріи Дмитрія Ростовскаго, хотя и соблюдена еще подражательная форма, однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ являются уже живыя лица изъ русской дѣйствительности, они говорятъ не переведенною съ польскаго рѣчью, но языкомъ русскаго человѣка; притомъ являются анахронизмы, изъ которыхъ видно, что народный элементъ начинаетъ брать перевѣсъ надъ заученными съ чужаго голоса правилами. Въ началѣ семисотыхъ годовъ является вдругъ трагедія изъ русской исторіи, въ ней описываются событія русскія, дѣйствуютъ лица, которыхъ, чтобъ обрусить, именуютъ Жериволами, Ярополками... Разборчивый изслѣдователь и въ ней, разумѣется, найдетъ слѣды подражанія, но здѣсь самая мысль заимствовать сюжетъ изъ событій, близкихъ зрителямъ, при тогдашнихъ схоластическихъ преданіяхъ и рутинѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Въ русской исторіи начала XVIII вѣка, всего болѣе поражаетъ могущество и сила воли одного человѣка: куда мы ни обратили бы взглядъ, какой бы отрасли знаній не посвятили свое вниманіе,—вездѣ замѣтна желѣзная рука этого человѣка, вездѣ проявляется его сильный характеръ, его роковая энергія. Конечно подвиги, гдѣ высказывается всего болѣе матеріальная сила, не могутъ возбуждать особеннаго сочувствія въ наше время, но въ дѣйствіяхъ Петра именно то и любопытно, что для него было недостаточно унизить непріятеля, разсѣять толпы непокорныхъ, заточить и погубить въ изгнаніи враждебныхъ его мнѣнія,—онъ старался даже самое мышленіе, умъ, духовныя силы націи подчинить своему вліянію, отчего и проявленіе ихъ зависѣло опять таки отъ его же воли. Подобное явленіе не можетъ не поражать и отдаленнаго отъ той эпохи изслѣдователя: иногда, противу воли своей, онъ останавливается именно на томъ, гдѣ замѣтно присутствіе, слѣды этой воли, гдѣ она нашла выраженіе себѣ. Разумѣется, не должно пропускать безъ вниманія и тѣ случаи, когда, несмотря на всю энергію воли, воля оставалась неисполненною, а это также случалось, потому-что человѣческому могуществу, какъ бы ни было оно велико, есть свои предѣлы, за которые переступить оно не имѣетъ возможности.

Всѣ вообще произведенія науки и литературы въ Россіи при Петрѣ Великомъ, въ особенности тѣ, которыя были допущены невозбранно въ обращеніе въ публикѣ, т. е. печатныя, зависѣли въ бо́льшей или мѣньшей степени отъ воли правительства, сосредоточившагося въ лицѣ государя, а потому писались и печатались съ изумительнымъ для нашего времени единствомъ мысли. Отъ молитвенника, написаннаго

для солдата, до самыхъ сложныхъ государственныхъ учрежденій, отъ правилъ о ружейныхъ пріемахъ до воинскаго устава, отъ шутовскихъ пировъ въ старинныхъ русскихъ платьяхъ и учрежденія особаго званія для боярина Стрѣшнева до самыхъ торжественныхъ обрядовъ,—однимъ словомъ, вездѣ и всюду сохранена гармонія, послѣдовательность, возможныя только тамъ, гдѣ работаетъ голова одного человѣка за всѣхъ, гдѣ субъективное я подчиняетъ себѣ все, къ чему бы оно ни прикоснулось.

Драма и комедія петровскихъ временъ, оставаясь, по формѣ, тѣмъ же, чѣмъ были онѣ и прежде, по содержанію своему имѣютъ близкое соотношеніе къ тогдашней дѣйствительности: театральныя представленія уже не ограничиваются событіями изъ священной исторіи; если эти послѣднія и находятъ еще себѣ мѣсто въ драмахъ, то скорѣе случайно, или въ видѣ необходимой уступки прежде принятымъ порядкамъ. Главное въ театральныхъ зрѣлищахъ первыхъ годовъ XVIII вѣка составляло прославленіе подвиговъ Государя, его счастливыя побѣды, униженіе враговъ, торжество надъ непокорными и т. д.,—но казалось мало для назиданія зрителей одного прославленія побѣды или выставленія на показъ несчастной судьбы противящихся — комическій элементъ, насмѣшка надъ тѣми, которые осмѣливались плыть противъ теченія потока,—также призваны на помощь, и вотъ передъ зрителями являются старовѣры съ своими убѣжденіями, несчастный ставленникъ, котораго надуваютъ, подъячій, берущій взятки, дьячокъ, который не хочетъ отдавать дѣтей «въ науку» и т. д. Удивляться надобно мѣткости, съ какою выбраны эти лица,—они остаются типическими, народными, и до сихъ поръ, если ихъ выводятъ въ литературныхъ произведеніяхъ, то эти послѣднія встрѣчаются съ особенною любовью отъ публики и доставляютъ извѣстность автору. Выше видѣли мы, что Италія имѣла своего арлекина и бригеллу, въ Польшѣ процвѣтали кутило-солдатъ, хвастунишка пилигримъ,—у насъ при Петрѣ явились было также свои народные типы, но, къ сожалѣнію, имъ не дано было, по разнымъ соображеніямъ, развиться и окончательно укорениться въ нашей литературѣ. Эти соображенія разъяснять здѣсь не мѣсто, потому что пришлось бы говорить о другой, позднѣйшей эпохѣ; замѣтимъ только, что въ исторіи драматическаго искусства въ Россіи заслуживаютъ особеннаго вниманія два момента. Первый, когда у насъ ввелись въ обычай мистеріи и діалоги; на Западѣ они преобразовались впродолженіи столѣтій и постепенно потомъ перешли въ свѣтскую драму, у насъ же эти представленія, едва только начали принимать въ себя народный элементъ и сближаться съ нашею жизнью, какъ должны были уступить мѣсто такимъ произведеніямъ, которыя уже существовали въ Европѣ послѣ долгихъ переходовъ изъ религіозной въ полусвѣтскую и, наконецъ, совершенно въ свѣтскую драму. Второй моментъ именно начинается съ

того времени, когда въ Россіи стали являться сначала переводы, потомъ подражанія, далѣе передѣлки съ иностранныхъ образцовъ, наконецъ попытки народнаго театра. Замѣчательно то обстоятельство, что второй моментъ совершился точно такимъ же образомъ, какъ и первый. Точно также прежде всего, именно въ царствованіе Петра, встрѣчаемъ подстрочные переводы разныхъ драматическихъ пьесъ; въ числѣ ихъ есть, напримѣръ, произведенія Мольера, есть отрывокъ Донъ-Жуана. Но эти переводы были таковы, что ихъ почти невозможно понять, не имѣя въ рукахъ подлинника. Если въ одной изъ первыхъ русскихъ мистерій, подъ названіемъ Св. Алексѣй, двѣ трети текста наполнены польскими выраженіями, то въ петровскихъ переводахъ комедій и драмъ во многихъ мѣстахъ рѣшительно нѣтъ смысла и явно, что переводчикъ не понималъ подлинника. Въ особенности это замѣтно при передачѣ патетическихъ сценъ, объясненій въ любви, или описаній возвышенныхъ чувствъ. Такіе недостатки, конечно, происходили не отъ того, что русскіе не могли чувствовать такъ же, какъ и европейцы, но единственно потому, что выраженія этихъ чувствъ въ болѣе развитыхъ литературахъ имѣютъ свои условныя формы, выработывавшіяся не въ десятки, но многія сотни лѣтъ. Введеніе этихъ-то условныхъ формъ и происшедшая отъ того ломка языка и были причиною такихъ уродливыхъ переводовъ въ русской литературѣ начала XVIII вѣка. Вскорѣ за петровскою эпохою, реальное направленіе, которое Петръ Великій старался дать русской умственной дѣятельности, въ видахъ чисто-политическихъ, было принесено въ жертву безусловнаго подражанія французскимъ образцамъ. Успѣхъ такого направленія не могъ имѣть большаго вліянія на самую жизнь общества, а потому проявленіе его въ особенности замѣтно въ формѣ, во внѣшней обстановкѣ.

Хотя въ настоящемъ трудѣ должно было бы заключаться обозрѣніе драматическихъ произведеній лишь петровской эпохи, тѣмъ не менѣе, однако, полагаемъ не лишнимъ сообщить нѣкоторыя подробности о театральныхъ представленіяхъ и зрѣлищахъ въ XVII столѣтіи;—они находятся въ такой тѣсной связи съ русскимъ театромъ начала XVIII вѣка, что необходимо дополняютъ и объясняютъ его.

Свѣдѣнія о занятіяхъ и средствахъ существованія учениковъ кіевскихъ школъ XVII вѣка оставлены въ сочиненіи митрополита Евгенія, «Описаніе Кіево-Софійскаго собора». Между прочимъ, бурсаки въ обѣденное время ходили по домамъ гражданъ и пѣли различные канты у окошекъ, при воротахъ, на площадяхъ, за что и получали вознагражденіе иногда деньгами, иногда съѣстными припасами. Въ романѣ Нарѣжнаго: «Бурсакъ», остался комическій очеркъ подобныхъ спѣваній и миркованій. «Лишь только раздался звонъ колокола на семинарской колокольнѣ, разсказываетъ герой романа, какъ и въ бурсѣ раздался басистый голосъ консула: «ребята, на работу!» Тотчасъ че-

тыре философа, взявъ на плеча по огромному мѣшку, стали поодаль одинъ отъ другаго. —Консулъ, стоя противъ нихъ, началъ пальцемъ указывать то на того, то на другаго изъ ватаги, и вмигъ къ каждому мѣшконосцу присоединилось по нѣскольку риторовъ, поэтовъ и инфимовъ...» Эти команды отправились по улицамъ: «мы шли тихо, а философъ, нашъ вождь, мѣрными шагами и съ великою важностію, повертывая голову на право и на лѣво...» Подошедъ къ дому зажиточнаго купца, они отправили посланника: «сей бросился, какъ стрѣла, въ одинъ мигъ возвратился и воззвалъ громогласно: «дозволяется»! — Скинувъ бремя, вступили мы на дворъ, и стали полукругомъ около стола, сажени за двѣ. Тутъ раздался ужасный ревъ Сарвила (философа, начальника пѣвчихъ), такъ что всѣ вздрогнули, прочіе ему подтянули,—и начался духовный концертъ. Я взглянулъ на своего вождя, и ужасъ объялъ меня. Представь себѣ, кто хочетъ, высокаго, чернаго мужчину, съ разинутою пастью, выпучившаго страшные глаза и дерущаго горло, шевеля длинными усами...»

Во время святокъ ученики ходили по домамъ съ вертепомъ или райкомъ, представлявшимъ рождество или воскресеніе Христово [1]). Послѣ, эти представленія были предоставлены ремесленникамъ, а ученики уже разыгрывали по домамъ драмы и діалоги. Подъ именемъ яселекъ или «Szopka» этотъ театръ маріонетокъ существовалъ и въ Польшѣ, и описаніе его сохранено у Конопки [2]). Были такія представленія по городамъ и селамъ съ конца декабря по 2-е февраля. Обыкновенно при яселькахъ рѣчи дѣйствующихъ лицъ произносилъ ученикъ, скрытый позади сцены, а товарищи его пѣли рождественскіе канты. Представлялось: Христосъ, лежащій въ яслѣхъ на сѣнѣ, оселъ и волъ стоятъ при яслѣхъ; Іосифъ и Св. Дѣва принимаютъ лицъ, приходящихъ на поклоненіе.

На этой же сценѣ потомъ идетъ свѣтское представленіе: изъ боковой башенки прежде всего выходитъ увѣсистый полякъ, съ деревянною саблею, къ нему присоединяется его дражайшая половина въ чепцѣ; послѣ взаимныхъ поклоновъ, они танцуютъ польскій и уступаютъ мѣсто смуглому украинцу, который, поклонясь зрителямъ, лихо выплясываетъ съ своей сударушкой. Является за тѣмъ нѣмецъ, въ панталончикахъ въ обтяжку, а за нимъ съ трудомъ слѣдуетъ толстая нѣмка. Далѣе, бурливый забіяка, съ толстой палицей, шумитъ и достаетъ своимъ оружіемъ носы любопытныхъ зрителей. Малорослый, но крѣпкій краковьякъ, въ живописной одеждѣ своей родины, съ павлинымъ перомъ на шапкѣ, надѣтой на-бекрень, отправивъ до дому свою Катюшу, вступаетъ въ драку съ забіякой.

Послѣ Продъ, со скипетромъ въ рукахъ и въ сопровожденіи сво-

---

[1]) М. Евгеній въ «Оп. Кіев. Соб.», стр. 216.

[2]) Konopka, Pieśni ludu krakowskiego.

его наперстника жидка, произноситъ угрозы на весь міръ, но потомъ умираетъ въ ужасныхъ мукахъ. Жидокъ подвергается той же участи, а жена Ирода, Ребекка, оплакивающая судьбу его, увлекается нечистыми во адъ, вмѣстѣ съ тѣломъ мужа. За тѣмъ, колдунья масло бьетъ, а дьяволъ выпиваетъ у ней сметану. Напослѣдокъ дряхлый старикъ, съ мѣшкомъ для денегъ, проситъ себѣ смерти, и тѣмъ кончается представленіе.

Благодаря Крашевскому, извѣстно о существованіи полу – малороссійской, полу – польской интермедіи быть можетъ начала XVIII–го столѣтія. Она принадлежитъ къ роду пьесъ, извѣстныхъ подъ именемъ «folie» и носитъ названіе «Байка козака съ игрокомъ (Kostyr) и солдатомъ». Дѣйствующія лица: жидъ, игрокъ въ кости и простофиля (dudko). Интермедія состоитъ изъ разговоровъ этихъ лицъ, безъ всякой завязки, что́, однако, не помѣшало ей быть представленной, какъ это свидѣтельствуютъ наставленія, какъ слѣдуетъ исполнять актерамъ свои роли. Такъ о ролѣ жида говорится, во первыхъ, что онъ носитъ за плечами коробку съ продажнымъ хламомъ, состоящимъ изъ опучекъ, одной черной, а другой зеленой, изъ лоскутковъ кожи, мѣховъ, да трехъ отрѣзковъ сукна краснаго и другихъ; во вторыхъ, что у жида люлька (маленькая трубка), чубукъ, кисетъ съ табакомъ, свертокъ тютюну, коренья, называемыя вдовьими лоскутьями (wdowhimi szmatkami?) и пр. Весь товаръ уложенъ въ коробкѣ и навязанъ на веревкѣ, самъ жидъ въ жидовскомъ платьѣ и съ посохомъ въ рукѣ. У козака соломенная булава, обшитая полотняными лоскутьями и окрашенная въ черный цвѣтъ; у пояса рогъ; одежда должна состоять изъ кожуха или чего либо подобнаго. Простофиля съ остриженной бородой и предлинными усами и дудкою, а игрокъ имѣетъ огромныя кости, хотя бы и деревянныя.

Изъ привѣтствія, помѣщеннаго въ концѣ интермедіи, видно, что она была представлена на Воскресенье Христово, въ присутствіи какого либо духовнаго лица, потому что въ обращеніи къ нему говорится: «когда благочестиво совершаешь таинства Христовы и набожными стопами послѣдуешь Христу». Упоминается также о представленіи, заимствованномъ изъ св. писанія [1]).

Въ недавнее время сдѣлалась извѣстною цѣлая театральная пьеса на малорусскомъ нарѣчіи, которая давалась на представленіяхъ вертепа. Сохраненіемъ ея мы обязаны покойному Маркевичу [2]). По его словамъ, вертепъ состоялъ изъ ящика въ два этажа, сдѣланныхъ изъ картона и тонкихъ досокъ: въ верхнемъ этажѣ, окруженномъ балюстрадою, представлялась мистерія Рождество Христово, а въ ниж-

---

[1]) Wędrowki literackie, fantastycznie, historyczne Kraszewskiego, T. 2, kart. 83—85.

[2]) Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ, сост. Н. Маркевичемъ. Кіевъ, 1860 г., стр. 27—65.

немъ помѣщался тронъ Ирода. Полъ оклеивался мѣхомъ, чтобы не видали отверзтій, по которымъ двигали куколъ. Каждая изъ нихъ прикрѣплялась къ проволокѣ, концами которой подъ ящикомъ управлялъ хозяинъ вертепа. Разговоръ отъ лица куколъ велся дьячками, пѣвчими и бурсаками, то пискливымъ голосомъ, то басомъ. Пьеса же самая раздѣлялась на двѣ части. Въ первой слѣдующія дѣйствующія лица: пономарь, въ обыкновенномъ сѣромъ нанковомъ халатѣ; волосы съ проборомъ по срединѣ головы и съ косою; два ангела съ крыльями и одинъ изъ нихъ съ лиліею; два пастуха въ обыкновенныхъ кобенякахъ съ видлогами; Иродъ въ парчевомъ куптушѣ съ короною на головѣ и со скипетромъ; тѣлохранитель Ирода въ чешуйчатыхъ латахъ, въ шлемѣ и съ огромнымъ мечемъ; три царя восточныхъ въ парчевыхъ куптушахъ съ коронками на головахъ, вмѣстѣ всѣ три связаны другъ къ другу плотно и въ такомъ положеніи движутся; сатана чорный, съ хвостомъ, крыльями летучей мыши, огромными рогами и уголькомъ во рту; на рукахъ пальцы съ когтями, ноги лошадиныя; Смерть — скелетъ съ косою; Рахиль въ жидовскомъ костюмѣ съ ребенкомъ на рукахъ; воины съ копьями, въ шлемахъ и латахъ.

Кромѣ разговоровъ этихъ лицъ между собою, въ пьесѣ иногда поетъ за сценой хоръ, объясняющій и дополняющій все представленіе. Пьеса именно открывается хоромъ:

Пинію время и молитвы часъ,
Христе рожденный, спасы всѣхъ насъ!
Пономарь (речитативъ)
Возстаните отъ спа и благо сотворите,
Рождшагося Христа повсюду возвистите
Сіе вамъ, людые, охотно глаголю,
И благословите: пойду, да позвоню.

За тѣмъ подходитъ къ колоколу, который виситъ въ нижнемъ этажѣ, и звонитъ; въ то же время выдвигаются въ верхнемъ этажѣ горящія свѣчи, и освѣщаютъ фонъ, гдѣ предполагается колыбель Спасителя»...

Потомъ, являются ангелы, возвѣщающіе пастухамъ о рожденіи Христа: монологи ихъ сильно напоминаютъ мистерію, сочиненную, какъ увидимъ ниже, Дмитріемъ Ростовскимъ и, навѣрное, не безъ вліянія вертепной драмы, но зато и съ разными книжными прикрасами. Пришествіе трехъ царей, руководимыхъ звѣздою, на поклоненіе Спасителю; Иродъ, повелѣвающій избіеніе младенцовъ; Рахиль, ребенка которой прокалываетъ воинъ, по повелѣнію Ирода; наконецъ, Смерть и бѣсъ, приходящіе за Иродомъ, уносимымъ въ адъ — вотъ содержаніе первой части вертепа. Во второй, выведены на сцены разныя лица изъ обычной жизни совершенно также, какъ и въ вер-

тепѣ старинной Польши, о которомъ писалъ г. Конопка. Здѣсь все представленіе состоитъ изъ остротъ, пѣнія и пляски, нерѣдко съ приправою ударовъ и драки; оно, однако, любопытно въ томъ отношеніи, что указываетъ ясно, откуда заимствовали наши книжники начала XVIII столѣтія сюжеты для своихъ интермедій и интерлюдій, проникшихъ даже на театральные подмостки Москвы и Петербурга.

Выведенныя во второй части вертепа лица и говорятъ, и дѣйствуютъ такъ, какъ должны были говорить и дѣйствовать настоящіе люди. Несомнѣнно, что этотъ отдѣлъ вертепа явился въ Малороссіи въ подражаніе польскому: въ XVII столѣтіи не только представлялись, но и печатались въ Польшѣ драматическія пьесы, гдѣ на сцену выводились народные типы съ тѣми особенностями въ языкѣ, даже выговорѣ, съ которыми они встрѣчались въ жизни. Въ этомъ случаѣ подтвержденіемъ можетъ служить описаніе, сдѣланное Юшинскимъ въ его Dyksyonarz poetów polskich (Tom drugi, к. 392—394) сочиненія подъ заглавіемъ: Bachanalia, czyli dyalogi z intermedyami, representowane na teatrach szkolnych, w jedno opus zebrane r. 1640.

Въ малороссійскомъ вертепѣ встрѣчаемъ цыгана бѣдняка и лошадинаго барышника, жида, непремѣнно труса и съ горилкой. Полякъ въ вертепѣ является съ претензіями на шляхетство и съ мѣткимъ оттѣнкомъ національной хвастливости; при немъ хлопецъ, котораго онъ грозитъ поколотить батогами. Полякъ такъ говоритъ къ зрителямъ:

А цо, пановѣ?
Же бы вы знали, цо я естемъ за дзяда,
Изъ прадзяда шляхтичь уродзёный!
Я былемъ во Львовѣ,
Былемъ и въ Краковѣ.
Былемъ и въ Кіовѣ,
Былемъ и въ Варшавѣ,
Былемъ и въ Полтавѣ,
Былемъ и въ Богуславѣ
Падамъ до ногъ ясневельможнего пана:
Зычу здрувья и многа лята!

Но зато, въ вертепѣ запорожецъ надѣленъ всѣми геройскими, по мнѣнію хохла, качествами: онъ колотитъ цыгана, убиваетъ жида, ему даже и самого чорта прибить ничего не значитъ. Ненавистная козакамъ унія не пройдена въ вертепѣ безъ осмѣянія. Уніатскіе духовные были охотники до пропаганды и вотъ на сценѣ попъ-уніатъ собирается ни съ того, ни съ сего исповѣдывать запорожца:

Признавай грихы предо мною, покайся;
Предъ схизматскыми попы не признавайся.

Запорожецъ.

Чого соромляться, паноче, раскажу, що знаю.

Уніатскій попъ.

Благо сотвориши, аще ни чего не утаиши.

Запорожецъ.

Я зъ малку мандрую по свиту
Я бивъ
. . . . . .
Не бивъ уніатскихъ я попивъ,
Съ живыхъ зъ іихъ кожу я лупивъ.
Воны надъ козакомъ ждутъ смерты,
Щобъ въ домовыну скорійше заперты;
Таскаютъ, спиваютъ, сміются,
А на помынкахъ, якъ напьються,
Дакъ тыльки не танцюютъ
Мовъ, кони козацьки гарцюютъ.

Уніатскій попъ.

(дрожащимъ голосомъ)

Треба тоби до косціола ходыть
Часты поклоны треба быть.

Запорожецъ.

Э! бачъ? Я зъ вику въ косціолъ не ходывъ
Поклонывъ не бывъ, хиба тебе побью.

(Уніатъ бѣжитъ со всѣхъ ногъ).

Послѣ того, запорожецъ издѣвается надъ двумя чертями и одного изъ нихъ, поймавъ за хвостъ, тащитъ къ свѣту:

Що се я піймавъ? чи се птычка?
Чи перепелычка?
Чи се тая сыпычка,
Що вона й не дыше,
Тыльки квостыкомъ колыше?
и т. д.

Любопытны также народныя насмѣшки надъ своими учителями дѣтей:

Дьячокъ.

Дай Богъ здравствовать, Климе!

Клымъ.

А дай Боже, пану бакаляру!
Ты нашъ таки, кондяче,
Возьмы собы отсю свыню,
Бо въ городъ все скаче.

Дьякъ.

Ци, ирцъ, ци ирцъ, ферчикъ!
Иже, виды, азъ, нашъ, есть,
Спыши ко мнѣ зѣло.
Климій сотворилъ намъ честь,
Давъ свиняче тѣло.

Явленіе XXVI.

Иванецъ.

Азъ путешествую, кое ваше дѣло?

Дьячокъ.

Вземъ сіе бремя, несы въ наши клѣти.

Иванецъ.

Помозите ю на рамо подьяти...

Потомъ дьякъ благодаритъ Клима за свинью:

Гевалъ, Амонъ и Амалыкъ
И вси живущи въ Тыри,
Возрадуются доброти
И воспоютъ въ Эфири.
Мы вашу обреченну жертву
Хоть живу, хотя мертву
Со благодарностью пріемлемъ
И выю вамъ объемлемъ.

Клымъ.

И тоби тее-жъ одъ насъ, пане кондяче.

(Дьякъ уходитъ).

Дывысь, якъ пресучій дьякъ подьяковавъ гарно,
Що азъ въ мене слезы въ вичью навернулысь,
Да правда есть за щой дяковать:
Свыня хочь куды свыня,—
Рибра такъ и свитяться.

Тому, кто знакомъ съ пышными панегириками, которые такъ любили расточать малорусскіе книжники, благодарность за подарокъ свиньи въ вертепѣ, можетъ напомнить многое изъ нашей старинной литературы.

Пьеса, сохраненная Маркевичемъ, несомнѣнно принадлежитъ къ стариннымъ драматическимъ произведеніямъ хотя въ ней и замѣтны слѣды позднѣйшихъ вставокъ. Такъ, напр., въ вертепѣ выведенъ солдатъ москвичъ, судя по его выговору который, говоритъ къ пляшущимъ диду и бабѣ:

Кой васъ чортъ здѣсь разносилъ?
Вѣдь тотчасъ патащу къ ахвицеру,
Штабъ вы знали крестьянску вѣру!

(къ зрителямъ)

Я салдатъ прастой, не богословъ,
Не знаю красныхъ словъ;
Хотя я отечеству суть защита,
Да спина въ меня избита!

и т. д.

Это уже отзывается XVIII-мъ столѣтіемъ, дисциплиной, регулярнымъ войскомъ и прочимъ.

—

Что касается до Москвы, то театральныя представленія тамъ начали даваться только во второй половинѣ XVII вѣка. Но что о нихъ было извѣстно и прежде, по крайней мѣрѣ, тѣмъ изъ русскихъ, которымъ удавалось побывать за границей, тому сохранились два свидѣтельства. Первое — въ статейномъ спискѣ Лихачева о посольствѣ его во Флоренцію въ 1659 г. Посланникъ посвятилъ театру даже особую главу, подъ заглавіемъ: «о комидіяхъ;» она такъ любопытна, что, несмотря на извѣстность ея, мы рѣшились привести ее цѣликомъ и въ настоящей статьѣ. «Князь (т.е. герцогъ флорентійскій) приказалъ играть: объявилися палаты и бывъ палата, и внизъ уйдетъ и того было шесть перемѣнъ; да въ тѣхъ же палатахъ объявилося море, колеблемо волнами, а въ морѣ рыбы, и на рыбахъ люди ѣздятъ; а въ верху палаты небо, а на облачкахъ сидятъ люди: и почали облака и съ людьми на низъ опущаться, подхватя человѣка съ земли подъ руки, опять въ верхъ же пошли, а тѣ люди, которые сидѣли на рыбахъ, туда же поднялись въ верхъ за тѣми на небо. Да спущался съ неба же на облаки сѣдъ человѣкъ въ каретѣ, да противъ его въ другой каретѣ прекрасная дѣвица, а аргамачки подъ каретами какъ быть живы, ногами подрягиваютъ, а князь сказалъ, что одно солнце, а другое мѣсяцъ. А въ иной перемѣнѣ въ палатѣ объявилося поле, полно костей человѣческихъ, и врапы прилетели и начали клевать кости, да море же объявилося въ палатѣ, а на морѣ корабли небольшіе и люди въ нихъ плаваютъ. А въ иной перемѣнѣ объявилося человѣкъ съ 50 въ латахъ, и начали саблями и шпагами рубитися, и изъ пищалей стрѣляти, и человѣка съ три какъ будто и убили. И многіе предивные молодцы и дѣвицы выходятъ изъ запавѣса въ золотѣ и танцуютъ; и многіе диковинки дѣлаютъ: да вышедъ малый и началъ прошать ѣсть, и много сму хлѣбовъ пшеничныхъ давали, а накормить не могли...»

Въ 1668 г., въ Парижѣ былъ русскій посланникъ Потемкинъ. Сенто (Saintot), бывшій при немъ въ качествѣ церемонимейстера, записалъ, что 16 сентября Потемкину, его сыну и всей посольской свитѣ доставлено было удовольствіе видѣть комедію: Coups de l'Amour et de la Fortune», игранную труппою Дю-Маре, съ перемѣнами декорацій и балетомъ, который имъ очень понравился. 17 сентября, Мольеръ и его актеры играли Амфитріона, посланникъ и его сынъ также остались очень довольны. Послѣ представленія имъ были предложены сушеное варенье и плоды, но русскіе отъ нихъ отказались, выпивъ только вина и поблагодаривъ актеровъ. Вѣроятно, по тогдашнему обычаю, послы сидѣли на сценѣ около рампы, что̀ при оригинальныхъ костюмахъ нашихъ соотечественниковъ, представляло любопытное зрѣлище [1]). Но замѣчательно то обстоятельство, что въ статейномъ спискѣ Потемкина, гдѣ описано даже, какъ арабъ волтижеръ скакалъ на лошади въ королевскомъ саду, ни слова нѣтъ о Мольерѣ и его Амфитріонѣ.

—

Такъ называемый обрядъ «нещнаго дѣйствія», отправлявшійся предъ Рождествомъ Христовымъ по нѣкоторымъ городамъ Россіи XVII вѣка, замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ можно видѣть переходъ отъ церковныхъ процессій къ представленіямъ изъ св. исторіи. Въ этомъ обрядѣ къ обыкновенной архіерейской службѣ

---

[1]) Въ современной «Gazette rimée» такъ записано о нашихъ послахъ и помянутомъ спектаклѣ:

Ces deux ministres remarquables
Par leur air, par leurs vestemens
Et leurs bizarres ornemens
Qui n'ont nul rapport à nos modes
Mais qui leur sont bien plus commodes,
Ont été menez, pour certain,
Dans le même ordre à Saint Germain
. . . . . .
«Mais je ne dois pas oublier,
(Car, certe, il les en faut louer)
Que messieurs nos François comiques,
Et même aussi les Italiques,
Les ont, soit effectivement,
Soit intentionnellement,
Divertis et regalez même
Avec une liesse extrême.
Car je sçais qu'effectivement,
Et j'en fus témoins mêment,
La troupe, ou préside Molière,
Par vne chère toute entière,
Leur donna son Amphytrion,
Avec ample collation,
Pas de ballet et Symphonie,
Sans aucune cacophonie...

Всѣ эти свѣдѣнія можно найти въ «La Russie du XVII siècle, par pr. E. Galitzin»

присоединялось нѣсколько дѣйствій, имѣвшихъ цѣлію напомнить событіе изъ исторіи Ветхаго Завѣта о ввержении въ пещь трехъ отроковъ: Ананія, Азарія и Мисаила.

По этому случаю, въ среду, въ церкви, разбиралось большое паникадило, а въ субботу, во время обѣдни, сдвигался амвонъ и ставилась пещь. Во всенощную, весь обрядъ ограничивался тѣмъ, что дѣти, которыя представляли отроковъ, и такъ называемые два халдея предшествовали святителю при вступленіи его въ соборъ, при чемъ дѣти были одѣты въ стихари и вѣнцы, а халдеи «въ халдейское платье». Богослуженіе должно было происходить безъ всякихъ отмѣнъ, съ нѣкоторою только торжественностью. При выходѣ предшествуетъ «халдей предъ отроки со свѣчею халдейскою, и по немъ отроки со свѣчами, а другой халдей по отрокѣхъ».

Пещное дѣйствіе производилось во время заутрени. Тогда, какъ и во всенощную, отроки и халдеи, притомъ первые съ зажженными свѣчами, предшествуютъ святителю. По окончаніи пролога, протопопъ и священники поютъ приличныя обстоятельствамъ священныя пѣсни. Въ это время, руки отроковъ обвязывались полотенцемъ, и они подводились халдеями къ святительскому мѣсту. «Егда же дойдетъ первый халдей до церкви близь пещи, и станутъ отроки и халдеи, и указуютъ оба халдея отрокамъ на пещь пальмами, и глаголетъ первый халдей ко отрокамъ: «Дѣти царевы!» Другій же халдей поддваиваетъ тое же рѣчь: «царевы!» И первый глаголетъ халдей: «видите ли сію пещь огнемъ горящу и вельми распаляему?» И паки второй глаголетъ халдей: «а сіе печь уготовася вамъ на мученіе». И потомъ Ананія отвѣщаетъ: «видимъ мы пещь сію, но не ужасаемся ее; есть бо Богъ нашъ на небеси, ему же мы служимъ: той силенъ изъяти насъ отъ пещи сея.» И по семъ Азарія глаголетъ: «и отъ рукъ вашихъ избавитъ насъ.» Тоже Мисаилъ отвѣщаетъ: «а сія пещь будетъ не намъ на мученіе, но вамъ на обличеніе»... По благословеніи святителемъ и вручении каждому свѣчи, отроки становятся опять около пещи. И въ то время единъ халдей кличетъ: «товарищь!» другой же халдей отвѣщаетъ: «чего?» И первый халдей глаголетъ: «это дѣти царевы?» а другой халдей поддваиваетъ: «царевы». Первый же глаголетъ: «нашего царя повелѣнія не слушаютъ?» а другой отвѣщаетъ: «не слушаютъ». Первый же халдей говоритъ: «а златому тельцу не покланяются?» а другой халдей: «не покланяются». Первый халдей говоритъ: «и мы вкинемъ ихъ въ пещь;» а другаго отвѣтъ: «и начнемъ ихъ жечь!» Послѣ того дѣтей вводятъ въ печь, и халдеи дѣлаютъ видъ, что разводятъ огонь подъ нею. Въ это время хоръ пѣвчихъ, протодіаконъ, отроки въ печи поютъ священныя пѣсни, и въ концѣ стиха: «яко духъ хладенъ и шумящъ», «сходитъ ангелъ господень въ пещь ко отрокамъ въ трубѣ велицѣ зѣло съ громомъ»... Халдеи, державшіе до того времени высоко свои пальмы, падали, а дьяконы опаляли ихъ при

помощи свѣчь и травы плауна. При этомъ случаѣ, опять завязывается разговоръ между халдеями; 1-й говоритъ: товарищъ? 2-й откликается: чево?—1-й: видиши ли?—2-й: вижу.—1-й: «Было три, а стало четыре; а четвертый грозенъ и страшенъ зѣло, образомъ уподобися Сыну божію.—2-й: Какъ онъ прилетелъ и насъ побѣдилъ».—Послѣ того продолжаются священныя пѣсни, халдеи выпускаютъ изъ пещи отроковъ, служба продолжается по уставу, съ тою разницею, что въ нѣкоторыхъ обрядахъ участвуютъ отроки и халдеи съ зажженными свѣчами. Послѣ утрени, пещь снималась, изображеніе ангела тоже, въ церкви все приводили въ прежній порядокъ, но впродолженіи обѣдни и вечерни того дня въ богослуженіи еще участвовали и отроки и халдеи [1]).

Отсюда видно, что здѣсь, если исключить богослуженіе и обыкновенныя пѣснопѣнія, драматическаго собственно остается разговоръ халдеевъ и введеніе дѣтей на костеръ. Простота обряда, незамысловатыя рѣчи дѣйствующихъ лицъ показываютъ достаточно, въ какомъ младенчествѣ находилось драматическое искусство и какъ немногаго требовалось, чтобы произвести впечатлѣніе на зрителей; но какъ бы то ни было, въ исторіи нельзя пройти молчаніемъ о «пещномъ дѣйствіи»: оно справедливо можетъ считаться зародышемъ сначала мистерій и религіозныхъ діалоговъ, а потомъ и драмы въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ это слово нынѣ.

Самое раннее указаніе объ этомъ оригинальномъ представленіи находимъ въ отрывкахъ изъ расходныхъ книгъ архіерейскаго софійскаго дома въ Новгородѣ за 1548 г. [2]), гдѣ подъ 24 декабремъ отмѣчено, что въ числѣ духовенства и церковнослужителей, приходившихъ славить къ архіепископу, были два халдея, и имъ за то дана «гривна московская». Въ сочиненіи Флетчера, бывшаго въ Россіи въ 1588—89 годахъ, разсказывается, что въ его время въ Москвѣ, за недѣлю до Рождества, совершался такой обрядъ: каждый епископъ въ своей соборной церкви показываетъ трехъ отроковъ, горящихъ въ пещи, куда ангелъ слетаетъ съ церковной крыши, къ величайшему удивленію зрителей, при множествѣ пылающихъ огней, производимыхъ посредствомъ пороха такъ называемыми халдейцами, которые впродолженіи всѣхъ двѣнадцати дней должны бѣгать по городу, переодѣтые въ шутовское платье и дѣлая смѣшныя штуки, чтобъ оживить обрядъ. Въ Москвѣ царь и царица всегда бываютъ при этомъ торжествѣ, хотя всякой годъ повторяется одно и то же, безъ всякаго прибавленія чего нибудь новаго.

Одна изъ пещей, употреблявшихся при этомъ обрядѣ, уцѣлѣла до

---

[1]) Обрядъ пещнаго дѣйствія напечатанъ въ Росс. Вивліоѳ. Изд. 2, ч. VI, стр. 363 и слѣд.

[2]) Извѣстія археолог. общества за 1861 г., т. III стр. 36.

нашего времени: она сначала находилась въ новгородскомъ софійскомъ соборѣ, а нынѣ ее можно видѣть въ Петербургѣ, въ академіи художествъ [1]). Пещь деревянная, въ родѣ круглаго шкафа, съ боковымъ входомъ на подмостки, состоитъ изъ 12 столбиковъ, утвержденныхъ на кругломъ деревянномъ основаніи и продолжающихся во всю высоту пещи. Между столбиками внизу поставлено по одному рѣзному человѣку, въ одеждѣ, съ поднятыми къ верху руками; на рукахъ и головахъ ихъ утвержденъ кругъ изъ брусьевъ, шириною по больше четверти аршина; на брусьяхъ поставлены продольныя доски числомъ 10, оканчивающіяся полукружіемъ; на каждой доскѣ по три рѣзныхъ святыхъ, въ круглыхъ и продолговатыхъ рамкахъ. Изображеній святыхъ въ настоящее время уже нѣтъ; а видны только мѣста, на которыхъ они находились. Столбики и доски обложены мелкою рѣзьбою, вызолоченною; на столбикахъ, по мѣстамъ, есть рѣзные херувимы. Въ новгородской софійской лѣтописи подъ 7041 (1533) годомъ есть описаніе «амбона», чрезвычайно сходное съ сохранившеюся до нынѣ пещью, а потому быть можетъ она и относится ко временамъ святительства въ Новгородѣ Макарія [2]).

Обрядъ пещнаго дѣйства совершался также въ Вологдѣ, и въ приходорасходныхъ книгахъ вологодскаго архіерейскаго дома 1623—43 годовъ сохранились нѣкоторыя подробности о хозяйственной и технической сторонѣ этого дѣйства. На покрытіе необходимыхъ на то издержекъ, собиралась особенная дань съ епархіальныхъ, болѣе достаточныхъ церквей, по гривнѣ съ каждой, подъ названіемъ: за фунтъ плаунъ трава гривна. Трава эта, а не порохъ, какъ писалъ Флетчеръ, по удобовоспламеняемости своей, замѣняла въ дѣйствѣ небесный огонь, опалявшій халдеевъ. Костюмъ отроковъ и халдеевъ состоялъ изъ шапокъ, оторочепныхъ заячьимъ мѣхомъ, ихъ «левкасили и золотили» иконники; у халдеевъ были «юпы» изъ сукна «летчины красныя» оплечья изъ выбойки, а у отроковъ — стихари. Вмѣсто ангела, въ пещь спускали образъ, подбитый яловищной кожею и называвшійся архангеловымъ образомъ. Бывали случаи, что архіепископъ, по окончаніи дѣйства, давалъ подьякамъ, принимавшимъ въ немъ участіе, деньги «за увѣчье», которое дѣйствительно могло быть, когда отроковъ являлся освобождать ангелъ и поднималъ ихъ съ собою на воздухъ, или когда халдеевъ опаляли ангельскимъ пламенемъ [3]).

Извѣстія о старинныхъ театральныхъ зрѣлищахъ въ Москвѣ не восходятъ ранѣе 1673 года, когда прибылъ туда съ нѣсколькими актерами нѣмецкій антрепренеръ Готфридъ Яганъ [4]). Малиновскій по-

---

[1]) Изображенія съ нея въ Древностяхъ росс. государства, отд. VI, №№ 27—29.

[2]) Эти извѣстія заимствованы изъ Описанія новг. соф. собора Петра Соловьева Спб. 1858 г. стр. 143—144.

[3]) Извѣстія археологическаго общества, Т. I, 373—374, Т. II, 239—244.

[4]) Эти извѣстія заимствованы мною изъ статьи г. А. С.: «Театръ при русскомъ

лагалъ, что въ домѣ тестя царя, Милославскаго, былъ театръ и прежде, отчего домъ и получилъ названіе потѣшнаго дворца; но молчаніе о томъ Дворцовыхъ разрядовъ и Выходныхъ книгъ доказываетъ невѣрность Малиновскаго. Представленія Ягана Готфрида начались музыкою: 21 октября, въ первый разъ во дворцѣ за ужиномъ игралъ нѣмецкій оркестръ, состоявшій изъ органа, трубъ и литавръ. Потомъ, нѣмцы просили дозволить имъ «комедійное дѣйство и потѣху». Сначала, велѣно было развѣдать посольскому толмачу, въ чемъ будетъ состоять это комедійное дѣйство, потомъ царь обратился къ своему духовнику за совѣтомъ: тотъ отвѣчалъ, что нѣмцамъ можно играть во дворцѣ, такъ какъ византійскіе императоры допускали при своемъ дворѣ подобныя увеселенія. 2 ноября, было въ Преображенскомъ первое представленіе, «какъ Іудиѳь Олоферну отсѣкла голову»; оркестръ состоялъ уже изъ дворовыхъ людей Матвѣева, обученныхъ музыкѣ нѣмцами. На зрѣлище были приглашены нетолько тѣ изъ придворныхъ, которые находились въ Преображенскомъ, но и жившіе въ Москвѣ. Нѣсколько дней спустя, назначено было другое представленіе, гдѣ уже была царица съ царскою семьею; для нихъ нарочно была устроена закрытая галерея за царскимъ мѣстомъ. Давали комедію, какъ «Артаксеркъ велѣлъ повѣсить Амана, по царицыну челобитью и Мардохеину наученью». Вскорѣ потомъ представлена была исторія о странствіи и бракѣ молодаго Товіи, сына Товитова. Въ 1675 г., давался при дворѣ балетъ: на сцену вышелъ Орфей въ великолѣпномъ костюмѣ; по обѣ стороны его двигались двѣ пирамиды, съ транспарантами и іероглифическими надписями, ярко освѣщенными. Орфей подошелъ къ авансценѣ и, сдѣлавъ царю три поклона, запѣлъ въ честь его нѣмецкіе куплеты, переведенные тогда же по русски толмачомъ. Въ куплетахъ были похвалы царю и желаніе ему благополучной, многолѣтней и славной жизни: за тѣмъ происходили пляски Орфея съ пирамидами и всей труппы. Съ тѣхъ поръ, театральныя представленія при дворѣ давались каждый праздникъ; одно изъ нихъ —21 февраля 1675 г.—продолжалось съ 5 часовъ вечера и кончилось только за 3 часа до разсвѣта. Приказано было устроить особыя палаты для комедійнаго дѣйства надъ аптекою и все нужное для строенія закупать на счетъ денегъ изъ приказа галицкой четверти. Постройки производились подъ присмотромъ боярина Матвѣева, и скоро театръ былъ готовъ: онъ былъ построенъ въ видѣ полукружія, сцена состояла изъ высокаго помоста, украшеннаго краснымъ сук-

---

дворѣ въ XVII вѣкѣ» (Московс. вѣдом. 1857 г. № 133, стр. 591—592, отд. лит.), въ которой, кромѣ Дворцовыхъ разрядовъ (Т. III, 1081, 1152, 1136, 1226), Сѣвернаго Архива (1822 г. IV, 179 и слѣд.) и сказаній Рейтенфельса и Лизека (Журналъ министерства народнаго просвѣщенія 1839 г., ч. 23 и 1837 г., ч. 16) — упоминается рукопись московскаго общества исторіи: «Расходная книга галицкой четверти».

номъ и ёлками; передъ сценою возвышалось царское мѣсто, обитое краснымъ сукномъ, а за нимъ галерея съ рѣшетками для царскаго семейства; около галереи полукружіемъ стояли лавки для высшихъ сановниковъ; для прочихъ устроены были мѣста по бокамъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда представленія, по волѣ царя, назначались въ Преображенскомъ, всѣ рамы, ковры, сукна, всякій нарядъ для комедійнаго дѣйства и органы перевозились изъ московскаго театра въ Преображенское, въ тамошніе комедійные хоромы, на счетъ казны. Яганъ Готфридъ обязанъ былъ втеченіи трехъ мѣсяцевъ приготовить русскихъ актеровъ, для чего ему отдано двадцать семь человѣкъ изъ мѣщанскихъ дѣтей. Костюмы строились на царскій счетъ: для комедіи о Товіи они обошлись въ 30 тогдашнихъ рублей. Русскіе актеры получали жалованье по 2 копѣйки въ день, а всѣ двадцать семь человѣкъ вмѣстѣ около 140 рублей въ годъ. Сколько платили нѣмцамъ, извѣстій нѣтъ. Малиновскій сообщилъ, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ Россію выписывали актеровъ изъ Германіи, и что между вызванными особенно отличалась копенгагенская актриса Анна Паульсонъ. Лизекъ, секретарь цесарскаго посольства, бывшаго въ Москвѣ въ 1675 г., разсказываетъ, что въ свитѣ ихъ былъ одинъ фокусникъ, весьма искусный въ своемъ дѣлѣ: онъ скрещивалъ между собою нѣсколько ножей, которые безъ всякаго посторонняго дѣйствія, поднимали деньги и другія вещи. Эти фокусы возбуждали удивленіе въ русскихъ, и они рѣшили, что фокусникъ и чародѣй морочитъ другихъ бѣсовскою силою. Московскіе актеры, узнавъ объ его искусствѣ, просили пословъ дозволить ему участвовать въ представленіи, которое они хотѣли дать въ скоромъ времени, говоря, что участіе такого артиста доставитъ большое удовольствіе царю и царицѣ, и они будутъ благодарны за то посламъ. Послѣдніе, однако, не могли оставаться долѣе и ждать представленія, а также не хотѣли оставить одного изъ своихъ людей, и выѣхали въ дорогу. Между тѣмъ, слухъ о фокусникѣ, бывшемъ съ цесарскими послами, дошелъ до царя и тотъ, желая его видѣть, отправилъ генерала Менезіуса просить пословъ — прислать ихъ человѣка, обѣщая, что онъ безъ всякаго затрудненія и награжденный будетъ отпущенъ въ отечество. Послы исполнили желаніе царя и отпустили фокусника, который два раза давалъ свои представленія, удивилъ царя и всѣхъ зрителей, и съ наградою былъ отправленъ въ отечество. Тогдашній оркестръ состоялъ изъ органа, трубъ, флейтъ, скрипки, барабана и литавръ: имъ управлялъ Тимофей Гасенкрукъ съ Симономъ органистомъ.

Одною изъ первыхъ, извѣстныхъ нынѣ русскихъ мистерій можно, кажется, считать ту, которая имѣетъ предметомъ жизнь св. Алексѣя, божьяго человѣка и написана въ честь царя Алексѣя Михайловича [1]).

---

[1]) Эта мистерія была напечатана въ Кіевѣ славянскимъ шрифтомъ, подъ заглавіемъ:

Выше было замѣчено о близкомъ сродствѣ старинной нашей драмы съ польскою: первыя попытки въ этомъ родѣ, конечно, должны были у насъ отзываться подражаніемъ не только въ содержаніи, но и въ языкѣ. Мистерія св. Алексѣй, божій человѣкъ, извѣстна мнѣ только въ рукописи [1]), и сколько можно судить по извѣстію Войцицкаго о польскомъ діалогѣ подъ тѣмъ же названіемъ [2]) есть передѣлка польскаго подлинника. На послѣднемъ чистомъ листѣ русской рукописи есть надпись: «дѣялося въ лѣто1673» [3]).

Вотъ прологъ пьесы:

«Діогенесъ философъ среди дня зъ свичою
Человѣка нѣкгдысь шукалъ межъ...
Шукалъ, але не нашелъ жаденъ не далъ быти,
Человѣчимъ кого мѣлъ гономъ учтити.
Если мудрецъ не нашелъ проста человѣка,
Шукаючи посреди лукаваго вѣка,
То бардзѣй божьяго человѣка не найдешъ.
Отъ таковой вашъ-мосцовъ увольняючи працы,
Алексѣя покажемъ ото на семъ пляцы.
Тутъ же обачите, за якія справы
Божіемъ человѣкомъ сталъ въ небесной славы.
Будетъ то на пожитокъ вашъ-мосцовъ душевный
Се нашъ актъ працовичный, только не вседневный,
Будегъ той на славу пресвѣтлому и благочестивому царю Алексѣю,
Который, и въ Бозѣ, и въ святыхъ маючи надѣю,
Зъ непріятелемъ креста Христова дѣло зачинаетъ,
Але яко Костянтинъ, нигды не програетъ [4])».

Въ эпилогѣ «на вершеніе рѣчи», актеры обращаются къ зрителямъ. Здѣсь объясняется цѣль театральныхъ представленій вообще и от-

---

«Алексѣй, человѣкъ божій. Діалогъ въ честь царя и великаго князя Алексѣя Михайловича. Представленъ въ знаменіе вѣрнаго подданства чрезъ шляхетную молодь студентскую въ коллегіуму кіево-могилянскому на публичномъ діалогѣ». На 12 нен. стр. въ 4°; первая страница бѣлая, на оборотѣ изображенъ св. Алексѣй, несущій крестъ. Діалогъ въ двухъ актахъ, въ которыхъ семь сценъ, названныхъ нахожденіями; въ концѣ эпилогъ или скончеватель, а въ послѣсловіи значится: «сіе дѣло, по желанію его царскаго, пресвѣтлаго величества боляриna и намѣстника нижегородскаго и воеводы кіевскаго, благороднаго князя Георгія Петровича Трубецкаго напечатася въ св. великой чудотворной лаврѣ кіевопечерской, року отъ Р. Х. 1674, февраля дня 22.» Ср. Русск. Бесѣда 1857 г. кн. I, стр. 74.

[1]) Рукопись П. библ. Q, XIV, 7.

[2]) Biblioteka starożytna, Wojcickiego, VI, 331, 332.

[3]) Ср. «Лѣтописи русск. литературы» г. Тихонравова, V, стр. 33—37. Здѣсь, между прочимъ, указано, что надгробныя причитанія родителей и жены Алексѣя взяты изъ житія его въ Аѳологіонѣ изд. въ 1660 году.

[4]) Эти слова о началѣ войны съ Турціею подтверждаютъ замѣтку на послѣднемъ листѣ рукописи: «дѣялося въ 1673 г.»;—5 ноября 1672 г., послана была Донскому войску грамота, чтобы оно чинило воинской промыселъ противъ Азова и шло походомъ на крымскіе улусы и Черное море. (Полное Собр. Зак. I, № 533).

сюда можно замѣтить, что русская мистерія имѣла то же назначеніе, какое въ Германіи и Франціи, — т. е. укрѣпленіе и утвержденіе въ вѣрѣ, посредствомъ изображенія въ лицахъ ея таинствъ, чудесъ и славы.

Содержаніе польской мистеріи подъ этимъ заглавіемъ взято, по словамъ Войцицкаго, изъ жизнеописанія св. Алексѣя, составленнаго Скаргою. Алексѣй былъ единственнымъ сыномъ вельможи римскаго императора Гонорія, Евфиміана; этотъ послѣдній, желая продолженія своего рода, сбирается женить своего сына. Въ началѣ мистеріи, ангелы Рафаилъ и Гавріилъ говорятъ о преимуществѣ цѣломудренной жизни, — является Алексѣй, и Гавріилъ говоритъ ему:

«Аще хощеши божіимъ человѣкомъ звапъ быти
И въ паивыстемъ ангельскомъ хорѣ въ небѣ жити:
Храни до смерти чистость—она есть дорога
Наипростѣйшая въ небо до самаго Бога....»

Между тѣмъ Евфиміанъ непремѣнно хочетъ женить сына: все приготовлено для совершенія брачнаго обряда, но, посреди самаго торжества, Алексѣй скрывается изъ дома: онъ съ первымъ попавшимся нищимъ обмѣнялся одеждою, и съ тѣхъ поръ сдѣлался пилигримомъ. Гонорій и Евфиміанъ посылаютъ слугъ отыскивать Алексѣя. Дорогою они подходятъ къ нему, сидящему около изображенія Богоматери, и, не узнавая въ немъ того, кого искали, просятъ благословенія и спрашиваютъ, не знаетъ ли пилигримъ о судьбѣ сына цесарева любимца? Алексѣй отвѣчаетъ отрицательно, и слуги идутъ далѣе. По возвращеніи домой, они разсказываютъ о безуспѣшности своихъ подвиговъ;—отецъ въ отчаяніи, также какъ и невѣста, оставленная своимъ женихомъ.

«Ту невѣста Алексѣева вышла плачлива:
Алексѣева же естемъ, не таюся,
облюбеница, але признаюся
отъ Алексѣя же есмь посрамлена,
и оставлена.
Наиславнѣйшими межь панами всѣми,
и наисчастливша была.... въ Римѣ;
бо здѣ естемъ царска урожона,
теперь згожона.
Сенаторскіе не тылько сынове,
але ксенжента и славны панове,
абы мя за невѣсту мѣли,
сердечно хтѣли,
Але всѣмъ тымъ осталемся отмовна
бо мысль моя къ нимъ была нелюбовна:
до Алексѣя сердце мя скловило....»

Убѣдясь, что его не узнаютъ, Алексѣй, подъ видомъ странника возвратясь къ отцу, проситъ дать ему пристанище и живетъ неузнан-

ный до смерти въ уединеніи. Передъ смертію, онъ описалъ жизнь свою, и когда скончался, то отецъ и цесарь узнали изъ оставленной рукописи, что то былъ Алексѣй.

Мистерія оканчивается взятіемъ двумя ангелами на небо души св. Алексѣя; она, въ веселіи посреди ангеловъ, прославляетъ цѣломудріе, и въ заключеніе обѣщаетъ православному царю просить у Бога побѣды ему надъ врагами крестнаго знаменія. Св. Алексѣю, между прочимъ, вложено въ уста:

«Не забуду и тебе, кліенте единый,
Алексѣю—король ровный не есть иный,
на землѣ бо монарха единъ православный
и для того всему свѣту добре явный.
Смотрю зъ неба на твою побожность ко Богу.
смотрю же любо есть царь, а тѣсну дорогу
спѣшачи просто въ небо зъ неба обобралесъ
Барзѣй гды монархою россійскимъ зосталесъ....» и т. д.

Послѣ этой мистеріи, извѣстно нѣсколько другихъ, приписываемыхъ митрополитомъ Евгеніемъ Симеону Полоцкому.

Изъ нихъ, «Комедія о Навуходоносорѣ царѣ, о тѣлѣ златѣ и о тріехъ отроцѣхъ, въ пещи созженныхъ» любопытна въ томъ отношеніи, что содержаніе ея указываетъ на недостаточность для зрителей обряда «пещнаго дѣйствія», — почему и составляется драматическое представленіе. Основа его та же, т. е. тѣ же три отрока ввергаются въ костеръ, потому же, что не хотятъ поклоняться золотому изображенію царя Навуходоносора [1]); на кострѣ они поютъ тѣ же священныя пѣсни, но, для полнаго воспроизведенія событія св. исторіи, въ началѣ является Навуходоносоръ, который повелѣваетъ вылить изображеніе свое изъ золота и поклоняться ему. Отроки отказываются исполнить повелѣніе царя; этотъ угрожаетъ имъ смертію на кострѣ и получаетъ въ отвѣтъ:

СЕРДАХЪ.

«Нѣсть тебѣ, царю, намъ ти отвѣщати,
Богъ всемогущъ, силенъ насъ изъяти
Изъ огня люта силою своею,
И свободити отъ руку твоею.

МИСАХЪ.

«Къ тому вѣждь, царю, яко прещеніе
Огня не введетъ насъ во прельщеніе;
Аще же огню Богъ хощетъ ны дати,
Мы за честь его готовы страдати.

---

[1]) Въ Европѣ Навуходоносоръ былъ также представляемъ въ мистеріяхъ; такъ Моне (Schauspiele des Mittelalters. Т. 2, 423), въ рукописяхъ Иттингенскаго монастыря, указываетъ три рукописныя драмы подъ этимъ названіемъ. Текстъ принадлежитъ къ XVI вѣку.

АВДЕНОГО.

«Живаго Бога небеснаго знаемъ;
Бездушный образъ смѣло обругаемъ.
Не подобаетъ твари почитати,
Творецъ есть Богъ нашъ, того и хощемъ знати.»

«Предисловецъ» и «эпилогъ» этой мистеріи также обращены къ царю Алексѣю Михайловичу. Въ первомъ, сначала идутъ похвалы великому князю и указаніе, что не таковъ былъ Навуходоносоръ.

«То комидійно мы хощемъ явити,
И аки сами дѣло представити
Свѣтлости твоей и всѣмъ предстоящимъ
Княземъ, боляромъ, вѣрно ти служащимъ,
Во утѣху сердецъ, здрави убо зрите,
А насъ въ милости своей сохраните!»

Въ эпилогѣ приносится благодареніе за слушаніе представленія:

«Пресвѣтлый царю и благочестивый,
Богомъ вѣнчанный и христолюбивый.
Благодаримъ тя о сей благодати,
Яко изволилъ дѣйства послушати,
Свѣтлое око твое созерцаше
Комидійное сіе дѣло наше,
Имъ же ти негли не угодни быхомъ,
Яко искусства должна не явихомъ:
Разума скудость выну погрѣшаетъ
А умъ богатый радостно прощаетъ....»

Въ началѣ и концѣ пьесы была музыка, что̀ означено словомъ «играніе» [1]).

Еще есть мистерія, гдѣ также выведенъ Навуходоносоръ, она даже и названа по имени его «Комедія Навуходоносоръ, Мемуханъ, Моавъ, Аммонъ, Нееманъ, Корей, Лаппдоевъ, четыре протазанщика, четыре спальника»; но здѣсь главную роль играетъ не онъ, а его полководецъ Олофернъ, убиваемый въ концѣ пьесы Юдиѳью. Неизвѣстно, была ли когда нибудь представлена эта пьеса: въ предисловіи, наполненномъ похвалами Алексѣю Михайловичу, о томъ ничего не говорится, и нѣтъ эпилога въ концѣ, гдѣ обыкновенно дѣлалось обращеніе къ зрителямъ. Она состоитъ изъ 7 дѣйствъ, а каждое раздѣлено на 3 отдѣла: въ первомъ являются и толкуютъ Навуходоносоръ съ придворными, Олоферпъ съ военачальниками; во второмъ іудеи съ ихъ начальниками сѣтуютъ о нападеніи вавилонянъ и ищутъ средствъ предъотвратить погибель; въ третьемъ отдѣлѣ выведены солдаты,

[1]) Вся комедія напечатана въ «Россійской Библіоѳикѣ», ч. VIII, изд. 2, стр. 158—169.

народъ и проч. Вообще вся драма растянута чрезвычайно, — толки военачальниковъ, іудеевъ преисполнены риторскихъ прикрасъ и разсужденій, дѣйствія на сценѣ нѣтъ, все время занято длинными рѣчами выведенныхъ лицъ. По третій отдѣлъ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что видимо введенъ авторомъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы воспользоваться комическимъ элементомъ. Легко отгадать, что для нашего времени всѣ эти образчики остроумія XVII столѣтія могутъ показаться и неприличными, и нисколько не смѣшными, но тѣмъ не менѣе, присутствіе комизма даетъ третьему отдѣлу характеръ, не похожій на то, что обыкновенно находится въ мистеріяхъ. Такъ какъ задачею ихъ главнѣйше было объясненіе вѣры и утвержденіе въ ней, то всѣ онѣ писались въ формѣ правоученій; всѣ лица, всѣ разговоры ихъ ничто иное, какъ длинныя разсужденія, заимствованныя, въ бо́льшей или мѣньшей степени, изъ извѣстнаго источника. Не то находимъ въ нѣкоторыхъ сценахъ разбираемой комедіи: напрасно авторъ далъ солдатамъ затѣйливыя имена Сомнаса, Сусакима, Одида, — съ первыхъ словъ ихъ, въ нихъ узнаешь представителей мелкой польской шляхты, любившей въ старину выпить и подраться, и смотрѣвшей на войну, какъ на средство пограбить и повеселиться: для бо́льшаго сходства, у вавилонянъ говорится про ротмистровъ и поручиковъ, они другъ друга называютъ дворянами и насмѣхаются надъ евреями, что тѣ не ѣдятъ свинины и пр. Вотъ одна изъ подобныхъ сценъ между вавилонскими воинами:

СУСАКИМЪ.

«Ей, братецъ, вѣрую, яко Зевесъ, Аресъ, Афродита и вси бози на небеси лучшаго житія не имутъ, яко мы здѣ низу на земли.

СОМНАСЪ.

«Азъ желалъ быхъ, чтобъ таковое житіе и во вѣки пребыло; тогда Богомъ радъ, небомъ бы поступился; но опасаюся, что сіе житіе скоро воспріиметъ кончину; ибо аще едино токмо намъ по ушамъ займутъ, яко и слухъ и видѣніе устанетъ, въ то время и вся радость мнится. Или егда, яко уже къ тому намѣряется, со всякими народы миръ учинится: тогда нужда будетъ по домамъ возвратиться, и паки хлѣбъ изрядно молотити, гдѣ никто же по семъ насъ больши не назоветъ милостивымъ господиномъ.

СУСАКИМЪ.

«Не опасайся брате! мы столько накрадемъ разбоемъ, и грабежемъ издобудемся, что господами въ нашихъ земляхъ возможемъ быти; аще ли умремъ, тогда пси и вороны изъ насъ учрежденіе себѣ да изготовятъ!

СОМНАСЪ.

«Но что же убогимъ женамъ и дѣтямъ нашимъ сотворити?

СУСАКИМЪ.

«О, иной тогда ихъ да пропитаетъ! Ходи, брате, печальныя сіи думы да въ винной бочкѣ погребемъ; пойди со мною на завтракъ, азъ ти пару колбасъ ужарити велю.

СОМНАСЪ (смѣется).

«Ха, ха, ха! Смѣюся тому: всегда опасался еси, что свиными жарпами и колбасами не удоволишися; нынѣ же что, когда еще годъ здѣ пребудеши, тогда всѣ кишки твои въ колбасы, ты же самъ въ свиное мясо премѣнишься.

СУСАКИМЪ.

«Ни, брате, не хощу свиньею быти, инако бо возмогли бы окорокъ единъ отъ меня нашему воеводѣ на столъ достатись. Пойди, брате! да сего дня возвеселимся; Богъ вѣстъ, сколько поживемъ, аще убо не въ небо достанемся, то однакожде мимо.... [1])».

Французская мистерія того же содержанія относится къ 1406 г, Олоферпъ названъ въ ней Grand Maître d'Artillerie, а Навуходоносоръ. услышавъ, что іудеи не почитаютъ его, восклицаетъ:

«Quel oultrage!
Oultrageusement oultrageuse,
Oultrage main si sumptueuse!
Sumptueux bras victorieux!
Victorieux Roy glorieux,
Glorieusement triumphant! [2])»

Рукопись F, XIV, 6, въ П. библіотекѣ (изъ собранія гр. Сухтелена) содержитъ въ себѣ слѣдующія драматическія представленія:

«1) Комидія, или дѣйствія евангельскія притчи о блудномъ сынѣ бываемое».

Прологъ (также отд. изъ Погод. соб. № 1378 и печ. въ Россійск. Вивліоѳикѣ).

«Благородніи, благочестивіи,
Государіе премилостивіи!
Не тако слово въ памяти держится,
Яко же аще что дѣломъ явится.
Христову притчу дѣйствомъ проявити
Здѣ умыслихомъ и чиномъ вершити.
О блудномъ сынѣ вся рѣчь будетъ наша,
Аки вещь живу, узрить милость ваша.
Всю на шесть частей притчу раздѣлихомъ;
Но всяцѣй оныхъ нѣчто примѣсихомъ.
Утѣхи ради убо, все стужаетъ,

[1]) Д. Росс. Вивліѳика, Ч. VIII, 220, 222.
[2]) Histoire du théâtre français par Parfait. II, 343.

Еже едино безъ премѣнъ бываетъ.
Извольте убо милость си явити
Очеса и слухъ къ дѣйству приклонити,
Тако бо сладость будетъ обрѣтенна
Не токмо сердцомъ, но душамъ спасенна.
Велію пользу можетъ притча дати—
Только изволте прилежно внимати.»

Въ 1-й части или дѣйствіи отецъ выходитъ съ двумя сыновьями и многими слугами на сцену и начинаетъ благодареніемъ Бога за всѣ его милости къ нему, потомъ даетъ совѣты сыновьямъ и дѣлитъ все свое имѣніе между ними. Старшій, длиннымъ монологомъ, благодаритъ отца; младшій проситъ дозволенія посѣтить чужія страны и между причинами тому считаетъ:

«Свѣщи подъ спудомъ не лѣпо стояти,
Съ солнцемъ азъ хощу тещи и сіяти.
Заключеніе видитъ ми си быти,
Въ отчинной странѣ юность погубити;
Богъ волю далъ есть: се птицы летаютъ,
Звѣріе въ лѣсахъ воляно пребываютъ!
И ты мнѣ, отче, изволь волю дати
Разуму сущу весь міръ посѣщати;
Твоя то слава и мнѣ слава будетъ,
До конца міра всякъ насъ не забудетъ;
А егда дастъ Богъ вездѣ посѣтити,
Вскорѣ имамъ въ домъ ся возвратити...»

Отецъ соглашается на просьбу «юнѣйшаго сына», и этотъ удаляется.

Во 2-й части онъ уже называется «блуднымъ сыномъ» и пируетъ съ своими рабами; одному изъ нихъ приказываетъ набрать поболѣе слугъ, и обѣщаетъ каждому платить по 100 рублей, съ другимъ играетъ въ «зернь». Въ заключеніе, подпившаго господина уводятъ слуги подъ руки спать. — Въ 3-й части слуги совѣтуютъ своему господину, еще больному послѣ вчерашней пирушки, опохмѣлиться. Начинается снова попойка, въ это время сладкопогрители (музыканты) и пѣвцы играютъ и поютъ. Подъ конецъ, слуги отказываются служить блудному сыну и даютъ ему денегъ въ займы, потому что онъ растратилъ все свое имущество.

Въ 4-й части блудный сынъ является свинопасомъ, отъ голода онъ ѣстъ со свиньями; за то, что стадо разбѣжалось, его сѣкутъ плетьми. Въ 5-й части, возвращеніе къ отцу; въ шестой, онъ, прощенный, читаетъ нравоученіе о послушаніи. Въ эпилогѣ говорится, что цѣль представленія показать младшимъ пользу повиновенія къ старшимъ, а послѣднимъ необходимость снисхожденія и милости къ раскаявшимся—

«Обаче молимъ, извольте простити,
А насъ въ милости государстей хранити,
За что хранени будете отъ Бога
Въ милости его на лѣта премнога!»

Въ такъ называемой «Moralité de l'enfant prodigue» 1535 года, переведенной на французскій языкъ съ латинскаго, младшій сынъ, съ самаго начала комедіи, печалитъ своего отца дурнымъ поведеніемъ, онъ даже воруетъ и, наконецъ, требуетъ слѣдующую ему часть изъ наслѣдства. Старикъ со слезами исполняетъ это желаніе. Въ одинъ день растрачено все полученное. Хозяйка, гдѣ помѣстился блудный сынъ, и двѣ женщины окончательно обираютъ его до-конца, и потомъ выгоняютъ его отъ себя самымъ постыднымъ образомъ. За тѣмъ, все прочее во французской мистеріи сходно съ русской пьесой. Въ заключеніи первой объясняется значеніе представленія,—именно, что подъ отцомъ надобно разумѣть Бога, а подъ двумя сыновьями вообще людей, которые бываютъ и добрые, и злые; первые всегда живутъ съ Господомъ, а послѣдніе безумно растрачиваютъ божьи дары въ развратѣ и свѣтскихъ удовольствіяхъ [1]).

Русская мистерія «О блудномъ сынѣ» замѣчательна тѣмъ, что текстъ ея, вмѣстѣ съ объяснительными картинками, въ XVII вѣкѣ вырѣзанъ былъ въ Москвѣ на мѣди, и составившаяся изъ того книга сдѣлалась достояніемъ лубочныхъ изданій, на которыхъ долгое время выставлялся 1685 годъ. Заглавіе перваго изданія: «Исторія или дѣйствія евангельскія притчи о блудномъ сынѣ бываемое. Лѣто отъ Рождества Христова 1685»; изданіе состоитъ изъ 57 перенумерованныхъ листовъ, кромѣ заглавнаго. На первомъ листѣ начинается «прилогъ», т. е. обращеніе къ зрителямъ, а на картинѣ, притомъ, изображена сцена, освѣщенная въ томъ мѣстѣ, гдѣ рампа, плошками; нѣсколько зрителей, одни въ европейскихъ шляпахъ, другіе въ мѣховыхъ шапкахъ; передъ ними на сценѣ актеръ, произносящій рѣчь къ зрителямъ; одѣтъ онъ въ короткомъ нижнемъ платьѣ, въ плащѣ, закинутомъ назадъ, и съ поднятой кверху лѣвою рукою; на второмъ листѣ, отецъ дѣлитъ свое имѣніе между сыновьями, всѣ три въ длинныхъ одеждахъ; далѣе рисунки изображаютъ то, что происходитъ въ комедіи, такъ на 8-мъ рисункѣ (л. 15) сынъ прощается съ отцомъ и цѣлуетъ ему ногу. На рисункѣ 13 (л. 22), слуга приводитъ блудному сыну новыхъ слугъ и, получивъ за то награду, цѣлуетъ, стоя на колѣняхъ, руку господина, у лица котораго (онъ въ пьесѣ долженъ смѣяться) написано: «ха, ха, ха!». При сценѣ, гдѣ играетъ блудный сынъ въ «зернь», изображенъ столъ съ картами и деньгами, у слуги и господина въ рукахъ стопы съ виномъ, подлѣ женщина, которая также пьетъ, кругомъ слуги (л. 25). Явленіе, когда «изыдетъ блудный сынъ похмѣленъ», растолкова-

[1]) «Hist. du théâtre franç. par Parfait», III, 139.

по картиною, на которой изображены: господинъ беретъ въ руки чару съ виномъ, вдали кровать съ балдахиномъ, около нея женщина съ обнаженною шеею (л. 27). На л. 30 представлены «игрецы»; всѣ они держатъ въ рукахъ скрипки. Когда слуги хотятъ растащить остатки имѣнія господина, и всѣ восклицаютъ: «емлемъ», то и на рисункѣ изображены слуги, и у лица каждаго надпись: «емлемъ». На 29 листѣ изображено, какъ сѣкутъ блуднаго сына двое слугъ за утрату свиней; при этомъ присутствуетъ прикащикъ съ тростью. На предпослѣднемъ листѣ (56) начинается эпилогъ и помѣщено то же самое изображеніе, какъ и въ началѣ книги, только актеръ, произносящій рѣчь къ зрителямъ, прижалъ правую руку къ груди, а лѣвою дѣлаетъ жестъ въ сторону.

«Жалостная комедія» о грѣхопаденіи Адама. Библейское повѣствованіе, о изгнаніи первыхъ человѣковъ изъ рая, было часто избираемо для представленія въ мистеріяхъ французскихъ, германскихъ и испанскихъ. Въ Польшѣ извѣстны три діалога на эту же тему. Одинъ былъ представленъ въ іезуитскихъ школахъ въ Пултускѣ, на страстной недѣли 1578 г. Въ немъ являются лица, жившія за 4000 и болѣе лѣтъ, но говорятъ они такъ, что трудно угадать цѣль и главную идею пьесы. Лица эти, между прочимъ: архангелъ Михаилъ, херувимъ, Адамъ и Евва, демоны — одинъ, подъ названіемъ Асмодѣя, другой въ видѣ змѣя, — потомъ Енохъ, Елисей, св. Іоаннъ Предтеча. — Второй діалогъ неизвѣстнаго года, изъ него знаемъ открывки изъ разговора Еввы съ Змѣемъ:

Евва. Мы можемъ сбирать всѣ возможные плоды; только съ того дерева, что̀ ростетъ посреди рая, намъ не дозволено. Богъ намъ запретилъ, заповѣдавъ: будетъ вамъ вѣчная смерть, если вкусите того плода.—Змѣй. Не бойся, милая панна; ничего подобнаго не будетъ: изъ-за одного яблока еще никто не терялъ головы. Зачѣмъ же и дерево? на что̀ оно сотворено? оно для васъ, вамъ создано.—Евва. Не напрасно Богъ изрекъ строгое повелѣніе: видно въ томъ деревѣ есть какой нибудь вредъ.—Змѣй. Никакого нѣтъ вреда, любимица Бога! имъ самимъ оно привито. Какъ отецъ, онъ поступаетъ съ вами, не нанесетъ онъ вамъ удара, хотя и страшитъ великими угрозами. Иначе какъ же бы удержалъ онъ васъ въ повиновеніи? — такъ надобно удерживать дѣтей отъ дурныхъ поступковъ. Не медли и вкушай, не тревожь головы. Больно сердцу—видѣть и не вкушать [1])....»

Третій діалогъ носитъ названіе «Nowi raj drzewem żyta zasadzony» и былъ представленъ на сценѣ въ Торунѣ іезуитами на вербной недѣлѣ въ 1688 г. Здѣсь выводятся: Змѣй, соблазняющій Адама, Человѣческая натура, Милость Божеская, непостоянная Богиня Счастія. Въ заключеніе хоръ: Успокоенная Натура, взыскапная милостями

[1]) «Biblioteka starożitna, Wojcickiego», VI, 303—309, I, 332—335.

Избавителя, приноситъ благодареніе. — Во французской мистеріи 1406 г., въ концѣ, Милосердіе умоляетъ о прощеніи несчастнаго Адама, но Богъ, внимая только Божественной Правдѣ, снисходитъ на землю, и, проклявъ ее, повелѣваетъ херувиму изгнать изъ рая Адама и Евву. Трава сохнетъ подъ ногами виновныхъ, а деревья теряютъ свою зелень [1]).

Въ предисловіи къ русской мистеріи находимъ посвященіе государю: «Всевельможнѣйшій монарше! человѣческое житіе, еже по Бозѣ, подъ милостивымъ защищеніемъ вашего царскаго величества имѣемъ и въ немъ содержаны бываемъ, во ономъ такожде все прохлажденіе и радость взыскуемъ; но обрѣтаемъ скорбь и бѣду. Ей, взыскуемъ въ немъ мѣру, но что же обрѣтаемъ?—несмиреніе и брань; взыскуемъ посмѣшеніе, но обрѣтаемъ плачь и рыданіе; взыскуемъ въ немъ здравіе, но обрѣтаемъ болѣзнь и недугъ. Ей, вопстинно, егда мы простые человѣцы таковыми отягченьми въ зерцалѣ разсмотримся, тогда на насъ скоротой (?) ево въ помышленіе надходитъ, яко же многіе сіе (но еже языческіи есть) началу созданія нашего восхотѣша приписать, но мы же поспмъ предателя неизвѣстно въ нѣдрахъ нашихъ, а именно древняго Адама, т. е. пстую плоть и кровь пашу. Ей, прахъ иже тую бѣду скоро при созданіи нанесе той оную междо нами человѣческіи отроки (?) и разсади, не престая до скончанія міра я всегда распространяти, чтобъ тогда намъ нынѣ при потѣшныхъ радостныхъ комедіяхъ и едину малую жалобную комедію примѣшать. Чего ради смиренно молимъ вашего царскаго величества милосердомъ прощеніи, да мы, яко человѣцы и о человѣческомъ началѣ, также о паденіи и конечной погибели его, нѣчто въ малой жалобной комедіи, т. е. о Адамѣ и Еввѣ представимъ; аще ли же что прегрѣшится, паки о милостивомъ прощеніи смиренно просимъ».

Дѣйствующими лицами въ этомъ представленіи были: «Адамъ, Евва, добрые ангелы: Уріилъ, Гаврііилъ, Рафаилъ, Михаилъ, потомъ Истина, Правда, Милосердіе, Миръ; Змѣй. Еще нѣкоторые поющіе ангелы; Богъ Отецъ, Богъ Сынъ».

Явленіе называется «сѣнь» (сцена). Вотъ мѣсто, гдѣ Змѣй соблазняетъ Евву вкусить запрещеннаго плода:

ЗМѢЙ.

«О коль блаженъ мужъ Адамъ, его же Богъ сице почтилъ есть! Гдѣ бо множая таковаго рая обрѣсти, въ немъ же нынѣ Адамъ и Евва обитаютъ? то бо жилищемъ и лучшимъ прохлажденіемъ нашимъ есть. Именно жь видите и слышите лѣпотны струевъ шумы, видите и слышите красныхъ птицъ пѣніе. Имѣете также прохлажденіе ваше

[1]) «Teatr starożytny w Polsce, Wojcickiego», II, 245 и «Histoire du théâtre français, par Parfait», II, 308.

и радость въ звѣрѣхъ и рыбъ въ водахъ. Возможно вамъ утѣшитися въ прекрасныхъ злакахъ и древесахъ и въ различныхъ цвѣтахъ; азъ днесь по утріи зѣло рано, предъ солнечнымъ всходомъ стояще, не возмогохъ довольно утѣшитися изъ умилного пѣнія птицъ во вертоградѣ. Очеса мои удоволны бяху въ прекрасныхъ овощахъ на древесѣхъ. По семъ, егда пресвѣтло сіяющее солнце мало росу отъ травъ осуши, пошелъ есмь нѣчто прогулятися и обрѣтохъ различные, красовитые овощи. Но междо ными овощь, его же ровни никогда лучше обрѣсти невозможно, какъ скоро бо онаго вкусивъ, воспріялъ такую охоту и радость въ сердцѣ моемъ, вѣдѣніемъ въ себѣ самымъ и вѣдати не могу какъ скоро рѣчь языка моего въ пріятную сладость премѣнися, еже однако вся отъ васъ приходитъ, зане намъ къ пользѣ Господь Богъ созда, и мы ради вашея даровъ такихъ причащаемся....»

По изгнаніи праотца изъ рая, начинается судъ надъ нимъ, въ которомъ принимаютъ, между прочимъ, участіе Правда, Истина, Милосердіе и Миръ. При этомъ случаѣ Богъ-Отецъ произноситъ: «зѣло ми правда, и усердно болѣзнуемъ о бѣдномъ паденіи человѣческомъ Адама и Еввы, въ кое прелестіе бѣсовское впали, яко же и вамъ о семъ вѣдомо добре есть, чего ради достоитъ о томъ совѣтное постановленіе учинити и по семъ на нихъ праведный судъ издати». Правда настаиваетъ, чтобы преступившихъ заповѣдь божію наказать по всей строгости, именно предать на вѣчныя муки. Милосердіе и Миръ являются защитниками первыхъ людей. Въ послѣднемъ, 4-мъ дѣйствіи являются Сынъ Божій, Миръ, Правда, Истина и Милосердіе.

МИРЪ.

«О вѣчный Сынъ Божій, со Отцемъ въ равенствѣ сый! положили есмы въ любви и смиреніи сей уставъ, если бы возможно было, яко да никто отъ насъ поврежденіе пріиметъ: Милосердіе божіе съ Правдою, да Истину съ Миромъ соединити, чтобы человѣка изъ гортани дьявольской исторгнути, но не вѣмы никакого къ тому совѣта, ниже ко исполненію средствія. Тѣмъ же приходимъ къ тебѣ, къ вѣчной премудрости отча, моляще въ томъ отъ насъ не отступити, инако бо человѣку во вѣчномъ пребыти осужденіи.

МИЛОСЕРДІЕ.

«О премудрость, божіе утѣшеніе! даждь намъ совѣтъ свой и помощь свою, да безъ ущербленія нашего бѣдный человѣкъ свободу одержати моглъ.

ПРАВДА.

«О пребогатый Боже! аще возможно, да правда устоится купно съ милосердіемъ тогда твоимъ, яко да премудрость твоя насъ проводитъ и человѣка бѣднаго освободитъ!

ИСТИНА.

«О премудре Сыне Божій! дабы такожде въ семъ дѣлѣ истина божія состоялася, то соединеніе наше изволилъ проводить вѣчнымъ совѣтомъ своимъ, дабы бѣдный человѣкъ отъ узъ дьявольскихъ избавленъ былъ.

СЫНЪ БОЖІЙ.

«По вашему согласному прошенію, хощу вамъ и совѣтъ преподати, но никакое иное средствіе изобрѣтено быти можетъ, развѣ единъ за то да терпитъ: тѣмъ же взыщите такова мужа, иже смертію за нихъ долгъ той воздастъ, такимъ бо образомъ безвредны пребудете и бѣдный человѣкъ освободится. Любви ради къ человѣкомъ, скорблю о семъ и хотѣлъ быхъ усердно, дабы въ живыхъ сохранены были.»

Третья мистерія, «Іосифъ, сынъ Израилевъ» также начинается предисловіемъ: «Пресильнѣйшій великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержецъ! Егда кто въ восточныхъ земляхъ скорпія обрящетъ, тогда той змѣкъ сокрывается и въ тишинѣ пребываетъ, но когда къ нему кто прикоснется и погами попирати учнетъ, абіе ядъ свой смертоносный испущаетъ. Таковымъ же образомъ и человѣкъ, аще добротливъ и благодатенъ, или лукавъ и злонравенъ есть, познанъ бываетъ; ибо какъ скоро злобный человѣкъ отъ кого прикосненъ точію будетъ, и малымъ чѣмъ докученъ, скоро воздвигнется и, аки скорпія, отъ ярости гнѣву своего возмутится. Противнымъ паки обычаемъ благоусердный и добронравный любитъ и недруги своя и добро творитъ гонящимъ его. Мы же предаемъ клятвѣ смертоносный ядъ и желчь всѣхъ скорпій и злонравныхъ человѣкъ, припадаемъ же къ самой добродѣтели — се есть къ престолу вашего царскаго величества, понеже паки малую прохладную о презрядной добродѣтели и сердечной чистотѣ комедію въ дѣйствѣ о Іосифѣ въ пречестные очи предоставити умыслили есми; тѣмъ же не отчаемъ, яко превысокая вашего цар. вел. обыклая милость во всемилосердомъ присмотрѣніи дѣтскаго дѣйствія нашего проводитъ и оное благоизволеніе».

Содержаніе русской пьесы взято изъ Библіи. Въ началѣ Іосифъ разсказываетъ отцу и братьямъ свои сны, потомъ братья продаютъ его купцамъ измаильтянамъ; эти послѣдніе его передаютъ въ Египтѣ вельможѣ Пентефрію. Представленіе прерывается на томъ мѣстѣ, когда жена Пентефрія, видя безполезность своихъ предложеній Іосифу, дѣлаетъ видъ, что онъ хотѣлъ самъ посягнуть на честь ея.... Для образца здѣсь приводится отрывокъ изъ разговора Вилги, жены Пентефрія, съ Іосифомъ.

ВИЛГА.

«Возлюбленный Іосифе, хощеши ли нынѣ счастіе твое сице сует-

но изъ очесъ выпустити: самъ же видиши, яко мужъ мой, египтянинъ, о чистотѣ твоей довольно сице обнадеженъ есть, что онъ когда бъ нѣкто (еже однакожде никогда быти не можетъ) о насъ что открыти и хотѣлъ, тому никоими образы неповѣритъ.

ІОСИФЪ.

«О Боже, освободи же мя отъ сея египетскія жены!

ВИЛГА.

«О Іосифе, боишися Бога своего?—се и азъ всѣхъ боговъ нашихъ отвергуся. Къ сему же и мужа моего къ тому приведу, да и онъ Богу твоему служитъ, токмо уклони произволеніе свое къ заимной любви.

Іосифъ.

«О, нестыдливое жено! Богъ неблаговолитъ въ тѣхъ, иже во скверномъ житіи пребывая, его величаютъ, и всѣхъ прелюбодѣйственныхъ отъ лица своего вѣчно отметаетъ.

Вилга.

«Добро же, Іосифе, понеже не хощешь супружество разрушити, тогда азъ мужа моего убію и по семъ тебя по закону твоему за мужа пріиму.

Іосифъ.

«О жено! молю тя, стыдись того предъ Господемъ, и бойся Бога и не твори окаянное таковое дѣло, подая діяволу въ жертву самую себя, аще же въ томъ прочае (?) поступати учнешь, то азъ помышленія твоего нечестія мужу твоему объявлю.

Вилга.

«Вѣрю тому добрѣ, занеже вчера изрядную пищу, яже ти послала бѣ, не восхотѣлъ еси вкушати, азъ же желала быхъ съ тобою и осужденна быти; но еще время, Іосифе, се половина богатства моего, ей болши половины, еже въ пентефріевомъ дому есть, твое будетъ, а во знамя вѣрной любви моей пріими сіе въ закладъ»....

Въ Польшѣ жизнь Іосифа была сюжетомъ двухъ драмъ: одна написана извѣстнымъ въ польской литературѣ писателемъ Николаемъ Реемъ въ 1545 г. (Żywot Josepha z pokolenia żydowskiego, syna Jakobowego). Въ первомъ актѣ ея Іаковъ и Рахиль благодарятъ Бога, что излилъ онъ столько милостей на домъ ихъ. Рахиль хвалитъ Іосифа, а онъ разсказываетъ ей свой сонъ о снопахъ. Іаковъ посылаетъ сына къ братьямъ, которые стерегутъ стада. Давно уже братья были недовольны предпочтеньемъ отца и матери къ Іосифу, и потому сначала думаютъ убить его, потомъ ввергаютъ въ ровъ, наконецъ продаютъ

проходившимъ мимо купцамъ измаилитамъ (silny głupci), а Іакову и Рахили сказываютъ, что брата ихъ растерзали звѣри. Во второмъ дѣйствіи Іосифъ купленъ Пентефріемъ, который, встрѣтивъ купцовъ на дорогѣ, спрашиваетъ, нѣтъ ли чего купить у нихъ? Въ третьемъ дѣйствіи Зефира, жена Пентефрія, влюблена въ Іосифа; Анхиза, служанка ея и наперсница, устраиваетъ свиданіе для госпожи своей, а между тѣмъ Пентефрій, въ длинномъ монологѣ, говоритъ о счастіи имѣть хорошенькую и притомъ добродѣтельную жену, и вмѣстѣ съ тѣмъ обладать такимъ вѣрнымъ слугою, какъ Іосифъ. При свиданіи, Іосифъ остается глухъ къ предложеніямъ Зефиры; эта, взбѣшенная отказомъ, рветъ свои одежды и обвиняетъ слугу въ насиліи. Его вергаютъ въ темницу, тамъ онъ толкуетъ сны и т. д., — однимъ словомъ, до конца пьесы все содержаніе заимствовано изъ Библіи. Любопытны анахронизмы этой мистеріи: напримѣръ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ взываетъ къ Матери Божіей, упоминаетъ объ обѣднѣ и флейтахъ въ органѣ.

На польскомъ языкѣ есть еще мистерія подъ названіемъ Czysty Josef, 1597 г.;—это переводъ съ латинской пьесы Симона Симоновича [1]), она помѣщена въ «Opera omnia» этого писателя. Французская мистерія 1406 года—«De Joseph qui exposa les songes et de sa vendition», одинаковаго содержанія съ польскими и русскою пьесами. Извѣстный намъ отрывокъ изъ разговора Іосифа съ женою Пентефрія отличается значительною краткостью противъ русскаго: «La dame. Joseph?—Joseph. Que vous plaist-il, madame?—La dame:

«Mon amy, veuillez approcher,
De moy,....
....tout secrètement.
JOSEPH.
Quesse-cy, madame, comment?
Le faictes vous par farcerie,
Ou autrement [2])?

Въ дѣлахъ главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ (въ Москвѣ) уцѣлѣла одна пьеса, хранившаяся въ бывшемъ посольскомъ приказѣ, подъ заглавіемъ «Баязетъ»: она давалась, какъ видно изъ эпилога, еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и потомъ ее разыгрывали въ Москвѣ даже во времена Штелина.

«Баязетъ» написанъ въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ есть всѣ театральные эффекты и ужасы—сраженіе, убійства и т. п. Баязетъ намѣревается напасть на Константинополь, но встрѣчаетъ себѣ

---

[1]) О мистеріи Рея см. «Teatr starożytny w Polsce» I, 131—157; а о Симоновичѣ въ «Dykcionarz poetow polskich, Juszińskiego, I, 107.

[2]) Histoire du Théâtre français, par Parfait. II. 322.

противника въ союзникѣ Палеолога, Тамерланѣ. Поддапные этого послѣдняго осыпаютъ упреками Баязета за то, что онъ ненавидитъ христіанъ, и молятъ Бога о помощи «убогому христіанству». Баязетъ впередъ увѣренъ въ удачѣ своего нападенія и насмѣхается надъ приготовленіями непріятеля. Наконецъ, на сценѣ происходитъ сраженіе, Тамерланъ остается побѣдителемъ и является въ битвѣ на конѣ—къ нему приводятъ побѣжденнаго Баязета въ клѣткѣ, гдѣ онъ и разбиваетъ себѣ голову. По старинному обычаю, въ пьесѣ есть шутовскія сцены, шутъ называется по голландски Пикель Гярингомъ; встрѣчаются и пѣсни въ родѣ:

Братья, да возвеселимся,
Симъ виномъ да утвердимся!
Богъ убо вѣсть— сколько намъ жити:
Нынѣ идемъ купно въ поле,
Убитыми быть, или вздравѣ
Съ корыстію быти, а не убити(ы).
Тѣмъ же да будетъ вначалѣ
Веселіе радостію нынѣ,
Богъ убо вѣсть, кто доживетъ
Въ годъ испити того вина!
Са, са, са, са, са!

Въ эпилогѣ обращеніе къ царю:

«Пресвѣтлѣйшій, великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичь! яко древле пали всѣ снопы предъ единымъ снопомъ Іосифа кланяхуся, такъ и мы, оставивъ тамерлановъ престолъ, кланяемся должно и, падъ ницъ на землю, усмиряемся предъ царскимъ вашимъ величествомъ. Но кая служба, о великій государь, симъ поклономъ нашимъ предъ величествомъ и милосердіемъ вашимъ быти можетъ? Никая ниже на меньшій солнечный градъ (градусъ?). Однакожь, яко нѣкогда великій Александръ, царь македонскій, сосудъ студеной воды отъ единаго отъ рабъ своихъ предъ иными златыми жертвы въ даръ воспріялъ есть, тако и мы, уповая на превысокую милость вашего царскаго величества, припадаемъ паки смиренно къ подножію престола величествія вашего, униженно моляще, да ваше царское величество благоволитъ сію малую и вскорѣ сотворенную комедію отъ насъ, яко еще неискусныхъ и несмышленыхъ отрочатъ, всемилостиво воспріяти, ниже до изгону живота нашего пребываемъ вашего царскаго величества смиренные вѣрные рабы».

Въ библіотекѣ графа А. С. Уварова находится рукописная пьеса, также принадлежащая къ разряду драматическихъ произведеній разсматриваемой эпохи.

Она не имѣетъ особеннаго заглавія: въ прологѣ, названномъ «предлогомъ», о ней говорится, какъ объ «исторіи о царѣ Давидѣ и о сынѣ его Соломонѣ премудромъ». Выше мы замѣтили, что на западѣ

изъ ветхаго завѣта стали заимствовать сюжеты для театральныхъ сочиненій послѣ введенія обычая—изображать на сценѣ событія изъ жизни Спасителя, Богоматери и проч. Сначала заимствованія изъ ветхаго завѣта ограничивались только переложеніями въ разговорную и стихотворную форму библейскихъ повѣствованій,—этому подтвержденіемъ служитъ рядъ французскихъ мистерій изъ ветхаго завѣта, конца XIV и начала XV столѣтія[1]). Здѣсь еще не замѣтно заботы о единствѣ ни содержанія, ни времени, ни мѣста. Вся цѣль представленія—изображеніе въ лицахъ библейскаго разсказа: такъ, напримѣръ, въ одной и той же мистеріи «о смерти Саула и царствованіи Давида» Саулъ преслѣдуетъ Давида, является тѣнь пророка Самуила, которая предсказываетъ царю близкую смерть, послѣ чего дѣйствительно Саулъ погибаетъ въ сраженіи съ филистимлянами, а Давидъ дѣлается царемъ и чрезъ Іоава объявляетъ войну аммонитамъ, потомъ у фонтана видитъ Вирсавію... Далѣе слѣдуетъ событіе съ Авессаломомъ, наконецъ Аданіи, видя дряхлость Давида, хочетъ завладѣть престоломъ, но этотъ повелѣваетъ помазать на царство Соломона. За тѣмъ слѣдуетъ новая пьеса «Царствованіе Соломона» и опять рядъ сценъ, въ томъ порядкѣ, какъ онѣ изложены въ св. писаніи. «Исторія о царѣ Давидѣ и Соломонѣ премудромъ» именно замѣчательна въ томъ отношеніи, что представляетъ образецъ русскаго переложенія въ мистерію 1-й и половины 2-й главы III Книги Царствъ. Здѣсь также перелагатель неуклонно слѣдовалъ библейскому повѣствованію, которое является на сценѣ въ рѣчахъ выведенныхъ лицъ, безъ всякой связи или завязки. Пьеса въ видѣнномъ мною позднѣйшемъ, и притомъ дурномъ спискѣ, написана прозою, но видно, что она первоначально сочинена виршами. Вотъ, какъ въ прологѣ разсказано содержаніе мистеріи:

Царь бо Давыдъ, весьма оболезневши,
и призва всѣхъ своихъ любезнѣйшихъ,
рече же имъ: вѣрны бо сердца моего друзи,
видите, которая мя болѣзнь уязвляетъ,
ума моего знаменія изъ главы вынимаетъ;
можетъ ли бо кто такова врача сыскати,
который бы могълъ болѣзнь сію изъ главы моея изгнати?
Юношъ же нѣкій изъискалъ дѣвицу прекрасну
и красотою ся весьма зрачну,
которая могла царя Давыда врачевати
и всю болѣзнь отъ него изгнати.
По нѣкоторому же времяни, сынъ его Аданій
восхотѣлъ тайно престолъ отца своего воспріяти
и душею его нелюбящихъ отъ Израиля изгнати;
который (т. е. Аданій же) въ совѣтъ свой не приказалъ
брата своего Соломона призывати,

[1]) Histoire du théâtre français, par Parfait, II, 304 и слѣд.

іерею же Седоку не возвѣщати,
и пророка Наѳана, къ тому не приглашати.
Мати же царя Соломона и пророкъ Наѳаній приступиша,
ко Давыду царю со слезами вопросиша.
Соизволилъ же царь Давыдъ Соломона
на престолѣ своемъ короною утверждати.
Какъ Соломонъ воцарился,
то и Іерусалимъ весь подъ нози его преклонился.
Нача же Соломонъ на престолѣ
царствомъ двѣнадцать лѣтъ отца своего владати
и противниковъ его изъ Ерусалима изгоняти,
которыхъ приказалъ смертію казнити,
патріарха [1]) же Авіаѳара въ селѣ Анаѳаѳѣ держати,
которому запретилъ во вѣкъ не исхождати.
Мы бо нынѣ почтимся вамъ на дѣйствѣ показати
вы же изволте насъ златомъ награждати».

Что касается до разговора дѣйствующихъ лицъ, то всѣ они безъ исключенья говорятъ чрезвычайно напыщенно: авторъ намѣренно старался поддѣлаться подъ колоритъ подлинника. Вотъ, напр., какъ ведется на сценѣ разговоръ о болѣзни Давида въ старости и способѣ излеченія ея:

«Сидѣть царю на престолѣ и при немъ сидѣть въ стулахъ сенаторомъ и стоять двумъ отрокамъ, а царю рѣщи сію рѣчь:

«Пріидите ко мнѣ, любезнѣйшіе,
пріидите, мои друзіи,
и вѣрные сердца моего слузи!
Видите мя, кая болѣзнь уязвлястъ,
ибо отъ труда едва духъ во мнѣ бываетъ;
да не можете ли вы врача того сыскати,
который бы во мнѣ болѣзнь могъ познати
и вскорѣ отъ мя отгнати?
Не могу азъ памяти въ себѣ утвердити,
яко имѣхъ видъ мой весь въ горести премѣнити,
како то, что видящися въ болѣзни жестокихъ,
то все нынѣ не вижу во слезахъ глубокихъ.
О горе, откуду скорбь сія во мнѣ бываетъ,
паче же жесточайшихъ мразъ сердца ознобляетъ!
Пойдите, ищущи во всѣ страны,
да будетъ вами врачь мнѣ изысканный».

ОТРОКЪ.

«О великій царю нашъ Давыде,
мы же предстояще покорнѣйши подъ ноги ваша.
Ужасаетъ насъ страшный твой видъ,
нынѣ намъ болѣзнь ти приключенна,
мнимъ, да будетъ вскорѣ нами излеченна

1) Этотъ титулъ Авіаѳару придалъ авторъ пьесы. Послѣ Авіаѳаръ изгоняется за политическіе происки, «да не уловленъ будетъ смертными сѣти».

нашими трудами, царю преславный!
о здравіи врачитель будетъ ти сысканный,
Да изыщетъ ти дѣвицу прекрасну
и добротою лица ся сіяюще, ясну,
которая возможетъ тя врачевати.

ЦАРЬ ДАВЫДЪ РЕЧЕ:

«Во истинну изрядно,
и весьма словеса твои мнѣ да будутъ нравны;
сотвори нынѣ тако,
обѣщаеши мнѣ како.
Юнчю дѣвицу изыщите,
немедленно ко мнѣ приведите.

ОТРОКЪ.

«Готовъ повелѣнное тобою вскорѣ сотворити
и сказанную мною дѣвицу предъ тя представити.

«По проговорѣ царской рѣчи, поклонясь отрокамъ царю, идти въ уборную полату и, взявъ дѣвицу, привесть предъ царя Ависану.

ОТРОКЪ.

«Повелѣнное тобою нынѣ сотворилъ:
сію бо дѣвицу предъ тя вскорѣ представилъ.

ЦАРЬ ДАВЫДЪ.

«Откуду, прекрасная, обрѣтенна,
днесь предъ очима моима явленна?
Нынѣ мое сердце, зря на тя, вельми веселися,
и свѣтъ въ очахъ моихъ нынѣ открыся.
Прошу, госпоже, приближитися здѣ ко мнѣ безопасно:
даждь ми свѣтлое лице свое соглядати
и любезнаго твоего имени познати.

«По проговорѣ царской рѣчи, то царю съ трона встать и сѣсть предъ трономъ на стулѣ; такожъ и Ависанѣ сѣсть противу его и рещи Ависанѣ сію рѣчь:

«Великій царю, а мой милостивѣйшій государю,
азъ есмь Сумайскаго роду,
Измаилтейскаго народу;
весьма не высокородна собою,
яко едина отъ грѣшницъ, званная тобою;
имя мое Ависана,
и подъ державою твоею всегда была обитанна».

Читатель, вѣроятно, замѣтитъ въ этой выпискѣ ту особенность, что предъ монологомъ каждаго почти лица находится замѣчаніе о томъ, что̀ долженъ дѣлать актеръ на сценѣ; эти примѣчанія встрѣчаются впродолженіи всей пьесы, сверхъ того монологи пере-

мѣчены цифрами, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ слѣдуетъ что нибудь дѣлать на сценѣ, стоитъ отмѣтка зри (извѣстно, что это слово въ старину замѣняло у насъ знакъ NB.). Такія объясненія показываютъ, что списокъ принадлежащей гр. Уварову мистеріи сдѣланъ собственно для употребленія актеровъ, а потому заслуживаетъ особеннаго вниманія, при бѣдности свѣдѣній о выполненіи старинныхъ нашихъ пьесъ.

Выше мы видѣли, что Давидъ въ собраніи долженъ быть на престолѣ, по сторонамъ стояли два отрока, а сенаторы «сидѣли въ стулахъ». Слѣдовательно, тронная зала или зала царскаго засѣданія представлялась прежде почти также, какъ и въ послѣдующія времена. Когда одинъ изъ присутствующихъ обращалъ рѣчь къ царю, то всѣ прочіе вставали. Когда Аданій является на сцену съ цѣлью сдѣлаться царемъ вмѣсто Давида, то на столѣ лежитъ скипетръ, корона и порфира, и при нихъ стоятъ два воина и держутъ «наголо кортики»; при Аданіѣ находятся также два воина.

Когда должно начинаться помазаніе на царство, то являются, кромѣ первосвященника, воины, сенаторы, также «и набрать маленькихъ робятъ и притти предъ Адапія». Послѣ помазанія четыре сенатора берутъ порфиру и возлагаютъ на плеча Аданія, корону надѣваютъ на главу его два воина и два сенатора, а скипетръ первый изъ сенаторовъ подноситъ на блюдѣ, прочіе произносятъ приличное поздравленіе. При третьемъ явленіи узнаемъ, что занавѣсъ, или, какъ названо въ пьесѣ, шпалеръ закрывался послѣ каждаго явленія (на что̀ жаловался, какъ увидимъ ниже, Бергхольцъ въ своемъ дневникѣ); такъ въ помянутомъ явленіи, слѣдующемъ за торжествомъ Аданія, есть наставленіе: «сидѣть предъ тропомъ на стулѣ матери Соломоновой Варсавіи, и открыть шпалеръ»... По окончаніи совѣщанія съ Наѳаномъ, царица уходитъ въ уборную комнату, убирается въ женское (?) платье, потомъ идетъ къ царю Давиду, который веселится съ сенаторами передъ тропомъ. Когда Давидъ произноситъ молитву, то онъ встаетъ со стула, взираетъ на небо, а сенаторы и воины падаютъ на колѣни. Помазаніе на царство Соломона происходитъ съ тою отмѣною отъ вышеописаннаго, что его облекаетъ въ порфиру, даетъ скипетръ и корону самъ Давидъ, который потомъ возводитъ его на тронъ; а всѣ предстоящіе «воспѣваютъ виватъ». Ипръ за тѣмъ слѣдуетъ, а на немъ сенаторы и воины сидятъ. При изреченіи приговоровъ, Соломонъ сидитъ на тронѣ, а около него четыре воина и четыре сенатора. Адапій, признавшійся въ своемъ намѣреніи, говоритъ передъ нимъ на колѣняхъ у ногъ новаго царя. Давидъ умираетъ на сценѣ. Онъ лежитъ на постелѣ передъ тропомъ, и послѣ нравоученія Соломону испускаетъ духъ; Соломонъ, Вирсавія и Аданій должны плакать: а сенаторы и воины поютъ пѣснь: «зряще мя безгласна». Когда мать Соломона проситъ его за Аданія, то царь глаголетъ съ яростію. Казнятъ Аданія также на сценѣ;

«по окончаніи рѣчи ему пасть на колѣни, а Аданію отсѣщи главу и закрыть тронъ». Предъ казнію Іоава читается епистолія о его преступленіяхъ.

Митрополитъ Евгеній говоритъ, что Дмитрій Ростовскій писалъ свои драматическія представленія, когда еще былъ въ Малороссіи; по свидѣтельству же Штелина, они были играны въ Ростовѣ въ крестовой митрополита. Въ числѣ этихъ пьесъ одна «Рождество Христово», быть можетъ, есть та самая, которая переписана въ сборникѣ П.библіотекѣ (XIV,Q,28) подъ названіемъ «Комедія на Рождество Христово». Она замѣчательна въ томъ отношеніи, что хотя по содержанію и принадлежитъ къ религіознымъ представленіямъ, однако по обстановкѣ, вводнымъ сценамъ и вообще по изложенію и языку, имѣетъ болѣе отношенія къ жизни, нежели тѣ, которыя сейчасъ нами описаны.

Предметомъ комедіи избрано Рождество Спасителя, поклоненіе пастырей и волхвовъ, убіеніе младенцевъ въ Виѳлеемѣ по повелѣнію Ирода и, наконецъ, муки сего послѣдняго. Въ антипрологѣ «Натура людская» жалуется на несовершенства человѣческія и грѣхопаденіе первыхъ людей; ее утѣшаетъ Надежда, Золотой вѣкъ, Кротость, Незлобіе, Радость,—но послѣ нихъ являются Зависть, Желѣзный вѣкъ, Брань—и «Натура людская» снова опечалена, Смерть превозглашаетъ свое господство, но Жизнь останавливаетъ ее и говоритъ:

«Азъ власти имамъ живити азъ и умертвити,
Смерти или житію вѣчному вручити.»

Въ послѣднихъ стихахъ пролога находится указаніе, что драма была играна при архіереѣ:

«Да крѣпость нынѣ Бога рожденна прославимъ.
Сему всякъ съ охотою, молимъ, да внимаешь,
Ты же, архіерею, да благословляешь [1])».

Послѣ разговоровъ Неба, Земли, Милости Божіей, Вражды и Зависти, на сцену являются виѳлеемскіе пастухи. Изъ нихъ, два,—Аврамъ и Аѳоня, пошли въ городъ, а третій, Борисъ, остался при овцахъ; по наступленіи ночи, онъ недоумѣваетъ о томъ, что товарищи слишкомъ долго не возвращаются; они приходятъ, одинъ изъ нихъ объясняетъ причину своего замедленія тѣмъ, что заходилъ въ кружало; всѣ садятся ужинать; въ это время — «Запоютъ ангели, а они забудутся, кусы въ ротахъ, думаютъ долго, одинъ на другаго смотрятъ, не скоро въ небо.»

АВРАМЪ.

«Што, братъ, гдѣ же такъ гетакъ поютъ хорошенько?
еще я такъ неслыхавъ, ты слышишь, Аѳонько?

[1]) У Моне (Schauspiele des Mittelalters, Ч. 2. стр. 424) есть упоминаніе о «Komœdi von der Geburt des Herrn Christi, von 1589».

АѲОНЯ.

«Явже слышу и вижду: ей, птички высоко,
смотрите, едбакъ ваше недосмотритъ око:
Ты старъ, ты на глазъ хромъ, вотъ въ гору смотрите.

БОРИСЪ И АВРАМЪ.

«Е, е, е, видимъ, видимъ! (Аѳонѣ) А што, правда, птички?

АВРАМЪ.

«Братъ, кажется робятка стоятъ певелички.

АѲОНЯ.

«Судари, и хто видалъ!—робята съ крылами,
птицы то залетели межи облаками,
Етакъ бы хорошенько робята не пѣли,
смотри, смотри, не видно, вотъ и полетели.

БОРИСЪ.

«Летите жъ здоровеньки, а мы поседѣмо,
маленько покушавши, къ овечкомъ идѣмо.

АВРАМЪ.

«Когда бы же такъ надъ стадомъ нашимъ всю нощь пѣли,
то бъ мы ихъ, слушаючи, спати не хотѣли.
Аѳоня, ты учися на дудки играти,
што бы мы не хотѣли, да и ты, дремати.

явленіе 3-е.

АНГЕЛЪ КЪ ПАСТЫРЕМЪ.

«Радость, о пастыріе, отъ меня пріимите,
и не ужасайтеся, но словамъ внемлите:
Радость нынѣ велія мірови явися.
Спасъ человѣческому роду родися —
Отъ пренепорочныя Маріи дѣвицы,
небесныхъ, купно земныхъ жителей царицы!
Близь града Виѳлеема, въ вертепѣ глубокомъ,
между воломъ и осломъ, на мѣстѣ высокомъ,
Въ ясляхъ, на остромъ сѣнѣ пеленами ввитый,
нищъ лежитъ всего міра царь презнаменитый;
Такъ убо веселыма ногама идете,
Достойную ему честь и поклонъ дадете [1])!

---

[1]) Въ старинной французской мистеріи XV вѣка о Рождествѣ Христовѣ, пастухи въ окрестностяхъ Виѳлеема собираются, чтобы ночью стеречь стадо. Они между прочимъ толкуютъ о государственныхъ распоряженіяхъ и указѣ цесаря Августа о томъ, что каждый долженъ быть записанъ въ томъ городѣ, гдѣ онъ родился. Ихъ занимаетъ вопросъ, съ какою цѣлію это дѣлается и проч. Наконецъ являются ангелы и потому распространяется сильный свѣтъ. Пастухи не понимаютъ тому причины—начинается ли день, или всходитъ луна? Вотъ какъ извѣщаетъ ихъ Гавріилъ о рожденіи Спасителя:

БОРИСЪ.

«О сударь, кто ты таковъ, ты княжего рода,
чаю, что князь твой отецъ, или воевода?

АНГЕЛЪ.

«Азъ есмь архангелъ, не отъ земна рода,
но отъ небесныхъ ликовъ воевода.
Неприступну престолу Бога услугую
и тайны того міру азъ благовѣствую,
Еже и вамъ вѣщаю, отъ его посланный,
тому поклонъ да будетъ отъ васъ нынѣ данный.

АВРАМЪ.

«Чаю тебя, государь, къ князьямъ послали,
штобъ они великому царю поклонъ дали,
Не къ намъ, нищимъ пастухамъ—гето ты заблудилъ,
или не вслухавъ—вѣстникъ къ намъ таки не ходилъ.

АНГЕЛЪ.

«Аще и царь есть царемъ, нынѣ же смиренный
волею между скоты всталъ положенный:
Нищету возлюбивый, васъ, нищихъ, взываетъ,
пастырь сый всѣмъ пастыремъ васъ, пастырей, чаетъ.

БОРИСЪ.

О сударь, надобно ли что въ поклонъ понести,
штобы не велѣлъ, яко нашъ князь, въ шею вонъ вести?

АНГЕЛЪ.

«Господь вашъ и Богъ благихъ вашихъ нетребуетъ,
нехощетъ себѣ даровъ, но онъ да дарствуетъ.

Bergiers, ne vueillez crainte avoir,
En nuyt est accomply l'esprit.
Car nostre Saulveur Jesucrist
Sans doute nous est né sur terre!
Et si du lieu voulez en querre,
C'est en Bethléem la cité,
Et en figure de verité
Sitost que au lieu arriverez,
Ce petit enfant trouverez
Couché dedens la creche aulx beufz!

URIEL.

Chantons ung chant mélodieux. (Здѣсь ангелы поютъ:
Gloria in excelsis Deo et in terra pax etc.)

Въ другой мистеріи такого же содержанія, 1545 года, пастыри, выслушавъ вѣсть о рожденіи Спасителя, поютъ:

Dansons, chantons, faisons rage,
Puisqu'avons grâce pour pardon,
Chantons Noel de bon courage,
Car nous Christ en pur don и т. д.
(Hist. du Théâtre fr. par Parfait, I, 132—154; III, 60).

Чисто сердце за дары тому принесете,
вѣру, надежду, любовь ему предложете.
Глаголанная мною скоро сотворите:
азъ буду невидимъ, вы въ вертепъ идете.

БОРИСЪ.

«Што же, такъ идти худо, ходѣмъ украсимся
въ чулки, лапти новые. Пойдемъ приберемся.
Аѳоня, позабирай калачи и вино,
да и ты приберися, пойдемъ всѣ за одно.

Пѣніе: «Ангелъ пастырей вѣстилъ,
Христосъ ся вамъ днесь родилъ,
Въ Виѳлеемѣ, градѣ давидовомъ,
Отъ Дѣвы Маріи, въ колѣнѣ іудовомъ.
Хотяще знать извѣстно,
Еже имъ благовѣстно,
Въ Виѳлеемъ скоро пошли
Отроча въ ясляхъ знашли» и проч.»

Изъ этого отрывка видно, что «Комедія на Рождество Христово» имѣетъ значеніе, какъ произведеніе, гдѣ болѣе, нежели въ предъидущихъ, отразилась современная автору жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, эти добродушные пастыри, покупающіе вино и калачи, напоминаютъ сильно соотечественниковъ Дмитрія Ростовскаго, жителей Украйны. Нельзя также не замѣтить, что бо̀льшая часть пьесы ведена, если исключить монологи Злобы, Вражды и прочихъ аллегорическихъ лицъ, очень естественно и безъ натяжекъ. Примѣромъ тому служитъ разговоръ пастуха съ ангеломъ. Что можетъ быть правдивѣе, какъ бѣднякамъ сомнѣваться, точно ли къ нимъ, нищимъ, а не къ какому нибудь князю, явился посланникъ неба съ радостною вѣстію о рожденіи царя міру сему? потомъ этотъ вопросъ: не нужны ли подарки при поклоненіи.... Отвѣтъ ангела о Томъ «кто нищету возлюбивый, васъ, нищихъ, взываетъ», полонъ трогательной истины и заключаетъ въ себѣ исторію всей жизни Спасителя.

О существованіи въ рукописи театральной пьесы, написанной Прокоповичемъ, извѣстно изъ «Словаря о писателяхъ» Новикова. Она есть въ рукописяхъ Румянцовскаго музея (№ 318) и тамъ при ней приложено письмо Гнѣдича, съ доказательствами, что сочиненіе дѣйствительно должно принадлежать архіепископу Ѳеофану.

При описаніи мною «Владиміра», я пользовался рукописью Публичной библіотеки (О, XIV, 2, стр. 64 и слѣд.)

«Владиміръ славено-россійскихъ странъ князь и повелитель отъ невѣрія тмы въ свѣтъ евангельскій приведенній Духомъ Святимъ отъ Р. Х. 988, нынѣ же въ православной академіи могилянской кіевской на позоръ россійскому роду отъ благородныхъ россійскихъ сыновъ, добрѣ здѣсь воспитуемыхъ, дѣйствіемъ, еже отъ піитъ нарицается трагедокомедія, лѣта Господня MDCCV, Іюля 3 дня, показаній».

Прологъ къ слышателемъ: «Служаще обычному уставу въ академіи нашей, отъ лѣтъ многыхъ хранимому, се и мы, аще и послѣднѣйшіи, недозрѣли плоди трудовъ нашыхъ на позоръ вамъ производимъ, великоименитіе и благородніе слушатели! А яко не ино что, токмо повѣсть о обращеніи къ Христу равноапостольнаго князя нашего Владиміра обычнимъ дѣйствіемъ представити умислихомъ; вина бяше, яко то и мѣсту сему прилично и свойственно слышателемъ мнится быти. Приличепъ дому есть образъ господина, свойственная память сыномъ отшедшаго далече отца своего: се же и домъ владиміровъ, се и владимірова чада крещеніемъ святимъ отъ него рожденная, что паче всѣхъ изящніе на тебѣ является, яспевельможній папе ктиторе и добродѣю нашъ, ему же и строеніе сего отечества владиміроваго по царю отъ Бога врученно есть, и владиміровыми пдяй равнимы ему побѣдамы равню въ Россіи ікономіею лице его, яко отческое сынъ, на тебѣ показуешь! Убо сего изображеніе пріими отъ насъ, яко тогожь великій наслѣдникъ, вмѣсто привѣтствія; зри себѣ самого въ Владимірѣ, зри въ позорѣ семъ, аки въ зерцалѣ, твою храбрость, твою славу, твоей любвы союзъ съ монаршимъ сердцемъ, твое истинное благолюбіе, твою искренную къ православной апостольской, единой каѳолической вѣры нашей ревность и усердіе...»

Содержаніе пьесы въ томъ отношеніи замѣчательно, что заимствовано изъ русской исторіи. Отчасти изъ предисловія видно, что подобный выборъ предмета требовалъ объясненія причинъ тому, что не имѣло бы мѣста, когда обычай брать драмы изъ русской исторіи введенъ былъ бы прежде. Трагедокомедія начинается появленіемъ на сценѣ тѣни Ярополка, убитаго братомъ своимъ Владиміромъ. Онъ жалуется на убійство, завидуетъ славѣ Владиміра и говоритъ, между прочимъ:

« . . . . и еще повсюду
приносится вѣсть, не вѣмъ изшедше откуду,
Аки бы Христовъ законъ въ тебѣ имать быти
и съ богами Владиміръ дерзнетъ брань творити.
Христосъ, аще ты еси Царь и Господь всея
твари, гдѣ судъ истинній? гдѣ правды твоея
Неложное мѣрило? убійца во славѣ
отъ тебе вѣнчанъ будетъ? и тако державѣ
Твоей угождается? сродственныя крови
губитель любимъ тебѣ? о судъ неистовій!...»

Является волхвъ Жериволъ и приходитъ въ страхъ, при видѣ Ярополка; но этотъ его успокоиваетъ, говоря, что не первый разъ ему, чародѣю, видѣть духовъ и умершихъ. Жериволъ сознается, что онъ чувствуетъ страхъ, потому что не выпилъ изъ сосуда, присланнаго ему отъ царя тьмы. Далѣе, Ярополкъ разсказываетъ всѣ обстоятельства смерти своей и Жериволъ клянется отмстить за него:

«О бози, помозите! аще мои пѣсны
сильни суть и могутъ что, да пройдутъ въ безвѣстны
Мѣста, въ дебри, въ пещеры, въ рѣки, въ бездны, въ гробы,
въ глубокія великой матеры утробы!
Подвигну мертвихъ, адскихъ, воздушнихъ и водних
соберу духовъ, къ тому звѣрей многородныхъ;
Созову кушно: пріидутъ звѣри страховидны,
гади, смоли, полозы, скорпія, ехидны.
Совлеку солнце з неба, помрачу свѣтила,
день и нощь претворю: явѣ будетъ моя сила!»

Второе дѣйствіе начинается скорбнымъ разговоромъ жреца Куояда съ Піаромъ о скудости жертвы богамъ и о прожорливости Жерпвола. Послѣдній приходитъ и взываетъ о помощи къ духамъ:

«Аде! на помощь возстани,
спѣшно двигни твои брани,
Двигни силы, двигни власти,
твоя имать честь упасти!
Вѣтре пернатій! воскорѣ
преносяй корабль по морѣ,
Помощной помози намъ адской силѣ,
подаждь бо скоріе крилѣ!
Летите, дуси, летите,
намъ на помощь не медлите.
Изострите гнѣва жало,
люто время намъ настало!»

Послѣ такого призывапія, бѣсы міра, хулы и тѣни обѣщаютъ Жериволу свое содѣйствіе.

Въ 3-мъ дѣйствіи Владиміръ съ дѣтьми, Борисомъ и Глѣбомъ, совѣтуются о философѣ, присланномъ къ нему отъ византійскаго императора. Жерпволъ приходитъ ко Владиміру и проситъ жертвы для боговъ, которые, отъ прекращенія жертвоприношеній, сдѣлались больны. Владиміръ отвѣчаетъ съ насмѣшкой и требуетъ состязанія Жерпвола съ греческимъ философомъ. Этотъ послѣдній учитъ, что Богъ невидимъ, и духъ сокрушенный есть лучшая жертва ему; въ слѣдующей за тѣмъ сценѣ философъ подробно толкуетъ Владиміру съ Борисомъ и Глѣбомъ, о существованіи Бога, вѣчной жизни, будущемъ судѣ и мукахъ во адѣ.

Философъ удаляется, а Борисъ и Глѣбъ совѣтуютъ отцу принять христіанскую вѣру. Владиміръ отсылаетъ дѣтей:

«отъидите на время—азъ здѣ совѣтую
На единѣ со мною: зъ воску имутъ дѣти
сердце — скоро ихъ на вся приклонишь совѣты.»

Оставшись одинъ, великій князь говоритъ съ Гордыми помысла-

ми, Плотію, Хульными помыслами,—всѣ они противъ ученія Христа. Въ концѣ есть «Хоръ прелести»:

«Возврати, Владиміре, возврати бѣгъ спѣшній,
Негли постой и слыши плачь мой неутѣшній!
Познай любезне,
Кто зоветъ слезне!
Кого любиши?
Камо бѣжиши?
Въ кіи идешь страны?
Откуду гнѣвъ на ны?
Плачь тя не утолитъ,
Гласъ мой не умолитъ!
Тако еси твердій,
Тако жестокосердій;
Любве ми едина,
Кая се измѣна?
Помяни, Владиміре, дни прежніе тіе,
когда тя объятіе имѣюше сіе.
Кое тогда пространство, кая радость бяше!
триста женъ лобзаніе сердце вмѣщаше,
Скоки и плясанія бяху непрестанно;
сласть всякая течаше въ душу невозбранно,
Коихъ тогда сладостей небывалъ сити
поминати сладко есть, что жъ дѣломъ творити?
Вспомни, когда ко сердца охладѣ,
быхъ съ тобою краснымъ вертоградѣ?
Естество цвѣты являше различніи,
азъ представляхъ жены красноличніи.
Красно мѣсто отъ цвѣтовъ тѣхъ бяше,
но краснѣйше позорище наше:
Стидашеся повсюду цвѣтъ червленній,
живыхъ цвѣтовъ лицемъ побѣжденій.
Гдѣ дни тіе? зайдоша въ домъ подземній,
помрачи ихъ вечеръ темній!..»

Въ 5-мъ и послѣднемъ дѣйствіи, разговоры Куроряда съ Піаромъ любопытны, въ отношеніи свѣдѣній, какія были въ началѣ XVIII вѣка о славянской миѳологіи. Піаръ, разсказывая о перемѣнѣ вѣры Владиміромъ, произноситъ:

«. . . . Еще ты невѣси
Злобы его горшія, како его бѣси
на боговъ возъяриша, повелѣ повсюду
Крушити боги. Видѣхъ, како удъ отъ уду
отторженъ валяшеся; многимъ носы, нози
Урѣзанные видѣхъ. О, благіе бози,
болею за васъ зѣло! Чи не скорбь се, друже?
Ладо не можетъ уже плясати, ему же
сіе дѣло отъ боговъ всѣхъ есть порученно,
Но токмо локти движетъ всуе, недѣйственно!

Мошко [1]) же отнюдь кадилъ не возможетъ чути
А Позвиздь (о скорбь моя, о жалю мои лютій!)
пребиту голень имать и хромлетъ стеняя;
Но слышу множайшія и крайняя злая,
что видѣхъ окаянній! Зря вещь неподобну,
Дѣти студніи, кумиръ разсѣкши подробну,
во главу, аки въ сосудъ, испраздняютъ стомахъ!..»

За тѣмъ являются Мечиславъ и Вождь храбрый, объявляютъ жрецамъ волю князя ввести въ Россію христіанскую вѣру и истребить боговъ языческихъ. Піаръ съ Куроядомъ въ страхѣ отъ мщенія Перуна, но кумиръ разбитъ — и нѣтъ ни страшныхъ знаменій, ни мщенія небеснаго. Піаръ этимъ очень доволенъ и проситъ разсказать ему о крещеніи Владиміра. Храбрый вождь, описывая торжество и величіе церемоній, прибавляетъ: « . . . азъ объятый страхомъ радостнымъ (вѣруй благородство ваше) забыхъ, гдѣ есмы? Сердце же во мнѣ трепеташе...» Въ послѣднемъ явленіи вѣстникъ приноситъ грамоту отъ великаго князя Владиміра, называющагося уже Василіемъ, а въ заключеніе является хоръ Андрея апостола съ ангелами, гдѣ между прочимъ говорится:

«Вижу мужей премудрыхъ, учительныхъ, сильныхъ,
къ тому и храбрыхъ въ брани, къ томужъ многодѣльныхъ.
Посредѣ же всѣхъ оныхъ велія свѣтила
два сіяютъ: единъ власомъ убѣленъ до зѣла,
Митра же ему злата сѣдину пречестну
украшаетъ; въ другомъ же знамени небесну
Вижу утварь: звѣзды бо купно со луною
и въ небо перущого зримы суть стрѣлою [2]).
О церкве россійская! Коль много ти свѣта
у сихъ свѣтилъ прибудетъ во оніе лѣта!
Другаго же воинску вижу бронь носяща,
всего пламенна, всего полымемъ горяща
Гнѣвомъ, и вижу купно, како полки многи
вражія устрашаетъ и ломитъ имъ роги.
Вижу я се вражія Махомета грады,
трясутся предъ нимъ, падутъ, не чаютъ отрады!
Но нѣкій Левъ [3]) ярится, и на мужа сильна
ногти остритъ: но ярость твоя есть бездѣльна,
Звѣре гордій! Поспѣшно, о вожде великій,
поспѣшно иди, будетъ свирѣпій и дикій
Хищникъ раздранъ отъ тебя и изшедъ воскорѣ;
ты же наречешися отъ всѣхъ Самсонъ вторій.

---

[1]) Мокошъ.

[2]) Въ гербѣ Стефана Яворскаго были звѣзды, луна и стрѣла, а вмѣсто рыцарскаго герба архіерейская митра. Сѣдинами украшенный, вѣроятно, долженъ быть Варламъ Ясинскій, бывшій тогда въ глубокой старости.

[3]) Левъ есть въ гербѣ Швеціи; въ русскихъ сочиненіяхъ того времени часто, въ намекахъ на шведскаго короля, употребляли это сравненіе.

Но онъ на се отъ мене оружія проситъ;
почто? твое бо въ щитѣ благородство носитъ.
Крестъ самого Господа, на вся супостати
страшній [1]); обаче мнится онъ мнѣ глаголати:
Твоимъ быти воиномъ велитъ ми Андрею
царь Петръ, за помощію ратую твоею,
Ратуй мнѣ оружниче, ратуй, вожде мощній!
азъ, аще въ чемъ возмогу, буду ти помощній»...

Далѣе упоминается въ хорѣ о возстановленіи престола переяславскаго, давно бывшаго въ запустѣніи, о домахъ святыхъ и школѣ.

«Россіе! колико бо мужей совершенныхъ
Произведетъ ти домъ сей! надъ всѣми же сими
Храминами зиждитель Іоаннъ [2]) славимій
Начертанъ зрится»...

Внизу подпись: «конецъ трагедокомедіи, сложенной трудомъ Θеофана Прокоповича».

—

Статья Штелина: «Zur Geschichte des Theaters in Russland» [3]), какъ ни была она поверхностна, служила долго важнѣйшимъ матеріаломъ для исторіи драматическаго искусства начала XVIII вѣка. Отсюда взято извѣстіе, что мольеровъ «Médecin malgré lui» былъ игранъ еще въ дѣтствѣ Петра въ Москвѣ, и что царевна Софія съ своими придворными участвовала въ театральныхъ представленіяхъ. Въ русскихъ переводахъ Штелина прибавилось неизвѣстно откуда взятое свѣдѣніе, что царевна будто и сама написала какую-то драму. Изъ Штелина же почерпнутъ часто повторяемый анекдотъ о первомъ апрѣлѣ, что̀ было приписано труппѣ Мана. Бергхольцъ, современный свидѣтель петровской эпохи, разсказываетъ это происшествіе иначе (см. ниже). Самымъ любопытнымъ въ замѣткахъ Штелина можно считать его курьёзное извѣстіе объ одной духовной пьесѣ, игранной хирургическими учениками въ московскомъ госпиталѣ [4]), а также разсказъ, что въ старину, на масляницѣ, служители царскихъ конюшень, въ рогожныхъ костюмахъ, давали въ разныхъ мѣстахъ свои представленія въ родѣ sottises théâtrales (sic). Для извѣщенія о томъ публики, на окнѣ выставлялся бумажный фонарь и играли на рожкахъ — представленіе носило названіе игрищъ, зрители за мѣста платили отъ 1 до 4 копѣекъ. Разумѣется, что извѣстія Штелина о позднѣйшемъ

[1]) Въ гербѣ Мазепы изображался крестъ.
[2]) Мазепа.
[3]) S. Haigold's, Beilagen zum veränderten Russland, I Th., 397—431.
[4]) Ibid., 398—399.

театрѣ при Аннѣ Іоанновнѣ, напримѣръ, заключаютъ въ себѣ, какъ свидѣтельства современника, болѣе интереснаго.

Извѣстный знатокъ русской старины, князь Михаилъ Андреевичъ Оболенскій, узнавъ, что пишущій эти строки занимается исторіею стариннаго театра въ Россіи, предоставилъ въ его распоряженіе собранныя изъ дѣлъ бывшаго посольскаго приказа слѣдующія извѣстія о театральныхъ труппахъ въ Москвѣ во времена Петра Великаго.

Въ 1698 году выѣхалъ въ Россію «къ царю на службу» комедіантъ Иванъ Сплавскій. Не осталось никакихъ свѣдѣній, что дѣлалъ онъ въ этой должности до 1701 года, въ которомъ его отдали въ вѣдѣніе посольскаго приказа и отправили за границу для вербованія въ Москву театральной труппы. На расходы ему было выдано 200 рублей, да женѣ его съ дочерью положено, на время отсутствія Сплавскаго, по 5 рублей въ мѣсяцъ.

Въ Данцигѣ, или Гданскѣ, какъ называли тогда у насъ этотъ городъ, Сплавскій договорился съ нѣкіимъ Яганомъ Кунштомъ, чтобы этотъ набралъ актеровъ и пріѣхалъ съ ними въ Россію. Въ контрактѣ, заключенномъ при этомъ случаѣ и въ которомъ Сплавскій, оставивъ свой титулъ комедіанта, именуется уже капитаномъ, Куншть обязывался, по прибытіи съ труппою въ Москву, «царскому величеству всѣми вымыслами, потѣхами, угодить, и къ тому всегда доброму, готовому и должному быти», и за все это имѣлъ ежегодно получать по 5000 ефимковъ. Кромѣ того, ему слѣдовало оказать пособіе на счетъ казны при постройкѣ зданія для театра, при шитьѣ костюмовъ и приготовленіи декорацій. Сохранились также, въ современномъ русскомъ переводѣ, и контракты Куншта съ набранными для Россіи актерами. Отсюда можно видѣть, что послѣдніе поступили на службу изъ какой нибудь странствующей нѣмецкой труппы: кромѣ «комедіальнаго дѣйствія», они должны были исполнять и другія обязанности; такъ одинъ изъ актеровъ Антонъ Ротаксъ былъ парикмахеромъ и приготовлялъ для труппы парики и накладки, другой Яганъ Эрдманъ облеченъ былъ въ должность портнаго для шитья костюмовъ и проч.

Въ 1702 г., Куншть и его труппа прибыли въ Москву. Антрепренёръ тотчасъ же обратился въ посольскій приказъ съ просьбою о выдачѣ ему, на обзаведеніе и необходимые расходы, впередъ всей слѣдующей ему по контракту годовой платы. При этомъ Куншть предполагалъ приступить къ постройкѣ «дѣлательнаго двора», который долженъ былъ имѣть въ длину 20 саженъ, въ ширину 15, а въ вышину 7. Всѣ работы Куншть надѣялся покончить въ 3 недѣли, если только дадутъ нужныхъ для постройки мастеровыхъ, какъ то: плотниковъ, портныхъ, живописцевъ, также строительные матеріалы (доски и гвозди).

Всѣ требованія Куншта были удовлетворены и «комедіальная деревянная храмина» отстроена въ Москвѣ на Красной площади, «а въ

ней театрумъ, и хоры, и лавки, и двери, и окна; и внутри ея потолокъ подбитъ и кровля покрыта, а снаружи обита тесомъ. Да въ Нѣмецкой слободѣ, въ дому генерала Франца Яковлевича Лефорта въ большой палатѣ, для посиѣшенія, покамѣсть та храмина построитца, сдѣланы комедійной театрумъ и хоры.»

Недолго Куншт жилъ въ мирѣ съ своими актерами, которые, по его словамъ, вели разгульную жизнь, кутили и вовсе не слушали своего антрепренёра; особенно актеръ Яганъ Плантинъ возбудилъ противъ себя негодованіе директора его царскаго величества придворныхъ комедіантовъ (Directeur von ihro zarischen Majestäten Hof-Komoedienten — такъ подписывался подъ прошеніями Куншт). Вслѣдствіе такихъ жалобъ, нѣмецкихъ артистовъ потребовали въ посольскій приказъ и стали тамъ отбирать показанія. Актеры объявили, что «они въ комедійныхъ дѣлахъ послушаніе Куншту отдавать должны и отъ дѣлъ не отрекаются, только-де онъ, Яганъ, роскоши имѣетъ многія, а ихъ по многія времена всякими бранными словами безчеститъ напрасно, невѣдомо за что, и дѣла никакова онъ имъ не даетъ, а по договорнымъ письмамъ, какія у нихъ съ нимъ, Кунштомъ, учинены, безчестья никакова имъ чинить не доведется»...

Въ октябрѣ 1702 года, русское правительство вознамѣрилось имѣть актеровъ изъ своихъ, и для этой цѣли выбрано было нѣсколько подъячихъ изъ разныхъ приказовъ. Всѣ они отданы въ науку къ Куншту, а этотъ долженъ былъ «ихъ всякимъ комедіямъ учить съ добрымъ радѣніемъ и со всякимъ откровеніемъ [1]).»

Такъ какъ въ контрактѣ ничего не упоминалось о томъ, чтобы учить театральному искусству русскихъ учениковъ, то Куншт просилъ о прибавкѣ за то къ жалованью, и при этомъ удобномъ случаѣ жаловался, что, при выдачѣ ему денегъ, ефимокъ полагали въ полтину, что несправедливо, потому что въ Россіи ефимокъ ходилъ тогда по 23 алтына и 2 деньги (въ алтынѣ 3 копѣйки, а въ копѣйкѣ 2 деньги). Вѣроятно это ходатайство было справедливо: Куншту было дано къ прежнему жалованью еще 500 рублей.

Куншт былъ не совсѣмъ доволенъ прилежаніемъ и бережливостью своихъ новыхъ учениковъ: онъ просилъ въ посольскомъ приказѣ, чтобы обязали ихъ являться на представленія въ одно время, чего многіе изъ русскихъ не исполняютъ, а отъ того происходитъ напрасная трата времени въ ожиданіи. Притомъ Куншт рѣшительно отказывался давать русскимъ костюмы, на томъ основаніи, что «не воз-

[1]) Вотъ имена этихъ русскихъ актеровъ: изъ ратуши — Ѳедоръ Буслаевъ, Семенъ Смирновъ, Никита Кондратовъ, Іевъ Невѣжинъ; изъ сибирскаго приказа — Дмитрій Яковлевъ, Михайла Совѣтовъ, Тимофей Степановъ; изъ монастырскаго приказа: Петръ Гнѣвышевъ, Иванъ Потаповъ; изъ ратуши—Петръ Боковъ, Петръ Долговъ, Иванъ Васильевъ Меньшой, Яковъ Комарской, Михайла Егоровъ, Гаврила Евсѣевъ; изъ помѣрной — Василій Кошелевъ; изъ посадскихъ, а былъ въ истопникахъ, — Василій Теленковъ.

можно русскихъ комедіантовъ во всѣхъ комедіяхъ своими театерскими платьями, перьями, накладными волосами, башмаками, чулками, рукавицами, лентами и иными вещами нарядить, понеже имъ такихъ вещей на полгода не будетъ, а мнѣ, Куншту, больше 1,500 рублевъ стали, опричь турецкихъ, и персицкихъ, которые еще готовить надобно»...

Въ 1703 г., русскимъ актерамъ «для ихъ скудости» и потому что «ходя въ Нѣмецкую слободу по вся дни, платьемъ и обувью обносились и испроѣлись», царь приказалъ выдать съ октября 1702 года по январь 1703 года — 100 рублей.

Ниже будетъ говорено о репертуарѣ тогдашней русской сцены; теперь же скажемъ, что изъ одной просьбы Куншта видно, что въ то время его труппа представляла такъ называемыя пьесы на случай (pièces de circonstances), которыя поручалось составлять тому же Куншту. Такъ онъ обязывался въ 1703 году приготовить драматическое представленіе къ торжеству по случаю взятія русскими Нотебурга или Орѣшка. Куншть при этомъ не преминулъ подать новое прошеніе, любопытное именно въ томъ отношеніи, что знакомитъ съ положеніемъ его въ Москвѣ и съ требованіями, которыя на него сыпались со всѣхъ сторонъ. «Азъ платье и театръ такою доброю цѣною дѣлаю, пишетъ онъ между прочимъ, аки овогда при дворѣхъ иныхъ потентатовъ видимо есть; о которыхъ (т. е. платьѣ и театрѣ) также попрекательныя и укорныя слова всегда слышати принужденъ, яко токмо полотняныя платья дѣлаю и мишурою обшиваю: не размышляютъ, аще бы прямое золото было, то при свѣчахъ не яспилось и на театрѣ не тако явилося, а прямымъ (золотомъ) на 100,000 рублевъ нѣчего дѣлать... ни которому комедіанту (не) надлежитъ толикое перемѣненіе въ операхъ летаніемъ и махинами смѣтовъ оказать, однако азъ же творить готовъ... никакой комедіантъ на свѣтѣ вовсе новую, невиданную и неслыханную комедію въ недѣлю на письмо изготовить и въ 3 недѣли сказать и дѣйствовать не можетъ; любви же ради и униженной должности противъ царскаго величества, я то на ся приимаю и совершу»...

Въ концѣ 1703 года, Куншть умеръ, и вдовѣ его Аннѣ, да актеру Бендрелу велѣно было остаться въ Россіи, чтобы они продолжали учить русскихъ актеровъ, но первые просили ихъ объ отпускѣ за границу. Вѣроятно, эта просьба была уважена, и съ марта 1704 года является новый антрепренёръ и учитель театральнаго искусства Артемій Фюрстъ. На него-то подавалъ доносъ одинъ изъ актеровъ, Петръ Боковъ, говоря, что Фюрстъ не занимается обученіемъ актеровъ, а потому «которыя комедіи они, комедіянты, выучили, и тѣ комедіи, за нерадѣніемъ его въ комплементахъ и за недознаніемъ въ рѣчахъ, дѣйствуютъ не въ твердости, для того что онъ, иноземецъ, ихъ русскаго поведенія не знаетъ»... Боковъ предлагалъ, что лучше

всего, для надзора за актерами, выбрать изъ нихъ же одного или двухъ учениковъ, а помянутаго иноземца отставить.

Изъ бумагъ около 1705 г. можно видѣть, что для театральныхъ представленій были выписаны изъ-за границы и музыканты. Въ первый разъ ихъ вызывали изъ Гамбурга чрезъ иноземца Матвѣя Поппа, въ числѣ 7 человѣкъ; изъ нихъ двоимъ назначалось жалованья по 140, а остальнымъ по 114 рублей. Въ другой разъ нанято еще 4 музыканта, съ жалованьемъ каждому по 150 руб., что̀ прежнихъ побудило просить о сравненіи въ платѣ съ послѣдними.

О русскихъ актерахъ сохранился докладъ, чрезвычайно интересный, какъ для характеристики той эпохи, такъ и для оцѣнки тогдашняго состоянія драматическаго искусства у насъ. Этотъ докладъ относится къ 1705 году и помѣщается здѣсь вполнѣ:

«Ученики комедіянты русскіе безъ указу ходятъ всегда со шпагами, и многіе не въ шпажныхъ поясахъ, но въ рукахъ носятъ, и, непрестанно по гостямъ въ нощныя времена ходя, пьютъ. И въ рядѣхъ у торговыхъ людей товары емлютъ въ долги, а денегъ не платятъ. И всякіе задоры съ тѣми торговыми и иныхъ чиновъ людми чинятъ, придираясъ къ безчестію, чтобъ съ нихъ что взять нахально. И для тѣхъ взятковъ ищутъ безчестій своихъ и тѣхъ людей волочатъ и убыточатъ въ разныхъ приказѣхъ, мимо государственнаго посольскаго приказу, гдѣ они вѣдомы. И, взявъ съ тѣхъ людей взятки, мирятся не дожидаясь по тѣмъ дѣламъ указу, а иныхъ торговымъ людямъ бороды рѣжутъ для такихъ же взятковъ. И въ томъ на тѣхъ комедіантовъ разныхъ чиновъ людей словесное многое челобитье. А комедій, которыя по приказу боярина Ѳеодора Алексѣевича (Головина) велѣно имъ списывать, писать не хотятъ, а тѣ комедіи для лучшаго обученія належитъ имъ списывать.

«А въ посольскомъ приказѣ тѣмъ комедіантомъ вышепомянутыхъ непристойныхъ дѣлъ чинить заказываютъ, однакожь они такъ приказъ презираютъ и чинятся во всемъ не послушны, а именно въ вышепомянутыхъ причинахъ явились комедіянты:

«Василей Теленковъ (онъ же Шмага пьяный), да Романъ Аммосовъ, взявъ въ ряду у торговаго человѣка, у Иванова сына Полушина, сукна и не хотя денегъ платить, били челомъ въ ратушѣ, мимо посольскаго приказу, въ безчестьѣ, и въ томъ волочили его многое время и потомъ, нѣчто съ него взявъ, помирились.

«А нынѣ тотъ же комедіянтъ, Василей Теленковъ билъ челомъ мимо посольскаго приказу въ судномъ приказѣ на ратушнаго подъячего Якова Новикова въ безчестьѣ же, а по свидѣтельству посторонннихъ людей явилось, что въ томъ задоръ и брань была отъ него комедіянта, а не отъ того подъячего.

«И для того посыланы изъ посольскаго приказу по него, коме-

діянта, приставы, чтобъ ево въ томъ упять. И онъ, комедіянтъ, въ посольской приказъ по многое время не пошелъ.

«А потомъ, октября въ 30 день, изъ посольскаго приказу отъ дьяковъ посыланъ къ нему комедіянтъ Ѳедоръ Буслаевъ говоритъ, чтобы онъ такихъ противныхъ дѣлъ чинить пересталъ. И онъ, комедіянтъ Василій Теленковъ, ему, Ѳедору, говорилъ съ великимъ крикомъ, что онъ никого не слушаетъ и не боится, и судить его некому, и при томъ многія противныя слова говорилъ. И того числа тотъ комедіянтъ въ посольскомъ приказу сысканъ, и до указу велѣно его содержать въ приказѣ.

«А въ комедіи дѣйствіе комедійное за нимъ не станетъ, потому что не во многихъ комедіяхъ дѣйство ево есть, и дѣла за нимъ мало, только безчестья много, а у того дѣла и быть онъ не потребенъ. А есть ученики комедійные русскіе добрые, которымъ велѣно быть до убылыхъ окладовъ въ прибыли (т. е. сверхъ комплектными).

«И о тѣхъ ослушникахъ и безчинникахъ что чинить?»

Докладъ этотъ былъ посланъ къ боярину Головину, который изъ похода прислалъ такое рѣшеніе: «комедіянта пьянаго Шмагу, взявъ въ приказъ, высѣкпте батогп; да и впредь его, также и иныхъ, буде кто изъ нихъ, комедіянтовъ, явится въ какомъ плутовствѣ потому же, взявъ въ приказъ, чините имъ наказаніе, смотря по винѣ, кто чего достоинъ, не отписывая ко мнѣ. Велите комедіянтомъ учить комедію торжественную на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и чтобъ они оную изучили къ пришествію великаго государя къ Москвѣ, конечно имъ съ подтвержденіемъ велите дѣлать ту комедію»... По этому приказу сдѣлана такая отмѣтка объ исполненіи: «къ комедіянту о ученіи комедіи торжественно сказано тогожь числа (10 декабря), и комедіянтъ сказалъ, что комедія новая тріумфальная на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ у него, къ пришествію великаго государя, будетъ готова, да и спускательныя вещи у него будутъ же».

Изъ дѣла о жалованьѣ актерамъ и служителямъ на 1707 годъ, узнаемъ, что въ 1704 г. въ труппѣ Фюрста женскія роли исполняли жена генеральнаго доктора Паггенкампфа (въ русскихъ документахъ она передѣлана по просту въ Погашкову) и дѣвица Фонъ-Вилихъ, за что имъ было положено первой по 300, а второй—по 150 рублей въ годъ. Фюрстъ, однако, пропзвелъ уплату не сполна, что и подало поводъ къ слѣдующей жалобѣ отъ названныхъ актрисъ:

«Державнѣйшій царь, государь всемилостивѣйшій! Въ прошломъ, государь, 1704 году, по твоему, великаго государя, указу, велѣно намъ быть на комедіи, и на той твоей, государевой комедіи управляли чинъ свой, какъ надлежитъ, и за то мы твоею, государевою милостію взысканы: по именному указу велѣно намъ на годъ дать полное жалованье, и то жалованье комедіянтъ Фюрстъ мнѣ, Германнѣ, только выдалъ 170 р., а мнѣ, Яганнѣ, 80 р. А достальное твое го-

сударево жалованье онъ, Фюрстъ, по се число не выдаетъ, не вѣмъ ради чего»... Фюрста потребовали къ допросу, и онъ объявилъ, что дѣйствительно тѣ иноземки за означенную плату имъ были наняты, но онѣ въ комедійномъ дѣйствіи находились только полгода, почему имъ и уплачено — Паггенкампфъ 200, а Вилихъ 95 рублей, а болѣе имъ давать не слѣдуетъ, потому что въ 1705 году нѣмецкихъ комедій въ Москвѣ вовсе не давалось.

Въ 1707 году высылались, отъ Фюрста, въ разное время, въ село Преображенское театральные костюмы, по требованію великой княжны Натальи Алексѣевны: такъ, 19 января, туда было отправлено, кромѣ нѣсколькихъ камзоловъ и кафтановъ съ кружевомъ и бахромою мишурными, арабское платье: «камзолъ, да штаны черные крашенинные, фартукъ доброй, на подобіи объяри серебряной, шляпка съ перьями». Доставкою этихъ предметовъ въ Преображенское распоряжался стольникъ Иванъ Никитичъ Хитровъ.

9 февраля туда же, между прочимъ, отосланы: «кафтанъ шитой стеклами, самой дорогой, къ нему фартукъ шитой же... двѣ япанчи королевскія, окладены кружевомъ мишурнымъ, обѣ крашенинныя, пара шутовскаго пестраго платья: корона бѣлаго желѣза съ часами (?), которую накладываетъ комедіянтъ; 2 бороды волосяныхъ» и т. д.

Извѣстно, что погребеніе боярина Ѳеодора Алексѣевича Головина происходило съ большою по тогдашнему пышностью и что сохранилась современная гравюра, гдѣ изображено погребальное шествіе и изображеніе умершаго боярина. Фюрстъ принималъ участіе въ церемоніи и на этотъ конецъ ему были выданы изъ театральнаго платья «латы добрыя всея воинскія одежды и съ поручи и съ руками».

Въ ноябрѣ 1709 г., въ Москвѣ, по случаю торжества о полтавской побѣдѣ, было построено нѣсколько тріумфальныхъ воротъ, и на однихъ, именно въ Китаѣ городѣ, на площади у церкви Казанскія Богородицы, велѣно было поставить на время, до окончанія нарочно на тотъ случай устроенныхъ декорацій, картины изъ комедіальнаго дома. Тогда же, по требованію великой княжны Натальи, театральныя декораціи отсылались въ Преображенское и въ домъ митрополита Стефана Яворскаго.

Въ томъ же 1709 г. сдѣланъ былъ осмотръ театральнаго дома и имущества; оказалось: «картинъ комедіантскихъ большихъ и среднихъ на полотнѣ 80 въ рамахъ простыхъ бѣлыхъ, да 1 картина безъ рамъ изодрана, да рамы простыя бѣлыя, а кромѣ того иныхъ никакихъ нѣтъ... припасовъ и столовъ, кромѣ скамей, нѣтъ... Да при той же комедійной храминѣ въ двухъ свѣтлицахъ въ 7 окнахъ оконницы слюдныя, ветхи и изломаны, хотя же тамъ печи и есть, но нагрѣвать ими не возможно».

Въ 1713 году, по указу царицы Прасковьи Ѳеодоровны, взяты

«изъ комедіи, обрѣтающіяся близъ Никольскихъ воротъ, которая подъ вѣдѣніемъ въ государственномъ посольскомъ приказѣ... 20 препективныхъ (sic) картинъ»: онѣ потребовались для домашняго театра ея величества, потому-что новыхъ, по недостатку времени, сдѣлать было невозможно.

Какія пьесы давались на всѣхъ этихъ театрахъ? Вопросъ этотъ разрѣшается довольно обстоятельно спискомъ драматическихъ произведеній, сохранившимся также въ дѣлахъ посольскаго приказа. Изъ него видно, что игранныя русскими учениками Куншта и Фюрста пьесы представлялись потомъ и на домашнихъ театрахъ великой княжны Натальи и у царицы Прасковьи. Нѣкоторыя изъ нихъ (отмѣченныя здѣсь звѣздочкою) сохранились въ рукописяхъ Публичной библіотеки, другія пока остаются извѣстными только по заглавіямъ; одна уцѣлѣла въ бумагахъ, изъ которыхъ заимствованы вышеприведенныя свѣдѣнія объ актерахъ.

«Описаніе комедіямъ, что какихъ есть въ государственномъ посольскомъ приказѣ, мая по 30 число 1709 года.

Заглавіе.	Количество экземпляровъ и гдѣ находятся.
1. О Ѳранталпеѣ эпирскомъ и о Мирандонѣ сынѣ его.	Двѣ. Одна послана на дворъ Петра Павловича (вице канцлера Шафирова) для отсылки въ Преображенское, февраля 20, 1711 г.
*2. О честномъ измѣнникѣ, въ ней первая персона Арцухъ Фридрихъ фонъ Поплей.	Три. Одна послана въ Преображенское, мая въ 31 день, 1709 г.
3. Донъ Педро, почитанный шляхтичъ, и Аммарилисъ дочь его.	Одна.
4. Прельщенной любящій.	Одна.
*5. Тюрмовый заключенникъ, или принцъ Пикель Гяринтъ.	Двѣ. Одна послана на дворъ Петра Павловича, въ Преображенское, февраля 20, 1711 г.
6. О крѣпости Грубстона, въ ней же первая персона Александръ Македонскій.	Двѣ. Одна послана на дворъ Петра Павловича, для отсылки въ Преображенское, февраля 20, 1711 г.
*7. Сципій африканскій, погубленіе королевы Софонизбы.	Двѣ. Одна отослана въ Преображенское, мая 31, 1709 г.
8. О графинѣ Тріерской Геновевѣ.	Одна.
9. Два завоеванные городы, въ ней же первая персона Юлій Кесарь.	Двѣ. Одна послана на дворъ Петра Павловича, для отсылки въ Преображенское, февраля 20, 1711 года.
10. Постоянный Папиньянусъ.	Три. Одна въ Преображенское, мая 31, 1709 г.
11. Порода Геркулесова, въ ней первая персона Юпитера.	Три. Одна въ Преображенское, мая 31, 1709 г.
*12. О Баязетѣ и Тамерланѣ.	Двѣ. Одна отослана въ Преображенское, февраля 20, 1711 г.

13. Докторъ принужденный. — Двѣ. Одна отослана съ вышеписанными на дворъ Петра Павловича для отсылки въ Преображенское, февраля 20, 1711 г.

Сверхъ того есть еще опись, сколько было комедій переведено и въ какомъ количествѣ экземпляровъ, именно: 1) О Александрѣ Македонскомъ—2; 2) О Геновевѣ—1; 3) о докторѣ Битоме (шутовская)—2; 4) О честномъ измѣнникѣ—3; 5) О королѣ Эпирскомъ—1; 6) О принцѣ Пикель Гярингѣ — 1; 7) О Донъ Педрѣ и Донъ Янѣ (т. е. извѣстный Донъ Жуанъ)—1; 8) О Сципіи африканскомъ—1; 9) О Тенере Лизетѣ, или отцѣ винопродавцѣ, перечневая, шутовская—3; 10) О Вуртинѣ, старомъ шляхтичѣ съ дочерью, перечневая, шутовская—3.

Упоминаніе о 13-й пьесѣ въ первомъ спискѣ «Докторъ принужденный» подтверждаетъ вполнѣ слухъ о существованіи у насъ перевода извѣстнаго произведенія Мольера Le Médecin malgré lui.

Въ этой комедіи осмѣяны невѣжество и шарлатанизмъ докторовъ; кутила Сганарелль, бывшій слугою лекаря, безпрестанно бьетъ свою жену; эта, въ отмщеніе ему, выдаетъ его за доктора. Сганарелль сначала не соглашается, но потомъ, покоряясь неотразимымъ убѣжденіямъ палокъ, съ успѣхомъ разъигрываетъ роль знаменитаго медика. Въ пьесѣ много превосходныхъ монологовъ (напр. консультація, какъ лечить больную хапжествомъ и проч.), но великій писатель здѣсь, какъ и во многихъ другихъ произведеніяхъ, заплатилъ дань требованіямъ своего времени, считая неизбѣжнымъ приправлять свои геніальныя комедіи шутовскими выходками, драками и палочными побоями. Въ «Докторѣ по неволѣ» первыя явленія заняты ссорою и потасовкою Сганарелля съ женою, съ сосѣдомъ и т. д.; чтобы убѣдить Сганарелля принять на себя леченіе, его колотятъ палками съ двухъ сторонъ. У насъ встарину скорѣе вѣрили, что доктора — колдуны, а не шарлатаны, и потому причиною, почему для перевода изъ многихъ комедій Мольера выборъ палъ на Le Médecin malgré lui, кажется можно полагать то, что тамъ шутовской элементъ играетъ не послѣднюю роль. Что это любили наши предки, тому служатъ доказательствомъ дошедшія до насъ интермедіи начала XVIII вѣка, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаются драки и побои. Такой вкусъ господствовалъ у всѣхъ народовъ, когда искусство и литература находились еще во младенчествѣ.

Собирая матеріалы для исторіи книжной торговли въ Петербургѣ, пишущій эти строки совершенно нечаянно узналъ о дальнѣйшей судьбѣ драматическихъ пьесъ, игранныхъ на театрѣ великой княжны Натальи. Послѣ смерти ея, всѣ «книги комедіантскія» были отосланы, 28 марта 1717 года, въ санктпетербургскую типографію и сложены въ амбарѣ вмѣстѣ съ изданіями ея, которыя не могли помѣ-

ститься въ книжной лавкѣ. Амбаръ этотъ стоялъ на Петербургской сторонѣ около крѣпости и его часто заливало водою во время наводненій; отъ того, а также и отъ конопляпаго масла, положеннаго кстати съ книжнымъ матеріаломъ, бо́льшая часть книгъ, при разборкѣ и осмотрѣ ихъ въ разныя времена, оказывались негодными. Въ 1723 году вотъ что̀ оставалось тамъ отъ театральной библіотеки Натальи Алексѣевны: «Разныхъ комедіантскихъ дѣйствъ, письменныхъ, въ полъ-десть, въ кожаномъ переплетѣ—2. Такія же письменныя въ бумажномъ переплетѣ, въ полъ-десть—15 книгъ; дѣйствіе о Георгіѣ и Плакидѣ. Тетрадь письменная въ полъ-десть, по которой дѣйствовано въ комедіи «О страданіи святыхъ мученикъ Ксенофонта и Маріи»—7 тетрадей; Крисанфа и Даріи—2 тетради. Адріана и Наталіи—3 тетради; Іюліана—3 тетради; Евстафія Плакиды—3 тетради; Павла и Іуліаніи—3 тетради; Искупленія человѣка отъ паденія его—3 тетради; Изъявленіе комедіи дѣйствуемой отъ ревности православія, тетрадь, печатанная церковными литерами [1]). Повѣсти о цесарѣ римскомъ Оттѣ—7 тетр. Да прешпехтъ С. Петербурга и обрѣтающимся при немъ строеніямъ—подклеенныя на холстѣ, въ деревянныхъ простыхъ рамахъ—3 картины, которыя въ продажѣ бываютъ по 3 руб. каждая, отъ мышей всѣ попорчены и въ продажу быть негодны».

Въ описяхъ послѣ 1723 года не встрѣчается болѣе упоминаній объ этихъ пьесахъ, и надо предполагать, что онѣ погибли въ одно изъ наводненій.

Изъ дневника Бергхольца видно, что о представленіяхъ при дворѣ царицы Прасковьи разносились къ знатнымъ афиши самими актерами: одинъ изъ нихъ придумалъ даже извлекать изъ того выгоды, выпрашивая вознагражденіе, за что̀ и наказанъ былъ батогами. Были ли эти афиши печатныя—неизвѣстно, только должно предполагать, что программы нѣкоторыхъ изъ старинныхъ театральныхъ пьесъ (называвшіяся въ такомъ случаѣ перечневыми) и различныхъ публичныхъ увеселеній печатались въ тѣ времена съ тою же цѣлью, какъ и нынѣ, т. е. для лучшаго объясненія публикѣ содержанія и хода представленія.

Намъ удалось видѣть печатную афишу петровскихъ временъ объ одномъ силачѣ, вѣроятно, о томъ самомъ, про котораго разсказываетъ Бергхольцъ въ своемъ дневникѣ, что онъ обманулъ собравшихся къ нему зрителей первымъ апрѣлемъ. Въ нашей афиши означено, что съ 17 марта будутъ представленія по два раза въ недѣлю. Третій спектакль, такимъ образомъ, дѣйствительно, приходился 1 апрѣля.

---

[1]) Этой театральной пьесы извѣстенъ мнѣ только одинъ экземпляръ въ Румянцовскомъ Музеѣ, гдѣ онъ значится подъ № 134.

Другая печатная афиша, хотя безъ означенія времени и мѣста печатанія, однако, судя по шрифту, бумагѣ и орѳографіи, также относится къ началу XVIII столѣтія: она помѣщена въ Библіографическихъ Запискахъ 1859 г. (№ 9, стр. 278—279), и заключаетъ въ себѣ объявленіе о представленіяхъ фигляровъ, которые обѣщались показывать: «смѣхотворства, скоки различные и танцы». Представленія начинались съ четвертаго часа по полудни и давались пять разъ въ недѣлю.

Кромѣ этихъ свѣдѣній о старинномъ русскомъ театрѣ, въ запискахъ иностранцевъ, бывшихъ тогда въ Россіи, остались нѣкоторыя замѣтки объ этомъ же предметѣ. При скудости матеріаловъ, и онѣ заслуживаютъ вниманія. Одно извѣстіе, имѣющее, по моему мнѣнію, отношеніе къ пьесѣ, разсмотрѣнной ниже, будетъ помѣщено послѣ, а теперь сообщаемъ выписки о театрѣ въ Москвѣ и Петербургѣ изъ записокъ Бассевича и Бергхольца. Само собою разумѣется, что эти, свѣдѣнія не очень лестны для старинныхъ русскихъ представленій. Какъ иностранные придворные, видѣвшіе болѣе великолѣпныя постановки пьесъ на европейскихъ театрахъ, и не зная, притомъ, русскаго языка, Бассевичъ и Бергхольцъ смотрѣли на русскій театръ свысока и не могли понять, какое значеніе для русскаго общества имѣютъ попытки водворить у насъ драматическое искусство. Чтобы заслужить ихъ одобреніе, необходимо было великолѣпіе, да блистательное общество.

«Какъ ни значительны были успѣхи просвѣщенія во владѣніяхъ Петра Великаго,—пишетъ Бассевичъ,—однако они не имѣли большаго вліянія на преобразованіе русскаго театра. Существовалъ театръ въ Москвѣ, но варварскій, а потому посѣщаемый только чернью. Драма тамъ раздѣлялась на дюжину дѣйствій, а каждое изъ послѣднихъ на столько же явленій (такъ русскіе называютъ сцены); между антрактами представляются шутовскія интермедіи при пособіи кнута и палочныхъ ударовъ. Подобной пьесы доставало на представленія впродолженіи цѣлой недѣли, и каждый день давалась изъ нея треть или четверть. Принцесса Наталія, младшая и любимая сестра императора, говорятъ, сочинила, не задолго до своей смерти, двѣ пьесы, расположенныя по очень удачному плану, и въ которыхъ были подробности, не лишенныя красоты, но недостатокъ въ актерахъ помѣшалъ представить ихъ на сценѣ. Царь въ театрѣ видѣлъ полезную сторону для большаго города и хотѣлъ пріохотить дворъ къ подобному развлеченію. Явилась нѣмецкая труппа, и для нея было выстроено прекрасное и обширное помѣщеніе, со всѣми удобствами для зрителей. Но труппа не стоила такихъ хлопотъ. Наперекоръ отвращенію къ родному языку, которое люди порядочные въ Германіи (писано въ половинѣ XVIII вѣка) стараются выказывать, этотъ языкъ, столь богатый и звучный не менѣе англійскаго, быстро идетъ нынѣ

къ усовершенствованію. Однако, въ то время (т. е. въ началѣ семисотыхъ годовъ) онъ былъ еще сборищемъ площадныхъ фарсовъ, гдѣ удачное выраженіе и ловкая сатира затерпвались въ безобразной смѣси романическихъ чувствъ, разглагольствованій, декламируемыхъ королями и рыцарями, съ шутовствомъ ванюшекъ-дурачковъ, ихъ паперсниковъ. Вкусъ императора, всегда вѣрный и здравый даже въ искусствахъ, не совсѣмъ ему знакомыхъ, побудилъ его обѣщать премію актерамъ, если они дадутъ трогательную пьесу, безъ этой любви, которую всюду навязываютъ, что́ надоѣдало царю, и веселый фарсъ безъ шутовства. Конечно, представленныя по этому случаю пьесы не удались, но для поощренія имъ все-таки выдана была награда [1])».....

За тѣмъ, вотъ замѣтки о русскомъ театрѣ изъ дневника Бергхольца:

«11 ноября 1722 г., въ Москвѣ. Вечеромъ, графъ Бонде и я, пришли къ Измайлову и отсюда вскорѣ капитанъ Бергеръ повезъ насъ къ вдовствующей царицѣ (бывшей супругѣ царя Іоанна Алексѣевича)... Такъ какъ наступило время начать представленіе, то пришла принцесса Прасковья (дочь царицы) и дала о томъ знать присутствующимъ.... Въ залѣ было большое общество дамъ и мужчинъ, но изъ иностранцевъ присутствовали только Бонде, да я. Комедія началась въ 5 часовъ. Занавѣсъ поднялся. Театръ устроенъ очень изящно, только костюмы актеровъ не совсѣмъ хороши. Герцогиня мекленбургская дирижировала всѣмъ, и все-таки пьеса была изъ плохихъ.

«15 ноября. Послѣ обѣда, его высочество (герцогъ голштинскій, впослѣдствіи супругъ Анны Петровны, старшей дочери Петра Великаго; при герцогѣ Бергхольцъ состоялъ камеръ-юнкеромъ), отправился къ герцогинѣ мекленбургской... Посѣщеніе это доставило не мало радости герцогинѣ, и она не знала какъ лучше принять гостя. При томъ много говорила она въ оправданіе театра; впрочемъ называла это дѣтской забавой и не считала его достойнымъ присутствія его высочества... Во все продолженіе пьесы, герцогиня была больше за сценой, потому что она управляла представленіемъ сама, и безъ нея все бы остановилось... Герцогиня удивительно веселаго нрава; она много шутила и, между прочимъ, сама разсказывала его высочеству, что актеру, игравшему роль короля, дано было сегодня же двѣсти ударовъ батогами за то, что онъ, обнося по городу афиши, вмѣстѣ съ тѣмъ выпрашивалъ себѣ деньги, что́ ставило герцогиню въ непріятное положеніе. Товарищъ актера и соучастникъ въ его продѣлкѣ былъ также наказанъ батогами и выгнанъ вонъ. Объ этомъ уже мнѣ говорилъ утромъ капитанъ Бергеръ, прося взять назадъ 30 копѣекъ, которыя далъ ак-

[1]) «Büsching's Magazin», Th. 9, S. 362, 363.

теру графъ Бонде. Хотя капитанъ имѣлъ на то именное повелѣніе герцогини и уже возвратилъ подобныя деньги двумъ Остерманамъ, однако я тѣ деньги получить отказался, предоставивъ вѣжливо передать ихъ самому графу. Между тѣмъ показалось мнѣ удивительнымъ, что наказанный такъ недавно батогами игралъ опять вмѣстѣ на театрѣ съ княгинею и благородными дѣвицами; одна изъ нихъ, игравшая роль генерала, дѣйствительно княжескаго рода, а роль супруги наказаннаго батогами короля была дана родной дочери маршала вдовствующей Царицы. Комедія не продолжалась такъ долго, какъ прежде, многое изъ нея было выпущено, вѣроятно, чтобы не утомить его высочество, и я пьесу вообще нашелъ лучше, нежели въ первый разъ... Впродолженіе комедіи, я шутилъ съ лейтенантомъ Брюммеромъ: ему театръ не нравился, потому что онъ не такъ еще обжился здѣсь, какъ мы; въ особенности Брюммера сердило то, что занавѣсъ безпрерывно опускался и зрители оставались въ совершенныхъ потемкахъ; по этому случаю онъ нѣсколько разъ повторилъ: «welch ein Hund von Comödie ist das!» и мнѣ надо было много старанія, чтобы удержаться отъ смѣха. Въ прошлый театръ у меня стянули изъ кармана табакерку, а въ нынѣшній у Альфельда и капитана фонъ-Ильгена вытащили шелковые носовые платки...

1722. «29 декабря. Около пяти часовъ, по приказанію его высочества, я съ Тикомъ отправился въ театръ, устроенный въ гошпиталѣ тамошними учениками; но мы не могли туда добраться, потому что въ театръ ожидали ихъ величествъ, и стража никого не впускала до прихода государя и государыни. Но Альфельдъ, пріѣхавшій послѣ насъ, дождался-таки прибытія императора и, наконецъ, былъ впущенъ, когда сказалъ, что принадлежитъ къ голштинскому двору. Императоръ находился въ театрѣ до конца пьесы и, казалось, былъ очень доволенъ ею. Представленіе кончилось въ 10 часовъ, слѣдовательно продолжалось 4 часа...

«4 января 1723 г., въ Москвѣ же. Когда мы пріѣхали въ театръ (въ гошпиталѣ), то ввели насъ въ сарай, до того узкій и невзрачный, что въ Германіи въ такомъ давали бы только кукольныя представленія; тамъ нашли мы нѣсколько нѣмецкихъ дамъ и очень мало особъ значительныхъ. Комедія была играна молодыми людьми, которые изучали хирургію и анатомію подъ руководствомъ доктора Бидлоо и никогда не видали настоящаго театра. Сюжетомъ пьесы была «Исторія Александра Македонскаго и Дарія»; состояла она изъ 18 актовъ, изъ которыхъ 9 давались въ одинъ разъ, а остальные на другой день; между антрактами были забавныя интермедіи. Эти послѣднія были очень плохи и оканчивались всегда потасовкой. Пьеса была серьезнаго содержанія, но исполнялась дурно—однимъ словомъ, все было плохо. Его высочество подарилъ молодымъ людямъ 20 рублей, а императоръ далъ съ своей стороны 30...

«30 апрѣля 1723 г., въ Петербургѣ. Въ полночь увидѣли мы сильный огонь за императорскимъ садомъ; начали звонить набатъ, бить въ барабаны, а ночные караульщики весьма прилежно дѣйствовали трещетками. Почти весь городъ былъ на ногахъ, а между тѣмъ, этотъ огонь былъ ни что иное, какъ шутка, чтобы многія тысячи народа обмануть въ апрѣлѣ (um den lezten April laufen zu lassen). Когда подходили къ огню, то поставленная тамъ стража отвѣчала, что сегодня послѣднее число апрѣля. Но какъ многіе другіе о томъ ничего не знали, то все-таки стекались на предполагаемый пожаръ. Не мало забавляетъ это императора, и онъ каждый годъ, около этого времени, выдумываетъ что нибудь подобное. За нѣсколько лѣтъ былъ здѣсь одинъ сплачъ, который долженъ былъ объявить по городу, что онъ покажетъ удивительныя штуки и образчики своей силы и что, притомъ, на его представленіи будетъ присутствовать царская фамилія и весь дворъ. Собралось многочисленное общество, сплачъ набралъ въ этотъ день денегъ вдвое, нежели въ обыкновенное представленіе, — и вдругъ, къ отчаянію зрителей, было объявлено, что сегодня 1 апрѣля и, по высочайшему повелѣнію, спектакля не будетъ»....

(Штелинъ разсказываетъ, что эту штуку сдѣлалъ содержатель театра, Маннъ).

«18 августа. Находящіеся здѣсь нѣмецкіе актеры должны были сегодня играть передъ царскою фамиліею, но за дурной погодой представленіе было отложено, что̀ было непріятно его высочеству (герцогу голштинскому), такъ какъ онъ заранѣе радовался случаю говорить съ принцессами (Анной и Елизаветой Петровнами).

«28 ноября. Его высочество былъ въ театрѣ, въ которомъ вчера въ первый разъ начались представленія (нѣмецкая труппа), но изъ императорскаго двора этотъ разъ никого не было.

«19 декабря. Въ театрѣ сегодня были обѣ великія княжны, императоръ и императрица. Но послѣдніе уѣхали въ половинѣ пьесы; при чемъ императрица просила его высочество не провожать ее до кареты и остаться съ великими княжнами, что̀ было охотно исполнено. Его высочество пріятно провелъ время съ великою княжною Анною, которая подлѣ него сидѣла и при всякомъ случаѣ выказывала особенное дружеское расположеніе къ нашему всемилостивѣйшему государю.

«10 января 1724 г. Около четырехъ часовъ послѣ обѣда отправился его высочество въ театръ, такъ какъ узнали, что тамъ будетъ царская фамилія. Герцогъ пошелъ въ императорскую ложу и, впродолженіи всего представленія, оставался въ обществѣ императрицы и великихъ княженъ....

«13 января. Камеръ-пажъ Гольштейнъ разсказывалъ его высочеству въ театрѣ, что императоръ приказалъ актерамъ сыграть та-

кую пьесу, которая была бы только изъ трехъ актовъ, и притомъ безъ любовной интриги, не очень печальная и не очень серьезная, и вмѣстѣ съ тѣмъ не забавная. За ней должна быть представлена комедія von dem armen Jurgen, т. е. «Georges Dandin», и полагаютъ, что пажа Юргена будетъ играть Мундкохъ.

«14 января. Не было театра, потому что государь хотѣлъ отправиться въ сенатъ и предполагалъ остаться тамъ даже до десяти часовъ вечера, что̀ такъ и случилось.

«26 мая, въ Москвѣ. Въ Троицынъ день утромъ были у оберъ-каммергера два студента съ приглашеніемъ послѣ обѣда на диспутъ, который будетъ между русскими и иностранными духовными. Его высочество съ бо́льшею частію изъ своихъ придворныхъ отправился въ главную школу, которая находится въ греческомъ монастырѣ (ein Kloster von Nationalgriechen), чтобы присутствовать на диспутѣ, даномъ въ честь коронованія императрицы; изъ царской фамиліи, однако, тамъ никого не было, потому что рѣчи произносились на латинскомъ языкѣ. Мы были встрѣчены ректоромъ, отцемъ Гедеономъ съ прочими архіепископами, епископами и архимандритами и введены въ аудиторію. Хотя помѣщеніе было старинное, однако внутри было довольно хорошо и украшено обоями и живописью. Надъ каѳедрою стоялъ портретъ императрицы, съ украшеніями изъ лентъ. При нашемъ входѣ играли въ трубы и литавры и, когда всѣ присутствующіе усѣлись, то респондентъ, монахъ и профессоръ теологіи, началъ рѣчь на русскомъ языкѣ. По окончаніи ея, изъ-за каѳедры раздалась очень хорошая музыка, а потомъ вошли два оппонента, именно нашъ придворный проповѣдникъ пасторъ Ремарусъ и монахъ капуцинскаго ордена. Предметъ диспута состоялъ въ разсмотрѣніи de processione Spiritus S. a solo Patre. Ректоръ, о. Гедеонъ, какъ предсѣдатель диспута, сидѣлъ не на каѳедрѣ, но подлѣ, на стулѣ. Когда диспутъ кончился, то его высочество былъ угощаемъ виномъ и вареньемъ и пробылъ въ обществѣ духовенства около двухъ часовъ....

«28 мая. Послѣ обѣда прибылъ ректоръ большой русской школы и просилъ е. в. на театральное представленіе, которое будетъ дано учениками; такое приглашеніе уже сдѣлано и прежде двумя монахами. Отправился туда герцогъ послѣ четырехъ часовъ. Латинская, лишенная вкуса комедія продолжалась до 11 часовъ, а послѣ, противъ воли его высочества, угощали виномъ и конфектами, что̀ продолжалось до 12 часовъ [1]»....

Петръ Великій очень хорошо понималъ самъ недостатки и несовершенства игры современныхъ русскихъ актеровъ, а потому у него была мысль выписать изъ за границы такую труппу артистовъ, которые бы знали по чешски или по славянски и, слѣдовательно, скорѣе

[1]) «Büsching's Magasin» XX, XXI, und XXII.

и легче могли бы давать представленія на русскомъ языкѣ, а также быть образцомъ для русскихъ актеровъ. Въ 1720 г., онъ, между прочимъ, писалъ къ Ягужинскому, бывшему тогда въ Вѣнѣ: «постарайтесь нанять изъ Праги компанію комедіантовъ такихъ, которые умѣютъ говорить по славянски или по чешски».

Въ отвѣтъ на это порученіе Ягужинскій, 19 февраля 1721 года, писалъ къ кабинетъ-секретарю Макарову: «На сихъ дняхъ получилъ я изъ Праги письмо отъ того человѣка, которому дана коммиссія тамо комедіантовъ пріискивать, въ которомъ пишетъ, что онъ сперва отъ тѣхъ комедіантовъ ко мнѣ присланные и отъ меня, переправя, паки отосланные пункты (которыхъ копію здѣсь прилагаю) принципалу тѣхъ комедіантовъ предложилъ, и они оные за благо приняли и хотѣли къ началу великаго поста къ пути готовиться; но понеже главную несходность усмотрѣли, а именно, что 8 человѣкъ чеховъ имъ не возможно пріискать, для того-что изъ чешскаго народа въ такомъ ихъ главномъ дѣлѣ искусныхъ людей нѣтъ, развѣ можно четырехъ человѣкъ прибрать, которые однакожъ въ интермедіяхъ, а не въ самой комедіи, употреблены быть имѣютъ. Оный же коммиссаръ мнѣніемъ своимъ пишетъ ко мнѣ, что хотя бъ по крайней силѣ таковые сысканы были, однако языкъ ихъ зѣло трудно разумѣть, и не чаетъ въ годъ или два такъ себя въ совершенство привели (sic), чтобъ понятно и пріятно народу дѣйствовать могли. О чемъ покорно прошу его царскому величеству представить и о высокой его волѣ меня вскорѣ увѣдомить, дабы я потомъ чинить могъ или въ запасъ къ г. Лапчинскому о томъ отписать, ибо можетъ быть отвѣтъ на сіе меня здѣсь уже не застанетъ».

«Что̀ въ посланномъ проектѣ о комедіантской нѣмецкой и богемской компаніи за благо принято, отмѣнено и прибавлено отъ сея компаніи: состоять будетъ въ 12 дѣйствующихъ персонахъ, между которыми подобаетъ быть осми человѣкомъ, которые на нѣмецкомъ и на богемскомъ языкѣ дѣйствовать могутъ. 1. Главнѣйшій изъ нихъ за композицію свою и учрежденіе въ комедіяхъ, безъ платья и другова, что̀ на театрѣ надобно будетъ, еженедѣльно съ компаніею по 300 или по бо́льшей мѣрѣ 350 гульденовъ (всякой по 20 цесарскихъ грошей, считая на русскія деньги по 2 гульдена въ рублѣ, за 300 гульд.— 150 р.) получать имѣетъ, и такую сумму надлежитъ по вся мѣсецы напередъ платить. 2. Сія компанія обяжется въ годъ времени въ богемскомъ языкѣ такъ искуситься, что на ономъ въ совершенствѣ дѣйствовать всякому въ комедіяхъ угодить возможетъ, а ежели она то не сдѣлаетъ и оная не угодна будетъ, то бъ имъ свободный отъѣздъ, по протеченіи того года, въ Гамбурхъ сухимъ путемъ, или куда похотятъ, позволенъ былъ. 3. И чтобъ они до того мѣста добрымъ паспортомъ и провожатымъ на коштѣ его царскаго величества и подводами снабдены были. 4. Учредить надъ ними кавалера, который во всемъ имъ помо-

гать и ихъ наставлять можетъ, какими комедіями они его царскому величеству услужить имѣютъ; стараніемъ котораго они бы такожде имъ опредѣленное число благовременно получать могли. 5. Сіи пункты будутъ формально сочинены для лучшаго подтвержденія за подписаніемъ какого знатнаго господина изготовлены и отданы. Когда театръ единожды въ состояніе приведенъ будетъ и платье все изготовится, и съ приходящихъ для смотрѣнія столько собрано будетъ, что компанія безъ жалованья тѣмъ себя содержать возможетъ, при такомъ случаѣ можно сей театръ и съ сборомъ сей компаніи отдать и насупротивъ того договоренное жалованье удержать [1]).

Макаровъ отвѣчалъ Ягужинскому:

«Письмо ваше изъ Вѣны, отъ 19 числа февраля сего 1721 г., получилъ и по оному и по приложеннымъ пунктамъ о комедіантахъ его царскому величеству доносилъ. На что̀ его величество указалъ мнѣ къ вамъ отписать, чтобъ вы трудились оныхъ комедіантовъ склонять, чтобъ за мѣньшую плату, нежели какую они нынѣ просятъ по 300 гульденовъ на недѣлю, что̀ зѣло много. Къ тому же съ чешскимъ языкомъ обѣщаютъ они въ тое компанію прибрать только четырехъ человѣкъ, и тѣ не въ самой комедіи употреблены быть имѣютъ, но въ интермедіяхъ. И для того извольте приказать искать хотябъ до половины съ чешскимъ языкомъ [2])».

Дальнѣйшихъ извѣстій объ этомъ предположеніи не отыскано.

Отъ первыхъ годовъ начала XVIII вѣка извѣстно содержаніе слѣдующихъ пьесъ (говоримъ содержаніе, потому что дошли до насъ не тексты, а только программы всего представленія):

«Комедія: ужасная измѣна сластолюбиваго житія съ прискорбнымъ и нищетнымъ, въ евангельскомъ пиролюбцѣ и Лазарѣ изображенная». Здѣсь представлена въ лицахъ извѣстная притча Спасителя къ ученикамъ. Въ концѣ мистеріи душа убогаго Лазаря находится на лонѣ Авраама, а пиролюбецъ терпитъ муки геенны. Церковь, соболѣзнуя о погибели грѣшника, предлагаетъ постъ, какъ врачество душамъ, больнымъ грѣхами. Комедія давалась «при запустныхъ пированіяхъ». Извѣстна французская мистерія такого же содержанія отъ 1500 г. Тамъ, когда бѣднякъ умираетъ, то ангелъ Рафаилъ отправляется за его душою; сатана хотѣлъ было отнять ее, но не успѣвъ, поспѣшилъ къ дому богача, который былъ при смерти. Сатана совѣтуетъ своему наперснику принять всѣ предосторожности, чтобы не прокараулить и эту душу, но тотъ не сомнѣвается въ успѣхѣ, такъ какъ она у него давно въ рукахъ. Связавши душу богача, злые духи отсылаютъ ее къ Люциферу, и тамъ предана она вѣчнымъ мукамъ [3]).

---

[1]) Каб. дѣла, II № 57, л. 1142, 1145.

[2]) Каб. дѣла, I № 54, л. 66.

[3]) «Histoire du théâtre français, par Parfait», III, 94 — 97.

Изъ надписи на русской мистеріи видно, что она представлена была «дѣйствіемъ благородныхъ, великороссійскихъ младенцевъ (sic) въ повосіяющихъ словено-латинскихъ Аѳинахъ», въ Москвѣ, ноября 1701 года.

«Комедія: страшное изображеніе втораго пришествія Господня на землю» — была представлена въ тѣхъ же славяно-россійскихъ Аѳинахъ, въ Москвѣ, 4 февраля 1702 г. Главнѣйшею основою ея служилъ апокалипсисъ; но замѣчательно то, что, вмѣстѣ съ религіозными предметами, выведены на сцену современныя политическія событія. Извѣстно, что въ началѣ XVIII вѣка, саксонскій курфирстъ Августъ былъ избранъ польскимъ королемъ, и хотѣлъ начать войну съ Швеціей, не предваривъ о томъ польскій сеймъ. Вслѣдствіе того, въ Польшѣ, гдѣ вовсе не желали войны, нашлось много изъ членовъ Рѣчи Посполитой, которые замедляли ходъ дѣла и вообще были противъ военныхъ приготовленій. Все это было непріятно Петру Великому, такъ какъ онъ именно склонялъ Августа къ войнѣ противъ Швеціи. Неудивительно потому, что въ означенной пьесѣ «является самоволіе съ гордынею; люди отъ послушанія короля своего разрѣшающе и сердце къ несогласію разжигающе, тіи же воспрянувше, Геніюша польскаго, въ сенатъ пришедшаго, не слушаютъ, и между собою препираются, и сеймъ или совѣтъ (аще и славою о нашествіи окрестныхъ народовъ увѣрены) терзаютъ». Въ 7-мъ явленіи продолжается изображеніе современныхъ политическихъ дѣлъ: «Является королевство польское, укоряюще сенаторовъ лядскихъ о погибели многихъ странъ, ради самовольнаго и гордынnаго несогласія и распри междоусобныя, имже на пособствіе Литвѣ по несогласномъ совѣтѣ отшедшимъ, является торжествующи Марсъ роксолянскій, носящъ взятая ляхомъ оружія, до него же Фортуна и Побѣда пришедше, знаменіе побѣды тому вручаютъ, и трофеумъ, или столпъ торжественный, россійскому орлу, вмѣсто гнѣзда, украшаютъ; до него же орелъ со оружіемъ огненнымъ слетѣвъ, громко находящіе ляхи поражаетъ»...

«Торжество міра православнаго» (у Сопикова названная Царство мира) содержитъ въ себѣ аллегорическое изображеніе подвиговъ апостола Петра въ проповѣданіи евангелія и дана въ день св. апостола Петра и Павла, 29 іюня, когда было тезоименитство Петра Великаго. Здѣсь выведены были между прочимъ Гнѣвъ Божій, Правда, Благочестіе, Рыданіе, накопецъ Неронъ. Пьеса кончается эпилогомъ, гдѣ «геніумъ Петра и Міръ православный тезоименитому каменн, его царскому, пресвѣтлому величеству всея Россіи самодержцу, яко единому между монархи благочестія и православія поборнику и разширителю, на злочестивые же, яко грому отъ десницы божія грозному ратнику, похвальная анаграммата изъ имени его царскаго величества слагаютъ и дѣйствіе желаніемъ многолѣтствія и благополучныя его

царскому величеству пресвѣтлому на враги торжественныя побѣды заключаютъ [1])».

«Ревность православія», напечатана въ февралѣ 1704 года. Содержаніе заимствовано изъ св. писанія — побѣда Іисуса Навина надъ пятью царями аморрейскими, когда онъ остановилъ солнце. По обычаю тѣхъ временъ, это не помѣшало въ пьесѣ вмѣшательству Беллоны, Фортуны, Марса и пр. Въ заключеніе, Россія, Церковь, Іисусъ Навинъ, Марсъ и Мужество ѣдутъ на колесницѣ, везомой Беллоною и Фортуною, державшими сторону иновѣрныхъ. Церковь провозглашаетъ, что ей теперь нѣчего бояться враговъ и врата адовы не преодолѣютъ ея, такъ какъ она утверждена крѣпко на камени (намекъ на имя Петра).

Въ книгѣ «Преславное торжество свободителя Ливоніи», напечатанной того же года, въ декабрѣ мѣсяцѣ, описаны тріумфальныя ворота, по случаю побѣдъ надъ Шведами, и притомъ есть любопытное предисловіе, въ которомъ толкуется читателямъ, почему при украшеніяхъ и надписяхъ тѣхъ вратъ содержаніе заимствовано исключительно изъ политической исторіи или миѳологіи. Это толкованіе имѣетъ отношеніе и къ драматическимъ представленіямъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, содержаніе исключительно заимствовалось изъ св. писанія.

«По всѣхъ христіанскихъ, отъ пга варварскаго свободныхъ странахъ, — написано въ предисловіи, — преславнымъ побѣдителямъ, отъ брани съ торжествомъ возвращающимся, благодарніи поддаппіи, напаче же въ академіяхъ и всякихъ школьныхъ собраніяхъ, идѣже не токмо духовное, но и политическое ученіе сіяетъ, отъ обоихъ писаній похвальные вѣнцы составляти обыкоша: отъ божественныхъ убо писаній въ церквахъ, или на иныхъ на сіе прибранныхъ мѣстахъ, отъ мірскихъ же исторій на торжищахъ, улицахъ и прочіихъ мѣстахъ».... Далѣе говорится, что по тому самому «діалогическія дѣйствія» заимствованы «отъ божественныхъ писаній»; потомъ толкуется, что̀ такое аллегорія. Но, видно, авторъ все-еще не крѣпко надѣялся, что его читатели удовольствуются объясненіями, а потому прибавляетъ: «ты убо, благочестивый читателю, написаннымъ нами не дивися, ниже ревнуй невѣждамъ, ничто же вѣдущымъ, ничто же нигдѣ видѣвшимъ, ни слышавшимъ, но яко желвь подъ своею клѣтію неисходно пребывшымъ, и, егда ново что у себя видятъ, удивляющимся и различная блядословія отрыгающимъ. Но паче благосердымъ окомъ на сія взирая, да увѣси еже зрѣши, сію книжицу чти»....

«Свобожденіе Ливоніи и Ингерманландіи» напечатано въ февралѣ 1705. Содержаніе заимствовано изъ книгъ Моисея, именно, когда онъ освобождаетъ израильтянъ отъ полчищъ Фараона и побѣдилъ Амалика. «Сіе», — прибавлено въ прологѣ, — «положено прообразованія токмо ра-

---

[1]) Россійск. Вивл. изд. 2-е., Ч. IX. Тамъ напечатаны всѣ три здѣсь разобранныя программы.

ди, ибо яко тамо Моисей силою Вышняго своего свободи Израиля, сице здѣсь тою же силою ревность россійская свое отечество». На сценѣ выведены Благочестіе, Ревность, Хищеніе, Юпитеръ, Фебъ, Ангелы, а потомъ Моисей. Ливонія и Нигерманландія, стерегомыя львомъ (въ шведскомъ государственномъ гербѣ изображенъ левъ), плачутъ о своей неволѣ, но съ небесъ снисходятъ Вѣра, Надежда и Любовь и утѣшаютъ узницъ. Благочестіе съ Правовѣріемъ, Крѣпостью и тремя Россіями совѣтуется объ освобожденіи этихъ странъ. Вѣра, Надежда и Любовь говорятъ имъ, что придетъ наконецъ желанная пора и явится освободитель. Фортуна засѣваетъ златую жатву въ ознаменованіе благополучнаго вѣка освободителя; Фебъ, по повелѣнію Юпитера, согрѣваетъ ее своими лучами. Изъ посѣяннаго Фортуною является различное оружіе и вѣтви оливы — символы войны и мира. Благочестіе радуется вѣсти объ освободителѣ и предлагаетъ звѣздочетцамъ узнать, каковъ будетъ онъ? Тѣ смотрятъ на небо и видятъ аспекты самые благопріятные: Марса, орла изъ звѣздъ и проч. Наконецъ, гласъ съ неба повелѣваетъ Благочестію идти въ вертоградъ силы, которая побѣдитъ и освободитъ старинное достояніе Россіи.

Во второй части, въ вертоградѣ встрѣчаются Роскошь свѣтская и Храбрость. Ревность (въ смыслѣ добродѣтели), выбирая себѣ Храбрость и отвергая Роскошь, принимаетъ доспѣхи первой и упражняется въ потѣхахъ воинскихъ; потомъ хочетъ опочить отъ трудовъ, — ей приготовляютъ великолѣпное ложе, но она велитъ устроить себѣ постель изъ оружія и проч. Эта часть оканчивается приготовленіями къ войнѣ.

Въ третьей посылается вѣстникъ къ хищнику, съ требованіемъ о возвращеніи прежняго достоянія, получаетъ отказъ, вслѣдствіе чего начинается битва между орломъ двоеглавымъ и львомъ. Моисей помогаетъ первому молитвами и едва воздѣваетъ онъ руки горѣ, — орелъ беретъ верхъ, едва ихъ опускаетъ — побѣждаетъ левъ, «и по семъ поддерживаютъ руцѣ Моисеовы, и тако орелъ льва одолѣваетъ». Заключается пьеса конечною гибелью Хищенія и его воинства. Ревность торжествуетъ. Увѣнчанная лаврами и пальмами, Фортуна вручаетъ ей четыре части свѣта.

Вообще все это представленіе замѣчательно въ томъ отношеніи, что содержитъ намеки на нѣкоторыя черты изъ жизни Петра; кромѣ того религіозный элементъ не играетъ здѣсь такой важной роли, какъ въ предъидущихъ сочиненіяхъ.

«Божіе уничижителей гордыхъ.... уничиженіе», напечатано въ февралѣ 1710 года. Пораженіе шведовъ при Полтавѣ, измѣна Мазепы и бѣгство послѣдняго съ Карломъ XII, раненнымъ, какъ извѣстно, въ ногу,—составляютъ содержаніе представленія.

Вначалѣ, въ предидѣйствіи (т. е. прологѣ) «токмо единые гордые изобразуются тихо» (т. е. безъ рѣчей). Потомъ объявляется, что «здѣ

полагается, ради явственнѣйшаго изображенія, хотящаго быти въ самомъ дѣйствѣ дѣла, съ нынѣшнимъ торжествомъ согласующееся, въ самомъ же дѣйствіи, аще что мнится быти и не согласно съ торжествомъ нынѣшнимъ, да не удивляемся. Omnis similitudo claudicat (всякое подобіе хромаетъ). Иное бо равенство, иное же сравненіе: равенство во всемъ, сравненіе же токмо въ нѣкоторыхъ вещахъ съ дѣломъ согласуется. Здѣ же положено иное ради нынѣшнія побѣды, иное ради исторіи, аще и не во всемъ нынѣшнему дѣлу, отъ Бога данному, подобной, и того ради да бо̀льшее будетъ согласіе съ побѣдою и измѣною сравненіе; до исторіи иное прибавлено, иное убавлено, иное же въ ней отмѣнено, нужда бо не токмо исторіи, но и законъ измѣняетъ. Равенства убо здѣсь нѣсть, сравненіе же въ нѣкакихъ вещахъ сіе есть: царство израильско съ своими въ смиреніи и терпѣніи — царству россійскому, гордый же Голіаѳъ съ своими въ гордости и попошеніи—сплѣ воинства свейскаго уподобляется. Саулъ въ 1-й части въ двухъ явленіяхъ, завидяй Давиду положенъ, и ради исторіи и ради изображенія зависти отъ многихъ чуждихъ страпъ о преславной побѣдѣ нынѣшней».

«Давидъ, едпнаго Голіаѳа съ своими убивый, лва же токмо хрома сотворивый и прогнавый, съ царскимъ величествомъ сравняется. Авессаломъ отцу въ сопротивленіи съ самымъ измѣнникомъ проклятымъ Мазепою. Ахитофель же въ богоненавистныхъ совѣтахъ съ его совѣтники сравняется, прочее же даже до конца дѣйствія и само явственно обрѣтается»....

Въ этомъ представленіи является то нововведеніе, что между нѣкоторыми явленіями были «интермедіумъ и офицерскій танецъ съ словесными похвалы оружія воинства». Въ концѣ 1-й части является хромой левъ съ надписью: «хромъ, но лютъ», гидра — съ девизомъ «лютѣю и не хромѣю», и, наконецъ, орелъ: «и хромыхъ и не хромыхъ, и лютыхъ и нелютыхъ смиряемъ». Во 2-й части является хромая Швеція и опять насмѣшки надъ хромотою.

Въ предпослѣднемъ дѣйствіи Авессаломъ на хромомъ львѣ сражается съ воинствомъ Давида, наконецъ побѣжденъ, въ бѣгствѣ задѣваетъ волосами за дерево, — Іоавъ его убиваетъ, «левъ же убѣже».

Мекленбургскій посланникъ Веберъ, довольно долгое время жившій въ Россіи, оставилъ въ своихъ запискахъ слѣдующую замѣтку о театральныхъ представленіяхъ: «со временемъ въ Петербургѣ должна учредиться опера и театръ, и тому уже положено начало, хотя царь въ подобныхъ зрѣлищахъ паходитъ столько же удовольствія, сколько и въ охотѣ. Русскіе и сами дѣлали попытки завести театръ, но, по недостатку въ руководителяхъ, все это не принесло видимой пользы. Еще до отъѣзда царя въ чужіе краи (въ 1717 г.), великая княжна Наталья (любимая сестра Петра) заставляла играть драма-

тическія пьесы, которыя смотрѣть воленъ былъ всякій [1]). Для помѣщенія театра избрали огромный пустой домъ, гдѣ устроили партеръ и ложи. 10 актеровъ и актрисъ были природные русскіе, невидавшіе ничего, кромѣ Россіи, а потому можно вообразить себѣ ихъ искусство. Великая княжна и сама сочиняла по русски трагедіи и комедіи, заимствуя для нихъ сюжеты изъ библіи или изъ обыкновенныхъ вседневныхъ приключеній. Роль арлекина поручена была одному оберъ-офицеру, и онъ вмѣшивался съ своими шутками туда и сюда впродолженіи представленія; потомъ выходилъ ораторъ и разсказывалъ о содержаніи и ходѣ пьесы, а наконецъ слѣдовала и самая пьеса, гдѣ была изображена неудачность возстаній и всегда несчастный конецъ ихъ. Въ этой пьесѣ, — такъ объясняли Веберу современники, — было выведено на сцену одно изъ послѣднихъ стрѣлецкихъ возмущеній [2])».

Это свѣдѣніе о пьесѣ съ намеками на современныя событія тѣмъ болѣе для насъ любопытно, что въ рукописяхъ Публичной библіотеки сохранилось одно драматическое представленіе, оправдывающее слова Вебера, именно «Стефанотокосъ». При чтеніи его тотчасъ можно замѣтить, что содержаніе пьесы не принадлежитъ къ вымысламъ фантазіи, но заимствовано прямо изъ дѣйствительности. Поэтому, прежде нежели перейдемъ къ разсмотрѣнію «Стефанотокоса», напомнимъ нѣкоторыя событія, случившіяся во время переворота, слѣдствіемъ котораго было прекращеніе соцарствія и вступленіе въ управленіе Россіею Петра Великаго. Лучше всего въ настоящемъ случаѣ помогутъ намъ свидѣтельства тѣхъ современниковъ, которые смотрѣли на весь ходъ тогдашнихъ дѣлъ точно также, какъ и неизвѣстный авторъ помянутой пьесы.

«Царевна Софія Алексѣевна, — пишетъ въ своихъ «Запискахъ» Матвѣевъ, — издалека бодрственно усмотря, что монархъ Петръ Алексѣевичъ въ великомъ цѣломудріи и съ чрезвычайными талантами рожденъ былъ.... всячески уже мыслила къ надежному впредь своему утвержденію и ко избытію послѣдованій отъ стороны его царской, начала принимать благополучныя и безопасныя для себя мѣры. Того ради, при своей начатой властолюбивой державѣ, она, царевна, избрала изъ разряда дьяка Ѳеодора Шакловитаго.... всѣ тайные секреты свои между себя и стрѣлецкихъ полковъ къ будущимъ намѣреніямъ ко оборонѣ своей ему открыла, и въ великой содержала его при себѣ вѣрности. И потомъ уже онъ, Шакловитый, въ скоромъ времени до полатной окольнической чести.... произведенъ, вотчинами, и богатствомъ и дачею.... отписнымъ дворомъ князя Хованскаго удо-

---

[1]) Въ Походн. журналѣ 1715 г. (изд. 1855 г., стр. 55) подъ 26 февралемъ отмѣчено: «изволили (государь) въ Питербурхъ прибыть по полудни въ 3 часу, и въ 6 изволили пойти къ государынѣ царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ въ комедію».

[2]) Das veränderte Russland I, 226, 227.

вольствованъ и обогащенъ былъ, и намѣренныя злыя дѣла на сторону его, государя царя Петра Алексѣевича, въ пользу ея, царевны, совершить намѣрился....» Крекшинъ такъ записалъ о началѣ послѣдняго возмущенія: «воры и бунтовщики, президентъ стрѣлецкаго приказа по житью, окольничей Шакловитый, со многими полковники и офицеры стрѣлецкихъ полковъ, съ Обросьскою Петровымъ, съ Кузькою Чернымъ и съ прочими ворами и единомышленники имѣша злое намѣреніе.... царевну Софію Алексѣевну короновать; а царя Іоанна Алексѣевича, болѣзни ради, отставить; а царя Петра Алексѣевича и матерь его государеву... и св. патріарха убить, и бояръ и ближнихъ людей побить». Еще прежде, «царевна Софія полковниковъ и начальныхъ людей къ стрѣлецкимъ полкамъ опредѣлила послѣдовавшихъ воли ея. И тако утвердися царевна въ правленіи царства и творяше, яже хотяй.... и бояре и всѣ чиновные люди и дворяне, имѣющіе любовь къ великимъ государямъ и къ великой государынѣ царицѣ Натальѣ Кириловнѣ, не смѣяше что знатно начати и противно рещи, бояшеся отъ стрѣльцовъ побіенія....» Исходъ этихъ событій извѣстенъ: «царь Іоаннъ Алексѣевичъ Шакловитаго и его единомышленниковъ взявъ, заключилъ въ оковы тверды. А Шакловитова самъ изволилъ вопрошать, а онъ во всемъ запирался (Крекшинъ)....» но потомъ, когда «его вора, Шакловитова и сообщниковъ его, воровъ, полковника Семена Юрьева, сына Рѣзанова привезли.... и предъ боярами спрашивали, и на воловьемъ монастырскомъ дворѣ жестоко пытали», то «не токмо во всемъ вышепоказанномъ воровства своего умыслѣ винился, но и потомъ всѣ обстоятельства.... своею рукою написавъ, подалъ (Матвѣевъ) [1])»....

Содержаніе «Стефанотокоса» состоитъ изъ представленія на сценѣ происшествія, совершенно посторонняго церковной исторіи. Но изъ выше сдѣланной выписки изъ «Преславнаго торжества» можно видѣть, что въ тѣ времена считалось обязательнымъ сюжетъ драматическихъ представленій заимствовать изъ св. писанія, и потому, чтобы сохранить это правило, въ «Стефанотокосѣ», самымъ неожиданнымъ образомъ, четвертое дѣйствіе содержитъ въ себѣ эпизодъ изъ ветхозавѣтной исторіи, именно объ Аманѣ, Артаксерксѣ и Эсѳири. Этотъ обычай вводить въ главную пьесу эпизоды, совершенно посторонніе, но по мысли, имѣющіе отношеніе къ ней, встрѣчался, какъ упомянуто выше, также и въ мистеріяхъ западныхъ народовъ, съ тою разницею, что у послѣднихъ эти вставки и заимствованія изъ ветхозавѣтной исторіи послужили къ образованію трагедіи по классическимъ образцамъ, у насъ же они въ настоящей пьесѣ только для того, чтобы не нарушить укоренившагося обычая — заимствовать сюжетъ драматическихъ представленій изъ св. писанія.

---

[1]) Выписки сдѣланы изъ «Записокъ русскихъ людей» изд. Сахарова.

Антипрологъ пьесы [1]) состоитъ изъ аллегоріи: на сцену входятъ два отрока, и пускаютъ мыльные пузыри, которые, какъ скоро подымутся на высоту, то исчезаютъ; потомъ отроки разбиваютъ стеклянные сосуды, которые въ рукахъ ихъ, и одинъ произноситъ: «тако совѣты нечестивыхъ!»

За тѣмъ разсказывается содержаніе пьесы: «Вѣрность, болѣзнуя, что Стефанотокосъ родительскою неповинно Завистію и Злобою лишенъ престола, жалуется на оныхъ враговъ, и хотя Надежда обѣщала Вѣрности, что Стефанотокосъ не лишится своего наслѣднаго престола, обаче отъ Злобы и Зависти гонима Вѣрность, Лукавствомъ же прельщена, помысли соединятися врагомъ: но Совѣстію изобличенна и Надеждою водима, приходитъ къ позорищу, на немъ же, како Аманъ на іудейскій родъ навѣтуяй, погибе, и, видѣвше, ищетъ Стефанотокса, чтобъ возвести его на родительскій престолъ и, обрѣтши Стефанотокоса, моленіемъ убѣждаетъ пріяти престолъ; Злобу же и Зависть плѣнивше, Стефанотокоса славно возводитъ на престолъ...» Далѣе прологъ, гдѣ также есть намеки, понятные, если помнить, какъ происходилъ послѣдній переворотъ, кончившійся вступленіемъ царевны Софіи въ монастырь: «Ни единому тайно есть, коль краткое пребываніе оныхъ, ихъ же отрочища играюще, сотвориша надмѣннымъ, пузыревъ, и коль скоро такъ исчезаютъ, что ни слѣду ихъ бытія остатися. Примѣръ сей предлежащему нынѣшнему дѣйствію, аки заглавіе или надписаніе того ради положити умыслихомъ, да всякъ можетъ чувствами своими осязати сіе, что коварные человѣцы сколь болѣе хитрыхъ ради своихъ пронырствъ и злокозненныхъ зломышленій бѣсовскимъ гордымъ вѣтромъ надмѣнны возносятся, толь скорѣе средину коварствъ ихъ просѣдшеся исчезаютъ,—надъ предлежащемъ же дѣйствіи уже явственнѣе покажется, только всесмиренно просимъ его же водимы (?) сѣмо собратися неотрекостеся, своею благодарностью возбуждаемы, дѣемая прилежно смотряще укоснѣти мало не въ трудъ себѣ поставить.»

Трагедія начинается жалобами Вѣрности Надеждѣ о судьбѣ Стефанотокоса, и первая, между прочимъ, говоритъ:

«Всякъ чувствуетъ онаго кроткаго Давида,
Его же невинно и Саулъ гоняше,
Іезавеломъ лютѣ убити искаше.
Днесь же Стефанотокосъ лишенъ напрасно
родительска престола, ахъ, и вспомнить ужасно!

---

[1]) Въ рукописи Пуб. библіотеки XIV, Q, 19, стр. 60—98. Въ началѣ этого сборника оды Кантемира, потомъ различные стихи, на послѣднемъ листѣ записано происшествіе, случившееся въ 1754 г. Въ концѣ, послѣ интермедій, есть между прочимъ торжественные стихи Петру и Екатеринѣ.

Бѣдствуетъ въ гоненіи, скорбѣ и печали:
Пришельцы бо и рабы на него возстали. . . .»

Далѣе Злоба и Зависть грозятъ истребить Вѣрность, которая обращается въ бѣгство. Здѣсь Зависть въ такихъ стихахъ выражаетъ неудовольствіе на Вѣрность:

«Ахъ, какъ мнѣ жаль жестоко снѣдаетъ утробу,
что до днесь сію еще не догналъ до гробу!
И хотя ей уже все нимало не успѣетъ,
одначе нѣкакую надежду имѣетъ,
Чтобъ когда нибудь збѣжать отъ моею руку;
но не будетъ, не будетъ тако! Се бо муку
Всяцую наложу и дотоль не престану
гонить, мучить, бить, доколь неузрю попрану
Подъ моима ногама, имъ же начну терти,
дабы и въ самыя врата лютой догнать смерти».

Лукавство, взявшись уговорить Вѣрность измѣнить Стефанотокосу, объясняетъ ей невыгоды ея твердости:

«Напрасно, ей, напрасно, держишся сей мысли:
прими только себѣ въ умъ хоть малыя числа,
Коль многихъ человѣковъ милость ихъ и сила
славою и честію дивною почтила:
Иже иностранные пріидоша къ нимъ нищи,
достоинствъ неимуще, ни дневныя пищи,
Уже обильно живутъ въ богатствѣ и славѣ,
что дивящеся видятъ вси народы явѣ.»

Далѣе совѣтуетъ Лукавство перейти на сторону Зависти и Злобы:

«... и саны,
Каковые восхощешь, дадутся, и злато
довольное воспріимешь, которымъ богато
Вся твоя родня будетъ, да къ тому же и дѣти
твои въ чести процвѣтутъ, аки полны цвѣты,
Имя твое пребудетъ въ роды родовъ честно!
. . . . . .
Помощь тебѣ какова отъ Стефанотока?
Его же любя, хранишь, какъ зѣницу ока!»

Вѣрность колеблется, но ее уговариваетъ Совѣсть, которая въ подкрѣпленіе приводитъ Надежду. Эта послѣдняя предлагаетъ Надеждѣ посмотрѣть, какъ

«.... пропадаютъ враги неизбѣжно:
Поступи только мало, а смотри прилежно.»

и затѣмъ слѣдуетъ представленіе вышепомянутаго эпилога объ Ама-

нѣ, котораго въ концѣ дѣйствія казнятъ со всѣми родственниками за злые умыслы противъ іудеевъ [1]).

Въ пятомъ дѣйствіи Надежда съ Отечествомъ просятъ Стефанотокоса принять прародительскій престолъ и передъ тѣмъ о немъ Отечество говоритъ:

«Быть еще въ живыхъ ему весьма мнится трудно:
врази бо безсовѣстно гонятъ и, безстудно
Родительску часть ему отъявъ, замышляютъ
чести лишити и то уже дѣломъ сполняютъ.
Хотятъ да родительства его дивна слава
въ немъ упразднится, ниже да держава
Оному наслѣдися, когда будетъ въ руки,
Сія жъ попущаете терпѣти ему муки....
. . . . . .
На родительскомъ аще не сядетъ престолѣ
Стефанотокъ, то ему купно съ нами долѣ
Предъ врагами придется лежать намъ плѣненнымъ,
И въ дальняя мѣста быти заточеннымъ.»

Потомъ Отечество съ Вѣрностью и Благочестіемъ просятъ Стефанотока «да неоставитъ ихъ въ конецъ отъ Злобы и Зависти, но да пріиметъ державу.» При этомъ случаѣ, Вѣрность говоритъ, между прочимъ, Стефанотоку:

«Вѣрные твои слуги и вся твои чада
мучатся, ниже имъ есть какова отрада.
Чада отъ внѣшнихъ враговъ тебе защищаютъ,
домашніе же, какъ пси лютые, терзаютъ.
На тое ли отъ Бога многими слезами
испрошенъ еси, дабы пришельцы надъ нами
Господствовали? То ли твоимъ будетъ слава
родителемъ, егда честь вся и держава
Есть отъ тебе отъята?...»

Благочестіе также съ своей стороны прибавляетъ нѣсколько чертъ для описанія ужаса тогдашняго положенія:

«Дѣло печальное есть и весьма обидно,
но глаголати тое печально и стыдно:
Возстаютъ дерзновенно на самаго Бога!
и се-ли тебѣ еще печаль есть немнога?

---

[1]) Выше видѣли, что Аманъ былъ представляемъ еще при Алексѣѣ Михайловичѣ людьми Матвѣева. Французская мистерія подъ этимъ же названіемъ 1587 г. совершенно сходна по содержанію, но любопытна разница въ разговорахъ: русскій Аманъ, напримѣръ, хвалясь милостями царя, говоритъ, что теперь всѣ на него смотрятъ съ завистью и будутъ преклонять предъ нимъ колѣна. Французскій Аманъ въ этомъ же случаѣ произноситъ монологъ, гдѣ онъ хочетъ превзойти небеса, похитить жену Плутона, взять трезубецъ Нептуна.... (Hist. de théâtre fr. par. Parfait, III, 488.)

Уничтожиша церкве святые уставы,
ни во что ставятъ божій законъ, правы,
Говорить намъ о вѣрѣ нѣсть уже свободы....»

Въ концѣ пьесы, Вѣрность и Мужество побѣждаютъ Зависть и Злобу и приводятъ ихъ связанными. Злоба при томъ произноситъ:

«Стефанотокосу всегда мыслихомъ благая,
токмо денно и ночно желахомъ, желая
Да не будетъ здѣ, но да въ странные предѣлы
посланъ будетъ, аще же нито съ своими дѣлы
Намъ придется бѣдственно тотъ часъ пропадати....»

Въ заключеніе, Европа, Азія, Африка и Америка приносятъ поздравленіе Стефанотокосу. Эпилогъ содержитъ въ себѣ такое, между прочимъ, обращеніе къ зрителямъ, что изъ представленія видно «како Господь уповающихъ на него не оставляетъ, и аще попущаетъ на вѣрныхъ своихъ рабовъ приходити скорбямъ и напастямъ по сему быти, того ради терпитъ, да по скорбямъ бо́льшею славою почтенъ»... Актеры далѣе на словахъ припадаютъ къ стопамъ зрителей и, лобзая ихъ, просятъ о прощеніи, если въ чемъ погрѣшили.

Въ той же рукописи, гдѣ помѣщенъ «Стефанотокосъ», есть также замѣчательныя интермедіи (листъ 98 — 118), гдѣ собственно никакой завязки нѣтъ, но выведено нѣсколько лицъ, которыя ведутъ между собою разговоры. Выборъ нѣкоторыхъ изъ нихъ чрезвычайно удаченъ; черты, подмѣченныя въ дѣйствительности, перенесены на сцену и, разумѣется, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы предать ихъ всеобщему осмѣянію. Самымъ лучшимъ коментаріемъ для пониманія личностей интермедій, каковы напр. раскольникъ, ставленникъ, подъячій и пономарь, не желающій отдавать дѣтей учиться — могутъ служить указы, помѣщенные въ Полномъ собраніи законовъ, и это служитъ подтвержденіемъ сказаннаго выше о единствѣ, съ которымъ вездѣ и всюду проявлялась воля Петра.

Первый монологъ раскольника становится понятнымъ, когда припомнимъ, что наши старовѣры придаютъ особенную важность такъ называемому Стоглаву, или сборнику постановленій, явившихся въ первый разъ при митрополитѣ Макаріѣ. Здѣсь многія изъ постановленій, составленныхъ болѣе по малограмотности и недостатку знаній, возведены были на степень догматовъ Церкви, а потому придерживающіеся буквы по старинѣ придаютъ Стоглаву особенное значеніе. Когда при патріархѣ Никонѣ были изданы первыя, вновь исправленныя книги, то открытое противодѣйствіе прежде всего имѣло мѣсто въ Соловецкой пустыни, гдѣ никакъ не хотѣли отправлять божественную службу по присланнымъ изъ Москвы книгамъ, спрятали ихъ въ сундуки, и продолжали упо-

треблять старопечатныя. Надобно было прибѣгнуть къ военной силѣ, и Соловки были осаждаемы посланными войсками. Успѣвшіе скрыться до сдачи обители раскольники удалились въ Поморье и другія отдаленныя мѣста, и тамъ распространяли свое ученіе. Еще со временъ Никона у раскольниковъ начались толки о пришествіи на землю антихриста. При Петрѣ Великомъ даже являлись рукописныя сочиненія объ этомъ къ великому соблазну народа. Въ Полномъ собраніи законовъ (VI, № 3891) записано объ одномъ изъ нихъ такъ: «Въ 1701 г., воръ Талицкой, ради возмущенія людемъ, писалъ письма плевельныя и ложныя о пришествіи Антихристовѣ, съ великою злобою и бунтовскимъ коварствомъ, которому его ученію послѣдовалъ нѣкто иконникъ Иванъ Савинъ, и въ томъ, со удивленіемъ, какія муки терпѣлъ, не внимая никакого себя отъ духовнаго наставленія»....

Въ 1705 г., послѣдовалъ указъ, по которому всѣ, кромѣ священно-церковнослужителей, въ Москвѣ должны были носить съ 1-го января до Пасхи верхнее платье саксонское, а исподнее, камзолы, башмаки и проч., нѣмецкіе. Лѣтомъ надобно было носить французскую одежду, отчего не избавлялись даже и крестьяне. Торговцамъ и портнымъ запрещено дѣлать русское платье, сапоги, башмаки и черкесскіе кафтаны Въ томъ же году велѣно было брить бороды и усы; тѣ, которые не хотѣли этого сдѣлать, платили, смотря по состоянію, 100, 60 и 30 рублей годовой подати. Это повелѣніе въ особенности возбудило ропотъ, потому что русскіе книжники учили, что всѣ міряне для спасенія своей души, непремѣнно должны носить бороду и усы. Чтобы утишить толки по этому случаю, Дмитрій, митрополитъ ростовскій, написалъ замѣчательный въ историческомъ отношеніи трактатъ «Объ образѣ и подобіи божіемъ во человѣцѣ». Изъ указа 1706 г. о дозволеніи жителямъ Сибири не носить иностраннаго платья видно, что новая форма была дана не только для платья, но и «для сѣделъ и прочаго тому подобнаго». Въ 1707 г., вышло повелѣніе не продавать платья и шапокъ безъ клейма, удостовѣряющаго, что все сдѣлано по новому образцу. Не упоминая о другихъ указахъ, подтверждавшихъ эти постановленія много разъ и послѣ, замѣтимъ только, что продавцы, продававшіе не форменную одежду, были наказываемы такъ строго, что теперь это покажется невѣроятнымъ.

Что касается до ставленника, выведеннаго въ интермедіи, то прежде, убылыя мѣста священниковъ и дьяконовъ замѣщались по выбору всѣхъ прихожанъ, которые и подавали о томъ голоса.

Дьячокъ интермедіи, который не хочетъ отдавать своихъ дѣтей учиться въ семинарію, тоже историческій типъ петровской эпохи. Указъ о томъ, чтобы дѣти священно-церковнослужителей учились въ школахъ греческихъ и латинскихъ, послѣдовалъ въ 1708 г. При чемъ постановлено, что не бывшіе въ школахъ могутъ только посту-

пать въ солдаты. Частыя потомъ подтвержденія этого указа заставляютъ догадываться, что его выполняли не совсѣмъ охотно.

Въ интермедіи выведенъ еще подъячій и упоминается о секретаряхъ: эти лица говорятъ и дѣйствуютъ такъ, что для читателя и нашего времени, для пониманія ихъ, не требуется особыхъ комментарій.

Сцена между раскольникомъ и жидомъ можетъ служить образчикомъ тогдашняго театральнаго остроумія: раскольникъ, узнавъ, что жидъ держится старой вѣры, принимаетъ его за своего собрата, и начинаетъ выспрашивать о любимыхъ своихъ убѣжденіяхъ.

«Какъ то нынѣ люди увязли глубоко,
какъ то жить въ мірѣ несносно и жестоко!
Послѣдняя бо времена видимъ, что приспѣли,
бо и нѣкоторые отъ нашихъ старцовъ антихриста зрѣли.
Подобаше ему пріити на землю, когда нашу старую вѣру попрали
никонщики проклятые, свою же нѣкую нову незнаемо откуда взяли.
И не токмо вѣру нашу стару святу и Богомъ устроенну,
Еже апостоли святые и пророки носили,
Попрали, но и платіе долгое уже премѣнили,
Русскіе нынѣ ходятъ въ короткомъ платьѣ, якъ кургузы,
на главахъ же своихъ носятъ круглые картузы.
И тое они откуду взяли, ей недоумѣваемъ,
и сказать о томъ истинно не знаемъ.
Что̀ законъ и правила святыхъ отецъ возбраняютъ,
свои брады на голо желѣзомъ обриваютъ.
Человѣцы ходятъ, якъ облезяны:
вмѣсто главныхъ волосовъ, носятъ паруки, будто пѣмцы поганы.
Куды убѣгнемъ, отъ строящихъ раздоры
нашей вѣры старой: въ воду и въ горы?
Не вѣмы! Же убо и въ Брынскомъ лѣсу
не можемъ укрытися, идѣже и бѣсу
Не можно найти было. Новыя же вѣры люди
и тамъ насъ нашли, на погибель ищущи всюды.
Извлекше же насъ изъ Брынскихъ лѣсовъ понуждаютъ идти своею
новыя вѣры своей латинскою стезею.
Какъ Соловки, отъ народу много удаленныи,
но и отъ туду мы, бѣдные, совсѣмъ изверженны.
Скитаемся гонимы, не имѣя гдѣ подклонити,
или бы ученіе старой вѣры распространити.
Наипаче насъ раззоряютъ латынскія школы,
за коими намъ простой по улицамъ учить народъ нѣтъ воли.
Нѣсть спасенія во градѣ: Спасеніе живетъ въ пустыняхъ
погибнетъ всякъ, кто не пребываетъ въ яскиняхъ [1])!
У насъ въ пустыняхъ толки и скиты различны,
вся у насъ богатство и всѣ жены личны.
Зачимъ здѣ во градѣ для размноженія свой плодъ оставляю,
а самъ къ своей паствы въ пустыню ступаю.

---

[1]) Jaskinią—польское слово, значитъ убѣжище, уединенная дикая пещера. Chowac się do jaskini—скрываться въ пустынѣ.

«Отходитъ раскольщикъ и прибѣгаетъ цыганъ.

ЦЫГАНЪ.

Чхабей (3), ха (3), се же и я, панове, до васъ завѣтавъ,
ходивъ, бродивъ, а тутъ таки на ночлегъ заставъ.
Бидна моя головонька, якая то моя хорошая урода,
якъ то мнѣ было отъ ющенка панованіе и выгода,
Якъ же то було насъ и не шановати —
наше то дѣло дѣти: замки ковати, людей ошуковати.
Та и жаданчата моя непослѣднее ремесло маютъ:
бо куры красти, дѣтей манити добрѣ уже знаютъ.
А якъ бы солонину, альбо поросятину, хоть бы подъ небесами знали
и выттуль бы якъ колвекъ ужь бо красти себе догадали!
А кому поворожити о счастіи и приходѣ, то нехай пойдетъ до моей
Солохи:
Обголитъ его добрѣ, хочь не поможетъ ни трохи.
Бачиться и заданчата и Солоха и я доброе маемъ ремесло;
но по бачилибъ вы и сами, панове, толко не добрѣ ихъ занесло.
Сподѣвалося, что за промысломъ вси разошлися,
а чѣмъ бы на сало, альбо колбасу чи пездобылися.
Бо уже бѣдные жаданчата третій день не ѣли
трохи, зъ голоду совсѣмъ несотлѣли.
Я бы и самъ натрепался хочь собачины,
коли не ма поросятины, альбо солонины.
(Convertitur ad aviculas)
Что се за птица, чи не изъ египетскаго ли края залетѣла
Яки хороши, нусь а гдѣ жъ твои крыла?»

Въ слѣдующей сценѣ является литвинъ съ птицей, чтобы продать се на ярмаркѣ; цыганъ впрягаетъ литвина. Далѣе цыганъ голодный видитъ во снѣ колбасу, хочетъ поймать се, но она исчезаетъ. Потомъ выходитъ лекарь-нѣмецъ, говоритъ съ цыганомъ по латинѣ, вырываетъ ему зубъ, и сердится на слугу, что цыганъ убѣжалъ, не заплативши денегъ.

«Деньги гдѣ? на що упусти паціента?
(Въ щоку холопа.)

СЛУГА.

Мене, ейтакъ
Началъ ты бити, ну-ко-сь со мною по русску,
У меня вѣдь и чорту, нежели тебѣ, не бывая спуску.
(Зъ бедры о землю ударилъ Нѣмца.)

Proludium tertium.

(Выходитъ маркитантъ и продаваетъ пироги, вельми ихъ похваляя.)

МАРКИТАНТЪ.

Кто тутъ спрашиваетъ подовыхъ, господа честные?
вотъ у меня куды хорошіе какіе!

То здѣсь пироги горячи,
ѣдятъ голодные подъячи.
Вотъ у меня съ лучкомъ, съ перцомъ,
съ свѣжимъ, говяжимъ сердцомъ.
Масло черезъ край льется,
и подлить еще довольно найдется.
Теперь только испечены,
куды какъ воложно начинены!
То пироги здобны, то скляны,
покушайте, господа дворяны!
Вотъ теперь только изъ печи взяты,
ну, убирайте, бурлаче, ухваты!
Небось брюхо не буде ворчать:
изволите хоть за то даромъ взять.
Хоть денегъ поубавятъ
да животъ пріуправятъ!

Приходитъ дьячокъ (онъ же ставленникъ).

Ну-ка съ легкой руки на починъ
Кто купитъ, удалые молодчины?
Что-ста, бачка, не изволишь ли подовыхъ? что усы ты разчищаешь?
Никакъ, право, ты озябъ, что руками тѣ посыкаешь.
Коли озябъ, то на-тко изволь покушать горяченькихъ сразу.»

Ставленникъ отказывается, говоря, что у него нѣтъ денегъ. Являются мошенники, и начинаютъ разузнавать, что̀ есть у дьячка.

МОШЕННИКЪ 1.

. . . а какъ-ста ты издалече, а?

СТАВЛЕННИКЪ.

Куда даль какая! Иванъ Предтеча
Есть церковь — у той меня по указу дьячкомъ опредѣлили,
а нынѣ опять прихожана приговорили,
Чтобъ мнѣ идти въ попы какъ нибудь добиваться.

МОШЕННИКЪ 1.

Куды-ста право даль какую изволилъ подняться!
Да взялъ ли хоть ты денежонокъ сколько нибудь съ собою?

СТАВЛЕННИКЪ.

Небольшое число на дорогу взялъ со мною.

МОШЕННИКЪ 1.

Какъ же ты идешь ставиться съ простыми руками,
вѣдь и къ секретарямъ надобно идти зъ дарами?

СТАВЛЕННИКЪ.

Ты, пожалуй, о томъ не зоблись, они всѣ меня знаютъ.

МОШЕННИКЪ 2.

Они такихъ знакомыхъ тыхъ пуще одуваютъ!

МОШЕННИКЪ 3.

Еще прежде отъ секретарей немало претерпишь муки,
какъ попадешь къ подъячимъ въ руки.

МОШЕННИКЪ 4.

Да-нть канцеляристамъ надобно сахару снесть полъ десятокъ головокъ.

СТАВЛЕННИКЪ.

Нѣтъ, братъ, нѣчово имъ у меня вырвать, я на это ловокъ,
Самъ на обухѣ рожь молочу, а зерна не уроню:
Пустяки у меня возьмутъ подъячи.

МАРКИТАНТЪ.

Ну, кутейникъ, разбалакался, ѣшь пока пироги-то горячи,
Вѣдь мнѣ недосугъ съ тобой забавляться —
надобно еще въ другое и въ третье мѣсто поспѣшаться.

СТАВЛЕННИКЪ.

Молчи, мужичекъ, не вздорь, лучше право безъ крику,
вѣдь нѣкакую тебѣ убыль сдѣлаемъ велику».

За тѣмъ слѣдуетъ брань и драка, потомъ мошенники уходятъ, а ставленникъ продолжаетъ опять ѣсть пироги; при расплатѣ оказывается, что у него украдены деньги; маркитантъ удерживаетъ за долгъ шапку.

Въ 4 пролюдіѣ подъячій приходитъ къ дьячку, чтобы взять дѣтей его въ семинарію. Дьячокъ отвѣчаетъ:

«Знаю я вашу братью: вы вѣдь рабята просты,
аже у ково обдуть, огладить — путные охлесты.

ПОДЪЯЧІЙ.

Что мнѣ съ тобой много балакать,
будешь еще о нихъ и плакать!
Только какъ этотъ указъ прочитаешь,
то въ тотъ часъ познаешь.

ДЬЯЧОКЪ.

Лучше мнѣ теперь умереть,
нежели на это смотрѣть.
Какъ моихъ дѣтей они лишаютъ
и въ серимарію на муку обираютъ.
Пожалуй, батюшко, умилосердись надъ нами,
напиши, пожалуй, что они еще негодны лѣтами!

ПОДЪЯЧІЙ.

Догадался, какъ проигрался, схватился Малахъ,
какъ нѣтъ ничего въ головахъ!
Предъ нами давѣчь такъ ты и шапки снять не хотѣлъ,
да нетокмо шапки снять, еще и слова не хотѣлъ сказать!
Ну давай скоро, дьячишко, могильна муха,
смотри, чтобъ я тебѣ не скропалъ треуха.

ДЬЯЧОКЪ.

Возьми съ меня, пожалуй, хоть рублишковъ полдесятокъ.

ПОДЪЯЧІЙ.

Добро я съ тобою сдѣлаюсь, ежели къ тѣмъ прибавишь десятокъ.

ДЬЯЧОКЪ.

Ну, я ужь тебѣ прибавлю.

ПОДЪЯЧІЙ.

Такъ я дѣтей твоихъ отъ семинаріи избавлю.

ДЬЯЧОКЪ.

Вправду ль ты только дѣтей моихъ избавишь?

ПОДЪЯЧІЙ.

Конечно избавлю, ежели посуленое исправишь.

ДЬЯЧОКЪ.

Какъ же намъ этое дѣло-то сдѣлать и секретаря обманить?

ПОДЪЯЧІЙ.

Небось, давай деньги смѣло —
Мы ужь знаемъ какъ — обманывать-то наше дѣло;
да, сверхъ того, они съ вашей братіи
Одуваютъ деньги и платіе.
А какъ тебѣ дѣлать надобно, я тя научу,
и какъ сказать предъ секретаремъ, тогда подъ ухомъ пошепчу.
Этому скажи пять лѣтъ, какъ родился.

ПОДЪЯЧІЙ 2.

Я чаю, што ты ужь задавился,
Ты еще здѣсь съ дьячкомъ тымъ изволишь балякать,
а намъ, право, тамъ лишь плакать:
Ужь третью промеморію изъ семинаріи прислали,
штобъ вы скорѣя ихъ сыскали.

ПОДЪЯЧІЙ 1.

Ну, братъ, какъ нибудь свободи его дѣтей.

ПОДЪЯЧІЙ 2.

Но я боюсь: за это вѣдь въ приказѣ схватишь плетей!

Ну, дьячекъ, давай ихъ скоряя,
ни мало не отлагая!

ДЬЯЧОКЪ.

Всѣ мои знакомцы и вся моя родня, сберитеся сюда,
посмотрите, какая на меня пришла бѣда!
Дѣтей моихъ отъ меня отнимаютъ,
и въ проклятую серимарію на муку обираютъ.
О, мои дѣтушки сердечные,
не на ученье васъ берутъ, но на мученіе безконечное,
Лучше вамъ не родитися на сей свѣтъ, а хотя и родится,
того жь часа киселемъ задавится и въ воду утопится.
О мои, милые дѣтушки!
и бѣлые лебедушки,
Лучше бъ васъ своими руками въ землю закопалъ,
нежели въ серимарію на муку отдалъ!
Прощайте, мои дѣтушки, ужь мнѣ васъ не видать,
и съ вами ужь никогда не живать.

ПОДЪЯЧІЙ 1.

О, у тя, какъ вижу, плачу конца не дождаться,
пора уже намъ и къ городу подвигаться.
Ну, дьячокъ, прощай доброй человѣкъ,
дай тѣ Богъ множество лѣтъ,
А впредь, пожалуй, знайся съ нами,
съ подъячими, съ приказными строками!

ДЬЯЧОКЪ.

Прямь, што не отъ дурова добрые люди говорятъ,
што подъячи-ты люди,
ажно люты они, да и не худы.
Вотъ теперь денежки тѣ съ меня схолодили,
а дѣтей тыхъ отъ семенаріи таки не свободили.
Впредь же я ихъ теперь буду знать,
а когда случай придетъ, не такъ буду поступать.

Пролюдіумъ пятый содержитъ въ себѣ сцену между грекомъ и цыганомъ барышникомъ, по случаю продажи лошадей.

ПРОЛЮДІУМЪ 6.

ЖИДЪ.

Полну голову разума, о вей, добрѣ умѣю
горѣлку съ медомъ добрѣ продавати,
До мене не хай идетъ, кто хоще хоросова пива,
о вей, я такова еще николи не бацивъ дива!
О вей, цорнѣ годъ, цо сей за человѣкъ?
не бацилъ николи таково, а ужь иззилъ вѣкъ!

РАСКОЛЬЩИКЪ.

Стой, бачка, этому ты не дивися,

пожалуй только со мной разговорися.
Да скажи прежде, какой ты вѣры,
этое у тебѣ увѣдать желаю безъ мѣры?

ЖИДЪ.

Якой тебѣ треба? ци турецкой!
то я, а коли хоцесь то и грецкой.

РАСКОЛЬЩИКЪ.

Нетъ, скажи, пожалуй, мнѣ однымъ словомъ.

ЖИДЪ.

Цого болше еще тебѣ хоцесъ? я тебѣ молвилъ.

РАСКОЛЬЩИКЪ.

Скажи пожалуй истину, уже водить меня полно.

ЖИДЪ.

Я есмь человѣкъ стараго закона.

РАСКОЛЬЩИКЪ.

Ахъ радостію весь растопився!

ЖИДЪ.

Се бачу старый собако схазився.
(Тутъ раскольникъ падаетъ, а жидъ около его обѣгаетъ.)
Стосъ сему цловѣку стало?
Ци недоброе цо на его напало?
О вей, о вей, цорны годъ! узе по сердцу и уху
Бацу, ницого не помогаетъ, ось сжъ я еще поддамъ духу,
Узе, бачу, отъ духу заворошився,
сцо тебѣ было стало? отъ цого такъ бувъ схазився?

РАСКОЛЬЩИКЪ.

Я теперича былъ въ восторзѣ
и нашелъ тое, чего искалъ на долзѣ.
Почти ужь всю вселенную избродилъ,
а еще такова мужа не получилъ.
Вѣдь и я старой вѣры смиренъ наставникъ,
Нынѣшній убо день будетъ намъ великій праздникъ.

ЖИДЪ.

Говори далѣ, сцо будесъ есцо брехати,
ну, ну не бався, неколи мнѣ цекати!
Я, когда бывалъ на войнахъ, всѣ меня боялись,
не разъ отъ зайца утикавъ, и церевики поспадали!
Ну, ну, идты на войну, старый, прибирайся.
. . . . . .

РАСКОЛЬЩИКЪ.

Престань этова разговаривать со мною,

я съ тобою радъ поговорить, якъ съ умною головою.
Вѣдь ты старой законъ содержиши,
что преизрядно твориши.
Однаковъ я то прямой старовѣрецъ.

ЖИДЪ.

А се что же у тебе?

РАСКОЛЬЩИКЪ.

Бо какъ безъ перецъ
Птицы невозможно летати,
такъ безъ этова невозможно пребывати,
Да и пробыть же безъ этого заслонца
понеже безъ него не пропустятъ въ адскія оконца.

ЖИДЪ.

Цоръ себѣ, цорный годъ! якъ ты хороше убранный
еще бы по краще былъ, кабы ус...
Яки ты старовѣрецъ? — я то стараго закона.

РАСКОЛЬЩИКЪ.

Нѣтъ вѣдь и я не новаго,
вѣдь этакъ ли ты по старому крестился?

ЖИДЪ.

О вей, цорны годъ, я добрѣ сказавъ, сцо сей человѣкъ сказився?

РАСКОЛЬЩИКЪ.

Этакъ крестилися всѣ пророки
Такой крестъ содержатъ и наши всѣ толки

ЖИДЪ.

Згинь, цо говоришь? Пророки не крестилися,
Что ты, развѣ пцолы въ головѣ разроилися?

РАСКОЛЬЩИКЪ.

Двоперстный крестъ былъ искони
развѣ ты такъ не видалъ молящася Авеля на иконѣ;
Бывалъ ли ты во Іерусалимѣ?

ЖИДЪ.

Былъ не разъ, и еще пойду въ зимѣ.

РАСКОЛЬЩИКЪ.

Поповщина, аввакумовщина, андреевщина, перекрещиванцы и неперекрещиванцы и толки

Такъ если ужь здѣсь намъ жить нельзя; какъ хищные волки,
Никонщики на насъ сильно ужь настали.
Своей новой вѣры силу великую взяли,
И насъ старовѣрцовъ вездѣ утѣсняютъ:

Съ Керженца, съ Поморія, съ Польши немилостивно згоняютъ
Надѣюся, что и ты такъ держишся старой, какъ и я, вѣры;
Зъ бородою бо мя зря, возрадовался безъ мѣры.»

Въ рукописи Публ. библіотеки (XVII, 2, 4,) конца XVII вѣка есть еще одна интермедія, гдѣ выведены гаеръ, двѣ молодки, шляхтичъ, цыганъ и купецъ. Прочитавъ ее, легко можно узнать, что она принадлежала къ разряду тѣхъ шутовскихъ пьесъ, о которыхъ приведены слова Бассевича и Берхгольца. Вся она написана прозой съ рѳмами. Гаеръ сначала бьетъ старуху кочергой, потомъ старуха колотитъ его ухватомъ, за тѣмъ слѣдуютъ сцены одной молодки съ шляхтичемъ, другой молодки съ гаеромъ и пьянымъ мужемъ. Здѣсь описаны приключенія, которыя поражаютъ читателя своимъ цинизмомъ и безстѣнчивостью,—и все это было представляемо передъ зрителями! Подъ конецъ цыганъ продаетъ гаера купцу за десять дукатовъ. Чтобы дать понятіе о юморѣ того времени, сообщаемъ нѣкоторыя выписки и изъ этой интермедіи:

«Гаеръ (сидя, бьетъ себя въ голову).

«Голова моя буйная, куды ты мнѣ кажесса дурна. Уши, не какъ у людей, будто у чюцкихъ свиней; глаза, какъ у рака, взпаютъ... Ротъ шириною въ одну сажень, а носъ на одну пядень. Лобъ, какъ бычачій, а волосы подобны шерсти свинячей... Гдѣ сыщешь такого удальца, добраго, дороднаго молодца, что боротца и битца, и съ козами бѣситца? Вѣдь не сыщешь другова, кромѣ меня нова. Куда у меня бедра востра, да и рука видитъ чорта. А ежели ударю мертваго пѣтуха, то выскочетъ изъ него требуха, а ежели ударю муху, то не будетъ въ ней и духу, а хоша какую бъ артель комаровъ, то разгоню всѣхъ, какъ сущихъ воровъ! Уже я и самъ дивился, что такой родился, и какъ здѣсь очутился», и т. д. все въ томъ же родѣ.

Изъ погодинскаго собранія въ Публичной библіотекѣ (рукопись № 2003) содержитъ въ себѣ нѣчто похожее на театральное представленіе, именно похвалы свободнымъ наукамъ; эти похвалы произнесены были публично, съ пѣніемъ и игрою на органѣ, въ присутствіи царя и сына его, вѣроятно на какомъ нибудь торжествѣ въ славяно-латинской академіи. Всѣ рѣчи произносятся отроками, и состоятъ онѣ то изъ обращеній къ Богу, то изъ прославленій царя, то, наконецъ, въ похвалѣ наукамъ, изъ которыхъ каждая о себѣ говоритъ въ первомъ лицѣ, точно также, какъ и въ старинныхъ учебныхъ руководствахъ, гдѣ, вмѣсто предисловія, прилагались стихи отъ лица науки. Таковыя рѣчи были и въ печатныхъ книгахъ, напримѣръ, въ славянской грамматикѣ Смотрицкаго, московскаго изданія. Въ началѣ помянутой рукописи, между прочимъ, въ рѣчи одного отрока, читаемъ:

«Прійди ты, Боже, внійди и вселися
къ царю и царскому сыну за насъ благъ явися—ходатай!

Да вселившеся въ нихъ, яко Богъ походи,
до пречестныхъ всѣхъ наукъ сына царска введи—предъ нами,
Въ которыхъ мы желаемъ присно пребывати
нынѣ же здѣсь потщався хощемъ объявляти—ихъ дѣйства.
Да услышавше то, царь здѣ возвеселится
и въ самомъ тебѣ, Бозе, о сынѣ явится—благъ паче
Во еже бы тѣхъ наукъ сына поучати,
и многъ народъ за нами въ школы прилачати—потщится...

Далѣе во всѣхъ рѣчахъ упоминается о царѣ и объ ученіи его сына. Въ одномъ мѣстѣ рукописи составлены стихи, которые сынъ долженъ былъ произнести передъ царемъ.

«Здѣ царскій сынъ вѣщаетъ, дѣтей объявляетъ
разумъ ихъ малолѣтный и трудъ похваляетъ.
(Царевичъ, аще здѣ самъ рещи не изволитъ,
абіе учителю вѣщати поволитъ).
О, отче мой преблагій, царю благочестный,
ты въ Бозѣ величайшій и кресте пречестный!
Повели симъ отрокомъ, да ко мнѣ вѣщаютъ,
о свободныхъ наукахъ благо совѣчаютъ.
Всежелательно бо азъ ихъ извѣщеніе
Пріиму съ самѣмъ Богомъ въ нихъ утѣшеніе и т. д.

Далѣе Риторика произноситъ хвалу царю:

«Но о семъ зѣло нынѣ азъ удивляюся,
о таковомъ мудромъ царѣ здѣ сумнѣваюся—разсуднѣ
Откуду тому царю даръ таковъ явися,
или съ породы его отъ Бога вселися—въ немъ разумъ
Слышу, яко неученъ въ школахъ грамматики,
а наши всѣ свободны знаетъ политики—порядно
Во книжномъ чтеніи разумно читаетъ,
читаемо же все благо разсуждаетъ—изрядно...

Тоже самое повторяетъ и Ариѳметика, говоря о введеніи наукъ въ Россіи:

«Впервыхъ сестру мою ввели Грамматику,
другую сестру-жь мнѣ честну Риторику—прежъ вводятъ
Мене же како бы начати дерзаютъ,
но таковыхъ людей къ наукѣ не знаютъ—взыскати
Токмо той же единъ, сестръ моихъ взыскатель,
Риторовъ, грамматикъ, наукъ всѣхъ снискатель—усердный
Царь, прежде явленный сестрами моими...»

Въ числѣ заслугъ царю поставлено также, что

«Устрашаетъ бусурманъ, агарянъ проклятыхъ,
Покоряетъ подъ нозъ мечемъ, плѣномъ взятыхъ—всѣхъ храбро
Паче же еретиковъ, всѣхъ богоотступныхъ
шведовъ, нѣмцовъ проклятыхъ, законопреступныхъ злодѣевъ!»

Въ рукописи Публичной библіотеки (Q, XIV, 10) есть четыре пьесы изъ числа тѣхъ, которыя, какъ видѣли выше, хранились въ посольскомъ приказѣ:

1) «Сципіо африканъ, вождь римскій и погубленіе Софонизбы, королевы нумидійскія. Комедія.»

Покореніе Нумидіи Сципіономъ африканскимъ, осада римлянами Цирты, гдѣ находился Сифаксъ, царь нумидійскій съ женою Софонизбою, любовь Массиниссa, претендента на то царство и союзника римлянъ, къ Софонизбѣ—составляютъ главный предметъ этой трагедіи. Послѣ взятія римлянами Цирты, Сифаксъ и Софонизба попадаются въ руки Массиниссa. Послѣдней онъ предоставляетъ полную свободу, а перваго хочетъ умертвить. Софонизба, переодѣтая въ платье воина, проникаетъ въ темницу къ мужу, переодѣвается, выпускаетъ его изъ темницы, а сама остается вмѣсто мужа. Массинисса предлагаетъ Софонизбѣ выдти за него замужъ и та соглашается, потому что любила его прежде. Но Сципіонъ требуетъ, чтобы она была въ оковахъ и участвовала въ тріумфальномъ шествіи въ Римъ. Массинисса посылаетъ ей ядъ, и Софонизба отравляется съ своимъ сыномъ. Сципіонъ провозглашаетъ Массиниссу царемъ нумидійскимъ.

Во Франціи, трагедія эта въ первый разъ сочинена въ 1559 г. Приключенія съ Софонизбою были не рѣдко предметомъ старинныхъ трагедій, наконецъ де-Мере (de-Mairet) написалъ на эту же тэму въ первый разъ пьесу съ соблюденіемъ трехъ единствъ, почему долгое время въ изданіяхъ ея отмѣчалось: «premiere tragédie régulière en France». Содержаніе и даже нѣкоторыя мѣста русскаго перевода Софонизбы сходны съ нѣмецкою трагедіею подъ этимъ же заглавіемъ фонъ-Лоэнштейна (von Lohenstein, Breslau, 1680), только въ послѣдней между каждымъ актомъ являются Страхъ, Мщеніе и другія аллегорическія лица, а подъ конецъ даже духъ императора Леопольда, Европа, Азія, Африка и Америка. Сверхъ того, нѣмецкій трагикъ доказалъ свою начитанность длинными примѣчаніями, гдѣ онъ цитуетъ Ливія, Полибія, Аппіана и приводитъ свидѣтельства на греческомъ и еврейскомъ языкахъ.

Въ русскомъ переводѣ трагедія состоитъ изъ пяти «дѣйствъ», явленіе называется «сѣнь»; какъ «дѣйства», такъ и «сѣни» перенумерованы славянскими цифрами. Переводъ отличается частыми неправильностями противъ русскаго языка и, вѣроятно, сдѣланъ какимъ нибудь иностранцомъ, жившимъ въ Россіи, потому что здѣсь не провинціализмы и не ошибки противъ правописанія, но противъ коренныхъ свойствъ языка. Вотъ для примѣра разговоръ Массиниссa съ Софонизбою въ темницѣ, когда онъ приходитъ умертвить Сифакса и, вмѣсто него, застаетъ его жену:

СОФОНИЗБА.

«О надо, великій князь, яже тебѣ въ ноги пасть!

МАССИНИССА.

«А какъ она отъ моихъ людей въ оковахъ заключенна, азъ клепуся при адской рѣкѣ Стиксѣ, что жупелъ и огнь имъ возмездіе за то будетъ!

СОФОНИЗБА.

«Нѣтъ, нѣтъ, не твои люди, но моя вѣрность меня здѣсь оковала.

МАССИНИССА.

«Твоя вѣрность говоришь ты? открой мнѣ, прекрасная Софонизба, какъ сюда пришла?

СОФОНИЗБА.

«Какая ли руда перастопился съ огня горящія любве: вѣрность къ моему Сифаксу меня въ сію тюрьму привела, и я его, по перемѣпенію одежды нашей, изъ заключенія свободилъ.

МАССИНИССА.

«А она велѣла себя отъ него въ желѣзахъ заключитися!

СОФОНИЗБА.

«Дѣломъ такъ, понеже я нынѣ токмо желаю при тебѣ умрети. Ахъ не замедли, но вскорѣ проколи меня, окропи сія груди кровію и меня за Сифакса въ жертву возми. Знаю, что мое противъ тебя учиненно преступленіе казни достойно есть. Того ради поволи той яже дыхаючи (?) тебѣ въ ноги падетъ отъ твоихъ рукъ и не отъ нѣкоего крови желательнаго римляна смерть пріяти»... (яв. 3, дѣйст. 4).

Нѣкоторыя слова рукописи написаны въ ней согласно произношенію писавшаго; вольна, вм. волна, фиватъ, вм. вивать, и т. п.

Есть здѣсь аріи въ коротенькихъ строчкахъ съ риѳмами, такъ въ 5 дѣйствіи, явл. 1.

I.

«Любовь, любовь приносили
жаръ и фиміанъ (sic!)!
Престань ты прелщати,
и вовсе блазнити;
Ты бо мя
ничѣмъ утѣшаешь.
Любовь, любовь приносили
жаръ и фиміанъ!

II.

«О любвы, даждь мнѣ тебѣ
Ладунъ приносити!
Трепо(е)тъ отгони ты,
И не дай упованію
отлучится.
Но дай всему пѣти,
О любвы, даждь мнѣ тебя
Ладунъ припосити!

2) «Принцъ Пикель Гяринтъ или Жоделетъ комедія, самый свой тюрмовой заключникъ». Нѣсколько ниже, въ видѣ объясненія, надпись: «Скоморохъ—принцъ Пикель Гяринтъ» (ркп. стр. 49).

Принцъ Фридрихъ убилъ князя изъ Салерно и, чтобы скрыться отъ мщенія родственниковъ убитаго, переодѣвается, оставивъ свое рыцарское вооруженіе и платье въ лѣсу. Сюда приходитъ шутъ Жоделетъ и, найдя покинутое оружіе и одежду, надѣваетъ ихъ на себя. Между тѣмъ, посланные короля искать убійцу встрѣчаютъ шута въ рыцарскомъ одѣяніи, арестуютъ его, какъ принца Фридриха, и приводятъ къ королю. Октавіанъ, гофмейстеръ истиннаго Фридриха, чтобы спасти своего господина, говоритъ, что приведенный плѣнникъ дѣйствительно есть его принцъ. Сначала шутъ, когда его обвиняютъ въ убійствѣ и заставляютъ въ томъ признаться, увѣряетъ, что онъ не то лицо, которое нужно было арестовать; но потомъ, замѣтивъ, что съ нимъ, какъ съ принцемъ, обходятся въ темницѣ очень почтительно, прекрасно кормятъ и пр.,—начинаетъ убѣждаться, что онъ дѣйствительно принцъ. Вскорѣ, однако, братъ Фридриха является къ королю, чтобы заключить примиреніе и тогда открывается, что Жоделетъ шутъ, а истинный Фридрихъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые были приставлены стеречь ложнаго принца.

Авторъ пьесы, вѣроятно, имѣлъ намѣреніе посмѣшить зрителей именно страннымъ положеніемъ шута изъ самаго низшаго класса народа въ соприкосновеніи съ знатными и придворными. Дѣйствительно, въ поступкахъ и рѣчахъ Жоделета на каждомъ шагу является разладица съ придворными обычаями, языкомъ и даже образомъ мыслей. Этотъ сюжетъ былъ избранъ Скарономъ для своей пьесы: «Le gardien de soi même», которая на театрѣ не имѣла большаго успѣха, и должна была уступить комедіи одинаковаго съ нею содержанія, написанной Корнелемъ де-Лиль (Corneille de Lisle): «Le geôlier de soi même», и извѣстной на сценѣ подъ именемъ «Jodelet prince» (1655 г.); нашъ «Пикель Гяринтъ» и есть переводъ комедіи Корнеля де-Лиля.

Въ русскомъ переводѣ не замѣтно особенной разницы между рѣчами Жоделета и придворныхъ—всѣ говорятъ одинаково безтолково и темно. Во многихъ мѣстахъ переводчикъ не понималъ подлинника

или не умѣлъ передать его, а потому въ серединѣ есть нѣсколько рѣчей, не переведенныхъ вовсе, а оставлены пробѣлы или написаны только начальныя слова рѣчей дѣйствующихъ лицъ. Чтобы судить о достоинствѣ перевода, приводимъ здѣсь отрывокъ разговора Жоделета съ принцессою Лаурою. Передъ тѣмъ онъ хочетъ наградить своихъ слугъ за ихъ преданность:

ЖОДЕЛЕТЪ.

«Вы увидите сами, какими честными людьми я васъ поставлю; я хвалиться не хощу, или вамъ брюхо словами исполнити. Обнадеживайте, еслибъ мой казначей здѣсь былъ, тобъ я вамъ тотчасъ на кружку пива алтынъ подарилъ. Скажи, сахарная моя, нѣтъ ли на моемъ дворѣ добрыхъ людей, не тотъ ли учтивый и честный посолъ?

ЛАУРА.

Никто лучше къ тому пристойный, или вашему высочеству больши вѣрности показати могъ.

ФРИДЕРИКЪ.

Милостивая государыня, всякому вѣдомо, сколь высоко Фридерикъ ея добродѣтель почитаетъ и высочайшая его радость есть, ея ради, все злополученіе терпѣти и всякому несчастію предатися.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Да и то такъ истинно, яко уже вправдѣ учинено.

ЛАУРА.

Такую честную любовь достойна воздати я Фридерику; сердца моего внутреннѣйшее помышленіе открою, спрѣчь всю бѣду съ нимъ буду терпѣть и вѣрность моя раздѣлитъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Молчите, молчите вы, маленькая золотая ворожея, словами вашими уже меня наворожила, что я нынѣ больше ничего не вѣдаю, на которой сторонѣ мнѣ въ карманъ хватить»....

За этой пьесой слѣдуетъ третья, не менѣе безтолковая: «Честный измѣнникъ или Фридерико фонъ Поплей и Алонзія супруга его, комедія».

Арцухъ Фридерико фонъ Поплей влюбленъ въ свою жену Алонзію, но та вдругъ измѣняетъ ему и предается гостю своего мужа, маркизу Афалзону. Арцухъ узнаетъ о томъ, но, не мстя тотчасъ ни женѣ, ни любовнику, готовитъ какое-то наказаніе обоимъ; однако, онъ, по наружности, съ ними примирился и приглашаетъ въ свою комнату Алонзію... на этомъ мѣстѣ комедія прерывается. Достоинства перевода одинаковы съ переводомъ предъидущей комедіи. Одно изъ самыхъ интереснѣйшихъ мѣстъ въ этой пьесѣ безспорно есть то, гдѣ маркизъ и Алонзія выражаютъ свою любовь другъ къ другу:

МАРКИЗЪ.

«Сердце мое полно есть помѣшательства.»

АЛОИЗІЯ.

Душа моя полна есть горькихъ радостей.

МАРКИЗЪ.

О, любовь моя, что со мною чинить хощешь?

АЛОИЗІЯ.

О, честь, что изъ меня учинити хощешь!

МАРКИЗЪ.

Хощу любити и терпѣти.

АЛОИЗІЯ.

Хочу вздыхати и молчати.

МАРКИЗЪ.

О любовь!

АЛОИЗІЯ.

О честь!

МАРКИЗЪ.

О, вы, измѣнничьи очеса!

АЛОИЗІЯ.

О, вы, невѣрныя мои звѣзды...

МАРКИЗЪ.

Отвратитесь отъ сего солнца....

АЛОИЗІЯ.

Снимите съ меня ваше обвязательство.

МАРКИЗЪ.

Ахъ, я состражду съ вами.

АЛОИЗІЯ.

Ахъ, я умиленіе имѣю надъ вами.

МАРКИЗЪ.

Разсудите прекрасное твореніе на семъ свѣтѣ.

АЛОИЗІЯ.

Удивляйтеся токмо совершеннѣйшему кавалеру сего времени.

МАРКИЗЪ.

Азъ желаю къ вамъ приближитися.

АЛОНЗІЯ.

Азъ желаю съ вами разговоритися.

Маркизъ.

Услышали бъ вы мое томленіе!

АЛОНЗІЯ.

Услышали бы вы мое мученіе!

МАРКИЗЪ.

Милостивая арцугиня, многая имѣлъ бы вамъ сказать, но нынѣ больше того не могу, токмо что я называюсь вашимъ слугою.

АЛОНЗІЯ.

Господине маркизе, многобъ и мнѣ съ вами говорити, но нынѣ довольно, что я рабынею вашею называюсь.

МАРКИЗЪ.

Прости, прекрасная Арцугиня.

АЛОНЗІЯ.

Прости, господине маркизе.

МАРКИЗЪ.

Прошу изволь выразумѣть.

АЛОНЗІЯ.

Прошу, изволь выслушать.

Маркизъ.

Что вы изволите?

АЛОНЗІЯ.

Что вы говорить хощете?

МАРКИЗЪ.

Я ничего.

АЛОНЗІЯ.

И я ничего....

3) «Дафнисъ, гоненіемъ любовнаго Аполлона въ древо лявровое превращешеся» (стр. 136), за нею другой списокъ той же пьесы съ

нѣкоторыми отмѣнами и съ болѣе подробнымъ заглавіемъ, а именно: «Дѣйствіе о Аполлонѣ и прекрасной Дафнидѣ, какъ Аполло побѣди лютаго змія Питона, потомъ же и самъ побѣжденъ явился отъ малаго Купиды, изъявляющее вкратцѣ. Преписася въ Санктъ Петербурхѣ лѣта 1715, іюня въ день.» Въ заглавіи перваго списка есть подпись: «Дмитрей Ильинскій»—есть ли это переводчикъ, или только переписчикъ—неизвѣстно [1]).

Первый списокъ, написанный почеркомъ болѣе новымъ и старательно, разнится отъ втораго тѣмъ, что имѣетъ въ началѣ «аргументъ», гдѣ изложено содержаніе пьесы. Въ 1-мъ явленіи ничего не сказано о появленіи змѣя, испугѣ пастырей и появленіи Аполлона, что̀ обозначено во второмъ спискѣ.

Есть отмѣны и въ текстѣ: въ концѣ втораго списка нравоученіе и обращеніе къ зрителямъ названо эпилогомъ, а въ первомъ все это говоритъ Гесперусъ. Вотъ окончаніе пьесы по обоимъ спискамъ:

1-й Списокъ.

«Пречестнѣйши зрители, все, еже смотрили,
Мы въ нашей всевозможности кратко изъявили.
Кратко ли вамъ видится тое наше дѣло,
Аполлону въ жалости зѣло продолжило.
Аще же вамъ длительно казалося быти,
То Аполлонъ бы еще радъ былъ продолжати:
Однакоже случаи въ домѣ и на поли,
Чинятъ предложеніе не по нашей воли.
Елико въ семъ времени изволили зрѣти,
Мы дерзаемъ за сіе васъ благодарити:
Тако сіе дѣйствіе будемъ окончати,
Покорно благодаримъ: пора почивати!»

2-й Списокъ.

«Пречестнѣйши зрители, все, еже смотрили,
Мы въ нашей возможности кратко изъявили.
Кратко коли вамъ видится сіе наше дѣло,
Аполлону въ жалости зѣло продолжало.
Елико же въ семъ изволили времени смотрѣти
Мы дерзаемъ за сіе васъ благодарити:
Въ чемъ же погрѣшихомъ, умомъ поправляйте,
Насъ же, скудоумнехъ, въ томъ не осуждайте!»

Содержаніе этой пьесы, заимствованное изъ «Превращеній» Овидія, состоитъ въ одержаніи Аполлономъ побѣды надъ змѣемъ Питономъ, вражда Купидона къ Аполлону и мщеніе тѣмъ, что послѣдній влюбляется въ Дафну и преслѣдуетъ ее. Нимфа молитъ Діану о защищеніи отъ Аполлона, и богиня превращаетъ ее въ лавровое дерево.

---

[1]) Учитель Кн. Ант. Кантемира былъ также Ильинскій, но его звали Иваномъ, а о Дмитріѣ Ильинскомъ, какъ воспитанникѣ московской духовной академіи, см. выше ст. 111.

Въ польской литературѣ эта пьеса извѣстна съ 1675 года, когда была дана опера съ итальянскими хорами, по образцу комедіи (na kształt komedyi), въ присутствіи сенаторовъ и двора. Позже она была переведена на польскій Самуиломъ Твардовскимъ и состояла изъ 17 явленій, но здѣсь не приложено рѣчей дѣйствующихъ лицъ и хоровъ. Съ русскимъ переводомъ польская «Dafnis, przemienione w drzewo bobkowe» разнится въ послѣднихъ сценахъ, именно во второй, послѣ превращенія Дафны, являются нимфы и пастухи и оплакиваютъ кончину дочери Пенэя; Аполлонъ же клянется, что листьями лавроваго дерева будутъ вѣнчаемы тѣ, которые заслужатъ отъ него награды. Въ заключеніе спускается шаръ (свѣтъ), на которомъ сидитъ Честь и поздравляетъ Владислава IV съ побѣдою надъ москвитянами и турками [1]). Чтобы имѣть понятіе о русскомъ стихотворномъ переводѣ Дафны, помѣщаемъ здѣсь разговоръ съ Нимфою Аполлона, который открываетъ ей, что онъ не пастухъ, а богъ.

АПОЛЛО.

«Не дивися, прекрасная: богамъ то не ново,
Посылаютъ на службу за едино слово.
Іовишу самому, Рею хотѣвшу имѣти,
Волнистымъ моремъ занесенъ тогда до Креты.
Что и Бахусъ принужденъ отъ убійцевъ снити,
И въ тигрійскихъ мѣстѣхъ съ нуждею служити.
Такъ и мнѣ воля боговъ же предстала,
Еже па дѣла на землю послала.
Я, послушливый, принужденъ сходити
И ядовита змія погубити:
Хощеши всегда ты едина быти,
Почто за друга меня не имѣти?
Вѣришь ли звѣря, медвѣдя ли, вепря,
Иже пожрати можетъ тя отъ дебря [2])?

ДАФНИСЪ.

«Что вѣтромъ ты слова лѣеши напрасно
Умѣю жити съ звѣрьми сжечасно;
Въ тяжкости сердца ибо воздыхаю,
Доколѣ сея злости пострадаю.
Отверзи землю, въ милости безмѣрный,
И погуби мя адскими аверны [3])!

---

[1]) Юшинскій въ «Dykcionarz poetów polskich» (II, 283) указываетъ на три польскія изданія Дафны: 1638, 1661 и 1702 годовъ, и прибавляетъ, что она переведена съ итальянской драмы Іеремія Пасхати «Paschali»; Войцицкій въ «Teatr starożytny w Polsce» (II, 51) помѣстилъ программу оперы этого содержанія.

[2]) Этотъ монологъ во второмъ спискѣ вовсе пропущенъ, также какъ и предшествовавшій ему, произносимый Дафною.

[3]) Avernus—адъ.

АПОЛЛО.

«Любезнѣйшая, буди безъ боязни:
Я твоей прошу вѣрныя пріязни.

ДАФНИСЪ.

«Удобѣе сухости предадутся рѣки,
Нежели моя пріязнь не будетъ во вѣки.

АПОЛЛО.

«Вижу, еже не могу мягкими словами
Приклонити тя къ себѣ всякими дарами,
То уже инымъ путемъ пойду я съ тобою,
И склоненна будеши конечно ты мною.

ДАФНИСЪ.

«Аще ты тако нагло наступаешь,
То имѣти мя отнюдь да нечаешь.

АПОЛЛО.

«Склоню невольно тя подъ мои руки
Да не буду такъ страдати сея муки....»

Съ стр. 190 помянутаго сборника помѣщенъ переводъ пятаго дѣйствія Донъ-Жуана. Эта пьеса, пользующаяся такою огромною извѣстностью, написана въ первый разъ въ Испаніи монахомъ и докторомъ богословіи, Габріелемъ Телецомъ (Gabriel Telez), который подъ комедіями своими подписывался Тирсо-де-Молина (Tirso de Molina; умеръ 1648 г.). Она носитъ названіе «Burlador de Sevilla y convidado de piedra» и служила впослѣдствіи образцомъ и подражаніемъ для тысячи театральныхъ произведеній во всей Европѣ. До сихъ поръ въ Севильѣ сохранилось преданіе о Донъ-Жуанѣ и его семействѣ Тенорio, а по улицамъ продаютъ листки, гдѣ напечатаны въ формѣ романса приключенія этого знаменитаго любителя женскаго пола [1]).

Уже въ 1620 г., итальянскій театръ имѣлъ Донъ-Жуана въ переводѣ. Во Франціи были три пьесы этого же содержанія подъ безсмысленнымъ названіемъ «Le festin de Pierre»—1659, 1661 и 1665 г. На испанскомъ театрѣ до сихъ поръ удержался Донъ-Жуанъ, но не въ пьесѣ Молины, а въ позднѣйшей передѣлкѣ ея писателемъ Замора (Zamora), подъ названіемъ «Convidado de piedra.» Французская передѣлка 1665 г. замѣчательна тѣмъ, что надъ нею трудился Мольеръ. Въ итальянскомъ подражаніи, болѣе близкомъ къ испанскому подлиннику, Донъ-Жуанъ дерется съ старымъ коммандоромъ и потомъ садится на корабль, чтобы скрыться отъ мщенія короля. Буря заноситъ его на сосѣдній берегъ, гдѣ онъ продолжаетъ свои побѣды

[1]) Geschichte der dramatischen Literatur in Spanien, von Schak II, 592.

надъ женскимъ поломъ до тѣхъ поръ, пока къ нему не является статуя коммандора и не приглашаетъ его къ себѣ въ гости. Донъ-Жуанъ принимаетъ приглашеніе, входитъ въ могильный склепъ, гдѣ назначено было свиданіе, и тамъ проваливается. Въ испанской пьесѣ, Донъ-Жуанъ, видя неизбѣжную гибель, зоветъ на помощь священника для исповѣди. У Мольера пятый актъ заключаетъ въ себѣ разговоры Донъ Жуана съ отцомъ, гдѣ первый притворяется раскаявающимся. Сганарелль, какъ ни знаетъ хорошо своего господина, однако обманывается, думая что тотъ дѣйствительно раскаивается. Скоро Донъ-Жуанъ разувѣряетъ слугу, произнося монологъ, который можетъ считаться верхомъ совершенства (Il n'y a point de honte à cela: l'hypocrisie est un vice à la mode и т. д.). За тѣмъ приходитъ братъ жены Донъ-Жуана, Донъ Карлосъ, и вызываетъ его на дуэль. Потомъ является привидѣніе въ видѣ женщины, которая послѣ принимаетъ видъ Времени съ косою въ рукахъ. Наконецъ, статуя коммандора и Донъ-Жуанъ проваливаются, а Сганарелль кричитъ: mes gages, mes gages!...

Русскій переводъ пятаго дѣйствія Донъ-Жуана сдѣланъ кажется съ польскаго (названіе: Донъ-Янъ), въ который, какъ видно, пьеса перешла съ французскихъ, или итальянскихъ передѣлокъ [1]).

Донъ-Жуанъ на русскомъ языкѣ во времена Петра Великаго — есть явленіе довольно любопытное для исторіи нашей драматической литературы, а потому предлагаемъ здѣсь читателю весь отрывокъ, какъ онъ сохранился въ рукописи. Замѣтимъ, что сборникъ Публичной библіотеки, которымъ мы пользовались, составленъ изъ пьесъ, написанныхъ разными почерками. Донъ-Жуанъ переписанъ старинымъ, который могъ быть въ употребленіи не ранѣе начала XVIII вѣка: надъ словами сохранены титлы и ударенія; по очертанію, буквы имѣютъ сходство съ тѣми, которыя находимъ въ рукописяхъ XVII вѣка, наконецъ «дѣйство и сѣни» обозначены славянскими буквами, а не цифрами.

Дѣйство 5, сѣнь 1.

ДОНЬЯНЪ, ѲИЛИППИНЪ.

ДОНЬЯНЪ.

Готоволь кушанье?

ѲИЛИППИНЪ.

Все уже на столѣ стоитъ.

---

[1]) Въ «Hist. du théâtre fr. par Parfait» (VIII, 255—264) разсказано содержаніе стихотворнаго перевода Донъ-Жуана, подъ названіемъ: Le festin de Pierre ou le fils criminel, tragi-comedie, traduite de l'italien en français, par M. de Villiers (1659 г.): пятый актъ въ русскомъ переводѣ, здѣсь помѣщенномъ, одинаковъ, по содержанію, съ французскимъ.

ДОНЬЯНЪ.

Мужикъ принесъ ли репское изъ города?

ѲИЛИППИНЪ.

Принесъ.

ДОНЬЯНЪ.

Чаешь ли, Филиппине, духу тому быти?

ѲИЛИППИНЪ.

Несумняюся, онъ бо обѣщался.

ДОНЬЯНЪ.

И я ево дождуся. А тебѣ, Ѳилиппине, за столомъ служить.

ѲИЛИППИНЪ.

Я радъ то чинить.

ДОНЬЯНЪ.

Что хощешь?

ѲИЛИППИНЪ.

Радъ бы я.

ДОНЬЯНЪ.

Чего хощешь?

ѲИЛИППИНЪ.

Хочетца мнѣ, чтобъ я съ жирной кусокъ съѣлъ, покамѣсть духъ не бывалъ.

ДОНЬЯНЪ.

Ты не стыдливой звѣрь! какъ тебѣ прежде гостя ѣсть, а гость еще не бывалъ?

ѲИЛИППИНЪ.

Для чего не ѣсть? Когда бо пріѣдетъ гость твой, то минетъ наша ѣда, и лучше я смертію умру, неже послѣ гостя твоего что ѣсть.

ДОНЬЯНЪ.

Или у тебя такая великая охота къ .....?

ѲИЛИППИНЪ.

Такая охота, чтобъ я тебя съ кожею и съ волосами съѣлъ.

ДОНЬЯНЪ.

Поди же ѣсть и оставь гостю часть, чѣмъ ево накормить.

ѳилиппинъ.

Довольно искусно учиню, что я ничего не оставлю.

доньянъ.

Я посмотрю, какъ станешь ѣсть: сказывай мнѣ, ѳилиппине, каковъ господинъ нынѣ до тебя?

ѳилиппинъ.

Лутче его на свѣтѣ нѣтъ.

доньянъ.

Если бы я въ страху былъ, чтобъ ты сдѣлалъ?

ѳилиппинъ.

И самъ того не вѣдаю, чтобъ тебѣ сдѣлалъ.

доньянъ.

Чтобъ ты сотворилъ?

ѳилиппинъ.

Я бы за тебя умеръ, только бъ живъ остался.

(Духъ Донъ-Педра стучится.)

доньянъ.

Ѳилиппинъ, нѣкто стучится.

ѳилиппинъ.

Я никого не слышу.

(Въ другой разъ стучится.)

доньянъ.

Возми свѣчю и отвори двери.

ѳилиппинъ.

Господине, поди самъ, я отъ страха ходить не умѣю.

доньянъ.

Ты прямая боязливая кошка, я самъ пойду и дверь отворю.

Сѣнь 2.

Духъ Донъ-Педра.

доньянъ.

Здравствуй и пріятно пришествіе твое, Доно-Педро!

ДОНЪ-ПЕДРО.

Видиши, Доньянъ, что я по обѣщанію къ тебѣ въгости пришелъ: не опасайся меня, я тебѣ никакова зла неучиню.

ДОНЬЯНЪ.

Не боялся я тебя въ животѣ твоемъ, паипаче тебя мертваго боятся не стану. Филиппине, дай стулья.

ФИЛИППИНЪ.

Тотчасъ, господине!

ДОНЬЯНЪ.

Садися, Донъ-Педро, и кушай то, что я вскорѣ могъ добыть.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Не требую земнаго подчиванья, но токмо сюда пришелъ посмотрѣть, хощешь ли ты отъ своихъ хулныхъ и порочныхъ дѣлъ отстать, не довольно ли небесную милость принявъ, узнать, или достоинъ еси въ пучину адову ввержень быти? Сего ради берегися—давно уже время!

ДОНЬЯНЪ.

Если хощешь наказывать, то пойди къ твоему гробу, мы здѣсь сошлися веселитися. Слушай, Филиппине, дай рюмку ренскаго!

ФИЛИППИНЪ.

Господине, готова есть.

ДОНЬЯНЪ.

Добре наполнена есть.

ФИЛИППИНЪ.

Мнѣ не черезъ мѣру наполнена (выпьетъ и паки нальетъ.)

ДОНЬЯНЪ.

То мало есть.

ФИЛИППИНЪ.

И мнѣ мало. (Паки выпьетъ и знова нальетъ.)

ДОНЬЯНЪ.

Теперь въ пору.

ФИЛИППИНЪ.

И мнѣ въ пору.

ДОНЬЯНЪ.

Донъ-Педро до тебя пью, про здоровье дочери твоей, которую я отвѣдалъ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Увы!

ѲИЛИППИНЪ.

О господине, какимъ страшнымъ лицемъ онъ на тебя глядитъ!

ДОНЬЯНЪ.

Будетъ иного ничего, токмо вздыхать умѣешь, и ты пропади, оселъ!

ѲИЛИППИНЪ.

Правду говоришь, господине, пусть къ хрѣну пойдетъ: тѣ малыя крохи и безъ него съѣдимъ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Несчастнѣйшій всѣхъ рабовъ, понеже ты слѣпъ по стопамъ господина твоего идеши.

ѲИЛИППИНЪ.

Любимая скотина, часто я господину своему говорилъ, но не хощетъ меня слушать.

ДОНЬЯНЪ.

Буди веселъ, Донъ-Педро, яко азъ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Понеже ты смѣлъ былъ меня въ гости звать, то и я тебя зову у моей могилы. Надѣюся, что придешь?

ДОНЬЯНЪ.

Неотлучуся, но въ которое время?

ДОНЪ-ПЕДРО.

Въ сію полночь, на моемъ гробу.

ДОНЬЯНЪ.

Добро, конечно буду. Ѳилиппинъ собери все, уготовлюся къ Донъ-Педру въ гости итти.

Сѣнь 3.

КРЕСТЬЯНИНЪ, ѲИЛИППИНЪ, КРЕСТЬЯНКА, И НЕВѢСТА.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Ѳилиппинъ, не вскорѣль господинъ твой спать пойдетъ? не вѣдаешь, что и мы на свадьбу дочери нашей званы?

ѳилипинъ.

Добрѣ вѣдаю. Поѣдимъ прежде немного, потанцуемъ, и потомъ спать пойдемъ.

(Мужики сѣли ѣсть и бражничать, и танцуютъ.)

Сѣнь 4.

ДОНЬЯНЪ, пришедъ къ нимъ, восхитъ невѣсту и побѣжалъ, отецъ и мать за нимъ гонютъ.

ѳилипинъ.

Мой господинъ, знатно вовсе збѣсился: не щадитъ бо онъ крестьянскую дочь! Лучше мнѣ спать идти.

Сѣнь 5.

ДОНЬЯНЪ И ѳИЛИПИНЪ.

ДОНЬЯНЪ.

Ѳилипине, не чаялъ я, что деревенскія дѣвки тако пріятны и прохладны! Но время приходитъ духу того посѣтить.

ѳилипинъ.

Прости, мой господине, не имѣю туда охоты.

ДОНЬЯНЪ.

Добро, добро, я тебѣ охоту сдѣлаю. Еще у тебя спрашиваю, идешь ли со мною?

ѳилипинъ.

Господине, лучше желаю отъ тебя отпускъ.

ДОНЬЯНЪ.

Дамъ тебѣ отпускъ (вынимаетъ шпагу).

ѳилипинъ.

Постои, постои. Радъ съ тобой иттить. Увы, мнѣ бѣдному, до чего я пришелъ!

ДОНЬЯНЪ.

Пойди и стучися.

(Задняя завѣса открывается и гробъ Донъ-Педро является.)

Сѣнь 6.

ДОНЪ-ПЕДРО, ДОНЬЯНЪ И ѳИЛИПИНЪ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Не стукайся, я уже здѣсь готовъ тебя принять. Садися.

ДОНЬЯНЪ.

Сяду, но чѣмъ будешь меня подчивать?

ДОНЪ-ПЕДРО.

Догадывай, что я изготовилъ такова пріятнаго гостя подчивать?

ДОНЬЯНЪ.

Что за ѣства можетъ быть, что вы мертвыхъ духовъ подчиваете, а намъ человѣкомъ негодны.

ДОНЪ-ПЕДРО.

И для того они неизготовлены, дабы желудокъ наполнить, но токмо будто зеркало показать адскихъ вѣчныхъ мукъ. Сего ради покайся ты, окаянный человѣче, небо устало на злодѣйство твое долѣ смотрѣть!

ДОНЬЯНЪ.

Оставь такія рѣчи. Не спрашиваю я ни неба, ни ада, ни дьявола, ни матери его! Я пойду паки своимъ путемъ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Добро, когда тебѣ никакое ученіе неугодно, и ты прими мзду, которая тебѣ изготовлена.

(Оба выходятъ.)

ѲИЛИППИНЪ.

То было изрядное путешествіе, знатно невидимо пойдутъ на доброе мѣсто! Добро мнѣ, что я тако освободился. Лучше мнѣ жениться и со всѣми людми въ дружбѣ пожить. Кто ударитъ меня по щекѣ, то я ему подставлю и другую, а буде онъ меня ударитъ по другой, я подамъ и третью. Буде кто къ женѣ моей приближится, то я ихъ заключу въ комнату и не выпущу, пока онъ мнѣ двѣ гривны за мое терпѣніе заплатитъ. А буде кто пойдетъ по правую руку, то потерплю: написано бо въ моей богословле — рукѣ дураки тебѣ по правую сторону пойдутъ. Конечно тако учиню, и со всѣми миръ держати буду.»

Въ рукописи Публичной библіотеки (F, XIV, 9) есть также переводъ мольеровскаго Амфитріона; на переплетѣ ея написанъ 1755 г., (какъ и на многихъ рукописяхъ, поступившихъ къ графу Толстому изъ библіотеки князя Дмитрія Михайловича Голицына), но вѣроятно пьеса переведена ранѣе; дѣйствія и явленія перемѣчены славянскими цифрами; первыя называются «частями», а вторыя «объявленіями»; сохранены титлы и ударенія. Какъ образчикъ переводовъ той эпохи съ французскаго на русскій, выписываемъ отрывокъ изъ 2 явленія 1 дѣйствія.

АЛКМЕНА.

«Пойдемъ для моего мужа, Клеантисъ, къ богамъ имъ свой поклонъ принести, и имъ благодареніе воздати для счастливаго случая, что Теба градъ отъ его руки приняла. Ахъ, боже!

АНФИТРІОНЪ.

«Еще небо попустило, что Анфитріонъ, побѣдитель своихъ супостатовъ, съ радостію паки видѣть можетъ свою жену и чтобъ сей день пріятенъ любви моей, тебя паки мнѣ вручилъ съ тѣмъ же сердцемъ, съ которымъ оставилъ, и чтобъ я могъ обрѣсти у тебя столько же любовнаго огня, сколь я желаю.

АЛКМЕНА.

«Чего ради толь скоро назадъ возвратился?

АНФИТРІОНЪ.

«Во истину въ сей день ты мнѣ подаешь отъ своей любви гораздо худые знаки и что сіе есть и чего ради толь скоро назадъ возвратился? И сердце, любовію объятое, нестанетъ вѣкъ такихъ словъ говорити. И я думалъ по себѣ и по своей любви, что я зѣло долго отъ тебя отлученъ былъ, и того ради спѣшился, и всѣмъ сердцемъ желалъ паки тебя видѣти. Всякое время мнѣ зѣло долго показалось и отлученіе отъ того, что любимъ, какъ мало оно ни есть, всегда очень долго бываетъ.

АЛКМЕНА.

«Я не вижу.

АНФИТРІОНЪ.

«Нѣтъ, Алкмена, по твоему нетерпѣнію мочно вѣдать, какъ ты пору мѣрила, и ты являешь часы нашего разлученія, яко тѣ, которые безъ любве пребываютъ, когда такъ кто любитъ, яко доведется послѣднее разлученіе, къ смерти ихъ приводитъ. И кого мы любимъ зракомъ, невозможно тому очень скоро пріидти. И я повинюся, что, тебя ради, моя любовная душа жалуется, и я ожидалъ отъ твоего сердца гораздо иной радости, нежели ты мнѣ подаешь...»

ALCMÈNE, sans voir AMPHITRYON.

«Allons pour mon époux, Cléanthis, vers les dieux,
Nous acquitter de nos hommages.
Et les remercier des succès glorieux
Dont Thèbes, par son bras, goûte les avantages,
(apercevant Amphitryon)
O Dieux!

AMPHITRYON.

«Fasse le ciel qu' Amphitryon vainqueur
Avec plaisir soit revu de sa femme!
Et que ce jour favorable à ma flamme,
Vous redonne à mes yeux avec le même coeur!
Que j'y retrouve autant d'ardeur
Que vous en rapporte mon âme.

ALCMÈNE.

«Quoi! de retour sitôt?

AMPHITRYON.

Certes, c'est en ce jour
Me donner de vos feux un mauvais témoignage;
Et ce «quoi sitôt de retour»
En ces occasions n'est guère le langage
D'un coeur bien enflammé d'amour.
J'osais me flatter en moi même
Que loin de vous j'aurai trop demeuré;
L'attente d'un retour ardemment désiré
Donne à tous les instants une longueur, extrême
Et l'absence de ce qu'on aime,
Quelque peu qu'elle dure, a toujour trop duré.

ALCMÈNE.

«Je ne vois....

AMPHITRYON.

«Non, Alcmène, à son impatience
On mesure le temps en de pareils états;
Et vous comptez les moments de l'absence
En personne qui n'aime pas.
Lorsque l'on aime comme il faut
Le moindre éloignement nous tue;
Et ce dont on chérit la vue
Ne revient jamais assez tôt.
De votre accueil, je le confesse,
Se plaint ici mon amoureuse ardeur;
Et j'attendais de votre coeur
D'autres transports de joie et de tendresse....»

Извѣстно, что Мольеръ заимствовалъ Амфитріона изъ Плавта, но такъ, что съ помощію нѣкоторыхъ намековъ и стиховъ заставилъ думать современниковъ, что подъ Юпитеромъ, полюбившимъ жену Амфитріона и принявшимъ на нѣкоторое время видъ мужа ея, надобно видѣть Людовика XIV, а въ Амфитріонѣ одного изъ придворныхъ, который долженъ былъ терпѣть то, чему помѣшать былъ не въ силахъ.

Въ кабинетныхъ бумагахъ Петра Великаго за 1708 годъ (II, № 8, л. 1021 и слѣд.) сохранился отрывокъ одной театральной пьесы, написанной съ сохраненіемъ польскаго выговора, подъ страннымъ заглавіемъ «Драгыя смѣянныя». Прочитавъ этотъ отрывокъ, наконецъ догадываешься, что онъ заключаетъ въ себѣ переводъ извѣстной своимъ неподдѣльнымъ юморомъ, своими меткими выходками комедіи Мольера Les précieuses ridicules. Русскій переводъ ниже всякой посредственности, но любопытенъ по лицу, его сдѣлавшему. При дворѣ Петра Великаго, между разными шутами, процвѣталъ одинъ полякъ, носившій титулъ короля самоѣдскаго [1]). Во время разъѣздовъ царя, пожалованный имъ король писалъ къ нему грамоты, въ родѣ слѣдующей: «Король самоѣдскій до государа московскаго. Азъ есмь на путы и болѣю сердцемъ зѣло, что обрѣтаю сыщевыя утысненія и стражду за подорожною, данною мнѣ отъ менестровъ рады лошадей почтовыхъ или ямскихъ. Я имѣлъ два боя противъ вашихъ подданныхъ вышневолочскыхъ и хотыловскыхъ. Прыдохъ ли я спротывлятыся протыву вашыхъ россыйскихъ народовъ? Нѣ! Но протыво шведовъ цары носятъ напбольшые мечы—и я есмь король, помощію вашему велычеству. Азъ же упрошаю ваше велычество, да не умру гладомъ на вашихъ наипустѣйшыхъ пустыняхъ того рады, что когда умру, тогда не возмогу жадной службы воздати вашему велычеству. Сего ради упрошаю вашыя власты, дабы послалъ едынаго отъ своихъ,

---

[1]) Веберъ разсказываетъ, что самоѣдскимъ королемъ былъ полякъ, получавшій ежемѣсячно, кромѣ пищи и питья, по десяти рублей, и жившій постоянно въ Петербургѣ, такъ какъ исполнялъ въ тоже время и должность шута. Онъ умеръ 1 декабря 1714 г. и похороненъ въ католической церкви со многими церемоніями. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, онъ былъ коронованъ въ Москвѣ, при чемъ нарочно вызванные 24 самоѣда прибыли туда со множествомъ оленей и присягали ему въ вѣрности. (Das veränd. Russland I, 20, 29). Однажды этому шуту вздумалось просить у царя руки вдовы Лефорта и онъ писалъ: «Его царскому величеству.

Государь Великій генералъ Лафортъ по указомъ, ему даномъ отъ смерта,
Поѣхавъ въ дальную страну, на пространный лугъ цесаря кесаря навѣстити
Идѣ же сей богатырь гуляетъ, и отъ всего отставши ни о чемъ не думаетъ.
И хотя Лафортовы богатства и маетности, данныя ему чрезъ ваше величество, день и ночь о мнѣ вздыхаютъ.
И дабы быть мужемъ его прекрасной жены зѣло желаютъ.
Однакожъ говорю, что ежели царское величество не изволитъ, я ничего не учиню, и реченное желаніе не возлюблю. Чтожъ, государь, чинить? Самоѣдскій король.»

изнашолъ бы мене на пустыни умырающаго отъ гладу безъ хлѣба и безъ денегъ».

Между подобными-то письмами и одною рукою написанъ названный выше отрывокъ, съ заглавіемъ на первой страницѣ «Комедія французская, презентованная предъ королемъ самоѣдскимъ», а на второй «Драгыя смѣяныя». За тѣмъ слѣдуетъ описаніе сцены, которой вовсе нѣтъ у Мольера, а именно:

«Театрумъ долженствуетъ быть жывописанъ и украшенъ цвѣтами багряновыдными, коропамы, лукамы и всѣмъ строеныемъ трыумфальнымъ града Парыжы окружающы грады и весы. Музыка долженствуетъ быты добрая сладкослушателная, сладковыдна же пляcаніемъ двоихъ дѣвыцъ, пришедшыхъ зъ инпыхъ странъ, подобающеся всѣмъ народомъ окрестъ стоящымъ».

Чтобы имѣть понятіе о переводѣ, выписываемъ отрывки изъ него и французскаго подлинника.

Явленіе 4.

Магдалына, Катосъ, Горжыбусъ.

Горжыбусъ. Есть нужно даты такъ великыя деньги за вашы лица изрядныя. Скажыте мнѣ нѣчто мало, что содѣлалысте сымъ господамъ, которыхъ азъ вамъ показовахъ и которыхъ выжду выходящихъ зъ моего двора зъ такъ великымъ встыдомъ. Не повелѣвалъ ли вамъ ихъ прыяти, аки людей разсудныхъ и которыхъ вамъ хотѣхъ дать въ мужей?

Магдалына. И какую цѣну, мой отче, можемъ имѣты для ныхъ; что возможемъ содѣлаты съ тыми глупыми людми, которые имѣютъ манеры, сыце деревенскыя?

Катосъ. Что такое, то мой дѣдушка, како едына дщерь, трохы благоразумнѣйшая, могла прылѣпитыся къ тымъ лыцамъ?

Горжыбусъ. Что обрѣтаете ко протывоглаголанью?

Магдалына. Какая изрядная галантерыя ихъ, что за разъ глаголютъ о брацѣ того рады, что есмы богаты!

Горжибусъ. Какого разговору хощете да имутъ купно зъ вами: требусте лы, да глаголятъ о похоты. Не есть ли вещь сыце изрядная, которую

Scène V.

Madelon, Cathos, Gorgibus.

Gorgibus. Il est bien nécessaire, vraiment, de faire tant de dépense pour vous graisser le museau! Dites moi un peu ce que vous avez fait à ces messieurs, que je les vois sortir avec tant de froideur? Vous avois-je commandé de les recevoir comme des personnes que je voulois vous donner pour maris?

Madelon. Et quelle estime, mon père, voulez vous que nous fassions du procédé irrégulier de ces gens-là?

Cathos. Le moyen, mon oncle, qu'une fille un peu raisonnable se pût accomoder de leur personnes?

Gorgibus. Et qu'y trouvez vous à redire?

Madelon. La belle galanterie que la leur! Quoi! débuter d'abord par le mariage?

Gorgibus. Et par où veux tu donc qu'ils débutent? par le concubinage? N'est-ce pas un procédé dont vous avez sujet de vous louer toutes deux aussi

должеиствуете восхваляты, якоже азъ тое заслугуе съ прыданыя многая и той соузъ святый, до котораго оные желаютъ, не естъ ли свыдѣтельство чисто намѣреный своихъ?

bien que moi? Est-il rien de plus obligeant que cela? Et ce lien sacré où ils aspirent, n'est il pas un témoignage de l'honnêteté de leur intentions?

Магдалына. О, отче мой, что глаголешъ, естъ зѣло по просту: встыжду ся тя, слыша сыце глаголющаго, и ты долженствовалъ бы лучше умѣты изрядное художество любленые!

Madelon. Ah, mon père, ce que vous dites là est du dernier bourgeois. Cela me fait honte de vous ouïr parler de la sorte, et vous devriez un peu vous faire apprendre le bel air des choses.

Весь переводъ сдѣланъ въ этомъ родѣ. Есть и прибавленія собственнаго изобрѣтенія переводчика. Такъ, онъ придумалъ разбить одноактную комедію на дѣйствія и второе дополнено такимъ вступленіемъ: «Дѣйствіе 2 дражайшаго потѣщенія, комедія содѣланъ на въ Новѣградѣ предъ королемъ самоѣдскимъ. Театрумъ есть украшенъное рѣками, островами, градами и цвѣтами удовольственно. Нептунъ со всѣмъ своимъ дворомъ и со нимфами, т. е. дщерями морскими, и со прочіими своими богыне скачуще и веселящеся купно съ богомъ вторымъ морскымъ Трытономъ и поюще мыротворенія со музыканты: солнце не можетъ свѣтло намъ зъявитись, ниже жылыща наша просвѣтити, рады водъ глыбокихъ, къ намъ не прыходитъ, але лучь своихъ намъ не прыноситъ, но любовь крѣпость сыцеву имѣетъ, что прямо къ сердцу входити смѣетъ. Добрый хоръ мусикійскій повторяетъ оное пѣные сладко слушательно всѣмъ предстоящымъ со танцами»...

XV.

Связь литературныхъ произведеній петровскихъ временъ съ новою русскою литературою. Оеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель, выразившій въ своихъ трудахъ стремленія, которыя вызваны въ Россіи реформою Петра. Отношенія Прокоповича къ Антіоху Кантемиру и Ломоносову. Представители отсталости и застоя въ русской жизни—первые враги Прокоповича. Литературные доносы. Ученая полемика, кончавшаяся застѣнкомъ тайной канцелярін.

Въ настоящей главѣ, полагаемъ неизлишнимъ обратить вниманіе на вопросъ: имѣютъ ли русскія литературныя произведенія начала XVIII столѣтія отношеніе къ тому періоду нашей литературы, который начинаютъ обыкновенно въ нашихъ учебникахъ съ Ломоносова; другими словами: какое можетъ имѣть значеніе изученіе литературныхъ памятниковъ петровскихъ временъ въ связи съ исторіею новой русской литературы?

Въ первой главѣ было уже указано, что умственная дѣятельность въ Россіи начала XVIII столѣтія хотя во многомъ зависѣла отъ воли Пет-

ра, однако не въ состояніи была разорвать своей связи съ кіевскою ученостью—этимъ наслѣдіемъ польскихъ школъ, гдѣ господствовали католическіе монахи. Вліяніе кіевской учености на Москву подтверждаетъ ту, знакомую каждому занимающемуся исторіею, аксіому, что ни одно историческое событіе въ жизни народа — касается ли оно матеріальной или духовной стороны ея—не проходитъ, не оставляя слѣда въ позднѣйшихъ событіяхъ.

Кромѣ однако вліянія малорусско-польскаго, русское просвѣщеніе расматриваемой эпохи должно было принять въ себя элементы европейской цивилизаціи. Вліяніе послѣдней могло выразиться у насъ тѣмъ, что исключительно религіозный характеръ нашей старинной учености, отражавшійся въ каждомъ сочиненіи, изданномъ или написанномъ до Петра и даже при немъ, но авторами изъ прежняго поколѣнія книжниковъ, необходимо долженствовалъ уступить мѣсто тому направленію, которое всё болѣе-и-болѣе усиливалось въ Европѣ послѣ реформаціи, и имѣло въ основаніи практическое примѣненіе на пользу человѣка результатовъ, добытыхъ наукою.

Кто близко всматривался въ старинную русскую жизнь до Петра, тотъ не можетъ не сознаться, что проникновеніе въ нее западнаго вліянія началось у насъ до конца XVII столѣія; но это дѣлалось по бо́льшей части случайно, какъ-бы не взначай и втихомолку. Въ Россіи при Петрѣ, европейская цивилизація не только получаетъ свободный доступъ, но водвореніе ея въ русскую жизнь становится обязательнымъ въ силу понудительныхъ мѣръ, указовъ, постановленій, исходившихъ отъ правительства, незнавшаго предѣловъ своей власти. Реформа Петра состояла не только въ введеніи западной образованности, которая съумѣла проникать въ Россію и до него, но и въ принятіи рѣшительныхъ мѣръ къ распространенію ея. Дѣйствія царя не могли ограничиваться только одними заботами заимствовать то или другое съ Запада: на первыхъ порахъ, необходимо также являлось отрицаніе прошедшаго и преслѣдованіе въ настоящемъ всего того, что̀ мѣшало и преграждало новому направленію. Вотъ, почему въ началѣ XVIII столѣтія во многихъ изъ русскихъ произведеній встрѣчается такъ много прямыхъ и косвенныхъ нападеній противъ пользовавшагося до того неограниченнымъ авторитетомъ и вотъ причина возникновенія въ нашей литературѣ такъ называемаго обличительнаго направленія. Оно было и есть у насъ не что нибудь случайное, но вынужденное самыми историческими обстоятельствами и условіями, подъ которыми развивалась и развивается русская жизнь.

Въ новой русской исторіи останавливаютъ на себѣ вниманіе особенно тѣ моменты, когда или по волѣ и побужденію главы правительства (при Петрѣ, въ первые годы царствованій Екатерины II и Александра I), или вслѣдствіе вліянія событій на Западѣ, пробужда-

лось сознаніе въ необходимости измѣненія стараго, державшагося только по принужденію, чисто изъ личныхъ разсчетовъ меньшинства.

Если бы такое сознаніе поддерживалось въ массахъ постоянно, когда бы народъ постепенно подготовлялся къ принятію новыхъ началъ и устраненію всего отжившаго, то, само собою разумѣется, не было бы въ нашей исторіи моментовъ перемежающихся, какъ лихорадочные припадки. При задержкѣ естественнаго, врожденнаго человѣку стремленія къ улучшенію, все старое, хотя бы и сдѣлавшееся уже анахронизмомъ, остается господствующимъ и нестерпимымъ; при малѣйшей же возможности избавиться отъ него, пробуждается потребность отстранить все отжившее, что̀ на первыхъ порахъ выражается протестомъ противъ настоящаго, такъ какъ въ немъ продолжается, наперекоръ требованіямъ времени, обветшалое прошедшее.

Въ нашей литературѣ нѣтъ міровыхъ писателей, въ нее медленнѣе проникаютъ начала, вырабатывающіяся у другихъ народовъ, наконецъ самый кругъ дѣятельности ея испоконъ вѣка ограниченъ тѣсными предѣлами, тѣмъ не менѣе однако ей предоставлена значительная доля въ исторіи развитія русской жизни уже по тому только, что начиная съ петровскихъ временъ не проходило ни одного замѣчательнаго момента проявленія стремленій къ улучшеніямъ безъ того, чтобы онъ не находилъ отголоска въ литературныхъ произведеніяхъ, разумѣется на столько, на сколько то дозволяло постороннее, насильственное вліяніе.

Послѣдствія петровской реформы въ умственной дѣятельности Россіи, т. е. обращеніе отъ религіозныхъ интересовъ къ человѣческимъ и обличительное направленіе противъ всего отжившаго, нашли себѣ блистательнаго защитника и истолкователя въ лицѣ Ѳеофана Прокоповича.

Какими судьбами духовное лицо, архіепископъ, писавшій проповѣди и трактаты о церковныхъ дѣлахъ, можетъ имѣть значеніе въ исторіи нашей свѣтской литературы? Вопросъ этотъ разъясняется тѣми особенностями, которыми отличается жизнь дѣйствительно только одного русскаго народа. Не подлежитъ сомнѣнію, что тотъ писатель можетъ имѣть вліяніе на современниковъ и остается въ памяти потомства, который, кромѣ врожденнаго дарованія и геніальности, владѣетъ многосторонним образованіемъ, безъ котораго невозможно быть самостоятельнымъ и понимать требованія вѣка. У насъ, при безграмотности массъ, духовенство (малороссійское) имѣло еще возможность и даже право учиться въ заграничныхъ школахъ, получать — слѣдовательно — обширное образованіе. Прокоповичъ воспользовался этимъ, и не даромъ считался ученѣйшимъ человѣкомъ между своими современниками. Направленіе, которымъ отличаются всѣ произведенія, достойныя упоминанія въ исторіи русской литературы послѣд-

нихъ двухъ вѣковъ, высказалось опредѣлительно и ясно въ произведеніяхъ Ѳеофана, хотя эти произведенія и относились, по формѣ своей, скорѣе къ духовной, нежели къ свѣтской литературѣ. Въ его время не было у насъ журналистики, не существовалъ обычай высказывать печатно мнѣнія о состояніи страны, администраціи и т. п. — однимъ словомъ, у Прокоповича не было тѣхъ средствъ, которыми пользуется писатель въ другихъ государствахъ. Отъ него требовали и ожидали словъ на торжественные случаи, ему приказывали сочинять уставы, онъ и исполнялъ все это, но такъ, что часто вмѣсто проповѣди выходилъ у него политическій памфлетъ, а изъ законодательнаго памятника — сатира. И это явленіе также историческое въ нашей литературѣ: оно повторяется и до нынѣ; въ доказательство напомнимъ только, что есть повѣсти и разсказы, въ которыхъ также неожиданно, какъ и въ проповѣдяхъ Прокоповича, встрѣчается то, что̀ было бы приличнѣе въ Gazette des tribunaux или другомъ юридическомъ журналѣ.

Ѳеофанъ, безспорно, принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ и наиболѣе выдающимся личностямъ русской исторіи первой половины XVIII столѣтія. Въ своей сферѣ это былъ такой же поваторъ, какъ и Петръ Великій въ сферѣ государственной. Превосходя всѣхъ современниковъ своего сословія умомъ, знаніями и дарованіями, Прокоповичъ, подобно Петру, не скрывалъ своего недовольства, переходившаго часто въ презрѣніе, ко всему, что̀ напоминало ему старое и что̀ становилось преградою для осуществленія его любимыхъ идей; подобно Петру, онъ также шелъ къ своей цѣли, не задумываясь надъ средствами, съ тѣмъ же неумолимымъ постоянствомъ и удивительною послѣдовательностью. Напрасно говорятъ, что Прокоповичъ являлся въ своихъ сочиненіяхъ обличителемъ и гонителемъ старыхъ порядковъ единственно изъ угожденія Петру: еще будучи безвѣстнымъ преподавателемъ философіи и богословія въ Кіевѣ, Ѳеофанъ читалъ лекціи, которыя потомъ враги его ославили опасными, говоря, что въ нихъ заключалось «новое» ученіе. Кромѣ того, Ѳеофанъ, не бывъ призванъ еще къ осуществленію разныхъ реформъ царя, не щадилъ въ своихъ насмѣшкахъ невѣжества, прикрытаго внѣшнимъ глубокомысліемъ, ханжества, лицемѣрія и проч. [1]). Конечно, Петръ Великій имѣлъ вліяніе на Прокоповича въ томъ отношеніи, что далъ ему возможность высказать многое такое, чего бы онъ не смѣлъ высказать въ тѣ времена, не имѣя сильной поддержки въ царѣ. Со смертью Петра, Прокоповичъ остался въ изолированномъ положеніи, и его многочисленные враги (они были у него съ первыхъ минутъ его возвышенія до самой кончины —

[1]) Въ одномъ письмѣ, когда онъ былъ еще ректоромъ кіевской академіи, Прокоповичъ писалъ: Quid dicam de popis et monachis? quid de nostratibus istis latinulis? qui — nihil est quod nesciant ad omnia respondere parati: respondent autem ita fidenter, adeo perfricta fronte, ut nolint cogitare quid dicant, vel ad nutum unicum supercilii.

какъ Ѳеофанъ самъ жалуется въ одномъ письмѣ 1736 года; въ этомъ же году онъ и умеръ) не преминули возобновить съ бо́льшею настойчивостью свои нападки на него, нападки, которыя могли имѣть важныя послѣдствія, потому что Ѳеофана обвиняли ни болѣе, ни менѣе, какъ въ неправославіи.

Прокоповичъ понялъ, что послѣ Петра настало такое время, когда ему уже не могли помочь ни его знанія, ни дарованія, и онъ кинулся въ дрязги интригъ и происковъ, которыми такъ богата наша исторія той эпохи. Должно сознаться, что онъ на этомъ поприщѣ представляется уже не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ являлся какъ сподвижникъ Петра, и въ настоящее время, многіе останавливаются на дѣятельности Ѳеофана этого рода и по ней только произносятъ строгій приговоръ ему. Мы далеки отъ того, чтобы писать апологіи кому бы то ни было, тѣмъ не менѣе однако долгъ справедливости требуетъ напомнить, что Прокоповичъ, послѣ 1725 г., жилъ въ такую эпоху, когда каждый мало-мальски значительный человѣкъ считалъ благоразуміемъ, въ видахъ собственнаго самосохраненія, слѣдовать правилу: губи другихъ, иначе эти другіе тебя погубятъ (что́ это непреувеличено, напомнимъ общеизвѣстныя записки современниковъ Манштейна, Миниха и особенно Шаховскаго).

Никто изъ обвинителей Прокоповича не взялъ на себя труда разсмотрѣть безпристрастно: кто были враги его? Главнѣйшее направленіе, которому слѣдовали эти враги, состояло въ требованіяхъ возврата къ старинѣ, къ прежнимъ распорядкамъ, которые необходимо долженствовали ограничить правительственную власть, увеличенную Петромъ послѣ уничтоженія патріаршества. Слѣдовательно, всякая попытка въ этомъ родѣ, и безъ вмѣшательства Прокоповича, почиталась преступленіемъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ, такъ что при Елизаветѣ, напримѣръ, когда уже Ѳеофана не было, а при дворѣ находилась въ силѣ чисто русская партія, на подобныя попытки (какъ представимъ разительный примѣръ ниже) смотрѣли точно такъ же.

Ѳеофанъ былъ сынъ бѣдныхъ людей [1]), и, послѣ смерти отца, первые годы дѣтства провелъ у строгой матери, жившей въ крайней нищетѣ. Съ малыхъ лѣтъ онъ былъ крѣпкаго сложенія, имѣлъ проницательный взглядъ, темпераментъ холерико-сангвиническій. Въ юности попалъ въ кіевскую академію, гдѣ скоро превзошелъ товарищей и сверстниковъ особеннымъ прилежаніемъ, отличною памятью, умомъ любезнымъ и элегантнымъ; за свой звонкій голосъ онъ былъ

---

[1]) Помѣщаемыя здѣсь извѣстія о Прокоповичѣ заимствованы изъ Scherer's Nordische Nebenstunden, гдѣ есть его біографія на латинскомъ языкѣ: «Vita Theophanis Prokopowitz.» Она во многомъ разнорѣчитъ съ показаніями въ словарѣ митр. Евгенія, но замѣчательна по нѣкоторымъ подробностямъ и по тому уваженію, которымъ проникнутъ авторъ къ памяти Ѳеофана.

регентомъ въ хорѣ; впрочемъ не предавался никакимъ другимъ развлеченіямъ.

Одаренный пылкимъ, рѣшительнымъ умомъ, онъ не довольствовался пріобрѣтенными въ Малороссіи знаніями и отправился учиться за границу. Сначала побывалъ во Львовѣ, потомъ въ Краковѣ, наконецъ—чрезъ Вѣну, славянскія земли, Тироль, Павію, Феррару, Бонону, Флоренцію и Пизу—достигнулъ отчизны наукъ и искусствъ, Рима. Здѣсь Ѳеофанъ вступилъ въ коллегіумъ св. Аѳанасія, нарочно учрежденный папою Григоріемъ XIII для грековъ и славянъ. Преподаваніе наукъ тамъ находилось въ рукахъ іезуитовъ, и они чрезвычайно полюбили Прокоповича за его склонность къ наукамъ и привлекательный характеръ; даже находили въ лицѣ и умѣ его сходство съ папою Урбаномъ VIII (извѣстнымъ своею ученостью и покровительствомъ наукамъ и искусствамъ (1623 — 1644 г.). Все это было причиною, что Ѳеофанъ получилъ свободный доступъ въ библіотеки и вообще пользовался предъ всѣми товарищами особеннымъ вниманіемъ іезуитовъ, которые не разъ дѣлали ему выгодныя предложенія, если бы онъ вступилъ въ ихъ семинарію или въ духовное званіе. Прокоповичъ ежедневно слушалъ лекціи философіи по Аристотелю и схоластическаго богословія; но онѣ ему не очень нравились: онъ болѣе прилежалъ къ изученію отцовъ греческой и римской Церквей и любилъ неподдѣльныя и неизувѣченныя красоты классическихъ писателей. Такимъ образомъ, по части краснорѣчія изучалъ Демосѳена, Цицерона, Квинтиліана; въ эпической поэзіи — Виргилія; въ элегической—Овидія; въ одахъ — Горація, Катулла, Сарбіевія; въ эпиграммахъ — Марціала; въ исторіи — Ливія, Светонія, Саллюстія, Тацита, изъ новѣйшихъ—Бембо Садолета, Аонія, Полеарія, Латина Латиніума и др. Въ то же время Ѳеофанъ внимательно осматривалъ древніе памятники, вникалъ въ папское правленіе духовное и свѣтское и, наконецъ, тщательно замѣчалъ все, происходившее при избраніи новаго папы Климента XI (въ 1700 г.). Такимъ образомъ, Прокоповичъ въ самой столицѣ католическаго міра собиралъ матеріалы для будущихъ своихъ нападеній на «папежскій,» какъ онъ говорилъ, «духъ»; и пропагандисты католики, надѣявшіеся имѣть вліяніе въ Россіи, съ горечью вспоминали, что Ѳеофанъ—обязанный своимъ классическимъ образованіемъ и огромною ученостью Риму — сдѣлался первымъ и опаснѣйшимъ антагонистомъ его. Возвратный путь въ Россію Прокоповичъ предпринялъ чрезъ Швейцарію, входилъ на Сенъ-Готардъ, испытывалъ всѣ возможныя лишенія въ странахъ, опустошенныхъ французскими и австрійскими войсками (въ войну за наслѣдство испанскимъ престоломъ), наконецъ въ 1702 году достигнулъ Малороссіи и вскорѣ затѣмъ вступилъ преподавателемъ въ кіевскую академію.

Прокоповичъ сдѣлался въ первый разъ извѣстнымъ царю въ Кіевѣ,

въ 1706 году: во время пребыванія тамъ Петра Великаго, имъ произнесено было въ церкви Св. Софіи привѣтственное слово царю на текстъ: «сынове Сіони возрадуются о царѣ своемъ». Это слово получаетъ особенное значеніе, когда вспомнить, какъ писались въ тѣ времена сочиненія подобнаго рода: наполненныя риторическими словопзвитіями, съ длинными сравненіями и уподобленіями, они обыкновенно не имѣли ни малѣйшаго отношенія къ дѣйствительности и были только крайнимъ выраженіемъ того схоластическаго метода, который такъ процвѣталъ въ тогдашнихъ нашихъ школахъ. Въ помянутомъ словѣ, Прокоповичъ сначала не могъ не заплатить дани современному вкусу и его приступъ написанъ по всѣмъ правиламъ школьной риторики; потомъ проповѣдникъ обращается къ историческимъ воспоминаніямъ, но не объ Александрѣ Македонскомъ, Цезарѣ или Траянѣ, что̀ еще допускалось и въ старинныхъ словахъ, а о событіяхъ и лицахъ, о которыхъ преданія сохранились въ самомъ Кіевѣ. «Во истинну, пресвѣтлый нашъ монархо, говорилъ Ѳеофанъ, горы сія, аще бы глаголати возмогли, хвалили бы ся предъ тобою древними вашими благочестія знаменіями. Гдѣ бо здѣ и ступити можеши, идѣ же бы не узрѣлъ еси родства твоего слѣдовъ? Мимо шелъ еси въ церковь Богородичну, Десятинную прозываемую: то зданіе есть благочестиваго и великаго князя, родоначальника твоего Владиміра и святаго его тѣлесе сокровище. Храмъ сей, въ немъ же стоиши, отъ Ярослава созданный есть и его тѣло погребенное въ себѣ кростъ. Пойдеши ли во обитель, во святую и чудотворную лавру печерскую? Тую созда великій князь Святославъ. Пойдеши ли въ монастырь Выдубицкій? Той воздвигнулъ великій князь Всеволодъ. Пойдеши въ церковь Св. Михаила архангела? Тую воздвиже Святополкъ и неоцѣненнымъ сокровищемъ, тѣломъ мученическимъ, обогати. Пойдеши въ домъ троицкій кириловскій? То зданіе княжны кіевской, королевы Польской Маріи Всеволодовны. Пойдеши на Вышъградъ? Тутъ Борисъ и Глѣбъ почиваютъ. Пойдеши во обитель Межигорскую? Ту иждивеніе велпкаго князя Боголюбскаго. Что подробну изчисляти дерзаю? Воззри на всѣ страны кіевскія: все то есть царскаго вашего благородія и пресловутыхъ его памятей, аки единая сосудовъ хранительница»... За тѣмъ идутъ похвалы царю, при чемъ Ѳеофанъ ловко напомнилъ о неслыханной до Петра простотѣ его въ образѣ жизни, въ одеждѣ; объ отвращеніи его къ пышности: «Обаче, пресвѣтлый монархо нашъ, множае удивляемся величеству твоему, видяще тя въ общей одеждѣ, нежели аще бы видѣнъ былъ еси въ царскомъ украшеніи: величество бо царское не въ порфирѣ свѣтлой, не въ златой діадимѣ зрится, но въ силѣ, крѣпости, мужествѣ, въ храбрыхъ и удивленія достойныхъ дѣлѣхъ.... Сія же азъ не къ похваленію твоему — не моей бо силы похвалы твои изчислятп, но къ явленію радости нашей воспомянухъ»...

Въ 1709 году, черезъ двѣ недѣли послѣ полтавской побѣды, Про-

коповичъ встрѣтилъ Петра въ Кіевѣ поздравительною рѣчью, которая по приказанію царя была тогда же напечатана на славянскомъ и латинскомъ языкахъ, вмѣстѣ съ русскими, польскими и латинскими стихами. Здѣсь описаны всѣ прежнія побѣды надъ шведами; приведено свидѣтельство Герберштейна, на котораго любилъ ссылаться Ѳеофанъ, о могуществѣ Россіи; говорится о силѣ непріятеля. При разсказѣ о полтавскомъ сраженіи не забыта и прострѣленная шляпа Петра, названная ораторомъ шлемомъ; далѣе сближеніе, что битва происходила въ день св. Самсона, который растерзалъ льва: «отъ ядущаго ядомое изыде и отъ крѣпкаго изыде сладкое». Это сближеніе вошло тогда въ моду и повторялось не разъ и другими современными писателями. Въ числѣ послѣдствій побѣды Ѳеофанъ ожидалъ уничтоженія уніи «проклятой».

Въ 1709 же году, Прокоповичъ произнесъ похвальное слово Меншикову, и съ той поры до 1716 года его труды не являлись въ печати. Въ этотъ промежутокъ времени, кромѣ преподаванія въ кіевской академіи философіи и математики, Ѳеофанъ сопровождалъ царя въ турецкій походъ 1711 года, окончившійся несчастливо для насъ на берегахъ Прута, и занимался сказываніемъ проповѣдей; подтвержденіемъ этому служитъ замѣтка въ походномъ журналѣ 1711 года, подъ 27 іюнемъ [1]): «при артиллеріи въ церкви (въ Молдавіи) служилъ ясскій митрополитъ и, по благодарственномъ молебнѣ, Прокоповичъ читалъ казанье, и была изъ пушекъ стрѣльба, потомъ и вся пѣхота бѣглымъ огнемъ стрѣляла»...

Петръ видимо благоволилъ къ Ѳеофану: въ 1716 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ. По пріѣздѣ туда, онъ не засталъ царя, который былъ за границей, и, въ ожиданіи его, произнесъ нѣсколько словъ, изъ которыхъ только одно чисто богословскаго содержанія (на Рождество Христово, 25 декабря 1716 г.); всѣ же прочія написаны на разныя политическія событія съ цѣлію уяснить, сдѣлать доступными для большинства намѣренія и виды царя. Едва Прокоповичъ прибылъ въ Петербургъ, какъ сторонники царевича Алексѣя были уже предупреждены противъ него. Учитель его Вяземскій, 2 ноября 1716 г., писалъ царевичу: «еще же доношу — Прокоповичъ сюда пріѣхалъ и сказываетъ здѣсь казанья, и велѣно ему вѣдать во Псковѣ, въ Нарвѣ въ Дерптѣ, въ Ревелѣ духовныя дѣла, только какъ неблагоденно съ нимъ обойдется [2]).

Въ 1718 году, начался судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ: извѣстно, что при томъ было открыто сочувствіе многихъ духовныхъ лицъ, даже изъ высокопоставленныхъ въ іерархіи (митрополиты: Стефанъ Яворскій, Іоасафъ Краковскій, епископъ Досифей

---

[1]) Походн. журн. 1711 г., изд. въ Спб. 1854 г., стр. 107—108.

[2]) Письма царевича Алексѣя, изд. Мурзакевичемъ, стр. 87.

и мн. др.). По этому именно поводу Прокоповичемъ было произнесено слово о власти и чести царской (6 апрѣля того года), въ которомъ доказывалось, что воля царская должна свято исполняться его подданными, при чемъ есть много намековъ на современниковъ. Такъ напр., говоря о непокоряющихся царю, Ѳеофанъ замѣчаетъ: «Что же первѣе речемъ? Суть нынѣшніе, были и древніе настоящему ученію противницы, которые не невѣжды себѣ мнятся быти, но богословствуютъ отъ писанія, да такъ, какъ то летаютъ прузи, животное окрылатѣлое, но что чревище великое, а крыльца малыя и не по мѣрѣ тѣла: вздоймется полетѣть, да тотчасъ и на землю падаетъ. Тако и они суще книгочіи, аки бы крылатые, покушаются богословствовати, аки бы летати, да за грубостью мозга буесловцами являются, не разумѣюще писанія, ни силы божія»... Приводятся примѣры изъ первыхъ вѣковъ христіанства о неповинующихся царю и потомъ: «И се о древнихъ продерзателяхъ: суть же и въ нынѣшнія времена опымъ послѣдующіе, яко же папа себѣ и клиръ свой отъ властей державныхъ изымающій, но и мечтающій данную себѣ власть даровати и отымати скипетры царскіе... Еще точію о нашихъ нѣкіихъ мудрецахъ нѣчто воспомянемъ: суть нѣціи (и далъ бы Богъ, дабы не были многіе), или тайнымъ бѣсомъ льстиміи, или меланхоліею помрачаемы, которые таковаго нѣкоего въ мысли своей имѣютъ урода, что все имъ грѣшно и скверно мнится быти, что либо увидятъ чудно, весело, велико и славно, аще и праведно, и правильно и не богопротивно; напримѣръ: лучше любятъ день непастливый, нежели ведро; лучше радуются вѣдомостьми скорбными, нежели добрыми; самого счастья не любятъ и не вѣмъ, какъ то о самихъ себѣ думаютъ, а о прочихъ такъ: «аще кого видятъ здрава и въ добромъ поведеніи — то, конечно, не святъ; хотѣли бы всѣмъ человѣкомъ быти злообразнымъ, горбатымъ, темнымъ, неблагополучнымъ, и развѣ въ таковомъ состояніи любили бы ихъ... Остается едино сумнительство, которое, аки терпъ, въ совѣсти можетъ быти: тое исторгнемъ вкратцѣ и окончаемъ слово. Помыслитъ бо кто, и многіе мыслятъ, что не вси весьма людіе симъ долженствомъ (повиновеніемъ властямъ) обязаны суть, но нѣкіи выключаются, именно же священство и монашество. Се терпъ — или паче рещи жало, но жало се змінно есть, папежскій се духъ, но не вѣмъ, какъ-то досягающій и касающійся насъ: священство бо иное дѣло, иный чинъ есть въ народѣ, а не иное государство... До того пришло, что уже самые бездѣльные въ дѣло! да въ дѣло и мерзкое, и дерзкое! уже и дрождіе народа, души дешевыя, человѣки ни къ чему иному, точію къ поядѣнію чуждихъ трудовъ родившіеся, и тѣ на государя своего, и тѣ на Христа Господня! Да вамъ, когда хлѣбъ ясте, подобало бы удивлятися и глаголати: откуду ми сіе?... Два человѣка вошли въ церковь—не помолитися, но красти. Одинъ былъ въ честномъ платьѣ, а другой въ рубищѣ и лаптяхъ; а договоръ былъ у нихъ

не во общую корысть сбирать, но что кто захватитъ, то его. Лапотникъ искуснѣйшій былъ и тотчасъ во алтарь, да на престолъ, и обираючи, заграбилъ, что̀ было тамъ. Взяла зависть другаго и аки бы съ ревности: ни-ли ты, рече, бопшися Бога въ лаптяхъ на престолъ святый схватился? а онъ ему: не кричи, братъ, Богъ не зритъ на платье—на совѣсть зритъ! Се совѣсти вашей зерцало, о безгрѣшники! полагати совѣсть на языцѣ, и тогда совѣстію хвалитися, когда плакати и стенати подобастъ. Да еще треба и сны видѣти людемъ на бѣду [1]), себѣ спите волхвы!!!....

Говорено выше, что сочиненія Прокоповича падѣлали ему много враговъ; дѣйствительно, не проходило ни одного его произведенія безъ того, чтобы на него не писалось опроверженій, но всѣ они при Петрѣ оставались безъ всякихъ послѣдствій. Самое замѣчательное нападеніе на Θеофана было сдѣлано въ 1718 г., когда стало извѣстнымъ, что царь приказалъ посвятить его во епископа. Тогда было написано посланіе [2]), въ которомъ настоятельно требовалось «донести благочестивѣйшему государю, что пречестный отецъ іеромонахъ Прокоповичь имать препятіе, которое самъ на себя наложилъ, ко святому великому архіерейскому сану. Препятіе же сіе есть ученіе новое, несогласное святѣй нашей апостольской, православной каѳолической церквѣ. Которое ученіе преподавалъ онъ подъ именемъ богословіи въ Кіевѣ явно въ училищахъ, яко же о томъ свидѣтельствуютъ кіевскіе ученики его и прочіе, а наипаче письма его, богословскими нареченныя»... Отъ обвиненій Θеофана, въ этомъ посланіи высказанныхъ, отказались сами обвинители,—и по приказанію царя Θеофанъ былъ нареченъ во епископа псковскаго и новгородскаго и хиротонисанъ съ облаченіемъ въ саккосъ, что̀ почиталось тогда особеннымъ отличіемъ, такъ какъ у насъ при патріархахъ епископы служили только въ фелони съ омофоромъ.

Вскорѣ послѣ того, 6 августа 1718 г., Прокоповичь писалъ въ Кіевъ о своихъ непріятностяхъ съ Яворскимъ и объяснялъ, что главною причиною ихъ былъ преподаватель московской академіи Гедеонъ Вишневскій: «въ Москвѣ Гедеонъ увидалъ, что рязанскій первостоятель (Яворскій) и его эмиссарій Лопатинскій (также преподаватель московской академіи), по сильной зависти, негодуютъ на меня

---

[1]) Извѣстно, что епископъ Досиѳей разсказывалъ свои сны царицѣ Евдокіи.

[2]) Оно составлено отъ имени Стефана Яворскаго къ архіереямъ: Алексѣю, сарскому и подонскому и Варлааму, тверскому и кашинскому. Помѣщено въ рукописяхъ Румянцовскаго музея, № CCCCVII стр. 9—11. Зная это посланіе, становится понятною выходка Прокоповича въ Духовномъ регламентѣ противъ неосновательныхъ мудрецовъ, которые, по его словамъ, «равнаго чина людей ненавидятъ, и если кто въ ученіи похвальнымъ есть, того всячески тщатся предъ народомъ и у властей обнести и охулити. Къ бунтамъ склонны, воспріемля надежды высокія»... Послѣдняя аллюзія относится къ дѣлу о царевичѣ Алексѣѣ и едва-ли не къ попыткамъ Яворскаго возстановить патріаршество.

и выискиваютъ способы отклонить отъ меня санъ, назначенный благочестивѣйшимъ императоромъ, почему и сталъ выставлять имъ мое ученіе неправославнымъ и легко увѣрилъ бѣдныхъ людей, что онъ можетъ доказать неправославіе богословскихъ моихъ сочиненій. Кратко и ясно показалъ я, что нѣкоторые пункты ложно выдуманы, а иные хотя составляютъ мое ученіе, но ученіе православное, противное же тому ученіе — ересь... Между-тѣмъ прибылъ въ Петербургъ Рязанскій, вызванный, какъ и другіе, для нѣкотораго дѣла. Здѣсь онъ узналъ, какъ мало имѣли успѣха замыслы моихъ враговъ, и читалъ мои отвѣты. Пораженный и пристыженный, онъ, и на словахъ, и на бумагѣ, сознался, что вовсе не читалъ моихъ сочиненій, а что онъ вовлеченъ въ обманъ доносомъ Ѳеофилакта Лопатинскаго и Гедеона... Императоръ приказалъ сенатору Ивану Алексѣевичу (Мусснну-Пушкину), чтобы свелъ Рязанскаго со мною для бесѣды. Послѣ долгаго разсужденія, рязанскій архипастырь призналъ догматы, которые точно были мои, за православные и говорилъ, что онъ самъ то же думаетъ, но принималъ слова въ другомъ смыслѣ... Знаменитѣйшій Рязанскій всталъ и униженно просилъ у меня прощенія, что̀ и получилъ при взаимномъ лобзаніи [1]).

Имѣя непріятелей, Ѳеофанъ въ то же время имѣлъ и почитателей; особенно онъ пользовался извѣстностью между современными германскими учеными. Фонъ-Гавенъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, имѣлъ случай видѣться съ нимъ и оставилъ о томъ нѣсколько замѣтокъ. Путешественникъ пріѣхалъ въ Петербургъ лѣтомъ 1736 года, слѣдовательно за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти новгородскаго архіепископа, и остановился у знакомыхъ нѣмцевъ на Аптекарскомъ островѣ, на которомъ въ лѣсу Ѳеофанъ приказалъ прорубить нѣсколько проспектовъ, которые придавали острову прекрасный видъ. «Я, продолжаетъ фонъ-Гавенъ, познакомился съ епископомъ новгородскимъ. Онъ былъ споспѣшествователемъ предпринятыхъ Петромъ преобразованій въ духовенствѣ. Послѣ кончины императрицы Екатерины I, составилъ онъ предположеніе, какъ наставлять въ законѣ божіемъ Петра II, и хотя оно написано и напечатано только на одномъ листѣ, однако, по основательности содержанія, дѣлаетъ величайшую честь составителю его. Въ юности Ѳеофанъ перебывалъ во многихъ странахъ Европы и Азіи. По знаніямъ своимъ, у него мало или почти нѣтъ никого равныхъ, особенно между русскими духовными. Кромѣ исторіи, богословія и философіи, у него глубокія свѣдѣнія въ математикѣ и неописанная охота къ этой наукѣ. Онъ знаетъ разные европейскіе языки, изъ которыхъ на двухъ говоритъ, хотя въ Россіи не хочетъ никакого употреблять, кромѣ русскаго, и только въ крайнихъ случаяхъ объясняется на латинскомъ, въ которомъ не

[1]) Исторія русской Церкви, періодъ V., М. 1848 г., стр. 74—75.

уступитъ любому академику. По-гречески и еврейски онъ также понимаетъ хорошо и въ самой глубокой старости прилежитъ къ нимъ, оказывая особенное предпочтеніе тѣмъ, кто знакомъ съ этими языками [1]). Много разныхъ полезныхъ книгъ изданы по-русски при его содѣйствіи и поощреніи, какъ напр., Аридта «Объ истинномъ христіанствѣ» и др. (книга эта напечатана была за границей, въ 1735 г., и при Елизаветѣ запрещена). Кромѣ того, очень надѣялись одно время, что при помощи Ѳеофана будетъ издана вся библія на русскомъ и славянскомъ языкахъ и съ примѣчаніями. Ѳеофанъ былъ особенно вѣжливъ и услужливъ со всѣми иностранными литераторами и вообще иноземцами. Его ежегодный доходъ составляетъ значительныя суммы, и такъ какъ онъ одинъ, не имѣетъ вовсе друзей, а родителей (незнатнаго происхожденія изъ Смоленска) лишился въ ранней юности, то и думаютъ, что у него должно быть огромное состояніе. Впрочемъ, въ дѣйствительности оно не такъ велико: кромѣ щедрости [2]), у него сильная страсть къ постройкамъ, которыя хотя опустошаютъ его казну, за то очень кстати въ Петербургѣ, гдѣ такъ много незастроенныхъ мѣстъ. Этотъ превосходный человѣкъ умеръ послѣ кратковременнаго страданья отъ колотья, 1 августа 1736 г., завѣщавъ свое имѣніе на богоугодныя дѣла и въ высшей степени полезныя учрежденія. Еще за нѣсколько дней предъ смертью, онъ, показывая одному лицу проэктъ и чертежъ дома, который предполагалъ строить, просилъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія и замѣчанія. Однако, какъ это, такъ и множество другихъ въ высшей степени полезныхъ дѣлъ должны, къ величайшему сожалѣнію почти всѣхъ здравомыслящихъ людей, прекратиться со смертью Ѳеофана [3]).

Съ переселеніемъ въ Петербургъ до самой смерти Петра, Ѳеофанъ написалъ множество сочиненій, изъ которыхъ многія были тогда же и напечатаны, такъ какъ именно предназначались для распространенія въ русскихъ читателяхъ понятій о цѣли предпринятыхъ преобразованій. Если у насъ, въ началѣ XVIII столѣтія, эти послѣднія предпринимались не иначе, какъ при пособіи крутыхъ средствъ, то въ сочиненіяхъ по крайней мѣрѣ Прокоповича реформа проповѣдывалась не съ помощію матеріальныхъ понужденій, но посредствомъ убѣжденій и печатнаго слова. Какъ геній, Петръ уже провидѣлъ вліяніе печатнаго станка на массы и во всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ не

---

[1]) Въ Духов. регламентѣ Прокоповичъ говоритъ: «прямымъ ученіемъ просвѣщенный человѣкъ никогда сытости не имѣетъ въ познаніи своемъ, но не престанетъ никогда же учитися, хотя бы онъ мафусаиловъ вѣкъ пережилъ».

[2]) Въ латинской его біографіи (см. выше) также говорится: «Pecunia sine usuris obaeratis petentibus, vel ob debita in carceratis mutuos dedit, et saepe per inopiam debitorum omnes sine murmure perdidit».

[3]) Von Haven's Reise in Russland, стр. 19, 22.

забывалъ обращаться къ народу съ разъясненіями и толкованіями въ формѣ трактатовъ, поученій и манифестовъ.

Прокоповичъ былъ въ этомъ случаѣ главнѣйшимъ пособникомъ Петра и оставался до кончины царя проникнутымъ тѣми началами, которыя были положены въ основаніи реформы. Ради ихъ, онъ не останавливался, какъ писатель, ни передъ какими личными разсчетами. Такъ напр. Ѳеофанъ зналъ, что открытое сознаніе недостатковъ и преданіе ихъ всеобщему порицанію есть уже половина исправленія этихъ недостатковъ, и потому никогда не прикрывалъ лицемѣрнымъ покровомъ наружнаго смиренія и ханжества тѣхъ или другихъ дѣйствительныхъ недостатковъ даже въ томъ сословіи, къ которому принадлежалъ онъ самъ. Такое безпристрастіе надѣлало ему много враговъ не только между современниками, но и потомками. Не такъ однако судитъ Исторія нелицемѣрная и чуждая сословныхъ предразсудковъ, и это подтверждается тѣмъ, что нѣтъ ни одного историческаго изслѣдованія изъ русской исторіи конца XVII или начала вѣка, въ которомъ, если только изслѣдователь человѣкъ добросовѣстный, не приводились бы свидѣтельства изъ произведеній Прокоповича.

Не было простою случайностью въ жизни Прокоповича то обстоятельство, что имя его встрѣчается въ біографіяхъ двухъ свѣтскихъ писателей, которыми обыкновенно начинается такъ-называемый новый періодъ въ исторіи русской литературы—Ломоносова и Кантемира.

Разсказываютъ, что когда Ломоносовъ пришелъ учиться въ заиконоспасское училище и узналъ, что туда не принимаютъ записанныхъ въ подушный окладъ, то назвался дворянином. Прокоповичъ, услыхавъ о томъ и зная объ успѣхахъ Ломоносова въ наукахъ, сказалъ ему: «не бойся ничего: хотя бы со звономъ въ большой московскій соборный колоколъ стали тебя публиковать самозванцемъ — я твой защитникъ!»

Извѣстно, что Кантемиръ посвятилъ еще въ рукописи свою третью сатиру Ѳеофану; въ примѣчаніи же къ первой сказано, что она была въ рукахъ Прокоповича: онъ старался распространять ее между знакомыми, написалъ даже стихи, въ которыхъ такъ поощрялъ сатирика:

А ты какъ началъ течи путь преславный,
Коимъ книжны текли исполины,
И перомъ смѣлымъ мещи порокъ явный
На нелюбящихъ ученой дружины;
И разрушай всякъ обычай злонравный,
Желая доброй въ людяхъ премѣны.
Кой плодъ ученій ни единъ искуситъ,
А дураковъ злость языкъ свой прикуситъ.

Съ своей стороны Кантемиръ называлъ Ѳеофана «дивнымъ первосвященникомъ,

. . . . . которому сила
Вышней мудрости свои тайны открыла».

Во второй сатирѣ Кантемиръ непременнулъ задѣть врага Прокоповича:

Задумчивъ, какъ тотъ, что чинъ патріаршъ достати
Ища, конной свой заводъ раздарилъ не кстати.

Взаимное сочувствіе Кантемира и Прокоповича объясняется не только одинакимъ въ обоихъ складомъ ума, склоннымъ къ сатирѣ, но также и одинаковыми обстоятельствами, вызвавшими ее въ русской литературѣ: реформа Петра была такъ рѣшительна и мгновенна, что настоящее стало уже казаться несвоевременнымъ, не успѣвъ еще сдѣлаться прошедшимъ. Отъ того въ нашей литературѣ и явилось гоненіе на него, гоненіе, выразившееся въ сатирической формѣ, такъ какъ литература не окрѣпла еще до такой степени, чтобы получить право высказывать прямо и не шутя потребности и желанія передовыхъ людей въ Россіи; она могла только предавать осмѣянію все то, что задерживало и препятствовало дальнѣйшее развитіе и совершенствованіе русскаго общества.

Въ I-й главѣ настоящаго труда, авторъ имѣлъ случай предварить, что въ кругъ его изслѣдованій не входятъ предметы, касающіеся собственно церковной исторіи — науки, требующей особенной подготовки и развившейся въ нашемъ отечествѣ подъ иными условіями, которыхъ выполнить не въ состояніи изслѣдователь, посвятившій себя изученію свѣтской литературы, — представительницѣ стремленій къ мірскимъ цѣлямъ. По этимъ-то причинамъ, авторъ не считаетъ себя въ правѣ разсматривать и оцѣнять множество произведеній начала XVIII вѣка [1]).

Эти произведенія относятся къ области духовной литературы: число ихъ въ-особенности умножилось съ учрежденіемъ святѣйшаго правительствующаго синода, когда наступилъ новый періодъ въ исторіи русской церкви. Легко убѣдиться, что въ области духовнаго краснорѣчія, въ пастырскихъ посланіяхъ, богословскихъ трактатахъ, однимъ словомъ во всѣхъ сочиненіяхъ, касающихся предметовъ Вѣры, въ началѣ XVIII столѣтія, въ Россіи замѣтно поразительное единство мысли, строгая обдуманность при выполненіи предпринятыхъ преобразованій, вмѣстѣ съ несомнѣннымъ талантомъ въ изложеніи и рас-

[1]) Тѣ изъ нихъ, которыя были тогда издаваемы въ свѣтъ, описаны библіографически во 2-й части настоящаго труда.

положеніи. И на этомъ поприщѣ имя Прокоповича является на первомъ мѣстѣ.

Въ настоящемъ сочиненіи задача автора состоитъ только въ томъ, чтобы уяснить, при пособіи литературныхъ произведеній, состояніе просвѣщенія въ Россіи въ данную эпоху, по этому-то мы останавливаемся на такихъ событіяхъ, отмѣчаемъ тѣ только явленія, которыя имѣютъ прямое соотношеніе къ этому предмету.

Выше было замѣчено, что въ произведеніяхъ Прокоповича видно обличительное направленіе, которое развилось въ русской литературѣ и придало ей потомъ особенное, оригинальное значеніе. Въ этомъ отношеніи для насъ въ высшей степени любопытно то обстоятельство, что во времена же Прокоповича явились подражатели ему не только изъ свѣтскихъ, но и духовныхъ лицъ, которыя вносили въ свои сочиненія обличительный элементъ. Въ доказательство тому, приводимъ здѣсь отрывки изъ рукописнаго,—слѣдовательно—малоизвѣстнаго слова въ день благовѣщенія, произнесеннаго въ Ревелѣ, въ 1720 году, іеромонахомъ Симономъ Кохановскимъ, переводчикомъ Юста Липсія (о немъ см. выше стр. 218—219) [1]).

«Откуду бо бываетъ, что многіи отъ насъ съ цѣлыми домами, женами и дѣтьми, оставивше честное гражданское сожительство и общеніе Церкви святой, бѣгутъ изъ градовъ въ пустыни и тамо скотское и звѣрское житіе проводятъ? А другіе, покинувъ честную жену и чады, а иные, оставивъ праведную службу государеву, бѣгутъ въ темные лѣса и разбойникамъ сообщаются? А которые, будто лучшіе, бѣгутъ отъ службы государевой въ монастыри и монашествомъ покрываются!.... Мнятъ бо бѣдные и не наученые человѣцы, что въ пустынѣ, ради самой точію пустыни, или въ монастырѣ, ради самого точію монастыря, бо́льшее и скорѣйшее спасеніе, неже въ мірѣ, въ честномъ супружествѣ и въ гражданскомъ сожительствѣ. И того ради, прельщенны прелестью нѣкихъ погибельныхъ человѣковъ раскольническихъ или паче еретическихъ учителей, мнятъ, что женитьба скверна и что со женою невозможно спастися. А другіе, подъ видомъ благовѣнія, бѣгаютъ отъ праведной и богоугодной службы и отъ тяжкихъ трудовъ, ищутъ себѣ отдышки и прохлады въ скитахъ и въ монастыряхъ, будто—они мнятъ—что бо́льшіе труды въ монастыряхъ, нежели въ солдатствѣ, или на иной службѣ государевой. А сама совѣсть ихъ противное говоритъ, и будто бо́льшее и скорѣйшее спасеніе въ черномъ, нежели въ бѣломъ или зеленомъ или въ красномъ платьѣ; мнятъ, что ближайшее къ спасенію раздранное и гнусное рубище, нежели честная, чистая или свѣтлая риза. Думаютъ, окаянніи, что веревки и желѣзныя цѣпи, которы-

---

[1]) Рукопись акад. наукъ въ 4°, № 116, проповѣдь на текстъ: «Благовѣстите день о днѣ спасенія Бога нашего (Псал. 95). Нач: «Понеже о благовѣщеніи».

ми многіе лицемѣры, хапжи обмотуютъ себя и прельщаютъ простыя и незлобливыя сердца—думаютъ, глаголю, что пріятнѣйшія суть Богу, паче свѣтлой кавалеріи, которая часто много жесточайшая и много тягчайшая бываетъ, паче власяныхъ веревокъ. А наипаче, егда пріидетъ стати ко непріятелю въ глаза, кровь и душу свою за вѣру, за отечество и за государя своего изліяти. Мнятъ простые и никогда неслышавшіе евангельскаго благовѣстія, что извѣстнѣйшее спасеніе въ черной камилавкѣ или въ клобукѣ, нежели въ парикѣ, въ солдатской шляпѣ, или въ простой мужицкой шапкѣ. А того бѣдные не знаютъ, а другіе и знати не хощутъ, что Богъ не зритъ такъ на клобукъ, какъ на парикъ, или на простую шапку, такъ на раздранное и гнусное рубище, какъ на чистую и честную ризу и на прочіе внѣшніе строи и маперы; но зритъ на дѣла и на помышленія человѣческая, что человѣкъ дѣлаетъ и что думаетъ... Воззрѣмъ уже и на другую злобу, которая тако въ народѣ нашемъ умножилася и тако укоренилася, яко никакимъ способомъ и никакою силою человѣческою отнюдь невозможно искоренити. Имя злобѣ оной—забобоны, сирѣчь суевѣріе или злочестіе, отъ котораго удобь рождается безбожіе..... напр. избрали себѣ мужики въ году двѣнадцать пятницъ и крѣпко утвердили и закрѣпили симъ глаголомъ: аще кто до тѣхъ пятницъ постится, молится и молебенъ имъ наймуетъ, то по различію пятницъ различныя отъ нихъ дарованія пріемлетъ: первая пятница великаго поста избавляетъ отъ незапныя смерти; пятница, которая предъ благовѣщеніемъ, избавляетъ отъ убійства, а которая предъ плынымъ днемъ, тая избавляетъ отъ вѣчныя муки... Что же егда еще пойдемъ до окаянной мужицкой или паче до бабской богословіи, сирѣчь до буесловія и смѣхотворныхъ вопросовъ: которую икону почитати, а которой непочитати? Яицомъ или масломъ письмена, старая или новая? На доскѣ ли, на холстѣ или на бумагѣ? Какой крестъ на церквахъ ставити—осмиконечный, или четвероконечный? Которыми персты знаменіе крестное на себѣ положити? Дважды или трижды аллилуіа глаголати? И кто уже подробно изчислити возмѣжетъ безчисленные едны—смѣху, а другіе—плача и рыданія достойные забобоны!.... Бабьими баснями и мужицкими забобонами весь міръ наполнился: уже бо нынѣ не точію священницы и прочіе книжные люди, но и неграмотные мужики и бездѣльныя деревенскія бабы всю тую діавольскую богословію наизусть имѣютъ—которая пятница святѣйшая и которая сильнѣйшая, которая избавляетъ отъ огня, которая отъ воды, которая отъ вѣчной муки; что ясти и чего не ясти; что пити и чего не пити и прочая симъ подобная бездѣлья и идолослуженія. А молитву Господню Отче нашъ развѣ сотый или тысящный мужикъ умѣетъ! На сколько просфорахъ обѣдню служити—всѣ о томъ ссорятся, а что есть причастіе Тѣла и Крови Христовой, того и не помнитай..... Сказки бездѣльныя, скверныя бабьи пѣсни и продолженныя срамот-

ныя пѣсни и малыя дѣти наизусть умѣютъ, а десять заповѣдей божіихъ и старые мужики того незнаютъ!»...

Кохановскій такъ кончаетъ свое слово: «не смотримъ того, митрополитъ ли, епископъ ли, или простый попъ проповѣдуетъ, но смотримъ, что̀ онъ проповѣдуетъ: будетъ ли его проповѣдь согласна слову божію, то, яко отъ самого Бога, пріемлемъ; аще будетъ противна слову божію, то, яко діавольскую, отмещемъ... Аще бы кто и отъ начальнѣйшихъ и главнѣйшихъ офицеровъ показалъ тебѣ притворный или ложный указъ—не слушаешь и отмещешь. Аще же праведный указъ государевъ кто нибудь покажетъ, аще и послѣдній мужичекъ, то со страхомъ слушаешь, а преслушати отнюдь не дерзаешь. Подобнѣ разсуждай и проповѣдниковъ и проповѣдь слова Божія: аще бы и великостепенный человѣкъ и славою святости и мудрости огланенный, да училъ бы въ церкви отъ своего мозга, а не отъ слова божія—не слушай и не пріемли; аще же проповѣдникъ будетъ и презрѣнный и худой и паче прочіихъ грѣшнѣйшій, да въ проповѣди своей согласуетъ слову божію, того слушай и пріемли его, паче же не его, но самого Христа, чрезъ уста его глаголющаго, ему же отъ насъ слава во вѣки вѣковъ, аминь.»

—

Въ началѣ XVIII столѣтія, въ Россіи писалось много пропзведеній, которыя, отличаясь полемическимъ характеромъ, имѣютъ значеніе для исторіи въ томъ отношеніи, что даютъ понятіе о различныхъ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ своего времени, столкнувшихся лицомъ къ лицу съ тѣмъ новымъ, котораго представителемъ въ Россіи при Петрѣ былъ онъ самъ. Въ подобныхъ сочиненіяхъ высказывается не только то, что̀ пользовалось защитою и покровительствомъ власти, но и многое такое, что̀ стояло въ противорѣчіи съ нею и что̀, не обладая, по разнымъ обстоятельствамъ, силою, равною силѣ своихъ противниковъ, не обрисовывалось ясно и развивалось втихомолку. Для историка важно не только то, что̀ въ извѣстное время пользовалось могуществомъ и авторитетомъ, но и всякая оппозиція имъ, въ какихъ бы формахъ ни проявлялась она въ жизни народа.

О печатныхъ пропзведеніяхъ полемическаго характера говорится во 2-й части, гдѣ помѣщены библіографическія описанія книгъ, вышедшихъ у насъ въ началѣ XVIII столѣтія. Здѣсь замѣтимъ только, что вообще во времена Петра, полемика проникала и въ законодательныя постановленія. Авторъ «Возраженій на камень Вѣры» [1]), хотя и назвался лютеранпномъ, однако высказалъ потомъ, что ему были по-

[1]) Рукопись Пуб. библ. f°, XVII, 11. Списки этого сочиненія хранятся почти во всѣхъ извѣстныхъ собраніяхъ рукописей.

пятны самые намеки въ Духовномъ регламентѣ, составленномъ Θеофаномъ Прокоповичемъ, а именно, что въ началѣ этого труда опровергаются доводы въ пользу необходимости въ Россіи патріаршества и высказаны причины, побудившія къ уничтоженію этого званія. Между тѣмъ, не зная того, читатель можетъ подумать, что дѣло шло только о разъясненіи предѣловъ духовной власти правительствующаго синода.

Въ томъ же уставѣ есть наставленія, какъ должно проповѣдывать въ церквахъ слово божіе: въ 4, 7 и 9 пунктахъ говорится, чего долженъ избѣгать въ проповѣдяхъ, именно: личностей, самодовольства отъ своихъ успѣховъ, а также неумѣстныхъ тѣлодвиженій. Что при этомъ намекалось на Яворскаго, о томъ сохранилъ извѣстіе тотъ же авторъ Возраженій.

Изъ вышедшаго въ свѣтъ VI тома Исторіи Петра Великаго г. Устрялова [1]) узнаемъ, что самъ Яворскій въ своихъ проповѣдяхъ допускалъ намеки на современныя событія; такимъ образомъ и у него находимъ иногда полемическій элементъ. Въ словѣ о храненіи заповѣдей господнихъ говорилось о лицахъ, поставленныхъ надъ судами и клеветавшихъ въ доносахъ на ближнихъ, и было сдѣлано обращеніе къ Св. Алексѣю съ молитвою о покровительствѣ его тезоименника, т. е. царевича Алексѣя Петровича. Современники поняли такъ, что проповѣдникъ говорилъ противъ только что учрежденныхъ тогда отъ правительства фискалахъ и выразилъ недовольство на положеніе, въ которомъ находился царевичъ, посланный за границу.

Замѣтимъ также, что въ сочиненіи Яворскаго же «Камень Вѣры» избранъ эпиграфомъ текстъ: «Смѣшашася во языцѣхъ и навыкоша дѣломъ ихъ», который считается памѣреннымъ намекомъ со стороны автора на событія, имѣвшія мѣсто въ Россіи начала XVIII вѣка.

Само собою разумѣется, что намъ болѣе извѣстны такія полемическія произведенія, которыя писались въ подкрѣпленіе мнѣній, принятыхъ придержащими властями, и которыя, стало быть, имѣли полную возможность быть преданными во всеобщую извѣстность. Та же сторона, которой касались нападки или намеки, лишена была этой возможности, а потому прибѣгала къ другимъ средствамъ, чтобы высказаться. В. И. Ламанскій сообщилъ мнѣ подробности о любопытномъ случаѣ въ исторіи литературы начала XVIII ст.: изъ него можно заключить, что тогда находили болѣе удобнымъ, вмѣсто критической оцѣнки тѣхъ или другихъ произведеній, подлежащихъ суду публики, дѣлать оффиціальные доносы на сочиненія, которыя по чему либо не нравились доносчику. Немногосложность и доступность такой потаенной критики для каждаго, слѣдующаго въ жизни извѣстнымъ правиламъ, а также рѣшительное отсутствіе общественнаго мнѣ-

[1]) Спб. 1859 г., стр. 29 и слѣд.

нія, которое бы карало донось и лицо, на него рѣшившееся, достаточно объясняютъ подобное явленіе, а потому, не распространяясь о значеніи его, сообщаемъ только то, что̀ намъ извѣстно по дѣлу о нѣкоемъ Маркеллѣ Родышевскомъ [1]).

Въ декабрѣ 1727 г., онъ подалъ Петру II, всепокорное доношеніе: «Понеже Вѣра общее и собственное всякаго добро (есть), и буде кто дерзнетъ Вѣру превращать, еще же самую сущую каѳолическую, древнюю святовосточную ниспровергать, всякъ долженъ истинный христіанинъ подъ совѣстію охранить оную, какъ сущее свое си истое и прямое добро и поборствовать по ней, буде случай каковый назовется, яко по сущей правдѣ не бояться ни изгнанія, ни смерти, хотя самой лютѣйшей и горчайшей. Обрѣтаются у насъ въ Россіи книги новоизданніи и новопечатніи въ разныхъ годѣхъ, паче же въ 1722 г., въ Александроневскомъ монастырѣ, а именно: Толкованіе на блаженства Христовы, книжища о обливаніи, Буквари съ толкованіемъ десяти заповѣдей Ветхаго завѣта, (о нихъ смотр. во 2-й части №№ 501, 553, 499) нѣкоторыя поученія въ разныхъ годѣхъ, а кто издавалъ таковіи книжици, того имени неупомянуто. Въ которыхъ книжицахъ преисполнено странныхъ ученій, паче же самыхъ прямыхъ кальвинскихъ и лютерскихъ. И таковымъ новоизданнымъ книгамъ еретическимъ велѣно указомъ обучатися, и въ церквахъ читать, и ставленникомъ, также и дѣтямъ, гдѣ ни есть школки, наизусть учити, а таковымъ ученіемъ, паче же когда кто протолкуетъ, многіи имутъ кальвинскою и лютерскою повредитися ересію и отъ церкви святой отпасти. И тотъ грѣхъ претяжкій падетъ не токмо на церковныхъ властелинахъ, но и на тыхъ, которіи суть члены тоей же святой непорочной Вѣры и извѣстно вѣдаютъ же о таковыхъ еретическихъ книгахъ, да не доносятъ о томъ, кому надлежитъ, ни обличаютъ и въ общемъ добрѣ и спасеніи, которое всѣхъ касается, не радятъ. Да еще дерзнуто таковыя книжицы высокимъ указомъ подтвердить высокославнаго и превысочайшаго монарха, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его императорскаго величества Петра Великія книги правильными назватися, такъ ухищрено. Да и Ѳеатроны книга весьма соблазнительная и православію противная своею исторіею (см. во 2-й ч. № 562), и нынѣ сими подобныя книжици новоизданніи изслѣдовать подобаетъ же.»

(*) Въ 1718 г., Маркеллъ Родышевскій, при совершеніи страшной казни палъ Глѣбовымъ въ Москвѣ (его посадили живаго на колъ), вмѣстѣ съ другими двумя духовными особами, долженъ былъ увѣщевать Глѣбова впродолженіи его мукъ (около сутокъ). См. Исторію Петра Великаго соч. г. Устрялова Т. VI стр. 219. Въ 1726 и 27 годахъ онъ упоминается, какъ архимандритъ новгородскаго Юрьева монастыря; 24 января 1741 г., снова опредѣленъ настоятелемъ этого монастыря и ректоромъ новгородской семинаріи; въ 1742 г., получилъ званіе архіепископа коневьскаго и ладожескаго и умеръ въ томъ же году 29 ноября. Ср. Чтенія Общ. Исторіи 1858 г. кн. II, Смѣсь, стр. 96 и 97.

«Я хотя самый послѣднѣйшій членъ, обаче участникъ сый тогожде общаго добра, еже есть самой благочестивой восточной исповѣданія вѣры, прилежно оныя книги прочетъ и увѣдавъ въ нихъ многіе несогласующіе православію, но еретическіе догматы и противо святой восточной каѳолической Церкве знатніи продерзости, убоявся страшнаго суда божія, яко рабъ, вѣдый волю Бога своего (еже ереси изобличать, ни мало терпя), да не стязанъ буду за сіе предъ страшнымъ и нелицемѣрнымъ судіею Богомъ жестоко за неизвѣщеніе, гдѣ подлежитъ. Того ради, вашему императорскому величеству, по должности моей христіанской и священнической, всепокорно о семъ доношу и о таковыхъ Церкви святой противныхъ книгахъ извѣщаю: да повелитъ ваше величество оніи новоизданніи книги, собравъ ихъ, подать въ разсужденіе всему собору россійскому, паче же пастыремъ и учителемъ, основаніе Церкви святой добрѣ вѣдущимъ, и освидѣтельствовати противности оныхъ книгъ, а по освидѣтельствованіи прямомъ и правдивомъ, оніи книги отрыгнуть отъ Церкви святой и вопичтожитъ (sic), дабы Церковь святая и православная никакими еретическими ученіями не повреждалася»....

Неизвѣстно, писалъ ли этотъ человѣкъ по собственному побужденію или вслѣдствіе наущеній католиковъ, которые, около 1727 г., подбивали подавать доносы на Ѳеофана Прокоповича, ихъ сильнаго врага (см. выше, стр. 42—49)—только Родышевскій выбралъ неудобное время для обличеній: обличаемый, по своему превосходству и знаніямъ, пользовался такимъ вліяніемъ, при которомъ ему повредить было трудно; но этому-то преслѣдованіямъ подвергся самъ обличитель.

15 февраля 1728 г., Родышевскій присланъ быть въ синодъ изъ преображенскаго приказа за крѣпкимъ карауломъ, «понеже въ синодѣ, по поданнымъ отъ преосвященнаго Ѳеофана, архіепископа новгородскаго, доношеніямъ, до онаго Родышевскаго касается важное духовное дѣло». Послѣдній показывалъ въ синодѣ, что арестованъ за то, что «говорилъ слово по первому пункту: въ прошломъ 1724 г., рязанскій епископъ Гавріилъ сочинилъ книгу, зовомая служба благодарственная къ Богу о учиненіи мира между имперіею россійскою и короною свейскою, а въ оной книгѣ въ стихерахъ, которые поются на вечерней литіи, усмотрѣлъ онъ, Родышевскій, великое поношеніе высокой чести блаженныя памяти царевича Алексѣя Петровича такое: «сердце Авесоломле, дѣла отеческія вся возненавидѣвшее и самому ему, отцу, смерти желающее». Оный епископъ Гавріилъ въ той же книгѣ въ шестой пѣснѣ учинилъ поношеніе ему, государю царевичу, такое: «Боже, якоже избавилъ еси раба твоего Петра отъ кровопролитія сыновня». Да учинена жъ книга членомъ святѣйшаго синода, а кѣмъ именно, того въ той книгѣ не показано (которая печатана въ Александроневскомъ монастырѣ), зовомая Правда воли мо-

паршей, а въ той книгѣ показуется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (?), а безъ той книги онъ, Маркеллъ, о тѣхъ словахъ сказать не упомнитъ.—Святѣйшаго синода нѣкоторымъ членомъ, имени не знаетъ, учиненъ въ синодѣ указъ въ прошломъ 726 году, о подметныхъ письмахъ, а въ томъ де указѣ усмотрѣлъ онъ, Маркеллъ, поношеніе высокой чести государя царевича Алексѣя Петровича такое: Авесаломомъ (сп есть отцегонитель). А вышеозначенные книги и указъ напечатаны и сочинены по благословенію всего святѣйшаго синода».

Замѣтимъ здѣсь, что дальнѣйшія приключенія Родышевскаго въ тайной канцеляріи, куда былъ присланъ изъ синода, относятся къ позднѣйшимъ временамъ, о которыхъ не можетъ быть рѣчи въ настоящемъ изслѣдованіи. Скажемъ только, что этотъ противникъ петровской реформы и въ заключеніи продолжалъ сочинять опроверженія противъ Духовнаго регламента и постановленій о монашествѣ—опроверженія эти хранятся въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и на первомъ изъ нихъ подпись: «о прочіемъ же, въ регламентѣ написанномъ, паче же о монашествѣ собственная изданная мною книга здѣ прилагается, въ разсужденіе высочайшее церковное отдается. Старецъ узникъ Маркеллъ. 1731 г. марта 3 дня.» Съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы, отсталой партіи, къ которой принадлежалъ Родышевскій, удалось отчасти низпровергнуть то, что имѣлъ въ виду Петръ Великій, издавая помянутый регламентъ. Родышевскій, какъ видѣли въ примѣчаніи на стр. 496, явился тогда въ значительныхъ должностяхъ и напечаталъ свою проповѣдь (22 іюня 1742 г.), въ которой совѣтовалъ императрицѣ жестоко казнить иновѣрцевъ, распространявшихъ свое ученіе, а объ измѣнившихъ старинѣ говорилъ: «утоли языки ихъ скверные, гробы ихъ гортани затвори, усте съ языкомъ хульнымъ заключи; а и снять ихъ отъ мѣстъ не худо!»....

—

Въ заключеніе, слѣдуетъ еще сказать о другѣ и единомышленникѣ Родышевскаго, Михаилѣ Петровичѣ Аврамовѣ, о которомъ, какъ директорѣ петербургской типографіи, будетъ еще говорено во 2-й ч. настоящаго изслѣдованія.

По передачѣ типографіи въ завѣдываніе синода, Аврамовъ перешелъ на службу въ бергъ-коллегію (въ 1721 — 24 г.) и сталъ съ этого времени подавать правительству свои мнѣнія и проэкты.

Въ 1723 г. онъ, вмѣстѣ съ вятскимъ коммиссаромъ Тряпицынымъ, завелъ въ казанской губерніи мѣдный заводъ, на которомъ тогда и было выплавлено до 10 т. пудовъ мѣди. Озабочиваясь о сбытѣ ея, Аврамовъ подалъ царю просьбу о принятіи отъ него на денежномъ дворѣ 500 п. мѣди съ платою за нее деньгами и вычетомъ за-

дѣльныхъ и припасовъ. При этомъ было присоединено «нижайшее мнѣніе» о пользѣ умноженія въ народномъ обращеніи мѣдныхъ денегъ. По словамъ Аврамова, всѣ платежи изъ казны удобнѣе могли производиться не серебряною и золотою, а мѣдною монетою. «А нынѣ (т. е. въ декабрѣ 1723 г.), за недовольствомъ серебряной монеты, какъ отъ неполученія въ надобныя времена повсягоднаго жалованья, такъ и торговые и работные нижнихъ чиновъ люди имѣютъ великія скудости, а оное все отъ мѣдной монеты конечно пресѣчено будетъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Аврамовъ предлагалъ, для удержанія въ Россіи золота и серебра, выѣзжающимъ за границу иностранцамъ, вмѣсто имѣющихся у нихъ золота и серебра въ деньгахъ и вещахъ, выдавать по настоящей цѣнѣ русскими товарами.

Другой проэктъ Аврамова, поданный Петру въ одно время съ предъидущимъ, былъ по сложнѣе. Во-первыхъ, здѣсь онъ совѣтовалъ объ учрежденіи въ Россіи «государственныхъ адвокатовъ»: «наплучшее быти мнится добро, чтобъ многими дѣлами и пространными розыски не отягчать высшій судъ, дабы пространною завязкою не утрудило васъ (царя) самою скукою, изъ чего паки закрываться могутъ дѣла надобныя. Но токмо надлежитъ всякія отъ всѣхъ принимать тутъ доношенія и челобитныя и, выслушавъ оныя и записавъ въ книгу, посылать ихъ въ надлежащія мѣста съ опредѣленными государственными адвокатами, которымъ по должности своей имѣть о томъ стараніе, и что гдѣ по тѣмъ челобитнымъ и доношеніямъ чинится будетъ, ежедневно репортовать имъ о томъ въ высшій судъ письменно, а тѣ репорты по тому жь слушать и опредѣлять на ихъ краткую сентенцію и, записавъ въ книгу, паки отправлять ихъ въ тѣ мѣста, давъ съ того опредѣленія за руками копіи». На этихъ же государственныхъ адвокатовъ Аврамовъ полагалъ возложить попеченіе о колодникахъ, больныхъ въ госпиталяхъ и бѣдныхъ рабочихъ. «А когда гдѣ на всѣ сроки противъ указу не вершать дѣлъ, или который челобитчикъ и отвѣтчикъ вершеніемъ не будутъ довольны, тогда призывать тѣхъ судей и при адвокатѣхъ, и истцѣ и отвѣтчикѣ разсудить оное дѣло въ правду нарочно для того учрежденнымъ особымъ членомъ, къ чему зѣло нужно имѣть удобныхъ людей, которыхъ наплучшее чрезъ сей способъ выбрать: изъ настоящихъ судей и изъ прочихъ всѣхъ чиновъ выбравъ людей смысленныхъ число довольное и учиня имъ жребій, отдать въ волю божественную»....

Далѣе, Аврамова занимала мысль о возможности передачи управленія въ государствѣ людямъ, избраннымъ отъ народа. Только у него мысль эта получила какой-то религіозно-формалистическій оттѣнокъ, который встарину былъ у каждаго грамотнаго русскаго человѣка, вслѣдствіе воспитанія и внушеній съ издѣтства.

«Мнится быти добро, говоритъ онъ, повелѣть во всемъ государствѣ всякаго чина жителемъ избирать между собою мужей смыслен-

ныхъ ежегодно и изъ нихъ опредѣлять жребіемъ директоровъ и прочихъ имъ помощниковъ въ каждой дворовъ тысячѣ. Которымъ въ своихъ дворѣхъ всякаго чину и полу людемъ имѣть переписныя книги, и по тѣмъ книгамъ о положенныхъ сборахъ и о всякомъ человѣческомъ правоученіи и о бѣдныхъ людѣхъ правильномъ призрѣніи имѣть попеченіе».

«Противъ той переписи напечатать толикое число въ малыхъ тетрадочкахъ славословіе божіе, Царю небесный, псаломъ пятидесятый, символъ, заповѣди господни и церковныя кратко, и тѣ тетрадочки разослать по архіереомъ по епархіямъ, а имъ раздать и разослать всѣхъ церквей къ священникамъ. Начальникомъ же всѣхъ персонъ своей тысячи ежегодно представлять предъ архіереовъ въ епархіяхъ, а гдѣ не обрѣтается онаго, то своего прихода предъ священниковъ. Имъ же каждую персону отпустить съ сущимъ благословеніемъ, отдавъ тетрадочку всякому, научая страха божія обучатися, и тое раздачу отмѣчать въ переписныхъ книгахъ. По которымъ тетрадочкамъ въ предгрядущій годъ предъ ними каждому отвѣтствовать; а тѣ тетрадочки всегда при себѣ имѣть всякому и тщиться читать или слушать по вся дни со вниманіемъ. За подкомандными смотрѣть накрѣпко, чтобъ были въ своихъ опредѣленныхъ дворѣхъ по вся дни съ предложеніемъ, дабы въ каждомъ домѣ, при собраніи всѣхъ домовыхъ, прочтены были вышерѣченныя тетрадочки, о чемъ по вся дни репортовать своихъ директоровъ письменно»....

Такимъ образомъ, по мнѣнію Аврамова, выходило, что народу стоило выучить наизусть нѣсколько молитвъ, чтобы у него «плодъ, правды легко умножился, а злоба искоренилась». Поэтому изобрѣтенныя имъ тетрадочки онъ полагалъ разсылать и въ армію, и къ раскольникамъ, и даже къ иновѣрцамъ, хотя зналъ, что послѣдніе ихъ не только понять, но и прочесть не умѣли. При этомъ составителю проэкта, вѣроятно, вспомнился собственный мѣдиплавительный заводъ въ казанской губерніи и 10,000 пудъ приготовленной тамъ мѣди, и онъ снова совѣтуетъ принимать изъ всѣхъ губерній на денежные дворы мѣдь въ передѣлъ и вмѣсто нея выдавать деньгами, на которыя «довольствовать св. церкви и содержать при оныхъ учебныя школы, странноприимницы, гошпитали и прочая».

Въ настоящее время кажется страннымъ предложеніе Аврамова отлетрадкахъ, между тѣмъ оно можетъ быть объяснено тѣми обстоятельствами, при которыхъ писалъ онъ свой проэктъ. Въ то время, по повелѣнію Петра, вводился во всеобщее употребленіе букварь: «Первое ученіе отрокомъ»; книгу эту правительство хотѣло какъ можно болѣе распространить; ее обязаны были имѣть и твердить наизусть церковнослужители всѣхъ епархій; она читалась по постамъ въ церквахъ «вмѣсто книгъ Ефрема Сирина и отъ соборника и отъ

прочихъ чтеній [1])». Выше на страницахъ 178—181, было уже сказано, что этотъ букварь не имѣлъ никакого сходства съ старинными нашими учебниками, а въ предисловіи есть нападки на прежній способъ обученія русскихъ. Аврамовъ, и въ 1723 г., былъ противъ новыхъ букварей, но въ тоже время онъ не рѣшился прямо высказать этого такому царю, каковъ былъ Петръ, и вотъ онъ подаетъ совѣты распространять въ народѣ тетрадочки, а содержаніе этихъ тетрадочекъ заключаетъ въ себѣ сущность нашихъ старинныхъ букварей. По нимъ заучивались молитвы и заповѣди безъ всякаго истолкованія, которому исключительно посвященъ букварь Прокоповича.

Однимъ словомъ, Аврамовъ хотѣлъ указать, что лучше народъ просвѣщать по старинѣ, и заключаетъ свой проэктъ мистическими намеками на враговъ своихъ: «о совѣсти моей не донести, что оставаться тунѣ боюся Бога, а безъ помощи при дѣлѣхъ быть опасенъ, чего для и милости прошу, а самую истину доношу: давно, по милости Іисусъ Христовѣ, горя духомъ истины внутрь моего сердца, слѣдовахъ къ милости и къ вашей, яко къ нему самому Творцу моему, усердно; обаче воздержнаго житія путь многократно отъ того меня отводилъ, а паче болѣе, егда началъ въ положенныхъ на мнѣ дѣлѣхъ послѣдовать стопамъ вашея истины, а прочіе оное признавать, то многое бремя напастей понесъ не токмо отъ чужихъ, но и отъ своихъ, что̀ усмотря не токмо славы, но и самыя жизни лишится отъ сильныхъ, по немощи моей, сталъ опасенъ, вѣдая, что о простодушныхъ послѣдователѣхъ вашихъ туне многіе неусыпно трудятся отлучать ихъ вдаль отъ милости вашей и чинить имъ напрасныя бѣдства, что̀ апробовалъ и надъ собою. И для того, токмо въ нужныхъ дѣлѣхъ стоялъ наружно, а въ среднихъ иногда и противо совѣсти моей, съ нисшими бояся, да нѣкако, видя мя безпомочна, повредятъ мя» и т. д.

Проэктъ Аврамова, разумѣется, оставили безъ вниманія; но его самого, въ декабрѣ 1724 г., царь опять назначилъ директоромъ петербургской типографіи, и въ этой должности онъ оставался до упраздненія ея въ 1727 г. Между тѣмъ съ восшествіемъ на престолъ Петра II, недовольные реформами его дѣда получили надежду на возвращеніе къ прежнимъ порядкамъ: воспоминанія о царевичѣ Алексѣѣ, отцѣ тогдашняго императора, прекращеніе всякой инициативы со стороны правительства и, наконецъ, наложеніе запрещенія на сочиненія, въ которыхъ писалось противъ сына Петра и его сторонниковъ—все это сдѣлало смѣлѣе противниковъ реформы, и они стали пробовать средства возвратиться къ старинѣ. При этомъ они забыли одно обстоятельство, бывшее гораздо сильнѣе тѣхъ, которыя возбудили въ нихъ надежды: къ прежнимъ порядкамъ нельзя было возвратиться правительству, не потерявъ значительныхъ правъ, которыми оно, на-

[1]) Полн. Собр. Зак. VII, 4172.

чиная съ Петра, стало пользоваться. Во времена Петра, кромѣ энергическихъ и принудительныхъ мѣръ, реформа, напримѣръ, духовнаго управленія производилась при пособіи разныхъ сочиненій и трактатовъ, въ которыхъ проводились главныя идеи преобразованія. Впослѣдствіи сочиненія и трактаты найдены были ненужными; болѣе же удобнымъ и раціональнымъ признано усиленіе предупредительныхъ и принудительныхъ мѣръ.

До 1730 г., объ Аврамовѣ никакихъ извѣстій не сохранилось. Въ этотъ годъ онъ подалъ императрицѣ Аннѣ новый проэктъ объ управленіи государственными дѣлами. Онъ весь состоитъ изъ двадцати семи пунктовъ, весьма короткихъ и по бо́льшей части не заключавшихъ въ себѣ ничего, кромѣ общихъ выраженій. Главные изъ нихъ, гдѣ видно направленіе составителя проэкта, слѣдующіе:

1) «Для наилучшаго государственнаго управленія первѣе всего, прилежно помолися Богу, прежде зачатія всякаго дѣла, яко же и есть благочестивый, всегдашній, достохвальный обычай вашего величества, оное дѣло зачинать и тако о немъ разсуждать, чтобы было согласно, съ закономъ Божіимъ и съ правосудіемъ истинымъ. 2) Для того въ началѣ всего, по заповѣди Христовой, настоящую присяжную страшную клятву (она, какъ извѣстно, сочинена была, по приказанію Петра, Ѳеофаномъ) впредь весьма оставить надобно, понеже о томъ и св. Златоустъ въ бесѣдахъ на дѣянія во правоученіи восьмомъ пишетъ, яко клепущіеся ниже на прагъ церковный вступати суть достойны, и не клястися отнюдь, паче же Бога свидѣтеля не имѣть призывати, и тако за твердую къ Богу вашего величества во исполненіе заповѣди его вѣру, и безъ оной клятвы всѣ дѣла, при помощи его Спасителевой, исправятся въ наилучшее. 3) Наипаче же для самаго сущаго и глубочайшаго вашего величества предъ Спасителемъ Богомъ смиренія, потребно быть въ Россіи паки святѣйшему патріарху, самому благоговѣйному мужу, не отъ польскихъ и малороссійскихъ людей, съ которымъ, за оное крайнее вашего величества христіанское смиреніе, безъ сомнѣнія всѣ дѣла, во имя Христово, исправите въ наилучшее... 13) Во всемъ съ симъ патріархомъ о полезномъ правленіи духовенства россійскаго сноситься и о лучшей пользѣ промышлять, чтобъ оное духовенство въ древнее ввесть благочиніе (?) и доброе благосостояніе. 14) И всѣ гражданскіе уставы и указы обрѣтающіеся съ нимъ (то есть тоже съ патріархомъ) разсмотрѣть прилежно, согласны ли они съ закономъ божіимъ и церковными св. отецъ уставами, такожде и съ преданіями церковными, и буде которые несогласны, и тѣ бы отставить, а впредь узаконять въ согласіи божьяго закона и церковнаго разума».

Подача этого проекта или, быть можетъ, другія подобныя предложенія Аврамова были причиною, что при императрицѣ Аннѣ, именно въ 1732 г., нашего отчаяннаго клерикала находимъ уже заключен-

нымъ въ Иверскій монастырь. Здѣсь однажды на исповѣди у іеромонаха Исаіи, Аврамовъ говорилъ: «архіерей новгородскій, Θеофанъ, написалъ книжку не по нашему благочестію, о чемъ мы со архимандритомъ Родышевскимъ въ этой книжкѣ ему спорили и чрезъ троицкаго архимандрита Варлаама подали ея императорскому величеству доношеніе, что оный архіерей тое книжку сочинилъ неправильно».— «Лучше было вамъ въ оныя дѣла не вступаться, возразилъ іеромонахъ Исаія».—«Какъ не вступаться?» отвѣтилъ Аврамовъ.

Этотъ разговоръ послужилъ поводомъ къ начатію слѣдствія, по которому открылось, что Аврамовъ писалъ изъ монастыря письма. Въ одномъ изъ нихъ къ іероманаху Исаію Аврамовъ объяснялъ, что у него съ Θеофаномъ, архіепископомъ новгородскимъ, вражды никакой не было; но услышавъ отъ Родышевскаго о страшныхъ поношеніяхъ Θеофана на уставъ и преданія православной Церкви, онъ, Аврамовъ, не могъ молчать и пересказалъ троицкому архимандриту Варлааму, чтобы донесъ о томъ императрицѣ. Въ концѣ письма Аврамовъ присовокуплялъ, что «Родышевскій и самъ въ лицахъ и по дѣламъ своимъ отвѣчаетъ, а опъ, Аврамовъ, сидя въ тюрьмѣ, истаялъ и еле живъ обрѣтается — желаетъ св. причастія». Іеромонахъ Исаія показалъ, что точно Аврамовъ писалъ къ нему по тому случаю, что онъ его не допускалъ до святаго причастія за ссору его съ Θеофаномъ; умолчалъ же объ этомъ письмѣ изъ боязни, чтобы «въ томъ къ винѣ чего не причлось». Кабинетъ министровъ, въ мартѣ 1733 г., опредѣлилъ: іеромонаха Исаія послать изъ тайной канцеляріи въ синодъ «для учиненія ему за вину его наказанія плетьми».

Въ другихъ письмахъ къ Алексѣю Волкову, Макарову, бывшему кабинетъ-секретарю Петра Великаго, также къ женѣ своей и зятю Никитѣ Кожину, Аврамовъ просилъ хлопотать объ освобожденіи его изъ заключенія. Бумагу и чернила для писемъ доставлялъ Аврамову бывшій у него на караулѣ каменщикъ Щапъ, который, въ мартѣ же 1733 г., за то былъ наказанъ плетьми.

Между тѣмъ къ слѣдствію привлечено было новое лицо — разстрига Осипъ Васильевъ, бывшій прежде іеродіакономъ въ Троицко-сергіевомъ монастырѣ, а потомъ разстриженный и сосланный въ Валаамскій монастырь. Въ повинной своей онъ писалъ: а) въ 1730 г., Аврамовъ часто приходилъ «зѣло рано и мало не по вся дни» на троицкое подворье въ келью къ архимандриту Варлааму, до пріѣзда другихъ властей и господъ, и съ нимъ велъ наединѣ тайные разговоры, причемъ высылались келейные служители и онъ, Васильевъ; b) сочинивъ «извѣстную тетрадь о поношеніи Θеофана, архіепископа новгородскаго», Васильевъ показывалъ ее Аврамову, говоря: «хочу такихъ тетрадей умножить и раздавать письменнымъ людемъ, дабы о провинностяхъ Θеофана къ Церкви святой вѣдали и новоизданнымъ его книгамъ не вѣрили. Аврамовъ же отъ того его унималъ»; c) послѣдній

на троицкомъ подворьѣ «секретно говарпвалъ много» съ бригадиромъ Дмитріемъ Порѣцкимъ, строителемъ Софроніевой пустыни Сергіемъ, келаремъ Веніаминомъ Ершовымъ и справщикомъ монахомъ Ѳеологомъ; d) Аврамовъ тамъ же «о новгородскомъ архіереѣ и о Родышевскомъ имѣлъ разговоры довольные не по одно время» съ кіевопечерскими старцами, которые были челомъ о новомъ архимандритѣ, и съ намѣстникомъ Свинскаго монастыря («высокъ, угреватъ — имени его не упомнитъ»).

Аврамовъ, въ отвѣтъ на эти показанія, началъ разсказывать, какъ онъ сталъ хлопотать о дѣлѣ Родышевскаго. Послѣдній, когда онъ видѣлъ его въ Симоновомъ монастырѣ, говорилъ ему «о сочиненіи новгородскимъ архіереемъ книгъ неправильныхъ и еретическихъ». Аврамовъ, повѣривъ тому, обѣщалъ поговорить съ троицкимъ архимандритомъ Варлаамомъ, съ которымъ былъ друженъ. Потомъ, дѣйствительно проспилъ Варлаама объ освобожденіи Родышевскаго и передавалъ слова послѣдняго, что книги о блаженствахъ евангельскихъ, регламентъ духовный и о монашествѣ — «еретическія, и что у него есть пункты на новгородскаго архіерея». Варлаамъ велѣлъ Родышевскому написать отъ себя челобитную и «толкованіе» и, по полученіи ихъ, сказывалъ, что тѣ бумаги представлялъ императрицѣ, и что о Родышевскомъ будетъ указъ. «И съ того времени, по словамъ означеннаго архимандрита, прибавляетъ про себя Аврамовъ, возъимѣлъ о Родышевскомъ стараніе и сталъ ко оному архимандриту Варлааму чаще ходить и о Родышевскомъ просить. А другимъ-де знатнымъ особамъ и другимъ никому о вышепоказанномъ извѣстномъ дѣлѣ и о показанныхъ книгахъ онъ, Аврамовъ, никогда не сообщалъ. А въ бытность-де свою на свободѣ къ знатнымъ особамъ ко многимъ хаживалъ, токмо-де разговоровъ и совѣтовъ о вышепоказанномъ онъ не имѣлъ, и о освобожденіи-де Родышевскаго, кромѣ того, что старался у Варлаама архимандрита, у другихъ ни у кого стараться не имѣлъ, и о томъ, что ходилъ и старался о Родышевскомъ, другому никому письменно и словесно не объявлялъ».

Родышевскій показалъ объ этомъ согласно съ Аврамовымъ, добавивъ, что послѣдній ему приносилъ отъ архимандрита Варлаама 5 рублей денегъ на расходы для написанія начерно и набѣло челобитной и возраженій противъ Ѳеофана, а также книги Духовный регламентъ и о блаженствахъ евангельскихъ, которыя слѣдовало опровергнуть. Аврамовъ совершенно отрекся отъ того, чтобы онъ говорилъ съ Порѣцкимъ, строителемъ Сергіемъ и справщикомъ Ѳеологомъ о Родышевскомъ. Что же касается до Веніамина Ершова, то ему Аврамовъ точно показывалъ сочиненіе Родышевскаго о монашествѣ, но «о дѣлѣ его съ новгородскимъ архіереемъ Ѳеофаномъ, какое именно разсужденіе имѣлъ, того не упомнитъ; а совѣту противнаго никакого не было...»

Вообще изъ показаній Аврамова и Родышевскаго видно ясно, что они оба сильно желали снова поднять дѣло о сочиненіяхъ Ѳеофана и его мнѣніяхъ. Особенно это замѣтно въ отвѣтѣ Аврамова касательно бесѣдъ его съ кіевопечерскими старцами, а именно:

«Съ кіево-печерскимъ архимандритомъ, по прозванію Копа, и старцами — имени ихъ не упомнитъ — онъ, Аврамовъ, видался въ Москвѣ въ Измайловѣ во дворцѣ, въ покояхъ троицкаго архимандрита Варлаама, и въ то-де время архимандритъ Варлаамъ, по словамъ архимандрита Малиновскаго, спрашивалъ архимандрита Копу: «что, есть ли въ Кіевѣ, въ книгохранительницѣ печатная книга Аѳанасія Великаго, которую-де переправлялъ рукою своею новгородскій архіерей Ѳеофанъ? И оный Копа сказалъ, что такая книга есть....» Послѣ того, Аврамовъ прибавилъ, что другихъ, разговоровъ у него съ названными лицами не было. Тогда тайная канцелярія требовала свѣдѣній отъ архимандрита Копы, который доносилъ: «какъ-де былъ онъ, Копа, въ Измайловѣ во дворцѣ, въ покояхъ архимандрита Варлаама, и оный-де архимандритъ спросилъ его: «имѣется ли въ Печерскомъ монастырѣ книга Аѳанасія Великаго, въ которой нѣчто писалъ новгородскій?» И онъ-де, Копа, — памятенъ бывши, что въ кельѣ его покойный архимандритъ Печерскій Іоаникій Сенютовичъ такую книгу, т. е. Аѳанасія Великаго, на латинскомъ языкѣ печатную имѣючи, похваля, многажды сказывалъ, что та книга Братскаго монастыря и показывалъ подпись и припись на краяхъ книги; о которомъ письмѣ сказывалъ, что та рука новгородскаго (а что̀ было тамъ приписано, не объявлялъ),— сказалъ означенному архимандриту Варлааму, что имѣется та книга, а что̀ въ ней приписано — не знаетъ, что-де онъ, Копа, латинскаго языка не учился. Такожь и о другихъ нѣкакихъ въ такой же силѣ латинскихъ книгахъ оный архимандритъ его, Копу, спрашивалъ, но и о тѣхъ какъ онъ, Копа, не вѣдаетъ и ихъ не видалъ, такъ и оному архимандриту отвѣтствовалъ, что такихъ книгъ не знаетъ. И означенная книга Аѳанасія Великаго при ономъ допошеніи прислана отъ Копы въ тайную канцелярію и взнесена въ кабинетъ ея императорскаго величества....»

Наконецъ, Аврамовъ показалъ еще объ одномъ обстоятельствѣ, о которомъ его никто не спрашивалъ, и онъ его добавилъ по собственному побужденію: «въ Москвѣ-де во дворцѣ, въ залѣ большемъ усмотрѣлъ онъ, Аврамовъ, что вверху написана исторія еллинская (т. е. языческая), и въ тожь-де время приключилось въ той залѣ быть троицкому архимандриту Варлааму, и онъ-де, Аврамовъ, говорилъ тому архимандриту, что лучше бы-де во оной залѣ, вмѣсто еллинской исторіи, написать исторію Христову, или царя Давида, или-де Соломонову изъ библіи; а больше ни о чемъ о томъ онъ, Аврамовъ, ни съ кѣмъ не говаривалъ и никакія-де дѣла и дѣйствія, отъ иностранныхъ прия-

тыя въ Россіи, никакъ не нарекалъ и ни съ кѣмъ о томъ не разсуждалъ, и къ нареканію-де у него, Аврамова, не было....»

Спустя 6 лѣтъ, дѣло объ Аврамовѣ кончилось слѣдующимъ приговоромъ:

«1738 г. ноября 26 дня, по указу ея императорскаго величества, въ кабинетѣ ея императорскаго величества присутствующіе господа министры, да генералъ Ушаковъ, по слушаніи взнесенныхъ изъ тайной канцеляріи экстрактовъ о содержащихся въ тайной канцеляріи черицѣ Маркеллѣ Родышевскомъ и Михаилѣ Аврамовѣ, разсуждая, что оный Аврамовъ напредь сего въ немаловажныхъ преступленіяхъ явился и, видя высочайшую ея императорскаго величества милость, что за тѣ его немаловажныя преступленія, по именному ея императорскаго величества указу, состоявшемуся въ 1732 году января 6 дня, всемилостивѣйше отъ смерти освобожденъ, будучи въ содержаніи въ Иверскомъ монастырѣ, не имѣвъ себѣ воздержанія, паки дерзнулъ бывшему въ томъ монастырѣ отцу своему духовному о прежнемъ своемъ дѣлѣ, по которому онъ, Аврамовъ, виновенъ... продерзостно разглашать, и потомъ къ явному жь разглашенію умышленно чрезъ бывшаго у него въ означенномъ монастырѣ на караулѣ каменщика (о которомъ уже рѣшеніе учинено), сыскавъ къ написанію случай, чего чинить было ему запрещено, писалъ къ разнымъ людямъ, прося о заступленіи въ свободѣ; а къ тому жъ въ тѣхъ своихъ письмахъ произносилъ объ ономъ прежнемъ дѣлѣ. Въ чемъ видя свою вину, паче же вышепомянутую высочайшую къ себѣ ея императорскаго величества милость, объ ономъ прежнемъ дѣлѣ разглашать и возобновлять ему не надлежало. Къ тому же по слѣдствію явилось, что и прежде начинанія о немъ дѣла, многія продерзости отъ него происходили, о которыхъ при слѣдованіи онаго прежняго дѣла въ отвѣтахъ отъ него и показывано не было; а именно: имѣвъ онъ съ помянутымъ Родышевскимъ крайнее сообщеніе, видя сочиненную онымъ Родышевскимъ и Троицкаго Сергіева монастыря іеродіакономъ Іоною, а потомъ бывшимъ разстригою Осипомъ извѣстную противную тетрадь, не объявя о ней гдѣ по указамъ надлежитъ, разглашая бывшему келарю Веніамину Ершову, съ которымъ о дѣлѣ онаго Родышевскаго разсужденія имѣлъ. При слѣдствіи объ ономъ съ означеннымъ Веніаминомъ разсужденіи, отговаривался онъ, Аврамовъ, безпамятствомъ; но вышеупомянутый разстрига Осипъ о бывшихъ секретныхъ отъ него, Аврамова, съ онымъ Веніаминомъ разговорахъ показывалъ именно. Онъ же, Аврамовъ, продерзостно разсуждалъ: въ Москвѣ во дворцѣ, въ залѣ вверху не должно бы-де писать еллинской исторіи, а лучше бы-де написать другія исторіи. Въ которыхъ противныхъ своихъ разсужденіяхъ и преступленіяхъ самъ онъ винился, какъ о томъ явно по дѣлу. Приказали: за оныя его вины, и дабы впредь продерзостей отъ него не происходило, послать

въ Охотскій острогъ на житье за надлежащимъ карауломъ, и при посылкѣ объявить указомъ ея императорскаго величества, чтобъ онъ о томъ дѣлѣ и ни о чемъ, къ тому касающемся, отнюдь ни съ кѣмъ не токмо разговоровъ и разсужденій не имѣлъ, но ни чрезъ что никому не сообщалъ, и ежели объ ономъ будетъ онъ съ кѣмъ разговоры и разсужденія имѣть, или продерзостно о чемъ разглашать, и за то безъ всякія пощады казненъ будетъ смертью. А которое недвижимое имѣніе ему пожаловано, то оное все нынѣ описать на ея императорское величество, а собственное его и женино оставить женѣ и дѣтямъ его на пропитаніе. А чтобъ дѣти его мужеска полу праздно не шатались, сыскавъ въ Москвѣ тайной канцеляріи въ контору, годныхъ написать въ солдаты; а которые явятся ко опредѣленію въ солдаты не годны, тѣхъ опредѣлить, какъ о таковыхъ указы ея императорскаго величества повелѣваютъ. А вышеозначеннаго Родышевскаго въ написаніи имъ въ самовольно, безъ указу сочиненныхъ имъ о монашествѣ тетрадяхъ немаловажной продерзости и въ прочемъ распросить со обстоятельствомъ, и предложить къ докладу. Подлинный за подписаніемъ присутствующихъ въ кабинетѣ ея императорскаго величества господъ министровъ: тайнаго дѣйствительнаго совѣтника и кавалера графа Андрея Ивановича Остермана, оберъ-егермейстера Андрея Петровича Волынскаго, да генерала и кавалера и лейбъ-гвардіи семеновскаго полку подполковника и ея императорскаго величества адъютанта Андрея Ивановича Ушакова. На подлинномъ подписано собственною ея императорскаго величества рукою тако: «опробуеца» (13 декабря 1738 года).»

Вслѣдствіе этого приговора, Семенъ Салтыковъ писалъ, 12 января 1739 г., къ Ушакову:

«Государь мой, Андрей Ивановичъ! Понеже по именному ея императорскаго величества указу, изъясненному въ письмѣ вашего превосходительства... числа прошлаго 1738 г., велѣно у Михаила Аврамова, за вины его, пожалованное ему недвижимое имѣніе все отписать на ея императорское величество, а собственное его и женино оставить женѣ и дѣтямъ его на пропитаніе; а чтобъ дѣти его мужеска полу праздно не шатались, сыскавъ въ Москвѣ въ тайную контору, годныхъ написать въ солдаты, а которые явятся ко опредѣленію въ солдаты не годны, тѣхъ опредѣлить, какъ о таковыхъ указы ея императорскаго величества повелѣваютъ; и оныхъ жену и дѣтей его о пожалованномъ оному Аврамову недвижимомъ имѣніи спросить и учинить о томъ надлежащую справку и потомъ объ ономъ обо всемъ исполненіи учинить по силѣ онаго именнаго ея императорскаго величества указу, а по исполненіи для вѣдома въ тайную канцелярію сообщить. И вышеозначеннаго Аврамова жена Анна Дмитріева, да сынъ ихъ Михайла въ тайной канцеляріи сказали: за мужемъ-де ея, Аннинымъ, а за его, Михайловымъ, отцемъ — Михайломъ Аврамовымъ пожало-

ванное недвижимое имѣніе есть въ Серпейскомъ уѣздѣ село Щербинино съ тремя деревнями, которымъ званіе одной—Т...ова, другой—Сычова, третьей—Павловская; да въ Копорскомъ уѣздѣ мыза, а какъ ей званіе—не знаютъ; да въ Санктпитербурхѣ на санктпитербурхскомъ островѣ дворъ съ деревяннымъ строеніемъ; да близь Санктпитербурха приморское мѣсто впустѣ. А кромѣ-де того пожалованнаго недвижимаго имѣнія за мужемъ ея, а за его, Михайловымъ, отцемъ ничего не имѣется. А онъ де, Михайла, въ прошломъ 1736 году въ декабрѣ мѣсяцѣ, по силѣ именныхъ ее императорскаго величества указовъ, явился въ сенатской конторѣ, и по указу изъ той конторы опредѣленъ для науки въ латинскую школу, понеже ему отъ роду двѣнадцатый годъ; а кромѣ-де его, Михайлы, другихъ мужеска пола дѣтей у нея, Анны, со онымъ ея мужемъ никого не имѣется. И по справкѣ съ сенатскою конторою о томъ, что-де оный Аврамова сынъ въ той конторѣ явился, и по желанію его для науки въ греколатинскую школу (опредѣленъ), показано именно, и по силѣ означеннаго ея императорскаго величества указа о надлежащей справкѣ и объ отписаніи на ея императорское величество вышесказанныхъ сельца Щербинина съ деревнями въ вотчинную коллегію послана промеморія. А о которой мызѣ и дворѣ, имѣющемся въ Санктпитербурхѣ, и о приморскомъ мѣстѣ, по сплѣ же онаго ея императорскаго величества указу, надлежитъ исполненіе учинить въ тайной канцеляріи. И тако объ ономъ объявя, остаюсь вашего превосходительства, государя моего, всегдашній слуга Семенъ Салтыковъ.»

Казалось бы, что со ссылкою Аврамова въ Охотскій острогъ должны были кончиться и его проэкты, и его мытарства, однако при вступленіи на престолъ Елизаветы Петровны онъ снова является съ своими задушевными мыслями и снова попадаетъ.... въ застѣнокъ тайной канцеляріи.

Неизвѣстно, въ которомъ именно году, Аврамовъ, быть можетъ возвращенный изъ заточенія по случаю воцаренія Елизаветы, подалъ пространный проэктъ, въ которомъ еще сильнѣе и рѣзче, нежели въ прежнихъ, выразился противъ преобразованій Петра по духовному вѣдомству, но опять, въ видахъ предосторожности, въ формѣ обличенія сочиненій Ѳеофана Прокоповича. Проэктъ этотъ сохранился въ полуистлѣвшей тетради, въ которой многія мѣста разобрать нѣтъ возможности. Впрочемъ, на уцѣлѣвшихъ страницахъ видѣнъ тотъ же Аврамовъ, сѣтовавшій на новые порядки при Петрѣ Великомъ, и рѣшившійся на протестъ противъ нихъ въ тяжелое для Россіи время, извѣстное въ народѣ подъ именемъ «бироншины»:

«Всему свѣту извѣстно есть, пишетъ Аврамовъ Елизаветѣ, како блаженныя и вѣчно-достойныя памяти благочестивѣйшій, всемилостивѣйшій нашъ государь императоръ Петръ Великій, отецъ отечествія, началъ и съ благочестивѣйшею великою нашею государынею

императрицею Екатериною Алексѣевною — купно обое любезные вашего императорскаго величества родители — въ общую всенародную пользу о всякихъ благихъ душеспасительныхъ дѣлѣхъ всепредѣльные имѣли свои монаршескіе труды и подвиги. Между которыми ихъ величествъ трудами во исправленіе воинскаго и гражданскаго чина благоизволилъ Господь помощь свою ихъ величествамъ подать и многая дѣла благая въ общую всенародную пользу благополучно исправить, а духовнаго чина и духовныхъ дѣлъ исправленіе праведными и непостижимыми своими судьбами до державы вашего императорскаго величества благоизволилъ оставить»....

Далѣе Аврамовъ представлялъ, чтобы при каждой церкви и обители состояло по нѣскольку человѣкъ изъ бѣльцовъ и іеромонаховъ для утвержденія въ религіи прихожанъ. Сверхъ того, онъ требовалъ еще особыхъ начальниковъ, должность которыхъ «по благословенію и повелѣнію архіерейскому при учрежденныхъ отъ св. церквей священникахъ ходить въ каждомъ приходѣ въ домы всякаго званія къ жителямъ, къ честнымъ особамъ и ко всему поспольству, понеже во всякую недѣлю имѣютъ быть одолжены священники для ученія быть въ каждомъ домѣ своего прихода и безъ всякаго опасенія и лицепріятія, со всякою данною отъ Бога себѣ властію, учить народъ страха божія и добраго жительства».... Мало этого, Аврамовъ полагалъ, что эти священники съ начальниками должны распрашивать, вмѣшиваться и даже наказывать эпитиміями домашнія ссоры, раздоры жителей между собою — однимъ словомъ, въ проэктѣ чрезвычайно наивно, съ подкрѣпленіями душеспасительныхъ цитатъ, предлагалось одно изъ теократическихъ правленій, образчикъ котораго къ несчастію существовалъ до весьма недавняго времени въ зависящихъ отъ Рима областяхъ, а нынѣ, благодаря Гарибальди, только въ одномъ Римѣ.

«Ежели сами духовные, продолжаетъ Аврамовъ, или державствующія особы въ богопротивнымъ дѣлѣхъ явятся, и о такихъ тайно духовнымъ разсмотрѣніемъ изслѣдовавъ, явно учинить и съ ними по закону божію и по древнимъ правиломъ церковнымъ. Аще же на самихъ духовныхъ и на прочихъ святыя церкве учрежденныхъ служителей и погрѣшностяхъ ихъ отъ кого явная доказательства явятся, и о таковыхъ, окромѣ соборнаго духовнаго суда, нигдѣ не слѣдовать, а, по судѣ духовномъ чинить, съ ними по древнимъ же святыя церкве правиломъ.»

Извѣстно, что при Петрѣ Великомъ были изданы постановленія, противъ разныхъ бродягъ и тунеядцевъ, шатавшихся по всему государству, безъ всякаго дѣла, и жившихъ милостынею. Въ то же время сдѣланы были распоряженія, затруднявшія поступленіе въ монашество, такъ какъ многіе принимали монашескій чинъ не по внушенію истиннаго благочестія, а изъ разныхъ мірскихъ цѣлей. Аврамовъ, разъ на-

всегда принявъ убѣжденіе, что всѣ введенные Петромъ порядки не совмѣстны съ чистотою православія, остался вѣрнымъ этому убѣжденію, былъ, какъ видно и изъ приведенныхъ выписокъ, чрезвычайно послѣдователенъ во всѣхъ выводахъ по этому предмету и, наконецъ, дошелъ въ своихъ сужденіяхъ до крайностей.

По его мнѣнію, паспорты въ государствѣ также должны были раздаваться духовными властями. «Таковыхъ паспортныхъ листовъ, говоритъ онъ, многочисленно напечатавъ, разослать во всѣ епархіи ко архіереемъ и во все государство къ приходскимъ священникамъ. И егда въ которомъ церковномъ приходѣ, кто изъ дворовыхъ всякаго званія жителей объявитъ священнику желаніе свое къ постриженію, или ради Христа кто пожелаетъ странствовать и милостынею питаться, или кто куда ради работъ и рукодѣлья проситься будетъ—и таковыхъ въ постриженіе и на странствованіе желающихъ обучать и наставлять по разуму закона божія и заповѣдей господнихъ и церковныхъ на путь истинный три мѣсяца, и потомъ отпускать въ таковой Богомъ благословенный, спасающій, божественный путь со всякою, благодаря Бога, радостію безъ задержанія. А въ работы и для рукодѣлья, аще который господинъ на то не позволитъ, таковыхъ не отпускать, а уговаривать въ домѣхъ своихъ, или гдѣ господинъ ихъ опредѣлитъ, съ послушаніемъ, всеприлежными своими трудами искать своего спасенія, что́ есть угодно передъ Господомъ. А отпуски чинить по сему: взявъ онаго въ монашество просителя во святую церковь, и при немъ священнику въ готовый печатный паспортъ изъ переписныхъ книгъ усмотря по времени отпуска, вписать тогда настоящія его лѣта и описавъ его возрастъ и всѣ человѣчеству принадлежащія на немъ примѣты, и означить въ его отпускѣ, чтобъ къ отпуску его далѣе полугода не продолжалъ бы, гдѣ хощетъ, въ монашество постриженія. А кто и ушедъ пострижется, и таковымъ отнюдь не чинить взысканія, но быть имъ свободнымъ, а для странствія и прошенія милостыни давать печатные паспорты на три года.

«Отъ всея святыя церкве о щедротахъ милостыни имѣются узаконенія, ученія и повелѣнія, а нигдѣ о переборахъ и разборахъ, о бѣдныхъ нищихъ людяхъ, кто достоинъ милости, кто недостоинъ милостыни, кому давать милостыню, кому не давать милостыни—искони таковаго между православныхъ христіанъ закону и ученія нѣтъ и не бывало. А что приводятъ обученіе апостольское, и оное обученіе токмо принадлежитъ посполито на всѣхъ главнѣйшихъ, и среднихъ и меньшихъ человѣкъ, во отвожденіе всѣхъ отъ человѣческой всякой лѣпости, приводя во общее всѣхъ житіе трудолюбное, всякаго по своему званію. Ни мало же не принадлежитъ оное апостольское обученіе въ противность закону евангельскому о довольствѣ нищихъ—

меньшихъ братьевъ христовыхъ, паипаче же во оныхъ самого Христа для сущаго паиближайшаго всѣхъ насъ вѣчнаго спасенія....

« По сему же, и блаженнѣйшій монашеской спасенія путь весьма нынѣ сталъ быть затружденъ и между всѣми огорченъ, отчего можетъ, по обычаю лютеранскому и кальвинскому, мало по малу и корень перевестися святаго душеспасительнаго монашества.»

Затѣмъ слѣдуетъ осужденіе нѣкоторыхъ мѣстъ Духовнаго регламента, но въ такихъ выраженіяхъ, что ихъ нѣтъ возможности привести здѣсь. Аврамовъ, въ простотѣ душевной, твердо былъ убѣжденъ, что неправившіеся ему новые порядки суть ни что иное, какъ наважденіе и хитрыя козни врага человѣческаго рода. Прожектеръ потомъ обращается къ печатнымъ «атеистическимъ, богопротивнымъ книжничищамъ», изъ которыхъ называетъ двѣ: одну Гюйгенса (см. выше, стр. 282—283), а другую —переводъ Кантемира: «Разговоры о множествѣ міровъ» Фонтенелля, изданный въ первый разъ въ Петербургѣ въ 1740 году.

«Изъ Гюйгенсовой и Фонтенеллевой печатныхъ книжничищъ, разсуждаетъ Аврамовъ, сатанинское коварство явно суть видимо. Въ нихъ же о сотвореніи міра еще напечатано: мірозрѣніе или мнѣніе о небесно-земныхъ глобусахъ и украшеніяхъ ихъ, которыхъ множественное число быти описуетъ, называя страннымп древнихъ языческихъ лживыхъ боговъ именами. Землю же — съ Коперникомъ — около солнца обращающуюся и звѣздъ многія толькими же солнцы быти и особыя многія луны во многихъ глобусахъ быти утверждаютъ. И на оныхъ небесныхъ свѣтилахъ и во всѣхъ множественныхъ описанныхъ отъ оныхъ глобусахъ таковымъ же землямъ, яко же и наша, быти научаютъ; и обитателей на всѣхъ тѣхъ земляхъ, яко же и на нашей землѣ, быти утверждаютъ; и поля, и луга, и пажити, и лѣса, и горы, и гады, и всякое земледѣліе, и рукодѣліе, и музыка, и дѣторадные уды и рожденіе и все прочее, яже на нашей землѣ, тамо быти доводятъ. И тако на каждыхъ глобусныхъ земляхъ собственныя вездѣ солнцы и луны быти утверждаютъ, и множественное ихъ число изчисляютъ, и на нихъ земли съ жители, звѣри, и гады и пажити такожде, яко и на нашей землѣ, все быти научаютъ. И между тѣмъ всѣмъ о натурѣ воспоминаютъ: яко бы натура всякое благодѣяніе и дарованіе жителемъ и всей даетъ твари; и тако вкрадчпся, хитрятъ вездѣ прославить и утвердить натуру, еже есть жизнь самобытную. О единой бо звѣздѣ книжничищи авторъ написалъ еще: егда 25,000 лѣтъ пройдетъ, паки полярная звѣзда на тое жь мѣсто пріидетъ, идѣ же нынѣ стоитъ. И прочая басенные, атеистическіе доводы, мнѣнія, доказанія явно во оныхъ книжищахъ разсѣваютъ, и самихъ ихъ (то есть авторовъ) въ почтенныхъ достоинствахъ и во властехъ быти попускаютъ. Прилично здѣсь заградить ихъ нечестивыя уста»....

Какъ бывшій чиновникъ бергъ-коллегіи, Аврамовъ, вмѣстѣ съ

своими представленіями объ управленіи государства духовною властью, предложилъ мѣры объ увеличеніи народнаго богатства при помощи измѣненія денежной системы. Эти измѣненія, по его мнѣнію, должны были состоять въ томъ, что всю ходячую монету въ государствѣ возвысить въ цѣнности посредствомъ наложенія особыхъ клеймъ, такъ что представлявшій въ казну 300 рублей въ монетѣ, получалъ, по наложеніи клеймъ, 330 рублей. Кромѣ того, Аврамовъ предлагалъ ввести, по примѣру другихъ государствъ, бумажныя деньги. Вообще эта часть его проэкта написана витіевато съ безпрерывными мистическими отступленіями и воззваніями, а въ концѣ высказана опять мысль, занимавшая, повидимому, Аврамова болѣе всего: «всеусердно тайно доношу, аще да благоизволите разсудить: видится весьма прилично и зѣло нужно надобно избрать единаго духовника; мужа въ православной вѣрѣ, надеждѣ и любви по всему разуму святыя соборныя каѳолическія церкви живуща.... учинить его во всѣхъ духовныхъ дѣлѣхъ полномочнымъ патріархомъ, который, по данной ему отъ Христа власти и силѣ, одолженъ смѣло, право и истинно содержать и управлять святую Церковь и собирать къ себѣ повсегодно помѣстный соборъ.»

Приведенныя здѣсь выписки достаточно показываютъ, что Аврамовъ сначала отъ бесѣдъ по разнымъ подворьямъ со старцами, а потомъ отъ знакомства съ тайною канцеляріею и гонепій, сдѣлался фанатикомъ, впрочемъ безвреднымъ. Многія мѣста его послѣдняго проэкта обличаютъ уже въ немъ выжившаго изъ ума старичка. Однако, не такъ смотрѣли на него въ 40-хъ годахъ XVIII столѣтія, что̀ свидѣтельствуетъ слѣдующая и послѣдняя бумага, касавшаяся бывшаго директора типографіи:

«По всевысочайшему вашего императорскаго величества соизволенію, повелѣно статскаго совѣтника Михаила Аврамова взять, такожь и имѣющіяся въ домѣ его книги, письма и тетради забрать въ тайную канцелярію и онаго Аврамова — въ томъ, что для чего онъ, Аврамовъ, въ поднесенной имъ вашему императорскому величеству, ноября 21 дня 174... г., книгѣ важныя и въ укоризну вашего императорскаго величества противности и о вселюбезнѣйшемъ вашего императорскаго величества родителѣ, государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ противныя разсужденія, что будто бы за подписаніе его императорскаго величества неправо сочиненнаго новгородскимъ архіереемъ Ѳеофаномъ «Духовнаго регламента» во время св. литургіи при немъ, Аврамовѣ, по сочиненіи онаго регламента и по учрежденіи синода пѣтъ былъ благодарный молебенъ, то-де его императорское величество, въ здравіи своемъ вдругъ измѣнился, почему-де онъ признаетъ, что опая въ здравіи его императорскаго величества перемѣна воспослѣдовала по волѣ Всемогущаго Бога, за подписаніе его импер. величествомъ онаго регламента, такожь и ни мало до него, Аврамо-

ва, касающіяся представленія, о которыхъ вашему императорскому величеству не безъизвѣстно и въ тайной канцеляріи явствуетъ, именно писалъ, и не имѣетъ ли онъ, Аврамовъ, къ сочиненію той книги какого злаго намѣренія, и къ сочиненію той книги не было ль у него съ кѣмъ каковаго согласія и противнаго разсужденія, и о написаніи той книги не показывалъ ли онъ, Аврамовъ, другимъ кому — распросить обстоятельно».

«И по оному вашего императорскаго величества высочайшему соизволенію оный Аврамовъ въ тайную канцелярію взятъ и сперва въ распросѣ, а потомъ, и по приводѣ въ застѣнокъ, въ пространномъ распросѣ жь показалъ: объявленную-де книгу вашему императорскому величеству онъ, Аврамовъ, подалъ и въ той книгѣ многія важныя во укоризну вашему императорскому величеству противности, такожь и другія ни мало до него, Аврамова, слѣдующія представленія писалъ онъ, Аврамовъ, съ сущей простоты своей, желая вашему императорскому величеству спасенія, чтобъ повелѣніемъ и попеченіемъ вашего императорскаго величества житіе христіанское было во всемъ благочестное по преданію св. церкви, и такожь, чтобъ люди препровождали житіе свое по закону христіанскому и по ученію и преданію св. апостолъ и отецъ; а злого-де вашему императорскому величеству противнаго никакого умыслу и намѣренія въ сочиненіи оной книги онъ, Аврамовъ, не имѣлъ и нынѣ не имѣетъ, но оное-де болѣе учинилъ онъ, Аврамовъ, отъ объявленной своей простоты, такожь и означенныя о его императорскомъ величествѣ государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ предписанныя рѣчи написалъ же онъ съ сущей же простоты своей.— А оную-де поднесенную вашему императорскому величеству книгу, какъ начерно сочинялъ, такъ и переписывалъ самъ онъ, Аврамовъ, и въ сочиненіи де оной не имѣлъ и ко вписанію-де въ ту книгу ни о чемъ никто ему, Аврамову, совѣту и разсужденія не придавалъ, и оной-де книги, какъ черной, такъ и бѣлой, никому онъ, Аврамовъ, никогда ни для чего не показывалъ и другихъ-де таковыхъ же сочинителей никого ни чрезъ что онъ, Аврамовъ, не знаетъ; но только-де какъ оную книгу начерно и набѣло онъ, Аврамовъ, переписалъ и тогда-де при исповѣди отцу своему духовному, церкви гребенскія пресвятыя Богородицы священнику Степану Ананьину говорилъ, что-де намѣренъ онъ, Аврамовъ, нѣкоторую вашему императорскому величеству сочиненную имъ книгу подать. Который-де попъ на то сказалъ, ежели-де что не противно Церкви святѣй, то Богъ тебѣ въ помощь, подавай. Токмо что въ оной книгѣ было написано, оному попу онъ, Аврамовъ, не сказывалъ и оный попъ ни почему о томъ не зналъ»....

«По всенижайшему тайной канцеляріи мнѣнію разсуждается: оный Аврамовъ за сочиненіе имъ вышепоказанныхъ противныхъ книгъ, а паче, что онъ всѣми своими сочиненно-противными и до него, Аврамова, ни мало принадлежащими книгами подачею дерзновенно утруж-

далъ ваше императорское величество, — подлежалъ онъ жестокому наказанью, но понеже какъ изъ распросу Аврамова, такъ и по приводѣ въ застѣнокъ и съ пристрастного распроса оказалось, что онъ тѣ противныя книги сочинялъ и вашему императорскому величеству подлчею утруждалъ съ сущей простоты своей; къ тому жь, по усмотрѣнію тайной канцеляріи, явился онъ, Аврамовъ, весьма въ престарѣлыхъ лѣтахъ, чего ради, а паче для многолѣтнаго вашего императорскаго величества и высочайшей вашего императорскаго величества фамиліи здравія — не соизволитъ ли ваше императорское величество отъ того наказанія учинить его, Аврамова, свободна; а дабы впредь отъ него таковыхъ весьма противныхъ сочиненій происходить не могло, не чиня ему наказанья, послать въ пристойный монастырь, гдѣ велѣть содержать его подъ крѣпкимъ присмотромъ, до кончины живота его, никуда неисходна; а ежели же онъ, Аврамовъ, пожелаетъ въ томъ монастырѣ принять монашескій чинъ, и въ томъ ему, Аврамову, позволить: такожь, перьевъ и чернилъ ему, Аврамову, не давать. Все же оное предается въ высочайшее милосердое соизволеніе вашего императорскаго величества. Графъ Александръ Шуваловъ».

Это была послѣдняя извѣстная объ Аврамовѣ бумага, и дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. Вѣроятно онъ умеръ вскорѣ послѣ пристрастныхъ распросовъ въ застѣнкѣ, тѣмъ болѣе, что даже тайная канцелярія, въ лицѣ страшнаго командира ея, Шувалова, усматривала его въ престарѣлыхъ лѣтахъ. Проэкты и приключенія этого лица имѣютъ значеніе для русской исторіи XVIII столѣтія въ томъ отношеніи, что знакомятъ историка съ мнѣніями и дѣйствіями той многочисленной партіи, которая со временъ Петра и довольно долго потомъ находилась въ оппозиціи противъ извѣстныхъ преобразованій, приведенныхъ въ исполненіе и поддерживаемыхъ съ тѣхъ поръ исключительно въ Петербургѣ. Аврамовъ былъ человѣкъ, на которомъ отразилась старинная Русь. Къ чести его должно сказать, что, стоя за обскурантизмъ и стараясь подкопаться подъ Прокоповича, который тогда былъ представителемъ просвѣщенія, Аврамовъ руководился не личными разсчетами, не сословными интересами, что̀, какъ извѣстно, было главнѣйшимъ двигателемъ въ нападкахъ его пріятелей и сторонниковъ на подворьяхъ, но глубокимъ убѣжденіемъ, вкоренившимся въ немъ отъ воспитанія и посторонихъ, весьма понятныхъ вліяній. Этихъ убѣжденій не могли въ немъ поколебать ни ссылка, ни застѣнокъ. Въ наше время, богатое, къ сожалѣнію, громкими фразами, противорѣчіями слова съ дѣломъ, безпрерывнымъ колебаніемъ мнѣній, постыдными переходами отъ одного убѣжденія къ другому изъ выгодъ или просто по слабоумію, въ наше время дѣйствія Аврамова, хотя и заблуждавшагося, могутъ казаться геропческими.

ПРИЛОЖЕНІЯ

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Письма бургомистра Витзена къ Петру Великому (Кабинетныя дѣла II, кн. № 1, л: л: 64, 54, 55, 56 и кн. № 26 л: 20).

а.

Пресвѣтлѣйшій велеможнѣйшій монарха! Егда указомъ вашего царскаго величества дана мнѣ та честь, еже мнѣ сподобитися пріяти двѣ ваши государевы грамоты, едина къ королю англійскому, вторая къ высокомочнымъ господамъ, тогда вскорѣ, не отлагая, оныя гдѣ надлежитъ я подалъ и не престалъ есмь, дондеже получилъ пристойное намѣреніе господъ статъ, объ которомъ присутствующая при семъ грамота имать глаголати, я же не сомнѣваюся (чтобы она) до вашего царскаго величества рукъ дошла. Азъ же за величайшую честь пріемлю, яко пріяхъ случай, въ которомъ сподобился ревность еже въ дѣлахъ належащихъ къ службѣ вашего царскаго величества услугу мало показать.

При семъ вашему царскому величеству смиренно молю, чтобъ и впредь благоизволили въ милостивомъ своемъ государскомъ призрѣніи голландскій народъ прибытки ихъ имѣти и паче сихъ иные предпочитаны не были.

Въ наивысшее счастіе почитаю, егда въ вашей царскаго величества милости пребывати буду и впредь, елико ми возможно, услуги своя во знакъ моего покорнаго благодаренія за толикія благодати, ихъ же отъ вашего величества пріялъ есмь, явити.

По сихъ желаю, да Всемогущій Господь Богъ святой вашей государской особѣ счастіе и всякое благословеніе и благополучіе на лѣта премногія со одолѣніемъ на супостаты, яко же Александру, и премудрость Саломону да подаетъ.

И тѣмъ съ покорнымъ моея должныя службы объявленіемъ пре-

бываю, пресвѣтлѣйшій, всемоужнѣйшій монарха, вашего царскаго величества весьма смиреннѣйшій и служити готовѣйшій и послушный рабъ Николай Витценъ. Въ Амстердамѣ, октября въ 1 день 1698 года.

б.

Doorluchtigste grootmachtigste Monarch. Het ware mÿ schuldig te maken aan de aldergrootste ondankbaarkheit, indien ik niet bÿ alle occasien trachtede mÿnen geringen dienst Uwe Zaarse Majesteiten aan te bieden: gelÿk dan bÿ ovenkomst van Toonder dezes gants demoedelÿk kome te doen, die uit mÿnen... Hem de behoonlyke eenbiedigheit zal bewÿzen e... dankzeggingen doen voor zo vele genoten... die ik zo lange als mÿ den Almachti... by leve late Zal trachten te erkennen. Hem feliciterende met Lyfsgezontheit, heilzame te rugkomst van Zÿne zo glorieuse expeditie naar Azof en verrichtengen die Zÿne onverkwelbare Eer, de gantsche Werelt door Roemruchtig maken. Jk bidde den Godt des Hemels dat Hÿ de Loflÿke ondernemingen Uwer Zaarse Majesteiten ten besten van den Christen Naam en Zÿnd grootmachtichste Zaarschappen en Rÿken zegene en Vookspoedigmake, Hem beware tot in lankheit van dagen Hem gunne de Wÿsheit van Salomon, de jaaren van Metusalem en do overwinningen van David. Waarmede vekblÿve.

Doorluchtigste grootmachtigste monarch
Uwer Zaarse Mejesteiten.
gants demoedigen dinar
N. Witsen.

julii 1699.

Переводъ.

Пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій монархъ! Достоенъ бы я почтенъ быти за великаго неблагодарнаго, егда бы во всякихъ случаяхъ не мыслилъ свою малѣйшую услугу вашему царскому величеству предлагати, равно яко же при отъѣздѣ объявителя сего всепокорно чиню, который вамъ именемъ моимъ достойное поклоненіе учинитъ и возблагодаритъ за толь многія мнѣ показанныя благодѣянія, которыя азъ толь долго, дондеже всемогущій Богъ въ животѣ меня оставитъ, буду мыслить, признавать. Поздравляя вамъ тѣлеснымъ здравіемъ, здравымъ возвращеніемъ изъ такого своего преславнаго походу изъ подъ Азова, и исполненіе которое вашу неувядаемую славу во всемъ свѣтѣ распрославитъ. Азъ молю Бога небеснаго, дабы онъ славное намѣреніе вашего царскаго величества къ пользѣ христіанскаго имени и вашихъ пресильнѣйшихъ царствъ и государствъ благословилъ благоудачнымъ сочиненіемъ, и да сохранитъ васъ въ долготу дней, и да подастъ вамъ премудрость Саломонову, лѣта Маѳусаиловы и преодолѣніе Давидово.

При семъ пребываю пресвѣтлѣйшаго, державнѣйшаго монарха, вашего царскаго величества всепокорный слуга Н. Витсенъ. Изъ Амстердама, іюля въ 4 день 1699 г.

21 марта 1700 г., Виніусъ писалъ къ Петру: «съ сею, государь, почтою, Витценъ, при нижайшемъ своемъ поклонении тебѣ, государю, доноситъ, что голландскій посолъ писалъ къ статамъ, что турки посредство англійскаго посла и голландскаго пріятно воспріяли, и турки дали о томъ на письмѣ, и въ дѣло тѣ послы вступили и обѣщались все дѣлать, что къ пользѣ вашей государской принадлежитъ и сколько имъ учинить возможно»...

в.

Пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій монархъ! При пріѣздѣ г. Кинсіуса, паки азъ воспріялъ знаки вашего царскаго величества милости ко мнѣ, которая чрезъ вашу собственною рукою писанную грамоту, еже мнѣ паче всѣхъ прочихъ, которые могутъ мнѣ отъ кого даны быть; которую азъ во всю жизнь свою сохранятп буду, яко зеницу ока моего, и руку оную любити, яко собственное свое сердце.

При томъ же дошло еще толь драгоцѣнное честное портище, которое вашего царскаго величества щедрая рука мнѣ безъ заслуги жалуете, или на меня возлагасте, за что вамъ всепокорнѣйше благодарствую, моля Всемогущаго Бога, дабы освященную особу вашего царскаго величества сохранилъ въ долготу дней, увѣнчалъ благословеніемъ и споспѣшествомъ, и сочинилъ васъ устрашающимъ всѣхъ вашихъ непріятелей. Сего молитъ и желаетъ, пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій монархъ, вашего царскаго величества покорный и должный слуга Н. Витценъ. Изъ Амстердама, апрѣля въ 7 день 1700 года.

г.

Къ царскому величеству бургомистръ Николай Витценъ пишетъ изъ Амстердама, отъ 3 апрѣля 1716 года: что ваше царское величество, по моему всепокорнѣйшему прошенію, всемилостивѣйшую заступительную грамоту изъ Санктпитербурха, отъ 17 декабря 1714 году, къ его высококняжей свѣтлости герцогу курляндскому, за моего племянника Іоанна Витцена, во время жизни его бывшаго бальва амстелландскаго и шепена здѣшняго города Амстердама,—въ его на помянутаго герцога, его свѣтлость, имѣющей праведной претензіи 26, 702 гульденовъ капитала,—всемилостивѣйше пожаловать изволили, за то повторяю симъ мое прежъ сего учиненное всепокорнѣйшее благодареніе. Но всеуниженно при томъ донести имѣю, что я

помянутую всемилостивѣйшую грамоту не токмо съ должнымъ почтеніемъ подать, но и къ полученію скораго тому дѣйства чрезъ голландскаго въ Гданскѣ резидующаго коммиссара Блейзвика, по именному ихъ высокомочія указу, о томъ крѣпко домогаться велѣлъ, но по се число никакою милостивою резолюціею, ни платежемъ удостоенъ быть не могъ. И понеже между тѣмъ помянутый мой племянникъ въ своихъ еще младыхъ лѣтѣхъ умре и одну зѣло печальную вдову, нынѣ правительствующаго г. бургомистра Гофта дщерь, съ тремя малыми дѣтками по себѣ оставилъ, того ради я, по ихъ жалостному прошенію, изъ натуральной христіанской должности оставить не могъ ваше царское величество паки всепокорнѣйше просить: по природной любви къ справедливости, такожъ и высокопохвальному ко всѣмъ вдовамъ и сиротамъ имѣющему(ся) всемилостивѣйшему сожалѣнію,—къ помянутому герцогу курляндскому отписать благоволить и къ тому привесть, дабы оная печальная госпожа вдова въ своей справедливой претензіи однажды удовольствована и вне жалобъ содержана была. Такую высокую цесарскую милость и благодѣтель помянутый г. бургомистръ Гофтъ и я во всѣхъ приключившихся случаяхъ, по возможности и силѣ, отслужить стараться будемъ. Н. Витценъ.

II.

Письмо доктора Рюйша къ Петру Великому (Кабинетныя дѣла II № 1, л. 839—840).

Профессоръ Фридерикусъ Рюйшъ желаетъ царскому величеству всякаго здравія и многолѣтія. Понеже вы, великій государь, ваше царское величество изволили породному господину бургомистру Витцену послать склянницу съ ящерицами и червяками съ симъ уговоромъ, дабы онъ со мною подѣлилъ по поламъ, еже помянутый господинъ мнѣ и вручилъ, и приказалъ, дабы я вашему царскому величеству, въ воздаяніе, удивительныхъ вещей восточныхъ и западныхъ Индѣй послалъ бы. И сія азъ тотчасъ хотѣлъ исполнить и послалъ я къ вашему царскому величеству: 1) вельми удивительную ящерицу съ острыми чечюями; 2) малый лигванъ, имѣя зеленое брюхо изъ западныя Индѣи; 3) рыбка изъ острова Каракуасъ, имѣя черное пятно на хвостѣ; 4) двоеглавную змію оттуды жъ; 5) восточной Индѣи сверчокъ; 6) выпоротокъ рыба Гай, Каракауса жъ острова; 7) золотой жучекъ изъ шпанскихъ западныхъ Индѣй; 8) вельми удивительная птица изъ восточныя Индѣи; 9) пречюдная ящерица изъ восточныя Индѣи; 10) еще ящерица; 11) двѣ змѣи изъ восточныя Индѣи.

Нынѣ же есть мое униженное прошеніе, дабы вы, всемилостивѣйшій государь, изволили обѣщаніе свое напамятовать по своей запискѣ въ памятной книжицѣ и прислать мнѣ двѣ человѣческія кожи выдѣлан-

ныя—ихъ гораздо бо желаю. А я потщуся вашему царскому величеству по вашему желанію и еще такихъ же удивительныхъ вещей собрати. Что надлежитъ червяки(овъ) съ желтыми пятнами, и тѣ намъ вельми пріятны были, понеже до того никогда такіе къ намъ не приходили. Аще лучится впредь такихъ собрать въ ящикъ, и надлежитъ ихъ кормить свѣжими листами, на которыхъ они живутъ. И тако мочно видѣть, какъ они перемѣняются, по немногіе дни повращаются въ бабочки. Сію бабочку, аще булавкою проткнешь и укрѣпишь, дабы она висѣла, потомъ ящикъ засмолить; дабы ихъ никакая гадина не испортила. Аще вы, великій государь, укажите намъ такихъ прислать, вельми намъ пріятно будетъ. Такимъ же подобіемъ мочно и иныхъ большихъ червяковъ убрати. Мы несумняемся, на Москвѣ многія такія удивительныя бабочки и иныя всякія гадины изобильно обрѣтаются, которыя бъ намъ вельми пріятны были.

Желалъ бы азъ, дабы къ намъ прислали всякихъ жучковъ, прузіи, великія мухи, оводы, дивныя лягушки, зміи, крысы, бѣлки летучія и иные звѣрки въ хлѣбномъ винѣ; также всякія маленькія рыбки, длиною съ персть до пяди.

Около Азова обрѣтаются разные звѣрки и рыбочки маленькія; аще укажете къ намъ такихъ въ хлѣбномъ же винѣ прислать, и насъ вы, великій государь, вельми одолжите и обвяжите вашему царскому величеству противъ того послати, елико намъ возможно есть. Симъ кончаю и остаюся вашего величества покорнѣйшій рабъ Фридерикусъ Рюйшъ. Писано изъ Амстердама, іюля въ 16 день 1701 году.

III.

Прошенія Ильи Копіевскаго и Яна Юнга (Кабинетныя дѣла, II. кн № 1, л: 378, 380, 381, 377, 892, кн. № 8, л: 924 — 925).

а.

Божіею милостію пресвѣтлѣйшему и державнѣйшему великому государю, царю и великому князю Петру Алексѣевичу, всея великія, и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу.

Бьетъ челомъ твоему пресвѣтлѣйшему царскому величеству холопъ твой Ильюшка Ѳедоровъ Копіевскій, духовнаго чина, вѣры реформатскія собору Амстеродамскаго. По указу твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества, написалъ я воинскихъ дѣлъ промыслы нѣкоторія и статьи къ нимъ, но не можно было совершеннаго толкованія въ статьяхъ скорымъ дѣломъ написать, потому-что французъ, который имался дѣлать приправы воинскія, отъѣхалъ былъ въ Бруксель.

Обаче же подражая древнихъ монарховъ и храбрыхъ воиновъ ро-

мыслы, вся совокупилъ во едино и, запечатовавъ, вручилъ я великому боярину Ѳедору Алексѣевичу. А мнѣ подъячій Михайла Ларивоновъ отпечатованныя — на укоризну приведши мя въ поварню — предъ всѣми отдалъ мнѣ, аки бездѣлицу какую, поругаяся мн. сказалъ: у насъ-де промышленныхъ людей на Москвѣ стегаютъ! Мошно дѣло, аще тѣхъ, которіи хотятъ точно жалованье взять твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества денежное. Не таково же было и есть мое намѣреніе, а умноженія и расширенія ради великія славы твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества потрудился, и до нынѣ еще труждаюся. Не имѣлъ вины подъячій поругатися мнѣ.

Извѣстно есть твоему пресвѣтлѣйшему царскому величеству, колико я князей и дворянъ твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества училъ болѣ году, а за тое не желалъ отъ нихъ денегъ, аще же трудился, ихъ ради, днемъ и нощію. Вси же поѣхали и спасибо не сказавши за ученіе; по сопротивно мои жъ еще глобусы четыре, не заплативши, завезли: два — князь Осипъ Ивановичъ Щербатовъ тые глобусы, которые были на пидѣйскомъ дворѣ. Два глобусы завезлъ Семенъ Андреевичъ Салтыковъ за тое, что я его долгое время училъ и трудился его ради. Вся же сія претерпѣхъ великія ради славы твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества и не бысть ничто же мнѣ препятіемъ въ трудѣхъ моихъ. Болѣ 20 книгъ написалъ я на славу твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества и на всемірную пользу великороссійскаго государства, яко же и росписка, здѣ положенная, свидѣтельствуетъ.

Того ради, великій государь, и въ Берлинъ я не ѣхалъ къ курфирстовскому величеству, а здѣсь я остался труждатися не Тессинга ради — онъ не можетъ мнѣ заплатить противу великихъ трудовъ моихъ, въ нихъ же со усердіемъ труждаюся, — наипаче же въ написаніи книги по указу твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества, ея же оглавленіе здѣ у подножія ногъ твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества покладаю, чтобы извѣстно было, аще будетъ полезна или не, имамъ ли совершати или не? На повторный указъ твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества ждати готовъ, а безъ указу не смѣю, горести исполненъ. И промысловъ воинскихъ ради и Аристотель сицевыя книги, по указу Александра Великаго, писалъ.

Милосердый, пресвѣтлѣйшій и великій государь! пожалуй меня, холопа своего, повели, великій государь, глобусы мои поплатить и о написаніи книги меня увѣстить. О томъ бью челомъ твоему пресвѣтлѣйшему величеству и падъ кланяюся. Змилуйся, пресвѣтлѣйшій и великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевитъ всея великія, и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ! твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества вѣрный подданный, нижайшій и покорнѣйшій холопъ Ильюшка Ѳедоровъ Коніевскій, духовнаго чину вѣры рефор-

матскія амстеродамскаго собору. Въ лѣто 1699, въ 18 день мѣсяца декемврія.

При этомъ прошеніи Копіевскій приложилъ два, печатанные въ типографіи Тесснига листка реестровъ (на латинскомъ и русскомъ языкахъ) книгъ, которыя онъ или издалъ, или приготовилъ къ печати. Помѣщаемъ здѣсь эти реестры, вмѣстѣ съ другими двумя, напечатанными имъ же при латинской грамматикѣ 1700 года и славяно-россійской грамматикѣ 1706 года.

1699 г.	1700 г	1706 г.
—	—	—
Ordo exhibens infra nominatos sigillatim libros in spatio 17 mentium ab anno scilicet 1698 scriptos in hunc usq. diem 31 octobris 1699 finitos cum adjutario Christi autore Elia Kopijewicio, alias de Hasta Hastenio, quos cum gratia et privilegio serenessimæ Careae Majestatis, Amstelodami scripsit, ibidemque loci et typis mandavit. Рядовой чинъ, имъ же книги именуются въ 17 мѣсяцахъ списаны, сирѣчь начеши лѣта отъ Р. Х. 1698 даже до нынѣшняго дня совершаемы авторомъ Elia Ѳедоровымъ Копіевскимъ, си есть отъ копіи Копіевскимъ, яже по указу пресвѣтлѣйшаго и великаго государя въ Амстеродамѣ писалъ и въ друкъ, или печать, издалъ:	Рядовой чинъ, имъ же книги именуются, писаны и изданы авторомъ Elia Ѳедоровымъ Копіевскимъ, иже, по указу великаго государя, въ Амстеродамѣ писалъ и въ печать издалъ:	Index exhibens libros in lingua russica, seu moscovitica scriptos auctore Elia Copijewitz, alias de Hasta Hastenio. Libri typis mandati et in imperium Moscoviæ missi:
1) Praecognita historiarum, seu introductio in omnem historiam, cum brevi descriptione totius terrarum orbis. Введеніе во всяку исторію съ написаніемъ кратким всея вселенныя.	1) Введеніе во всякую исторыю.	1. Primus liber Præcognita historiarum, sive introductio in omnem historiam cum breve descriptione totius universi, russice. In quarto.

2) Introductio in arithmeticam russice, cum sententiis. Руководеніе во аритметику.

3) Planisphærium seu globus cum explicationibus. Толкованіе поверстанія круговъ небесныхъ.

4) De re militari, russice. О дѣлѣ воинственномъ.

Hi quatuor typis impressi sunt. Inferius describuntur qui sunt sub incude. Тіи чтири отдрукованы суть; нижае пишутся, которыя въ друкъ идутъ:

5) Nomenclator trium linguarum latine, russice et germanice. Номенкляторъ на латинскомъ, русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ.

6) De re navali seu de arte navigandi cum figuris, russice. Шиперская морскаго плаванія въ лицахъ.

7) Grammatica, latine et russice. Грамматика лат. и русская.

8) Vocabula rhythmica seu versificata russice et latine. Вокабулы стихами русскіе и латинскіе.

9) Quintus Curtius Rufus de rebus Alexandri Magni, russice. Квинтусъ Курцій о великомъ Александрѣ.

10) Chronologia s. et politica a condito orbe, russice. Лѣтописіе отъ созданія міра.

11) Synopsis exhibens originem sclavonico Rosseanæ celeberrimæ gen-

2) Руководеніе въ арытметику, сирѣчь во всякой счетъ.

3) Поверстаніе круговъ небесныхъ съ толкованіемъ.

4) О дѣлѣ воинственномъ.

5) Номенкляторъ на русскомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкѣ.

6) Вокабулы стихами латинскіе и русскіе.

7) Притчи Есоповы на латинскомъ и русскомъ языкѣ.

8) Грамматыка латинская и русская.

Отъ тѣхъ Иванъ Андрѣевъ Тесингъ шесть напечаталъ, онъ двѣ.

Послѣдуютъ въ печать уготованныя:

9) Шыперская книга морскаго плаванія.

10) Квинтусъ Курціушъ о великомъ Александрѣ Македонскомъ.

11) Лѣтописіе отъ созданія міра, на всяко лѣто что дѣялося.

2. Introductio in arithmeticam, russice.

3. Planisphærium cum explicationibus, russice. In 12.

4. De re militari, seu institutio rei militaris, russice, in 8.

5. Nomenclator in lingua latina, germanica et russica. In 8.

6. Vocabula rhitmica, per integram nomenclaturam collecta. In 8.

7. Fabulæ Aesopi, latinæ et russice scriptæ. In 8.

8. Grammatica latina cum versione russica. In. 8.

9. De re navali seu arte navigandi, russice. In. 4°.

10. Carmina triumphalia sacræ tzareæ majestatis, Asoviensis victoriæ, russice. In 4°.

11. Compendium Rhetoricæ simul et oratoriæ brevissimum. In 8°.

tis, tum urbis Kioviæ ac principum ejus, aut vitam et gesta potentissimi ducis Wladimiri et successores ejusdem imperii, usq. ad magnum Imperatorem Alexium Michailovecium, utriusq. Russiæ absolutum dominum. Ex sclavonica veritate latine reddita. Синопсисъ кіевская о началѣ славенороссійскаго народа, на латинскомъ языкѣ.

12) Ectipum theatri politici, carminibus polonicis redditum. Образъ позору политычнаго польскій.

13) Paradigmata declinationum et conjugationum 3 linguarum. Парадыгмата склоненія и спряженія языковъ трехъ.

14) Fabuli Aesopi cum figuris. Притчи Есоповы въ лицахъ.

15) Compendium oratoriæ brevissimum pro incipientibus. Орацыитворная книжка латинская.

16) Compendium Rhetoricæ compendiosissimum in usum juventutis. Риторика латинская.

17) Biblia s. cæpta sunt latine, russice, polonice. Библіа русская и латинская.

Hi 4 nondum completi. Тіи еще не совершены:

18) Lexicon latine et russice. Лексиконъ латинскій и русскій.

12) Синопсисъ кіевская на латинскій языкъ преведена.

13) Образъ позору политычнаго, польскій.

14) Парадыгмата склоненія и спряженія на нѣмецкій, русскій и латинскій языкъ.

15) Ораторыя латинская.

16) Риторика латинская.

17) Разговоръ въ 40 главахъ на латин., рус. и нѣм. языкѣ.

Сіи же совершаются:

18) Лексиконъ на рус. и лат. языкѣ.

12. Politicus doctus, docteque Pius carminibus polonicis redditus. In 8.

Sequuntur libri jam præparati ad imprimendum:

1. Chronologia sacropolitica, a condito orbe usque ad devastationem, Ierusalem, cum calendario biblico, russice et polonice. In folio.

2. Quintus Curtius Rufus de rebus Alexandri magni, russice. In quarto.

3. Paradigmata declinationum et conjugationum latine, germanice et russice.

4. Grammatica germanica cum versione russica. In 8.

5. Vestibulum Comenii latine, germanice et russice. In 8.

6. Colloquia familiaria 40 captibus distincta latine, germanice et russice. In 8.

7. Lexicon russice et latine.

8. Biblia sacra in lingua sclavonica ad ordinem seu versus redacta. In folio.

9. Grammatica sclavonica sufficientissima. In quarto.

10. Grammatica russica cum versione latina.

11. Calendarium rosseanum russice. In 4°.

Hi libri nondum completi:

1. Concordantiæ bibliorum in lingua sclavonica perficiuntur.

2. De quatuor monarchiis ex variis histori-

19) De 4 monarchiis breve compendium, russice. О четырехъ монархіяхъ, краткое собраніе.	19) Описаніе четырехъ монархій.	corum monumentis colligitur opusculum.
20) Colloquia familiaria, latine et russice. Разговоръ русскій и латинскій.	20) Конкорданцыя на рус. языкѣ на всею библію московскую.	
21) Concordantiæ bibliorum russice. Конкорданція на русскомъ языкѣ.	21) Горацый флякусъ о добродѣтели стихами поетыцкими, русскій.	
Imprimuntur typis Amstelodami Сія вскорѣ дастъ ли Богъ совершатся четыри послѣднія.		

При вышеприведенномъ прошеніи 1699 года приложена была записка о книгѣ, которую сочинялъ Коніевскій по приказанію Царя.

«Книга политычная и написаніе ея въ составленіи. Часть I: 1) поверстаніе всякихъ чиновъ; 2) письмена и польза ихъ; 3) строеніе твердаго, основанія и крѣпости государствъ; 4) смиреніе вѣчное бунтовъ и мятежа; 5) искорененіе разбоевъ и воровства; 6) экономіи государственныя во всѣхъ городахъ какову пользу приносятъ и каковымъ образомъ стропти подобаетъ. Оглавленіе вторыя части тояжъ книги: 1) домовые заключаетъ промыслы; 2) полевые, яко Рязань, Сѣверъ, Бѣлая Русь требуютъ; 3) лѣсные, яко великій лѣсъ Осетръ рѣка, вяземскій лѣсъ и пр.; 4) водяные, яко новогородская половина, Волга рѣка, Донъ; 5) луговыя, яко Великія Луки и пр.; 6) градскіе; 7) торговые; 8) компаніи; 9) сплавы; 10) откровеніе сокровищъ въ деревенскихъ промыслахъ.

«Здѣ явѣ показуется, яко приходъ пресвѣтлѣйшаго и великаго государя на всякъ годъ не единаго десятка бочекъ золота липается. Вся сія въ статьяхъ явственно счетомъ спишутся мала и велика по чину».

б.

Божіею милостію пресвѣтлѣйшему и державнѣйшему великому государю, царю и великому князю Петру Алексѣевичу всея великія, и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу.

Бьетъ челомъ твоему пресвѣтлѣйшему царскому величеству холопъ твой Илюшка Ѳедоровъ Коніевскій, духовнаго чина вѣры реформатскія собору амстеродамскаго. Жалоба мнѣ, пресвѣтлѣйшій и великій государь, на прикащиковъ Василья Остафьева и Алексѣя Оста-

фьева Филатьевыхъ: въ прошломъ году, пресвѣтлѣйшій и великій государь, 1699 отъ Р. Х. въ 15 день марта, билъ челомъ я твоему пресвѣтлѣйшему царскому величеству и далъ имъ въ руки челобитную, а они обѣщевались послать къ Алексѣю Остафьевичу, хозяину своему — онъ мѣлъ поднести твоему пресвѣтлѣйшему царскому величеству; потомъ и потапли они жъ у себя. Сіе же содѣлалъ Ивашко Ѳедоровъ, сопротивный твоему пресвѣтлѣйшему царскому величеству.

Второе дали были мнѣ парня татачюка (татарченка?) на ученіе на цѣлый годъ и уговорилпсь платить 240 гульденовъ за харчъ, кромѣ ученія. Егда я не хотѣлъ его брать, обѣщевался и сына хозяйскаго привести на ученіе ко мнѣ и денегъ болѣ дать. И тако на ихъ слово, я и домъ наялъ опричонный (oprieczny — слово польское: отдѣльный, особенный) на годъ, далъ 95 гульденовъ. Поучивши же три мѣсяцы парня, послалъ его къ нимъ денегъ проспти, понеже забпрались ѣхать къ Москвѣ. А они меня прельстили, парня задержали у себя и денегъ не дали. Потомъ, парня прибрали въ драгоцѣнное платіе, княземъ верстаяся, и дали иному человѣку на ученіе.

Третіе: просили меня, чтобъ я написалъ какую книгу полезную и далъ напечатати сколико тысящей, а они обѣщались поплатить. И я, написавъ зѣло полезную книгу цыфирную съ притчами, далъ напечатать книгъ 3350. А они меня и въ томъ прельстили и книгъ не хотѣли взять, а мнѣ убытокъ великій содѣлали. Егда же нарочитіи людіи здѣшніе начаша обличати ихъ и поносити имъ, хуля хитростную и лестную ихъ кову, тогда видя, Михайло Ивановъ, старѣйшій прикащикъ, хотѣлъ взять книги и поплатить, но Ивашка Ѳедоровъ никакими мѣрами не хотяше, сказывая, что онъ къ Архангельскому городу не поѣдетъ, а въ иную землю послапъ, а къ городу и забпрался и поѣхалъ. И тако, по совѣту Ивана Андреева Тессинга и Ивана Іевлева Молодого, послалъ я книги тѣ къ Москвѣ къ Логвину Логвинову.

Милосердый, пресвѣтлѣйшій и великій государь! умилосердися надо мною, пожалѣй меня, холопа своего: повели, великій государь, имъ книги мои поплатить и убытки мои на нихъ доправити — по два алтына точію книга всякая, то содѣлаетъ тысящо гульденовъ съ лишкомъ, 95 гульденовъ за домъ. Змилуйся и проч.

В.

Пресвѣтлѣйшему и державнѣйшему великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичу всея великія, и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу.

По указу твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества, посылаю раковины морскія и прочія иноземскія индѣйскія вещи, яко крокодиля малого и разныя насѣкомыя. И на сіе все роспиеку покладаю въ ни-

III.

санію, такожде и грамматыку латинскую съ толкованіемъ на славенороссійскій языкъ, которую я купилъ здѣ у того человѣка, который самъ ю издаде. Понеже прежде Тессинга ему былъ данъ указъ твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества печатать книги, яко шыперскую книгу морскаго плаванія на русскомъ языкѣ и прочія. И много книгъ онъ написалъ, точію не смѣетъ печатать, зане Тессингу указная твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества дана грамота. А сію граматыку латинскую въ печать издаде, понеже въ твоей великаго государя указной грамотѣ Тессингу латинскихъ книгъ не дано. Сего ради я, падъ, кланяюсь у подножія ногъ твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества и со всякою покорностію прошу: умилосердися, пресвѣтлѣйшій и великій государь, пожалуй меня сироту своего, повели мнѣ печатать латинскія съ русскимъ толкованіемъ книги и чтобы мнѣ свободно было привозить и продавать тѣ книги въ великороссійскомъ государствѣ твоего пресвѣтлѣйшаго царскаго величества, а я что лучше книги дѣлать и посылать стану. Змилуйся, великій государь! Твоего пресвѣтлѣйшаго августѣйшаго и державнѣйшаго царскаго величества нижайшій и покорнѣйшій Иванъ Іевлевъ Молодой, anders Jean de Jonge. Амстердамъ, 4 день августа. а: 1700. (Все прошеніе писано рукою самого Копіевскаго).

г.

Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій! Въ прошломъ 1707 г., далъ я на себя вашего царскаго величества въ концелярію поруку, и дано мнѣ изъ той концеляріи на проѣздъ до Гданска и для покупки книгъ 50 ефимковъ. И, будучи я во Гданску, сыскалъ купить толки одну книгу Браунову артиллерію, а больши того иныхъ книгъ купить я несыскалъ. И изо Гданска взявъ свою румедишку (отъ польскаго rum—хламъ, тряпье) и дочь дѣвицу, поѣхалъ къ вашему царскому величеству до полковъ, гдѣ обрѣтаются. И моихъ ради несчастковъ, въ пути на меня напали казаки и тое румедишку отнели и, сверхъ того, били меня довольно. И какъ пріѣхалъ я въ Варшаву и, по вашему пресвѣтлѣйшему царскаго величества указу, повелѣно мнѣ быть при милости генералъ-лейтенанта Якова Вилимовича Брюса, и по се число живу я безъ дѣла и гдѣ мнѣ вашего величества годовое жалованье брать, того не опредѣлено. А живу со оною дочеришкою моею девятый мѣсяцъ съ немалою нуждою, и быть мнѣ въ походѣ при старости не возможно, развѣ да повелитъ пресвѣтлое ваше царское величество во опредѣленіи того моего дѣла быть гдѣ индѣ, а оную купленую книгу посылаю я нынѣ къ вашему царскому величеству. Всемистивѣйшій государь! Прошу вашего величества, да повелитъ державство ваше во опредѣленіи дѣла моего быть за старостію въ иномъ

мѣстѣ кромѣ здѣшняго походу, и чтобъ вашею превысочайшею и щедролюбивою милостію въ совершенство былъ дѣломъ и вашего величества жалованьемъ опредѣленъ. Вашего царскаго величества всенижайшій рабъ Илья Ѳедоровъ Копіевскій. Мая 1708 года.

IV.

а.

Переводы писемъ аббата Бинъона и Фонтенеля къ Петру Великому, по случаю избранія послѣдняго въ члены французской академіи наукъ (изъ Кабинетныхъ дѣлъ, отд. II, книга № 39, 1718 года, л. 25, 27. 28) [1]).

Понеже я имѣю честь надсмотрителемъ быть въ той компаніи, к которой ваше величество себя приписать не погнушался, для того надѣюся, что попзволяете, дабы я вашему величеству ушиженно доносилъ объ великой радости и благодаріи, которое она явила, какъ сію счастливую вѣдомость услышала. Господину Фантенель, секретаріусу отъ академіи, приказано объявить вашему величеству, какъ вся академія вкупѣ и всякой изъ нее особливо въ семъ случьѣ возрадовалися, и никто лучше его сего не можетъ учинить. Онъ уже далъ многія пробы своего искусства, но и паче ума своего въ хорошихъ вымышленіяхъ и краспыхъ словахъ, того ради сіе ему оставляю, дабы въ семъ случаѣ вашему величеству донести. А я удовольствуюся вашему величеству объявить, что ни одного человѣку нѣту изъ нихъ, который бы зѣло не веселился, когда бы что учинить могъ вашему величеству пріятное — только извольте приказать. Азъ надѣюся, что ваше величество довольно извѣстны, какъ нѣту такой науки и художества, въ которой бы нѣкоторой изъ академіи вашу волю не могъ бы исполнить. Мы всегда пріимемъ великую милость, когда ваше величество изволитъ намъ что приказать. Сіе намѣреніе не родится въ насъ токмо отъ респекту, которой мы должни вашему великому рангу, но и паче происходитъ отъ удивленія великихъ вашихъ дѣлъ и намѣреніевъ, въ которыхъ вы всегда трудитеся и объ которыхъ намѣреніяхъ иное нельзя желать, окромѣ того, чтобы въ такомъ климатѣ, гдѣ еще мало приходу наукамъ и художествамъ было, сыскалися годные люди, которые бы могли исполнить превысокіе виды вашего величества. Да извольте вѣрить, что я особливо весь полонъ сими думами, и что нѣту человѣка, которой бы былъ съ бо̀льшимъ

[1]) Французскій подлинникъ этого и слѣдующаго за нимъ письма въ Отеч. Зап. 1821 г., № 10, стр. 180 и слѣд.

респектомъ. Всемилостивѣйшій государь, вашего величества нижайшій и покорный слуга абе Биніонъ.

—

Всемилостивѣйшій государь! Королевская художествъ академія никогда бы не имѣла амбиціу желать великую сію честь, которую сами ваше величество нынѣ учиняете изволеніемъ своимъ, дабы вашего величества пресвѣтлѣйшее имя главное было всѣхъ тѣхъ, которыми академія состоитъ. Науки и художества, ради которыхъ ваше величество сами себя съ такими партикулярными людьми равно сочиняете, возвысятъ ваше величество должнымъ и правдивымъ воздаяніемъ къ первымъ монархомъ хк Августусамъ и Карлусамъ великимъ. Сія есть слава обыкновенная короля доставать себѣ новые поддаиные сильною вооруженною рукою, яко и ваше величество учинили, токмо сія слава отмѣнита и удивительнѣе учинитъ себѣ поддаиныхъ наученные и тѣмъ счастливѣе. Ваши великія государства не дали бы вамъ поддаиныхъ достойныхъ вашего величества, когда бы вы премудрыми своими трудами ихъ учить и совершить не искали. Академія великое бы себѣ счастіе ставила, когда бы ко совершенію вашихъ высокихъ намѣреніевъ могла бы чѣмъ помогать. И она нынѣ смѣетъ надѣяться, что возбуждена чрезъ сію великую честь, учиненную отъ вашего величества. Она нынѣ больше будетъ силы въ своихъ трудахъ имѣть, какъ прежъ сего, на малой конецъ смѣлость имѣть вашему величеству доносить о всѣхъ трудахъ и прилежаніяхъ, такожде и объявлять свою унижающую покорность и вѣчное воздаяніе. А я съ академіею въ семъ намѣреніи остаюся, всемилостивѣйшій государь, вашего величества нижайшій и покорнѣйшій слуга Θоптенель, секретарь отъ академіи.

б.

Письмо аббата Биньона къ Петру Великому съ переводомъ Бориса Волкова (29 сентября 1720 г.) въ Кабин. дѣлахъ II г.н., № 52, л. л. 229—234.

Sire! Je ne puis exprimer à Votre Majesté, avec quelle joie je profite de l' occasion qui se présente de me rappeler dans l' honneur de son souvenir. Le sieur André Nartow qui est sur le point de partir, nous ayant fait entendre qu'il seroit bien aise que nous rendissions à V. M. quelque temoignage de ce qu'il a fait parmi nous; je me suis chargé de ce

Г'осударь! Не могу изрещи вашему величеству, съ коликою радостью пользуюся случаемъ, который предъставляется къ тому, дабы я могъ возватися въ честь вашего напоминанія. Г. Андрей Нартовъ, который отъѣзжаетъ, далъ намъ знать, что радъ бы онъ былъ, дабы мы подали какое либо свидѣтельство вашему

soin avec d'autant plus d'empressement, qu' outre l'extrême honneur qui m'en revient d'écrire à V. M., nous n' avons à mander de lui que des choses trés avantageuses. Son application constante à l' étude des mathématiques, les grands progrès qu' il a fait, dans la mécanique surtout dans cette partie qui regarde *le Tour* et ses autres bonnes qualités nous ont fait connoître qu'en toutes choses V. M. ne se trompe point dans le choix des sujets qu' Elle veut emploier à son service. Celuy-ci repond parfaitement à la déstination, qu' elle en a faite et V. M. n'aura pas lieu de se repentir des dépenses vraiment royales qu' Elle fait pour qu'il puisse en voïageant par son ordre acquérir les connoissances qui lui sont necessaires. Nous avons vû depuis peu trois médailles de sa façon qu'il a laissées à l' académie comme un monument de son habileté, autant que de sa reconnoissance. L' une est de Louis XIV, l' autre du Roy et la troisiéme de S. A. R. Monseigneur le duc d' Orleans. Il ne se peut rien voir de plus admirable, la netteté, la correction, la dèlicatesse tout s'y rencontre et le métal ne sort pas mieux fabriqué de desous le Coin, qu'on le voit sortir du Tour du s. Nartow. Il a bien voulu me faire part de son secret, et permettre que je le visse travailler moi même. J'ai été surpris, je l'avoue, de l' adresse merveilleuse avec laquelle il forme d' un seul coup d'archet, des traits et des caractères que le burain ordinaire auroit peine à former aussi beaux, quoiqu' avec beaucoup plus de lenteur. Vous entendés, Sire, mieux que personne toute la finesse de cet Art, à la perfection duquel vous n'aves pas dédaigné de contribuer Vous même. V. M. se souviendra sans doute de la médaille qu' Elle fit voir pendant son séjour à Paris, à Monsgr le Duc d' Orleans. Ce n' est pas la seule preuve qu' elle a donnée da son amour pour les sciences et pour les beaux arts. La France qui a eû le bonheur de vous posséder quelque temps et dont les savants ont celui de pouvoir Vous regarder comme leur chef,

величеству о томъ, еже онъ между нами чинилъ. И потому перенялъ я на себя оное стараніе съ толико вящею охотою, что кромѣ превеликой чести, которая мнѣ отъ того приходитъ въ писаніи къ вашему величеству, имѣемъ мы объ немъ донести токмо дѣла зѣло полезныя. Постоянная его прилежность въ ученіи математическихъ, великіе успѣхи, которые онъ учинилъ въ механикѣ, наипаче же во оной части, которая касается до *токарнаго станка*, и иныя его добрыя качества дали намъ знать, что во всѣхъ вещахъ ваше величество не ошибается въ избраніи подданныхъ, которыхъ вы изволите употреблять въ свою службу. Сей совершенно сходствуетъ съ тѣмъ дѣломъ, на которое ваше величество его изволили опредѣлить, и не возъимѣете ваше величество случая въ иждивеніяхъ, правдиво королевскихъ, которыя вы изволите чинить, дабы онъ могъ, путешествуя по вашему указу, получить знанія, которыя ему потребны. — Мы видѣли недавно три медалій его работы, которыя онъ оставилъ академіи, яко памятной знакъ, такъ его искусства, какъ благодарности его. Одна изъ тѣхъ медалій есть Лудвика XIV, другая королевская, а третья его королевскаго высочества, моего милостиваго государя дука д'Орлеана. Не возможно ничего видѣть дивнѣйшаго. Чистота, исправность и субтельность находится въ нихъ, а металъ не лучше выдѣланъ выходитъ изъ подъ штемпеля, якоже онъ выходитъ изъ токарнаго станка г. Нартова. Онъ благоволилъ меня участникомъ учинить въ своемъ секретѣ и позволилъ, чтобъ я видѣлъ самъ, какъ онъ работаетъ. Усумляло меня, правду сказать, дивное досужество, съ которымъ онъ изображаетъ однимъ разомъ *лучка* черты и характеры, которые обыкновенными грабштихелями или *рылцами* трудно вырѣзать такъ хорошо, хотя ими водятъ гораздо тише. Вы разумѣете, государь, лучше другихъ всю хитрость онаго худо-

c'est unie au reste de l' Europe pour admirer ce que V. M. fait tous les jours pour l' avancement ce ces mêmes Beaux Arts dans Ses Etats. Les princes, sire, ne s' immortalisent pas moins réellement par cet endroit, que par le bruit de leurs victoires, et cet Empire où vous regnés avec tant de gloire et de sagesse deviendra aussi florissant par la protection éclatante que Vous y donnés aux Beaux Arts et aux sciences, que pour le nombre et l'étendue de Vos conquêtes. C'est dans ces sentiments de la plus haute admiration et en même temps du plus profond respect que je Vous supplie trés humblement d'agréer, que j'ai l'honneur de me dire Sire de V. M. le trés humble et trés obeissant serviteur l'abbé Bignon.

жества, совершенству котораго не уничтожили сами споспѣшествовать. Ваше величество напомните безъ сумнѣнія о медаліи, которую вы изволили показать во время пребыванія своего въ Парижѣ моему милостивому государю дуку д' Орлеану. Не одинъ оный опытъ, который ваше величество изволили дать о любвѣ своей къ наукамъ и изрядным художествамъ. — Франція, имѣвшая счастіе стяжать вами нѣсколько времени, и ея же ученые люди имѣютъ опоежъ въ томъ, что могутъ на васъ взирать, яко на свою главу, соединилася съ достальною Европою, дабы дивитися тому, еже ваше величество по вся дни чинитъ, да успѣваютъ тѣ же изрядныя художества въ вашихъ областяхъ. Державцы, государь, увѣковѣчиваютъ себя не меньше дѣйствительно оною охотою, якоже шумомъ своихъ побѣдъ, и оной имперіумъ, идеже вы государствуете съ толикою славою и премудростію, тако процвѣтетъ отъ славнаго защищенія, которое вы тамо даете изрядным художествамъ и наукамъ, яко же отъ числа и простиранія вашихъ завоеваній.

Въ тѣхъ мысляхъ высочайшаго дивленія и вкупѣ же глубочайшаго респекта, прошу васъ всепокорно милостиво припять, дабы я имѣлъ честь нарещися, государь, вашего величества всепокорнымъ и всеподданнымъ слугою Абатъ Биньонъ. Переводилъ Борисъ Волковъ.

В.

Письмо Петра Великаго во французскую академію наукъ, 11 февраля 1721 г. (Каб. дѣла I, № 53, л. 222.)

Божіею милостію мы Петръ первый, царь и самодержецъ всероссійскій и проч. и проч. и проч.

Объявляемъ королевской французской академіи наукъ милостивое наше поздравленіе.

Намъ нещако какъ зѣло пріятно быть могло, что вы насъ членомъ

въ свою компанію избрали. Мы такожъ не хотѣли оставить, не оказавъ вамъ за то симъ нашего признанія и не обнадежа васъ, что мы съ великимъ удовольствомъ то мѣсто, которое вы намъ представляете, пріемлемъ, и что мы ничего больше не желаемъ, какъ чтобъ чрезъ прилежность, которую мы прилагать будемъ, науки въ лучшій цвѣтъ привестъ, себя, яко достойнаго вашей компаніи члена показать. Мы повелѣли нашему первому лейбъ-медику Блюментросту вамъ отъ времени до времени сообщать о томъ, что въ государствахъ и земляхъ нашихъ новаго и разсужденія академіи достойнаго случится, и намъ зѣло будетъ пріятно, ежели вы съ нимъ корреспонденцію содержать и отъ времени до времени оному взаимно сообщать будете, какія новыя декуверты отъ академіи учинены будутъ.

До сего времени не было еще никакой подлинной карты Каспійскому морю. Мы для того оное море чрезъ нарочно отъ насъ туды отправленныхъ искусныхъ морскихъ [1]) людей осмотрѣть, и вѣрную и акуратную карту сдѣлать (указали?)...(вм. зачеркнутыхъ словъ: «чрезъ двулѣтніе труды сдѣлать велѣли»), что оные наши посланные чрезъ двулѣтній трудъ то учинили, сколько по морскому обычаю сюды имъ возможно было, которую при семъ къ академіи въ память нашу посылаемъ, въ надеждѣ, что оная, яко новая и вѣрная, вамъ пріятна будетъ. Впрочемъ, ссылаемся мы на то, что нашъ первый лейбъ-медикусъ письменно и объявитель сего, нашъ библіотекаріусъ, изустно пространнѣе доносить будутъ. Дано въ Санктъ-Питербургѣ 11 февраля 1721. Вамъ благосклонный.

V.

Отчетъ, поднесенный Петру Великому отъ библіотекаря Шумахера о заграничномъ его путешествіи въ 1721 — 22 годахъ. (Кабин. дѣла II, № 61; л. 816—862).

По указу вашего императорскаго величества, я, нижеименованный въ 1721-мъ году мѣсяца февраля отъ вашего величества лейбъ-медика господина Лаврентія Блументроста во Францію, Нѣмецкую землю, Голландію и Англію съ послѣдствующими коммиссіями и инструкціями отправленъ былъ, чтобъ:

1) Карту Каспійскаго моря и описаніе отъ вашего императорскаго величества академіи де сціансъ (наукъ) вручить.

2) Съ моделей въ обсерваторіи обрѣтаемыхъ машинъ рисунки взять.

3) О рукодѣльникахъ и инструментахъ, ихъ зачатой книгѣ (sic) и эстампахъ, такожде тубѣ акустицѣ отъ отца Севастіана увѣдомиться.

---

[1]) Слова курсивомъ въ рукописи прибавлены самимъ Петромъ Великимъ.

4) Съ господиномъ старшимъ Дювернеемъ для анатоміи, изъ воску сдѣланной, справиться.

5) Господина Делиля, астронома и географа, и господина Дювернея младшаго, анатомика въ Парижѣ, въ службу вашего императорскаго величества принять.

6) Въ Нѣмецкой землѣ господина—профессора Вольфа.

7) Съ Орфиреомъ о перпертуѣ мобиле говорить, ежели возможно будетъ и господинъ Вольфъ за полезное разсудитъ, о томъ съ нимъ договариваться.

8) Огородника, который у господина де-ла Куртавъ Лейденѣ работалъ, сюда прислать.

9) Господину Фаренгейту термометры носящіе и морскіе, и господину Мусенброку машины и инструменты, къ физикѣ экспериментальной принадлежащіе, сдѣлать повелѣть.

10) Изъ Англіи промыслить такого человѣка, которой бы съ экспериментами обходиться и инструменты, къ тому принадлежащіе, изготовляти могъ.

11) Музеа ученыхъ людей, какъ публичные, такъ и приватные, посѣщать, и изъ того усматривать, въ чемъ вашего императорскаго величества музеумъ съ оными разнится; ежели же чего въ музеѣ вашего величества не обрѣтается, (то) оный недостатокъ наполняти тщится, или хотя совѣтовать, какъ оный недостатокъ наполниться можетъ.

12) Старатися полную библіотеку вашему императорскому величеству промыслить.

13) И съ учеными корреспонденцію произвести для умноженія художествъ и наукъ въ вашего величества государствахъ, а паипаче для сочиненія соціетета наукъ, подобно какъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и прочихъ мѣстахъ.

При семъ господинъ архіатеръ мнѣ повелѣлъ нѣкоторыхъ медиковъ и въ операціяхъ славныхъ хирурговъ и, ежели возможно, совершеннаго оператора сюды прислать, и два сундука съ хирургическими инструментами чрезъ лучшаго мастера въ Парижѣ сдѣлать велѣть, такожде искушатися, какимъ образомъ въ тѣхъ краяхъ медицинскія дѣла отправляются.

Премогущій императоръ сіе есть, еже мнѣ отъ вашего величества лейбъ-медика, слѣдуя вашего императорскаго величества высокому намѣренію, дѣлати тщательно повелѣно было.

Убо како оное повелѣніе и должность свою исполнити могъ, ваше императорское величество кратко изъ сей реляціи усмотрите, которую съ поддаинѣйшимъ респектомъ вашего величества ногамъ предлагаю.

§ 1. Егда я, августа въ 4-й день, въ Парижъ прибылъ и со своимъ экипажемъ тако управился, чтобъ мнѣ выдти было можно, тогда безъ замедленія къ президенту академіи наукъ господину аббе Би-

шіону пошелъ, и писаніе господина лейбъ-медика вручилъ, въ которомъ оный ему коммиссію мою объявилъ.

Сколь скоро оный то письмо прочелъ, абіе меня обнялъ вельми пріятно по обычаю французскому, и возжелалъ вашего императорскаго величества писаніе и притомъ карту видѣть, но я отвѣщалъ, яко не имѣю при себѣ, и сверхъ того указъ имѣю оную въ публичной ассамблеѣ вручить, и того ради просилъ его оную ассамблею созвать, которую онъ, объявивши сіе сперва дукъ-регенту, на другой день сдѣлалъ.

Въ который день по утру господинъ Делиль, королевскій географъ, ко мнѣ въ квартиру пришелъ, и меня, во имя королевскаго соціетета, просилъ вашего императорскаго величества всемилостивѣйшее писаніе и при томъ карту, по полудни въ третіемъ часу въ Луврѣ, гдѣ ассамблея въ собраніи будетъ, вручить.

И азъ въ урочное время тамо явился, и отъ г-на Делиля туда введенъ былъ, гдѣ же пресвѣтлый соціететъ въ собраніи увидѣлъ, въ томъ числѣ г-нъ маркизъ де Торси, который въ тое время президіумъ имѣлъ, кардиналъ Полиньякъ, аббе Фриже, королевскій учитель, и прочіе честные члены обрѣтались.

Егда вашего императорскаго величества всемилостивѣйшее писаніе секретарю г-ну Фонтенеллу съ обычайнымъ комплиментомъ вручилъ, т. е. яко мнѣ чрезъ сію коммиссію весьма великое счастіе учинилось, ибо съ одной стороны высокую милость возъимѣлъ такого великаго монарха всемилостивѣйшее повелѣніе исполнять, а съ другой стороны съ такими славными людьми познатися, и отъ дискурсовъ ихъ пользу получать; тогда оное писаніе со всѣмъ благочестіемъ прочтено и съ великимъ вниманіемъ слышано было.—И потомъ маркизъ де Торси во имя академіи, за такое всемилостивѣйшее писаніе, съ наибольшимъ благочестіемъ благодарилъ, наипаче понеже имъ весьма удивительно показалось, яко такой славный монархъ, изъ любви къ художествамъ и наукамъ, тако себя вознизить соизволилъ и у партикулярныхъ персонъ мѣсто себѣ взять удостоилъ; секретарю же повелѣли всенижайшее свое благодареніе вашему императорскому величеству такожде письменно объявить; и мнѣ такое письмо, передъ поѣздомъ моимъ, вашему императорскому величеству отъ соціетета вручилось. Потомъ такожде и г-на лейбъ-медика писаніе предъ членами академическими читали, въ которомъ оный пространно объявилъ, что въ картѣ поправлено, и какимъ образомъ академію наукъ въ Россіи сочинить намѣрено есть, и какой уже зачинъ въ ономъ сдѣланъ.

Послѣ того специмепъ Орнитологіи или краткое описаніе въ Сибири отъ доктора Мессершмидта усмотрѣнныхъ птицъ, яко пробу, читали, которому учрежденію и методу академія удивилась, и токмо желаютъ, чтобъ прочія части исторіи натуральной всѣхъ россійскихъ провин-

цій такожде обстоятельно описать, и начальнѣйшія вещи красками, колико возможно будетъ, роздѣлять и напечатать повелѣвать, и академіи объявлять, о которомъ оная свое разсужденіе давать и съ россійскимъ государствомъ въ оныхъ вещахъ справляться всегда тщиться будетъ.

О картѣ вельми всѣ удивились, понеже Каспійское море, противъ мнѣнія всѣхъ географовъ, иной образъ пріемлетъ, наипаче на сгибѣ у Абшарона, гдѣ не больше 15-ти миль море ширины имѣть показывается. И тогда мнѣ вопросъ учинили, на который мнѣ, егда бы прежде къ оному не приготовился, весьма трудно было отвѣщать. Кардиналъ де Полиньякъ сказалъ, всеконечно по словамъ господина Делиля: «усмотряемъ изъ зондированія, яко море отъ Астрахани даже до Фарабата объѣзжено, ибо оной дороги всѣ порты, озера и рѣки прилежно замѣчены; откуду оные мнятъ, яко сія страна не объѣзжена, и того ради не возможно признати, вѣрна-ль есть данная ситуація?»

Азъ на тое отвѣщалъ, яко сія страна отъ оныхъ же людей тѣмъ же образомъ зондирована, но ваше императорское величество, ради нѣкоторыхъ штатсъ-резоновъ, даже до сего времени, публиковать не изволили, однакожде во время и то академіи объявится.

Симъ отвѣтомъ, показалось мнѣ, яко всѣхъ удовольствовалъ, того ради возжелали, дабы Всевышній Богъ вашему императорскому величеству на многія лѣта здравія и жизни продлилъ, чтобъ оные не токмо сіе, но и всѣ прочія вашего императорскаго величества намѣренія, къ произвожденію художествъ принадлежащія, въ совершеніи видѣть и имѣть могли.

Симъ ассамблея скончилась, егда сперва президентъ г-ну Делилю карту, а господину де Мару Дантенгу, специменъ орнитологіи начисто передѣлать велѣлъ, чтобъ въ меморіи внести; притомъ же обоимъ имъ приказалъ меня во всѣ мѣста водить, все объявлять, что̀ видѣти возжелаю, и во всемъ вспомогать. Токмо мое несчастіе было, что знали, яко азъ милость имѣю у вашего императорскаго величества библіотекаріусомъ быть, ибо сей характеръ оныхъ во мнѣніе привелъ, яко азъ съ библіотекарями другихъ монарховъ равностъ имѣю; того ради азъ принужденъ былъ по ихъ мнѣнію преобразиться и, ради сохраненія респекта государя своего, весьма другой экипажъ имѣти.

§ 2. На другой день я съ оными, мнѣ опредѣленными людьми въ обсерваторіумъ, ради смотрѣнія тамо обрѣтаемыхъ инструментовъ и машинъ, пошелъ. И оные всѣ чрезъ добраго машиниста съ великимъ трудомъ по мѣрѣ срисовать велѣлъ, ибо при оныхъ абрису не обрѣталось и многія безъ мѣры дѣланы, того ради десинеръ вельми много трудности имѣлъ. Ваше императорское величество усмотрѣть можете, достойны-ль оные той похвалы, которая оными дается.

Воистинну азъ имъ подобные и такіежъ во многихъ мѣстахъ ви-

дѣлъ, и что здѣсь не упомянулось, оное уже въ меморіяхъ съ рисунками напечатано, такожде и Леонардусъ Штурмъ объ ономъ упомянулъ, и его абрисы я оными совокупилъ.

§ 3. Эстампы всякихъ художествъ не зѣло многіе сдѣланы суть, и послѣ того времени, когда ваше императорское величество изъ Парижа отбыли, токмо 18 штукъ изготовлены, которые г-нъ де-Ромуръ вашему императорскому величеству всенижайше презентовать мнѣ отдалъ.

Дискурсъ объ нихъ хотя уже изготовленъ, но не справленъ и еще не напечатанъ. Однако же чаютъ, яко оный вскорѣ публиковать можно будетъ. Отецъ Севастіанъ, такожде тубумъ акустикумъ еще не поправилъ, тимпанумъ (или барабанъ), который изъ весьма тонкой мембраны (перепонки) состоитъ, при сырой погодѣ вельми слабѣетъ, и тако принужденнымъ его употреблять въ такомъ времени мало или весьма не служитъ.

Сему недостатку еще никакимъ образомъ поможеніе учинитъ могъ, и великое упованіе о томъ имѣть не можно, понеже оный отецъ Севастіанъ, ради приближающейся старости, весьма безсиленъ и не доволенъ становится.

§ 4. Съ г-номъ Дювернеемъ, который анатомію изъ воску изготовить обѣщалъ, и о томъ по вашего императорскаго величества указу, съ покойнымъ господиномъ докторомъ Арескинымъ контрактъ учинилъ, весьма я много труда имѣлъ, ибо оный мнѣ множество коварства дѣлалъ, и счетъ о томъ объявилъ, о которомъ я устрашится и удивится принужденъ былъ, и показалъ мнѣ уничтоженныя банковыя письма, которыя онъ за деньги, ради того дѣла присланныя, принять принужденъ былъ, такожде и письмо покойнаго доктора Арескина, въ которомъ оному обѣщалъ полное собраніе дешевыхъ препаратъ анатомическихъ, но обѣщаніе свое не содержалъ.

И, того ради, претендуетъ, что понеже съ нашей стороны контрактъ разрушился, то и съ своей стороны оный содержать не долженъ; и, сверхъ того, моделиръ того тѣла умеръ.

Азъ благодарилъ Бога, что съ великимъ трудомъ и всякими финесами церебрумъ (мозгъ) во кранѣ (черепѣ) отъ него досталъ: однакожде мнѣ отдать не хотѣлъ даже, да королевское величество сперва оное видѣлъ, и того ради проспилъ демонстрацію мозгу надъ оными дѣлать въ присутствіи его величества, и тое ему уволилось.

Въ сей оказіи азъ королевскому величеству отъ его учителя, господина аббе Фриже, сими словами представился: «Спре! сей есть оный, который императора всероссійскаго всемилостивѣйшее писаніе нашей академіи вручилъ». На которое королевское величество меня къ рукѣ допустилъ, и маршалъ де-Виллерое отвѣщалъ: «во истинну великій монархъ есть, котораго нынѣ всѣ прочіе монархи за совершенный образъ имѣть могутъ!»

§ 5. Младшій Дювернеи, иначе Лабонсіеръ прозваніемъ, не могъ службу вашего императорскаго величества за анатомика принять, понеже не долго предъ тѣмъ законнымъ бракомъ совокупился, и жена его весьма не желаетъ оттуда выѣзжати. Оный теперь искуснѣйшій анатомикъ въ Парижѣ, и обучаетъ разныхъ хирурговъ анатоміи, которые отъ короля прусскаго, датскаго, шведскаго туды посылаются. Такожде обѣщается, ежели ваше императорское величество нѣкоторыхъ молодыхъ людей ради того поплете, со всѣмъ прилежаніемъ и трудомъ обучать.

А господинъ Делиль, географъ и астрономъ, оную милость съ радостью принялъ, и опредѣленіе жалованья въ вашего императорскаго величества всемилостивѣйшее изволеніе полагаетъ, и понеже оный книги и инструменты къ обсервованію вѣрные, на которыхъ бы надѣяться могъ, употребляетъ, того ради всеподданнѣйше проситъ, чтобъ ему на оную потребу и на проѣздные убытки 10,000 ливровъ французскихъ напередъ выдать. Мотивы или причины, для которыхъ оный сіе дѣлаетъ, такожде что здѣсь исполнять намѣренъ, и что исполнити можетъ, въ письмѣ г-ну лейбъ-медику обстоятельно объявилъ.

Что азъ въ кунстъ-камерахъ, такожде въ публичныхъ и приватныхъ библіотекахъ усмотрѣлъ, и что тамо купилъ, ниже сего въ §§ 11 и 12 объявлю.

Токмо еще упомяну, яко понеже ученые люди аикуражементу (возбужденія) неимѣютъ, и больше на ежедневную пищу, нежели на нѣкоторыя спекуляціи думать принуждены суть, того ради во время нынѣшняго владѣнія художеству больше убыли, нежели прибыли.

Кромѣ того, что господинъ де-Ромуръ предъ академіею объявилъ, яко нѣкоторый арканумъ (тайность) обрѣтохъ, литое желѣзо такъ мягко сдѣлать, чтобъ оное, аки не литое, пиловать, рѣзать и прочее дѣлать можно было, и обѣщался о томъ процессѣ вашему императорскому величеству послать, и я мню, яко уже послалъ.

§ 6. Ничто меня такъ удовольствовало, яко счастливое исполненіе той коммисіи, которая мнѣ о придворномъ совѣтникѣ и профессорѣ г-нѣ Вольфѣ приказана была, ибо его такъ уговорилъ, яко въ службу вашего императорскаго величества вступити охотно принялъ.

Сначалу весьма великій трудъ явъ томъ имѣлъ, понеже онъ сказывалъ яко не желаетъ себѣ лучшаго житія, имѣетъ бо милостиваго государя, похвалу отъ студіозовъ, постоянное опредѣленіе и довольный приходъ, ибо въ годъ отъ писанія книгъ, отъ компаній, отъ диспутацій и жалованныхъ денегъ 4000 ефимковъ имѣть можетъ и, сверхъ того, обрѣтается въ мѣрномъ климатѣ; а противъ того не извѣстенъ, возъимѣетъ ли счастіе вашему императорскому величеству понравиться, и ноблесу и ученымъ людямъ принципіи его благопріятны ль будутъ,

и не скучитъ ли въ скоромъ времени, или убытокъ, который возъимѣетъ въ нѣмецкой землѣ, ради вступленія въ службу въ Россіи, возвратится ли; того ради не возможно ему подивить, егда извѣстное не извѣстному представляетъ (т. е. предпочитаетъ). Обаче жъ всѣ сіи помѣшательства азъ ему уничтожилъ, аки въ письмѣ мѣсяца сентября 1722 года оный самъ утверждаетъ, и вашего императорскаго величества службу тако ему представилъ, яко оную принять больше не отговаривался.

Достоинство и слава его, которую въ философіи, а наипаче въ математикѣ и физикѣ экспериментальной, чрезъ публикованныя писанія у ученыхъ людей заслужилъ, вашему императорскому величеству весьма извѣстны.

Обѣщается перпетуумъ мобиле, ежели возможно будетъ, совершить, соціететъ наукъ пропзвести, и оный тако содержать, чтобъ ученые люди, какъ внѣшніе, такъ и здѣшніе пользу и довольство отъ того имѣли, и въ прочемъ обѣщается всѣ свои студіи и науку въ пользу народу и обучающихся полагать, и токмо ожидаетъ отъ вашего императорскаго величества всемилостивѣйше закрѣпленную вокацію и капитуляцію.

§ 7. Прежде разговора съ инвенторомъ перпетуи мобилисъ Орфиреомъ, азъ съ господиномъ профессоромъ Вольфомъ о томъ разсуждалъ, и оному вашего императорскаго величества высокое намѣреніе объявилъ, яко хотя ваше величество, для пользы всенародной, охотно нѣкоторую сумму денегъ выдать, однако жъ не напрасно бросить, желаете. Того ради онаго просилъ, дабы мнѣніе свое о томъ вѣрно мнѣ сказалъ. Оный же отвѣчалъ: яко про оную вещь почти ничего сказать можно, ибо хотя Орфирей колесо сдѣлалъ, которое безъ внѣшней силы кругомъ вертится и тяжелое къ себѣ притягаетъ, обаче же изъ того не возможно сказать, яко опое во истинну перпетуумъ мобиле есть и великую пользу въ народѣ чинить будетъ; понеже внутреннюю структуру (строеніе) видѣть не можно. И повелѣлъ мнѣ о томъ съ инвенторомъ говорить, и себѣ паки объявить, что дѣлатися будетъ, тогда свое мнѣніе письменно дать обѣщался.

Азъ же безъ всякаго замедленія прямо въ Кассель и Вейзенштейнъ путь воспріялъ во мнѣніи г-на Орфирея тамо обрѣсти, но увѣдомился, яко господинъ ландъ-графъ онаго съ разломленными частями перпетуи мобилисъ въ Карлсъ-Гавенъ прежде сего Сибурхъ именемъ, пять милъ отъ Касселя, послалъ, и оному домъ особливый опредѣлилъ, чтобъ лучше могъ мыслямъ и разсужденіямъ своимъ слѣдовать, такожде, чтобъ такого противнаго гостя избыть. Ваше императорское величество благоволите всемилостивѣйше внять, для чего инвенторъ свою машину разбилъ.

Вышепомянутый г-нъ ландъ-графъ призвалъ г-на профессора

Сгравезанда изъ Лейдена, дабы ему эксперименты физико-математическіе, како въ книгѣ своей публикованной изданы суть, демонстравалъ, и при семъ напали на дискурсъ о перпетуѣ мобиле—прямой и во истину ли перпетуумъ мобиле колесо Орфиреево? Г-нъ ландъграфъ то утверждалъ, и повелѣлъ Орфирею оное г-ну Сгравезанду показать, однакожъ-де ему не объявилъ, кто то есть Сгравезандъ. Орфирей послушенъ былъ повелѣнію и свою машину въ присутствіи г-на ландъ-графа показалъ, но Сгравезандъ толико вопросовъ дѣлати сталъ, и такъ жестоко внутреннюю структуру вѣдати желалъ, яко Орфирей въ мнѣніе пришелъ, будто хотятъ аркануумъ его вывѣдать, того ради больше показывать не сталъ, и сколь скоро оные отлучились, абіе машину разбилъ, дабы не было чего опасаться. И когда я въ Сибурхѣ съ нивенторомъ нѣсколько дней обходился и мнилъ вельми великій другъ ему быть, тогда предложилъ ему вашего императорскаго величества высокое намѣреніе, и первый его вопросъ былъ: господинъ Шумахеръ имѣетъ ли деньги? Азъ отвѣщалъ: яко больше про него въ готовности денегъ обрѣтается, нежели мыслитъ достать, и его императорское величество желаютъ великую милость и плату за изданіе его воздать, егда оное пробу выдержитъ.—Всекопечно-де выдержитъ пробу, и я главу свою потерять готовъ, аще не правда есть. На тое азъ отвѣщалъ: воспримемъ двухъ славнѣйшихъ математиковъ, которые егда сперва присягу учинятъ объ ономъ никакимъ образомъ упоминать, даже да нивенторъ въ депозитѣ положенныя деньги приметъ, и тогда машину свидѣтельствовать и оному мы удовольствуемся.

Но на сіе не могъ отъ него резолюцію получить, остался бо въ своемъ мнѣніи, что машина вѣрна есть, и никто же оную похулить можетъ, развѣ изъ злоправія, и весь свѣтъ наполненъ злыми людьми, которымъ вѣрить весьма невозможно, и послѣдняя его рѣчь была: на одной сторонѣ положите 100,000 ефимковъ, а на другой я положу машину! Больше ничто же дѣлати могъ, хотябъ цѣлый годъ съ нимъ обходился, того ради возвратился я паки въ Галлу и господину профессору Вольфу о томъ, что азъ у господина Орфирея сдѣлалъ, реляцію далъ. Во истину невозможно повѣрить, какіе диспуты перпетуумъ мобиле учинило. Господинъ профессоръ Сгравезандъ мнитъ, яко перпетуумъ мобиле по обычаю математиковъ не противно есть принципіямъ (началамъ) математическимъ, и хотя не истинно утвердить можно, что орфирейское колесо великую пользу въ народѣ чинить будетъ, однакожде съ разсужденіемъ сходно, и егда оное въ руки искусныхъ математиковъ попадетъ, то можетъ въ вящшее совершенство привестися. Сіе же мнѣніе имѣетъ нѣмецкій математикъ Кашуберъ, котораго концептъ и рисунокъ я у него уторговалъ. Господинъ Мангольдъ, медицины докторъ въ Рипгленѣ, мнитъ, яко оное такожде нашелъ, и о

томъ малое писаніе публиковалъ. Азъ нарочно къ нему поѣхалъ, дабы о томъ лучшее извѣстіе имѣть могъ. Но оный ничего въ готовности не имѣлъ, и все, что̀ имѣлъ, состоитъ въ теоріи и въ прожектахъ, и ежели высокая особа убытки нести хочетъ, то обязуется многія вещи дѣлать.

Господина Гертнера перпетуумъ мобиле, которое я въ Дрезденѣ видѣлъ, состоитъ изъ холста, пескомъ засыпанной и въ образъ точильнаго камня сдѣланной машины, которая назадъ и напередъ сама отъ себя движется; но по словамъ господина инвентора не можетъ весьма велика сдѣлаться.

Французскіе и англійскіе математики ни во что̀ почитаютъ всѣ оныя перпетуи мобилесъ и сказываютъ, яко оное противъ принципіевъ математическихъ. А господинъ профессоръ Вольфъ мнѣніе свое объ оныхъ мнѣ письменно далъ, которое сюда внести отъ слова до слова заблагоразсудилъ. Оное бо съ мнѣніемъ почти всѣхъ математиковъ сходно, и тако глаголетъ:

Сущее разсужденіе о перпетуѣ мобилѣ орфиреискомъ.

1) Вначалѣ никакое сумнѣніе обрѣтается, что орфирейское колесо не чрезъ наружную мощь движится, но оное движеніе отъ сложенныхъ между собою особливымъ образомъ глобусовъ (шариковъ) происходитъ: a) Азъ-бо самъ видѣлъ, яко оное колесо безъ всякаго внѣшняго притрогиванія въ равномъ и скоромъ движеніи, егда снаружи не задерживалось, вертѣлось. А обманъ снаружи сдѣлатися не могъ, понеже съ обѣихъ странъ оное свободно и просто лежало, и по желанію съ мѣста на мѣсто переносилось. b) Егда колесо изъ своего мѣста на другое перенашивалось, тогда бралъ инвенторъ, иже при посланныхъ комисарахъ пробу дѣлалъ, вѣсы нѣкоторые изъ которыхъ одинъ, обвертѣвши въ платъ, щупать давалъ, а съ боку оный щупать не допущалъ, однакожде по длинѣ его ощупать можно было, яко фигуру цилиндрическую (округодолговатую) имѣлъ, и не весьма толстъ былъ. c) Такожде слышно было, яко вѣсы въ ту страну, гдѣ перевѣсъ обрѣтался, жестоко били, и изъ того ясно есть, что отъ ихъ битья перевѣсъ дѣлался. d) Его свѣтлость ландъ-графъ изъ Гессенъ-Касселя, который о механическихъ вещахъ разсуждати искусенъ, оное колесо внутри смотрѣлъ и нѣсколько недѣль въ замкнутомъ, и своею печатію двери и окны запечатанномъ покоѣ держалъ, увѣрятъ какъ словесными, такъ напечатанными свидѣтельствами, яко оное движеніе токмо отъ вѣсовъ происходитъ, и толико времени въ добромъ состояніи быть можетъ, колико времени внутренняя структура не перемѣнится.

2) Понеже по демонстраціямъ математиковъ невозможно есть, чтобъ машина собственною силою безпрестанно въ движеніи пребывала, того ради надлежитъ нѣкоторой матеріи снаружи нѣчто спо-

моществовать, которую чувствомъ скоро внять не можно, и для того токмо отъ такихъ людей внятися можетъ, которые натуру тверже знаютъ. Однакожде азъ почитаю, яко вѣсы, чрезъ палочки нѣкоторые къ периферіи прикрѣпленные, такъ мѣрно сдѣланы, что съ одной стороны, гдѣ оные легки суть, вверхъ поднимаются, и потомъ обвертываніемъ колеса паки упадаютъ, и чрезъ ту силу, которую возъимѣютъ отъ онаго падежа, на дощечку, къ периферіи (къ окруженію) прикрѣпленную, падаютъ и оную бьютъ. И такимъ образомъ колесо сохраняетъ движеніе битьемъ вѣсовъ, яко слышать можно, а силу битія не отъ машины имѣетъ, но отъ тонкой невидимой матеріи, чрезъ которую падающихъ корпусовъ движеніе безпрестанно ускоряется.

Состоитъ убо орфирейское изданіе въ художественномъ знаніи вѣсы тако располагать, чтобъ съ легкой стороны всегда поднималисъ, а чрезъ падежи по моему мнѣнію оное дѣлается, о которомъ умалчиваетъ. Сходно-бо есть, еже Орфирей глаголетъ, яко всякъ инвенцію возъимѣетъ (т. е. поймѣтъ), который только путренное состояніе колеса увидитъ.

3) Однакожде быть можетъ, что егда-бы внутренняя структура машины объявилась, тогда-бы многіе математики оную за перпетуумъ мобиле непочитали, понеже еще внѣшняя сила есть, которая споможествуетъ, си есть невидимая матерія, отъ которой тяжелые корпусы трогаются, егда оные падаютъ, и чрезъ которые сила движенія ихъ умножается.

4) Но понеже сія матерія всюду обрѣтается и безпрепятственно дѣйствуетъ, хотя колесо куда хочешь поставишь, того ради равно есть, яко бы внѣшняя сила и не помогала, и для дѣйствія своего тожъ есть, что и перпетуумъ мобиле, по желанію тѣхъ математиковъ, которые о томъ тако разсуждаютъ.

5) По коихъ мѣстъ путренная структура колеса неизвѣстна, по тѣхъ мѣстъ невозможно сказать, можно-ль силу его умножить или нѣтъ; быть-бо можетъ, яко сила токмо до нѣкоторой высоты прибавляется, а сверхъ того паки убавляется, егда оное колесо больше сдѣлать пожелаешь, и такимъ образомъ убольшеніе весьма бы вредно было.

6) Въ томъ состояніи, како оное теперь обрѣтается не можно великое дѣйство отъ него ожидать, егда азъ оное видѣлъ, тогда спицы весьма тонки были, а ступица пуста, ради скорѣйшаго движенія колеса, скорое бо движеніе къ подыманію нѣкоторыхъ вещей весьма много помогаетъ, но оное твердо употреблять невозможно, ибо тонкія такія спицы скоро изотрутся, такая ступица скоро разломится. Кромѣ того вельми великая разность, егда машина безпрестанно движется, или егда токмо малое время, яко нѣсколько минутъ нѣчто тянетъ или подымаетъ.

V.

7) Кто орфирейское колесо купить желаетъ, тотъ токмо на любопытность или на пользу смотритъ, чтобъ оное съ прибылью къ движенію машины употреблять могъ.

Въ первомъ случаѣ наипаче разсуждать надлежитъ, что въ пунктѣ 2-мъ и 5-мъ объявлено есть, а въ другомъ что въ пунктѣ 5-мъ и 6-мъ упоминается.

Христіанъ Вольфъ,
его королевскаго величества прусскаго придворный совѣтникъ, математики и физики профессоръ.

Іюля въ 5-й день, 1721-го года.

Изъ сего писанія ваше императорское величество усмотрите, яко перпетуумъ мобиле еще не весьма въ совершенствѣ.

Послѣ того Орфирей мнѣ писалъ, что понеже нѣкоторый монархъ одинъ оную сумму выложить хощетъ, и для того намѣренъ народу свою машину, при подписаніи рукъ, объявить, того ради проситъ ваше императорское величество всеподданнѣйше, дабы ваше величество въ ономъ нѣкоторую часть возъимѣть соизволили.

§ 8. У господина де-ла-Курта въ Лейденѣ, котораго охота лучшее основаніе имѣетъ, азъ вельми изрядно принятъ былъ. Гезелла, который въ его огородѣ работаетъ, и огородничеству, наипаче что къ скорому происхожденію плодовъ принадлежитъ, весьма искусенъ, не могъ вашему императорскому величеству пропустить, понеже токмо онаго имѣетъ, и безъ него ни коимъ образомъ пробыти можетъ.

Однакожде обѣщается одного или двоихъ младыхъ людей, которые нѣмецкому языку довольны и разумъ и охоту къ огородническому художеству имѣютъ, и работать охотно желаютъ, въ два или три года тако въ наукѣ совершить, чтобъ то жъ здѣсь дѣлать могли, что онъ тамо къ удивленію сосѣдей своихъ дѣлаетъ. И ежели кто образъ, како оный прививаетъ, и градусъ жару, который каждое древо и трава требуетъ, и апплікацію термометра ради сего отъ онаго обучится, подземельные его печи осмотритъ, тотъ скоро въ ономъ совершится можетъ.

Сихъ печей абрисъ азъ съ собою привезъ, который при моделяхъ здѣсь обрѣтается.

Между прочими вещми, которыя въ огородѣ его обрѣтаются, удивленія достоинъ американскій чрезъ ординарный плодъ ананасъ, изъ которыхъ одинъ вашему императорскому величеству чрезъ почту, а четыре деревца съ плодомъ водою послать я милость имѣлъ, которые всѣ съ благополучіемъ сюда привезены.

Господинъ де ла Куртъ, которому азъ состояніе плода ананасъ вашего императорскаго величества объявилъ, весьма удивляется, что оные вышепомянутые деревцы не токмо еще живы, но изъ оныхъ

многіе пересажены, о которыхъ надежда имѣется, яко такожде плоды носить будутъ.

§ 9. Нѣкоторые термометра портатилія (носящіи) въ Амстердамѣ отъ господина Фаренгейта я купилъ, изъ которыхъ одинъ королевскому учителю аббе Фриже, другой господину Пожоту контъ де Дозенбро презентовалъ, а прочіе съ собою привезъ. Но термометра марина (морскіе) я не взялъ, понеже самъ сказываетъ, яко на оныхъ, ради невѣрности ихъ, надѣяться невозможно. И вопстинну, ежели бы кто тщательно оные розыскивать хотѣлъ, то бы объявилось, яко обои не зѣло вѣрны суть.

У Мусенброка въ Лейденѣ, купилъ я камеръ – обскуру, луцерну магику и иные инструменты, которые къ инпекціи потребны суть, оные же поправлены отъ господина профессора Сгравезанда. Азъ выше упомянулъ, яко помянутый Сгравезандъ Элемента физика механико Невтоніана, экспериментисъ иллустрата, въ полдести издалъ, гдѣ всѣ машины къ экспериментамъ механическимъ, статическимъ, гидростатическимъ, физическимъ и оптическимъ срисованы и напечатаны обрѣтаются, и разные монархи оные машины Мусенброку дѣлать повелѣли, и понеже азъ зналъ, яко вашему императорскому величеству такія машины благонадравны суть, того ради слѣдовалъ образу ихъ и конечно мастеру 200 гульденовъ задатку далъ. Хотя Мусенброкъ добрый мастеръ, однакожь ежели отъ добраго математика не повелѣвается, то не весьма прямо работаетъ, и для того обязалъ я господина Сгравезанда, подъ платою 100 гульденовъ, на оныя машины смотрѣть, чтобъ вѣрно и порядочно сдѣланы были. Вопстинну не много денегъ, но съ великою пользою и потребою выданы, и тако чаю, яко ваше императорское величество опое всемилостивѣйше сонзволитъ.

§ 10. Въ Англіи актъ де парламентъ сдѣлался, по которому никакой художникъ дерзпуть можетъ безъ позволенія изъ государства пойти или въ службу другаго монарха обязаться, а наипаче придворные ненавидятъ, егда кто вашего императорскаго величества службу примстъ. Однакоже обязалъ я въ службу вашего императорскаго величества по 15-ти рублей на мѣсяцъ нѣкотораго молодаго человѣка, который инструменты физическіе и антлію пневматику изрядно дѣлать могъ, и абіе къ себѣ взялъ въ томъ намѣреніи, чтобъ его съ первыми кораблями сюда послать, но оный впалъ въ огневую болѣзпь и умеръ, и чрезъ сіе не токмо такой изрядный субъектъ, но и впередъ данныя ему деньги пропали.

Азъ себя тамо сначалу инкогнито (подъ скрытомъ) содержалъ подъ другимъ именемъ, и посѣщалъ ученыхъ людей, но егда усмотрѣлъ, яко вашего императорскаго величества слава и любовь къ художествамъ у оныхъ весьма великое мнѣніе учинила, тогда объявилъ

себя, и воистинну принужденъ въ похвалу ихъ сказывать, что послѣ того мнѣ многую честь воздавали, и всякую оказію объявляли тое, что въ Англіи дивное обрѣтается, осматривать.

Королевскій соціететъ мнѣ честь явилъ въ приватное свое собраніе допустить, въ которое я, колико время въ Лондонѣ былъ, прилежно ходилъ.

Егда разговоръ учинился о картѣ Каспійскаго моря, и доброе вашего императорскаго величества намѣреніе въ произвожденіи въ своемъ государствѣ художествъ и наукъ похвалялось, тогда докторъ Водвардъ нѣкоторую мысль объявилъ, которую умолчать не могу. Сказалъ-бо, егда бы нашъ король такою душою отъ Бога дарованъ былъ, тогда-бы мы радоваться могли и уповать лучшее возбужденіе имѣть. А что я въ музеяхъ и библіотекахъ усмотрѣлъ, въ послѣдующемъ § объявлю, отправивши сперва вашему императорскому величеству о скоропостижной смерти придворнаго совѣтника Бонмасари всеподданнѣйшую реляцію.

Егда помянутый Бонмасари, 13 февраля 1722 года, у венеціанскаго резидента у обѣдни былъ, то, по окончаніи обѣдни, онаго паралличная болѣзнь тако ударила, яко абіе языкъ потерялъ, и безъ языка даже до скончанія своего пребылъ, и пять часовъ потомъ, въ присутствіи модепскаго резидента и нѣкотораго венеціанскаго секретаря, именемъ Гилансони, и моемъ, жизнь кончилъ.

Сіи два абіе хотѣли письма его и при немъ обрѣтающіяся вещи себѣ взять, сказывая, яко умершій венеціанскій шляхтичъ былъ, и тако оные обязаны письма его въ пользу оставшей послѣ него сестры къ себѣ взять, могутъ бо между оными обрѣтаться письма вексельныя и облигаціи. Но азъ противъ того вельми протестовалъ и сказывалъ, яко оный въ службѣ вашего императорскаго величества обрѣтался, и тако для интереса моего государя не могу допустить, чтобъ чужіе въ дѣла его ввязывались. И ежели вексельныя письма и облигаціи, которыя къ фамиліи принадлежатъ между оными обрѣтаются, то отдадутся имъ. А между тѣмъ временемъ, когда мы спорили, служитель умершаго, которому азъ сначала что̀ ему дѣлать надлежало приказалъ, нужнѣйшія письма въ мою квартиру, ради сохраненія, снесъ.

Егда же я отъ оныхъ иначе отдѣлаться не могъ, тогда повелѣлъ шкатулку открыть, и обоимъ господамъ всѣ письма неважныя показалъ, но ничего нашли и, увидѣвши умершаго скудость, все оставили.

Азъ же, призвавъ того вечера подрядчика, повелѣлъ, чтобъ на другой день въ восьмомъ часу онаго въ Санктъ-Іамесъ, по достоинству чина его, похоронилъ.

А долги, оставшіеся послѣ него, яко портнымъ, сапожникамъ и прочимъ, я платилъ, какъ явствуютъ квитанціи мои. Между оными

должниками обрѣтался одинъ, котораго умершій во время бытія своего въ Англіи за шпіона употреблялъ, оный мнѣ вельми досаждалъ. Показалъ-бо мнѣ расходъ 200 гвинеевъ, которыя въ подарки давать ради умершаго принужденъ былъ, и грозилъ мнѣ арестомъ, ежели я оному плату неучиню.Такъ азъ его пятидесятью гвинеями отправилъ; послѣ сего воспріялъ я путь въ провинціи вашего императорскаго величества указъ ожидать. Но внегда ради сказанной конспираціи слухъ понесся, тогда опасался азъ, чтобъ подъ такимъ претекстомъ мнѣ какая противность неучинилась, того ради въ Голландію поѣхалъ, гдѣ двѣ недѣли бывши, вашего императорскаго величества всемилостивѣйшій указъ со всеподданнѣйшимъ респектомъ получилъ и оному во всемъ слѣдовалъ, и всѣ письма умершаго сохранно съ собою привезъ.

§ 11. Въ посѣщеніи музеевъ времени, труда, и убытковъ я не жалѣлъ: егда-бо о нѣкоторомъ услышалъ, то тщился оный смотрѣть, и весьма мало обрящутся въ Нѣмецкой землѣ, Голландіи, Франціи и Англіи, которые бы ваше императорское величество сами не видѣли, того ради за излишнее почитаю спецификацію дѣлать, что̀ азъ въ оныхъ видѣлъ, такожде и невозможно оное такъ кратко совершить. Однакожде теперь вкратцахъ объявлю, изъ чего оные состоятъ:

Въ Ригѣ, господина доктора Мартини кабинетъ, состоящій изъ разныхъ натуралiевъ, наипаче изъ петрефактисъ именующихся, однакожде ничего чрезъобычайное въ ономъ обрѣтается.

Въ Королевцѣ имѣетъ молодой докторъ Гартманнъ умершаго отца своего янтарный кабинетъ, который почитать надлежитъ, понеже въ ономъ начально всякія статьи янтаря обрѣтаются, вторично— происхожденіе ихъ аккуратно видѣть можно.

Въ Данцигѣ господина доктора Бреина музеумъ славенъ для удивительнаго собранія янтаря и солей и ради славной флоры Японіи, которой часть въ берлинскомъ кунстъ-камерѣ показывается.

Берлинскій музеумъ почитается больше ради изрядныхъ, зеркалами и рѣзною работою украшенныхъ покоевъ, нежели вещей, изъ которыхъ оный состоитъ. Натуралiевъ весьма мало обрѣтается и безъ порядку; начальнѣйшія-бо вещи суть: чеканные серебряные и золотые сосуды, въ Аугсбургѣ сдѣланные.

Зѣло такожде прославляютъ еленьи рога, которые изъ древа исходятъ, натурально-ли оное или нѣтъ, о томъ отъ прочихъ разсужденіе требую.

Королевскій монетный кабинетъ и антиквитетовъ камера, подъ надзираніемъ господина библіотекаря де ла Кроза, лучшему почтенію достойны; не токмо-бо имѣютъ въ великомъ числѣ нынѣшнихъ монетъ, медалей, каменныхъ и прочихъ греческихъ и римскихъ антиквитетовъ, но и все зѣло порядочно расположено есть. Вельми со-

жалѣнія достойно, яко оный нынѣ не прибавляется, но ежедневно убавляется, понеже королевское величество больше солдатство содержать тщится, нежели науки производить.

Изъ приватныхъ имѣетъ тайный совѣтникъ фонъ-Киппенгаузенъ кабинетъ медалей презрядный, у него жъ обрѣтается изрядное собраніе эстамповъ. Въ Гамбургѣ удивленія достоинъ г-на синдика Андерсона музеумъ; удивительныя вещи изъ регно минерали невозможно лучше обрѣсти; больше всѣхъ другихъ вещей украшаютъ оный во всѣхъ земляхъ рожденные мраморы, минералы и петрефакта (въ камень преображенныя вещи), а медали не весьма удивительны суть.

У графа фонъ-Левенгаупта показывается семиглавная, ехиднѣ подобная, высушенная змѣя, но главы оныя приставлены-ли суть, то видѣть не можно, понеже оную оборачивать не допускаютъ, и токмо со спины смотрится; и почитаютъ опую за 20,000 ефимковъ, однакожде я мню, когда бы ее прямо осматривать, тогда-бы коварство объявилось. Господинъ ландъ-ратъ фонъ-Алефельдъ имѣетъ изрядную галерею, въ которой достохвальны суть слѣдующіе оригиналы:

1) Венусъ отъ Ганнибала Караци.

2) Бакханалія отъ Рубенса съ одинадцатью фигурами.

3) Моисей съ законными табелями отъ Рафаэля Урбина.

4) Двѣ женскія персоны отъ фанъ-Дика.

5) Два ландшафта отъ Тиціана и прочія дивныя живописи отъ фонъ-Алста, Агриколы, Беллина, Гана-Поле, Гондіуса, Карла Мората и Теніера.

Еще жъ тамо у вдовы, которой мужъ, я мню, великій охотникъ здравія пить былъ, усмотряется кабинетъ весьма особливый: помянутый-бо охотникъ съ великимъ прилежаніемъ многихъ націй сосуды питія собралъ. И я не мню, чтобъ какой сосудъ былъ, который-бы тамо не обрѣтался.

Въ Ганноверѣ имѣетъ старый аббе Меланъ монетный кабинетъ великаго достоинства: оный же состоитъ изъ всякихъ разныхъ монетъ, но дивное собраніе люнебургскихъ монетъ и талеровъ, которые повелѣніемъ ныхъ князей дѣланы, удивленія достойно есть. Патуральныя его вещи не важны суть; о реликвіяхъ, о которыхъ роспись имѣетъ, не упомяну.

Въ Лейпцигѣ такожде не имѣется публичный музеумъ, кромѣ того что въ ратсъ-библіотекѣ показывается нѣсколько камней, дорогихъ антиквіевъ, и старая моисѣйская работа.

Изъ приватныхъ имѣетъ аптекарь Линкъ и Бозекъ нѣкоторыхъ патуралій; первый превосходитъ въ петрефактисъ и лапидибусъ фигуратисъ, между которыми удивленія достоинъ черный тонкій камень,

на которомъ крокодилъ зѣло явно усмотряется; второй въ анималіяхъ и ботаническихъ вещахъ, наипаче въ сѣменахъ.

У господина Коха обрѣтаются нѣкоторыя химическія и художествомъ сдѣланныя вещи. Глазурь, который онъ дѣлать знаетъ, весьма украшаетъ глиняныя посуды.

Господинъ докторъ Леманнъ хвалится моделемъ бухъверка (машины нѣкоторой) и прочими, къ бухъверку принадлежащими инструментами.

Дрезденская кунстъ и натураліевъ камера, превосходитъ берлинскую многими вещами, но зѣло жаль, яко оная весьма раздѣлена есть. Натураліевъ камера состоитъ изъ всякихъ натуральныхъ вещей; кунстъ-камера изъ разныхъ ветхихъ художественныхъ штукъ, яко часовъ, машинъ, моделей, инструментовъ разныхъ рукодѣльныхъ, и токарныхъ штукъ. Антиквитетъ камера состоитъ изъ греческихъ и римскихъ монетъ и антиквіевъ, при оныхъ же обрѣтаются рисунки эстамповъ, но въ особливой камерѣ.

Казенная королевская камера, зеленая палата именуется.

Но чудныя вещи Тилингера (у котораго ваше императорское величество прежде сего въ домѣ стояли), наипаче дивными и драгими ветхими и нынѣшними, рѣзанными каменьями и чудными медалями украшенная пирамида, азіатская амбасада и прочія вещи достойны всѣмъ представится.

Изъ приватныхъ никто жъ тамъ что имѣетъ, кромѣ механика Гертнера, и то состоитъ изъ моделей. Имѣетъ оный перпетуумъ мобиле, о которомъ прежде упомянуто, си-есть стулъ, на которомъ взлѣзши пружину нѣкоторую самому ся внизъ спущать и вверхъ поднимать въ перпендикулярной линіи; можно такожде и столъ, который такимъ же образомъ съ купаньемъ и питіемъ спускается и поднимается.

Еще жъ машину, чрезъ которую въ жаркомъ лѣтнемъ времени въ свѣтлицѣ пріятный холодный вѣтръ сдѣлать можно. И разные образы мельницъ имѣетъ, но для своей старости ничто же больше въ совершенство произвести и паки новое издати можетъ.

Монетный кабинетъ въ Саксенъ-Готѣ, который прежде сего князю Шварценбургскому принадлежалъ, въ Нѣмецкой землѣ начальнѣйшій есть, и никоторому, кромѣ королевскаго французскаго кабинета, славою уступаетъ; что-бо удивительно есть изъ медалей, то въ ономъ обрѣтается.

Въ Касселѣ кунстъ и натураліевъ камера въ домѣ нарочно къ тому изготовленномъ обрѣтается: натуральныя вещи внизу суть, а художественныя вверху. Изъ оныхъ вначалѣ занимаютъ особливую камеру минераллы, каменья, земли и соли. Вторично анималія (звѣри). Въ третьихъ конхилія (раковины) и морскія вещи; въ четвертыхъ

деревья, травы и прочія къ ботанике припадлежащія. Такимъ же образомъ художественныя вещи разставлены суть.

Инструменты математическіе особливо лежатъ, физическіе особливо, такожде машины и модели — все въ такомъ изрядномъ порядкѣ, что воистинну сказать могу, яко ни который кунстъ-камеръ таковъ порядоченъ обрѣтохъ. Изъ моделей замка и грота Вейзенштейнскаго начальнѣйшая суть, и машина, чрезъ которую сказываютъ летати можно, удивительнѣйшая есть. Еще же тамо усмотряется множество новыхъ и лучшихъ математическихъ и физическихъ инструментовъ. Кромѣ минераловъ прочія курьозныя вещи не чрезъобычайны суть.

Въ Амстердамѣ азъ обрѣтохъ у Шеннфута полное собраніе конхиліевъ, минераловъ и рисунковъ.

Докторъ Іобелиреръ не токмо имѣетъ полный, но и начальнѣйшій кабинетъ раковинъ, коральковъ, и дорогихъ камней темныхъ.

Себа превосходитъ въ анималіяхъ и минераллахъ.

Тенкати и Шентъ объ ономъ тщатся, однакожде до вышеупомянутаго не доходятъ.

Вилдскій кабинетъ, ради ветхихъ монетъ, въ Голландіи лучшій есть, и понеже оный продается, того ради заблагоразсудилъ обстоятельнѣе, что въ ономъ обрѣтается, объявить.

1) Персона Римскаго Кесаря и Кесарины на златѣ. . . 166
2) Консуляресъ изъ сребра 489
3) Изъ металла 71

Между сими суть 143, на которыхъ имя и фамиліи не напечатано.

4) Серіесъ (порядокъ) римскаго государства изъ серебра. 953
5) Изъ металла 1373
6) Римскіе кесари съ подписками греческими, которыя многія еще не публикованы 409
7) Собраніе лучшихъ монетъ, которыя господинъ де Вилде издалъ 150
8) Монеты разныхъ мѣстъ во множествѣ, но не собраны.
9) Медали съ греческою подписью серебряныя и мѣдныя. 90
10) Короли македонскіе на серебрѣ и металлѣ, между оными же нѣкоторые весьма дивны, и не публикованы суть 72
11) Серіесъ королей египетскихъ и сирскихъ 180

Сіи зѣло дивны суть, и въ такомъ полномъ числѣ ни въ какомъ другомъ кабинетѣ находятся.

12) Арабскія, самаританскія и прочія монеты 39
13) Планеты небесныя 12 изъ злата, весьма дивны.
14) Оныя жъ изъ серебра.
15) Рѣзанные каменья, отъ господина де Вилда изданные. 188
16) Еще оные жъ 455
17) Такіе жъ вельми дивны и велики 26

18) Разныя фигуры, отъ профессора изданные 60

19) Сакрифиціумъ Пріапи, ветхій и давный.

20) Еще такой-же, но не такъ совершенный.

21) Юпитеръ, который въ образѣ лебединомъ, егда Ляда Кастора и Поллукса родила, за бабу повивальную отправляетъ.

22 и 23) Разныя иныя фигуры и хинскіе идолы.

Въ ономъ такожде обрѣтается нѣкоторая живопись, зѣло славнаго мастера, которая представляетъ двухъ убитыхъ братьевъ де Витовъ.

Въ Эузенброковѣ монетномъ кабинетѣ хотя не зѣло много монетъ обрѣтается, но вельми хорошо сложены суть, однакожде довольное число между оными падуанскихъ обрѣтается, которые онъ за прямыя почитаетъ.

Многіе образы эстамповъ и рисунки архитектурные, греческіе и римскіе антиквитеты великое украшеніе кабинету его придаютъ.

Профессоръ Рюйшъ хотя вельми старъ и безмощенъ есть, однакожде еще тщится анатомію, съ пособіемъ инекціевъ въ совершенство привести, и нынѣ уже паки четыре кабинета съ анатомическими препаратами наполнилъ; въ оныхъ же показываетъ рете мирабиле, который обрѣтохъ у человѣка, продавши уже кабинетъ. Впрочемъ лышѣшніе препараты не въ полу такъ хороши суть, яко оные, которые онъ прежде сего дѣлалъ. На антропологію не можно ему и думать, ибо такое собраніе, какое въ вашего императорскаго величества кабинетѣ обрѣтается, ниже онъ, ниже кто другой въ такомъ полномъ числѣ собрати можетъ.

Умершаго господина Бундермакера Атласъ, который изъ 102 книгъ состоитъ, весьма дивенъ, и вопстину сказать можно, яко въ Европѣ ему подобнаго нѣсть. Содержитъ бо не токмо лучшія генеральныя и спеціальныя карты, но и описаніе начальнѣйшихъ улицъ и городовъ всякой провинціи, такожде и образы державу имѣющихъ господъ, и рисунки баталій, которыя въ каждой провинціи дѣлались. Егда же оный въ аукціи продать хотѣли, тогда я о томъ репортовалъ, и аукцію полъ-года, сверхъ поставленнаго сроку одержалъ, но понеже отвѣтствія не получилъ, того ради достался оный за 10,000 гульденовъ королю португальскому.

Кальфъ въ Сардамѣ такожде имѣетъ собраніе натуралієвъ и антиквієвъ, но сіи послѣдніе лучшіи суть. Въ Гарлемѣ Винцентовъ кабинетъ натуралієвъ славою превосходитъ, наипаче для сбереженныхъ инсектовъ, какъ мокрымъ, такъ сухимъ образомъ; дивные и порядочно убранные папиліоны нигдѣ же, кромѣ онаго, обрѣтаются. Всего кабинета онъ самъ каталогъ издалъ.

Фонъ-деръ-Маркъ, который деньги давалъ къ изданію библей-

скихъ фигуръ, имѣетъ великое сокровище рѣзанныхъ дорогихъ каменьевъ.

Въ Лейденѣ публичная анатомія и натуралievъ камера обрѣтается, и что въ оныхъ имѣется ваше императорское величество о томъ извѣстны, ничто же новое въ опую прибыло, и сверхъ того печатанный каталогъ о томъ есть. Но сожалѣнія достойно, яко раввановы препараты анатомическіе не лучше сберегаются.

Господина де-ла-Курта кабинетъ живописныхъ вещей изрядный есть. Въ Гагѣ господина Грефіера Фагелса монетный кабинетъ для обрѣтающихся въ ономъ пышѣшихъ монетъ и медаліевъ славенъ.

Въ Делфтѣ видѣлъ я преславные микроскопіи Левенгуковы; колико онъ въ оныхъ происшелъ, оказываютъ его о томъ публикованныя книги.

Въ Утрехтѣ господинъ фонъ-Молинъ изрядное собраніе натуралievъ имѣетъ, но шелковая его мельница важнѣе, не токмо-бо куріозна, но и весьма потребна есть, понеже чрезъ опую въ шелковомъ пряденіи двумя человѣками больше учинить можно, нежели инымъ образомъ двадцатью человѣки. Того ради опую весьма тайно содержитъ. Однакожде я всячески тщился опую познать, и въ тое время въ машинахъ славный математикъ въ Амстердамѣ обрѣтался, именемъ Кашуберъ; съ онымъ о томъ я совѣтовалъ, и соединился, чтобъ оный за мною въ либереѣ лакейской пошелъ, но егда мнѣ машину покажутъ, опую тщательно смотрѣлъ и рисунокъ ея сдѣлалъ.

Кромѣ доброй рекомендаціи, которую я отъ лучшихъ его (фонъ Молина) пріятелей имѣлъ, презенты янтарные, которые въ Данцигѣ и въ Кенигсбергѣ купилъ, свободное мнѣ обхожденіе съ нимъ и великую пріятность учинили, тако что недѣли двѣ ежедневно принужденъ у него быть. Такожде и помянутаго лакея моего трактовали; тоже оный тако опознался, яко съ людьми, которые ничто же злое объ ономъ мнили, всегда свободно къ машинѣ ходилъ, и времени довольно имѣлъ все осмотрѣти и рисунокъ сдѣлать, якоже конечно грундъ и штандрисъ, который при моделяхъ обрѣтается, объ оной мнѣ изготовилъ.

Сего человѣка азъ съ собою въ Парижъ взялъ ради вспоможенія такихъ дѣлъ, и зѣло-бы желалъ его сюда привести, когда бы оный мнѣ не вельми убыточенъ былъ, и кромѣ того времепемъ такъ сумасброденъ и бѣшенъ, яко съ онымъ опасно было вмѣстѣ жить.

Въ Антверпенѣ видѣлъ я Каноника предивную галлерею живописныхъ вещей. Оный имѣетъ штуки отъ Рубенса, Микель Анжело, фанъ-Дейка, Пусена, и симъ подобныхъ добрыхъ мастеровъ, наипаче вельми почитаетъ миніатюрныя свои штуки, которыхъ множество имѣетъ.

Въ Парижѣ, какъ публичные, такъ и приватные кабинеты суть:

Королевская натураліевъ и анатомическая камера въ королевскомъ медицинскомъ саду обрѣтается; оная состоитъ изъ натуральныхъ вещей того государства; сія изъ скелетовъ, какъ человѣческихъ, такъ и звѣриныхъ.

На обсерваторіи обрѣтаются модели, инструменты математическіе и физическіе; всѣ, которые въ меморіяхъ не публикованы суть, срисовать и объ оныхъ аккуратное описаніе, которое здѣсь съ рисунками имѣется, я сдѣлать повелѣлъ.

Удивляться надлежитъ, яко тамо больше и лучше вещей не обрѣтается: Тширнгаузена зеркало зажигательное между лучшими вещами изъ оныхъ поставляется.

Въ Луврѣ такожде суть нѣкоторыя машины, рисунки, живописи, о которыхъ всюду описаніе имѣется.

Медалей кабинетъ въ Версалѣ дорогія и старинныя вещи тако имѣетъ, яко въ свѣтѣ онымъ подобныхъ нѣтъ. Изъ оныхъ же едва не всѣ во разныхъ матеріяхъ спечатанные съ собою привезъ.

При семъ достоинъ похвалы кабинетъ Сентъ-Клу, который съ великимъ убыткомъ собранъ. Вельми прославляется кабинетъ въ Сентъ-Женевьевѣ, но видѣвши другіе, весьма малая вещь есть.

Изъ приватныхъ кабинетовъ превосходитъ въ натуральныхъ и химическихъ вещахъ господина Жеофреа, по немъ въ математическихъ—отца Севастіана, въ медаляхъ и старинныхъ рѣзанныхъ камняхъ —г. Крозарда; дукъ-Дантенга и господина Гомберта—въ живописяхъ и печатяхъ; а господина Пожота контъ-де Дозенбре—въ механическихъ; оный же, кромѣ того, имѣетъ изрядное начало анатоміи изъ воску. Намѣреніе его въ математикѣ преизрядно есть, мнитъ бо всѣ части въ модели привести. Въ гражданской архитектурѣ далеко произошелъ, и всеконечно уже имѣетъ разныя модели домовъ, сводовъ, оконъ, дверей, мостовъ, кровель и прочихъ, такожде и въ фортификаціи. И видѣть можно, яко сей кабинетъ съ добрымъ разсужденіемъ заложенъ и для пользы производится.

Въ Лондонѣ соціететъ имѣетъ изрядный натураліевъ кабинетъ, но весьма не доходитъ до кабинета господина Стоанесса и доктора Водварта.

Сверхъ того, обои они имѣютъ хорошее собраніе антиквитетовъ; послѣдній имѣетъ предъ другимъ славу въ каменьяхъ и минералахъ, и оказываетъ противъ мнѣнія бо̀льшей части, яко нарицаемыя конхилія, петрефакта не въ камень превращены суть, но тяжесть свою имѣютъ отъ жидкой матеріи, которая временемъ, гипсова, минеральна и камениста бываетъ, и сквозь скважины ихъ въ оныя вселилась.

Милордъ Бемброкъ и Жандое имѣютъ совершеннѣйшіе медаліевъ кабинеты въ Англіи, изъ которыхъ господинъ Гемсъ—Тесаурумъ Британикумъ на итальянскомъ и англійскомъ языкахъ писалъ.

V.

Въ Оксфортѣ публичная, въ домѣ университетскомъ, натуралiевъ и антикwiевъ камера славна есть. Содержитъ-бо всѣ натуралiи изъ каждаго натуре регно, антикwитеты и медали, о которыхъ разныя книги напечатаны суть.

Близъ Кембриджа имѣетъ милордъ Гарлей, сынъ милорда Оксфорта, презрядный кабинетъ медалей и антикwитетовъ. Ветхая лампада въ Кипрѣ, нѣкогда на алтарѣ Венеры стоящая, оный зѣло много украшаетъ. Помянутый милордъ подарилъ мнѣ отъ оной эстампу, которая, по окончанiю сего, здѣсь списана обрѣтается.

Еще жъ я многiе другiе кабинеты видѣлъ, но сему кабинету никоими мѣры примѣнитися могутъ.

Внегда же начальнѣйшiе кабинеты въ Нѣмецкой землѣ, въ Голландiи, Францiи и Англiи видѣлъ, и вашего императорскаго величества кабинетъ коротко знаю, иже начало возъимѣлъ отъ нѣкоторыхъ звѣрей и лапландскихъ саней, тогда свободно сказать могу, чѣмъ оный съ прочими разнится и въ чемъ недостатокъ имѣетъ.

Что къ натуралiямъ, яко каменьямъ, минералямъ и звѣрямъ принадлежитъ, ваше императорское величество хорошiй запасъ въ оныхъ имѣете, однакожде натуральныя вещи сего государства недовольно розъисканы.

Въ анатомическихъ вашего императорскаго величества кабинетъ себѣ подобнаго не имѣетъ.

Добрый порядокъ такожде въ ономъ содержаться будетъ, егда только къ тому назначенный домъ изготовится.

Художественныя вещи, живописныя, эстампы, физическiе и математическiе инструменты, антикwитеты и медали въ вельми маломъ числѣ въ ономъ обрѣтаются, но весьма потребны суть; того ради я, слѣдуя инструкцiи моей, тщился оный недостатокъ исполнить, наипаче о кабинетѣ медалей, который вашему императорскому величеству весьма потребенъ.

Оный кабинетъ, который я съ уговоромъ на два или три мѣсяца въ Гамбургѣ у Петра Грева купилъ, и потомъ Арнстъ Говерсъ за оный заплатилъ, прежде сего славному Люитеру принадлежалъ; оному, егда кабинетъ еще въ добромъ и полномъ состоянiи былъ, королева Христина 80,000 ефимковъ давала, ибо во истинну сказать можно, яко оный въ Нѣмецкой землѣ въ то время изъ славнѣйшихъ былъ. Но онымъ себя раззорилъ, по смерти-бо его не осталось только, чѣмъ-бы долги заплатить, и наслѣдники, не знавши выправиться, заложили оный кабинетъ жидамъ за нѣкоторую сумму; сiи же токмо золотыя и серебряныя медали взяли, и въ разные мѣшки положивши, печатью наслѣдниковъ запечатали, но егда росту за оное зѣло умножилось, тогда Петръ Греве, наслѣдникъ же, оныя выкупилъ, и въ такомъ состоянiи за 8000 ефимковъ банко помянутымъ образомъ вашему императорскому вели-

честву продалъ. Оное золото съ мѣшкомъ—вѣсомъ 2043 червонныхъ, а серебра 3600 лотовъ. Одно токмо жаль, что понеже монеты между собою весьма смѣшаны, того ради тому, который оныя разбирать будетъ, много ночей безпокойныхъ учинятъ.

При моей бытности, вашему императорскому величеству знакомый кабинетъ господина Шеваліера на аукціи продавался, оный-же состоялъ изъ антиквитетовъ и старыхъ камней. Въ сей аукціи купилъ я два зеркала цилиндрическія, съ нѣкоторыми фигурами. Большіе и малые изъ карніола, лапиде лазури, зардомира, рѣзанные ветхіе и новые дорогіе камни, числомъ 66. Старинныя лампады и множество старыхъ печатей и перстней, такожде нѣсколько старинныхъ флейтъ, како о томъ роспись явствуетъ. Вашему императорскому величеству весьма извѣстно, яко въ Голландіи зѣло часто такія аукціи бываютъ, при оныхъ же срокъ поставляется, и егда оный пройдетъ, тогда безъ всякаго разсмотрѣнія начинаются, и того ради не возможно указа своего государя о томъ ожидать, убо гдѣ азъ такую аукцію заставалъ, и видѣлъ, что съ пользою изъ оной можно что получить, то я дерзалъ и безъ вашего императорскаго величества указа то дѣлати, въ той надеждѣ, яко оное отъ вашего императорскаго величества всемилостивѣйше принято будетъ.

Въ Амстердамъ, подъ дирекціею господина де-ла-Курта, препзрядная оранжерея на аукціи продавалась, и драгоцѣнный кабинетъ живописныхъ вещей, дѣланныхъ отъ лучшихъ мастеровъ; и понеже въ медицинскомъ огородѣ оранжереи не имѣется и въ новую библіотеку и кунстъ-камеру впредь живописи весьма надобны будутъ, и оныя вещи не вельми дорого продавались; того ради я оранжереи и нѣсколько живописей чрезъ господина Ларвода и сына его—оную за 823 гульдена, сіи за 8382 гульденовъ купилъ; но понеже въ медицинскомъ огородѣ еще къ оранжереи мѣста необрѣтается, того ради господинъ архіатеръ опую ея величеству государынѣ императрицѣ отдалъ, и оная уже заплачена.

А живописи въ кунстъ-камерѣ суть на время, но еще не заплачены, и плату за оные Элмсалъ и Эвансъ, корреспонденны Ларвода и сына его, ежедневно требуютъ, и мнѣ покоя не даютъ; для того всеподданнѣйше прошу ваше императорское величество, дабы всемилостивѣйше указали, оныя деньги Элмсалу и Эвансу выдать. Инструменты математическіе и физическіе въ Лейденѣ отъ Мусенброка, въ Англіи отъ Деана, во Франціи отъ Виньерона и Эслина, въ Берлинѣ отъ Доплера и прочихъ я купилъ, которые всѣ въ счетѣ объявлю.

§ 12. Въ моей инструкціи еще мнѣ повелѣно о полной библіотекѣ освѣдомиться, и о томъ извѣстіе учинить. Въ Гамбургѣ, Гагѣ, во Франціи и Англіи весьма изрядныя библіотеки при моей бытности продаваны, и изъ оныхъ нѣкоторыя потребныя книги купилъ, но чтобъ во

всѣхъ факультетахъ полныя библіотеки продавались, во истинну не могу сказать, вельми трудно такія аукціи случатся, развѣ дать о томъ коммисію славному книгъ продателю, которое по моему мнѣнію свободно сдѣлаться можетъ. Такому книгъ продателю дается копія каталога библіотеки, изъ котораго знать можетъ, что̀ за недостатокъ въ какой нибудь матеріи обрѣтается, который благовременно исполнить имѣетъ. Но чтобъ коварство не учинилось, то надлежитъ корреспонденцію имѣть съ другими, и тщиться каталоги доставать съ цѣною библіотеки, которые на аукціи роздаются. Азъ списокъ библіотеки вашего императорскаго величества въ Голландіи славному и искусному книгопродавцу Васенбергу оставилъ и росписи книгамъ съ цѣною отъ 16-ти лѣтъ съ великимъ трудомъ сочинилъ, и тако токмо въ волѣ вашего императорскаго величества состоитъ, чтобъ библіотеку въ малыя лѣта, безъ великихъ убытковъ, въ совершенство привести. И всекопечно сіе дѣлати надлежитъ, ежели внутреннему съ наружнымъ строеніемъ сходну быть.

Хотя азъ, яко упомянуто есть, довольное число книгъ купилъ, однакожде оныя токмо нужнѣйшія суть, которыя въ публичной библіотекѣ имѣть должно, кромѣ одной книги, которую только изъ любопытства купилъ.

Знатно есть, яко Мейнцъ, Страсбургъ и Гарлемъ между собою объ изданіи типографіи споръ имѣютъ, и первыя книги безъ назначенія мѣста и времени печатались. Теперь же обрѣтается на голландскомъ языкѣ нѣкоторая книга, Спекулумъ салутисъ нарицаемая. Къ оной суть въ деревѣ вырѣзанныя библейскія фигуры, которыя представляютъ тайность вѣры, съ подписаніемъ; которая, сказываютъ, въ Гарлемѣ напечатана, егда въ Мейнцѣ ничто же о печати знали. Профессоръ Скриверіусъ сказываетъ въ Гарлемской Исторіи, яко оную книгу на латинскомъ языкѣ имѣетъ, которому многіе противились и сказывали, что оное токмо хвастовство есть. Сію книгу всемогущій императоръ азъ случаемъ въ Голландіи обрѣтохъ, и достойна есть въ вашего императорскаго величества библіотекѣ быть; изъ оной-бо знать можно, какъ художество сначала своего не въ совершенствѣ бываетъ, но по малу многими поправленіями въ совершенство приводится.

Что̀ къ библіотекамъ принадлежитъ, и оныя суть или публичныя, или приватныя, и почти всякій вольный городъ можетъ похвалиться, яко въ пользу народа библіотеку имѣетъ; а о короляхъ, князяхъ и университетахъ, которые о преимуществѣ едва не спорятъ, умолчимъ, ибо сказываніе объ оныхъ слушать вашему императорскому величеству скучно будетъ, а кольми паче егда-бы каждую библіотеку обстоятельно описывать. Того ради токмо начальнѣйшія опишу, а то, что въ себѣ содержитъ, не упомяну, понеже объ оныхъ публико-

ванные, печатанные или писанные, со мною привезенные каталоги довольное о томъ изъясненіе дають.

Кромѣ римскаго кесаря въ вѣнской библіотекѣ, достойна быть начальнѣйшая вольфенбиттельская въ Нѣмецкой землѣ.

Королевская библіотека въ Берлинѣ такожде славна есть, паипаче когда къ оной причтется Спангеймова. Въ Голландіи начальнѣйшая библіотека университетская въ Лейденѣ. Во Франціи королевской библіотекѣ, какъ въ количествѣ, такъ и въ качествѣ печатаныхъ и писанныхъ книгъ, никакая библіотека сравнится можетъ, ибо печатныхъ книгъ около 80,000, а писанныхъ 17,000 обрѣтается, и хотя каталогъ королевской библіотеки еще не публикованъ, однакожде я прожектъ его съ собою привезъ; писанныхъ книгъ Монфоконъ бо́льшую часть объявилъ. Начальнѣйшія и старѣйшія книги греческія суть №№ 1095 и 2245, первый состоитъ изъ разныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Дивнѣйшее изъ оныхъ есть, что въ XII секулѣ писецъ нѣкоторый старое письмо выскребъ, и вмѣсто его Ефреми Опера написалъ, однакожъ ежели прилежно смотришь, то можно еще старое письмо читать.

Второй содержитъ писанія апостола Павла, которыя чаю въ VII-мъ секулѣ писаны.

О лейденской библіотекѣ Монфоконъ въ своей Палеографіи обстоятельно разговариваетъ, и потомъ Машеліусъ о библіотекахъ парижскихъ.

Университетская библіотека въ Оксфордѣ едва не ровна есть съ кембриджской, оная-бо богаче манускриптами, а сія съ прибылою библіотекою епископа фонъ-Эли—печатанными книгами.

Украшаетъ оную паипаче кодексъ, Безе нарицаемый, состоящій изъ четырехъ евангелистовъ, и дѣйствъ апостольскихъ, который отъ V и VI секула старъ быть почитается. Оный имѣетъ такую равность съ вышеупомянутою книгою № 2245 библіотеки королевской, яко нѣкоторые думаютъ, будто обои оные одною рукою писаны.

Въ Лондонѣ многія суть публичныя библіотеки, но котиніанская, о которой каталогъ съ собою привезъ, лучше всѣхъ, а книги съ позолоченными литерами въ оной не дивны суть.

Приватныхъ библіотекъ видѣлъ я больше 200, но лучшая изъ оныхъ и по нынѣшнему обыкновенію сдѣланная во Франціи у марешаля д'Етре, который оную послѣ аукціёвъ, гдѣ хорошую прибыль имѣлъ, вельми умножилъ. Въ Англіи у милорда Сундерланда и милорда Гарлея.

Въ Нѣмецкой землѣ не нашелъ я приватную библіотеку, которая бы достойна была симъ приписаться и равняться.

Однакожде слышалъ, что библіотека принца Евгеніуса онымъ не токмо ровна, но и превосходительнѣе есть.

Намѣренія ихъ не токмо библіотеки свои дражайшими и дивнѣйши-

ми, но и старѣйшими книгами наполнять, однакожде больше смотрятъ на любопытность и драгоцѣнность, нежели на пользу. И того ради держатъ книгопродавцевъ въ Нѣмецкей землѣ, Голландіи, Франціи и Италіи, которые всегда имѣютъ указъ книги покупать, хотя весьма дорогою цѣною, яко же азъ видѣлъ, что усопшій милордъ Сундерландъ за изданіе Гомерово 50 гвинеевъ заплатилъ. Но многіе за болѣзнь сіе почитаютъ, а не за прямое желаніе къ наукамъ.

Славный Менке, чрезъ котораго дѣйствія ученыхъ людей лейпцигскія (Acta eruditorum) издаются, имѣетъ полную историческую библіотеку. Азъ мню, что его уговорить можно, дабы оную вашему императорскому величеству продалъ.

Порядокъ въ библіотекахъ разный есть. Каждый-бо библіотекаріусъ слѣдуетъ своему праву. Однакожде обычайнѣйшій и удобнѣйшій, когда книги по матеріи и величинѣ своей разставлены суть. Но азъ мню, что не весьма надлежитъ слѣдовать матеріи книгъ, дабы красота, которая въ публичной библіотекѣ требуется, не утратилась. И, сверхъ того, иногда одна книга къ разнымъ факультетамъ причитаться можетъ. Азъ тщится буду въ вашего императорскаго величества библіотекѣ оное сберегать: строеніе къ тому изрядно и удобно есть, только недостатокъ имѣемъ въ добрыхъ и избранныхъ книгахъ.

И ежели вашему императорскому величеству всемилостивѣйше поправно будетъ нѣкоторую сумму денегъ къ тому опредѣлить, то можно бы оную краткимъ временемъ въ хорошее состояніе привести.

Такожде можно бы вашего императорскаго величества двоякія книги на другія новыя мѣнять, а прочее все по малу исполнится.

§ 13. Сверхъ сего лучшій способъ есть библіотеку и кунстъ-камеру въ совершенство привести, егда корреспонденцію имѣть съ учеными людьми и охотниками художествъ и наукъ, которая чаю уже тако сочинена, яко пользу и веселіе имѣть надѣяться можно. А именно въ Ригѣ съ докторомъ Мартини, въ Кенигсбергѣ съ докторомъ Гартманомъ, въ Данцигѣ съ Яковомъ Брепномъ, въ Берлинѣ съ господиномъ де-ла-Крозомъ и Яблонскимъ.

Въ Гамбургѣ съ г-номъ синдикомъ Андерсономъ, Фабриціусомъ и Вольфомъ.

Въ Ганноверѣ съ господиномъ Экардомъ и Кейслеромъ.

Въ Лейпцигѣ съ г-номъ докторомъ Шахеромъ, съ придворнымъ совѣтникомъ Менкомъ и съ докторомъ Леманомъ, въ Галлѣ съ профессоромъ Вольфомъ и докторомъ Гофманомъ.

Въ Дрезденѣ съ библіотекаріусомъ, въ Касселѣ съ докторомъ Вольфратомъ и Орфиреомъ.

Въ Эйзенахѣ съ астрономомъ Вагнеромъ, въ Риптленѣ съ докторомъ Бехтольдомъ, въ Амстердамѣ съ г-номъ ле-Клеркомъ, Клер-

монтомъ и Линіеромъ, который за малое жалованье обѣщаетъ вашему императорскому величеству книги писать.

Въ Лейденѣ съ господиномъ Бургавеномъ, Бурманомъ и Сгравезандомъ.

Въ Англіи съ г-номъ Стоанесомъ, докторомъ Водвардомъ и славнымъ анатомикомъ г-номъ Сентъ-Андреемъ, Дезакиліеромъ, господиномъ Галеемъ и г-номъ Ваплеемъ, такожде и съ механикомъ Деапомъ, и съ оптикомъ Скарлетомъ и прочими.

Въ Парижѣ съ г-номъ Дюверпеемъ, Вепсловомъ, Дюбо, Жеофре, Жусье, Динордомъ, Дантеномъ, г-номъ Пожотомъ, конте Дозенбре, господиномъ Гомуромъ, Варинѣономъ, Монфокономъ, г-номъ Фонтепелломъ и де-Лилемъ.

Въ Страсбургѣ съ докторомъ Шейдомъ, Шерцомъ, Беклеромъ, Линкомъ и Линдерло. Со всѣми помянутыми часто я обходился. Всемогущій императоръ: начало уже сдѣлано, и токмо въ вашего величества волѣ и указѣ состоитъ, чтобы далѣе производилось, съ пользою и веселіемъ скончалось.

Johan Daniel Schumacher.

S. Petersburg 10.... 1722 an.

—

VI.

Описаніе собранія рѣдкостей Альберта Себа, сдѣланное имъ для Петра В. въ 1715 г. (переводъ въ Каб. дѣл. II, № 25, л: 439 — 440).

Краткое вѣдѣніе моимъ куріозамъ и самороднымъ вещамъ, которыя объявлены ниже сего:

1) Кабинетъ сдѣланъ изъ самаго добраго остъ-индскаго кипарисnаго дерева; въ немъ 72 ящика — всѣ предорогими и диковинными раковинами изукладены: привезены изъ Остъ и Вестъ Индіи и прочихъ дальнихъ земель; которыя (раковины) съ великимъ прилежаніемъ и трудолюбіемъ отъ наилучшихъ диковинныхъ штукъ сбираны въ мѣсто, состоящее въ 1000 и болѣе штукахъ. О чемъ вѣрно доношу, что отъ сихъ куріозовъ полнѣе числомъ никто показати не можетъ.

2) Кабинетъ же краснаго остъиндскаго дерева съ дверью того жъ дерева. Внутри перспективой стеклами украшено и въ немъ болѣе 400 склянокъ самаго чистаго стекла, въ которыхъ неизреченные, чудественные, странные звѣри, въ винномъ духѣ положенные для содержанія, въ которыхъ преузорочно презентуются. Да еще есть раритеты безъ кабинета, которые утверждены на доскѣ порядочно.

Да еще жъ съ 400 штукъ склянницъ малыхъ и большихъ съ разными жъ звѣрьми въ винномъ духѣ положенные, а именно: родъ нѣкоторыхъ жабъ, измѣняющихся въ рыбу, и такихъ вѣрно могу 8 показать, о которыхъ мы отнюдь не слыхивали и въ книгахъ не упомянулось. Еще жъ имѣю родъ большихъ американскихъ жабъ, которыхъ молодые изъ спины плодятся и израстающіе. Такожъ виргинская тѣхъ же рукъ съ рогами, да еще жъ съ долгими ушми. Такожъ необычайно великій остъиндскій филандеръ, которыхъ молодые, входящіе внутрь и паки исходящіе, до возрасту питаются. Еще жъ есть всякихъ рукъ крокодилы, армодили, лигансы, каеманы, гагедебы, саламандры, ленарцы, мирертесы, тавіянскій дьяволъ, салво гардо, бавіане, летучіе змѣи, летучія рыбы, полипусы, реноры, разныхъ рукъ остъиндскія рыбы, морскія кошки, морскія мыши, морскіе черви, морскія чуда, тарантула и превеликіе пауки, скорпіоны, гекусы, милепеды, разныя черепахи, раки, змѣи, ревучіе змѣи, еще и иныхъ многихъ рукъ змѣи, звѣри, которыхъ всѣхъ поименно назвать невозможно.

3) Есть еще японскаго мастерства лаковый кабинетъ, въ немъ сдѣлана крѣпость, и замокъ на горѣ презрядно презентуется и весь изъ самаго краснаго чистаго коралла японскаго мастерства; да еще въ немъ судъ царя Саломона и сверхъ вещей того всякими бисерами унизано и иными вещми унизано.

4) Кабинетъ, въ немъ 32 ящика, въ которыхъ съ 1000 вещей европейскихъ папильоновъ (гадинъ—должно быть въ подлинникѣ papillons), весьма удивительны фигурами, пристегнутые, которые въ семъ превосходительнѣе господина Винцентовыхъ вещей и числомъ полная, которыхъ комплетиса набрать невозможно.

5) Еще жъ есть подобіемъ сему кабинету, въ которомъ всѣ страшныя азіатскія, африканскія и американскія гадины; частію же есть необычайно великія всякихъ разныхъ колеровъ и удивительныя фигуры; частію же есть необычайно великія всякихъ розныхъ колеровъ и удивительныя фигуры. Такожъ презентуются папеліоны всяка своею фигурою, которыхъ съ 50 ящиковъ наберется, въ томъ числѣ есть съ серебряными и золотыми крылами; да еще жъ, въ дополнку при семъ, многіе ящики всѣхъ рукъ.

6) Одинъ кабинетъ китайскаго мастерства черепахою и серебромъ по дереву выкладены; въ немъ безъ мѣры многихъ рукъ руды земляныя изъ Остъ Индіи, Китая, Венгріи, изъ всеа Германіи собраны.

7) Еще жъ кабинетъ сему подобіемъ: въ немъ всякія копаемыя вещи, которыя отъ потопа въ твердый камень измѣнились, множество фигуръ рыбы, травы и ползущія гадины.

8) Ящикъ, въ немъ всякихъ рукъ странныя птицы, въ томъ числѣ и райскія, царекъ и иные раритеты.

VI.

9) Ящикъ изъ слоновой кости предорогимъ китайскимъ художествомъ вырѣзанъ и серебромъ выложенъ — въ немъ всякія куріозитеты.

10) Ящикъ малой, слоновой же кости.

11) Японскаго мастерства лаковый кабинетъ, въ немъ разныя жъ раритеты.

12) Ящикъ, въ немъ великій и весьма удивительный корень притоманнаго дерева Аплое (т. е. райское дерево) мѣстами сросся и китайскимъ по онымъ мѣстамъ предорогимъ мастерствомъ вырѣзанъ.

Такожъ есть весьма искуснаго и любопытнаго мастерства распятіе изъ красныхъ кралей, а крестъ финифтиной, и сей крестъ прежъ сего въ Гишпаніи въ Өигасѣ на престолѣ стоялъ, а нынѣ за нѣсколько лѣтъ англичане и голландцы оный завоевали и сюды привезли.

Еще жъ есть удивительная машина въ Японіи дѣлана изъ ординарной трости, съ которыми и нынѣ ходимъ: оную умѣли такъ тонко и чисто щепать и плести шоколадный, кофейный и чайный сервизъ, а что во истину удивительно — числомъ оныхъ 60, а внутри лакованы краснымъ лакомъ, подобно порселеннымъ, и можно за порселеновые держать, понеже горячую воду сдерживаютъ и въ походахъ лучше ихъ быть не можно, для того что оные не ломки, хотя и уропятся, но безъ мѣры гибки, да къ нимъ же сдѣланъ футералъ подобіемъ байдоре. А снаружи онымъ же мастерствомъ покрыта. Благоволи мнѣ въ семъ повѣрить и вѣрно доношу, что равнаго сему сервису нѣсть у потентатовъ во всей Европѣ, и много охотниковъ къ сему сервису имѣлъ, а отдать не хотѣлъ.

Такожъ есть многихъ рукъ образы и фигуры и съ каменьями (шпекъ штейнъ) китайскія работы добрыя.

Такожъ есть равнаго мастерства вырѣзаны изъ сандала желтаго образы и всякія лица.

Еще жъ есть изъ слоновой кости всякія разныя штуки, да есть всякихъ рукъ самородный бисеръ и всякихъ цвѣтовъ.

Всякой морской мохъ чудныхъ фигуръ, подобіемъ древу посящему цвѣтъ и плодъ имѣющій, изъ Краснаго африканскаго моря.

Ящикъ малой со всякими разными удивительными съ зельями и съ сѣменами изъ дальнихъ странъ.

Еще жъ есть всякихъ птицъ яица, въ томъ числѣ птицы струса и казуаріа, и иныхъ многихъ крокодиловыхъ, змѣиныхъ и лѣсныхъ змѣевъ, и еще множество всякихъ звѣрей, которыхъ всѣхъ поименно написать за краткимъ временемъ не успѣлъ.

Надѣюсь, что его царскому пресвѣтлому величеству сіи мои куріоза весьма правны и угодны будутъ. Вѣрно доношу, что сіи штуки числомъ гораздо полнѣе докторовыхъ Рюйша, да Вицентова, которыя его царское величество благоволилъ во Амстердамѣ видѣть.

VI.

При вышеписанныхъ куріозахъ пошлю преизрядныя книги, въ которыхъ о всѣхъ сихъ вещахъ описано, а именно автора славнаго Алдрованда комплектное описаніе, Даіойстопа описаніе о звѣряхъ, Римефіуса о раковинахъ, Меріана о всякихъ ползущихъ и иныхъ гадинахъ. Изъ того числа многое число красками расцвѣчены, а иныя живописіемъ изъяснены и проч.

Изъ Амстердама, октября 4 дня 1715 года. Подписано Альбертусъ Себа.

—

VII.

а.

Проектъ о семинаріи въ Петербургѣ Θеофана Прокоповича, поданный Петру Великому въ 1721 году (Кабин. дѣла II, № 57, л: 1—5).

15 марта 1721 года, синодъ представлялъ Петру: «въ регламентѣ духовнаго собранія положено быть при царствующемъ Санктпитербурхѣ семинаріи, т. е. училищному отроческому дому, и ваше величество изволилъ объявить чрезъ своего кабинетнаго секретаря свое о начинаніи дѣла того благоволеніе и дворъ, на которомъ нынѣ вашего величества куншт-камора[1]) отдать на построеніе того дома намѣренъ. Того ради всепокорно о семъ ваше царское величество просимъ, дабы сіе лѣто безъ начатія строенія помянутаго дома не прошло и на ждивеніе того откуду денегъ требовать». При этомъ донесеніи было также приложено:

«Его царскому священнѣйшему величеству въ докладъ о семинаріи, т. е. о училищномъ домѣ отроческомъ.

1.

О мѣстѣ дома того.

Искалъ я, какъ могъ, прилежно въ лѣто сіе мѣста угоднаго къ построенію семинаріи, а показалися нижеименованныя мѣста: 1) Островецъ противъ Катерингофа на морѣ, если его всего не заливаетъ вода, ибо о томъ не могли мы совершенно увѣдати. 2) За аптекарскимъ огородомъ надъ Малою Невою. 3) Противъ загороднаго двора

[1]) Кунсткамера, до перевода ея на Васильевскій островъ, помѣщалась въ томъ домѣ любимца царевича Алексѣя, Александра Кикина, который стоялъ на берегу Невы близъ смольнаго двора, противъ Охтенскихъ слободъ и потомъ переданъ былъ конной гвардіи.

Петра Матвѣевича Апраксина на берегѣ полуденномъ оной рѣчки. 4) За монастыремъ невскимъ въ гору надъ Невою. 5) Еще далѣй надъ Невою, на томъ же берегѣ въ загородномъ дворѣ покойнаго царевича Алексія Петровича. 6) Надъ Невою же близь пороговъ по сю сторону на горѣ, зрящой къ Санктъ-Питербурху между Тосною и Погорами, и былъ бы тутъ хорошій плезиръ ѣдучимъ съ Санктпитербурха въ Слюсенбурхъ. 7) На горѣ за рѣчкою Лиговкою, противъ горѣлаго кабачка, толькожъ тутъ не можетъ быть обученіе водпаго плаванія. 8) Домъ бывшій Кикиновъ, гдѣ нынѣ кунстъ камера государева. И сіе, по моему разсужденію, паче прочихъ именованныхъ мѣстъ угодное, земля сухая, воздухъ кажется здравый, къ содержанію рыбы не трудно прудъ дѣлать; паипаче же того ради, что недалече отъ города, что мощно будетъ большому дому того надсмотрителю (кто онъ ни будетъ) часто и нечаянно приходить и осмотрѣть, какъ тамъ дѣется. Да и не малая часть каменнаго строенія, въ которомъ и на школу, и на библіотеку и на жилье мѣста довольно и изрядный залъ на школьныя публичныя акціи и самому государю его царскому величеству не трудно, когда похощетъ, прибыть, безъ остановки дѣлъ великихъ.

2.

О строеніи.

Если опредѣленъ будетъ именованный домъ, то по моему мнѣнію такъ бы расположить строеніе: отъ большой дороги церковь бокомъ къ дорогѣ, а алтаремъ къ востоку, и тако народъ входилъ бы въ церковь боковыми дверми отъ дороги, не входя въ самый домъ. Внутрь двора по обу сторону отъ востока и запада два ряда двойные келій объ одномъ жильи. Присовокупить бы и подворье троицкое сергіева монастыря, тутъ же сумежное, для запаснаго двора. Мало тамъ кто нынѣ бываетъ, и лучше бы подворію троицкому быть среди города. А съ другой стороны мѣсто доселѣ пустое, которое было покойнаго Воинова, присовокупить же для огорода нужднаго.

3.

О отроцѣхъ.

Совѣтъ мой есть не принимать отроковъ только десятолѣтныхъ или ниже, а не выше десяти лѣтъ, ибо таковаго возраста дѣти еще не вельми обучилися злоправію, и если обучилися, однакожъ не закрѣпили обычаемъ, и мощно таковыхъ не трудно отучить: такожъ

бунтовать и бѣжать прочь не могутъ еще. А большаго возраста, яко не весьма надежнаго, не принимать. Академіи великой и свободной дѣлать еще не совѣтую: когда Богъ благословитъ отроческій домъ сей, тогда отъ числа наученыхъ въ немъ являтся изрядные учители, которые возмогутъ и великую академію учить и управлять.

4.

О учителѣхъ.

Но каковыхъ ни есть, но изрядныхъ и свидѣтельствованныхъ учителей надобѣ, которыхъ призвать бы изъ академій иноземныхъ съ свидѣтельствомъ знатныхъ школьныхъ и гражданскихъ властей. И не надобѣ опасатися, дабы оные дѣтей нашихъ не совратили къ своей богословіи, ибо мощно имъ артикулами опредѣлить, чего оные учить будутъ должны, и надсматривать, не учатъ ли нѣчто нашему исповѣданію противное. А именно предавали бы они только ученія внѣшняя, языковъ, философіи, юриспруденціи, исторіи и проч., а не богословскихъ догматовъ, которыхъ учиться имѣютъ ученики отъ единовѣрныхъ себѣ учителей. И если не опасаются господа русскіе посылать дѣтей своихъ въ академіи иноземскія, гдѣ учители свободно свои мнѣнія предлагаютъ, то для чего бы опасаться у насъ, гдѣ они же артикулами и надсмотрѣніемъ аки связаны будутъ? Но къ начатію ученій мощно будетъ надѣятся и между нашими людми проискать.

5.

О прозваніи дому сего.

Аще неотложно благоволитъ царское величество быти дому сему (съ котораго премногой россійской пользы и его величеству славы надѣемся), то желаемъ и его величества милостиваго сонзволенія просимъ, да прозванъ будетъ домъ сей садъ Петровъ, или иноземскимъ наречіемъ Петеръ-гартенъ. Важныя вины таковаго прозванія: 1) великое поощреніе родителемъ, которые такъ честнымъ дому училищнаго прозваніемъ услаждаемы, дѣтей своихъ въ домъ тотъ съ радостью посылать возжелаютъ; 2) великое поощреніе и учащимся дѣтемъ будетъ, ибо учители онымъ будутъ внушать, дабы тщилися они достойни явитися столь честнаго и именитаго дому; 3) страхъ будетъ на бездѣльниковъ, всегда доброму дѣлу прекословящихъ и оное клеветущихъ, ибо самое сіе дому прозваніе заградитъ имъ уста; 4) обучившимся въ дому семъ ученицы имѣти будутъ, аки печать незабвенной должности своей, еже быти имъ вѣрнымъ къ го-

сударю и толикому отцу своему и всей его высокой фамиліи, и всегда памятать, что они собственно присвоенные суть его величеству подданные раби и сыны; 5) сіе же прозваніе будетъ и характиръ славы великаго фундатора и толикой любви его къ добру общему; 6) многіе же таковаго прозванія и образы имѣемъ: самое имя сіе академія (которымъ одинъ только домъ училищный въ Аѳинѣхъ прежде нарицался, а послѣ и прочія училища нарицатися обыкли) произошло, какъ сказуютъ, отъ фундатора именемъ Академа; подобнѣ и послѣ нѣкія училища наречены отъ своихъ фундаторовъ, яко же въ Римѣ семинаріумъ Салвіатумъ отъ Салвіата принца; въ Тигурѣ, градѣ гельвецкомъ, школа Каролина отъ Кароля Великаго; въ Готѣ, городѣ саксонскомъ, казиміріана отъ князя Казиміра; въ Оломунци, городѣ моравскомъ, семинарія фердинандова отъ Фердинанда, да и въ Кіевѣ нарицаются школы могилеанскія отъ Могилы митрополита. И обо всемъ томъ, какъ благоволитъ и укажетъ его царское величество. Его царскаго священнѣйшаго величества нижайшій рабъ и богомолецъ, смиренный Ѳеофанъ, епископъ псковскій.

б.

«Вѣдѣніе о торговлѣ россійской», составленное княземъ Иваномъ Щербатовымъ въ 1724 г. (см. выше стр. 247—248).

«Издревле россіяне или руссы имѣли торговлю въ славномъ городѣ Висби, когда оный въ своемъ процвѣтаніи былъ. Они тамъ имѣли свою слободу и улицы противъ другихъ народовъ; такожде свои анбары и свои лавки, власно какъ и права морскія и обычаи того города, которыя и всѣмъ другимъ народамъ общи были, и даже до проходу Жибралтара разширилися. Зри: Les iles et caut. de la mer, pag. 157; Hist. Olai Magni, l. 10 p. 16.; Herberstein, Mosc. pag. 118; Viaggi di Moscov. p. 48».

«Россіяне имѣли такожде торговлю свою со итальянцы, а паипаче съ женуезцами по случаю, когда они владѣли Крымомъ и Кафою. Зри Déscript. de l'Ukraine».

«Прежде, когда астраханское царство подъ области россійскія не подошло, городъ Астрахань содержалъ всю торговлю восточную. Зри. Histoire du commerce des anciens et modernes, c. 42, p. 236, а паипаче кореньями до открытія морскаго пути въ Восточную Индію, которыя приходили рѣками Индусомъ и Оксомъ въ Каспійское море, а оттуда Волгою въ Донъ и въ Черное море и въ Кафу, откуда венеціане и женуезцы во всю Европу развозили. Зри: Trésor politique p. 800; Histoire du comm. des anc. c. 48, p. 311».

«Съ западныя страны паибо́льшая происходила торговля чрезъ

Новгородъ, который былъ въ 1415 г. вольный городъ и въ союзѣ съ городами анзеатическими. Зри: Descrpt. M. Duc. Lithw.; въ ономъ же была одна изъ четырехъ главныхъ помянутыхъ союзныхъ городовъ контора. Зри: Les iles et les caut. de la mer, p. 158, 162, 163, 164; Scaliger, Exercit. ad Cordanum p. 259; Dlugess. Histor. Polon t. 1, p. 450; Chitrey, Saxoniæ chronic., Diction. Savary: Comptoir, Trésor polit. l. 3, p. 821. Оный же прежде 400 лѣтъ имѣлъ судъ, росправу собственную. Зри Joubeau, p. 17. Въ 1411 г., новгородцы оставили кунын носки, мордки и кожи, а начали торговать бѣлыми лапки и грошами литовскими, а другіе — нѣмецкими, зри Гисторія новгородская л. 457, а въ 1419 г. начали они торговать серебряными деньгами, а другія распродали они нѣмцамъ, тоже л: 467. Народы иностранные, которые въ немъ торговали: лифляндцы, литванцы, поляки, шведы, датчане, нѣмцы, голландцы, фламандцы, отчего оный зѣло богатъ. Зри: Olearius Beschreibung, p. 60. И знатно, что оные народы по разнымъ квартирамъ и улицамъ въ немъ живали, которыя ихъ именами слывали, понеже въ 1419 г. называется славенскій и проч. конецъ, а въ 1421 г. была во ономъ прусская улица. Зри Гисторія новгородская л: 442».

«Тожде чинилось и чрезъ городъ Псковъ, такожде вольный городъ».

«Торговля у Россіи съ Персіею и къ ней принадлежащими провинціями содержалась издавна, а происходила чрезъ Астрахань городъ, именно: 1) Провинція Богаръ или Бухаръ. Зри: Recueil des voyages de Theven p. 88, dans lequel Jenkinson en fait mention. 2) Адедбаісанъ или Хиндедбаісанъ, такожде провинція персидская, въ которой столичной городъ Табузъ; россіяне наибольшую торговлю имѣли квасцами и пастелемъ (?). Зри Broissiniere Dict. Theol. hist. 3) Шемаха. Зри: Avril voyage, p. 83, 86 sq., Histoire du comm. des anciens p. 362».

«Россія издавна такожде и въ Хину торговлю свою имѣетъ способомъ города Тобольска въ Сибири, гдѣ всѣ купцы, назначенные съ караваномъ, сбиралисъ. Зри Dict. geogr. Разные пути въ Хину имѣются, о чемъ зри: Voyage du p. Avril p. 103, 163, 174, 201, 208, Commerce des anciens p. 394, Theven, Recueil de voyages T. 1. p. 87 sq. 92, 98, Избрантово, Voyage de Brun p. 100».

«Съ сѣверныя страны торговля началась 1553 г., когда англичане открыли путь свой моремъ къ Архангельскому городу, отъ котораго времени оные всѣ изъ главнѣйшихъ своихъ магазиновъ сочинили, и содержали сію торговлю одни чрезъ нѣкоторое время. Но голландцы, улуча способъ, вселилисъ въ оную и, раздѣля оную малое время, привлекли ее потомъ всю къ себѣ, такъ что англичане почти ее всю оставили».

«О состояніи настоящія торговли. Городъ Архангельскъ безъ

прекословія долженъ имѣть первый рангъ передъ другими: наибо́льшая въ немъ торговля чинится во время ярмарки, которая бываетъ въ августѣ мѣсяцѣ. Голландцы, а паче амстердамцы посылаютъ обыкновенно по два флота въ годъ. Зри о семъ Savary Diction. p. 971 и 1000, art. Colle de poisson et port d'Archangel. Изъ онаго всякіе товары иностранные въ Москву и во все государство развозились. Зри тамъ же».

«Сверхъ г. Архангельскова, имѣются и другіе городы, на тѣхъ же берегахъ, торговые: Кола, Пригородъ (?), Печора, Вычегра, Варангеръ (?) въ Лапоніи, о которыхъ зри Sav. Dict.; такожде и Новая Земля, куда компанія англійская торгуетъ, о которой и о товарахъ, какіе оттуда англичане получаютъ, зри Rec. des voyages de la Comp. du Nord T. I, p. 37».

«Торговля россійская наибо́льшая всздѣ чинится изъ ярмарокъ. Иностранные наилучшую прибыль получаютъ, когда они товары свои частію на товары, а частію на деньги мѣняютъ; временемъ россіяне емлютъ и въ долгъ на годъ. Какими у города держутся рублями, гривнами, московками, зри Sav. Dict., article Moscosque».

«Пошлины иностранныя платятъ съ товаровъ по пяти, а съ отпускныхъ къ Москвѣ по десяти со ста, съ вѣсу которой... вѣшенъ бываетъ... Зри Savary, art. Poude. Народы иностранные, которые въ Руси торгуютъ, а именно: англичане суть первые, которые моремъ торговать начали, и хотя они чрезъ нѣкоторое время лишены ее были, но потомъ паки позволеніе получили, однако не могли торгу своего привести въ прежнее состояніе, зри Savary... principal. p. 971, 953, l'art. Archangel. Colle de poisson p. 1408, comp. angl. de Moscow».

«Голландцы чинятъ наибольшую торговлю въ Россіи, а паче отъ временъ запрещенія англичанамъ. Зри Sav. Dict art. Archangel p. 953, 971, art. Colle de poisson».

«Датчане. Имѣется въ сей землѣ сѣверная компанія, которая торгъ свой имѣетъ на берегахъ Лапоніи, куда оная ежегодно корабли свои посылаетъ. Временемъ датчане доходятъ чрезъ... даже и до..., гдѣ довольную прибыль имѣютъ. Оные же содержатъ корреспонденцію и магазины свои у города, зри Sav. Dict. Comp. Dan. du Nord».

«Французы, шведы, гамбургцы и бремцы имѣютъ свои корреспонденціи и магазины у города. Армяне и персаны торгуютъ съ другой стороны такожде. Зри Dict. Savary, p. 1008».

«Товары россійскіе, расходящіеся въ чужіе края, суть слѣдующіе: 1) Мѣха всякіе и кожи всякихъ рукъ, которые приходятъ изъ Лапоніи. Зри Sav. Dict. art... princ. p. 999 et art. Petit gris, Pelleterie, Souris de Mosc. 2) Пенька, которая добротою поставляется третья по италической и рижской. Sav. Dict. art. Chanvre, Cordage. Голландцы много ее отбираютъ. Зри ibid. p. 965. 3) Ленъ. Голландцы такожде его

много къ себѣ отвозятъ. Ibid. 4) Клей рыбій единственно почти изъ московской земли приходитъ; какъ его дѣлаютъ, зри Sav. Dict. art Colle de poisson. 5) Юфть русская, дѣланіе ея приписывается къ Россіи польской. Зри Dict. Sav., Cuir. Оной много расходится въ Мокку. въ Арабіи ко салтанскимъ турецкимъ кораблямъ. Зри тамъ же p. 1097, le Vaisseau. 6) Канаты и верви; дѣланные изъ пеньки кенигсбергской поставляются 20 на 100 лучше, нежели дѣланные изъ пеньки московской. Зри Sav. Dict. p. 1308, art. Cordage, Chanvre. 7) Поташъ. Зри Savary art. Potasse, селитра ibid. 8) Кость, зри Sav. Dict., Peigne, Dent. 9) Ревень въ Россіи водится. Sav. Dict. Reglisse; сассепарель id. 10) Сало говяжье, чего ради послѣднее предъ другими почитается: Sav. Dict., Suif. 11) Щетина свиная. Зри Sav. Dict. Soye de porc».

«Товары иностранные, которые привозятся, суть: 1) Золото и серебро въ монетахъ, какъ ефимки, такожде и монету мелкую.... Sav. Dict. p. 971 Marchandises. 2) Парчи шелковыя и шерстяныя. 3) Кожи бобровыя изъ Канады, а паче называемые обычайно бобры московскіе. Sav. p. 1279, art. Chamblé. 4) Всякой мелочной товаръ (Quinquaillerie). 5) Разные металлы, какъ то: мѣдь, олово, свинецъ. 6) Пушки и другое ружье и порохъ пушечный. 7) Зеліе всякое, какъ: ладонъ, сѣра, купоросъ, индиго, а паче приходящее изъ Агры — шафранъ, зри Sav. p. 1127, Jndigo. 8) Вина виноградныя и водки. 9) Масло деревянное и овощь сухой. 10) Коренья, а паче перецъ. 11) Дерево всякое ради крашенья, а паче ради дѣла юфти. 12) Галунъ и кружева всякія, такожде золото и серебро волоченое. 13) Рыба соленая разныхъ рукъ, которою надѣляется вся московская земля изъ Норвежіи. Между другою и селеди соленыя первой ловли. 14) Шелкъ, или паче изъ Персіи, зри о семъ Sav. art. Soie, или паче л. 1590, гдѣ увидится о намѣреніи, како оный торгъ весь въ руки привлечь и сколько было л: 1590».

—

VIII.

Переписка по поводу сочиненной кн. Дмитріемъ Кантемиромъ книги Системы магометанской религіи (каб. дѣла, II, № 57, л: 84—86).

Приговоръ святѣйшаго синода о напечатаніи историческаго дѣла, въ немъ же догматы уставы и преданія секты мухаметанскія описуются авторомъ высочайшимъ княземъ Кантемиромъ разсуждающаго.

Требовати надлежитъ отъ сіятельнѣйшаго автора, дабы на письмѣ намъ изъявилъ: вся ли и каждое по единому въ дѣлѣ его изображенная, яко извѣстная и твердая нетокмо отъ простолюдства, но и отъ избран-

нѣйшихъ Мухамеду послѣдующихъ содержатся и яко истинная исповѣданіемъ ихъ утверждаются? И откуду авторъ о сихъ извѣстися? Отъ писателей ли оныя секты или отъ христіанъ, и кто суть сіи, или оные, или обое поимянно? И аще таковое о свидѣтелѣхъ писаніе покажетъ авторъ, напечатается оное въ началѣ или въ концѣ дѣла.

Аще еже сіе быти не можетъ, требовати надлежитъ отъ автора, да поне засвидѣтельствуетъ писаніемъ, яко нѣкая въ своемъ дѣлѣ не отъ писателей коихъ либо, но отъ сказаній, у махомеданъ въ народѣ употребительнѣйшихъ, всѣмъ же знаемыхъ и пріятыхъ и отъ устъ многайшихъ мужей, въ сектѣ оной знаменитыхъ, пріялъ. И сіе его свидѣтельство, своеручно написанное или подписанное, въ началѣ или въ концѣ дѣла напечатано будетъ.

Сихъ же отъ автора святѣйшій синодъ требуетъ не всуе и не безъ важности, но двухъ ради важнѣйшихъ причинъ, отъ нихъ же первая есть, да не како мухамеданамъ, аще бы что отъ насъ о сектѣ ихъ разславлено было, аки пріятое отъ нихъ, обаче оное ниже предано имъ есть, ниже вѣруется ими, удобный подастся случай жалитися и порицати насъ, яко лживыхъ и безстыдныхъ клеветниковъ, купно же и вопити, яко мы въ недостатку причины и оскудѣніи явныхъ доводовъ, къ злохитрію уклонилися и, вымысливъ поруганія, супостатомъ досаждаемъ. Отчего будетъ, что болѣе въ нечестіи своемъ утвердятся и о безумнѣйшемъ своемъ суесловіи, аки о крѣпчайшей и непреподобдимѣйшей истинѣ, кичливѣе восторжествуютъ. Наше же званіе есть желати, просити и елико быти можетъ трудитися и пещися о спасеніи всѣхъ, кольми паче блюстися подобаетъ, да не подадимъ соблазнъ непреклонства невѣрнымъ.

Другая требованія причина есть, да не како насъ самихъ и христіанамъ искуснымъ во всякихъ вещѣхъ мужемъ, аки зѣло къ легковѣрству преклонныхъ, разсужденія же праздныхъ и посмѣянія достойныхъ и легкосердыхъ покажемъ, аще что печатнымъ тисненіемъ обнародствовати повелимъ, хотя о сектѣ по всему безумной и нечестивой, обаче оная отъ своихъ мнѣній то весьма чуждо и по клеветѣ себѣ отъ другихъ вымышлено быти изъявляетъ.

И понеже всѣ изъ типографіи нашей происходящія книги сіе знаменитое въ началѣ имутъ начертаніе, яко по повелѣнію императорскому напечатаны быти глаголются, всячески блюстися намъ подобаетъ, паче же и боятися, да не како сицевая сказанія печатая, яже не имутъ правильнаго свидѣтельства, отъ вѣры исторической далеко отстоятъ, поруганію же и посмѣянію въ мудрости наказанныхъ подлежатъ и самого августѣйшаго государя нашего священному имени безчестное оное наведемъ легкости шараваніе, ибо вмѣнится его величество вѣрити и удостовѣряти, яже по повелѣнію его напечатанна читатися будутъ.

VIII.

Сими убо благословными причинами подвигшися, святѣйшій синодъ обоя изъ вышереченныхъ сіятельнѣйшему автору предлагаетъ требованія, и да на оная отвѣтствіемъ довлесотворити писатель-князь не отягчиться, человѣколюбнѣйше проситъ. По повелѣнію св. синода подписалъ тогожъ синода совѣтникъ, школъ и типографіи протекторъ Гаврінлъ, архимандритъ ипатскій.

—

Отвѣтъ честнѣйшему о. архимандриту и прочая авторъ книжицы Система религіи мухамеданскія реченныя, о господѣ радоватися!

Требованія св. синода, приговоръ изъявляющая, подъ именемъ честности вашея мнѣ поданная, съ должнымъ принявъ почтеніемъ, прочиталъ и отвѣтствую.

На первое святѣйшаго синода требованіе предлагаю, что предреченное дѣло не требуетъ инаго свидѣтельства, понеже весь приведенный въ оной книжкѣ текстъ довольно и на многихъ мѣстѣхъ свидѣтельствуетъ, которыхъ религіи тое возслѣдователей доводами утверждается: токмо да повелитъ синодъ тщательнѣйшимъ просмотрѣти окомъ.

На второе требованіе отвѣщаю, что изъ той же книги св. синодъ полное имѣетъ довлесотвореніе, ибо понеже все дѣло мое есть изданіе, никоей же вижду належати нуждъ, чтобъ убѣждался я свои рукописанія повторительными утверждать рукописаніами. Аще же кто мухамеданскаго безумства поборникъ или всю книгу или нѣкія части ея ложны показати предвоспріиметъ, таковаго (Богу споспѣшествующу), обличити готовъ есмь, яко злохитрія всячески придержится. Чего ради никако же должно быти, разсуждаю, опасатися христіанъ, имущихъ искусство языковъ и обычаевъ восточныхъ, понеже и они свидѣтельствовати будутъ, яко таяжде, яже и мы изъявихомъ безумства ихъ, или въ книгахъ мухамеданскихъ чтоша, или отъ самихъ мухаменанъ слышаша; что же сами мухамеданской послѣдующіи религіи въ свое защищеніе вымыслити къ тому попудятся, нѣсть мое предугадывати.

На сіе же, будто не безъ опасенія и страху есть, да некако презпрателн книжицы сея подъ щитомъ имени всемилостивѣйшаго монарха нашего принятыя, нѣчто противное и хульное безумно рекли бъ, покорное предлагаю разсужденіе, что не подобаетъ требовати моего подписанія, но просити тогожде смотрѣливѣйшаго (providissimi) монарха повелѣнія и изволенія, иже мнѣ ни что же о томъ вѣдущу, надзпрателю типографіи г. Аврамову напечатать оную повелѣлъ. Напослѣдокъ глаголю, что я по повелѣнію сочинилъ то, что подлинно знати чрезъ двадесять два года експеріенціею пріобрѣтша себѣ не ище-

валъ. Напечатается ли же, или ни оное мое изданіе, какъ желанія моего не было, такъ и власти не имѣю. Честности вашей доброжелатель и слуга, авторъ Д. К.

—

IX.

Прошеніе господаря волоскаго безъ обозначенія года (Каб. дѣла I, № 54, л. 489 — 490).

Собственноручныя отмѣтки Петра Великаго.

Домъ и деревни нынѣ въ Харьковѣ даются, къ тому прінсканы будутъ болѣе.

1) Дабы ему, господарю, бояромъ и прочимъ офицеромъ опредѣлить мѣсто, гдѣ жить и дать ему, господарю, въ Москвѣ дворъ съ каменными полаты, другой загородной; и на пропитаніе дать бы вотчины въ добрыхъ мѣстѣхъ, и гдѣ его пребываніе будетъ, чтобъ былъ гарнизонъ россійскій.

2) чтобъ дѣла о какихъ ссорахъ его князя и фамиліи его были подъ судомъ его царскаго величества, а волоховъ бы ему судить самому.

3) Свободно бъ ему, князю, ѣздить къ Москвѣ и въ иные городы, также и посланнымъ его и сыновей своихъ послать для наукъ въ знатные городы и иныя христіанскія страны.

Свои вещи продать повольно, а пошлинъ и податей для образца другихъ снять нельзя.

4) Дабы онъ, князь, и прочіе вещи свои продавали безъ пошлинъ и которые ему, князю, дадутся граждане и крестьяне отъ всякихъ податей были уволены.

Награжденъ будетъ.

5) При семъ походѣ больше 10 тысячъ ефимковъ издержали, а данной казны царскаго величества болѣе шести сотъ рублевъ не осталось, того для проситъ о милости царскаго величества.

6) Быти бъ ему, князю, въ милости царскаго величества и титулъ свѣтлѣйшаго князя онъ и наслѣдники его да содержатъ; и если впредь волошское княжество будетъ подъ державою его царского величества, чтобъ кромѣ его самого и наслѣдника его иной никто не былъ допущенъ.

Опредѣлить изъ слободскихъ и иныхъ

7) Чтобъ народу волошскому, который нынѣ за вѣру христіанскую принужденъ оставить отечество и ѣдутъ въ

украйныхъ слободъ. государство россійское, которыхъ числомъ мужеска и женска полу больше 4000 душъ, опредѣлить на житье изъ какихъ слободъ или маетностей.

Воздано будетъ. 8) Савинъ банъ проситъ особливо за службы свои награжденія.

Отрывокъ изъ письма Дмитрія Кантемира, отъ 23 ноября 1719 года (Каб. дѣла II, № 41, л. 166–167).

Послѣ благодаренія за дозволеніе жениться:

«Философъ нѣкій арапинъ, вопрошенъ бывъ: отъ кого научился философіи, отвѣща, яко отъ слѣпыхъ. Паки же вопрошенный: но како отъ непмущихъ очесъ толь совершенную натуральныхъ вещей достигъ науку? Рече: яко слѣпыхъ подражая, николи же ступилъ погою, аще не прежде посохомъ дорогу искусилъ. Подобнымъ прикладомъ и азъ, вашего царскаго величества рабъ, сотворихъ, близъ шести лѣтъ въ списканіи таковыя натуральныхъ вещей науки слѣпотствуя. Таже Богу, яко мню, шествія моя управляющу, сему слѣпотствованія образу, за милостивѣйшимъ вашего царскаго величества позволеніемъ, конецъ положихъ, и изъ трехъ сіятельнаго князя Трубецкаго дщерей, сопзволяющимъ родителямъ и самой невѣстѣ, избрахъ рожденіемъ меньшую княжну Апастасію, съ нею же обыкновенный въ семъ государствѣ брачный сговоръ и твердое постановленіе первѣе приватно, получивъ же милостивѣйшее вашего царскаго величества на то позволеніе, и публично сотворихомъ. Остася убо теперь, да припадши къ высочайшему ногъ вашихъ подножію, всеприлежнѣйше просити начну, во еже мнѣ сею зимою, послѣ спасителева рождества, какъ возможно скорѣе (понуждаетъ бо послѣдующихъ и извѣстнѣйшихъ испытанія желаніе) и въ анатомическую поступити школу, ученія же и тщанія моего желанный конецъ получити. Тѣмъ же, императоре, государю и покровителю всемилостивѣйшій, аще и ничто же заслужившаго, но вѣрнаго раба вашего смиренное не благоволи презрити прошеніе. Рцы и будетъ—повели и созиждуся. И елико доселѣ высочайшее вашего царскаго величества милосердіе по своей си натурѣ на мя, убогаго, изліялося, да и впредь возставленіе дому моего непреодолѣнную въ благодѣтельствованіи же и къ самымъ врагомъ своимъ неутрудимую десницу отъ мене подъ монаршеское вашего царскаго величества защищеніе благополучно улучившаго, да не отъимеши. Азъ же, сопзволившу Богу, по первозимнему сему пути ко отданію всенижайшаго моего высочайшему вашего царскаго величества подножію поклона всѣми потщуся силами, пребывая, да въ вѣрности моей послѣднюю крови моей излію каплю. Богъ же да соблюдетъ ваше царское величество въ защищеніе и расширеніе отечества здрава въ

неисчетные лѣты. Вашего царскаго величества государя и покровителя всемилостивѣйшаго всенижайшій рабъ Дмитрій Кантемиръ.

Прошеніе сыновей кн. Дмитрія Кантемира, представленное послѣднимъ Петру Великому (Кабин. дѣла м. ин. дѣлъ II кн. № 55, л. 2).

Державнѣйшій и всемилостивѣйшій царь государь! Понеже прежде бывый у насъ, нижайшихъ вашего царскаго величества рабовъ, учитель іерей Анастасій Кондоиди, который училъ насъ еллино-греческаго, латинскаго и италіанскаго языковъ, высочайшимъ вашего царскаго величества изволеніемъ и повелѣніемъ взятъ во службу вашего царскаго величества, мы чрезъ четыре уже мѣсяца безъ всякаго ученія пребываемъ; инаго же означенныхъ языковъ совершенно искуснаго имѣть не можемъ. И тако онаго лишенны суще, припадаемъ къ высочайшимъ вашего царскаго величества стопамъ и всепокорно просимъ, дабы (аще возможно есть) милостивѣйше соизволилъ повелѣть на нашъ пароль отдать іерея Либерія Колетіа, который по указу вашего царскаго величества въ Соловецкій монастырь сосланъ, понеже онъ вышереченныхъ языковъ предовольно искусенъ [1]). И когда либо ваше царское величество отъ насъ его востребовать изволитъ, мы всегда готовы его поставить. Вашего царскаго величества, государя нашего всемилостивѣйшаго всенижайшіе рабы Матѳѣй Кантемиръ. Константинъ Кантемиръ. Сербанъ Кантемиръ. Антіохъ Кантемиръ. 1721 года, во 17 день февраля.

Прошеніе отъ имени Антіоха Кантемира (Кабин. дѣла, II, № 58, л. 232).

Державнѣйшій и всемилостивѣйшій царь государь! По отлученіи отсюду брата моего во услуги вашего царскаго величества, вѣрно доношу, что я отъ всѣхъ государства сего начальниковъ въ вѣчной имѣюся ненависти, чего ради никаяжде мнѣ остася надежда у опыхъ каковымъ либо получити чинъ или достоинство къ довольствованію въ жизни потребныхъ паки воспріяти, отъ которыя ихъ ненависти и презрѣнія нынѣ въ крайнюю я пришелъ нищету. Того ради припадаю къ ногамъ величества вашего монаршескія, всенижайше прося милости, да благоволитъ мнѣ нѣчто на повседневную мнѣ пищу въ милостину подати, а я допели же живъ буду, обязуюся величеству вашему во всемъ елико могу служить со всякою вѣрностію. Вашего царскаго величества всенижайшій рабъ Антіохъ Кантемиръ, вмѣсто котораго, по его прошенію, руку приложилъ Дмитрій Кантемиръ. 1721 года февраля 17 дня.

[1]) Этотъ Либерій Колетій былъ замѣшанъ въ дѣлѣ о побѣгѣ царевича Алексѣя Петровича за границу, ср. Исторію Петра Великаго, г. Устрялова; прилож. къ VI тому, стр. 456.

Прошенія Дмитрія Кантемира къ Петру Великому(Кабинет. дѣла II, № 58, л. 234, 365—366, 582—583).

Державнѣйшій и всемилостивѣйшій царь, государь! Благоволи на ниже писанный меморіалъ милостивѣйше призрѣти, и императорскую учинити резолюцію:

1.

Десятый уже идетъ годъ, отнели же подъ монаршескою велічества вашего протекціею, безъ всякой дознанной службы, безполезно жизнь провождаю: чего ради тяжчайшее въ мысль приходитъ сумнѣніе, что или я весьма за недостойнаго, или за невѣрнаго имѣюся. Буде за недостойнаго—повели мнѣ, яко недостойному и въ республикѣ не потребному, приватное впредь имѣть житіе, которое ни мнѣ прискорбно, ни другимъ зависно будетъ. Буде же за невѣрнаго счисляюся—не токмо приватнаго житія, но и единаго дохновенія недостойна мене быти самъ признаю и осуждаю.

2.

Счастлива фортуна г. генерала Кантакузина (который прежнимъ провинціи своея достоинствомъ не мнѣ, но моимъ чиновнымъ равенъ былъ) — за десятолѣтнюю уже службу по достоинству и высшаго чина не трудно надѣятися можно. А я доселѣ ни за достойнаго, ни за непотребнаго вмѣненъ и безъ всякой дознанной службы будучи, чего надѣятися впредь или чего отчаяватися могу—незнаю, токмо то предусмотряю, что дѣти мои по мнѣ не ино что наслѣдить имѣютъ, развѣ мое непотребство.

3.

Братъ мой рожденіемъ большій и племянники иные во Царѣ-градѣ, иные въ Молдавіи, крайнюю страждуще скудость, едва повсядневную имѣютъ пищу, и то за мою причину, что вѣрность величеству вашему соблюлъ непорочную. О которомъ (братѣ моемъ) прошедшаго году я покорнѣйше просилъ, но никакова отвѣтствія не получилъ. Того ради, по приказу его, паки съ покорностью прошу.

4.

Загороднова двора, о котораго дачѣ тремя именными указами правительст. сенату повелѣно, еще недано.

5.

При Санктъпитербурхѣ мызы, лѣсу и сѣнокосныхъ луговъ не имѣю; и того ради все покупаю за деньги, а домъ содержу по примѣру прежняго моего достоинства и по титулу князя отъ велічества вашего милостивѣйше даннаму и, по вся дни въ деньгахъ оскудѣвая, не мало задолжился.

6.

Учитель, котораго я со мною привезъ изъ Молдавіи для ученія

дѣтей моихъ греческаго, латинскаго и италіанскаго языка, нынѣ по указу величества вашего взятъ въ духовную коллегію. И понеже инаго въ сихъ языкахъ искуснаго обрѣсти невозможно, ниже я силу имѣю послать дѣтей моихъ въ европскія страны, (то) они съ немалою моею и своею утратою время погубляютъ.

7.

Во время похода вашего величества въ Молдавію (кромѣ тѣхъ, которые куплены за готовые изъ казны величества вашего деньги), я далъ коммиссарамъ больше 10,000 воловъ и больше 15,000 овецъ, да 10,000 талеровъ, на которые хлѣбъ въ Буджакѣ, по указу величества вашего, я купилъ, но турки отняли, за которые (хотя въ данныхъ мнѣ величества вашего пунктахъ о награжденіи сими словами подтверждено есть: за утрату, учиненную въ семъ походѣ, награжденіе будетъ впредь) въ настоящемъ времени ничего не требую, кромѣ малыя нѣкія величества вашего милости, дабы могъ я бѣдному моему помощи брату и двухъ сыновъ моихъ въ европскія страны для ученія послать. Вашего царскаго величества всенижайшій рабъ Дмитрій Кантеміръ 1721 года, февраля дня.

Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій! Вѣстно есть величеству вашему, что амбиція, взыскующая почестей и достоинства единыя тщетныя и недолжныя славы, всячески гнусна есть; хвальна же, которая съ достоинствомъ купно и къ публичной взираетъ пользѣ, чрезъ вѣрныя и похвалы достойныя, государю своему и государству показанныя службы взыскуется и пріобрѣтается. Которою правостію я подвиженъ сущи, къ ногамъ священнѣйшаго величества вашего припадши, всепокорно прошу, дабы на кратчайшія мои супликаціи милостивѣйшимъ благоволилъ призрѣти окомъ.

Въ службу величества вашего, не яко бѣглецъ или злосчастіемъ изверженъ, названный по манифестамъ величества вашего, ради общія христіанства пользы, съ доброхотнымъ и доброизвольнымъ пришелъ сердцемъ. Чего ради, оставя отечество и отечественное владѣтельство, братію же и сродниковъ, въ тяжчайшія бѣдства купно съ дѣтьми моими вдатися не усумнѣлся и, еже человѣкомъ паче всего желаемо есть, султанскія чести (о которыхъ аще реку, что между христіанскими князи, оной имперіи подлежащими, первенство имѣли, не посрамлюся) для величества вашего презрѣлъ и ни во что вмѣнилъ; въ настоящая же и имущая быти бѣдства веселымъ вдатися сердцемъ готовъ былъ.

Будучи въ Константинополѣ вѣрность, которую обѣщалъ превосходительнѣйшему г. Петру Андреевичу Толстому не нарушилъ, въ чемъ мнѣ Богъ самъ и его превосходительство свидѣтель есть. А какъ прибылъ въ Молдавію, прежде и послѣ пришествія величества вашего въ нашу

землю, ту жь ли соблюлъ вѣрность—тебе, государя моего и императора моего, судію и свидѣтеля поставляю.

Въ ономъ величества вашего походѣ и въ самой подъ Прутомъ акціи, перомъ и мечемъ сотруждаяся, словомъ и дѣломъ служилъ и войску величества вашего способствовалъ, елико могъ усерднѣйше, паче же и животъ мой готовъ былъ положити, аще бы воля величества вашего и счастіе мое допустило.

Потомъ Богу такъ устроившу, по отшествіи оттуду величества вашего, а моемъ въ сіе священное государство прибытіи, близь десяти лѣтъ, аще и праздепъ былъ, обаче не яко не хотѣлъ, но яко не имѣлъ повелѣнія, однако жъ яко о томъ всегда жалѣлъ—самъ величество ваше и моя совѣсть свидѣтель быти можетъ.

Памятствую, всемилостивѣйшій государь, многократное величества вашего повелѣніе, дабы я въ дверп милосердія вашего смѣлѣйшею толкалъ рукою, и аще бы чего желалъ, величества вашего высочайшая милость николп же отказала бы; по лютость временъ и воинскія упражненія, а наппаче мое недостоинство, всегда мнѣ молчаніе палагали. Егда же по высокому своему изволенію которую службу мнѣ опредѣлити изволилъ еси, абіе съ веселымъ пріяхъ и пріемлю сердцемъ. Пожалованнымъ есмь доволенъ, о исполненіи же обѣщанныхъ не отчаяваюся, понеже знаю, что слова императорскія тующде силу имѣютъ, что и дѣла, хотя и остается въ неравенствѣ временъ желанное дѣла исполненіе.

Жилъ доселѣ безъ выраженнаго кондиціи моея степени, ибо безъ различія и того ради ниже высшій за досаду себѣ имѣти, ниже нисшій пресумовати можаше. Нынѣ же, всемилостивѣйшій государю, понеже изволяеши каждому подданныхъ своихъ кондиціи его степени назначати и жестоко повелѣвати, да оныя безъ поврежденія чести свято соблюдаемы будутъ и комуждо свое да воздается. По титулу тайнаго совѣтника (который въ табелѣ классовъ рангу генералъ-маіора равняется) крайнюю мнѣ обиду быти явственно есть. Чего ради всепокорнѣйше прошу величество ваше, аще не перваго, то хотя втораго класса степень мнѣ опредѣлити да соизволиши. Аще ли же и сего недостоинъ покажуся величеству вашему, да благоволитъ величество ваше тяжчайшія мнѣ впредь наложити дѣла. Можетъ быть, Богу помоществующу, оныя благополучно исполнивъ безъ глубокой (аще жизнь мнѣ продолжится) старости предъ пріятелями и непріятелями величества вашего достойнѣйшій явлюся. Вашего величества государя всемилостивѣйшаго всенижайшій рабъ Дмитрій Кантемиръ. 1721 г., сентября дня.

Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій императоръ и самодержецъ всероссійскій, Петръ Великій, отецъ отечествія, государь всемилости-

вѣйшій! Въ чемъ, и сколько и отъ котораго времени безъ всякаго вѣрности нарушенія я служилъ вашему императорскому величеству, не имѣю что говорить, понеже оное все вашему императорскому величеству больше извѣстно, нежели чтобъ я изчислять хотѣлъ.

Того ради то токмо въ высочайшую величества вашего дерзаю привести память, что не мои заслуги, но ваша императорская сама отъ себе произвела щедрота. Многократно мнѣ повелѣно было, чтобъ я отъ императорскаго величества вашего просилъ, чего хочу, благонадежно, а ваше величество что праведно и возможно вамъ есть, не откажетъ. Но понеже мятежныя доселѣ времена больше молчать принуждали; нынѣшній благополучнѣйшій покой такія смиреннѣйшія велитъ произнести словеса: большаго богатства отъ тебе, всемилостивѣйшій и въ своемъ словѣ постояннѣйшій императоре, не ищу, понеже елико имѣю тѣмъ и доволенъ есмь, обаче ищу того, чего твоя императорскаго правота (о которой всегда прилежаніе имѣешь) и постоянство (котораго николи же запамятствуешь) требуетъ. Благоволи убо, всемилостивѣвшій государю, на нижеизъявленное покорнѣйшее мое призрѣть прошеніе.

Мултянскій князь Брашованъ въ бывшую акцію, обѣщавъ токмо вѣрность (однакожъ не показалъ оной), получилъ отъ вашего императорскаго величества милость и честь кавалера ордна св. ап. Андрея. А я, рабъ вашъ, данную вѣру свято соблюлъ, подвигомъ добрымъ подвизался, и теченіе совершилъ и все елико могъ вѣрно (чему ваше императорское величество могу очевиднаго имѣть свидѣтеля) исполнилъ. Чего убо воспрошу отъ тебе, праведнѣйшій судіа и всемилостивѣйшій государю? Воспрошу чего самая твоя правда потребуетъ, то есть вѣроломнаго онаго талантъ, дабы мнѣ вѣрному рабу пожаловать соизволилъ.

Буде же и теперь еще недостоинъ являюся, всепокорно прошу, дабы таковую повелѣлъ опредѣлить мнѣ службу, которой дѣйство моглобъ нѣкогда такую жъ честь заслужить. Также въ генеральномъ ранговъ постановленіи, въ которомъ классѣ и послѣ которой персоны мѣсто мое знать имѣю, дабы о томъ всемилостивѣйшимъ вашего императорскаго величества указомъ въ сенатѣ объявлено было. И по оному объявленію, дабы милостивѣйше повелѣлъ дать свой императорскій патентъ. В. и. в. всенижайшій рабъ Дмитрій Кантемиръ. 1722 г. января дня.

Письмо Дмитрія Кантеміра къ кабинетъ секретарю Макарову изъ Дмитріевскаго 23 іюля 1723 г. (Каб. дѣла II, № 63, л: 14).

Государь мой Алексѣй Васильевичъ! О слабости здоровья моего, которая день отъ дня прибавляется, а не умаляется, не распростра-

пяю, понеже вижу, что къ кончинѣ ближе идетъ, нежели къ уздравленію; имѣю же крайнюю въ деньгахъ нужду, такъ что буде милостивый творецъ хотя малую подастъ крѣпость, то и въ путь отправиться нечѣмъ, а ежели кончина живота приспѣетъ, то похоронится нечѣмъ будетъ. Того ради прошу, дабы по своей ко мнѣ благодѣтельской любви въ выдачѣ на сей годъ опредѣленнаго мнѣ жалованья пріятственное показалъ пособіе. По истинѣ имѣю крайнюю нужду, и въ самыхъ домовныхъ потребахъ исправиться нечѣмъ, и здѣсь, хотя въ деревняхъ за слабостью здоровья живучи, все за деньги покупаемъ. Повторно прошу неоставить сего моего прошенія, за что, аще живъ буду, всеусердно готовъ отслужить. Въ чемъ на пріятственную вашу любовь уповая, остаюся высокородія вашего всегдашній и доброжелательный слуга Дмитрій Кантемиръ.

Письмо къ Екатеринѣ I семейства Дмитрія Кантемира о кончинѣ его (Каб. дѣла II, № 63, л. 15—16.)

Всемилостивѣйшая императрица государыня! Какъ всякое наше благополучіе почерпаемъ отъ неоскуднаго величества вашего милости источника, такъ и въ злоключеніяхъ, бѣдствахъ же и печалѣхъ не иное имѣемъ прибѣжище, токмо величество ваше. Прекратя многословіе, всесмиреннѣйше припадаемъ къ ногамъ величества вашего, едина—горькое вдовство, другіе же—бѣдное сиротство всемилостивѣйшей государынѣ изъявляюще, ибо сего августа 21 дня по полудни вѣрный величества вашего рабъ, мой сожитель, а нашъ отецъ—князь Димитрій Кантемиръ, по долговременной своей и многотрудной болѣзни (будучи въ сѣвскихъ деревняхъ), временнаго житія теченіе скончавъ, на вѣчное преселился. Того ради, слезно просимъ величество ваше, да не отриновенны будемъ отъ высочайшія величества вашего милости и да не въ конецъ въ сей горести погибнемъ. О погребеніи жъ тѣла его, которое на сихъ же дняхъ въ Москву повеземъ, всенижайше просимъ доложить императорскому величеству и, какое его величества на то соизволеніе будетъ, милостивѣйше указомъ опредѣлить. Величества вашего всенижайшіе рабы

Матвѣй Кантемиръ.
Константинъ Кантемиръ.
Сербашъ Кантемиръ.
Антіохъ Кантемиръ.
Княгиня Настасья Кантемирова.
Княжна Марія Кантемирова.
Княжна Смарагда Кантемирова.

Въ Дмитревскомъ, августа 22 дня 1723 г.

Собственноручное прошеніе Антіоха Кантемира къ Петру Великому (Каб. дѣла II, № 69, л. 453).

Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій императоръ и самодержецъ всероссійскій, Петръ Великій, отецъ отечества, государь всемилостивѣйшій!

1.

Крайнее желаніе имѣю учитися, а склонность въ себѣ усмотряю чрезъ латинской языкъ списками науки, а именно знаніе исторіи древнія и новыя, географію, юрспруденцію и что къ стату политическому надлежитъ. Имѣю паки и къ математическимъ наукамъ не малую охоту, также между дѣломъ и къ минятурѣ.

2.

Но понеже вышепомянутыя науки, какъ рачительнѣе списки ваются, такъ и удобнѣе пріобрѣтаются въ знаменитыхъ окрестныхъ государствъ академіяхъ, требуется и нѣколикольтному тамъ пребыванію и денежное иждивеніе, а сиротство мое и крайній въ деньгахъ недостатокъ безъ всякаго моего изъясненія сами собою вашему императорскому величеству довольно вѣдомы суть.

Того ради всеподданнѣйше прошу, да повелитъ высокодержавство ваше мене, нижайшаго, для пріобрѣтенія вышепомянутыхъ наукъ отпустить въ окрестныя государства и для моего сиротства, по монаршескому своему великодушію, хотя малое что на тамошнее иждивеніе милостивѣйше пожаловать. Вашего императорскаго величества всенижайшій рабъ К. Антіохъ Кантемиръ. Подана 25 мая, 1724 года.

ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	Читай:
Стран. 11	Соникова	Сопикова
» 16	neusten	neuesten
» 44	Vuolhouse	Wuolhouse
» 45	denckwürdiger	denckwürdiger
» 65	officirirs	officirers
» 95	нынѣйшей	нынѣшней
» 130	Биркамъ	Биркамъ
» 164	поручиться.	поручиться,
» 169	излайный	изланный
» 179	непонятнымъ	непонятными
» 190	1797 г.	1697 г.
» 195	отправляетъ	отправляютъ
» 251	удивляли	удивляла
» »	Busching's	Büsching's
» 273	Лѣва:	Слѣва:
» 276	одержаль	одержалъ
» 316	густинской	густынской
» 337	достоинство	достоинство.
» 348	Ежемѣсячнаго	Ежемѣсячныя
» 396	православный	православный
» 491	представительницъ	представительницы
» 495	долженъ	должно
» 497	бытъ	былъ
» 519	государь почтою,	государь, почтою
» 521	ро-	про-
» 528	величеству	величеству

УЧЕБНИКЪ КОСМИЧЕСКОЙ ФИЗИКИ.

Д-РА МЮЛЛЕРА.

Перев. съ нѣмецк., изданный подъ ред. **К. ЛЬВИНА.**

Со множествомъ политипажей и отдѣльнымъ хромолитографическимъ атласомъ, состоящимъ изъ 29 таблицъ.

Ц. **5** р., съ пересылкой **5** р. **50** коп. сер.

ГЕОЛОГИЧЕСКІЯ КАРТИНЫ.

БЕРНГАРДА КОТТЫ. Переводъ **П. ПУЗЫРЕВСКАГО.**

Цѣна **1** р. **50** к., съ перес. **2** р. с.

ТЕОРІЯ ТЕПЛОТЫ, ИЗЪ ФИЗИКИ ДАГЕНА (DAGUIN).

Переведена подъ редакціею Академика **ЭМ. ЛЕНЦА.**

Съ многр. полит.— Цѣна **3** р. **50** к., съ перес. **4** р.

УЧЕНІЕ О ЗВУКѢ, ИЗЪ ФИЗИКИ ДАГЕНА (DAGUIN).

Переведена подъ редакціею. **Д. А. АВЕРКІЕВА.**

Съ политипажами.—Цѣна **1** р. **75** к., съ перес. **2** р. сер.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ НАСѢКОМЫХЪ ИЛИ ЭНТОМОЛОГІЯ.

ВЪ 2-ХЪ ЧАСТЯХЪ.

Соч. **Н. УШАКОВА.**

Цѣна **2** р., съ перес. **2** р. **50** к. с.

ИСТОРІЯ ГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (Поэзія).

Соч. **МУНКА.** Переводъ съ нѣмецкаго.

Цѣна **2** р., съ перес. **2** р. **50** к. с.

О ВНѢШНИХЪ ЧУВСТВАХЪ.

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею **БАЛАНДИНА.**

Цѣна **1** р. **50** коп., съ перес. **1** р. **75** к. сер.

СТРАНСТВОВАНІЯ ПО ЛУГОВЫМЪ СТЕПЯМЪ И ВѢКОВЫМЪ ЛѢСАМЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ.

Разсказъ капитана **ФР. МАРРІЕТТА,** переводъ **К. ФОРСЕЛЯ.**

Ц. **75** к. сер., съ перес. **1** р.

Библіотека политическихъ и политико-экономическихъ вопросовъ.

ОБЗОРЪ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ ИТАЛІИ.

Съ двумя большими листами карты Сѣверной Италіи.

Цѣна **2** р., съ пересыл. **2** р. **50** к. с.

ОБЩЕПОНЯТНАЯ АСТРОНОМІЯ.

Соч. **ФРАНСУА АРАГО**, переведенная **М. ХОТИНСКИМЪ**.
(Съ 360-ю картинами, чертежами и рисунками.)

Цѣна за 4 тома **12** руб.; на пересылку за десять фунтовъ.

ИЗЛОЖЕНІЕ СИСТЕМЫ МІРА.

Сочиненіе **ЛАПЛАСА**, переводъ **М. ХОТИНСКАГО**.

Двѣ части.

Цѣна **3** руб. **50** к., съ перес. **4** р. **25** к. сер.

ГРОМЪ И МОЛНІЯ.

Соч. **Ф. АРАГО**, переводъ **М. ХОТИНСКАГО**.

Цѣна **1** руб. **60** к., съ перес. **2** руб.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА О ПАРОВЫХЪ МАШИНАХЪ.

Соч. **Ф. АРАГО**. Пер. **М. ХОТИНСКИМЪ**.

Цѣна **1** р. **50** к., съ пересылкою **1** р. **75** к.

Эта книга отличается достоинствами, характеризующими всѣ произведенія Араго, этого великаго ученаго и писателя.

ИСТОРІЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА.

Сочиненіе Генералъ-Маіора **М. И. БОГДАНОВИЧА**. Изданіе 2-е.

Цѣна за 3 тома **10** руб., за перес. по разсч. за 10 ф.

БІОГРАФІИ ЗНАМЕНИТЫХЪ АСТРОНОМОВЪ, ФИЗИКОВЪ И ГЕОМЕТРОВЪ.

Соч. **Ф. АРАГО**. Перев. **Д. ПЕРЕВОЩИКОВА**.

ТОМЪ I-Й.

Двадцать девять біографій главныхъ астрономовъ. Бальи, Кондорсе, Карно, Гаспаръ Монжъ, Жозефъ Фурье.

Цѣна **2** р. **50** к., съ перес. **3** р. сер.

ТОМЪ II-Й.

Малюсъ, Томасъ Юнгъ, Френель, Гэ-Люссакъ, О старой Политехнической Школѣ, Александръ Вольта,—Амперъ.

Надгробныя рѣчи: 1) Деламбръ. 2) Кювье. 3) Гашеттъ. 4) Дюлонгъ. 5) Прони. 6) Пюиссанъ. 7) Буваръ. 8) Гамбей.

Ц. **1** р. **50** к., съ пер. **2** р.

ТОМЪ III-Й.

Біографіи: 1) Пуассона. 2) Джемса Уатта.
Молодость **Ф. АРАГО** (автобіографія).
Обозрѣніе сочиненій и открытій **Ф. АРАГО**.

Цѣна **1** руб. **50** к. с., съ перес. **1** руб. **75** к. с.

О КРЕДИТѢ И БАНКАХЪ.

Соч. **КОКЛЕНА**. Переводъ подъ реакціею **К. ВИСКОВАТОВА**.

Цѣна **2** р., съ пер. **2** р. **25** к.

2007041898